Чезаре Ломброзо

ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК

МИДГАРД

2005

От человека преступного к человеку гениальному

> Во всем, что представляется действительно новым в области эксперимента, наибольший вред приносит логика; так называемый здравый смысл — самый страшный враг великих истин.
>
> *Ч. Ломброзо*

«Он был прирожденным коллекционером и азартно предавался этому занятию, пренебрегая, впрочем, систематизацией накопленного. Куда бы он ни шел, с кем бы ни общался, в каких бы научных дискуссиях ни участвовал, в городах и в деревнях, в тюрьмах и за границей — всюду он собирал и изучал то, чем не интересовались другие, и таким образом накопил немало диковинок, истинная ценность которых была неясна даже ему самому; однако все они в его сознании так или иначе связывались с уже проделанными или грядущими изысканиями. Ему присылали черепа, мозги, скелеты, фотографии преступников, безумцев и эпилептиков и образчики их работ, а также графики и схемы, наглядно представлявшие криминальное развитие Европы»[1]. Так, по описанию Джины Ферреро, складывалась «материальная основа» криминальной антропологии — науки, основоположником и главным теоретиком которой стал отец Дж. Ферреро, профессор судебной медицины Туринского университета Чезаре Ломброзо.

Ч. Ломброзо (1835–1909) вошел в историю прежде всего как автор теории о биологической предрасположенности ряда людей к совершению преступлений. Опираясь на богатый фактический материал (долгое время Ломброзо занимал пост директора психиатрической клиники в Пезаро и по долгу службы часто общался с преступниками, которых привозили на освидетельствование), он одним из первых в криминологической практике стал применять метод антропометрических измерений: согласно Ломброзо, по внешнему виду человека — форме лица, разрезу глаз, форме носа и проч. — с достаточной степенью уверенности можно определить, обладает ли этот человек преступными наклонностями. На основе выделенных признаков возможно, как полагал Ломброзо, не только выявить «пре-

[1] Ferrero Gina. Il mio padre Cesare Lombroso. Roma, 1921.

ступный элемент» общества в целом, но и различать между собой типы преступников, как-то: убийцы, воры, насильники и другие.

Эта теория была враждебно встречена как большинством криминалистов, опиравшихся в своей деятельности на систему права, восходящую к античности, так и биологами и антропологами, усмотревшими в ней покушение «профана-криминалиста» на систему знаний в областях науки, ему недоступных вследствие недостатка «профильного» образования. Особенно резкой критике теорию Ломброзо подвергли представители французской социологической школы (Г. Тард, Г. Лебон, С. Сигеле и др.), разработавшие основы учения о психологии масс. Так, Г. Тард осыпал Ломброзо упреками и насмешками — при этом зачастую не приводя доказательств в подтверждение своей точки зрения. Как писала известная отечественная исследовательница П. Н. Тарновская: «Прекрасно владея даром слова, Тард столь же блестящ и остроумен в своих нападках на антропометрию, на законы наследственного вырождения и проч., сколь и малодоказателен. Он не стесняясь отрицает биологическую теорию Дарвина вообще, теорию наследственности в частности, оспаривает признаки вырождения, передаваемые потомству болезненным восходящим поколением, и, поднимая на смех многие данные, выработанные экспериментальным путем, не противопоставляет ни одного личного опыта или наблюдения всему тому, что он старается опровергнуть. Аргументации своей, чисто метафизической, он придает абсолютное значение непреложных доказательств и считает, что ловких ораторских приемов совершенно достаточно, чтобы произнести приговор над теми малыми еще, но положительными данными, которыми располагает в настоящее время антропология, достигнув их весьма медленно, путем громадных и продолжительных трудов многих исследователей»[1].

Отношение Тарда к теоретическим построениям Ломброзо весьма показательно для общего восприятия работ итальянского ученого научным сообществом той эпохи: уделяя чрезмерное внимание крайностям, в которые время от времени впадал автор учения о преступном человеке (биологический детерминизм, вульгарный дарвинизм), опровержение этих крайностей распространяли на теорию в целом, отказывались замечать в ней рациональное зерно, то есть, как говорится, вместе с водой выплескивали и ребенка. Тем не менее постепенно биосоциальная теория преступности приобрела популярность и довольно продолжительное время использовалась в западной криминалистике и криминологии, особенно в американской, причем, естественно, переосмыслялась и углублялась — достаточно вспомнить работы У. Хили, У. Таккера или концепцию Г. Годдарда о преступнике как слабоумном индивиде из неблагополучной семьи. «Наследием» Ломброзо была и возникшая в первой трети XX столетия теория уголовной психодинамики, по которой преступник в своих действиях руководствуется исключительно эмоциями.

Во многом негативное отношение к теории Ломброзо объяснялось тем, что в ней усматривали развитие «умствований» френологов и физиономистов — представителей двух направлений, господствовавших в судебной медицине и психологии в XVIII — первой половине XIX столетия. Физиогномика утверждала, что мотивы поведения людей можно установить по чертам их лиц. Основатель этого направления И. К. Лаватер (1741—1801) полагал, что «прирожденных» преступников выдают бегающие глазки, вялые подбородки и «высокомерно задранные»

---

[1] *Тарновская П. Н.* Об органах чувств у преступниц и проституток. СПб., 1894.

носы. Что касается френологов, среди которых наиболее известны Ф. Й. Галль (1758–1828) и его ученик Й. К. Шпурцхейм (1776–1832), они выводили свойства человеческой личности, ее творческий потенциал и наклонности из строения черепа. «Шишки» определенной формы указывали на те или иные качества (например, агрессивность) и «манифестировали высшие проявления человеческой природы», такие как нравственность и религиозность. У преступников, как полагали адепты френологии, «низшие» качества превалировали над «высшими». Разумеется, в работах Ломброзо можно обнаружить влияние обоих направлений, прежде всего френологии (на Галля, «первого настоящего криминалиста», он неоднократно прямо ссылается), однако это влияние — та самая крайность, за которой не рассмотрели пионерского значения трудов Ломброзо, признаваемых сегодня «первыми ласточками» научной криминологии. Опираясь на теорию Ломброзо, гарвардский антрополог Э. Хутон в 1930-е годы разработал криминалистический метод, получивший название метода типажа тел. Десятилетием позже другой американский антрополог У. Шелдон выдвинул теорию соматотипов и составил на ее основе так называемый «индекс преступности», позволявший по антропометрическим признакам судить, требуется ли тому или иному трудному подростку пристальное внимание правоохранительных органов; теория Шелдона заложила криминалистические основы профилактики преступлений.

Любопытно, что сам Ломброзо не видел в теории преступного человека практической ценности; на одном научном диспуте он заявил: «Я тружусь не ради того, чтобы дать своим исследованиям прикладное применение в области юриспруденции; в качестве ученого я служу науке только ради науки». Тем не менее предложенное им понятие «преступного человека» вошло в обиход и, в известной степени, продолжает бытовать по сей день.

Кроме собственно криминалистики, Ломброзо обращался и к исследованиям в смежных областях. Большой общественный резонанс в свое время вызвала публикация его работы «Гениальность и помешательство», в которой обосновывалась теория невропатичности гениальных людей и проводилась неожиданная параллель между гениальностью и нарушением психического здоровья индивида. Сам автор полагал, что эта работа — ключ к пониманию «таинственной сущности гения», а также — тех религиозных маний, которые на протяжении человеческой истории не раз вызывали общественные катаклизмы. Эта психопатологическая теория гениальности, несмотря на ряд содержавшихся в ней произвольных допущений, была подхвачена впоследствии, прежде всего, видным немецким психиатром Э. Кречмером, который, в частности, писал: «Если из конституции гения удалить психопатическое начало, он становится всего лишь ординарным способным человеком».

Разумеется, Ломброзо был далеко не первым, кто подмечал сходство между гениальностью и помешательством. Еще Платон говорил об этом сходстве; так, в диалоге «Ион» он вкладывал в уста Сократа такие слова: «Все хорошие эпические поэты слагают свои прекрасные поэмы не благодаря искусству, а лишь в состоянии вдохновения и одержимости». Аристотель же в свойственной этому великому философу афористичной манере резюмировал: «Не бывает великого ума без примеси безумства». Впрочем, специальных исследований на тему гениальности и помешательства не было ни у древних, ни в Средние века; первые фундаментальные работы, посвященные сугубо проблеме соотношения творчества и психических нару-

шений, появились только в начале XIX века. Предтечей Ломброзо в известном смысле был Артур Шопенгауэр (1788—1860), утверждавший, что «гений заключается в ненормальном избытке интеллекта». По Шопенгауэру, «замеченное сродство гения с безумием главным образом основывается именно на свойственном гению, но неестественном отрешении интеллекта от воли». Первым же исследователем, применившим к проблеме гениальности естественно-научный подход, стал французский врач Моро де Тур (1804—1884); он писал: «Гений, как и всякое состояние умственного динамизма, должен иметь свою органическую основу. Эта основа есть полупатологическое состояние мозга... Определяя гений словом “невроз”, мы только выражаем факт чистой физиологии и подчиняем органическим законам психологическое явление, которое почему-то всегда считали чуждым этому закону».

Как и в случае с криминальной антропологией, Ломброзо привнес в проблему гениальности достаточно спорных утверждений, многие из которых впоследствии были опровергнуты. Однако, по меткому замечанию отечественного исследователя А. В. Шувалова[1], «Ломброзо можно причислить, несмотря на все доставшиеся на его долю нарекания, к тем исследователям, которые оплодотворяют науку даже своими заблуждениями. Вся последующая литература по данному вопросу вольно или невольно группировалась в зависимости от своего отношения к основному тезису Ломброзо. И в каждой группе было достаточно самых авторитетных представителей». Среди тех, кто опирался на постулаты Ломброзо, были Фридрих Ницше и Зигмунд Фрейд, Карл-Густав Юнг, Эуген Блейлер и уже упоминавшийся Эрнст Кречмер.

Вопрос о том, что же такое гениальность, по сей день остается неразрешенным. Одни исследователи полагают, что существует некая внутренняя связь между гениальным творчеством и психопатологическими расстройствами и что патологическая составляющая оказывает катализирующее действие на творческий процесс. Другие считают, что гениальные произведения не могут создаваться благодаря психической ненормальности, что гений представляет собой с биологической точки зрения наиболее совершенный тип человека и болезнь, если она имеется, — не причина, а следствие гениального творчества. И во многом, несмотря на ореол некоторой одиозности, окружающий имя итальянского ученого, сама постановка «проблемы гениальности» в значительной степени обязана Чезаре Ломброзо.

С позиций современного знания многие положения и выводы Ломброзо — будь то криминальная антропология, социология или психология — представляются наивными и даже смешными. Его работы изобилуют весьма спорными рассуждениями, временами почтенный профессор судебной медицины высказывает откровенно расистские идеи и отстаивает шовинистические взгляды. Но все же труды Чезаре Ломброзо — не только и не столько документ эпохи «торжества позитивизма». Богатейший фактографический материал, неожиданная для итальянца, поистине немецкая дотошность и скрупулезность в систематизации данных, наконец, масштабность исследований — благодаря всему этому работы Ломброзо до сих пор актуальны.

Константин Ковешников

---

[1] *Шувалов А. В.* Взаимоотношения гениального творчества с нарушениями психики. (Готовится к публикации.)

Чезаре Ломброзо

ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Перевод с итальянского Г. И. Гордона

I. ЭТИОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Глава 1

Метеорические и климатические влияния. — Времена года. — Месяцы. — Высокие температуры

Всякое преступление имеет в происхождении своем множество причин, и так как причины эти очень часто сливаются одна с другой, то нам нет надобности рассматривать их каждую в отдельности. Мы можем поступить здесь точно так же, как во всех тех случаях, когда нам невозможно выделить одну какую-нибудь причину известных явлений без того, чтобы не затронуть вместе с тем и другие. Каждый знает, что холера, тиф, туберкулез обусловливаются особыми специфическими причинами, но никто не станет, однако, утверждать, что метеорические, гигиенические, индивидуальные и психические причины не имеют никакого влияния на эти болезни. Даже самые ученые наблюдатели остаются иной раз в неведении относительно истинных, специфических причин тех или других явлений.

1. Крайние температуры. Самыми важными причинами всякого биологического явления считаются метеорические, и между ними на первом плане стоит теплота. Так, например, *drosera rotundifolia*, погруженная в воду 43°, сгибается и становится более чувствительной к действию азотистых веществ (*Darurie*, *насекомоядные растения*), но при очень высокой температуре в 54°4′ она не сгибается, щупальца ее как бы парализуются и остаются таковыми до тех пор, пока *drosera* не будет снова погружена в более холодную воду.

Статистика и физиология человека доказывают, что большинство наших отправлений находится в зависимости от теплоты. Понятно отсюда, каково должно быть влияние крайних степеней ее на психику человека.

История не может указать ни на одну такую тропическую страну, где народ не был бы порабощен в рабство и где чрезмерная теплота не была бы причиной перепродукции, сказывающейся, прежде всего, в неправильном распределении богатств, а затем политической и общественной власти.

В жарком климате народ играет обыкновенно ничтожную роль в общественной жизни своей страны: он не располагает ни правом контроля, ни правом вмешательства в дела управления*.

Бокль объясняет это меньшей сопротивляемостью и стойкостью жителя тропических стран в борьбе за свое существование благодаря его меньшей потребности в топливе, одежде и пище. В силу таких более легких условий существования человек неминуемо становится бездеятельным, инертным. Инертность его и вялость, вызванные чрезмерной теплотой, благоприятствуют физической неподвижности, покойному, созерцательному настроению духа, особому развитию силы воображения, а отсюда — религиозному и деспотическому фанатизму и нравственной испорченности.

В холодных странах жизненная стойкость человека значительно больше благодаря той деятельности, которую он должен развить для того, чтобы добыть себе пищу, одежду и топливо. Но зато здесь сильный холод делает воображение ленивым, а ум — более спокойным, и человек, пополняя недостаток тепла огромным количеством углеводов, заключающихся в его пище, расходует свои силы в ущерб частной и общественной деятельности. В силу этого и благодаря депрессивному влиянию, оказываемому холодом непосредственно на нервные центры, и объясняется замечательное спокойствие и кротость характера жителей полярных стран. Доктор Ринк описывает некоторые эскимосские племена до того миролюбивые, что на их языке нет даже слов для выражения брани и ругательств: самой большой реакцией на обиду и оскорбления является у них молчание. Лари наблюдал солдат, которых морозы и снега России сделали слабыми и даже трусливыми, между тем как ни опасности, ни полученные раны, ни голод не могли поколебать их мужества.

Бове свидетельствует, что у племени чиуки, живущих под 80° северной широты, совершенно неизвестны ссоры, насилия и преступления.

Прейер, неустрашимый полярный исследователь, рассказывает, что воля его была парализована, чувства притуплены, а речь затруднена, когда он находился под 80° северной широты.

2. Влияние умеренной температуры. Умеренная теплота оказывает наибольшее влияние на происхождение преступлений. Факт этот подтверждается наблюдениями над психологией жителей южных стран и доказывает их непостоянство и преобладание одной личности над обществом и целым государством. Объясняется это, несомненно, с одной стороны, тем, что теплота возбуждает подобно алкоголю нервные центры, не делая, однако, человека инертным, а с другой — она уменьшает его нужды путем увеличения производительности земли и ограничения его потребности в пище, одежде и спиртных напитках. На пармском наречии у простонародья солнце недаром называется *отцом плохо одетых*.

Доде, написавший целый роман («Нума Руместан») с целью изобразить огромное влияние южного климата на наши нравственные наклонности,

говорит: «Южанин не любит спиртных напитков; он чувствует себя пьяным от рождения: солнце и воздух есть для него страшный естественный алкоголь, силу которого испытывает на себе всякий, кто родился под южным небом. У одних действие его сказывается только некоторой развязностью речи и жестов, излишней смелостью, наклонностью видеть все в розовом свете и некоторой лживостью; у других оно выражается настоящим безумием, нередко доходящим до полного ослепления. Какой южанин не чувствовал в себе мгновенного упадка сил и крайнего изнеможения после припадка гнева или энтузиазма?»

Нерри Танфучио замечает, что непостоянство есть одна из отличительных черт характера всякого южного народа. «Их, — говорит он о южанах, — можно было бы принять за наивных людей, но на самом деле они большей частью ловкие плуты; они в одно и то же время трудолюбивы и ленивы, умеренны и невоздержанны; в общем, характер их, разумеется в простом народе, представляется до того разнообразным и изменчивым, что определить его точно невозможно».

«Климат способствует потере стыдливости».

«Южане плодовиты; их нисколько не смущает мысль о будущности их детей».

«Лаццароне ворует только тогда, когда при этом не нужно бежать; он хвастлив и врет в девяти из десяти случаев. Во время ссоры он жестикулирует и кричит, чтобы прогнать свой собственный страх; пускать руки в ход он не любит, но раз дело доходит до этого, он становится ужасным».

«Южанин ревнив и бьет жену, если сомневается в ее верности, он независим и потому не любит больниц и иных убежищ.

Имея работу, он исполняет ее хорошо. Он очень привязан к своей семье, довольствуется малым и ведет трезвый образ жизни».

«Лаццарони* по природе своей хитры, трусливы и лживы; вся жизнь их есть ряд мелких обманов и попрошайств. Из-за ничтожной подачки они готовы лизать ваши ноги, не чувствуя при этом никакого унижения.

Они очень суеверны: при встрече с горбатым или слепым они произносят особые заклинания. Все их мысли сводятся к дьяволу, колдовству, *iettatura*[1], к чести, ножу, воровству, нарядам и... каморре*.

Простой народ боится и в то же время уважает ее, зная, что она защищает его и что от нее он может ожидать нечто, похожее на справедливость».

3. Преступления и времена года. Отсюда понятно, какое огромное влияние оказывает теплота на многие преступления. По статистике Герри оказывается, что в Англии и во Франции убийства и изнасилования преобладают в жаркие месяцы. К таким же результатам относительно Италии пришел и Курчо. По его исследованиям:

[1] Сглаз, порча (*ит.*).

Из 100 случаев изнасилования		Приходится В Англии (1834–1856)	Во Франции (1829–1860)	В Италии (1869)
На	январь	5,25	5,29	26 в общ.
»	февраль	7,39	5,67	22
»	март	7,75	6,39	16
»	апрель	9,21	8,98	28
»	май	9,24	10,91	29
»	июнь	10,75	12,88	29
»	июль	10,46	12,95	37
»	август	10,52	11,52	35
»	сентябрь	10,29	8,77	29
»	октябрь	8,18	6,71	14
»	ноябрь	5,91	5,16	12
»	декабрь	3,08	4,97	15

По исследованиям Герри и Курчо максимум убийств в Англии и Италии наблюдается в течение жарких месяцев и распределяются они следующим образом:

			В Англии	В Италии
В	июле	месяце	1043	307
»	июне	»	1071	301
»	августе	»	928	343
»	мае	»	842	288
»	феврале	»	701	254
»	марте	»	681	273
»	декабре	»	605	237

Отравления, по наблюдениям Герри, преобладают в мае. То же самое можно сказать и о политических преступлениях. Рассматривая в своей «Политической преступности» 836 восстаний, имевших место на всем земном шаре с 1791 по 1880 год, я пришел к заключению, что максимум их в Азии и Африке всегда наблюдался в июле (13 из 53).

Что касается Европы, то в ней наибольшее их число приходится также на июль, а в Америке — на январь, каковые месяцы считаются здесь и там самыми теплыми, минимум же восстаний наблюдается в январе и декабре в Европе и в мае и июне в Америке, то есть в наиболее холодные месяцы.

Если мы теперь обратимся, в частности, к отдельным народам Европы, то убедимся, что более всего политических преступлений приходится у каждого из них на наиболее теплые месяцы. Так, в Италии, Испании, Португалии и Франции первое место в этом отношении занимает июль, в Герма-

нии, Турции, Англии и Шотландии — август, в Греции, Ирландии, Швеции, Норвегии и Дании — март, в Швейцарии — январь, в Бельгии и Нидерландах — сентябрь, в России и Польше — апрель и, наконец, в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии — май. Отсюда видно, что влияние теплых месяцев особенно резко сказывается именно в южных странах.

4. Времена года. Собрав данные о политических преступлениях в Европе в течение 100 лет, мы находим, что по временам года они распределяются следующим образом:

	Испания	Италия	Португалия	Европейская Турция	Греция	Франция	Бельгия и Нидерланды	Швейцария	Босния, Герцеговина, Сербия и Болгария	Ирландия	Англия и Шотландия	Германия	Австро-Венгрия	Швеция, Норвегия и Дания	Польша	Европейская Россия
Весна	23	27	7	9	16	16	7	6	7	6	5	7	3	4	6	3
Лето	38	29	12	11	7	20	8	5	3	3	9	11	6	2	1	0
Осень	18	14	4	5	3	15	6	3	1	3	5	4	7	2	2	2
Зима	20	18	6	3	3	10	2	10	4	3	4	3	2	2	1	1

Отсюда видно, что у 9 народов, а между ними особенно у южных, первое место в этом отношении занимает лето. У 4 других, преимущественно северных, — весна. В одной стране (Австро-Венгрия) первенство принадлежит осени, а в другой (Швейцария) — зиме. За исключением двух случаев, весной всегда бывает больше политических преступлений, чем осенью. Кроме того, мы находим, что в 5 случаях, главным образом в странах наиболее теплых, зима превосходила осень по числу политических преступлений, в 8 случаях — уступала ей и в 3 — была равна.

Что касается Америки, особенно Южной, то, принимая во внимание, что здесь январь соответствует нашему июлю, а февраль — августу (см. выше), мы найдем следующие цифры:

	Америка	Европа
Весна	76	142
Лето	92	167
Осень	54	94
Зима	61	92

Итак, мы видим, что в обоих полушариях лето занимает первое место по числу политических преступлений; весна, как и относительно обыкновенных преступлений, всегда превосходит осень и зиму, вероятно благодаря

своей теплоте и уменьшению количества пищевых средств. Осень и зима, напротив, мало отличаются в этом отношении друг от друга: так, в Америке зима превосходит осень на 7, а в Европе меньше ее на 2 подобных преступления.

Что касается других преступлений, то, по исследованиям Герри, перевес и здесь также замечается на стороне лета и весны, как это видно из следующих цифр:

Преступления против личности

	В Англии	Во Франции
Зимой	17,72	15,93
Весной	26,20	26
Летом	31,70	37,31
Осенью	24,38	20,60

Бенуастон де Шатенеф отмечает наибольшее число дуэлей в армии в течение лета.

Я доказал то же самое относительно гениальных творений.

5. Теплые годы. Ферри на основании французской уголовной статистики за период с 1825 по 1878 год приходит к заключению, что между теплотой и преступлениями наблюдается известная параллельность не только по месяцам, но и по годам.

Влияние температуры в период с 1825 по 1848 год нам кажется даже более резко выраженным и постоянным, чем влияние земледельческой производительности. С1848 года, если не считать несколько тяжелых земледельческих и политических кризисов, замечается время от времени совпадение между колебанием температуры и преступлениями, особенно в отношении предумышленных и случайных убийств, как это наблюдалось в следующие годы: 1826, 1829, 1831–1832, 1833, 1842–1843, 1844–1845, 1846, 1858, 1865 и 1867–1868. Подобное же совпадение, но в более резкой и очевидной степени имеет место в отношении изнасилований и преступлений против чести, которые более точно следуют за годовыми температурными колебаниями. Так,

Число	убийств	с	470	в	1830 г.	возр.	до	520	в	1832 г.,	а темп.	подн.	с	31°	до	35°
»	»	»	435	»	1848 »	»	»	560	»	1850 »	»	»	»	31°	»	33°
»	изнасилов.	с	380	»	1848 »	»	»	640	»	1852 »	»	»	»	31°	»	35°
» »	»		350	»	1871 »	»	»	850	»	1874 »	»	»	»	31,5°	»	38,5°

Что касается преступлений против собственности, то по частоте их первое место занимает зима; например, кражи и подлоги наблюдаются преимущественно в январе, хотя прочие времена года немногим отличаются от нее.

Здесь метеорическое влияние очень сильно: потребности увеличиваются, между тем как средства к удовлетворению их уменьшаются.

6. Календари преступников. Лакассань, Шоссино и Мори составили на основании статистических данных по каждому преступлению в отдельности настоящие календари преступников по образцу тех, которые существуют для флоры у ботаников.

Оказывается, что среди преступлений против личности детоубийство занимает первое место в январе, феврале, марте и апреле (647, 750, 783, 662); это соответствует, с одной стороны, большему числу рождений, которые имеют место весной, уменьшаясь в мае, и особенно в июне и в июле, и опять увеличиваясь в ноябре и декабре (время карнавала); а с другой — увеличению числа незаконных рождений (1100, 1131, 1095, 1134) и выкидышей.

Случайные убийства и причинение повреждений достигают своего максимума в июле (716); отцеубийства, напротив, встречаются чаще всего в январе и октябре.

В течение июня влияние температуры на число растлений детей сказывается с наибольшей силой; за ним следуют май, июль и август (2671, 2175, 2459, 2238); минимум наблюдается в декабре (993) и несколько больше в остальные холодные месяцы. Ежемесячная средняя достигает 1684. Изнасилования взрослых имеют другое колебание: их максимум приходится на июль (1078), а минимум — на ноябрь (534); они учащаются в декабре и январе (584) (благодаря — как я думаю — карнавалу), остаются на неподвижной точке в феврале (616) и снова поднимаются в марте и мае (904). Месячная средняя цифра их достигает 698.

Увечья имеют неправильное движение, так как они мало зависят от климата. Число их нарастает в феврале (937), падает в последующие месяцы (840–467), опять поднимается в мае (983) и июне (958), уменьшается в июле (919), а в августе и сентябре увеличивается (997 и 993), чтобы вновь уменьшиться в ноябре и декабре (886).

В преступлениях против собственности не замечается таких резких колебаний, хотя и среди них существует разница более чем в 3000 между декабрем и январем (16 879 и 16 396), и вообще в холодные месяцы, и падение в апреле (13 491) и теплые месяцы. Очевидно, здесь все зависит не от прямого влияния холода, а от увеличения потребностей зимой и от уменьшения возможности удовлетворять их, благодаря чему учащаются случаи воровства. (Месячная средняя их 14 630.)

Теперь займемся любопытными выводами Мори, сделанными на основании ежемесячных наблюдений Герри.

В марте абсолютное первое место занимают детоубийства. На 10 тысяч преступлений приходится 1193 случая. За ними следуют: изнасилования — 1115, подмена детей — 1019 и похищение несовершеннолетних —1054. Третье место занимают письменные угрозы — 997.

В мае первое место занимает бродяжничество — 1257; за ним идут: изнасилования и преступления против чести — 1150, отравления — 1144 и растление несовершеннолетних — 1106. Последняя категория преступления с 35-го места, какое оно занимает в марте, поднимается внезапно благодаря майской теплоте до 4-го; в апреле оно занимает уже 10-е, но в июне оно снова поднимается до 2-го места, выражаясь цифрой 1303.

В июне первое место по частоте занимает аналогичное преступление, именно изнасилование взрослых — 1313; третье место принадлежит отцеубийству — 1151, а четвертое — выкидышам — 1080.

В июле растление детей становится наиболее частым преступлением, поднимаясь до 1330; следующие за ним по частоте преступления: похищение детей — 1118, причинение повреждений родным — 1100 и преступления против женской чести — 1093.

В августе преступления полового характера отходят на третий план и уступают свое место деревенским поджогам. Конечно, причиной последних является не температура, а случай, именно оконченный сбор посевов, благоприятствующий приведению в исполнение различных планов мести. Но высокая температура этого месяца не остается, как справедливо замечает Мори, совершенно без влияния на преступления подобного характера, и, вероятно, ею объясняется тот факт, что ложные свидетельства уступают по частоте подкупу малолетних.

В сентябре животные страсти успокаиваются и покушения на невинность детей занимают 15-е место, а на целомудрие женщин — даже 25-е место в ряду других преступлений. Зато кражи и злоупотребления чужим доверием становятся на 4-е место.

Лихоимство и склонение к разврату в сентябре и октябре превалируют над другими преступлениями, что объясняется обычными в это время платежами и сведением счетов.

Многочисленные подмены детей соответствуют огромному числу рождений.

С октября до января наиболее часты предумышленные убийства, отцеубийства и разбои благодаря пустынности дорог и длинным ночам.

В ноябре опять учащаются подлоги и преступления против нравственности.

В январе чаще всего встречаются сбыт фальшивых монет и кражи в церквах, чему, вероятно, способствует постоянная пасмурная погода.

В феврале опять начинают преобладать детоубийства и подмена детей, каковые преступления находятся в связи с возрастанием числа беременностей.

Преступления против нравственности занимают в октябре 28-е, а покушения на целомудрие женщин — 29-е место, в ноябре они опускаются до 24-го и 26-го места.

Мне кажется, невозможно более сомневаться во влиянии теплого климата на преступления, совершаемые под влиянием страсти. За это говорят, с одной стороны, изученные мной статистические данные пяти италья-

ских тюрем[1], сообщенные мне г-ном Кардоном, а с другой — пятилетние наблюдения д-ра Вирлио над заключенными в тюрьме в Аверзе. Я пришел к заключению, что наказания за разного рода насилия значительно чаще встречаются в теплые месяцы, а именно:

В	мае	их	было	346
»	июне	»	»	522
»	июле	»	»	503
»	августе	»	»	433
»	сентябре	»	»	500
»	октябре	»	»	368
»	ноябре	»	»	364
»	декабре	»	»	352
»	январе	»	»	362
»	феврале	»	»	361

Такие же результаты получаются и в лечебницах для душевнобольных, если принять во внимание острые припадки (Италия):

			1867 г.	1868 г.
Максимум	в	сентябре	460	191
»	»	июне	452	207
»	»	июле	451	294
Минимум	»	ноябре	206	206
»	»	феврале	205	121
»	»	декабре	245	87
»	»	январе	222	139

7. Влияние чрезмерно высоких температур. Что касается чрезмерно высокой температуры, то влияние ее, особенно в соединении с влажностью воздуха, не особенно значительно. Действительно, Корр наблюдал, что преступления против личности среди креолов в Гваделупе остаются на минимальных цифрах при поднятии температуры до максимума и, наоборот, очень часты при понижении температуры.

Мы имеем здесь, стало быть, дело с явлением обратного характера, наблюдаемым также при влиянии очень высоких температур на политические преступления: благодаря чрезмерной влажной теплоте последние уменьшаются, в то время как под влиянием незначительного холода — напротив, учащаются.

В холодное время года среди креолов наблюдалось 53 преступления против собственности, а в теплое — 71 преступление против личности и 51 — против собственности.

[1] Анконы, Алессандрии, Оменьи, Генуи и Милана. Преступления, за которые было осуждено большинство заключенных, были: тяжкое неповиновение, поборы и насилия над лицами. — *Здесь и далее примеч. ред. к первому изданию.*

Относительно преступлений против личности Корр отмечает в июне наибольшую цифру, а в январе — наименьшую.

8. Другие метеорические влияния. Директора тюрем подметили то общее явление, что заключенные обнаруживают обыкновенно наибольшее возбуждение перед наступлением гроз и в период первой четверти луны. У меня лично нет достаточных данных, чтобы судить об этом. Но ввиду того, что душевнобольные, которые во многом сходны с преступниками, очень чувствительны к температурным и барометрическим колебаниям и фазам луны, очень возможно, что это свойственно также и преступникам.

Однако одно обстоятельство убедило меня, что, помимо метеорических влияний, преступления зависят еще и от известных органических условий, а именно: следя в течение многих лет изо дня в день за количеством преступников, заключенных в тюрьмы Турина, я подметил, что в одни и те же дни поступает всегда довольно много — до 10—15 лиц, страдающих грыжами или же асимметриями органов, блондинов или брюнетов, нередко происходящих даже из различных стран. Явление это правильно наблюдалось постоянно в одни и те же дни недели, в течение которой температура оставалась вообще более или менее одинаковой.

Экономические и политические условия последнего времени совершенно ослабили и отодвинули на задний план влияния метеорические. Так, во Франции с каждым годом все уменьшается связь между средней теплотой и политическими преступлениями, которая так ясно выступала в прежние времена. В силу этого же в северных странах, в которых преступления составляли некогда большую редкость, они начали чаще наблюдаться в течение последних лет, несмотря на то что климатические условия их нисколько не изменились. Однако при всем том нельзя, конечно, совершенно отрицать здесь значение и метеорических влияний.

9. Преступления в теплых странах. Термический фактор имеет преобладающее, но не исключительное влияние на географическое распределение уголовных и политических преступлений.

В южных областях Франции и Италии наблюдается больше преступлений против личности, чем в северных и центральных. К этому мы еще вернемся, говоря о каморре и морском разбое. Герри доказал, что во Франции преступления против личности вдвое чаще на юге (4,9), чем на севере (2,7) и в центре (2,8). Зато преступления против собственности чаще на севере (4,9), чем на юге и в центре (2,3). Так, на 100 тысяч жителей приходится:

	Раскрытия преступления	Убийства квалифиц. и простые грабежи с убийствами	Квалифицированные кражи
В Северной Италии	746	7,22	143,4
В Центральной	862	15,24	174,2
В Южной	1094	31,00	143,3
На островах	1141	30,50	195,9

В Северной Италии, в Лигурии, исключительно благодаря ее более мягкому климату сравнительно с прочими областями, наблюдается большее число преступлений против личности.

Максимум раскрытых в 1875–1884 годах преступлений дал Лацио, а после него острова; минимум же наблюдался на севере, причем цифры их, приходившиеся на каждые 100 тысяч жителей, суть следующие: в Пьемонте — 512, в Ломбардии — 689, в Калабрии — 1287, в Сардинии — 1293 и, наконец, в Лацио — 1537. Наибольшее число убийств наблюдается исключительно на юге и на островах.

Хольцендорф полагает, что число убийств в южных штатах Северной Америки в 15 раз превосходит количество их в северных. Равным образом и в Северной Англии приходится 1 убийство на 66 тысяч жителей, а в Южной от 1 до 4 на 6 тысяч. В Техасе, по словам Редфилда, в течение 15 лет было 7000 убийств на 818 тысяч населения.

Исследуя распределение простых и квалифицированных убийств в Европе, мы находим наибольшее число их в Италии и других южных странах, а наименьшее — в северных государствах, как, например, в Англии, Дании, Германии. То же самое следует сказать и о распределении политических преступлений во всей Европе. Мы убеждаемся, что число этого рода преступлений растет по мере того, как мы от севера приближаемся к югу, сообразно тому, как нарастает постепенно температура. Так, например, в Греции приходится 95 политических преступлений на 10 миллионов населения — то есть максимум, в России — 0,8, то есть минимум. Наименьшие цифры наблюдаются вообще в северных странах: в Англии и Шотландии, Германии, Польше, Швеции, Норвегии и Дании; наибольшие в южных — в Португалии, Испании, Европейской Турции, Южной и Средней Италии, и средние — в центральных областях.

Подводя итоги нашим цифрам, мы находим, что

В Северной Европе	приход.	около	12	полит.	прест.	на	10	миллионов	жителей
В Средней Европе	»	»	25	»	»	»	»	»	»
В Южной Европе	»	»	56	»	»	»	»	»	»

Рассматривая отдельно Италию, мы видим, что в северной части ее приходится 27 политических преступлений на 10 миллионов жителей, в средней — 32 и в южной — 33 (17 из этого числа приходится на острова Сардинию, Корсику и Сицилию).

Подтверждение только что сказанному об уголовных и политических преступлениях мы находим в «Статистике преступности в Италии за 10 лет», опубликованной Бодио, и в «Статистике преступлений в Испании за 1884 г.», обнародованной испанским министром юстиции (Мадрид, 1885).

Распределяя число преступлений по градусам широты и определяя отношение их к количеству населения, мы получим:

Градусы широты				Испания[1] На 100 тысяч жителей Число совершенных преступлений Сопротивление полиции	Испания[1] Число совершенных преступлений Возмущение против лиц	Италия[2] Число раскрытых преступлений Сопротивление властям	Италия[2] Число раскрытых преступлений Убийства
Между	36°	и 37°	около	14	74,3	–	–
»	37°	» 38°	»	12	112,1	36,7	39,9
»	38°	» 39°	»	9	58,5	42,0	32,8
»	39°	» 40°	»	8	48,4	30,6	30,0
»	40°	» 41°	»	11[3]	72,4	37,8[4]	31,9
»	41°	» 42°	»	9[5]	39,7	36,8[6]	28,7
»	42°	» 43°	»	6	31,2	32,7	20,9
»	43°	» 44°	»	5	29,7	18,7	14,1
»	44°	» 45°	»	–	–	19,8	9,2
»	45°	» 46°	»	–	–	19,2	5,8
»	46°	» 47°	»	–	–	16,2	5,8[7]

По этой таблице очевидно влияние климата. Оно изменяется только в зависимости от столиц[2, 4] и больших городов[3, 4].

С другой стороны, в Испании квалифицированные кражи наблюдаются в такой же пропорции в северных провинциях — в городах Сантандере, Леоне,

[1] В Испании к 1-му разряду преступлений относятся: возмущение, бунт, сопротивление, покушение на властей и их агентов, оскорбление представителей администрации и общественные беспорядки. Ко 2-му разряду принадлежат: отцеубийство, предумышленное и неумышленное убийство, употребление огнестрельного оружия против своих сограждан, причинение увечий, выкидыши, детоубийство и дуэли (дуэли, детоубийство и выкидыши составляют вместе всего 33 случая на 9154 других преступлений). Следует заметить, что эта цифра означает преступления, ставшие предметом судебных разбирательств и точность которых несомненно установлена.

[2] В Италии к 1-й категории преступлений принадлежат: возмущение, оскорбление и насилие над представителями общественной власти; ко 2-й категории относятся: квалифицированное убийство, простое и совершенное по неосторожности, причинение ран и увечий, последствием которых была смерть, разбой, шантаж, вымогательство и грабеж с лишением жизни.

[3] Здесь подразумевается столица Мадрид.

[4] Имеется в виду Неаполь.

[5] Подразумеваются главные города Барселона и Сарагоса.

[6] Столица Рим.

[7] Припомним здесь, что разделение на провинции, но не по климату, а согласно историческим, политическим и другим данным, причем некоторые из таких провинций, особенно в Италии, находятся между одним и другим градусом широты. Вследствие этого мы обращали внимание исключительно на положение главных городов провинций, в которых, впрочем, наблюдается наибольшее количество преступлений.

в какой в южных — в Кадисе и в центральных — в Бадахосе, Касересе и Саламанке, ибо они зависят меньше от климата, чем от разного рода случайных причин. Поэтому же детоубийства и отцеубийства чаще встречаются в центральных провинциях (где расположена и столица) и в северных. То же следует сказать и об Италии, Франции и вообще о всей Европе. В Италии, согласно наблюдениям Ферри, влияние теплого климата обнаруживается на числе простых убийств во всей южной части ее и на островах, исключая Сардинию, и на квалифицированных — в Сардинии и Форли. Точно так же и предумышленные убийства равномерно увеличиваются в Южной Италии и на островах, кроме тех местностей, в которых преобладает греческий элемент населения, а именно провинций Апулия, Катания, Мессина и др.

Намеренно причиненные увечья также увеличиваются согласно тому же закону, кроме Сардинии, где они уменьшаются. В Лигурии они также очень часты.

Аналогичное движение имеют и отцеубийства, которые наблюдаются преимущественно в Южной Италии и на островах, кроме местностей, заселенных греками; они не реже и в центре Пьемонта.

Отравления преобладают на островах и в Калабрии, но здесь они не находятся в очевидной зависимости от влияния климата.

Детоубийства очень часты в Калабрии и Сардинии, но не менее этого и в Абруццо и Пьемонте, так что они, по-видимому, также не подчиняются влиянию климата.

Грабежи, соединенные с убийствами, в силу этого же преобладают в Пьемонте, Массе и Порте-Маврикия, точно так же, как и на окраинах Италии и на островах. Квалифицированные кражи, столь частые в Сардинии, Калабрии и Риме, наблюдаются не реже в Венеции, Ферраре, Ровиго, Падуе и Болонье, почти совершенно не завися от влияния климата.

То же наблюдается и во Франции, где предумышленные и случайные убийства свирепствуют особенно на юге, кроме нескольких исключений, объясняющихся этническими особенностями.

Отцеубийства и детоубийства, напротив, распространены более на севере, причем количество их нисколько не объясняется влиянием климата, но зависит исключительно от чисто случайных причин.

Глава 2

Влияние гор на преступления. — Геология. — Области распространения зоба, болотистых лихорадок и прочего

1. Геология. Мои прежние исследования уже убедили меня, что геологические условия имеют весьма мало влияния на политические преступления.

Что касается распределения во Франции преступлений против личности, то мы за 54-летний период нашли:

21%	в	департаментах	преимуществ.	с	почвой	горской и меловой	форм
19%	»	»	»	»	»	гранитной	»
22%	»	»	»	»	»	глинистой	»
21%	»	»	»	»	»	аллювиальной	»

Те же цифры с ничтожными изменениями наблюдаются и для преступлений против собственности.

2. Орография. Изучая отношение орографии к числу преступлений против личности, наблюдающихся во Франции в течение 54 лет, мы нашли, что:

минимальная	пропорция	их	в	20%	приход.	на	ровные	департаменты
средняя	»	»	»	33%	»	»	холмистые	»
максимальная	»	»	»	35%	»	»	гористые	»

что, несомненно, объясняется тем, что горы дают возможность легче устраивать засады и скрываться и что население их отличается более решительным и энергичным характером.

Изнасилования, достигающие в гористых местностях 35% и в холмистых 33% общего числа преступлений, гораздо более многочисленны на равнинах, где они доходят до 70% благодаря тому, что население более скученно и многочисленно вследствие обилия больших городов.

То же можно сказать о преступлениях против собственности, которые, в противоположность преступлениям против личности, достигают на равнинах 50%, а в холмистых и гористых местностях уменьшаются до 47 и 43%.

В Италии орографическое влияние на преступления не выступает, однако, так резко. Максимум — свыше 201 преступления на 100 тысяч жителей наблюдается в равнине р. По (на севере Италии), в Болонье, Ферраре, Венеции, Калабрии, которые все отличаются гористостью почвы, и в провинции Ливорно.

3. Болотные лихорадки. Изучая области Италии, в которых сильнее всего свирепствует малярия, дающая в них смертность от 5 до 8 человек на 1000 жителей, такие как Гроссето, Феррара, Венеция, Крема, Верчелли, Новара, Ланчиано, Васто, Сан-Северо, Катанзаро, Лечче, Фоджа, Террачина и Сардиния, — мы убеждаемся, что интенсивность этой болезни совпадает с наибольшим числом преступлений против собственности только в пяти из этих местностей, именно в Гроссето, Ферраре, Сардинии, Лечче и в Риме.

Между убийствами и болотной лихорадкой нет, по-видимому, никакой связи. Напротив, в Южной Сардинии, где малярия особенно сильно распространена, наблюдается даже меньше этих преступлений, чем в Северной. Это относится и к преступлениям против нравственности. Равным образом и во Франции, в местностях, где более господствует болотная лихорадка, как в департаментах Морбиан, Ланды, Луар и Шер, Эна, наблюдается меньше всего убийств и изнасилований.

4. Местности, где распространен зоб. Крупные центры распространения в Италии зоба и кретинизма, оказывающих такое огромное влияние на гигиену и интеллигентность жителей, как Сондрио, Аоста, Новара, Кунио и Павия, почти нисколько не влияют на количество преступлений. Убийства, случаи воровства и преступления против нравственности везде в них даже ниже обычной средней.

То же следует сказать и о Франции. Здесь, с одной стороны, в департаментах Верхние и Нижние Альпы и Восточные Пиренеи число страдающих зобом довольно значительно, между тем как убийц насчитывается 9,76 на 1 миллион жителей. С другой стороны, в департаментах Лозер, Арьеж, Савойя, Ду, Пюи-де-Дом, Эна и Верхняя Вьенна зоб также распространен, а между тем число убийств падает до 1,0–5,7 на 1 миллион жителей. Точно так же и преступления против собственности слабо распространены всюду, где господствует зоб, исключая такие местности, как департаменты Ду, Вогезы и Арденны.

Достойно примечания то обстоятельство, что почти во всех странах сильного распространения зоба (Бергамо, Сондрио, Аоста) преступления отличаются обыкновенно чрезвычайно жестоким характером и часто связаны бывают с похотливостью: но для того чтобы ближе изучить это явление, следует ознакомиться с распространением преступлений по отдельным округам[1].

5. Смертность. Из 23 департаментов Франции, смертность в которых незначительна, 7, то есть 30%, превосходят обычную среднюю по числу наблюдаемых в них убийств, а именно департаменты: Ло и Гаронна, Эна, Марна, Кот-д'Ор, Эро, Верхняя Сона и Об, в которых средняя цифра убийств достигает 13,9%.

Из 18 других департаментов со средней смертностью 6, то есть 23%, точно так же превосходят среднюю цифру убийств, а именно департаменты: Эндр и Луара, Об, Нижние Пиренеи, Эро, Ду, Сена и Уаза и Вогезы. Общая средняя наблюдаемых в этих 18 департаментах убийств достигает 15,4, то есть немногим разнится от средней предыдущих департаментов.

Из 25 департаментов с максимальной смертностью 7, т. е. 28%, значительно превосходят среднюю цифру убийств, именно департаменты: Нижние Альпы, Верхняя Луара, Сена, Нижняя Сена, Устье Роны, Корсика и

---

[1] Так, согласно исследованиям, сделанным королевским прокурором в Аосте, оказывается, что

На кажд. 10 тыс. жителей приходится в ней	убийств	0,49,	а	в Турине	0,75
» » » » » » »	ран и увечий	2,90	»	» »	12,00
» » » » » » »	изнасилований	0,40	»	» »	0,56
» » » » » » »	краж	44,00	»	» »	24,00

причем преобладают исключительно кражи, по всей вероятности деревенские, вполне зависящие от случайностей и не имеющие поэтому никакого значения.

Вар. Средняя цифра этого рода преступлений достигает в них 28%. Если откинуть последние два департамента, дающие особенно много убийств, то число последних понизится до 20%.

Что касается воровства, то из 24 департаментов с минимальной смертностью 14 превосходят среднюю цифру (90%), достигая 102,4. Из 18 же департаментов со средней смертностью ее превышают 7, имея среднюю цифру 91%, а из 25 департаментов с максимальной смертностью только 8, достигая средней — 105.

В общем, можно принять, что между смертностью и воровством нет никакого соотношения, между тем как между убийством и высокой смертностью есть постоянный параллелизм.

Глава 3

Влияние расы. — Честные дикари. — Центры преступности. — Семитическая раса. — Греки в Италии и во Франции. — Головной указатель. — Цвет волос. — Евреи. — Цыгане

1. Влияние расы. Мы уже видели раньше и убедимся еще более в этом впоследствии, какое смутное понятие существует у дикаря о преступлении, причем у первобытного человека мы предположили даже полное отсутствие всякого представления об этом. Тем не менее у многих диких племен существует своя особая нравственность, которой они придерживаются на свой особый манер. Соответственно этому у них есть и свои преступления, как нарушения этой нравственности. У американского племени урис уважение к чужой собственности так велико, что для ограждения ее достаточно обыкновенной нитки. Племена кориаки и мбайя наказывают убийство, совершенное в их племени, но не считают его преступлением, если убитый принадлежит к чужому племени. Само собой разумеется, что без подобного закона племя это не представляло бы собой связного целого и легко могло бы быть уничтожено.

Вместе с такими племенами существуют другие, у которых отсутствуют даже эти относительные представления о нравственности. Так, в Африке рядом с честным и мирным племенем дикарей багнусов, занимающихся возделыванием риса, мы находим балантов, живущих исключительно охотой и грабежом. Они убивают тех, кто ворует в их деревнях, но сами тем не менее воруют у других племен. Лучшие воры пользуются у них большим уважением и хорошо оплачиваются, как учителя, преподающие детям уроки воровства; их нередко выбирают даже в начальники тех или других предприятий.

С ними очень сходны марокканские бени-гассаны, главное занятие которых также воровство. Племя это более или менее дисциплинированно,

имеет своих начальников, свои законы, признаваемые правительством, которое пользуется ими для отыскивания похищенных вещей. Они разделяются на воров овса, лошадей, на тех, кто воруют на дорогах и в деревнях. Между ними есть особый класс конных воров, которые мчатся так быстро, что настигнуть их невозможно. Они влезают в хижины голыми, намазав свое тело мазью, или же прячутся в листву, чтобы не испугать лошадей. Начинают они воровать уже с восьмилетнего возраста.

В Индии существует племя зака-каиль, живущее, как и предыдущие, воровством. Когда у них рождается мальчик, они совершают над ним обряд, продевая его через отверстие, проделанное в стене, и произнося при этом три раза: «Будь вором!»

Напротив, курубары отличаются высокой честностью: они никогда не лгут и скорее умрут с голода, чем решатся на воровство. Поэтому их используют как сторожей при уборке хлеба и сборе плодов.

Спенсер также цитирует несколько племен, отличающихся своей честностью, как, например, тодосов, айно и бодосов. Они не любят войны и занимаются исключительно меновой торговлей. Они почти никогда не ссорятся между собой, в случае споров обращаются к своим начальникам и настолько добросовестны, что возвращают обратно половину из взятых в обмен товаров, если им покажется, что они получили слишком много. Им незнаком долг мести, они не проявляют никакой жестокости и относятся с уважением к женщинам и при всем том — удивительное дело — совсем не отличаются религиозностью.

Среди арабов (бедуинов) есть честные и трудолюбивые племена, но еще больше таких, которые славятся своим диким воинственным характером и наклонностью к грабежам и воровству.

В Центральной Африке Стенли нашел как честных дикарей, так и тех, кто занимаются разбоями и грабежами, как, например, зегесы. Среди готтентотов и кафров встречаются дикие, неспособные ни к какой работе индивиды: они живут трудами других, беспрерывно перекочевывают с места на место и носят название фингасов у кафров и сонкасов у готтентотов.

Данные, которыми мы располагаем для выяснения степени этнического влияния на преступления в нашем цивилизованном мире, не отличаются положительностью. Мы знаем, например, что значительная часть лондонских воров — это ирландцы или уроженцы Ланкашира.

В России, по словам Анучина, большинство воров в столице оказывается родом преимущественно из Бессарабии, и сравнительно край этот дает наибольший процент осужденных. Здесь можно наблюдать, как преступность переходит от семейства к семейству. В Германии местности, в которых находятся цыганские колонии, особенно изобилуют женщинами-воровками.

2. Центры преступности. Во всех областях Италии и почти в каждой провинции ее существуют такие местечки и деревни, которые пользуются ре-

путацией родины разного рода преступников. Так, например, Лигурия, Леричи славятся своими мошенниками, а Кампофеддо и Масса — убийцами; Поццало известно своими разбойниками на больших дорогах; Луккская провинция Каппанори приобрела печальную известность своими наемными убийцами, а Пьемонт — своими полевыми ворами.

В Южной Италии Сора, Мельфи, равно как Партинико и Монреале в Сицилии, уже с шестидесятых годов стали известны своими разбоями.

Это преобладание того или другого вида преступления в известной местности объясняется, несомненно, расой, как история доказывает относительно некоторых из них. Так, мы знаем, что Пергола и Пистоя были некогда населены цыганами, Масса — португальскими разбойниками и Кампофеддо — корсиканскими пиратами; еще и по настоящее время здесь говорят наполовину на корсиканском, наполовину на лигурийском наречии.

Но наибольшей известностью пользуется село Артена, в Римской провинции, которое Сигеле описывает в следующих словах:

«Расположенное на возвышенной местности, в цветущей долине, в чудном климате село это, где совершенно неизвестна нищета, могло бы стать счастливейшим и прелестнейшим уголком земного шара. Но на самом деле оно пользуется очень скверной репутацией, и жители его слывут в окрестностях ворами, разбойниками и убийцами. Эта печальная слава утвердилась за ними не со вчерашнего дня: уже в средневековых итальянских хрониках часто встречается название Артены, и вся история ее есть длинный ряд всевозможных преступлений».

О распространенности здесь последних можно судить по следующим данным.

Преступления	Ежегодное число преступлений (на каждые 100 000 жителей) Италия, 1875–1888	Артена, 1875–1888
Предумышленные и случайные убийства и кражи с убийствами	9,38%	57%
Побои и увечья	34,17%	205%
Разбои	3,67%	113,75%
Кражи	47,36%	177%

«Итак, уголовная статистика Артены особенно богата увечьями и убийствами, число которых в 6 раз, и разбоями, количество которых в 30 раз больше средней этих преступлений для всей остальной Италии. Но даже и эти цифры дают только поверхностное понятие о жестокости и дикости ее жителей. Чтобы получить надлежащее представление об этом, следовало бы подробно описать все преступления их и рассказать, как там убивают

среди белого дня на улицах и как душат свидетелей, которые осмеливаются говорить судьям правду!»

«Причины всего этого, по моему мнению, — говорит далее Сигеле, — кроются, прежде всего, в характере артенского населения, затем в притеснениях правителей, способствовавших развитию здесь разбоя и каморры, и, наконец, в неспособности властей находить и наказывать виновных благодаря молчанию подкупленных или запуганных свидетелей. Но больше всех перечисленных причин имеет значение наследственность».

Изучая судебные процессы, имевшие место в Артене с 1852 года, Сигеле постоянно наталкивался на одни и те же фамилии. Очевидно, сыновья следовали постоянно по пути преступления за своими отцами, как бы влекомые какой-то роковой силой. Уже в 1555 году стала известна своими преступлениями Артена, называвшаяся в то время Монтефортино.

В 1557 году Павел IV велел истребить всех ее жителей, перебить их и разрушить их жилища, «чтобы уничтожить и самое гнездо этих негодяев».

Если принять во внимание, что в Сицилии разбой держится почти исключительно в приобретшей печальную славу долине Конка д'Оро, где некогда обитали хищные племена берберов и где анатомический тип, нравы и обычаи еще до сих пор сохранили арабский характер (описания Томмази-Круделли в достаточной степени свидетельствуют об этом[1]), если подумать о том, что здесь, как и у арабских племен, кража скота является наиболее частым преступлением, то легко убедиться, что все дело объясняется здесь наследственностью. Кровь некогда живших здесь диких, воинственных племен, гостеприимных и жестоких, суеверных, непостоянных, вечно беспокойных и не терпевших над собой никакой узды, должна была оказать огромное влияние на характер современных жителей Конка д'Оро, склонных к постоянным восстаниям и грабежам. Подобно древним арабам они не делают разницы между политическим возмущением и грабежом; последний не вызывает у них ни ужаса, ни отвращения, как у других, хоть и менее развитых, но более богатых арийской кровью племен той же Сицилии, Катании и Мессины*. Рядом с этим следует отметить для контраста местность Лардерелло в Вольтерре, в которой в течение 60 лет не было совершено ни одного убийства, ни одной кражи, ни одного даже проступка.

Что раса является одним из самых могущественных факторов, влияющих на преступность жителей всех этих местностей, тем более вероятно,

---

[1] «Они умеренны, — говорит он про жителей Конка д'Оро, — терпеливы, настойчивы, легко доступны чувству дружбы, но имеют наклонность достигать намеченной цели скрытно и молчаливо; они гостеприимны, но в то же время и хищны; низшие классы их отличаются суеверием, а высшие гордостью. Слово *malandrino* теряет в Сицилии свое истинное значение. Здесь говорят "я разбойник" так же свободно и просто, как если бы хотели сказать: "У меня в жилах кровь течет". Донести на убийство — значит здесь поступить непорядочно».

что я наблюдал даже у многих из них, как, например, в Сан-Анджело и Сан-Пьетро, более высокий рост, чем у окрестного населения.

Точно так же и во Франции Фовель отметил особую расу преступников в целом ряду местечек, расположенных вдоль Арденнского леса. В местечках этих обычны всякие грабежи и насилия, против которых власти в большинстве случаев ничего не могут поделать. Иностранец, рискующий посетить эти места, неминуемо подвергается насилию со стороны не только мужчин, но и женщин; даже богатые здешние жители, в сущности, такие же дикари, хотя дикость их скрывается часто под маской вежливости. Сильно распространенный между ними алкоголизм еще более усиливает их дикость и варварство. Они не любят земледельческих работ, которым предпочитают работы на железных заводах, но любимым занятием их является контрабанда. Они выше среднего роста, мускулисты, с широкими и крепко развитыми нижними челюстями; у них прямые носы, резко выраженные надбровные дуги, сильно развитая и богатая пигментом растительность. Они сильно отличаются от своих светловолосых соседей, с которыми редко вступают в сношения.

3. Европа. В своем сочинении «Убийца» Ферри ясно доказывает этническое влияние на распределение убийств в Европе. По его словам, резче всего выражена наклонность к убийству вообще и к квалифицированным убийствам в частности, равно как и к детоубийству у немцев и латинян; точно так же у них чаще наблюдаются самоубийства и психические заболевания, причем последние особенно преобладают у первых.

4. Австрия. При всем том этническое влияние часто не может быть точно выражено при помощи цифр потому, что определение его основывается на уголовной статистике, которая представляет собой совокупность весьма сложных факторов, не дающих нам возможности делать из них определенные выводы. Так, например, минимум женской преступности наблюдается в Испании, Ломбардии, Дании, Воеводине и Гарце, а максимум — в австрийской Силезии и в прибалтийских губерниях России. Но здесь проявляется влияние нравов в большей степени, нежели расы, так как у тех народов, где женщины получают одинаковое с мужчинами образование, как в Силезии и в Прибалтийском крае, они принимают участие в жизненной борьбе наравне с ними, и потому преступность их приближается все более и более к мужской.

Тем же объясняется и сравнительно очень большая преступность, которая наблюдается повсюду среди юношеского возраста в заселенных немцами местностях Австрии, именно в Зальцбурге, сравнительно со славянским и итальянским населением Гарца, Тироля и Каринтии.

5. Италия. Изучая число простых убийств (с ранениями, последствием которых была смерть) и число квалифицированных убийств (с разбоями на больших дорогах, сопровождавшимися убийствами), имевших место в различных провинциях Италии в течение 1880—1883 годов, и сопоставляя их с данными относительно движения преступности в Италии 1873—1883 годов, мы находим следующее:

Область Италии и население ее к 31 декабря 1881 г.	Число обнаруженных убийств на 1 миллион жителей	
	Простые убийства и поражения, последствием которых была смерть	Квалифиц. убийства и разбои на больших дорогах с убийствами
Пьемонт (3 070 250)	47	34
Лигурия (892 373)	40	29
Ломбардия (3680 615)	22	21
Венето (2 814173)	34	25
Эмилия (1806 817)	27	24
Романья (476 874)	103	76
Умбрия (572 060)	102	70
Марке (939 279)	94	53
Тоскана (2 208 869)	76	42
Лацио (903 472)	178	90
Абруццо (751781)	174	76
Молизе (365 434)	286	104
Кампания (289 577)	217	81
Апулия (1589 054)	117	46
Базиликата (524504)	214	86
Калабрия (1257 883)	246	104
Сицилия (2 927 901)	205	122
Сардиния (682 002)	122	167

Отсюда ясно, что очевидный перевес преступности наблюдается среди населения семитической (Сицилия, Сардиния, Калабрия) и латинской расы (Лацио, Абруццо) сравнительно с расами германскими, лигурийскими, кельтскими (Ломбардия, Лигурия, Пьемонт) и славянскими (Венето).

Действительно, кроме главнейших этнических особенностей, сообщенных населению Италии лигурийцами на севере, умбрами и этрусками в центре и осками на юге, кроме этнического влияния в Сицилии сикулов лигурийского происхождения, больше всего способствовали порче этнического характера различных итальянских областей германцы, кельты и славяне на севере, финикийцы, арабы, албанцы и греки на юге и на островах.

Африканским и восточным элементам (кроме греков) Италия обязана своими убийствами, столь многочисленными в Калабрии, Сицилии, Сардинии, между тем как отсутствие и редкость их следует приписать влиянию германских рас (Ломбардия).

Это ясно доказывается известными очагами, где преступления эти процветают в большей или меньшей степени и где они удивительным образом совпадают с этническими особенностями их населения.

Другим доказательством может служить Тоскана, где значительная редкость преступлений, наблюдаемых в Сиене (3,9 на 100 000 жителей), во

Флоренции (4,3) и в Пизе (6,0), составляет резкий контраст с поразительной частотой их в Масса-Карраре (8,3), в Гроссето (10,2), в Лукках (11,9) и особенно в Ареццо (13,4) и Ливорно (14,0).

Итак, помимо специальных условий жизни, создаваемых рудниками в Масса-Карраре и мареммами* в Гроссето, этническое влияние, по словам Ферри, неоспоримо сказывается также в Луккской провинции, которая отличается от Тосканы между прочим высоким ростом и долихоцефалией своего населения, часто наблюдаемыми также в Масса-Карраре, и особенной наклонностью его к эмиграции. Я считал бы это остатком влияния древних диких лигурийцев, которые так часто возмущались против римского владычества. Но резче всего выступает этническое влияние в Ливорно, происхождение которого нам точно известно.

В XVI столетии Ливорно был небольшой деревушкой, расположенной в болотистой местности и насчитывавшей в 1551 году всего лишь 749 жителей. Первыми жителями его были либурны, племя иллирийского происхождения, изобретшие либурны* и сделавшиеся знаменитыми пиратами. К ним потом присоединились сарацины, евреи и марсельцы, а впоследствии сюда явились по приглашению Медичи разного рода авантюристы и пираты.

Ливорно за время с 1879 по 1883 год дал наибольшую во всей Италии пропорцию общего числа обнаруженных преступлений, именно: квалифицированных убийств и восстаний, равно как и квалифицированных краж.

Факт этот не может быть объяснен ни особенной плотностью здешнего населения, ибо последняя (355 человек на каждый квадратный километр) равна плотности населения в Милане (355) и значительно уступает в этом отношении Неаполю (1149), ни преобладанием городского населения над деревенским, составляющего здесь лишь 80% общего числа его, в то время как в Милане оно равно 92%, а в Неаполе даже 94%; тем не менее здесь особенно часты восстания и квалифицированные кражи.

Другой чрезвычайно резкий контраст наблюдается в южной части Италии, где провинции со значительной интенсивностью убийств, как Кампобассо, Авелино, Козенца и Катандзаро, встречаются рядом с местностями, где частота их ничтожна, такими как Беневенто, Салерно, Бари и Лечче, и где она, наоборот, чрезвычайно высока, как в соседних провинциях Л'Акуила, Казерта, Потенца, Реджо и особенно в Неаполе.

В настоящее время трудно отрицать причинную связь между этническим влиянием албанских колоний и огромным числом кровавых преступлений в провинциях Козенца, Катанзаро и Кампобассо.

С другой стороны, ничтожная интенсивность этого рода преступлений в Реджо и особенно в провинции Апулия (Бари и Лечче) объясняется главным образом влиянием греческого элемента, если вспомнить древнюю Великую Грецию и греческие колонии, появившиеся во время и после византийского владычества.

«Еще и в настоящее время, — пишет Николуччи, — большинство здешних уроженцев напоминает собой греческий тип, как по своей наружности, так и по мягкости характера». Сюда присоединяется еще этническое влияние господствовавших здесь некогда норманнов.

Что касается редкости простых убийств в Беневенто и Салерно, то при объяснении ее необходимо принять во внимание влияние лангобардского элемента, владычество которого было здесь столь продолжительно (герцогства Беневентское и Салернское). Именно оттого здешнее население местами не подчинилось ассимиляционному влиянию итальянцев и до наших дней сохранило некоторые черты своих предков (высокий рост, светлые волосы и др.), поражающие несходством с типичными итальянцами.

Различное влияние албанской, греческой и лангобардской крови на эти очаги преступности сказывается в распределении квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах, сопровождаемых убийствами. Действительно, если мы исключим Салерно и Реджо, дающих сравнительно высокие цифры этих преступлений, то убедимся, что в Неаполе благодаря греческому влиянию число убийств, несмотря на бедность и скученность его населения, очень невелико, не больше, чем в Бари и Лечче.

Сицилия также представляет собой поразительный пример этнического влияния на убийства. В восточных провинциях ее, Мессинской, Катанской и Сиракузской, наблюдается значительно меньше простых и квалифицированных убийств, чем в провинциях Кальтаниссетта, Агридженто, Трапани и Палермо.

Мы знаем именно, что жители Сицилии резко отличаются по своему характеру от населения соседней Италии, главным образом благодаря влиянию многочисленных северных народов (вандалов, норманнов, французов), покорявших ее и господствовавших здесь. В восточной части ее, некогда находившейся преимущественно под влиянием греков, наблюдается значительно меньше убийств (как и в провинции Апулия), между тем как южная и северная части ее благодаря господству в них сарацинов и албанцев, наоборот, отличаются значительной частотой их.

У Реклю мы читаем: «Ко времени осады Палермо норманнами (1071 год) население Сицилии говорило на пяти языках: арабском, древнееврейском, греческом, латинском и простом сицилийском. Господствующим из них даже при норманнах остался арабский. Позднее благодаря влиянию французов, немцев, испанцев и арагонцев сицилийцы начали все более и более отличаться от жителей Италии своей одеждой, нравами, обычаями и национальным духом. Разница эта становилась то большей, то меньшей, смотря по тому, какой из народов овладевал Сицилией. Вот почему население провинции Этны, несомненно происходящее от греков и никогда не смешивавшееся со славянскими народами, является по своему характеру добрым и кротким, между тем как жители Палермо, на которых больше всего влияли арабы, напротив, отличаются в общем суровостью и развращенностью».

Точно так же характерна и преступность Сардинии, как при сравнении ее с преступностью Италии вообще и особенно Сицилии, так и вследствие постоянного контраста между северной частью ее (провинция Сассари) и южной (провинция Кальяри). В этническом отношении Сардиния отличается от Сицилии, так как с глубокой древности и потом со времен владычества Карфагена «финикияне утвердились и господствовали в Сардинии дольше, чем в Сицилии». Даже и в наши дни черепа сардинцев еще сохранили отчасти тип финикийских черепов (*долихоцефалию*). Что же касается сарацинов, то они весьма недолго хозяйничали в Сардинии, памятниками чего остались всего лишь две колонии: Барбаричини (в провинции Сассари) и Мауредди (в провинции Кальяри).

Этой этнической разницей и объясняется, несомненно, с одной стороны, огромное количество преступлений против личности в Сицилии (кроме восточных провинций ее) и с другой — обилие преступлений против собственности в Сардинии. Сравнивая между собой эти два острова, мы видим резкую разницу между ними в числе простых убийств и особенно ран и увечий.

Но если общая цифра квалифицированных убийств оказывается в Сицилии благодаря восточным провинциям несколько ниже, чем следовало бы ожидать, то зато число всех вообще преступлений против личности, считая в том числе простые и квалифицированные убийства, равно и разбои на больших дорогах, сопровождающиеся убийствами, все-таки в ней значительно выше, чем в Сардинии.

Напротив, по числу преступлений против собственности Сардиния сильно превосходит Сицилию, особенно количеством квалифицированных краж и преступлениями против нравственности, между тем как в преступлениях против собственности, совершаемых с помощью насилия, именно в разбоях, затем в вымогательствах и шантажах перевес остается на стороне Сицилии.

В самой Сардинии наблюдается разница даже между обеими провинциями Сассари и Кальяри как в типе жителей, так и в проявлении их экономико-социальной жизни.

На севере ее более развиты земледелие и промышленность, в то время как на юге процветает разработка рудников около Кальяри и т. д.

В этническом отношении провинция Кальяри находилась, как известно, под влиянием финикиян, а Сассари — испанцев (колония Альжеро); этим и экономическими условиями объясняются большая частота квалифицированных краж, преступлений против добропорядочности в провинции Кальяри и огромное количество простых и квалифицированных убийств и разбоев на больших дорогах с убийствами в провинции Сассари.

Другим характерным примером этнического влияния может служить остров Корсика, который дает, как известно, максимальную для всей Франции цифру кровавых преступлений (кроме отравлений и детоубийств), между тем как число краж остается здесь очень незначительным.

Сравнивая между собой число лиц, осужденных за убийство в течение 1880–1883 годов на Корсике, с числом таких же осужденных в наиболее преступных областях Италии, мы получаем следующие данные:

	Лица, судившиеся в 1880–1883 годах уголовными и исправительными судами (средняя на 100 тысяч жителей)				
Преступления	Корсика	Сардиния	Сицилия	Калабрия	Молизе (Кампобассо)
Убийства и раны, поледствием которых была смерть	11,2	8,6	14,3	21,5	19,1
Убийства и разбои на больших дорогах, сопровождавшиеся убийствами	9,5	19,8	9,6	9,0	5,2

Цифры эти свидетельствуют о том, что Корсика хотя и принадлежит в политическом отношении Франции, но по природе своих жителей и по характеру их преступности она является страной итальянской. По этому поводу и Реклю говорит следующее: «Из этих двух островов, Корсика и Сардиния, принадлежавших некогда к одному и тому же государству, более итальянской должна считаться по своему географическому положению и историческим традициям именно Корсика, составляющая теперь французское владение».

Таким образом, резкая разница, существующая между преступностью Корсики и Сардинии, объясняется этническими мотивами, подтверждающимися в большинстве случаев сходством между первым из этих островов и Сицилией. Мы знаем, что Сицилией дольше всех других народов владели не столько жадные, сколько хищные сарацины, имевшие огромное влияние и на Корсику. Известно, что «после древнейших обитателей ее (лигуров, иберов или сиканов — как их иногда называют) Корсикой владели фокийцы* и римляне, но особенно долго сарацины, господствовавшие здесь до XI столетия, после чего явились итальянцы и французы».

Таким образом, Корсика и Сицилия (а отчасти и Калабрия) обязаны сарацинам своими частыми убийствами и сравнительно незначительной преступностью против собственности.

6. Французские расы. Взгляда, брошенного на изображенное деление Франции по расам и преступлениям, достаточно, чтобы убедиться, что максимум кровавых преступлений соответствует лигурийской и галльской расам.

Но более подробные доказательства этнического влияния мы получим, изучая соответственно расам департаменты, превосходящие среднюю цифру убийств. Мы видим, что число последних последовательно увеличивается по мере того, как мы от департаментов, населенных потомками кимврий-

ской расы* (1 из 18, т. е. 5,5%), переходим к департаментам с населением галльской расы (8 из 32, т. е. 25%) и от рас иберийской (3 из 8, т. е. 35%) и бельгийской (6 из 15, т. е. 40%) приближаемся к расе лигурийской, где это влияние достигает своего абсолютного максимума (100%).

Что касается изнасилований, то число их увеличивается по мере перехода от департаментов с населением иберийской расы (2 из 8, т. е. 25%) к расе кимврийской (6 из 18, т. е. 35%) и от рас бельгийской (6 из 15, т. е. 40%) и галльской (13 из 32, т. е. 41%) к лигурийской расе (6 из 9, т. е. 66%), где они также достигают своего максимума.

В преступлениях против собственности первое место занимает бельгийская раса (самая промышленная, дающая 67%, в то время как лигурийская и иберийская дают 60 и 61%, а кимврийская и галльская еще меньше — 30 и 39%).

Преобладающее влияние лигурийской и галльской рас зависит от их большей решительности и подвижности, как мы это уже видели в моем «Политическом преступлении».

Лигурийская раса дала во Франции максимум вожаков восстаний и революций (100%) и в то же время максимум гениальных людей — 66%, в то время как галльская дала первых 82% и вторых 19%, бельгийская — 62 и 33%, кимврийская — 38 и 5% и, наконец, иберийская — максимум: 14 и 5%.

7. Долихоцефалия и брахицефалия. Желая получить более точные данные о влиянии расы на преступность, мы занялись определением отношения, существующего между последней, головным указателем (индексом) и цветом волос.

Изучая преступность по таблицам Ливи, мы убедились, что в 21 провинции Италии, где преобладает долихоцефалия с указателем (от 77 до 80 включительно), средняя цифра убийств и увечий равна 31%, между тем как общая средняя для всей Италии не превышает 17; таким образом, во всех этих провинциях с долихоцефалическим населением, кроме Лукки и Лечче, пропорция убийств превосходит среднюю для них цифру.

Провинции с преобладанием мезоцефалии (81–82) пропорционально уступают в количестве убийств долихоцефалическим и имеют среднюю в 25%.

Наконец, там, где превалирует брахицефалия (83–88), средняя цифра убийств и ран достигает всего 8%, значительно уступая, таким образом, общей средней для всей Италии.

При этом мы должны заметить, что долихоцефалия встречается преимущественно в южных провинциях, кроме Лукки, представляющей собой исключение в смысле соответствия между ней и интенсивностью преступлений, что брахицефалия преобладает, кроме Абруццо, в верхней Италии, ультрабрахицефалия — в гористых местностях, в которых наблюдается значительно меньший контингент кровавых преступлений и, наконец, мезоцефалия встречается повсюду, особенно в Южной Италии и в наиболее теплых северных местностях, как Ливорно, Генуя, так что нельзя не признать, что здесь этнический фактор сливается с влиянием климата.

Относительно воровства между ними наблюдается еще меньшая разница, причем частота его:

у долихоцефалов	составляет	460	случаев	на	1	миллион	жителей
» брахицефалов	»	360	»	»	1	»	»
» мезоцефалов	»	400	»	»	1	»	»

Во Франции преступления против личности дают среднюю в 18 на каждые 100 тысяч жителей у брахицефалов и в 36 — у долихоцефалов, считая в том числе и Корсику; без нее цифра эта остается одинаковой — 24 для одних и других, соответствуя, таким образом, нормальной средней, колеблющейся между 24 и 33 на 100 тысяч жителей. Придерживаясь цифр Ферри за период с 1880 по 1884 год, мы получим в этом отношении меньшую разницу между долихоцефалами и брахицефалами, именно: кровавые преступления составляют 13 на 100 тысяч (без Корсики) у первых и 29 — у вторых.

Таким образом, мы видим, что на кровавые преступления больше влияет климат, нежели раса, ибо в Италии, где долихоцефалы сгруппированы почти исключительно в южных провинциях, они, несмотря на это, значительно превосходят брахицефалов.

Относительно Франции, напротив, где долихоцефалия одинаково часто встречается как на юге и севере (Па-де-Кале, Эна, Нор), так и в центре (Верхняя Вьенна, Шаранта), к подобным выводам прийти нельзя, так как здесь у долихоцефалов наблюдается даже меньшая частота этого рода преступлений. Что касается преступлений против собственности во Франции, то разница между долихоцефалами и брахицефалами становится более ощутимой: у первых наблюдается 44 случая на 100 тысяч жителей, а у вторых — только 23.

В общем, преступность, стало быть, все-таки всегда выше в тех провинциях, где преобладает долихоцефалия.

Однако этот факт противоречит тому взгляду антропологии преступления, по которому преступники оказываются почти всегда ультрабрахицефалами и который доказывает, что крайняя брахицефалия является у преступников выдающимся признаком вырождения.

8. Русые и темные волосы. По цвету волос преступники во Франции распределяются следующим образом: в департаментах, где преобладают брюнеты, убийцы составляют 12,6%, считая в том числе и Корсику, а без нее 9,2%, между тем как среди блондинов пропорция достигает всего лишь 6,3%.

Темный цвет волос преобладает преимущественно в теплых департаментах, таких как Вандея, Эро, Вар, Жер, Ланды, Корсика, Устье Роны, Нижние Альпы, Жиронда и др., где, конечно, не может быть исключено и влияние климата. С другой стороны, светлый цвет волос встречается преимущественно в местностях с холодным климатом (исключая департамент Воклюз), как департаменты Па-де-Кале, Нор, Арденны, Манш, Эро и Луара, в которых, соответственно этому, наблюдается и меньше кровавых преступлений.

В Италии пропорция блондинов в южной части ее и на островах меньше средней цифры их во всем государстве, в Беневенто — равна ей, а в провинциях Апулия, Неаполь, Кампания, Трапани и восточной части Сицилии немного уступает ей. Соответственно этому во всей Южной Италии наблюдается в среднем меньше кровавых преступлений, чем в остальных частях, а в Беневенто, хотя число их и велико, доходит до 27,1%, но все же меньше, чем в соседних провинциях. То же следует сказать и об Апулии, восточной части Сицилии, Сиракузах, Катании, в которых цифра преступности также сравнительно невелика (в Сиракузах 15, Катании 28, а в Лечче — даже 10).

В этих провинциях светлый цвет волос соответствует ломбардской (Беневенто) и греческой (Сицилия) расам, и сообразно этому здесь наблюдается и меньшая преступность.

С другой стороны, я не нашел никакого соответствия между преступлением и цветом волос населения в Перудже, где преобладают блондины, и в Форли, Центральной Италии, где встречаются преимущественно брюнеты.

Русое население, живущее у подножия Альп, находится в тесной связи с населением гор и подобно ему дает слабый процент преступности, но причина этого чисто орографическая. Напротив, в Ливорно и Лукке, где население состоит почти исключительно из брюнетов, наблюдается полная зависимость между черным цветом волос и очень высокой преступностью, особенно по сравнению с соседней Тосканой. А так как цвет волос здесь встречается параллельно с резкой долихоцефалией, не объяснимой какой-нибудь орографической причиной, то это, мне кажется, может служить новым доказательством этнического влияния на кровавые преступления.

Что касается преступлений против собственности, то они не находятся ни в какой очевидной связи с цветом волос: так, например, Трирская провинция, где почти все население имеет светлый цвет волос, дает максимум преступности почти так же, как и Феррара, где население, напротив, состоит из одних брюнетов.

9. Евреи. Влияние расы на преступность выступает особенно резко при изучении евреев и цыган, но для каждой из этих наций в совершенно обратном смысле.

Относительно евреев статистика доказала, что среди них в общем наблюдается меньшая преступность, чем среди христианского населения. Факт этот тем более замечателен, что согласно наиболее распространенным среди евреев профессиям их должно сравнивать не с целым населением вообще, а с сословиями купцов и мелких ремесленников, которые дают, как мы это увидим ниже, как раз наиболее замечательные цифры преступности.

В Баварии один осужденный еврей приходится на 315 жителей, а 1 католик — на 265.

В Бадене на 100 осужденных христиан приходится 63,3 осужденных еврея.

В Ломбардии в течение 7 лет приходился 1 осужденный еврей на 2,568 жителя.

В 1855 году во всей Италии в тюрьмах содержалось всего 7 евреев — пять мужчин и две женщины — ничтожная пропорция сравнительно с преступным христианским населением. По исследованиям Серви, сделанным в 1869 году, оказалось, что из 17 800 евреев осужденных было всего 8 человек.

В Пруссии Хаузнер также нашел разницу между преступностью христиан и евреев, причем по его расчету у первых 1 осужденный приходится на 2600, а у вторых — на 2800 жителей.

Исследования эти подтвердил отчасти и Кольб, который нашел, что в Пруссии в 1859 году:

1	осужденный	еврей	приходился	на	2793	жителей
1	»	католик	»	»	2645	»
1	»	протестант	»	»	2821	»

В 1862–1865 гг. приходился:

1	осужденный	еврей	на	2800	жителей
1	»	протестант	»	3400	»

В Баварии:

1	осужденный	еврей	приходится	на	315	жителей
1	»	католик	»	»	265	»

Во Франции в течение 1850–1860 годов насчитывалось в среднем:

осужденных	евреев	0,0776%	взрослого	числа	населения
»	католиков	0,0584%	»	»	»
»	евреев	0,0111%	общего	»	»
»	католиков	0,0122%	»	»	»

В 1854 году насчитывалось в ней 166 преступных евреев, в 1855 — 118, в 1856 — 163, в 1858 — 142, в 1860 — 123 и в 1861 — 118; то есть в последние годы замечается возрастание преступности среди евреев.

В Австрии число осужденных евреев достигло 3,74% в 1872 и 4,13 — в 1873 году.

Факт специфической преступности евреев твердо установлен. Среди них, как и среди цыган, преобладают наследственные формы преступности, и во Франции известны целые поколения мошенников и воров среди Церфбееров, Саломонов, Леви, Блюмов и Кляйнов. Между евреями редки убийцы, но те из них, которые были осуждены за это преступление, являлись

начальниками хорошо организованных банд, как Графт, Церфбеер, Мейер, Дешам, содержавшими для своих надобностей агентов, ведшими приходно-расходные книги и действовавшими с такой ловкостью и осторожностью, что в течение многих лет ускользали из рук правосудия. Большинство преступников-евреев во Франции занимается разного рода мелкими мошенничествами, кражами или коммерческими надувательствами.

В Пруссии среди евреев больше всего осужденных за мошенничество, клевету, банкротство и укрывательство преступления, которое очень часто остается безнаказанным. Этим, между прочим, объясняется частота еврейских слов в воровских жаргонах Пруссии и Англии, так как вор считает своего укрывателя своим начальником и руководителем и очень легко усваивает себе его язык.

Всякое более или менее крупное предприятие знаменитой шайки Магуйеза (Грома) подготавливалось *kochener*, утайщиком-евреем. Одно время «почти все начальники крупных шаек во Франции имели любовниц-еврeек». Евреев побуждают браться за эти преступления, равно как и за ростовщичество, следующие мотивы: жадность к золоту, отчаяние и невозможность получить какую-нибудь службу или вспомоществование; преступлениями они реагируют на преследования своих более сильных врагов, которые часто заставляли их даже стать соучастниками преступления, если они не желают сделаться их жертвами. Поэтому нельзя было бы удивляться, если преступность среди них была даже большей, чем у других народов, причем нужно отметить, что там, где евреи начинают пользоваться общими правами, специфичность их преступности заметно ослабляется и исчезает.

Отсюда опять ясно, как трудно приходить к каким бы то ни было заключениям в моральных вопросах, основываясь на одних только цифрах.

Если, с одной стороны, доказана меньшая преступность евреев сравнительно с другими нациями, то, с другой — не подлежит также сомнению огромная частота среди них психических заболеваний[1].

Но здесь дело сводится не столько к особенностям их расы, сколько к умственному переутомлению, так как среди других семитов (арабов, бедуинов и т. п.) умопомешательство напротив встречается чрезвычайно редко.

10. Цыгане. Совершенно другое следует сказать о цыганах, которые могут служить олицетворением преступной расы с ее страстями и порочными наклонностями.

---

[1]

В Баварии	1	помешанный	приходится	на	908	катол.	967	прот.	514	евреев
В Ганновере	1	»	»	»	527	»	64	»	337	»
В Силезии	1	»	»	»	1355	»	126	»	604	»

В Дании	на	1000	евреев	приходится	5,8	помешанных
В	» »	1000	христиан	»	3,4	»

Они, говорит про цыган Грелман, питают ужас ко всему, что требует малейшего усилия, и готовы лучше переносить голод и нищету, чем взяться хотя бы за легчайший труд; вообще же они работают лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Они клятвопреступны даже в отношении друг к другу, неблагодарны, злы и жестоки.

В австрийской армии они составляют зло. Они в высшей степени мстительны. С целью разграбить Лограно они отравили фонтаны Драо и, полагая, что все жители умерли, ворвались туда огромной толпой; жители же спаслись только благодаря тому, что один из них обнаружил этот замысел. Во время гнева цыгане швыряют своих детей в голову своим врагам. Они тщеславны, как преступники, совершенно равнодушны к позору и стыду. Все деньги свои они тратят на спиртные напитки и украшения, так что нередко их можно видеть босых, но в одежде, расшитой галунами и самых ярких цветов, без чулок, но в желтых сапогах.

Они предусмотрительны, как дикари или преступники, суеверны и считают величайшей мерзостью съесть угря или ящерицу, несмотря на то что едят почти гниющую мертвечину.

Они любят устраивать оргии и вообще производить страшный шум во время своих перекочевок. Они без угрызения совести убивают и грабят. Некогда их обвиняли даже в каннибализме.

Особенной ловкостью в воровстве отличаются их женщины, которые обучают ему своих детей с самого раннего детства. Они отравляют скот при помощи известных ядов с целью потом прославиться излечением его или скупить мясо за бесценок. В Турции цыганки занимаются преимущественно проституцией. Вообще же цыгане живут главным образом мошенничеством, сбытом фальшивых монет и продажей порченых лошадей под видом здоровых и хороших. Если слово «еврей» обозначало некогда в Италии ростовщика, то в Испании слово *gitano* равносильно мошеннику и барышнику*.

В каком бы положении цыган ни находился, он сохраняет всегда свое обычное равнодушие; он нисколько не заботится о будущем и со дня на день живет с абсолютной неподвижностью мысли, относясь ко всему совершенно индифферентно.

«Для этой странной нации, — говорит Колоччи, — власти, законы и постановления суть вещи несносные. Для них одинаково противно приказывать, как и повиноваться: одно и другое одинаково тяжело для них. Цыгану также чуждо понятие “иметь”, как и “быть должным”; ему незнакомы последовательность и предусмотрительность, связь прошедшего с будущим»[1]. «Когда они хотят уйти куда-нибудь, — писал про цыган Пешон де Руби в

[1] В языке цыган нет слова «быть должным». Слово «имею» (*terava*) почти совершенно забыто европейскими цыганами и неизвестно азиатским цыганам.

XVI столетии, — они направляются в сторону, противоположную той, куда им лежит путь, и, сделав с полверсты, возвращаются обратно».

В заключение заметим, что эта раса, стоящая на такой низкой ступени умственного и нравственного развития, совершенно неспособная к какой бы то ни было гражданственности и промышленности, не перешагнувшая в области поэзии самой жалкой лирики, создала в Венгрии новый род музыки, служащий доказательством того, что неофилия и гениальность могут у преступников часто примешиваться к атавизму.

Глава 4

Цивилизация и варварство. — Скученность населения. — Новые преступления

1. Цивилизация и варварство. Среди множества социальных проблем есть одна, верное и точное разрешение которой особенно важно: мы говорим о влиянии цивилизации на преступления и психические заболевания.

Если мы будем придерживаться исключительно цифр, то придем к заключению, что во всех европейских странах замечается постоянное увеличение преступлений и душевных болезней, непропорциональное, впрочем, росту населения[1].

[1] Во Франции за время с 1826 по 1837 год обвиняемые составляли 1 на 100 жителей, а в 1868 году они увеличились до 1 на 55. С 1825 по 1838 год число осужденных (не считая политических преступников и нарушителей фискальных законов) возросло с 57 470 до 80 920. В 1838 году оно поднялось уже с 237 до 375 на каждые 100 тысяч жителей; в 1847 году до 480; в 1854–1866 годах оно упало до 389, чтобы опять увеличиться в 1874 году до 517 и в 1889 году до 552. Таким образом, пропорция осужденных увеличилась во Франции в течение 50 лет на 133%.

В Австрии:

В 1856	году	1	осужденный	приходился	на	каждые	1238	жителей
» 1857	»	»	»	»	»	»	1191	»
» 1860	»	»	»	»	»	»	1261	»
» 1861	»	»	»	»	»	»	1178	»
» 1862	»	»	»	»	»	»	1082	»

В Англии и Уэльсе:

С	1811	по	1815	г.	1	заключенный	приходился	на	каждого	1210	жителей
»	1826	»	1830	»	»	»	»	»	»	568	»
»	1836	»	1840	»	»	»	»	»	»	477	»
»	1846	»	1848	»	»	»	»	»	»	455	»

С 1805 по 1841 год население Англии увеличилось на 49%, а преступления — на 720%. Однако в последние годы замечается падение числа преступлений.

Но Месседалья совершенно справедливо указывает на неизбежность ошибок там, где на основании одних только цифр решаются сложные проблемы, в которых одновременно участвуют многие факторы.

Огромная, постоянно возрастающая цифра преступлений и психических заболеваний настоящего времени, быть может, объясняется, с одной стороны, переменами в гражданских и уголовных законах и большей активностью полиции, а с другой — значительным распространением специальных убежищ для душевнобольных.

Теперь уже не подлежит сомнению, что цивилизация, как и варварство, создает особого рода специфическую преступность. У дикарей отсутствует всякое нравственное чувство, и благодаря этому убийство не внушает им никакого ужаса. У многих из них оно, напротив, считается даже геройским подвигом. Варварство признает месть долгом, а силу — правом, что способствует умножению кровавых преступлений и развитию религиозных маний, демономаний и умопомешательств в силу подражания. Но варварству же, с другой стороны, свойственны и более крепкие семейные узы, более слабый половой инстинкт и отсутствие чувства тщеславия, благодаря чему среди дикарей реже наблюдаются такие преступления, как отцеубийство, детоубийство и кражи.

По словам Ферреро, человек выработал до настоящего времени два типа цивилизации: один с характером насилия, а другой — обмана и хитрости. Оба этих типа цивилизации коренным образом отличаются один от другого по форме, в какой выражается при каждой из них борьба за существование. В первобытной цивилизации с характером насилия борьба за жизнь ведется исключительно при помощи грубой физической силы: политическое могущество и богатство создаются при ней с помощью оружия за счет соседних чужеземных народов или же более слабых сограждан; торговая конкуренция совершается преимущественно при помощи армий и флота, то есть путем насильственного удаления противников с тех рынков, эксплуатацией которых желательно завладеть; споры и недоразумения разрешаются при помощи поединков.

При цивилизации с характером обмана борьба за существование совершается, напротив, при помощи хитрости, и споры разрешаются в судах при помощи состязаний адвокатов; политическое могущество достигается не оружием, а золотом; деньги переводятся из одного кармана в другой путем разного рода надувательств, называемых биржевой игрой; торговая война ведется при помощи усовершенствованных производств и фальсификаций,

---

В Италии насчитывалось:

В 1850–1859 гг.	обвиняем.	в	тяжких	преступл.	16,173,	а осужден.	7,535
В 1860–1869 »	»	»	»	»	23,854,	»	10,701

В 1863–1869 годах количество преступлений возросло на $^1/_{10}$, а население — лишь на $^1/_{20}$.

производящих на покупателя впечатление дешевизны товара при его доброкачественности.

Примерами цивилизации первого типа служат или, вернее, служили Корсика, отчасти Сардиния, Черногория, итальянские города в Средние века и все вообще примитивные страны.

Примерами второго типа цивилизации являются все современные народы, у которых буржуазно-капиталистический режим достиг значительного развития.

Разница между обоими типами цивилизации не так велика, как это кажется в теории, ибо в действительности у обществ часто наблюдается смесь черт, принадлежащих им обоим.

Подобно этому мы наблюдаем также и двоякого вида преступность, так как патология и в социальном отношении следует по тому же пути, что и физиология.

Мы различаем именно *атавистические* преступления, грубейшими примерами которых являются убийство, воровство и изнасилование, и *эволюционные*, отличающиеся от предыдущих более тонкими приемами, основанными не на силе, а на хитрости.

Преступлениям первого вида подвержено небольшое число лиц, роковым образом предрасположенных к ним, а преступления второго типа мы наблюдаем у всех тех, кто не обладает достаточно уравновешенным характером, чтобы противостоять окружающим вредным влияниям.

Сигеле справедливо замечает, что оба вида преступности наблюдаются очень интенсивно в массовых преступлениях низших и высших классов населения.

Эволюционная форма преступности покоится на деятельности ума, точно так же, как атавистическая — на работе мускулов.

В современной Италии мы находим достаточно примеров обоих видов преступности: в Сицилии, например, очень часты морские разбои, а в Риме — банковские скандалы и преступления против нравственности, наблюдаемые у высших классов общества.

Следующим примером атавистической преступности может служить Романья. Последние годы здесь наблюдалось гораздо больше преступлений против личности, чем в других местностях Италии. Как доказал Габелли, объяснялось это преимущественно традициями старинной безнаказанности и той нравственной атмосферой, которая создалась благодаря ей.

Несколько лет тому назад редко можно было встретить здесь девушку, которая согласилась бы выйти замуж за человека, ни разу не пустившего в ход ножа.

Пани Росси часто слышал, как в Базиликате матери называют своих сыновей *brigantiello* (маленькими разбойниками).

«Слово *malandrino*, — говорит он, — теряет в Сицилии всякое позорное значение и становится эпитетом, выражающим похвалу, которым всякий

здесь гордится. *Lo sono malandrino* означает у них человека, который никого и ничего не боится — даже правосудия».

Еще более ярким примером подобной же преступности является Корсика, где причины ее кроются в социально-исторических условиях этой страны.

«Частота убийств на Корсике вследствие мести, — пишет Бурне, — известна всему миру, но вряд ли кто знает, до каких размеров здесь обыкновенно дело доходит. Роччино убил, положим, собаку Тофани, и следствием этого может явиться 11 убийств в обоих этих семействах. В1886 году здесь было 135 покушений на жизнь, то есть одно подобное преступление приходилось на 200 душ населения, что в четыре раза превышает соответствующие цифры в Сенском департаменте во Франции. Из этих 135 покушений 52 явились последствием ссор и драк. В этой же стране невозможно заставить говорить свидетеля на суде. В Палермо 60 лиц присутствовали однажды при одном убийстве, а на суде все они под присягой показывали, что ничего не видели».

Согласно отчетам жандармерии Бурде считает число бандитов на Корсике равным 5–6 тысячам.

«Корсиканцы, — говорит он, — отличаются гордостью: они презирают всякий физический труд, обращают более внимания на ум, чем на нравственность, и со своеобразной точки зрения смотрят на счастье и совесть людскую.

Организация их очень напоминает устройство древних римских патрициев: 15 или 20 семейств заправляют здесь всеми остальными и делают все, что им угодно.

Здесь всякий, отказывающийся поддержать члена своей семьи, рискует своей жизнью. На этом острове находятся в вечной борьбе два принципа: один, новый — признание абсолютного права и справедливости, а другой, старый — слепая преданность своей фамилии и невозможность подняться выше узких семейных интересов. К сожалению, второй принцип почти всегда побеждает, что особенно резко выступает при отчуждениях земельных участков при постройке железных дорог».

«Суд, — читаем мы далее у Бурде, — под председательством Касабьянки, главы одной наиболее могущественной на Корсике партии, судит, например, таким образом: некоему Бенедетти за отчуждение его участка в 16,96 ара он назначает всего 2 тысячи франков, а какой-то Виргитти за участок в 18,90 ара выдает 13 тысяч франков. Подобные несправедливости кажутся здесь вполне естественными».

«Во всей Франции было в 1885 году констатировано 45 523 аграрных преступления, а в одной Корсике их было за это время 13 405, то есть почти треть».

С одной стороны, прогресс цивилизации, увеличивающей до бесконечности потребности и желания современного человека, а с другой — накопление богатств, дающих возможность удовлетворять возбужденные чувства,

ведут к тому, что число душевнобольных, алкоголиков и паралитиков[1] в убежищах, равно как количество преступников против собственности и нравственности в тюрьмах, — постоянно растет и увеличивается. Статистика неоспоримо доказывает, что число преступлений, совершаемых в крупных центрах людьми культурных классов населения, в настоящее время заметно возрастает[2].

Сигеле доказал, что преступность, наблюдаемая у масс, отличается в настоящее время именно вышеуказанным характером.

Является вопрос, почему среди зажиточных классов населения преобладает тип преступности в виде обмана, а среди бедных — в виде грубого насилия?

Ответ на этот вопрос прост: состоятельные классы населения отвечают духу времени, в то время как низшие по своим чувствам и мыслям живут еще отдаленным прошлым. Весьма естественно поэтому, что первые должны уйти вперед и в своей массовой преступности, в то время как вторые отстают в этом отношении и в силу атавизма приближаются более к первобытным дикарям.

---

[1] В Бисетре паралитиков было в 1818–1819 годах всего 9 чел., а в 1848–1849 годах их было уже 34.

[2]

		Преступл. против личности	Самоубийства	Кражи	Преступл. против нравственности
Пруссия	1854	8,9%	0,43%	88,41%	2,26%
»	1859	16,65%	0,52%	78,17%	4,68%

Франция в период времени с 1831 по 1835 год.

Преступл. взрослых	Преступл. детей	Выкидыши	Детоубийства	Самоубийства	Кражи	Убийства
2,95	3,64	0,19	2,25	3,83	14,40	14,40

Франция в период времени с 1856 по 1860 год.

6,20	20,59	0,97	67,45	6,18	11,83	11,83

Домашние кражи и грабежи на Корсике и во Франции относятся друг к другу, как	0,38 : 1
Взаимные оскорбления супругов, отравления	0,33 : 1
Изнасилования	0,50 : 1
Отцеубийства и банкротства	0,00 : 1
Вымогательства	3,00 : 1
Грабежи	7,00 : 1
Похищения молодых девушек	23,00 : 1
Убийства	32,00 : 1

Бажео писал: «Чтобы убедиться, что инстинкты массы грубеют по мере того, как спускаются все ниже и ниже по общественной лестнице, вовсе не нужно отправляться к дикарям: для того достаточно поговорить с английским простонародьем или с нашей прислугой».

Итак, цивилизация изменяет характер преступлений, обусловливая увеличение их. Факт этот вряд ли может в настоящее время подлежать сомнению, хотя и нелегко мириться с ним.

2. Скученность населения. К только что приведенным нами причинам, влияющим на увеличение числа преступлений, принадлежат еще и другие.

Цивилизация благодаря железным дорогам, развитию промышленности и бюрократии способствует, как известно, появлению крупных центров с огромным населением. Именно в этих центрах скапливается всегда больше всего так называемых привычных преступников, которые находят в них наилучшие условия для своей преступной деятельности и которым легче скрываться здесь от бдительного ока правосудия.

«Человеку, — говорит Бертильон, — свойственна особая, довольно сильная наклонность воспроизводить в области чувств и поступков именно то, что он видит вокруг себя. Благодаря некоторым условиям наклонность эта может до того усиливаться, что воздух как бы насыщается действующими началами тех или других мыслей и поступков, влияющих на людей и заражающих их в известном смысле. Среди лошадей, собранных вместе в больших количествах, часто наблюдается, как известно, наклонность к развитию содомии».

Вышеприведенная причина наряду с хорошим и обильным питанием и известным параллелизмом, существующим между развитием половых органов и центральной нервной системы, объясняет нам отчасти значительное увеличение преступлений против нравственности, характерных для настоящего времени, и огромное распространение, особенно в крупных центрах, проституции. В этих же условиях кроются и причины более сильной преступности, наблюдаемой в цивилизованных странах у женщин, толкаемых на путь преступления преимущественно ложным стыдом их бедности, жадностью к роскоши и почти мужским воспитанием, дающим им, в силу их занятий, возможность совершать такие преступления, как подлоги, мошенничества и т. п.

Помимо этого цивилизация влияет на увеличение количества преступлений, повышая число душевных заболеваний, алкоголиков[1] и усиливая

---

[1] Возьмем для примера статистику Соединенных Штатов Северной Америки, страны наиболее далеко ушедшей по уровню культуры, и мы увидим, что число душевнобольных в 1850 году достигало в них 15 610, в 1870 — 20 042, в 1880 — 37 432 и в 1890 — 91970, между тем как население с 23 191 876 в 1850 году возросло до 50 155 788 в 1890 году, то есть увеличилось за 40 лет вдвое, а число душевнобольных почти вшестеро. Мало того: в самые последние годы население, согласно той же статистике,

употребление возбуждающих средств, почти совершенно неизвестных в некультурных странах и ставших насущной потребностью человека цивилизованного общества. Так, в Англии и Америке кроме алкоголя и табака в последнее время распространилось употребление опиума и эфира. Во Франции за период с 1840 по 1870 год среднее употребление водки возросло с 8 до 30 литров в год на каждого человека.

После всего сказанного нам еще более понятно станет и без цифр, каким образом должна влиять на увеличение преступлений скученность в тюрьмах, в которых, по словам самих заключенных, величайшая испорченность окружается ореолом славы, а добродетель считается стыдом. Цивилизация, способствующая умножению крупных тюремных центров, дает тем самым особенное напряжение преступности, особенно когда она связывает с ней благотворительные и филантропические учреждения (школы, патронаты). Современная система наказаний ни в коем случае не может влиять на исправление закоренелого преступника.

Наши исправительные заведения, возникающие благодаря истинно гуманным чувствам человеколюбия, оказывают на самом деле вследствие одного только скопления в них испорченных и негодных индивидов совершенно другое действие, обратное той цели, для которой они созданы. Припомним здесь, кстати, что знаменитый Оливекрона приписывает значительное число рецидивистов-преступников в Швеции недостаткам ее тюремной системы и в высшей степени вредному обычаю подвергать молодых заключенных такой же строгой дисциплине, что и взрослых.

3. Новые преступления. Цивилизация чуть ли не ежедневно создает новые преступления, быть может, менее ужасные, чем прежние, но столь же, если не более, вредные. Укажем несколько примеров. В последнее время распространились убийства с целью воспользоваться суммой, на какую была застрахована жизнь убитого.

Далее, картина отравления мышьяковистой кислотой, похожая на холерные припадки, навела на мысль во время холерной эпидемии отравлять людей, предварительно застраховав их жизнь.

В Вене недавно был открыт особый вид мошенничества, состоящий в том, что некоторые лица выписывали на имя разных несуществующих обществ всевозможные товары и затем сбывали их.

возросло на 30%, а число психических заболеваний — на 155%. В Англии и Уэльсе душевные болезни в 1859 году составляли 18,6 на 10 тысяч жителей, в 1885 — 28,9 на 20 тысяч и в 1893 году — 30,0 на тысячу. В Италии в 1874 году считался 51 душевнобольной на 100 тысяч населения, в 1877 — 54,1; в 1880 — 61,25; в 1883 — 67,7; в 1885 — 66,0 и в 1886 — 74,0. Во Франции душевнобольные составляли 131,1 на 100 тысяч населения в 1883 году, 133,0 в 1884 году и 136,0 в 1888 году. В Шотландии и Ирландии, по статистике Легуая, наблюдается 2,6 психически больных на тысячу жителей, в Скандинавии — 3,4, в Соединенных Штатах — 3,3, в Голландии — 5,9 в 1856 году; 6,4 — в 1860 году и 7,5 — в 1863 году.

Повторяем, цивилизация, ослабляя семейные узы, увеличивает не только число бесприютных и беспризорных детей, кандидатов в преступники, но также и количество изнасилований и детоубийств.

Тем не менее мы не в праве осуждать ее за это. Она является, правда, источником известных преступлений, но в то же время совершенно изменяет их характер. Это раз. С другой стороны, там, где цивилизация достигает своего апогея, она вместе с тем находит средства залечивать те раны, которые сама наносит, создавая убежища для душевнобольных, рабочие дома, сберегательные кассы при почтовых учреждениях и попечительные общества о покинутых и беспризорных детях, которые без этого становятся преступниками чуть ли не с колыбели.

Глава 5

Плотность населения. — Иммиграция. — Эмиграция. — Рождаемость. — Городское и деревенское население

1. Плотность населения. Влияние цивилизации на преступность выступает еще резче при изучении других факторов и особенно плотности населения, ибо история показывает, что в зависимости от нее преступность меняется.

Проституция, воровство и телесные повреждения, как справедливо замечают Реклю и Вестермарк, редко наблюдаются у примитивных обществ, как, например, у веддов, которые собираются вместе только в периоды дождей, или у некоторых австралийских племен, живущих отдельными семьями и сходящихся только во время жатвы. Точно так же и у животных редко наблюдается эквивалент преступности, если их не собрано много в одном месте, ибо при этом не могут проявляться с надлежащей силой их животные инстинкты. По мере развития городской жизни появляются те или другие преступления, до этого пребывавшие как бы в недеятельном, скрытом состоянии. Чем менее плотно и густо население какой-нибудь местности, тем относительно реже наблюдаются среди него преступления, которые растут по мере его развития и достигают бесконечного разнообразия в современном обществе.

Достаточно бросить беглый взгляд на преступления против собственности и на убийства, для того чтобы убедиться, что, оставляя в стороне колебания их в зависимости от климата, число краж резко увеличивается, а убийств уменьшается по мере увеличения плотности населения.

Из нижеследующей таблицы мы видим, что из семи европейских государств с очень малой плотностью населения наблюдается довольно высокая пропорция убийств в двух (именно в Испании и Венгрии), а из восьми государств с максимальной плотностью его это замечается в одной лишь Италии. В отношении краж наблюдается совершенно обратное явление.

Преступления и плотность населения в европейских государствах

Число жителей на 1 кв. километр	Убийства на каждый 1 млн жителей	Кражи на каждые 100 тыс. жителей
18. Россия	14	–
33. Швеция и Норвегия	13	–
33. Дания	13	–
33. Испания	58	52,9
51. Португалия	25	80
61. Австрия	25	103
61. Венгрия	75	103
66. Польша	10	–
69. Швейцария	16	114
71. Франция	18	116
86. Германия	5	200
100. Италия	96	72
112. Англия	7	136
113. Ирландия	9	91
166. Бельгия	18	134

Влияние плотности населения еще резче сказывается в Италии, особенно если рассматривать каждое преступление в отдельности в зависимости от плотности населения. Так, мы находим в ней:

Число жителей на 1 кв. км	Убийства ⁰/₀₀₀₀	Кражи ⁰/₀₀₀₀	Сопр. власти ⁰/₀₀₀₀	Изнасилования ⁰/₀₀₀₀	Мошеннич. ⁰/₀₀₀₀
От 20 до 50	11	199	23,7	18,8	52,6
» 50 до 100	6,03	144,4	25,4	16,4	45,0
» 100 до 150	6,0	148	23,5	14,5	58,5
» 150 до 200	5,1	153	24,6	12,3	54,6
» 200 и выше	3,5	158	29,5	18,7	50,4

Итак, мы видим, что убийства уменьшаются в крупных центрах по мере увеличения плотности их населения (например, в Милане, Неаполе, Ливорно и Генуе, несмотря на все разнообразие их населения и климата) и, напротив, более или менее правильно возрастают по мере уменьшения ее, особенно в жарких странах и на островах, где цивилизация находится, в общем, на очень низком уровне развития.

Напротив, число краж, изнасилований и сопротивлений властям возрастает по мере увеличения плотности населения, что особенно бросается в глаза в больших густонаселенных центрах.

Мошенничества неестественно колеблются почти всегда в обратном отношении к плотности населения, что объясняется среди прочего этничес-

ким влиянием, как, например, в провинциях Форли и Болонья, преступность которых давно уже вошла — как известно — в поговорку. Еще Данте сказал:

Et non pur io qui piango Bolognese:
Anzi n'è questo luogo tutto pieno[1]...

Согласно французским статистикам последних лет, мы находим для Франции следующие данные о преступлениях в зависимости от плотности населения:

Число жителей на 1 кв. км	Кражи $^0/_{0000}$	Убийства $^0/_{0000}$	Изнасилов. $^0/_{0000}$
От 20 до 40	63	4,41	19,0
» 40 » 60	96	1,42	20,4
» 60 » 80	100	1,40	19,0
» 80 » 100	116	1.20	30,0
» 100 и более	196	1,88	34,0

То есть число краж естественно растет по мере увеличения плотности населения. Что же касается убийств и изнасилований, то они даются в наибольших пропорциях как при минимуме, так и при максимуме ее. Это противоречие объясняется тем, что там, где имеется наибольшая плотность населения, находятся и крупнейшие центры промышленности (например, департамент Нижняя Сена, 92), политические (Париж, 18) и иммиграционные (департамент Устье Роны, 45), среди населения которых чаще всего имеют место всевозможные ссоры и недоразумения. С другой стороны, местности с минимальной плотностью населения (как, например, Корсика — 200, Лозер — 41, департамент Верхние Альпы — 24) — суть пункты наиболее низкого развития цивилизации, где убийство считается, как известно, необходимостью чаще, чем преступлением. В общем этнический и климатический факторы ослабляют значение плотности населения, но последняя, несомненно, влияет на два вида преступления: на кражи, число которых сообразно ей увеличивается, и убийства, количество которых уменьшается.

2. Иммиграция. Эмиграция. Между Италией и Францией существует поразительный контраст в том отношении, что в первой из них убийства правильно уменьшаются сообразно увеличению плотности населения, между тем как во Франции они, как мы только что сказали, очень часто даже возрастают при этом. Противоречие это объясняется особенными условиями,

[1] Не первый я болонец плачу тут;
Их понабилась здесь такая кипа... (*ит.*) — *Здесь и далее цитаты из «Божественной комедии» в переводе М. Лозинского.*

имеющими место во Франции, именно иммиграцией в нее, совершенно отсутствующей в Италии. Благодаря этой иммиграции плотность населения известных местностей во Франции значительно увеличивается, благодаря ежегодному приливу в нее 1,2 миллиона иностранцев, людей большей частью пожилого возраста, так или иначе, легко вступающих на путь преступления. Действительно, максимум убийств наблюдается в департаменте Устья Роны, являющемся центром наиболее значительной иммиграции, достигающей в год 50 тысяч человек (преимущественно итальянцев).

Из 40 тысяч арестованных в течение известного времени в Сенском департаменте только 13 тысяч оказались уроженцами его, остальные же все принадлежали к пришлому элементу. В департаменте Эро, в городе Сетте, как показывает статистика, из 10 осужденных только 3 принадлежат к коренному населению его. В 1889 году пропорция местных жителей составляла среди осужденных 2%, а пришлых — 19%. То же наблюдается и среди рабочего населения марсельского порта. По словам Жоли, наибольший контингент убийц и воров дают среди них именно приезжие.

В 1881 г.	осужд.	за	изнасилов.	сост.	17	чел.	на	1	млн	жит.	среди	местн. насел.
» 1881 »	»	»	»	»	60	»	»	1	»	»	»	приезжих
» 1872 »	»	»	»	»	18	»	»	1	»	»	»	местн. насел.
» 1872 »	»	»	»	»	46	»	»	1	»	»	»	приезжих

По последним статистическим данным относительно Северо-Американских Соединенных Штатов оказывается, что наибольшая преступность наблюдается в тех штатах, на которые приходится более всего иммигрантов.

При этом:

В Калифорнии	преступники	составляли	0,30%	населения,	а	иммигранты —	33%
» Неваде	»	»	0,31%	»	»	»	41%
» Вайоминге	»	»	0,35%	»	»	»	28%
» Монтане	»	»	0,19%	»	»	»	29%
» Аризоне	»	»	0,16%	»	»	»	39%
» Нью-Йорке	»	»	0,27%	»	»	»	23%

Напротив:

В Нью-Мексико	преступники	составляли	0,03%	населения,	а	иммигранты	6,7%
» Пенсильвании	»	»	0,11%	»	»	»	13%

Цифры эти, очевидно, противоречат значению плотности населения. Действительно, в Монтане при плотности населения всего в 0,3 человека на каждую квадратную милю наблюдается огромный контингент преступников, между тем как в Нью-Йорке (151 человек на 1 кв. милю) и в Пен-

сильвании (95 человек на 1 кв. милю), где, стало быть, плотность населения очень велика, пропорция их гораздо ниже, а в округе Колумбии, в котором приходится даже 2960 человек на 1 квадратную милю, преступность сравнительно совсем ничтожная.

Из 49 тысяч арестованных в Нью-Йорке в разное время лиц 32 тысячи оказались иммигрантами, а из 38 тысяч заключенных в североамериканских тюрьмах 20 тысяч происходили от иностранцев.

Во Франции число судимых в окружных судах составляет на 100 тысяч жителей:

8	— в коренном населении, живущем на месте
29	— среди французов, проживающих за границей
41	— » иностранцев, » во Франции.

К настоящему времени иммиграция во Франции утроилась, с 1851 по 1886 год она возросла с 380 381 до 1 126 183 человек.

Совершенно справедливо, замечает Жоли, что при слабой эмиграции из страны уходят только наиболее энергичные и интеллигентные люди, а сильный эмиграционный поток уносит, обыкновенно, вместе с хорошими людьми и много дурных. Действительно, значительная доля преступности иммигрантов наблюдается на окраинах государства, где всегда имеет место более или менее значительная эмиграция.

Точно так же и в самом Париже при равных пропорциях жителей бельгийская и швейцарская колонии дают в три раза более арестованных, чем английская и американская.

С другой стороны, замечен факт, что среди иммигрирующих наблюдается тем более преступлений, чем менее они оседают. Так, бельгийцы, натурализующиеся во Франции, дают меньший процент преступников, чем испанские эмигранты, проживающие в ней недолговременно.

Все сказанное относится и к внутренней эмиграции, совершающейся в пределах одной и той же страны. Так, при исследовании Сен-Годена, откуда ежегодно эмигрирует множество странствующих купцов (около 7 тысяч из 36 тысяч жителей), оказалось, что среди них наблюдается огромный контингент мошенников, насильников и убийц, и число этого рода преступников возросло с 41 в 1831—1869 годах до 300 в 1881. Точно так же стали среди них более частыми подкидыши, нарушения супружеской верности и разводы. В силу этого же департамент Крёз занимает видное место по преступности своего населения, благодаря ежегодной иммиграции в него, достигающей 45 тысяч человек.

Многие из иммигрантов являются честными людьми в больших городах, но, не имея верного представления об условиях городской жизни, легко впадают вследствие этого в ошибки и постепенно доходят до преступления: молодая девушка, например, уступая первым соблазнам любви, стано-

вится проституткой; мастеровой, не находя работы, впадает в праздность и, окруженный дурными примерами и искушениями, превращается в вора. Помимо этих невольных жертв преступления известный контингент иммигрантов приезжает в большие города для преступной деятельности. «В маленьких городках, — справедливо замечает Жоли, — ищут случая совершить преступление, а в Париже, напротив, случай ищет человека».

Наконец, богатый класс населения дает известный процент преступников именно против нравственности.

Эмигрант, писали мы еще в 1876 году, представляет собой, в общем, особую человеческую разновидность с сильно выраженной наклонностью к преступлениям, очень нуждающуюся, не знающую никакого стыда и легко ускользающую из рук правосудия. Все воры ведут большей частью кочевой образ жизни.

Абруццкие эмигранты составляли наибольший контингент в шайке Манчини.

В предыдущие столетия иммиграция часто совершалась исключительно с преступной целью. Так, например, шайка Фордиспини при возникновении своем состояла исключительно из сброда приезжих лудильщиков, продавцов свечей, жнецов, коробейников, людей более или менее запятнанных преступлением.

Наконец, большое влияние на преступность имеет и эмиграция. Именно благодаря ей Италия так сильно отличается от Франции соотношением между количеством убийств и плотностью населения. Во Франции за последние 10 лет, с 1880 по 1890 год, число эмигрирующих достигает в среднем всего 11 163 человека в год, между тем как в Италии количество их в 1892 году было уже 246 751.

3. Рождаемость. Исследованиями об эмиграции разрешается в большей части своей другой вопрос, но совершенно различно для Италии и Франции. Известно, в частности, что число преступлений при одних и тех же плотностях населения должно зависеть от колебаний рождаемости, что кражи, например, возрастающие с плотностью населения, должны также увеличиваться с рождаемостью. Однако во Франции некоторые преступления, особенно изнасилования и убийства, умножаясь прямо пропорционально плотности населения, увеличиваются обратно рождаемости.

Так, Корр и Жоли наблюдали максимум этого рода преступлений именно в тех департаментах Франции, в которых рождаемость очень низкая, как это видно из следующего:

Рождаемость	Преступления против личности	Кражи	Изнасилования
19,00	64	83	17
16,47	66	99	26
14,05	89	186	29

Но во Франции малая рождаемость совпадает, как мы уже говорили, с наибольшей иммиграцией иностранцев. Именно ею и объясняется, по наблюдениям Жоли в Сетте и Марселе, высокая преступность этих мест, подвергающихся постоянной иммиграции генуэзцев и калабрийцев.

Другая разница в преступности населения данной местности зависит от того, какой элемент является преобладающим в ее населении: мастеровые отличаются, как известно, плодовитостью, чего совсем нельзя сказать про крестьянское население. Вследствие этого в местностях, где сильно развит рабочий элемент, как, например, в департаменте Нижняя Сена, в департаментах Нор и в Па-де-Кале, наблюдается также, сравнительно с департаментами Шер и Эндр, значительно большее число преступлений.

Но, в общем, всюду преобладает антагонизм между количеством преступлений и рождений, так что в Париже, в части Шампани и Нормандии и во всех средиземных департаментах, кроме Гарского, при резком падении рождаемости среди населения наблюдается значительное повышение преступности.

По словам Ги, департамент Тарн и Гаронна, очень бедный и изолированный, характеризуется сравнительно менее интенсивной преступностью, несмотря на рост населения в нем, между тем как в богатых и плодородных департаментах замечается, наоборот, быстрое уменьшение населения и увеличение числа преступлений при постоянном увеличении иммиграции.

Напротив, в Бретани, в департаментах Шер, Сена, Дром, Вьенна и Вандея наблюдается очень много законных рождений и ранних браков, но мало преступлений.

Зависит это здесь не столько от рождаемости, сколько от иммиграции. Значение последней подтверждается обратным явлением, имеющим место в Италии, где — как уже замечено — ее вовсе нет, но где зато происходит довольно сильная эмиграция, достигающая 193 человек в год на каждые 100 тысяч населения.

Изучая по новейшим данным Боско влияние эмиграции на количество убийств в Соединенных Штатах в 1889 году, мы убеждаемся, что из содержавшихся в тюрьме за убийство приходилось на 1 миллион населения местных уроженцев 95, а иностранцев — 138, причем последние распределялись по своему происхождению следующим образом:

Уроженцев	Дании, Швеции и Норвегии	было	5,8	на	100 000
»	Англии	было	10,4	»	100 000
»	Ирландии	»	17,5	»	100 000
»	Германии	»	9,7	»	100 000
»	Австрии	»	12,2	»	100 000
»	Франции	»	27,4	»	100 000
»	Италии	»	58,1	»	100 000

В Италии максимум рождений почти всегда наблюдается в тех провинциях, которые более всего известны своей преступностью и бедностью: так, ежегодное число рождений в Южной Италии и на островах за период времени с 1876 по 1888 год определено в среднем в 40 душ на каждую 1 тысячу человек населения, между тем как в остальной Италии число это равно только 36.

Точно так же и на острове Сицилия максимум рождений наблюдается в четырех провинциях, отличающихся наибольшей пропорцией[1] убийств. Но здесь приходится считаться еще и с другой причиной, именно с повышенным, благодаря жаркому климату, половым инстинктом.

Результаты сильной рождаемости в Южной Италии парализуются огромной смертностью и значительной эмиграцией, имеющими здесь место. Вот почему при исследовании, предпринятом в 1881 году, ни в одной семье не оказывалось в среднем более 4,10 человек в Сицилии и 4,5 в Базиликате, в то время как в Тоскане число их было равно 4,92, а в Венето — даже 5,17.

Сравнивая затем европейские страны с максимальной рождаемостью (1876–1890), а именно:

Германию,	где	она	равна	31,1
Англию,	»	»	»	34,0
Италию,	»	»	»	37,3
и Венгрию,	»	»	»	44,0

с государствами, где наблюдается минимум ее, а именно:

с Францией,	где	она	равна	24,6
» Ирландией,	»	»	»	24,9
» Швейцарией,	»	»	»	29,4

мы находим параллелизм между рождаемостью и убийствами только в Италии и Венгрии в полную противоположность Англии и Германии, где рядом с огромной рождаемостью наблюдается ничтожное количество убийств.

---

[1]

	Число убийств на 100 000 насел.	Число родившихся на 100 000 насел.
В Кальтаниссетте	46,2	4400
В Катании	26,9	3900
В Агридженто	70,7	4600
В Мессине	19,2	3900
В Палермо	42,5	3900
В Сиракузах	15,7	4000
В Тропани	40,2	4300

Из стран с минимальной рождаемостью незначительное количество убийств наблюдается в одной только Ирландии.

В Италии, Англии и Германии высокой рождаемости соответствует значительная пропорция краж, чего нельзя сказать о Венгрии и Швейцарии.

4. Городское и деревенское население. Влияние плотности населения на преступность подтверждается на жителях городов и деревень, и наиболее обстоятельные исследования в этом направлении принадлежат Файе, Соке и Лакассаню.

По их наблюдениям, число осужденных было больше среди деревенского населения, чем среди городского, в период с 1843 по 1856 год, но с 1863 года начинает преобладать в этом отношении последнее[1].

Деревенское население так сильно эмигрирует в города, что составляет в них пятую часть всего населения, а так как эмигрирует преимущественно лучшая и наиболее интеллигентная часть его, то результат этого сказывается в падении деревни. Положение дела усугубляется еще вредным и порочным влиянием на деревенское население возвращающихся обратно из города индивидов.

В общем, количество осужденных за преступления против собственности уменьшилось в деревне на две трети, а в городах — на половину, так что

В 1843 г.	осужденные	в	деревнях	составляли	73%,	а	в	городах	64%
» 1878 »	»	»	»	»	27%,	»	»	»	36%

Деревенское население превосходило городское по числу осужденных за преступления против личности в течение 1823–1878 годов, но с 1859 года оно начало заметно уступать ему в этом отношении.

Так, во Франции было совершено таких преступлений:

			Деревенским населением	Городским населением
В	1850	г.	1,819%	830%
»	1851	»	1,894%	836%
»	1870	»	1,180%	732%
»	1871	»	1,239%	603%

Соке доказывает, что в более отдаленные времена, в период с 1846 по 1850 год, деревенское население превосходило городское количеством осужденных за убийство почти втрое (20 и 7,6%), но в позднейшие годы — в 1876–1880 годах — только вдвое: 63 и 31%. Таким образом, оказывается, что в де-

[1] Файе нашел, что в 1830–1846 годах среди деревенского населения приходился 1 осужденный на 405 жителей, а среди городского — 1 на 165.

ревнях преступность этого рода уменьшилась, а в городах, наоборот, увеличилась почти на одну треть.

Осужденные за предумышленное убийство составляли:

		В деревнях	В городах
В	1846–1850 гг.	72%	65%
»	1876–1880 гг.	26%	31%

то есть количество этих убийств в последнее время уменьшилось как в городах, так и в деревнях.

По числу покушений на честь взрослых женщин крестьяне превосходят горожан, по-видимому, вследствие отсутствия в деревнях домов терпимости. Так, крестьянское и городское население дали в этом отношении следующие цифры:

			Крестьяне	Горожане
В	1846–1850	гг.	74%	24%
»	1876–1880	»	67%	27%

причем преступления этого рода, очевидно, уменьшаются среди первых и, напротив, увеличиваются среди вторых.

Что касается покушений на целомудрие детей, то:

					У крестьян	У горожан
В	1846–1850	гг.	их	наблюдалось	59%	39%
»	1876–1880	»	»	»	53%	45%

что объясняется большей праздностью и злоупотреблением спиртными напитками среди деревенского населения.

Далее, горожане превосходят крестьян вдвое или даже втрое по числу выкидышей, но уступают им по количеству отцеубийств, очевидно, потому, что в городе легче найти соучастников в преступлении и труднее попасться. Осужденные за выкидыши составляли во Франции на 1 миллион населения:

			В деревнях	В городах
В	1851–1855	гг.	9,3%	19,6%
»	1876–1880	»	4,2%	14,5%

а осужденные за отцеубийство:

			В деревнях	В городах
В	1851–1855	гг.	32%	21%
»	1876–1880	»	35%	22%

Кривая преступлений против собственности доказывает, что экономические кризисы сильнее отражаются на деревнях, чем на городах.

Хлебные урожаи сильно влияют только на население деревень, в которых число осужденных в урожайные годы заметно увеличивается, но мало или даже вовсе не отражаются на городском населении.

Итак, город и деревня имеют каждый свою специфическую преступность: деревенские преступления отличаются дикостью и жестокостью, а мотивами их являются преимущественно месть, жадность, удовлетворение животного чувства. В городах преобладающими причинами преступлений являются праздность, лень, мошенничество и чувственность.

Особенно резко бросается в глаза высокий процент преступлений против собственности и относительно незначительное количество правовых преступлений среди населения собственно столиц.

Во Франции, например, Сенский департамент по числу убийств уступает (19,9 на 1 миллион жителей) окружающим департаментам Сена и Уаза (24,3), Уаза (25,8). Еще меньше пропорция наблюдаемых здесь детоубийств. Что же касается краж и растления детей, то эти преступления достигают огромных цифр.

В Италии крупные центры, такие как Турин, Венеция, Генуя, Неаполь, Палермо, Болонья и Рим, превосходят соседние провинции по числу преступлений против общественного порядка и нравственности. Что же касается убийств, то первое место по числу их занимает Рим и отчасти Турин по причинам, о которых мы скажем впоследствии; во всех же других крупных городах количество их постоянно падает.

В Вене насчитывается 10,6 убийств на 1 миллион населения, а в остальной Австрии — 25, но зато число краж в ней — 116, а в провинции — 113.

В Берлине преступления против собственности, кражи, мошенничество и бродяжничество заметно уменьшились с 1818 по 1878 год, несмотря на громадный рост населения, между тем как преступления против личности за это время увеличились, исключая 1870 год. Но число их в столице Пруссии все-таки меньше (11,6 на 1 миллион жителей), чем в провинции (в Бреславле — 18,2; в Магдебурге — 12; в Констанце —16). По числу краж Берлин оставляет далеко позади себя все другие прусские города.

Еще более поразительные цифры наблюдаются в Англии. На каждые 100 тысяч населения приходится 3–4 подозрительных дома в Лондоне, 3,9 — в провинции и 18 — в других городах Англии.

Глава 6

Питание. — Неурожаи. — Цены на хлеб

1. Факторами, значительно ослабляющими и даже уничтожающими влияние климата на преступления, являются плотность населения и условия питания его.

Сопоставляя, по Эттингену, преступления в Пруссии с колебаниями цен на предметы потребления первой необходимости, мы приходим к заключению, что на ежегодное число первых влияет (столько, сколько и цивилизация, если не больше) питание населения. Зависимость между последним и преступностью выражается в том, что по мере падения цен на хлеб уменьшаются преступления против собственности (кроме поджогов) и, напротив, увеличиваются преступления против личности, особенно же изнасилования, как это видно из следующих цифр:

Годы	Изнасилования	Поджоги	Преступления против собственности	Преступления против личности	Цена пшеницы, ржи, картофеля и прочих продуктов
1854	2,26	0,43	88,41	8,90	271,1
1855	2,57	0,46	88,93	8,04	252,3
1856	2,62	0,43	87,60	9,32	293,3
1857	4,14	0,53	81,52	13,81	156,3
1858	4,45	0,60	77,92	17,03	149,3
1859	4,68	0,52	78,19	16,63	150,6

В Пруссии в 1862 году, когда цена на картофель была очень велика, преступления против собственности составляли 44,38, а против личности — 15,8 от общего числа всех преступлений. Когда же цена упала, то соответственно этому преступления первого рода уменьшились до 41, а второго — возросли до 18.

Неурожай 1847 года был причиной увеличения в Пруссии среднего числа преступлений против личности на 24%.

Еще более убедительны цифры, собранные Старком для Пруссии и охватывающие 24-летний период, именно с 1854 по 1878 год.

Одно преступление приходится в среднем на следующее количество населения	Годы с высокой ценой на хлеб (больше 12 марок за 50 кг)	Годы с низкой ценой на хлеб (меньше 10 марок за 50 кг)	Годы со средней ценой на хлеб (от 10 до 12 марок за 50 кг)
Кражи вообще	1,990	2,645	2,512
Кражи леса	50,8	48,2	49,5
Мошенничества	76,285	71,787	68,600
Банкротства	77,600	56,300	56,100
Преступления против государств. порядка	4,282	3,587	3,005
Поджоги	68,328	46,960	71,666
Причинение поврежд.	37,328	54,563	45,933
Убийства	109,937	118,225	95,900
Детоубийства	230,700	227,000	227,000

Отсюда видно, что если цены на хлеб влияют, в общем, на преступления, то, в частности, влияние это больше всего отражается на кражах леса, максимум которых соответствует максимальной стоимости хлеба. С другой стороны, очевидно, что наиболее низкие цены на хлеб, указывающие на максимум благосостояния, совпадают с увеличением числа пожаров, драк и убийств, что может быть объяснено только большим злоупотреблением спиртными напитками вследствие дешевизны хлеба.

Средние цены на хлеб соответствуют наибольшему распространению мошенничеств, банкротств и преступлений против государственного порядка.

По графическим таблицам Корра мы видим, что во Франции начиная с 1843 до 1883 года кривая преступлений — почти исключительно против собственности и самоубийств — постоянно возрастает и до 1865 года идет почти параллельно кривой хлебных цен; с этого времени она с ней расходится, все еще продолжая увеличиваться, между тем как вторая кривая падает, вероятно, вследствие влияния на нее каких-нибудь особенных обстоятельств. Что касается тяжелых преступлений, то они не имеют, по-видимому, никакой связи с ценами на хлеб.

Росси приходит к тем же заключениям в своем исследовании преступности в Риме в течение 1875–1883 годов в зависимости от атмосферного тепла и цен на хлеб. Оказалось, что число преступлений против собственности (за исключением квалифицированных краж и грабежей) напрямую зависело одновременно от зимних холодов и цен на хлебные продукты. Так, в Риме в течение указанных девяти лет максимальное число этого рода преступлений (70 738) наблюдалось в 1880 году, когда цены на хлеб были очень высоки и зима стояла суровая. В 1877 году, когда хлеб также был дорог, но зима была необыкновенно мягкая, число преступлений достигло только 61 498. Далее, в 1881 году при значительном понижении цен на хлеб и при теплой зиме число преступлений против собственности резко уменьшилось с 70 738 до 59 815. Это падение продолжалось в 1882 и 1883 годах, когда цены на хлеб были низкие и зимы стояли несуровые. Что касается побоев и увечий и других преступлений против личности, то на них в течение 1875–1883 годов незаметно было никакого влияния температуры, между тем как при всяком поднятии цен на хлеб число их, напротив, уменьшалось, и наоборот.

Но самым убедительным является, несомненно, соотношение между преступлениями и количеством рабочих часов, необходимых на то, чтобы добыть эквивалент одного килограмма хлеба, на котором основываются обыкновенно при сравнении хлебных цен с колебаниями заработной платы.

1. Отсюда мы видим, что все преступления против собственности, кроме пожаров, отчасти грабежей и особенно тех, которые сопровождаются убийствами, очень точно следуют (если этому не препятствуют какие-ни-

будь очень могущественные факторы) за кривой рабочих часов, необходимых рабочему человеку для добывания эквивалента одного килограмма муки или хлеба; и что в период 1875—1877 годов с увеличением этого числа рабочих часов кражи возросли с 137 до 153 и, напротив, упали с 184 до 111 в течение 1879—1888 годов с их уменьшением. Между обманами в торговле, мошенничествами и тому подобными преступлениями и количеством рабочих часов не наблюдается никакого соотношения.

Что касается преступлений против личности, обязанных своим происхождением большей частью злоупотреблению спиртными напитками, то это цены на хлеб, а количество драк и повреждений, независимо от цен на хлеб, подвергается сильным колебаниям, причем максимум их и минимум приходится на такие годы, в которых разница в ценах на хлеб была совершенно ничтожна.

2. Преступления против нравственности увеличиваются по мере уменьшения рабочих часов: с 1881 по 1888 год, когда число их упало со 122 до 92, количество этого рода преступлений увеличилось с 3,11 до 5,25.

3. Преступления против государственной безопасности, а именно против властей, общественного порядка и прочего, весьма мало подчиняются этому влиянию.

Статистический материал Форнасари ди Верче за 50 лет относительно Великобритании и Ирландии дает приблизительно те же отношения между преступлениями и колебаниями цен на хлебные продукты, а именно:

1. Преступления против собственности, не сопровождающиеся насилием, чаще всего увеличиваются с поднятием цен на хлеб, как это было в течение 1846—1847 годов, когда они с 19 510 возросли до 29 571. Годы с 1870 по 1873 представляют собой исключение в этом отношении, так как в этот период времени преступления эти уменьшились, несмотря на повышение хлебных цен. С другой стороны, с падением цен на хлеб преступления этого рода всегда уменьшаются, как мы это видим в 1847—1852 годах, когда цена хлеба упала с 50 до 40, а преступления уменьшились с 23 910 до 21 306 и в 1857—1858 годах, когда они с 23 917 упали до 20 619.

2. Преступления против собственности, сопровождающиеся насилием, не зависят, по-видимому, от цен на хлеб. Так, мы видим, что число их уменьшается в период времени с 1842 по 1845 годы и в 1862—1863 годах вместе с падением цен на хлеб, и увеличивается в 1881—1886 годах, хотя цены на хлеб были в это время очень низки. Но в общем можно сказать, что с вздорожанием хлеба они чаще всего увеличиваются, как это было в 1845—1847 годах, когда с 1491 они поднялись до 1732, и в 1867—1868 годах, когда они с 1940 возросли до 2253.

3. Преступления против собственности со взломом не находятся в очевидной связи с ценами на хлеб. Они уменьшились в числе в 1841—1845 годах и 1883—1884 годах, в течение которых держались низкие цены на хлеб, и

увеличились в период 1852–1855 и 1862–1863 годов, несмотря на то, что хлеб и в эти годы был так же дешев.

4. Мошенничество и сбыт фальшивых монет также, по-видимому, нисколько не подчиняются влиянию хлебных цен. Они то увеличиваются, то уменьшаются во время низких хлебных цен, существовавших в 1842–1845, 1848–1852 и 1884–1888 годах.

5. То же следует сказать о преступлениях против личности.

Относительно Нового Южного Уэльса, который дает нам представление о Европе XIX столетия, мы, по исследованиям Кохлана и Форнасари, приходим к тем же заключениям.

Что касается предумышленных убийств, то вряд ли можно говорить о влиянии на них количества потребления хлеба. Так, например, максимум потребления хлеба (7,1 в 1881 году) соответствует максимальному числу этого рода убийств (31), между тем как минимумы их и средние цифры далеко не совпадают друг с другом.

Между случайными убийствами и потреблением хлеба существует как бы обратное отношение, а именно: максимум последнего 7,8 (1887) соответствует минимуму первых — 7, а минимум потребления 5,5 (1891) — максимуму их — 25.

Количество потребляемого хлеба не оказывает также никакого заметного влияния на число повреждений, максимум которых — 102 (1886) и минимум — 61 (1884) совершенно не соответствуют его максимальным и минимальным цифрам.

Что касается изнасилований, то их максимум — 41 (1886) соответствует средней цифре потребления хлеба — 6,1, а минимум — 7 (1887) — его минимуму.

Влияние потребления хлеба особенно заметно отражается на кражах: число последних уменьшается или увеличивается, хотя и не всегда пропорционально, по мере увеличения или уменьшения его. Так, в 1883, 1884, 1885 годах потребление хлеба последовательно растет — 6,0 — 6,8 — 7,0 и соответственно этому уменьшается последовательно число краж — 714 — 583 — 566, а в 1888, 1889, 1890 годах замечается неравномерность в потреблении хлеба — 7,6 — 5,9 — 7,2 и соответственно этому наблюдаются скачки и в числе краж 592 — 608 — 512.

Голод заглушает половые инстинкты, в то время как довольство и изобилие, напротив, возбуждают их. Недостаточное питание побуждает к воровству, а чрезмерное, ослабляя воровство, благоприятствует изнасилованиям. Таково же влияние и недостаточной заработной платы. Известно, что больше всего совершают преступления вследствие вздорожания пищевых продуктов именно женщины и слуги, вероятно потому, что те и другие более всего страдают от этого. Особенно это следует сказать о слугах, которые благодаря периодическому существованию в довольстве быстро теряют способность противостоять лишениям.

Но, допуская значение недостаточного питания в увеличении числа краж, а изобильного — в возрастании количества преступлений против нравственности и повреждений, мы все-таки не можем отрицать ничтожного влияния его на преступность вообще, ибо если известного рода преступления увеличиваются при тех или иных условиях питания, то другие уменьшаются при них, и наоборот. Помимо этого, даже в одном и том же постоянном направлении, питание не может существенно влиять на пропорцию известных преступлений, ибо при этом нельзя исключить значение таких факторов, как наследственность, климатические условия и т. д.

Временами замечается странное противоречие в том обстоятельстве, что при дороговизне хлеба и недоступности, при отсутствии денег, спиртных напитков уменьшаются и убийства, и случаи изнасилований. Но чаще случается как раз наоборот: именно недостаток денег увеличивает число убийств, как это наблюдается, например, в Новом Уэльсе. По словам Жоли, департаменты Морбиан и Вандея считаются первыми по нравственности своего населения. Несмотря на то что заработки его там почти нисколько не увеличились, а предметы первой необходимости удвоились в цене, среди населения их все-таки мало распространено употребление спиртных напитков. В департаментах Устье Роны и Эро заработная плата, напротив, увеличилась на 30 и 60%, а хлебные продукты вздорожали всего на 15%, и тем не менее оба этих департамента занимают последнее место по нравственности своего населения, именно благодаря чрезмерному распространению спиртных напитков.

Несомненным остается факт, что неурожаи становятся все более редкими и незначительными, в то время как кражи все более и более учащаются.

Отсюда понятно, почему пропорция преступлений, обязанных своим происхождением недостаточности питания, то есть действительной нужде, более ограниченна, чем это вообще можно было бы предполагать. По статистическим данным Куэре, кражи съестных припасов составляют едва одну сотую часть общего числа краж, причем случаев, где мотивом преступления является именно голод, значительно меньше, чем тех, где причиной его служит обжорство и лакомство. Из 43 случаев воровства в Лондоне в 13 предметами кражи являются колбасы, птица и дичь, а в 30 — сахар, мясо и вино, и только в одном случае — хлеб.

По вычислениям Жоли, во Франции за период с 1860 по 1890 год случаи похищения денег, банковских ценностей значительно преобладали, составляя 396/00 преступлений против собственности, а кражи муки, овса и домашних животных не превышали 55/00. Точно так же и Маса выражается на этот счет следующим образом: «Голод в общем редко является причиной воровства. Молодые люди обыкновенно воруют ножи и сигары, а из съестных припасов мужчины похищают преимущественно крепкие напитки (ликеры), а женщины — конфеты и шоколад».

То же можно сказать и о проститутках. Если, с одной стороны, говорит Локателли, голод и беспризорность часто толкают девушку на путь разврата, то с другой — нужно раздать тысячам девушек из народа Монтионовские премии* за то, что они, несмотря на всевозможные лишения и соблазны, остаются все-таки честными и невинными.

Нет ничего невозможного в том, что с течением времени не было доказано специальное влияние той или другой пищи на тот или другой род преступления. Ведь мы знаем, что растительная пища делает людей кроткими и послушными, между тем как люди, питающиеся преимущественно животной пищей, становятся, наоборот, грубыми и жестокими. Именно родом пищи и обусловливаются кротость и терпеливость жителя Ломбардии сравнительно с мстительностью и склонностью к насилиям романского крестьянина.

2. Восстания. Влияние голода на восстания слишком преувеличено, как я доказал это в своей «Политической преступности».

Фаралья приводит цены на съестные припасы почти за целых девять столетий из года в год. Мы находим у него, что за это время было 46 сильных голодовок в следующие годы: 1182, 1192, 1257, 1269, 1342, 1496–1497, 1505, 1508, 1534, 1551, 1558, 1562–1563, 1565, 1570, 1580, 1586–1587, 1591–1592, 1595, 1597, 1603, 1621–1622, 1623–1625, 1646, 1672, 1694–1697, 1759–1760, 1763, 1790–1791, 1802, 1810, 1815–1816, 1820–1821.

Оказывается, что в течение этих девяти столетий голод совпадал с восстаниями всего только шесть раз, именно в 1508, 1580, 1587, 1595, 1621–1622 и 1820–1821 годах. В знаменитом восстании Мазаньелло (1647) к экономической подкладке его присоединилось множество других причин, таких как сумасшествие самого зачинщика, жара, жестокие притеснения испанцев и др., ибо если в 1646 году и был голод, то следующий 1647 год отличался обилием если не хлеба, то фруктов, мяса, свинины и сыра. Впрочем, мы знаем, что восстаний и возмущений не было ни во время ужасного голода 1182–1187 годов, длившегося 5 лет, во время которого люди вынуждены были питаться дикими травами, ни в 1496–1497 годах, когда из-за голода появились такие ужасные эпидемии, что жители городов бежали от них в деревни, ни во время голода 1565 года, ни в 1570 году, когда «жители, спасаясь от голода, оставляли деревни и голодные, оборванные, больные направлялись толпами в Неаполь, заполняя его улицы», ни, наконец, во время голода 1568 года. Кроме того, необходимо припомнить еще, что если во Франции в 1827, 1832 и 1847 годах и были политические беспорядки параллельно с экономическими кризисами и голодовками, то они совпадали с необыкновенно знойными летами, и что на бунты 1834, 1864 и 1865 годов, по-видимому, не имели никакого влияния ни экономические, ни метеорические причины.

В Страсбурге в течение времени с 1451 по 1500 год и с 1601 по 1625 год цена на мясо поднялась на 134%, на свинину на 92%, при длившемся в тече-

ние многих лет падении заработной платы на 10%, и при всем том никаких беспорядков и бунтов здесь не было.

Во время ужасного голода 1670 года в Мадриде рабочие расхаживали по городу огромными бандами, грабя и убивая богачей, так что редкий день проходил без того, чтобы люди не платили своей жизнью за то, что имели хлеб. Между тем до настоящего восстания дело не дошло.

В Индии лучше, чем где-нибудь, можно проследить шаг за шагом все последствия ужасного голода. Так, из-за голода, погибло в Ориссе в 1865–1866 годах 25% всего населения, а в Пури — даже 35%, но открытого возмущения и бунта все-таки нигде не было.

Наиболее известные в последние 100 лет голодовки, по крайней мере в провинции Неллуру, вследствие постоянного отсутствия дождей и чрезмерной плотности населения имели место в следующие годы: 1769–1770, 1780, 1784, 1790–1792, 1802, 1806–1807, 1812, 1824, 1829, 1830, 1833, 1836–1838, 1866 и 1876–1878.

Во время 1869–1870 годов здесь погибла почти треть всего населения, а в 1877–1878 умерло из 5 миллионов жителей более 200 тысяч. И однако несмотря на все эти голодовки, они нигде никакими беспорядками не сопровождались.

Большое восстание в Индии 1857–1858 годов* явилось следствием преимущественно сопротивления населения нововведениям цивилизации (телеграфу, пару и т. п.), затем вследствие заговоров различных князьков, лишенных власти, и, наконец, — как утверждает Хантер, — благодаря распространившемуся среди бенгальских сипаев слуху, что будто бы приказано смазывать патроны свиным салом. Таким образом, влияние суеверия на политические преступления оказалось более могущественным, чем действие продолжительного голода.

Другие известные нам восстания в Индии, как, например, бунт в Богале в 1751 году, бунт пенджабской секты Шик в 1710 году, сипаев — в 1764, мятежи сект синтов и шиков в 1843 и 1848 годах, не имели в действительности никакой связи с дороговизной съестных припасов.

Что удивительнее всего, так это то, что в штате Орисса, больше других страдавшей всегда от голода, постоянно наблюдалось меньше всего восстаний.

Это объясняется тем фактом, доказанным уже при изучении влияния тропического и полярного климата, что жара делает человека не способным к более или менее энергичной деятельности.

Таким образом, с точки зрения политических преступлений крайние степени бедствий и несчастий имеют гораздо более благоприятное влияние на человека, чем довольствие и счастье. Это вполне совпадает с отмеченным уголовными статистиками обстоятельством, что во время голодовок и сильных морозов уменьшаются иногда преступления против личности вообще, и в частности изнасилования и предумышленные убийства.

Глава 7

Алкоголизм

Как мы уже видели в предыдущей главе, влияние алкоголя на преступления нераздельно связано с влиянием питания вообще, и значение его в этиологии преступлений чрезвычайно велико.

1. Вредное влияние алкоголя. Известно, что алкоголь не только не предохраняет организм от действия крайних температур, а, напротив, даже увеличивает опасности их. Солдаты и матросы в полярных и тропических странах, употребляющие крепкие напитки с целью противодействия чрезвычайно резкому холоду или сильной жаре, тем самым еще более ухудшают свое положение. Во время холерных эпидемий было замечено, что пьяницы заболевают в несравненно большем количестве, нежели люди непьющие[1]. Равным образом и выкидыши значительно чаще встречаются у пьющих женщин, так что плодовитость их в четыре раза меньше, чем тех, которые ведут трезвый образ жизни. Алкоголь, возбуждая роковым образом чувственность, является частой причиной изнасилований и преступлений, хотя он нисколько не увеличивает в то же время плодовитости[2].

Распространенность злоупотребления алкоголем побудила недавно предпринять в Швеции среди войск ряд реформ с целью борьбы со слабостью и огромной заболеваемостью. Последняя достигла в 1867 году 32%, но в 1868, после издания закона об алкоголе, упала до 28%.

В округах Франции, где из-за недостатка вина население употребляет водку, как, например, в департаменте Финистер, число непригодных к военной службе молодых людей поднялось с 72 до 155 человек.

Алкоголь влияет также на рост людей. Известно, что поляки отличались некогда большим ростом, но после долгого злоупотребления спиртными напитками начали вырождаться в людей ниже среднего роста. Точно так же и красавицы долины Бий стали терять свою красоту и рост с тех пор, как между ними распространилось пьянство.

После всего сказанного не должно казаться удивительным, что алкоголь уменьшает среднюю продолжительность жизни. По вычислениям Нейсона оказывается, что смертность среди пьяниц по крайней мере в 3,25 раза превосходит смертность среди людей непьющих[3].

---

[1] Среди непьющих смертность от холеры достигает 19,9%, а среди пьяниц — 91%.

[2] Браки пьяниц дают в среднем 1,3 ребенка, а непьющих — 4,1 ребенка.

[3] Продолжительность жизни молодого человека 20 лет, начавшего пьянствовать, определяется приблизительно в 15 лет, а непьющего — в 44 года.

Средняя	продолжительность	жизни	лиц,	злоупотребляющих	пивом,	равна	21,7 г.
»	»	»	»	»	спиртом	»	16,7 »
»	»	»	»	»	спиртом и пивом	»	16,1 »

Из 97 детей, рожденных от алкоголиков, только 14 оказались здоровыми.

2. Пауперизм. Одним из самых очевидных и роковых последствий алкоголизма является нищета. От отца-алкоголика является на свет слепое, хромое, паралитическое и вообще болезненное потомство; если даже оно богато, то неминуемо беднеет, а если бедно, то лишено возможности трудиться и потому обречено на нищенство.

Замечено, что с увеличением заработной платы населения сильно возрастает число пьяниц и количество совершаемых ими преступлений. Когда в Ланкашире поденный заработок рудокопов поднялся с 6 до 8 и 11 франков, смертность от пьянства возросла между ними с 495 до 1304 и 2605, а число преступлений — с 1335 до 3878 и 4402. Но несравненно хуже, если падает заработная плата: тогда люди начинают пьянствовать с целью пополнить недостаток в пище и одежде для того, чтобы утолить свой голод и согреться. Алкоголь делает все более и более слабым и бедным того, кто начинает к нему прибегать. Таким образом, мы можем сказать, что алкоголизм имеет место столько же при благосостоянии, сколько и при бедности и нищете населения. В 1874 году вследствие кризиса в Америке было закрыто 80 фабрик, и заработок рабочих сразу уменьшился на одну треть: число нищенствующих семейств поднялось тогда с 1864 до 2255, число кабаков с 183 до 305, а количество проституток с 37 возросло до 101, между тем как число браков уменьшилось с 785 до 630. Вместе с тем увеличилось заметным образом и число краж и поджогов. Во время неурожаев 1860 и 1861 годов в Лондоне ни один из 7900 членов общества трезвости не обращался к общественной благотворительности[1]. Гюйш полагает, что из каждых 100 фунтов стерлингов, раздаваемых в виде милостыни, 30 уходит на водку. Бертран и Ли приходят к заключению, что самыми бедными общинами являются те, где очень распространено пьянство и где число питейных домов очень велико. Верхняя Силезия является поразительным доказательством гибельного влияния алкоголя: бедность достигала там одно время таких размеров, что жители умирали от голода, а пьянство было так распространено, что брачные пары являлись к венцу, а родители новорожденных — к крещению своих детей совершенно пьяными. Один проповедник писал о Силезии: «Там, где царствует такое пьянство, бедность и порок следуют, как тени, за человеком».

Известно, что алкоголизм был некогда в Германии одной из самых частых причин разлучения и развода супругов в ней, достигающих 2–6% всех браков. С другой стороны, также известно, что дети, рожденные от разведенных и вторично вступивших в супружество родителей, обыкновенно составляют огромный контингент преступников и проституток.

3. Алкоголизм и преступность. Статистика. Тесная связь между алкоголизмом и преступностью с социальной и патологической точек зрения, прежде

[1] С 1823 по 1826 год филадельфийские богадельни принимали ежегодно от 4 до 5 тысяч лиц, впавших в нищету вследствие пьянства. Из 3 тысяч нищих Массачусетса около 2900 стали ими от злоупотреблений спиртными напитками.

всего, подтверждается статистическими данными, свидетельствующими о постоянном увеличении числа преступлений в цивилизованных странах. Увеличение это только до известной степени (13–16%) зависит от прироста населения, преимущественно же оно является следствием пьянства.

Другое блестящее подтверждение этой связи мы находим в работах Ферри о преступности во Франции, указывающих на полную параллельность, существующую между ней и потреблением алкоголя и вина, как в годы обильных урожаев (1850–1858–1865–1869–1875), так и в неурожайные годы (1851–1853–1854–1866–1867–1873). Исключением отсюда является только 1870 год — год войны, 1876 и 1860–1861 годы. Параллельность эта тем более любопытна и странна, что многие авторы пытались приписать вредное влияние пьянства не вину, а алкоголю, так что появилась даже мысль о замене последнего вином в странах, в которых обычно наблюдается наибольшая преступность. Из статистики же Ферри следует, что соответствие между убийствами и большим количеством наносимых ран и повреждений, с одной стороны, и алкоголем — с другой, не так очевидно, как между этими преступлениями и вином, исключая, впрочем, годы с 1855 по 1868 и с 1873 по 1876. Это очень хорошо объясняется тем обстоятельством, что ссоры и драки гораздо легче возникают в погребах виноторговцев, чем в лавках у продавцов водки, где покупатели обычно остаются недолго. Другое подтверждение этого мы находим в повседневном наблюдении, доказывающем, что чаще всего повторяются те преступления, которые являются именно следствием злоупотребления вином. Так, Шретер приходит к заключению, что в Германии из 2178 преступлений 58% имели место по субботам вечером, 3% — по воскресеньям и только 1% — по понедельникам. В эти дни преобладали, в размере 82%, преступления против нравственности, сопротивления властям и поджоги, а 50% приходилось на долю обманов и мошенничеств.

В Италии в течение 1870, единственного года, относительно которого мы располагаем данными, наблюдался тот же факт[1].

[1] По официальным статистическим данным за 1870 год, считая в среднем один праздничный день на пять будних, мы получим следующее процентное соотношение для преступлений, совершенных в праздничные дни:

	Ассизные суды	Обыкновен. суды
Возмущение, сопротивление властям	68,1	78,5
Изнасилования и насилия	65,4	67,4
Отцеубийства, детоубийства, убийства одного супруга другим	56,9	—
Предумышленные убийства	72,8	74,8
Убийства во время драк	78,0	76,0
Драки во время игр	—	83,8
Причинения ран, последствием которых была смерть	71,3	—

Рассматривая уголовную статистику Франции за 1827–1869 годы, Ферри нашел, что в то время как число преступлений против личности вообще падало в ней быстро начиная с августа до декабря, количество тяжких ран и увечий, наоборот, возрастало в ноябре, то есть во время приготовления нового вина.

Диксон нашел в Америке местность, где в течение уже многих лет не наблюдается никаких преступлений. Это Сент-Джонсбери — городок, населенный довольно большим количеством рабочих. Здесь законом воспрещена продажа крепких напитков, вина и пива, которые, как яды, имеются только у фармацевтов и отпускаются ими всегда не иначе как по письменным требованиям потребителей, подписанным еще и мэром. Имена нарушителей означенных постановлений заносятся там в особые списки.

По вычислениям бельгийских ученых, алкоголь является в Бельгии причиной преступлений в 25–27%.

В Нью-Йорке из 49 423 осужденных 30 509 были привычными пьяницами. В Соединенных Штатах из 100 отбывавших заключение в тюрьмах в 1890 году было 20 горьких пьяниц, 60 — пивших умеренно и только 20 — вовсе не пивших.

В Голландии злоупотреблению вином приписывается $^{4}/_{5}$ всех преступлений, $^{7}/_{8}$ общего числа драк и полицейских нарушений, $^{3}/_{4}$ покушений против лиц и $^{1}/_{4}$ покушений на чужую собственность.

В Швеции три четверти всех преступлений приходится на долю алкоголизма. Убийства и другие кровавые драмы совершаются чаще всего в состо-

---

	Ассизные суды	Обыкновен. суды
Нанесение побоев и увечий	69,6	82,0
Угрозы и бродяжничество	—	72,4
Разбои	61,5	—
Кражи	61,2	66,8
Подкидывание младенцев и выдавание чужих детей за своих	—	34,8
Укрывание и покупка заведомо краденых вещей	63,9	—
Растрата общественного имущества	—	39,3
Мошенничество и приобретения незаконным путем	39,9	62,4
Обманы и хищения	47,8	49,4
Клевета и ложные доносы	12,0	—
Грабежи на проезжих дорогах с убийствами	31,2	—
Банкротства	26,4	48,2

Все преступления против личности и те, которые характеризуются насилием, преобладают в праздничные дни над преступлениями, совершаемыми с заранее обдуманным намерением или без насилия.

янии опьянения, между тем как в кражах и мошенничествах играет значительную роль наследственность от родителей-алкоголиков.

В Англии 10 тысяч из 29 752 лиц, осужденных уголовными судами, и 50 тысяч из 90 903, приговоренных к разным наказаниям обыкновенными судами, совершили свои преступления вследствие частого посещения кабаков.

Во Франции Кулеман определяет в 50% число преступлений, совершенных под влиянием алкоголя, а для Германии Бауэр считает его равным 41%.

Самое большое количество пьяниц наблюдается в департаментах, в которых вследствие незначительного развития виноделия население употребляет много алкоголя. 73% преступников, которых наблюдал Марро, были отчаянные пьяницы, и только 10% из них были люди непьющие.

В описанной мной «преступной сотне» Росси нашел 81% пьяниц, из числа которых 23% предавались этому пороку уже с детства. Среди взрослых пьянство распространено сильнее, чем между молодыми людьми, только на 10%.

Из 100 преступников моложе 20 лет пьяниц оказалось 64, так что пьянство — порок, свойственный в значительной степени и молодому возрасту.

4. Действие алкоголя. Не подлежит сомнению, что все вещества, ненормальным образом возбуждающие головной мозг, рано или поздно приводят к преступлению, самоубийству и помешательству.

Меджидубы и айсаоны, которым совершенно неизвестны наркотические средства, приводят себя в состояние, похожее на опьянение, при помощи продолжительных колебательных движений головой. «Это люди, — говорит о них Бербруггер, — опасные, жестокие, склонные к воровству». У курильщиков опиума часто развивается страсть к убийству. Моро рассказывает, что под влиянием гашиша он испытывал непреодолимое желание украсть что-нибудь. Еще гибельнее действие вина и особенно алкоголя, который по своему вредному влиянию может быть назван концентрированным вином, равно как и других крепких напитков вроде абсента и вермута, содержащих, кроме алкоголя, еще и другие вредно действующие на нервные центры вещества.

Нойман в 1876 году доказал, что алкоголь изменяет гемоглобин крови и уменьшает на 1/4 сродство красных кровяных шариков к кислороду, вызывая активный прилив крови к тканям и мозговой коре. При продолжительном употреблении его появляется расширение сосудов, паралич мышц сосудистых стенок, отек и, наконец, жировое перерождение раздраженных мозговых клеток.

Крепелен доказал, что 30—45 граммов абсолютного этилового алкоголя замедляют и даже парализуют все духовные функции организма: отупение и оцепенелость, напоминающие собой физиологическую усталость, увеличиваются по мере увеличения дозы принятого алкоголя и длятся от 40 до 50 минут при малых и от 1 до 2 часов при больших количествах его. При небольших дозах алкоголя паралитическому ослаблению духовных функций пред-

шествует период большего или меньшего возбуждения нервной системы, который длится не более 20—30 минут.

Этот же ученый доказал, что если под влиянием алкоголя и наблюдается известное, быстро проходящее возбуждение в двигательной сфере, то при этом умственная деятельность, апперцепция, концепция и ассоциация идей даже от самых малых доз его замедляется и почти приостанавливается. То же самое следует сказать и о чувствах и ощущениях. Таким образом, это первоначальное возбуждение, производимое алкоголем, есть, так сказать, фейерверк, обязанный своим происхождением преимущественно усилению внешних ассоциаций идей (ассоциаций слов, ощущений и прочего) в ущерб внутренним, более логическим и более глубоким ассоциациям.

Под влиянием возбуждения, вызванного алкоголем, у пьяного появляются иллюзии и наклонность к самым зверским поступкам: ассоциация идей у него изменяется, и он делается способным беспрестанно повторять одни и те же слова и поступки, не замечая их грубости и пошлости. Объясняется это тем, что под влиянием этого возбуждения у него парализуются функции задерживающих центров.

Таким образом, алкоголь, возбуждая и направляя в дурную сторону деятельность своей несчастной жертвы, мало-помалу совершенно овладевает ею, парализуя ее лучшие и благороднейшие чувства и болезненно изменяя ее центральную нервную систему. Алкоголь может служить новым доказательством истинности той аксиомы, что преступление есть следствие болезненного изменения организма, преимущественно головного или спинного мозга.

К сожалению, преступление является наиболее постоянным и частым следствием этого болезненного состояния, чему у нас множество доказательств. Я недавно видел в тюрьме очень редкий экземпляр вора, некто Р., ни воспитание, ни физическая организация которого нисколько не объясняли причин подобной преступности его, но все стало понятным, когда субъект этот заявил, что его отец и сам он — пьяницы. «Видите ли, — говорил он, — я с самого детства пристрастился к водке и теперь я выпиваю в день от 40 до 80 рюмок; мое опьянение от водки проходит, если я выпью две-три бутылки вина».

Пьяницы не только постоянно совершают преступления против нравственности, но и производят на свет психически ненормальных или преступных и преждевременно испорченных детей, что мы лучше всего докажем на примере семейства Джуке. Острое опьянение также часто ведет к преступлениям. Галль рассказывает про одного разбойника, называвшегося Петри, который в пьяном виде испытывал всегда желание убить когонибудь, и упоминает об одной женщине из Берлина, жаждавшей крови всякий раз, когда она напивалась пьяной.

Итак, алкоголь является очень частой причиной преступлений, потому что одни совершают их из-за того, чтобы напиться, другие — в состоянии

опьянения, а третьи в вине ищут средство приободрить себя, готовясь к исполнению задуманного преступного предприятия, и потом в нем же находят оправдание совершенного. Наконец, большинство молодых людей вовлекаются в преступления именно благодаря пьянству. Кабаки служат обыкновенно местом свиданий соучастников задуманных преступлений, и в них же преступники пропивают деньги, добытые своими злодеяниями. Число кабаков Лондона, посещаемых исключительно ворами и проститутками, в 1880 году достигло 4938.

Наконец, алкоголь находится в прямой связи с преступлением еще и в том смысле, что всякий преступник, пробывший более или менее долгое время в тюрьме, совершенно порвавший сношение со своими родными и потерявший всякое представление о порядочности, ищет часто в спиртных напитках забвения. Вот почему среди рецидивистов так распространено пьянство, и почему Мэйхью находил после обеда пьяными всех лондонских воров, умирающих от алкоголизма обыкновенно на 30–40-м году жизни.

То же наблюдается среди ссыльных в Нумее, которые пьянствуют не только в силу давней привычки, но также с целью забыть свой позор, разлуку с семейством, родиной, причиняемые надзирателями и товарищами мучения, а также угрызения совести. Вино вполне заменяет им деньги: на него они покупают себе все: рубаха стоит у них литр, сюртук — два литра, панталоны также два литра и т. д.

5. Специфическая преступность. Здесь мы займемся рассмотрением тех преступлений, на которые алкоголь оказывает влияние особенно сильно.

По таблицам Бауэра для Германии можно вывести следующие цифры, показывающие отношение алкоголя к числу и роду совершаемых преступлений:

I. В мужских смирительных домах:

	A	B	C	D
		Преступники-алкоголики		
	Общее число	Вообще	Случайные	Привыч.
1. Побои и причинения увечий	773	576, т. е. 74,5%	418, т. е. 72,7%	157, т. е. 27,3%
2. Грабежи с убийствами	898	618, т. е. 68,8%	353, т. е. 57,1%	265, т. е. 42,9%
3. Убийства	348	220, т. е. 63,2%	129, т. е. 58,6%	91, т. е. 41,4%
4. Преступления против нравств. и изнасилования	954	575, т. е. 60,2%	352, т. е. 61,2%	223, т. е. 38,8%
5. Кражи	10033	5212, т. е. 51,9%	2513, т. е. 48,2%	2699, т. е. 51,8%
6. Покушения на убийство	252	128, т. е. 50,8%	78, т. е. 60,9%	50, т. е. 39,1%
7. Поджоги	304	383, т. е. 47,6%	184, т. е. 48,0%	199, т. е. 52,0%
8. Убийства с заранее обдуманными намерениями	514	237, т. е. 46,1%	139, т. е. 58,6%	98, т. е. 41,4%
9. Клятвопреступления	590	157, т. е. 26,6%	82, т. е. 52,2%	75, т. е. 47,8%

II. В общих мужских тюрьмах:

	A	B	C	D
		Преступники-алкоголики		
	Общее число	Вообще	Случайные	Привыч.
1. Преступления против нравственности	209	154, т. е. 77,0%	113, т. е. 73,3%	41, т. е. 26,7%
2. Сопротивление властям	652	499, т. е. 76,5%	445, т. е. 89,0%	54, т. е. 11,0%
3. Побои и причинение увечий	1130	716, т. е. 63,4%	581, т. е. 81,1%	135, т. е. 18,9%
4. Поджоги	23	11, т. е. 48,0%	5, т. е. 45,4%	6, т. е. 54,6%
5. Кражи	3282	1048, т. е. 32,0%	666, т. е. 63,5%	382, т. е. 36,5%
6. Мошенничества, обманы и пр.	786	194, т. е. 24,7%	111, т. е. 57,2%	83, т. е. 42,8%

Отсюда мы видим, что наиболее частые преступления — нанесение побоев, причинение увечий, преступления против нравственности и возмущения; за ними по частоте следуют убийства и, наконец, поджоги и кражи. Но последний род преступлений встречается чаще, чем другие, у привычных пьяниц. Менее часты случаи обманов и мошенничеств, ибо для подобной деятельности необходимо, как говорили мне многие мошенники, «иметь здоровую голову, и чтобы она находилась притом на месте».

На 3 тысячи осужденных, исследованных Марамбо, пьяниц оказалось 78%, несколько больше — 79% — бродяг и профессиональных нищих, убийц было 50%, осужденных за поджог — 57%, за преступления против нравственности — 53%, за воровство и мошенничество — 71%. В общем преступления против личности составляли 88%, а против собственности — 77% всех преступлений.

Марро в своих исследованиях приходит к заключению, что среди пьяниц наибольший процент дают разбои, именно 82%; за ними идут другие преступления в таком порядке: нанесение ран и увечий — 77%, кражи — 78%, мошенничества — 66%, убийства — 62% и изнасилования — 61%.

Вето из 40 преступников-алкоголиков нашел:

15	— убийц,
8	— воров,
5	— мошенников,
6	— покушавшихся на изнасилование,
4	— осужденных за причинение увечий,
2	— бродяг.

Из этого числа только 13 были признаны совершившими преступления в состоянии вменяемости, остальные же действовали в пьяном виде.

В общем можно сказать, что влияние алкоголя сильнее всего отражается на преступлениях против личности, именно на количестве причиняемых увечий и на преступлениях против собственности (воровство и разбой), но в первого рода преступлениях влияние его выступает резче, чем в последних.

При изучении влияния алкоголя на преступность Соединенного королевства Великобритании и Ирландии, по данным Форнасари ди Верче, мы наблюдаем следующие отклонения от обычных явлений:

1. С увеличением потребления алкоголя часто уменьшаются[1], хотя и в неправильной степени, преступления против собственности, совершаемые без насилия. С другой стороны, при уменьшении потребления алкоголя означенные преступления то увеличиваются, то уменьшаются в одинаковой степени. Но при этом бывают и исключения. Так, в 1875–1876 годах эти преступления увеличились с увеличением потребления алкоголя, точно так же они увеличились и в 1877–1878 годах, хотя потребление его в этот период уменьшилось.

2. На преступления против собственности, совершаемые с насилием, потребление алкоголя не оказывает заметного влияния.

3. Преступления против собственности, совершаемые со взломом, чаще всего уменьшаются по мере увеличения потребления алкоголя. Так, с 1870 до 1875 года и с 1863 до 1865 по мере того, как потребление его все более возрастало, преступления эти падали с 276 до 260 и с 519 до 238, исключая, впрочем, период 1848–1855 годов, в течение которого наравне с увеличенным потреблением алкоголя возросли и эти преступления. С другой стороны, с уменьшением потребления алкоголя данные по преступлениям и увеличиваются, и уменьшаются: так, в течение 1875–1884 годов с уменьшением количества алкоголя наблюдалось то увеличение, то уменьшение преступлений.

4. Осуждения за мошенничество и сбыт фальшивых монет уменьшаются до 1884 года по мере падения цен на вино, но после этого года они учащаются независимо от падения.

5. Преступления против личности колеблются при употреблении спиртных напитков, увеличиваясь постепенно по мере поднятия цен на алкоголь, как это наблюдалось в период с 1848 по 1857 год, но не уменьшаясь с падением цены на него, как это было в течение 1879–1889 годов.

6. Другие преступления не находятся в очевидной зависимости от потребления алкоголя, хотя в общем число тяжких и легких преступлений падает по мере его уменьшения.

---

[1] Что увеличение или уменьшение потребления алкоголя не оказывает большого влияния на преступления против собственности, совершаемые без насилия, видно, между прочим, из того, что преступления эти возросли с 20 035 до 23 571 в 1847 году и с 21 545 до 23 017 в 1854 году параллельно увеличенному потреблению алкоголя. Но, с другой стороны, они уменьшились в течение 1864–1871 годов с 14 075 до 13 202 и с 12 294 до 11 265, хотя потребление за это время алкоголя заметно возросло.

6. Антагонизм между алкоголизмом и преступностью в цивилизованных странах. Здесь, прежде всего, нас поражает факт, что пьянство, как, например, в Новом Уэльсе и в Англии, влияние крепких напитков на преступления все более и более ослабевает. Боско доказывает, что в Соединенных Штатах только 20% убийц оказываются пьяницами, между тем как 70% из них — люди вовсе не пьющие.

В таблице приведено количество (в галлонах) употребляемых каждым жителем спиртных напитков (эквивалент чистого алкоголя) и число убийств на каждые 100 тысяч населения.

	Спиртные напитки	Убийства
Австрия	2,80	25
Испания	2,85	74
Германия	3,08	5,7
Италия	3,40	96
Англия, Уэльс, Ирландия и Шотландия	3,57	5,6
Бельгия	4,00	18
Франция	5,10	18

Как справедливо замечает Кольянни, эти цифры объясняют нам, почему тяжкие преступления, возбуждаемые алкоголем, составлявшие в период с 1826 по 1840 год 7—11%, упали в течение 1861—1880 годов до 5 и даже 3% общего числа преступлений. Алкоголизм продолжает увеличиваться, но вместе с тем растет и задерживающая его влияние цивилизация, и именно в этом кроется причина уменьшения некоторых обусловливаемых им преступлений.

Прибавим, что на севере холод хотя и заставляет человека прибегать к спиртным напиткам, но он вместе с тем и ослабляет его импульсивность, уменьшая, таким образом, в общем число убийств и подобных тяжких преступлений.

7. Алкоголизм и гениальность. Я уже указал в «Гениальности и помешательстве» на то, что некоторые гениальные люди и их родители были алкоголиками (Бетховен, Байрон, Авиценна, Александр Македонский, Мюрже). На алкоголизм в данном случае следует смотреть как на потребность этих недюжинных умов в постоянных и новых возбудителях.

Алкоголизм до известной степени свойствен и целым народам (особенно северным), среди которых он тем сильнее развит, чем выше стоит их цивилизация.

8. Табак. По наблюдениям Вентури, среди преступников наблюдается более значительная пропорция (45,8%) нюхальщиков табака не только по сравнению с нормальными людьми (14,3%), но даже и с душевнобольными (25,88%). Максимальные цифры среди них дают осужденные за кровавые преступления (48%), а наименьшие — воры и мошенники (43%).

Преступники и психически больные очень рано приучаются нюхать табак, в противоположность нормальным людям. Но в то время как у душевнобольных привычка эта усиливается в больницах, у преступников она, наоборот, в тюрьмах большей частью пропадает.

Проститутки в Вероне и в Капуе почти все нюхают или курят табак.

Марамбо утверждает, что страсть ребенка к табаку делает его сперва ленивым, затем приучает к пьянству и преступлению. Из 603 преступных детей в возрасте от 8 до 15 лет 51% употребляли табак до своего тюремного заключения. Из 103 молодых людей 16–20 лет пропорция употребляющих табак оказалась равной 84%; а из 850 пожилых людей 78% приучились употреблять табак еще до 20 лет. Из этого числа в первый раз попали в тюрьму, не достигнув 20 лет, 516 человек, то есть 57%, между тем как у некурящих пропорция попадающих в этом возрасте в тюрьмы равна всего 17%. Число курящих и нюхающих табак среди судившихся за бродяжничество, нищенство, воровство, мошенничество и тому подобные преступления достигает 89%; среди осужденных за пьянство курящих насчитывается 74%, а среди непьющих — всего 43%. Среди первых наблюдаются рецидивисты в 79%, а среди вторых — лишь 55%.

Из этих цифр мы ясно убеждаемся, что между табаком и преступлением существует известная связь, идентичная со связью последнего с алкоголем, причем курьезно то, что в странах, где употребление табака наиболее значительно[1], наблюдается не наибольшая, а, напротив, наименьшая преступность. Явление это, впрочем, не постоянно, ибо максимальное потребление табака, как и алкоголя, имеет место у наиболее цивилизованных народов, располагающих наибольшими средствами в борьбе с вредным влиянием обоих этих ядов.

9. Морфий. Курильщики опиума отличаются, как известно, апатией и в то же время импульсивностью и наклонностью к убийству и самоубийству. У морфинистов наблюдаются притупление умственных способностей, страсть ко лжи и наклонность к преступлениям против нравственности и убийству.

Морфинисты постепенно теряют способность противостоять своим импульсивным наклонностям, так что они становятся в этом отношении по-

[1]

	Среднее количество фунтов табаку на каждого человека в год		Среднее количество фунтов табаку на каждого человека в год
Голландия	6,92	Франция	2,05
Австрия	3,77	Швейцария	1,87
Дания	3,70	Испания	1,70
Швеция	3,24	Италия	1,34
Бельгия	3,15	Россия	1,23
Германия	3,00		

хожими на курильщиков гашиша, у которых внезапно обнаруживается склонность к преступлениям.

На что способны бывают морфинисты, лишенные возможности предаваться своей пагубной страсти к морфию, доказывают следующие примеры.

Один китаец с целью добыть денег для курения опиума играл с условием, что он будет при проигрыше вместо денег платить своими пальцами, и сам отрубал себе по пальцу всякий раз, как проигрывал.

Доктор Лэмсон, морфиноман, отравил морфием своего зятя, не понимая даже, что он совершил.

При насильственном лишении морфинистов морфия у них наблюдаются припадки бешенства и меланхолии и попытки к убийству и самоубийству, но чаще у них появляется страсть к воровству с целью добыть себе яд.

Марандон де Монтижель сообщает об одном адвокате, который, будучи лишен морфия на пароходе во время плавания, украл провизию, взломав для этого кладовую.

Одна женщина из почтенной семьи настолько страдала от лишения морфия, что, желая непременно добыть денег на покупку его, начала продавать себя.

Другая женщина, сделавшись морфинисткой, убила свою маленькую дочь и затем показала, что морфий неудержимо влек ее к кровавым преступлениям.

Некая 28-летняя истеричка, воспользовавшись чужим именем, присвоила себе мошенническим образом в одном магазине разного товара на 120 франков, но несколько дней спустя сама вернулась в тот же магазин и отдала часть взятых ею вещей, говоря, что они ей не нравятся. Оказалось, что она весь остальной товар продала, для того чтобы купить себе морфий, и что она в одну аптеку задолжала за него 1600 франков, что, собственно, и побудило ее совершить это преступление.

Глава 8

Влияние просвещения на преступность

Господствовавший еще недавно взгляд на то, что между просвещением и преступностью существует полный параллелизм, в настоящее время признан совершенно ошибочным.

Среди 500 преступников и 500 честных людей Марро нашел в Турине:

	Среди честных людей	Среди преступников
Неграмотных	12%	6%
Умеющих читать и писать	75%	67%
Образованных	12%	27%

откуда видно, что среди преступников встречается больше совершенно неграмотных и умеющих только читать и писать.

Морано выяснил, что в 1878 году в Палермо из 53 преступников, совершивших преступление в школах, 34 были школьниками, а 19 — учителями школ, то есть людьми с педагогическим образованием.

По данным Курчо, в Италии один преступник приходится на 284 неграмотных и на 292 грамотных, а среди образованных преступники еще реже.

Эта ничтожная разница в пропорции преступников среди грамотных и неграмотных еще более сглаживается для некоторых известных категорий преступлений.

Среди осужденных Курчо определил $^{3}/_{7}$, получивших элементарное образование, среди преступников против нравственности $^{1}/_{2}$ и среди преступников против личности и собственности $^{10}/_{25}$, получивших некоторое образование. Среди преступников вообще процент безграмотных, по его мнению, достигает 50–75%, а среди малолетних только 42%, но в некоторых провинциях значительно меньше, а именно: в Пьемонте 17%, а в Ломбардии даже 5%.

В 1872 году на 453 неграмотных преступника приходились: 51 — умевших читать, 368 — умевших читать и писать, 401 — умевших читать, писать и считать, и только 5 — получивших более высокое образование.

Согласно наблюдению Жоли оказывается, что в департаменте Эро, в котором в 1866 году наблюдался минимум безграмотных среди новобранцев, именно 1%, преступность населения, бывшая прежде ничтожной, в настоящее время, когда в нем появилось множество школ, возросла до высокой степени. То же следует сказать о департаментах Ду и Рона.

Напротив, минимум преступлений наблюдается в департаментах Дё-Севр и Вандея, где процент безграмотных достигает 12%, в департаментах Вьенна — 14%, Эндр — 24% и в Морбиан — 35% безграмотных.

Вычислил, что на 100 осужденных приходилось во Франции:

	В 1830–1840 гг.	В 1840–1850 гг.	В 1850–1860 гг.	В 1860–1875 гг.	В 1875 г.	В 1878 г.
Умеющих читать	38	41	48	55	60	65
Получивших высшее образование	2	3	3	5	4	4

то есть среди преступников удвоилось менее чем за 30 лет как количество малограмотных, так и число людей с высшим образованием.

Токвиль доказывает, что в Коннектикуте преступность возрастала по мере того, как там поднялся общий уровень образования.

В Северо-Американских Штатах максимальные цифры преступности (0,35–0,30 и 0,37% на 1 тысячу человек) наблюдались в Вайоминге, Калифорнии, Неваде, в которых процент необразованных ничтожен (3,4–7,7 и

8,0%), а минимальная преступность наблюдалась в Нью-Мексико (0,03%), Каролине (0,06%), Алабаме, Миссисипи, Джорджии, Луизиане, где процент безграмотных очень велик (65,0–55,0%, а в трех последних — 49,1–50,9%). Исключение составляют штаты Небраска, Айова, Мэн и Дакота, в которых пропорция преступников и безграмотных очень мала вследствие причин, о которых мы сейчас скажем.

В Англии округи Кентский, Глостерский и Миддлсекский занимают первое место по уровню образования своего населения и отличаются в то же время высокой преступностью, между тем как в округах, стоящих на низком уровне образования, как, например, в Северном Уэльсе, Эссексе и Корнуолле, преступность очень мала[1].

В России, по данным Эттингена, среди осужденных 25% грамотных, между тем как пропорция грамотного населения во всем государстве вообще не выше 8%.

«Загляните в судебные летописи, — говорит Ловернь, — и вы увидите, что наиболее упорные преступники-рецидивисты — все грамотны».

Наиболее убедительны цифры, приводимые Кохланом по Новому Южному Уэльсу: в 1880 году неграмотные составляли в нем среди честного населения 12%, а среди нарушителей закона было: неграмотных 54,5%, людей образованных 6,2%, между тем как в 1891 году показатели эти выглядели так: 7, 4,1 и 7,4%, что свидетельствует о том, что образованные люди совершают абсолютно и относительно больше преступлений, чем неграмотные.

С 1881 по 1891 год число школьников возросло со 197 412 до 252 940, а число арестованных — с 39 758 до 44 851, то есть на каждого прибавившегося школьника приходилось по одному арестованному. Соотношение между грамотностью населения и разного рода преступлениями представлялось в это время в следующем виде:

	Арестован.	Неграмотн.	Умевших только читать	Умевших читать и писать
Среди прест. против личности было	3355	222	39	3094
» » » собственности	4873	331	69	4473
» разбойников	990	60	14	916
» пьяниц	32878	2348	473	39057
» фальшивомонетчиков	157	3	4	150

[1] В Глостере на 10 тыс. жителей приходится осужден. 26, из них неграмот. 35%
» » » » » » » 24 » » » 18
» » » » » » » 7 » » » 35
» » » » » » » 8 » » » 45

1. Распространение образования и выгоды его. Изучая внимательно и беспристрастно цифровые данные за последние годы, мы приходим к утешительному выводу, что образование далеко не так вредно влияет на преступность, как это казалось бы с первого взгляда, и что если оно и благоприятствует ее развитию, то только до известных пределов, за которыми образование становится уже противоядием против нее.

В странах, где просвещение очень распространено, увеличивается процент преступников с высшим образованием, но в то же время вырастает процент неграмотных преступников, а процент преступников со средним образованием уменьшается.

В Северной Америке среди осужденных за убийство было 33% совершенно неграмотных, 64% умевших читать и писать и 3% людей с высшим образованием, между тем как среди нормальных людей процент неграмотных равен там всего 10%.

В Австрии среди молодых людей Зальцбурга и Тироля неграмотных вовсе нет, но преступников из их числа 16–20%.

Согласно последним изысканиям Жоли, мы находим во Франции:

			На 100 тысяч населения		На 100 тысяч населения	
В	6	департаментах	7–10	неграмотн.	9	осужден.
«	13	«	10–20	«	13	«
«	3	«	20–50	«	13–11	«
«	11	«	50–61	«	8	«

то есть здесь наблюдается бо́льшая преступность среди населения со средним образованием и меньшая — среди лиц с высшим.

Во Франции

В	1827–1828	гг.	неграм.	солдат.	сост.	56%,	а	неграм.	осужден.	62%
«	1831–1832	«	«	«	«	49	«	«	«	59
«	1835–1836	«	«	«	«	47	«	«	«	57
«	1836–1850	«	«	«	«	47	«	«	«	48
«	1863–1864	«	«	«	«	28	«	«	«	52
«	1865–1866	«	«	«	«	25	«	«	«	36
«	1871–1872	«	«	«	«	20	«	«	«	37
«	1874–1875	«	«	«	«	18	«	«	«	36
«	1875–1876	«	«	«	«	17	«	«	«	34
«	1876–1877	«	«	«	«	16	«	«		31

Неграмотные, как видно, заметно уменьшаются как среди солдат, так и среди осужденных, но среди последних — в меньшей степени, чем среди первых.

Факт этот выступает еще яснее, если мы станем изучать по бюллетеням Левассера и по статистическим данным Бодио процент школьников в Европе в частных и общественных школах, относительно населения, параллельно с процентом убийств и краж среди него. При этом мы получим следующие цифры:

	Число школьников на каждые 100 жителей	Число убийств (1880–1882) на каждые 100 000 населения	Число краж на каждые 100 000 населения
В Пруссии	17,8	5,7	246
» Швейцарии	16,1	16,4	114
» Англии[1]	16,4	5,6	163
» Нидерландах[1]	14,3	5,6	—
» Швеции[1]	13,6	13,0	—
» Австрии	12,5	25,0	103
» Франции	14,5	18,0	103
» Бельгии[1]	10,9	18,0	134
» Испании	9,1	74,0	52,9
» Италии	7,6	96,0	150
» России	2,4	14,0	?

откуда видно, что с увеличением школ почти везде, кроме России и Швейцарии, падает число убийств.

Что касается краж, то процент их подвергается неправильным колебаниям, возрастая в Англии, Бельгии и Пруссии с увеличением числа школ и уменьшаясь в Испании при ничтожном количестве их.

В Италии наблюдается полный параллелизм между убийствами и кражами, с одной стороны, и народным невежеством — с другой: минимальная, средняя и максимальная степени образованности и преступности совпадают друг с другом, как это видно из следующих цифр.

На 100 тысяч человек населения приходится:

	При безграмотности, достигающей:		
	80–86%	80–50%	50–0%
Убийств	32,3	29,9	6,6
Изнасилований	23,6	11,3	10,2
Мошенничеств	41,0	63,0	50,0
Краж	141,0	160,0	119,0

[1] Имеются только общественные школы.

Из таблицы видно, что в городах Франции и Англии кровавые преступления становятся все более редкими, между тем как преступления против собственности, напротив, учащаются. То же можно сказать и о Бельгии, где общее количество тяжких преступлений начиная с 1832 года значительно сократилось, и о Швейцарии, в которой число их уменьшилось на 40%.

Во Франции число тяжких преступлений, судимых ассизными судами*, уменьшилось с 40 $^0/_{0000}$ в1825 году до 11 $^0/_{0000}$ в 1881 году, а количество уголовных преступлений возросло с 48 тысяч до 205 тысяч.

В общем, преступность возросла на 133%, но при этом количество кровавых преступлений уменьшилось, а покушений на женскую честь увеличилось с 302 в 1875 году до 2592 в 1880 году. Число краж поднялось в течение 1826–1880 годов на 238%, мошенничеств — на 323%, а преступлений против нравственности — на 700%. Далее, бродяжничество усилилось в 4 раза, а банкротства с 2 тысяч дошли до 8 тысяч, хотя число купцов возросло далеко не в такой большой прогрессии.

Разница во всех этих цифрах объясняется исключительно образованием, влияние которого особенно заметно в Англии, где число заключенных в тюрьмах упало в период 1868–1892 годов с 87 тысяч до 50 тысяч, а число взрослых преступников с 31 295 до 29 825. Между тем население за то же время увеличилось здесь на 12%, а народное образование поднялось — особенно в Лондоне — настолько, что на 100 осужденных неграмотных приходится только 21 человек.

2. Специальная преступность грамотных и неграмотных. Из всего сказанного мы можем сделать вывод: образование влияет на преступность по-разному, смотря по своему распространению. То есть, если оно еще ограничено и не достигло известной высоты, оно увеличивает число всех преступлений, кроме убийств, но когда оно достигает обширного распространения, то уменьшает количество самых тяжких преступлений, кроме преступлений против нравственности и политических. Но влияние просвещения остается постоянным в том, что оно изменяет сам характер преступлений, делая их менее жестокими.

Файе и Лакассань пришли к следующим выводам относительно преступности во Франции:

1. Среди неграмотных преобладают, главным образом, детоубийства, кражи, грабежи и поджоги.

2. Среди малограмотных (едва умеющих читать и писать) встречаются преимущественно вымогательства, письменные угрозы, шантажи, грабежи и нанесения побоев и ран.

3. Люди со средним образованием чаще всего совершают такие преступления, как взяточничество, преступления против нравственности, подлоги и угрозы в письмах.

4. Наконец, среди людей с высшим образованием более всего распространены подлоги, хищения денег и документов и политические преступления.

Итак, среди неграмотных преобладает наиболее грубая и жестокая форма преступности, а среди грамотных — наиболее мягкая.

По позднейшим наблюдениям Соке оказывается, что во Франции число преступлений, совершенных неграмотными преступниками, уменьшилось в 1876–1880 годах сравнительно с количеством их в 1831–1835 годах, причем случайные и предумышленные убийства, равно как и преступления против нравственности, упали наполовину, детоубийства и выкидыши — на одну треть; среди же преступников с высшим образованием уменьшились наполовину только убийства, а остальные преступления остались на прежней цифре.

В Австрии среди неграмотных преступников преобладают грабежи, разбои, детоубийства, выкидыши, убийства, кражи, двоемужество и нанесение ран.

В Италии, по исследованиям Амати, в течение 1881–1883 годов наблюдалось:

	Неграмотных	Умеющих только читать и писать	С высшим образованием
Среди осужден. за полит. преступл.	34%	36%	10%
» » » мошенничество	38	55	7
» » » убийство	62	37	0,12
» » » кражи	65	34	1,7
» » » изнасилование	48	44	8
» » » возмущение	49	48	3,1

Среди 500 субъектов с высшим образованием в течение 1881–1883 годов отмечены следующие преступления:

Мошенничества	76–152%
Убийства	44–88%
Кражи	40–80%
Взяточничества	38–76%
Разбои	22–44%
Преступления против нравственности	34–68%
Банкротства	33–66%
Ложные присяги	2–4%
Нанесение ран и побоев	13–26%
Отцеубийства	2–4%
Политические преступления	14–28%
Преступления против религии	1–2%
Порча предметов	4–8%

Поджоги	9–18%
Подстрекательство к преступлению	6–12%
Выкидыши	1–2%

Причем преобладали, как это видно, мошенничества, банкротства, кражи, взяточничества, убийства и преступления против нравственности.

Таким образом, если нельзя сказать, что образование всегда служит уздой для преступления, то еще менее можно принять, будто оно является для него стимулом.

Польза и благодетельное влияние просвещения выступают тогда с особенной очевидностью, когда оно широко распространяется по всем классам населения, ибо оно способствует уменьшению преступлений среди малообразованных людей, делая их более мягкими и облагораживая их.

Глава 9

Экономическое влияние. — Благосостояние населения

Влияние благосостояния на преступность далеко не так определенно, как влияние образования, и самое тщательное и беспристрастное исследование в этом направлении не дает точных результатов, так как для решения этой задачи не имеется достаточно точек опоры.

Бодио говорит о том, что благосостояние народное не поддается более или менее точной оценке, ибо мы не располагаем данными для определения ценности земельной собственности или минеральных богатств; что же касается частных состояний, то и они не могут служить мерилом народного благосостояния, ибо у нас нет точных данных о всех движимых и недвижимых собственностях. Поэтому для решения этого вопроса мы должны основываться исключительно на таких сведениях, как дарственные записи, духовные завещания и т. п.

Можно было бы при определении благосостояния страны руководствоваться средним поденным заработком населения или размерами налогов, которые оно платит, но и здесь нам приходится иметь дело с очень непостоянными данными. Вот почему так затруднительно говорить о связи, существующей между благосостоянием и преступлениями.

1. Подати и налоги. Сопоставляя благосостояние Италии, определяемое на основании данных о подушных податях населения, налогах на предметы первой необходимости (пищевые продукты, табак, соль), налогах прямых (на земли, недвижимое и движимое имущество, судебные пошлины) и пошлинах на дела с цифрами главнейших преступлений, мы находим, что:

При максимальном благосостоянии
(1856–1886 гг.)
(каждый житель платит податей от 33 до 40 франков)

Средняя степень состоятельности каждого жителя, франков	Провинции	Преступления против нравственности	Кражи	Убийства
74,9	Ливорно	26,4	224	21,3
71,3	Рим	22,1	329	27,8
55,1	Неаполь	20,7	161	26,7
54,5	Милан	11,7	157	3,4
45.6	Флоренция	12,6	120	9,9
42,5	Генуя	17,2	147	7,8
41,4	Венеция	14,3	246	6,6
38,4	Турин	17,9	121	9,1
33,3	Болонья	11,3	216	7,6
33,0	Кремона	6,8	134	2,3
31,7	Феррара	7,2	387	6,1
31,4	Мантуя	15,6	254	7,8
		15,6	206	11,3

При среднем благосостоянии
(20–26 франков)

Средняя степень состоятельности каждого жителя, франков	Провинции	Преступления против нравственности	Кражи	Убийства
25,4	Новара	8,1	100	6,3
25,1	Гроссето	22,4	105	15,4
24,6	Казерта	17,0	189	31,2
24,4	Кунео	6,9	87	8,8
24,1	Анкона	11,7	100	19,0
23,5	Палермо	21,8	150	42,5
23,3	Лечче	16,7	126	10,3
23,0	Бергамо	9,5	115	4,0
22,5	Форли	7,4	174	21,5
20,4	Кальяри	17,2	296	21,8
20,3	Перуджа	12,7	140	15,9
		13,4	143	17,0

При минимальном благосостоянии
(10–18 франков)

Средняя степень состоятельности каждого жителя, франков	Провинции	Преступления против нравственности	Кражи	Убийства
10,5	Беллуно	6,3	108	5,1
13,6	Сондрио	13,0	120	5,4
14,0	Тераме	14,7	108	20,4
14,7	Козенца	34,8	125	38,2
15,0	Кампобассо	22,2	190	41,2
15,4	Л'Акуила	18,5	118	31,1
15,8	Кьети	31,1	119	25,7
16,3	Реджо-ди-Калабрия	30,5	214	30,5
16,4	Мессина	17,9	148	19,2
16,5	Асколи	13,3	82	11,9
16,6	Авеллино	23,3	179	45,4
18,3	Маджента	9,8	273	13,0
		19,6	148	23,0

Если мы к этим средним цифрам присоединим еще данные, полученные Бодио за период 1890–1893 годов, то получим следующее соотношение между благосостоянием и преступностью:

	1885–1886 гг.			1890–1893 гг. (Бодио)		
	Благосостояние			Благосостояние		
	Максим.	Средн.	Миним.	Максим.	Средн.	Миним.
Проступл. против нравств.	15,6	13,4	19,6	16,5	15,28	21,49
Кражи	206,0	143,0	148,0	361,28	329,51	419,05
Убийства	11,3	17,0	23,0	8,34	13,39	15,40
Мошенничества, банкротства	—	—	—	81,31	53,27	46,53

Отсюда видно, что мошенничества, как и кражи, возрастают с увеличением благосостояния населения; но если в числе последних считать и кражи хлеба на полях, то максимум преступлений совпадает с минимумом благосостояния. То же самое следует сказать и об убийствах.

Еще яснее доказывается это влиянием, безусловно, случайного характера действительной нищеты на мелкие преступления, чаще всего на кражи леса, как мы доказали это в главе о питании, в которой выяснили, что в то время как в Германии число краж в общем возрастает по мере падения цен

на хлеб и уменьшается с поднятием ее — кражи леса, напротив, подвергаются совершенно обратным колебаниям.

Что касается преступлений против нравственности, то относительно их получаются довольно неожиданные выводы: именно минимум этих преступлений наблюдается у нас при среднем благосостоянии населения, а максимум — при минимуме его. Это очевидно противоречит обычному ходу преступлений против нравственности, которые всегда возрастают по мере увеличения народного благосостояния.

Но сделанные нами заключения подвергаются многочисленным исключениям. Так, в трех городах, население которых очень бедно, в Сондрио, Реджо-ди-Калабрии и Л'Акуиле, наблюдается вдвое меньше краж и почти втрое меньше мошенничеств, чем в столь же бедной Мадженте. То же следует сказать об убийствах, число которых в общем более значительно в беднейших провинциях, исключая южные города Агридженто, Кампобассо, Козенца, Авеллино, где они значительно чаще встречаются, чем в северных и столь же богатых Сондрио, Беллуно и Удине, что объясняется, по-видимому, влиянием климата.

Итак, максимум и минимум благосостояния не всегда соответствуют в каждой провинции тем выводам, которые получаются из средних цифр.

2. Налог на наследства. Фовилль полагает, что частные состояния могут быть определены на основании данных о передаче собственности из одних рук в другие, но, изучая подобные статистические таблицы, составленные Панталеони для Италии, мы с трудом лишь можем составить себе какоенибудь представление о положительной или отрицательной связи преступления с благосостоянием.

В самом деле, из его таблиц (см. ниже) оказывается, что в наиболее богатых местностях, как Пьемонт, Лигурия, Ломбардия и Тоскана, процент преступлений против собственности меньше среднего для всего государства, а в беднейших провинциях, таких как Сардиния, Сицилия и Неаполь, процент преступности, напротив, очень высок. Но рядом с этим оказывается, что в провинции Марке-Умбрия, принадлежащей к числу беднейших, преступность совсем не велика и что число краж в богатейших провинциях — Тоскане, Ломбардии, Эмилии, Пьемонте и Лигурии, как и в беднейшей Марке, совершенно одинаково.

Далее доказано, что максимум краж наблюдается одновременно в богатейшей провинции — Лацио и в беднейшей — Сардинии, так что между этого рода преступлением и степенью благосостояния населения нет, по-видимому, никакого соотношения. Бодио вообще считает налог на наследства неверным показателем степени народного благосостояния, ибо он очень часто взимается с капиталов, которые не остаются на месте, а уходят в чужие страны.

Затем минимум мошенничеств наблюдается в очень бедной провинции Марке-Умбрия, за которой следуют Тоскана, Эмилия, Венето, Пьемонт,

Лигурия и Ломбардия, являющиеся, как известно, богатейшими провинциями, и, наконец, минимум разбоев приходится на богатые Венето и Ломбардию и на очень бедную Марке-Умбрию; средняя их — на Тоскану, Эмилию, Неаполь, Пьемонт и Лигурию; максимум — на бедные Сардинию и Сицилию и на богатый Лацио.

Итак, из перечисленных примеров мы видим, насколько сбивчивы и противоречивы заключения, которые можно сделать из этих данных.

ТАБЛИЦА,
выражающая соотношения между благосостоянием населения
и преступлениями (средняя 1887–1889 годов на 100 тысяч населения)

Провинции	Среднее благосост.	Кражи	Мошенничества	Разбои	Убийства	Повреждения
Лацио	3,333	639	116	18	25	513
Пьемонт, Лигурия	2,746	267	44	7	7	164
Ломбардия	2,400	227	44	3	—	124
Тоскана	2,164	211	34	6	7	165
Венето	1,935	389	43	3	4	98
Трентино	1,840	320	49	7	13	287
Эмилия	1,762	250	38	6	6	130
Сицилия	1,471	346	65	16	26	410
Неаполь	1,333	435	47	6	21	531
Марке, Умбрия	1,227	222	33	3	10	239
Сардиния	—	670	113	14	20	277

3. Праздность. Прежде предполагали, что праздность имеет огромное влияние на преступность, но на самом деле значение ее далеко не так существенно. Так, в Южном Уэльсе прогулы рабочих не оказывают, по-видимому, никакого влияния на повышение преступности среди них.

Райт утверждает, что при промышленных кризисах увеличиваются все преступления, но он не приводит никаких доказательств в пользу своего мнения. Он основывается на том, что в Массачусетсе среди 220 осужденных оказалось 147 душ, не имевших никаких занятий, и что среди преступников, которых он наблюдал, он определил 68% людей, ничем не занимавшихся. Но эти факты свидетельствуют только о том, что преступники избегают всякого труда, что, впрочем, всем и каждому хорошо известно.

Однако данным Райта противоречат наблюдения Боско, который нашел среди убийц в Соединенных Штатах 82% людей, имевших постоянную ра-

боту в тот момент, когда они совершали свое преступление, и что только 18% из них ничем не занимались.

На основании этого мы и думаем, что праздность и отсутствие работы отнюдь не составляют такой важной и существенной причины тяжких преступлений.

4. Поденный заработок. Более точным критерием для разрешения интересующего нас вопроса является поденный заработок среднего рабочего человека, эквивалентный годовому расходу его на свое пропитание. Данные на этот счет в связи с преступлениями расположены в нижеследующей таблице (см. с. 91).

Рассматривая эти данные, мы приходим к следующим заключениям:

1. Чрезмерная работа в связи с минимальной поденной платой, то есть с наиболее скудным питанием, находится в известной связи с количеством убийств. Действительно, в Шотландии, Англии и Ирландии, где поденный заработок рабочего очень мал, наблюдается также очень мало убийств (0,51–0,56–1,05). Напротив, в Испании и Италии, где поденная плата достигает максимальных цифр (153–154), мы наблюдаем и максимум убийств (8,25–9,53).

2. Далее, между количеством причиняемых ран и повреждений и цифрой поденного заработка также замечается известное соответствие, именно: в Англии, Ирландии и Шотландии, в которых заработок рабочего достигает, как мы только что сказали, самого низкого уровня (127), наблюдается и минимум этих преступлений (2,67–6,24–11,59); наоборот, в Австрии и Италии, где поденная плата достигает своего максимума (152–230). Однако Испания и Бельгия представляют собой исключения в этом отношении.

3. Что касается преступлений против нравственности, то минимум их чаще всего совпадает с максимумом заработков: Испания при ее максимальной поденной плате (154) дает минимум этого рода преступлений (1,03), а Бельгия при ее минимальной плате — максимум их. Но в Англии при минимуме поденного заработка (127) наблюдается также минимум преступлений против нравственности (1,41).

4. Между поденной платой и кражами нет, по-видимому, никакой связи: преступления эти колеблются в очень широких размерах в Испании, Бельгии, Франции и Италии совершенно независимо от заработков населения этих стран.

5. Сберегательные кассы. Я полагаю, что цифры вкладов в сберегательные кассы могут служить более верным критерием для определения благосостояния населения, ибо вклады эти свидетельствуют о его бережливости и способности бороться с пороком и преступлением.

Во всей Европе, согласно Кохлану, один вклад определенных размеров в сберегательные кассы приходится:

Поденный заработок рабочего, эквивалентный его годовому расходу на свое пропитание		Осужденные за убийство (на 100 000 населен.)		Осужденные за причинение побоев и ран (на 100 000 населен.)		Осужденные за преступления против нравственности (на 100 000 населения)		Осужденные за кражи (на 100 000 населения)	
Англия и Уэльс		Шотландия	0,51	Англия и Уэльс	2,67	Испания	1,03	Испания	59,63
Ирландия	127	Англия и Уэльс	0,56	Ирландия	6,25	Ирландия	0,85	Бельгия	110,44
Шотландия		Ирландия	1,06	Шотландия	11,59	Шотландия	1,41	Франция	110,95
Бельгия	130	Германия	1,11	Испания	43,17	Англия и Уэльс	1,66	Италия	165,89
Франция	132	Бельгия	1,44	Франция	63,40	Италия	4,01	Ирландия	65,81
Германия	148	Франция	1,53	Германия	126,40	Австрия	9,33	Англия и Уэльс	165,63
Австрия	152	Австрия	2,43	Италия	155,35	Франция	10,26	Шотландия	268,39
Италия	153	Испания	8,25	Бельгия	175,39	Бельгия	13,83	Германия	226,02
Испания	154	Италия	9,53	Австрия	230,45	Германия	14,07		

В Швейцарии	на	кажд.	4,5	жител.	при	убийствах	16 $^0/_{0000}$	и	кражах	114 $^0/_{0000}$
» Дании	»	»	5	»	»	»	13	»	»	114
» Швеции	»	»	7	»	»	»	13	»	»	—
» Англии	»	»	10	»	»	»	5,6	»	»	163
» Пруссии	»	»	10	»	»	»	5,7	»	»	246
» Франции	»	»	12	»	»	»	18	»	»	103
» Австрии	»	»	14	»	»	»	25	»	»	103
» Италии	»	»	25	»	»	»	96	»	»	150

Цифры эти свидетельствуют о том, что число убийств обратно пропорционально количеству вкладов, между тем как кражи, напротив, прямо пропорциональны числу их.

В Италии, как явствует из ограниченных данных, которыми мы располагаем, наибольшая пропорция вкладов в сберегательные кассы соответствует наименьшему числу не только убийств, но и краж.

Средняя цифра различных преступлений в 20 итальянских провинциях с наибольшим числом вкладов (один вклад на 3–6 жителей), в 20 провинциях с наименьшим числом вкладов (один вклад на 15–24 жителя) и в 20 провинциях со средним числом вкладов (один вклад на 8–13 жителей) представляется в следующем виде:

	Средняя преступлений в 20 провинциях при благосостоянии:		
	Максимальн.	Среднем	Минимальн.
	по числу вкладов в сберегат. кассы		
Преступл. против нравственности	11	12,6	20
Кражи	132	133	160
Убийства	10	12,6	27,4

Итак, в Италии наименьшему числу вкладов, приходящихся на каждого жителя, соответствует наибольшее количество кровавых преступлений, краж и изнасилований и минимум мошенничеств, и наоборот: там, где благосостояние достигает средних и максимальных размеров, наблюдается максимум мошенничеств и минимум убийств, краж и изнасилований. Таким образом, кровавые преступления и изнасилования, в противоположность тому, что обыкновенно имеет место, преобладают именно в беднейших провинциях.

Тем не менее там, где выступает влияние расы и климата, значение благосостояния сводится почти к нулю. Так, мы находим сравнительно большое количество убийств в наиболее богатых провинциях, таких как Палермо — 42, Рим — 27, Неаполь — 26, Ливорно — 21; но это объясняется отчасти географическим положением означенных провинций, отчасти расой и распространенным в них пьянством. Точно так же и в беднейших провин-

циях географические условия, климат и раса уничтожают влияние благосостояния.

Таким образом, рассматривая влияние экономических факторов на преступность, мы должны принимать во внимание также расу, климат и прочее.

6. Сбережения во Франции. Что касается Франции, то, если считать мерилом благосостояния ее населения число вкладов в сберегательные кассы, приходящихся на каждые 1000 человек, мы увидим, что количество преступлений правильно возрастает по мере возрастания благосостояния населения. Так, в департаментах:

	Убийств	Краж	Изнасил.
С минимальным благосостоянием наблюдается средняя	64	83	17[1]
Со средним	66	99	26
С максимальным	89	186	29

Поразительная разница во влиянии сбережений во Франции и Италии объясняется до известной степени опять иммиграцией. Во Франции, в самых богатых областях ее, где более всего процветает промышленность, замечается и наиболее сильный прилив иммигрантов, которые в общем совершают в четыре раза более преступлений, нежели коренные французы.

Помимо этого, нельзя не считаться, с одной стороны, со значением расы и климата, особенно в Южной Италии, а с другой — со степенью благосостояния французского населения, превосходящего более чем в четыре раза благосостояние итальянского населения.

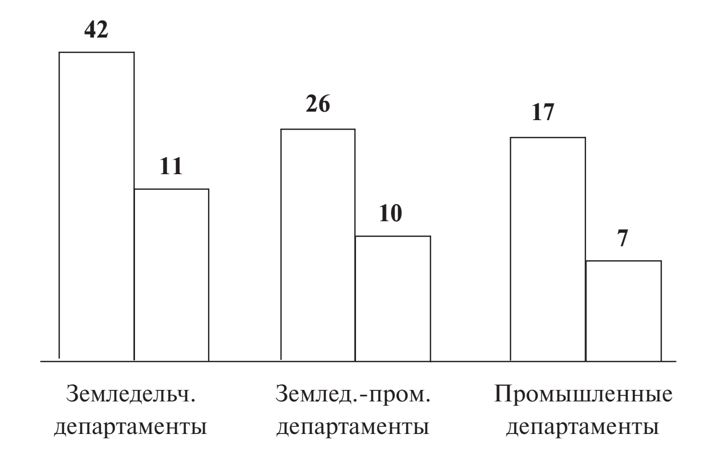
Наконец, увеличение сбережений является в Италии скорее следствием расчетливости и умеренности, чем действительного благосостояния, в то время как во Франции, по крайней мере в промышленных областях, особенно в департаментах Эро и Устье Роны, они служат показателями действительного богатства населения. Всем этим и обусловливается разница между этими двумя государствами во влиянии сбережений: небольшое благосостояние, постепенно нарастающее, служит уздой для преступности, в то время как огромное сразу приходящее богатство способствует, наоборот, ее усилению.

7. Земледельческие и промышленные области. В местностях, где очень развита промышленная деятельность, окончательно вытеснившая сельское хозяйство, наблюдается обыкновенно и значительная преступность.

Так, если мы разделим Францию на *земледельческие, земледельческо-промышленные* и *промышленные* округа, то увидим, что преступность нарастает

[1]
Минимальное благосост.	от	0	до	100	вкладов	на	кажд.	1000	жителей
Среднее	»	» 100	»	200	»	»	»	»	»
Максимальное	»	» 200	»	406	»	»	»	»	»

тем в большей степени, чем более промышленность преобладает над земледелием. Нижеследующая диаграмма показывает, что из 42 земледельческих департаментов только 11, то есть 23%, превосходят по числу наблюдаемых в них убийств среднее количество их во Франции, между тем как из 26 земледельческо-промышленных департаментов его превосходят 10, то есть 38%, а из 17 промышленных — целых 7, то есть уже 41%.

Что касается изнасилований взрослых и преступлений против личности, то и они выше обычных средних цифр:

				Изнасилований		Преступлений против личности
В	42	земледельч. департ.	на	33%	на	48%
»	26	землед.-промышлен.	»	39%	»	39%
»	17	промышленных	»	52%	»	59%

что, вероятно, объясняется большей скученностью населения в этих департаментах и более сильной иммиграцией в них.

8. Благосостояние как причина преступлений. Тот, кто утверждает, что преступность является результатом исключительно бедности, не знаком с другой стороной этого вопроса, а именно с влиянием на преступления благосостояния.

Спенсер говорит, что благосостояние народа, смотря по его нравственному достоинству или испорченности, может вести его то к добродетели, то к пороку. Это относится, собственно, к высшей степени благосостояния, то есть к богатству, которое делает возможным половые излишества и злоупотребление спиртными напитками, создавая этим почву для преступлений.

Стало быть, благосостояние может служить источником поднятия и падения нравственности в одно и то же время, и ниже мы постараемся подробнее объяснить это кажущееся противоречие.

Именно поэтому в Северной Америке, Соединенных Штатах, высокая преступность наблюдается то при минимальном, то при максимальном благосостоянии народных масс.

В очень богатом Род-Айленде (где на каждого индивида приходится в среднем по 913 франков) наблюдается сравнительно ничтожный процент преступлений — 0,11; в столь же богатом Массачусетсе (888) пропорция эта удваивается — 0,20, а в Колумбии, средней по благосостоянию населения (559), преступность достигает 0,21, между тем как в Вайоминге она почти удваивается — 0,35. При этом наименьшая преступность (0,04–0,03) наблюдается в беднейших штатах, как, например, в Дакоте (где на каждого индивида приходится в среднем по 150 франков), Алабаме (97) и Нью-Мексико (95), но рядом с этим в Делавэре при среднем благосостоянии (408) населения преступность достигает уже бóльших размеров — 0,05.

Из всего изложенного мы убеждаемся, что во Франции и Италии по мере промышленного роста преступность в общем увеличивается. В частности, в Италии наибольшую преступность дает Артена, хотя население ее далеко не отличается — по наблюдению Сигеле — бедностью, ибо каждый житель ее является хозяином-собственником.

Это нисколько не противоречит увеличению преступности в бедных странах, где цивилизация находится на очень низкой ступени развития, как, например, на острове Корсика, преступлений против личности, так же как и простых краж.

9. Объяснение. Что касается причин подобного двойственного влияния благосостояния населения на его преступность, то они довольно ясны.

С одной стороны, лишения и недостаток необходимого для жизни всегда наводят бедного человека на мысль удовлетворить своим потребностям путем преступления, а с другой стороны — нищета делает его импульсивным вследствие злоупотребления вином и алкоголем, этим страшным ядом, к которому обыкновенно прибегают все пролетарии, чтобы заглушить муки голода и потопить свое горе.

Бедность является косвенным образом причиной преступлений против нравственности, с одной стороны, потому, что бедняки лишены возможности удовлетворять свои половые влечения, а с другой — вследствие того, что на фабриках и в рудниках оба пола, работая вместе, находятся постоянно в близком общении друг с другом, что делает легко возможным разврат.

Само собой разумеется, что более или менее состоятельный человек, крепкий физически и нравственно, благодаря достаточному питанию и нравственной выдержке имеет возможность гораздо легче устоять против всякого преступного искушения. Тем не менее и благосостояние, являясь источником вырождения вследствие сифилиса, истощения и прочих причин,

также ведет часто к преступлениям против чужой собственности, мотивами которых являются тщеславие, желание превзойти других, блистать в обществе и т. п. Форнасари совершенно прав, говоря, что там, где благосостояние достигает значительной степени, оно постоянно сосредоточивается в немногих руках, так что рядом с ним всегда встречаются примеры крайней бедности, кажущейся из-за этого контраста еще более резкой. Такое существование нищеты рядом с богатством не может не благоприятствовать зарождению преступных побуждений.

Помимо этого, в бедных местностях нет и такой скученности, как в богатых; особенно мало в них тех опасных субъектов, которые приезжают в большие и богатые города единственно с целью заниматься в них преступной деятельностью.

Таким образом, бедность является источником преступлений, хотя и очень грубых и жестоких по своей форме, но зато довольно ограниченных по своему числу. Между тем искусственные бесконечные потребности богатых людей создают и многочисленные виды особых преступлений. Достаточно припомнить хотя бы только все разнообразие видов преступности, встречающихся на почве Венеры и Бахуса*, чтобы согласиться, что благосостояние, когда оно достигает значительной степени, служит часто не тормозом, а, напротив, двигателем преступлений.

Резюмируя все вышеизложенное, мы видим, что влияние экономических факторов на преступность населения зависит не только от его бедности, но и от богатства и вообще благосостояния. Но значение как одной, так и другого часто сглаживается и совсем уничтожается благодаря влиянию расы, климата и тому подобных факторов.

Глава 10

Воспитание. — Незаконнорожденные и сироты

1. Незаконнорожденные. Влияние воспитания на преступность доказывается косвенным путем соотношением незаконнорожденных преступников, все более и более возрастающим у наиболее цивилизованных наций, особенно в последнее время.

В Пруссии число незаконнорожденных преступников, составлявшее в 1859 году 3% общего количества их, поднялось в 1873 году среди мужчин до 6%, а среди женщин даже до 8%. Во Франции из 800 несовершеннолетних преступников, арестованных в 1864 году, было 60% незаконнорожденных и сирот и 38 детей проституток и преступников. В Австрии в 1873 году среди незаконнорожденных преступников было 10% мужчин и 21% женщин. В Гамбурге 30% проституток, а в Париже даже одна пятая часть населения — по происхождению незаконнорожденные.

В вюртембергских тюрьмах насчитывалось незаконнорожденных среди заключенных в 1884–1885 годах — 14,3%; в 1885–1886 годах — 16,7%; в 1886–1887 годах — 15,3%; между тем как среди свободного населения они составляли в это время в среднем только 8,76%. Зихерт при исследовании 3181 заключенного в тех же тюрьмах нашел между ними даже 27% незаконнорожденных, распределявшихся следующим образом:

На	100	воров приходилось их	32,4
»	»	мошенников	23,1
»	»	преступлений против нравственности	21,0
»	»	клятвопреступников	13,0
»	»	поджигателей	12,0

так что процент незаконнорожденных среди случайных преступников определен им равным 17,5, а среди привычных — 30,6. Кроме того, Зихерт нашел:

			Питавших отвращение к труду	Нищих	Бродяг
Среди	1248	законнорожд. воров	52,0%	32%	42%
»	600	незаконнорожд. »	52,3%	39%	49%

В Италии по тюремным статистикам оказывается среди заключенных незаконнорожденных мальчиков 3–5%, а девочек 7–9%. Кроме того, следует заметить, что среди рецидивистов наблюдается здесь очень высокий процент незаконнорожденных — 36.

Чтобы понять огромное значение этих цифр, следует припомнить, что громадное большинство незаконнорожденных детей, от 60 до 89%[1], погибает в первые 18 месяцев своей жизни, и весьма малое число их доживает до 18 лет. Марбо может поэтому с уверенностью сказать, что из 4 подкидышей 3 умирают в возрасте до 12 лет, а 4-й обречен на преступление.

Со своей стороны и я произвел исследование 3787 детей, находившихся в убежищах Павии, Имолы (завед. д-р Лоли) и Падуи (проф. Тебальди), и 1059 детей, находившихся в 1871 году в больницах в Павии. Я нашел в общем среди первых 1,5% незаконнорожденных, а среди вторых — 2,7%. При этом следует заметить, что среди незаконнорожденных в Павии наблюдается гораздо меньшая смертность, чем во многих других странах[2].

[1] Из 1000 детей-подкидышей умерло в Бордо в течение 10 лет 729 душ. В Москве за 94 года было принято детей в приют для подкидышей 367 788, из числа коих 288 554, то есть 79%, умерли в первые дни своей жизни.

[2] Не выше 25% в первый год жизни.

При одинаковых условиях и в одинаковом возрасте подкидыши дают в 20 раз более преступников, чем помешанных. Оказывается, что большинство из них, не умершие в раннем возрасте, непременно попадают на путь преступления. При этом, конечно, играет значительную роль и наследственность. Незаконнорожденные являются обыкновенно на свет плодом греха и увлечения: они не имеют имени, которое могли бы охранять; у них нет никого, кто удерживал бы их от скользкого пути увлечений и страстей; нет отца или матери, которые воспитали бы в них добрые чувства и заглушили бы дурные инстинкты; в большинстве случаев они лишены возможности вести честную, трудовую жизнь. В силу всего этого они неминуемо становятся преступниками, если не вследствие врожденной наклонности ко злу, то вследствие дурных примеров, которые они постоянно видят перед собой.

2. Сироты. Что беспризорность и отсутствие всякого воспитания имеют огромное влияние на преступность, доказывается громадным числом преступников среди сирот и детей от второго брака. В Италии среди малолетних преступников насчитывалось в 1871–1872 годах от 8 до 13% детей от второго брака. Барче сообщает, что в Нью-Йорке в течение известного времени было арестовано сирот 1542 и детей от второго брака — 504. По его же наблюдениям, 55% заключенных в исправительных домах являются круглыми сиротами, а 60% арестованных не имеют одного из родителей или же живут отдельно от них. По вычислению Марбо, на 100 малолетних заключенных приходится 15 покинутых своими матерями.

В Италии, по сведениям, обнимающим 10-летний период, среди преступников оказывается 33–35% сирот. Но среди 580 душевнобольных в моей клинике сирот было 47%, а среди 1059 находившихся в госпиталях в Павии их было 78%, так что процент сирот среди преступников оказывается в Италии меньше, чем среди честного населения.

Сироты, лишенные отца, дают, по итальянским статистикам, около 26% преступников, а те, кто не имеют матери, — только 23%. Среди душевнобольных мы считаем 57% первых и 10% вторых.

Среди сирот и особенно подкидышей несомненно преобладает по численности преступлений женский пол, помимо даже проституции. Эттинген вычислил даже, что в то время как на пять преступных мужчин приходится одна преступная женщина, — на трех подкинутых девочек приходится один подкинутый мальчик.

Огромным числом подкидышей среди преступников и объясняется именно значительный процент среди городского населения.

3. Порочные родители. Воспитание. Еще более вредное влияние, чем беспризорность, оказывает на преступность дурное воспитание. Припомним здесь болезненную наследственность, которая, по словам Зихерта, передается 36%, а по мнению Марро, даже 90% потомства, наследственность со стороны родителей-эпилептиков в 67%, а самоубийц — в 4,3%, пьяниц — в 16% и помешанных — в 6,7%. Среди пьяниц преступные ро-

дители наблюдаются, по Марро и Вирлио, в 37–41%, а среди преступников — в 27–45%.

После этого неудивительно, что ребенок не может устоять против преступного искушения, являющегося ему порой в самых обольстительных формах, когда он видит на каждом шагу только дурные примеры со стороны своих родителей или окружающих, отвечающих за его воспитание.

Приведем следующие примеры этого.

В., сестра нескольких воров, была воспитана своими родителями как мальчик. Она носила мужскую одежду и научилась очень ловко владеть ножом. Сделавшись взрослой, она нападала на больших дорогах на прохожих и грабила их. Арестованная, она во всем обвинила своих родителей.

Все семейство Корню состояло сплошь из воров и разбойников, приученных к преступлениям своими родителями в самом нежном детстве. Из пяти братьев и сестер в этом семействе одна, самая младшая, обнаруживала непреодолимое отвращение к преступлению, но родители нашли средство подавить в ней это отвращение тем, что заставили ее носить в течение нескольких часов в ее переднике отрезанную голову одной из их жертв. В короткое время девушка эта так вошла во вкус преступления, что сделалась самым жестоким членом разбойничьей шайки и выдумывала для своих жертв самые мучительные пытки.

К. уже в три года бил камнями своих товарищей и любил выдергивать перья у живых птиц. До 9-летнего возраста отец оставлял его постоянно одного в лесу, где он в одиночестве проводил все свое время.

Фрежье рассказывает про 3-летнего мальчика, сына одного вора, которым отец очень гордился, так как он уже в трехлетнем возрасте умел делать восковые слепки замочных скважин и ключей.

«Жены разбойников, — пишет Видок, — гораздо опаснее своих мужей: они систематически приучают своих детей к своему ремеслу, награждая их за каждое преступление».

На многих индивидов воспитание не оказывает никакого влияния: они рождаются испорченными и остаются таковыми, несмотря на все отчаянные усилия родителей исправить их.

Из числа малолетних преступников, отмеченных в 1871–1872 годах, 84% мальчиков и 60% девочек происходили от нравственных, честных родителей, слабость которых явилась во всех случаях первым благоприятным моментом для создания будущих преступников.

Так, Фра Диаволо, Картуш, Троппман* и многие другие происходили от честных людей. Росати признавался мне, что отец неоднократно бил его, желая отучить от воровства, а мать много раз со слезами на глазах упрашивала исправиться и сделаться честным человеком. Он каждый раз обещал им, но каждый раз нарушал свое обещание.

Очень часто приходится видеть, как многие воры и проститутки, которые, разбогатев, прилагают все усилия, чтобы повести своих детей по доброму пути и сделать из них хороших и честных людей.

Глава II

Возраст. — Раннее проявление преступности

1. Возраст. Влияние возраста на преступление особенно резко выступает при разграничении его от помешательства. Если мы рассмотрим нижеследующую таблицу, содержащую данные почти об одном и том же числе преступных, здоровых и помешанных лиц, то увидим, что наибольшее число первых приходится на возраст между 20 и 30 годами, а последних — между 30 и 40 годами.

Итальянцы			Англичане	Австрийцы	Возраст
На 20011 честных людей	На 20011 помешанных	На 26768 преступников	На 23768 преступников	На 12786 преступников	
43,55	6,18	12,9	25,10	10,4	С рождения до 20 лет
17,01	2,34	45,7	42,40	42,6	От 20 до 30 лет
14,32	26,21	28,8	16,80	27,07	» 30 » 40 »
10,67	22,19	11,6	8,40	12,1	» 40 » 50 »
7,89	14,02	3,8	4,20	5,9	» 50 » 60 »
6,56	9,34	0,9	2,00	1,24	» 60 и старше

Душевнобольные в 40 и более лет дают заметную пропорцию преступников, именно в два и даже более раз, чем честные люди, среди которых число последних, начиная с этого возраста, заметно падает.

По более точным исследованиям оказывается, что возраст, на который падает максимальная преступность, колеблется между 15 и 25 годами. Так, в Англии, где пропорция молодых преступников в возрасте 12–21 года в настоящее время заметно уменьшается, она относится к количеству честных молодых людей как 24:45. В возрасте от 21 года до 30 лет пропорция эта удваивается, и соотношение между обеими категориями молодых людей становится уже равным 50:26, а в возрасте 50 лет и старше она выражается соотношением 23,5:24,8.

Леон Леви нашел в Англии следующие цифры для выражения соотношения между преступниками и честными людьми в различные возрасты:

			Преступники	Честные люди
В	12	лет	1,1	13,52
»	16	»	3,2	22,58
»	21	»	18,1	9,59

В	30	лет	32,4	16,68
»	40	»	21,0	12,80
»	50	»	13,1	10,05
»	60	»	7,1	7,32
	Старше	»	3,3	7,48

В Австрии $^{1}/_{6}$ часть осужденных приходится на возраст между 14 и 20 годами, а $^{4}/_{6}$ — между 21 и 40 годами.

Во Франции из 1477 убийц, приговоренных к смертной казни:

107	находились	в	возрасте	между	16	и	30	годами
534	»	»	»	»	30	»	40	»
180	»	»	»	»	40	»	60	»
69	»	»	»		60	»	более лет	

Из 46 преступников, которых я наблюдал, 35 начали свою преступную карьеру в следующих возрастах:

1	в	4-	летнем	возрасте
2	»	7	»	»
6	»	8	»	»
1	»	9	»	»
5	»	10	»	»
4	»	11	»	»
3	»	12	»	»
3	»	13	»	»
3	»	14	»	»
и 7	»	15	»	»

10% заключенных в одной из тюрем признались мне, что они начали воровать еще до 12 лет, больше по наущению и подстрекательству товарищей, чем вследствие необходимости.

В нашей «Преступной сотне» мы нашли 35% пьяниц в возрасте между 2 и 10 годами (25% из них пили исключительно водку), 6 — занимавшихся мастурбацией, не достигнув еще и 6 лет, а 13 — имевших сношения с женщинами ранее 14 лет. Цифры эти свидетельствуют о необыкновенно раннем проявлении порока и преступления.

Марро нашел, что из 462 преступников 86 совершили свое первое преступление, не имея 13 лет от роду, а 9 — даже 11 лет, то есть в общем 18,6% преступников находились в возрасте до 16 лет, и если сюда присоединить еще заключенных в исправительные дома, то пропорция молодых преступников достигнет 21,7%. Подобный же высокий процент преступности, в смысле проявления порочных наклонностей, Марро определил и у школь-

ников из хороших честных семейств. Так, из 917 учеников, находившихся в возрасте между 6 и 10 годами, он нашел: с хорошим поведением — 48,3%, с посредственным — 33,3, а с дурным — 18,21%. Кроме того, из 3012 более взрослых — 11—18-летних — школьников он нашел: с хорошим поведением 64%, с посредственным — 45 и с дурным — 9,2%.

Распределяя их по возрастам, он получил следующие данные:

				С дурным поведением	С хорошим поведением
В	11-летнем	возрасте	оказалось	69%	6,0%
»	12 »	»	»	62%	10,2%
»	13 »	»	»	63%	14,1%
»	14 »	»	»	58%	10,1%
»	15 »	»	»	60%	11,7%
»	16 »	»	»	62%	7,0%
»	17 »	»	»	68%	8,6%
»	18 »	»	»	74%	7,8%

Подобное необыкновенно раннее проявление преступности служит несомненным доказательством того, что она, как и психические заболевания, имеет врожденный и атавистический характер. Раннее развитие есть вообще один из признаков, свойственных дикарю.

У некоторых дикарей эта ранняя преступность связана с религиозными обрядами. Так, у племени ваника молодые люди, достигнув известного возраста, отправляются голыми в лес и остаются в нем до тех пор, пока им не удастся убить какого-нибудь человека.

2. Постепенность преступления. В одном случае мне действительно удалось констатировать нечто вроде постепенности в ряду краж, совершенных одним мальчиком, который сперва украл 4 су, чтобы купить себе волчок, потом 8 су, затем 1 франк и, наконец, 3 франка. Но обыкновенно никакой постепенности в преступлениях установить не удается: многие преступники начинают свою карьеру сразу крупным делом, именно убийством или изнасилованием, так что самые тяжкие преступления являются в то же время и наиболее ранними. Однажды в Милане был на улице поднят труп старика, на котором были найдены 82 раны. Раны эти были нанесены ему, как оказалось, пятью юношами, находившимися в возрасте от 15 до 19 лет, совершившими это убийство с целью грабежа, чтобы достать денег для своих кутежей.

Все выдающиеся преступники обнаруживали необыкновенную испорченность уже в раннем возрасте, особенно в период половой зрелости или даже раньше ее. Бусеньи совершил свое преступление на 18-м году, Було — на 17-м, знаменитая маркиза де Бренвиллье* — на 18-м. Домбей был уже в 7,5 года вором, а в 12 — святотатцем.

Сальваторе Б., написавший для меня свою биографию, сознается, что в 9 лет он совершал уже кражи и изнасилования. Крокко в 3 года проявил большое зверство, выдергивая перья у живых птиц, а Лазань в 11 лет занимался тем, что вытягивал у волов языки и прибивал их гвоздями к скамьям. Верцени был уже в 17 лет убийцей и насильником, а знаменитый впоследствии Картуш, имея от роду всего 11 лет, пользовался среди своих товарищей по школе репутацией очень ловкого вора. Лемер в 19 лет был так испорчен и развит, что далеко превосходил в этом отношении своего сообщника Авиньяна, которому было тогда под 60 лет. Лафарк, когда ей было 10 лет, находила удовольствие в том, что душила цыплят. Фербах сообщает об одном отцеубийце, который, будучи ребенком, ослеплял цыплят и забавлялся, глядя, как они кружатся и падают.

В парижских тюрьмах в среднем ежегодно содержится не меньше 2 тысяч молодых людей в возрасте 16–21 года, половина которых бывает обыкновенно осуждена за убийства и кражи, причем преступления, совершенные этими молодыми преступниками, отличаются сплошь да рядом особыми жестокостями.

Майло и Жиль убили с помощью товарищей свою благодетельницу и вырвали ей несколько пальцев с целью овладеть ее кольцами. Самому молодому из этой шайки было всего 15 лет, а самому старшему — 18.

Пипино, Баньи, Куортерли, Верцени, Моро, Превос начали свою преступную карьеру убийствами. Превос был в течение более 20 лет примерным агентом полиции, а Мартин, убивший свою жену, отличался всегда кротким нравом и слыл повсюду за честного человека.

3. Специфическая преступность. Всякому возрасту, как доказали это Куэтеле и Месседалья, свойственна особая, специфическая преступность. Юный и старческий возрасты дали в Австрии максимум преступлений против нравственности — 33%. Со своей стороны и Герри пришел к заключению, что подобные преступления наблюдаются чаще всего в возрастах между 16 и 25 годами, с одной стороны, и 65 и 70 — с другой. В Англии максимальные цифры преступлений против нравственности приходятся на возраст между 50 и 60 годами. Но если припомнить, что старческая деменция, равно как и эротическое помешательство, наступают обыкновенно после 50 лет, то очень может быть, что и психические заболевания часто смешиваются с преступлениями.

Другая категория преступлений, свойственных преимущественно молодому возрасту, суть кражи и поджоги, составляющие в Австрии, по Месседалье, 30,8% всех преступлений. Но Куэтеле замечает, что воровские наклонности только раньше других проявляются, но что воровство, в сущности, одинаково свойственно всем возрастам.

Среди людей зрелого возраста преобладают (в 78–82%) случайные и предумышленные убийства, детоубийства, выкидыши и хищения, а среди глубоких стариков — преимущественно соучастие в совершении преступлений,

мошенничества и — по аналогии с юным возрастом — поджоги и утайка доверенных вещей.

Для того чтобы получить более или менее полное представление о распределении преступлений по возрастам, следует ознакомиться с нижеследующей таблицей обвиняемых и осужденных, приходившихся на 1000 жителей одного и того же возраста во Франции в период времени с 1826 по 1840 год.

Возраст	Кражи	Изнасилования	Раны	Предумышленные убийства	Случайные убийства	Отравления	Мошенничества	Клевета	Итого
Младше 16 лет	0,4	0,1	0,1	0,2	0,1	0,3	0,1	0,1	0,3
От 16 до 21 года	16,0	14,1	10,9	7,3	6,0	3,4	3,8	4.6	12,2
» 21 » 25 лет	18,4	14,3	13,5	15,3	14,2	9,5	10,1	9,1	15,8
» 25 » 30 »	14,7	12,6	20,1	16,6	14,1	13,9	11,8	8,8	14,6
» 30 » 35 »	13,7	11,1	18,7	14,0	15,3	12,2	13,4	11,0	13,3
» 35 » 40 »	10,7	8,8	11,8	11,1	10,8	11,3	12,8	11,7	10,8
» 40 » 45 »	6,6	7,5	6,8	8,3	9,7	13,0	11,5	11,0	8,9
» 45 » 50 »	6,4	6,4	6,8	7,3	8,2	9,4	9,7	10,0	7,0
» 50 » 55 »	4,5	4,1	4,7	5,8	6,3	6.5	7,6	9,3	5.1
» 55 » 60 »	3,1	4,4	3,3	4,5	5,2	4,8	5,5	8,3	3,9
» 60 » 65 »	2,6	4,8	2,9	4,0	4,3	4,8	5,4	6,9	3,4
» 65 » 70 »	1,8	5,2	1,6	3,0	3,2	5,1	3,9	5,4	2,5
» 70 » 80 »	1,2	4,5	0,8	1,7	1,7	3,0	3,0	3,8	1,6
Старше 80 »	0,4	2,1	0,5	0,9	0,6	2,8	1,4	–	0,6

Глава 12

Наследственность

1. Статистика влияния наследственности. Из 104 преступников, влияние наследственности у которых я проследил,

71	имели	явные	признаки наследственности,
20	»	отца	алкоголика,
11	»	мать	алкоголичку,
8	»	отца	преступника,

2	»	мать			преступницу,
3	»	отца			психически больного,
5	»	мать			психически больную или эпилептичку,
3	»	мать			проститутку,
6	»	братьев	и	сестер	психически больных,
14	»	»	»	»	преступников и преступниц
4	»	»	»	»	страдавших эпилепсией,
2	»	»	»	»	самоубийц,
10	»	сестер проституток			

При этом должен заметить, что я находился в очень невыгодных условиях наблюдения, потому что не располагал официальными данными для исследования, а должен был ограничиться сообщениями, сделанными самими заключенными.

Доктор Вирлио, находившийся в более благоприятных условиях наблюдения, чем я, нашел преступность у родственников преступников в пропорции 26,8%, преимущественно в виде алкоголизма родителей (21,7%), не считая 6% алкоголизма у побочных родственников.

Равным образом и Пента, делавший свои наблюдения также при более благоприятных условиях, чем я, нашел из 184 преступников в Сан-Стефано:

Престарелый возраст родителей	в	29	случаях,	то есть	в	16,0%
Пьянство	»	50	»	»	»	27,0%
Чахотку	»	17	»	»	»	9,2%
Мозговую апоплексию	»	20	»	»	»	11,0%
Пеллагру	»	3	»	»	»	1,6%
Помешательство	»	12	»	»	»	6,5%
Помешательство восходящих и побочных родственников	»	27	»	»	»	14,5%
Истерию	»	25	»	»	»	13,5%
Эпилепсию	»	17	»	»	»	9,2%
Мигрень	»	17	»	»	»	9,2%

Только 4—5% родителей исследованных оказались, по наблюдениям, людьми совершенно здоровыми. Впоследствии Пента представил другую статистику болезненной наследственности, обнимающую 447 случаев, которые он разделил на две серии, как это видно из следующего:

	1-я серия 232 случ.			2-я серия 215 случ.		
Преступность родителей наблюдалась	в	30	случаях	в	58	случаях
Истерия	»	17	»	»	38	»
Эпилепсия	»	11	»	»	22	»

Другие невропатии	в	20	случаях	в	65	случаях
Алкоголизм	»	40	»	»	95	»
Психическое заболевание	»	35	»	»	50	»
Легочный туберкулез	»	25	»	»	80	»
Престарелый возраст родителей	»	23	»	»	55	»
Мозговая апоплексия	»	10	»	»	20	»
Тяжелый диатез	»	12	»	»	20	»
Хроническая малярия	»	5	»	»	20	»

Марро, сравнивая смертность родителей 230 преступников и 100 честных людей, нашел, что умирали:

		Отец		Мать	
		У преступн.	У честн. людей	У преступн.	У честн. людей
От	алкоголизма	7,2	2,4	2,1	—
»	самоубийства	1,4	—	—	3,7
»	помешательства	6,5	2,4	5,3	—
»	болезней спинного мозга	21,1	14,6	18,2	7,4
»	болезней сердца	6,5	14,6	3,2	18,5
»	водянки	4,3	2,4	6,4	3,7
»	чахотки	5,1	2,4	10,7	—
»	горя и нервного потрясения	2,1	2,4	4,3	—

Если мы соединим вместе смертность от алкоголизма, самоубийства, душевных и нервных заболеваний, то найдем, что среди родителей 230 преступников она составляет 32,1% общей смертности, а среди родителей нормальных людей — только 16,1%, то есть вдвое меньше.

Число братьев-преступников у исследованных субъектов очень незначительно. Марро нашел из 500 преступников 68, имевших по одному и более преступному брату, причем:

У	17	родители	были	душевнобольные
»	4	»	»	эпилептики
»	6	»	»	преступники
»	34	»	»	алкоголики (у 4 и мать также)
»	33	»	»	престарелые (у 4 отец и мать)

Изучая затем родителей 500 преступников, Марро нашел алкоголизм отца в 40%, алкоголизм матери в 5%; между тем как у 500 честных людей отцы оказались алкоголиками только в 16%. Психические заболевания он определил в 42,6% у восходящих или побочных родных преступников (у честных в

13%); эпилепсию — в 5,3 (у честных — в 2%); безнравственный и буйный характер — в 33,6%. Наблюдая болезненную наследственность у потомства психически больных родителей, апоплектиков, алкоголиков, эпилептиков, преступников и страдающих истерией, Марро нашел ее в 77%, и даже до 90%, считая в том числе и аномалии характера и возраста родителей.

Зихерт наблюдал в вюртембергских тюрьмах 3880 преступников, осужденных за воровство, насилие и мошенничество, и, сравнивая их с честным населением этой страны, он нашел ненормальность или преступность родителей:

У	осужденных	за	поджог	в	36,8%
»	»	»	разврат	»	30,7%
»	»	»	лжесвидетельство	»	20,5%
»	»	»	воровство	»	32,2%
»	»	»	мошенничество	»	23,6%

причем максимум ее он нашел у воров и поджигателей.

Этот же автор определил у потомства болезненную наследственность в отношении к алкоголизму, помешательству, эпилепсии и самоубийству в 71% поджигателей, в 55% воров, в 43% мошенников.

Самоубийство родителей, по исследованиям Зихерта и Марро, выражается следующими цифрами:

		Зихерт	Марро
У	воров	5,0%	—
»	поджигателей	8,2%	—
»	осужден. за преступл. против нравств.	3,9%	5,1%
»	лжесвидетелей	2,1%	—
»	мошенников	1,5%	—
»	убийц	—	—
	В общем	4,3%	

Изучая пропорцию порочных родителей 3 тысяч преступников, которых наблюдал Зихерт, и сравнивая их с теми, которые находились под наблюдением у Марро, мы можем распределить их следующим образом:

			Порочные родители:	
			Зихерт	Марро
Составляют	у	воров	20,9%	45%
»	»	поджигателей	11,0%	14,2%
»	»	мошенников	10,8%	32,4%
»	»	преступн. против нравств.	9,4%	28,2%

Составляют	у	лжесвидетелей	6,0%	—
»	»	клятвопреступников	12,0%	—

то есть наибольшие цифры наблюдаются у воров, меньшие — у клятвопреступников и мошенников и самые малые — у поджигателей и лжесвидетелей.

Из 3580 малолетних преступников 707 были, по словам Меттрея, сыновья осужденных за различные преступления, а 308 — незаконнорожденные дети.

13,7% заключенных в исправительной тюрьме в Эльмире имели родителей психически больных или эпилептиков, а у 38,7% родители были пьяницы.

Согласно нашим официальным статистикам за 1871—1872 годы оказывается, что из 2800 малолетних преступников 3% происходят от родителей, отбывающих наказание в тюрьмах. Эти же цифры свидетельствуют о том, что влияние отца на потомство всегда гибельнее, чем матери, что объясняется меньшей преступностью женщин.

Из этих же статистик мы определяем далее число алкоголиков-родителей равным более чем 7%, причем на долю отцов из этой цифры приходится 5,3%, матерей 1,7%, и весьма небольшой процент тех и других вместе.

Наконец, отсюда же мы узнаем, что семейства малолетних осужденных пользуются в 28% сомнительной, а в 26% — дурной репутацией. Данные эти очень точно совпадают с результатами, к каким пришел на этот счет и доктор Вирлио.

Томпсон из 109 осужденных нашел 50 бывших между собой в родстве, 8 — принадлежавших к одному и тому же семейству, глава которого был преступник-рецидивист. Кроме них, он наблюдал двух сестер и трех братьев-воров, отец, дяди, тетки и двоюродные братья которых были убийцами. В одной семье, в которой 14 членов были осуждены за сбыт фальшивых монет, 15-й член был, по-видимому, честный человек, но... он кончил тем, что застраховал в четырех местах свой дом и затем поджег его.

Мэйхью из 175 арестантов нашел 10, у которых был осужден за преступления отец, 6 — мать, а 53 — братья.

Подобное же влияние наследственности замечается также по наблюдениям Тарновской, Марро[1], Парана дю Шателе и других у преступниц и проституток.

[1]

	Преступницы Сальсотто	Преступницы Марро	Проститутки Гримальди	Воры Тарновская	Проститутки Тарновская
Отцы-алкоголики	6,6%	40%	4,23%	49%	82%
Отцы душевнобольные	6,6%	7,6%	—	—	3%
Престарелые родители	17,0%	26,0%	—	—	8%
Родители-эпилептики	2,6%	—	—	—	6%
Родители-чахоточные	—	—	—	19%	44%
Родители-преступники	?	19,7%	—	—	—

Из 5583 преступниц, находившихся под наблюдением у дю Шателе, 252 были между собой сестры, 13 — матери и дочери, 32 — двоюродные сестры, 4 — тетки и племянницы. Одна из этих несчастных на вопрос Парана дю Шателе о родных, ответила так: «Отец мой находится в тюрьме, а мать живет с тем, кто обольстил меня; она прижила с ним ребенка, которого я и брат воспитываем».

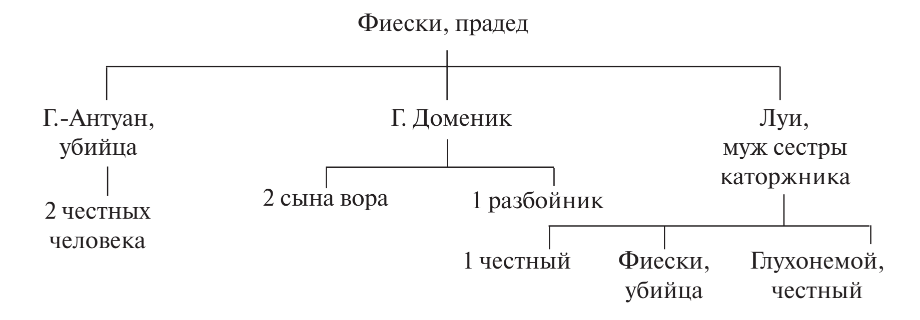
2. Клинические данные. Я наблюдал в тюрьме в Павии мальчика с резким прогнатизмом, густыми волосами, женоподобной физиономией и с выраженным косоглазием. В 12 лет он совершил уже убийство, а после него 6 раз его судили за воровство. Двое из его братьев были воры, мать — утайщица краденых вещей, а две сестры — проститутки.

В семействе Форсеев пять братьев и один шурин были осуждены за разбой; дед и отец их были повешены, а двое дядей и один племянник содержались в остроге.

Любопытное доказательство влияния наследственности сообщено нам Гарвисом, который был поражен множеством преступлений, совершенных в Гудзоне лицами с одной и той же фамилией. Просматривая списки населения, он открыл, что значительная часть жителей этой местности происходит от некой Мотгар, женщины дурного поведения, жившей двести лет тому назад, потомство которой достигло 900 душ, из числа которых было 200 преступников и 200 душевнобольных и бродяг.

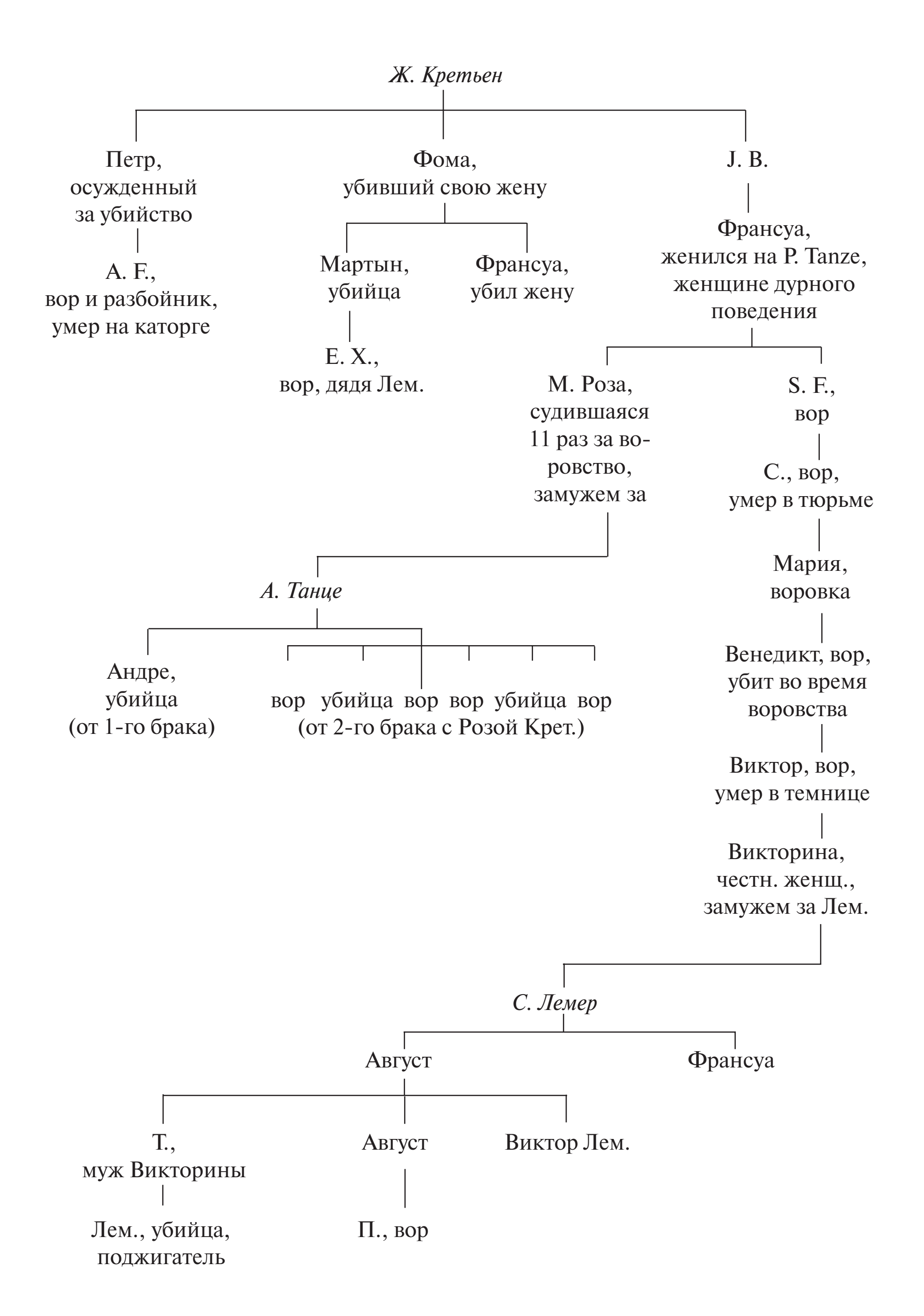
Другое доказательство наследственности дает нам Деспен, проследивший генеалогию семейств Лемеров и Кретьенов. Для более легкого знакомства с ней я представляю ее графически (см. схему на с. 110).

В семье Фиески разбой также передавался по наследству:

Стрэм также приводит как пример преступной наследственности историю одного семейства, потомство которого, детально прослеженное, насчитывает 834 члена. В числе их было: 106 незаконнорожденных детей, 164 проститутки, 17 сводников, 142 нищих, 63 призренника богаделен, 76 преступников, которые провели вместе в тюрьме 166 лет.

Обри сообщает об одном семействе С., которое занимало некогда почетное положение в обществе, но в начале нынешнего столетия почти вы-

Ж. Кретьен
Петр, осужденный за убийство
Фома, убивший свою жену
J. B.
A. F., вор и разбойник, умер на каторге
Мартын, убийца
Франсуа, убил жену
Франсуа, женился на P. Tanze, женщине дурного поведения
E. X., вор, дядя Лем.
М. Роза, судившаяся 11 раз за воровство, замужем за
S. F., вор
С., вор, умер в тюрьме
А. Танце
Мария, воровка
Андре, убийца (от 1-го брака)
вор убийца вор вор убийца вор (от 2-го брака с Розой Крет.)
Венедикт, вор, убит во время воровства
Виктор, вор, умер в темнице
Викторина, честн. женщ., замужем за Лем.
С. Лемер
Август
Франсуа
Т., муж Викторины
Август
Виктор Лем.
Лем., убийца, поджигатель
П., вор

мерло: от него остались только сыновья двух братьев, Л. и Р. Последний из них провел всю свою жизнь в тесном общении с преступниками, но сам никогда ни за что не был судим. Это был оригинал, страстный любитель петушиного боя, но еще больший любитель женщин. Он имел пропасть любовниц и детей, так что чуть ли не все дети околотка называли его своим папашей. Дети одной из его любовниц все впоследствии стали преступниками. Семья его брата не представляла собой ничего ненормального, если не считать, что сын его, узнав, что дядя Р. лишил его наследства, покончил с собой вскоре после его смерти, оставив следующую записку: «В моей смерти прошу никого не винить. Я лишаю себя жизни для того, чтобы избавиться от несносных врагов, которых нажил себе благодаря своей глупости и тому, что не принял мер против мошенничества некоторых людей».

Обе любовницы Р., от которых родилось дегенерированное потомство, были замужние женщины: одна из них, З., была женой палача и родила от него чахоточную дочь, умершую на 24-м году; другая была некая Ф., которую общественное мнение обвиняло в отравлении ее мужа. Ф. имела пятерых детей, двое из которых были прижиты от мужа, а 3 — от любовника.

Дети от мужа были следующие:

1) З. Жила отдельно от мужа. Это была женщина, одержимая манией сутяжничества: для нее все служило предметом спора, но все свои дела в судах она регулярно проигрывала. У нее было много любовников, среди них один известный оратор, от которого она имела нескольких знаменитых сыновей: поэта, художника и др.;

2) Ф., содержательница публичного дома. У нее было двое детей, из которых один был слепой от рождения и страдал, кроме того, параличом Паркинсона.

Из детей, которых Ф. прижила от любовника Р., мы назовем:

1) М., которая, находясь у трупа своего отца, напилась пьяной вместе со своей невесткой. Она имела дочь, девушку дурного поведения, племянницу проститутку и воровку (в 15 лет);

2) М., крестьянин; пытался задушить себя. Он женился на Фл., женщине развратного поведения, которая сделалась известной кровосмесительной связью со своим старшим сыном, воровством в соучастии со своей дочерью и пьянством. Ее заподозрили и в убийстве своего зятя. Родная дочь называла ее «старой преступной каргой».

От этого печального брака родилось двое детей:

1) М., которая впоследствии убила с помощью матери своего мужа во время менструации — обе они были оправданы;

2) А., находившийся в преступной связи со своей матерью и убивший мужа своей любовницы.

В побочной ветви потомства Фл. (дочери Ф.) мы встречаем нескольких купцов-банкротов; мать, которая убежала со своим последним любовником, захватив с собой кассу и оставив на произвол судьбы свое многочис-

ленное потомство; мужа, растратившего на стороне от семейства все свое состояние и жившего на содержании у жены; наконец, брата второго мужа М., который покончил с собой после того, как убил свою неверную жену.

В этой семье почти все члены ее запятнали себя последовательно одним или несколькими преступлениями; те же из них, которые не совершили ничего преступного, окончили жизнь самоубийством. Но в ней имеется одна побочная ветвь, происходящая от З., члены которой достигли известности на поприще искусства благодаря своим далеко недюжинным талантам.

Таким образом, и эта семья служит между прочим доказательством той тесной связи, которая существует между гениальностью и преступлением.

В свою очередь, и Лоран сообщает следующие данные об одной семье врожденных преступников, блестящим образом подтверждающие выводы, к которым пришли Марро и Обри:

«Дед этой семьи со стороны отца умер от сердечной болезни. Он был человеком слабого характера и находился в полной зависимости от своей жены, которая была женщина нервная и эксцентричная; легко впадала в гнев и била своего мужа при всяком случае.

Отец обладал нервным и буйным характером, но был большой трус: у него не хватало мужества проучить свою жену за ее беспорядочную жизнь. Он умер от недостаточности аорты.

Дядя со стороны отца отличался весьма порочным и бурным нравом. Он бил своих родителей, вымогая у них деньги. Пользуясь их отсутствием, он продал часть мебели и пытался из ревности убить своего родного брата. Двоюродный брат его был педераст.

Дед со стороны матери был человек интеллигентный, но пьяница. Он провел два года в тюрьме, осужденный за воровство. Во время коммуны он был капитаном и подвергся наказанию за дурное поведение. Это была неуравновешенная, грубая и жестокая натура. От первого брака у него были четыре дочери, о которых мы скажем впоследствии.

Бабушка со стороны матери вела беспорядочный образ жизни. Она оставляла своих детей и прокучивала со своим мужем свой недельный заработок. Умерла она от рака матки.

Мать была женщина очень порочная, ленивая и буйного характера. Она вышла замуж на 20-м году и имела от мужа двух детей. В 23 года она покинула мужа и ушла к одному молодому человеку, с которым прижила девочку. Разойдясь с ним, она вернулась к мужу и от него имела четвертого ребенка, находясь в то же время в связи с каким-то виноторговцем.

За этим любовником последовал другой. На 35-м году она родила пятого ребенка. Она покидала своих детей и мужа, проводила дни и ночи за картами в трактирах или за попойками в кабаках. Под влиянием винных паров она не раз пыталась убить своего мужа. На 37-м году она родила от одного

из своих любовников ребенка, который вскоре умер от менингита. После этого она забеременела еще раз и в конце концов бросила своего мужа, уведя с собой своих дочерей, которых продала первому встречному за стакан вина. На 39-м году она забеременела в десятый раз от нового любовника, который обращался с ней очень дурно.

У этой женщины было трое сестер.

Одна из них уже в детстве обнаруживала порочные наклонности и в 16 лет стала проституткой. Она была настолько вспыльчива, что однажды оторвала ухо у одной женщины, с которой поспорила. Другая сестра была алкоголичка, развратная и грубая женщина. У нее было трое детей, из которых один 9 лет от роду из-за какого-то пустяка выбросился однажды через окно на улицу, а в другой раз, по-видимому, также без всякого основания бросился под экипаж.

Ребенок этот болел менингитом, но выздоровел.

Третья сестра была мотовка и развратница, пьянствовавшая вместе со своим мужем.

Перейдем теперь к третьему поколению этой семьи, которое состояло из 8 членов:

1. Девушка, 19 лет, светлая блондинка. Она обладала плохими умственными способностями. У нее имелись раздвоенность твердого неба, очень развитые лобные бугры и богатая растительность на голове. У нее был злой и ревнивый характер: братьям своим она подбрасывала в суп иголки. В 10 лет она посещала уже с мальчиками кабаки и здесь предавалась с ними кутежам.

2. 18-летний юноша: это был экономный и честный работник, но очень нервный и упрямый человек, с таким же слабым характером, как и его отец.

3. 15-летняя девушка: незаконнорожденная, с наклонностями к спиртным напиткам и обжорству. Она посещала винные лавки и часто напивалась пьяной; занималась воровством из витрин бакалейщиков.

4. 14-летняя девушка: ленивая лгунья, воровка, вспыльчивая эгоистка, кокетка и развратница. Она страдала невралгией лица. К семье своей она не питала никаких чувств и ночью, во время сна бабушки, щипала ее из мести за наказания, которым та ее подвергала.

5. 8-летний рахитический и золотушный мальчик, отличавшийся очень нервным, вспыльчивым и деспотическим характером. Он страдал припадками, во время которых у него являлась наклонность бить все, что попадалось под руку.

6. Незаконнорожденная девушка, умершая на 16-м году от менингита.

Знаменитая воровка по прозванью Сан Рефью была дочерью вора Комтуа, колесованного в 1788 году, и воровки Лемпаве.

Известная Марианна, наиболее ловкая участница шайки, происходила от воровки и вора, судившегося пять раз за кражи».

Сигеле, изучая преступность жителей Артены по сохранившимся актам судебных процессов начиная с 1852 года, также наталкивался постоянно на одни и те же фамилии, принадлежавшие в одних и тех же семействах отцам, сыновьям и племянникам. В одном из таких процессов участвовали все члены целиком без исключения двух семейств, приобретших уже известность в судебных летописях: одно из них состояло из 7 лиц, другое — из 6: из отца, матери и четырех сыновей. К этому случаю, говорит Сигеле, вполне применимы слова Видока: «Есть семьи, в которых преступление передается от поколения к поколению и которые как бы для того только существуют, чтобы подтверждать старинную поговорку “яблочко от яблоньки недалеко падает”».

3. Сродство путем подбора. Итак, мы видим, что наследственность, столь редко проявляющаяся при союзе двух преступных семейств, кроется в каком-то тяготении к пороку, сродстве к нему путем подбора, в силу которого преступная женщина выбирает себе в любовники непременно наиболее преступного мужчину.

Припомним только Рене из семейства И., искавшего себе любовниц лишь среди проституток и преступных женщин; браки Кретьенов и Лемеров (см. выше).

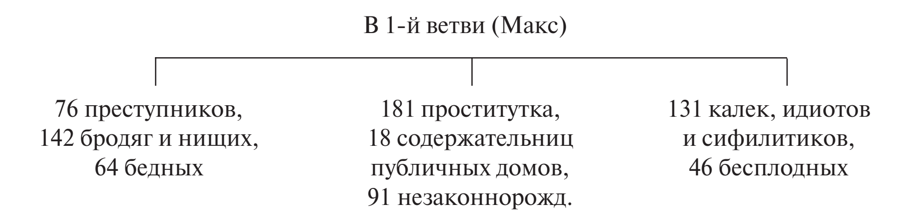
Другим убедительным примером подобного сродства или тяготения к преступлению могут служить роковое влечение известной маркизы Бренвиллье Сен-Круа, Луизы П. и Марии К., этих известных воровок, мошенниц и проституток к знаменитому Россиньолю*. Первая из них заочно влюбилась в него, когда в тюрьме ее соперница рассказывала ей о его подвигах. Вторая происходила из благородной фамилии, но пала на 14-м году, а на 15-м совершала уже разбои на больших дорогах в компании с Россиньолем. В Турине некая Камбурцано, будучи еще несовершеннолетней девочкой, вступила в любовную связь с каким-то вором и была вследствие этого заключена родными в исправительный дом. Она убежала оттуда, в этот же день отдалась известному наемному убийце Тото и стала соучастницей многих его кровавых подвигов.

4. Атавистическая наследственность семейства Джуке. Но самым поразительным примером наследственности преступления и связи его с душевными болезнями и проституцией бесспорно служит прекрасная, недавно опубликованная работа Дагдэйла относительно семьи Джуке, имя которой стало в Америке синонимом преступления и разврата.

Родоначальниками этой печальной семьи были Ада Валькс, родившаяся в 1740 году, воровка и пьяница, и известный развратник Макс Джуке, охотник, рыболов, родившийся в 1720 году. К старости он ослеп и имел громадное потомство, законное (в 540 душ) и незаконное (в 169 человек). Невозможно проследить всю степень вырождения в этой семье вплоть до наших дней, но точные данные имеются о пяти дочерях, трое из которых были проститутками до замужества, и о нескольких побочных ветвях на протя-

жении семи поколений. Мы представляем эти данные в таблице, помещенной на с. 116.

Из этой таблицы видно, какая удивительная связь существует между проституцией, преступлением и болезнями. В силу одних и тех же наследственных условий мы имеем:

Мы видим далее, что ничтожное количество преступников во втором поколении последовательно увеличивается в чрезмерной прогрессии и достигает 24 в четвертом и 60 в пятом поколении[1]. То же следует сказать и о проститутках, возрастающих с 14 до 35 и 80, и о бродягах, с 11 поднимающихся до 56 и 74. Число всех их уменьшается только в шестом и седьмом поколениях в силу какого-то особенного закона природы, кладущей предел преступности и уродливости путем бесплодия матерей и преждевременного вымирания детей. Так, бесплодие с 9 случаев в третьем поколении поднялось до 22 случаев в пятом, а смертность детей выразилась в последние годы общей цифрой 300.

Члены этой семьи провели вместе в тюрьмах 116 лет, и 734 из них содержались на общественный счет. Далее мы видим, что в пятом поколении все женщины были проститутками, а все мужчины — преступниками. В шестом поколении самый старый член имел от роду всего 7 лет.

Содержание всех этих членов обошлось обществу в течение 85 лет около 5 миллионов франков.

Кроме того, замечено, что во всех или почти во всех ветвях этой фамилии наклонность к преступлению, в противоположность к нищенству, наблюдалась в более интенсивной степени постоянно у старших сыновей и вообще преимущественно в мужских, а не в женских линиях. Наклонность эта наблюдалась рядом с особенной долговечностью, плодовитостью и жиз-

---

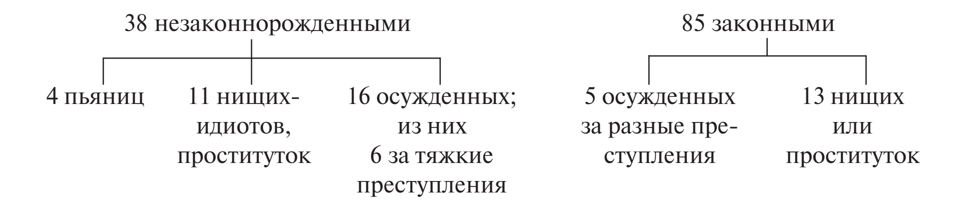
[1] Общее число преступлений было 106. В том числе было:

Дурного поведения	51	случ.,	причем	максимум	его	наблюд.	в	5	покол.	38	случ.
Воровства	26	»	»	»	»	»	»	»	»	10	»
Обмана и мошеннич.	3	»	»	»	»	»	»	»	»	—	»
Разбоя на больших дорогах и убийств	18	»	»	»	»	»	»	»	»	8	»
Изнасилований	8	»	»	»	»	»	»	»	»	5	»

Всего мужчин было 58, а женщин — 19.

NB. X означает боковых родственников Джуке или породнившихся с ними, но не общего с ними происхождения		Общее число лиц в каждом поколении	Породнившиеся через женщин			Жившие семейной жизнью				Бесплодные	Содержащие публичные дома	Сифилитики	Нищенство и болезни		Преступления		
			Число лиц каждого пола	Законных	Незаконных	Состоявшие в супружестве	Незаконнорожд. до брака	Незаконнорожд. после брака	Проститутки				Без постоянных жилищ	Живш. в богадельнях, калек	Число обвиняемых	Кол-во лет тюремного закл.	Число преступлений
II поколен.	Джуке женщин.	5	5	1	–	5	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	X мужчин.	5	5	2	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III поколен.	Джуке женщин	34	16	15	1	13	1	1	–	–	–	–	3	2	–	–	–
	X женщин.	16	7	3	–	4	–	–	3	5	–	–	1	–	–	–	–
	Джуке мужчин	–	18	12	6	11	–	–	4	4	–	1	6	3	1	–	1
IV поколен.	X мужчин.	–	9	–	2	5	–	–	4	–	–	1	2	3	2	3	2
	Джуке женщин	117	46	38	–	26	6	8	12	3	5	12	18	7	5	1	7
	X женщин.	–	25	6	1	15	3	–	4	4	1	7	8	3	2	?	2
	Джуке мужчин	–	57	46	3	22	–	–	4	7	1	6	19	8	12	11	15
	X мужчин.	59	34	5	1	19	–	–	15	1	3	2	11	3	10	13	11
V поколен.	Джуке женщин	224	119	94	17	37	6	3	36	5	5	25	24	12	9	?	15
	X женщин.	–	33	4	2	15	2	1	14	4	–	2	11	2	1	?	1
	Джуке мужчин.	–	102	70	20	21	–	–	12	7	–	7	25	11	18	72	41
	X мужчин	84	51	11	3	26	–	–	14	6	2	4	14	–	12	8	16
VI поколен.	Джуке женщин	152	63	33	13	2	2	–	2	–	1	–	–	3	2	?	2
	X женщин.	–	2	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Джуке мужчин	–	48	27	20	1	–	–	–	–	–	–	–	7	2	6?	2
	X мужчин.	5	3	–	–	2	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
VII поколен.	Джуке женщин	8	3	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Джуке мужчин	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	Джуке женщин	–	252	182	33	83	18	12	53	13	11	37	45	24	16	1?	24
	X женщин.	–	67	13	3	35	6	1	21	8	1	9	20	5	3	?	3
	Джуке мужчин	–	225	155	49	55	–	–	20	18	1	14	50	29	33	89?	59
	X мужчин.	–	102	18	6	57	–	–	34	7	5	7	27	6	24	24	29
По происхождению от Джуке		540	477	337	82	138	18	12	73	31	12	57	95	53	49	91?	83
» » » X		169	169	31	9	92	6	1	55	15	6	10	47	11	27	29?	82
Общий итог		709	646	368	91	230	24	13	128	46	18	67	142	64	76	116	115

неспособностью в незаконных связях чаще, чем в законных браках. Таким образом, сопоставляя 38 незаконнорожденных детей пятого поколения и старших дочерей 5 сестер с 85 законными детьми, мы находим между:

Цифры проституции, указанные здесь, выражают только незначительную часть действительных размеров ее. Об этом мы можем судить по громадному числу незаконных рождений, процент которых достиг 21 в мужском и 13 в женском поколении, по числу сифилитиков и особенно падших женщин, которые с 60% в первом поколении и с 37% во втором поднялись до 69% — в третьем, 48% — в пятом, 38% — в шестом и в общем до 52,40%. Цифры эти относятся к прямому потомству; в побочном число падших женщин выразилось в общем цифрой 42%.

Данные о чрезмерной плодовитости и проституции могут служить доказательствами того, что половые эксцессы суть одна из главнейших причин пауперизма, под которые подпадают наиболее молодые индивиды. Пауперизм следует за преступлением и болезнями вследствие того, что многие страдают одновременно сифилисом, уродливостью органов и наклонностью к преступлению и бродяжничеству.

С другой стороны, наблюдается факт, что в тех семьях, где братья — преступники, сестры обыкновенно проститутки и что между ними распространены преимущественно преступления против нравственности. Это служит новым доказательством, по словам Дагдэйла, того, что проституция у женщин есть эквивалент мужской преступности, так как та и другая имеют одно и то же происхождение.

В данной семье сильно распространена проституция, которую мы должны признать наследственной, так как не можем объяснить ее бедностью или какими-нибудь иными причинами и так как ее можно предупредить только ранними браками.

Далее, незаконнорожденные дети в этой семье достигают 21% в мужском и 13% в женском поколении. Цифры эти указывают на странное преобладание мужского пола над женским, между тем как в законном потомстве наблюдается совершенно обратное явление. Что же касается перворожденных детей в этой семье, то среди законных преобладают девочки, а среди незаконных — мальчики.

Цифры пауперизма свидетельствуют о связи преступления и проституции с болезнями нервной системы и уродствами. В следующей таблице по-

казано, как заболевания чахоткой и эпилепсией чередуются со слепотой, сифилисом и душевными заболеваниями, в семействе Джуке.

	Уродливость	Слепота	Глухо-немота	Умопомеша-тельство	Идиотизм	Чахотка	Сифилис	Эпилепсия	Другие болезни	Средняя
Джуке	1	10	1	1	1	1	51	–	33	50%
» боковые ветви	–	1	–	–	–	1	16	1	15	75%
Итого	1	11	1	1	1	2	67	1	48	62%

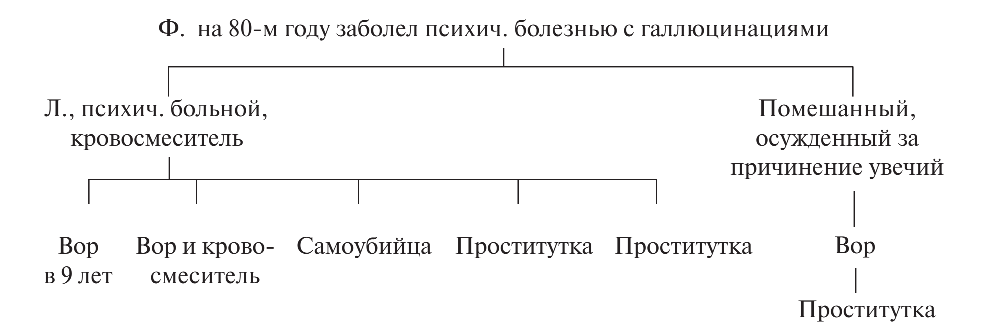
Подводя итог всем этим данным, Дагдэйл нашел, что от одного пьяницы произошло 200 воров и преступников, 280 нищих и калек, 90 проституток и сифилитичек, не считая 300 преждевременно умерших детей, 400 сифилитиков и 7, павших жертвами убийств.

Такие случаи, как эта семья, однако, далеко не исключения!

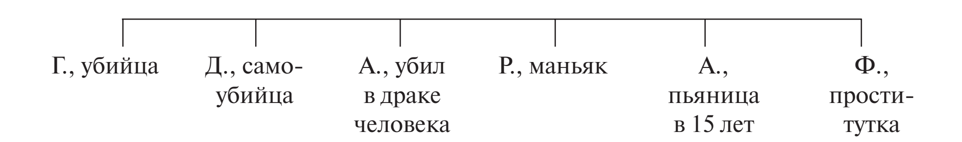
Ужасный Галетто из Марселя был племянник еще более ужасного людоеда Ортолано; Дюмолар был сын убийцы, дед и прадед Патело также были убийцами; деды Папа, Крокко и Серраваля умерли в остроге, как и отец, и дед Каваланте. Вся семья (отец и сыновья) Корню состояла из убийц; то же следует сказать и о семействах Вердюров, Церфбееров и Натанов, 14 членов которых находились в заключении одновременно в одной и той же тюрьме. Знаменитая Мароция, отравившая своего мужа и открыто продававшая себя, была плодом кровосмесительной связи. Проститутки — большею частью дочери преступников и пьяниц. Мадам Помпадур была, как известно, дочерью пьяницы и помилованного вора.

5. Психические болезни родителей. Среди родителей преступников, как свидетельствуют только что приведенные печальные генеалогии, всегда наблюдается известный процент психических заболеваний. По нашим личным наблюдениям, из 314 преступников у семи оказался отец помешанным, у двух — он был эпилептиком, у трех — брат был кретин, у четверых — мать страдала идиотизмом, у четверых — дяди и у одного — кузен страдали тем же. Кроме того, у двух преступников отцы и у двух других дяди оказались также кретинами, у одного брат и у другого отец страдали конвульсиями, а у двух — запоем. Из 100 других преступников у пяти была психически больна мать, у троих — отец, у шести — братья и у четверых других братья были эпилептики.

Я наблюдал в Павии одно семейство с подобной же генеалогией; в нем из поколения в поколение помешанные чередовались с преступниками и проститутками, как это видно из следующей схемы.

В потомстве некоего Ал., осужденного за отравление жены, которая страдала эпилепсией, я нашел:

Моэли нашел у родителей 67 душевнобольных преступников 41 раз помешательство и эпилепсию, а преступность и самоубийства среди них составили 15%, психические заболевания у братьев их — 21% и такие же заболевания и эпилепсии у других родственников — 23%.

Кок, оставив в стороне все сомнительные и неточные случаи, нашел болезненное вырождение у 46% прямого потомства преступников.

Доктор Вирлио изучал 266 осужденных, одержимых хроническими болезнями, и нашел между ними 10 душевнобольных и 13 эпилептиков. У родителей их, именно у отцов, он определил психические заболевания в 12%, а эпилепсию даже в 14,1%. Кроме того, у одного отец оказался глухонемым, у другого — полупомешанным, а у шестерых отцы отличались эксцентричностью характера.

Доктор Пента нашел психические заболевания у 16% врожденных преступников.

В Эльмире число душевнобольных и эпилептиков среди родителей 6800 преступников дошло до 127.

Марро и Зихерт нашли психические заболевания у родителей:

	Зихерт	Марро
	В процентах	
Поджигателей	10,0	28,5
Преступников против нравств.	3,5	10,2
Воров	6,4	14,5

Мошенников	5,5	10,3
Клятвопреступников	3,1	—
Убийц	—	17,0
Обвинявшихся в причин. увечий.	—	14,0

У Готена, поджегшего дом своего благодетеля, дед был психически ненормальный человек. Душевнобольными были также: у Мио — его отец и дед, у Агордо — отцеубийцы его братья, у Коста и Милителло — их дяди и дед, у отцеубийцы и братоубийцы Виццокаро, как и у убийцы Пальмирини, — их дяди и братья. Сестра Мартинати страдала кретинизмом, а у Бюсси — отец и мать, как у Альберти отец и дед, были помешанные. У Фаелла отец, а у Гито, кроме того, его дяди и двоюродные братья были люди психически больные. Мошенник и убийца Перуцци, макроцефал, происходил от безумной матери, покончившей самоубийством. Мать и братья Верже также покончили жизнь самоубийством, а у Годфруа, убившего свою жену, мать и братьев с целью получить страховые премии за них, бабушка со стороны матери и дядя были помешанные. Отец Дидье, отцеубийцы, страдал безумием, а мать Луизы Бринц, убившей своего мужа, была эпилептичка, в то время как сестра ее страдала умопомешательством. Родители Череза, Аббадо и Кульмана были точно так же психически больные.

В отношении наследственности, как и относительно алкоголизма, помешанные находятся почти в таких же условиях, как и преступники. Голд Стюарт и Тиггес доказали, что у душевнобольных, как и у преступников, мужское потомство наследует чаще отцовскую психическую организацию, чем материнскую.

Но для судебного врача важно знать, что преступники далеко не так часто имеют психически больных родителей, как помешанные: достаточно указать только, что Тиггес определил душевные заболевания у родителей 3115 помешанных только у 28%, хотя Стюарт нашел их у 49% и Гольджи — даже у 53%.

Что касается эпилепсии и других неврозов, то мы вместе с Гольджи должны принять наследственность их в общем равной 78%.

6. Эпилепсия родителей. Кнехт нашел эпилепсию у родителей 400 преступников в 60 случаях, то есть у 15%. Бранкалеоне Рибаудо определил ее у 10,1% родителей 559 преступных солдат, а Пента — у 9,2% родителей 184 врожденных преступников. Кларк точно констатировал эпилепсию у 46% родителей преступников-эпилептиков, между тем как у эпилептиков-непреступников он нашел ее всего у 21%.

Дежерен считает, что у родителей эпилептиков-преступников эпилепсия наблюдается в 74,6%, а у родителей непреступных эпилептиков — лишь в 34,6%.

Марро и Зихерт определили ее в значительно меньших цифрах, а именно:

			Зихерт	Марро
У	родителей	воров	2,1%	3,3%
»	»	мошенников	2,0%	1,3%
»	»	поджигателей	1,8%	—
»	»	преступников против нравствен.	1,2%	—
»	»	клятвопреступников	—	—
»	»	убийц	—	7,0%
		В общем — 6,7%		

7. Наследственность алкоголизма. Пента определил алкоголизм в 33% родителей преступников, а я — лишь в 20%. В Эльмире у 6300 малолетних преступников родители-пьяницы отмечены в 37,5–38,4%.

Алкоголизм, по исчислениям Легрена, произведенным над 50 семействами алкоголиков, потомство которых простиралось до 157 членов, дал по наследственности:

Помешанных	54%
Алкоголиков	62%
Эпилептиков	61%
Больных судорожными болезнями	29%
Нравственно помешанных (или врожденных преступников)	14%
Больных менингитом	6,5%

По наблюдениям Бюхнера оказывается, что от родителей-пьяниц преступное потомство наблюдается:

		В процентах
В	Саксонии	10,5
»	Бадене	19,5
»	Вюртемберге	19,8
»	Эльзасе	22,0
»	Пруссии	22,1
»	Баварии	34,6

Зихерт и Марро нашли родителей-алкоголиков:

		Зихерт	Марро
		В процентах	
У	воров	14,3	46,6
»	мошенников	13,3	32,4
»	поджигателей	13,3	42,8
»	клятвопреступников	11,1	–

У	преступников против нравствен.	14,2	43,5
»	убийц	—	49,0
»	осужденных за причинение повреждений	—	50,0

причем наибольшие цифры наблюдались ими у убийц и воров.

В Италии алкоголизм родителей реже является причиной душевного расстройства, чем преступления. Мы определили его у 17% наших психических больных, между тем как среди осужденных на долголетнее тюремное заключение в Аверце он наблюдался у 22%.

Легрен подметил, что первым признаком наследственного алкоголизма является необыкновенно раннее проявление его. Он находил алкоголиков даже среди четырехлетних детей. Другим характерным признаком наследственности этого порока является ничтожная сопротивляемость организма действию алкоголя. Так, например, Легрен знал одного человека, ставшего пьяницей, который не заговаривался, даже несмотря на то, сколько бы он ни выпил, между тем как сын его после двухдневной попойки легко допивался уже до белой горячки. Наконец, для наследственного пьяницы характерно еще то, что у него проявляется неудержимая потребность все в бóльших дозах алкоголя.

Все эти признаки часто наблюдаются у преступников.

8. Возраст родителей. Марро определил возраст родителей различных категорий преступников.

По его словам, преступники превосходят честных людей не только своей плодовитостью, но и средней продолжительностью жизни.

Но особенно интересны и убедительны его исследования возраста родителей в связи с видом преступления их потомства.

«У преступников против собственности, — говорит он, — преобладают дети, рожденные молодыми родителями, исключая мошенников, у которых, напротив, чаще встречаются дети от пожилых родителей. Объясняется это тем, что подобные преступники должны отличаться ловкостью и изворотливостью, то есть качествами, которые свойственны пожилому возрасту, а не подвижностью и физической силой, характеризующими юность».

Но если Марро нашел у мошенников количество детей, рожденных от пожилых родителей, равным 37%, то еще большим оказался процент их у преступников против личности. Так, у убийц он достигает 52,9%, значительно превосходя все прочие категории преступников, причем пожилые матери наблюдаются здесь в 38%, между тем как у нормальных людей они составляют всего 17%.

Сыновья молодых отцов, напротив, встречаются в этой категории преступников в ничтожном количестве, а именно в 3%.

У осужденных за нанесение ран и увечий отцы в пожилом возрасте встречаются в количестве 40%. Потомство молодых родителей в этой категории преступников достигает 13,5%, превосходя потомство честных людей.

У насильников пропорция пожилых отцов достигает всего 30%, но зато у них преобладают пожилые матери.

Марро исследовал также материнский возраст, и, применив тот же метод, что и для мужчин, он ограничивает его годами между 21, возрастом зрелости, и 37, периодом увядания, причем находит:

Пропорция матерей честных людей, преступников и душевнобольных в различные периоды возраста их

	Убийцы	Осужденные за причинен. увечья	Насильники	Разбойники на больших дорогах	Мошенники	Осужд. за кражу со взломом	Карманники	Домашние воры	Воры	Общая средняя	Честные люди (1301)	Душевно-больные (85)
Период незрелости	6,4	27,2	15,6	27,2	12,1	19,4	22,5	20,0	17,9	18,2	12,8	20,0
Период полн. развития	54,8	57,5	59,3	63,6	74,2	61,1	64,5	62,5	64,1	63,7	76,4	58,8
Период увядания	38,7	15,1	25,0	9,0	13,6	10,4	12,9	17,5	17,9	17,9	10,7	21,1

Закон, выведенный для отцов различных категорий преступников, оправдывается и относительно матерей. Именно среди преступников выделяется огромный процент пожилых матерей у разбойников и насильников, который отчасти возможно объяснить ничтожный процент пожилых отцов. Процент молодых матерей значителен у воров и осужденных за причинение увечий, у которых часто встречаются вместе с тем и молодые отцы. Но больше всего он у разбойников, у которых и процент молодых отцов также велик.

Чтобы сравнить эти данные с результатами, полученными у нормальных людей, Марро изучал поведение в школе и характер 917 школьников в связи с возрастом их родителей и пришел к следующим выводам:

Поведение в школе воспитанников в связи с возрастом отца

	Поведение		
Возраст отца	Хорошее	Посредственное	Дурное
До 25 лет	42 (44%)	30 (31%)	22 (23%)
С 26 до 40 лет	304 (7%)	216 (34%)	113 (17%)
Выше 40 лет	97 (51%)	60 (31%)	32 (16%)

Итак, максимум детей дурного поведения и минимум — хорошего мы находим у отцов моложе 26 лет.

Поведение в школе воспитанников в связи с возрастом матери

	Поведение		
Возраст матери	Хорошее	Посредственное	Дурное
До 21 года	53,9%	28,3%	17,7%
С 22 до 36 лет	48,3%	32,2%	18,4%
Выше 37 лет	41,3%	41,3%	17,2%

Максимум детей хорошего поведения наблюдается, стало быть, у наиболее юных матерей, что объясняется, быть может, мягкостью и ласковостью женского характера, особенно в юном возрасте.

При наблюдении детей, рожденных от родителей, находящихся в одном и том же периоде незрелости, полного развития или увядания, были получены следующие данные относительно их степени интеллигентности и поведения:

	Хорошее	Посредственное	Дурное
При незрелости родителей	39%	39%	21%
» полном развитии их	40%	35%	15%
» увядании их	41%	41%	16%

Сопоставляя преступников с честными людьми, Марро заметил, что у родителей первых встречаются реже, чем у родителей вторых, браки в одном и том же периоде их развития и что отношения их между собой выражаются числами 63:70.

Что касается школьников, то он подметил факт, что чем моложе родители, тем поведение детей хуже, а интеллигентность, напротив, выше.

Возраст полного развития родителей дает максимум детей хорошего поведения и минимум дурного, а в отношении их интеллигентности он совершенно соответствует той пропорции, которая наблюдается в случаях, когда мать находится в периоде полного развития. Если оба родителя находятся в периоде увядания, то дети хорошего поведения и интеллигентные встречаются реже, чем при полном развитии их.

9. Синтетические законы. Из всех неврозов после кретинизма самым типичным по своим дегенеративным признакам является так называемый преступный невроз. Особенно резко он проявляется в описанном уже нами семействе Джуке. Мы видим, что жизнеспособность и плодовитость первых поколений этой семьи совершенно парализуется громадной смертностью новорожденных и полным бесплодием позднейших. Пента, отметивший все соматические аномалии, которые с течением времени были открыты у врожденных преступников, указал, между прочим, и на свойственную им быстро преходящую плодовитость их. Из 104 братьев преступников, ко-

торых он наблюдал, 70 умерли в раннем возрасте. Из 100 родителей преступников 53 отличались особенной плодовитостью, а 23 — очень ограниченной, между тем как у 46 преступных сыновей их она была чрезмерной уже только у 10 и очень ограниченной у 31.

На основании данных Марро и Зихерта следует прийти к заключению, что эпилепсия чаще всего наблюдается у воров; самоубийства — среди поджигателей и несколько меньше среди воров; алкоголизм родителей у насильников и меньше у мошенников и поджигателей; наконец, психические заболевания родителей — главным образом у поджигателей.

Мы раньше видели на примере семейства Джуке, что мужские потомки, особенно старшие, чаще подвержены преступной наследственности, чем женские, и незаконные — в большей степени, чем законные.

Кроме того, мы видели, что наследственность со стороны отца во многом превосходит наследственность со стороны матери как у честных людей, так равно и у преступников. Так, по данным Марро, оказывается:

Алкоголизм	наследуется	от	отца	в	7%,	а	от	матери	в	3%
Душевн. забол.	»	»	»	»	6,5	»	»	»	»	5,0
Болезни спин. мозга	»	»	»	»	21,0	»	»	»	»	18,0
Болезни сердца	»	»	»	»	6,5	»	»	»	»	3,2

Перевес на стороне матери только в наследовании:

Бугорч. забол.	наследуется	от	отца	в	5%,	а	от	матери	в	10%
Угрюм. характера	»	»	»	»	2,2	»	»	»	»	4,2

Точно так же и преступные наклонности наблюдаются у убийц в 25% при наследовании их от отцов и только в 7% — от матерей, а у осужденных за причинение увечий — в 20% от отцов и в 16% — от матерей.

Что касается возраста родителей, то, в общем, он почти одинаков у обоих полов; исключение составляют мошенники, у которых наблюдается меньшая пропорция пожилых матерей. Марро приходит к заключению, что мать обладает большей способностью передавать своим детям физические особенности, чем умственные способности.

Прежде чем закончить эту главу, постараемся резюмировать законы наследственности, как их изложил Оршанский.

Автор этот доказывает, что наследственная передача, будучи одной из функций организмов производителей, соответствует во всякий данный момент энергии других функций и их общему развитию. Каждому из родителей свойственна наклонность передать потомству именно свой пол, и из двух производителей одерживает в этом отношении верх тот, кто ближе стоит к периоду своего полового развития. В силу этого в каждой семье преобладают дети одного пола с более развитым производителем.

Дети в общем чаще бывают похожи на отца, хотя, в частности, у мальчиков наблюдается больше сходства с отцом, а у девочек — с матерью. Тот же закон соблюдается при передаче сложения с той особенностью, что мужчины представляют в этом отношении больше разнообразия, чем женщины.

Оршанский занялся исследованием специально болезненной наследственности и пришел к заключению, что тот из родителей, который болен, особенно если это отец, обладает большей способностью к передаче собственного пола исключительно больным детям. Это наблюдается особенно в невропатических семьях, тогда как фтизики представляют обратное отношение. От невропатического отца рождаются дети только с функциональными неврозами. Болезненная наследственность в общем, стало быть, прогрессивна у отца и регрессивна у матери.

Следовательно, болезненная наследственность зависит от двух факторов: от пола больного родителя и от интенсивности его болезненного состояния. Мальчики наследуют от обоих родителей большую степень болезненной наследственности и обладают поэтому способностью превращать функциональную наследственность в органическую, между тем как у девочек наблюдается обратное явление. Это влияние детей на ассимиляцию болезненного состояния также находится в тесной связи с полом и имеет для каждого из них свой особый характер.

Резюмируя все изложенное, мы приходим к следующим заключениям: тип развития организма неизменно передается по наследственности. Сами дети принимают довольно значительное участие в проявлении наследственности благодаря тому обстоятельству, что они более или менее активно ассимилируют переданные им по наследству свойства и особенности.

Наследственность не проявляется в известный только момент и один только раз во всю жизнь: она находится в скрытом состоянии в организме и обнаруживается в продолжение всего периода развития его.

То, что передается по наследству, как пол, сложение и прочее, подчиняется общим законам: так, наследственность известной части организма следует общему ходу развития этой части и достигает наибольшей силы тогда, когда эта часть находится в периоде наиболее энергичного развития своего. Антагонизм между влиянием отца, обусловливающим переменность и индивидуальность, и влиянием матери, которая стремится сохранить средний тип, сказывается уже в происхождении полов, в форме периодичности, с какой уравновешивается их распределение. То же относится и к болезненной наследственности, которую мать ограничивает, ослабляя степень своего влияния и энергично изменяя влияние отца. Дети развивают далее полученные по наследственности наклонности и особенности в духе, соответствующем родителям одного с ними пола.

Глава 13

Преступность женщин. — Проституция

Все статистики согласно показывают, что преступность женского пола меньше, нежели мужского, и что она была бы еще меньше, если бы из числа преступлений, совершаемых женщинами, исключить детоубийство. В Австрии преступные женщины едва составляют 14% общего числа преступников, в Испании — 11% и в Италии — всего 8,2%.

Сравнивая данные о преступности обоих полов, мы получаем для них следующие цифры в различных государствах Европы:

		Преступных			
		Мужчин		Женщ.	Отношение
В Италии (1885–1889)	на	100	приходится	19	5,2:1
» Великобритании (1858–1864)	»	79	»	21	3,8:1
» Дании и Норвегии	»	80	»	20	4,0:1
» Голландии	»	81	»	19	4,5:1
» Бельгии	»	82	»	18	4,5:1
» Франции	»	83	»	17	4,8:1
» Австрии	»	83	»	17	4,8:1
» Бадене	»	84	»	16	5,8:1
» Пруссии	»	85	»	15	5,7:1
» России	»	91	»	9	10,1:1
» Буэнос-Айресе (1892)	»	96,4	»	3,56	27,1:1
» Алжире (1876–1880)	»	100	»	4,1	25:1
» Виктории (1890)	»	100	»	9	11:1
» Новом Южном Уэльсе	»	100	»	17,4	5,8:1

Соединяя преступников всех видов вместе, мы получим следующую среднюю годовую их для Италии за период с 1885 по 1889 год:

Для мужчин	Для женщин
186,823	54,837

Принимая во внимание, что мировые суды рассматривают дела о легких преступлениях и проступках, палаты — о преступлениях средней важности, а уголовные суды — о самых тяжких, мы найдем, что число преступных женщин обратно пропорционально их преступности и что на 100 осужденных мужчин приходится:

21,8	женщин	осужденных	мировыми судами
9,2	»	»	палатами
6,0	»	»	уголовными судами

1. Возраст полов. Разница между полами в отношении преступности сказывается уже в их возрасте. Почти все статистики придерживаются того мнения, что женщина вступает на путь преступления гораздо позже, нежели мужчина. Эттинген относит максимум женской преступности на 25—30 лет, а Куэтеле — на 30-й год[1], между тем как у мужчин этот максимум приходится, как мы уже видели, на 24-й год.

В Италии по средним годовым за период с 1885 по 1889 год женщины представляют по отдельным категориям следующую преступность в отношении к своему возрасту и каждым 100 преступлениям, совершенным мужчинами:

					В миров. суд.	В палатах	В уголовн. суд.
В возрасте	до		14 лет	судились	22.5	10,1	0,0
»	»	от	14 до 21 г.	»	22,2	9,0	3,3
»	»	»	21 до 50 л.	»	21.6	8,4	5,5
»	»	»	50 и выше	»	23,1	10,5	11,1

Отсюда мы видим, что во всех категориях преступлений — легких, средних и тяжелых — преступность женщин сравнительно с мужской преступностью достигает наиболее высоких цифр в молодом возрасте, то есть тогда, когда еще не развиты специальные половые признаки ее и когда проституция для нее еще невозможна. Действительно, среди осужденных уголовными судами на каждые 100 мужчин приходится женщин в возрасте старше 50 лет — 11,1, а в возрасте между 21 и 50 годами — всего лишь 5,5%. Наибольшая же преступность женщин наблюдается в детском возрасте (до 14 лет), в то время, когда женщина еще совершенно не развита физически[2]. Но преступность женщин выражается в этот период не тяжкими преступ-

---

[1] Марро полагает, что максимум этот падает не на 30-й, а на 24—25-й год, в то время как у мужчин он приходится на 23—24-й год. В других возрастах между обоими полами существует полная аналогия.

[2] В Италии в 1871—1872 гг. было в возр. до 10 лет пр.мальч. 18,0%, а пр. дев. 25,5%

»	»	»	»	»	»	»	от 11 до 14 л.	»	57,0%	»	» 43,5%
»	»	»	»	»	»	»	» 15 » 18 »	»	23,0%	»	» 27,0%
»	»	»	»	»	»	»	старше 18 »	»	2,0%	»	» 4,0%

В возр.	от	10	до	20	лет	было	прест.	женщ.	23%,	а	прест.	мужч.	12%
»	»	»	20	»	30	»	»	»	»	27%	»	»	»	45%
»	»	»	30	»	40	»	»	»	»	24%	»	»	»	23%
»	»	»	40	»	50	»	»	»	»	15%	»	»	»	11%

лениями, а самыми легкими, потому что между девушками 14-летнего возраста ни одна не судима, как мы видим, уголовным судом, между тем как осужденных за разные преступления мальчиков того же возраста было 4650 из общего числа 10 миллионов.

В Германии мужчины в возрасте старше 60 лет составляют 2,6% общего числа осужденных, а женщины в том же возрасте — всего 3,8%. На 100 преступных мужчин приходится здесь преступных женщин: в возрасте старше 60 лет — 25,4; в возрасте между 20 и 40 годами —19,61 и, наконец, в возрасте от 12 до 21 года — 19,63.

Во Франции в 1876–1880 годах на 100 преступников моложе 16 лет приходилось женщин того же возраста 16,3, а на 100 мужчин выше 21 года — 17,7.

Приведенные цифры доказывают, что наибольшая преступность женского пола приходится преимущественно на самый юный возраст.

Громадная пропорция несовершеннолетних преступниц совпадает с огромным числом малолетних проституток. Во Франции, по словам Парана дю Шателе, девушки в возрасте 17 лет составляют 15% всех проституток, а в Лондоне, по наблюдениям Герри, 24% их суть девушки моложе 20 лет.

2. Специфическая преступность. Специфическая преступность женщин и мужчин совершенно различна. В Австрии наиболее частыми преступлениями женского пола являются выкидыши, двоемужество, клевета, соучастие в преступлениях (7,28%), поджоги, кражи (24,18%), а наиболее редкими — убийства и подлоги. Во Франции преступления женщины идут по частоте в следующем порядке: детоубийства — 94%, выкидыши — 75, отравления — 45, убийства родных и истязания детей — 50, домашние кражи — 40 и поджоги — 30%. В Англии среди женщин особенно распространены сбыт фальшивых монет, клятвопреступничество и клевета. В последнее время заметно также среди них увеличение числа убийств.

Распределяя преступления по категориям, Ронкорони получил для Италии следующие цифры:

В возр.	от	50	до	60 лет	было	прест.	женщ.	6,	а	прест.	мужч.	3,8%
»	»	»	60	и выше	»	»	»	2	»	»	»	0,9%

В Австрии в течение 1872–1873 годов было:

преступн.	женщин	12,7%,	а	преступн.	мужчин	10,6%
»	»	42,1%	»	»	»	39,6%
»	»	24,5%	»	»	»	27,8%
»	»	14,0%	»	»	»	12,5%
»	»	7,3%	»	»	»	5,7%
»	»	2,9%	»	»	»	1,6%

	Средняя за 3 года		На 1 млн жителей		На кажд.
	Мужч.	Женщ.	Мужч.	Женщ.	10 мужч.
Политич. преступлен. и сопротивление гос. властям.	91,2	0,6	5,472	0,036	0,5
Обман и недобросовестн. в торговле	345,8	24,0	22,822	1,440	6,9
Праздность, бродяжничество и нарушен. полиц. постановлений	114,6	1,0	6,876	0,066	0,8
Преступлен. против нравствен.	251,0	15,6	17,6	1,16	5,160
Выкидыши, детоубийства	10,8	51,6	0,618	3,086	476,8
Убийства предум. и непредум.	144,0	49,2	75,504	2,952	3,4
Отравления	4,4	5,4	0,264	0,324	122,7
Причинение увечий	899,2	34,2	59,346	2,052	3,8
Разбои	473,2	5,8	35,630	0,348	1,2
Кражи	910,8	60,8	60,060	4,012	6,6
Мошенничества	22,8	1,4	1,368	0,084	6,3
Укрывательства краденых вещей	92,2	18,6	5,520	1,116	20,2
Поджоги	42,2	3,8	2,652	0,228	8,6

Мы уже видели, что средняя цифра преступных женщин, осужденных уголовными судами, сравнительно с мужчинами выражается 6%, но количество их значительно выше этого в следующих преступлениях:

В	укрывательстве,	где	женщины	составл.	20,2%	числа	мужчин
»	отравлениях	»	»	»	122,7%	»	»
»	выкид., детоуб.	»	»	»	476,8%	»	»
»	поджогах	»	»	»	8,6%	»	»

Поэтому преступления эти должны быть рассматриваемы как наиболее свойственные женскому полу.

Незначительное количество наблюдаемых среди женщин преступлений против государственной власти объясняется тем, что они гораздо реже мужчин приходят в соприкосновение с ней.

Сравнительно ничтожная распространенность среди женского пола разбоев, предумышленных и случайных убийств, а равно и причинений ран и увечий зависит от самого характера женской натуры. Для того чтобы убийство задумать, подготовить и привести его в исполнение, необходимы, по крайней мере в большинстве случаев, не только физическая сила, но еще известная энергия, известная напряженность духовных сил. Женщины всегда уступают мужчинам в степени своего умственного и физического развития. Наиболее частые преступления, такие как укрывательство, отравле-

ния, выкидыши и детоубийства, требуют сравнительно ничтожной затраты умственных и физических сил.

Куэтеле объясняет разницу в преступности обоих полов не столько меньшей нравственной испорченностью женщин, сколько замкнутым образом жизни, благодаря которому для них становятся почти невозможными такие преступления, как вооруженные кражи и разбои. С другой стороны, и физическая слабость, и меньшая интеллигентность женщин также являются причинами меньшей преступности.

Зато в домашних преступлениях женщины не уступают и даже нередко превосходят мужчин. На их долю приходится около 91% всех отравлений и 60% всех домашних краж, а число детоубийств среди них значительно больше, чем среди мужчин, выражаясь отношением 1250:260.

Если мы прибавим, что проституция женщин, по крайней мере с психологической точки зрения, не только уравновешивает, но даже превосходит сравнительно большую преступность мужчин против нравственности, и примем во внимание, что количество преступных женщин растет во всех странах параллельно с развитием просвещения, приближаясь все более к преступности мужчин, то мы должны будем согласиться, что между обоими полами существует более значительная аналогия, чем это кажется с первого взгляда.

3. Проституция. Факт, что среди женщин реже встречаются такие преступления, как бродяжничество и полицейские нарушения, объясняется многими причинами. К таковым принадлежат: не столь распространенное среди них пьянство, благодаря чему они застрахованы от печальных последствий его, сравнительно небольшое участие их в торговле и особенно проституция, которая вполне заменяет собой преступность молодого возраста, нераздельно связанного с праздным образом жизни и бродяжничеством.

Если включить в число преступлений и проституцию, то преступность обоих полов будет уравновешена и численный перевес окажется даже на стороне женщин. По словам Райана и Тэлбота, в Лондоне на каждые 7 честных женщин и в Гамбурге на каждые 9 женщин приходится по одной проститутке. В Италии публичные женщины составляют в больших городах от 18 до 33% общего населения их.

В некоторых странах подобное соотношение не меньше. В Берлине, например, число продажных женщин с 600 в 1845 году возросло до 9653 в 1863 году. Максим дю Кан определяет число тайных проституток в Париже за последние годы в 120 тысяч женщин.

Мы уже отчасти видели и будем потом все более убеждаться в том, что проститутки по своим физическим данным и нравственным качествам сильно напоминают преступников и что между теми и другими существует огромное сходство.

Один статистик писал: «Проституция для женщины то же, что для мужчины преступление». Прибавим, что проституция также является очень часто следствием нищеты и лени, но еще чаще — алкоголизма, наследственности и врожденной склонности к ней организма. Лучше всего это доказал Дагдэйл на генеалогии семейства Джуке.

«Сопоставляя данные, почерпнутые из специальных сочинений, — пишет Локателли, — с результатами моих собственных наблюдений, я пришел к заключению, что все публицисты впадают постоянно в одну и ту же ошибку, указывая на беспризорность и нищету, в которой живет большинство девушек из пролетариата, как на главную причину проституции.

Проституция является, по моему мнению, результатом врожденных порочных наклонностей и особенностей, свойственных женскому полу, как, например, страсти к воровству и другие; недостаток же воспитания, беспризорность, нищета и дурные примеры могут быть рассматриваемы лишь как вторичные причины ее, так как воспитание и образование служат, как известно, спасательной уздой для порочных наклонностей.

Наклонность к проституции есть следствие недостаточно развитого чувства стыдливости, очень часто существующего рядом с полным отсутствием половой чувственности, ибо большинство из несчастных жертв проституции наделено бесстрастными, апатическими темпераментами.

Это автоматы, которые ничем не занимаются и которых решительно ничто не в состоянии возбудить: в своих многочисленных мимолетных связях они не отдают никому никакого предпочтения. Если же они и обзаводятся любовниками, то делают это не из влечения к ним, а из-за тщеславия и подражания своим товаркам: они одинаково индифферентно относятся как к нежным ласкам, так и к самому грубому обращению».

Апатия, в которой вечно пребывают проститутки, прерывается у них, правда, временными мимолетными вспышками страсти, но это еще более подтверждает их сходство с преступницами, в характере которых преобладают апатия, нечувствительность, бурные, быстро проходящие взрывы страсти и лень. Придерживаясь строго закона и официальных статистик, мы должны часть проституток зарегистрировать в число преступниц.

По наблюдению Герри, лондонские проститутки составляют в возрасте до 30 лет 80% всех преступниц, а в более пожилом возрасте — только 7%. Преступность женщины, как и проституция, увеличивается по мере развития цивилизации и приближается к преступности мужчин. В 1834 году на 100 преступных мужчин приходилось в Лондоне 18,8% преступных женщин, а в 1853 году — уже 25,7%, в то время как в Испании они составляют 11%, во Франции — 20%, в Пруссии — 22% и в Англии 23% от общего числа преступных мужчин.

Во всей Австрии женщины-преступницы составляют 14%, в столице ее — 25%, а в Силезии даже 26% от преступности мужчин.

Но и помимо этих данных много других веских аргументов заставляют нас считать женщину более преступной, чем она кажется нам на основании статистик. Преступления, чаще всего наблюдающиеся среди женщин, именно укрывательство, выкидыши, отравления и домашние кражи, принадлежат к числу тех, которые обнаруживаются более или менее трудно. Кроме того, нравственная извращенность в женщине сказывается, как мы уже видели, с большей силой, чем в мужчине. В Америке молодые девушки считаются более трудноисправимыми, чем юноши.

Как бы то ни было, факт меньшей преступности женщин согласуется с меньшим числом наблюдаемых у них дегенеративных признаков.

4. Цивилизация. Если мы займемся изучением влияния цивилизации на каждое преступление в отдельности, то убедимся, что в Италии среди обоих полов, но особенно среди женского, наиболее тяжкие преступления, такие как убийства, причинения ран и увечий, разбои и отравления, неизбежно возрастают. Наоборот, праздный образ жизни, бродяжничество, полицейские нарушения и преступления против нравственности увеличиваются в неправильной прогрессии.

Чтобы доказать, какие преступления увеличиваются под влиянием слабой, поверхностной цивилизации, рассмотрим следующие сравнительные данные, где численная пропорция каждого из преступлений приведена на 1 миллион жителей.

В Центральной Италии:

	Среди мужчин	Среди женщин
Убийства предумышлен. и непредумышлен. стали	в 5 раз чаще,	в 4 раза чаще
Причинение ран	» 3 » »	» 2 » »
Разбои	» 1/3 » »	» 5 » »
Кражи	» 1/4 » »	» 2/3 » »
Поджоги	» 1/3 » »	» 2 » »

В Южной Италии:

	Среди мужчин	Среди женщин
Убийства предумышлен. и непредумышлен. стали	в 12 раз чаще,	в 24 раза чаще
Причинение ран	» 6 » »	» 11 » »
Разбои	» 4 » »	» 5 » »
Кражи	» 1/3 » »	» 3/5 » »
Поджоги	» 3 » »	» 6 » »

Что касается выкидышей и детоубийств, то мы должны заметить, что чем страна цивилизованнее, тем моложе возраст лиц, совершающих эти

преступления, и наоборот, чем страна менее культурна, тем и возраст их старше. Это, по-моему, объясняется тем, что в цивилизованных странах у девушек сильнее развито чувство стыдливости и потому они энергичнее стараются избавиться от того позора, который связан для них с внебрачной беременностью. Но большая частота этого рода преступлений среди женщин в возрасте между 21 и 40 годами сравнительно с тем, сколько встречается их между 14–21-летними девушками, свидетельствует, с одной стороны, о том, что чувство стыдливости играет здесь меньшую роль, нежели печальная привычка. Достаточно припомнить, что выкидыши составляют обычное широко распространенное явление у дикарей.

Во Франции исправительные суды за время с 1831 по 1835 год приговорили к наказаниям за совершенные преступления 52 714 мужчин и 11 941 женщину; в течение 1851–1855 годов — 128 589 мужчин и 26 747 женщин и с 1876 по 1880 год — 146 210 мужчин и 25 035 женщин. Таким образом, в период с 1831 по 1880 год преступность мужчин увеличилась в 2,8 раза, а женщин — только в 2,1 раза. Распространение образования во Франции — причина того, что преступность женщин не достигает там такой степени, как у мужчин. Действительно, в то время как в 1888 году на 1000 мужчин-рецидивистов приходился 1% людей с высшим образованием и 9% — с элементарным, у женщин на 125 рецидивисток приходилось с высшим образованием 0%, а с элементарным — 5%, безграмотные же составляли 30% у мужчин и 47% у женщин. В1887–1888 годы из числа 244 ссыльных было безграмотных 30% мужчин и 39% женщин; умевших только читать и писать 53% мужчин и 51% женщин; лиц с элементарным образованием — 15% мужчин и 10% женщин, и наконец, с высшим — 2% мужчин и 0% женщин.

Подобное же явление наблюдается и в Германии: в 1854 году на каждые 100 преступлений приходилось 77 совершенных мужчинами и 23 — женщинами. В 1875 году данные эти выражались уже цифрами 83 и 17, так что с 1854 по 1878 год замечается резкое прогрессивное падение женской преступности. Однако мы должны заметить, что падение это только относительное по сравнению с числом преступлений, совершенных мужчинами, ибо, рассматривая безотносительное число женщин, мы увидим, что оно представляет собой меньшее приращение, нежели это наблюдается у мужчин.

Наибольший процент детоубийств приходится на деревни, а выкидышей — на города. В Германии в 1888 году из числа 172 детоубийств только одно было совершено в Берлине, между тем как из 216 выкидышей в Берлине имели место 23.

Во Франции также 75% детоубийств падает на деревни, а 60% выкидышей — на города.

В некоторых наиболее цивилизованных странах (Англия, Австрия) женская преступность как бы приближается к мужской, но это замечается лишь в незначительных проступках (пьянство, праздный образ жизни), между тем как в наиболее тяжких преступлениях (убийство, мошенниче-

ство) она ниже мужской преступности и склонна скорее уменьшаться, чем увеличиваться.

В малоцивилизованных странах женщины по своей преступности также значительно уступают мужчинам. Так, Лавли не находит совсем в болгарских тюрьмах женщин.

Рассматривая влияние больших городов на каждое преступление в отдельности, мы замечаем, что некоторые из них, а именно причинение ран, грабежи в общественных местах и кражи, более многочисленны в больших городах, чем в малых и деревнях. В Берлине, например, скученность населения есть одна из причин увеличения преступности среди женщин: на 100 осужденных мужчин приходится здесь 26,6 осужденных женщин, между тем как в других местах Пруссии пропорция их не превышает 19,7%.

В Англии в течение 1859–1863 годов на каждые 100 мужчин-преступников приходилось по 35, 36, 38, 33, 32 женщины, судившиеся в уголовных судах, между тем как в самом Лондоне число арестованных полицией женщин достигало в 1854–1862 годах 57 на 100 мужчин, в Ливерпуле — 69, а в Дублине даже 84.

Замужние женщины совершают в общем меньше преступлений против чужой собственности, нежели незамужние, равно как женатые мужчины — меньше холостяков. Но в прочих преступлениях замужние превосходят незамужних.

5. Рецидивисты. Во Франции число рецидивистов возросло:

				Среди мужчин		Среди женщин	
С	1851	по	1855 г.	на	36%	на	16%
»	1856	»	1860 »	»	40%	»	16%
»	1861	»	1865 »	»	42%	»	17%
»	1866	»	1870 »	»	45%	»	17%
»	1871	»	1875 »	»	51%	»	19%
»	1876	»	1880 »	»	53%	»	21%

Оказывается, что мужчины рецидивируют гораздо чаще, нежели женщины, особенно по мере распространения цивилизации, как это видно из приведенных цифр. К такому выводу нужно прийти, если даже допустить, будто рецидивистов в настоящее время легче обнаруживать, чем прежде.

Что касается отбывавших тюремное наказание, то они, как оказывается, рецидивируют тотчас же после выхода из тюрьмы или вскоре после этого, как это видно из следующих цифр:

					Среди мужчин	Среди женщин
В	1851–1855	гг.	было	рецидивистов	37%	26%
»	1856–1860	»	»	»	34%	23%

»	1861–1865	»	»	»	37%	24%
»	1866–1870	»	»	»	40%	25%
В	1871–1875	гг.	было	рецидивистов	39%	22%
»	1876	г.	»	»	40%	26%
»	1877	»	»	»	39%	23%
»	1878	»	»	»	45%	24%

В Германии получаются несколько иные результаты. Там в 1869 году рецидивирующих насчитывалось меньше среди женщин, чем среди мужчин, но мало-помалу число одних и других сравнялось:

				Среди мужчин	Среди женщин	Итого
В 1869	г.	было	рецидивистов	71,44	64,98	—
» 1870	»	»	»	74,00	74,22	—
» 1871	»	»	»	80,38	78,35	—
» 1872	»	»	»	77,29	74,16	76,74
» 1873	»	»	»	80,66	77,46	80,13
» 1874	»	»	»	77,98	77,16	77,84
» 1875	»	»	»	79,08	84,26	79,85
» 1876	»	»	»	79,66	78,17	79,42
» 1877–1878	гг.	»	»	78,47	76,76	78,25
» 1878–1879	»	»	»	79,13	75,80	78,61
» 1879–1880	»	»	»	77,13	75,19	76,84
» 1880–1881	»	»	»	76,42	77,77	76,47
» 1881–1882	»	»	»	78,76	78,86	78,87

Месседалья доказывает, что множественные рецидивы среди австрийских женщин гораздо более часты, чем рецидивы простые, между тем как у мужчин те и другие одинаковы.

Подобный же факт наблюдается и в Пруссии, где число женщин, подвергающихся первому наказанию, равно 16%, число рецидивирующих в первый раз — 17%, в шестой раз — 24%, а в седьмой раз и больше — 30%.

6. Заключение. Итак, на основании всего изложенного, мы приходим к следующим выводам:

1. Преступность женского пола в 4–5 раз меньше преступности мужского, и женщины совершают в 16 раз меньше тяжких преступлений, нежели мужчины.

2. Преступность женщин сравнительно с мужской преступностью (на 100 мужчин) достигает наиболее высокой пропорции в юном и детском возрасте. Если рассматривать женскую преступность отдельно, не сравнивая ее с мужской, то оказывается, что высокая преступность юного возраста обусловливается, главным образом, тяжкими и значительно меньше легки-

ми преступлениями[1]. Во всяком случае, количество преступлений, падающих на юный возраст, велико у обоих полов.

3. При сравнении женской преступности с мужской оказывается, что женщины совершают тем больше преступлений, чем меньше они требуют физической силы, культуры и духовной энергии.

4. В юном возрасте у обоих полов преобладают, главным образом, преступления, обязанные своим происхождением пылкости характера, а в зрелом возрасте — преступления предумышленные с заранее обдуманным намерением; убийства и поджоги совершаются женщинами преимущественно в зрелом возрасте.

5. Количество осложненных преступлений, равно как и число каждого из них в отдельности, в общем отличаются большим постоянством для обоих полов в различных странах и в разные времена. Тем не менее можно сказать, что в Италии количество тяжких преступлений среди мужчин уменьшается, а число легких увеличивается у обоих полов. Что же касается женщин, то у них число тяжких преступлений напротив увеличивается.

6. Выкидыши и детоубийства совершаются женщинами тем чаще из чувства стыдливости и тем реже в силу своего рода привычки, чем более цивилизованна та страна, где они имеют место. В северной Италии они преобладают среди женщин юного возраста, а в южной, напротив — зрелого.

7. Влияние больших городов на увеличение преступности особенно отражается на женском поле и преимущественно выражается у него учащением краж, грабежей и нанесения ран.

8. Проституция объясняет и пополняет меньшую преступность женского пола сравнительно с мужским.

Глава 14

Семейное положение. — Профессия. — Отвращение к труду

1. Семейное положение. Мы уже знаем, что наибольшее количество преступлений совершается в возрасте между 15 и 25 годами. Среди женщин преступницы рекрутируются почти исключительно из проституток и несовершеннолетних, а среди мужчин наибольшую цифру преступности дают холостяки.

В Италии на 100 человек населения приходится:

	1894 г.
Холостяков и незамужних	48,9
Женатых и замужних	29,7
Вдовцов и вдов	14,3

[1] По Майеру, максимум преступности мужчин приходится на 18–21 год, а женщин — на 30–40 лет.

В Австрии холостяки и незамужние женщины среди преступников превосходят семейных людей в пропорции 50:37, а женатые и замужние уступают честным людям в отношении 45:52. Число вдов среди осужденных относится к числу вдов среди честного населения как 4:9. Подобное же преобладание холостяков над женатыми наблюдается в силу аналогичных причин и среди душевнобольных, у которых Верже нашел:

1 душевнобольной	на	474	холостяка, в возрасте между 20 и 60 годами
1 »	»	1418	женатых

Жерар по данным за 1841—1857 годы пришел к заключению, что

1 душевнобольной	приходится	на	2669	холостяков
1 »	»	»	7094	женатых
1 »	»	»	4572	вдовцов,

а Люнье определил (1856—1862 годы), что:

1	душевнобольной	приходится	на	2629	мужчин	и	2931	женщин
1	»	»	»	4754	»	»	5454	»
1	»	»	»	3421	»	»	3259	»

так что, по его мнению, среди душевнобольных гораздо больше холостяков, чем среди преступников.

Среди последних, как и среди психически больных, вдовы значительно преобладают над вдовцами. Факт этот замечен Месседальей в Австрии и Лолли в Италии, между тем как среди здорового и не преступного населения наблюдается совершенно обратное явление. Кроме того, замечено в Австрии, Италии и Франции[1], что среди женатых и вдовцов, имеющих детей, встречается значительно меньше тяжких преступлений, чем среди людей бездетных, что, по мнению Верже, объясняется исключительно теми заботами, которые создает семейная жизнь. Совершенно обратное явление наблюдается, по словам Жюслена и Кастильони, у душевнобольных.

[1] Вот статистика смертных приговоров, произнесенных во Франции с 1833 по 1880 год. В течение этих 47 лет во Франции было приговорено к смертной казни 1775 лиц, из которых мужчин было 1570, а женщин 205. По возрастам они распределялись следующим образом: в возрасте между 16 и 21 годами было 107; между 21—30 — 532; между 30—40 — 534; между 50—60 — 180 и старше 60 лет — 69. По профессиям: земледельцев было 817, мастеровых — 516, купцов и приказчиков — 191, без определенных занятий — 120, помещиков и лиц свободных профессий — 81 и, наконец, слуг — 50.

2. Профессии. В общем, трудно определенно высказаться о влиянии профессии на преступления ввиду того, что они не являются чем-то постоянным, а часто меняются и, кроме того, различно обозначаются исследователями в различных странах. Тем не менее, по итальянским статистическим вычислениям, сделанным Боско, мы находим следующие данные о преступниках и их профессиях:

Среди	земледельч.	класса	осужденных	приходится	8,9	на	1000	жителей
»	промышленн.	»	»	»	7,4	»	»	»
»	торгового	»	»	»	12,8	»	»	»
»	лиц, занимающихся обществ. службой и свободными профессиями				3,5	»	»	»
»	лиц, занимающихся службой у частных лиц				3,6	»	»	»

Более высокий процент преступников (1894—1895) среди торгового класса населения, между прочим, объясняется, вероятно, его многочисленностью, увеличившейся особенно с 1881 года. Среди купцов и приказчиков не только наибольшее количество мошенничеств и обманов (23 на 100), что очень естественно, но также и огромное количество диффамаций и оскорблений на словах (8 на 100).

Среди земледельческого класса населения преобладают кражи (26 на 100 осужденных) и причинение телесных повреждений (22 на 100); другие преступления встречаются у них в сравнительно слабых пропорциях.

Если мы займемся более детальным изучением отдельных профессий, то увидим, что максимальная цифра осужденных наблюдается у разносчиков мелких товаров (44 на 1000 жителей), у которых преобладающим преступлением являются кражи (3 на 100) и преступления против нравственности.

Мясники также дают значительную пропорцию осужденных (37 на 1000), и между ними большей частью наблюдаются насилия над представителями власти и обманы в торговле.

За мясниками следуют извозчики (26 осужденных на 1000), попадающиеся преимущественно в преступлениях против собственности и личности.

Очень слабую пропорцию преступности дают лица, занимающиеся свободными профессиями и частной службой (2,94 и 3,93 на 1000 жителей); среди первых преобладают преимущественно обманы, а среди вторых — кражи.

Минимум преступлений (1 на 500) Марро наблюдал в Турине среди охотников, священников, школьных учителей и рыбаков, несколько больше (4:500) — среди литографов, полировщиков мрамора, каретников, садовников и кожевников и еще больше (7:100) — среди маклеров, писателей,

ткачей и парикмахеров (среди последних наблюдались почти исключительно преступления против нравственности).

Каменщики дают значительно больший контингент преступников — 11% и булочники — 6,9%, что, быть может, объясняется тем, что этого рода рабочие получают расчет за свою работу ежесуточно и всегда имеют, стало быть, под руками деньги.

Наконец, слесари, сапожники и студенты дают следующие цифры преступности: 8,3, 7,3 и 0,33%.

Итак, наибольший процент преступников и особенно рецидивистов наблюдается среди некоторых городских профессий, особенно предрасполагающих к пьянству (среди поваров, сапожников, трактирщиков), или приводящих в постоянное соприкосновение богатых людей с бедными (прислуга), или, наконец, облегчающих самое совершение преступления (каменщики, слесари). Наименьший контингент преступников и рецидивистов дают, наоборот, лица, мало приходящие в соприкосновение с горожанами, как, например, судовщики и крестьяне.

Среди сапожников наблюдается огромная пропорция преступлений против нравственности, объясняющаяся помимо распространенного среди них пьянства еще постоянным раздражением половых органов, обусловливаемым их профессией. Вот почему среди них встречается и так много венерических болезней.

Что касается преступности в Австрии, то в ней на 1 миллион жителей приходится осужденных за кровавые преступления по профессиям:

Среди земледельческого населения:

Среди землевладельцев и фермеров	46,8	49,7
» земледельцев	51,6	

Среди промышленного и торгового населения:

Среди подрядчиков	23,8	37,7
» приказчиков	13,0	
» мастеровых	45,5	

Среди других профессий:

Среди собственников и рантье	15,9
» лиц свободных профессий	6,1
» домашней прислуги	133,6
» лиц других профессий	26,0
» » без определенных профессий	4,8
» народонаселения Австрии вообще, не считая лиц без профессии, именно женщин и детей	49,6

Минимум преступлений, если не считать лиц без профессий, под которыми подразумеваются, конечно, главным образом женщины и дети, наблюдается среди собственников и представителей свободных профессий.

С точки зрения предумышленности или случайности преступники распределяются по своим профессиям таким образом, что на 1 миллион населения приходится:

Осужденных	За преступления			
	Предумышл.	Случайные	Предум. и случ.	Детоуб.
Землевладельцев	17,3	25,3	42,6	4,2
Земледельцев	14,4	26,2	40,6	11,0
Капиталистов	8,9	12,7	21,6	2,2
Мастеровых	18,2	24,3	42,5	3,0
Собственников и рантье	8,2	6.3	14,5	1,4
Лиц свободн. профессий	3,3	1,4	4,7	1,4
Слуг домашних	24,7	11,2	35,9	97,7

У французов профессиональные группы располагаются в статистиках иначе, и профессии не так подробно обозначены, как в Австрии. У них, например, к группе свободных профессий принадлежат также военные, капиталисты и рантье (очень многочисленный во Франции класс).

Промышленный класс населения не отделен у них от торгового, а землевладельцы и земледельцы образуют вместе одну категорию.

Во Франции на 1 миллион жителей приходится осужденных уголовными судами за кровавые преступления по разным профессиям (1876–1880 годы):

Лиц без профессии, нищих, бродяг, проституток и призренников богаделен	59,2
Домашних слуг	25,9
Земледельческого класса	24,3
Промышленного и торгового класса	18,1
Свободных профессий	10,6

Во всех группах, кроме первой (лица без профессии), наблюдается полная аналогия со статистикой Австрии, так как одни и те же социальные условия дают и в различных странах одинаковые результаты

По вычислению Ивернеса, во Франции в 1882 году на 100 тысяч мужского пола одной и той же профессии приходится осужденных:

Среди собственников и рантье	6%
» агентов общественной власти	12%

Среди землевладельцев		16%
»	служащих и земледельцев	24%
»	мастеровых	25%
»	свободных профессий	28%
»	купцов и приказчиков	38%
»	домашней прислуги	49%
»	лиц неопределенных и неизвестных профессий	54%

По недавним исследованиям Тарда, во Франции приходится осужденных на каждые 10 тысяч жителей по их профессиям:

В	земледельческом	классе	0,84
»	промышленном	»	1,32
»	торговом	»	1,00

Таким образом, во Франции, как и в Италии, земледельческий класс дает меньший контингент преступников, чем промышленный и торговый классы.

Согласно более старым исследованиям Файе оказывается, что земледельческий класс во Франции, составляющий 53% населения всей страны, дает 32% преступников. При этом следует отметить, что в то время как деревенская прислуга, хотя и находящаяся в худших условиях существования, дает преступность всего в 4–5%, среди городской последняя наблюдается не менее как в 7%, причем $^1/_3$ детоубийств, $^1/_6$ краж и $^1/_9$ отравлений в городах падает именно на нее. Это, несомненно, зависит от нравственного вырождения ее, вследствие постоянной зависимости от других. В Америке, как замечено, дикари в состоянии рабства совершают более преступлений, чем живя на свободе.

Тем не менее максимальную цифру отцеубийц, 108 из 164, Файе наблюдал именно среди крестьян.

Больше всего преступлений против нравственности он нашел среди каменщиков и художников, изнасилований — среди извозчиков и детоубийств — среди прачек. Среди купцов, нотариусов и адвокатов им была определена наибольшая пропорция преступлений против нравственности.

По его статистике, во Франции в течение 1833–1839 годов на 100 преступников против собственности в возрасте не моложе 26 лет приходилось:

Священников	10
Поверенных	52
Адвокатов	74
Нотариусов	145
Судебных приставов	162

Жоли вычислил, что средняя цифра лишенных права заниматься своей профессией за преступления нотариусов колебалась во Франции ежегодно в пределах от 18 до 25, но:

В	1882	г.	она	поднялась	до	40
»	1883	»	»	»	»	41
»	1884	»	»	»	»	58

Затем после некоторого падения в два следующих года (54 в 1885 и 52 в 1886) она быстро возросла до 75 в 1887 году.

По статистическим данным число осужденных во Франции нотариусов на каждые 10 тысяч населения в 43 раза превосходит среднюю цифру осужденных на то же число жителей прочего населения, и сравнительно с другими профессиями нотариусы дают в одинаковом возрасте $^{1}/_{10}$ предумышленных убийств, $^{1}/_{7}$ случайных убийств, $^{1}/_{16}$ отцеубийств, $^{1}/_{8}$ изнасилований детей моложе 15 лет, $^{1}/_{13}$ преступлений против личности.

В Пруссии лица свободных профессий составляют 2,2% всего населения и дают 4,0% всех преступников. Домашняя прислуга, составляющая 3% населения, дает, однако, преступность в 12%.

В России за период времени с 1875 по 1879 год число лиц, осужденных за кровавые преступления, достигло 9229.

На 100 осужденных приходится в различных государствах по профессиям:

		В России		В Австрии		Во Франции	
В земледельческом классе	землевлад.	47,5	60,3	18,4	50,0	–	50,1
	земледельц.	12,8		31,6		–	
» промышленном и торговом классе	хозяев	7,5	16,8	3,3	30,0	–	30,0
	рабочих	9,3		13,6		–	
Среди журналистов		7,7		–		–	
» лиц свободных профессий		1,8		0,2		5,0	
» слуг		4,9		19,6		8,1	
» лиц неопределенных занятий		6,7		8,8		–	
» проституток и лиц без занятий		2,0		4,9		6,0	

Возвращаясь к преступности среди женщин, мы видим, что среди них преобладают преступления, совершаемые в торговле, — обманы и мошенничества, и личные оскорбления.

Женщины, принадлежащие к промышленному классу населения, дают меньшую пропорцию воровок, чем крестьянки, среди которых наблюдается большой процент так называемых деревенских краж.

Что касается специфической преступности женщин в зависимости от профессии, то следует заметить, что максимальная пропорция краж (55 на

100) наблюдается среди женской домашней прислуги; после них идут акушерки, дающие высокий процент осужденных (3 на 100) за производство выкидышей.

Но мы располагаем слишком ограниченными данными относительно женской преступности, чтобы на основании их нам можно было делать те или иные выводы. Кроме того, результаты исследований совершенно изменяются у женщин благодаря многочисленному классу проституток. Не подлежит сомнению, что многие деревенские девушки делаются преступницами именно благодаря проституции, которой они занимаются, являясь в города в качестве прислуги. «Знакомство с большими городами, — говорит Паран дю Шателе, — оказывается очень пагубным именно для деревенских женщин, которые, по свидетельству статистики, доставляют огромный контингент проституток».

В Париже половина всех проституток рекрутируется среди швей и гладильщиц, треть — среди разносчиц и модисток, треть — среди прачек и фабричных работниц и весьма небольшая часть — среди актрис.

3. Военные. Мы должны отдельно рассмотреть преступность военного сословия, которое, по Хаузнеру, превосходит в этом отношении другие классы населения в 25 раз. Но Хаузнер вряд ли исключил из массы невоенного населения стариков, женщин и детей, благодаря чему он и получил столь незначительную по сравнению с военными преступность. По крайней мере в Италии мы получаем совершенно другие цифры на этот счет, именно здесь приходится в среднем среди военных 1 на 112 осужденных, причем большинство преступлений принадлежит к разряду тех, которые с общей точки зрения даже не могут быть названы преступлениями, как нарушения дисциплины, симуляции болезней и т. п.

Если мы сравним преступность военного сословия с преступностью населения вообще одного и того же возраста (между 21 и 31 годом), то она окажется, конечно, больше последней, но объясняется это тем, что среди военных нет женщин, которые понижают общую преступность на 80%.

Больше всего влияет на число преступлений среди военных то обстоятельство, что у них, по выражению Месседальи, почти сливаются условная и действительная преступность. Кроме того, здесь играет большую роль легкость, с какой среди военных открывается каждое преступление, между тем как в других сословиях обнаруживается и наказывается едва половина совершенных преступлений. Так, в 1895 году на 233 181 преступление, о которых производились следствия следственными судьями, приходилось 70 276 таких, в которых виновные не были обнаружены. В 1862–1866 годах 68% тяжких и 54% легких преступлений остались в Баварии ненаказанными, так как преступники не были обнаружены.

4. Душевнобольные. Зависимость между профессиями и душевными заболеваниями выступает далеко не так ясно, как связь между последними и преступлениями. Из статистических данных, собранных на этот счет во

Франции и являющихся до сего времени самыми подробными, мы убеждаемся в странной аналогии[1], существующей между преступниками и душевнобольными.

В городах число последних превышает их количество вдвое, чем в деревнях (отношение между ними равно 223:100). Меньше всего наблюдается душевнобольных среди земледельцев, а больше всего среди лиц свободных профессий.

По исследованиям Жерара, душевные болезни больше всего распространены среди домашней прислуги, слесарей и рудокопов, а по наблюдениям Берда и Голда — среди сапожников (1,2–8% общего числа принятых в заведения больных) и поваров (1,3%). Дзани же отметил наибольшее количество психических заболеваний (до 5%) у лиц свободных профессий.

---

[1]

			Жерар (1852)			Люнье (1856–1861)		
Среди	артистов	душевнобольные	1	на	3,292	1	на	104
»	юристов	»	»	»	544	»	»	119
»	писателей	»	»	»	1,035	»	»	280
»	духовных	»	»	»	706	»	»	253
»	медиков и фармацевтов	»	»	»	1,602	»	»	259
»	чиновников	»	»	»	1,621	»	»	727
»	банкиров	»	»	»	2,571	»	»	5,487
»	домашней прислуги	»	»	»	609	»	»	–
»	сапожников и портных	»	»	»	1,807	»	»	–
»	помещиков	»	»	»	5,547	»	»	3,609
»	землевладельцев	»	»	»	11,403	»	»	18,819
»	военных	»	»	»	553	»	»	1,711
»	рудокопов	»	»	»	132	»	»	
»	рабочих на металлургических заводах	»	»	»	732	»	»	
»	кабатчиков и проч.	»	»	»	1,700	»	»	

Лолли на основании исследования 1000 душевнобольных пришел к заключению, что

земледельцы,	составляя	49%	общего	населения,	дают	34%	душевнобольных
ремесленники	»	12,3	»	»	»	12,9	»
домашние слуги	»	2,64	»	»	»	2,17	»
помещики	»	2,78	»	»	»	6,23	»
купцы	»	2,7	»	»	»	1,26	»
чиновники	»	–	»	»	»	1,32	»
духовные лица	»	0,6	»	»	»	1,37	»
лица свободн. проф.	»	–	»	»	»	1,26	»

По данным Жерара и Барофио, среди военных наблюдается довольно значительная пропорция душевных заболеваний, именно 4–8%. По Лолли, психические болезни чаще встречаются у помещиков и купцов, чем среди ремесленников, у которых они, в свою очередь, чаще, чем среди крестьян.

Наконец, остается заметить, что преступления людей, привычных к виду крови, как, например, мясников и военных, отличаются в общем как у душевнобольных, так и у преступников особо жестоким характером.

5. Отвращение к труду. Следует заметить, что преступники в большинстве случаев только номинально занимаются теми или другими профессиями, настоящее же их занятие — бездельничанье.

В Турине нам пришлось видеть мнимых столяров, слесарей и тому подобных мастеровых, то есть преступников, содержавших мастерские, снабженные всеми инструментами для отвода глаз полиции, но совсем не занимавшихся своим ремеслом.

Зихерт из 3181 заключенного в тюрьме нашел 1347, то есть 42,3%, питавших полное отвращение к труду и распределявшихся по преступлениям следующим образом:

Из	1848	воров	было	ничем	не	занимав.	961,	т. е. 52%
»	381	мошенника	»	»	»	»	172,	т. е. 45%
»	155	поджигателей	»	»	»	»	48,	т. е. 31%
»	542	прест. против нравств.	»	»	»	»	145,	т. е. 26,7%
»	255	клятвопреступников	»	»	»	»	21,	т.е. 8,2%

Цифры эти приобретают еще большее значение, если проследить их распределение между случайными и врожденными преступниками. Тогда мы получим, что отвращение к труду замечено у 1347 лиц, то есть в 42%, из числа которых:

Случайными	преступниками	оказались	170	чел.,	т. е.	19,2%
Врожденными	»	»	1170	»	»	51,7%

так что значительный перевес оказался у врожденных преступников.

По последним данным Райта оказывается, что в Массачусетсе из числа 4340 осужденных было 2990, то есть 68%, не имевших никакой профессии. В Пенсильвании процент последних среди осужденных оказывается еще большим, достигая 88, а среди приговоренных к каторжным работам — 68,5. Из исследований Ф. Уайнса видно, что из 6958 осужденных за убийства 5175, то есть более 74%, не знали никакого ремесла.

Другим доказательством отвращения к труду, свойственного преступникам, является непостоянство их занятий. Честные люди очень редко меняют свои профессии: так, из 100 честных работников

	86	никогда не меняли своей профессии		
	13	меняли ее 1 раз		
и всего	1	»	»	3 раза.

Между тем преступники постоянно бросаются от одной профессии к другой, причем от 2 до 4 раз меняли ее:

Из	40	убийц	27
»	40	карманщиков	30
»	77	мошенников	60
»	39	насильников	30
»	39	разбойников	22
»	97	воров	60

то есть чаще всего — насильники и мошенники.

Из отчета исправительного дома в Эльмире видно, что 6635 заключенных в нем распределялись по своим профессиям следующим образом:

Слуг было	1694	т. е.	25,5%
Чернорабочих	3651	»	55,0%
Мастеровых	974	»	14,7%
Не имевших никаких занятий	320	»	4,8%

Число лиц без занятий оказывается здесь весьма небольшим, но по поводу его мы в том же отчете находим следующее: «Многие из заключенных ложно показывали, будто они занимаются теми или другими ремеслами». На самом деле число тех, которые не занимаются никаким трудом, очень велико, несмотря даже на все применяемые здесь системы исправления лентяев. Так, по словам генерала Броквея, никакое нравственное воздействие не могло заставить 34% заключенных взяться за какую-нибудь работу.

В виде исправления лентяев среди преступников Броквей советует применять кнут и вообще телесные наказания, низводя этим личность преступника на уровень дикаря, который берется за работу не иначе как из-под палки.

Тот факт, что преступник часто меняет род своих занятий, отдавая предпочтение тем из них, при которых расчет производится ежедневно, доказывает, что он вообще не способен ни к какому правильному, регулярному труду.

Но эта негодность его к постоянной работе отнюдь не доказывает, что он совершенно не способен к какой бы то ни было деятельности и находится в вечной инертности. Напротив, в известные моменты преступник проявляет значительную активность: так, например, некоторые виды преступ-

лений, такие как воровство и мошенничество, требуют особенной подвижности и деятельности со стороны тех, кто ими занимается. Преступник питает отвращение, собственно, ко всякой правильной регулярной работе: он не может примириться с тем, что в обществе всякий его член должен в каждый известный момент отправлять то или другое назначение свое, подобно тому как в часовом механизме несет свою функцию каждая, даже мельчайшая часть его. Неспособные противостоять своим постоянно меняющимся капризам, будучи до известной степени инертными и в то же время импульсивными, преступники находятся в вечной войне с тем обществом, которое не соответствует их наклонностям.

Таким образом, по своему характеру преступник вполне напоминает дикаря, обыкновенно неподвижного и инертного, проявляющего, однако, время от времени бурную деятельность на войне или охоте, которым он отдается порывисто, до полного изнеможения своих сил.

Совершенно справедливо замечает Марро, что «примитивный, некультурный человек отличается от цивилизованного именно своей неспособностью к подобному, продолжительному, настойчивому труду и что весь прогресс человеческий к тому именно и сводится, чтобы, по возможности, развить и укрепить эту способность в человеке».

«Всякий правильный труд, — говорит он далее, — должен удовлетворять двум основным условиям: он должен, именно, быть полезен индивиду, который совершает его, и обществу, среди которого он живет.

Труд преступника характеризуется тем, что он полезен только ему, но вреден обществу.

Если же труд этот вреден и совершающему его, и обществу, то он характеризует уже не преступного, а психически больного человека».

Чезаре Ломброзо

НОВЕЙШИЕ УСПЕХИ НАУКИ О ПРЕСТУПНИКЕ

Перевод с итальянского С. Раппопорта

Предисловие автора

I

Быстрое, стремительное развитие уголовной антропологии лишает ученых возможности спокойно выжидать появления новых исследований, обыкновенно очень объемистых, снабженных обильным материалом и требующих для своего появления продолжительного времени. Специальные журналы хотя и дают ясное представление обо всех вновь появляющихся работах, но следить за ними доступно не всякому. Поэтому я счел полезным в настоящее время сделать краткий очерк успехов уголовной антропологии.

Но прежде всего я должен ответить обширной критике, возбужденной изучением этой новой отрасли знаний; размеры критики уже сами по себе служат доказательством серьезного значения уголовной антропологии.

Топинар не признает за мной права устанавливать существование типа преступника, так как я сам определяю, что этот тип не подтверждается в 60 наблюдениях из 100.

Конечно, если с понятием о типе связывать представление о том, что он должен встречаться во всех наблюдениях, то его нельзя признать. Но уже в моих первых трудах я указывал на то, что к понятию о типе преступника надо относиться так же, как мы относимся к понятию среднего данного; если в статистике говорят, что средняя продолжительность жизни равна 32 годам, а наибольшая смертность падает на декабрь, то никому не придет в голову предполагать, что все или почти все должны умирать в 32 года и в декабре.

И не я один придерживаюсь такого определения средних.

Я могу сослаться на следующие строки замечательного труда Топинара, наиболее ярого из моих противников.

«Тип, — говорит Гратьоле, — это синтетическое впечатление».

Тип, по Гёте, есть абстрактное общее представление, которое мы получаем, наблюдая сходства и различия. Родовой тип, замечает Изидор

Сен-Илер, нельзя видеть глазами, его можно только представить себе мысленно.

«Типы людей, — говорит Брока, — не существуют в действительности; это — абстрактные идеальные представления, являющиеся результатом сравнения расовых разновидностей; эти представления составляются из совокупности характерных черт, общих известному числу расовых разновидностей».

«Мы вполне согласны с этими взглядами: тип есть собрание характерных черт по отношению к той группе, которую он выражает; тип есть собрание отличительных черт, *наиболее выдающихся и наичаще встречающихся*. Отсюда вытекает целый ряд выводов, которых антрополог не должен забывать ни в своей лаборатории, ни среди народов Центральной Африки».

«Тип, по прекрасному выражению Изидора Сен-Илера, — это неподвижная точка, общий центр, а разновидности представляют уклонения в различных направлениях; бесчисленно разнообразные колебания. Природа играет вокруг этой точки, по выражению древних анатомов, сохранившемуся до последнего времени в германском наречии».

«В примерах, при таком прекрасном определении, нет надобности. Тем не менее, возьмем сотню однородных черепов, например серию овернских черепов, описанную Брока. Эта серия черепов была добыта на древнем горном кладбище, в уединенной местности; прибавим, что череп дает полное представление об индивидууме, которому принадлежит, с тем преимуществом, что череп можно измерять, вертеть в руках, словом, обходиться с ним, как угодно.

При первом взгляде вас поражают различия черепов: нет двух черепов совершенно схожих между собой; после самых тщательных исследований надо сознаться, что все они отличаются друг от друга какой-либо чертой. А между тем за малыми исключениями они все имеют нечто общее, что соединяет их в одну семью и отличает их от других групп, например, от сотни черепов соседних басков или, еще более, от сотни новокаледонцев.

В некоторых черепах такое семейное сходство очень сильно выражено. Приступая к исследованию характерных черт и измеряя черепа для более точного ознакомления с ними, мы замечаем, что среди них попадаются более или менее брахицефалические, мезоринические и прочие. Выражая это в цифрах, служащих числовым выражением особенностей черепа, и располагая эти цифры по разрядам согласно нижеизложенному методу, мы заметим, что известная степень черепных особенностей повторяется наибольшее число раз и что следующие степени идут постепенно уменьшаясь. То же и по отношению к прогнатизму, мезоринизму и двадцати другим подобным отличительным чертам. Череп, представляющий собрание характерных черт, выраженных в наичаще встречающейся степени, есть полное выражение этой группы черепов; в нем выразится искомый фамильный облик ее, ее совершенный тип. Но такого идеального черепа не существует в

действительности; и в серии из тысячи черепов, вы, быть может, не встретите ничего подобного».

«Измеряя характерные черты черепов и выводя из этих измерений средние величины, Брока получил так называемый “средний череп”. Но этот череп, обладающий всеми средними размерами или, по крайней мере, средними отношениями и представляющий среднюю форму, пожалуй, даже средний объем, тем не менее представляет искусственное создание. Такой череп не соответствует, строго говоря, ни идеальному черепу, полученному при исследовании по сериям, только что указанным, ни какому бы то ни было реальному черепу. Только случайно можно встретить средний, или типический, череп».

«Тип какой-нибудь серии черепов, или индивидуумов, не представляет осязаемого предмета, доступного ощупыванию; это — продукт работы, это — желание, надежда, “абстрактный и общий образ”, по выражению Гёте. Тот же результат получается, если вместо математических измерений исследовать черепа чувством и осязательными движениями, сохраняя впечатление каждого черепа, отбрасывая исключительные черты, накопляя черты, наиболее часто встречаемые и представляющие наибольшее различие с другими группами, создавая в своем воображении типический результат, квинтэссенцию его черт».

«Родовой, расовый тип, тип народности или группы черепов, вообще какой-либо группы предметов — это собрание наиболее выраженных, наиболее постоянных и выдающихся черт, отличающих данную группу от других групп».

«Несомненно, что не все характерные черты имеют одинаковое значение: одни характерные черты малозначащи, другие имеют решающее значение и, чтобы употребить настоящее слово, — характеристичны. Само собой разумеется, что иногда ни одна черта в отдельности не имеет значения, а важна их совокупность».

«Типы бывают хорошими, дурными и безразличными, резкими и сомнительными. Но возникает вопрос, какое же минимальное число характерных черт необходимо для определения типа? Этот вопрос неразрешим. Всякий решает его по-своему, сообразно точности, какая необходима в каждом частном случае. На практике вполне достаточно двух или трех хороших физических признаков, особенно если они обоснованы и опираются на физиологические, исторические и тому подобные данные».

Таким образом, сам Топинар совершенно согласен с нами.

Он не допускает, однако, мысли об атавизме преступников, потому что, по его мнению, между людьми и животными нет непрерывной связи. Мне было бы очень легко ответить на это, указав лишь на имена Дарвина, Ламарка, Уолесса и даже Бюффона, доказавших непрерывность цепи органических существ, пробелы которой ежедневно пополняются новейшими палеонтологическими открытиями; однако в этом нет надобности, ибо если

бы даже этой цепи не существовало в зоологии, то ее можно указать в эмбриологии человека.

Еще удивительнее то, что многие, вполне допуская атавизм у преступников, в нем именно и видят невозможность допустить патологическое его значение. Мануврье, наоборот, вполне признавая патологическое значение атавизма, которым объясняется асимметрия лица, беспорядочное размещение зубов у преступников, черпает из этого соображения, чтобы отрицать атавизм у преступников. Но разве мы не видим во многих случаях душевных болезней (например, при микроцефалии) соединение, почти слияние патологии и атавизма? И как же иначе понимать явления атавизма у человека, если не признавать участия патологического состояния зародыша?

II

Припомним здесь, что во всех этих открытиях, как и вообще во всем, что представляется действительно новым в области эксперимента, наибольший вред приносят логика и так называемый здравый смысл — самый страшный враг великих истин. В подобных начальных исследованиях приходится прибегать скорее к телескопу, нежели к лупе. При помощи лупы, при помощи силлогизма и логики вам докажут, что солнце движется, а земля неподвижна, что астрономы ошибаются!

Рассуждая строго логически, Мануврье говорит, что не следует сравнивать преступников с солдатами, потому что солдаты претерпели уже подбор; но он забывает, что мы сравнивали преступников со студентами и со светскими людьми, Марро сравнивал их с туринскими рабочими, а Тарновская сопоставляла преступниц с крестьянками и русскими женщинами.

Он говорил, что следует делать сопоставление с добродетельными людьми; но мы могли бы ответить, что добродетель в нашем мире уже сама по себе представляет большую аномалию.

Вы видите, что при помощи логики мы, подобно отцу, сыну и ослу — героям известной басни, поставлены в невозможность сделать какой-либо выбор и ни на шаг не можем продвинуться вперед.

Мануврье обвиняет нас в том, что мы остановились на нескольких чудовищных преступниках, «чего недостаточно для доказательства, что преступники суть анатомические чудовища».

Признаюсь, я не ожидал такого упрека со стороны столь достойного анатома, как Мануврье. Так же как на свете нет случайностей, так и в природе не существует чудовищ: все явления подчинены закону; уродства, может быть, более, чем другие явления, ибо весьма часто они суть не что иное, как продукты тех же самых законов, доведенных до крайности.

Но сверх того, справедливость этих упреков опровергается той частью критики, в которой мне ставится в упрек, что «я собрал слишком много примеров без всякого выбора».

В этом упреке есть, впрочем, доля правды; совершенно верно, что, подвигаясь вперед, мы увидели, что существует не один общий тип преступника, а несколько частных, довольно резких типов: воры, мошенники, убийцы — и что преступницы обладают наименьшим количеством признаков вырождения, почти не отличаясь в этом отношении от непреступных женщин.

Правда и то, что при изучении черепов и мозга я соединил наблюдения многих ученых, несогласных между собой. Но эти несогласия вполне объясняются тем, что каждый наблюдатель предпочтительно останавливался на некоторых аномалиях и пренебрегал другими. И лишь после того, как Корр указал на асимметрию, Альбрехт — на лемуров придаток челюсти, а я указал на среднюю затылочную ямку, антропологи стали обращать внимание и на эти аномалии и заметили их у преступников. Анализ всегда предшествует синтезу; наоборот, если бы я не упомянул всех моих предшественников, меня легко обвинили бы в недобросовестности.

Мануврье, в свою очередь, забывает, что, ничуть не пренебрегая выводами других наблюдателей, я подробно ссылался на 177 черепов преступников, которые изучал я сам и все детали которых, выраженные в цифрах, я изложил в первом итальянском издании моего «Преступного человека». И этим именно черепам я придавал наибольшее значение. Чтобы избежать на будущее всех подобных упреков, я в последние годы стал применять к изучению типа преступника гальтоновскую фотографию*; и непреложные показания солнца подтвердили мои наблюдения лучше всех людских показаний.

Таким образом, доказано, что действительно существуют типы преступников, которые, в свою очередь, подразделяются на типы: мошенников, воров и убийц. В последнем типе сосредоточены все характерные черты, тогда как в других типах они менее резки. В этом типе ясно видны анатомические особенности преступника, и в частности: весьма резкие лобные пазухи, очень объемистые скулы, громадные глазные орбиты, птелеиформный тип носового отверстия, лемуров придаток челюсти.

Сравнивая эти выводы с результатами статистических таблиц, лежащих в основе этой критики, вы найдете, что вопреки кажущемуся обилию противоречий отношения между аномалиями вполне верны.

Так, для лобных пазух мы имеем 52%, для асимметрии 13%, для падающего лба 28%.

Вот что получается при исследовании одних лишь черепов.

Мануврье неизвестно также, что относительно живых наши исследования далеко не ограничились несколькими *уродами*, а коснулись 26 880 преступников, которые сравниваются с 25 447 нормальными людьми.

Не точно и то, будто частный тип каждого вида преступников не подвергался исследованию. Правда, я этим занимался лишь мимоходом, но Ферн — первый, а затем Оттоленги, Фриджерио и, в особенности, Марро, а в России Тарновская разработали эту тему с поразительным обилием деталей.

Вполне естественно, что в первых трудах имелись в виду лишь общие черты и только впоследствии стали изучать различия каждого вида; так бывает при всякой работе — всегда от простого переходят к сложному, от однородного к разнородному.

Все эти упреки в большинстве случаев являются прямыми последствиями незнакомства с тем, что печатается на иностранных языках. Они все еще ссылаются, например, на моего «Преступного человека», который представляет лишь первую часть сочинения, уже устаревшего, в то время как после уже напечатано на ту же тему много других работ, гораздо более ценных.

III

Профессор Маньян, пред которым я преклоняюсь как пред одним из величайших европейских психиатров, который так же велик, как Шарко в области алкоголизма, оспаривает мое мнение, что детскому возрасту свойственно врожденное предрасположение к преступлениям. Он начинает с того, что приводит две-три странички из Майнерта об ощущениях новорожденного. Но цитаты эти бесполезны: чтобы доказать существование у детей преступных наклонностей, я изучал ребенка не в первые дни его жизни. В это время ребенок ведет растительную жизнь, и его можно сравнить скорее всего с зоофитами; конечно, в этом периоде не может быть и речи об аналогии с преступниками. Обрушившись на сравнение, которое не имеет никакого отношения к настоящему вопросу, Маньян затем лишь вскользь говорит два слова о другом периоде, на который ему и следовало бы, главным образом, обратить внимание.

«*Дитя*, — говорит он, — *от растительной жизни переходит к жизни инстинктивной*». Было бы хорошо, если бы он подробнее развил мысль, резюмированную в этих двух строках; тогда он разгадал бы загадку. Он нашел бы, как и Перес, у дитяти склонность к гневу, доходящую до битья людей и всего другого, до состояния дикаря, приходящего в ярость во время охоты за бизонами. Он узнал бы из сочинений Моро, что многие дети не в состоянии ждать ни минуты того, что они требуют, не приходя в ярость; среди детей многие завистливы до такой степени, что суют нож в руки родителей, *требуя казни своих соперников;* он узнал бы, что существуют дети-лжецы, о которых Бурден написал замечательное исследование. Он знал бы, что у всех детей бывают скоропреходящие вспышки страсти; он нашел бы у Лафонтена мнение, что «*этот возраст не знает жалости*»; он узнал бы из Бруссе, что дети любят мучить животных слабых; он узнал бы, что у них, как и у преступников, встречается полнейшая леность, идущая рука об руку с кипучей деятельностью, лишь только дело коснется удовольствий и забав; тщеславие, которое заставляет их хвастать новыми ботинками, шапками, вообще малейшим своим превосходством.

Вот где Маньян должен был бы указать ошибку мне или, вернее, Пересу, Моро, Бурдену, Бруссе, Спенсеру, Тэну, которые все это заметили раньше меня.

И тогда он не сказал бы, что «*наклонность к жестокости, свирепость по отношению к животным встречаются лишь у детей совершенно больных, душевно неуравновешенных*».

Конечно, в вырожденных детях, заклейменных наследственностью, эти наклонности продолжают существовать во всю жизнь и обнаруживаются при первом удобном случае, задолго до полной зрелости, так как случаев делать зло достаточно и в этом возрасте. Мой противник, конечно, согласится с тем, что воспитание в подобных случаях бессильно; в лучшем случае оно может дать только внешний лоск, который и служит источником всех наших заблуждений.

Наоборот, у хороших детей воспитание очень плодотворно, облегчая их перерождение, переход от состояния чисто физиологического к состоянию, которое можно было бы назвать состоянием нравственной зрелости. Перерождение это могло бы вовсе не иметь места, если бы дурное воспитание его задержало. Мы наблюдаем подобное явление на лягушках-тритонах, которые в очень холодной среде не переходят в последнюю стадию превращения, а остаются головастиками.

Но, быть может, Маньян соглашается сам с нашим взглядом, говоря, что указанные нами явления следует признавать не естественным предрасположением к преступлению, а скорее патологическим клеймом, вырождением, влекущим за собой расстройство мозговых функций.

В таком случае я здесь позволю себе сделать одно справедливое замечание.

Если бы так выразился юрист старой метафизической школы, мне были бы понятны эти схоластические тонкости, подобная византийская игра слов, но в устах такого почтенного медика, как Маньян, это совершенно непостижимо.

Маньян не замечает, что именно в этом клейме, упрочивающем и способствующем развитию врожденной наклонности к преступлению, гнездится уродливая и болезненная природа врожденного преступника, тогда как при отсутствии такого наследственного патологического клейма преступные наклонности атрофируются, подобно тому как в хорошо, правильно развивающемся теле атрофируются органы зародышевой жизни, например зобная железа.

Отрицая врожденную наклонность к преступлению, Маньян вслед затем сам приводит целый ряд случаев подобной врожденной наклонности. Не думаю, чтобы это делалось с целью доказать неосновательность своего собственного мнения; если же Маньян желал только сказать, что так называемые врожденные преступники суть дети алкоголиков, то он повторил лишь то, что уже сказано в моем итальянском издании и что лучше меня и

раньше меня объяснили Сори, Кнехт, Якоби, Моте и раньше нас всех наш общий учитель Морель.

Уважая Маньяна за его личные качества и за талант, я просил бы его сознаться, не были ли его типы вырождения без физических признаков тщательно подобраны из сотен других, имевших физические признаки и не упомянутых Маньяном[1]. Я же не прибегал к такому подбору; я прямо без всякого выбора взял 400 преступников из сборника германских преступников.

Маньян также утверждает, что выставленные нами характерные черты недостаточны для судебных деятелей и ими не признаются. Конечно, если даже просвещенные медики способны отрицать очевидные факты и сомневаются в своих собственных открытиях, то что ожидать от судей; они найдут в этом еще лишний повод не доверять нам. Но, само собой разумеется, что виноваты здесь мы сами.

Впрочем, мы трудимся не для юридического применения; ученые занимаются наукой ради науки, а не для практического применения, которое осуществляется нескоро.

Никто не сомневается, что физический способ исследования всегда имеет больше шансов на успех, может быть более точным, нежели психологический, часто затемняемый симуляцией.

Маньян, как и многие другие ученые, слишком занят собственными исследованиями, чтобы знать и изучать труды других; однако ему могло быть известно, что мы строим свои выводы не на одних только физиологических данных, которые очень часто отсутствуют, но на биологических и функциональных. Эти последние почти всегда находятся у настоящего преступника; так, все они левши, у всех у них замечается расстройство рефлексов и органов чувств — все это характерные черты, очень часто заслоняющие пробелы, остающиеся после исследования черепа и физиономии.

Может ли он отрицать присутствие таких функциональных аномалий также и у новорожденных?

Нас упрекают в том, что мы недостаточно внимательно исследуем влияние физической и нравственной среды. Относительно первого критика ошибается; нас, скорее, могли бы упрекнуть в противном, ибо мы написали обширное исследование, где разбирается исключительно влияние физической среды; относительно значения нравственной среды — упрек справедлив, но легко найти и оправдание: наши противники так много занимаются этими вопросами, старинные писатели придавали этому вопросу та-

[1] При физическом исследовании этих вырожденных, произведенном знаменитыми клиницистами больницы св. Анны, найдено много таких признаков, хотя и в меньшем количестве, чем у преступников. Было найдено: лемуров придаток у вора, боковые резцы и чрезмерная челюсть у нимомана; у всех притупление осязания и т. п.

кую важность и так осветили его со всех сторон, что мы не считаем нужным заниматься им; не стоит тратить труда для доказательства того, что солнце светит.

Тард и Колайанни отрицают соотношение между органами и их функциями, что *a priori* лишило бы всякого значения уголовную антропологию.

«Соотношение между органом и его отправлением, — пишет Колайанни, — очень темно. По существованию органа нельзя заключать с положительностью о существовании его отправления; существуют органы без активных функций». «Но это, — справедливо возражает Серджи, — просто несообразность. Для чего же служат эти органы без функций? Может быть, это запасные органы для замены органов, разрушаемых деятельностью, подобно новому платью, заменяющему старые отрепья? А если соглашаться с ним, что функции создают орган, то как же рождается орган, лишенный всяких функций?»

И если действительно органы укрепляются и увеличиваются от деятельности, то не менее верно и то (а это забывают Тард и Колайанни), что для их деятельности прежде всего они должны быть налицо. Икры танцовщиц, остроумно замечает Бруар, укрепляются от танцев, но для того, прежде всего, необходимо иметь... икры!

Но чем в особенности Колайанни думает уничтожить нас вконец, это тем, что, по его мнению, мы противоречим сами себе. Очень легко, конечно, найти противоречия у одного и того же писателя, вырвав из его книги два положения, но еще легче, как в данном случае, найти разноречия у различных авторов. Так как группы наблюдаемых индивидуумов различны, то и результаты могут не совпадать. И это известно всем, кто занимается антропологическими исследованиями. Если я, например, измеряю 100 овернских черепов, то найду известный размер и величину; если же я измерю 100 других черепов, то, большей частью, получу иные размеры и величины.

Почему же не может случиться того же самого и относительно емкости черепа, веса мозга, веса тела, роста, признаков вырождения у преступников различных стран, различных национальностей и даже преступников одной и той же страны? Искусство наблюдателя состоит в том, чтобы найти однородность среди разнообразия; и лишь поверхностный наблюдатель и противник, добросовестный или недобросовестный, найдут здесь хаос и противоречие.

Фере также не согласен с моим заключением, что «зародыши нравственного помешательства и преступления нормально встречаются в первые годы жизни человека подобно тому, как в зародыше постоянно существуют известные образования, которые в юношеском возрасте представляются уродствами». Он основывается на том, что род человеческий образовался, главным образом, благодаря людям, отличавшимся антисоциальными наклон-

ностями детского возраста. Он при этом, очевидно, забывает о диких народах. Но, быть может, в данном случае мы не понимаем вполне друг друга. Указывая у детей различные расстройства речи (лаггорея, дисфазия и прочее), свойственные помешанным и идиотам, Прейер не считает, конечно, идиотов и сумасшедших детьми и обратно; он лишь указывает на атавистическое происхождение этих аномалий; он указывает, что эти странные явления, ненормальные у сумасшедших, свойственны известному возрасту человека, и, таким образом, он эмбриологическим путем объясняет происхождение уродств.

Неверна также мысль, что вырождение преступника исключает возможность типа преступника, ибо всякое вырождение (кретины, золотушные) представляет свой особый тип.

Лист, вполне одобряя, как мы увидим ниже, наши практические выводы, не согласен принять наших теорий только потому, что многие их критикуют и оспаривают.

Но такова участь всех тех, которые осмеливаются прилагать новые пути в науке, не считаться с общественной рутиной, в то время как слащавые эклектики, подобные губкам, впитывающим все, ничего не отвергая, удовлетворяют всякого и не встречают ни с чьей стороны критики, но они обречены на немедленное забвение.

Чезаре Ломброзо

Глава 1. Морфологические аномалии

Если верно, что плодовитость семьи есть истинный признак здоровья, то уголовная антропология, по моему мнению, не нуждается в доказательствах своего процветания, хоть и находятся люди, которые считают ее мертворожденной и отказывают ей в крещении и имени, в которых вообще не принято отказывать невинным новорожденным. *Che moi non fur vivi*[1] (Данте).

Всего четыре года тому назад, к изумлению врагов современного прогресса, собралось в Риме со всех концов Европы 128 ученых с докладами о последних открытиях в этой новой, но уже созревшей науке, открытиях, наглядно продемонстрированных прекрасной выставкой. Но с того времени развитие уголовной антропологии, без преувеличения, удвоилось как по быстроте, так и по значению сделанных успехов. Все области этой науки изобилуют новыми наблюдениями.

---

[1] Этот жалкий люд (*ит.*).

I

Мозг. Укажем лишь на аномалии мозговых извилин, которые, как полагали, вообще не поддаются научному исследованию, а в действительности не поддавались ему лишь потому, что не удавалось установить их нормальный тип. Лемуан у одного клептомана, бывшего коммунара, указал нам аномалию, пока единственную в науке, а именно врожденное слияние двух лобных долей. Гетцен описывает у Марии Каустер, 15-летней матереубийцы, убившей с целью воспользоваться наследством и не обнаруживавшей ни малейшей психической аномалии, геморрагический пахименингит, атрофию лобных извилин и затылочной доли, не покрывавшей мозжечок, и большое количество атрофированных участков в извилинах, особенно левого полушария.

Ламбль нашел у молодой девушки, обвиненной в мошенничестве, полную поренцефалию с разрушением восходящей лобной извилины у места ее происхождения. Рихтер показал в Берлинском психологическом обществе мозг преступника с раздвоенной роландовой бороздой; Фалло, Бенедикт, Браун, Тенчини, Виллиг и Миньяццини наблюдали в 5 случаях из 112 настоящую затылочную крышечку, то есть бóльшую глубину второй переходной складки, что очень редко встречается в нормальном мозге, но очень часто у микроцефалов (4 из 12). Из 112 преступников у 7 наблюдалось отделение птичьей борозды от затылочной, между тем как то же явление наблюдалось всего 1 раз у 100 обыкновенных субъектов и 1 раз у 12 негров.

Другой факт, ныне прочно установленный, — это увеличенный мозжечок в сравнении с величиной мозга.

Даже преступницы, у которых обыкновенно очень мало аномалий, в этом отношении сходны с мужчинами. Вес мозжечка и его придатков у преступниц равен 153 граммам, у обыкновенных женщин он весит 147 граммов; у мужчин — около 169 граммов.

Все наблюдатели подтверждают частоту ненормальных слияний борозд, что часто совпадает с увеличенным объемом мозга; эти аномалии подтверждают пророческие слова Брока, отца антропологии, а следовательно, праотца уголовной антропологии. «Одно или несколько таких слияний, — сказал он, — не препятствуют мозгу быть совершенно развитым, вполне уравновешенным; если же таких слияний много и они поражают существенные части мозга, то это служит указанием на его неправильное развитие. Такие аномалии можно часто видеть на маленьких мозгах бедных разумом слабоумных, также на мозгах убийц, с тем различием, что в первом случае весьма незначительное развитие переходных борозд, или анастомозов, находится в связи с недостаточным развитием борозд вообще и с малой величиной

мозга; тогда как во втором случае оно совпадает, наоборот, с полным развитием большей части борозд и свидетельствует о неравномерном развитии мозга».

II

Череп. Вполне понятно, что именно на черепе, нормальный тип которого хорошо известен, наблюдалось наибольшее количество аномалий не только в новейшее время, но и в предшествующие века.

Начнем с аномалии, быть может, наиболее характерной и наиболее атавистической у преступников, а именно со средней затылочной ямки. Частое повторение ее замечено всеми наблюдателями: Бенедикт, Тенчини, Миньяццини, за исключением Фере, который, мы полагаем, не обратил достаточно внимания на этот признак.

Интересно отметить, например, что Марино, предпринявший свои изыскания с целью опровергнуть атавистическое значение и важность этой аномалии, наоборот, принужден был, подтвердить ее, установив следующие пропорции:

4,19	у нормальных европейцев (1320);
16	у европейских преступников (150);
50	у зеландцев (22);
22	у австралийцев (222);
26	у американцев (46);
19	у египтян и этрусков (126).

Ромитти, Тенчини, Миньяццини и Фриджерио нашли еще большие числа.

Частое повторение преждевременного сращения костей также подтверждено исследованиями Миньяццини и Ромитти, а частое появление чрезмерно развитого лобного гребня (разобранное Тенчини в заседаниях первого конгресса) подтверждено Миньяццини, Варалья, Марино, которые нашли эту аномалию у 47% преступников и у 14 из 100 непреступников.

Марино нашел вормиевы косточки в 23% своих преступников; я нашел то же самое отношение: у папуасов — 36%, у австралийцев — 28, у южных итальянцев —16%, у северных итальянцев — 85%. Пента, со своей стороны, наблюдал очень оригинальный атавистический признак: присутствие двух ненормальных косточек по бокам затылочной кости, соединяющихся с крыловидной костью, как у плейронектилов.

Миньяццини, изучая 30 черепов преступников, нашел в 16% метопизм, в 6% слияние костей носа, в одном случае базиотическую кость, в 33 случаях из 100 — выпуклость надбровных дуг, в 10% субмикроцефалию, в 20%

полное уродство черепа, т. е. асимметрию, стенокротафию, громадную челюсть и т. п. на одном и том же черепе.

Севен, а еще раньше Варалья нашли большую емкость черепных затылочных ямок, что подтверждает и объясняет большую величину мозжечка у преступников.

Применяя сложную (гальтоновскую) фотографию к изучению типа преступника, я нашел в 6 черепах убийц и в 6 черепах разбойников два типа, удивительно схожие и представляющие с очевидной ясностью характерные черты врожденного преступника и даже, скажем прямо, дикого человека: очень резкие лобные пазухи, скулы и челюсти очень большие, орбиты громадные и удаленные одна от другой, асимметрию лица, птелеиформный тип носа, лемуров придаток челюстей. Другие 6 черепов мошенников и воров дали тип менее резкий, но асимметрия, ширина орбит, выпуклость скул — ясно выражены, хотя и не так резко. На фотографии, полученной со всех 18 черепов, эти аномалии менее ясны.

Наблюдение это, на мой взгляд, существенно и с более общей точки зрения как сильный довод в пользу важности и значения так называемых статистических средних, которые, казалось, должны были погибнуть от ударов, нанесенных им в последнее время. Теперь мы имеем прочные устои для наших теорий, производя наблюдения над вполне однородными группами.

III

Скелет. Изучая 63 скелета преступников, Тенчини нашел в них 6% прободения локтевого отростка, что наблюдается в 31% европейцев и в 34% полинезийцев; он заметил также в 10% излишнее количество и в 10% недостаточное количество ребер и позвонков, что напоминает сильные колебания численности этих костей у низших позвоночных.

В последнее время Тенчини нашел у одного преступника отсутствие 4 крестцовых позвонков, замещенных 4 дополнительными шейными позвонками.

IV

Аномалии у живых. Марро изучил все разновидности «преступного человека» и нашел, что аномалии, названные им атипичными (например, кривой нос, зоб и прочее), встречаются у преступников против телесной неприкосновенности реже, чем у нормальных людей; обратное замечается у воров и плутов. Единственный только тип мошенника приближается к средней физиологической норме, оставаясь, однако, ниже ее.

Патологические аномалии (парезы и прочее), зависящие почти всегда от пьянства или тюремной жизни, встречаются всего чаще у убийц, а у преступников против телесной неприкосновенности их меньше.

Увеличенный объем и большую окружность головы он нашел у плутов и простых воров, у которых также замечалась увеличенная поперечная кривизна головы; наименьший вертикальный диаметр черепа (4,3) был найден у убийц-рецидивистов, а у убийц-нерецидивистов этот диаметр равнялся 1,6. Ферри нашел у убийц большую длину лица, чем у преступников против телесной неприкосновенности и у плутов. Марро заметил, что у мошенников брахицефалия выражена слабее, а микроцефалия встречается реже.

Он нашел среди преступников 86% узколобых и 41% низколобых. Те же размеры лба у нормальных людей составляют соответственно 51,9 и 15%.

У убийц Марро часто встречал сильно выраженный челюстный диаметр, выдающиеся скулы, черные и густые волосы, отсутствие бороды и бледность лица.

Брахицефалия встречается у преступников против телесной неприкосновенности чаще, чем у других преступников. Длина рук и даже кистей рук тоже характерна для этих преступников. Наоборот, у насильников характерные черты суть: узкий лоб, короткие руки и короткие кисти рук, что приближает их к типу преступных женщин, как это увидим ниже.

У бродяг замечается отсутствие физических признаков, характеризующих энергию (каковы лобные пазухи, массивные челюсти), и, наоборот, присутствие аномалий, указывающих на физическую и нравственную дряблость (например, грыжи).

Телесные и психические аномалии достигают у убийц 45%, у насильников 33%, у воров (со взломом) 24%; они часто встречаются также у случайных преступников.

Что касается страданий нервной системы, то они часто встречаются у убийц (45%) и еще чаще у поджигателей (85%), реже у воров (36%) и бродяг (38%), еще реже у насильников (33%) и у разбойников (23%), у воров (со взломом) (24%), у преступников против телесной неприкосновенности и у мошенников.

Относительно особенности рук Марро нашел, что вообще толстые и короткие руки встречаются часто у убийц, тогда как у других преступников преобладают удлиненные кисти рук, причем длина пальцев равна длине ладони, а иногда и больше.

Особенности в области чувствительности замечаются в различных группах преступников и даже у отдельных лиц одной и той же группы. Марро нашел, что понижение общей чувствительности наиболее часто встречается у насильников, затем у убийц, разбойников и мошенников.

Относительно умственного развития можно сказать, что вообще оно понижено у преступников против личности и повышено у преступников против собственности и у мошенников.

Страсть к игре велика у насильников и преступников против телесной неприкосновенности; не так сильна у бродяг, разбойников и убийц.

Аномалии эти выражаются в следующих процентных отношениях:

Убийцы	37%
Насильники	66%
Преступники против телесной неприкосновенности	66%
Разбойники	51%
Поджигатели	14%
Мошенники	45%
Бродяги	63%
Воры	59%

Как и следовало ожидать, склонность к пьянству очень распространена среди преступников. Действительно, Марро нашел этот порок в 74,7 случаях из 100. По его же исследованиям, религиозность развита у преступников почти в той же степени, как у нормального человека; даже у убийц и насильников она еще сильнее; быть может, потому, что преступников последних категорий больше среди деревенских жителей; наоборот, у случайных преступников, за исключением воров, религиозность развита слабо.

Склонность к рецидиву и преждевременное развитие порока преобладают среди случайных преступников, имеющих вообще мало признаков вырождения.

Что касается наследственности, то она прежде всего зависит от пожилого возраста родителей, от алкоголизма, раздражительности отца, затем, на втором плане, от сумасшествия или преступности родителей.

	У отца	У матери	У предков со стороны отца	У предков со стороны матери
	Проценты			
Алкоголизм	41	5,1	—	—
Старость	32	17	—	?
Сумасшествие	9,2	3,3	2,7	1,1
Страдания головного и спинного мозга	21,1	18	—	—

	У отца	У матери	У предков со стороны отца	У предков со стороны матери
	П р о ц е н т ы			
Эпилепсия	1,7	0,9	0,1	0,1
Преступность	3,3	6,3	—	—
Безнравственность или буйный характер	22,6	11,0	—	?
Чахотка легких	5,1	10,1	—	?

Причина смерти родителей:

	Отца	Матери
	П р о ц е н т ы	
Алкоголизм	7,2	2,1
Самоубийство	1,4	—
Душевная болезнь	6,5	5,3
Страдания головного и спинного мозга	21,1	18,2
Туберкулез	5,1	10,7

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что у убийц преобладают кривизна и поперечный диаметр головы; задняя полуокружность головы более развита, чем передняя; нижняя челюсть массивна и скулы далеко расставлены; чаще всего волосы у них черные и курчавые, борода редкая, часто бывает зоб и короткие кисти рук. У преступников против телесной неприкосновенности наиболее постоянный признак — брахицефалия, а затем следуют удлиненные руки и кисти рук. У насильников замечается маленький рост с относительно большим весом тела, короткие руки и кисти рук, узкий лоб и очень маленькая передняя полуокружность головы. Часто встречаются аномалии половых органов и носа, и почти всегда очень низкое умственное развитие.

Курчавые волосы, редкая борода, происхождение от алкоголиков или невропатов — характерные черты разбойников. Многие из них татуированы и имеют повышенные рефлексы.

Поджигатели — почти все сумасшедшие и происходят от умалишенных родителей.

Для мошенников характерны: массивная челюсть, далеко расставленные скулы, очень большой вес тела, пожилые родители, удовлетворительное, иногда хорошее умственное развитие.

Воры (со взломом) похожи на разбойников по своим физическим и психическим особенностям. Среди них много притворных помешанных. У во-

ров других категорий бывают черные волосы и редкая борода; умственное развитие выше, чем у прочих преступников, за исключением мошенников; среди них много хронических алкоголиков, между тем как алкоголизм у их родителей встречается редко.

У бродяг Марро нашел много психических аномалий: приостановившееся умственное развитие, падучую и другие болезни, объясняющие их странные наклонности.

Преступницы сильнее поддаются влиянию социальных условий, нежели преступники; затем большое влияние на них оказывают старость, сумасшествие и алкоголизм родителей, которые дают почти столько же преступниц, сколько и преступников.

V

Утверждали, что приведенные наблюдения стоят в противоречии с моими; напротив, они только точнее подтверждают их; они указывают на виды там, где я подметил только род; а подразделение явлений, которые, на первый взгляд, казались простыми, есть признак прогресса. Всегда переходят от простого к сложному.

Изучая при помощи статистического метода 100 новых типов преступников, позировавших (я заимствую это выражение у художников) в моей лаборатории, профессор Росси подтвердил почти все наблюдения Марро. Средняя окружность черепа оказалась равной 552 сантиметрам (по Марро, 550 сантиметров); переднезадняя кривизна равна 345 сантиметрам (по Марро, 340 сантиметров); поперечная кривизна равна 229 сантиметрам (по Марро, 211 сантиметров).

Брахицефалия встречалась чаще (83,3%), тогда как долихоцефалия составляла всего 8%, амезатицефалия — 8,3%. Емкость черепа 15,48 (по Марро, 15,72).

Наиболее часто встречались следующие аномалии головы:

	Проценты
Чрезмерные лобные пазухи	20
Оксицефалия	5
Платицефалия	5
Скафоцефалия	4
Плагиоцефалия	5

и следующие аномалии лица:

Асимметрия лица	24
Чрезмерное развитие челюстей	23
Петлистые уши (á anse)	24

Косоглазие	14
Зубы с бороздками	8
Отсутствие средних резцов	2
Отсутствие средних глазных зубов	1
Чрезмерное развитие средних резцов	3
Чрезмерное развитие средних глазных зубов	2

Средняя чувствительность осязания, по Росси (69 преступников), равнялась 2,62 миллиметра на правой стороне и 2,41 миллиметра на левой стороне.

Отсутствие болевой чувствительности найдено в 15%; повышенная болевая чувствительность на левой стороне — в 34%, на правой стороне — в 39%; одинаковая на обеих сторонах — в 15%.

Левая половина тела оказалась более сильной в 40 случаях из 100. Падучая в 38 случаях. Из 100 преступников 81 предавались пьянству (причем 15 с детства).

Вспыльчивость, раздражительность замечались в 40 случаях из 100.

Непостоянство в 18 случаях; религиозность в 25 случаях; татуировка наблюдалась в 23 случаях.

VI

Оттоленги исследовал носовую выемку на 526 черепах, из которых 397 принадлежали нормальным людям, 129 преступникам и 50 сумасшедшим. Он нашел аномалии в 23,92% у нормальных, в 39,52% у преступников (48,14% у мужчин, 33,33% у женщин).

Большее значение имеет открытая им истинная обезьянья борозда — высшая степень аномалии, встречающаяся в 1,70% у нормальных людей и в 16,60% у преступников.

На 20 черепах кретинов из Ломбардии и Пьемонта аномалия носовой выемки составляла 55%. У сумасшедших (почти все пьемонтцы) эта аномалия давала почти тот же процент (42%). 13 эпилептиков дали 38,16%. Оттоленги искал аномалии носового гребня на черепах 60 нормальных людей, 30 преступников, 13 эпилептиков, 50 сумасшедших и 20 кретинов; и нашел их очень развитыми у преступников (48,7%), в особенности у убийц, и у сумасшедших (40%); эти аномалии реже встречаются у нормальных людей (24%).

Были изучены также размеры, направление, поверхность и выпуклость носовых костей.

Наиболее развиты носовые кости у преступников, в особенности у убийц (40%); у нормальных людей такое же развитие носовых костей встречается всего в 4 случаях из 100.

Относительно направления Оттоленги нашел весьма частое (36%) отклонение носовых костей у преступников; у эпилептиков оно составляло 30%; у нормальных людей всего 16%.

Также встречалось *асимметрическое носовое отверстие*, названное Велекером *птелеиформным*; эта аномалия, очень редкая у нормальных людей (8%), преобладает у преступников (37,5%), в особенности у воров (37,5%) и сумасшедших (32%), у кретинов (20 наблюдений — 20%) и у эпилептиков (13 наблюдений — 32%).

Оттоленги изучал также на живых людях (630 нормальных людей, 392 преступника, 40 эпилептиков и 10 кретинов) форму носа, его профиль, основание, ширину, выпуклость, по правилам, намеченным Бертильоном.

Преступники имеют вообще прямой нос (60,31%) с горизонтальным основанием (60,97%), умеренной длины (48,73%), не слишком выпуклый (38,53%), часто несколько отклоненный в сторону (48,13%) и довольно широкий (54,14%).

Довольно резко различаются нос вора и нос насильника.

Воры преимущественно имеют нос прямой (40,4%) часто вогнутый (23,3%), вздернутый у основания (32,3%), короткий (30,92%), широкий (53,28%), сплющенный (31,33%) и во многих случаях отклоненный в сторону (37,5%).

Насильники чаще имеют прямой нос (54,5%), сплющенный (50%) и отклоненный в сторону (50%), умеренных размеров.

У нормальных людей нос или кривой (26,87%), или волнистый (25,4%), несколько длинный (57,7%), умеренной ширины (54,8%); у основания весьма часто опущенный (42%) и очень редко отклоненный в сторону; чаще всего выпуклый (30%).

Таким образом, гораздо чаще нос преступника отличается от носа нормального человека прямым профилем и отклонением в сторону; носы различных типов преступников довольно резко различаются друг от друга длиной, шириной и выпуклостью.

Нос эпилептика часто волнистый (42%) и кривой (32,8%); у основания горизонтальный (72,3%), очень длинный (75%), во многих случаях довольно широкий (30%); часто отклоненный в сторону (25%), почти всегда выпуклый (59,94%).

У кретина нос сплющенный, очень часто вогнутый (50%), с горизонтальным основанием (100%), короткий (60%), широкий (100%), сплющенный (100%), часто отклоненный в сторону (40%).

VII

Относительно аномалий уха у преступников Фриджерио обнародовал исследования, имеющие большое значение. Вот выводы, им полученные:

1) ушная раковина занимает первое место среди органов, указывающих на вырождение;

2) угол между ухом и височной костью заслуживает наибольшего внимания с точки зрения антропологии и определения тождества лица;

3) этот угол нормально больше 90°; нормальный угол много меньше такого же угла у преступников и сумасшедших;

4) среднее процентное отношение увеличивается от нормального человека к сумасшедшему и к преступнику. Оно выше у обезьяны, у которой этот угол в редких случаях меньше 100°;

5) отношение между величиной конхи и величиной остального уха уменьшается у здоровых людей от первых дней рождения до юношеского возраста.

Это отношение вместе с величиной угла между ухом и височной костью, кажется, находится в соотношении со степенью умственного развития;

6) наибольшая изменчивость показателя конхи сравнительно с изменчивостью показателя всего уха у здоровых людей дает повод думать, что с первых годов жизни и до зрелого возраста конха развивается сильнее в продольном направлении, нежели в поперечном;

7) если взять средние отношения между конхой и всем ухом на обоих ушах у сумасшедших, то найдем, что, хотя величина конхи выше, чем у нормального человека, величина остального уха ниже, чем у нормального человека. У сумасшедших конха развита сильнее, чем остальное ухо, особенно в поперечном направлении;

8) сообразно величине конхи сумасшедших и преступников можно расположить в следующем нисходящем порядке: ненаследственные — 0,69; выродженные и насильники — 0,67; разбойники — 0,66; убийцы — 0,65; воры и фальшивомонетчики — 0,65; наследственные преступники — 0,64; поджигатели — 0,60.

Фриджерио получил эти результаты при помощи отометра, очень остроумного и простого инструмента, которым он обогатил антропологическую лабораторию.

Профессор Градениго изучал изменения уха на более обширном материале.

Количество произведенных им наблюдений очень велико; кроме внимательного исследования 650 лиц (350 мужчин и 300 женщин), он бегло осмотрел уши у 25 тысяч лиц в Турине (15 тысяч мужчин и 10 тысяч женщин). Он исследовал также 330 сумасшедших (180 мужчин и 150 женщин), 76 кретинов (50 мужчин и 26 женщин), 352 типичных преступника (304 мужчины и 48 женщин).

Вот его выводы:

	Преступники	Честные люди	
		мужч.	женщ.
	Проценты		
Нормальные уши	29,2	50,55	62
Добавочные доли	25	28	22
Петлистые уши (á anse)	24	12,15	6
Уши Вильдермута	18	6,2	9,12

У обыкновенных людей уши *á anse* встречаются приблизительно вдвое реже среди женщин, чем среди мужчин; уши Вильдермута[1], наоборот, попадаются чаще у женщин.

Аномалии в образовании уха встречаются в Турине приблизительно вдвое чаще у преступников, чем у непреступников. Что касается цифры, выражающей количество добавочных долей, то исключение это только кажущееся, потому что у преступников очень часто находят добавочные доли, продолжающиеся вдоль щеки, — аномалию, более существенную, чем простые добавочные доли. Затем Градениго нашел, что у преступников чрезвычайно часто встречаются дарвиновские уши: плохое развитие завитка и противузавитка, асимметрическое прикрепление ушей и прочее.

Из его исследований можно вывести, кроме того, что процентное соотношение аномалий уха осязательно изменяется, даже независимо от пола, соответственно стране, городу, общественному положению и даже по отношению к известным аномалиям, соответственно возрасту. Ему попадалось гораздо большее число петлистых ушей (*á anse*) у детей (25%), чем у взрослых (12,15%).

VIII

Тарновская, изучая публичных женщин, воровок и крестьянок, нашла, что емкость черепа у проституток меньше, чем у воровок и крестьянок, а особенно в сравнении с женщинами высших классов.

	50 публ. женщ.	100 публ. женщ.	100 воровок	50 деревенских баб (север)	50 деревенских баб (юг)	50 дам из хорошего общества
Переднезадний диаметр	17,7	17,8	17,9	18,3	18,0	18,3
Наибольший попереч. диаметр	13,9	14,4	14,9	14,5	14,5	14,5
Наибольшая окружность	52,9	53,3	53,5	52,7	53,6	58,8
Расстояние скуловых костей	14,4	11,4	11,2	10,9	11,4	11,3
Расстояние обоих углов челюстей	10,1	10,18	9,1	9,1	9,9	9,8

И наоборот, скулы и челюсти более развиты у проституток, у которых вообще больше аномалий (87%), чем у воровок (79%) и крестьянок (12%). 33% проституток происходят от алкоголиков, тогда как такое же происхождение у воровок составляет 41%, а у крестьянок 16%.

[1] Ухо характеризуется более резкой выпуклостью противузавитка по отношению к завитку.

Де Альбертис, исследуя 300 проституток Генуи, нашел татуировку в 70%. Он нашел у них также очень пониженную тактильную чувствительность (3,6 миллиметра на правой стороне, 4 миллиметра на левой стороне).

По отношению к преступницам Сальсотто сделал совершенно новые наблюдения (на 130 воровках); он нашел, что признаки вырождения, аномалии лица, черепа у преступных женщин встречаются реже, чем у мужчин. Брахицефалию он нашел у 7%, оксицефалию у 29%, плагицефалию у 7%, подавшийся назад лоб у 7%, косоглазие у 11%, уши *á anse* у 6%, нормальную осязательную чувствительность у 2%, ослабление сухожильных рефлексов у 4%, повышение их у 12%.

Марро и Морселли объяснили эту громадную разницу, которая встречается также у эпилептиков и умалишенных, половым подбором: мужчины, конечно, не выберут уродливых женщин, с признаками вырождения; тогда как женщины не имеют выбора, и довольно часто уродливый преступник, но обладающий силой, благодаря последнему обстоятельству побеждает все препятствия, и даже иногда ему оказывается предпочтение.

Прибавим, что материнские заботы, смягчая характер женщины, усиливают в ней чувство жалости.

IX

Оттоленги[1] изучал в моей лаборатории морщины у 200 преступников и у 200 нормальных людей (рабочих и крестьян). Он нашел, что у преступников морщины появляются чаще и раньше в 2–5 раз, чем у нормальных людей, с преобладанием скуловой морщины (расположенной посреди щеки), которую по справедливости можно бы назвать *морщиной порока*, характерной для преступников.

У преступниц (80) морщины также встречаются чаще, нежели у порядочных женщин, хотя эта разница выступает не так резко. Вспомните морщины колдуньи.

Достаточно взглянуть на бюст знаменитой сицилийской отравительницы, хранящийся в национальном музее в Палермо; ее лицо сплошь покрыто морщинами.

Он же, изучая вместе со мной появление седых волос и плешивости, доказал их отсутствие или их позднее появление у преступников, также у эпи-

[1]

	До 25 лет		Между 25 и 50 годами	
	Норм. люди	Преступн.	Норм. люди	Преступн.
	П р о ц е н т ы			
Морщины лба	7,1	34	62	86
Носогубные морщины	22	69	62	78
Скуловые морщины	—	16	18	33

лептиков и кретинов. Среди первых лишь мошенники несколько приближаются к нормальным людям[1].

Наоборот, у 280 преступниц седые волосы наблюдались чаще, а плешивость реже, чем у 200 обыкновенных работниц.

X

Заканчивая эту главу, мы не можем не отозваться с похвалой о прекрасном открытии, которым мы обязаны, в чем охотно признаемся, юристу Анфоссо. *Тахиантропометр*, им устроенный, представляет поистине автоматический измеритель. Его бы можно назвать антропометрической гильотиной, если бы это название не имело такой специальной окраски: столь быстро и точно дает этот инструмент важнейшие измерения тела; это дозволяет даже людям, далеким от науки, производить антропометрические исследования; при помощи тахиантропометра ускоряется способ удостоверения личности преступника, улучшение которого навсегда останется величайшей заслугой Бертильона. Оказывая услугу юридической практике, тахиантропометр дает возможность производить в широких размерах наблюдения, доступные до сих пор лишь ученым.

Этот инструмент был недавно испытан Росси, проверившим результаты своих измерений на 100 преступниках (преимущественно воры); у 88 длина распростертых рук превышала рост; у 11 она была меньше длины роста; правая нога больше левой оказалась у 30; левая больше правой у 58; равная длина обеих ног у 12; правая рука длиннее левой у 43; левая рука длиннее правой у 54; этим вполне подтверждается большее развитие левой половины тела, обнаруженное уже раньше динамометром и изучением походки преступников. Лучшего подтверждения часто встречающегося усиленного развития левой половины тела нельзя и найти; вместе с тем это хороший признак атавизма, ибо Ролле наблюдал у 42 антропоидных более длинное левое плечо в 60 случаях, а у людей всего в 7 случаях из 100.

---

[1]

		Седоволосые	Плешивые
		Процентов	
400	нормальных людей	62,5	19
80	эпилептиков	31,5	12,7
40	кретинов	11,7	13,5
490	преступников	25,9	48
	воров	24,4	2,6
	мошенников	47	13,1
	преступников против телесной неприкосн.	23,7	5,3
80	преступниц	45	9,7
200	обыкновенных женщин	60	13

Подобное чисто анатомическое превосходство левой половины тела подтверждено также мной и Оттоленги посредством измерения кистей рук, среднего пальца и правой и левой ступни у 90 нормальных людей и у 100 врожденных преступников[1].

Глава 2. Отправления у преступников и прочее

Сопротивление болевому ощущению. Сопротивление болевому ощущению — аналгезия — представляет самую значительную аномалию врожденного преступника, не встречающуюся в такой степени даже у диких племен. Я доказал притупление болевой чувствительности при помощи моего электрического алгометра; а примеры этому существовали в большом числе и до меня.

Тюремные врачи знают, что преступники часто малочувствительны к самым болезненным операциям (например, прижигание каленым железом). Один вор перенес ампутацию ноги, не испустив никакого стона, и тотчас после операции стал играть с обрубком. Один убийца, выписанный за истечением срока наказания из каторжной тюрьмы на острове С., просил директора оставить его еще на некоторое время, когда его просьбу отклонили, он себе разорвал рукояткой большой ложки живот, затем спокойно поднялся по лестнице, забрался на свою постель и спустя короткое время умер без всякого стона.

Убийца Декурб, желавший избежать Кайенны*, нарочно изранил себе ноги; излеченный от этих ран, он пропустил посредством иглы через коленную чашку волос и умер от этого. У Мандрена, до того как его обезглавили, терзали раскаленными щипцами руки и ноги в 8 различных местах, но он не издал ни одного стона. Чтобы уничтожить предательские приметы, Б. выбил себе посредством пороха три зуба; Р. содрал себе кожу с лица посредством осколков стекла.

[1]

	Более длинная кисть руки		Средний палец		Нога	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
	Проценты					
Нормальные люди	14,4	11	16,6	15,5	38,5	15,6
Преступники	5	25	10	27	27	35
Мошенники	4,3	13	13	21,7	21,7	26
Насильники	7	14,2	14,2	28,4	35,7	35,7
Преступники против телесной неприкосновен.	15	25	5	25	20	55
Воры	0	34,8	13	30,4	26	26,6
Карманники	0	35	5	30	35	25

Я видел, как двое убийц, ненавидевших друг друга издавна и сделавших друг на друга донос, на прогулке подрались, причем один укусил другому губу, а тот вырвал у противника волосы; оба потом жаловались не на раны, повлекшие за собой тяжелые последствия, а на то, что им не удалось докончить драку.

Такой аналгезией объясняются мучительные способы самоубийства, практикуемые в тюрьмах, а также наклонность к самоубийству даже у тех, которым остается всего несколько дней до освобождения из заключения, как то замечено в тюрьме Мазас. Ею же объясняются некоторые странные явления из уголовной хроники, в особенности явления, названные древними поэтами *invulnerabilitas*, т. е. недоступностью для увечья; я обозначил бы это более скромным и медицинским термином *disvulnerabilitas* преступников, то есть нечувствительностью к поранению.

Профессор Бенедикт видел в одной тюрьме разбойника из знаменитой шайки Рицца Шандора, настоящего гиганта и атлета, принимавшего участие в возмущении арестантов; он был жестоко избит сторожами, причем ему сломали несколько позвонков. Все его раны зажили, но с тех пор гигант превратился в какого-то карлика; тем не менее он продолжал работать в тюремной кузнице и употреблял в дело тот же тюремный молот, которым работал в лучшую пору расцвета своих сил.

Я наблюдал еще более поразительные случаи. Одному вору во время кражи раскололи правую половину лба ударом топора, нанесенным сбоку; через 15 дней он выздоровел без всяких последствий.

Череп того разбойника из шайки Рицца Шандора, о котором говорил Бенедикт, был прислан знаменитым пештским профессором Ленгоссеком в Рим на антропологическую выставку. Этот череп был значительно вдавлен на левой теменной кости вследствие огнестрельной раны, что не помешало этому разбойнику бороться в течение нескольких дней с русскими и австрийскими войсками, о чем свидетельствует Босаньи.

В тюрьме, где я состою врачом, один убийца-каменщик из-за выговора за какой-то незначительный проступок бросился с третьего этажа, с высоты 9 метров, на вымощенный двор. Все считали его мертвым; послали за врачом и даже за священником, как вдруг он поднимается, улыбаясь, и просит позволения продолжать прерванную работу.

Лица, обладающие указанной способностью, считают себя привилегированными и презирают нежных и чувствительных. Этим грубым людям доставляет удовольствие беспрестанно мучить других, которых они считают за существа низшие.

Таков двойной источник жестокости преступников, как это справедливо замечено Бенедиктом. Видя страдания другого, мы при помощи нашей памяти испытываем те же ощущения; на нас отражаются, так сказать, эти страдания. Отсюда рождается сострадание, которое мы считаем добродетелью. Чем мы чувствительнее, тем более мы склонны к состраданию. При

врожденном понижении чувства боли и неприятных ощущений склонности к состраданию почти не замечается.

Выделения. Оттоленги сделал в моей лаборатории несколько исследований над количеством выделяемых мочевины, хлоридов и фосфатов у 15 врожденных преступников и у 3 случайных преступников, находившихся в одинаковых условиях питания.

Вот выводы, выраженные в цифрах:

Моч. на 1000 гр. веса тела	Врожден. преступники	0,39	г
	Случайн. преступники	8,53	»
Фосфатов id.	Врожден. преступники	0,024	»
	Случайн. Преступники	0,0195	»
Хлоридов id.	Врожден. преступники	0,28	»
	Случайн. преступники	0,09	»

Следовательно, врожденные преступники выделяли меньшее количество мочевины и большее против нормы количество фосфатов, а количество хлоридов оставалось без изменения.

Такие же результаты получились и в случаях психической эпилепсии, тогда как у случайных преступников не замечалось этой аномалии.

Ривано, наоборот, находил у эпилептиков во время приступа увеличенное количество мочевины и уменьшенное количество фосфатов; кроме того, в дни приступов оказывалось: в 33% — белок; в 29% — ацетон; в 87% — пептоны.

Обоняние. Оттоленги изучал обоняние у преступников. Для этой цели он составил осмометр, состоящий из 12 водных растворов гвоздичной эссенции различной крепости, от 1:50 000 до 1:100.

Свои опыты он разделил на несколько серий, делая по одной серии опытов в день при одинаковых условиях вентиляции и возобновляя растворы для каждого наблюдения с целью избежать влияния испарения.

Прежде всего он старался найти наименьшую степень разведения, воспринимаемую обонянием. Иногда он прибегал к другому способу, а именно перемещал различные флаконы и затем предлагал испытуемому разместить их по степени интенсивности запаха.

Он делил ошибки в размещении флаконов на грубые и легкие, смотря по тому, была ли сделана ошибка в размещении флаконов на одну или на несколько степеней. Таким способом были исследованы 80 преступников (50 мужчин и 30 женщин) и 50 нормальных людей (30 мужчин, преимущественно из тюремной прислуги, и 20 обыкновенных женщин).

Выводы оказались следующие.

У нормальных людей средняя острота обоняния колеблется между 3-й и 4-й степенью осмометра; у преступников — между 5-й и 6-й степенью; у 44 лиц обоняние вполне отсутствовало. У нормальных мужчин замечалось

в среднем 3 ошибки в распределении флаконов; у преступников — 5 таких ошибок и из них 3 грубые ошибки.

Нормальные женщины имели остроту обоняния, соответствующую 4-й степени осмометра; преступницы соответственно 6-й степени; у двух преступниц обоняние вполне отсутствовало; нормальные женщины делали в среднем 4 ошибки; преступницы — 5 ошибок.

Из 8 случаев отсутствия обоняния у преступников 2 случая были связаны с изменением носа; в остальных случаях было нечто вроде обонятельной слепоты: они ощущали запах, но не могли его определить, а тем более классифицировать.

Чтобы убедиться, насколько справедливо мнение, что у преступников против нравственности обоняние очень сильно развито, Оттоленги исследовал обоняние у 30 насильников и 40 проституток. У 33% первой категории найдена слепота на обоняние; у остальных острота обоняния отвечала 5-й степени осмометра.

Затем, заставив распределять различные растворы соответственно степени их крепости, он заметил у них 3 грубые ошибки.

У 19% публичных женщин он обнаружил обонятельную слепоту, у остальных острота обоняния отвечала 5-й степени осмометра.

При сравнении этих результатов с результатами, полученными у нормальных людей, оказывается, что у преступников обоняние развито гораздо слабее.

Вкус. Оттоленги исследовал у 100 преступников (60 врожденных, 20 случайных и 20 женщин) ощущение вкуса; он сравнивал их с 20 людьми низшего класса, 20 профессорами и студентами, 20 обыкновенными и 40 публичными женщинами. Опыты свои он производил с растворами стрихнина (в разведении от 1:80 000 до 1:50 000), сахарина (1:100 000 до 1:10 000) и 10 растворами поваренной соли (1:500 до 3:100). У преступников всегда замечалось некоторое притупление вкуса.

Наименьшая тонкость вкуса встретилась у 38% врожденных преступников, у 30% случайных преступников и у 20% преступниц; в то время как для профессоров и студентов тонкость вкуса выражалась цифрой 14, для людей низшего класса — 25; для публичных женщин — 30 и, наконец, для обыкновенных женщин — 10.

Походка. Произведенные мной совместно с Пераччей исследования относительно походки по способу Жиля де ла Туре показали, что в противоположность нормальным людям у преступников левый шаг вообще длиннее правого; кроме того, шаг преступника отклоняется от осевой линии более вправо, чем влево, то есть левая ступня образует с осевой линией больший угол отклонения, чем правая ступня; эти же характерные особенности походки встречаются и у эпилептиков.

Почерк. Типические черты, найденные мной в почерке преступников, особенно убийц, были подтверждены при помощи гипнотических опы-

тов. У молодого студента, под влиянием гипноза вообразившего себя разбойником, почерк стал грубым и неправильным с громадными *t*, тогда как его обыкновенный почерк отличался изяществом, тонкостью, был почти женским.

Тот же студент под влиянием внушения, что он маленькая девочка, сохранил в детском почерке некоторую грубость разбойничьего почерка.

Жесты. У преступников существует старинный способ передавать свои мысли жестами.

Аве-Лальман описал целую серию жестов германских воров — настоящий язык, исполняемый на пальцах, как у немых.

Видок говорит, что воры, подстерегая жертву, делают *знак св. Иоанна*, то есть подносят руку к галстуку или просто снимают шляпу.

Особенно важные исследования напечатал по этому поводу Питре.

Он описывает 48 жестов, свойственных преступникам. Такое изобилие объясняется усиленной подвижностью врожденных преступников, сходных в этом отношении с детьми.

Татуировка. Казалось бы, что после великолепных исследований Лакассаня, Марро и моих исследований нельзя сказать ничего нового по поводу этого предмета. А между тем исследования Севена, Луккьяни и Бозелли, произведенные над 4 тысячами новых преступников, дали очень интересные результаты; причем оказалось, что татуированных среди преступников в 8 раз больше, чем среди умалишенных той же страны. Необыкновенная распространенность татуировки среди военных преступников достигает 40%; среди несовершеннолетних — 33%; среди женщин лишь 1,6%, но этот процент возрос бы до 2%, если сюда включить татуировку в виде мушек наподобие родимых пятен, которые употребительны и среди богатых кокоток.

Кроме большой распространенности, поражает и самый характер содержания татуировок: бесстыдство, хвастовство преступлением и странный контраст дурных страстей наряду с наиболее нежными чувствами.

М. К. — 27 лет, осужденный по крайней мере раз 50 за бунт, драки, нанесение ран и ударов людям и лошадям; он написал историю своих преступлений на собственном теле; здесь, кстати, упомянем, что у гнусной Рони, недавно кончившей самоубийством в Лионе, все тело было покрыто татуировкой с эротическими изображениями: здесь можно было прочесть имена всех ее любовников с обозначением чисел, когда она их покинула.

Ф. С. — ломовик, 26 лет, рецидивист. На груди у него изображено сердце, пронзенное кинжалом (символ мести), на правой руке изображена кафешантанная певица, в которую он был влюблен. Наряду с этим и другими татуировками, которых из приличия нельзя здесь описать, с удивлением замечаешь изображение могильного памятника с надписью: «Моему дорогому отцу». Странные противоречия представляет человеческий ум!

Б. — дезертир, имеет на груди изображение св. Георгия и ордена Почетного Легиона, а на правой руке изображение почти нагой пьющей женщины с надписью: «Смочим немного внутренности».

К. А. — поденщик, много раз осужденный за кражу, изгнанный из Франции и Швейцарии; у него на груди изображены два швейцарских жандарма с надписью: «*Vive la république*»[1]. На правой руке пронзенное сердце и рядом рыбья голова макро; это означает, что он намерен заколоть сутенера, своего соперника.

У другого вора мы видели на левой руке горшок с лимонным деревом и инициалы V. G. (*vengeance* — месть); это на оригинальном наречии преступников означает измену, а затем месть. Он не скрывал, что постоянной его мыслью было отомстить женщине, которая сперва его любила, а затем бросила; он намеревался отрезать ей нос; он даже отказался от услуг брата, который брался совершить эту операцию, чтобы доставить самому себе это удовольствие, когда он будет на свободе.

Из этих немногих примеров видно, что у преступников существует род иероглифического письма, не имеющего ни правил, ни постоянной формы; это письмо обусловлено повседневными явлениями и жаргоном, как это было, по всей вероятности, у первобытных людей.

Ключ очень часто означает у воров сохранение тайны, а мертвая голова — месть. Иногда фигуры заменяются точками; один преступник, подвергшийся наказанию, имел 17 точек, что означало, по его объяснению, что он 17 раз оскорбит своего врага, если тот попадется ему на глаза.

Неаполитанские татуированные преступники обыкновенно делают себе длинные надписи, но слова заменяют начальными буквами. Многие из неаполитанских каморристов имеют татуировку, изображающую решетку, за которой находится заключенный, а под нею инициалы: Q. F. Q. P. M., то есть *Quando finiranno queste pene? Mai!* (*Когда окончатся эти страдания? Никогда!*).

У других имеются инициалы: С. G. P. V. и т. д., то есть *Courage, galériens, pour voler et piller nous devons tout mettre á sang et á feu.* (*Смелее, каторжники, чтобы воровать и грабить, надо все подвергнуть огню и мечу!*)

Уже из этих примеров видно, что татуировка употребительна в различных преступных сообществах и служит знаком принадлежности к ним.

В Баварии и в Южной Германии все воры, составляющие одну шайку, узнают друг друга по татуировке *T und L*, то есть *Thal und Land*[2]; этими словами они обмениваются при встречах; в противном случае они сами доносят полиции друг на друга.

Р. — вор, имеющий на правой руке изображение двух скрещенных рук, с надписью «*Union*», окруженной гирляндой из цветов, рассказал нам, что эта

[1] «Да здравствует республика» (*фр.*).

[2] Земля и горы (*нем.*).

татуировка принята многими злоумышленниками и членами преступных сообществ Южной Франции.

По объяснению, данному известными каморристами, пять точек на правой руке, ящерица или змея означают первую степень, занимаемую в этом опасном сообществе.

Прохожу молчанием, и не без основания, татуировки всех прочих частей тела.

Саллильяс обнародовал превосходный очерк татуировки испанских преступников. По его мнению, этот обычай очень распространен среди убийц, причем преобладает религиозный характер, но всегда с отпечатком наглого цинизма, замечаемого, впрочем, и у других преступников.

Недавно мне представился случай убедиться, до какой степени атавистична наклонность преступников к этой странной операции.

Один из неисправимейших воров, имеющий шесть братьев, татуированных также, и тело которого почти наполовину было уже покрыто татуировкой самого циничного содержания, просил меня, однако, отыскать для него татуировщика, чтобы закончить то, что можно бы назвать отделкой его кожи. «Забавная, занимающая все тело, татуировка, — рассказывал он, — для нас, воров, то же, что фрак с орденами. Чем более мы татуированы, тем большим значением пользуемся среди товарищей. Наоборот, нетатуированный не пользуется никаким влиянием; его не считают за порядочного мошенника, и он не пользуется уважением шайки».

Другой мне рассказывал: «Очень часто, когда мы отправляемся к публичным женщинам, они, видя богатство нашей татуировки, осыпают нас подарками и предлагают нам деньги, взамен того, чтобы брать с нас».

Если все это не признаки атавизма, то атавизма не существует в науке.

Конечно, татуировку, как и другие типические черты преступников, можно встретить и у нормальных людей; но среди нормальных людей нет такого громадного процента, нет той распространенности, напряженности этого явления. У нормального человека не замечается специфического оттенка, особенного отпечатка цинизма, беспорядочного, неразумного тщеславия преступлением.

Но нам возразят, что все это не касается психологии, а лишь с помощью психологии возможно нарисовать настоящие черты преступного человека.

Я мог бы ответить, что татуировка представляет настоящее психологическое явление; я мог бы присовокупить, что Ферри в предисловии к своему сочинению об убийцах дал нам вместе с настоящей статистической психологией анализ всех преступных наклонностей и описал состояние преступника до и после совершения преступления; так, например, среди прирожденных преступников 42% всегда отрицают совершение ими преступления; а из случайных преступников, особенно преступников против телесной неприкосновенности, запираются всего лишь 21%; из первых 1%, а из вторых 2% признаются со слезами, и прочее.

Глава 3. Общие свойства. Патология преступного человека

Случайные преступники проявляют свойства врожденных преступников, правда, в смягченной, но, однако, вполне явственной форме. Органы чувств у них притуплены меньше, рефлексы менее неправильны; аномалии (особенно черепа) встречаются реже; но всегда у них можно отыскать какие-либо индивидуальные черты, например, более черные волосы у домашних воров, большее развитие левой стороны тела у мошенников; у всех них замечается сильная импульсивность и, против ожидания, более ранняя зрелость. Среди них встречается больше рецидивистов, чем среди врожденных преступников.

Достаточно указать на мошенников и карманных воров; они между преступниками — самые молодые и дают наибольший процент рецидивистов, и тем не менее на них слабее, чем на прочих преступниках, отражаются особенности вырождения и наследственность.

Врожденный преступник, так же как преступник по привычке, отличается, по Ферри, от случайного преступника тем, что первых толкает на преступление внутренняя сила, приобретенная или врожденная, дающая им странное ощущение удовлетворения при совершении преступления; у последнего же нет достаточной энергии для сопротивления внешней силе, толкающей на преступление.

Все-таки, на мой взгляд, между ними разница лишь в степени; подобно тому как наряду с кретинами существуют полукретины, кретиноподобные, существует также тип криминолоидов, стоящий выше типа врожденного преступника. Это — человек, который совершает преступление лишь под влиянием особенных обстоятельств. Беда в том, что всегда случайность служит началом привычки, а недостаток сопротивления ведет к тому, что, повторяя одно и то же действие, начинают находить все большее и большее удовольствие в совершении его.

Спрашивается, почему же не все люди, которым нанесено оскорбление, убивают оскорбителя? Почему не все обманутые мужья убивают своих жен?

Случайность не порождает вора; она лишь пробуждает его, по удачному выражению Гарофало. Случайность действует лишь совместно с внутренней склонностью человека, склонностью, являющейся плодом либо наследственности, либо воспитания, либо обеих причин вместе, но во всяком случае под прямым или косвенным влиянием общественной среды, в которой провели свою жизнь предки преступника или он сам.

Непроявившийся преступник, честный по случайности или по внешности, есть противоположность случайного преступника. К этому типу принадлежат многие политические деятели. Весьма часто политика, общественная борьба, иногда религия служат предохранительным клапаном или, ско-

рее, прикрывают преступные наклонности: благодаря меньшему мизонеизму преступник скорее, чем честный человек, склонен к восприятию нового. Этим объясняется, почему люди, представляющие очень выраженный тип преступника, очень резкие невропатические аномалии, не только не совершали никакого нарушения общественного права, но, напротив, с высоким самоотвержением исполняли политические обязанности.

Таким же образом становится понятным то глубокое сродство, вследствие которого политического арестанта часто тянет, по словам одного из них, к обыкновенному преступнику. Впрочем, им часто случается переходить рубикон обыкновенного проступка. В истории французских революций, ирландских восстаний, старинных флорентийских возмущений часто встречаются государственные люди, бывшие ворами, убийцами, и список их длинен. Счастливы, в конце концов, злодеи. Они презирают правосудие!

Ныне, когда в европейском обществе царит истинная олигархия адвокатов, разоблачение их проступков может послужить лишь во вред обвинителю. Я сам мог бы назвать несколько всем известных участников или предводителей каморр и, в частности, одного товарища, который меня обкрадывал, будучи ребенком, молодым человеком, наконец, человеком зрелого возраста, который обладает всеми чертами врожденного преступника и пользуется, тем не менее, полным уважением окружающих.

Маттоиды. Не только всякому виду преступления соответствует известная форма помешательства, но нет ни одной формы помешательства, которая не платила бы своей дани преступлению. Маттоидизм в числе этих форм занимает выдающееся место. Маттоидизм — сочетание слабоумия с манией величия, представляет чрезмерное развитие гордости и честолюбия на почве слабоумия. Маттоид есть продукт скороспелой и искусственной цивилизации.

Подобно другим преступникам маттоид часто меняет свою профессию. Это — сутяга, бешеный полемист, постоянно обуреваемый навязчивыми идеями самого противоположного характера. Лицо и череп маттоида почти всегда нормальны; этот тип преобладает среди мужчин — во всей Европе я мог бы указать только на одну женщину, Луизу Мишель. Особенно часто встречается тип маттоида в больших городах, болезненно переутомленных современной цивилизацией.

Маттоид часто сохраняет привязанность к семье, даже любовь ко всему человечеству, доходящую часто до чрезмерного альтруизма; но в этом альтруизме нетрудно подметить порядочную дозу тщеславия.

Маттоиды имеют преувеличенное понятие о своих личных достоинствах, своем личном значении, причем это самомнение сильнее выражается в их сочинениях, нежели в поступках или речах; и противоречия, и горести обыденной жизни не производят на них сильного впечатления.

В их сочинениях встречается стремление к несбыточному, постоянные противоречия, многословие, и над всем этим царит хвастовство. У всех мат-

тоидов замечается скорее недостаток, чем излишек вдохновения. Деморализованные излишним развитием собственного «я», они, как и истинные гении, способны легко отрешиться от традиции и привычек, отличаются нетерпимостью. Они способны играть известную политическую роль.

Множество цареубийц — маттоиды, так же как и многие предводители партий. Источником их преступности часто служит эпилепсия; Гито, например, по всей вероятности, совершил убийство президента Гарфилда под давлением эпилептоидного припадка, разрешившегося таким преступлением. Не забудем, однако, что встречаются и добрые маттоиды, как, например, Дон-Кихот.

Глава 4. Эпилептики и преступники

I

Один из важнейших вопросов, наполовину лишь разрешенный на римском конгрессе, вопрос о совместности эпилепсии с врожденной преступностью, в настоящее время разработан более полно в исследованиях Вейга, Пинеро, Брунати, Марро, Гонсалеса, Тонино, Лукаса и моих исследованиях.

Ряд случаев скрытой эпилепсии при почти полном сохранении сознания пополнен генеалогическими исследованиями семейств, страдавших эпилепсией вследствие родства с преступниками, чахоточными и престарелыми родителями.

Сюда следует отнести новые работы Вентури по вопросу о преходящем помешательстве Крафт-Эбинга, о половой психопатии, которые, как мы доказали, часто приближаются, по перемежаемости, к амнезии эпилептиков.

Сходство преступников с эпилептиками замечается также в позднем появлении седых волос и плешивости, в одинаковости молекулярного обмена; это сходство дополняется статистикой, указывающей, что среди преступников насчитывается, по Алонджи — 14%, по Марро, — 12%, а по Росси — 33% конвульсивных эпилептиков.

И эпилептикам, и преступникам свойственны: стремление к бродяжничеству, бесстыдство, леность, хвастовство совершенным преступлением, графомания, жаргон, татуировка, притворство, слабохарактерность, моментальная раздражительность, мания величия, быстрая смена чувств и мыслей, трусость, та же неравномерность в развитии по сравнению с нормальными людьми; то же тщеславие, наклонность к противоречиям, преувеличению, болезненная раздражительность, дурной характер, причудливость и раздражительность.

И сам, и вместе с моим товарищем Фриджерио я наблюдал, что во время грозы, когда у эпилептиков учащаются приступы, заключенные в тюрьмах тоже становятся более опасными: разрывают на себе одежды, ломают ме-

бель, бьют служителей. В известных случаях у нравственно помешанных и у врожденных преступников бывает своеобразная аура, которая предшествует совершению преступления и заставляет предчувствовать его; так, например, в семействе одного молодого человека узнавали о замышляемой им краже, когда он начинал теребить нос; привычка, которая, в конце концов, его обезобразила.

Помрачение памяти после совершения преступления наблюдалось Бьянки у четырех нравственно помешанных; известно, что и дети — эти временные преступники, легко забывают свои дурные поступки.

В последнее время Агостини заполнил последний пробел, дававший возможность сомневаться в этой аналогии.

II

Агостини исследовал чувствительность у 30 эпилептиков до и после припадка. Количество произведенных им наблюдений достигает 103.

Он пришел к следующим выводам: чувствительность у эпилептиков вообще понижена в сравнении со здоровыми людьми. Иногда у них чувствительность на одной стороне развита лучше, чем на другой стороне, что находится в зависимости от плагиоцефалии и повышения возбудимости одного из мозговых полушарий; после приступа эта разница увеличивается; коленный рефлекс выражен слабее, но после приступа повышается выше нормы. Вкусовое, тактильное, обонятельное ощущение всегда понижено, равно как электровозбудимость. Наоборот, острота зрения и цветовые ощущения почти нормальны; но поле зрения после приступа уменьшается.

Все это вполне сходно с тем, что наблюдается у нравственно помешанных и у врожденных преступников.

Влияние эпилепсии, однако, простирается гораздо шире; она влияет и на алкоголиков, на лиц, страдающих истерией и половой психопатией, на помешанных. Достаточно прочитать то, что прежде говорилось о мономании убийства, чтобы найти в этих случаях характерные черты психической эпилепсии. Влияние эпилепсии может быть еще обширнее, и ею, быть может, можно будет объяснить таинственные явления гениальности, что было бы очень полезно для нас, так как осветило бы случаи гениальных преступников и случаи перемежающейся гениальности у многих нравственно помешанных и преступников.

В настоящее время, по наблюдениям клиницистов и экспериментаторов, вполне между собой согласных, оказывается, что причина эпилепсии заключается в местном раздражении мозговой коры и обнаруживается то внезапными припадками, то продолжительными, но всегда перемежающимися явлениями, обусловливаемыми вырождением, или наследственностью, или алкоголизмом, или повреждением черепа и т. п. Здесь следует сделать и другой вывод, который я пытался доказать, что гениальность, быть

может, есть особая форма психического вырождения, принадлежащая к группе *эпилепсий*. Доказательством этому может служить то, что гений часто происходит от алкоголиков, стариков, умалишенных; что иногда гениальность обнаруживается после повреждения головы; гениальность часто сопровождается аномалиями, в особенности асимметрией черепа, чрезмерной или недостаточной емкостью черепа; гении часто страдают нравственным помешательством, к которому очень часто присоединяются галлюцинации; у них рано наступает половая и умственная зрелость; гении нередко страдают сомнамбулизмом; они часто кончают самоубийством, представляющим обыкновенную вещь у эпилептиков; у гениев замечаются перемежаемость, в особенности алгезии и аналгезии, наклонность к бродяжеству, набожность, которая обнаруживается даже у атеистов, например у Конта; они подвергаются часто странным приступам страха; у гениев часто замечают двойственность характера, внезапное помрачение рассудка, почти всегда наблюдаемое у эпилептиков; гений часто впадает в состояние бреда, даже под влиянием ничтожных причин. Ему одинаково свойственны тот же мизонеизм, то же отношение к преступности, которое служит связующим звеном между гениальностью и нравственным помешательством. Прибавим к этому особенности восходящей и нисходящей линии гениев, слабоумных, которые встречаются постоянно в семьях гениев и эпилептиков, что мы можем наблюдать в генеалогических таблицах Цезарей и Карла V; у гениев замечается странная привязанность к животным, которую я часто наблюдал при вырождении, а особенно у эпилептиков[1].

Известная рассеянность великих людей, пишет Тоннини, очень часто есть просто эпилептическое беспамятство.

Но еще более веским доказательством служит сильно выраженное бессердечие, потеря понятия о нравственности, общая всем гениям, больным и здоровым, которая делает наших великих завоевателей разбойниками крупных размеров.

Тем, кому неизвестно, как обширно господство эпилепсии, такие выводы покажутся странными; но в настоящее время известно, что гемикрания, перемежающиеся сциалоррея и простые амнезии должны быть причислены к эпилепсии. Весьма многочисленные формы мономании не представляют скрытой эпилепсии; ибо их появление, как то показал Соваж, часто вытесняет всякий след прежде бывшей эпилепсии. Достаточно здесь припомнить массу первоклассных гениев, одержимых двигательной эпилепсией, или той формой головокружения, теми болезненными приступами

---

[1] Мухаммед питал странную привязанность к своей обезьяне, Ришелье — к своей белке, Кребильон, Гельвеций, Бентам, Эрскин — к кошкам, последний также — к пиявке! Шопенгауэр был очень привязан к собакам, которых он называл своими наследниками; Байрон имел целый зверинец: 10 лошадей, 8 собак, 3 обезьяны, 5 кошек, 5 павлинов, 1 орла, 1 медведя; Альфьери был очень привязан к своим лошадям.

гнева, которые суть лишь видоизменения, эквиваленты эпилепсии; таковы Наполеон, Мольер, Юлий Цезарь, Петрарка, Петр Великий, Мухаммед, Гендель, Свифт, Ришелье, Карл V, Флобер, Достоевский, св. Павел.

Для тех, кто знаком с законами статистики, на основании которых всякое явление есть выражение многочисленного ряда аналогичных, но различных между собой фактов, такое частое присутствие эпилепсии у перворазрядных гениев, великих между великими, заставляет подозревать, что и среди обыкновенных способных людей эпилепсия распространена сильнее, чем полагали; а это дает право признать эпилептическую природу гения.

В этом отношении важно заметить, почему у таких больных великих людей конвульсивная форма эпилепсии встречается очень редко; известно, что эпилепсия с редкими конвульсивными припадками имеет психические эквиваленты, которые в данном случае являются в форме более частого и более глубокого гениального творчества.

Сходство гениальности с эпилепсией особенно поражает при сравнении эпилептического приступа с моментом вдохновения; в обоих случаях мы видим бессознательное состояние, полное деятельности и силы, которое сказывается у гениев — творчеством, у эпилептиков — конвульсиями.

Окончательно убеждает в эпилептическом происхождении гениальности анализ творческого вдохновения; эпилептическая его природа была ясна даже и для незнакомых с новейшими открытиями о сущности эпилепсии[1]. Творческое вдохновение часто сопровождается болевой нечувствительностью, неправильностью пульса, мгновенной потерей сознания, иногда сомнамбулического характера, перемежаемостью; при этом нередко бывают конвульсивные движения, амнезии. Творческое вдохновение часто вызывается веществами или условиями, производящими или увеличивающими мозговую гиперемию; оно вызывается сильными ощущениями; и, наконец, оно может перейти в галлюцинации или следовать за ними.

Сходство вдохновения с эпилептическим приступом подкрепляется более прямым, более глубоким доказательством, исповедью самих великих эпилептиков, показывающих нам, до какой степени вдохновение сливается с эпилепсией. Такова исповедь Гонкуров, Бюффона, а особенно Мухаммеда и Достоевского.

---

[1] «Существует предопределение, — пишут Гонкуры, — по отношению к тем случайностям, которые влияют на выбор темы. Затем *неведомая*, высшая сила, особенная необходимость, заставляет вас работать и водить пером: так, что иногда книга, вами написанная, кажется вам чужим произведением. Она вас поражает, как будто вы хранили в себе что-то, о чем не имели никакого понятия. Таково ощущение, испытываемое мной перед “*Soeur Philomene*”».

Даже Бюффон, сказавший, что «*изобретение зависит от терпения*», прибавляет: надо долго всматриваться в предмет, тогда он на ваших глазах мало-помалу развертывается и раскрывается. Вы чувствуете *легкий удар электрического тока*, отдающий в голову и заставляющий сжиматься сердце. Это и есть мгновение гениальности.

«Есть секунды, их всего за раз приходит пять или шесть, и вы вдруг чувствуете присутствие вечной гармонии, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человек в земном виде не может перенести. Надо перемениться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость. Если более пяти секунд, то душа не выдержит и должна исчезнуть. Чтобы выдержать десять секунд, надо перемениться физически».

Золя приводит исповедь Бальзака: «Художник творит под влиянием известных обстоятельств, совпадение которых составляет тайну. Художник не принадлежит самому себе; он — игрушка чрезвычайно своенравной силы; в известный день он и за полцарства не возьмет кисти в руки, не напишет ни строки. Вдруг вечером, полный силы, или утром, проснувшись, или среди веселой оргии пылающий уголь вдохновения коснется внезапно его чела, его рук, его языка; одно слово пробуждает мысль; она растет, развивается и крепнет. Таков художник, ничтожное орудие деспотической силы; он повинуется властелину».

Мухаммед, должно быть, подразумевал именно подобное же мгновение, говоря, что «*он посетил все обители Аллаха в более короткий промежуток времени, нежели требуется для того, чтобы опорожнить сосуд воды*».

Сравним теперь описание психоэпилептического приступа, который вполне соответствует физиологическому представлению об эпилепсии (возбуждение мозговой коры), со всеми описаниями творческого вдохновения, которые нам дают сами авторы, и мы будем поражены, до какой степени оба эти явления сходны.

Прибавим, что у известного числа гениев сходство с эпилепсией выражается не в виде изредка появляющихся приступов, а вся их жизнь полна психических припадков эпилепсии. Бурже замечает, что «для Гонкуров вся жизнь сводится к ряду приступов эпилепсии в промежутке между двух периодов небытия». И Гонкуры постоянно вели автобиографию. Но достаточно бросить взгляд на портрет величайшего из современных завоевателей, нарисованный Тэном, или на изображение величайшего из апостолов, данное Ренаном.

Все эти сходства объясняют нам, почему между врожденными преступниками можно встретить очень умных людей, которые тем не менее представляются кретинами нравственности и идиотами чувства.

III

Перейдем к преступникам *per impeto*[1], действующим под влиянием охватившей их, как громовой удар, страсти. Их немного, 5 или 6%.

Они бывают очень молоды, 18—25 лет. Чаще это бывают женщины, чем мужчины; в сущности, они очень честные, мягкосердечные люди, чувство

[1] В состоянии аффекта (*ит.*).

раскаяния часто доводит их до самоубийства. К этой категории можно отнести много политических преступников и матерей-детоубийц.

Часто и они оказываются скрытыми эпилептиками. Таков молодой человек, который, желая отомстить своей любовнице, подстерег и убил ее среди бела дня, в кругу ее подруг; затем бросился на ее труп, осыпал его поцелуями; в течение нескольких часов не было возможности оторвать его от трупа.

Внезапность, бессознательность в момент совершения преступления, возбуждение, чрезмерная чувствительность, свойственная этим преступникам в той же мере, как и эпилептикам, — суть звенья, связующие эти два явления.

Но для лучшего понимания этого сходства следует припомнить прекрасное открытие доктора Фере.

Фере уже установил, что у эпилептиков в периоде предвестников артериальное давление (измеренное сфигмографом Блоха) повышается на 200—300 граммов. Такое высокое давление продолжается в конвульсивном периоде; затем, с окончанием приступа, оно падает ниже нормы и в продолжение еще многих дней остается ниже нормы на 300—400 граммов. При простом эпилептическом головокружении наблюдаются те же изменения, но они менее продолжительны.

Согласно с этими данными Фере, уменьшая давление крови посредством аппарата Жюно или же посредством горчичных ванн, достиг того, что останавливал эпилептические приступы в любой стадии; из этого он заключил, что повышение давления представляет одно из физиологических условий появления всякого рода эпилептических приступов.

Таким образом, зависимостью эпилептических приступов от повышения артериального давления объясняется, почему большое физическое напряжение или сильное душевное волнение вызывают приступы эпилепсии; при этих условиях повышается давление, что хорошо известно относительно физической работы и что в последнее время Фере установил относительно некоторых душевных движений. Он установил, что во время приступов гнева, вызываемых у эпилептиков самыми ничтожными причинами, давление повышается и может достичь высоты, которая замечается в начале истинных эпилептических приступов. Это оправдывает сближение, которое делалось между гневом и эпилептическими приступами. Затем Фере констатировал, что и при обыкновенном гневе у всех людей повышается артериальное давление; исследуя случайно извозчика тотчас после ссоры, Фере нашел у него артериальное давление равным 1100 граммам; час спустя оно упало до 800 граммов. Эти цифры показывают, что под влиянием гнева артериальное давление может повыситься на 25%; нетрудно из этого понять, как легко такие и подобные возбуждения могут вести к разрыву сосудов и сердца, если в строении этих органов существуют какие-либо повреждения. Наблюдения эти, доказывающие до очевидности сходство физиологических явлений при душев-

ных движениях и при судорогах, бесспорно доказывают, что между этими двумя состояниями нет существенного различия. К такому же выводу пришел и Вентури на основании своих исследований над темпераментом эпилептиков, все преувеличивающим, необузданным. Движениям, не особенно порывистым, краске лица, слезам, рассуждениям нормального человека соответствуют судороги, галлюцинации, бешенство, прилив крови, бред эпилептиков. Тут все дело только в степени.

Не следует забывать, что существует одна форма эпилепсии без судорог, состоящая в головокружении. Эта форма, всего сильнее потрясающая человека, по мнению Эскироля, чаще обычной формы эпилепсии сопровождается наклонностью к любострастию, убийству, обману, поджогу у людей, считавшихся вполне честными до того, как они заболели. Когда у людей, особенно молодых, замечается известная периодическая перемежаемость преступных наклонностей, нельзя не предположить в них эпилептического заболевания. Труссо полагает, что если человек без всякого повода совершил убийство, то можно утверждать, что он действовал под влиянием эпилепсии.

IV

Серджи относит преступников к числу продуктов вырождения: он даже утверждает, что преступность есть синтез всякого вырождения; преступность обнаруживается весьма разнообразно, начиная от самых неясных форм и до самых выраженных, от физических черт до психических. Действительно, по его исследованиям, нет аномалии, нет болезни или другого какого-либо физического или психического признака вырождения, который бы не встречался у преступников.

Необходимо, однако, предупредить читателя, что Серджи основывает связь между индивидуальным вырождением и его причинами на дарвиновском законе выживания лучших экземпляров, одном из существенных факторов борьбы за существование. Он установил это выживание даже у слабых, из которых погибают не все, как казалось бы на первый взгляд. Слабые выжившие играют, правда, всегда низшую роль, представляют низшие существа в сравнении с теми, которые занимают нормальное положение, то есть с сильными.

Из физических и социальных условий вырождения на первом плане надо поставить наследственность; однако все причины вырождения смешиваются между собой и производят одно общее воздействие так, что влияние каждой из них в отдельности почти не поддается оценке.

Если вырождение у преступников выражается не физическими признаками: не недостатком в общем развитии тела, не какой-либо наследственной или приобретенной болезнью, то оно обнаруживается в функциональном вырождении, проявляется под влиянием внешних причин, нарушающих правильность жизненных отправлений. Не проявляясь никакими внеш-

ними признаками, вырождение может сказаться в наследственности. Наконец, в общественной и частной жизни встречаются условия, пагубно влияющие на психическую деятельность, что впоследствии отзывается и на физической природе; в социальных отношениях нет такого ничтожного обстоятельства, которое, по Серджи, не оказывало бы роковое влияние на поведение преступника.

Но, говоря о вырождении преступника, мы, пишет Серджи, пользуемся только чисто родовым этиологическим понятием. Говоря, что существуют внешние и внутренние условия, влекущие за собой вырождение преступников, мы выражаем лишь общее правило, которое одинаково применимо и к другим разрядам вырождающихся индивидуумов-преступников.

Психический процесс преступления надо всегда рассматривать как болезненное явление независимо от того, страдает преступник каким-либо психическим расстройством или нет. А за отсутствием других доказательств большое значение может иметь трансформация болезненных психических процессов вследствие наследственности, тесно связывающей между собой преступность, сумасшествие и самоубийство. Преступники и сумасшедшие могут происходить от самоубийц; от сумасшедших могут рождаться самоубийцы и преступники; преступники, наконец, дают жизнь самоубийцам и сумасшедшим, часто без всякого специфического признака душевной болезни или преступности. Следовательно, болезненное состояние не уничтожается, а претерпевает превращение.

Эта циклическая, наследственная форма объясняет многие спорные пункты в вопросе о преступниках.

В высшей степени редко можно встретить в анамнезе преступника болезненную наследственность, которая не вела бы своего начала от преступления, самоубийства, сумасшествия или какого-либо иного болезненного явления вроде эпилепсии, идиотизма и т. п.

Умственное вырождение черпает в наследственности многочисленные и разнообразные формы своих превращений. Но умственное вырождение всегда сопровождается вырождением физическим всевозможных видов, в особенности общим болезненным расстройством.

Раз эти факты установлены, является новая задача. Не имеет ли болезненное состояние преступника какой-либо специфический признак, обусловливаемый влиянием других болезней? Не есть ли это своеобразное психопатологическое состояние, могущее встретиться в чистом виде без примеси какой-либо другой врожденной или приобретенной болезни, каких-либо других психических недугов? Или же, напротив, болезненное состояние преступника является просто следствием воздействия общего болезненного расстройства на психоцеребральные отправления?

Вот что отвечает Серджи на эти вопросы, им самим поставленные.

Доказано, что не все сумасшедшие имеют преступные наклонности и что больные самых различных видов также не обнаруживают склонности к

преступлениям. Однако существуют преступники без признаков душевного расстройства, и тем не менее обладающие болезненными аномалиями, которые дают основательный повод подозревать существование скрытых органических пороков.

Отсюда Серджи заключает: 1) что у некоторых индивидуумов болезненные процессы обусловливают новый патологический процесс, непосредственно влекущий к преступлениям; 2) то, что обусловливает этот специальный процесс, влекущий к преступлениям, прямо зависит от мозгового расстройства, например от душевной болезни, и косвенно от других болезненных состояний, влияющих на мозговую деятельность; 3) у иных этот патологический процесс, влекущий к преступлениям, развивается совместно с чисто душевными болезнями и эпилепсией, которые сильнее прочих болезней нарушают нормальные отправления мозга; 4) что этот патологический процесс преступности, как и другие душевные болезни, препятствует образованию определенного характера.

Таким образом, преступник находится в особых патологических условиях, обусловливаемых в большинстве случаев разными процессами или разными специальными условиями. Такое представление вполне согласуется с наследственной трансформацией болезненных состояний: безумия, самоубийства, эпилепсии, наклонности к преступлениям и т. п.

V

Вирлио, напечатавший недавно этюд о маттоиде цареубийце Пассананте, диагноз которому я поставил 12 лет тому назад, приходит к следующим весьма важным выводам относительно природы преступности:

1) преступные наклонности передаются наследственно от родителей к детям и вообще от выживающих по прямым и боковым линиям, что указывает, по всей вероятности, на зависимость этих наклонностей от особенностей организации;

2) эта организация должна считаться ненормальной постольку, поскольку она носит на себе отпечаток всех тех признаков вырождения, которые доказывают, что эмбриональное происхождение и последующее развитие человека чрезвычайно далеки от физиологической нормы;

3) преступность весьма часто развивается на почве наследственности, более или менее близкой к сумасшествию; поэтому мы видим, что она, подобно сумасшествию, зарождается и вырастает в подонках преступной расы. Должно признать, что происхождение обоих явлений тождественно и имеет источником ненормальное душевное состояние, проявляющееся то одним, то другим способом;

4) что это в действительности так, доказывается двояко: во-первых, сумасшествие часто проявляется во время разгара преступной деятельности; во-вторых, преступные наклонности часто проявляются в течение различ-

ных душевных болезней, которые сами по себе не способствуют проявлению преступных наклонностей;

5) так как оба явления имеют источником наследственность, то их сущность должна быть тоже по необходимости одинаковой; и так как сумасшествие есть болезнь, то, следовательно, равным образом и преступность есть также болезненное явление.

VI

Новые исследования Росси доказывают с математической точностью полное соответствие между такими преступлениями, как бунт, убийство и изнасилование, и градусами широты данного места, оставляя, конечно, в стороне большие города, где множество других влияний затемняют влияние климата. Такое же влияние широт обнаруживается и при восстаниях, которые суть не что иное, как бунты в больших размерах (см. нижеследующую таблицу).

Прекрасные исследования Корра доказывают, что в теплых странах количество преступлений вдвое больше в холодное время года, чем в жаркое время.

Этот излишек приходится, по Корру, на долю преступлений против собственности, если включить сюда весьма многочисленные поджоги; но если по примеру многих криминалистов исключить поджоги, а также преступления смешанного характера, в которых преобладает насилие над личностью, то на холодное время года придется больше преступлений против личности.

Кривая преступности стоит в зависимости от минимальных температур, причем параллелизм обеих кривых настолько определенно выражен, что в той и в другой заключаются одинаковые колебания от марта до мая и от июня до августа, соответственно периодам правильного колебания температур в зависимости от ветров и дождей (см. таблицу).

В данном случае нельзя думать, что климатические изменения влияют на социальные условия жизни и таким образом регулируют количество преступлений: в тропических странах сумма потребностей, относительно очень невеликая, почти не изменяется в течение целого года.

В тропической местности с высокой и одинаковой температурой, как в Гваделупе, жара скорее ослабляет, нежели придает сил; скорее притупляет, чем возбуждает, и организм как бы возрождается к деятельности тогда, когда средняя температура становится если не более умеренной, то, по крайней мере, более разнообразной, благодаря крайне большим колебаниям в температуре известного времени года; умственные силы, дремлющие с июля по ноябрь, оживляются с декабря по май. Со свежестью первой четверти года у лиц предрасположенных разгорается наибольшая сила преступности.

Градусы широты	Испания[1]		Италия[2]		Франция[3]		Англия[4]		
	Возмущения	Преступления против личности	Возмущения	Убийства	Преступления против личности	Убийства	Преступления против личности	Убийства	Изнасилования
От 36° до 37°	11	7,43	–	–	–	–	–	–	–
» 37° » 38°	12	112,1	36,7	39,9	–	–	–	–	–
» 38° » 39°	9	58,5	42,0	32,8	–	–	–	–	–
» 39° » 40°	8	48,4	30,6	30,0	–	–	–	–	–
» 40° » 41°	11	72,5[5]	37,8	31,9[6]	–	–	–	–	–
» 41° » 42°	9	39,7[7]	36,8	28,7	–	–	–	–	–
» 42° » 43°	6	31,2	32,7	20,9	3138	3922	–	–	–
» 43° » 44°	5	29,7	18,7	44,1	2079	1024	–	–	–
» 44° » 45°	–	–	19,8	9,2	8860	1419	–	–	–
» 45° » 46°	–	–	19,2	5,8	834	893	–	–	–
» 46° » 47°	–	–	16,2	5,8	697	619	–	–	–
» 47° » 48°	–	–	–	–	852	744	–	–	–
» 48° » 49°	–	–	–	–	916	726[8]	–	–	–
» 49° » 50°	–	–	–	–	743	660	–	–	–
» 50° » 51°	–	–	–	–	513	461	895	889	1086
» 51° » 52°	–	–	–	–	–	–	2242	2274	1122[9]
» 52° » 53°	–	–	–	–	–	–	1028	1025	9–
» 53° » 54°	–	–	–	–	–	–	894	954	996
» 54° » 55°	–	–	–	–	–	–	684	1037	938
» 55° » 56°	–	–	–	–	–	–	781	899	870

[1] 1884 год, на 200 тысяч жителей.

[2] 1873–1883 годы, на 100 тысяч жителей.

[3] Герри, 23 года. Отношения среднего числа обвиненных к средней величине народонаселения за тот же период. Эти отношения, в свою очередь, сопоставлены с собственной средней величиной, приведенной к 1000.

[4] Герри, 16 лет; id.

[5] Мадрид.

[6] Неаполь, Рим.

[7] Барселона, Сарагоса.

[8] Париж.

[9] Лондон.

Корр, сравнивая типы моего альбома, сумасшедших и вырожденных, описанных Морелем и Моро, был поражен сродством, которое представляют эти обе коллекции.

Он придает большое значение громадному проценту черепных и мозговых асимметрий, констатированному всеми наблюдателями, как у преступников, так и у сумасшедших.

По его исследованиям и по исследованиям доктора Бусселя, асимметрия встречается у 60% убийц, у 63% мошенников и злостных банкротов, у 70% преступников против нравственности.

По отношению к убийствам Корр отмечает возбуждение умов, расположенных к преступлению, печатью. На один случай, где это влияние очевидно и неопровержимо, как в деле Обертена, приходится тысяча случаев, прошедших незамеченными; далее Корр объясняет подражанием увеличение количества рецидивистов и возрастающее число преступников-юношей.

«В том возрасте, — говорит он, — когда нет еще опытности и мозг легче всего воспринимает и сохраняет получаемые им впечатления, стремление к подражанию достигает высшей степени и играет самую выдающуюся роль в совершении преступления». Значение подражания изучено весьма тщательно Тардом в его последних трудах по криминологии.

Глава 5. Преступники в тюрьмах

I

Тюремная бюрократия, отличающаяся если не слепотой, то всегда близорукостью, считает обитателей тюрем, а в особенности одиночных камер, за настоящие человеческие обрубки, без рук, без ног, без голоса; а между тем в числе этих несчастных есть люди, одаренные более тонкими чувствами, чем можно бы предположить. Их деятельность, их голос и даже самые затаенные помыслы выступают повсюду: на стенах, на кроватях, на посуде для питья, на их коже и даже на влажном песке, который они топчут во время своих прогулок.

Чувства их выражены чаще всего на книгах, которыми их снабжают слишком скупо благотворители, полные благих намерений.

Я собираю рукописи преступников, в которых нельзя, конечно, подозревать притворство, столь часто встречающееся в официальных беседах. Изучая преступников в течение 20 лет, я тем не менее никогда не подозревал тех ужасов, которые открыл в этих рукописях!

Судите по этим отрывкам, взятым наугад:

«Горе тому, кому приходится изведать одиночное заключение; лучше умереть. Необходимо употребить все усилия для побега, так как лучше жить в лесу дикарем или в пустыне».

«Когда тебя будет допрашивать судебный следователь, притворись сумасшедшим; тогда тебя отошлют в сумасшедший дом, откуда ты сбежишь. Что касается меня, то я благодарю Господа Бога! Я счастливее св. Петра! За мной услуживают, как за принцем. Вот так пир! Здесь живется лучше, чем в деревне».

На книге под заглавием «Жизнь Леонардо да Винчи» надписано:

«Леонардо был столь же несчастлив в любви, как и я; но он сделался великим живописцем, а я сделался известным вором. Я приобрел большую известность, заставил занести свое имя и приметы в тюрьмах, по крайней мере, сорок раз, а между тем и я любил во дни моей юности».

«Как я несчастен! Я невиновен, а меня держат здесь за то, что я убил человека (sic!), в то время как на свете людей даже слишком много».

«Дурак тот, кто умирает за отечество!»

Интересна насмешка над тюрьмой в ответе другого заключенного:

«Прощай, Гектор! Ахилл тебе кланяется. Кто беден, тот расплачивается за всех. Одиночное заключение есть утонченное варварство в полном расцвете XIX века».

«То, что говорит этот заключенный, — неверно. Напротив, с нами обращаются слишком хорошо; слишком заботятся о заключенных. Он хотел бы, чтобы его пустили гулять на дворцовой площади, или позволили играть в карты и на бильярде, или, еще лучше, отправиться к госпоже Гостальде. О, безумный! В таком случае тебе не следовало попасть в эти стены».

Друг разума и правосудия!

«О, уложение! Как тяжело ты караешь мошенничество, тогда как правительство со своими лотереями само мошенничает. Меня осудили на 10 лет за покушение на убийство женщины, которую я считал порядочной, но она таковой не оказалась, и я из-за нее просидел в тюрьме шесть месяцев. Выйдя из тюрьмы, я поклялся убить ее и нанес ей два удара ножом. Эта презренная еще жива, и я об этом сожалею».

«Как только тебя выпустят, отправляйся в Марсель, на улицу... № 9 и потом вместе с Б. отправимся в Нью-Йорк; работая там сообща, с энергией, мы составим себе состояние».

«Красавица моя больше меня не навещает! Когда я выйду, я ее поцелую зубами».

«Хотя мне всего 15 лет, но описание моей жизни и моих странствований составило бы целый том. Я начал с 9 лет. В первый раз я был осужден на 1 месяц; во второй раз на две недели, а в третий — на год!»

Нечто вроде завещания, написанного одним заключенным, известным вором, пытавшимся повеситься; его спасли:

«Я всегда воровал и буду воровать всегда, потому что так уже мне на роду написано. Бумага, на которой я пишу, украдена. Чернильница и перо — также; даже веревка, на которой я собираюсь повеситься, и та украдена. Я бо-

лее несчастен, чем испорчен. Я имею несчастье не владеть собой и подпадать под влияние других; я одинаково способен на хорошее и на дурное, смотря по тому, что мне внушат. Ах! Почему Бог посылает мне постоянно людей, склоняющих меня на зло. Совершивши новый проступок, которого я клялся не совершать, я сделал это не по моей воле, а вследствие внушения негодяя, который воровал вместе со мной, а впоследствии, ради собственной выгоды, донес на меня полиции; убежденный, что я не имею силы противиться пороку, который побуждает меня желать и присваивать чужое добро; будучи клятвопреступником; зная, что мне предстоит явиться на суд присяжных и замарать в грязи имя, которое мой отец носил с гордостью, я почувствовал отвращение к жизни; и вследствие всех этих соображений, а также по другим причинам, я решился умереть 26 мая, так как это — годовщина моего первого ареста».

«Вот уже четвертый раз я являюсь сюда, всякий раз невинный и чистый, как грязная вода. На этот раз меня поймали с отмычкой. Эх, бедные воры! Их следовало бы отправлять в “Таверну Мавра”, а не в новую тюрьму. Прощайте, друзья мои!»

«Эти люди смеются, а я напрасно вздыхаю о моей свободе. Я невинен, а они не верят этому. Как это милосердный Бог не накажет их.

Справедлива, видно, пословица “Кто сеет добро — пожинает зло, а кто сеет зло, пожинает добро”. Это жестоко — быть невинным и страдать в одиночном заточении. Разве вы не понимаете, ослиные головы, что я невиновен. Уж не хотите ли вы, чтобы я околел?»

«Почему мне никогда не удаются кражи? Я всегда сижу за воровство в этой позорной тюрьме. Бедный, несчастный Кажо!»

«Здесь покоятся бренные останки бедного Тюбана, который, соскучившись воровать в этом мире, отправился совершать кражи в другой мир. Весьма довольные родители пусть помянут меня!»

«Весьма вам преданный Тальбо, предводитель шайки. Я был всегда порядочным человеком и пробыл уже 20 лет на каторге. Я снова в тюрьме, и на этот раз меня присудят к пожизненной каторжной работе. И все это за добро, которое я оказывал ближним. Я убил всего шесть человек; я их удалил из этого мира, так как они слишком много страдали. Я ограбил жилища многих крестьян и затем сжег их. Все ради куска хлеба».

«Старайтесь всегда украсть сколь возможно больше, так как мелкие кражи наказываются всего строже. Слушайте, друзья! Если вы воруете, то воруйте много и осторожно, чтобы не попасться. Все на свете можно украсть. А чтобы выйти сухим из воды, не надо быть дураком. Бог вложил в нас инстинкты, которыми мы должны пользоваться, существуют люди, одаренные наклонностью сажать нас в тюрьмы. Таким образом, мир создан для того, чтобы вечно нас забавлять».

«Лишь только я выйду из тюрьмы, я опять буду постоянно воровать, даже под страхом постоянного житья в тюрьме».

«О, воры! Эти мерзавцы-судьи губят ваш промысел. Не падайте, однако, духом, продолжайте ваше дело».

«Милый друг, посылаю тебе эти две строчки, чтобы сообщить, что я нахожусь в тюрьме. Так как я здесь одинок, то прошу тебя, соверши какой-нибудь проступок, чтобы присоединиться ко мне, вдвоем время проходит незаметно; а когда нас отправят на каторгу, мы станем рассказывать друг другу нашу жизнь».

«Прощайте, друзья! Мужайтесь. Судьи — это шайка негодяев без убеждений: они сами не знают, что они делают и жаждут лишь денег».

«Лукав человек, и все его друзья должны не воровать, а убивать».

Наблюдение Жоли над чтением французских узников дополняют эти документы и показывают, в какой мере тюрьмы являются очагом развращения, источником закоренелости вместо того, чтобы быть исправительными учреждениями.

II

Вот несколько выдержек из книги Готье: «Как гимнастика, — пишет он, — влияет не только на величину и упругость мышц, но и на их форму, даже в известных границах на их взаимное расположение (доказательством могут служить фантастические телодвижения клоунов) и на их химический состав, точно так же несовершенства исправительного режима, неуместность превращать узника при помощи дисциплины в машину, смешение различных категорий преступников, однообразие ощущений, преобладание страха и скуки, плохая пища, обязательное молчание, даже освещение — почем знать, это бледное освещение, особенный полусвет в коридорах и на тюремных дворах — могут, как мне кажется, в течение продолжительного времени оставить след на лице, на глазах, на мозге, на ходе мыслей заключенных и, в конце концов, произвести складки у рта, нахмуривание бровей, нервные гримасы, блуждающий взгляд, странности в жестах и движениях, которые нас так сильно поражают.

Одним словом, в сумраке темницы и под гнетом исправительной дисциплины человек получает облик тюремного сидельца, подобно тому как при других условиях жизни человек получает облик священника, причем атавизм не играет никакой роли.

Лишь таким способом можно понять, почему некоторые заключенные, далеко не закоренелые преступники, доходят до того, что не могут жить иначе как в тюрьме и чувствуют себя вне тюрьмы, как на чужбине; стремятся обратно в заключение подобно раненой дичи, кружащейся на одном месте».

«Считаю нелишним объяснить, что я не говорю о чудовищах, для которых преступления, несмотря на всю опасность, представляются в такой мере жизненной карьерой, в строгом смысле слова, что они считают их “работой”, я говорю не о тех, которые вследствие врожденного предрасположе-

ния или вследствие ранней испорченности и неимения иных средств к существованию, кроме грабежа, проституции и убийства, грабят и режут подобно тому, как другие люди пилят дрова, куют железо, ткут сукно, копают землю или марают бумагу; они подготовляют кражу и убийства с важностью и спокойствием купца, обдумывающего коммерческое предприятие».

«Для этого своеобразного населения тюрьма является каким-то печальным, неизбежным предопределением. Это — неудобство, связанное с профессией. Тюрьмы ждут, с мыслью о ней примиряются заранее подобно тому, как средневековый разбойник ждет и мирится с мыслью, что в какой-нибудь несчастный день он повиснет “высоко и коротко”; подобно тому, как рабочий или крестьянин ожидает, мирится с мыслью, что когда-нибудь да придется идти в солдаты; подобно рудокопу, ежеминутно готовому погибнуть от взрыва.

Но даже и тем, которых случай забросил в тюрьму, которых в несчастный день постигло затмение, и тем не удается впоследствии восстановить свою сбитую с прямого пути жизнь; слабые, бесхарактерные “неудачники”, вовсе не рожденные ни для преступлений, ни для тюрьмы, быстро вовлекаются в эту шестерню».

«Меня всегда поражал, — пишет Валлес, — почтенный вид старых каторжников».

В сущности, оставив в стороне парадоксальность формы, мысль, в ней выраженная, вполне верна.

«Почтенный вид» сказано, может быть, несколько сильно. Следовало бы сказать — «спокойный вид». И это неудивительно! Уверенность в куске хлеба, обеспеченная жизнь, никакой заботы о завтрашнем дне, никаких обязанностей, кроме спокойного послушания, подчинения установленному режиму; чувство, что ты не что иное, как животное, приводящее в движение машину, лишь бессознательное колесо механизма; разве это не идеал для массы тупых лентяев? Нирвана! Автоматизм! Да у индусов это рай. «А тюрьма — это нирвана, где, сверх того, еще кормят».

Кормят дурно, это правда; и обращаются несколько грубо и деспотически... Но сколько есть честных людей, для которых борьба за существование еще более сурова, и притом существование, по крайней мере, гораздо менее обеспечено.

«Стоит лишь побороть первоначальное отвращение, а там мало-помалу тюремное заключение становится целью жизни».

Мне известен один из самых характерных фактов, который я сам видел и слышал.

В1883 году отбывал в центральной Клервосской тюрьме наказание некто Т., эльзасец, отставной армейский офицер. Он исполнял в тюрьме должность главного счетчика.

В первый раз он попал в тюрьму за пьянство; сидел в тюрьме четыре или пять раз.

В конце 1883 года истекал срок его пятилетнего заключения, к великому его огорчению. Подумайте, в Клерво он пользовался действительно завидным положением: больничная порция, относительная свобода, возможность блуждать по целым дням по всему заведению (которое занимает в окружности около 4 километров), всеобщее уважение со стороны заключенных и со стороны хозяйственного комитета, который не мог обойтись без услуг человека, по привычке знавшего лучше всякого другого весь служебный механизм.

Тогда Т. чистосердечно пишет директору тюрьмы письмо следующего содержания:

«Милостивый государь! Вы меня знаете: знаете, кто я, чего я стою и насколько могу быть Вам полезным. Меня скоро выбросят на свободу: я не буду знать, что делать. Не успею я проесть свой заработок, в последний раз кутнуть, как я снова дам себя арестовать. Будьте любезны, прошу Вас, как только меня снова присудят к тюремному заключению на несколько лет, вытребуйте меня к себе, в Клерво; я Вас извещу о времени и месте; а в ожидании этого, сохраните за мной место. Ни Вам, ни мне не придется каяться в такой комбинации».

Отсюда парадоксальный вывод, что тюрьма, против ожидания, устрашает и пугает лишь тех, которые вовсе в этом не нуждаются и которым не предстоит вовсе туда отправиться.

«Я даже думаю, — прибавляет автор, — что тюрьма — это своего рода теплица для ядовитых растений и что тут-то, главным образом, и собираются и упражняются рекруты армии преступников».

Сколько несчастных, согрешивших всего раз, в минуту самозабвения, умопомрачения, погибли безвозвратно, переступив через порог лишь первого круга этого ада!

Так было почти со всеми, которых я могу припомнить, оглядываясь на прошедшие передо мной случаи; вместо исправления тюрьма портила их до мозга костей; испорченность их росла, казалось, с наказанием. Запятнанная совесть, понятие о добре и зле становились все смутнее и готовы были вовсе исчезнуть из памяти. С этой минуты они погибли вполне. Их поймают вновь не с рукой, опущенной в чужой карман, а обагренных кровью. Тогда их задавят, как отвратительных клопов, между двумя листами уголовного уложения, которого прочитать, впрочем, им не давали.

В настоящих тюрьмах все приспособлено к тому, чтобы уничтожить личность, лишить ее мысли, обессилить ее волю. Однообразие тюремных порядков, направленных к тому, чтобы всех перелить в одинаковые формы, рассчитанная строгость и монашеская правильность жизни, где нет места случайности; запрещение всяких сношений с внешним миром, за исключением коротеньких банальных писем раз в месяц, — все это, повторяю, вместе с убийственными, скотоподобными прогулками гуськом, точно

краснокожие индейцы, все это направлено к тому, чтобы сделать из заключенных машину, бессознательных автоматов.

Уясните себе твердо следующее: за исключением некоторых почтенных и весьма редких в высшей тюремной администрации личностей, для большинства тюремных начальников идеалом «хорошего арестанта» служит рецидивист-ветеран, «абонент», которого не приходится уже воспитывать; приобретенная им покорность служит залогом спокойствия; таков главный счетчик в Клерво, баснословную историю которого я рассказал выше. К таким типам лежит сердце директора тюрьмы; для них, главным образом, допускаются разные льготы и снисхождения.

Несчастье, однако, в том, что этот хороший, шаблонный арестант не замедлит благодаря указанному режиму стать столь же неспособным сопротивляться своим товарищам, прирожденным преступникам или профессиональным злодеям, сколько и начальству, противостоять искушениям, безнравственным побуждениям.

Он знает лишь одно — подчиняться... кому бы то ни было. Он потерял всякую силу сопротивления, всякую гордость. Он стал мягкой массой, готовой запечатлеть малейшее давление.

Привыкший к готовому куску хлеба, к тому, чтобы иметь руководителя, быть управляемым, как машина или скот, который гонят на убой, к тому, чтобы исполнять назначенную работу, он лишен всего, что необходимо в борьбе за существование.

В заключенном сохраняется лишь наклонность к преступлению и разврату, плод взаимного специального обучения, которому он подвергается. Не без основания на жаргоне преступников тюрьма называется «школой». Наконец, волчий паспорт — неразлучный спутник заключенного, достаточный для того, чтобы закрыть все двери, лишает всякого способа честно заработать кусок хлеба.

Прибавить ко всему этому манию доноса, шантажа, лживость и хитрость и все прочие специальные пороки, приобретаемые или развивающиеся в тюрьме.

Заметим, что нет ни одной человеческой страсти, природной или искусственной, начиная пьянством и кончая любовью, которая не нашла бы себе в тюрьме по крайней мере подобие удовлетворения. Я рассказывал уже о банщике в Клерво, страстном курильщике, который думал спастись от этой страсти за непроницаемыми, высокими тюремными стенами. Я мог бы указать на тех, которые за неимением водки пьют древесный спирт, лак, серную кислоту и прочее.

Желательно было бы поэтому, чтобы всякий заключенный в продолжение известного, более или менее продолжительного промежутка времени подвергался так называемому в домах для умалишенных «периоду наблюдения».

Лишь после такого испытания его можно было бы окончательно «классифицировать», то есть поместить в ту группу, к которой он наиболее подходит по своему характеру, воспитанию, по своим прежним склонностям, степени нравственной зрелости. Этим, конечно, не уничтожилась бы опасность взаимного заражения; но эта опасность была бы, по меньшей мере, доведена до минимума; были бы уничтожены, по крайней мере, заразные гнезда, порождаемые господствующим порядком с его обязательным смешиванием всех различных категорий в одну общую массу.

Само собой разумеется, что высшей тюремной администрации будет принадлежать чрезвычайно трудная обязанность классификации преступников. Но никто не обладает такой опытностью и беспристрастием, как директора тюрем, живущие среди арестантов, судьбу которых они решают, изучая каждого в отдельности неделями, месяцами, даже годами.

Относительно возможности произвола скажу, что скорее его можно опасаться в суде, нежели в тюрьме. Судья может осудить несчастного за дурное выражение его лица, вследствие случайностей, с которыми связан допрос, на основании фактически подобранных документов, поверхностно произведенного следствия или случайного инцидента во время заседания. Тут то же различие, как и между учителем, ценящим учеников по отметкам целого учебного года, в течение которого он, не торопясь, изучал учеников каждого отдельно, и экзаменатором, которому приходится оценивать по случайному ответу.

Наконец, ничто не мешает присоединить к тюремным директорам нечто вроде присяжных из врачей, адвокатов, администраторов — словом, из самых уважаемых лиц данной местности.

Осужденный, иначе говоря, человек, которого признали настолько опасным, что оказалось необходимым избавить от него общество, оставался бы в тюрьме не на заранее определенный срок, соразмеренный более или менее произвольно с тяжестью проступка, но до тех пор, пока он не выполнил бы того, что можно бы назвать «нравственной задачей». Заключение продолжалось бы до тех пор, пока он ценой своего труда не искупит вреда, причиненного его проступком частному лицу и обществу, до тех пор, пока он не *выкупит себя*, пока не заслужит своей свободы, помилования и даже восстановления прав.

Это, в сущности, не что иное, как расширение принципа условного освобождения.

Но где гарантия того, что арестант, таким образом, не останется навсегда «*servus poenae*»[1] без надежды, без упования?

Эта гарантия могла бы заключаться в праве каждого заключенного переносить дело против тюремного начальства в известные сроки и при извест-

---

[1] Государственным рабом (*лат.*).

ных условиях, в состязательном порядке и при содействии защитника на усмотрение вышеупомянутых присяжных, которые и произносили бы свой окончательный приговор.

Надо прибавить, что в «период наблюдения» арестант должен был бы находиться в одиночном заключении, с тем условием, чтобы одиночное заключение, об ужасах которого и не догадываются те, которые с такой предупредительностью его рекомендуют, *никогда* не продолжалось дольше одного года.

Что же касается неисправимых, неизлечимых чудовищ, да простят мне сентиментальные читатели, какова бы ни была причина их настоящего состояния, будь то наследственность, роковое влияние окружающей среды, — для них единственным рациональным режимом является ссылка.

Это те же мысли, которые начертала на своем знамени новая школа. Но мне возразят: ведь это слова бывшего арестанта, который не может быть беспристрастным в данном деле. Конечно; прочитайте, однако, нижеследующие прекрасные строки главного тюремного директора Принса. Вас поразит удивительное сходство взглядов этих двух писателей, занимающих столь различные положения в свете.

III

Бельгийский закон, пишет Принс, допускает одиночное заключение. Его цель — способствовать нравственному возрождению преступника, устраняя его от вредного влияния других арестантов и оставляя его лишь в обществе честных людей.

Но везде, на всем свете — это теория. Посмотрим, однако, на действительность. Повсюду предполагаемые реформаторы, которые должны служить для заключенных образцом здоровых элементов общества, суть тюремные служители, то есть, вообще говоря, преданные своему делу люди, но набранные из того же слоя общества, к которому принадлежал и осужденный; иногда это выбитые из колеи люди, не имеющие занятий, вынужденные служить за ничтожное жалованье, едва достаточное для прокормления семьи; они сами живут почти так же, как живет заключенный.

Нигде этот персонал, не оплачиваемый так, как он того заслуживает, не набирается из кого следует. К тому же число надзирателей всегда недостаточно. По теории на каждого арестанта нужно было бы иметь несколько надзирателей, преданных делу возрождения падших и неуклонно трудящихся; взамен того на 25–30 арестантов приходится один надзиратель. Эти надзиратели по необходимости успевают только заглянуть в одиночную камеру, осмотреть работу заключенных и проверить, соблюдаются ли установленные правила.

Прибавьте к этому быстрый обход наставника или священника, и вы получите все, к чему сводятся усилия к нравственному возрождению и улучшению преступников.

Госпиталь для нравственно-больных, образцовое учреждение, о котором, быть может, мечтали квакеры Говард и Дюпетье, еще очень далек от нас. Теперь у нас царят одиночное заключение и сухой формализм; а разве мыслимо, чтобы человек низшего класса мог возродиться только под влиянием одиночного заключения и дисциплины?

Одиночество, на которое осуждаем мы себя добровольно, — о, конечно, оно может возвысить душу поэта, которому опротивел весь свет и который ищет убежища в жилище идеалов. Но для несчастного преступника одиночество имеет последствием то, что он предоставляется вполне во власть своему скудному воображению и другим инстинктам и нравственно падает все ниже и ниже.

Большинству бродяг, людей, выбитых из колеи, нравственно расшатанных, наполняющих тюрьмы, недоставало порядочной среды, примеров солидной нравственной поддержки, может быть, привязанности. А в них убивают последнюю искру общественного инстинкта и мечтают заменить и общественную среду, и все, чего им недостает, кратким посещением надзирателей, набранных из подонков общества.

Разве детей, которых учат ходить, держат постоянно на помочах и внушают боязнь упасть и необходимость опираться на других?

Разве мыслимо приучить человека к общественной жизни, заключая его в одиночную камеру, то есть антитезу общественности, лишая его всякой нравственной гимнастики, регулируя до малейших деталей весь его день с утра до вечера, все его движения и даже мысли? Не значит ли это ставить его вне житейских условий и отучать его от пользования свободой, к которой его следовало бы приучать? Как, под предлогом нравственного перевоспитания, заключают в тесную камеру дюжего крестьянина, привыкшего к простору полей и тяжелой крестьянской работе; ему дают какую-нибудь ничтожную работу, совершенно недостаточную соразмерно с его физической силой; его предоставляют на попечение надзирателей, стоящих иногда ниже его по социальному положению; так держат заключенного долгие годы, и когда его тело и ум потеряли всякую гибкость, перед ним открывают тюремные ворота, чтобы выбросить его, ослабленного и безоружного в борьбе за существование. Не говорим уже о том, что всякое наказание с течением времени теряет свою тяжесть, и наступает время, когда пребывание в тюрьме, становясь привычкой, теряет всякое положительное значение.

Не надо забывать, что, конечно, в тюрьмах находятся неисправимые, испорченные рецидивисты, отбросы больших городов, которых необходимо изолировать, но также находится много преступников, ничем не отличающихся от других людей, живущих в тех же самых условиях вне тюрьмы.

Разве не от случайного состава присяжных зависит иногда свобода или заточение гражданина? Разве мы не видим, что преступления из ревности, совершенные при совершенно одинаковых условиях, оканчиваются то оправданием, то осуждением? Разумно ли, спрашиваю я еще раз, применять такие противоестественные меры к людям, ничем не отличающимся от нас? Если бы речь была о том, чтобы сделать из них хороших учеников, хороших солдат или работников, разве мы стали бы применять способ продолжительного одиночного заключения? Каким же образом способ, осужденный ежедневной житейской практикой, становится полезным с того дня, когда суд произнес свой приговор?

Физиологический и нравственный вред долгого одиночества очевиден; этот вред стараются смягчить величайшей гуманностью — во внешних приемах, часто доходя до того, что из боязни нанести ущерб хорошим людям доводят филантропию по отношению к дурным людям просто до абсурда.

В Голландии, например, в Хорне заключенные получают утром для утреннего туалета горячую и холодную воду; к их услугам рекреационный зал и игра в домино; в день именин короля для них устраивается фейерверк. В Америке, в Эльмире арестантам доставляются музыкальные развлечения; в Томастоне им разрешают устраивать митинг для протеста против смертной казни; в Иллинойсе они получают пудинги, бисквиты, пирожное, мед. Словом, удаляются от истинной справедливости настолько же далеко, насколько были от нее далеки старые поборники пыток.

Из всего предыдущего видно, в какой мере необходимо изменить наши взгляды на тюремное заключение; насколько необходимо юристам знакомиться через непосредственное общение с преступниками, с их истинными наклонностями, прежде чем устанавливать закон.

IV

Саллильяс знакомит нас с совершенно оригинальным типом преступников, присущим специально Испании.

В Испании существуют *presidios*[1], где преступники имеют отношения с населением в том же роде, как сумасшедшие Гелльской колонии в Бельгии. Своеобразный и в высшей степени характерный обычай в испанских тюрьмах это — *cucas*. Так называется платоническая любовь, питающаяся одними письмами.

Заключенные обоих полов, не знающие друг друга, не видевшие друг друга ни разу, заводят между собой правильные сношения, при посредстве очень остроумных и любопытных приемов. Посредством писем они знакомятся, влюбляются, женятся и разводятся. Они становятся *cucas*. Иногда

[1] Тюрьма (*исп.*).

мужчина *cuco* предлагает своей возлюбленной найти подругу для кого-нибудь из своих друзей, и *vice versa*[1].

Они при этом переживают все волнения сильной страсти; ревнуют и иногда дерутся из-за своих неведомых возлюбленных. *Cuca* очень гордится крупным преступлением своего друга; если он умирает, она считается вдовой.

Вентра изучал в Неаполе *sfregio* — это рубец от удара бритвой, нанесенного по строго определенным правилам.

Все в этом преступлении оригинально: среда, где оно применяется (каморра), возраст преступников, положение жертвы.

Рубец в форме креста — это знак бесчестия для изменников, примкнувших к полиции, для заподозренных в шпионстве. Чаще всего наносят такой рубец женщинам — достаточно, чтобы женщина была кокеткой или даже просто хорошенькой. Такое покушение ничуть не мешает любви: напротив, после этого любовь становится крепче. Пострадавшая гордится рубцом, доказывающим, что из любви к ней решились даже на преступление.

Наносящий удар всегда молодой человек; после 30 лет сами не совершают таких преступлений; это дело поручается более молодому, который после такого покушения вырастает в своих собственных глазах и во мнении той среды, где он живет. Если он принадлежит к каморре, то его повышают, или принимают в нее, если он к ней еще не принадлежал.

Sfregio несвойственно исключительно какому-нибудь одному классу или сообществу злодеев. Хотя большинство виновных в таком преступлении носят на себе отличительные признаки преступников, но преступление это распространено среди честного простонародья, среди мелкой буржуазии и даже высших классов; ибо всякий класс дает известный комплект ненормальных людей. В Сицилии не наносят таких ран, там убивают*.

Глава 6. Политические преступления, детоубийство и прочее

I

Уже на конгрессе по уголовной антропологии в Риме я и мой товарищ Лаши сообщили результаты наших первых исследований о политических преступлениях; мы резюмировали антропологические, физические и социальные факторы, которые заставляют человека стряхнуть с себя свойственную ему инертность, забыть свою ненависть к новшествам и стремиться к политическим революциям и связанным с ними особенным преступлениям.

[1] Наоборот (*лат.*).

Дальнейшие исследования дозволяют нам изложить более подробно действие некоторых наиболее важных факторов.

Прежде всего заметим, что *политическое преступление* с антропологической точки зрения представляет не столько покушение на известную организацию, сколько страстное сопротивление могущественному политическому, религиозному и социальному мизонеизму большинства.

Действительно, принимая во внимание, что органический и человеческий прогресс идет медленно, посреди могущественных препятствий, вызываемых внешними и внутренними причинами, и что человек и человеческое общество инстинктивно консервативны, следует признать, что попытки ускорить ход процесса, выражающиеся в порывистых, насильственных действиях, не представляют физиологических явлений, и хотя они иногда являются необходимостью для угнетаемого меньшинства, но с юридической точки зрения такие попытки суть антисоциальное явление и, следовательно, преступление.

Но здесь надо различать *революции*, которые медленно развиваются, подготовляются, представляются неизбежными, наступление которых, быть может, ускоряется каким-нибудь гением или сумасшедшим, и восстания, представляющие лишь продукт быстрого и искусственного высиживания при чрезмерной температуре, преждевременное появление зародыша, осужденного поэтому на верную смерть.

Первые можно назвать физиологическим явлением, вторые — патологическим; первые никогда не считаются преступлениями, потому что общественное мнение их санкционирует и оказывает им поддержку; вторые же всегда равносильны преступлению, ибо они представляют обыкновенный бунт в больших размерах.

Затем существуют промежуточные стадии: это — суть революции, хотя и вызванные действительной необходимостью, но преждевременные. Такие революции кончаются, однако, победой; но в ожидании, пока наступит время их признания, они считаются, само собой только временно, преступлением, которое в ближайшем будущем затем становится героизмом и даже мученичеством.

Наиболее могущественный фактор революций и восстаний — это климат.

II

Раса. Уже Лебон указал громадное влияние расы на революции.

Во Франции он заметил разницу в характере брахицефалов и долихоцефалов — первые будто бы преданы традициям и однообразию, словом, консерваторы, вторые — революционеры. Но он преувеличил.

В действительности существуют долихоцефалические народы (египтяне, негры, австрийцы, сардинцы и др.), мало склонные к революциям, и брахицефалические народы (овернцы, румыны), — наоборот, неконсерва-

тивные. 86 итальянских бунтов (1793–1870) приходится на долю преимущественно долихоцефалов (Сицилия, Неаполь, Лигурия, Калабрия), хотя в них участвовало немало и брахицефалов (33,72%).

Во Франции, сравнивая по Реклю, Топинару и Якоби карту рас с результатами политических выборов за 1877,1881 и 1885 годы, мы вывели заключение, что вообще департаменты, где преобладает лигурийская раса, дают больше голосов за республиканцев, так же как и департаменты, населенные галльской расой; последние богаты и гениальными людьми.

Между тем департаменты Вандея, Морбиан, Па-де-Кале, Нор, Верхние и Нижние Пиренеи, Жер, Дордонь, Ло населены реакционерами и насчитывают мало гениальных людей.

Существуют, однако, особые условия, например скрещивание нескольких рас, делающие влияние расы еще более выдающимся и активным.

Таковы ионийцы, которые, смешавшись с азиатскими народами (лидийцами, персами), стали более революционными и более развитыми, нежели дорийцы; то же мы видим и в наше время на японцах, более подвинувшихся по пути прогресса, нежели китайцы, несомненно вследствие смешения с малайскими расами*.

Прививкой германской крови можно объяснить развитие цивилизации в Польше, а может быть, и то явление, что Франш-Конте дало наибольшее число революционеров в научной области (Нодье, Фурье, Прудон, Кювье).

Перемена климата, так сказать, климатическое скрещивание, влечет за собой такие же последствия.

Перемена климата подняла семитов в Европе на такую высоту гения, какой они не достигали в Азии. Она же превращает аглосаксонца в американца, более свободолюбивого и более гениального.

Франция представляет замечательное соотношение между расой и гением. Гений преобладает там, где преимущественно живет германская раса (департаменты Марна, Мёрт и Мозель, Верхняя Марна, Эна, Сена и Уаза и прочие), тогда как в департаментах, где преобладает иберийская раса (Нижние и Верхние Пиренеи, Арьеж, Жер, Ланды) или самая чистая кельтская раса (Морбиан, Вандея, Вьенна, Шаранта и прочие), гении встречаются реже. Но даже и здесь нет недостатка в противоречиях; например, потомки бургундцев дают много гениальных людей в департаментах Юра и Ду и очень незначительное число в департаменте Сона и Луара. Одна и та же раса в департаменте Верхняя Гаронна дает в 10 раз больше гениев, чем в департаменте Арьеж, вдвое больше, чем в департаменте Жер, и в 5 раз больше, чем в департаменте Ланды.

В департаменте Жиронда их вдвое больше чем в департаменте Лангедок, а в департаменте Жер в 7 раз больше, чем в департаменте Лозер. Во всяком случае, в общем пять департаментов из восьми (66%), дающих наибольшее число гениальных людей, населены бельгийской и галльской расами (последней принадлежит 19% талантливых людей).

Иберийская раса, так же как и кимврийская, с которой она не имеет ничего общего, дает крайне незначительные цифры.

Сравнивая географическое распределение гениальности во Франции с результатами политических выборов в вышеуказанные годы, видно, что гениальность идет рука об руку с республиканскими наклонностями.

Плотность населения. Легко понять, что там, где население скучено, именно в городах, как то указал впервые Якоби, политические волнения должны встречаться чаще, ибо в больших центрах страсти возгораются легче вследствие взаимных столкновений и пример распространяется легко. Сюда присоединяется еще в больших рабочих центрах плохо умиротворяющее влияние гениальных людей и очень опасное влияние выбитых из колеи преступников, которые ищут во время политических волнений возможности возвыситься или дать полную волю своим извращенным инстинктам.

Затем в очень населенных центрах надо считаться с эндемической неврастенией; так, Берд нашел, что жажда наживы, возбуждающая страсти пресса, политическая агитация — все это благоприятствует развитию неврастении среди всех почти нью-йоркских граждан; а это, в свою очередь, способствует революциям.

При изучении отношения между плотностью населения и монархическими голосованиями во Франции оказалось, что в департаментах с наибольшей плотностью населения общественное мнение более склонно к республиканским воззрениям. Действительно, департаменты Нижние Альпы, Ланды, Эндр, Шер, Лозер, население которых не превышает 40 жителей на 1 кв. километр, в политических выборах за 1887, 1881 и 1885 годы дали значительное количество голосов монархической партии.

То же самое замечается по отношению к департаментам Верхние Пиренеи, Жер, Аверон и др., имеющим 60 жителей на 1 кв. километр.

Не менее любопытны выводы, полученные при изучении отношений между революциями и гениальностью, являющейся признаком и следствием развития. Замечено, что высокое развитие и революция особенно часты у промышленных народов и у более умных народов, как, например, во Флоренции, Париже, Женеве. Женеву в 1500 году называли городом недовольных, и она несомненно была самым цивилизованным городом Швейцарии.

То же было и в Греции с Афинами, городом, столь склонным к революциям и насчитывавшим в цветущую эпоху цивилизации 56 знаменитых поэтов, 21 оратора, 12 историков и литераторов, 14 философов и ученых и 2 таких выдающихся законодателя, как Дракон и Солон, тогда как Спарта почти не знала революций и гениев (по Шалю, не более двух гениев); здесь, впрочем, несомненно, оставалось не без влияния и орографическое положение этих городов.

Обилием гениальных людей наряду с очень развитой культурой объясняется сильное развитие цивилизации в Польше и ее политическая неус-

тойчивость, вызвавшая впоследствии ее падение, несмотря на то, что Польша обладала всеми антиреволюционными свойствами, будучи расположена на равнине, в холодном климате, населенная славянской, и следовательно брахицефалической, расой.

По той же причине (незначительной плотности населения) земледельческие департаменты насчитывают мало республиканцев, а промышленные департаменты — много.

Женщины принимают большое участие в стачках и восстаниях и незначительное участие — в революциях. Статистика показывает, что участие женщин в Коммуне составляло 27% женщин, тогда как в итальянской революции число их не превышало 1%; то же соотношение замечается и по отношению к гениальности, встречающейся у женщин как исключение, даже в области искусств. Однако женщины принимали большое участие в христианском движении, а в настоящее время участвуют в нигилистическом движении, но как в том, так и в другом случаях их побуждает надежда на улучшение своей участи и на уравнение прав. Заметим, что славянские женщины образованнее всех других европейских женщин и что большое число холостяков заставляет их искать себе иной деятельности.

Сумасшествие и преступность находятся в прямом отношении с числом республиканских голосов.

Присутствие одного гениального помешанного Кола ди Риенци или одного великого гения, как Марсель, и даже человека не гениального, а просто хитрого и преступного, как Буланже, Каталина, Донато, Корси, Сакетти и др., достаточно для возбуждения больших политических волнений.

III

Наконец, укажем на сочинение Балестрини, который применяет наши основные начала к уголовной теории выкидыша.

Он доказывает, что наказание в этом случае должно быть значительно уменьшено, ибо зародыш, в особенности в первые месяцы, представляет для современного общества, свободного от теологических воззрений, скорее животное, чем человека, и это, если позволено так выразиться, скорее животноубийство, чем человекоубийство.

Тард, Сарро, Дриль первые пытались применить нашу новую отрасль знания к юридическим вопросам, равно как Ферн и Гарофало, которых можно причислить к французам, судя по их сочинениям. В одном сочинении Гарофало исследуются средства, какими можно было бы покрывать убыток, причиненный правонарушением.

Он предлагает следующее: в преступлениях против собственности, если преступник состоятелен, вознаграждение, предложенное виновным до или после осуждения, влечет за собой уменьшение наказания наполовину: наказание уменьшается лишь на четверть в преступлениях против личности.

Если вознаграждение получено потерпевшим путем суда, то осужденный не пользуется никаким сокращением срока наказания[1].

Если пострадавший отказывается принять вознаграждение за понесенный им ущерб, то предложенная сумма переходит в штрафную кассу; так же поступают и в том случае, если пострадавший сам ответствен за совершенное преступление. Касса могла бы выплачивать вознаграждение пострадавшим в случае несостоятельности преступника[2].

Глава 7. Конгрессы, журналы, антропоюридические общества

I

Успехи уголовной антропологии подвинулись значительно дальше изучения деталей, интересующих лишь ученых; они переступили весьма возвышенные, но слишком эгоистические цели чистой науки. Ко времени Первого конгресса уголовной антропологии для распространения наших идей существовало лишь одно обозрение: «*Archivio di psichiatria, scienze penali e anthropoloyia criminale*», теперь мы имеем «*Anomalo*» Дзукарелли, «*Archivio di freniatria*» Реджо, «*Rivista, d'Anthropologia criminal*» Тальядриса (Испания), «*Archives d'Anthropologie criminelle*» Лакассаня, «*Архив психиатрии*» Мержеевского и Архив Ковалевского, «*Юридическое обозрение*», издающееся в Москве, «*Mémoires de la Société d'anthropologie*» в Брюсселе. Сюда же надо присоединить «*Bulletins de la Société d'anthropologie*», в которых Мануврие, Фало, Летурно и Бордье блестяще отстаивали наши идеи; сюда же относятся: «*Revue de la rèforme judiciaire*» Ланвро, «*Revue Scientifique*», которое всегда одним из первых пропагандирует новые идеи. *Bulletin de la nouvelle Société d'anthropologie criminelle de Buenos Ayres* — первое общество, посвященное новой отрасли знаний; оно уже имеет свой специальный музей и насчитывает среди своих членов несколько громких имен (Пинето, Драго, Рамо, Межиа и др.).

II

Не могу обойти молчанием Конгресс юристов в Лемберге в 1889 году, где Розенблатт разобрал «Психологические причины преступлений». Эрциньи сообщил об успехах новой антропологической школы, Буцински го-

[1] И в этом случае благоразумно делать льготы; тогда преступник будет иметь основание не сопротивляться законными и незаконными средствами взыскам.

[2] Таким образом, преступления, совершаемые из мести и злобы, чтобы заставить потерпевшего пострадать материально (например, поджог нежилого строения), потеряли бы смысл и уменьшились.

ворил «о тюрьмах с точки зрения новой школы». Но первым юридическим конгрессом, который действительно поставил на разрешение вопросы, выдвинутые новой юридической школой, был конгресс в Лиссабоне, открытый 4 апреля 1889 года.

Первый вопрос был поставлен так: должно ли отправление правосудия совершаться бесплатно, главным образом в делах опекунских и уголовных. Конгресс постановил, что отправление правосудия, представляя общественную функцию, должно быть по всем делам безвозмездным; это постановление было принято почти единогласно, только два голоса высказались против него.

Пятый вопрос заключался в следующем: должно ли вознаграждать оправданных подсудимых? В случае утвердительного ответа, полагается ли вознаграждение всякому оправданному или лишь тому, кого суд признает невиновным? Единогласно было принято следующее постановление: государство обязано вознаграждать всякого подсудимого или обвиненного, полная невиновность которого выяснилась установленным судебным порядком, безразлично когда, в течение ли процесса, предварительного следствия, или после осуждения, или в постановлении о предании суду, или же, наконец, во время пересмотра дела судьей, который должен постановить приговор.

Исключаются те, которые по своей ошибке или своими поступками дали повод к обвинению, или вызвали преследование ложными заявлениями, не соответствовавшими действительности, или какими-либо другими способами вызвали совершение юридической ошибки.

Десятый вопрос заключался в следующем: в каком смысле необходимо исправить уголовные кодексы по отношению к уголовной ответственности виновного и по вопросу о невменяемости, чтобы учение, положенное в основание закона, согласовывалось с положениями современной психологии, уголовной антропологии и душевной патологии, а также удовлетворяло бы необходимой для общества гарантии от преступников?

Докладчиком был доктор Августа Криспиани да Фонсека; секция уголовного права выразила его выводы следующим образом:

1) уголовные законы должны иметь в виду не только умалишенных, но и тех, которые, не будучи вполне сумасшедшими, не могут, однако, считаться вполне ответственными за свои действия;

2) безусловно, умалишенный по установлении его невменяемости, при помощи медицинского испытания и при помощи всех других законных средств должен быть заключен в госпиталь или в какое-либо другое убежище пожизненно;

3) лишенные ума не вполне, но и не вполне вменяемые, опасные для других, должны быть судимы и временно заключаемы в заведения, для того предназначенные.

Эти постановления были приняты большинством голосов на конгрессе, они вполне согласны с учением нашей школы.

III

Здесь я должен напомнить, что Институт Франции присудил премию г-ну Жоли за критический этюд о новой школе. Юридический факультет в Гейдельберге назначил для годичного конкурса студентов тему «Юридические применения открытий профессора Ломброзо относительно преступного человека».

Укажу еще более значительный успех: недавно основан Международный союз уголовного права, начертавший на своем знамени практические выводы нашего учения, а именно: чтобы ознакомиться с преступностью, надо изучать преступников; что предупредительные меры по отношению к преступлениям столь же действенны, как и наказания; что уголовные суды и тюремная администрация преследуют одинаковые цели; что сила приговора зависит от того, как он приводится в исполнение; что изолирование — стадия наказания, принятая современным правом, — не рационально; что заключение в тюрьму на короткие сроки должно быть заменяемо другими наказаниями; что надо различать случайных преступников и привычных преступников и что для последних, если дело идет о повторении мелких проступков, следует удлинять сроки наказания.

Эти десять заповедей, подписанные 300 самыми выдающимися европейскими юристами, разрушают всю старую юридическую метафизику. Дело началось всего шесть месяцев назад, и уже имеются серьезные доклады Гарофало, Принса, Ламматша, Листа, а 3 августа 1889 года они уже собрались в Антверпене на конгресс, чтобы добиться (по выражению президента профессора Принса) соглашения уголовного законодательства с данными антропологических и социологических исследований.

Все согласны, что случайным преступникам, дебютантам, которые еще не были осуждены, тюрьма приносит более вреда, чем пользы. Предлагали заменять тюрьму различными мерами: выговором (как в Англии и Италии), домашним арестом, реформированной системой штрафов, общественными работами на открытом воздухе и более широким применением системы условного осуждения, которое дает возможность осужденному за случайное преступление собраться с нравственными силами и избежать развращающего соседства рецидивистов и привычных преступников.

Единогласно была принята поправка Гарофало: «Собрание рекомендует применение принципа условного осуждения, настаивая на необходимости установить его границы сообразно местным условиям и принимая во внимание чувства и нравственное развитие народа».

Честь и слава дю Гамелю, Принсу, которые сделали первые шаги на этом пути. Честь и слава всем тем благородным умам, движимым могучим течением новых истин, которые отказались (что редко встречается у людей вообще, а еще реже у ученых) от убеждений, сложившихся в юности, укре-

пившихся с их славой и поэтому вдвойне для них драгоценных. Правда, некоторые из них не признают своего происхождения и протестуют против родства с нами. Но это лишь редкие исключения: да кроме того, если, подобно нам, ратуешь за идею, то какое нам дело до того, что данной личности не воздают должного; достаточно того, что признается знамя; разве не такова общая участь на свете: сыновья, вырастая, оставляют родителей, тогда как последние никогда не забывают своих детей.

Для нас это забвение само по себе служит доказательством победы; оно указывает на нашу зрелость.

IV

Но счастье не приходит одно; я вижу на горизонте еще одно новое применение.

Мануврье в один из пророческих моментов, какие бывают у гениальных людей, сказал недавно, что существует не только уголовная антропология, но должна народиться антропология историческая, социальная.

Пророчество это осуществилось. Тэн и Ренан уже создали историческую антропологию. Аньянио, Лессона, Фиоретти сделали попытку применить антропологию к гражданскому праву, в особенности к завещаниям, правам наследования и разводу. И если в этих новых применениях наша наука потеряет свое имя и станет называться *социальной*, *юридической антропологией*, то в добрый час: мы дорожим торжеством наших идей, а не их названием.

Я до сих пор не упомянул о конгрессах уголовной антропологии в Риме и в Париже. Отчеты первого уже обнародованы, а отчеты второго вскоре появятся.

Быстрота, поспешность, с которой печатаются последние отчеты, не позволили включить их в настоящий труд.

Эти отчеты лучше всяких фраз подтверждают значение новой науки. Но они не могут засвидетельствовать одного явления, которое, однако, известно всем собравшимся на Конгресс в Париже в 1889 году, а именно, что благодаря гостеприимству г-на Тевене, министра юстиции, Гербетте, Бруарделя, Русселя, Моте, Маньяна, Ролана Бонапарта и многих других французская любезность проявилась во всем своем блеске.

Прибавление I

Ответ г-ну Гийо

Адольф Гийо утверждает, что он не верит в неизбежную зависимость преступника от его физической природы. «Если бы изучали человека гораздо раньше, чем он сделался преступником, — говорит он,— то были бы по-

ражены изменениями, которые производит даже физически преступление с его последствиями».

Но он забывает, что мы встречали эти аномалии у детей и что у детей мы нашли большее количество аномалий, нежели у юношей.

Гийо устанавливает на основании своих личных многочисленных наблюдений, что преступник в 9 случаях из 10 обдумывает свое преступление.

Я придерживаюсь почти такого же взгляда: во многих случаях, но не так часто, как кажется, преступник обдумывает свое преступление, обсуждает его; но он не может удержаться от совершения преступления, хотя самое поверхностное рассуждение должно бы его удержать от этого.

В этом и заключается аномалия: рассуждения преступника, увы! очень поверхностны. В них всегда имеется пробел, благодаря которому рано или поздно преступник попадает в руки правосудия; ибо случаи таких хитрых преступников, которые уничтожили бы все следы своих преступлений, представляют редкое исключение.

Да и в этом случае виновно скорее правосудие, столь слабо вооруженное против преступления в силу именно недостаточного знакомства с психологией и антропологией. Если такие опытные следователи, как Гийо, искренне верят угрызениям совести таких преступников, каковы Аббади, Гамау и Мершандон, в той мере, что когда они совершают новые бесчинства, то это приписывают раскаянию, тогда нет ничего странного в том, что весьма часто они не в состоянии разыскать даже самых глупых преступников.

Для подтверждения своего положения Гийо цитирует случай, который мог бы иметь и в самом деле решающее значение. Г. Рукавишников*, один из величайших филантропов, основавший колонию своего имени для малолетних преступников, рассказывал на Римском конгрессе, что, сравнивая фотографии молодых преступников при их поступлении в колонию и при их выходе, он заметил улучшение в чертах лица соответственно улучшению поведения: у большинства черты лица теряли свойственное им выражение угрозы, нахальства, злобы и приобретали более мягкое выражение. Но он ошибался; не то чтобы он искажал истину; это один из лучших, искреннейших филантропов; но он находился под влиянием своего великого дела, которое я тоже считаю небесполезным. Он нам предоставил в Риме фотографический альбом. Я собрал комиссию, в которой принимал участие и г-н Рукавишников, для изучения этого альбома. Из отчета этой комиссии видно, что при 61 случае замечалось:

в 22 случаях — улучшение черт лица,
в 14 случаях — ухудшение,
в 25 случаях — без перемены.

Из 14 лиц, у которых черты лица стали хуже, трое нравственно улучшились; из 22 случаев улучшения физиономии в 3 случаях было нрав-

ственное ухудшение, и эти цифры установлены самим г-ном Рукавишниковым.

Но так как Гийо сам приходил в соприкосновение с фактами, то лучше спорить с ним самим. Достаточно привести буквально им самим написанные страницы, в которых прекрасно описаны врожденные преступники, обнаруживавшие свои преступные наклонности в ранней молодости.

«Из всех преступников, имена которых приобрели известность, дающую нам право цитировать их, не нарушая профессиональной тайны, я не знаю ни одного, который, несмотря на молодость, не побывал бы уже в тюрьме или, по крайней мере, не заслуживал бы этого. Вначале проступки бывали незначительные и легкомысленные, затем их сменяли более тяжкие и обдуманные проступки, которые, в свою очередь, вели к преступлениям. В 17 лет Мершандон, убийца-лакей, дебютирует кражей, совершенной в замке своих господ; улик было недостаточно; безнаказанность ободрила его, 17 дней предварительного заключения не исправили его; едва вышедши из тюрьмы, он совершает кражу в другом доме; на этот раз его присуждают к 3 месяцам тюремного заключения; а вскоре затем за более серьезную кражу — к 13 месяцам заключения. Четверо молодых людей, из которых старшему было 20 лет, среди белого дня являются к г-же Балльрич, набрасываются на нее в ту минуту, когда она отворяет им дверь, душат ее и убивают ударами ножа; они все были осуждены; сын жертвы, полицейский комиссар в Париже, основательно сказал им, грозя пальцем: "Все вы презренные; не знаю, чтоб я сделал с вами, если бы меня не удерживало уважение к суду; но ваш час пробьет, будьте покойны; ты негодяй! Я тебя хорошо знаю, я тебя уже отправлял в участок за то, что ты участвовал в ночном нападении; ты язва нашего околотка, а тебя я видел в дурной компании" ».

Но для чего эти цитаты, когда дело идет об общем законе, который подтверждается каждым следственным делом.

Что касается тех, у которых справка о судимости чиста, которые, на первый взгляд, противоречат теории прогрессирующей испорченности, то и на них можно проследить, как они быстро двигаются к апогею порока; начиная с любострастия, лености, эгоизма, они теряют уважение ко всему, освобождаются от всякой обязанности, отбрасывают всякое верование и вполне отдаются своим страстям.

Вот двое 30-летних преступников: Блин и Беген, о которых много говорит аббат Мочеи, описывая Ла-Рокет; один — француз, другой — бельгиец; несколько лет тому назад, в воскресенье, в то время когда магазины Пале-Рояля закрыты, они пробрались в ювелирный магазин, задушили прислугу и убежали, набрав полные руки драгоценностей, которые спустили в Брюсселе. В прошлом они были чисты пред судом, но их жизнь представляла не что иное, как цепь дурных проступков; один из них был объявлен несостоятельным должником при очень подозрительных обстоятельствах; должен

был оставить свою родину и не мог ужиться ни на одном месте вследствие крайней непорядочности своих поступков. Другой был лентяй, лжец, буян, изменник всем своим обязанностям, разорил своих родителей, покинул жену и вполне созрел для всякого нечистого дела. Пример двух молодых убийц Лебье и Барре не менее поразителен; и у них не было судебно-уголовных антецедентов, но они вели беспорядочную жизнь и отказались от всех принципов, которые могли бы их поддержать. Сам Барре в одном из следственных показаний прекрасно анализирует нравственное состояние своего товарища.

«Он ничего не уважал, — говорит Барре, — смеялся над моими угрызениями; я их еще тогда ощущал. К добру и ко злу он относился совершенно безразлично; он проклинал свою семью; говоря о матери, он употреблял самые оскорбительные выражения; он не верил в Бога, ни во что. Завидев священника, он готов был нанести ему оскорбление; еще задолго до преступления он говорил, что намерен основать газету, чтобы издеваться над религией; его политические убеждения были для меня отвратительны; грабеж, убийство, коммунизм — вот что ему нравилось. Когда его спросили: “Преступление, совершенное вами, не было внезапным; оно не было вызвано случайными обстоятельствами, а было логическим последствием целого ряда дурных поступков и медленного извращения вашей совести?” — он отвечал: “Это правда, я был увлекаем постепенно”».

Что касается Лебье, то одна особа, хорошо его знавшая, рисует его следующим образом: «Мне казалось, что в лицее очень пренебрегали его нравственным воспитанием. Лишенный принципов, которые поддерживают и руководят в трудную минуту жизни, он переносил свое несчастье с каким-то фанатизмом и горькой улыбкой; он по обыкновению читал газеты самой крайней окраски и на жизнь смотрел, казалось, как на веселое времяпрепровождение, которого рано или поздно добиваются смелые и ловкие люди, которых он охотно приводил в пример».

До того дня, когда молодой виноторговец Фулле застает своего хозяина в погребе и бутылкой разбивает ему череп, чтобы его обокрасть, он не был судим; но следствие установило, что до прибытия в Париж Фулле совершил на фермах, где служил раньше, много мелких краж, за которые его не преследовали. Его земляки говорили, что он хитер, что у него много пороков. Он очень ловко защищался, был умен, умел устраивать свои дела и очень ловко выпутывался, когда попадал впросак. Много раз, говорил один из земляков, я ему предсказывал, что он кончит каторгой; сверстники избегали его; он любил читать дурные книги и всегда обнаруживал страсть зашибить деньгу.

Укажу еще на одного преступника 50 лет, отца 17 детей, соблазнившего собственную дочь, которого присяжные несколько лет тому назад признали виновным в детоубийстве и производстве выкидыша; в его прошлом нет

ни одного уголовного дела; но жизнь его представляет длинный ряд дурных поступков: он начал с того, что стал игроком и жуиром; потом, когда его дела пошли дурно, он искал развлечений в самых постыдных пороках; это был человек замечательно умный и очень энергичный; его погубил разврат и сделал из него отщепенца. Свидетели напоминали ему, что во время Коммуны он обратил на себя внимание необузданным желанием взорвать Париж, криками: «Пока существуют священники, до тех пор мы будем погибать!» Он отвечал свидетелям, гордо подняв голову: «Я первый открыл огонь, и я последний оставил поле битвы».

Прибавление II

О преподавании уголовной антропологии и, в особенности, тюрьмоведения

1. На первой взгляд может показаться излишним доказывать пользу преподавания учения о применении наказания.

Имея в виду, что речь здесь идет о знаниях, которые могут решать судьбу многих тысяч людей, и, что еще важнее, о занятиях, в которых заинтересовано с точки зрения своей безопасности все общество, естественна необходимость установки руководящих начал для всех служащих пенитенциарному делу и преследующих благородную цель нравственного возрождения преступника.

До настоящего времени мы пробирались в этой области ощупью и не прибегали к помощи науки и еще менее к посредничеству университетского преподавания.

Вообще общий закон тот, что более или менее нерешительная и неопределенная деятельность предшествует теории и дидактике. Слово раздается задолго до появления грамматики; и протекают сотни веков раньше, чем каракули заменяются буквами алфавита и затем правилами правописания. Войны, торговля существовали задолго до того, как стали известны арифметика, политическая экономия, баллистика и статистика.

Лишь в настоящее время начинают преподавать историю действительно научно, ибо то, что преподавалось прежде, было простым перечнем событий.

Уголовное право также лишь недавно приняло дидактическую форму.

Предмет учения о применении наказания и о тюрьмоведении более сложен, но и более удобен для преподавания, нежели всякий другой предмет, а между тем он именно и не преподается.

Возьмем, например, архитектуру тюрем: мы до сих пор еще не знаем, как устроить камеру или мастерскую, которые стоили бы недорого, не вре-

дили бы здоровью и дозволяли бы заключенному проводить в них время с пользой, не подвергаясь дурному влиянию, которое ему грозит при системе общих камер.

Подобной одиночной камеры и таких мастерских еще не существует, и в настоящую минуту мы еще не знаем, каким образом следовало бы изменить конструкцию исправительных домов, женских тюрем и арестных домов, в которых невинно задержанные или виновные проводят время предварительного заключения.

Мы были рады слышать похвалы устройству и хозяйству известных пенитенциарных заведений: немецких, русских, шведских. Мы их не изучали и не подвергали разбору; и это я говорю для ученых, ибо знание таких вещей не касается публики. Но, хорошо зная материальную сторону пенитенциарного учреждения, имеем ли мы также понятия и об административной, нравственной стороне его? В этой области мы полны страшных иллюзий, какими мы до сих пор полны в области уголовного права. Мы с плеча разрешаем вопросы, не исследуя фактов; мы уверяем себя, что известное заведение действительно полезно, ибо его конструкция четырехугольная, или продолговатая, или круглая и потому дозволяет изолировать преступников, радикально излечивать их от аномалий, зависящих от атавизма, травматических повреждений или глубокого органического изменения.

Сюда присоединяется очень сложная администрация, в особенности в тюрьмах, где введен труд и где стараются обойтись без содействия комиссионеров, всегда пагубного. Затем встречаются большие затруднения в деле удовлетворения умственным потребностям заключенных посредством разрешения заключенным беседовать с людьми интеллигентными, посредством доставления заключенным книг из библиотек, посредством организации религиозного обучения таким образом, чтобы последнее не привело ни к религиозной мании, ни к атеизму, ни к нетерпимости.

Не думаем, чтобы все это можно было предусмотреть и устроить при помощи нескольких параграфов сухого устава; нельзя эти задачи решить и посредством целого ряда статистических таблиц, которые легко составить так, как хочется, причем они ничуть не будут соответствовать действительности.

Все эти вопросы могут быть разрешены лишь при помощи детального практического и теоретического изучения, причем придется освободиться от априоризма, втершегося в тюремную практику и много ей повредившего.

Напомним здесь иллюзии, которые еще так недавно существовали по этому предмету.

Неудачи, которые нам пришлось пережить, зависели от избытка обобщений: под предлогом устранения самовластия, произвола, убили движение и жизнь. Если даже приговоры европейских судов будут обрушиваться на несчастных людей с той же правильностью, с какой капля за каплей

вода льется из крана на землю, то еще ровно ничего не изменится: приговоры теряются в массе так же, как капли воды теряются в песке. Думать, что можно исправить зло тюремного заключения — несбыточная иллюзия. Думать, что этого можно достичь кратковременным заключением в тюрьму — абсурд. Тюрьма больше всякого другого наказания требует осмотрительного применения. Применение тюремного заключения без разбора по отношению ко всякому, кто попадает под суд, ослабляет его силу, подрывает значение тюрьмы и подкапывается под самое основание пенитенциарной системы, тем более что почти невозможно давать работу заключаемым на несколько дней, вследствие чего наказание прямо ведет к развитию лени.

2. Но есть еще более важный предмет изучения — интересный и для тюремного начальства и вообще для лиц, применяющих наказание; я говорю об изучении преступного человека. Прежде думали, что можно изучать болезни, а не больного, преступления, а не преступника.

Бесполезно говорить, как это было гибельно, так как одно и то же преступление может быть совершено под влиянием страсти, в минуту безумия, вследствие врожденного порока, и, смотря по обстоятельствам, нужны и специальные наказания. Бесполезная и дорогостоящая борьба, которую до сих пор вели с преступлениями при постоянно возрастающем рецидивизме, лучше всего указывает наши заблуждения.

Необходимость изучения преступника вытекает даже из старых принципов тюрьмоведения. Я имею в виду интересные наблюдения, произведенные в Цвикау, которые показали, что с преступниками надо обращаться сообразно индивидуальности каждого из них и применяться к характеру его, если желают достичь сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Как вы примените на практике условное освобождение или станете с успехом управлять исправительным заведением, не зная индивидуальных особенностей преступников?

И каким же образом изучать индивидуальность, если не организовано специальное преподавание науки о преступниках?

Вследствие отсутствия такого преподавания юристы и значительная часть тюремных чиновников смотрят на преступников как на вполне нормальных людей, которых постигло несчастье, как на призывных, которым вместо хорошего жребия выпал жребий попасть в тюрьму.

Естественно, что при таких основных заблуждениях необходимо ошибаются и в принятии меры против преступников; результат всего этого тот, что во всех странах, за исключением Англии и Северной Америки, честные люди более страдают от расходов на заключение виновных, нежели от их проступков.

3. Эти исследования должны производиться, конечно, на месте.

Весь механизм одиночной камеры, все колеса, приводящие в движение службу в исправительном заведении, организация труда, который должен

облегчить расходы государства, не вредя изолированности и исправлению заключенных, все это может быть практично лишь тогда, когда основано на фактических данных.

Невозможно узнать преступного человека, не видя его вблизи, что вовсе не трудно; юридическим басням, которыми пропитана Европа, надо приписать предвзятый взгляд, что осужденный неохотно принимает посетителей и с трудом подвергает себя антропометрическому исследованию, в особенности если имеешь дело с обыкновенным преступником.

Из любви к науке и для медицинской практики выстукивают в госпиталях сотни чахоточных; сотни беременных женщин исследуются молодыми студентами; в хирургических клиниках ощупывают переломленные члены, исследуют тела лиц обоего пола; и хотя посещения иногда гибельно действуют на сумасшедших, тем не менее мы разрешаем студентам посещать психиатрическую клинику в течение целого учебного года. Неужели же затруднения должны возникнуть, как только дело коснется преступников?

Как объяснить эту манеру рассматривать дело навыворот и притом как раз по отношению к преступникам, которые, конечно, менее деликатны и менее интересны.

Если бы наши намерения щадить преступников были искренни, то следовало бы принять меры не против упражнений на преступниках, а против опубликования газетных заметок, распространяющих разные неприличные и клеветнические подробности, сопровождая их портретами обвиняемых.

Мы бы должны были ограничить гласность суда присяжных, которую тоже вследствие условной юридической фальши рассматривают как охранительницу честных людей, обвиняемых, слабых, и даже политической свободы.

Подсудимого, который может оказаться честнейшим человеком, терзают в печати, называя его по имени и фамилии; во всех газетах помещают его портреты, биографию; и после всего этого поднимают вопль, если какой-нибудь ученый вместе с товарищами желает изучить физиономию не подсудимого, а настоящего привычного преступника!

Подобное исследование, сделанное хладнокровно людьми серьезными, почти никогда не дает повода к неудобствам и не нарушает дисциплины. Достаточно сказать, что в течение 24 лет я вожу сотни студентов по тюрьмам Павии и Турина, и ни разу еще не узнали об этом газеты; ни один заключенный не отказывался от исследования, хотя имел на то полное право.

С другой стороны, само собой разумеется, что нельзя дозволить изучать первого встречного, а тем менее подсудимого, если он не рецидивист или если над ним не тяготеет грозное обвинение.

Надо также исключить заключенных, которые не согласны на исследование и которые совершили преступление, не указывающее на потерю нравственного чувства, как, например, банкротство, некоторые подлоги и т. п.

Изучению подлежат лишь врожденные преступники. С другой стороны, прочие преступники не отличаются заметно от непреступных людей и не требуют особенных попечений.

Это изучение надо производить с тахиантропометром Анфоссо согласно правилам, точно установленным Тамбурини и Бенелли, дополненным мной, а также руководствуясь правилами, установленными Бертильоном.

Так как многие врожденные преступники не отличаются правдивостью, то исследованию должно предшествовать изучение обвинительного акта. Эти посещения и исследования не опасны для преступников; наоборот, результаты этих исследований, сообщенные тем, от кого зависит продлить срок заключения или дать условное освобождение преступнику, могут принести только больше пользы, нежели хлопоты депутатов и бюрократические справки, к которым обыкновенно прибегают в этих случаях; к тому же подобные посещения нарушают гибельную праздность заключенного и во многих случаях предупреждают ошибки людского правосудия или способствуют к их исправлению, как, например, в деле Росси, осужденного к пожизненному заключению за разбой и признанного при помощи антропометрического и психологического исследования честным, невинно оклеветанным человеком.

Это изучение дало бы нам также средство ввести в курс тюрьмоведения изучение преступного человека. Но если предубеждение и условная фальшь, имеющая еще силу, мешают изучению преступного человека в тюрьме, то ничто не препятствует изучать преступника, находящегося на свободе, а таких на свете много и их легко встретить на каждой улице. Я уже шесть лет как произвожу исследования над подобными субъектами.

Единственное неудобство, которое может встретиться при посещении тюрем студентами, что невинные и честные подсудимые могут быть против воли узнаны кем-либо из посетителей.

Правда, они могут быть узнаны и в суде. Тем не менее следовало бы избегать этого, предоставляя маски всем, кто пожелает, пуская студентов лишь в тюремную школу и вызывая туда только тех, которые сами пожелают подвергнуться исследованию.

Что касается исправительных заведений для малолетних преступников, вопрос этот еще более щекотлив и сложен. Я думаю, что здесь исследование надо производить не иначе как под руководством наставника и сведущих директоров и только на лучших воспитанниках, придавая исследованию значение отличия и исследуя лишь действительно преступных детей, так как подобное исследование может дурно отразиться на детях честных, но несчастных.

С другой стороны, было бы очень важно взглянуть и на обратную сторону медали; именно распространить эти исследования на общественные школы, как то сделали уже Марро и Ломброзо, исследуя в виде наказания самых неисправимых школьников и делая, таким образом, первый шаг к заключению их в исправительное заведение.

Один из школьных инспекторов Италии, очень талантливый человек, г-н Руффини, убедившийся, насколько полезны подобные исследования, издал нечто вроде руководящего циркуляра для собирания отметок в школьных журналах относительно нравственных уклонений детей, уклонений, существование которых в течение нескольких лет может считаться серьезным признаком необходимости принять предупредительные меры, чтобы воспрепятствовать развитию в ребенке преступных наклонностей.

Вот каким способом дидактические исследования могли бы оказать услугу обществу.

Что же касается женщин, то исследование их не так необходимо, ибо преступность среди женщин распространена относительно слабо. Исследования женщин можно было бы ограничить исследованием преступных проституток, которые, приходя более чем нужно в соприкосновение с людьми, не будут себя чувствовать оскорбленными этими исследованиями, и их стыдливость и робость не потерпят ни малейшего ущерба.

Курс обучения должен был бы заключать:

а) теоретическую часть, о тюремных законах и правилах; о типах одиночных камер, о тюремной обстановке и прочее;

б) исследования по уголовной антропологии и по психиатрии преступников;

в) изучение уголовной статистики, теории наказания, условного освобождения, патроната и прочее;

г) чисто практическую часть, состоящую из непосредственного исследования места заключения, камер и прочее, под наблюдением директора или помощника его и профессоров.

Список в двойном экземпляре, в который включались бы результаты таких исследований и посещений, служил бы руководством для комиссии, решающей вопрос об условном освобождении, и для комиссии тюремного надзора.

Чезаре Ломброзо

АНАРХИСТЫ

Перевод с итальянского Н. С. Житковой

Предисловие ко второму изданию

Я рад снова, уже более спокойно, вернуться к моему труду, чтобы пополнить его и, кстати, воспользоваться случаем ответить на те замечания, которые были сделаны по поводу этой книги почтенными известными критиками.

Такой, например, действительно авторитетный критик, как профессор Анджело Майорана, представил мне следующее возражение: «Вы даете скорее индивидуальную патологию, чем социальную. Ведь вы намерены были рассуждать о психиатрии социальной, а не индивидуальной. Так каким же образом случилось, что те люди, которые в иных условиях места и времени сделались бы грабителями, или пиратами, или разбойниками на больших дорогах, при настоящих условиях становятся анархистами в худшем смысле этого слова?»

Ответ на этот вопрос можно найти в главе 1 этой книги, где я старался охарактеризовать условия жизни современного общества, погрязшего во лжи и доходящего до безумия в фанатизме своей экономической борьбы.

Уже в эпоху варварства, да и во все исторические эпохи существовали люди психически больные, преступники с альтруистическими тенденциями, фанатики. Но сначала их фанатизм проявлялся на религиозной почве, а затем как участие в политических партиях и заговорах. Сначала мы видим их участниками крестовых походов, затем мятежниками, далее странствующими рыцарями, мучениками веры или неверия, как Бруно, Арнольдо ди Брешиа, или трибунами, как Марсель*, Кола ди Риенци, или цареубийцами, как Брут, Дамьен, Равальяк.

Но когда в настоящее время появляются такие фанатики альтруизма, в особенности среди народов латинской расы, то для их страсти не представляется иного выхода, кроме социальной или экономической борьбы, по крайней мере при нормальных условиях. В Германии или Англии возможен еще другой выход — в религиозном пиетизме, в кастовом духе или, во всяком случае, в святой и истинной благотворительности (см. главу 1).

На это указывал Ферреро. Он говорит так: «Религия — это самая удобная сфера для проявления фанатизма. И действительно, в Англии религия

рекрутирует в свои ряды тысячи фанатиков, которые под самыми различными названиями, со всевозможными теориями лихорадочно стараются вырвать души из когтей порока. У них огромный простор для деятельности, для организации церквей, для дел благочестия, для проповедей и прочего. В странах же латинских, где сильна власть католической церкви, религия уже перестает быть этим громоотводом для фанатизма. Это не следствие отсутствия религиозности или скептицизма народа (который, кстати сказать, гораздо меньше овладевает человечеством, чем это обыкновенно принято думать, даже хотя бы и в стране Вольтера) — нет, это происходит благодаря твердой организации католической церкви. Католическая церковь — это огромное дисциплинарное учреждение, род войска, основанного на повиновении и послушании, где каждый член имеет свое место, свой образ жизни и поведения, свои мнения, регламентированные строжайшими законами. Активные фанатики, как Казерио, не могут в таких условиях чувствовать себя свободно, они всегда немного анархисты и склонны к восстаниям; среди же протестантских сект с их несколько анархистским характером, независимых, свободных, автономных как кланы варварских времен, они чувствуют себя прекрасно. В Англии Казерио нашел бы себе место в Армии Спасения генерала Бута*; там нашла бы выход его потребность деятельности и его фанатизм. Но в католической церкви он не нашел бы себе места, разве только в роли миссионера — это единственная область, где католическая церковь оставила еще некоторую независимость и свободу личной инициативы.

Другой выход для фанатизма, столь распространенный среди германских наций, и в особенности в Англии, но почти совершенно отсутствующий у наций латинских, — это филантропия. Лондон — это столица филантропов. Мужчины и женщины всех классов и общественных положений, богатые и бедные, образованные и невежественные, здоровые и ненормальные — упорно стремятся исцелить социальную болезнь и искоренить из общества одну из форм зла — бедность. Один заботится о детях, которых истязают их родители; другой о слепых стариках; третий об умалишенных, с которыми плохо обращаются в их лечебницах; четвертый — о заключенных и выпущенных из тюрьмы. И все они работают не покладая рук, издают журналы, произносят речи, организуют общества, и иногда им удается вызвать целую эпидемию сентиментализма и сильное движение в общественном мнении в сторону какой-либо гуманной реформы. Этот род деятельности может дать выход тому политическому фанатизму, который приводит при иных условиях к динамитным крушениям.

Но в странах латинских нельзя даже и повести агитацию в этом направлении; да она была бы бесполезной. Существует традиция, в силу которой благотворительность считается делом администрации и выполняется общественной властью или церковью, и эта традиция так сильна и глубока, что никому и в голову не приходит лично бороться с общественной нищетой.

Если родители в больших городах часто дурно обращаются с детьми, и хотя газеты неустанно будят общественное мнение, не надо, однако, забывать, что для предотвращения этого зла потребовалось бы издание закона, да и тот вряд ли стал бы применяться. Но ни у кого не является мысли основать частное общество, которых столько в Англии. Общества эти вовремя являются на помощь и вырывают из рук жестоких родителей их маленькие жертвы. Заметьте, что в Италии, как и во Франции, никогда не удается вызвать серьезный взрыв морального протеста против какого-нибудь из наиболее печальных общественных зол. Мы, итальянцы, почти не знаем общественных движений, которые в Англии беспрерывно следуют одно за другим. И вот, натуры деятельные, склонные к энтузиазму, должны искать другую сферу для приложения своей энергии.

Наконец, необходимо отметить, что как во Франции, так и в Италии некоторые специальные формы фанатизма, и, надо сказать, довольно сильные, несколько лет тому назад ослабли; упал прежде всего патриотический фанатизм, который увлекал столько умов и был, без сомнения, менее опасной формой, чем фанатизм анархический. В народных кругах в Италии патриотический дух, вызванный войной за независимость, угас благодаря главным образом ужасному экономическому кризису, переживаемому нами в последнее время. Во Франции патриотический подъем, вызванный несчастной войной 1870 года, вылившийся в такие разнообразные формы вплоть до буланжизма*, в данное время быстро падает вследствие отсутствия новых стимулов.

Из этого нельзя еще заключать, что энтузиасты легче впадают в фанатизм на социальной или экономической почве, потому что в этой сфере рамки более неопределенны, а относящиеся сюда теории могут обещать гораздо более того, что фактически является достижимым; или потому, наконец, что те миражи, которые анархистские партии развертывают перед глазами массы обездоленных, вселяли бы уверенность, что с исчезновением общественных несчастий прекратятся и все личные беды.

Если фанатизм религиозный, филантропический, патриотический является почти всегда безопасным, фанатизм политический или экономический всегда оставаться таковым не может. Политика всегда — борьба. Итак, если энергичный фанатик принимает участие и весь отдается этой борьбе, он доходит в ней до высшей степени экзальтации и находит в себе достаточно решимости, чтобы следовать своей любви или ненависти, даже предвидя на этом пути роковые последствия.

Но разве мы не видим также и религиозных фанатиков, которые становились убийцами в тех случаях, когда религия требовала страстной борьбы с враждебными сектами, как, например, это было во времена Реформации? То же самое роковым образом происходит и в политике, только с большей легкостью, так как политика всегда и всюду есть борьба идей, стремлений, интересов. Живой, страстный фанатик при малой культурности легко отож-

дествляет политическую партию или учреждение с единичной личностью. Эта тенденция, такая сильная и столь свойственная человеческому духу, достигает еще больших размеров у эпилептиков или просто у субъектов, предрасположенных к насилию, о котором, благодаря нашему классическому образованию, создалось представление, как о поступке добродетельном и героическом».

С другой стороны, один журналист (по-видимому, сочувствующий моим взглядам) спрашивает меня: «Как могло случиться, что Казерио, невежественный крестьянин, мог додуматься и исполнить с таким хладнокровием, мужеством и настойчивостью преступление, от которого отшатнулся бы в ужасе самый закоренелый преступник? Все, что вы сказали, — очень хорошо, потому что, действительно, наследственная эпилепсия, пеллагра братьев и собственная экзальтированность могут обусловливать такую необычайную перемену. Но для профанов этого объяснения недостаточно, чтобы понять весь психологический процесс и основные причины».

Я могу ответить на это так. Профаны не знают, что психологией доказано следующее явление: страстный темперамент и эпилептическая и пеллагрическая наследственность, так сказать, предрасполагают ум к более крайним стремлениям, повышают, сказал бы я, уровень средней чувствительности, концентрируют, сосредоточивают чувства в одном определенном направлении и этим уничтожают огромное расстояние, отделяющее апатичного крестьянина от страстного сектанта, — не говоря уже о том, что чрезвычайно тяжелые условия жизни ломбардского крестьянина должны были заставить его горячо сочувствовать чужому горю, хотя бы проявление этого сочувствия было бы и неразумным. Я буквально упал духом, живя в одних с ними условиях в течение 30 лет, когда я изучал среди них пеллагру. На эти условия я не раз указывал, но, к сожалению, безрезультатно. Ужасное положение ломбардских крестьян вызвано самими помещиками, которые совершенно безнаказанно продают крестьянам испорченную кукурузу.

Конечно, те, которые не знают, в каких формах может проявляться наследственная эпилепсия и пеллагра, не поймут, какая связь существует между этими болезнями и политическим преступлением, и вместо того чтобы искать причину этого непонимания в собственном невежестве, найдут более удобным высмеять чуждую им (по невежеству) точку зрения.

Тем же, которые заявляют: «Преступление совершено, стало быть, преступник должен понести наказание», и при этом полагают, что экспертиза психиатров не должна смягчать вину преступников, мы можем ответить только следующее: мы исполняем наше дело, вы — ваше. Вы хотите вынести приговоры или даже вновь обратиться к пыткам? И поступайте так, но тогда уж не обращайтесь к нам и не требуйте, чтобы мы извращали факты ради вашего удобства.

Как в свое время осуждали и сжигали истеричек под видом ведьм или святых, так и теперь, разумеется, можно убить сумасшедшего, если прояв-

ление его безумия вызывает настолько сильное негодование, что для удовлетворения необходимо пролитие крови. Но это ни в коем случае не должно смущать психиатра, ставящего диагноз, точно так же как нельзя требовать от ботаника, чтобы он исключил из флоры аконит или цикуту, потому что они ядовиты и не так красивы, как роза и фиалка. Не может же, в самом деле, ботаник отнять у них их свойств как цветов потому, что они некрасивы и лишены аромата.

Что же касается тех лиц, которые не могут оправдать свое незнание тем, что они журналисты, а не ученые, и в то же время осмеливаются утверждать, что я в своей книге объявляю всех анархистов эпилептиками, я отвечу им следующее: их отзывы наводят меня на печальное размышление о том, как низко упала наука в Италии, если ученые, которые должны дать отзыв о популярной книге в несколько страниц, усматривают в ней как раз обратное тому, что там говорится! Чего же мы должны ждать от людей, так грубо ошибающихся в столь простом случае, если им в руки попадется вопрос более сложный?

Ч. Ломброзо.
Турин, 4 сентября 1894 г.

Глава 1. Позиция и причины анархии

В то время как государственный механизм все более и более дифференцируется, появление такой теории, как анархизм, теории, которая призывает к возвращению в первобытное состояние, ко временам до появления *pater familias*[1] , — можно почесть только огромным шагом назад.

Однако как во всякой сказке есть доля правды, так и всякая теория, как бы нелепа она ни была, раз она имеет многочисленных последователей, должна содержать в себе элемент справедливости. Сама по себе мысль о возвращении в первобытное состояние не должна отталкивать нас от этой теории, потому что только само воплощенное тщеславие может утверждать, будто наши культурные стремления непременно всегда представляют шаг вперед. Наоборот, наш прогресс не может быть выражен постоянной восходящей кривой, а скорее зигзагообразной линией, которая часто бывает направлена как раз в противоположную сторону, и (вспомним «*multa renascentur quae jam cecidert*»[2]) поэтому поворот назад не всегда означает регресс. Возьмем хотя бы развод: это ведь до известной степени есть возвращение к доисторическим обычаям. Или гипнотические теории, которые выдвигают вновь вопрос о многих пророчествах и чудесах, отнесенных нами к детским

[1] Отец семейства (*лат.*). — Здесь в значении «патриархат».

[2] Многое способно воскреснуть из того, что уже умерло (*лат.*). — Гораций.

вымыслам древнего мира. То же можно сказать и о теории монизма, о борьбе за существование, о праве наказания и даже, если хотите, о всеобщем избирательном праве и *референдуме*.

Впрочем, объяснение того, каким образом могла возникнуть эта странная партия, можно найти в расследовании современных условий нашей жизни. Если, например, мы спросим чиновника, получающего хороший оклад, или какого-нибудь крупного собственника с узким умом и еще более узкой духовной жизнью, в каком положении, по их мнению, находится современное общество, — они не задумываясь ответят: «Мы живем в лучшем из миров». Им живется хорошо, — кому же в самом деле может быть плохо? Но если тот же вопрос мы зададим людям с другим, более развитым моральным чувством, например Толстому, Рише, Серджи, Гюго, Золя, Нордау, Де Амичису, то они скажут, что наш *fin de siécle*[1] представляется им весьма плачевным.

Один из самых серьезных и способных к правлению людей латинской расы, Токвиль уже много лет назад заявил: «Наши правительства делают ошибку, опираясь исключительно на личные интересы и эгоистические страсти одного класса; когда правительство теряет свою популярность, тот самый класс, которому оно давало столько привилегий, начинает клеветать на него, вместо того чтобы спокойно наслаждаться полученными привилегиями.

Если вникнуть и разобраться, какое огромное многообразие в настоящее время существует не только среди наших законов, но и среди принципов законодательства, если рассмотреть, какие разнообразные формы уже приняло и продолжает принимать наше аграрное законодательство, то можно прийти к выводу, что мы вообще склонны отстаивать те учреждения, с которыми больше всего свыклись. Так и в области общественных организаций реформы должны быть гораздо многочисленнее, чем это вообще принято думать».

Прежде всего люди страдают от недостатков нашего экономического строя. Не потому чтобы условия жизни были тяжелее в настоящее время, чем они были во времена наших предков: голод, который уносил раньше тысячи жертв, теперь уносит только сотни, и одеваются наши рабочие лучше, чем любой придворный древнего мира. Но зато и потребности людей нашего времени возросли непропорционально доходу, а удовлетворять свои потребности, прибегая к обычной благотворительности, к монастырской милостыне, теперь стало для людей прямо невыносимо. Эта филантропия гораздо больше способна оскорбить природное человеческое достоинство, чем хоть сколько-нибудь удовлетворить человеческие нужды. Кооперации тоже не достигают своей цели уже потому, что сфера их деятельности крайне ограничена, а в деревнях они почти и вовсе не встречаются.

[1] Конец века (*фр.*).

Пусть даже оба этих средства — кооперация и общественная благотворительность — будут действительны и достигнут своей цели, все равно ими нельзя было бы умиротворить страну, так как возникший на развалинах религиозного и патриотического фанатизма фанатизм социальный и экономический по существу так же слеп и необуздан, как всякий другой: он надвигается и рушит все на своем пути. На наших глазах падают идеалы религиозный и патриотический, исчезает национальный дух, рушатся основы семьи, падает корпоративный и кастовый дух.

Если мы примем во внимание, что человек не может жить без всякого идеала, то мы увидим, что люди поставили перед собой тот идеал, который более соответствовал их стремлениям выбиться из экономической зависимости, идеал более положительный — экономический. И этот идеал, вполне отвечая потребностям времени, не так легко может разрушиться под действием неумолимой логики современного научного анализа. И вся энергия, которая раньше была направлена в различные стороны, сосредоточилась теперь на достижении этого идеала. К этому надо прибавить, что однажды развенчанные идеалы (великодушие, терпимость, безропотное страдание) хотя уже и не могут бороться с новыми, все же обломки их препятствуют свободному движению вперед по намеченному пути. Над двумя социальными периодами — религиозным и феодальным — история действительно уже произнесла свой приговор, но время еще не изгладило их вредных последствий, от которых мы и по настоящее время страдаем. И теперь еще встречается во многих местах тщеславное властолюбие феодализма, его нетерпимость и религиозное ханжество. В настоящее же время к этому присоединилось еще владычество третьего сословия.

Власть церкви давно уже исчезла из наших правовых отношений; по крайней мере, так оно кажется на первый взгляд. Но попробуйте-ка затронуть какой-нибудь вопрос, так или иначе имеющий отношение к религии, хотя бы вопрос о разводе, или антисемитизме, или вопрос об упразднении церковных школ, и вы увидите, какую встретите оппозицию, само собой разумеется, под всякими благовидными предлогами: индивидуальная свобода, уважение к женщине, защита детей и т. д. и т. п.

Ведь и владычество военного сословия тоже, кажется, исчезло уж много веков тому назад; но стоит только затронуть эту струнку, как против вас поднимутся целые полчища, правда, не настоящей «публики», но людей из всевозможных официальных и полуофициальных сфер. А в бюджет государственных расходов входят миллионные статьи по содержанию сотен франтов, шалопаев и никому не нужных генералов.

Несчастным же учителям остаются гроши да бесполезные похвалы с обманчивыми посулами. Так маскируется государственное банкротство, а измученный крестьянин разоряется вконец от повышения цен на жизненные продукты.

В таком же положении находится и вопрос об идеалах патриотических и эстетических: правда, они забыты, но предложите французам отказаться от своей ненависти к итальянцам, англичанам — к половине мира; или попробуйте растолковать итальянцу среднего класса, до какой степени смешно его деланное поклонение классикам, которыми, по существу, он наслаждаться не может, которых он совершенно не понимает, а только приносит им в жертву лучшие годы жизни своих сыновей, — он не захочет вас и слушать или глубоко возмутится!

Четвертое сословие уже восстает против жажды наживы разного рода промышленных предпринимателей; оно протестует против превосходства трех остальных сословий и считает, что отношение между работой и прибылью трех высших классов и трудом и прибылью его — четвертого — слишком неравно.

Это чувствуется, об этом раздаются голоса и всего смелее там, где четвертое сословие находится в наименее стесненном положении и легче поэтому может оказать сопротивление. Несчастные индусы миллионами мрут от голода и не в силах реагировать на свое положение, так же как и наши ломбардцы, вымирающие от пеллагры. Наоборот, крестьяне Германии и Романьи, как и австралийские рабочие, находятся в сравнительно лучших экономических условиях, чем прочие, и поэтому у них больше сил, чтобы оказать сопротивление, и больше инициативы. Они протестуют и за тех, кому живется хуже, чем им. Анархисты оказываются далеко не самыми бедными, а многие даже богаты[1].

А потом, нельзя же отрицать. что почти все общественные и правительственные институты, существующие как в республике, так и в монархии, — не что иное, как величайшая условная ложь. Так это, по крайней мере, обстоит среди латинских рас. Все мы носим внутри себя эту ложь, хотя на словах и не признаем ее.

---

[1] По парижским статистическим данным, которые, несомненно, неполны и небеспристрастны, в Париже насчитывается 500 анархистов (сами же анархисты утверждают, что их 7500 в Париже и 4000 во Франции). Они делятся на два класса: пропагандисты и адепты. Среди пропагандистов насчитывают: 10 журналистов, 25 типографщиков, 2 корректоров; среди адептов: 17 портных, 16 сапожников, 15 столяров, 12 цирюльников, 15 механиков, 10 каменщиков, 20 рабочих в съестных заведениях и 250 разных других профессий, а именно: 1 архитектор, 1 бывший чиновник суда, 1 певец, 1 биржевой спекулянт, 1 агент страхового общества и т. д. Однако эти цифры, без сомнения, неполны. Во всяком случае, среди этих людей не может быть крайней нужды; не может нуждаться и Дипон, богатейший из вождей анархистов, и Кропоткин, и Гори, и Молинари, и Дрекскен, принадлежащий к очень богатой семье. Дюбуа насчитывает во Франции от 20 до 30 тысяч анархистов, по большей части не кочующих рабочих: сапожники, портные, красильщики и обойщики, следовательно, не полные бедняки.

Ложь — вера в парламентаризм, бессилие которого открывается с каждым днем все больше и больше; вера в непогрешимость стоящих у кормила правления — ложь, ложь и вера в правосудие, которое наказывает едва ли 20% истинных виновников преступления. Большей частью наказанию подвергаются только дураки, а кто поумней, тот остается на свободе, этими восхищаются и служат им те, которые слабее и совершенно невинны.

В наших руках лишь очень незначительная полоса берега, и в то время как наши поля остаются необработанными, мы, как дети, с жадностью набрасываемся на какие-то совершенно пустынные земли, которые стоят нам стольких жизней и вдобавок совершенно не окупаются той ничтожной выгодой, которую они могут принести.

А такие глубокие язвы нашего общественного организма, как пеллагра, целая масса предрассудков, алкоголизм, вошедшее уже в обычай беззаконие, схоластическое невежество, — мы стараемся залечить разными театральными представлениями, риторическими фразами, и как только мы вообразим, что кое-что уже сделано, так сейчас же все бросаем, особенно если нам самим это не доставляет особого удовольствия.

Если мы внимательно присмотримся к нашему столичному обществу, которое, подобно тому как в Японии, подчинено микадо и тайкуну*, то мы заметим, в нем те же недостатки, что и в остальной Италии, правда, в меньших размерах. Духовенство, хотя и слабое в теории, пользуется *de facto* огромным влиянием на два противоположных класса: плебеев и патрициев. Но духовенство, унаследовав власть того и другого класса, не унаследовало их престижа; при этом оно не умнее и не энергичнее их обоих. Это посредственность, царящая над всем, не сознающая своего ничтожества и судящая о фактах только с утилитарной точки зрения; посредственность, у которой нет впереди ни идеалов, ни даже заранее намеченной цели. Повсюду памятники и торжества заменяют учреждения; слепая любовь к своему углу и нетерпимость к чужому заменяют любовь к отечеству; в конце концов — грустная тишина, как покой океана, нарушаемая лишь изредка короткими бурями. Их поднимают обыкновенно люди скорее храбрые, чем честные, которые растрачивают свое непрочное влияние на маловерный народ.

Наше воспитание не только не уменьшает, а скорее увеличивает это зло; мы живем в эпоху, когда дни часто равносильны годам, а года — векам; нашим же юношам мы хотим создать искусственную атмосферу, в которой жили наши предки тысячу лет тому назад. И в настоящее время даже сильные умы не имеют достаточно времени, чтобы усвоить необходимые для всех знания (как, например, отечественная история, гигиена, живые языки, статистика), а мы все хотим, чтобы наше юношество убивало свое лучшее время на то, чтобы выучиться с грехом пополам болтать на мертвых языках о давно умерших предметах, — и все это чтобы выработать хороший вкус; а между тем мы нашли бы смешным, если бы в течение десяти или

пятнадцати лет их обучали делать цветы или сольфеджио? Поток современной жизни, столь тревожной и богатой событиями, несется вперед, а мы как будто не замечаем этого движения. Максим д'Азелио пишет со своей обычной удивительной откровенностью: «С ужасом вспоминаю, что провел пять или шесть лет за изучением латыни в том возрасте, который наиболее способен к восприятию новых языков, и что вместо того, чтобы кое-как знать греческий и латынь, которые мне совершенно ни к чему, я мог бы знать хорошо необходимые для меня английский и немецкий; воспитание мое было все проникнуто иезуитской закваской. Задача, которую себе ставит иезуитский принцип и которую он всегда великолепно выполняет, состоит в следующем: продержать юношу до двадцати лет в своих руках за постоянным изучением, но при этом сообщать ему такие сведения, которые впоследствии не пригодились бы ему, и все это для того, чтобы образовать характер, ум и убеждения взрослого человека». Воображаю, как будут смеяться над нами наши внуки, когда узнают, что в наше время миллионы людей вполне серьезно полагали, что зазубренный по принуждению отрывок из древних классиков, забываемый скорее, чем это обыкновенно полагают, или какие-нибудь сухие грамматические правила вернее поведут юношу по пути умственного развития, чем изложение фактов и их неумолимая логика. И кто через несколько лет поверит, что когда-то латынь вполне серьезно считалась необходимым знанием для врача, инженера, моряка или офицера? А ведь стратегические, гигиенические и математические доктрины уже сильно изменились, и наиболее нужные технические сведения теперь гораздо легче почерпнуть из литературы новых языков! Между тем воспитываются поколения, ум которых долгое время питался формой, но не сущностью, и еще больше, чем формой (которая должна была бы выразиться в каком-нибудь художественном произведении), слепым преклонением перед нею, тем более сильным, тем более слепым и бесплодным, чем больше был промежуток времени, погубленный на эту бесполезную работу. Когда же мы убеждаемся, что достаточно уже забили эти бедные умы классической чепухой, то сверх нее мы набиваем еще археологическую и метафизическую ерунду. Слава богу, что наше арийское происхождение было доказано сравнительно поздно, иначе мы наверное имели бы две или три кафедры объяснения *Mana-dharmasastra* (законов Ману)*; а не то признали бы необходимым для наших юношей восьми- или девятилетнее изучение санскритского языка. На этом стали бы особенно настаивать представители министерства народного просвещения, и больше всего те из них, которые не знают этого языка, — они наверняка стали бы утверждать, что эти вещи необыкновенно способствуют изощрению юношеского ума.

Вот почему, не имея, таким образом, прочных основ, наше юношество жадно набрасывается на первое новшество, самое нелепое, даже зачастую совершенно не соответствующее времени, лишь только оно напоминает ему плохо понятую древность. Тот, кто думает об этом предмете иначе, пусть

вспомнит классицизм революционеров 1789 года и прочитает «Инсургент» Валлеса; тогда он увидит, в какой степени именно это воспитание, как совершенно не соответствующее эпохе, способствовало образованию типа сбитого с толку бунтаря. Такое усиленное проведение классицизма сделало то, что теперь мы с большей охотой воздвигаем монументы, устраиваем всевозможные помпезные торжества, чем учреждаем промышленные предприятия, осушаем болота или строим школы.

И вот, как следствие такого воспитания, и получается то, что в основании деятельности наших революционеров, начиная с Кола ди Риенци и кончая Робеспьером, лежит насилие. «Что такое наше классическое образование, как не сплошное прославление самых разнообразных проявлений насилия?» — пишет Ферреро. Начинается оно с восхищения перед убийством Кодра и Аристогитона* и заканчивается цареубийством Брута. Да и вся история Средних веков, Новая история и история нашей эпохи Возрождения в устах наших преподавателей принимает вид какого-то прославления грубых актов насилия.

А вот стихи поэта, которого считают пророком морали новой Италии, стихи, встреченные всеобщими рукоплесканиями:

Железа и вина я жажду...
Железа, чтоб тиранов уничтожить.
Вина, чтоб на их трупах тризну править*.

Деморализация уже столь глубоко проникла в общество, что стала общей всем партиям. Клерикалы аплодируют убийству Равальяка, консерваторы приветствуют расстрелы коммунаров 1871 года, республиканцы восторгаются бомбистом Орсини, но все они сходятся в одном: все аплодируют насилию, когда оно в их пользу. А герой нашего недавнего прошлого, кто он? Это не знаменитый исследователь и не великий артист, это Наполеон I.

К чему удивляться после этого, что в обществе, так сказать, насыщенном насилием, оно прорывается время от времени, как молния прорезывает тучи? Нельзя безнаказанно объявлять насилие священным даже при условии, что оно должно применяться в строго определенных случаях. Рано или поздно проповедь насилия перейдет из одной политической партии в другую. В противовес всем этим фактам человечеству следовало бы углубиться в свою совесть и перестать служить жестокому культу грубой силы; пора бы понять наконец, что принцип насилия всегда является безнравственным, пусть даже это насилие будет восстанием против насилия же. То, о чем я говорю, не болезненная сентиментальность: это принцип морали, возникшей из неустанного наблюдения над жизнью. Надо усиленно проповедовать новую религию нравственной силы, чтобы ускорить переворот, созревающий в глубине современной цивилизации; иначе европеец со все-

ми своими знаниями и цивилизацией докажет, что он немногим выше австралийца, отвечающего на вопрос о добре и зле следующим образом: «Добро, когда я отнимаю у другого жену; зло, когда другие отнимают мою».

Весьма важно то обстоятельство, что основы представительного правления не оправдали надежд. Некоторое время думали, что чем больше будет число людей, между которыми разделена власть, тем менее деспотично, тем более разумно и нравственно будет управление. Однако не подумали о том, что было известно уже в век Макиавелли: всякая форма правления носит всегда зародыши своего собственного разрушения; а наша форма правления как нельзя более оправдывает это мнение. У нас власть опирается на толпу, а толпа, пусть она будет даже в высшей степени однородна и состоит из избранных людей, все же при своих решениях не суммирует мысли отдельных людей, а отвергает негодные ей суждения, образуя, таким образом, то, что называется мнением большинства.

Формы наших учреждений неудовлетворительны даже в своих мельчайших деталях, а именно: люди, стоящие во главе правления, должны бы быть наиболее опытными техниками, а оказывается на поверку, что они менее всего техники, так как парламент требует в данный момент то демократа, то ломбардца, то венецианца. Кто может верить в правоведение или доверять компетенции морского министерства, если, быть может, оно взято из рыболовов; компетенции министерства народного просвещения, составленного из моряков? Парламентаризм не только не является гарантией честности, но, наоборот, он становится орудием политического шантажа: он играет роль ложного рубца, который скрывает нарыв и не дает выхода гною; больше того, он нередко вызывает преступление. Последние банковские процессы в Италии и Франции открыли нам, как много государственных мужей принимает участие в неблаговидных спекуляциях, стараясь набить свой карман или оказать давление на выборы, как это было во Франции во время борьбы с буланжизмом. Стать мошенником ради пользы государства многим уже не кажется преступлением; так точно в Средние века не считалось преступлением отравить политического врага, и этим пользовались не только Борджиа, но и венецианский Совет десяти*. Можно помочь газете из общественных средств, а отсюда легко перейти к помощи другу; еще одна ступень — и можно помочь себе. Этот переход не труден особенно для того, кто недостаток таланта старается возместить отсутствием честности. Парламентаризм расширяет сферу безответственности. Такого рода преступления существовали во все времена. В Риме причиной многих войн была расточительность и праздность какой-нибудь маленькой финансовой аристократии, в Англии и во Франции два или три века назад считалось вполне нормальным, если первый министр, а иногда и сам король получали пенсию от иностранных держав; министры и фавориты в короткое время составляли себе капиталы часто посреди всеобщей нищеты, дающей себя знать даже и при дворе.

То, что теперь попадает в банки и предприятия *á la* Панама, при деспотическом правлении клали себе в карман королевские фавориты и любовницы. Теперь, если им и мало перепадает, зато господа депутаты получают достаточно (и перемена ролей, признаться, произошла не к лучшему). Депутаты считают себя непорочными и менее ответственными, чем короли, руководствуясь той мыслью, что они не государственные чиновники. В крайнем случае они рискуют потерять свой пост, после чего они могут безопасно наслаждаться жизнью на общественные деньги, которые они успели накопить во время отправления ими гражданского долга. А поэтому весьма естественно, что они и не сдерживают себя, тем более что их нравственное чувство находится в зачаточном состоянии. Тогда как несчастные короли, если бы они решились поступать так же, прежде всего потеряли бы уважение страны, а с ним в конце концов и трон, а быть может, и имущество и самую жизнь.

Заставьте через руки безответственных и почти недоступных контролю людей проходить огромные богатства и попробуйте-ка устроить так, чтоб они остались целы! Зло в наше время оттого-то так и велико, что хотя королей мало, зато много депутатов и сенаторов.

Теперь за злоупотребления этих лиц расплачивается все возрастающими и возрастающими лишениями и непосильным трудом обездоленный низший класс.

Верные мысли некоторых анархистов

Хотя и после всего сказанного нельзя оправдать, но можно по крайней мере понять, как в некоторых наивных или пылких умах родилась идея анархизма, идея протеста души против лжи и несправедливости, идея борьбы за честь и истину. Таким образом, можно будет понять и те фразы анархистов, которые выражают глубоко справедливые мысли. Вот, например, мысли Мерлино и Кропоткина:

«По какому праву существуют государства?

Зачем отдавать в руки нескольких лиц свою свободу и инициативу? Зачем допускать, чтоб они силой покорили себе всех? С согласия или против воли каждого отдельного лица они располагают им по своему желанию? Разве это какие-нибудь особенно одаренные люди, чтобы за ними была бы хоть тень права занимать места многих? Разве эти люди в состоянии блюсти интересы остальных лучше, чем это делали бы сами заинтересованные? Разве они так уж непогрешимы и беспорочны, чтобы имело хоть каплю здравого смысла вверить судьбу всех их мудрости и благости?

Да пусть даже и найдутся такие люди бесконечной доброты и мудрости, допустим гипотезу (которая в истории фактически никогда не осуществлялась), что власть вручена самым способным и самым лучшим людям, то что дала бы им эта власть, что прибавила бы она к благодетельному влиянию

этих людей? Власть скорее парализовала бы это влияние: этим людям пришлось бы заниматься целой массой вещей, которых они не понимают, и прежде всего тратить лучшую часть своей энергии на то, чтобы удержать за собой эту власть, чтоб удовлетворить друзей, чтоб держать в узде недовольных и усмирять бунтовщиков.

Далее: каковы бы они ни были, добрые или злые, мудрые или невежественные, кто вручил им их высокую миссию? Или они овладели ею сами при помощи войны, победы или революции? Но тогда где же гарантия общества, что они будут проникнуты желанием общего блага?

Таким образом, все дело сводится к узурпации, и если порабощенные недовольны, то им остается только одно: прибегнуть к силе. Всякая теория, при помощи которой оправдывают себя правительства, покоится на предрассудке, будто бы необходима сила, стоящая над всеми, чтобы заставить одних уважать интересы других.

Но лучше обратимся к фактам.

В течение всей исторической жизни народов, да и в современную нам эпоху, всякое правительство есть грубое, насильственное, самовольное владычество немногих над массами, или же орудие, приспособленное для того, чтобы те, кто силой, хитростью или по наследству завладели всеми средствами к жизни, могли бы упрочить за собой власть и эти преимущества; прежде же всего землю, при помощи которой они и держат народ в рабстве и заставляют его работать на себя.

Людей угнетают двумя способами — или непосредственно, грубой силой, физическим насилием; или путем отнятия у них средств к существованию. Первый способ есть начало власти, или, лучше, политических привилегий; второй — родоначальник власти и привилегий экономических.

Прежде всего неверно то положение, что вместе с изменением социальных условий меняется природа и форма государства. Орган и его функции нераздельны. Отнимите от органа его функции, и он или умрет, или же функция должна восстановиться. Поместите войско в страну, где нет ни повода, ни опасности войны, и оно или вызовет войну, или распадется. Там, где нет необходимости расследовать преступления и излавливать преступников, полиция прекратит свое существование.

Во Франции, например, веками существует учреждение — *louveterie*[1], на обязанности которого лежит заботиться об истреблении волков и других вредных животных. Никто не удивится, что именно благодаря этим учреждениям волки и до сих пор водятся во Франции, и очень опасны в течение зимних месяцев. Публика не интересуется волками, потому что существует *louveterie*, обязанная думать о них. А учреждения устраивают охоты, но разумно и осмотрительно: они щадят молодое поколение и обходят период

[1] *Louveterie* — охота на волков, а также служба по истреблению опасных животных (*фр.*).

размножения, чтобы доходное животное не вымерло вовсе. Французские крестьяне, по существу дела, мало доверяют этим учреждениям и, скорее, считают их охранителями волков. И это понятно: что делали бы чиновники этого ведомства, если бы волков вдруг не стало?

Правительство, которое представляет собой известное число лиц, издающих законы и распоряжающихся силой всех, чтобы заставить каждого в отдельности уважать эти силы, есть привилегированный класс народа. Конечно, эти люди инстинктивно стараются расширить область своего влияния и избавиться от народного контроля.

Но предположим на минуту, что правительство могло бы служить всему обществу, не составляя само привилегированного класса, что оно может жить, не создавая около себя нового класса привилегированных и оставаясь представительным. Что произошло бы от этого?

Вечно повторяется старая история с колодником, который, продолжая жить, несмотря на кандалы, думает, что он и живет-то именно благодаря кандалам. Мы привыкли жить под гнетом государства, которое овладевает всеми силами, всеми умами, подчиняет себе волю всякого, заставляет служить себе все, что только может быть ему полезным; с другой стороны, уничтожает, парализует то, что оно считает для себя опасным или бесполезным. Мы же воображаем, что все, что происходит в обществе, происходит благодаря государству, что без него в обществе не было бы ни силы, ни ума, ни доброй воли. Так (мы это уже говорили) собственник, присвоивший себе землю, возделывает ее для своей личной пользы, оставляя рабочему только самое необходимое, чтоб тот мог и хотел продолжать работать, — порабощенный же работник думает, что он не может жить без господина, как будто бы господин создал землю и силы природы».

Обычаи всегда следуют за потребностями и желаниями большинства. И обычаи эти пользуются тем большим уважением, чем дальше они отстоят от санкции закона, потому что заинтересованные в их соблюдении лица сами заботятся о том, чтобы сохранить к ним уважение. Для каравана, путешествующего через африканскую пустыню, разумное, экономное пользование водой является вопросом жизни или смерти.

И в этих условиях вода становится священным предметом, и никто не осмелится обращаться с ней небрежно. Конспираторы нуждаются в сохранении тайн, и тайна хранится, иначе несмываемый позор падает на голову открывшего ее. Долги игроков не охраняются законом, зато среди игроков уплата этих долгов — дело чести.

Быть может, кто-нибудь воображает, что не будь жандармов, число убийств сейчас же возросло бы. Но большая часть итальянских общин почти никогда не видит жандармов. Миллионы людей ходят по горам и долам вдали от бдительного ока власти, и всякий, кто захотел бы, мог бы убить их совершенно безнаказанно, а между тем они подвергаются ничуть не большей опасности, чем те, которые живут в центрах. Статистика по-

казывает, что число преступлений не зависит от репрессивных мер, тогда как с переменой экономических условий и состояния общественного мнения оно быстро меняется. Здесь уместно будет заметить, что новая итальянская школа наказаний, устами Э. Ферри, давно уже указывала на ничтожность влияния наказаний, но с предусмотрительностью, свойственной латинским народам, тотчас предложила заменить наказание социальными, законодательными предупредительными мерами: например, она предлагает развод как предупредительную меру против адюльтера, общественные бани — в предупреждение действия жары на убийц, и т. п.

«...Революция при существовании государства и частной собственности не создает никаких новых сил сверх тех, которые уже существуют; но она дает выход уже существующим силам и способностям».

Это заключение не лишено верности. Как мы видим из примера Флоренции и Афин, ослабление государственной власти повлечет за собой развитие на просторе тех индивидуальных сил, которые раньше были задавлены государством; однако, как только толпа возьмет перевес, индивидуальность вновь будет подавлена.

Вот сводка понятных теоретических идей анархистов:

1. Счастье — это право и объективная цель жизни человека.

2. По своей природе человек добр (психологи думают как раз обратное) и достоин и способен быть счастливым.

3. Абсолютная свобода, возможность для каждого делать беспрепятственно все, что он захочет, — вот условия счастья. (При этом совершенно упускают из виду, что желание одного может быть во вред другому: изнасилование, воровство и т. п.)

4. Все ограничения, внешние или социальные, внутренние или моральные, созданы искусственно и должны быть рассматриваемы как причины несчастий и печали людей. (А что же делать с прирожденными преступниками, с сумасшедшими человекоубийцами?)

5. Вся система законов, противоречащих человеческой природе, была создана одним классом людей, желающим руководить остальными и использовать их в свою пользу; весь этот класс в целом ответствен перед нами за настоящее искусственное и печальное положение вещей.

6. Быть может, для установления хорошего и счастливого порядка необходимо порвать со всем прошлым не только так, как этого хотят социалисты, т. е. уничтожить класс экспроприаторов, но окончательно разрушая оковы, как социальные, так и моральные. (Между тем внезапный разрыв со всем прошлым уже делает человека несчастным: ведь большая часть диких племен потому и погибла, что завоеватели слишком внезапно приводили их в соприкосновение с новой для них цивилизацией.)

Что же касается их практических целей, то они были сформулированы недавно следующим образом:

1. Создание пролетарского владычества над *всеми* средствами. (В слове *всеми* скрывается общая преступность.)

2. Создание общества, свободно основанного на коммунальном владении всеми благами. (Этот возврат к первобытным временам совершенно неосуществим.)

3. Простейшая организация производства.

4. Свободный обмен равноценных продуктов при помощи производственных товариществ, без всякого посредничества и без извлечения прибыли.

5. Организация воспитания на научных основах, без участия религии и одинакового для обоих полов. (Раз природа создала их разными, никакой закон не сделает их одинаковыми.)

6. Обсуждение всех общественных нужд при помощи свободных докладов общин и союзов, основанных на федеративных началах.

Критика идей анархизма. Их нелепость

Ни одна из этих идей не осуществима; впрочем, не все они невозможны. И среди мыслей анархистов попадается несколько базисов, не лишенных будущности; к таковым относится, например, идея большей индивидуальной свободы, критика совершенно бесполезной системы репрессий. Но, за исключением этих мыслей, все здание анархии рушится как в своей основе, так и в своем применении. Когда Кропоткин проповедует необходимость возврата к древнему коммунизму, я не стану ужасаться из одной скрупулезности, раз я увижу, что он нашел путь к практическому осуществлению своей мысли; но ведь он советует автору самому заняться издательством и печатанием своей книги, совершенно игнорируя, что разделение труда — есть истинная находка современности, которая никакими теориями не будет разбита; наконец, за неимением ничего лучшего он рекомендует предоставить народу разделить то, в чем он нуждается, позволить ему броситься на *толпу*, как стадо волков бросается на добычу; он как будто бы не подозревает того, что если добычи не хватит, то люди, подобно волкам, пожрут друг друга; он игнорирует то обстоятельство, что если коллективные предприятия до сих пор оказывались вредными, то потому, что в таковых пороки отдельных индивидов суммировались, а не уничтожались.

Если б наши коллективные учреждения не представляли из себя малочисленных групп, каковы, например, комиссии, институт присяжных, а состояли бы из всей массы народа, они были бы во сто раз бесплоднее, опаснее и преступнее, чем сейчас; и тогда-то уж они наверняка задушили бы всякое индивидуальное проявление, которому так мало покровительствует наше государство и которое совершенно справедливо выдвигает анархизм, — и разрушили бы его не постепенно, а сразу.

Старая истина, что чем многочисленнее собрание, тем менее мудры и справедливы его заключения, вошла уже в пословицу; индивидуальные пороки, сдерживаемые культурой в отдельных личностях, с большей силой дает себя знать в толпе.

Это верно и в тех случаях, когда затронуты денежные интересы, где человек оказывается наиболее чувствительным; общество же почти всегда делает ошибки в подобных случаях. Чего же ждать в тех случаях, когда личные интересы остаются в стороне, — в вопросах политических, административных, коммунальных? Вспомним старую пословицу: «*Danari del commune, danari di nessuno*»[1] . И как метко замечание Мольтке, что парламентское собрание, члены которого не несут полной ответственности, скорее согласится на войну, чем любой властительный князь или министр; депутат же дает свое согласие с легким сердцем потому, что он не несет ответственности.

Наконец, несмотря на некоторые заманчивые предложения анархизма, немедленное введение его сделало бы его нелепым и нежизнеспособным. Всякая реформа должна быть проводима чрезвычайно медленно, иначе она вызовет реакцию, которая разрушит всю предыдущую работу. Ненависть к всякому новшеству так глубоко коренится в человеке, что выступление насилием против установившегося уже строя, против *старого*, является *преступлением*: оно оскорбляет взгляд большинства. А если это необходимо нужно угнетенному меньшинству, то и тогда этот переворот есть акт антиобщественный и, стало быть, — преступление. Сверх того, часто это преступление бывает бесполезным, вызывая реакцию в сторону мизонеизма.

Мизонеизм властвует над всеми, начиная от дикаря, слабый разум которого утомляется всякий раз от новых впечатлений, и кончая ребенком, который выходит из себя и плачет, если не увидит ту же самую картинку или не услышит ту же сказку, рассказанную теми же самыми словами; и начиная женщиной, которая более упорно, чем мужчина, сохранила древние обычаи, и кончая современным академиком, который, несмотря на высоту своего развития, скептически относится ко всякому новому открытию, мизонеизм проявляется повсюду: в костюмах, в религии, в морали, в науке, в искусстве, в политике.

Этот же консерватизм обусловливает то, что всякий новатор встречает на своем пути столько противников.

И не только толпа, но и большинство образованной публики ненавидит новатора. Академии, эти последние прибежища отживших эпох и вкусов, не признают истинных ученых.

Даже гении не избегли мизонеизма, упорно отстаивая те мысли, за которые они боролись, и не допуская в них перемен, тех самых, которые они произвели над идеями старыми. В этом смысле Спенсер и говорил, что всякий данный прогресс является регрессом для будущего.

---

[1] Платят все, значит, не платит никто (*ит.*).

Итак, можно с уверенностью сказать, что большинство с фатальной необходимостью подвержено мизонеизму: оно с недоверием встречает все новое и отталкивает все, что задевает его слишком глубоко.

В этом мизонеизме, в боязни нового скрывается, быть может, великий бессознательный голос наследственного инстинкта, который, верный своей миссии сохранения вида, протестует против всякого, кто хочет навязать ему что-либо новое.

Итак, если органический и человеческий прогресс совершается только очень медленно и если человек и общество инстинктивно консервативны, то сам собой напрашивается вывод, что всякие попытки к прогрессу, вводимые путем насилия, вызывают бурю негодования и являются основанием политического преступления.

Если же, наоборот, реформа, введенная не слишком энергичными мерами, принимается большинством, это значит, что она должна была явиться как раз в тот момент, когда явилась; принятие ее большинством есть верный признак того, что она не идет вразрез с мизонеизмом, не насилует инерции большинства; она, следовательно, явление физиологическое, а не патологическое. Одним словом, этим уже доказывается, что в действительности революция не есть политическое преступление.

И в самом деле: первое условие того, чтобы какой-нибудь акт был антисоциальным, это чтобы он был делом меньшинства. Нормальным он становится тогда, когда его одобрит большинство.

Но политическое преступление становится общим преступлением тогда, когда из области теории, открытой для всякого обладающего здравым рассудком, оно переходит к практике. Как мы видели, анархисты всеми средствами стремятся достигнуть цели. Грабежами и убийствами они хотят привлечь на свою сторону адептов, которых им не удалось привлечь при помощи литературных и ораторских приемов; они убивают совершенно невинные жертвы, что, конечно, влечет за собой сильную реакцию со стороны большинства. Здесь преступление и нелепость сливаются в одно; если же и достигается что-нибудь, то как раз обратное тому, чего желали. Таким путем анархисты становятся лишь непопулярными в низших слоях и вызывают к себе отвращение в высших; как нетерпеливые лодочники, они вместо того, чтобы привести ладью к берегу, удаляются от него.

Я знаю, анархисты возразят мне следующее: «Но если зло существует, разве мы не обязаны бороться с ним, хотя бы страдающие от него и отказывались от нашей помощи?» Однако я должен возразить, что подобная попытка облегчить страждущих перестает быть обязательством и становится преступлением, потому что подобное средство излечения не принимается публикой и не идет ей на пользу, а, наоборот, только настраивает ее и против больного, и против врача. Масса похожа на тех женщин из народа, которых бьют их мужья, но которые всякую попытку вступиться за них встречают такой фразой: «А если нам нравится, чтоб нас били, чего же вы суетесь не в

свое дело?» И верно, кто подобными средствами хочет заплатить за всех, мешается не в свое дело — все равно, будет ли он в истории носить имя Марселя, Кола ди Риенци или Помбала*. Тот самый народ, которому они хотели помочь, возмущался их жизнью и их делами и тем самым подтвердил суровый закон истории.

Революции и бунты

Отсюда ясна разница между революцией и восстанием. Революция в собственном смысле слова есть явление медленное, подготовленное, необходимое, самое большее — ускоренное каким-нибудь нервозным гением или исторической случайностью. Восстание же или бунт можно сравнить с искусственно произведенным эмбрионом, плодом чрезвычайно приподнятой температуры, обреченным на смерть.

Революция — это историческое выражение эволюции; она движется спокойно, но уверенными шагами, охватывая широкие круги; ее движение медленно, постепенно, но успех ее гарантирован; постепенно она становится все шире и шире; вызвана она чаще гениальными или страстными людьми, а не прирожденными преступниками; случается же революция чаще среди цивилизованных народов (среди рас германской и саксонской).

Революции подобны кризисам в индивидуальной жизни. Отрок, прежде чем стать мужчиной, переживает кризис возмужалости; народ же, чтобы стать одной ступенью выше на длинном пути человеческого развития, должен пройти через революцию. Итак, революция не болезнь, а необходимая ступень в развитии вида.

Восстания же, наоборот, дело рук немногих и вызваны часто маловажными, или даже местными, или личными причинами; случаются часто среди малоцивилизованных народов, например среди жителей Санто-Доминго, в средневековых республиках, в Южной Америке; в них принимают участие преступники и сумасшедшие, которых вовлекает в восстание их болезненная потребность думать и чувствовать иначе, чем другие, честные и здоровые; благодаря своей природной импульсивности они не испытывают ужаса перед совершением таких актов для достижения своих целей, как цареубийство, пожары, от которых всякий другой отшатнулся бы в ужасе и которые по существу всегда бесполезны, преступны и всегда противоречат господствующему мнению и этическому чувству.

Глава 2. Преступность среди анархистов

После всего сказанного в первой главе понятно, что самыми деятельными адептами анархизма должны быть по большей части или преступники, или сумасшедшие, или и то и другое вместе. (Исключение составляют такие люди, как Ибсен, Реклю, Кропоткин.)

Лучше всего доказывает это таблица лиц, приложенная к «Политической преступности и революции». Из нее видно, что цареубийцы, как, например, Фиески, Каммерер, Рейнсдорф, Гёдель, Штелльмахер, и фении*, как Брэди и Фитцгаррис, имеют вполне преступный тип; жестокие преступники 1789 года во Франции представляют тот же преступный тип: например, Марат, Журдан, Каррье; в то время как истинные революционеры, как Корде, Мирабо, Кавур, и большинство русских революционеров, Осинский, Михайлов, Засулич, Соловьев, Иванова, представляют вполне нормальный тип, даже более красивый, чем нормальный.

Один юрист, почтенный адвокат Спиньярди, доставивший мне много интересного материала для этого очерка, говорил мне: «Я еще ни разу не видал анархиста, который не был бы или горбатым, или хромым, или не с асимметричным лицом».

Среди парижских коммунаров я констатировал преступный тип у 12%. Среди 41 парижских анархистов тот же тип я нашел у 31%; среди 43 анархистов Чикаго — у 40%; из 100 туринских анархистов 34% имело преступный тип. В это же время среди наших революционеров преступный тип выражается всего лишь в 0,57%, т. е. ниже нормы (2%), среди русских революционеров тот же тип выражается в 6,7%.

Жаргон

Доказательством распространенности преступного типа среди анархистов служит употребление ими специального жаргона преступников.

Довольно прочесть сборник их песен и их любимый журнал «*Pére Peinard*», чтобы увидеть, что анархисты пользуются жаргоном совершенно так же, как преступники. Например, они называют друг друга «*copains*» вместо «*compagnons*», а своих главарей именуют на жаргоне «*trimardeurs*», от слова «*trimard*» — большая дорога. Даже в квитанциях их абонентов у них получили права гражданства такие жаргонные выражения, как «*Reçu galette*»[1], «*Reçu 4 balles pour la propagande*»[2].

Татуировка

Этот, такой характерный, признак прирожденного преступника тоже часто встречается у анархистов. Во время анархистских беспорядков 1888 года в Лондоне один очевидец насчитывает много татуированных среди демонстрантов — признак, с известной достоверностью говорящий об их преступности. «На наружной стороне кисти у многих были изображены серд-

[1] Монеты получены (*фр.*).

[2] Получено 4 шара (это слово также означает франк, пуля, тюк) для пропаганды (*фр.*).

ца, мертвые головы, скрещенные кости, якоря и разные узоры». На лбу у одного юноши был вырезан лавровый венок, а на лбу другого — слова: «*I love you*»[1].

Этическое чувство

Преступность анархистов обусловливается отсутствием у них морального чувства, что делает для них такими естественными убийства и грабежи — преступления, приводящие других в ужас.

Вот как один анархист ответил, когда ему было указано на то, что итальянские крестьяне всегда будут возмущаться против антиконсервативных теорий: «О, об этих не приходится особенно долго думать; хороший заряд картечи сразу введет их в узду!» И кто же другой, кроме преступника, станет бросать бомбы в ресторанах, в театрах, в мирных граждан, вся вина которых состоит в том, что они *«буржуа»*, т. е. платят хозяину по счету, а не мошенничают; ведь это бойня лиц, мыслящих иначе, и большей частью лиц честных.

Преступники

Герои анархизма почти все прирожденные преступники.

Ортис был предводителем шайки грабителей квартир, которая недавно была осуждена.

В Милане к партии анархистов принадлежат все лица, изгнанные из других партий, все не имеющие определенных занятий и отбывшие наказание. Среди этой группы мошенничество проповедуется и практикуется, а главари не хотят, да и не могут положить конец этому. Из их среды образовалась известная банда Полетто, занимавшаяся изготовлением и сбытом фальшивых монет; они же в течение долгого времени устраивали грабежи пассажиров на железных дорогах; последняя форма преступления, кажется, даже их изобретение.

Кто не знает двух изречений их двух апостолов, Коммонвеля и Грава? Первая сентенция гласит: «Грабеж есть возвращение путем насильственного захвата от богатых того, что они насильственным же путем отняли у бедных». Вторая: «Открытое присвоение достояния других, совершаемое во имя теории анархизма и как протест против существующего социального строя, не только законно, но и *похвально.* Насильственное присвоение должно быть для анархистов как бы приготовлением к той окончательной священной *Жакерии,* которую анархизм должен рано или поздно осуществить».

[1] «Я вас люблю» (*англ.*).

Уже в книге Герцена «С того берега» мы читаем: «Все разрушить, за все отомстить, все рассеять: даже и то, что подымает дух, даже науку и искусство, — вот преобладающий мотив». Бакунин рекомендует юноше святое и спасительное невежество, его идеал — это разбойник казак Стенька Разин, предводитель бунта при Петре Великом.

Равашоль

Равашоль. Более законченный тип прирожденных преступников мы имеем в лице Равашоля и Пини. Их преступность выражена не только в лице, но в их привычке к преступлению, в любви ко злу, в полном отсутствии морального чувства, в их бравировании ненавистью к семье, в их индифферентизме к человеческой жизни.

В лице Равашоля нам прежде всего бросается в глаза зверство, свирепость. Физиономия Равашоля в высшей степени асимметрична, надбровные дуги чрезмерно развиты, нос сильно изогнут в правую сторону, уши дегенеративные, помещены на различной высоте, нижняя челюсть огромна, квадратная и выдается вперед — все это характерные признаки прирожденного преступника. Прибавьте еще недостаток произношения, распространенный среди дегенератов.

Психология его вполне гармонирует с его внешним видом. Начальную школу он оставил почти безграмотным и по неспособности должен был отказаться от всякого ремесла. Тогда, погрязнув в пороках, он начинает красть и фабриковать фальшивые монеты, выкапывает труп, чтобы воспользоваться кольцами, убивает старого отшельника ради его сбережений. Рассказывают (впрочем, это не доказано), что в это же время он хочет убить мать и изнасиловать сестру.

Налицо здесь также и болезненная наследственность: его дед и прадед умерли на эшафоте как разбойники и поджигатели.

Пини. Другой пример прирожденного преступника мы имеем в лице Пини.

Пини, глава парижских анархистов, 37 лет; его сестра была сумасшедшей. На лице у него мало растительности, лоб покатый, огромные надбровные дуги, огромные челюсти, огромные уши.

Он не только с хвастовством говорили о своей принадлежности к партии анархистов, но объявлял, что украл более 30 тысяч лир из мести угнетателям-богачам, буржуазии; этот грабеж он называет *законной экспроприацией экспроприируемых.* Пини имел толпу поклонников. Вместе с Парминьяни он собирался убить анархиста Черетти, подозревая, что этот последний вы-

Пини

дал его. Грабежи его возмущали истинных анархистов. В другой раз он покушался на убийство Прамполины, одного из честнейших и лояльнейших наших политических деятелей, который, сверх того, облагодетельствовал Пини. И все это — чтобы отомстить ему за теоретическую полемику против анархистов.

Преступность и политика

История знает много таких примеров, когда преступность и политика идут рука об руку и из которых с полной очевидностью явствует, что политическая страсть может брать верх над преступностью и наоборот.

Помпей имел на своей стороне все честные элементы тогдашнего общества; более гениальные Катон, Брут, Цицерон, Цезарь были окружены элементами дурными: Антоний — развратник и пьяница, Курион — банкрот, Клелий — сумасшедший, Долабелла, уморивший жену, наконец, Катилина и Клодий.

Клефты, греческие разбойники в мирное время, были храбрейшими защитниками независимости страны во время войн. В недавнее время, в 1860 году, Папа и Бурбоны пользовались разбойничьими шайками для борьбы с национальными партиями и национальными войсками; в Сицилии мафия восстала вместе с Гарибальди, а неаполитанская каморра поддерживала либералов. Этот печальный союз неаполитанской каморры с либералами продолжается и поныне; последние события в парламенте и управление этого города в очень недавнее еще время ясно показали всем, что связь эта продолжает существовать и нет надежды на улучшение положения.

Наблюдается, что преступность становится больше в первых стадиях революционных движений и восстаний; в это время энергия болезненная, ненормальная, берет верх над слабой и неуверенной; а так как в это же время существует как бы эпидемия подражания, то первая без труда толкает вторую на преступление.

Говоря о революционных эпохах, предшествовавших 1848 году, Чену показывает, как постепенно политическая страсть перерождается в склонность к преступлениям. Например, Коффино, известный предшественник современных анархистов, довел принцип коммунизма до того, что возвел грабеж в политический принцип: они грабили лавки купцов, так как последние, по их мнению, только обкрадывают своих клиентов; в свое оправдание они говорили, что таким образом они лишь отнимают у купцов награбленное и вызывают во многих недовольство, надеясь, что потом эти недовольные перейдут в ряды революционеров. Наряду с этим они занимались производством фальшивых банковых билетов; такими фактами, как последний, они не только оттолкнули от себя многих истинных республиканцев, но вследствие этого даже были приговорены к позорному наказанию в 1847 году.

Во время заговора против Кромвеля в Англии число грабителей вокруг больших городов сильно возросло. Они маскировали политическими тенденциями свои преступные наклонности и, нападая целыми шайками, допрашивали свою жертву, поклялась ли она в верности республике. Для усмирения их потребовалось целое войско, да и оно не всегда выходило победителем.

В период перед Французской революцией также наблюдается усиление бродяжничества, грабежи и разбои становятся чаще. Мерсье насчитывает целое войско убийц в 10 тысяч человек, которое собиралось вокруг столицы и последовательно проникало в нее. Во время террора это же войско присутствовало при массовых приговорах, затем при массовых расстрелах в Тулоне и во время нантского потопления. По определению Мейснера, войско и комитеты революционеров были «поистине организациями для того, чтобы безнаказанно совершать грабежи, убийства и всякого рода зверства».

Государственная тюрьма Консьержери 1790 года насчитывает 490 преступников, 1791 года — уже 1198; в это же время стал употребляться грабеж *á l'americaine*. Арестованные грабители кричали: «*Á l'aristocrate*!», думая спастись этим, и делали гримасы судьям, а арестованные женщины мастурбировали публично.

Совершенно подобные вещи имели место и во время Парижской Коммуны.

Население Парижа было обмануто в своих надеждах, оно изнервничалось во время бесславных войн и ослабело от голода и водки; никто в Париже не находил в себе сил для восстания. Зато люди без определенных занятий, преступники, сумасшедшие и алкоголики завладели городом. Их не-

нормальность дала им возможность властвовать над Парижем. Доказательством их преступности может служить устроенная ими резня буржуазии и новые казни, изобретенные ими самими; например, они заставляли пленников прыгать через стену и подстреливали их во время прыжка. Об их ненормальности говорят и такие факты, как совершенно ни к чему не нужное повторение выстрела: один заложник был прострелен 69 пулями, аббат Бенжи получил 62 прокола байонетом. Кровавая расправа военных судов не уничтожила этих преступлений; в 1883 году, когда выдвинулись анархисты, из 33 арестованных 13 были осуждены за грабеж. То же явление еще в большем размере повторилось в Бельгии во время стачки рабочих стеклянного завода: из 67 арестованных 22 были более 10 раз осуждены за воровство и насилие.

Глава 3. Эпилепсия и истерия

Та постоянная зависимость, которая существует между прирожденной преступностью и эпилепсией, вполне объясняет тот факт, что среди политических преступников так часто наблюдаются случаи политической *эпилепсии и политической истерии*.

Действительно, эпилептики и истерики благодаря их импульсивности, тщеславию, религиозности, частым и ярким галлюцинациям, повышенному ощущению собственной личности, периодической гениальности легко делаются религиозными и политическими новаторами.

Например, Модсли пишет: «Не подлежит никакому сомнению, что Мухаммед имел свое первое откровение, или видение, во время эпилептического припадка; в этом сомневаются разве только правоверные; и, или желая обмануть других, или действительно обманувшись сам, он воспользовался своей болезнью для того, чтобы выдать себя за посланника неба».

В «Преступном человеке» я описываю следующий случай. Некто Р. Е., недоношенный, мошенник, эпилептик и сумасшедший, говорит следующее: «Я могу с полной уверенностью утверждать, что никогда не носил в себе честолюбивых замыслов управлять государствами; но если бы плебисцит сделал меня министром, я прежде всего занялся бы реформой судебного законодательства и судебного сословия».

В моей книге «Гениальность и помешательство» я описал одно лицо, страдавшее эпилепсией, мошенника, убившего свою жену, насильника и вымогателя, который был в то же время поэтом, не лишенным дарования, и проповедовал новую религию. Первым обрядом этой религии было изнасилование, которое он и пробовал применить на практике посреди улицы между двумя эпилептическими припадками.

Другой эпилептик, вор, хотел организовать экспедицию в Новую Гвинею, чтобы отыскать там незаселенный остров, доходы с которого можно

было бы употребить на поддержку Коккапиллера; в 47 лет он становится депутатом и стремится обновить все законы и ввести всеобщее избирательное право.

В романе Э. Золя «Жерминаль» Лантье происходит от родителей — алкоголиков и дегенератов; этим объясняется его способность пьянеть от третьей рюмки и его жажда убийства, которую он удовлетворяет путем социальной мести. Во время опьянения он испытывает *страстное желание съесть человека*.

Вот еще лучшее доказательство эпилепсии у политических преступников. Когда одного юношу, осужденного за бродяжничество и безделье, с покатым лбом и почти отсутствующим осязанием, спросили, интересуется ли он политикой, он ответил смущенно: «Не говорите со мной об этом, это мое несчастье; когда мне за работой приходят в голову реформы и я начинаю поверять их товарищам, постепенно у меня начинает кружиться голова, темнеет в глазах, и я падаю на землю». И он тут же изложил проект реформ из доисторического периода: уничтожение денег, школ, отмена одежды, непосредственная мена продуктов труда одного на продукты труда другого и т. п. В подобных ученых трудах он проводил всю свою жизнь; это был субъект, одержимый настоящей политической эпилепсией. Убеждения и воля у него не отсутствовали, только гениальности ему не хватало. Живя с такими данными в более подходящую эпоху и среди подходящего народа, он стал бы реформатором, которого никто не заподозрил бы ни в преступности, ни в эпилепсии[1].

[1] Ф. А., 37 лет, пьемонтец, сын сумасшедшего и чахоточной; брат его был меланхоликом; по профессии он лакировщик, рост — 1, 72 метра, на затылке две царапины от удара, рубец на шее вследствие покушения на самоубийство, череп короткоголовый, индекс 88, вместимость черепа — 1602, лоб покатый, страдает косоглазием, уши дегенеративные, левша, притупленная чувствительность, дающая по Дюбуа Реймону 55 на левой руке, 60 на правой; эстезиометр 3,1 справа, 2,2 слева; коленные рефлексы повышены; динамометр дает для правой руки 30, для левой 34; левое плечо слегка опущено; чувства нормальны; женщинами любим достаточно; малорелигиозен; не способен читать газеты, так как чтение вызывает у него головокружение; иногда во время таких припадков падает на землю. С 13 лет онанист. Первый раз был приговорен за пьянство, затем за кражу двух лир у хозяина, которые пропил, — он не считает это преступлением, потому что получает мало. На вопрос о реформах ответил: «Ни у кого не должно быть денег, работать должно очень мало, жить обменивая продукты; никакой одежды, только пояс на бедрах, никаких законов, только хижина для спанья, полная свобода брака или, лучше, свободное сожительство со всякой женщиной; полное уничтожение школ, священников, даже если б для этого пришлось прибегнуть к оружию и оставить лишь тех, которые захотят работать». Затем, противореча сам себе, он оставляет одного священника на приход; у господ нужно отнять деньги и заставить их жить собственным трудом. «Это, — кончил он, — была бы жизнь прошедших веков, как мне говорили».

Припомним, что из 15 человек, составлявших группу анархистов в Неаполе, Фелико, самый страстный фанатик, — эпилептик; он — типографский рабочий, 12 раз судившийся за убийство, клевету и разжигание классовой вражды.

Весьма вероятно, что и М., которого описывает Дзуккарелли, был эпилептиком, и Казерио; несомненно одно, что отец Казерио страдал эпилепсией.

Один из вождей анархистов, адвокат Гори, говорил следующее: «Среди анархистов есть группа, именующая себя "*bisognisti*"; они говорят, что всякую появляющуюся у человека потребность *необходимо* (*bisogna*) удовлетворять; если, например, кто-нибудь почувствует желание убить, само присутствие этого желания дает ему право на убийство и он *необходимо* должен удовлетворить его». Я привел эту цитату для того, чтобы лица, не знакомые с моими специальными работами и сомневающиеся в связи анархизма с политической эпилепсией, обратили внимание на эти слова. Казерио принадлежал к этой анархистской группе.

Испанский анархист Сантьяго Сальвадор рассказывает о себе, что в юности он был очень благочестив, принадлежал к партии карлистов* и надеялся, что с помощью карлизма можно водворить всеобщее равенство. Когда же его спросили, неужели он не видит бесполезности своих поступков, он ответил характерной для политических эпилептиков фразой: «Если бы даже я сознавал бесполезность своих поступков, я не мог бы поступать иначе, потому что я следовал инстинкту. Я анархист не только по убеждению, как я уже говорил, но и по инстинкту.

— Но если вы не верите в возможность осуществить на практике ваши теоретические выводы, зачем же вы решаетесь на убийства?

— Хотя я и совершил покушение в зале театра, я все-таки считаю убийство преступлением. *Но я решился на убийство по необходимости, принужденный к этому силой, во власти которой я находился; влекомый желанием, с которым я не мог совладать...*»

Монж. Игнатий Монж, 38 лет, бросил в президента Аргентинской республики, генерала Рока, камнем, взятым из одного музея, и тяжело ранил его в голову. Он среднего роста (1,67), крепкого сложения, невропатического темперамента; кожа у него смуглая, покрытая обширной, темной, слегка вьющейся растительностью; борода длинная, черная; раек глаза скорее темный, чем светлый; лоб высокий, покатый, асимметричный; череп развит умеренно, короткоголовый, слегка косой с *plagiocefalia sinista anteriore*[1]; лицо широкое, низкое; скулы выдающиеся, рот большой, толстые и вывороченные губы; много старых царапин на лице, две из них получены при падении в припадке эпилепсии.

[1] Левая передняя плагиоцефалия (*лат.*).

Сон его короток и прерывается печальными и страшными снами. Пульс полный и частый, мышечная система хорошо развита, однако наблюдается легкое непроизвольное дрожание. Сила правой руки по динамометру Матье 70 кг, левой — 150; следовательно, это левша, но довольно сильный. Кожа малочувствительна; галлюцинации и иллюзии отсутствуют.

О своей жизни он рассказывает следующее: он родился вне брака, в провинции Корриент; знал своего отца и восемнадцатилетнего брата, которые всегда были здоровы. В 15 лет он поступил в коллеж, где получил элементарное образование; затем принимал участие во всех революционных движениях своей родины и был до 1874 года страстным приверженцем партии. Затем он переехал в Уругвай, но был ограблен бразильскими властями, причем оказал вооруженное сопротивление, ранив нескольких солдат и сам получив рану в лоб. По этому поводу он обратился к министру иностранных дел, требуя удовлетворения. С этого момента он уже ничем определенным не занимается, эпилепсия мешает ему взяться за что-либо. Началась она у него с 20 лет, когда он упал и ударился головой.

Когда его спросили, каковы были мотивы его преступления, он ответил следующее: на место совершения покушения он отправился без всякого преступного замысла, просто-напросто желая присутствовать при открытии парламента; вид выстроившихся войск привел его в раздражение, а раздраженное состояние помогло пробраться в места депутатов; лишь когда генерал Рок вошел в зал, ему пришла в голову мысль убить его. Когда его переспросили, имел ли он намерение убить генерала до его появления, он пришел в гнев.

Нрава Монж меланхолического, ипохондрик. За несколько месяцев до совершения преступления, сидя в месте заключения, он свалил на землю арестованного, содержавшегося вместе с ним, и непосредственно вслед за этим имел эпилептический припадок; гнев его принимал форму импульсивных, маниакальных действий.

Вальян. Как пример истерии мы приведем Вальяна, который стоит ближе к нашему времени. В противоположность Пини и Равашолю, физиономия Вальяна не носит никаких признаков преступности, подобно тому как и Анри, если не считать дегенеративных ушей. Но он, несомненно, страдал эпилепсией, чем и объясняется его поразительная чувствительность к гипнозу и способность впадать в каталептическое состояние под влиянием упорного взгляда. Ненависть прокуратуры к партиям и ее обычная тенденция сгущать краски сделали из Вальяна самого обыкновенного злодея; я же думаю, что это был страстный, неуравновешенный человек, с некоторой преступной склонностью в детстве (мошенничество, обман); он скорее принадлежит к истинным страстным фанатикам, чем к преступникам. О его родителях известно, что это были дегенераты и скверные люди, он же был плодом преступной связи.

Далее важно отметить следующий существенный момент в его жизни: борьба с несчастьями у него не всегда кончалась удачно, образование ему удалось получить с большим трудом, хлеб он зарабатывал себе ремеслом сапожника; в конце концов он стал в ряды «возмущенных». После этого он последовательно был содержателем бакалейной лавки, учителем французского языка.

Он был всегда беден, и нужда толкала его на крайние поступки. Страдал он и от несоответствия между своим действительным положением и тем, о котором он мечтал, страдал так глубоко, что даже смерть предпочитал такому существованию.

«— Почему вы сделали это?

— Общество принудило меня к тому. Я был в отчаянном положении. Я был голоден. Я ни о чем не жалею. Но все равно я доволен; хорошо сделают, что повесят меня, а то я снова взялся бы за прежнее через неделю».

В таком положении он очутился, не говоря уже о постоянной перемене ремесла, благодаря большой подвижности и неустойчивости, свойственной всем истеричным. Воспитателем его был священник, и из фанатика религиозного он превратился в фанатика социализма. Но, не создав себе положения среди социалистов, он стал анархистом. Однако на этот путь его больше всего толкало тщеславие. Один графолог, которому показывали его почерк, утверждает, что доминирующие черты его характера — это тщеславие, гордость и энергия. Об этом красноречиво говорят его большое *Т*, росчерк и письмо, направленное вверх.

Покинув надежду реформировать общество с помощью своей книги, он думает добиться тех же результатов, бросив бомбу в парламент. Перед этим он торопится сняться и повсюду, где только можно, раздает свои карточки. Первый вопрос его после ареста — есть ли в газетах его портреты.

Но альтруизм его, страстный, крайний, неотъемлемо всегда оставался при нем; ниже мы увидим это из отрывка его речи.

Глава 4. Сумасшедшие

Среди анархистов встречаются и такие, у которых гениальное помешательство заменяет гений или необходимый для деятельности возбудитель; к таковым принадлежали Кола ди Риенци и Риель из Канады.

Такие ненормальности встречаются и среди современной партии анархистов.

Дю Кан и Лабор приводят в пример коммунара Гальяра, страдающего головной водянкой, который был главным директором баррикад, будучи уже сапожником. Он так воодушевился, что строил баррикады решительно из всего, что попадало под руку: из сапожных колодок, из хлеба, из ко-

стей домино; в конце концов он выстроил особую баррикаду специально для того, чтобы сняться на ее вершине в позе героя, окруженный ее защитниками. Сюда же относятся и те душевнобольные политические деятели, которые действуют совершенно самостоятельно и в одиночку; они убивают лиц, стоящих во главе государства, и представляют лишь глухое эхо партийной борьбы и политических или религиозных условий своего времени.

Во Франции во время усиления религиозной вражды было совершено покушение на жизнь Генриха III. Преступник Шатель был душевнобольным; впоследствии он вполне сознался в своем преступлении; признался, кроме того, что на совести его лежали два преступления — преступное вожделение к сестре и жажда убийств, — преступления, которые должны быть искуплены смертью врага религии. Эту новую теологию, по его словам, он почерпнул из философии; при обыске у него нашли 3 записки с анаграммой короля и десять листков, содержащих перечень его грехов, расположенных в порядке десяти заповедей.

Видимой причиной покушения Равальяка на Генриха IV был также как будто бы религиозный фанатизм; но по существу на преступление его толкнул бред преследования. Он был исключен из монашеского ордена за *слабоумие*; далее, он был арестован, кажется, вследствие ложного обвинения; затем ему стали являться видения, и он решил, что призван исполнить божественную волю — убить короля, употреблявшего свое оружие против папы.

По словам Матье, судьи признали его душевнобольным, одержимым *меланхолией*; однако он все-таки подвергся наказанию и до конца продолжал думать, что народ благодарит его за его подвиг. Когда его обыскали при аресте, то в его платье нашли массу исписанной им же бумаги; между прочим, стихотворение о том, как преступника ведут на казнь. Это стихотворение, вероятно, написано им для самого себя; слова, которые, по его мнению, лучше характеризуют душевное состояние приговоренного к казни, выведены особыми буквами и с большим старанием, чем все прочее. В этом, как и в других писаниях, сказывается наклонность к графомании. Подобное же явление замечено и у Гито. Между прочим, Гито сходен с Равальяком еще и в следующем объяснении своего поступ-

Гито

ка. Как Равальяк говорил, что убил короля из сочувствия к королеве, так и Гито утверждал, что симпатия к супруге Гарфилда толкнула его на убийство; и, так же как первый, он все время продолжал считать себя исполнителем божественной воли.

Деспотизм и угнетение народа в Англии способствовали тому, что душевнобольная Маргарита Николсон пыталась нанести удар ножом Генриху III, а сумасшедший Гэтфилд стрелял в него из револьвера.

Ирландец Муни, участник лондонских взрывов, выразивший на суде свое удовольствие по поводу того, что он — первый ирландец, задавший встряску динамитом тем, которые пользуются всеми радостями жизни, был единодушно признан душевнобольным двумя нью-йоркскими государственными врачами.

Глава 5. Маттоиды

Встречаются среди анархистов и маттоиды; они, как я уже говорил в «Политической преступности и революции», очень часто появляются в периоды революций и во время восстаний. Диагноз этого рода больных очень труден, так как признаки их болезни скорее отрицательные, чем положительные. Так, мы не находим у них ни аномалии в строении физиономии и черепа, ни бреда. Заболевания эти чаще случаются в городах, даже, пожалуй, в больших городах; нравственное чувство их вполне нормально, зато чувство порядка и любовь к обществу гипертрофированы и доходят до альтруизма.

Их интеллект почти нормален; в жизни они могут быть даже очень ловки и изворотливы, и часто мы встречаем их в роли врачей, депутатов, военных, профессоров, государственных деятелей. От нормальных людей их заметно отличает необыкновенное трудолюбие и усердие в тех делах, которые не входят в их компетенцию и превосходят их средние нравственные силы. Так, повар Пассананте стремится стать законодателем, кучер Лаццаретти — теологом и пророком, два чиновника министерства финансов посвящают себя на старости лет криминологии, делаются псевдофилологами.

Постоянная перемена рода занятий для них весьма характерна. Например, Гито был последовательно журналистом, адвокатом, проповедником, импресарио. Де Томмази был сначала содержателем кофейни, потом журналистом, колбасником, шелководом, маляром и камердинером.

Чрезвычайно характерна для них, кроме того, страсть к писанию. Пастор Блюэ оставил после себя ровно 180 книг, из которых одна бессодержательнее другой. Печник Манжионе, несмотря на свою изуродованную руку, которой он не мог писать, отказывал себе во всем, даже в пище, чтоб хоть что-нибудь напечатать; он тратил на эту страсть иной раз больше сотни та-

леров. О Пассананте известно, что он извел массу бумаги и мог рисковать жизнью, чтобы написать какое-нибудь самое нелепое письмо. И у всех этих больных совершенно особый почерк — удлиненные штрихи, любовь к подчеркнутым словам. Примером может служить подпись Гито.

Со всем этим они могли бы и не быть полусумасшедшими, если бы ко всей их видимой серьезности не присоединялась масса противоречий и нелепостей; если бы многословие в речах и в писаниях не было бы так характерна для них, если бы в личной жизни они не были так мелочны и вообще так тщеславны.

Больше всего их ненормальность сказывается не в самих идеях, которые они проповедуют, а в их противоречии с самими собой. Например, зачастую на расстоянии нескольких строк от какой-нибудь оригинальной, даже возвышенной и хорошо выраженной мысли вы можете натолкнуться на другую, посредственную, и даже пошлую, банальную. Это тем более поразительно, что иногда никак нельзя понять, каким образом подобная мысль могла зародиться в уме человека данных жизненных условий и его культурного уровня. Одним словом, они проявляют те черты, благодаря которым Дон-Кихот, вместо того чтобы вызвать всеобщее восхищение, вызывал лишь улыбку. Весьма вероятно, что те же свойства в других индивидах и в другую эпоху сделали бы из них героев и стяжали бы им всеобщее поклонение. Нужно, однако, заметить, что гениальность проявляется у таких типов не как правило, а как исключение. Что касается вдохновения, то его у них имеется скорее избыток, чем недостаток; они наполняют статьями без смысла и содержания целые тома. От их взора, благодаря колоссальному тщеславию, ускользает и банальность мысли и худосочие стиля; содержание заменяется у них восклицательными и вопросительными знаками, бесконечными подчеркиваниями и словами собственного изобретения, которые вообще употребляют мономаны.

Бред их, подобно бреду мономанов, спокоен. Но он может внезапно замениться импульсивной бредовой формой или под влиянием голода, или иногда вследствие обострения различных неврозов, часто сопровождающих болезнь; быть может, эти неврозы и вызывают ее. Такая перемена часто бывает вызвана в тех случаях, когда задето их честолюбие, их единственная страсть.

Из мирного филантропа Манжионе вдруг превращается в убийцу Джуссо, против которого он раньше напечатал несколько памфлетов; Сбарбаро внезапно делается вымогателем и клеветником из мирного политика, филантропа и реформатора. Совершенно неожиданно для всех он во время одного факультетского заседания запускает в своих коллег чернильницей и наносит министрам оскорбления. Коккапьелле хоть и не доходит до таких крайностей, но зато угрожает страже и требует к себе королевского прокурора только для того, чтобы объявить ему, что если он, Коккапьелле, до сих пор не стал королем, то только потому, что не захотел быть им.

Во всяком случае, такие поступки довольно редки. Эти лица не проявляют ни такой энергии, ни такой жестокости, как прирожденные преступники. У них совершенно отсутствует практика и сметка в совершении зла.

Их преступления совершаются совершенно открыто, с целью или под предлогом общественного блага; в них наблюдаются напряженность и интенсивность (против которой они совершенно не могут устоять) почти бессознательные, какие мы встречаем в поступках эпилептиков и душевнобольных.

Сбарбаро, Лаццаретти, Кордилиани, Коккапьелле обычно выдавали себя мстителями правительству за его злоупотребления.

«Когда дух находится во власти вдохновения, — пишет Гито, — человек действительно вне себя. Сначала мысль об убийстве была для меня ужасна, потом я увидел, что она была истинным вдохновением... В течение двух недель я ощущал, что вдохновение владеет мной, и не ел, не спал, пока не совершил своей миссии, после чего я спал великолепно». Он описывает настоящий эпилептический импульс.

У маттоидов меньше ловкости и сноровки в совершении преступлений, чем у настоящих преступников, поэтому они проявляют меньшую энергию при покушениях. Иногда они не пользуются смертоносными орудиями и оказываются весьма неловкими. Так, Пассананте, Кордильяни, Капорали, Бафьер употребляли кухонные ножи или камни; Вита воспользовался жестянкой с безвредной жидкостью; причем жестянка эта была такова, что будь она наполнена даже порохом, не могла бы произвести взрыв. Нередко маттоиды заряжали свое оружие одним порохом, например при покушении на Карно и Ферри; нет у них и соучастников. Они не прячутся, подстерегая жертву, и не подготовляют себе *alibi*. Они не скрываются, но сознаются в своем преступлении.

Они, как истеричные, заранее открывают свои планы в бесконечных писаниях, часто в распространеннейших газетах; открывают их судьям или первому встречному, употребляя для этой цели открытые письма, объявления, отдельные тома, как делали, например, Манжионе, Канорали, Бафьер, Вита, Гито.

Другой характерный признак маттоидов — полное отсутствие раскаяния в совершенном преступлении. Хотя моральное чувство у них не совсем отсутствует, однако они почти что готовы хвастать своими преступлениями. Всякое чувство блекнет пред тем чувством удовлетворения, которое они испытывают, сознавая себя, как нечто в глазах мира, считая себя послужившими на пользу человечества.

Маттоиды-преследователи

Существует еще разновидность маттоидов, имеющая обыкновенно какую-нибудь аномалию печени или сердца. В противоположность первым, у

них нет в жизни ни аффектов, ни здорового морального чувства. Потерпев крушение в жизни, они считают себя оскорбленными, преследуемыми и затем сами делаются преследователями, вооружаясь против богатых, глав государств, политического режима.

Другие мешают в одно дела личного характера и политические, преследуют депутатов, судей, приписывая им неуспех проигранных процессов, сами оскорбляют судей и становятся на защиту всех угнетенных. Бюхнер рассказывает об одном подобном больном, основавшем в Берлине общество защиты всех обиженных судьями; устав общества он отослал королю. Как пример, можно привести Сандона, доставившего так много хлопот Наполеону III и Биллауту; о нем же упоминает Тардье.

Стиль маттоидов-анархистов

Манускрипты Пассананте и Кордильяни, напечатанные мной, и несколько отрывков из анархистского журнала «*L'Ordine*» могут служить подтверждением того, что среди анархистов встречаются маттоиды; стиль этой литературы очень характерен.

«...Что такое атавизм? Мы полагаем, что не ошибемся, если ответим: потомство и, следовательно, наследственность. Исключение прогрессивного движения назад. Неурегулированное явление. В то время как наследование в природе происходит благодаря неизменности ее действий, оно не имеет ни одного признака движения назад, не может быть регрессивным. Какое другое основание может иметь движение, кроме того, чтобы удовлетворить потребности притяжению движущей силы прогресса? Каждый новый день — наследник предыдущего дня. Каждая способность ощущения есть высшая ступень прежде пережитого ощущения, таков прогресс науки. Где чувствительность не упражняется в сложнейших интеграциях, там менее заметно ее рафинирование. Тогда она остается в сфере инстинкта, где она кажется нашему опыту менее дифференцированной, и мы приписываем это воззрению. Потомство, это наследование, развившееся по зигзагообразной линии ошибок, заражается своими собственными ядовитыми веществами, оно бросает массы в хаос горя, актов мести и восстаний, и тогда беспорядок готов, готовы атавизм и болезнь...»

«...Допустима ли экспроприация? Нет, этого не должно быть. Таким путем не будет достигнута анархия, и еще менее гармония, на которой будет покоиться анархия. Это было бы присвоением себе того, что принадлежит всем, разрушение синтеза: “Все — всех, все — всем”».

«...Все для всех в природе и науке, вот космическая гармония, вот гармоническая ассоциация, в которой все члены вселенной находят равновесие в своих действиях между эгоизмом и альтруизмом. Наша наука находит свои нити истины среди различных гармоний, и математика приходит ей

на помощь только для того, чтобы проверить гармоническую пропорциональность».

«...Понятие привилегий сложилось как позднее наследие человеческой семьи; чтобы воспринять это понятие и провести его, она приводит в беспорядок свою наследственность, делит себя на мельчайшие фракции, затемняет природные чувства совместных действий, отравляя их привилегиями, разрушает братство членов, создает страсти».

«...Человек впадает в атавизм, если он — следствие болезненной наследственности, которая возникает из беспорядка его маленьких ассоциаций, восставших на большую универсальную ассоциацию».

«...Здесь мы позволим себе сказать в скобках: слова, в особенности те, которые приняты учеными, содержали в их созвучии уже некоторую классификацию. Это хорошо, потому что это приятно и помогает понимать речь. Например, таковы окончания на *-one — composizione, produzione, creazione, lezione*[1] — все означают действие; слова на *-ento — funzionamento, componimento, fermento, talento*[2] — обозначают более определенную стадию качества действия; слова на *-ismo — razionalismo, militarismo, regionalismo, dottrinarismo, cretinismo, religiosismo*[3] — принадлежат более к обозначениям состояния, как и *atavismo* к обозначениям учреждений. И если мы здесь не ошиблись, то наша выписка здесь постольку уместна, поскольку она оправдывает наше понимание здорового атавизма».

Глава 6. Косвенное самоубийство

Необходимо еще упомянуть здесь о тех странных случаях самоубийства, которые я называю косвенным самоубийством. Это те покушения, которые совершаются на жизнь стоящих у власти с целью покончить со своей жизнью, прекратить которую самостоятельно не хватает мужества.

Этому еще недавно были примеры. В Испании — Олива-и-Манкузо, политический преступник со многими признаками вырождения, покушавшийся в 1878 году на жизнь короля Альфонса, ничем не заслужившего такого отношения к себе даже и со стороны революционеров.

Олива был упрям, обладал посредственными способностями; он посвятил себя математике, хотя семья желала посвятить его литературе. Затем, не успев ни в одном, ни в другом, он бросил ученье, был сначала подмастерьем у скульптора, затем типографом, сельскохозяйственным работником, бондарем и, наконец, солдатом; здесь он отличался известной храбростью.

---

[1] Составление, производство, творение, лекция (*ит.*).

[2] Работа, сочинение, брожение, желание (*ит.*).

[3] Рационализм, милитаризм, регионализм, доктринизм, кретинизм, религиозность (*ит.*).

Вернувшись затем в мастерские, он почувствовал, что страсть его к чтению сильно возросла; он стал так усердно читать ультралиберальные газеты, журналы и книги, что работать приходилось мало и плохо. Не будучи в силах примириться с этой жизнью, так мало отвечающей его вкусам, он несколько раз выражал желание покончить с собой, а затем, получив от отца небольшую сумму денег на переселение в Алжир, он вместо этого поехал в Мадрид и там совершил свое покушение на жизнь короля.

Другие случаи косвенного самоубийства, убийства с целью самоубийства, указаны у Модсли, Эсквироля и Крафт-Эбинга. В 1878 году в Берлине Нобилинг совершил покушение на жизнь германского императора. Первый выстрел был направлен на жертву покушения, вторым убийца хотел покончить с собой.

Нобилинг был несчастным, сбитым с толку человеком со многими признаками вырождения (головная водянка, асимметрия лица). На основании этих признаков его нужно отнести к типу преступников по страсти, которые в остальном не представляют аномалий. Получив диплом доктора философии, он посвятил себя сельскому хозяйству и, напечатав небольшое сочинение по экономии, получил место в прусском статистическом бюро. Однако, когда однажды ему поручили исполнить одну ответственную работу, он оказался настолько неспособным, что был уволен со службы. Затем у него было более скромное занятие, далее он совершает путешествие по Франции и Англии, возвращается в Германию и не может ни на чем остановиться. Тогда в голове его рождается мысль о покушении, и неделю спустя он приводит ее в исполнение.

Характера Нобилинг был упрямого и эгоистичного; знакомые его отзывались о нем как о неисправимом, кротком мечтателе, верящем в спиритизм и теории социалистов, которые он, довольно сбивчиво, развивал при малейшей возможности. Ради этого он получил прозвище *Petroliere* и *Comunista* (Керосинщик и Коммунист).

Тотчас после ареста Пассананте говорит: «Я совершил покушение на короля, наперед зная о том, что меня ждет смерть, ибо жизнь потеряла для меня ценность благодаря злоупотреблениям моего хозяина». Действительно, еще за два дня до покушения его гораздо больше занимал предстоящий уход от хозяина, чем убийство короля. Во время ареста он сам старается ухудшить свое положение, напоминая полиции о том, что было им написано в одном из революционных воззваний: *«Смерть королю, да здравствует республика»*.

Все это, плюс его честолюбие, объясняет, почему он отказался апеллировать о кассации приговора и почему при получении известия о помиловании он больше размышлял о том, что скажут критики, чем радовался вновь обретенной жизни.

Фраттини бросил бомбу на площади Колонна в Риме, ранив многих из публики. Во время процесса он утверждал, что не имел намерения никому приносить вреда, а лишь хотел протестовать против существующего положения вещей, и удовлетворился бы, если бы ему удалось каким-нибудь образом уничтожить феодальную аристократию!

Насколько его планы были связаны с его отчаянием по поводу своей жизни, можно видеть из его писаний:

«...Я не боюсь ни за свою свободу, ни за свою жизнь, о нет!.. Напротив, если бы ее отняли от меня, то оказали бы мне высшее благодеяние».

«...Я не могу больше сносить эту жизнь унижений и позора, на которую *человеческое* общество обрекло меня без всякого повода. Прежде чем пасть, я жаждал помочь, а не повредить себе подобным! Поэтому я не мог, не должен был никого ненавидеть!»

«...А голод, будивший во мне ненависть! А работа, которой я не мог найти! Почему я действительно не стал настоящим убийцей? Ограбить — о, почему у меня не хватило мужества еще раз попытаться убить себя?»

«...Всякое животное находит необходимый для себя корм, потому что звери не воруют пищу друг у друга и довольствуются тем, что удовлетворяет их потребности! Природа создала общность; узурпация, частная собственность — вот причина всех зол!»

У нас имеются в руках еще более интересные документы подобного же факта замаскированного самоубийства, служащего мотивом совершения политического убийства. Они доставлены нам благодаря любезности румынской королевы, теперь писательницы (Кармен-Сильва), женщины образованной и широких горизонтов.

С., румын, 30 лет, осужденный за убийство, но затем помилованный, покушался на жизнь короля, стреляя с улицы в освещенные окна, так что едва только задел несколько стекол. При обыске в его комнате нашли много его портретов в одежде и с оружием разбойника; между прочим, на одной из карточек он снят как бы покушающимся на самоубийство, удерживаемый возлюбленной. Эту карточку знаменитая королева справедливо сравнивает с портретом Кавалья. Очевидно, мысль о самоубийстве приходила ему уже давно, еще в период, предшествовавший покушению, хотя и не без примет тщеславия. Таким образом, его преступление может быть подведено под категорию косвенных самоубийств.

По-моему, Анри и Вальян самые типичные косвенные самоубийцы; быть может, и Лега, жалевший об отмене смертной казни в Италии, и Казерио, говоривший еще до преступления, что «обезглавливание не причиняет боли». Анри протестовал против попыток его защитника и матери смягчить его вину ссылкой на душевное расстройство отца-преступника; он говорил присяжным: «Ремесло адвоката — защищать; что же касается меня лично, то я хочу умереть».

Глава 7. Преступники по страсти. Казерио

В политических преступлениях немалую роль играет классовый и социальный фанатизм. Эта сильная страсть иногда может сопровождаться преступностью, иногда же может существовать в чистом виде, без всяких преступных наклонностей. В своей книге «Политическая преступность и революция» я указал, что, наоборот, политические преступники по страсти часто отличаются своей честностью, в противоположность преступникам прирожденным.

Во-первых, признаки преступного типа у них совершенно отсутствуют; наоборот, они обладают прекрасной, я сказал бы, антикриминальной наружностью, имея широкий лоб, прекрасную бороду, кроткий и ясный взгляд.

Из 30 русских революционеров следующие 18 обладают прекраснейшей наружностью: Перовская, Сыдовина, Гильфман, Бакунин, Желябов, Лавров, Стефанович, Засулич, Михайлов, Осинский, Антипов, Иванова, Вилашенов, Чернышевский, Фигнер, Зунделевич, Пресняков. Их лица представляют полный контраст с физиономией Фиески с его грубыми чертами и головной водянкой, с микроцефалом Шевалье, Маратом и мужеподобной Луизой Мишель.

Среди наших итальянских революционеров, портреты которых собраны в Милане в Музее воссоединения Италии, имеются прекраснейшие лица: Дандоло, Нома, Порро, Скьяффино, Фабрици, Пепе, Паоли, Фабретти, Пизасане и т. д.

Среди французских революционеров красотой отличались Демулен, Барре, Бризо, Карно. Карл Занд был поразительно красив.

Возраст и пол

Среди преступников по страсти встречаются и женщины, редко принимающие участие в обычных преступлениях. Чаще всего это девушки от 18 до 25 лет.

Режи отмечает тот факт, что почти все цареубийцы очень молоды: Соловьев, Ла Сала, Шатель, Стопс — 18 лет, Занд — 25, Ла Рено — 20, Баррьер и Бос — 27, Алибо — 26, Корде — 25, Менье — 23, Монкузи — 22, Отеро — 19.

Демаре пишет: «Я убежден, что энтузиазм и самоотвержение — болезни первой молодости; неаполитанская полиция имела дело с юношами от 18 до 20 лет».

Соучастники

Обыкновенные преступники всегда имеют соучастников, преступники же по страсти действуют в одиночку. Близорукая полиция старалась отыс-

кать соучастников Занда, Пассананте, Вергера, Олива-и-Манкузо, Нобилинга, Равальяка, Корде и, разумеется, никого не нашла.

Атавизм

Часто политический фанатизм или мистицизм бывают наследственными. Отцы Корде, Орсини, Паделевского были фанатиками революции; отец Боса назывался Юнием Брутом, а отец Гито и отец Нобилинга были крайними пиетистами*; мать Стопса не говорила иначе, как цитатами из Библии.

Сравните у Плутарха: «Брут происходил от того Брута, который уничтожил Тарквиниев, и от Сервилии, из семьи которой родился убийца тирана, Сервилий Агала».

Душевные качества

Преступник по страсти обычно отличается образцовой честностью. Занд жил и умер, как святой, и место его казни народ назвал «луг, откуда Занд вознесся на небо».

Степняк пишет о Лизогубе, что, будучи миллионером, он жил как нищий, пополняя своими деньгами товарищескую кассу. Друзья силой принудили его изменить образ жизни, боясь, что он заболеет от лишений. Таким же был итальянец Кафьеро.

Шарлотта Корде (25 лет) обладала нежнейшей душой, миловидной наружностью, была образцом честной женщины. Свою молодость она провела, занимаясь историей и философией, вдохновляясь Плутархом, Монтескье и Руссо. Страстные речи беглецов-жирондистов и, быть может, тайная любовь к одному из них заставили ее страстно отдаться их делу. Присутствуя в Конвенте во время смертного приговора жирондистам, она решила отомстить за них. Когда ее спросили, как она, нежная, неопытная женщина, могла убить Марата, она ответила: «Гнев (так называла она свою страсть) переполнил мое сердце и указал путь к сердцу Марата».

Д'Айала из 60 политических мучеников описывает характер 37; из них 29 обладали благороднейшей душей, были великодушны, отважны, но слишком любили риск и опасность.

Вера Засулич, покушавшаяся на жизнь генерала Трепова, была оправдана судом. Всегда недовольная собой, она признавалась впоследствии, что решение суда наполнило ее сердце чувством грусти; если бы приговор был исполнен до конца, она испытала бы удовлетворение, отдав делу все, что могла. Вот что она говорит присяжным: «Чудовищная вещь — поднять руку на человека, я это знаю; но я хотела показать, что нельзя оставить без возмездия столько злодеяний (притеснения политических осужденных), я хотела обратить всеобщее внимание на этот факт, чтобы больше этого не по-

вторялось». В этих словах было столько самой чистой страстности, что они убедили всех.

К указанным выше характерным признакам преступников по страсти надо прибавить еще сильное желание страдать, испытывать ощущение боли. «Страдание — хорошая вещь», — говорит один из героев Достоевского, и, разумеется, тем лучше, чем выше идея. Во всяком случае, потребность в страдании, в неприятных и болезненных ощущениях столь велика в людях этого типа, что они прибегают без какого-либо идейного обоснования к таким средствам, как употребление горьких веществ, только для того, чтобы переносить неприятное ощущение как таковое.

Это совершенно аналогично бичеваниям, практикуемым религиозными фанатиками, ношению власяниц в честь какого-нибудь святого. Этим же свойством объясняется крайняя неосторожность русских революционеров и отважность христианских мучеников.

Одна из осужденных во время «процесса 50-ти» в Петербурге, умирая от мучений и чахотки, обратилась к своим судьям со следующей речью, которую можно назвать импровизированным стихотворением; оно вполне выражает ее жажду жертвы: «Спешите, судьи, и не медлите произнести мой приговор! Тяжело и ужасно мое преступление! Крестьянская одежда из серого холста, босые ноги — вот мое преступление. Я совершила преступление тем, что пошла к нашим братьям, стонущим от нищеты и вечного труда. К чему фразы и речи? Разве я не закоренелая преступница? Разве я не олицетворенное преступление? У меня на плечах ведь еще крестьянская одежда, и ноги мои еще босы, а на руках не прошли мозоли; я измучена физической работой — но это еще не все. Главное обвинение против меня — моя любовь к родине. Но как бы я ни была виновна — вы, судьи, не властны надо мной; никакое наказание не страшно мне, *потому что у меня есть вера*, которой у вас, судьи, нет, — вера в торжество моей идеи. Вы можете осудить меня на всю жизнь, вы сами видите, что мой недуг сделает для меня кратким всякое наказание. Я умру *с сердцем, полным этой великой любви*, и даже палачи мои, бросив на землю ключи от моей темницы, станут, рыдая, молиться у моего изголовья».

Говоря о распространении христианства, Ренан приписывает быстрый рост его влияния не только гению Христа и его последователей, ессеев, но и настоящей страсти к жертве у его приверженцев. Эта страсть была так могущественна, что обратила в христианство Юлиана и Тертуллиана лишь одним созерцанием беззаветного мужества жертв. Отсюда понятно, почему гностики, отрицавшие мученичество, были изгнаны из всех христианских сект.

«...В деле бабидов, в Персии, — пишет Ренан, — наблюдали лиц, едва принадлежавших к секте Баби*, которые сами предавали себя, только бы их присоединили к осужденным. Человеку так приятно пострадать за что-нибудь, что во многих случаях сама прелесть жертвы достаточна, чтобы об-

ратить в веру. Один из последователей Баби, несший наказание вместе с ним и повешенный на валу Требица рядом с ним, в ожидании смерти беспрестанно повторял: “Учитель, доволен ли ты мной?”

Еще и теперь на улицах и на базаре Тегерана можно наблюдать, что народ, вероятно, никогда уже не забудет следующего зрелища. Когда теперь разговор касается этого случая, можно видеть восхищение, смешанное с ужасом, которое выражает толпа и которое годы еще не успели изгладить.

Когда кто-нибудь из истязаемых падал и когда ударами кнута его заставляли подниматься и кровь обливала его члены, то, если у него оставалась еще хоть капля сил после потери крови, он, танцуя, восклицал: “Воистину мы принадлежим Богу и возвращаемся к нему!” Когда кто-нибудь из детей умирал по дороге, кровожадные палачи бросали его тело к ногам родителей, и те, едва взглянув, в исступлении топтали его ногами. Когда мучимые подходили к месту казни, им снова предлагали жизнь, если только они отрекутся. Одному палачу взбрело на ум сказать отцу двоих детей, что если он не отречется, то его два сына будут зарезаны на его собственной груди. Это были два мальчика, из которых старший 14 лет; они обливались кровью, и раны их были обожжены; они хладнокровно выслушали диалог. Отец, бросаясь на землю, ответил, что он готов, и старший из мальчиков, в страстном порыве заявляя о своих правах старшинства, требовал, чтобы его зарезали первым».

У преступников этого рода, преступников по страсти, убеждение в полезности их действия так велико, что они не только совершенно не боятся наказания (Стопс, Корде, Жерар), но и никогда не раскаиваются в совершенном преступлении. Если бы у преступников бесстрашие и отсутствие раскаяния вытекали из тех же источников, их можно было бы назвать преступниками; но у преступников индифферентизм к человеческой жизни и отсутствие раскаяния вытекают из недостатка нравственного чувства; у преступников же по страсти этого недостатка нет; наоборот, они всю жизнь скромны и нежны душой.

Многие из итальянских анархистов брали в руки оружие, лишь руководимые страстью и фанатизмом. Жизнь их безупречна. Несомненно только, что к их страстности присоединяется наследственная болезненность нервной системы.

Например, Нобилинг, Бос были детьми самоубийц; Занд страдал припадками меланхолии, во время которых его посещала мысль о самоубийстве; Альяро, покушавшийся на жизнь Базэна, и Ла Сала, покушавшийся на жизнь Наполеона III, были эпилептиками. Безрассудность Орсини была так велика, что приверженцы Мадзини всякое безумие называли «*orsinita*» — орсинизм.

Бос, Нобилинг, Алибо были детьми самоубийц. Карл Занд, наиболее яркий представитель преступника по страсти, страдал меланхолией и нередко думал о самоубийстве.

У Альяро, покушавшегося на жизнь Базэна, чтоб отомстить за честь Франции, была недостаточность аорты, атрофия правой руки. Он страдал эпилептическими припадками, как и Ла Сала.

Казерио

Казерио — поразительный пример преступника этого рода. Ему 21 год, родом из Мотта Висконти. Семья Казерио состоит из отца, матери, восьми братьев, из которых Санте Казерио предпоследний.

Отец его родился в 1836 году и умер в 1887. Крестьянин, был перевозчиком на реке Тичино, прекраснейшим, честнейшим человеком во всех отношениях. В юности, в 1848 году, был арестован на р. Тичино австрийской стражей за контрабанду и заключен в Сан-Рокко. Должно быть, австрийцы грозили ему смертью и, вероятно, так напугали, что несчастный с тех пор стал страдать эпилептическими припадками. Однако чтобы эпилепсия началась с 12 лет, он должен был быть предрасположен к ней по наследству, быть может, благодаря пеллагре, которой страдали два его брата из Момбелло, дядья Санте Казерио. (Пеллагра вообще распространена в Мотта Висконти, как я имел случай убедиться, будучи в Павии.)

Казерио

Внешность Санте Казерио, как можно видеть из прилагаемого портрета, не представляет никаких признаков преступного типа, кроме редкой бороды, уха и весьма развитых надбровных дуг. Взгляд кроткий, форма черепа прекрасная, точно так же как и форма и вид тела, если не считать одного родимого пятна на руке. Из тех сведений, которые имеются у нас о Казерио, я делаю вывод, что все, что было в нем преступного, нашло выход в его политической деятельности. В детстве он не проявлял ничего преступного, кроме склонности к бродяжничеству и стремления покинуть родной город — явления, чрезвычайно редкие в этой местности, где люди тесно связаны с землей.

«Брат мой ребенком посещал местную школу, но ничего не вынес из нее. Характер у него сосредоточенный, и я редко видал его веселым», — говорит о Санте его брат. Он был всегда нежен, мать любила его до обожания; чрезвычайно религиозный, он со страстностью помогал во время богослужения и изображал во время процессии св. Иоанна; мечтал поступить в семинарию и стать священником, апостолом. Когда товарищи Санте воровали яблоки по огородам, то одно это зрелище приводило его в ярость.

В 10 лет он совершенно неожиданно для всех тайно покинул семью и отправился пешком в Милан, где тотчас же поступил на службу в контору. Жизнь свою он проводил вдали от вина, игры и женщин, в противоположность своим товарищам; зато он много читал и спорил о прочитанном, увлекаясь иногда в спорах до такой степени, что однажды разбил бутылку о голову одного из своих товарищей (13 лет).

Анархистом он становится с 17 лет. Кажется, что первое знакомство с учением анархистов произошло через одного товарища по мастерству. Во время немногих свободных часов он не скрываясь читал газеты и брошюры анархистов и распространял их учение в родной деревне, чем вызвал насмешки односельчан.

Сначала он никому не говорил о своей принадлежности к партии; ни его семья, ни его хозяин ничего не знали. Первым узнал об этом его старший брат. Он стал упрекать Санте и употребил все средства для его исправления, но это ни к чему не привело и вызвало только разрыв между ними.

Также и остальные члены семьи были очень опечалены этой переменой в нем. Два года спустя, когда анархисты раздавали свои листки солдатам в Порто-Витториа, Казерио был приговорен за это к аресту на 4 дня. Когда известие об участи сына дошло до матери, она захворала от горя и проболела несколько месяцев.

Во время публичного заседания, попытавшись сначала отречься от участия в раздаче брошюр, Казерио затем просто ссылается на ответы, данные им во время следствия. Тогда он говорил, что в 1891 году вступил в партию анархистов под влиянием нескольких анархистских брошюр и разговора с анархистами, которых он встречал в трактире. Не чувствуя себя оратором, не принимал активного участия в тайных собраниях анархистов. Но он писал монографию анархистских беспорядков, имевших место несколько лет тому назад в Равенне возле экономических кухонь.

Ясно, что ненормальное возбужденное состояние его мозга, на почве эпилептической наследственности, сначала выразилось в религиозном фанатизме, а затем в политическом. В местности, столь удаленной от центра, как Ломбардия, где всякое веяние современности является новостью, первые проявления фанатизма необходимо должны были быть направлены в сторону религии; ломбардские крестьяне не имеют никаких других идеалов, кроме религиозных.

Заметим здесь, что и Анри, и Вальян, и Фор, и Сальвадор — все начали религиозным фанатизмом, который, казалось бы, исключает всякую возможность перехода к политическим увлечениям. Сювуа из религиозного фанатизма способен был даже на убийство. По существу дела, в обоих случаях нет большой разницы. Как религиозный, так и политический фанатизм имеет в основе стремление довести идеалы до крайности и чувства до нереальности. Но времена меняются, и то самое лицо, которое раньше стало бы Петром Отшельником, в наше время сталкивается в семнадцати-

летнем возрасте с фанатиками, читает газеты, и фанатизм религиозный заменяется экономическим, в данном случае в форме анархизма. Заметим здесь в скобках, что всякий, знакомый с аграрными условиями в Ломбардии, где закабаленный крестьянин погибает если не от голода, то от пеллагры, где всякий пролетарий находится в худшем положении, чем римские рабы, всякий, знакомый с этим, повторяю я, поймет, каким образом в душе интеллигентного крестьянина Казерио могла произойти такая перемена.

Римский раб был угнетаем господином, но с ломбардским обращаются хуже, чем с древним рабом. Он почти не восставал — или если и восставал против своего положения, то очень редко. Он слишком угнетен, а для того, чтобы оказывать сопротивление, нужно обладать хоть небольшой степенью благосостояния. Когда у нас протестуют крестьяне, то это не ломбардские, а жители Романьи; у первого нет крови в венах, а второй пьет вино и ест мясо. И если случается, что кто-либо из ломбардских крестьян возмущается против своего положения (как Казерио), то это значит, что в его семье пользовались известным достатком.

Из-за плохих условий жизни в Ломбардии Казерио, горячо любивший свою мать, не захотел вернуться в Мотту; когда же он попадал туда на время, то тотчас же убегал и вел бродячий образ жизни, со слезами размышляя о жизни своих близких.

Наследственность от отца-эпилептика обусловливает то, что кроткая сама по себе натура становится жестокой и способной на приступы фанатизма; от этого же происходит и тот факт, что апатичный по природе крестьянин, который должен был бы занять место простого рядового, становится в первые ряды.

Вследствие этого же самого он может жить, работая ночью и проводя все дни за чтением газет, и рисковать своей свободой в таком трудном деле, как раздача листков солдатам.

Совершенно невежественный, не владеющий литературной речью, он хочет редактировать газету, наконец, совершает жестокое преступление, причем не испытывает ни перед этим актом, ни после него ни малейших колебаний, как если бы он был прирожденным преступником. Фанатизм, поддерживаемый эпилептической последовательностью, делает его жестоким, отважным, неукротимым[1].

Прибавьте еще то обстоятельство, что Казерио все время занят исключительно одной идеей, а недостаток образования лишает его возможности критически отнестись к исходным пунктам анархизма. Равнодушие ко всему, что занимает нормальных юношей, помогало ему сосредоточиваться на

[1] «Если я сейчас не могу схватить за ворот какого-нибудь буржуа, то сердце мое вопиет о мести; одного дня будет достаточно, чтобы ужасная месть совершилась» (письмо Казерио от 13 июля 1893 года).

одной мысли. Он нисколько не интересуется игрой, женщинами (во всех его письмах нет ни одного намека на игру или женщин, не упоминается ни о новом платье, ни о прогулке, что было бы так естественно в его возрасте). По этой же причине, будучи совершенно неопытным в преступлениях, он сразу удачно нанес свой удар президенту. Он так занят своей идеей, что, ко всеобщему возмущению, не переживает того момента реакции, который бывает даже у душевнобольных преступников. Ведь Казерио до конца полагает, что в лице Карно он убил не безобидного государственного деятеля, а тирана вроде Дионисия или Тиберия[1]. Все это очень поддерживается его невежеством. Бедный крестьянин, переходя от своей печи к политике, он не мог воспринять других идей, кроме идеи анархизма. Как некоторые верующие знают только то, что написано в их книгах, так Казерио в политике был знаком только с тем, что ему преподносил анархистский сброд. Когда же человек весь сосредоточивается на одной идее, он становится необыкновенно энергичным; стоит только вспомнить убийцу Веччино или загипнотизированных, которым внушили одну какую-нибудь мысль и которые с необыкновенной энергией, невзирая на все препятствия, стремятся к достижению своей цели. Энергия Казерио удваивается эпилепсией отца, принявшей, быть может, у сына ту форму, которую я назвал политической эпилепсией, превратившейся в манию совершать политические преступления. (См. примеры выше.)

Что Казерио эпилептик, можно видеть из того, что, очень добрый по отношению к своим семейным и друзьям, он становится жестоким, лишь только дело коснется анархизма; в нем живут, следовательно, два существа, что очень характерно для эпилептика.

В одном из писем, с большой нежностью отзываясь о своей семье и говоря о своем стремлении никому не причинять зла, он пишет дальше: «Однако вы увидите, что, когда пробьет мой час, я сумею быть энергичнее, чем все мои товарищи». Друзья говорили, что он был кроток и скромен, но становился *зверем*, как только дело касалось его идеи.

Следующая сцена также указывает на его болезнь[2]. Когда он во время допроса демонстрировал перед судьей Бенуа, как он нанес удар Карно, лицо и глаза вдруг налились кровью, черты исказились, он стал дрожать всем телом, так что судья, не привыкший к подобным сценам, в ужасе закричал: «Довольно, вы чудовище!»

А Казерио ответил ему частью на ломаном французском, частью на итальянском языке: «О, это ничего не значит! Вы увидите меня еще во время

---

[1] Судья Бенуа задал Казерио следующий вопрос:

— Скажите, Казерио, почему вы хотели убить президента? Знали вы его? — Нет. — Вы имели что-нибудь против него? — Он был тираном, вот почему я убил его. — Итак, вы анархист? — Да, и горжусь этим.

[2] См. приложение.

процесса и под ножом гильотины. А! Эта последняя сцена будет в особенности великолепна».

И он нагло засмеялся.

Через 5 минут он впал в состояние физического и нравственного угнетения, свалился на койку и глубоко заснул. Спустя час он вдруг вскочил, проснувшись; схватился руками за голову и просил стражу, следившую за ним день и ночь, принести ему водку, ром или какой-нибудь другой *крепкий напиток*.

Эта сцена, так плохо понятая судьей, была, несомненно, эпилептическим припадком, сопровождавшимся (как это часто бывает после припадков) глубоким сном. Сон Казерио после разговора с судьей не мог быть вызван предварительной бессонницей, потому что, как рассказывают надсмотрщики, он спал почти весь предыдущий день.

Письма Казерио написаны обыкновенными буквами, но буквы тотчас же становятся огромными, как только он заговаривает о самом себе или заводит речь об анархии или о политических преследованиях вроде тех, которые имели место в Испании, где расстреливали анархистов. Слова «анархия» и «Испания» (в данном примере) занимают полстроки. Это характерный признак эпилептика.

Для преступников по страсти чрезвычайно характерна их честность, доведенная до крайних пределов, и крайняя гиперстезия (чувствительность к собственному горю и несчастьям других). Так, из 20 писем, написанных в течение одного месяца, эти две характерные черты выделяются более ясно и несомненно, чем это сделали бы какие угодно свидетельства, большей частью односторонние и не беспристрастные.

Когда Казерио однажды долго не имел заработка, он писал: «Как анархист, я должен был бы, не чувствуя укоров совести, при нужде ограбить какого-нибудь буржуа и взять деньги там, где найду их; но, признаюсь, я не чувствую себя способным на это». Эти слова несовместимы с прирожденной преступностью[1]. Впрочем, за отсутствие ее говорит и его ненависть к воровству в детстве.

Странная чувствительность Казерио к бедам других проявилась в том письме, где он отказывается вернуться в семью, потому что должен видеть там много горя.

«Тысячу раз я ложусь спать с мыслью о горе, которое переживают близкие (от которых я так далеко), и начинаю плакать. Но потом другая мысль, более сильная, говорит мне: “Не ты причина бедствий твоей семьи, а со-

---

[1] «Меня унижает необходимость прибегать к помощи товарищей. Но что делать? Правда, как анархист, я не должен был бы уважать чужую собственность; по нужде я должен был бы взять деньги там, где их найду; но сейчас я не чувствую себя в силах схватить за ворот буржуа и заставить его отдать мне деньги. Как только я опять продам свои руки буржуазии, я выплачу все, что задолжал».

временное общество". Ты говоришь мне прежде всего, что я не живу с матерью. Я не в силах был бы сносить ту подлость, которую начальники проделывают с подчиненными солдатами, и, имея ружье, я непременно направил бы его на какого-нибудь начальника. (Еще один признак эпилепсии.— *Примеч. Ч. Л.*) Если бы даже я был свободен, я не мог бы снести подлости наглых буржуа, и меня арестовали бы, а следовательно, я вновь очутился бы вдали от матери. Когда же объявят войну, я должен буду вместе с другими дураками бросить жену, детей, мать и идти туда же, куда и прочие. Никто не смеет думать о горе своей семьи, но должен думать о своем долге и бороться с этим подлым обществом, уничтожать буржуазию. Да здравствует анархия!» (огромными буквами. — *Примеч. Ч. Л.*).

Почерк Казерио

Только болезненная острота памяти может объяснить ту удивительную ясность сознания, которую Казерио сохранил, приготовляясь к преступлению, и ту рельефность воспоминаний о каждом мельчайшем факте, которую он обнаружил после его совершения. Он с удивительной ясностью может до мельчайших подробностей восстановить все случайности путешествия, встречные пейзажи; он может наслаждаться свежестью прозрачной воды, утоляя по пути жажду, высчитать смету своих расходов — и все это готовясь убить человека.

Приехав в большой и шумный, сверкающий праздничными огнями город — Париж, — до тех пор совершенно незнакомый ему, Казерио, вместо того чтобы потеряться, прекрасно ориентируется в нем; будучи уже на площади, где ему предстоит совершить преступление, за несколько минут до момента, который он считает последним в своей жизни, Казерио не перестает быть наблюдателем более точным и равнодушным, чем все посторонние лица. Он отмечает все, что может способствовать ловкости его удара: за несколько минут до убийства он соображает, как нужно пересечь улицу, что-

бы очутиться по правую сторону экипажа, где обычно сидят важные особы во время официальных выездов.

Таков фанатик, весь поглощенный одной идеей; таковы были послы Старика с Горы, с той разницей, что его стариком был Бакунин, а его миссией, долженствовавшей привести его в Рай, — устранение... предполагаемого тирана!

Сантьяго

Сантьяго Сальвадор — тип, вполне аналогичный Казерио. Сальвадор сознался, что бросил две бомбы в Орсини в барселонском театре во время представления «Вильгельма Телля», чтобы отомстить за своего друга Палласа, причем убил 20 человек. Он крестьянин 33 лет, женат, отец маленькой дочери. Всего 4 года назад был ярым католиком и карлистом. По его совету его сестра поступила в монастырь.

— В своей деревне я был карлистом, и карлистом ярым; им был и мой отец, сражавшийся в их рядах, и вся наша семья. Других взглядов мы не знали.

— Видите, вы сами признаете, что были карлистом, потому что не знали других идей. Быть может, если бы вы были знакомы с другими философскими теориями, противоположными прочитанным вами, вы не были бы анархистом?

— О нет! Повторяю, я анархист по инстинкту. Когда я еще был карлистом, я хотел, чтобы дон Карлос сделал всех людей равными, уничтожив разницу между буржуа и пролетарием. Я вижу, что в данный момент анархия невозможна.

Его дядя, священник, дожив до 33 лет, пишет: «Христос жил только 33 года, зачем я стану жить дольше?» Он застрелился. Отец Сантьяго был преступником. Очевидцы говорили мне, что голова Сантьяго была совершенно сходна с головой Игнатия Лойолы!

Религиозный фанатизм быстро заменился у него политическим. Кто-то рассказал ему об анархизме; он начал читать газеты и брошюры анархистов. Переведенная с испанского брошюра Малатесты «Среди крестьян» стала его евангелием, и он, подобно Казерио, распространял ее среди своих товарищей. Он стал отрицать церковь и с тех самых пор становится ревностным посетителем анархистских собраний. Здесь он знакомится с Палласом и вместе с ним занимается контрабандой соли. Оба фанатика понимают друг друга. К ним присоединяются и другие. Таким образом образуется группа террористов Бенвенуто Салуда. Паолино Паллас открывает динамитный поход, совершая покушение на жизнь генерала Мартинеса Кампоса. Приговоренный к расстрелу, он восклицает на месте казни: «Ужасно будет мщение!» Сантьяго считает себя призванным исполнить этот завет друга. «Однажды, — рассказывает его жена, — немного спустя после смерти Палласа,

Сальвадор вернулся домой с двумя бомбами, завернутыми в платок, и положил их на комод. На другой день он положил их в горшок и запер в сундук. Вечером того же дня он спросил у меня франк, последние деньги в доме. Я дала ему. Вернулся он в полночь и, как в бреду, закричал: "Антония, мой долг исполнен! Паллас отомщен!"»

Повторение жизни Казерио: оба сначала религиозны, затем анархисты; оба необразованные крестьяне, ставшие преступниками из политического фанатизма.

Глава 8. Альтруизм

Для психиатра и для социалиста возникает при этом следующая проблема. Как у преступников, сумасшедших, нервнобольных или подверженных сильным страстям может быть такой альтруизм, не встречающийся среди обыкновенных смертных? В особенности как может он встречаться у сумасшедших и преступников, самых печальных эгоистов в мире?

Этот альтруизм — как это ни странно — характерная черта Вальяна, Анри, Казерио и даже многих других анархистов, значительно более преступных, чем Казерио. П. Дежарден отмечает у анархистов следующее свойство: «Среди анархистов встречаются и злодеи, но многие из них обладают добрым сердцем и становятся бунтовщиками именно по этой доброте. Я знал одного, ставшего анархистом после того, как он увидел, что хозяин сломал руку своему ученику». Элизе Реклю известен своей необычайной добротой. Всем известно, что Пини и Равашоль без всякого расчета отдавали награбленные деньги товарищам или для дела. Мне писали из Чикаго, что товарищи Списа чтили его, как святого, потому что он отдавал все, что имел; из заработанных им за неделю 19 франков 2 он отдает больному другу, он поддерживает человека, оскорбившего его; товарищи решили в конце концов, что в случае торжества анархистов Списа необходимо будет запереть, иначе своей чувствительностью он наделает вреда анархистской революции.

О жесточайшем анархисте Палла мне рассказывали следующее. Однажды он с товарищем был выброшен бурей на пустынный остров. Одно судно подошло к берегу, чтобы взять их с собой; товарищ Палла замешкался, и капитан в нетерпении отдал приказание отчаливать. Тогда Палла бросился в воду и заставил, таким путем, ждать до тех пор, пока друг его не пришел и оба не были спасены.

Дрюмон рассказывает следующее о Степняке: «Совершив свое преступление, он, пользуясь первым моментом замешательства, вскочил на тройку, в которой его поджидал друг, переодетый кучером; кучер, находя, разумеется, что времени терять нечего, гнал. Вдруг Степняк говорит: "Я слишком впечатлителен и не могу видеть, как ты мучаешь животное; если ты и дальше будешь так же обращаться с лошадью, я выскочу и сдамся"».

Амон, анализируя различные типы анархистов, пришел к заключению, что двигателем большинства является чрезмерный альтруизм, болезненная восприимчивость к горю других.

«Я спрашивал несчастных, окружавших меня в госпитале, и пришел в ужас: я понял необходимость солидарности и стал анархистом», — пишет он об одном из них.

«Почему я стал анархистом? — говорит другой. — Нужно было бы поискать причину этого среди холода, голода, усталости тысяч моих товарищей, которые напрасно ищут работы и которых хозяева отталкивают, говоря: “Вы еще недостаточно голодны”».

Мы видели, что Казерио рыдает над судьбой своих односельчан, терпящих нищету в Ломбардии. Лучше же всего альтруизм анархистов выражен во всех их речах, произнесенных до и после приговоров, речах, полных неподдельного фанатизма, который, конечно, не мог расположить ни судей, ни государство в их пользу. Это плод истинного энтузиазма, сказавшегося и в форме их речей, ибо фанатизм делает красноречивыми даже невежд. Вот речь Равашоля, убийцы и мошенника:

«Если я беру слово, то не ради собственного оправдания, потому что за мои преступления отвечает общество, толкающее людей на борьбу. Разве в наше время люди всех классов не жаждут, не скажу — смерти, это слово звучит неприятно, а несчастья других, если оно может послужить им на пользу?

Разве хозяин не желает гибели своего конкурента? И разве каждый коммерсант не желал бы быть единственным в своей отрасли? Разве, наконец, безработный, в надежде на освободившееся место, не ждет, чтобы хозяин по какому-нибудь поводу рассчитал своего работника?

Итак, в обществе, где происходят указанные явления, нечего удивляться поступкам, подобным моему, потому что такие поступки — лишь логическое следствие борьбы за существование, ради которой люди готовы на все средства. Каждый из нас одинок; будучи угнетен нуждой, он не хочет размышлять слишком долго; и я, голодая, не колеблясь пользовался теми средствами, которые были у меня под рукой, и даже рисковал жизнью.

Разве хозяин при расчете работника думает о том, что он может умереть с голоду? Разве думают о тех, у которых нет даже необходимого, все те, у кого есть излишек? Есть люди, помогающие другим, но они не в силах спасти погибающих от лишений всякого рода или кончающих самоубийством, чтобы не влачить более жалкого состояния и не страдать больше от голода без всякой надежды на улучшение.

Так поступила семья Гайем и госпожа Зубейм, убившая своих двух детей, чтобы не видеть их страданий, и так поступают многие женщины из боязни, что они не смогут прокормить своих детей. Они не колеблясь убивают плод своей любви, рискуя собственным здоровьем и жизнью.

И все это происходит во Франции, где все имеется в изобилии, где мясные лавки полны мяса, а булочные — хлеба, где магазины переполнены

одеждой и обувью, где масса квартир. Как же согласиться, что все в этом обществе хорошо, когда очевидно как раз обратное?

Найдутся люди, которые пожалеют эти жертвы современного строя, но потом скажут: “Ведь не мы же виноваты в их несчастье, всякий помогает себе как может”. Но что делать тем, у кого нет необходимого, у которых нет работы, которым остается только умереть с голоду? Общество бросит на их трупы несколько слов сочувствия — тем все кончится. Я предоставил этот жребий другим и предпочел стать контрабандистом, фальшивомонетчиком, вором, убийцей. Я мог бы просить милостыню: но это пошло и заставляет человека опускаться; к тому же в ваших законах есть пункт, признающий нищету преступлением.

Если бы все нуждающиеся вместо того, чтобы терпеть, брали бы нужное им где придется, не стесняясь никакими средствами, сытая и благополучная часть общества скорее поняла бы, быть может, как опасно поддерживать современный социальный строй, где господствует тревога и жизнь каждый момент в опасности. Она скорее признала бы правоту анархистов, утверждающих, что водворение мира духовного и физического требует уничтожения причин, вызывающих преступления, а не истребления тех, кто, медленно умирая голодной смертью, предпочитает взять необходимое силой, даже рискуя для этого жизнью.

Вот почему я сделал то, в чем вы обвиняете меня. Это лишь следствие варварского состояния общества, увеличивающего суровостью своих законов число своих жертв. Эти законы карают следствия, но никогда не касаются причин.

Говорят, что нужно быть жестоким, чтобы убить человека. Но говорящие это забывают, что на подобные поступки решаются только ради спасения собственной жизни. И вы сами, господа присяжные, убежденные в необходимости моей смерти, вы, которые, разумеется, вынесете мне смертный приговор, ибо он удовлетворит вас, вы, которых приводит в содрогание пролитие крови, ведь вы, приговаривая меня к смерти, колеблетесь не больше, чем я! Разница только в том, что я рисковал своей жизнью, вы же не подвергаете себя никакой опасности.

Итак, милостивые государи, речь идет не о том, чтобы судить преступников, а чтобы устранить причины преступления. Создавая кодекс законов, законодатели забыли, что они направляют его не против причин преступления, а только против следствий, а так как причины продолжают существовать, то существуют и следствия. И преступники будут всегда; вы убьете одного, а завтра на его месте появятся десять.

Что же делать? Уничтожить нищету, этот зародыш преступления, удовлетворяя каждому его потребности. И как легко осуществить это! Достаточно основать общество на новых началах, где все было бы общим, где всякий имел бы работу по способностям, потребляя ровно столько, сколько ему необходимо.

Тогда мы не будем больше видеть людей, накопляющих деньги, чтобы стать их рабами, женщин, отдающих за деньги свою красоту (обстоятельство, которое часто очень трудно подметить, если чувство действительно искренне); мы не увидим больше людей, готовых идти даже на смерть, как Пранцини, Прадо, Анастайи, ради тех же денег. Ясно, что причина всех преступлений — одна, и нужно быть глупцом, чтобы не видеть этого.

Это верно. Повторяю: общество создает злодеев; и вы, господа присяжные, вместо того чтобы наказывать, должны были бы употребить ваши силы на дело переустройства общества. Тогда вы одним ударом уничтожили бы преступления, и работа ваша, направленная в корень, была бы грандиознее, чем ваше правосудие, результаты которого так ничтожны.

Я — необразованный рабочий; но я жил жизнью бедняков и на себе испытал несправедливость ваших карающих законов. Кто дал вам право убивать и запирать в тюрьму человека, который, выброшенный на арену жизненной борьбы, был вынужден взять то, в чем он крайне нуждался?

Я работал, чтобы жить и поддерживать существование своей семьи. Пока я сам и семья еще не слишком страдали, я оставался тем, что вы называете честным. Затем работы больше не было, и наступил голод. И тогда закон природы, повелительный голод, не терпящий возражений, — инстинкт самосохранения — толкнул меня на преступления, в которых вы обвиняете меня и в которых я признаюсь.

Выносите мне приговор, господа присяжные, но если вы поняли меня, осудите также и всех несчастных, из которых нищета вместе с природной гордостью сделала преступников и из которых богатство или просто достаток сделали бы честных людей, а разумное общество — таких же людей, как все прочие».

Вот смешение политической и преступной страстей. Равашоль — прирожденный преступник, пользующийся политикой для оправдания своего преступления. У Анри политическая страсть выражена уже в чистом виде, и моральное чувство его вполне нормально.

Послушайте его:

Следствие показало, что я признаю себя виновным в приписываемых мне поступках. Ясно, стало быть, что я не хочу оправдываться. Я ни в коем случае не стараюсь избегнуть кары, которую налагает на меня окружающее общество, ибо я признаю только один суд — мою совесть. Приговор всякого другого суда мне безразличен. Я хочу только объяснить свои поступки и показать, что привело меня к ним.

Я стал анархистом недавно. В революционном движении принимаю участие только с 1891 года. До этого я жил в среде, насквозь проникнутой современной моралью. Я привык уважать, даже любить отечество, семью, власть и собственность. Но воспитатели современных поколений слишком

часто забывают одну вещь: что жизнь со своей борьбой и горем, со своей несправедливостью сама открывает глаза невежд на действительность. Так случилось и со мной. Я уверял себя, что жизнь легка, представляет широкое поприще для ума и энергии, — а опыт показал мне, что только циники и пресмыкающиеся могут занимать хорошие места на празднике жизни.

Я говорил себе, что общественные учреждения покоятся на справедливости и равенстве, — а вокруг себя я видел только ложь и плутовство.

Каждый прошедший день уносил с собой одну из моих иллюзий. Куда бы ни пал мой взор, повсюду я видел те же страдания с одной стороны, те же наслаждения с другой. Тогда я понял, что все великие слова, которым научили меня, — честь, долг, самоотверженность — обман, за которым скрывается бессовестная подлость. Промышленник, строящий свое богатство на труде рабочих, у которых ничего нет, — честный человек. Депутат, министр, всегда готовые воспользоваться взяткой, — посвящают себя на благо общества. Офицер, испробовавший ружье новой системы на семилетних детях, — исполнил свой долг, и президент совета поздравляет его публично в парламенте.

Все, что я видел, возмущало меня, и я стал критически относиться к нашему общественному строю. Эта критика слишком общеизвестна, чтоб повторять ее. Довольно будет, если я скажу, что стал врагом общества, объявив его преступным.

Некоторое время я был увлечен социализмом, но не замедлил отвергнуть его. Я слишком любил свободу, слишком уважал личную инициативу, слишком ненавидел стадное существование, чтобы стать номером в плутовской армии четвертого сословия. Я унес с собой в борьбу глубокую ненависть, с каждым днем разжигаемую отталкивающим зрелищем этого общества, в котором все низко и грязно, все препятствует проявлению человеческих страстей, великодушных проявлений сердца, свободному полету мысли. Я хотел, насколько мог, нанести ему сильный и справедливый удар.

Со всех сторон полиция на просторе шпионила, преследовала, арестовывала. Целые тысячи людей были оторваны от своих семей, брошены в тюрьмы. Что станет с женами и детьми товарищей, пока они будут в тюрьмах?

Анархист перестал быть человеком, он стал зверем, которого травят со всех сторон. Буржуазная пресса, рабыня силы — наука на все лады требовали немедленного уничтожения партии. Одновременно запретили наши газеты и брошюры, а затем и собрания. И что же? Как вы делаете всю партию ответственной за поступки отдельных лиц и стремитесь нанести ей удар, так и мы нападаем на массу.

Должны ли мы нападать только на депутатов, издающих законы против нас, и на полицию и городские власти, приводящие эти законы в исполнение? Я не думаю этого. Все эти люди — только орудия, действующие не от

своего имени, а поставленные буржуазией на страже своих интересов, и потому ничуть не более ответственны, чем все прочие.

Добрые буржуа, не занимающие общественных должностей, а лишь кладущие в свой карман прибыль рабочих, должны также иметь свою долю в наших репрессиях. В этой беспощадной борьбе, которую мы ведем с буржуазией, мы не хотим никого щадить.

Мы убиваем, но мы и сами умеем принимать смерть, и я жду вашего приговора совершенно равнодушно. Я знаю, что моя голова не последняя падет под вашими ударами, потому что умирающие от голода узнали теперь дорогу к «Терминусу» и ресторану «Фойо»; вы еще добавите имена к кровавому списку ваших жертв.

Повешенные в Чикаго, обезглавленные в Германии, расстрелянные в Барселоне, гильотинированные в Монтбриссоне и Париже — много наших пало уже, но вам не уничтожить анархии. Корни анархии слишком глубоки, она родилась в недрах гнилого и разлагающегося общества, она — страшная реакция против установившегося порядка, стремление к свободе и равенству, и она пробьет брешь в существующем строе. Она повсюду, и в этом ее сила, и поэтому она победит и убьет вас.

Эти слова по своей красоте напоминают слова умирающей русской революционерки. Это слова чистой страсти, царящей над всеми чувствами. О том же свидетельствуют и слова Вальяна: «Слишком долго на наши голоса вы отвечали веревками и виселицами; но не обманывайте себя; взрыв моих бомб ответил не только на крик Вальяна, но на крик целого класса, завоевывающего свои права и скоро приступающего к действиям».

Вальян несомненно принадлежал к истеричным; этим и объясняется смешение в его характере двух таких противоположных чувств, как альтруизм и жестокость, явление, наблюдающееся и у Анри. Это часто наблюдается у истеричных. Истерия — болезнь, родственная эпилепсии, — часто объясняет дефекты чувства, и рядом с необыкновенным эгоизмом у истеричных субъектов можно наблюдать стремление к крайнему альтруизму, который зачастую есть одно из проявлений нравственного помешательства.

Легран дю Соль пишет: «Существует тип женщин, которые принимают очень большое участие во всех добрых делах своего прихода. Они делают сборы на бедных, работают на сирот, посещают больных, пробуждают с большим рвением милосердие других, наполняют собой человеколюбивые общества, забывая для них мужа и детей.

Истерическая благотворительница может совершать поступки, о которых потом будут говорить и рассказывать, которые в конце концов станут легендарными. Во время пожара она может проявить удивительное присутствие духа: спасти калеку, старика, ребенка; во время восстания может одна оказать сопротивление целому войску бунтовщиков; во время наводнения — проявить необычайную храбрость.

Когда же на другой день после пожара, восстания или наводнения мы поговорим с этой героиней и станем наблюдать за ней, то нам придется констатировать у нее полный упадок духа; она совершенно наивно скажет вам: “Я не знаю, что такое я сделала; у меня не было сознания опасности”».

Жертва является для этих больных потребностью, средством для того, чтобы стать полезными, и несомненно, что на служение заповеди любви к ближнему их толкает та же болезненная потребность, которая заставляет их совершать низменные поступки; так что часто они одновременно и святые, и преступницы. Заметим, между прочим, что нет людей хуже, чем филантропы, и, наоборот, преступники часто совершали поступки изумительно милосердные; например, они рисковали жизнью, чтобы спасти котенка, птицу, ребенка, даже в тот самый день, в который совершили убийство.

Это — факт, что душа наша, как и наши нервы, подлежит закону контрастов: когда исчерпан источник добра, мы обращаемся ко злу, и наоборот, подобно тому как глаз, долго глядевший на красное, видит все в зеленом цвете. К этому нужно еще прибавить, что у многих преступность есть следствие импульсивности, страстного стремления, которое заставляет их немедленно осуществлять желаемое. Это стремление может выразиться вовсе не в злом поступке, как мы видим это на примерах эпилептиков, чрезвычайно добродетельных, когда они не подвержены припадку.

Случается еще, что натуры действительно жестокие, чувствуя, что представляют какую-то аномалию, что стоят вне человеческой семьи, почли бы за счастье вернуться в нее хотя бы на короткое время, почему и прячут иногда свои дурные инстинкты под маской альтруизма.

Наконец, нередко преступное стремление переходит в революционное; это поприще дает огромный простор импульсивным проявлениям, придает обыкновенным преступникам еще и блеск великодушия, род морального *alibi*, дает им возможность иметь влияние среди честных людей. Последнее желание весьма сильно у преступных натур, так как их тщеславие доходит до мании величия. Может быть, поэтому преступления их бывают не лишены относительной честности. Так, Энгель и Флеггер грабили для дела анархии, ничего не оставляя себе. Иногда противоречие это объясняется еще тем, что когда преступление совершается коллективно ради помощи коммуне или партии, наблюдается явление обратное тому, которое бывает при обычных коллективных преступлениях: преступление менее тяжело ложится на совесть организаторов его и менее тяжелым представляется публике, потому что «общий грех — ничей грех», или, быть может, потому, что альтруистические цели оправдывают иногда бесчестные средства.

Большинство способно сделать для другого то, что постыдится сделать для себя (например, просить помощи для лица, находящегося как раз в таком же положении, как просящий); часто даже это признается заслугой. От этого часто лица, не злые по природе, совершают недостойные себя поступ-

ки; это тем более естественно в тех случаях, когда фанатизм ослепляет. Тем же самым объясняется, почему инквизиторы были в одно и то же время очень честными и очень благочестивыми людьми и совершали преступления, достойные убийц.

Дежарден как раз указывает на то, что часто доброта приводит к преступлениям; считая всех людей добрыми (Реклю и Кропоткин будут утверждать, что даже дикари добры и честны), они верят в свое право карать тех, которые, будучи злыми, вредят человечеству. «Мы проклинаем некоторых благодаря силе нашей любви», — пишет Рандон.

Если Казерио, как утверждают, сказал в свои последние часы: «Мое преступление — политическое», то этим он только подтвердил, что совершающие преступление смотрят на него иначе, чем публика. Страсти заставили его вернуться к первобытному человеческому состоянию, когда месть была не только законом, но и обязанностью; когда всякое преступление было только актом. (Этимологически латинское *crimen* происходит от санскритского *cri* — делать; *facinus* от *facere*[1] и *crimen*.) Укреплению подобного взгляда чрезвычайно способствовало классическое образование, причислявшее к героям кровавых мстителей, как Тимолеон, Аристогитон, Брут и др.

Когда же фанатизм, смешанный с жестокостью, встречается у прирожденных преступников, естественно, что он принимает кровавую окраску, которая передается другим — не настоящим преступникам, а преступникам по страсти, — так сказать, профессионально.

Быть может, станут удивляться, что такая нелепая и противная всякой логике идея могла вдохновить до фанатизма столько людей; но не нужно забывать, что если учение само по себе бывает ошибочно, то не всегда ошибочны некоторые его исходные пункты; главная же суть в том, что справедливые и общедоступные мысли никогда не приводят к фанатизму. Фанатизм большей частью рождается на почве нелепых и спорных идей. Вы найдете тысячу фанатиков какой-нибудь теологической или метафизической проблемы, но никогда не встретите фанатика геометрической теоремы. И чем страннее и нелепее идея, тем больше она притягивает к себе сумасшедших, маттоидов и истеричных; в особенности это часто случается в политике, где каждый частный триумф становится триумфом общественным, где все до смерти включительно находит себе отклик, и фанатик готов не только пожертвовать жизнью, но и претерпеть всякие мучения. О, как плохо знают историю и человеческую психологию те, которые измышляют постоянно новые наказания преступникам-фанатикам!

Но, зададут нам вопрос, почему же, если все эти альтруисты — сумасшедшие или фанатики, их действия последовательно обдуманны, стратегически планомерны?

---

[1] Деяние... делать (*лат.*).

Ответить на это очень легко: ясно, что стратегические планы, заговоры — только выдумка бессильной полиции; в крайнем случае, эти злоумышленники часто действуют вместе, но отнюдь не образуют комплотов, и действия их носят печать дезорганизации. Дикие нападения, которые они совершают против совершенно невинных и незнакомых граждан, как, например, Льетгаута и Вальяна, — лучше всего прочего доказывают отсутствие планомерности в их действиях. И то, что они думают, что делают благодеяния человечеству своими убийствами, служит доказательством их извращенности.

«Большая часть анархистов, — пишет Бюрдо, — принадлежат к *убийцам-филантропам*. Любовь к человечеству заставляет их безрассудно убивать людей».

Величайшее же безумие их в том, что они считают себя вправе убивать; а когда их жертвы пытаются отомстить им, применяя к ним их же средства, они сейчас же начинают взывать о мести.

Глава 9. Любовь к новому

Характерным признаком анархистов служит не только альтруизм, но в гораздо большей степени отсутствие свойственного всем людям мизонеизма (боязнь всего нового), а в особенности людям, стоящим на одной с ними ступени культурного развития.

Гамон спрашивал анархистов, что заставило их вступить на этот путь. Ответ чаще всего получался следующий: «Мы носили в себе дух восстания, дух мщения, вызванный или причинами личного характера, или соответствующим чтением».

«Я терпел нищету, — пишет Фохт, рабочий 24 лет, — я по 2 дня оставался без пищи, и дух возмущения заговорил во мне».

Другой говорит: «Меня били в народной школе: я возмутился и убежал оттуда».

«Я прочел Виктора Гюго, — говорит третий, — и дух мой восстал против всех угнетений современности».

Кто читал Валлеса, тот, вероятно, заметил, как у него дух возмущения направился, в конце концов, против матери, затем родственников и т. д.

В большинстве случаев дух возмущения бывает прирожденным или наследованным, почему не приходится искать никаких внешних причин. Один анархист пишет: «Я с детских лет ненавидел учителя и хозяина; когда мне что-нибудь приказывали, мне страстно хотелось не исполнять этого; в гимназии я был отчаянным сорванцом». Это пишет Лазаре, анархистский писатель. «Я был исключен из гимназии, — говорит другой, — потому что я все переворачивал там вверх дном».

«Мой отец был новатором, а я, уже будучи учеником, мог работать только над тем, что мне было по вкусу».

Анри был сын отчаянного коммунара, Паделевский — брат, внук и правнук бунтовщиков.

Любовь к новому у анархистов стоит в связи с болезненным состоянием их нервной системы. Я уже много раз подробно доказывал, что люди вообще ненавидят все новое, и только прирожденные преступники и ненормальные — ищут его. Склонность эта зависит или от их некультурности, или от болезненности; проявляется она в виде бесполезных странностей и оригинальностей непонятных и жестоких.

Самый совершенный исторический тип нравственно ненормального — это Нерон. Он не только питает странную любовь к искусству, но не лишен и артистических способностей к пению и скульптуре. По мнению Гаммерлинга и Косса, он проявлял истинный артистический вкус и оригинальность, стремление к новому в преступлении: пожар Рима — это грандиозный каприз поэта, вдохновленного Гомером. Любовь к новому, искание его занимают видное место в преступлениях Нерона: например, во внутренностях любимой женщины он хочет найти объяснение своей склонности к ней. Некоторые из его эротических преступлений, как и преступления Тиберия, выдуманы им самим (например, он заставил женщин кормить своих детей, плавая в воде). Его восклицание, что с его смертью Рим теряет великого артиста, — тоже заблуждение.

Всякий преступник, благодаря прежде всего импульсивности своей натуры и ненависти к карающим его учреждениям, есть скрытый постоянный бунтарь. В восстаниях он находит средство, с одной стороны, дать исход своим страстям, а с другой — стяжать впервые одобрение большой публики. Из моего сочинения «Тюремный палимпсест» ясно, каким образом жажда нового, политическое недовольство прирожденных преступников вытекают из их природы. «Италия свободна, но мы здесь. — Буланже заставит всех взлететь на воздух. — Богач грабит бедняка, бедняк грабит богача; если он берет больше, то этим он возмещает проценты».

Несомненно, что, быть может, благодаря вдохновляющей их страсти они яснее видят недостатки существующего строя, чем средний честный человек, а отсюда проистекает то, что при наличности у них импульсивности, потребности зла преступники этого типа становятся в первые ряды восставших.

В той же книге я указывал, что среди испещряющих стены тюрем надписей, проникнутых злобой и бранью, встречаются строки поистине гениальные, каких вы не найдете у золотой середины. Лирическое описание тюремного двора у Верлена, дающее почти фотографически точную картину его, можно назвать гениальным по художественности его*.

Нельзя отказать в справедливости следующей сатире против правительства: «О, свод карательных законов! Зачем караешь ты обман, если само свободное правительство Италии безнравственно играет в лото и само становится учителем и вождем обманщиков?»

Другой раз среди этих же надписей я нашел доказательства вреда, приносимого классическим образованием. На это обстоятельство следовало бы указать многим министрам народного просвещения, обнаруживающим все большее стремление насаждать классицизм.

Эта гениальность, конечно, встречается только как проблески, но они подтверждают наличность контраста в душе этих преступников, тех интеллектуальных эксцессов, на которые средний человек не способен реагировать; он может быть отличным критиком, но никогда творцом. Эта странность понятна, так как органическая ненормальность таких преступников лишает мизонеизм почвы, мизонеизм, составляющий характерный признак всякого честного, нормального человека. Анархисты ненавидят существующее государство; они полагают, что обуздывает и наказывает их не естественный порядок вещей, а порядок, искусственно созданный государством. К тому же, будучи по природе импульсивнее других, они и более склонны к иллюзиям, и скорее других становятся под защиту какого угодно знамени, чтобы удовлетворить свои необузданные инстинкты.

Анархистам нетрудно победить свою нелюбовь к новому, потому что они, в сущности, толкуют о возвращении к *старому*, и у многих в основе любви к новому лежит любовь к древнему миру. А во многих это тем более понятно, что здесь замешан личный интерес — стремление выбиться из нищеты; ведь человек всегда склонен считать истинным то, что ему удобно.

Впрочем, это общеизвестный факт. На это явление указывали уже греческие философы. Сократ пишет, что восстания происходят оттого, что ничто не может долго держаться. В определенные эпохи (он дает для них несколько геометрических формул, как после него Феррари) появляются порочные и совершенно не поддающиеся исправлению люди. Аристотель подтверждает это и прибавляет от себя: «Это верно, ибо встречаются люди, по природе не способные стать добродетельными и поддаться воздействию воспитания. Но почему, спрашивается, такие революции встречаются в совершенных государствах?»

Глава 10. Метеорологические, этнические и экономические влияния

Роль, которую в деятельности анархистов играют органические и индивидуальные причины, не должна закрывать от нас влияния и других причин, более общих и внешних. Изучая топографию и хронологию восстаний в Европе на протяжении четырех веков, я пришел к заключению, что в жарких странах и в жаркое время года число восстаний увеличивается.

Времена года

Вот как распределяются восстания по временам года:

			Новейшее время	
	Античн. период	Средн. века	Америка	Европа[1]
Весна	31	14	76	142
Лето	44	28	92	167
Осень	20	18	54	94
Зима	20	16	61	92

Из приведенной таблицы видно, что наибольшее число восстаний в обоих полушариях падает на лето. Весна дает всегда большие цифры, чем осень и зима, вероятно, под влиянием первых жарких дней и вследствие окончания зимних запасов; это наблюдается и в восстаниях, и в преступлениях; осень и зима дают цифры приблизительно одинаковые. Если мы перейдем от общего обзора восстаний в Европе к восстаниям среди отдельных государств, то мы увидим, что число восстаний в течение жарких месяцев, за редкими исключениями, еще повышается. А именно: в девяти государствах, в которые входят все южные, максимум восстаний падает на лето; в пяти, в число которых входят более северные, максимум падает на весну: в одном государстве (Австро-Венгрия) он имеет место летом, и в одном (Швейцария) — зимой.

Если мы рассмотрим появление восстаний по месяцам, то их максимум для Италии, Испании, Португалии, Франции падает на июль; в Германии — на август; в Турции, Англии, Шотландии и Греции — на март; на март же в Ирландии, Швеции, Норвегии, Дании; на январь в Швейцарии, на сентябрь в Бельгии и Голландии, на апрель в России и Польше, и на май в Боснии, Герцеговине, Сербии, Болгарии. Следовательно, влияние жарких месяцев больше всего сказывается на юге.

---

[1]Времена года	Испания	Италия	Португалия	Европ. Турция	Греция	Франция	Бельгия, Голландия	Швейцария	Босния, Герцеговина, Сербия, Болгария	Ирландия	Англия, Шотландия	Германия	Австро-Венгрия	Швеция, Норвегия, Дания	Польша	Европ. Россия
Весна	23	27	7	9	6	16	7	6	7	6	5	7	3	4	6	3
Лето	38	29	12	11	7	20	8	5	3	3	9	11	6	4	1	0
Осень	18	14	4	5	3	15	6	3	1	3	5	4	7	2	2	2
Зима	20	18	6	3	3	10	2	10	4	3	4	3	2	2	1	1

География политических преступлений

Другое доказательство влияния климата на политические и другие революционные движения имеется в географическом распределении восстаний в Европе между 1791 и 1880 годами, как это представлено в прилагаемой таблице. Из таблицы ясно, что число восстаний увеличивается с севера на юг вместе с температурой; действительно, Греция дает максимум восстаний — 95 на 10 миллионов жителей; Россия — минимум — 0, 8. Наименьшее число восстаний падает на северные страны: Англия, Шотландия, Германия, Польша, Швеция, Норвегия, Дания; самые большие цифры дают южные: Португалия, Испания, Европейская Турция, Южная и Центральная Италия; среднее число встречается приблизительно в центральных государствах.

В итоге находим:

Северная Европа	12 революций	на 10 миллионов	жителей
Центральная »	25	»	»
Южная »	56	»	»

Правда, есть два существенных исключения: Швейцария и Ирландия, которые дают цифры революций, противоположные географическому положению. В Швейцарии это, должно быть, обусловливается многочисленностью отдельных кантональных правительств и частыми изменениями конституции. (С 1830 по 1872 год кантональная конституция была пересмотрена 115 раз, а федеральная — 3 раза; с 1830 по 1869 год добрых 27 пересмотров изменили аристократическое правление в демократическое; наконец, с 1862 до 1866 год было произведено 66 пересмотров с целью перейти к правлению народному при помощи референдума.)

Что же касается Ирландии, это исключение из общего правила объясняется тем, что ирландцу, в его печальных политических и социальных условиях жизни, если исключить революцию, выбор оставался только между эмиграцией и самоубийством. В своих удивительных проектах Гладстон показал, что для излечения этой страны от ран необходимы самые радикальные реформы, так как раны ее одновременно этнического, социального и экономического характера*. Точно так же и последние революционные движения в России показали, что когда социальный вопрос властно дает знать о себе, тогда климатические влияния не играют роли, и выступают на сцену лишь после. Сверх того, не нужно забывать, что благодаря влиянию Гольфстрима Ирландия при зимней температуре + 5° С находится на одной изохимене с Бретанью, с югом Франции, с северными Апеннинами и с Далмацией. И распределение самоубийств у нее то же, что и в этих странах.

Устройство поверхности

Но здесь не кончаются орографические влияния. Изучение Европы показало мне, что в общем горцы более склонны к восстаниям, чем жители равнин.

Так, жители Тибета, окруженные ленивыми и рабскими народностями, сами проявляют поразительную энергию в борьбе с Китаем; жители Афганистана и горное племя юзуфов — прирожденные завоеватели, трезвые, честные, гордящиеся своей независимостью перед ленивыми индусами. По словам Геродота, Кир запрещал персам уходить из их гористой родины, полагая, что вся их счастливая независимость исходит из гор. Можно сказать, что первые попытки к свободе и последние сопротивления рабству всегда появлялись среди горных жителей. Так, самнитяне, лигуры, кантабры воевали с римлянами; астурийцы выступали против готов и сарацин; албанцы, трансильванцы, марониты против турок; тласкаланцы и хилены воевали в Америке; горцы Швица, Ури и Унтервальдена* выступали против Австрии и Бургундии. Так точно первые попытки к религиозной свободе появились во Франции в Севеннах, а у нас в Вальтеллине и Пинероло, несмотря на драгонады и пытки инквизиции*.

Иллирийцы остались народом, не зависящим от живших по соседству греков; они все время упорно боролись против македонян, а после смерти Александра вновь окончательно завоевали свою свободу. То же наблюдается в наше время среди народов Кавказа.

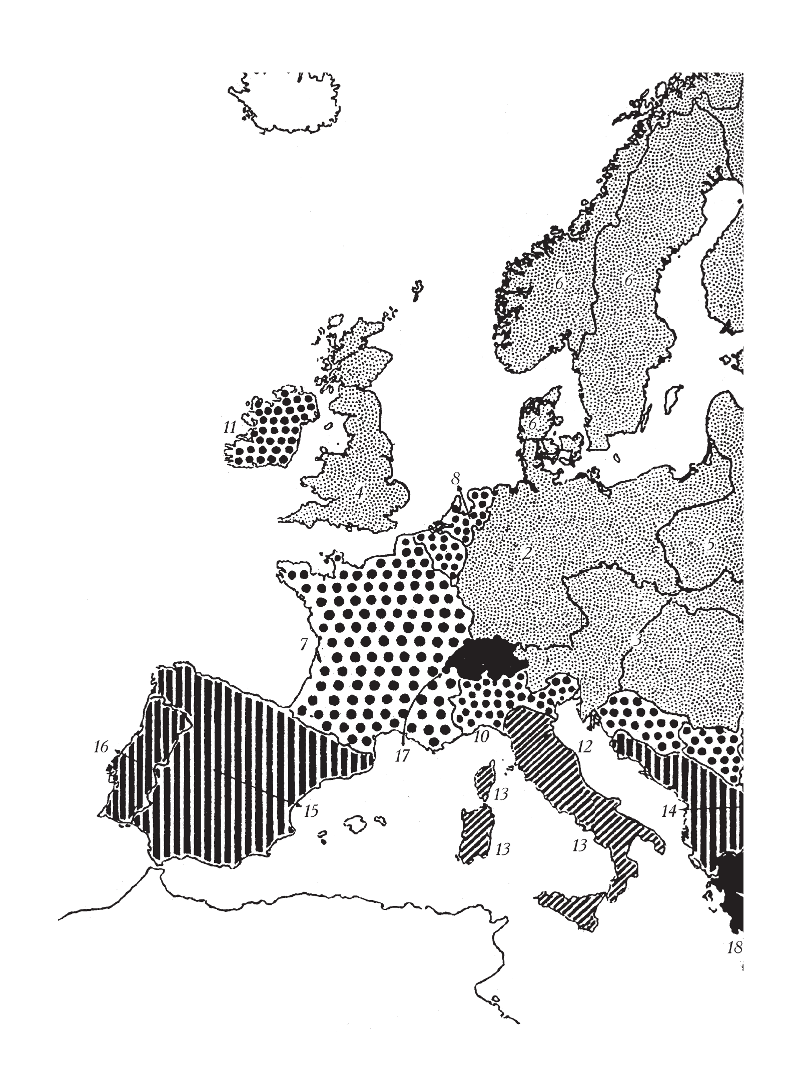
В Англии, в горной стране Хайлэнд, чрезвычайно трудно ввести единоличное управление и еще труднее заставить жителей признать центральную власть*.

По Плутарху, одно время в Афинах существовали три различных партии, соответственно форме поверхности страны: жители горных местностей требовали народного правления, жители равнин — олигархического, а приморские — смешанного.

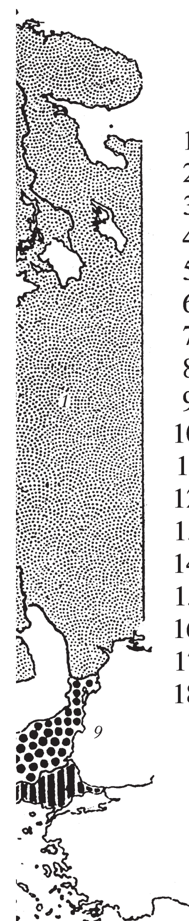
В тех местах, где сходятся долины, обыкновенно концентрируются народы-новаторы и склонные к бунту, у которых общие моральные, политические и промышленные потребности. Цветущее коммерческое состояние Милана, его либеральное направление несомненно находится в связи с тем фактом, что все большие долины ломбардских и пьемонтских Альп сходятся своими осями в Милане. То же можно сказать и о Болонье.

Очень возможно, что Польша своим ранним развитием и далее своей роковой судьбой обязана своему географическому положению: она как бы врезается между Россией, Германией и Византией и служит мостом между этими государствами.

Заметим еще, что большие города лежали у устьев больших рек: Нила, Ганга, Хуанхэ, Тигра и Евфрата.

Прогрессивное распределение революций

1.	Россия	6	0,8
2.	Германия	25	5
3.	Австро-Венгрия	18	5
4.	Англия и Шотландия	23	7
5.	Польша	10	12
6.	Скандинавия	12	13
7.	Франция	61	16
8.	Бельгия и Голландия	23	20
9.	Босния, Герцоговина, Сербия и Болгария	15	25
10.	Италия северная	27	27
11.	Ирландия	15	30
12.	Италия средняя	24	32
13.	Италия южная и острова	37	33
14.	Европейская Турция	28	46
15.	Испания	99	55
16.	Португалия	29	58
17.	Швейцария	24	80
18.	Греция	19	95

Революции по отношению к превышающему 10 млн числу жителей

От 0 до 15
» 15 » 30
» 30 » 45
» 45 » 60
» 60 и более

в Европе (с 1791 по 1880 год)

Подобное же влияние на народ оказывали и удобные гавани: благодаря своему положению на берегу Средиземного моря Греция, в особенности Афины, и Италия могли раньше всех прочих народов воспользоваться плодами культуры финикиян, египтян и индусов; они же оказались наиболее способными к восприятию всякого прогресса и к скрещиванию с другими расами, которое дало затем такие благотворные результаты.

Те из французских департаментов, которые лежат по течению больших рек — Сены, Роны, Луары — или обладают большими гаванями, независимо от других причин оказываются во время выборов революционными. В моей книге «Гениальный человек» было указано на большой процент гениальности в приморских городах — Генуе, Венеции, Неаполе.

Как я имел уже случай демонстрировать при помощи целого ряда цифр, здоровая и плодородная почва в высшей степени влияет на процент гениальности. Вследствие этого Флоренция, Афины и Женева были самыми гениальными и самыми бунтовщическими городами; революционеры и гении чаще всего появляются из Романьи и Лигурии, самых лучших мест Италии.

Этот параллелизм еще явственнее выступает во Франции, где в 75 департаментах из 86 преобладает антимонархическое направление.

Расы

Изучение французских революций привело меня к тому выводу, что максимум восстаний приходится на те департаменты, где преобладают расы лигурийская и галльская, а минимум на те, где население принадлежит к расам иберийской и силурийской. Существуют такие места, где весьма заметна склонность к восстаниям, как, например, Ливорно, Арлуно.

Скрещивание рас

Еще явственнее этническое влияние заметно при скрещивании одной расы с другой, вследствие которого обе расы могут стать более передовыми. Этот закон подтвержден Дарвином для мира растений, где даже двуполые растения нуждаются в скрещивании, и Романесом, который утверждает, что первое условие развития — независимая вариация.

Пример влияния скрещивания мы имеем в ионическом племени; правда, оно родственно дорическому, но оно очень рано смешалось с лидийцами и с персами, жившими в Малой Азии и на Ионических островах; таким образом, под влиянием двойного скрещивания — расы и климаты — они дали величайших гениев (Афины) и были самым революционным народом.

Пример подобного рода мы имеем на японцах. Несомненно, что эти последние от природы не обладали ни коммерческим и финансовым гением китайцев, ни их необыкновенной деловитостью; однако в последнее вре-

мя они оказываются гораздо более китайцев склонными к эволюции, усвоив себе европейское платье, орудия, железные дороги, университеты и почти что форму правления. Потому что японцы несомненно в значительной мере смешались с малайской расой, в то время как китайцы, принадлежа к высшей желтой расе, смешивались гораздо менее.

Быстрый расцвет польской культуры, отличающий Польшу от других, еще малокультурных славянских государств, без сомнения, объясняется смешением поляков с немцами, хотя первые немцы, занесшие в Польшу цивилизацию, и не отличались высокой степенью культурности[1].

Несомненно, что климатическая смесь туземцев и жителей различных европейских колоний и смесь этническая в испанских республиках обусловливает большую подвижность жителей колоний в торговле и, наконец, их большую склонность к наукам и к восстаниям. Точно так же смешение жителей французской провинции Франш-Конте с немцами сделало то, что из этой провинции в последнее время вышло столько революционеров науки (Нодье, Фурье, Прудон, Кювье).

Сицилианец обнаруживает больше склонности к эволюции, чем неаполитанец, потому что у жителей Сицилии больше смешанной крови. В особенности это явление заметно в Палермо, где было сильно смешение норманнской крови с сарацинской. Из Триеста, где происходит смешение латинян, немцев и славян, вышло много гениальных людей (Лустиг, Танци, Ревере, Фортис, Асколи, Биессо, Тедески).

Плохое управление

Причиной восстаний и революций бывает также плохое правление страны, которое не заботится о благосостоянии жителей и преследует честных людей. «Преследования превращают идеи в чувства» (Макиавелли).

Накануне американской революции Бенджамин Франклин в своей брошюре «Способ из большого государства сделать маленькое», указывает на следующие причины плохого управления, приведшие его страну к восстанию.

«Хотите вы, — пишет он в Лондон, — раздражить ваши колонии и вызвать в них восстание? Вот вам вернейшее средство: смотрите на них как на готовых к восстанию и обращайтесь с ними сообразно с этим. Окружите их со всех сторон солдатами, а когда наглость последних доведет их до возмущения, выступайте против них с пулями и штыками».

Во Франции режим Орлеанской династии, считающийся лишь с интересами привилегированного сословия, увеличил количество бунтов и по-

---

[1] Кажется, что смешение с германцами произошло еще в доисторические времена. В старых могилах в Польше, Пруссии и Волыни находятся черепа германского типа.

литических преступлений, в то время как монархо-демократическое правление Наполеона III, успокаивающее народ блеском и попытками социальных реформ, наоборот, уменьшило число восстаний и преступлений. Статистические данные наполеоновского периода (1851—1870) ясно указывают, что в это время количество политических преступлений (включая и преступления печати) дошло до минимума.

	Среднее годовое количество	
	восстаний	преступлений
1826—1830	13	284
1831—1836	90	406
1836—1840	13	63
1841—1845	4	41
1846—1850	9	271
1851—1855	4	—
1856—1860	1	—
1861—1865	1	—
1866—1870	1	—
1871—1875	10	64
1876—1880	—	6
	146	1135

Чтобы перечислить все те факторы, которые могут вызвать восстание, потребовалось бы написать целый том. Здесь же я хочу указать лишь на участие подобных причин в последних беспорядках в Сицилии; причина их лежит в очень смешанной и гениальной расе, во влиянии времени года и более жаркого климата и в плохом правлении. Страна должна бороться не только с печальной путаницей центрального правительства, но вдобавок еще с коммунальными и провинциальными нуждами; таким путем эти беспорядки объясняются гораздо естественнее, чем заговоры, имеющие место в России или Франции, так как здесь ясно, что общее недовольство вызывается указанными обстоятельствами.

Гениальность и склонность к возмущениям жителей Романьи (*Romanga tua non fu mai senza guerra* — Романья всегда была занята войной), история Ливорно и происхождение населения могут объяснить развитие там анархизма[1].

---

[1] Ливорно был населен либурнийцами, народом иллирийского происхождения, которые создали *либурнийские галеры* и *знаменитых пиратов*; прибыв для грабежей в Тосканское море, они основали там свою стоянку.

Глава 11. Меры предупреждения

Говорят, что с анархизмом можно бороться только огнем и мечом. И вполне согласен с тем, что против анархизма должны быть предприняты энергичные меры; но я настаиваю, что меры эти не должны быть похожи на те крайности, в которые впали в последнее время Франция и Италия, ибо там они почти так же импульсивны и так же рассчитаны на действие лишь в данный момент, как и причины, породившие их. Наконец, такие меры должны, несомненно, вызывать новые насилия.

Я вовсе не противник смертной казни в тех случаях, когда речь идет о прирожденных преступниках, жизнь которых может быть во вред многим честным людям; поэтому я не колеблясь произнес бы смертный приговор Пини и Равашолю. Если же существуют вообще тяжелые преступления, против которых не следует применять тяжелых и в особенности унизительных наказаний, то это преступления анархистов. Во-первых, потому, что многие из них душевнобольные люди, а для душевнобольных существуют лечебницы, а не эшафоты и не галеры; а во-вторых, хоть они и бывают преступны, их альтруизм заслуживает особого внимания. Будучи направлены в другую сторону, они могли бы быть чрезвычайно полезны тому самому обществу, которому принесли вред (истерическая природа Вальяна, Анри несомненно была способна на это). Луиза Мишель сумела приобрести такую любовь больных и несчастных, что ее повсюду называли «красным ангелом». В тех же случаях, когда преступник сам ищет для себя смерти, совершая преступление, смертный приговор лишь помогает врагу общества достичь своей цели.

Когда же преступление совершено без политической подкладки неуравновешенной натурой, получившей скудное образование, под влиянием случайности или из чувства возмущения против собственной нищеты и нищеты других, то в подобных случаях смертная казнь является совершенно излишней, так как такие преступники не опасны. Заметьте, что все они молоды: Лэнгсу 20 лет, Швабе — 23, Казерио — 21 и т. д.; это как раз самый смелый возраст и самый склонный к крайнему фанатизму; позже чувства становятся менее страстными; говорят же ведь, что в России все — революционеры в 20 лет и умеренные в 40.

Сверх того, ведь смерть приверженца какой-нибудь идеи не убивает самой идеи; часто даже наоборот, она выигрывает от окружающего ее ореола мученичества, тогда как бесплодная идея все равно погибла бы сама собой. Да и невозможно в течение жизни одного поколения с уверенностью судить о ложности или правдивости какой-нибудь мысли; точно так же как нельзя дать правильный отзыв о жизни какого-нибудь отдельного лица до его смерти. Тем более нелепо носителей этой идеи приговаривать к смерти только за то, что они ее носители.

Смерть приверженцев учения может вызвать только реакцию, в смысле повторения того же преступления, потому что фанатиков не успокаивает, а раздражает смерть их единомышленников; еще не успел умереть Равашоль, как уже был создан его культ и вместо «Марсельезы» стали петь гимн Равашоля. Дюбуа указывает, что анархистское движение достигло наибольших размеров там, где были процессы и преследования анархистов, служившие прекрасной пропагандой учения, например в Руане, Виене, Грене, Сент-Этьене, Ниме, Бурже. В Фурми анархизм появился после кровавой расправы со стачечниками. Барселона и Париж могут служить для нас примером, как приговоры анархистам, бросавшим бомбы в театрах, вызывали тотчас же подобные или еще худшие преступления. Все еще помнят печальную судьбу Карно, одного из самых честных и популярных государственных людей. Но если до этого факта мы не могли упрекнуть Францию в снисходительном отношении к анархистам, то с этого момента вместе с возрастающими репрессиями увеличивается и количество преступлений. В это самое время Швейцария и Англия ничем не выделяют анархистов из среды преступников, и мы видим, что в этих государствах анархистское движение совершенно парализовано. Прекрасное доказательство всей бесполезности исключительных законов мы имеем в России, где страшнейшие репрессии (медленная смерть в рудниках и россыпях Сибири) вызывают лишь новые, более отчаянные попытки.

«Для разжигания революционных стремлений нет лучшего средства, как эти легенды о мучениях, — пишет один из лучших наших мыслителей, Ферреро. — Они возбуждают фантазию мечтателей и фанатиков, которыми богато современное общество и которые всегда составляют существенный элемент в революционных движениях. Во всяком обществе существует элемент, который испытывает потребность в преклонении перед жертвой, в восхищении ею и даже иногда в принесении себя в жертву. Им доставляет удовольствие чувствовать, что их преследуют, думать, что они — жертвы насилия и человеческой злобы; и они выбирают ту партию, в которой опасность наиболее велика, совсем как те альпинисты, которые выбирают для восхождений места с самыми глубокими пропастями и с самыми неприступными скалами. Для таких людей преследования, которые ведутся против анархизма, гораздо существеннее, чем сама идея. Нет ничего опаснее возбуждения фантазии этих людей смертью преступника. Осужденный Вальян становится мучеником; его могила становится целью бесконечных паломничеств; пролитая кровь, всегда дающая почву для создания легенд, питает начавшуюся легенду, и она растет и приносит плоды.

...Надеялись, что, убив семь голов, убьют и гидру — анархизм. Однако на деле получалось как раз обратное: анархия не только не кончила своего существования под ударами закона и позора, но почерпнула в них еще новую силу и значительно улучшила тип своих героев. Это как бы очищение анархии есть один из наиболее неожиданных, но и наиболее опасных фак-

тов последнего времени. Первым героем анархистов в последние годы был Равашоль, тип жестокого прирожденного преступника, кровожадный убийца ради грабежа, человек-зверь, скрывавший под видом политики свои свирепые наклонности. Рядом с ним стоит Вальян, хотя и не беспорочный, но сначала значительно лучше Равашоля, занимавшийся воровством и мошенничеством, но не убийством. За ним следует Анри, странный и неуравновешенный юноша, безупречного поведения, успевший расположить в свою пользу самых злых своих врагов своей искренностью и глубокой убежденностью. Последним был Казерио, без всякого сомнения, честный фанатик, не совершивший ни разу ни одного обыкновенного преступления и неспособный на преступление, который, конечно, не сделал бы того, что он сделал, если бы не ослепление политической страстью. После года и месяца энергичных репрессий Франция, так же как и другие государства, очутилась перед удивительным и действительно утешительным результатом: в то время как раньше в ряды анархистов шли кандидаты на галеры, теперь эта партия рекрутирует в свои кадры честных людей; фанатизм и крайний дух жертвы делает их способными идти даже на смерть, придает им решимость, которой характеризуются все мученики религиозных движений.

Но это еще не все: анархизм не только очистился, он стал еще отважнее. Законодатели хотели запугать анархистов последним средством, которое стало, кажется, талисманом общества, — топором палача. Но им приходится с ужасом констатировать, что анархисты все смелее и более открыто наступают на общество уже с тыла, не прячась больше и не обращая внимания на разность сил. От Равашоля, который кладет свои две бомбы тайком и тотчас же обращается в бегство, стараясь скрыться, мы переходим к Вальяну и Анри, бросающим бомбы в кафе или парламент среди толпы, где их наверно увидят и арестуют. Наконец, мы видим Казерио, который наносит свой удар кинжалом публично, в условиях, которые исключают всякую возможность бегства. Таким образом, от анонимного убийцы мы доходим до человека, хладнокровно отдающего свою жизнь за смерть ненавистного ему лица и который, идя на преступление, заранее знает, что его голова погибла.

Эти печальные явления, пугающие поверхностных и опирающихся только на личный опыт государственных людей, совсем не волнуют тех, кто знаком с историей и с человеческой психологией. Это очищение анархизма есть прямое следствие преследований. Вполне понятно, почему первые покушения были совершены настоящим преступником, каким был Равашоль, а не честным человеком, который выступает теперь как активный член этой партии. Хотя мораль политическая и мораль индивидуальная, как я уже говорил в другом месте, часто находятся во взаимном противоречии и хотя часто честные люди совершают в конце концов преступные деяния с политическими целями, однако очень трудно допустить, чтобы добрые по существу люди могли без очень сильной провокации решиться на такие опасные и жестокие убийства, как те, которые совершались последнее время во

Франции. В первый раз мысль о подобном преступлении должна была родиться в воображении какого-нибудь прирожденного преступника, который совершенно хладнокровно, маскируя свои преступные наклонности желанием вступиться за преследуемых товарищей, намерен позабавить себя взрывом дома кого-нибудь из властей; далее, войдя во вкус этой игры, он продолжает ее до тех пор, пока его не схватят. Но затем следуют серьезные преследования, законы, издаваемые специально против анархистов, повторяющиеся смертные приговоры; и вот создается легенда о мучениках анархистах, а этого достаточно, чтобы толкнуть на путь убийств честных фанатиков партии, до чего они наверно не дошли бы, не будь налицо все вышеуказанные факторы. Как только они видят, что их товарищей тысячами запирают в тюрьмы, что их газеты конфискуются, что голова одного из друзей упала в корзину гильотины, — их альтруистические чувства и чувство политической солидарности тотчас же приходят в возбуждение. Эти чувства всегда достаточно живы среди крайних партий и честных фанатиков. Надо полагать, что как у Вальяна, так и у Анри, да и у всех содержащихся по тюрьмам анархистов в партии были верные друзья; общность идей, опасности жизни, фанатизм доводят дружбу до степени интенсивности, которую мы едва можем себе представить. Нужно думать, что преследования друзей вызывают у них тот же гнев и то же возмущение, какие среди европейских ученых вызвало бы известие о ссылке какого-нибудь великого мыслителя за его открытие в Сибирь. Они полагают — не надо забывать этого, — что их друзей преследуют за исповедание тех идей, которые для них дороже всего на свете и общность которых связывает их дружбу крепче всего прочего. Отсюда вполне ясно, что вместе с тем, как начинается преследование, тип «убийцы» становится лучше, и из преступника он превращается с этого момента в честного фанатика. Теперь покушения совершаются честными людьми, у которых чувство солидарности более сильно, чем у обыкновенных людей, и которые часто, вследствие нравственной неуравновешенности, испытывают патологически интенсивную потребность жертвы.

С этим явлением непосредственно связано и другое — большее мужество позднейших анархистов. Чем более честен и фанатичен убийца, тем безразличнее для него последствия его поступка. Он одержим жаждой жертвы и совершит свое покушение, чего бы это ему ни стоило, даже в тех условиях, когда он будет вполне уверен, что его схватят, осудят и убьют. Такой бомбист, как Равашоль, который совершает свое преступление по прирожденной преступности, постарается обеспечить себе отступление и попадется в руки полиции только по легкомыслию. Такие же убийцы, как Анри или Казерио, которые действуют только под влиянием фанатизма, знают наперед, что заплатят за свое преступление жизнью, и уже не принимают никаких мер к собственной безопасности.

То, что насилие вызывает насилие же, — фатальный исторический закон; новейшие факты только подтверждают эту печальную истину. Загляните толь-

ко в итальянскую историю последних лет, и вы увидите в миниатюре повторение того, что происходит во Франции и в Испании. Особенно усердно нападали в Италии на Криспи: на протяжении немногих лет он подвергся двум нападениям. Другие государственные деятели тоже не вполне избегли его судьбы; однако никто не думал покушаться на жизнь Депретта. Почему такая разница? Потому что Криспи из всех итальянских государственных мужей проявил наибольшую склонность разрешать вопросы при помощи силы. Таким образом он, так сказать, сам наталкивает своих врагов на мысль о применении силы, он бессознательным внушением заставляет их следовать своему примеру. Депретт, предпочитавший употреблять хитрость и ловкость, никогда не вызывал против себя насилия, точно так же, как Кавур, Гладстон и вообще все английские государственные деятели, которые в политике всюду, где можно, старались применять нравственную силу. Совершенно то же явление наблюдалось во Франции, когда государство стало отвечать на покушения силой во всех ее проявлениях: с этого момента насильственные действия партии анархистов стали вдвое интенсивнее, потому что все скрытые планы и желания восстания были непосредственно возбуждены. Правда, что те репрессивные меры, которые Франция и Испания применяют к анархистам, вызваны зверствами самих анархистов; но не будем же забывать, что в этой борьбе государство является вышестоящим, более богатым, более могущественным и образованным, поэтому оно должно было бы подавать пример рассудительности, спокойствия и хладнокровия, вместо того чтобы при виде опасности слепо прибегать к террору и гильотине; этим оно только создает жертвы и раздражает дух вражды и противодействия в партии, которую оно хотело бы уничтожить».

Жестокие репрессии имеют еще тот недостаток, что возбуждают гордость анархистов, внушают им мысль, что они владеют судьбами народов; они располагают в их пользу высшие классы, которые при других условиях могли бы быть прекрасным оплотом против них.

Главный характерный признак случайных политических преступников и преступников по страсти — это, скажем, их *специфическая* неприспособленность к той форме правления, среди которой они живут и против которой борются. Обыкновенные же преступники оказываются неприспособленными не только к социальной среде своей страны, но и к социальной среде всякой другой нации, стоящей на одной степени культуры с их родиной.

Поэтому в то время как обыкновенных преступников необходимо исключать из цивилизованного общества, политических преступников достаточно удалить из той государственной и социальной среды, к которой они оказались неприспособленными.

Итак, изгнание и в важных случаях ссылка — наиболее подходящие наказания для преступников этого рода. Для этих чисто политических преступников (исключая сумасшедших и прирожденных преступников) я предложил сделать наказание временным и параллельно парламентским выбо-

рам, происходящим каждое пятилетие, отзывать их обратно. Ведь может случиться, как это и случилось с богохульством и атеизмом, что еще до истечения срока их наказания общественное мнение о важности их преступлений изменится и даже совсем оправдает их. На этом основании современная школа криминалистов, отрицающая присяжных заседателей, когда речь идет об обыкновенных преступниках, настаивает на суде присяжных в политических процессах. Ведь это единственный способ определить, являются ли еще известные поступки преступлениями в общественном сознании. Наоборот, во Франции, где насмешка над человеком равна смертному приговору, гораздо полезнее было бы помещать эпилептиков и истеричных в дома умалишенных. Перед жертвами преклоняются; над дураками смеются. Смешной же человек никогда не может быть опасным.

С другой стороны, всякие интернациональные меры совершенно бесполезны, потому что у анархистов нет никакого общего центра, из которого они делали бы свои вылазки. Остроумная полиция каждую минуту думает, что она напала на такой центр, но лишь только она приближается к нему, ее надежды рушатся. И это понятно! Принцип анархизма — крайний индивидуализм и отрицание всякой зависимости.

Существуют страны, которые благодаря мягкости их законов менее других страдают от анархизма. В других анархизм не пустил корней, потому что они довольно хорошо управляются. Эти страны никогда не введут у себя драконовых законов, потому что эти законы только унизили бы их и, быть может, вызвали бы ту опасность, которой они избежали до тех пор. Однако все государства могли бы сойтись лучше на нескольких, общих всем, полицейских мерах, как, например, фотографирование всех приверженцев боевой анархии, интернациональное обязательство извещать о всякой перемене местонахождения опасных лиц, помещение в больницы всех мономанов, эпилептиков и анархистов-маттоидов (эта мера действеннее, чем кажется с первого взгляда), систематическая высылка всех более опасных индивидов, как только они совершат тяжелое преступление, на возможно отдаленные острова Океании; брошюры, указывающие в наиболее популярной и анекдотичной форме на нелепости их поступков; предоставление народу полной свободы протестовать против анархистов даже при помощи насилия. Таким образом можно создать настроение против анархистов как раз в той среде, на которую они больше всего стараются влиять.

Печать

«Что сказать о последних законах печати?» — спрошу я вместе с Ферреро. Среди других ошибок, анархистов совершенно неосновательно смешивают с социалистами. У первых нет прессы, а если бы и была, они не пользовались бы ею. Таким образом, вместо того, чтобы поразить анархистов, поражают их самых серьезных врагов.

«Всякий, наблюдавший вблизи анархистское движение, отлично знает, что главные центры производства литературы находятся за границей. Из-за границы получаются почти все газеты и брошюры, распространяемые анархистами. Так что закон этот, по крайней мере в данный момент, не может особенно беспокоить анархистов.

Впрочем, этот закон точно так же был бы бесполезен, если бы даже итальянские анархисты обладали процветающей прессой. Пресса до известной степени отвлекает внимание, является громоотводом; поэтому чем больше анархисты могли бы писать и печатать, тем меньше они стали бы действовать и тем меньше искали бы исхода своей политической страсти в сенсационных убийствах. Простейшее доказательство этому я нашел в письме Казерио из Франции к одному другу: “Что касается пропаганды, то по этой части здесь делается много, однако исключительно путем действий, потому что здешнее республиканское либеральное правительство запрещает печатать анархистские газеты”. Впрочем, пресса действовала весьма умиротворяющим образом на нашу политику, она поддерживала гневные статьи за счет тех ударов, которые враждующие партии могли бы наносить друг другу. Очень возможно, что и теперь многие приверженцы даже консервативных партий обратились бы к насилию, если бы их ненависть к противникам не находила выхода в литературе. Почему не случится того же самого с анархистами? Это истинное несчастье, что анархисты до сих пор еще не приобрели привычки выступать в литературе и в прессе, как прочие партии. Весьма возможно, что если бы анархисты Ливорно обладали постоянной газетой и привычкой писать в ней, они удовлетворились бы литературной полемикой, вместо того чтобы убивать журналиста противной им партии.

Мне скажут, что с прессой анархистов нужно бороться самыми энергичными мерами уже потому, что она распространяет заразу своих идей и теорий. Однако было бы чрезвычайно наивно думать, что это возможно или очень легко провести: в настоящее время печать стала настоящим оракулом современной жизни; она стала таким тонким, таким ловким и могучим орудием, что для всякого правительства управлять печатью настолько же невозможно, как заковать в цепи ветер. И потому если даже у анархистов отнять всю прессу, то этим не остановить пропаганды, потому что она всегда велась гораздо более изустно, чем письменно, как всякая пропаганда, обращенная к необразованной публике.

Насилие всегда безнравственно, даже тогда, когда оно направлено против насилия. То общество и та цивилизация кажутся высшими, которые умеют подавить насилие, не прибегая сами к нему. Смутный намек на такую будущую цивилизацию мы имеем в Англии. Английское правительство часто дает народу пример веры в моральную силу; оно не считает себя вправе раздражать зверские инстинкты, дремлющие в глубине каждого человека. В то же время Англия применяет насилие в случайных массовых беспорядках.

Каким счастьем было бы для Европы, если бы эта мягкая система, применяемая в Англии к спорадическим восстаниям, применялась бы к хроническим социальным болезням и между прочим к анархизму».

Религия

Много было сказано о чувстве религиозности и религиозном воспитании как о средствах против анархии. Что бы ни говорили по этому поводу свободомыслящие, я думаю, что государство должно было бы обратиться к этим средствам, если бы они были действительны. Между тем история доказала, что средства эти — тупое оружие. Все деспотические государства прибегали к помощи полиции и священников, и никогда ни те, ни другие не спасали их. Дело в том, что религиозное чувство нельзя ввести как закон, форму или подать. В тех случаях, когда религиозное чувство опирается на истину и на общие убеждения, его нельзя вытравить из сердца людей — «гони природу в дверь, она влетит в окно». Но если религия не основана на истине и всякий научный прогресс подрывает ее основы, она не только не может быть полезна, но сама нуждается в защите. Кроме того, религиозное чувство, по признанию самих правящих классов, исчезло из их среды; а всякое чувство, отсутствующее в правящих сферах, не может иметь распространения. Правда, они сами говорят: хоть мы и не верим, мы все же желаем поддерживать религиозность в низших классах. Но в наше время, когда расстояние между классами значительно уменьшилось, немыслимо успешно проповедовать какое-нибудь чувство, если проповедующий класс сам не проникнут им. И никому нет охоты верить в то, во что не верят высшие классы.

Америка, Италия и Голландия обязаны своей свободой подъему священного фанатизма; им проникнуты были не только народные массы, но и представители высших сфер, конечно, не в такой степени. Попробуйте в наше время вызвать крестовый поход, употребите даже все средства, имеющиеся в распоряжении у государства, за вами не пойдут даже священники. Ужасы Парижской Коммуны действительно происходили под знаменем неверия и атеизма, но эти факты ничего не доказывают. Приводить их в пример так же убедительно, как надеяться дискредитировать религию указанием на избиение альбигойцев и гугенотов. В последнем случае религией прикрывались только политические цели и зверские инстинкты.

В самом деле, эти ужасные кровавые сцены, как будто вызванные атеизмом, имели место среди тех самых народов, которые немного спустя устраивали благочестивые паломничества, у которых в совете народного просвещения заседали епископы. Подобные же случаи бывали, с другой стороны, в истории народов, уделявших много времени борьбе за короля — помазанника Божия или за папу. Ничего подобного не встречается в жизни наций, давших нам Дарвина и Канта, Спинозу и Бентама, у которых утилитаризм и

позитивизм уже давно перестали быть отдаленным смутным эхом, а восприняты вполне сознательно, не как мода и не в пику господствующему классу, а как солидное убеждение проникли в массу и дали такие осязательные результаты, как потребительные общества, фребелевские сады*, народные банки, убежища для душевнобольных преступников, полную секуляризацию образования и сверх всего полную терпимость ко всем мнениям, которая никогда не встречается среди людей односторонних и малосознательных.

Что же касается религиозного чувства, его можно пропагандировать и укреплять сколько угодно; не нужно только создавать себе иллюзий, что оно может заменить свет современного знания. Религиозное чувство оказалось бессильным после ужасных битв Совета тридцати*, после священного «Союза Трона и Алтаря»*. Религиозное чувство играло особенно ничтожную роль среди народов латинской расы. Как можно ждать, чтобы оно оказало какое-либо действие теперь, когда внуки Вольтера стали современниками Дарвина?

Можно ли поверить, чтобы теперь сочинения св. Франциска могли бороться с возрастающими экономическими нуждами и недовольством, поддерживаемым истинным фанатизмом?

Что скажут противники анархизма, борющиеся с ним во имя Христа, если им возразят словами самого Спасителя, отрицавшего справедливость на земле и презревшего семейные узы? Им можно еще привести слова другого великого мыслителя церкви, св. Фомы, по мнению которого единственное право — это религия; он указывает на три случая, когда законы могут быть несправедливыми: во-первых, если они противоречат общему благу; во-вторых, если законодатель переходит границы своей власти, и в-третьих, если они неправильно разделяют блага. Он идет дальше, допуская восстание против власти, не действующей в смысле общего блага, и признает за бедными право на излишек богатых. Другой отец церкви в своей «Этике» отрицает право собственности на землю и говорит о праве грабежа в случае нужды, что весьма напоминает экспроприации анархистов*.

Сами иезуиты, всегда бывшие видными представителями мизонеизма, объявляющие гипнотизм порождением дьявола, а Гарибальди исчадием ада, иезуиты, которые поддерживают божественное право королей, в которое не верят сами короли, становятся цареубийцами, когда князья отказываются поддерживать их в их мизонеистических стремлениях[1].

В 1581 году в Англии судили троих иезуитов за заговор против жизни Елизаветы. В 1605 году судили других двух за заговор с порохом. Во Франции Гиньяр был обезглавлен за оскорбление величества — Генриха VI в 1595 году.

---

[1] Миссионеры Парагвая и религиозные секты анабаптистов были против частной собственности. Первым коммунистом был Мюнцер. В своей печати иезуиты объявляли цареубийство заслугой.

То же самое произошло в Голландии в 1598 году по поводу заговора против Морица Нассаусского, затем в Португалии после покушения на короля Жозе в 1757 году, причем трое были повешены, и в Испании в 1766 году за заговор против Фердинанда IV.

В то же самое время в Париже два иезуита были повешены за заговор против жизни Людовика XV.

Там, где они не принимали активного участия в политических преступлениях, они действовали в том же духе в своей литературе, возбуждая к цареубийству или к *убийству тиранов*, как они говорили в своих книгах. Мариано хвалит Клемана и восхваляет цареубийство[1], потому что констанцский совет отверг его принцип законности убийства тиранов.

Сочинения Мариано нашли защитников в лице Де Саля («*Tractatus de Legibus*»), Гретцера («*Opera omnia*»), Бекано («*Opuscola theologica*», «*Summa teologiae scholasticae*»).

Отец Эммануил Са («*Aphorismi confessariorum*»), Грегорио ди Валенца («*Comment. Theolog.*»), Келлер («*Tyrannicidium*»), Суарес («*Defensio fidei Cath.*»), Лорэн («*Comm. in librum psalmorum*»), Комитоло («*Responsa moralia*») и другие признают за каждым право убить даже правителя ради своей зашиты.

Все это я говорю без всякого отношения к современной огромной силе, которую может иметь католическая партия в том виде, как она организована сейчас. Среди всех распадающихся партий она держится твердо и действительно может в данный момент иметь влияние на нашу политику. Однако значение католической партии может быть только временным, ибо течение вещей не может быть остановлено ни священником, ни полицейским, ни солдатом. Повторим здесь кстати еще раз, что эта могучая организация католической церкви, которая может временно дать жизнь нашей современной политике, в свою очередь является самым большим препятствием к религиозному фанатизму, потому что дисциплина душит фанатизм.

Меры предупреждения

Нужно принять другие, более действительные меры. Избавиться от анархистов случайных, ставших таковыми по бедности или из подражания, от анархистов по страсти можно только при помощи одного средства — обра-

[1] Мариано очень странно говорит о наилучшем способе убить короля. «Спорят о том, что лучше: яд или кинжал. Прибавление яда в пищу особенно рекомендуется, потому что при этом жизнь остается в безопасности. Однако ведь отравление равно самоубийству в таком случае, а быть участником самоубийства воспрещается. К счастью можно иначе пользоваться ядом, отравляя платье, мебель, постель; есть еще другое средство, заимствованное у мавританских владык: под видом особых почестей посылать своему врагу в подарок платья, пропитанные невидимыми ядовитыми веществами, от одного прикосновения к которым человек умирает».

титься к хроническим бедствиям страны, которые питают анархию. Нужно, как сказал бы врач, лечить корень общего несчастья, которое вызывает местную болезнь. Необходимо тотчас же обратить внимание на корень зла. Необходимо изменить основы нашего практического воспитания, которое направлено на преклонение пред красотой и еще больше на преклонение пред насилием. Это последнее, не имея никаких практических целей, разрушает дисциплину, ведет к восстаниям и создает огромное число выбитых из колеи, возводит насилие на степень идеала.

Я подробно указывал на это в «Политической преступности и революции», пользуясь примерами героев 1789 года, этими бледными копиями героев Плутарха.

Если мы хотим предохранить себя от анархии, мы должны претенциозное и пустое классическое воспитание заменить изучением положительных наук и ремесел. Эти меры выше всех законов, направленных против анархистов. Защищать репрессии может только полный профан в человеческой истории. Другую меру против анархии нужно искать в экономике. Мы уже видели, что существует экономический фанатизм, как раньше существовал фанатизм политический и религиозный.

Поступают вполне правильно, защищая себя от этого фанатизма экономическими реформами, как раньше заглушали политический фанатизм конституцией, парламентаризмом и т. д., а религиозный фанатизм свободой культа и т. д.

Уменьшение чрезмерного скопления собственности, богатств, власти было бы более радикальным средством, точно так же, как обеспечение существования интеллигентным и способным к работе. Французская революция 1789 года только лишь заменила крупных феодалов крупными собственниками, и в то время как прежде земледельцы владели $^1/_4$ всей земли, теперь они владеют только $^1/_8$. В Соединенных Штатах 91% всех жителей владеют 20% общих богатств страны, а 9% всех жителей держат в своих руках 80% всех богатств страны. Таким образом получается, что 4047 семейств владеют в 36 раз большим имуществом, чем остальные 11 587 887 семейств вместе. И именно в этом отношении социализм многими близорукими политиками (а таковых немало) считается вернейшим союзником анархизма, в то время как на самом деле он величайший враг его и лучшее предохранительное средство против анархии.

Один из наших наиболее симпатичных социалистов пишет: «Никто, даже самые закоренелые консерваторы, не восстает так решительно, как социалисты, против нелепой и дикой теории убийства с целью экономической мести. Иезуиты прославили Юдифь*, дали оружие в руки Равальяка и создали зверства инквизиции. Представители третьего сословия восхваляют в своих школах Тимолеона и Брута и назначают пенсии семействам Анжезилао Милано и Феличе Орсини. Социалисты, последователи морали, основанной на положительном изучении истории и общества, неустанно по-

вторяют рабочим, что не богатые виноваты в их несчастье, а весь современный экономический строй; что единственное средство, могущее им помочь, это полное изменение всей системы, которую в данный момент они прямо или косвенно поддерживают. Изменить эту систему не могут ни бомбы, ни кинжалы — они только бесполезно лишают жизни отдельных индивидуумов, оставляя неизменным социальной строй. Изменить старую систему могут только сами рабочие, их неустанная работа, с каждым днем возрастающие организации, сознательно выступающие, как это сделало третье сословие, на борьбу за свое право и за новое общество, не идущее вразрез с их интересами».

Насколько велико расстояние между этими двумя лагерями, можно видеть из того, что с широким распространением социализма в Германии, Австрии и Англии анархизм исчез из этих стран, что анархисты заочно повесили Андреа Коста и пытались убить Прамполини, распространявшего в Италии социалистическое учение, и, наконец, из того, что анархистская пресса делает постоянные нападки на социалистов.

Социалисты пропагандируют свое учение в той среде, которая сама по себе наиболее склонна воспринять его; они убеждают выводами, основанными на данных опыта. Социализм указывает, что всякая политическая или экономическая реформа может быть проведена в жизнь лишь путем чрезвычайно медленной подготовки; что только медленное и планомерное движение может изменить в нашем капиталистическом обществе условия жизни рабочего класса, препятствуя чрезмерной концентрации богатств. Старая экономическая школа, созданная богатыми, поддерживала этот строй с эгоистической любовью, совершенно забывая о существовании неимущих.

Но прежде всего необходимо ввести практический социализм, а не нечто вроде буддистского социализма, как у нас в Италии. Социалисты не должны забывать, что очень большая забота о чистоте партии может свести всю их деятельность к нулю; что ради своего дела они должны для достижения успеха, который в политике составляет все, соединяться с другими партиями хотя бы для достижения некоторых целей: например, уничтожения войн, введения восьмичасового рабочего дня, изменения аграрного законодательства.

Мы сделали уже шаг вперед в распределении земли, уничтожив майоратную систему (а каким невозможным казалось это в то время!); я думаю, что подобным же образом без больших трудностей можно было бы ввести дальнейшее распределение собственности при помощи прогрессивного налога и закона, передающего все наследственные земли, превышающие стоимость миллиона, и все побочные и вакантные наследственные имения в руки бедных классов. Латифундии вроде тех, которые имеются у нас в Романье и Сикуле, концентрирующие богатства в руках немногих и обусловливающие нужду огромного числа людей, необходимо насильственно экспроприировать в пользу государства или общины; я не вижу, какое мо-

жет встретиться при этом затруднение. Если бы, например, пришлось уничтожить бесполезную и даже вредную крепость и тем гарантировать себя от самой худшей из всех войн — междоусобной, ведь никто не нашел бы в этом случае насилие странным. Почему бы не изменить, по крайней мере, аграрное законодательство на более широкое, например сделать крестьян заинтересованными в земледельческих прибылях? Ведь они же сами участвуют в их создании. Эта реформа уже приходила в голову многим выдающимся итальянским политикам, совсем не революционерам, а даже ультраконсервативным, как Ячини, видевшим в ней радикальное лекарство против пеллагры. Почему не сделать того же в серном производстве в Сицилии, в мраморных карьерах в Луниджиане? Ведь дороговизна угля — одно из препятствий для процветания в стране известных отраслей промышленности. Почему бы государству не уделить часть своих доходов на применение гидравлических сил в деле передвижения, сил, которых у нас такое обилие. Эту трату можно было бы сделать из сумм, которые теперь бессмысленно тратятся на поддержание милитаризма или колоний.

Проект реформы сицилийских латифундий, предложенный Криспи, был бы попыткой в этом смысле, показавшей, по крайней мере, что в государстве существует тенденция изменить как-нибудь законы о собственности, слишком несправедливые и претендующие на незыблемость. Но увы! Та самая палата, все партии которой сошлись на одобрении грубых репрессий, не нашла времени, чтобы одобрить проект Криспи; больше того, не нашла даже времени, чтобы рассмотреть его. Он был бы только попыткой, потому что опыт показал, как быстро маленькие имения поглощаются большими, и мелкие владельцы в короткое время превратились бы в пролетариев, как это случилось с неотчуждаемыми эклизиастическими имуществами, перешедшими во владение банков*. Далее, на основании физического закона большие массы поглощают маленькие; так и большие имения, в руках которых находятся агрикультурные машины, вода, удобрения, при первой же надобности разоряют, а затем и уничтожают маленькие соседние земли. Нужно быть такими безумцами, как анархисты, чтобы думать, что этим бедам можно помочь поворотом к совершенно старым формам собственности. Единственное средство против этой неминуемой гибели маленьких собственников — это устройство коопераций между мелкими земельными собственниками, а не уничтожение мечом и огнем людей, которые одни органически могут образовать такую большую массу, которая будет способна бороться с массой больших собственников. Конечно, на обязанности государства лежит следить за тем, чтоб эти попытки не выходили за пределы сельского хозяйства. Если же правительство хочет внести эти изменения постепенно, оно должно принудить также и владельцев изменить аграрные договоры, запретить им злоупотребления и требования от крестьян, чтобы они жили в отдалении от городов и только там строить свои жилища.

Там, где существуют общинные владения, как в Кальтаватуро, они помогут сохранить и даже восстановить вновь мелких собственников: как ни ничтожна их помощь, все-таки это лучше, чем ничего. Нужно обычай ломбардских собственников платить крестьянам отравленным маисом преследовать по меньшей мере так же сурово, как анархизм. В этом случае виновные не могут оправдаться ни нервной болезнью, ни служением великой идее, и они гораздо большие преступники, чем анархисты, как я уже это показал.

Англия отнимает решение всех этих вопросов у социалистов. Это единственная страна, которая предупредила всякое столкновение между противоположными классами, во-первых, своим решением ирландского вопроса, затем рабочего (уладив вопрос о рабочих в шахтах и беспорядки в каменноугольных копях, дав полную свободу коопераций), добровольным во всех государственных предприятиях 8-часовым рабочим днем, промышленными судами, в которых хозяева и рабочие пользуются одинаковым правом голоса. И теперь, по предсказанию лорда Розбери, она приближается к мирному разрешению социального вопроса. И в Англии анархизм совершенно бессилен и не пользуется никаким влиянием; он бесполезен, его презирают как раз те, кому он должен помочь, ибо они понимают, что он будет им только во вред.

Политика

Конечно, не существует немедленной возможности помочь тому злу, которое вызвано в Италии климатическими и историческими условиями, но не будем же забывать о тех средствах, которые ясно видны самому посредственному уму.

В политическом отношении ограничение могущества и иммунитета депутатов было бы гораздо более действенным средством против ударов анархизма, чем стража и решетки, к которым мы начинаем прибегать.

Когда короли были деспотами, естественно, что анархисты были цареубийцами; когда же теперь депутаты стали такими же безответственными, как деспоты, и еще более виновными, чем они, понятно, что анархисты обратили свои удары против них.

Мы веками боролись против привилегий духовенства, воинов, королей, а теперь под предлогом мнимой свободы поддерживаем самые необыкновенные привилегии, привилегии совершать низкие преступления в гораздо большей мере, чем это делали сотни королей!

Помочь этому злу может только предложенное мной в «Политической преступности и революции» введение трибуната, на обязанности которого лежало бы говорить правду всем, не прибегая к диффамации. Я предложил это потому, что думаю, что римская республика была обязана своей стойкостью и равновесием только трибунату; и если многие деспотические свойства государства были смягчены или уничтожены вовсе, то этим государ-

ство обязано адвокатуре бедных. Точно так же и у нас, если бы не было честнейшего трибуна Калойанни, все партии, все серьезные люди постарались бы замять дело о злоупотреблениях, скрыть рану, так что она разрослась бы затем в гангрену. Я полагаю поэтому, что хорошее правительство не только не должно запрещать, как это практикуется, выбор трибунов, а, наоборот, всеми способами покровительствовать им как залогу собственной честности, как гарантии обществу в том, что трибунат вопреки всем всегда откроет ему истину.

Широкая децентрализация — лучшая гарантия против испорченности и ее следствия, анархии. В таком централизованном государстве, как Италия или Франция, где в руки администраторов передано заведование огромными суммами, дана власть распоряжаться колоссальными предприятиями, каковы, например, наши общественные работы, — зло быстро распространяется вокруг них, ибо общественный контроль более слаб и менее непосредствен, а уверенность в безнаказанности очень велика. Передайте же контроль над администраторами в руки граждан, и он будет гораздо осязательнее; слабые же, которых деньги могут ввести в искушение, станут больше сдерживать себя. Все могут констатировать, что панамские истории случаются там, где имеется большая централизация власти, и в гораздо меньших размерах, а то и никогда, в коммунальных правлениях.

Нужно быть совершенно слепым, чтобы, сравнивая Италию с Норвегией, Швейцарией, Бельгией, не видеть, что, несмотря на наше смешное желание первенствовать, мы предпоследний, если не последний из всех народов Европы. Мы последние по нравственности, по богатству, по образованию, последние в промышленности и сельском хозяйстве, в законодательстве, и прежде всего мы последние по сравнительному достатку наших низших классов, от которых зависит истинное благополучие, каковым веет от бедных жителей Швейцарии и Норвегии. Зато мы занимаем первое место по количеству необработанных и нездоровых земель, первые по количеству эпидемических заболеваний, по преступности, по тяжести налогов. Я не требую, чтобы было найдено лекарство, способное моментально излечить все эти бедствия; но не будем же, ради Бога, увеличивать нашей слепотой неизбежное зло, не будем увеличивать естественных раздоров между классами новыми насилиями; ведь нищета и так делает эту рознь очевидной и болезненно чувствительной. Не будем же препятствовать тому, чтобы образование групп постепенно внесло во все это естественное облегчение.

И прежде всего, будучи бедны и малы, перестанем надуваться, как лягушка из басни, обманывать себя непрочными союзами и преувеличивать силу нашего оружия. Заменим лучше насилие и интриги скромностью.

Сознание собственной слабости и планирование наших действий сообразно с силами будет уже в принципе излечением. Мы перестали бы переходить предел в погоне за колониями, не набрасывались бы на земли, от

которых только терпим убытки и из которых бегут более богатые национальности. Мы перестали бы безумствовать из-за политического первенства, которое не соответствует нашим действительным силам, содержа войско, которое в самом начале войны погибло бы от недостатка финансирования; мы не стали бы ради этого увеличивать наше несчастье, и, что всего хуже, не по принуждению, а по собственному желанию.

Как холера поражает наиболее бедные и грязные кварталы города, указывая таким образом, куда должны быть направлены наши предохранительные меры, так и анархия поражает страны с наихудшим управлением и должна была бы будить апатию государственных деятелей, указывая им на плохое управление. Таким образом, анархия — жизненный и улучшающий управление стимул. Поэтому тотчас, как она появляется, мы должны принимать меры против тех беспорядков и зол, которые вызвали и поддерживают ее.

Мы же поступаем как раз наоборот.

Наша полиция отбирает лучшие умы, чтобы держать их вдали от населения, и без того малопросвещенного и тем легче становящегося добычей самых печальных страстей. После того как мы громко провозгласили свободу коопераций, мы своими законами не только делаем бесплодными самые ничтожные попытки воспользоваться ею, но дошли до того, что запрещаем самые мирные средства борьбы со спекуляцией, например прекращение работы, бойкот.

Таким путем мы не подавляем, а возбуждаем анархию, поступая с низшими классами совершенно так же, как анархисты с высшими.

Не подлежит сомнению, что до последнего восстания никто не думал помочь нуждам Сицилии, о которых много раз говорили Виллари, Соннино, Дамиани, Колайанни, Алонджи, — во всяком случае, никто не думал, что ей принесут пользу бесконечные проекты законов, так часто остающиеся мертвой буквой. Не помогло Сицилии и вступление в ряды администраторов тех лиц, которые сами первые заговорили о ее нуждах. Несомненно, что злополучное восстание последнего времени заставило провести аграрную реформу на этом острове, о котором не думали в течение 30 лет 10 тысяч депутатов; оно вызвало серьезные проекты экономических реформ; так точно анархистские беспорядки в Ирландии повлекли за собой заботы Гладстона. С другой стороны, применение все более и более жестоких наказаний без перемены в управлении приводит в России, Испании и Франции ко все более серьезным покушениям.

Из человеколюбия не станем подражать им! Итальянцы посреди стольких бедствий, стольких пороков никогда не были невоздержанны в политике. Останемся же верны нашим хорошим традициям и не будем с детским легкомыслием ожесточаться против анархизма — рискуя этим увеличить его и сделать более свирепым, вместо того чтобы постараться устранить породившие его причины.

Приложение

После смерти Казерио

Выдающиеся газеты, в частности, находящаяся всегда в моем распоряжении «*Neue Freie Presse*», обратили мое внимание на то, что Казерио, находясь перед судом присяжных в Лионе, обнаружил некоторые черты, отличные от тех, которые заметил я. На это я отвечу, что не только здоровый, но и душевнобольной человек, поставленный лицом к лицу с большой публикой в торжественном собрании, меняется в своей психической личности почти так же, как под влиянием гипноза. В таких условиях самый скромный человек может показаться тщеславным, имея в глубине души столько же тщеславия, сколько вообще имеется у каждого из нас.

Мне же кажется, что на суде и после него Казерио гораздо меньше, чем это могло бы быть, удалился от того, каким он был на самом деле, или от того, каким я его изобразил.

Говорят, например, что я изобразил его красивее, чем он был на самом деле. А первое впечатление, которое произвела на всех физиономия Казерио во время суда, это полное отсутствие преступных черт, так что говорили: «Но разве можно быть преступником с таким лицом?» или «Где же убийца!».

Старались признать за ним отсутствие всяких признаков эпилепсии, импульсивности, потому что он сам ни за что не хотел признать себя сумасшедшим.

Однако не нужно быть психиатром, чтобы знать, что сумасшедшие, в частности же эпилептики, всегда отрицают свою болезнь и что дома умалишенных стояли бы пустыми, если бы сообразовывались с мнением больных.

В действительности же, как только касались его излюбленных идей, анархии, его дружбы и заговора с Гори или когда намекали на его умопомешательство, он приходил в гнев и набрасывался на адвоката — все это яснейшие признаки его болезни.

Говорили (не знаю, на каком основании), что он был труслив. Редко видели в зале суда человека, более решительно сжигающего за собой корабли, готового отрицать все, что могло бы смягчить его преступление, как, например, помешательство, отказываться от всяких попыток к кассации, хотя он и имел к тому основания (например, давление, произведенное председателем на присяжных). Настоящий трус постарался бы отдалить исполнение приговора или добиться смягчения его, что было совершенно невозможно при данном настроении общественного мнения.

И наконец, он не обнаружил того мужества — апатии, которая всегда наблюдается у прирожденных преступников.

Все его поведение в течение последних минут, по-моему, подтверждает тот портрет его, который я набросал. Прирожденный преступник, апатичный, безучастный к страданиям других, еще равнодушнее к своим собственным; он равнодушен, часто даже весел перед казнью.

Казерио, несмотря на то, что старался в свои последние часы выказать много мужества (так, по крайней мере, можно заключить по газетам), потом казался бледным, шатался и плакал, словом, вел себя так, как вел бы себя каждый из нас, если бы ему пришлось в молодости расстаться с жизнью. Впрочем, упрямство, свойственное лицам, сосредоточенным на одной идее, не покидало его: он не исповедовался, не каялся и не выдавал соучастников; лежа уже под ножом гильотины, он собрал все силы и прокричал обычный возглас анархистов; следовательно, страсть к партии победила в нем страх, ибо первый симптом страха есть лишение голоса. Он умер, как жил.

Говорят, что Казерио был тщеславен, но как графолог я особенно отрицаю это на основании его подписи, указывающей на его величайшую скромность. Люди, которые, как священник Мотта, указывают на это, исходят из ложных критериев. Они исходят из своих личных точек зрения и не могут стать на истинную точку зрения, на точку зрения данного индивида, которая значительно отличается от точки зрения псевдопсихологов, судивших его.

Если он предпочитает умереть, чем упустить случай перечитать свои несложные записки, если он, будучи религиозным, отказывается от исповеди, если он возмущается, когда ему говорят о соучастниках, то это потому, что, весь отдавшись одной идее, он считает ее пропаганду величайшей задачей своей жизни. Он считает, под влиянием той же идеи, что высший идеал жизни — это жертва ради своих товарищей; для достижения этой цели он становится убийцей и жертвует собой. Всякий, обладающий здравым смыслом и не разделяющий его идей, очень быстро составляет свое суждение о нем и называет его тщеславным, наглым, жестоким; еще менее склонны признать за ним его странную любовь к правде, характеризующую такие несложные натуры, находящиеся под влиянием одной идеи. Так, например, во время суда он отрицает показания некоторых свидетелей, что был арестован тремя агентами полиции, потому что его схватил только один; если бы он действительно был тщеславен, он утверждал бы противоположное.

Что касается его чувствительности, то я не буду останавливаться на том волнении, которое Казерио обнаружил во время слов защитника, касающихся его матери, — достаточно будет привести несколько строк, написанных, когда он уже с уверенностью ждал смерти.

«Лион, 3 августа 1894 г.

Дорогая матушка!

Я пишу Вам эти несколько строк, чтобы сообщить Вам о моем смертном приговоре.

Не думайте обо мне дурно, о моя дорогая матушка!

Не думайте, что я сделал это потому, что стал негодяем, ибо многие будут говорить Вам, что я убийца и злодей.

Но ведь Вы знаете мое доброе сердце, мою нежность, которую Вы видели, когда я был при Вас! У меня и сейчас то же самое сердце, и если я сделал то, что сделал, то потому, что устал смотреть на этот подлый свет».

Такие строки пишутся только теми, у кого доброе сердце. Даже несмотря на нелепость его программы, можно прекрасно видеть, что несчастья его товарищей и его племянницы произвели на него такое глубокое впечатление, что он даже потерял веру в Бога. Казерио повторяет постоянно: «Сотни работников ищут и не находят работы; дети просят хлеба у родителей, у которых нет его» и т. д. В своей деревне он *часто плакал*, видя, как его восьмилетняя племянница работает пятнадцать часов в сутки за двадцать сантимов, видя, как столько крестьян умирает от пеллагры.

Размышляя над этими фактами, он говорил себе, что если люди страдают от холода и голода, то не потому, что не хватает хлеба и одежды — магазины полны хлеба, — но потому, что многие купаются в роскоши, совершенно не работая.

Когда он был юношей, его учили уважать родину; но когда он увидел нищету крестьян, принужденных эмигрировать в Бразилию, он нашел, что у бедных нет родины. Он верил в Бога, но когда увидел мир, то сказал себе, что не Бог создал людей, а люди Бога. Он стал анархистом, когда увидел, что правительство допускает убивать крестьян.

Эта скудная программа Казерио лучше всего подтверждает истинность моего положения: нет сомнения, что среди причин, толкнувших Казерио к анархизму, играли роль плохие жизненные условия ломбардских крестьян. Значение, которое он придает им, во всяком случае характеризует слабоумие. Ясно, что если бы этим доказательством воспользовался человек красноречивый, оно потеряло бы всякую силу очевидности, на которую, сказать правду, оно не могло рассчитывать, будучи выражено так безграмотно и неясно.

Меня упрекали еще в том, что, приводя в подтверждение душевного состояния Казерио его трезвость и целомудрие, видное из его писем, я, желая этим доказать сосредоточение Казерио на одной идее, преувеличил эти факты. Но здесь смешивают полную воздержанность с той трезвостью, которая, не подавляя совершенно естественные импульсы, делает из них наи-

меньшее употребление, уделяет им возможно менее места. Так, я прочел во французских газетах, не склонных, разумеется, говорить в его пользу, что во время обедов, которые лицемерное милосердие щедро отпускает умирающим, он пил очень немного вина, и всегда с водой. Нельзя же называть человека пьяницей только потому, что он не совсем отказывается от вина! Далее, то обстоятельство, что за несколько месяцев перед тем он был болен половой болезнью и пробыл некоторое время в больнице, еще не доказывает, что он был развратным. Во всей его бродяжнической жизни нет ни одного намека на ссору из-за женщин, что при его импульсивности непременно должно было бы случиться. Во всех его письмах не упоминается ни о какой другой женщине, кроме его матери. Его руководитель сообщил нам конфиденциально, что с тех пор, как Казерио отдался анархии, он стал совершенно равнодушен к прекрасному полу[1]. Сравните его с Вальяном, который похищает жену своего друга и живет с ней, и сделайте вывод.

В «*Neue Freie Presse*» было сказано, что он несомненно достоин смерти.

Но для всякого, кто умеет смотреть в глубину вещей, ясно, что решения суда, строгость наказания меняются для политических преступлений вместе с условиями момента. А так как во Франции возмущение против убийства Карно было очень велико, то понятно, что Казерио должен был заплатить за свое преступление смертью. Но Казерио был еще совсем молод, почти несовершеннолетний, импульсивен, эпилептик, никогда не проявлял преступных наклонностей, кроме последнего случая его жизни. Все говорит за то, что как в данных условиях из религиозного фанатика он превратился в анархиста, так при других условиях он мог бы измениться в противоположную сторону; поэтому мне думается, что смертная казнь Казерио имела гораздо меньше оснований, чем казнь Пини и Равашоля.

Но я повторяю, что если правосудие должно не столько наказывать виновного, сколько удовлетворять общественное мнение, *не всегда справедливое*, то Казерио не мог избежать смертной казни.

---

[1] Адвокат Гори недавно сообщил корреспонденту «*Tribuna*» (1 августа 1894 года), что однажды он спросил Казерио, ухаживает ли тот за кем-нибудь, на что Казерио ответил: «Раньше — да. Но с тех пор как посвятил себя идее, больше не знаюсь с женщинами».

Чезаре Ломброзо, Родольфо Ляски

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Перевод с итальянского К. К. Толстого

Предисловие

> Этот ряд преступлений важнее всех других, по крайней мере для наших современных обществ; он отзывается не только на частных лицах, но и на общем благе, и на интернациональном положении страны, и на отношении граждан друг к другу, и на общественной нравственности. Поэтому политические преступления должны быть изучаемы как случаи социальной патологии.
>
> *Литтре*

Нет, пожалуй, ни одного юридического вопроса, который открывал бы такое широкое поле для составления самых противоречивых теорий, как вопрос о политических преступлениях. Достаточно вспомнить, что многие известные пеналисты*, как, например, Лукас, Фребель и Каррара, доходят до сомнения в существовании последних, как будто бы они не были ярким общественным явлением, повторяющимся во все времена и при всякой форме правления.

Правда, что политические преступления никогда не были изучаемы как таковые; деспотизм, откуда бы он ни шел — от дворца или с улицы, — всегда успевал отклонить от них научную критику, присваивая себе их монополию или превращая в оружие против своих противников.

Тому же немало содействовали и те доктринеры свободы, которые, гоняясь более за видимостью, чем за сутью, более за фразами, чем за делом, восставали всякий раз, когда кто-нибудь пробовал прилагать критерии преступлений против общего права к деяниям, несколько отклоняющимся от такого типа, по крайней мере во всем, что касается намерения.

А между тем мы видим, что с древнейших времен и до наших дней самые свободные нации весьма строго преследуют преступления такого рода; в Афинах, например, всякого, кто только был подозреваем в желании свергнуть народное правление, считали достойным смерти; в Спарте отдавали

на жертву адским богам того, кто в народных собраниях говорил или вотировал против республики.

Республиканский Рим рубил головы врагам отечества и народа римского. В Средние века итальянские свободные коммуны, например Венеция и Флоренция, налагали самые суровые наказания на лиц, только подозреваемых в политических замыслах, а в наше время даже в таких демократических государствах, как Североамериканские Штаты, за нарушение конституции и за политический заговор, проявившийся в деяниях, назначена смертная казнь.

Во всяком случае, следует признать, что если законы даже самых свободных народов не соответствуют в этом отношении историческому и научному прогрессу, то они не согласуются и с современным общественным мнением, по крайней мере наиболее образованных классов. Последнее, в самом деле, более не оправдывает чересчур строгих мер против политических преступлений, как это проявляется в преувеличенной мягкости приговоров присяжных и в снисходительности избирателей, игнорирующих постановления суда.

Хотя первая идея научного исследования, предлагаемого теперь читателям, явилась у нас на Туринской выставке 1884 года при обозрении портретов итальянских политических мучеников, а разрабатывалась она людьми, которых трудно подозревать в ретроградных стремлениях, мы не были удивлены кампанией, начатой против нас даже самыми доблестными из наших товарищей по оружию. Мы так хорошо понимаем гуманные мотивы, которыми они руководствуются, что и сами разделили бы их чувства, если бы холодный рассудок и научная объективность не одерживали победу над первым порывом, заставившим нас симпатизировать более предполагаемым преступникам, чем их судьям.

Если можно сравнивать малое с великим, то мы, пожалуй, и сами принадлежим к числу таких преступников, потому что искать антропологические причины преступности — значит вносить такие изменения в старые правовые понятия, которые сами по себе могли бы в иное время и в иных странах считаться преступными, да и были таковыми в юридическом смысле слова, если бы мы захотели слишком самоуверенно и при помощи средств посторонних наук ввести их в практику.

Кроме того, мы теперь же соглашаемся, что слово «преступник» в приложении к совершителям политических проступков должно казаться неподходящим, в особенности если их смешивать с преступниками врожденными. Эти последние входят, правда, в контингент лиц, совершающих политические преступления, но в очень ограниченном количестве и с такими особенностями, что их тотчас же можно отличить от массы весьма почтенных деятелей, к числу которых они примешиваются.

Но мы должны все-таки держаться технического названия, хотя и признаем, что политический преступник является таковым только с юридической точки зрения, а отнюдь не с нравственной или социальной.

Правда, что с каждым днем данный вопрос становится все менее и менее важным. Если мнение Спенсера насчет того, что «преступление против общего права должно исчезнуть со временем», есть результат иллюзии, то не в приложении к преступлению политическому. Это уже начинает проявляться в мягкости если не буквы современных законов, то их духа, и уж, во всяком случае, в общем чувстве, в общем мнении, поддерживающем законы и реформы при согласии с ними или отрицающем их при несогласии. Очевидное доказательство этому мы имеем в постоянном уменьшении числа поступков, считающихся политическими преступлениями в просвещенных странах Европы.

Дело в том, что, с одной стороны, теперь начинают понимать, что между революцией и бунтом существует такая же громадная разница, как между эволюцией и катаклизмом, натуральным ростом и болезненной опухолью; что между ними больше антагонизма, чем аналогии, что революции и восстания представляют почти полную противоположность друг другу. Последние, будучи бесплодными даже тогда, когда руководствуются намерениями, не имеющими в себе ничего преступного, должны быть, следовательно, поставлены в разряд преступлений, которые хотя и совершаются вследствие честных побуждений, но не могут избежать преследований закона.

С другой стороны, целый ряд причин, делавших в прошлом политические преступления почти постоянными, — таких, например, как угнетение национальностей и религиозная нетерпимость, — постепенно уничтожается или по крайней мере сокращается, а потому сокращается и реакция, которую они вызывали.

Нельзя, однако же, сказать, чтобы эти причины совершенно исчезли, отчасти потому, что рядом с нами — счастливыми в этом отношении — стонут народы, которым отказано в свободе мысли и праве политического самоопределения, а отчасти потому, что даже и у нас человеческая природа является неудовлетворимой — насыщение не всегда ее успокаивает, а иногда развивает новые, беспорядочные аппетиты, по крайней мере у той группы людей, которую невроз или житейские разочарования сделали неспособной к спокойствию.

Правда, что многие из последних, делаясь виновными в настоящих преступлениях, бессознательно совершают доброе дело, потому что указывают нам на неудовлетворенные нужды или ускоряют события, которые иначе совершились бы гораздо позднее. Чаще, однако же, они просто живут в болезненном бреду, среди противоречивых проектов, подобно мыльным пузырям, блещущим всеми цветами радуги, но лопающимся от малейшего прикосновения.

В самом деле, вслед за республиканцем и социалистом, имеющими историческое или экономическое право на существование, появляются коммунист и анархист, совершенно отвергающие государство, отрицающие даже

обязанности гражданина и стремящиеся одним ударом разрушить все связи, делающие современного человека сравнительно счастливым.

Но ведь никто же не пойдет за ними так далеко.

Нам следует, стало быть, заняться изысканием, существует ли помимо злоупотреблений деспотизма политическое преступление, приносящее обществу вред и, следовательно, влекущее за собой ответственность перед законом. А если такое преступление существует, то в чем оно состоит по отношению к политическому организму и правам граждан, входящих в состав последнего.

Если бы мы при этом изыскании стали следовать по протоптанным тропинкам древних понятий о праве, то должны были бы начать с априорного определения, опирающегося на какие-нибудь древние цитаты, а затем исходя из него, подобно пауку, ткущему свои нити, и с такой же прочностью продолжать ткать основы нашей работы. Но так как для нас преступник важнее преступления, то мы дадим определение последнего, — составляющее для нас, во всяком случае, дело второстепенное, — только после основанного на криминальной антропологии и истории изложения факторов этого нового вида преступности.

Что касается приложения наших теорий к жизни, т. е. политических и социальных реформ, то мы не скроем, что многие поверхностные критики сочтут нашу попытку бесполезной потому только, что мы допускаем врожденность преступности. Но рассуждать таким образом значило бы, по прекрасному сравнению Сигеле, то же самое, что отвергать всякую возможность улучшения земледелия потому только, что мы не можем застраховать себя от молнии и града. В природе существуют случайности и менее неустранимые, чем град и молния, а с ними, к счастью, человек может бороться. Точно так же и в общественной среде есть враги более многочисленные и менее закоренелые, чем прирожденные преступники, а потому в борьбе с этими врагами постоянная и просвещенная предусмотрительность многое может сделать. Да и кроме того, в среде народа спокойного и довольного своими учреждениями всякая политическая попытка прирожденных преступников останется безрезультатной.

Пробуя разрешить некоторые из великих исторических социальных задач, занимающих внимание ученых и мыслителей, мы старались быть объективными. Мы заставили молчать в себе всякие предвзятые чувства, одинаково не подчиняясь как симпатиям, так и антипатиям. Будем надеяться, что и читатель поступит так же, что перед решением вопросов такой громадной важности он сбросит с себя предрассудки, присущие его партии, его народности и даже его веку. Перед лицом исторической эволюции один век есть лишь секунда.

Пусть спорят с нами, пусть даже разбивают, если хотят, наши заключения, но не факты, нами представленные и твердо установленные, как те, например, которые доказываются миллионами показаний, выраженных

нами в диаграммах. Априорная критика бессильна против фактов; их мог бы оспаривать только тот, кто противопоставит нам тоже факты и по крайней мере не в меньшем количестве.

Ч. Ломброзо, Р. Ляски

I. АНТРОПОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

Глава 1. Инерция и прогресс. Мизонеизм и филонеизм. Революции и бунты

I

Инерция и прогресс

Охватывая одним взглядом сложные явления нравственного мира, для того чтобы вывести из них общий закон, преобладающий над всеми другими, мы увидим, что это будет закон инерции. Это одинаково верно как для мира неорганического, так и для мира органического, который кажется таким отличным от первого, а на самом деле вполне совпадает с ним как по натуре, так и по происхождению.

По мере того как мы удаляемся от грубой материи, в которой законы движения развиваются почти без перерывов, это совпадение кажется ускользающим от нас, потому что, дойдя до вершины лестницы существ, мы уже не видим более первых ее ступеней, не постигаем, как инфузория могла развиться до человека и каким образом дикарь каменной эпохи, неандерталец, превратился в Дарвина, Вирхова, Пастера.

1) *Прогресс.* Но если эти превращения поражают нас своей неожиданностью и как бы говорят в пользу прогресса бесконечного, неизбежного и совершающегося со страшной быстротой, то внимательное исследование доказывает, что этот прогресс никогда не проявляется повсеместно и сразу или какими-нибудь скачками, обусловленными особым творческим актом. Он был, напротив того, результатом очень медленной эволюции, обусловленной отчасти внешними случайностями, влияние которых упрочивалось естественным отбором и борьбой за существование, дозволяющими жить и размножаться только видам, наиболее хорошо вооруженным против всяких опасностей, а отчасти — именно законом инерции, потому что, раз начавшись, движение не только не могло остановиться, а шло, постоянно ус-

коряясь, так как действующая причина изменений одновременно вызывает в разных направлениях многообразный эффект и увеличивает гетерогенность.

Так, телеграфы и железные дороги обусловили не только быстроту сообщений, но и скучивание населения в больших центрах, ослабление голодовок и появление целого ряда новых отраслей промышленности, а стало быть, новых категорий работы и рабочих складов и оптовых магазинов, доступ к которым не преграждается уже большими расстояниями. А быстрота и дешевизна сообщений, в свою очередь, содействовали специализации промышленности.

Все это проявляется тем легче, что поле применения новых сил постоянно расширяется и становится более гетерогенным, почему и результаты такого применения оказываются более многочисленными и разнообразными. В Ломбардской долине телеграф шире распространен, чем на Корсике; дикие раньше нас узнали каучук, которым мы теперь так широко пользуемся, но не умели ни к чему приложить его.

Размножение результатов, в свою очередь, обусловливается непрочностью всего однородного, гомогенного, так как под влиянием постоянно действующей силы это последнее дифференцируется, превращается в гетерогенное, что и составляет первое условие всякого совершенствования.

Чем более животное совершенствуется и приспосабливается, тем более оно становится гетерогенным. У современного европейца черепные и лицевые кости гораздо более дифференцированы, чем у папуаса. Точно так же дифференцирован и их труд. В самом деле, между тем как дикарь должен быть одновременно воином, охотником, рыболовом и каменщиком, у нас каждое из этих ремесел подразделяется на множество отдельных специальностей.

Этот закон был выражен Дарвином под другой формой в его теории стремления каждого индивидуума к изменению той наклонности, от которой именно и зависит образование новых видов и родов. Изменяемость, однако же, нисколько не противоречит закону инерции и есть, напротив того, результат действия этого закона под влиянием внешних толчков, обусловленных необходимостью победить в борьбе за существование, дозволяющей жить только наиболее приспособленным.

2) *Инерция в органическом мире.* Как бы то ни было, эта дифференциация, развитие столь разнообразных форм, происходит лишь очень медленно.

«Естественный отбор, — пишет Дарвин, — так же как и прочность наиболее приспособленных организмов, вовсе не обязывает к дальнейшему прогрессивному развитию; он только пользуется выгодными для индивидуума случайными изменениями. Тщетно было бы доискиваться, какую выгоду может принести инфузории, или глисту, или какому-нибудь червю более сложная организация, а так как нет выгоды, то и формы этих живот-

ных не улучшаются или улучшаются очень мало. Этим и объясняются прочность и неизменность многих низших организмов».

Этим же объясняется, прибавим мы, и существование в море, на больших глубинах, таких животных, формы которых совершенно одинаковы с ископаемыми, жившими сотни веков тому назад. Внешняя обстановка не изменилась, никакой новой формы борьбы за существование не потребовалось, потому и организмы остались прежними.

Закон инерции так всемогущ, что, даже будучи побежден внешними условиями, он все-таки и в наиболее прогрессировавших существах всегда оставляет черточки первобытного строения в виде *пережитков* и *зачаточных* органов, если только это строение не возобновляется во всей своей целости, как в некоторых *атавистических* формах.

В самом деле, если мы находим около человеческого уха маленькие мускулы, совершенно для нас бесполезные, но у лошади содействующие выражению радости или испуга; если мы видим в копчиковой кости зачаток хвоста, в червеобразном отростке — остаток удлиненной кишки травоядных животных, а в *musk. psoas* — остаток мышцы, служащей для прыганья у грызунов, то мы имеем перед собой анатомические доказательства силы закона инерции, хотя и побежденного борьбой за существование и естественным отбором, но все же не перестающего проявляться там и сям. Точно так же уроды и микроцефалы часто воспроизводят все характерные признаки обезьян или грызунов, притом не только в анатомическом устройстве, но и в инстинктах[1]. То же можно сказать о преступниках, которые суть нравственные уроды и в которых Серджи вполне основательно видит проявление преатавизма (анотомически доказанное), восходящее к плотоядным и грызунам.

У большинства уродов закон инерции является побежденным лишь наполовину. Таковы, например, те из них, которые наследовали от предков только шерсть по всему телу, не исключая лица; или двойное влагалище; или зачаточный хвост, как у рыб; или дольчатые почки, как у китовых. И все это повторяется с такой точностью, что ее можно выразить в цифрах. Так, *muscischio-pubicus* встречается у 20% больших людей, а мозжечковая ямка, нормально находящаяся у птиц и почти всех млекопитающих, — у 45%.

Правда, теперь Нэгели выступил с учением, предполагающим бесконечный прогресс вида. По этому учению, мицеллий идиоплазмы, в силу внутренних причин, присущих живой организованной материи, постоянно стремится переходить от простых форм к сложным, а следовательно, органи-

[1] Мы исследовали Крао, у которой все лицо и огромные уши покрыты волосами; но что еще важнее — она обладает различными мешками, как низшие обезьяны, и таким же носом без хрящей, как у них. Тереза Гамбарелло из Салерно помимо шерсти по всему телу, не исключая лица, обладает еще и жирными подушками готтентотских женщин.

ческая эволюция обусловливается той же механической необходимостью, которая наблюдается и в основной структуре кристалла, точно так же зависящей от внутренних молекулярных сил и очень слабо изменяющейся под влиянием сил внешних.

Но помимо того, что учение Нэгели не объясняет, каким образом идиоплазма, распространяясь вследствие сегментации зародыша по всем тканям, а стало быть, прогрессивно уменьшаясь в количестве, может потом находиться во всех клеточках молодого организма, сохранив все свои филогенетически приобретенные свойства; помимо того, что «общее стремление к тому совершенствованию» вследствие предустановленной наклонности к организованной материи, по справедливому замечанию Марчелли, отзывается старой метафизикой, — помимо всего этого, новейшие наблюдения показывают, что среди животных часто встречается подлинный регресс, видимо, выродившиеся, то есть оставшиеся от более высокой организации, формы. Это можно наблюдать, например, у пластинчатожаберных, у многих *crustaces*, может быть, также у *Amphious*. Кроме того, существование некоторых животных с органами, подвергшимися регрессу (как, например, глаза у пещерных видов), тоже не согласуется с бесконечным стремлением к совершенствованию, которое Нэгели приписывает идиоплазме. Да надо еще прибавить, что и домашние животные регрессируют, возвращаясь к дикой жизни, и негры на Санто-Доминго превращаются в чистых дагомейских*.

Да, наконец, и по теории Нэгели, как и по новейшей теории Вейсмана*, прогресс в мире животных никогда не совершается вдруг, а всегда медленно и постоянно.

3) *Инерция в мире нравственном.* Даже предполагая, что можно оспаривать проявления инерции в мире органическом, мы, конечно, не можем этого сделать по отношению к миру нравственному.

В самом деле, сколько бы ни говорили о величии прогресса, нами достигнутого, но если мы составим карту распространения его по земному шару, то сразу увидим, к каким ничтожным размерам он сведется. Можно сказать, что вся Африка, за исключением нескольких пунктов, занятых арийцами, Австралия и добрая половина Америки находятся почти в доисторическом состоянии или по крайней мере в положении больших азиатских империй первых эпох истории.

В Южной Америке, на Гаити, цивилизация изменила только внешние формы примитивной жизни, заменив неподвижность неустойчивым равновесием, что, пожалуй, еще хуже.

Даже и у нас, в странах наиболее цивилизованных, если выделить стариков, женщин, крестьян, духовенство, большую часть аристократии и деревенской буржуазии, совершенно враждебных прогрессу, то много ли останется сторонников последнего?

Какое варварство царствовало всего несколько лет тому назад в Греции, Испании, Хорватии, Сардинии, на Корсике! Да нельзя сказать, что-

бы и теперь оно там перестало царствовать, даже в среде лиц наиболее просвещенных.

Не только частое повторение случаев, в которых люди наиболее цивилизованные под влиянием страсти становятся варварами (как, например, во время холеры в Италии, палермского бунта, деказвильских стачек и прочего), показывает, каким тонким слоем культурного лака мы покрыты, но и наблюдения над нравами наших народов в самое мирное время могут доказать, что, несмотря на скрещивания и культуру, они недалеко ушли от первобытного состояния.

II

Мизонеизм

Наиболее ярким доказательством преобладания закона инерции в нравственном мире является боязнь всего нового, которую мы называем *мизонеизмом,* или неофобией, и которая обусловливается трудностью заменить старое ощущение новым. Между тем боязнь эта так распространена в животном царстве, что может считаться физиологически характерной для него. Вслед за первым сообщением, которое мы сделали по этому поводу в «*Revue scientifique*», фактов набралось множество, и с некоторыми мы познакомим здесь наших читателей.

Одна обезьяна, которую одели по-европейски, возвратившись в свои горы, была принята очень неблагосклонно — все товарищи от нее разбежались.

Всем известно, что собаки часто лают без всякой надобности, например на экипаж, проезжающий по тихим улицам деревни.

Известны случаи, когда лошади начинали нести потому только, что наездник одет не в тот костюм, в котором они привыкли его видеть.

По словам Роменса и Дэльбо, собаки боятся мыльных пузырей. «При четвертом лопнувшем пузыре, — пишет последний, — злоба моих собак вышла из границ».

Дети точно таким же образом относятся ко всему для них новому. Ребенок, в первый раз увидевший чужое лицо или невиданное животное, волнуется и ищет возможности убежать только потому, что боится нового впечатления. По той же самой причине он сердится, если вы переведете его в другую комнату, и пугается всякой новой мебели. Среди детей попадаются такие, которые любят смотреть все одни и те же картины и слушать одни и те же сказки.

Вариньи рассказывает, что один двухлетний ребенок, очень его любивший, убежал со страхом, когда увидал его ногу, завернутую в вату по случаю припадка ревматизма. Даже после выздоровления Вариньи ребенок продолжал избегать его и бояться; только через несколько месяцев, и то в присутствии третьего лица, состоялось примирение.

Женщины мизонеичны так же, как и дети, особенно по отношению к религии и житейским обычаям, а в некоторых областях и по отношению к языку предков, до такой степени, что не изменяют последнему даже и в тех случаях, когда все окружающие говорят иначе, как, например, в Америке, в Ориноко, у абипонцев, принявших язык соседних племен.

Отвращение к новому, замечаемое у детей и женщин, даже высокоцивилизованных, еще резче проявляется у диких народов, психическая слабость которых затрудняет ассимиляцию непривычных впечатлений, особенно если они сильно разнятся от впечатлений ранее ассимилированных и если между первыми и последними нет точек соприкосновения. Так, в первобытных языках *слон* называется *быком с бивнями*; в китайском языке *лошадь* есть *большая собака*; по-санскритски, вместо того чтобы сказать *стойло для лошади*, говорят: *стойло для лошадиного быка*, а вместо *пары лошадей — пара лошадиных быков*.

Если от старого впечатления к новому нет никакого перехода, то труд ассимиляции последнего становится так тяжел, что вызывает страдание, проявляющееся в виде страха.

С нормальным человеком происходит тогда то же самое, что мы наблюдали раз у одной помешанной, которую до такой степени поражал первый встретившийся ей на улице предмет или человек, что она потом целый день подставляла это первое впечатление вместо всех других. В таких случаях она особенно сердилась на свою дочь, которую очень любила и всегда узнавала, но тем не менее видела в форме лица или даже животного, прежде других ею в тот день встреченного. Эта же женщина, даже в компании с кем-нибудь, не могла посещать местности, в которых никогда прежде не бывала, так как страх и смущение, овладевавшие ею в таких случаях, доводили ее чуть не до самоубийства.

Таким образом, первобытный, слабый или ослабленный болезнью разум питает особое отвращение ко всему новому, за исключением, конечно, таких незначительных изменений, каковы, например, новые моды для женщин, новые игрушки — для детей, новые татуировки — для дикарской игры. Эти маленькие новости даже радуют их, так как возбуждают нервные центры, нуждающиеся в некоторой перемене, нисколько не раздражая последние и не причиняя страдания.

Но когда нововведение является слишком радикальным, то не только дикари да дети, а и громадное большинство людей начинает бояться его, потому что мизонеизм лежит в натуре человека благодаря страданию, производимому слишком резкими переходами от одного впечатления к другому. Вообще, инерция и стремление к повторению уже испытанных (лично или атавистически) движений свойственны среднему человеку так же, как и животным.

Такого среднего, дюжинного человека, враждебно относящегося к нововведениям, можно сравнить с загипнотизированным субъектом, который,

находясь под влиянием внушения, не видит предметов, стоящих перед глазами. Понятно, что он должен считать смешным, глупым или злонамеренным того, кто охотно принимает всякие нововведения.

Макс Нордау совершенно справедливо говорит: «Всякое новое ощущение должно быть легким и не очень неожиданным, чтобы доставить удовольствие, оно должно мало отличаться от ощущений уже испытанных и быть как бы естественным их последствием. Ощущения, слишком резко отличающиеся от привычных, причиняют страдание и потому возбуждают страх. Этим и объясняется тот факт, что люди, гоняющиеся за маленькими *новостями*, из всех сил отбиваются от *нововведений*, нарушающих обычную жизнь. Я расположен думать, — говорит он далее, — что дикие племена исчезают при введении цивилизации единственно потому, что громадная перемена в обстановке вызывает в их мозгу непосильную деятельность».

Вообще мизонеизм есть способность покровительственная. Эта его функция была прекрасно разъяснена Бердом, который заметил, что дикари, не приходившие в соприкосновение с цивилизацией, необыкновенно хорошо переносят яды, ранения, сифилис, даже алкоголь, почему и смертность между ними меньше. Наоборот — граждане Соединенных Штатов, постоянно раздражаемые такими нововведениями, как телеграф, пресса и т. п., все поголовно становятся неврастениками, то есть вечно больными людьми, на которых сильно действует даже чашка кофе или рюмка вина, и это тем более, чем цивилизация выше, так что здоровье обывателей Северных Штатов сильнее расшатано, чем здоровье обывателей Южных. Большинство, заключает Макс Нордау, всегда будет консервативным, потому что живет согласно наследственному инстинкту, а не по новым, индивидуально составленным планам, среди которых не может ориентироваться.

1) *Мизонеизм в нравах.* Вот хоть бы, например, нравы. В современном греке, несмотря на все исторические перевороты, мы найдем грека древнего; аркадийцы до сих пор ведут жизнь пастушескую; спартанцы до сих пор отличаются жестокостью и воинственностью. Ренан нашел в Сирии те же нравы и обычаи, которые господствовали во времена великой империи. Средневековый византиец отличался той же любовью к элегантным спорам и софистическим тонкостям, как древнегреческие философы. Венгры ненавидят горы и любят равнины, подобно предкам своим, гуннам. Цыгане до сих пор сохранили нравы, язык, черные волосы, блестящие глаза и резкие черты лица древних синдов вместе с их легковерием, апатичностью, любовью к бродяжничеству, наклонностью к воровству и отвращением к работе.

Путешественники, как, например, Бельтрам, говорят, что нравы современных кочующих арабов нисколько не изменились с библейских времен.

В Поти, древнем Фазисе, нравы остались те же, что и во времена Геродота. Сваны до сих пор приносят человеческие жертвы, причем не щадят даже

собственных дочерей. У осетин фамильные имена еще не установились. У лезгин муж до сих пор пользуется правом на жизнь своей жены.

И таким образом вплоть до французов XIX века, которые во многих случаях остались такими же, какими их описали Страбон и Цезарь, то есть воинственными, любящими блеск, неизлечимо тщеславными, красноречивыми и увлекающимися красноречием, любителями всего нового, легкомысленными и неблагоразумными.

В наших современных нравах карнавал есть, в сущности, атавистический возврат к древним римским вакханалиям, праздновавшимся, как известно, с древнейших времен. Некоторые думают, что обычай этот перешел от пеласгов в 497 году до Р. Х. В Риме вакханалии праздновались сначала 17, а потом 19 декабря и должны были продолжаться один день; Август продлил их на три дня, а Калигула — на пять, на самом же деле они всегда праздновались целую неделю. Это был настоящий народный праздник для низших классов: крестьяне отмечали им конец полевых работ; преступники получали свободу, обвиненные оправдывались, рабы могли одеваться как свободные люди, освобождались от работы и даже обедали за одним столом с господином.

В наших карнавальных торжествах много пережитков, указывающих на их происхождение. В Вероне, например, совершаются процессии, в которых участвуют люди, одетые вакхантами, а также отдельные кварталы со своими значками и в строго местническом порядке, как в Средние века. То же происходит и в Сиене, а в Ивреа, в память победы народа над феодалами в Средние века, все надевают в это время фригийские колпаки.

2) *Мизонеизм в религии.* Мизонеизм проявляется также в религии, литературе и искусстве. По отношению к религии можно даже сказать, что она всецело основана на мизонеизме до такой степени, что в христианстве, например, сохранились от древних религий не только священные облачения египетских жрецов (*митра, фибула*), но и некоторые догмы, имеющие отношение к солнцу, и даже древний фетишизм.

В Австралии, в Индии и даже среди нас, несмотря на обилие пищи, на строгость законов и на сильно развитое чувство милосердия, долго еще сохранялся каннибализм, так же как ритуальные убийства и избиение пленников. Спенсер доказал, что печальным остатком их и до сих пор служит еврейское обрезание, которое, по ритуалу, должно быть производимо каменным ножом, что одно уже указывает на доисторическое происхождение этого ритуала.

Фанатизм процветал даже в самый разгар революции; по смерти Марата Грашэ напечатал тысячи экземпляров надгробной речи, в которой беспрестанно повторялось: «*Coeur de Jesus, coeur de Marat, protégez nous*» («Сердце Иисуса, сердце Марата, покровительствуйте нам»).

Да даже теперь, в центре Европы, разве не опасно еще и не преступно признать себя атеистом, утверждать, что Бог есть гипотеза? А между тем

этой *новости* уже более трех тысяч лет... Не считают ли за грех и теперь еще многие работать по воскресеньям?

Но можно найти кое-что и похуже.

Анфоссо приводит яркие примеры того, что среди современного населения земного шара сохранилось еще поклонение камням — эта первобытная форма религии варваров.

Так, тунгусы поклоняются камням; значит, этот культ, когда-то общий первобытным народам, еще сохранился. В начале Средних веков он господствовал и в Европе, притом до такой степени, что Теодорик, архиепископ Кентерберийский, принужден был запрещать поклонение камням; а на Турском соборе в 567 году предписано было священникам не допускать в церкви камнепоклонников.

Несмотря на это, даже теперь, в наше время, около Оропы находится камень, к которому приходят на поклонение бесплодные женщины, чтобы вымолить себе материнство. Во многих долинах Пьемонта и в Сицилии, по древнему обычаю, прохожие бросают на могилы маленькие камешки, которые и скапливаются там большими кучами.

Рядом с культом камней сохранился и культ источников; в Бретани знаменитый колодец св. Анны Орейской и священный фонтан в церкви Сен-Меле до сих пор служат целью паломничества.

Еще в 1791 году много народа ходило к источнику Сент-Фийан в Пертшире, для того чтобы искать воды и выкупаться ради здоровья, как в купели Силоамской*. Все паломники должны были три раза в день обойти вокруг источника, бросить белый камешек в соседний ручей и в конце концов оставить какую-нибудь принадлежность своего туалета в виде жертвы гению — покровителю места.

Полковник Фаберт Лесли говорит, что в Шотландии очень мало церквей, при которых не было бы святого колодца.

В Ирландии очень распространены легенды о келпи, или духе воды, который может принимать различные формы и является то в виде женщины или мужчины, то в виде лошади, а чаще всего в виде быка. Значит, ирландцы не только в прошлом веке твердо верили в существование этого духа, но не совершенно отказались от этого верования и теперь.

Таким образом, культ источников, столь обычный в Индии — стране священного Ганга, перешел и к нам. И теперь еще около Турина, в церкви св. Панкратия, можно видеть бассейн, из которого верующие пьют воду в день местного праздника, и если они недостойны войти в церковь, то сейчас же отрыгивают ее обратно. Вообще, вера в чудотворную воду есть одно из самых постоянных и распространенных суеверий, как это доказывается, между прочим, святынями Лурда и Ла Салетта*.

В долине Цересале обыватели имеют обыкновение подвешивать к ветвям деревьев маленькие мешочки с плодами или овощами, что, по всей вероятности, есть остаток древнего культа лесных божеств.

Христианские святые, в свою очередь, по чудесам отождествляются с языческими богами. Так, против бесплодия принято молиться св. Андрею; против эпилепсии — св. Иоанну; против головной боли — св. Дионисию; против болезни глаз — св. Лючии и прочее.

В России мужики поклоняются старым славянским богам под новыми именами. Водан есть старый бог вод; домовой — гений дома; св. Власий — Волос, бог скота. Там же во многих местностях существует обычай звать священника для благословения коней и колдуна для того, чтобы заговаривать их. Вообще для большинства Бог является еще великим волшебником; недаром славянский Перун, бог грома, и до сих пор ставится на престолах в виде пророка Илии*.

Во Франции, в департаменте Сона и Луара, и теперь еще встречаются следы друидизма у так называемых Белых, в их религиозных постановлениях, напоминающих чрезвычайно древний ритуал.

Мертийе утверждает даже, что в Бретани сохранился обычай ставить кельтские памятники, причем один такой был воздвигнут в честь Революции 1848 года.

В самых отдаленных долинах Умбрии как предохранительное средство против молнии употребляются кремневые стрелы; против болезней скота — каменные топорки, огромные кремневые скребницы; против выкидышей — этиты; против расстройства регул — кровавик. В общем, целая фармакопея, очевидно, доставшаяся по наследству от каменного века.

В Бельгии, стране наиболее просвещенной, Хох собрал народных предрассудков и суеверий на целый том в 600 страниц. Тут фигурируют и веревка повешенного, и вода св. Иоанна, и блуждающие огоньки, счастливые и несчастливые дни, пасхальные яйца, паломничество на могилы, колдуны, талисманы и прочее.

Питре рассказывает, что женщины в Палермо целый год сохраняют яйца, снесенные курами в Страстную пятницу; Тирабоски говорит, что то же самое делается и в Бергамо, где эти яйца считаются предохраняющими от падения деревьев.

Между тем отец Донато Кальви писал, что в его время (середина XVII века) многие женщины сохраняли яйца, снесенные в Страстную Пятницу, как предохранительное средство от пожара, когда их надо было бросать в огонь.

А что же сказать о суеверном почитании пятницы, столь распространенном и берущем свое начало в первые века христианства? Парижские омнибусы* перевозят в среднем 47 тысяч человек ежедневно, а по пятницам на 27 тысяч человек меньше.

Очень многие, также будто бы ради шутки, а на самом деле всерьез, носят на себе или вешают на шею своим детям в виде амулета маленькую серебряную или золотую свинью. Между тем этот обычай начался еще в Древнем Риме, где, как известно, свинья считалась священным животным. При самых торжественных свадьбах супруга, отправляясь в дом своего мужа,

должна была обертывать притолоки дверей шерстяными лентами и смазывать их свиным салом в предупреждение несчастий.

Верность очень древним религиям тоже может служить доказательством мизонеизма. Мы видим, например, что доисторический браманизм устоял против нападений монголов, персов, мусульман и европейцев; а когда Будда явился его реформатором, то массы, в интересах которых он действовал, были против него, и до такой даже степени, что пропаганда буддийской религии — то есть, собственно говоря, очищенного браманизма*, должна была перенестись из Индии в Китай, Тибет и на Цейлон. То же самое случилось и с гебраизмом: христианство родилось в Иудее, но народные массы не увлекло за собой, евреи рассеялись по всему свету и до сих пор хранят незыблемыми свои древние суеверия.

3) *Мизонеизм в нравственности.* Мизонеический инстинкт, поддерживаемый религией, может оставить следы достаточно глубокие для того, чтобы образовать своеобразную мораль и вызывать мучение совести при неисполнении какого-нибудь самого отвратительного обычая. Пример этого мы видим в том австралийце, о котором упоминает Сэндер и который, потеряв жену, умершую от какой-то болезни, заявил, что по местным обычаям он должен убить женщину из другого племени. А когда ему пригрозили тюрьмой, то он, мучимый совестью за неисполнение того, что считал своим долгом, совсем перестал говорить. В конце концов ему удалось убежать и выполнить этот священный долг.

4) *Мизонеизм в науке.* В области науки достаточно упомянуть о преследованиях, выпадающих на долю гениальных изобретателей и реформаторов, для того чтобы доказать пагубное влияние мизонеизма, тем более нетерпимого и фанатичного, чем он невежественнее. Имена Колумба, Галилея, Соломона и Уатта — первого изобретателя паровой машины, которого Ришелье засадил в Бисетр, говорят сами за себя.

Потому-то и нет теперь ни одного современного открытия (фотография, электричество, пар, светильный газ), которое не было бы сделано когда-либо прежде, да не один, а много раз, в разные эпохи, и всегда на горе изобретателя. «Пар, — пишет Фурнье, — во времена Гиерона Александрийского и Антемия Траллесского был детской игрушкой. Нужно, чтобы разум человеческий, побуждаемый нуждою, проделал тысячи опытов, прежде чем извлечет из данного факта возможную пользу».

В 1765 году Спеддинг предложил муниципалитету Уайтхэвена переносный газ, совсем уже готовый, но получил отказ; за ним последовали Шоссье, Минкелер, Лебон и Уиндзор, которые не только присвоили себе его открытие, но успели им воспользоваться.

Каменный уголь был открыт в XV веке; колесный корабль — в 1472 году, а винтовой — в 1790 году. Когда в 1707 году Папен придумал двигать суда паром, то был сочтен за шарлатана. Ришэ пишет, что Французская академия еще очень недавно признавала телефон утопией. Дагерротипия суще-

ствовала в России еще в XVI веке, а у нас в 1566 году была открыта Фабрицио, для того чтобы впоследствии вновь быть открытой Де ла Рошем.

Гальванизм сначала был открыт Котуньо, а потом дю Вернеем. Телефонный аппарат впервые был описан еще в 1824 году.

Даже теория отбора не принадлежит Дарвину; она, как и все прочие, пускает корни глубоко в прошлое.

Знаменитые физики Лурье и Бенуа предсказывали, что электрический телеграф никогда не заменит световой и причинит только убытки. Беррье требовал даже, чтобы опыты с ним были прекращены.

Ньютоновский закон тяготения был уже сформулирован в XVI веке Коперником и Кеплером, а впоследствии дополнен Гуком.

Точно то же можно сказать и о магнетизме, о химии, даже о самой антропологии преступности, которая довольно долго и почти всеми государственными людьми Италии была рассматриваема как нечто безнравственное, как поблажка преступлению.

В 1760 году, когда испанское правительство задумало ассенизировать улицы Мадрида, то эта мысль была встречена общим негодованием. Даже врачи, будучи спрошены, заявили, что ассенизация может принести вред, размеров которого даже представить себе нельзя, а между тем она совсем не нужна, так как вредные испарения почвы по тяжести своей держатся внизу, а потому и не портят воздух.

В 1787 году не верили в законы кровообращения; в Саламанкском университете запрещено было изучать открытия Ньютона, так как они противоречат религии; в Мадриде не было библиотеки; корабли были так плохи, что не выдерживали выстрелов из своих собственных пушек.

Верри жаловался на то, что Иосиф II и австрийское правительство пронумеровали дома и осветили улицы в Милане.

Жамезель сообщает, что китайцы всегда смотрят назад, а не вперед; по их мнению, все хорошее идет к нам от предков, а все новое может быть только дурным. Если какое-нибудь новое изобретение окажется полезным, то это значит, что оно уже существовало в древности, но только было позабыто.

Мы смеемся над китайцами, а поступаем так же, как они. У нас церковь служит официальной стеной против всяких нововведений в обычаях и в понятиях нравственных, а академии защищают нас от гениальных людей и от нововведений в науке и литературе. Нет ни одного открытия, которое они приняли бы и поддерживали; все новое жесточайшим образом преследуется академиями, и всегда с успехом, благодаря тому что их поддерживают общественное мнение плебеев и правительства, тоже по большинству плебейские.

Однако же не только академики, которые, в большей части случаев, суть ученые тупицы, но и гениальные ученые с азартом преследуют все новое — потому ли, что мозг их уже переполнен и не может вместить ни-

чего лишнего, или потому, что собственные идеи делают их нечувствительными к чужим.

Так, Шопенгауэр, один из высочайших революционеров в философии, относится с величайшим презрением к революционерам политическим.

Фридрих II, инициатор германской политики, стремившийся развить национальные литературу и искусство, даже не подозревал значения Гердера, Клопштока, Лессинга и Гёте. По той же причине он так не любил менять костюмы, что во всю жизнь не имел их больше двух или трех зараз. Россини никогда не ездил по железным дорогам; Наполеон не признавал паровой машины; Бэкон смеялся над Жильбером и Коперником — он не верил в применимость инструментов и даже математики к точным наукам! Бодлер и Нодье ненавидели свободных мыслителей.

Вольтер отрицал ископаемые, а Дарвин, в свою очередь, отрицал каменный век и гипнотизм, так же как Робэн и Катрфаж отрицали теорию Дарвина. Лаплас не признавал существования метеоритов; по его словам (покрытым единодушными аплодисментами академиков), с неба не могут падать камни, так как оно не каменное. Био отрицал теорию волнообразного движения; Галилей, доказавший весомость воздуха, отрицал, однако же, влияние атмосферного давления на жидкости.

Вообще открытия, оскорбляя мизонеическое чувство, возбуждают против себя реакцию, прекращающуюся только тогда, когда путем повторения подготовят людей к принятию новшества.

Вот потому-то серьезные люди могут сохранить за собой общественное уважение, даже придерживаясь древнейших суеверий — заявляя, например, подобно кардиналу Алимондо, что гипнотизм есть дело нечистого духа, или, подобно Брюнетьеру, что материалистами могут быть только негодяи. Между тем человек, спокойно и с достоинством поддерживающий самые скромные материалистические теории (отрицающий существование души, Бога, божественного права или оспаривающий какие-нибудь места священных книг), возбуждает против себя почти единодушное общественное негодование. Первые, даже при крайней неосновательности, никогда не повредят своей репутации. Они, напротив, выиграют, потому что не оскорбляют инстинктивного мизонеизма, а льстят ему. Последние же, если они и вполне правы, никогда не одержат победы над естественной, мизонеической оппозицией масс иначе, как пожертвовав своей репутацией и целой жизнью.

Что же это такое, если не доказательство преобладания закона инерции?

5) *Мизонеизм в литературе.* Мизонеизмом же в большей части случаев обусловливается восхищение древними книгами и развалинами, как бы они ни были безобразны сами по себе. Наследственная привычка дает им, так сказать, свободный вход в наши души. Так, санскрит — для индуса, древнееврейский — для большинства евреев и до некоторой степени латинский — для многих европейцев становятся языками священными, лингвистическим фетишем, даже и помимо употребления их при церковной службе.

Страшное влияние грамматиков в императорском Риме и впоследствии, в Средние века, объясняет нам современное поклонение грамматике, кажущееся нелепым в веке господства естественных наук и математики. Отсюда же идет не менее нелепая, но непоколебимая вера в классицизм, закоренелая даже у людей, достойных уважения, которые заставляют нас тратить лучшие годы нашей жизни на изучение бесполезного языка под предлогом развития вкуса и мышления (как будто бы новые языки на это не годны), а на самом деле ради удовлетворения мизонеического инстинкта.

6) *Мизонеизм в искусстве.* Тут он тоже господствует. В самом деле, если вместе с Гельмгольцем и Жанэ мы станем анализировать основы эстетики, то увидим, что они сводятся к ритму в тонах и симметрии в пластике. Отсутствие симметрии в прекрасном — в гротесках, например, — временно может возбудить любопытство и похвалы, но прочного успеха не добьется.

Мы не находим эстетичными капитель или балкон, если они сделаны из железа, потому что не привыкли к употреблению последнего в архитектуре. Так, древний грек в архитектурных линиях своих мраморных храмов предпочитал мотивы, напоминающие деревянную постройку его предков. По той же причине, как это мы можем видеть в Сицилии, в Салинунте, греки воспроизводили в статуях семитический тип, а норманны, позднее, — мавританский.

7) *Мизонеизм в модах.* Геккель видит господство закона инерции даже в беспрестанно меняющихся капризах моды. Он доказал, что современный сюртук с его пуговицами сзади есть пережиток военного костюма, распространенного три-четыре века тому назад, а жилет есть древняя кираса.

8) *Мизонеизм в политике.* Множество общественных и политических учреждений, считающихся современными, суть не что иное, как обломок древности, и потому только пользуются уважением большинства, представляющим собой условную ложь, как называет это явление Нордау.

Такую ложь представляет собой вера в парламентаризм, на каждом шагу оказывающийся бессильным, так же как и вера в непогрешимость людей, часто стоящих во всех отношениях ниже нас; такой же ложью является вера в суд, который, налагая тяжелую обузу на честных людей, наказывает не более 20% настоящих преступников, да и то чаще всего психопатов, тогда как остальные гуляют на свободе, пользуясь почетом и уважением со стороны своих жертв.

Дело в том, что условная ложь поддерживается всеми без возражений, так как, передаваясь из поколения в поколение, превратилась в привычку, от которой мы не можем отделаться, даже понимая ее полную бессмысленность. Потому-то, несмотря на противодействие закона, продолжают существовать дуэли — остаток первобытного правосудия, — да не только существуют, а служат даже для решения политических вопросов (как дуэль между Флоке и Буланже); поэтому же, несмотря на противодействие мыслителей, народы смотрят на войну как на какой-то праздник. В самом деле,

самые непродуктивные расходы на войну всегда принимаются безропотно, а на народное просвещение и на сельское хозяйство, развитие которых сделало бы нас богаче, образованнее и, стало быть, сильнее, денег не хватает.

В политической жизни мы, латинцы, покланяемся Кавуру или Мадзини; во время революций каждая партия поклоняется какому-нибудь одному человеку. Достаточно того, чтобы какая-нибудь партия взяла верх, хотя бы ненадолго, — она всегда оставит за собой убежденных сторонников, верность которых будет передаваться из поколения в поколение. Примерами такой верности могут служить сторонники правительств, в свое время признанных проявлением гнева Божия, каковы карлисты — в Испании, легитимисты — во Франции*, приверженцы Бурбонов — в Италии и прочее.

То же можно сказать о кастах, господствовавших в течение известного времени, тем более что они сами по себе вполне соответствуют нашему стремлению к неподвижности, потому-то их невозможно искоренить. Индус прежде всего боится изменить своей касте, а между тем измена эта так возможна: достаточно поесть мяса, хотя бы насильно; или съездить в Европу; или, по неведению, съесть обед, приготовленный сторонниками другой религии; или сойтись с женщиной из другой касты и прочее.

По отношению к париям, с которыми ни один человек, принадлежащий к касте, не должен приходить в соприкосновение, принимаются еще большие предосторожности. Еще очень недавно парии, встречая представителя касты, обязаны были обходить последнего на далеком расстоянии, чтобы даже нечистые испарения его не коснулись привилегированного лица.

Таким образом, кастовые предрассудки приковывают каждого индуса не только к той специальной группе, к которой он принадлежит по рождению, но даже к известной профессии, заглушая всякую идею национальности и сохраняя даже анатомический характер расы. Гарофало замечает, что аристократия оставила в нас такое инстинктивное поклонение, что даже демократы при политических выборах отдают предпочтение ее представителям перед людьми гораздо высшими по личным заслугам. Даже те лица, которые, подобно антропологам и психиатрам, знают, что аристократия, по крайней мере у латинских народов, благодаря лени, кровосмесительным бракам и прочему почти выродилась, то есть физиологически стоит ниже буржуазии, даже и они чувствуют к ней инстинктивное пристрастие, подобно тому как жители отдаленных сел — к горожанам. У тех и у других это есть последний отзвук феодального рабства.

Господство теократии прекратилось в нашем обществе, по крайней мере с виду, но попробуйте поднять какой-нибудь вопрос, который бы хоть краешком касался духовенства, — о разводе, например, об уничтожении монашества или хотя бы только об изменении его костюма, и вы увидите, какую оппозицию это вызовет, но, разумеется, под самым либеральным флагом: заговорят о свободе личности, об уважении к женщине, о покровительстве детям и прочее.

Господство военного сословия тоже кончилось, а попробуйте задеть воинственную струнку любого народа, и вы его наверное увлечете. Благодаря этому в бюджетах легко проходят миллиарды на постройку ненужных крепостей, а бедным школьным учителям отказывают в сантимах, потчуя их бесплодными похвалами да обещаниями.

Говорят, что мы теперь все пользуемся равной свободой и равным правосудием, а в сущности, привилегии только перешли на другие касты: теперь не дворянство и духовенство господствуют, а политиканствующие адвокаты, ради которых все мы работаем почти без вознаграждения. Правосудие превратилось в пустое слово. Нордау справедливо говорит, что современный цивилизованный человек должен не только сам себя охранять совершенно так же, как это делают варвары, но еще и платить деньги правительству за охрану, которую оно ему не дает, но должно давать по теории.

Если вглядеться попристальнее, то весь современный государственный механизм работает в пользу адвокатов, для которых золото, отнятое мошенниками у честных людей, превращается в капиталы, точно так же, как земля под влиянием червей превращается в плодородный *humus*. В Соединенных Штатах, стране архидемократической, состав действительно самодержавного народа сводится к двум или трем сотням тысяч субъектов, находящих средства к жизни в занятии политикой, так что издержки на их избрание покрываются бюджетом государства. Благодаря этому вместо трех тысяч чиновников, как было тридцать лет тому назад, там теперь их больше ста тысяч.

Сама революция 1789 года, уничтожившая все привилегии, действительно разорила крупных собственников, но поставила на их место крупных торговцев — буржуа; мелким же собственникам она ничего не дала.

Во времена Тюрго одна четверть рабочих занималась сельскохозяйственным трудом, а теперь только одна восьмая. Между тем наши рабочие, по словам Летурно, Молинари и Ваккаро, равно как и наши крестьяне — по нашим собственным наблюдениям, — находятся в худшем, может быть, положении, чем древние рабы.

Виллари полагает, что участь нашего простого народа ухудшилась с введением свободы. По мнению Пани-Росси и Туриелло, отношения, существовавшие когда-то между господами и рабами, существуют теперь между буржуа и плебеями.

В общем, прошлое до такой степени в нас укоренилось, что самые независимые из нас чувствуют к нему могучее влечение. Так, мы сколько нам угодно можем быть неверующими, но богослужение производит на нас неотразимое впечатление; мы можем быть сторонниками равенства, но, как выше сказано, потомки баронов вызывают в нас невольное почтение; мы можем сознавать бесполезность иных законов, но тот, кто их защищает, тотчас же найдет тысячу последователей только потому, что эти законы суще-

ствовали. И если цивилизация все-таки идет вперед, то лишь благодаря переменам в физической и нравственной обстановке народов, а также благодаря гениям или сумасшедшим, дающим ей множество мелких толчков, которые в течение веков слагаются в одно крупное усилие. Поэтому-то Макс Нордау думает (несколько преувеличивая), что просвещенные деспоты более содействуют прогрессу, чем все революционеры, вместе взятые.

Но прогресс этот может осуществиться все-таки очень медленно; кто хочет ускорить его, тот пойдет против физиологической натуры человека. А потому великая революция, не представляющая собой эволюцию, должна считаться патологической и преступной.

9) *Мизонеизм в наказаниях. Против обычая.* Вот почему мы видим, что в первобытных законодательствах нарушение обычая считается самым важным преступлением, безнравственностью. В этом и лежит зачаток почти всех законов, установленных впоследствии для того, чтобы оградить государство от восстания против существующего порядка, или для того, чтобы наказать за покушения на жизнь глав правительства, обыкновенно принадлежащих к числу потомков главы первобытного племени. Будучи хранителями обычая, эти главы в силу мизонеизма признаются священными и, пользуясь сами полной безнаказанностью, считают всякое неповиновение их воле преступлением.

Из этого видно, что во времена первобытные, когда человеческое общество только зарождалось, понятие о политическом преступлении было гораздо яснее, чем теперь, а потому и наказывалось решительнее.

У фиванцев человек, предлагавший реформу закона, должен был являться с петлей на шее и быть немедленно удавлен, если народ не принимал его предложения.

Кодекс законов Ману следующим образом выражается о нарушении обычая: древние обычаи суть главные законы, полученные с помощью откровения, а потому всякий, желающий блага своей душе, должен сообразовываться с древними обычаями. Вот почему Ману, зная, что закон должен опираться на древние обычаи, основал на них свой ритуал и свои наказания.

И действительно, если в Индии религиозные и общественные учреждения, враждебные всяким новшествам, устояли против напора времени, оружия победителей и влияния соседних народов, то только благодаря стремлению законодателей карать всякое нарушение древних обычаев как важнейшее из преступлений.

Так, шудра, осмелившийся критиковать поведение браминов и давать им советы, подвергался пытке кипящим маслом. А для самого брамина, как мы видели выше, является преступлением не только выезд за границу, но и общение с иностранцами*.

Равным образом у евреев поклонение идолу считалось величайшим преступлением, так же как и несогласие с мнением священников.

«Вы не можете говорить дурно о судьях и не проклянете князя народа вашего». «Человек гордый, не подчиняющийся решению священника или судьи, да будет казнен смертью».

Египтяне в течение долгого ряда веков с религиозным почтением хранили в целости текст своих законов.

Диодор Сицилийский рассказывает, что видел в Бубастисе колонну, на которой было написано: «Я есмь Изида, царица сей страны, воспитанная Гермесом, я установила законы, *которых никто изменить не может*».

Египтяне довели любовь к неизменности до такой степени, что для живописи, ваяния, пения и танцев установили особые законы, нарушать которые считалось нечестивым. Даже отрицательное отношение к лекарствам, указанным в священных книгах, считалось кощунственным; врачи, не употреблявшие этих лекарств, подлежали смертной казни в случае неуспеха лечения.

То же можно сказать и о перуанцах, у которых народ так был связан обычаями, что не мог переезжать с места на место или менять костюм без дозволения правительства.

В Китае целый ряд веков дело шло таким же образом, да и до сих пор эта страна враждебно относится к европейской цивилизации. В 1840 году хозяин одного судна, пользовавшийся европейским якорем, был наказан и само судно разрушено.

В законах китайских династий встречаются следующие курьезные примеры мизонеизма:

«Кто изменит слова в законах, кто нарушит порядок титулов и *изменит правила*, кто будет проповедовать ложные учения для того, чтобы пошатнуть государственный строй, — смертная казнь. Кто сочиняет соблазнительную музыку, кто шьет необычное платье, кто фабрикует искусственные механизмы или какие-нибудь необыкновенные вещи для того, чтобы смутить дух князя, — смертная казнь».

Из постановлений менее важных, огражденных только денежным штрафом, можно отметить следующие:

«Обыкновенная посуда, не соответствующая законной мере; всякие ткани, в которых число нитей или размеры не соответствуют закону; произвольные цвета, *не соответствующие чистым, первоначальным*; дерево, не по закону распиленное, — не продаются на рынке».

Здесь мы уже видим настоящий физиологический мизонеизм, не позволяющий даже употреблять цвета, отличные от общепринятых, совершенно так же, как это мы видим у животных и первобытных народов[1].

Во всех греческих городах нарушение самых диких обычаев и верований считалось политическим преступлением: Сократ был осужден за неверие в

[1] Гонкуры говорят, что если бы «*Revue des Deux Mondes*» переменил цвет обложки, то потерял бы до 2000 подписчиков.

богов Аттики и за намерение придумать новых*. Даже народные суеверия требовали к себе уважения: Анаксагор был изгнан и приговорен к штрафу за то, что назвал Солнце раскаленным камнем; Клеанф Самосский требовал, чтобы афиняне осудили Аристарха за нечестие, так как последний утверждал, что Земля движется по эклиптике и вращается вокруг своей оси.

У даяков считалось преступлением против нравственности рубить стволы деревьев по-европейски, наискось, а следовало рубить их перпендикулярно к оси.

В Древней Руси, по словам Степняка, духовный совет наказывал за введение новой прически или нового блюда; в 1563 году первая типография была там закрыта как создание дьявола.

И у нас еще не так давно попытка изменить самые ничтожные обычаи считалась государственным преступлением. Павшие деспотические правительства в Италии преследовали как своих личных врагов не только настоящих заговорщиков, но и всякого, кто носил усы.

III

Филонеизм

Теория мизонеизма, впервые выдвинутая во Франции, в «*Nouvelle Revue*», вызвала возражения со стороны гг. Брюнетьера, Проаля, Тарда, Жоли и Мерлино.

Они рассуждали так: дети, женщины и дикари очень любопытны и любят всякие новости, да и среди мизонеистов сами же вы приводите имена академиков, которых нельзя заподозрить в невежестве. Кроме того, художники могут иметь успех, только открывая новые пути в искусстве; все народы любят перемену, что доказывают своими эмиграцией и вторжениями — нашествие варваров представляет собой блестящий тому пример. Как же можно строить теорию политических преступлений на таком шатком основании? Да и, кроме того, если существуют *мизонеики*, то существуют и *неофилы*, друг друга уравнивающие.

«Всякий из нас, — пишет Тард, — рядом с привычкой, то есть физиологическим мизонеизмом, обладает и капризами — рядом с наклонностью к повторению имеет и наклонность к новому. Если первая из этих нужд есть основная, то последняя представляет собой ее сущность, повод к ее появлению».

Для того чтобы отвечать на эти возражения, необходимо предварительно договориться.

В маленьких нововведениях, в капризах, доставляющих упражнение нашим органам, все мы, разумеется, очень нуждаемся соответственно полу, возрасту и степени интеллектуального развития. Маленький ребенок обрадуется кукле, но испугается при виде маски или крупного животного; я ви-

дел таких, которые падали в обморок при виде воробья или мухи. Женщине доставит удовольствие нарядиться, надеть новое платье, побывать в театре, но она придет в ужас от одной мысли о новой религии, а пожалуй, и от большинства новых открытий до такой степени, что многие и до сих пор отказываются носить ткани машинной работы; даже швейные машинки распространялись между ними весьма медленно. Затем, уверять, что дикари любят новое, потому только, что они, по словам Эллиса, выпрашивали Библию (принимая ее, может быть, за игрушку) или оружие, пользу которого видели воочию, — значит не понимать их натуру, так как, даже проведя несколько лет среди цивилизованных людей, в современной обстановке, они возвращались в свои леса, где опять начинали ходить голыми, хотя одежда не была бы для них и там предметом роскоши.

Точно так же верить, вместе с кардиналом Массайя, что они охотно прививают себе оспу, даже требуют этого, значило бы забывать, что даже между нами вакцинация часто встречает ожесточенных противников. Разве Стэнли не рассказывал, что во время его последнего путешествия, когда в лагере открылась эпидемия оспы, многие больные, даже видя, что вакцинированные занзибарцы не умирают, все-таки отказывались вакцинироваться?

По словам Тарда, «суеверное поклонение диких народов различным сумасшедшим, слывущим пророками и святыми, не согласуется с тем отвращением ко всему новому, из ряда вон выходящему, которое я им слишком произвольно приписываю». Но ведь причиной этого поклонения служит страх, соединенный с невежеством, которое заставляет их принимать болезнь за наитие Св. Духа. Да наконец, я далек от того, чтобы отрицать влияние сумасшедших на развитие филонеизма и революции (как мы это увидим далее), хотя варвары уважают их вовсе не за новые и полезные идеи.

Что же касается академиков, то они, конечно, восторгаются новым видом какого-нибудь растения или открытием финикийской надписи, дающей им возможность узнать имя главы племени, или рисунком винта новой формы, но они зато отвергают телеграф, телефон, железную дорогу, законы, открытые Дарвином.

Художник также весьма охотно создает новую арабеску, переменив фон с розового на голубой, но он никогда не добьется успеха на новом пути в искусстве. Отрицательное отношение образованных классов общества и академических кружков к Золя, Бальзаку, Флоберу и всемирные скандалы, устроенные братьям Гонкурам, Россини, Верди, доказывают это неоспоримо. Первый, по крайней мере, попробовавший новый путь в живописи, литературе и прочем, никогда не встретит ничего, кроме ненависти и презрения.

Смеясь над незыблемо установленными моделями египтян, мы забываем, что типы Иисуса Христа и Божьей Матери в нашей живописи не изменялись в течение восемнадцати веков.

Мизонеизм академиков вовсе не исключает наибольшей его интенсивности среди невежд, как это мне выставляли на вид во Франции. Каждый класс, всякая каста отличаются особым родом невежества и особым сортом мизонеизма, пропорциональным этому невежеству. Мы доказали это даже по отношению к гениальным людям, которые бывают велики с одной стороны только потому, что они ничтожны с другой; такое же доказательство мы видим и в том, что самые горячие неофилы — анархисты — являются противниками теории мизонеизма, ярким подтверждением которой служат сами. Бисмарк презирал парламентаризм, мирное решение международных споров и латинский — лучше сказать: европейский — алфавит; Флобер и Россини боялись железных дорог. Государственные люди, управляющие Европой, не все, конечно, гениальны, но они все же не лишены интеллектуальной культуры; как же объяснить то, что они с постоянно растущим усердием и упрямством стремятся увеличить армии и вооружение государства, притом до такой степени, что разоряют народ больше, чем могла бы разорить самая несчастная война?

И все для того, как они говорят (по-видимому, искренно), чтобы избежать войн. А между тем четвертой части тех денег, которые тратятся на вооружение, хватило бы на решение социального вопроса, то есть обеспечение народам счастья, столь будто бы дорогого сердцу правителей, но на деле все более и более ими отдаляемого. Настоящая причина этого отдаления лежит в их отвращении к новым путям, в наклонности держаться за старые обычаи, начало которых восходит к временам существования военных каст. В самом деле, душа большинства людей, по крайней мере немцев, больше лежит к бравому гвардейскому капралу, чем к ученому. В парламентах запрещается рассуждать о постройках новых крепостей, как бы дорого они ни стоили, а о постройке новых школ можно спорить сколько угодно. Во Франции, в Италии, в Германии оспаривать военный бюджет, как бы он ни был бесплоден и разорителен, значит поднять руку на святыню, совершить государственное преступление.

Но ведь наука есть нововведение, а военное искусство восходит к седой древности, идет от Ахилла, если не от Каина.

И я нисколько себе не противоречу, говоря, что современные французы любят все новое так же, как их предки. Я слишком люблю французов и любим ими, чтобы льстить им и не высказывать своей мысли вполне. Франция, несомненно, стоит во главе латинской расы, но она больше, пожалуй, предпочитает мелкие новости крупным нововведениям. Она всегда любила бурные революции больше их полезного результата: великая религиозная реформа — протестантизм задел ее только краем; великая конституционная реформа укоренилась в ней только два с половиной века спустя после Англии.

Бальзак писал: «Во Франции временное становится вечным, хотя французов и подозревают в любви к переменам».

Для того чтобы быть принятой французами, новость должна принадлежать к числу тех, которые не нарушают их обычаев. Недаром они изобрели слово «рутина».

Французы охотно меняют костюмы, министров, внешнюю форму правления, но в душе всегда остаются верными древним друидическим и империалистским тенденциям. Не так давно еще в Бретани и департаменте Вандея командовал священник. В разгар Республики французы дрались за папу. Обладая Фурье и Прудоном, а что еще важнее — всеобщей подачей голосов, они до сих пор не имеют закона, дающего удовлетворение справедливым требованиям бедных и рабочих людей.

Правда, что они создали Жакерию* и восемьдесят девятый год, но это были минутные вспышки, вслед за которыми они падали еще ниже. В самом деле, несколько веков спустя после Жакерии мы видим, что те же самые крестьяне, которые ее проделали, целуют лошадь курьера, привезшего добрые вести о здоровье короля, и какого короля! — Людовика XV, которого скорее можно было назвать палачом, чем устроителем своего государства. Прогнав стольких королей и императоров, они чуть было не попали под власть кукольного цезаря в лице генерала Буланже.

Помимо этого, многие частные факты, рисующие их характер, доказывают, насколько они в душе консервативны. Вот хоть бы, например, уважение, которым пользуются в высших классах народа академики, или страсть к генеральским титулам и орденам. Почти в такой же степени, как у итальянцев!

«Франция академична», — пишут Гонкуры в «Манетт Саломоне».

Сарсэ рассказывает, что во время осады Парижа, когда в продажу было пущено мясо животных из ботанического сада, его покупали только образованные люди, а простой народ скорее готов был уморить себя голодом, чем дотронуться до этого мяса.

Известно, с каким упрямством французы под разными предлогами противятся реформе орфографии, которая есть не что иное, как остаток древнего произношения.

Недавно один инженер из Бордо писал мне, что, изобретя аппарат, очень удобный для выгрузки товаров с кораблей на набережную, он встретил оппозицию со стороны именно тех разгрузчиков, которые прежде всех получили бы выгоды от его изобретения.

Парижский медицинский факультет не только противился употреблению рвотного камня, вакцины, эфира и антисептического метода, но даже преследовал врачей, которые вместо традиционного мула употребляли лошадей для разъездов по больным.

Не в ученой ли Германии вошел в моду антисемитизм? А Россия не превратила ли его в закон империи?

Не сохраняется ли в некоторых местах Сицилии древний обычай бальзамирования и раскрашивания трупов, бывший в употреблении у египтян?

Недавний процесс, разыгравшийся в Турине, показал, что не только простой народ, но и многие из лиц, принадлежащих к образованным классам, охотнее лечатся у знахарей, напоминающих средневекового колдуна, чем у настоящих врачей.

Все это доказывает, что филонеизм есть скорее исключение, чем правило.

Мне говорят, что всегдашнее стремление народов к переселению должно служить доказательством их любви к перемене; но прежде, чем утверждать это, следовало бы изучить причины, побуждающие людей переселяться. Цена сельскохозяйственного труда с каждым годом падает, а между тем крестьяне не уходят от земли, которую страшно любят и которая их больше связывает, чем феодальные законы. Только тогда, когда начинают развиваться эпидемии, порожденные хлебом плохого качества, вроде пеллагры и акродинии, например, только тогда, когда голод и болезни губят их тысячами, крестьяне начинают думать о переселении. Да и затем в течение долгих лет они не перестают вспоминать о своей родине, которая дала им только болезни и страдания.

Бедные эмигранты из Тревизо говорили мне: «Нам оставалось только умирать; жизнь на родине стала совершенно невозможной, и только поэтому мы решились эмигрировать».

Что касается вторжения варваров, то его только по неведению можно считать внезапным движением, почти беспричинным капризом масс. Все давно уже допускают, что это движение было очень медленным и началось еще за три века до Р. Х., так что вторжение кимвров, шедшее из Ютландии, было только одним из его эпизодов*. Переход через Балтийское море не представлял никаких затруднений. У жителей побережья судов было достаточно, а от Карлсруэ до ближайших портов России и Померании не более тридцати четырех лье.

Германцы, будучи более охотниками, чем земледельцами, естественно, должны были беспрестанно менять свое местожительство. Известно в самом деле, с какой быстротой истощается дичь; а это истощение заставляет людей, живущих охотой, постоянно переходить с места, и притом на громадные расстояния. Поэтому эмиграция в данном случае есть результат закона инерции, так как народы не сумели заменить подвижную и неудобную форму существования другой, более устойчивой. Городов у них не было, а были подвижные лагеря, вроде тех, которые и теперь устраиваются африканскими дикарями. Подобно всем кочующим охотничьим племенам, германцы при первом проблеске возможности завоевать себе новые территории в более теплом климате бросали свои леса и поднимались вместе с женами и детьми. Долгое время все усилия их оставались тщетными, потому что до эпохи Марка Аврелия* они, подобно дикарям Америки, были разделены на сорок отдельных маленьких племен, рассеянных по обширной территории и враждующих между собой. Не будучи знакомы с употреблением

кирас, едва привыкшие пользоваться железом, не имея кавалерии и не зная тактики римских легионов, они были не в состоянии бороться с ними.

Несмотря на это, однако же, племена германцев, свевов и готов, оттесненные от итальянской почвы, оседали на почве Галлии. Цезарь говорит о свевах как о самых опасных из встреченных им врагов и сообщает, что германцы постоянно проникают в Галлию.

Медленное передвижение народов тянулось долго, так как мы видим, что и после Августа римляне встречают разные народы в одних и тех же местах, как утверждает Прокопий и многие другие.

Когда Рим времен падения начал пополнять свою армию германцами и перестал тщательно охранять границы от прихода не только отдельных семей, но целых племен германских, то он оказался безоружным против врага, поселившегося в его собственном доме, овладевшего его оружием, познакомившегося с его тактикой и слабостями. Уже при Тиберии всеми было признано, что главную силу римского войска составляют вспомогательные отряды, состоящие из иноземцев. Сначала их было немного, но затем, когда римские граждане стали избегать военной службы, а сенаторам при Галиене было запрещено командовать армией, то число их сравнялось с числом легионеров и даже превзошло последнее.

Ко всем этим главным причинам эмиграции присоединяются второстепенные.

Гиббон говорит: «Когда настал жестокий голод, то германцам оставалось только послать треть или четверть своих молодых людей искать счастья в других местах».

По словам Павла Диакона, эмиграция обусловливалась несоответствием между количеством населения и средствами к существованию. Не будучи земледельцами, германцы не были привязаны к земле; достаточно было чумы или голода, победы или поражения, прорицания оракула или красноречия вождей для того, чтобы заставить их идти в теплые страны, на юг. А климат Германии был тогда, по-видимому, холоднее, чем теперь.

Гуннов погнала к западу необходимость бежать от гнета победоносных врагов; арабов двинул на Византию и Персию религиозный фанатизм, а кимвров и тевтонов бросил на Галлию и Италию религиозный террор.

Часто, между прочим, к переселению понуждала страсть к вину и спиртным напиткам. Согласно одному преданию, отвергаемому, однако же, некоторыми историками, лангобарды спустились в Италию лишь после того, как воины Нарзеса принесли домой итальянские фрукты, соблазнившие их вкус.

Всего этого совершенно достаточно для того, чтобы объяснить себе медленное движение народов севера к югу, впоследствии победившее законы инерции и ставшее неудержимым.

Надо заметить, что это движение не кончилось с достижением цели, но, подчиняясь закону инерции, вследствие которого всякое движение должно

продолжаться бесконечно, если не будет остановлено трением, оно продолжалось в виде крестовых походов, вторжения норманнов в Сицилию и, наконец, в виде пилигримства, которое вошло в привычку и не прекращалось, несмотря на отсутствие необходимости менять место.

Другой причиной филонеизма служат последовательные движения, рождающиеся из первичных. Так, Ренан полагает, что магометанство явилось продолжением христианско-иудейской революции: «Мухаммед был назарянин — иудеохристианин. Семитический монотеизм возвратил в нем себе свои права и отомстил за мифологические и политеистические осложнения, внесенные греческим гением в теологию первых учеников Иисуса».

Можно сказать более: в революциях, а уж особенно в бунтах, в восстаниях, прогресс, следуя тому же закону инерции, принимает движение ускорительное и сильно стремится к крайностям, которые его и губят.

Так, Кромвель доводит страну почти феодальную и ультрамонархическую до цареубийства и демократической республики, причем лорды теряют всякое значение, а сторонники свободы стесняют последнюю до такой степени, что стремятся уничтожить адвокатское сословие и университеты, воспрещают танцы, спектакли и даже празднование Рождества Христова, разбивают статуи и сжигают священные картины. Все это ведет к реакции при Карле II, которому парламент вручил абсолютную власть. Точно таким же путем христианство приходит к кастрации и к уничтожению собственности. Крайности, совершенные в 1789 году, всем известны.

«О Христе нищие», которым христианство обязано своими первыми шагами, по прошествии века скандализировали церковь, и учение их было признано кощунственным.

Вот это-то стремление переходить границы, обусловленное чересчур страстным отношением к делу, губит восстания, ведет их к самоубийству путем эксцессов и уничтожает или по крайней мере уменьшает прогресс, достигнутый революциями.

Следовательно, самое серьезное возражение против мизонеизма представляет собой и самое яркое его подтверждение. Человек — как и животное, как растение, как камень — пребывает в неподвижности, если внешние силы тому не помешают и не бросят его в противоположную крайность, в которой он вновь может быть иммобилизирован.

Во всяком случае, в силу законов инерции всякие перемены совершаются очень медленно и дают возможность возврата. Движение становится постоянным и даже ускоряющимся лишь тогда, когда силы, его обусловившие, не только постоянны, но и увеличиваются.

В общем, филонеизм как причина прогресса одерживает иногда верх над законом инерции, по крайней мере в белой расе и у многих желтых народов, но он никогда не бывает результатом естественных, внутренних стремлений человека, а всегда обусловливается силами внешними, физическими, социальными (сумасшедшие, голод, завоевания), историческими и про-

чими, которые, собственно, и побеждают инерцию. Он есть, следовательно, равнодействующая маленьких и незаметных влияний житейской обстановки человека совместно с влияниями более крупными — воздействием обстановки физической, так же как работой гениев и сумасшедших, хотя последняя и является иногда бесплодной в данное время. Мы видим только эффект этой равнодействующей, так как без телескопа истории и социологии не можем различить тех маленьких сил, из которых она слагалась в течение долгого времени. Точно так же мы, глядя на Сириус, не можем себе представить, чтобы лучам его понадобились века, чтобы дойти до нашего глаза, а глядя на громадные коралловые острова, с трудом верим, что они построены миллиардами маленьких зоофитов, целые тысячелетия работавшими над этой постройкой.

И пусть никто не говорит, что филонеизм и прогресс представляют собой реакцию, пропорциональную акции мизонеизма, напоминающую колебания маятника.

Маятник не двигался бы, если б его не толкали, и даже самые маленькие его колебания происходят все-таки от внешних толчков, хотя бы незаметных.

Закон инерции всюду постоянен, так что всякое движение продолжалось бы вечно, если бы ему не мешало трение.

Мячик летает и прыгает, но только тогда, когда его двинула внешняя сила, и если бы он не встречал препятствий и не испытывал трения о воздух, то летал бы вечно. Инерция есть общий закон, и перемены, производимые внешними силами, менее общими, менее постоянными и настойчивыми, касаются больше внешности, чем сути вещей.

Перемены эти, однако же, производимые внешними силами и совершающиеся очень медленно, замечаются не только в среде людей и животных, но даже в мире неорганическом. Так, соли меди и кальция при некоторых условиях обстановки и перемен температуры меняют цвет, не изменяясь, однако же, в молекулярном строении и продолжая давать обычные химические реакции.

IV

Революции и бунты.
Обоснование понятия политических преступлений

Если, следовательно, органический и нравственный прогресс должен идти весьма медленно в силу естественных толчков, производимых внешними и внутренними обстоятельствами, и если человек и человеческое общество являются консервативными по инстинкту, то слишком произвольные, внезапные и резкие усилия для того, чтобы ускорить его, должны считаться нефизиологичными. Будучи юридически необходимыми для угнетенного

меньшинства, эти усилия все-таки антисоциальны, а потому и преступны. В большей части случаев даже бесполезно преступны, так как возбуждают мизонеистическую реакцию, которая, опираясь на основные свойства человеческой натуры, оказывается более сильной и идет дальше, чем предшествовавшая ей акция. Всякое прогрессивное движение, для того чтобы упрочиться, должно идти медленным шагом, а иначе оно будет не только бесполезным, а прямо вредным.

Люди, стремящиеся навязать обществу политическое нововведение резко, без особой надобности и наперекор традициям, будят мизонеизм и вызывают реакцию, оправдывающую приложение к ним закона о возмездии.

1) *Революции и беспорядки.* Вот тут-то и проявляется разница между революциями собственно так называемыми — процессом медленным, подготовленным обстоятельствами, неизбежным, слегка ускоряемым разве только гениальными невропатами или историческими случайностями, — и бунтом, восстанием, которое всегда бывает внезапным, искусственным, подогретым, а потому уже в зародыше обреченным на верную смерть.

В истории революция есть синоним эволюции. Раз государственный строй данного народа, религиозная система или научная теория перестали удовлетворять новым условиям существования, они *должны* измениться с *наименьшим* трением и *наибольшими* результатами. Поэтому-то заговоры и бунты, сопровождающие революцию, — если уж без них нельзя обойтись, — бывают обыкновенно едва заметны и следы их быстро изглаживаются. Это не что иное, как проклевывание яичной скорлупы цыпленком, достаточно созревшим. Главным отличительным признаком настоящей революции является, стало быть, успех, наступающий рано или поздно, смотря по тому, насколько созрел цыпленок, насколько перемена для народа необходима.

Другой отличительный признак революции есть медленное и постепенное развитие, служащее залогом успеха, так как тогда она легко переносится и совершается без особых толчков, хотя обусловливает иногда некоторое насилие сторонников старого порядка, которые всегда будут в силу мизонеизма и универсальности закона инерции.

Затем, революции всегда бывают более или менее распространены, общи целому народу, тогда как бунт есть дело отдельных партий, каст или индивидуумов. В первых принимают участие все классы народа, и высшие в особенности (если только революция направлена не против них, конечно); в последних высшие классы почти никогда участия не принимают. Правда, что благодаря мизонеизму инициатором общего движения всегда является небольшая кучка или партия — но партия, которая чует, предчувствует скрытое напряжение, разлитое в массах.

Такие чуткие души, пионеры революции, размножаются прямо пропорционально времени (в продолжение целых веков иногда) и приобретают сторонников даже в среде противной партии.

Социальный порядок, так же как и порядок органический, устраивается путем медленных и мелких усилий.

Идеи Иисуса Христа и Будды, подготовленные в течение веков другими, менее счастливыми гениями, терпят поражение у народов, среди которых возникли, и побеждают в других местах. Но победа эта дается им после трехвековых усилий, употребленных адептами для распространения соответствующих учений в среде самых низких и неинтеллигентных слоев народа, притом не путем насилия, а путем благости и убеждения.

Плебеи 250 лет боролись в Риме за свободу, постоянно встречая от сенаторов один и тот же ответ: «Ваши предложения слишком новы», так что свобода была дана одним из них и взята другими лишь для того, чтобы быть сейчас же потерянной — сначала в анархии, а потом в диктатуре и империи.

Апостолов у Иисуса Христа было только двенадцать, но 150 лет спустя в одном только Риме, в катакомбах, оказалось 737 христианских гробниц, и Ренан высчитал, что ко времени Коммода в Риме было 33 тысячи христиан.

Известно, что сам апостол Павел был сначала ожесточенным врагом Христа.

Перед 1789 годом Робеспьер считался конституционалистом и даже роялистом.

Английская революция до того времени, когда Карл I задумал арестовать четырех членов парламента, была антиреспубликанской, даже строго роялистской, но революционные идеи гнездились в умах народа, и самые усердные сторонники короля, не будучи слепы, первые ворчали против него после вышеупомянутой деспотической попытки.

Бунты вспыхивают обыкновенно из-за пустяков[1], под влиянием алкоголя, подражания, а чаще всего — климатических условий, как это я покажу далее, и прекращаются тем скорее, чем более бурно начались. Не опираясь на возвышенные идеалы, они или не достигают никакой цели, или приводят к результатам, противным общему благу. Они очень часты у народов остальных (например, на Санто-Доминго, в маленьких средневековых республиках и в Южной Америке), а также среди необразованных классов народа и лиц слабейшего пола. Преступники участвуют в них гораздо чаще, чем честные люди.

Революции, напротив того, очень редки, никогда не совершаются у народов отсталых и всегда возникают по важным причинам и из-за возвышенных идеалов. Страстные люди, то есть преступники по страсти, и гении принимают в них участие чаще, чем преступники обыкновенные.

«Великие народные помрачения, — пишет Бонфадини, — те, которые оставляют за собой неизгладимые следы, суть почти всегда результаты причин

[1] Саккетти сообщает, что в 1354 году в Тоскане чуть не вспыхнул бунт из-за того, что осел Альбицци толкнул Риччи, который ударил за это бичом погонщика.

нравственных, хотя бы предлогами для них и служили чисто экономические мотивы. Народы легко выносят даже крупные неудобства в практической жизни, если чувствуют, что душа их свободна. Но если они чувствуют, напротив того, что свобода эта стеснена, то редко выносят даже экономическое благосостояние, даваемое им умелым правительством взамен свободы воли».

Французская революция началась ропотом против хлебной монополии, а между тем первый акт насилия, совершенный народом, был направлен не против булочников, а против Бастилии. Восстание англичан против Стюартов началось отказом Хэмпдена платить налоги, а между тем Карла I судили за презрение к правам и вольностям народа.

Дело в том, что настоящие революции — такие, которые дают результат, — всегда начинаются и проводятся мыслящими классами народа.

Глубокие и прочные изменения государственного строя создаются не руками, а идеями. Когда двигаются одни только руки, то происходит не революция, а бунт, героем которого является Мазаниелло, а не Кромвель и не Кавур.

Из этого следует, что если бунты кончаются со смертью вожаков, то революции, напротив того, получают от таких смертей новый толчок, и если вначале они не блещут успехами, то кончают обыкновенно полной победой, в противоположность бунтам, которые только в самом начале и кажутся победоносными.

Так бывает даже при столкновениях слабых народов с сильными, как в Греции, Голландии, в Милане в 1848 году и в предприятии Гарибальди.

Если сначала эти революции казались неудавшимися, то зато они послужили началом медленного брожения, давшего им в конце концов победу. Так народная партия в Риме, задавленная Суллой, восторжествовала при Цезаре; так во Флоренции побежденные Чиомпи добились победы при Медичи. В новейшее время революционные движения 1848 и 1849 годов в Венгрии и Италии, сначала жестоким образом усмиренные, привели к завоеванию этими нациями политической независимости.

Все это объясняется тем, что революции возникают лишь на почве совершенно подготовленной, от толчка, производимого гениями или мономанами, благодаря оригинальности и остроте их разума, а также меньшему мизонеизму, предчувствующими потребности, которые впоследствии будут ясно осознаны всеми. Вначале мизонеистическое большинство бывает неспособно разделять взгляды этих людей, но позднее, когда их предчувствия оправдываются, оно уже смело идет за ними, представляя собой громадную силу. Достижению результатов начинает помогать тогда и реакция, возбужденная их страданиями и несправедливостью, им оказанной. Доказательство всему этому можно видеть в примерах Лютера, Текени, Мадзини, Гарибальди и прочих.

Но если почва не подготовлена как следует и масса публики далеко отстала от провозвестника новых идей, то его не слушают, сторонниками его

являются только фанатики, преступники и сумасшедшие, вместо революции выходит бунт, вместо здорового движения — судорога, служащая доказательством болезненного состояния общества.

Вот почему, как мы увидим, бунты чаще возникают в странах жарких или лежащих на большой высоте, где меньшее атмосферное давление вызывает аноксиэмию, тогда как революции чаще случаются в умеренном климате. Не надо забывать, что евреи, например, переходя из теплых стран в холодные, становятся почти совсем арийцами, между тем как чистые арийцы — вандалы, например, переходя из умеренных стран в Африку, претерпевают обратное развитие.

Вот почему также есть страны, в которых никогда не было настоящей революции, в которых религия постоянно остается католической, браминской или фетишистской, а правительство — личным и деспотическим, даже в так называемых республиках. Между тем в Англии, в Северной Америке, в Германии, где были настоящие революции, почти нет бунтов.

В общем, революции суть явления физиологические, а бунты — патологические. Поэтому первые никогда не могут считаться преступными, так как освящаются и поддерживаются общественным мнением, а последние, наоборот, почти всегда бывают если не преступлением, то чем-то эквивалентным последнему.

2) *Нечто среднее.* Бывают, однако же, случаи, представляющие собой нечто среднее между бунтом и революцией. Таковы суть перевороты, вызванные справедливой причиной, притом не личной, а общей, но начатые слишком преждевременно, как, например, перестройка России Петром Великим, движения, созданные Помбалом — в Португалии, Колой ди Риенци и Мазаниелло — в Италии. Сюда же относятся движения, вышедшие из низших слоев народа, как, например, христианство и буддизм, Жакерия во Франции и прочие, или — из самых высших, как нигилизм и движения 1821 и 1831 годов в Италии. Правда, иногда они одерживают победу, но до тех пор, пока не приспособятся к среде, должны быть рассматриваемы как преступления — конечно, временные только, так как в более или менее далеком будущем будут признаны за героизм.

В самом деле, не будучи продуктом чисто физиологическим, они почти всегда оставляют дело в незаконченном виде и часто попадают в руки настоящих преступников и настоящих сумасшедших.

Лучшим примером движений такого рода я считаю начало Французской революции 1789 года. Она сразу была встречена общим сочувствием, выразившимся в подаче пяти миллионов голосов за Генеральные Штаты, а несколько лет спустя эти 5 миллионов свелись к 700 тысячам, так что при вторжении герцога Брауншвейгского ему можно было противопоставить только 40 тысяч волонтеров. Но в это время власть начала уже переходить в руки сумасшедших и преступников. Вот почему Французская революция отличалась жестокостями и почему она оказалась непрочной.

В таких случаях трудно сказать с первого взгляда, идет ли речь о революции или о простом бунте, а при анализе отдельных характеров не всегда можно отличить революционера от бунтовщика, являющегося преступным, тем более что характеры эти в большинстве случаев оказываются средними, ничем не выдающимися. Только один успех сегодня делает революционером того, кого вчера следовало считать за бунтовщика, а мы не можем принимать в расчет успех при обсуждении антропологических характеров с общей точки зрения.

Помимо этого, самая законная революция не может обойтись без некоторых насилий, хотя и представляющих собой проклеванные скорлупы, но все же очень чувствительных для этой последней. Вот о них-то и нельзя определенно высказаться с первого взгляда. Эта задача может быть решена лишь гораздо позднее, когда насилие будет оправдано всеобщим сочувствием, успехом дела и вполне выяснившимися добрыми намерениями, а для этого нужно время, и много времени.

Французская революция и Сицилийские Вечерни*, например, хотя и были вызваны вполне справедливыми причинами и совершились при участии высших классов народа, но запятнали себя такими неслыханными преступлениями, что этой своей стороной принадлежат к числу наивозмутительнейших бунтов, тем более что и результаты их далеко не соответствовали ожиданиям, не оправдали средств. В самом деле, Сицилия выиграла только то, что заменила анжуйское владычество испанским, а экономические реформы, достигнутые Французской революцией, были сравнительно ничтожны; да их можно было бы добиться, просто продолжая легальное движение, начатое энциклопедистами[1].

По этому поводу Ренан сказал во Французской Академии:

«На революцию надо смотреть как на приступ священной болезни, по выражению древних. Лихорадочное состояние может быть благотворным, если оно служит признаком внутренней работы, но не надо, чтобы оно было продолжительно, чтобы оно повторялось. Революция осуждена бесповоротно, если через сто лет после нее приходится начинать сначала, вновь искать пути и бороться с заговорами да анархией».

---

[1] Сама Декларация прав человека если и могла быть приложена к жизни в то время, когда революция совершилась при помощи монархии, то, попав в руки республики, потеряла всякое значение. Так, среди прав человека значилась свобода религиозной мысли, а конвент при Робеспьере гильотинировал тех, кто не соглашался поклоняться придуманному им Высшему Существу; в Правах содержалась гарантия ненаказуемости иначе, как по суду, а конвент при министре юстиции Дантоне сотнями душил заключенных в тюрьмах; Права дозволяли арестовывать граждан только по приказу судьи, а Конвент арестовывал, прямо в заседании, даже депутатов (жирондистов). В принципах, провозглашенных в 1789 году, значилось уважение к независимости народов, а Директория, по настоянию философа Ларевейе-Лепо, предписала Бонапарту сдать Милан австрийцам.

Как бы то ни было, после всего нами сказанного разница между краткой борьбой, сопровождающей революцию, задолго подготовленную и отвечающую потребностям времени, — с одной стороны, и грубой, насильственной оппозицией общим законам мизонеизма — с другой, становится вполне ясной. А так как эти законы особенно сильно действуют во всем, что касается религии, политики и общественного порядка, то грубое их нарушение в этих пунктах является политическим преступлением, каковым следует называть «всякое насильственное покушение, направленное против политического, религиозного и социального мизонеизма большинства народа, против основанного на нем общественного строя и против лиц, служащих официальными представителями последнего».

Метод. При нашей манере исследования можно избежать всякой путаницы в этом отношении. Так как гениальность представляет собой наивысший пункт, которого достигла эволюция в данное время, то изучение ее натуры и причин дает нам точное понятие об истинном характере и истинных причинах тех великих стадий эволюции, которые называются революциями в отличие от бунтов. Для того чтобы дополнить изложение, мы обратим особенное внимание на личности наших политических мучеников и на французские выборы 1877, 1881 и 1885 годов, которые дадут нам в цифрах картину стремлений и вполне законных действий революции, лишенной всякого преступного характера.

Что касается бунтов и политических убийств, то по отношению к ним наша задача будет легка, потому что мы будем опираться только на факты, совершившиеся на наших глазах, в наше время, причем для решения вопроса, который никогда не был изучен с помощью чисто позитивного метода, мы дадим материалы вполне точные — цифры.

Глава 2. Влияние климата и атмосферных явлений на революции

Исследуя влияние, производимое такими могучими факторами, как климат, пища и почва, на эволюцию рода человеческого, мы прежде всего увидим, что в странах очень жарких, то есть тропических, и полярных революций и бунтов почти не бывает. Этот факт легко объясняется с физиологической точки зрения и согласуется с данными, добытыми нравственной патологией.

1) *Влияние жары на гениальность и революции.* Южные департаменты Франции, за исключением тех, которые лежат около Пиренеев, где распространен зоб и живет иберийская раса, дают большое количество либералов и гениальных людей.

Правда, я еще в своем сочинении «Гениальный человек» цифрами доказал, что гении родятся преимущественно в теплое и жаркое время года, так

как на весну падает *maximum* — 539, на лето и осень — 485, а на зиму — 368. Я доказал там же, что наибольшее количество гениальных людей появляется в странах холмистых, с теплым климатом и вблизи от моря. Великие музыканты тоже особенно многочисленны в жарких странах: из 118 музыкантов 44 родились в Италии, а из них 27 — в Неаполе и Сицилии. Из Неаполя же выходят знаменитые живописцы и скульпторы.

Между тем наибольшее количество либералов на политических выборах в 1877—1881—1885 годах было дано холмистыми и сравнительно холодными местностями. А если еще принять во внимание эволюцию протестантизма и развитие промышленности, то окажется, что наиболее жаркие страны Европы, дающие наибольшее количество бунтов (Греция, Испания, Италия, даже Франция), и в этом отношении далеко уступают странам северным и холодным (Англия, Германия, Голландия), в которых эволюция идет гигантскими шагами. Равным образом и в Америке Северные Штаты далеко ушли вперед от Южных, а те и другие вместе — от южноамериканских республик по пути прогресса.

2) *Чрезмерный жар*. Бокль замечает, что в странах очень жарких, где благодаря обилию пищи распределение богатств, а стало быть, и общественной власти очень неравномерно, народ постоянно остается в угнетенном положении. В его летописях не встречается ни борьбы классов, ни восстаний, ни крупных заговоров, и если бывали какие-нибудь перемены, то страна в них участия не принимала.

Вообще, если у жителей жарких стран нет недостатка в инициативе, то у них не хватает выдержки, настойчивости. Когда человек ест плохо, а переваривает еще хуже, то он поневоле бывает расположен к инерции, к вошедшему в пословицу *far niente* (сладостному безделью), к йоге индусов, к фиваидскому аскетизму*; чувствительность его обострена, организм созревает преждевременно, идеи и страсти не уравновешены — детское тело с мозгом и страстями взрослого человека. Инерция — необходимый результат действия чрезмерного жара, обусловливающего постоянную слабость, делает организм склонным к судороге, к внезапным взрывам, способствует наклонности как к ленивому созерцанию, так и к преувеличенным увлечениям, а следовательно, к религиозному фанатизму и деспотизму. Вот почему мистические, суеверные идеи зарождались в Египте, Индии, Месопотамии и оттуда расходились по всему миру. Вот почему в жарких странах безудержный разврат чередуется с аскетизмом, а наиболее деспотический абсолютизм — с полнейшей анархией. Вот откуда взялись великие цивилизации, громадные империи, сложные религиозные системы, растущие под раскаленными лучами тропического солнца, как гигантские грибы, и как грибы же лопающиеся для того, чтобы дать место менее скороспелым, медленнее растущим, но более сильным и прочным концепциям народов умеренного климата и жителей гор — норманнов, германцев, македонян, персов, афганцев, а у нас в Италии — пьемонтцев.

То же самое замечается и в Новом Свете: деспотические империи — Мексика, Перу — группируются около экватора, тогда как более свободные народы живут в странах умеренных, в Канаде, Аргентине и прочих.

3) *Холод.* В странах очень холодных, напротив того, где борьба за существование ожесточеннее ввиду трудности добывать себе пищу, одежду и топливо, там все гораздо устойчивее. Чрезмерный холод успокаивает воображение, замедляет мышление и делает его менее изменчивым, а вместе с тем жители холодных стран, поглощая огромные количества углеводов для того, чтобы уравновесить потерю тепла, принуждены тратить жизненную энергию на переваривание пищи в ущерб той ее доле, которая должна идти на жизнь индивидуальную и общественную. Так, эскимосы потребляют до десяти килограммов жира в день, и все-таки чрезмерный холод задерживает развитие их тела и духа.

Во всяком случае, жар, даже чрезмерный, менее неблаготворно действует на ум, чем чрезмерный холод. Юг Китая, Индия, Камбоджа, Перу, Сицилия, Великая Греция, Египет были древнейшими колыбелями цивилизации — потому ли, что жар прямо обусловливает быстрейшее развитие духа и тела, или потому, что он влияет на них косвенно, обусловливая большее плодородие почвы. В самом деле, благодаря обилию пищи и меньшей потребности в одежде и топливе борьба за существование в жарких странах сводится к минимуму, так что человек там может легче и скорее достигать высших форм социальной жизни и приходить к высшим религиозным абстракциям. Между тем в странах холодных великие религиозные и эстетические идеи находят немногих последователей и еще меньше инициаторов. В Гренландии не было никакой религии, а у эскимосов никогда не было эпоса. Ливингстон нашел, что религиозные идеи у африканских дикарей развиваются по мере приближения от мыса Доброй Надежды к экватору.

Доктор Принк говорит, что некоторые племена эскимосов отличаются величайшим спокойствием и миролюбием; у них нет слов для обозначения ора, спора или ссоры — самая сильная реакция против обиды состоит в молчании.

Лари заметил, что под влиянием русских морозов те самые солдаты великой армии, которых до того не могли поколебать ни голод, ни раны, ни опасности, становились трусами.

Бовэ рассказывает, что у чиуков при 40° мороза никогда не бывает ни слез, ни насилий, ни преступлений; вполне апатичные, они с живут в постоянном ладу друг с другом.

Смелый путешественник по полярным странам Прейер замечал, что при 40° воля его была парализована, речь затруднена и чувства отупели.

4) *Умеренное тепло.* Все это относится, однако же, к странам чрезмерного жара или холода, так как и климат умеренный, особенно если он в то же время и сухой, оказывается благоприятным для социального и политичес-

кого развития по причинам весьма понятным, то есть потому, что он содействует большему развитие энергии и мускулов, а вместе с тем облегчает общение и борьбу за существование.

«Первенство, — пишет Сенека, — всегда принадлежат народам, живущим в мягком климате».

Влияние умеренной температуры подтверждается наблюдениями над психологией южных народов, склонных ко лжи, непостоянству и преобладанию индивидуума над обществом и государством. Это зависит частью от того, что тепло содействует развитию великих индивидуальностей и уменьшает житейские нужды, но главным образом от того, что оно раздражает нервные центры, наподобие алкоголя и наркотических веществ, но с той разницей, что никогда не вызывает полной инерции, как эти последние.

А. Доде написал целый роман («Нума Руместан») для того, чтобы выставить влияние южного климата на нравственные наклонности. «Южанин, — говорит он, — не нуждается в вине, потому что пьян от рождения: солнце и ветер льют в него крепкий напиток, влияние которого сказывается на всех, рожденных на юге. Одни из них хмельны лишь слегка, в той степени, которая развязывает язык и жесты, делает смелым, заставляет лгать, а другие доходят до буйного бреда. И какой же южанин не испытывал по временам той прострации, которая свойственна пьяному человеку, того расслабления, которое неизменно следует за припадками гнева или энтузиазма?»

Туриелло пишет: «На юге страсти быстрее сменяют друг друга, чем на севере. Там большая часть преступлений совершается экспромтом из-за любви, по страху, из-за гнева, а стало быть, против личностей; между тем как на севере преступления почти всегда бывают обдуманными. Отсутствие узды причиняет на юге бедствия острые (разбойничество), а на севере длительные (секты, заговоры).

Другая особенность южанина состоит в том, что он крайне индивидуален и не способен входить в состав корпорации, посему последние быстро распадаются; будучи обусловлено крупными индивидуальными достоинствами, все это приводит, однако же, к полному общественному бессилию».

Фучини считает непостоянство характерной чертой южан: «Они ленивы и трудолюбивы, воздержны и пьяницы; их наука граничит с суеверием. Солнце снабжает их платьем, лекарствами, дезинфицирующими средствами».

Глава 3. Влияние климата и атмосферных явлений на бунты и восстания

Раз мы психологически определили характер южан, то без труда поймем, что бунты у них должны случаться часто и по ничтожным поводам.

1) *Время года*. Для того чтобы доказать могучее влияние тепла на народные восстания, я мог бы сослаться на выведенные уже мной отношения

между бунтами и временами года, которые показывают, что в общем теплые и жаркие месяцы дают высшие цифры как для восстания, так и для политических преступлений. Но так как старые мои работы благодаря трудности самостоятельного собирания однородного материала дали повод к справедливой критике, то теперь я обращусь уже к материалам вполне достоверным, официальным, то есть для нашего времени — к «Готскому Альманаху» 1791—1880 годов, а для древних и Средних веков — к источникам, известным своею точностью.

Суммированные результаты наших изысканий представлены для более удобного обозрения в графиках (см. ниже).

В древние времена, как это можно видеть на графиках, максимум бунтов падает на июль (19 из 115), а минимум (2) — на ноябрь. Но данные для Древней Греции не сходятся с теми, которые мы имеем для Рима и Византии. В самом деле, для первой максимум падает на июль (9 из 27), причем в октябре и ноябре не было ни одного бунта, а для последних двух из 88 бунтов 11 было в апреле и по 10 в марте, июне, июле и августе.

Как бы то ни было, тот факт, что бунты чаще бывают в теплые месяцы, чем в холодные, и в весенние, чем в осенние, не может подлежать сомнению. Если считать по сезонам, то этот факт выступит еще ярче. Так, для древних времен мы имеем:

	Рим и Византия	Греция	Всего
Весна	26	5	31
Лето	30	14	44
Осень	16	4	20
Зима	16	4	20

Преобладание лета не может быть объяснено в данном случае никакими другими обстоятельствами, даже тем, что выборы падали иногда на последние дни июля, потому что выборы эти в Риме назначались только для избрания незначительных общественных деятелей, а большая часть крупных избиралась одновременно с консулами в *Dies solemnis*. Этот день сначала назначался разновременно, но в 154 году до Р. Х. он был установлен на 1 января, так что и *imporium* — вступление в должность консулов и преторов — совершалось лишь 1 марта, для того чтобы кончиться к 1 марта следующего года. «1 января, — пишет Виллемс, — было днем выборов всех должностных лиц, за исключением квесторов, которые избирались 5 декабря, и народных трибунов, избиравшихся 10 декабря». С тех пор электоральные комиции собирались обыкновенно в августе.

Этим мы могли бы объяснить до некоторой степени увеличение количества бунтов в июле, в январе и марте, но, уж конечно, не в августе, июне или апреле. С другой стороны, как справедливо замечает Виллемс, электоральные комиции хотя и были установлены на определенное время года, но они

могли быть отменены Сенатом и даже, по религиозным причинам, коллегией авгуров. Поэтому они часто собирались в разное время.

Если мы теперь сравним количество бунтов по временам года в древнем мире, с тем же количеством их в Средние века и в наше время, то будем поражены полной параллельностью распределения. Повсюду мы найдем, во-первых, постоянное понижение кривой от января к февралю и повышение — от февраля к марту; во-вторых — постоянное повышение от июня к июлю и понижение от июля к августу; наконец, в октябре и ноябре повсюду будем иметь максимальное понижение. За исключением 1550–1790 годов, в декабре число бунтов всегда было меньше, чем в январе.

В Средние века наибольшее количество бунтов падает тоже на лето, но тогда как для Тосканы максимум имеет место в июле (6 из 46), для других местностей он падает на июнь (6 из 30). Кроме того, в Тоскане, в противоположность общему правилу, на осень падает больше бунтов, чем на весну. Поэтому-то в общем Средние века дают большее число бунтов осенью, чем в другие времена года, за исключением лета, как это видно из следующих цифр:

	Тоскана (1248–1379 гг.)	Другие области (1500–1550 гг.)	Всего
Весна	6	8	14
Лето	15	13	28
Осень	14	4	18
Зима	11	5	16

На исключение, представляемое Тосканой, влияли, конечно, политические и социальные причины, среди которых надо в известной степени иметь в виду выборы на различные общественные должности. К 1 декабря (1328 год) выбирали 12 *правителей*; в ноябре (1334–1335–1336 годов) назначали *капитанов свободы*. В 1446–1447 годы приоры вступали в должность в январе, когда было в обычае выбирать всех должностных лиц общин.

Из 31 бунта в Европе (1500–1791 годы) большая часть падает на первые месяцы: максимум (6) — на май и июль. По отношению ко временам года они распределяются так: весна — 10, лето — 14, осень — 3, зима — 4.

Но так как на это нам могли бы возразить, что по отношению к Средним векам наши сведения слишком недостаточны и отрывочны, потому что бунтов тогда было очень много — Феррари насчитывает их 7224, в среднем по 45 на каждый город, — то мы обратимся к официальному источнику, «Готскому Альманаху», по крайней мере за сравнительно короткий период 1791–1880 годов. В течение этого периода было 836 бунтов, которые распределялись так:

Европа	495
Америка	283
Азия	33
Африка	20
Океания	5

Что касается Азии и Африки, то мы ограничимся замечанием, что большая часть тамошних бунтов произошла в июле (13 из 53).

В Европе и Америке максимум количества бунтов неоспоримо падает на жаркие месяцы: в Европе — на июль, а в Южной Америке — на январь, который там по температуре соответствует нашему июлю. Минимум в Европе падает на ноябрь и декабрь, а в Америке на май и июнь.

Надо отметить, однако же, особенный подъем кривой для Америки — на июль и для Европы — на март.

Июльский подъем в Америке, по крайней мере для испанских республик, за последние пятнадцать лет, то есть за время господства пара и телеграфа, можно объяснить распространением современных испанских и португальских волнений. Июльскому восстанию в Лиме, например, в 1838 году предшествовало португальское восстание в июне; июльским восстаниям на Кубе и в Боготе 1851 года — майское восстание в Португалии; июльскому восстанию в Мексике в 1840 году — испанское восстание в том же месяце, точно так же, как и уругвайскому восстанию в июле 1869 года.

Что касается марта месяца, то мы впоследствии укажем атмосферные причины, обусловливающие подъем, который на него падает в Европе.

В конце концов, каждая нация и каждая эпоха имеют свою специальную хронологию бунтов, с подъемом кривой в иные из жарких месяцев преимущественно перед другими. В самом деле, разделив бунты в Америке и в Европе на два равных периода: 1791—1835 годов и 1835—1880 годов, мы увидим разное распределение их по месяцам. Во втором периоде в Америке учащаются бунты в январе, мае, июле и ноябре, а в Европе — в июне и октябре. Декабрь, напротив, дает сильное понижение для Америки, так же как март, апрель, ноябрь и декабрь для Европы. Вот почему в Америке протестантские движения во втором периоде чаще бывали в жаркие месяцы, а в Европе реже в начале (ноябрь, декабрь) и конце (март, апрель) холодов.

Что касается времен года, то, памятуя, что в Южной Америке январь соответствует нашему июлю, февраль — августу и т. д., мы будем иметь:

	Америка	Европа
Весна	76	142
Лето	92	167
Осень	54	94
Зима	61	92

Из чего видно, что лето в обоих полушариях занимает первое место; затем — весна, по отношению к бунтам и политическим преступлениям, всегда берет верх над осенью и зимой, отчасти ввиду наступления жары, а отчасти, может быть, благодаря недостатку жизненных припасов. Осень и зима мало отличаются друг от друга.

Если мы перейдем к отдельным нациям, населяющим Европу, то увидим, что на жаркие месяцы, за немногими исключениями, падает еще большее сравнительно количество бунтов. Но преобладание июля не так уже сильно выражено именно благодаря отдельной для каждого народа хронологии, о которой мы упомянули выше. Июль преобладает в Италии, Испании, Португалии и Франции; август — в Германии, Турции, Англии и Шотландии; март — в Греции, Ирландии, Швеции, Норвегии и Дании; январь — в Швейцарии, сентябрь — в Бельгии и Голландии; апрель — в России и Польше; наконец, май — в Боснии, Герцеговине, Сербии и Болгарии. Следовательно, влияние теплых месяцев сильнее выражено в южных странах, чем в северных.

Группируя данные по временам года, мы найдем, что для девяти народов, в том числе для всех южных, большинство бунтов падает на лето; для пяти, преимущественно северных, — на весну; для одного (Австро-Венгрия) — на осень и для одного (Швейцария) — на зиму. Затем мы видим, что у пяти наций (преимущественно южных) зима богаче осени бунтами, у восьми наоборот, а в трех случаях получились равные числа.

Точно так же из 47 знаменитых покушений на жизнь монархов и глав государств, совершившихся в XIX веке, большинство падает на жаркие месяцы:

В январе	1	В июле	9
В феврале	5	В августе	3
В марте	4	В сентябре	1
В апреле	7	В октябре	3
В мае	4	В ноябре	1
В июне	5	В декабре	7

А группируя их по временам года, получим:

зимой — 14, весной — 15, летом — 14, осенью — 5.

2) *Времена года, социальные причины и прочее.* Распределив 142 бунта, имевших место в Европе в течение XIX столетия, по их производящим причинам, по районам распространения и временам года, мы увидели, до какой степени влияния термические и географические преобладают над прочими, то есть социальными и экономическими, которые, однако же, растут с каждым годом, как это доказал Лерио.

Восстания по политическим причинам дают максимум зимой на юге Европы; военные бунты — летом и тоже на юге; рабочие, так же как эконо-

мические, — весной в центре; религиозные — летом и тоже в центре; и все это с сохранением почти только параллелизма между временем и местом. Можно заметить также, что восстания рабочих из-за голода чаще случаются летом, несмотря на то что в это время и нужды не так велики, и пропитание становится дешевле.

Во всем этом ясно видно преобладание термических причин, хотя не исключительное. Для массовых политических преступлений это еще можно было бы объяснить при помощи предположения Спенсера, что хорошая погода благоприятствует народным собраниям на чистом воздухе, тогда как плохая поневоле заставляет сидеть дома, в семье.

3) *География политических преступлений.* В географическом распределении бунтов и восстаний по Европе в течение 1791–1880 годов мы имеем новое доказательство термического влияния.

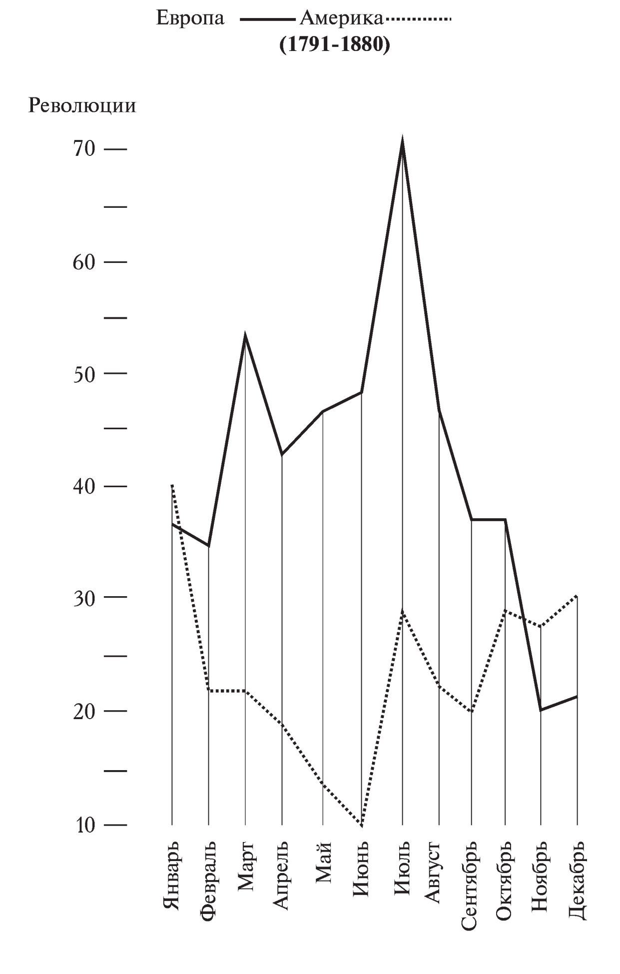
Мы видим, что число их растет по направлению от севера к югу, то есть параллельно температуре. В самом деле, Греция дает максимум бунтов — 95 на 10 миллионов жителей, а Россия минимум — 0,8. Вообще, наименьшие цифры получились для северных стран: Англии, Шотландии, Германии, Польши, Норвегии и Дании, тогда как наибольшие — для южных: Португалии, Испании, Европейской Турции, Южной и Средней Италии. Центральные области дают как раз и средние цифры.

В общем, оказывается на 10 миллионов обывателей в Северной Европе — 12 бунтов, в Центральной — 25, в Южной — 56.

Есть, правда, два исключения: Швейцария и Ирландия, дающие количество бунтов в обратном отношении к их географическому положению. Но в Швейцарии это должно зависть от множественности кантональных правительств и от частых изменений конституции. В самом деле, с 1830 по 1879 год там было 115 пересмотров кантональных конституций и 3 — федеральной; с 1830 по 1869 год — 27 пересмотров ради перемены аристократического правления на демократическое; с 1862 по 1866 год — 66 пересмотров ради перехода к правлению народному, плебисцитарному. А что касается Ирландии, то там причиной частых бунтов является печальное политическое и социальное положение, не оставляющее ирландцам, по словам Тарда, никакого выхода, кроме бунтов, эмиграции и самоубийства. Еще Гладстон доказал, насколько необходимы радикальные реформы для излечения этнологических, социальных и экономических язв Ирландии. Нигилистические манифестации в России также показывают, что когда социальные вопросы выступают на первый план, они могут маскировать влияние климата, которое, однако же, позже вновь восстанавливается.

Кроме того, следует помнить, что климат Ирландии значительно смягчается Гольфстримом, так что по средней температуре своей зимы (+5°) она стоит на одной изохимене с Бретанью, югом Франции, Северо-Апеннинским округом Италии и Далмацией. Между прочим, число самоубийств в ней такое же, как и в этой последней.

4) *Уголовные преступления против личностей и прочее.* Влияние температуры подтверждается и на других нравственных явлениях, тесно связанных с бунтами, например на уголовных преступлениях против личности.

Революции в Европе и Америке по месяцам
(1791—1880)

В самом деле, мы видели, что в Италии, например, в северных округах приходится 27 бунтов на 10 миллионов жителей, в центральных — 32 и в южных — 33. Но точно так же в ней распределяются и преступления против личностей, насилия, буйства и прочие, как это видно из следующей таблицы:

	Преступления против личности	Буйства (неполитические бунты)
Северные округа	1 на 5179	1 на 6493
Центральные округа	1 на 2129	1 на 4132
Южные округа	1 на 849	1 на 3239
Островные округа	1 на 738	1 на 3623

Между географическим распространением этих преступлений по Европе и таким же распространением бунтов также существует большое сходство. Так, в самом начале труда Бодио «О движении преступлений в Италии» мы находим, что эта страна вместе с Испанией дает наибольшую цифру осужденных за убийство (9,5; в среднем для Европы — 8,3 на 100 тысяч жителей) и наибольшее число буйств, а наименьшие цифры этих преступлений падают на Англию и Германию (0,5; 1,1).

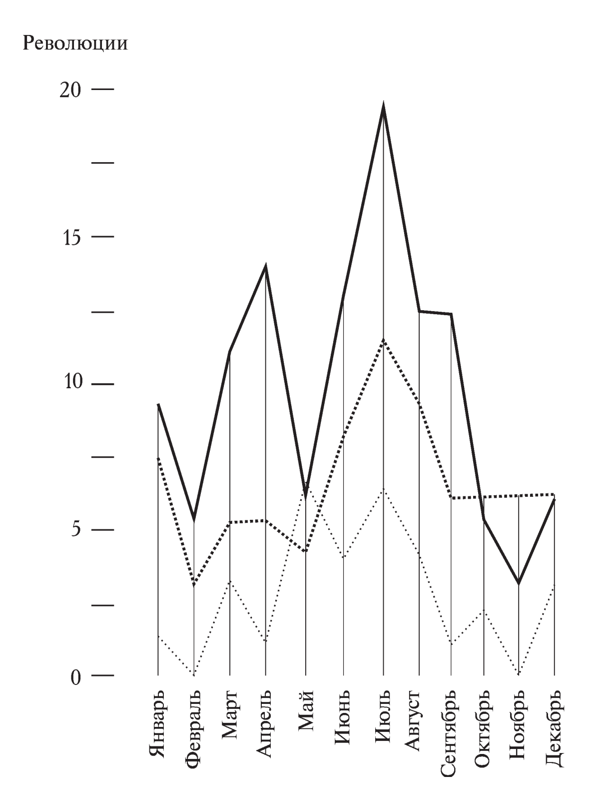
Как во Франции, так и в Италии число убийств растет прямо пропорционально среднегодовой температуре, а потому в южных округах оно выше.

То же можно сказать и о бунтах, согласно статистическим сведениям, собранным Водио для Италии и министерством милости и юстиции для Испании. Распределив число бунтов по градусам широты и отнеся их к числу населения, мы найдем:

	Число преступлений на 100 тысяч населения
Испания	
От 36 до 37 паралл.	Около 14
От 37 до 38 паралл.	Около 12
От 38 до 39 паралл.	Около 9
От 39 до 40 паралл.	Около 8
От 40 до 41 паралл.	Около 11 (Мадрид)
От 41 до 42 паралл.	Около 9 (Барселона, Сарагоса)
От 42 до 43 паралл.	Около 6
От 43 до 44 паралл.	Около 5
От 44 до 45 паралл.	—
От 45 до 46 паралл.	—
От 46 до 47 паралл.	—
Италия	
От 36 до 37 паралл.	—
От 37 до 38 паралл.	Около 96,7
От 38 до 39 паралл.	Около 42,0
От 39 до 40 паралл.	Около 30,6
От 40 до 41 паралл.	Около 37,8 (Неаполь)

От 41 до 42 паралл.	Около 36,8 (Рим)
От 42 до 43 паралл.	Около 32,7
От 43 до 44 паралл.	Около 18,7
От 44 до 45 паралл.	Около 19,8
От 45 до 46 паралл.	Около 19,2
От 46 до 47 паралл.	Около 16,2

Древнее время
Среднее время
Новое время

Распределение революций по месяцам в Европе
(в древности и в Средние века — 550–1550 гг. и в новой истории — 1550–1790 гг.)

Из чего влияние южного климата становится вполне очевидным, если исключить столицы и большие города, нарушающие порядок, обусловленный климатом.

Глава 4. Влияние барометрического давления, геологического строения почвы и высоты над уровнем моря на революции

1) *Давление и колебания барометра.* Влияние других атмосферных явлений менее очевидно, но, во всяком случае, высокие цифры, даваемые мартом — месяцем, особенно богатым барометрическими колебаниями, — так же как сентябрем и октябрем, когда эти колебания все же существуют, хотя и в меньшей степени, доказывают, что и атмосферное давление влияет на политическую атмосферу.

В Древнем Риме почти все знаменитые революции совершались весной, и главным образом в марте месяце. Так, по Макробию, Тарквинии были изгнаны в июньские календы, между тем *Refugium** праздновался в мартовские иды, что заставляет подозревать, что эта дата вернее.

Известно, что те же мартовские иды оказались гибельными для Юлия Цезаря, но все писатели заметили, что они были таковыми и для большинства его преемников. А для византийских императоров, напротив, были гораздо более гибельными июнь и июль.

Рамос Мейха приписывает частое возникновение бунтов в Южной Америке резким изменениям температуры и северным ветрам, сильно возбуждающим нервную систему.

2) *Сухой и влажный климат.* Сухость сильно влияет на социальную эволюцию.

По словам одного наблюдательного англичанина, сухость и электрическое напряжение атмосферы Нью-Йорка, даже в иностранцах возбуждающие усиленную умственную работу, играют немалую роль в развитии так называемых невропатов, поставляющих из своей среды бунтарей, политических убийц и партийных фанатиков.

Бэрд видит доказательство влияния климата в различии между жителем северных штатов — любителем всего нового и жителем Юга, консервативным до такой степени, что с большим трудом принимает даже новые ткани и новые машины, притом потому только, что они новые.

Политические обычаи, погоня за золотом, волнения выборной агитации на Севере — все это суть результаты влияния резких перемен температуры вместе с вполне естественными нуждами вновь устраиваемой страны и пионерской жизни. Быстрое испарение ускоряет там процесс траты веществ и их поглощение в нервной системе. Даже великие ораторы Севера, по Бэрду, суть продукт господствующего там невротизма.

Но в Америке атмосферные влияния усложняются историческими и социальными, а в особенности скоплением миллионов человек на небольшом пространстве — фактор, к которому мы вернемся в свое время. Надо

заметить, что те же условия совмещаются во Франции, где к влиянию переменчивого климата в Париже примешивается влияние лихорадки, производимой концентрацией новых идей со всего мира, притом действующих на такую подвижную расу, какова галльская.

Народы — завоеватели древнего мира — явились из стран засушливых, заключающихся между севером Африки, Аравией, Персией, Тибетом и Монголией. Татарская раса заселила Китай и страны, отделяющие его от Индии, а кроме того, время от времени делала набеги на запад; арийская раса заселила Индию и оттуда распространилась по всей Европе; наконец, семитическая раса заняла север Африки и покорила часть Испании. Принадлежа к разным типам, все они, однако же, явились из сухих стран и покорили страны сравнительно сырые, потому что обладали энергичным характером, который потом вновь настолько теряли, что, в свою очередь, принуждены были уступать народам, приходившим из тех же первичных колыбелей человечества.

Точно так же самые передовые из первичных цивилизаций Америки развивались в районах бездождия, то есть между центральной частью и Мексикой, а также в Перу, где встречаются следы цивилизации, предшествовавшей инкам.

Но наиболее точное подтверждение наших взглядов мы можем почерпнуть из анализа орографии департаментов Франции (по Реклю) в связи с распределением в них гениальности за последний век (по Якоби) и с результатами всеобщей подачи голосов в 1877–1881–1885 годах[1]. Это голосование дает нам громадные цифры, представляющие собой точную фотографию политической мысли, господствующей в каждом данном районе. Обилие данных избавляет нас от необходимости принимать во внимание выборные подкупы, внешнее давление и прочее.

3) *Горы и холмы.* Уже при изучении гениальности нас поразил тот факт, что горы благоприятствуют ее развитию, так же как и развитию республиканских стремлений, что в монархической стране, конечно, должно явиться зачатком революции.

В горных департаментах республиканцев больше, чем в холмистых, а в последних больше, чем на равнинах.

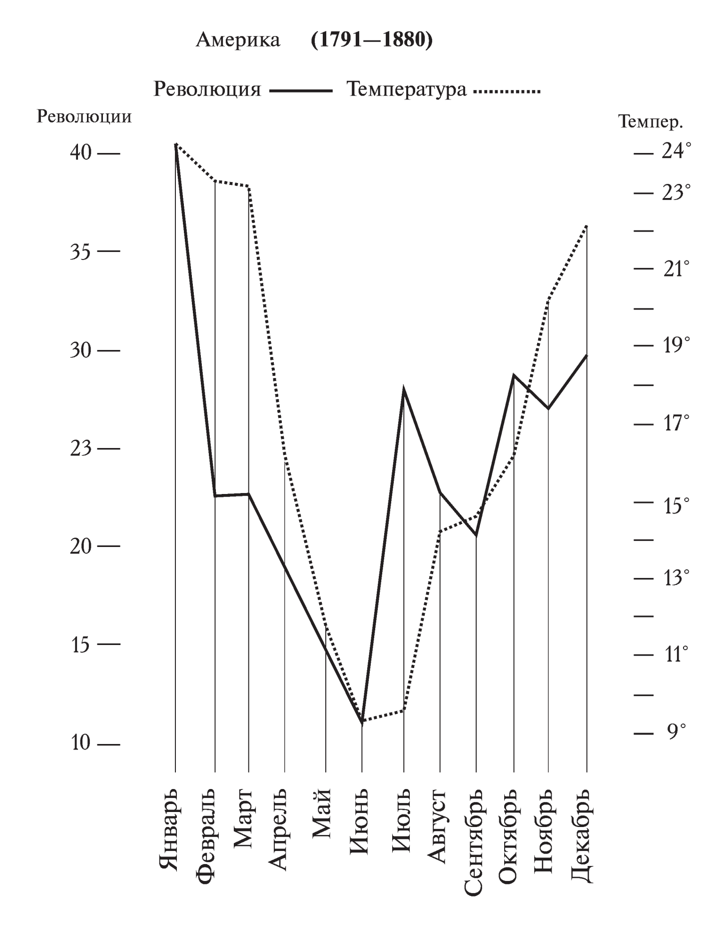
---

[1] Классификация департаментов по преобладающим политическим мнениям установлена нами на следующих основаниях:

а) Все департаменты, дававшие на выборах 1877–1881–1885 годов более 40% монархических голосов, считались монархическими.

б) Департаменты, в которых число монархических голосов было меньше 40% или постоянно уменьшалось, признавались республиканскими.

Ввиду того, что 20% избирателей постоянно уклоняются от подачи голосов, мы приняли за половину последних сорок процентов, а не пятьдесят. Те департаменты, в которых число уклонений от подачи голоса было особенно велико, мы признавали неопределенными.

Революции в Америке по месяцам (1791—1880)

Разница эта еще резче выражается по отношению к гениальности. Горные и холмистые страны дают больше гениальных людей, чем равнины.

4) *Горы.* Надо заметить, однако же, что влияние гор сложнее, чем кажется с первого взгляда. В общем, горец больше способен к эволюции, а житель равнин более консервативен, но в частностях могут быть большие отступления.

Жители гор умеют противостоять завоевателям и возмущаться против гнета; они также более способны господствовать над другими народами, в особенности же над жителями равнин, а потому горы способствуют возникновению восстаний (в смысле законной реакции против чужестранного гнета) и еще более бунтов, чему содействует орографическая неприступность. Примером могут служить курды, клефты, черногорцы, шотландцы, бретонцы, пьемонтцы и прочие, моральная устойчивость и сила которых

получают поддержку в геологическом рельефе родины. Так Спарта всегда была свободна, а ионийцы жили в подчинении; так население Тибета энергично борется с китайцами; так трезвые, честные и смелые афганцы, в особенности юзуфузские горцы, сумели сохранить свою независимость, живя рядом со слабыми и беспечными индусами. По Геродоту, Кир не позволял своим персам уходить из родных гор, придававших им особую энергию.

Можно прямо сказать, что главными защитниками свободы и последним оплотом против рабства всегда были горцы. Так самниты, лигурийцы и жители Абруццо боролись против Рима; астурийцы — против готов и сарацинов; албанцы, трансильванцы, друзы, марониты, майноты — против турок; горцы кантонов Ури и Унтервальдена — против Австрии и Бургундии. Точно так же во Франции — в Севеннах, и у нас — в Вальтеллине и Пиньероле, несмотря на драгонады и инквизиционные казни, проявились первые попытки завоевать религиозную свободу.

Иллирийцы отстаивали свою независимость от своих соседей, греков, и причиняли много неприятностей македонянам до тех пор, пока окончательно от них не отделались после смерти Александра*.

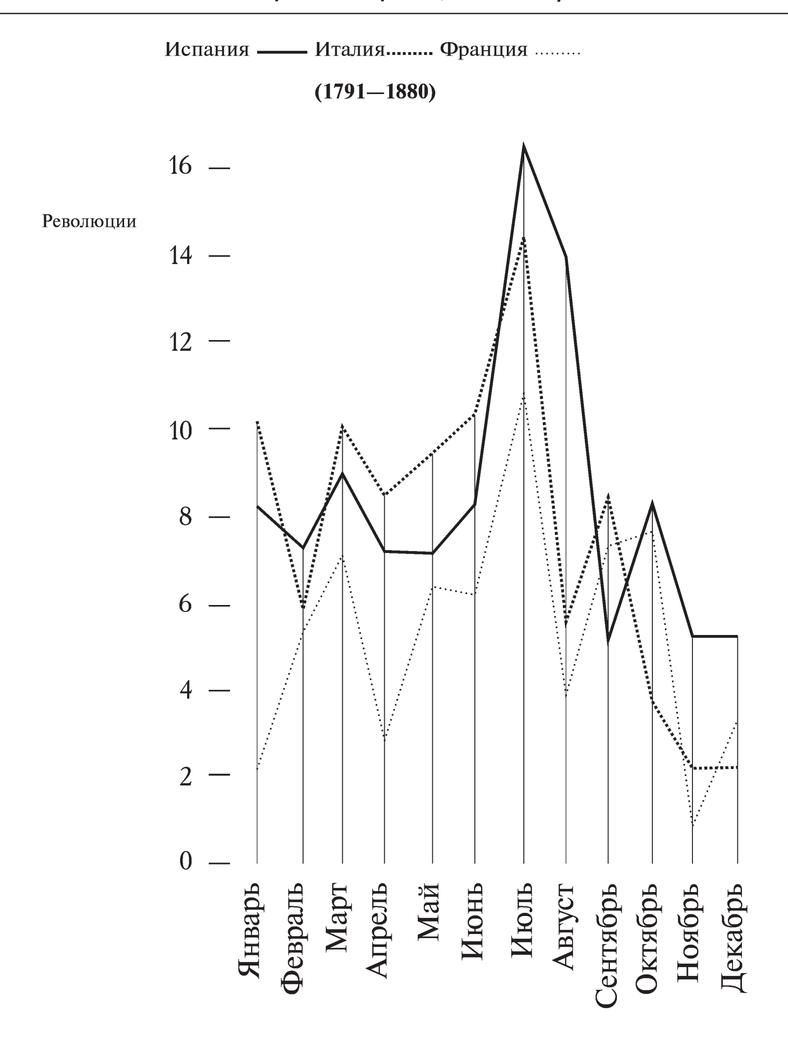
Точно то же происходило в наши времена на Кавказе.

В Англии жителей гористых округов Уэльса весьма трудно было заставить признавать власть центрального правительства. Понадобилось восемь веков для того, чтобы победить противодействие местного населения и подчинить его окончательно. Фенс, пустынный и каменистый «болотный округ» Линкольншира и Кембриджа, древнее убежище разбойников и бунтовщиков, в эпоху норманнского нашествия служило последним оплотом англосаксонского сопротивления; беглецы держались там под защитой скал, делающих эту страну почти неприступной. Точно так же и шотландские хайлэндеры были окончательно подчинены центральному правительству лишь тогда, когда генерал Уэйд провел дороги, открывающие доступ в их дикие убежища.

Вообще, прогрессивные политические идеи развиваются чаще всего в горах. По словам Плутарха, Афины после бунта Килона* разделились на три партии, соответствующие географической конфигурации страны: жители горных областей во что бы то ни стало желали народоправства, жители равнин — олигархии, а жители побережья — смешанного правления.

5) *Очень высокие горы*. Энергия, эволютивная по крайней мере, исчезает, однако же, на очень высоких горах, потому что пониженное атмосферное давление обусловливает слабую оксидацию крови. Здесь мы имеем нечто подобное влиянию температуры: будучи умеренной, она благоприятствует бунтам, а усиленная в крайней степени обусловливает политическую инерцию.

Так, в Мексике жители местностей, лежащих на высоте 2000 метров и более, отличаются вдвое меньшей рождаемостью (3,6%), чем жители равнин (6,50%); они апатичны, бесстрастны и умственно бездеятельны. Рав-

Революции в Испании, Италии и Франции по месяцам (1791—1880)

нинный мексиканец, напротив того, более деятелен, решителен и экспансивен, у него более инициативы и способностей к торговле. Даже горные лошади Мексики отличаются от равнинных — они не могут проскакать 250 метров, не страдая одышкой.

По словам Сэмпера, жители Анд — маленькие, с круглым лицом, покатым лбом и грубыми, иногда белыми волосами — отличаются спокойствием, религиозностью, застенчивостью, бесстрастием и неподвижностью; тогда как их соотечественники из областей более низколежащих весьма деятельны, страстны, интеллигентны и склонны к торговле, промышленности и прочему, так как фабрикуют шляпы и ковры.

Шлегинтвейт нашел, что среди обывателей высоких плато Тибета женщин больше, чем мужчин, а детей мало даже по сравнению с количеством браков.

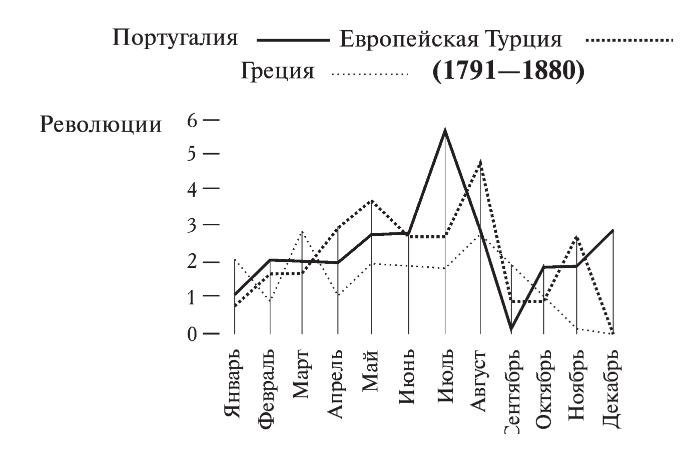
Известный географ и натуралист проф. Маринелли, ездивший по моей просьбе изучать быт населения двух итальянских общин, расположенных на разных высотах, не нашел между ними особенной разницы по отношению к уму и физической силе, но все же обыватели высшей точки над уровнем моря оказались более склонными к малокровию и кровотечениям. Сравнивая население *Sauris di sopra*, расположенного на высоте 1390 м, с населением *Sauris di sotto* (1220 м), он заметил, что в первом жители более сварливы, но менее расположены к половой жизни и более апатичны, чем в последнем.

«Всеми давно замечено, — пишет один из наших наиболее наблюдательных писателей, — что жизнь, а стало быть, и функция воспроизведения, при помощи которой она поддерживается, значительно слабеют по мере увеличения высоты над уровнем моря, притом не только в животном царстве, но и в растительном. На тех высотах, где орел вьет свое гнездо, растительность ограничивается одними лишаями; другие животные жить там могут лишь с трудом и совершенно не размножаются; даже зайцы, столь плодовитые, и те там становятся бесплодными. Быки, привезенные испанцами в Боливию, в Пас (3730 м высоты), ради любимой национальной забавы, по словам одного путешественника, становились там трусливыми и безобидными».

Записка, доставленная нам одним ученым наблюдателем, доказывает, что великие цивилизации, перуанская и мексиканская, не противоречат этому закону.

«Я хотел бы, — пишет он, — дать вам объяснение того противоречия, которое вы видите между мнением Журдана и историческим фактом существования на высоте 2280 м двух народов с двумя различными цивилизациями, древней и новой. Древняя цивилизация развилась прежде всего и почти единственно у тольтеков, потом у ацтеков. Есть вполне основательное мнение, что тольтеки пришли с Востока; религия и политическое устройство доказывают их родство с азиатскими народами; они-то и принесли первый луч цивилизации. Ацтеки пришли в долину Мексико или, говоря точнее, в Теночтитланскую лагуну, где построили свою столицу, из Северной Америки, откуда принесли свою религию и организацию. Они победили все другие народы, и в том числе тольтеков, у которых, однако же, не сумели заимствовать того хорошего, что было в их цивилизации. Вот почему тольтекам принадлежит право называться древнейшими пионерами цивилизации этой части Америки. Появление ацтеков есть уже шаг назад.

Таким образом, древние народы Америки, так же как и новейшие, не были аборигенами в своих странах. Я сказал, откуда пришли древние, что же касается новейших, то это были европейцы вообще и испанцы в особенности. Цивилизация, значит, всюду была привозной, и это мне кажется чрез-

Революции в Португалии, Европейской Турции, Греции по месяцам (1791—1880)

вычайно важным для определения ее причин и изучения развития народа по отношению к среде, в которой он живет.

Наконец, одного взгляда на местные расы достаточно для того, чтобы видеть, насколько миролюбивы и склонны к подчинению те из них, которые живут на высоких плато, тогда как расы воинственные, до сих пор воюющие или ежеминутно готовые к восстанию, обитают преимущественно по берегам моря, каковы индейцы из Юкатана, из Гокададжары, с северной границы, из Герреро, из Туантепека или Юхитанеки — народ крупный, красивый, с чисто европейской формой лба, но жестокий и кровожадный.

Достаточно пройтись по улицам и посмотреть, как работают рабочие — на них жалко смотреть, еле-еле двигаются и поминутно отдыхают, точно будто боятся вспотеть.

Мексиканцы не только мало работают, но и гулять не любят. Поэтому-то, может быть, в Мехико — столице страны — нет места для пеших прогулок. Жители города появляются на улицах лишь верхом или в экипаже и только перед заходом солнца. Поэтому-то, несмотря на умеренную температуру и на легкость борьбы за жизнь, они крайне бедны и возмутительно нечистоплотны.

В общем, житель столицы — чрезвычайно апатичен.

Все великие люди Мехико — писатели, ученые, политики — не суть местные уроженцы. Любопытно бы составить им подробный список, вроде того, который имеется относительно шестидесяти самых выдающихся президентов республики; мы увидали бы тогда, что почти все они не суть мексиканцы по происхождению.

Надо принимать во внимание также, что Мексиканская республика в 11 раз больше Италии, что в нее входят страны с различным климатом и

Революции в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии по месяцам (1791—1880)

весьма разнообразным населением, так что когда трансатлантический телеграф приносит нам известие о новой революции в Мексике, то это еще не значит, что последняя вспыхнула именно в Мехико, в столице. Бо́льшая часть революций начинается там в отдельных провинциях. Мехико — город чрезвычайно миролюбивый. Несмотря на усиленную агитацию, революций в нем не было даже в бурную эпоху войны за независимость, а если и происходили вооруженные стычки, то исключительно в войсках гарнизона. По собственному признанию мексиканцев, население столицы и ее окрестностей не отличается ни храбростью, ни возбудимостью. Оно вполне пассивно и подчиняется условиям, наложенным извне. Главные *pronunciados*[1] стремились к подчинению войск, а не к поднятию Мексики».

Правда, что бунты в Мексике были очень часты, особенно между метисами Арекипы (7800 футов над уровнем моря), бунтовавшими 17 лет сряду. Много бунтов происходило также в Боготе, в Потози (3000 метров) и Ла-Пласе (11 000 футов), но, как разъясняет Нибби, это были не революции, а именно бунты, поднимаемые несколькими сотнями все одних и тех же людей, проделывавших все одну и ту же анархию. Эти бунты, подобно анемическим судорогам и — увы! — нашей парламентской борьбе, были скорее доказательством слабости, чем энергии, а притом всегда оставались бесплодными.

6) *Неприступность.* Чрезмерная высота горы, служа не только оплотом, но и перегородкой, мешающей сообщениям между расами и идеями, мало действуя на воображение, угнетая душу суровой температурой и бедностью природы, является препятствием для эволюции и могучим консервативным агентом.

---

[1] Ораторы-революционеры (*исп.*).

Революции в Бельгии, Нидерландах, Боснии, Герцеговине, Сербии, Болгарии, Польше по месяцам (1791—1880)

«Когда границы какой-нибудь страны, — пишет Ратцель, — лежат со всех сторон на равнине, то она имеет возможность расширяться во все стороны и предоставляет жителям полную свободу быть кочевниками, тогда как в долине, окруженной горами, жители поневоле становятся оседлыми и приобретают постоянные привычки. В первом случае центробежная сила, сближающая различные народы, действует свободно, тогда как во втором сама природа тому препятствует — естественные границы страны служат ей защитой как от чужой расы, так и от новых идей».

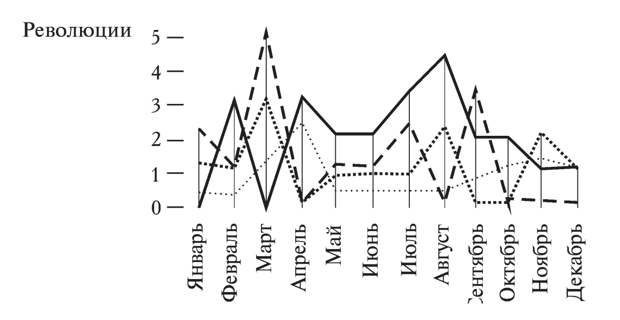
На юге Европы 2 полуострова — Иберийский и Апеннинский — благодаря их закрытым границам дают пристанище исключительно двум отраслям романской расы, тогда как Балканский полуостров благодаря соседству с Азией и равнинами Восточной Европы населен самыми разнообразными народами, за исключением Фессалии, которая населена исключительно греками, но зато и со всех сторон окружена горами.

Вообще, влияние характера границ перевешивает, по-видимому, влияние расы, так как в Англии, например, мы видим самые разнообразные народы соединившимися в национальность наиболее политически объединенную.

Сравнивая государства, отделенные друг от друга естественными границами, как, например, Италия и Франция (Пиренеи), Германия и Италия (Альпы), даже Германия и Франция (Вогезы), с государствами, границы которых сливаются, как, например, Германия и Польша, Россия и Германия, мы найдем в первых постоянное спокойствие или по крайней мере стремление к нему, а в последних — неуверенность и беспокойство.

Изолирующее, а стало быть, неблагоприятное для политических преступлений влияние высоких гор отражается в большом проценте выборного абсентеизма, замеченного нами в горных департаментах Франции.

Революции в Англии, Шотландии, Ирландии, Швеции, Норвегии, Дании и в Европейской России по месяцам (1791—1880)

Это вполне естественно объясняется трудностью сообщений. В холмистых и равнинных департаментах, напротив, абсентеизм менее развит именно благодаря большему удобству для избирателей являться в выборные центры. По аналогичной же географической причине (водопады, рудные разработки и прочее) абсентеизм преобладает в департаментах промышленных и потому наиболее республиканских[1].

Недоступность горных территорий, пишет Ратцель, защищает их от завоеваний. Центральный массив Франции, так же как и угловые ее массивы, всегда благодаря трудностям доступа, отсутствию торговли, суровости климата и бесплодию почвы должны были скорее отклонять пограничные народы от завоевания, чем привлекать к нему.

На низах народы боролись за землю; на верхах они мирно обладали ею. На равнинах люди постоянно передвигались ради войны или ради торговли; на горах они жили спокойнее и хотя медленным, но зато уверенным темпом. На граничных горах человек, подобно дереву, рос с большим трудом, но достигал больших размеров и становился выносливее.

7) *Влияние кретинизма.* Еще более гибельным является в некоторых долинах влияние кретиногенное. Обыватели почти всех глубоких долин, сжатых высокими горами, благодаря чрезмерной сырости бывают в большей части случаев медленны и апатичны. В сыром воздухе, говорит Кабанис, ум

[1]

	Число департаментов	
Абсентеизм	Монархических	Республиканских
Менее 25%	21	18
От 25 до 50%	11	31
Более 50%	—	1

становится инертным, воля — слабой, вкусы — безразличными; даже стремление к воспроизведению слабеет. В китайском языке теплый и влажный воздух есть синоним *глупости*. Для того чтобы доказать это, достаточно сравнить живого, деятельного и бойкого жителя области Комо с беззаботным и апатичным павийцем или еще лучше — с жителями альпийских долин Вальтеллины и Аосты.

Долины, расположенные у подошв очень высоких гор, то есть в условиях весьма неблагоприятных для здоровья как по крайней своей сырости, так и благодаря каким-то неизвестным кретиногенным и струмогенным миазмам, дают очень мало гениальных людей и обусловливают малый рост жителей.

Напротив того, страны, расположенные на умеренных высотах, обращенных к солнцу, дают население высокого роста.

Нельзя поэтому согласиться с Брока насчет того, что горы не оказывают никакого влияния на рост человека, так как есть горцы маленькие и есть высокие. Это двойное действие зависит от места, занимаемого человеком, живущим в горах, — от того, высоко ли оно расположено и хорошо ли освещается солнцем. Потому-то в одной и той же долине Вальтеллины я видел районы, переполненные кретинами и карликами, а рядом с ними другие, в которых живут люди высокого роста и очень развитые в умственном отношении.

«Пиренейские горцы, — пишет Маршан, — по месту жительства — в высоких или низких долинах — должны быть разделены на две категории. Жители высоких долин отличаются объемистым черепом, высоким ростом, красивым телосложением и живым, деятельным умом; жители низких долин, напротив того, малы, обладают маленькими асимметричными черепами, короткими и толстыми ногами, несоразмерно длинными руками, апатичны и расположены к нищенству, воровству и всякого рода излишествам».

Знаменитая сардинская комиссия делает те же замечания о кретинизме.

Обыватели местностей, охваченных кретинизмом, даже не кретины, почти поголовно страдают рахитизмом, головной водянкой и припуханием суставов, все они низкорослы, с широкими скулами, маленькими глазами и прочее.

Все это может быть до некоторой степени доказано даже цифрами. Так, в другом месте мы доказали, что при одинаковости расы те части Италии, в которых распространен зоб, — Аоста, Сондрио, Сузы — почти всегда дают максимум малого роста и минимум гениальности. Наоборот, местности: Уэсельо — в Пьемонте, Креспан — в Венеции, Кальо и Кьези — в Вальтеллине, расположенные хотя и в горах, но при здоровых условиях, дают население крупное и вполне нормальное по сравнению с долинами, в которых царствует зоб.

Эти долины не предрасполагают не только к революциям, но даже и к бунтам. Таковы, например, во Франции департаменты Ардеш, Арьеж, Пиренеи, Нижние Альпы, Пюи-де-Дом, которые дают минимум гениальнос-

ти и минимум республиканизма. Такова была Беотия в Греции, давшая только Пелопида и Пиндара. Таковы Швейцария, Пьемонт и Тироль, в течение многих веков не давшие ни гениев, ни революций.

Спартанцы, обитатели долин, сжатых высокими горами, не дали миру гениальных людей*. Держась за древние обычаи, они девять веков сохраняли свои учреждения неизменными, тогда как афиняне, жившие в холмистой местности, по соседству с морем, и живые, любознательные, любящие приключения ионийцы постоянно из своей среды выдвигали гениев и республиканцев.

8) *Равнины.* Равнина, в большей части случаев или очень жаркая, или очень однообразная, с незапамятных времен слывет консервативной и противореволюционной. Она также дает очень мало гениальных людей, доказательством чего может служить сравнение Пизы и Падуи с Флоренцией и Вероной. В Египте и в Индии в течение девятнадцати веков не было революций.

На громадных и однородных плоскостях господствуют обыкновенно сильные и прочные правительства; примеры: Египет, Сирия, Китай. Это было замечено уже Монтескье, который придавал такое значение географической конфигурации страны, что приписывал ей развитие в Европе свободы в противоположность азиатскому рабству. Азия в самом деле состоит из громадных равнин, ограниченных с юга невысокими горами и омываемых незначительными реками. Все это благоприятствует возникновению и увековечению деспотических империй, потому что если бы рабство не было в них строго поддерживаемо, то империя распалась бы, чего географическое однообразие страны не допускает.

В Европе, напротив того, горные цепи, разделяющие страну на отдельные районы, благоприятствуют развитию отдельных государств, в которых любовь к свободе и независимости затрудняет возникновение деспотизма и во всяком случае делает его непрочным, в особенности со стороны иноземца.

Другой причиной, препятствующей возникновению бунтов на обширных равнинах, как заметил еще Руссо в своем «Общественном договоре», является невозможность для восставших тайно принимать внезапные меры, тогда как правительству легко следить за ними и быстро передвигать войска в те места, где они требуются.

Из этих правил существуют, однако же, исключения. Аргентинская республика, например, представляющая собой равнину во сто квадратных лье, была и до сих пор остается очагом революций. Но это зависит от других факторов, и главным образом от крайней сухости воздуха, усиленной борьбы за существование в больших центрах и подражания революциям европейским. Польша и Голландия тоже достаточно революционны и тоже по другим причинам, подобно всякой равнинной стране, орошаемой большими реками и усеянной большими коммерческими центрами.

9) *Конфигурация почвы. Порты. Дороги.* Апатичности жителей равнин сильно содействует однообразие природы: постоянно одинаковые впечатления поддерживают мизонеизм, тогда как разнообразные развивают стремление к новаторству, что мы видим в Афинах и Флоренции. Надо, однако же, иметь в виду, что разнообразие это должно быть эстетичным и приятным, а не угнетающим, как в тех странах, которые подвержены частым вулканическим или атмосферным катаклизмам, подобно Испании, Шотландии и Индии.

Страх, внушаемый этими катаклизмами, и тяжелые потери, ими обусловливаемые, развивают в населении религиозное чувство и мизонеизм.

Помимо конфигурации почвы на дух жителей влияет также центральное или краевое положение страны, в которой они обитают. Польша, например, обязана своей скороспелой цивилизацией и своими несчастьями краевому положению между славянами, германцами и византийцами.

Греческие философы были глубоко поражены разницей между городами, лежащими внутри страны и на берегу моря. В первых господствовали простота, однообразие, верность древним обычаям и отвращение ко всяким новшествам, а в последних — сложность и разнообразие жизни, экспансивность воображения, терпимость к чужестранным обычаям, большее развитие индивидуальности и непрочность общественного строя.

В прибрежных странах море обусловливает усиленное умственное развитие всех классов населения, и в особенности торговлю, как это мы видим у финикийцев и карфагенян, основавших свободные республики еще в глубокой древности. Берега Средиземного моря вообще были колыбелью политической свободы и мореплавания.

Надо отметить также, что великие цивилизации всегда возникали при устьях больших рек: Нила, Ганга, Хуанхэ, Тигра и Евфрата.

Такое же влияние имеют морские порты. Италия и Греция благодаря обилию таких портов первые могли воспользоваться плодами цивилизации других народов: финикиян, египтян, индийцев — и скрещиваться с ними, и мы увидим впоследствии, как благотворны такие скрещивания.

Департаменты Франции, расположенные вдоль больших рек — Сены, Роны, Луары — или обладающие крупными морскими портами, независимо от других факторов проявляют больше гениальности и дают большее количество республиканских голосов. По отношению к приморским городам — Генуе, Неаполю, Венеции — мы это доказали в одном из предыдущих наших исследований.

10) *Геологическое строение почвы.* Тремо говорит, что совершенствование человека пропорционально степени обработки почвы, на которой он живет, а почва тем более подчиняется обработке, чем она геологически более нова. Поэтому первобытные почвы, как, например, в экваториальных стра-

нах, а также в Лапландии или в горах Бразилии и прочих, неблагоприятны для прогресса, тогда как на новых геологических наслоениях Бомбея, Персии, Мидии живут расы красивые и способные к развитию.

В Африке силлурийская почва обусловливает народонаселение тупое и безобразное (бечуаны), тогда как на почвах новейшего образования Ливингстон нашел племена более цивилизованные.

Венгрия, страна в высшей степени революционная, расположена на почве новой, тогда как остальные земли Австрии и Россия стоят на более древних геологических наслоениях.

Сравнив растительность, покрывающую гранитные горы, писал Соссюр, с той, которая покрывает горы известковые, мы будем поражены громадной между ними разницей. На известковых горах как флора, так и фауна блещут разнообразием и цветущим состоянием видов растений и животных, а на граните последние меньше ростом, худее и самки дают даже меньше молока, хотя питаются так же обильно.

Чурилов подтверждает это наблюдение и говорит, что на каменистой и песчаной почве 30 департаментов Франции народонаселение является низкорослым, тогда как там, где преобладает юрская формация, например в департаментах Ду и Юра (считаемых также наиболее холодными и здоровыми), равно как и в департаменте Сона и Луара, оно отличается высоким ростом. Так же говорят и Э. Реклю и Дюран.

Теперь появились даже факты, доказывающие, что там, где почва улучшена путем культуры, искусственным удобрением и прочим, там рост населения прибавляется на два, а иногда и на 4 сантиметра. Между тем, изучая на больших цифрах распределение гениальности по департаментам Франции в ее зависимости от почвы, мы находим, что минимум гениальности соответствует максимуму известковых земель.

На этих же землях слегка преобладают монархические или антиреволюционные волны, а стало быть, встречается меньше революций и политических преступлений. Что же касается всяких других родов почвы, то на них обитает население по преимуществу республиканское.

Вообще надо признаться, что точное определение влияния геологического строения не везде возможно, а кроме того, влияние это маскируется другими факторами, и между прочим культурой земли.

11) *Плодородие почвы.* И действительно, влияние этой культуры выражено весьма резко.

По мнению Дрэпера, цивилизация Египта зависела от больших урожаев, нигде в мире не достигавших такого размера.

Вообще человек не может думать, если не поест, и притом до сытости. Поэтому-то, может быть, наиболее плодородные департаменты Франции (Вар, Воклюз, Лангедок) дают и большее количество гениальных людей. Но когда плодородие почвы и богатство населения становятся чрезмерны-

ми, то они обусловливают задержку умственного развития, как это мы видим на департаментах Франции, дающих наименьшее количество республиканцев и гениальных людей.

Чрезмерное богатство, особенно основанное на земледелии, обусловливает и наклонность к консерватизму, тогда как и среди промышленного населения, и живущего в неудобных для обработки земли горах встречается большее количество гениев и республиканцев.

Когда почва плодородна, говорит Монтескье, то жители-земледельцы заботятся главным образом о ее обработке, ведут себя смирно и легко мирятся с монархическим режимом. Бесплодие почвы древней Аттики вызвало там народоправство. В Генуе при бесплодности почвы правление было аристократическим, в Женеве — республиканским, тогда как Швеция при тех же условиях долго оставалась при деспотическом образе правления.

12) *Здоровое местоположение и высокий рост.* Здоровое местоположение сильно влияет на прогресс цивилизации. Уже в нашей работе «Гениальность и помешательство» было доказано цифрами, что в Италии наибольшее количество гениальных людей встречается среди населения великорослого (Флоренция, Неаполь, Лукка, Сиена и прочие), а наименьшее — среди низкорослого (Сассари, Гроссетто, Лечче и прочие), но рост зависит не только от расы, а главным образом от здоровых условий жизни. Зависимость эта так велика, что даже высокорослые расы становятся низкорослыми, живя в странах, где господствует малярия или зоб (Сондрио, Сассари).

Из Гроссетто не вышло ни единого гениального человека, точно так же, как нет там и людей высокого роста. Напротив того, рост тамошних уроженцев вдвое меньше, чем рост уроженцев Флоренции (35–40 против 50–70). По такой же причине Сардиния дала меньше гениальных и высокорослых людей, чем Ливорно (36 против 51), а Матера и Ланчиано меньше, чем Потенца и Аквила.

Во Франции этот параллелизм проявляется еще реже, так как в 75 департаментах (из 86) одновременно преобладает высокий рост и обилие гениальных людей.

В «Атласе» Ломбара мы видим, насколько распределение малярии во Франции совпадает с распределением монархизма в департаментах Ланды, Шаранта и Вандея, хотя, однако же, не в департаменте устья Роны, где малярия сильна, а монархистов мало, вероятно, благодаря плотности населения и промышленному его характеру.

13) *Смертность.* Изучая отношения между гениальностью, склонностью к революции и смертностью, мы найдем обратное.

В самом деле, статистика показывает, что департаменты со средней и наименьшей смертностью суть именно те, в которых слаба гениальность,

и наоборот, наибольшая смертность соответствует и наибольшей гениальности.

То же можно сказать и о революционном настроении, как это видно из следующих цифр:

	Департаменты	
	республ.	монарх.
Наименьшая смертность	15	12
Средняя	14	14
Наибольшая	21	6

Наибольшая смертность преобладает, стало быть, в департаментах республиканских. Это явление легко объясняется тем, что монархисты менее скучиваются в больших городах и промышленных центрах, дающих наибольшую смертность, что нисколько не колеблет установленного нами принципа касательно преобладания гениальности и революционных стремлений в местах наиболее здоровых, так как высокий рост есть более точный показатель благоприятных для здоровья условий жизни, чем смертность.

Таким образом зоб, например, нарушающий гигиеническую обстановку местности, отражается только на росте населения, а отнюдь не на смертности. То же можно сказать и о миазмах.

Закон соответствия между ростом и гигиенической обстановкой местности подтверждается даже на животных. Лошадь, перевезенная из Испании или Аравии в Сардинию, через несколько поколений становится маленькой, тогда как в Голландии маленький ютландский бык в несколько лет становится гигантом. А на Целебесе этот же бык еще более мельчает.

В Сардинии, так же как в Калабрии и Абруццо, быки и собаки очень маленькие. Самая крупная порода тосканских быков встречается в Пизе. Пьемонтская порода быков, довольно высокая (1,7 м высоты) в Бра и Савильяно, становится карликовой в Аосте. Лошади, маленькие (1,45 м) в Вальтеллине и Бергамо, становятся большими (1,51–1,63 м) в Милане, Удине и Неаполе — точно так же, как и люди. В миазматических местностях Вандея и Медок, так же как и внутри Бретани, нормандская лошадь мельчает.

Значит, высокий рост населения служит лучшим показателем здоровых условий жизни, чем смертность, которая часто вовсе не зависит от топографии. Достаточно вспомнить, насколько последняя увеличивается в крупных центрах из-за больниц и скучивания, независимо от условий местности. Тем и объясняется тот странный с первого взгляда факт, что гениальность и наклонность к революциям прямо пропорциональны как росту населения, так и его смертности.

Глава 5. Питание. Голод. Алкоголизм. Их влияние на бунты и революции

1) *Питание.* Питание несомненно влияет на эволюцию, а стало быть, и на революции.

«Принято думать, — пишет Ратцель, — что обильное питание, достающееся без большого труда, неблагоприятно влияет на эволюцию. В этом есть частица правды, но далеко не такая большая, как обыкновенно думают. Полуцивилизованные народы Тихого океана, гавайцы, жители Таити, Конго, Самоа, Фиджи и прочих доказывают, что и среди плодородия, делающего борьбу за жизнь очень легкой, прогресс может совершиться. На Суматре и Мадагаскаре, где почва очень плодородна, развитие общественности идет большими шагами. Кафры, живущие среди богатых пастбищ, выгодно отличаются от соседних племен. В Центральной Африке наиболее склонные к прогрессу племена (ашанти, дагомейцы) живут среди богатой растительности. Не следует забывать также и про долину Нила, служившую колыбелью древней цивилизации».

Классический онагр, близкий родственник лошади, перейдя из свободных степей Азии в стойло скупого европейского мужика, кормившего его больше ударами кнута, чем овсом, превратился в тощего осла.

Лошади одной и той же породы, например фландрской или бретонской, смотря по качеству и количеству пищи, становятся годными или для кареты, или для водовозки и при этом начинают так мало походить друг на друга, что могут быть причислены к разным породам. По той же причине вожди полинезийских племен отличаются от своих подчиненных и ростом, и дородством, а у африканских бечуанов даже более светлой окраской кожи.

Гульд заметил, что солдаты, получающие хорошую пищу, были выше ростом, чем те, которые получали плохую (1,707 м против 1,690).

По словам Лэтема, жители Огненной Земли, благодаря холоду и голоду превратившиеся в пигмеев, происходят от того же племени, как и гиганты патагонцы, живущие в теплом климате и питающиеся лошадиным мясом.

Плохое качество и грубость пищи диких народов проявляются в преувеличенном развитии у них жевательного аппарата, точно так же, как частые переходы от полной голодовки к обжорству — в преувеличенном развитии кишечника.

2) *Революции.* Выше мы видели, что плодородие почвы мало влияет на гениальность, а на революционные волны и совсем влияния не оказывает, но не потому, однако же, чтобы оно было антиреволюционно само по себе, а потому, что проявляться-то оно может только в странах земледельческих, где население не скучено.

3) *Голод.* Замечено, что народ может восстать лишь тогда, когда ему относительно хорошо живется, так как при крайнем истощении у него, как и

у отдельного человека, не хватило бы энергии для действия. Таким образом, по отношению к восстаниям высшие бедствия — голод, например, — играют роль более усмиряющую, чем высшее благосостояние. Поэтому-то народонаселение большей части Африки не ищет возможности сбросить с себя рабство. Поэтому же и в Средние века бунты чаще возникали в среде городских коммун, чем в деревнях, где царила феодальная система и народ страшно бедствовал.

Тунисский Казнадар говорит, что когда араб сыт, то он спешит купить ружье и поднять восстание.

Истощая силы народа, голод лишает его энергии, нужной для вооруженной борьбы, которая, кроме того, только ухудшила бы его положение, лишив работы, а стало быть, и средств к существованию.

Пример этого мы видим в Италии, где крайняя бедность сельского населения не вызывает восстаний даже в Ломбардии, где тысячи обывателей питаются ядовитой гнилью.

Из донесений французских интендантов за 1698 год мы видим, что в некоторых округах умирало от голода и бедности до 5% обывателей, а у оставшихся помирали дети, уже родившиеся слишком слабыми и больными. А между тем народ любил тогда своего непредусмотрительного короля, целовал лошадь курьера, привезшего хорошие известия о его здоровье, и прочее.

Кроме того, во время голодовок народ бывает тем менее расположен к бунту, что правительство во имя личных интересов спешит помогать ему всеми средствами, вспоминая древнеримское «хлеба и зрелищ».

В 1846 году, например, Англия поспешила облегчить тяжелое положение ирландского народа, снабдив его работой и хлебом. Потому-то в это время и не было серьезных бунтов.

Голод, царствовавший в Италии в 1588 году, правительства Тосканы и Венеции прекратили ввозом хлеба из Гамбурга и Данцига, а затем их примеру последовали частные торговцы.

Во время голода во Франции в 1816–1817 годах правительство покупало хлеб за границей и продавало его с убытком, потеряв при этой операции 21 миллион франков. Кроме того, оно еще раздало деньгами более 70 миллионов и установило в Париже раздачу марок на покупку хлеба. В течение 10 лет такая раздача производилась пять раз. Не обсуждая экономического достоинства этих мер, надо сознаться, что они усмиряли злобу народа.

Но если к голоду присоединяется политический гнет, увеличивающий народное недовольство, то тогда только (и то не всегда) возникают страшные реакции, особенно усиливаемые неудачными мерами правительств. Александр Север и Коммод — в Риме, а Юлиан — в Антиохии усилили, например, народное бедствие введением такой таксы на хлеб, при которой продавцы отказывались продавать его. Та же история произошла в Германии в 1771 и во Франции — в 1793 году. С другой стороны, крайняя слабость

правительства вызывает во время голода тоже анархию, как это было в Китае и Испании.

В Китае, когда народ начинает умирать с голода, он разбредается в поисках пищи. Шайки в три, четыре, пять человек начинают грабить. Правительство истребляет их обыкновенно, но при обширности территории иные шайки могут уцелеть и разрастись в целую армию, которая идет тогда прямо на столицу и возводит своего вождя на трон.

Плохое правительство, таким образом, быстро наказывается.

В Испании в 1664 году, когда никакие угрозы не могли заставить привозить хлеб из провинции в столицу, решено было отправить губернатора Кастилии с палачом и солдатами собирать этот хлеб в провинциальных городах.

Италия в то время была совершенно разорена налогами; жители оставались без пристанища и умирали с голоду. В некоторых городах две трети домов были разрушены. Под влиянием голода рабочие и торговцы Мадрида (1680 год) шайками грабили дома столицы. Общество совершенно распалось; не было ни полиции, ни правительства и никакой власти. В 1693 году прекратилась выдача пенсий; голод постоянно усиливался и из-за хлеба возникали беспрестанные бунты. В 1700 году в Испании воцарилась французская династия.

Есть и другие примеры голодных бунтов. Восстанию Мазаниелло, например, в 1647 году предшествовал голод 1646 года. Надо принять во внимание, однако же, что если в 1647 году хлеба и было мало, но зато фрукты, говядина, масло и сыр продавались в большом количестве. Так что к голоду в данном случае присоединились и другие причины, между прочим — сумасшествие Мазаниелло, жаркое время (революция вспыхнула 7 июля), наконец, жестокости герцога Аркоса, который отвечал жалующимся на тягость податей и сборов: «Продавайте честь ваших жен и дочерей, но платите».

Великой французской революции 1789 года также предшествовал неурожай, увеличивший бедность народа, и без того уже страшную. Было высчитано, что количество нищих в Париже возросло тогда втрое; в одном Сент-Антуанском предместье их было 30 тысяч. Надо заметить, однако же, что в первые годы Французской революции *почти все* бунты в Париже были вызваны нарочно распускаемыми слухами о голоде или искусственным поднятием цен на хлеб. Настоящий голод, даже гораздо более ужасный, никогда не вызывал таких бунтов, а по временам протекал совсем тихо.

Так, в 1794 году во Франции умерло от голода более миллиона людей, а революцию это не вызвало. В Аллье, по словам Тэна, бойни и рестораны долго оставались закрытыми, а в Лозере даже у богатых людей не было хлеба в течение 6–8 суток, но бунтов это не вызвало. Париж, однако, не был так спокоен, и все усилия абсолютной власти снабдить его провиантом не устранили вспышек народного недовольства. Но во всяком случае, вспышки эти были кратковременны и погашались успешно, так же как голодные бунты в Дэврэ 28 февраля, в Дьеппе — 14 февраля, в Лилле — 4 мессидора; в

Вервиле — 9 прериаля. В Дьеппе и Дервине, между прочим, бунты возникли потому, что мэрии, покупавшие хлеб по 7–8 франков, выпускали его в продажу по 25 и даже по 50 франков.

Двенадцатого жерминаля, когда провизия, запасенная для Парижа в огромном количестве, почти истощилась, хлебная порция дошла до $^1/_4$ ливра. Народ напал на Конвент, но был отражен, и порция сведена к 4 унциям или, самое большее, к 5–6. Другой бунт вспыхнул 1 прериаля, но тоже скоро был усмирен.

Из драгоценной книги Фаральи, дающей подробные сведения о голодовках в Неаполе за целые девять столетий, из года в год, можно видеть, что наиболее голодными годами были: 1182, 1192, 1254, 1269, 1342, 1496–1497, 1505, 1508, 1534, 1551, 1558, 1562–1563, 1565, 1570, 1580, 1586–1587, 1591–1592, 1595, 1597, 1603, 1621–1622, 1625, 1642, 1672, 1694–1697, 1759–1760, 1763, 1790–1791, 1802, 1810, 1815–1816, 1820–1821.

Между тем из этих 46 годов совпадают с бунтами только шесть: 1503, 1580, 1587, 1595, 1621–1622, 1820–1821. Да еще надо заметить, что из них первые два бунта ограничились простым народным ропотом, без всяких серьезных проявлений, а последний был вызван политическими причинами, совершенно достаточными для того, чтобы вызвать бунт.

Не было бунта при страшном голоде 1182 года, продолжавшемся пять лет кряду, когда люди принуждены были питаться травой. Не было его ни в 1496–1497 годах, когда голод сопровождался чумой и обыватели городов разбегались по полям; ни в 1565 году, когда гнилая капуста продавалась по цене свежей; ни в 1570 году, когда деревенские жители, оборванные, голодные и больные, толпами шли в Неаполь и усеивали дорогу своими трупами; ни в 1586 и 1802 годах, когда жителям Неаполя выдавалась строго определенная и очень небольшая порция хлеба.

В Индии голод происходил на наших глазах. В 1865–1866 годах в Ориссе погибло 25, а в Пури — 35% населения, между тем в эти годы бунтов не было.

В течение последних ста лет самые знаменитые голодовки, по крайней мере в Неллури, где они из-за бездождия и плотности населения очень часты, имели место в следующие годы: 1769–1770, 1780, 1784, 1790–1792, 1802, 1806–1807, 1812, 1824, 1829, 1830, 1833, 1836–1838, 1866, 1876–1878. Во время первой из них погибла целая треть населения; в 1877–1878 годах в Индии от голода умерло на пять миллионов человек больше нормальной средней.

И все-таки ни в одну из этих голодовок не было ни бунтов, ни возмущений.

Великое восстание 1857–1858 годов в Индии вызвано было главным образом отвращением туземцев к новшествам европейской цивилизации (телеграф, пар и прочее), жалобами лишенных престола местных царьков и между прочим слухом, возникшим среди сипаев, о том, что ружейные патроны впредь будут смазываться свиным салом.

Значит, продолжительный голод менее влияет на революцию, чем предрассудки разного рода.

Другие известные революции тоже не имели никакого отношения к голоду. Таковы, например, восстание в Богале в 1751 году, в Пенджабе в 1710, восстание сипаев в 1764, маленькие полудинастические бунты 1843 и 1848 годов и прочие.

Надо заметить, кроме того, что штат Орисса, наиболее часто посещаемый голодом, дает меньше бунтов, чем все другие.

Наконец, из 142 бунтов прошлого столетия только 11,2% были обусловлены голодом, да и то еще под влиянием термических причин, так как почти половина их ($^3/_8$) вспыхивала летом.

Значит, роль голода при восстаниях следует считать лишь вторичной и случайной.

Голод, по словам Рошера, сам по себе вызывает только небольшие местные бунты, которые, однако же, способны разрастаться, если горючего материала накопилось много.

Правда, этот экономист сам себе противоречит, говоря далее, что «все великие революции были подготовлены голодом», но даже приводимые им примеры не подтверждают этого положения.

Так, среди примеров революций, вызванных голодом, он цитирует крестовый поход, предпринятый французами в 1095 году. Но крестовый поход, так же как и переселение, не суть революции; они скорее могут быть рассматриваемы как предохранительные клапаны против излишка населения.

Да если бы даже крестовые походы могли быть принимаемы за революции, так все-таки экономические причины играли в них роль второстепенную, а на первый план выступал религиозный фанатизм, поддерживаемый ловкими попами при помощи горячих проповедников, притом среди невежественного и суеверного населения.

Наконец, если голод и существовал кое-где во время проповеди крестовых походов, то он должен был прекратиться при выходе ополчившихся из страны, так как все они стремились продавать свое имущество и не находили покупателей. «Крестоносцы бросали все, что не могли унести с собой; сельскохозяйственные продукты были продаваемы ими за бесценок, что создавало обилие там, где царствовал голод».

Шведское политическое движение 1772 года, которое Рошер считает революцией, обусловленной голодом, было, в сущности, весьма быстрым и безобидным переворотом, закончившим революционный кризис, переживаемый тогда Швецией. «Король, утром бывший наиболее стесненным монархом в Европе, через два часа сделался таким же всемогущим, как короли Франции или как турецкий султан. Народ с радостью передал власть из рук наглой аристократии в руки всеми любимого и уважаемого монарха».

По мнению Лингарда, бунт баронов в 1258 году, так сильно повлиявший на английскую конституцию*, был значительно облегчен голодом 1254–1258 годов. Но бунт баронов (вспыхнувший, надо заметить, 11 июня) подготовлялся уже с 1227 года и был направлен к политической (а не экономической) реформе государства — к поддержанию Великой хартии и к уменьшению иностранного влияния на внутренние дела. С другой стороны, это была *революция сытых*, так что если голод и помог ей сколько-нибудь, так лишь тем, что удержал народ от вмешательства, в пользу ли баронов или против них. Даже сам Рошер признается, что в данном случае революция была *облегчена* голодом, а не *подготовлена* или *возбуждена* им.

Голод, постигший Россию в XVII веке, не влиял заметным образом на успех лже-Димитрия. В Москве тогда продавалось человеческое мясо (!), и в одном этом городе умерло около миллиона (!) людей. Истомленные голодом и преследуемые суеверным убеждением, что ряд неурожайных годов служил Божьим наказанием царю Борису, русские пассивно подчинялись казакам и полякам, не страдавшим от голода. Революция была произведена скорее этими последними, чем русскими. Это до такой степени справедливо, что те же поляки и казаки продолжали ее и впоследствии, когда голод уже кончился.

Следует заметить, что голодовки вызывают различные последствия в зависимости от условий, в которых находятся различные нации.

«Народы, — пишет Б. Сэй, — реже испытывали бы голод, если бы разнообразили свою пищу. Когда народ питается преимущественно одним каким-нибудь продуктом, то недостаток этого продукта всегда будет вызывать народное бедствие». Так, в Индостане наступает голод при неурожае картофеля.

Политические последствия таких голодовок могут быть очень серьезны. В 1845 году неурожай картофеля в Ирландии обусловил страшную бедность, причем более миллиона людей умерло и столько же эмигрировали, а вместе с тем произошел и целый ряд бунтов, которыми молодая ирландская партия воспользовалась для борьбы за независимость страны.

4) *Алкоголизм*. Злоупотребление алкоголем играет большую роль во время политических переворотов, так как, затемняя разум, вызывает особую форму душевной болезни, выражающуюся крайним цинизмом и жестокостью. Вожаки бунтов давно это заметили и часто пользовались алкоголем для достижения личных целей. Так, в Аргентине дон Хуан Мануэль, сам закоренелый алкоголик, вызывал при помощи спиртных напитков взрывы буйства в народе. В Буэнос-Айресе алкоголь также служил орудием возбуждения политических страстей в руках агитаторов, из коих Бласито и Ортогес сами принадлежали к числу делириков.

Во время Французской революции кровожадные инстинкты населения и представителей революционного правительства подогревались также

спиртными напитками. Монастье, например, в пьяном виде приговаривал людей к смертной казни, а на другой день сам забывал о своих приговорах. Комиссары, посланные в департамент Вандея, в течение трех месяцев выпили 1974 бутылки вина. В числе их находился известный пьяница Россиньоль, рабочий ювелирного цеха, сделавшийся генералом, и Ватерон, расстреливавший женщин, которые отказывались удовлетворять его страсти, распаленные алкоголем.

Франция до сих пор пользуется печальной привилегией потреблять спиртные напитки в большем количестве, чем какая-либо другая страна. По словам Ротара, потребление алкоголя, равнявшееся там в 1788 году 369 тысячам гектолитров, к 1850 году поднялось до 891,5 тысяч гектолитров, а к 1881 году — до 1 821 287. Немудрено, стало быть, что влияние алкоголя отражается и на политической жизни Франции, что абсент создает в Париже ораторов и политиков.

Утверждают, что перед декабрьским переворотом 1852 года войска были напоены водкой, но роль последней в политическом движении 1848 года (среди вожаков которого Коссидье и Гранмениль были заведомые пьяницы), и особенно при Коммуне, не подлежит никакому сомнению. В осажденном Париже был большой запас спиртных напитков, и желающие свободно ими пользовались.

Деспен замечает по этому поводу, что большую часть солдат Коммуны привлекало стремление удовлетворять свои дурные страсти при помощи жалованья, получаемого за грабеж. Вино делало их беспечными и нечувствительными к ранам. Сам генерал Клузере не скрывает этого в своих «Мемуарах». «Никогда, — говорит он, — виноторговцы не наживали столько денег». Ему неоднократно приходилось арестовывать батальонных командиров, пьянствовавших днем и ночью.

«Что делали осажденные в форте Исси в то время, когда дела их шли плохо, когда версальцы готовы были взять этот форт? В скотски пьяном виде переполняли местные кабаки. В Аньере, как раз накануне капитуляции, национальная гвардия, по своему похвальному обычаю, пьянствовала, ела, курила и спала».

Лаборд перечисляет заведомых пьяниц среди коноводов Коммуны: Л. — тщеславный и сварливый человек, несколько раз терпевший наказания за буйство и едва ли не сумасшедший; К. — член военного суда, наследственный пьяница; Жентон — председатель этого суда, бывший столяр, грубое животное, постоянно пьяное; Дарделлье — военный губернатор Тюильри, с осипшим от водки голосом; наконец — Прото, министр юстиции, превративший свой кабинет в кабак.

Одинаковые причины — одинаковые последствия: не так давно годовщина Коммуны ознаменовалась анархическим движением в некоторых округах Бельгии, которое сопровождалось грабежом и пожаром громадных стеклянных заводов, дававших хлеб тысячам рабочих; и вот при ближай-

шем рассмотрении оказывается, что как раз эти самые округа отличаются наибольшим потреблением спиртных напитков, которое вообще в Бельгии в этом году (1884) достигало 600 тысяч гектолитров, т. е. сравнялось с потреблением алкоголя в Италии, где население впятеро многочисленнее.

Печальное положение! Безрасчетная трата народной энергии, которая пригодилась бы для поднятия экономической обстановки страны! Лавелье вычислил, что если бы английские рабочие отказались от спиртных напитков, то через двадцать лет могли бы скупить все фабрики, на которых теперь работают.

5) *Роль алкоголизма в эволюции*. В других своих исследованиях я доказал, что многие гениальные люди и их родители были алкоголиками (Александр Македонский, Авиценна, Бетховен, Байрон, Мюрже), но надо заметить, что это есть лишь простое совпадение пьянства с гениальностью, печальное, хотя необходимое осложнение последней, а не причина ее.

Необходимо оно потому, что мозг гениального человека постоянно нуждается в новых возбуждениях. То же можно сказать и про целые народы, из коих наиболее цивилизованные больше страдают и от алкоголизма, особенно на севере. Здесь опять алкоголизм является не причиной, а необходимым — к несчастью — осложнением или спутником большей впечатлительности, в конце концов вызывающим вырождение, микроцефалию, эпилепсию, преступления, и вообще агентом, более задерживающим эволюцию, чем благоприятствующим ей.

Между тем, изучая легенды, касающиеся поклонения первобытных народов спиртным напиткам, можно видеть, что вначале последние были действительно могучими факторами эволюции, почему потребление их долго считалось привилегией вождей, жрецов и вообще самых высших слоев общества. Таким образом, усиленное питание благоприятствует гражданской эволюции, но не политической; на бунты оно влияет весьма мало, так как последние не вызываются даже голодом. Что же касается алкоголизма, то он, наоборот, возбуждая, поддерживая, и усиливая бунты, препятствует ходу мирной эволюции, за исключением разве первых лет по введении спиртных напитков в употребление.

Глава 6. Раса. Население. Их гениальность. Интеллектуальная культура: сумасшествие и преступность

1) *Раса*. Среди антропологических факторов политической преступности на первом план стоит влияние *расы*, что ярко иллюстрируется при сравнены резко выраженного революционного духа некоторых народностей с

абсолютной апатией, проявляемой другими, живущими при такой же климатической и социальной обстановке.

Исследуя специальные характеры населения Франции, по преобладанию среди него *брахицефалов* и *долихоцефалов*, Лебон нашел, что первые отличаются воздержностью, трудолюбием, благоразумием, привязанностью к традициям и однообразию, а последние — требовательностью, стремлением к прогрессу и широкой, лихорадочной деятельности; они смелы, предприимчивы, много зарабатывают, но и много теряют.

Так, из 89 великих новаторов и революционеров на 20 брахицефалов (Гельвеций, Паскаль, Мирабо, Верньо, Петион, Марат, Демулен и прочие) приходится 69 долихоцефалов (Расин, Вольтер, Лавуазье, Дидро, Руссо, Кондорсе, Сен-Жюст, Шарлотта Корде, Ришелье, Сюлли, Тюренн, Конде и прочие).

Из этого Лебон заключает, что долихоцефальные расы наиболее революционны. И в самом деле, долихоцефальные народы севера Франции дольше других противились римлянам и были единственными, восставшими против них. Цезарь считал галлов бунтовщиками, и вот мы теперь ежедневно убеждаемся в политической неустойчивости их потомков — ирландских кельтов и парижан.

Такими же потомками галлов являются в Бельгии валлоны, до такой степени склонные к излишествам и насилиям, что большинство анархических бунтов, происшедших за последние годы в каменноугольном округе Льежа, населенном валлонами, приписывается их расовому характеру.

Лигурийцы также принадлежали к небольшому числу итальянских народов, так упрямо сопротивлявшихся римскому владычеству, что их пришлось выселить в иные страны.

Лапуж приписывает белокурой долихоцефальной расе образование высших классов в Египте, Халдее, Ассирии, Персии и Индии, так же как и большое влияние на греко-римскую цивилизацию.

Блондины. Действительно, на памятниках Египта, Халдеи и Ассирии все высокопоставленные лица изображены белокурыми, голубоглазыми и высокорослыми. Греки на египетских изображениях представлены также высокими, белокурыми и длинноголовыми. Тип героев Греции несомненно был таков. Боги и герои Гомера всегда суть блондины высокого роста и со светлыми глазами. Только один Гектор (в конце концов — побежденный, надо заметить); представлен черноволосым в XII песне «Илиады». В первой песне Минерва схватывает Ахилла — первенствующего героя — за его *белокурые волосы*, и это выражение повторяется еще раз в XIII песне, когда Ахилл приносит в жертву останкам Патрокла свои волосы. Царь Менелай также блондин. В «Одиссее» Мелеагр, Аминтор и Радамант — блондины. Вергилий даже Дидону представляет блондинкой, хотя она финикиянка, а потому должна быть черноволосой; Минерва, Аполлон, Меркурий, Комерт, Камилл и Лавиния тоже у него являются белокурыми.

Все куртизанки и кутилы у Овидия, Сафо, Анакреона и Катулла белокуры.

В римской аристократии тоже, должно быть, преобладал белокурый тип, если судить по прозвищам: *Flavius, Fulvius, Ahenobarbus* и по описаниям выдающихся лиц, например Катона, Суллы, Тиберия.

Данте и Петрарка воспевают белокурых героинь: Беатриче, Матильду, Лауру. Вообще достаточно пересмотреть галерею картин эпохи Возрождения, чтобы убедиться, насколько светлые волосы тогда преобладали, особенно у женщин.

Протестантизм — эволюция католичества — распространялся преимущественно среди белокурых народов Европы, а не среди черноволосых (латинских кельтов).

Лапуж доходит до заключения, что цивилизация народов почти в точности пропорциональна количеству белокурых долихоцефалов, входящих в состав их правящих классов. Так, галльские и франкские элементы создали величие Франции, этим же элементам обязаны своим процветанием Англия и Соединенные Штаты, а долихоцефальные саксы, потомки скандинавских завоевателей — блондинов высокого роста, — составляют силу современной Германии.

В общем, в эволюции человечества черноволосые брахицефалы и продукты их скрещивания играли роль простых солдат при главном штабе, состоящем из белокурых долихоцефалов. Только в виде исключения некоторые субрахицефалические расы давали в Европе нечто стойкое и определенное.

«Кто может отказать, — говорит Морселли, — англичанам, северным германцам, франкам, бельгийцам, голландцам и североамериканцам в первом месте среди народов мира?»

Но этого мало. Возьмем антропологическую статистику Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии, Бельгии — одним словом, всех европейских государств, стоящих во главе прогрессивного движения. Во всех в них наибольшую способность к культуре проявляют области, населенные по преимуществу блондинами. В этих областях мы находим наивысшее развитие народного просвещения, торговли и промышленности, путей сообщения и наименьшее количество убийств, одним словом — высшую степень нравственного и умственного прогресса. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на этнологическую карту Франции, составленную Брока, а также карту Швейцарии — Кольмана, Германии — Вирхова, Великобритании — Беддоу. Во Франции, например, наиболее прогрессивными являются департаменты северные; в Швейцарии — немецкие кантоны; в Германии — области, населенные саксонцами и фризами; в Великобритании — те графства, в которых саксы преобладают над кельтами.

Напротив того, черноволосые народы, заселяющие берега Средиземного моря, повсюду стоят на низшей степени развития, как, например: иберийцы, кельты Восточной Европы; древние лигурийцы, семиты, иранцы — в Персии и Индии; цингары, берберы, копты, абиссинцы. Все эти народы как бы остановились на различных стадиях древней и средневековой цивилизаций — халдейской, ассирийской, египетской, финикийской, греческой, римской или арабской.

Так полагают ученые. Нет никакого сомнения, что влияние расового происхождения на народы, так же как и наследственности на индивидуума, должно быть весьма сильным, в особенности по отношению к эволюции.

Известно, например, что в Италии гениальность, то есть самое яркое проявление эволюции, преобладает в областях, населенных этрусской или греческой расой, между тем как потомки кельтской и семитической рас обладают ею в меньшей степени.

Закон Лапужа относительно большей способности блондинов к развитию подтверждается изучением регрессивных, атавистических типов — кретинов, эпилептиков (среди которых блондины представляют исключение) и, главным образом, преступников. В самом деле, мы вместе с Марро, Боно и Оттоленги нашли, что процент белокурых между ними ничтожен, а черноволосые встречаются в громадном количестве. Среди нормальных пьемонтцев, например, черноволосые составляют 27%, а среди преступников — 43%; почти вдвое. Если присоединить к блондинам и рыжих, то вопреки пословице разница выйдет еще рельефнее.

Долихоцефалы. Что касается формы черепа, то этот закон окончательно еще не подтвердился, хотя надо признаться, что кретины, психопаты и преступники в громадном большинстве случаев принадлежат к числу ультрабрахицефалов. Надо заметить, однако же, что полной точности в этом отношении достигнуть и невозможно, так как нет ни одной расы, у которой какая-нибудь форма черепа ярко бы преобладала (за исключением жителей некоторых долин, например в Лукке, в Сардинии).

С другой стороны, преувеличенная долихоцефалия встречается у народов отсталых, малореволюционных и даже цветных, как, например: египтяне, негры, австралийцы и сарды. Наоборот, некоторые настоящие брахицефалы, как, например, оверньяты, особенно в департаментах Крёз и Пюиде-Дом, суть ярые эволюционисты, как это можно видеть на электоральной карте Франции. Точно так же ультрабрахицефалия преобладает в департаментах Ду и Юра, отличающихся большим количеством революционеров и гениальных людей.

Равным образом и у нас в Италии, если ультрабрахицефальное население Пьемонта и Венецианской области отличается ультра-консерватизмом, а долихоцефалы Палермо, Генуи и Ливорно — революционным настроением, то романьолы и жители Равенны, по преимуществу брахицефалы, являются весьма склонными к прогрессу, тогда как долихоцефалы Лукки, Тос-

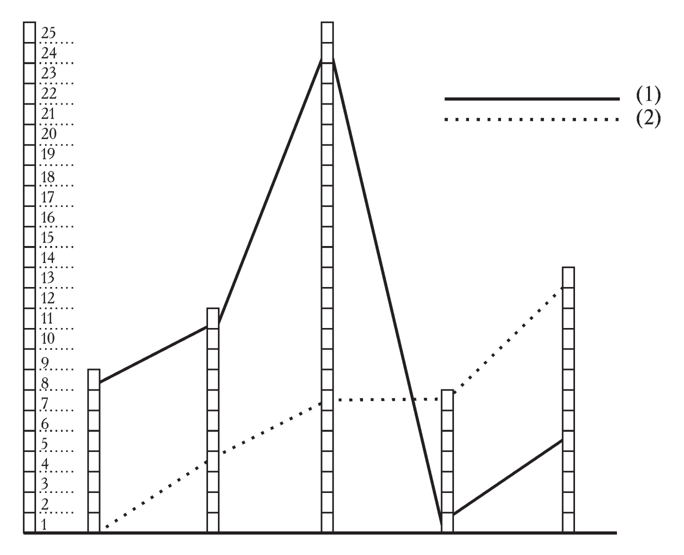
каны и Сардинии суть закоренелые консерваторы. Среди последних гениальных людей не встречается, тогда как среди первых — сколько угодно. Но вот и тут есть некоторое противоречие: тосканские долихоцефалы суть потомки этрусков, а сарды — семиты и берберы.

В новой истории произошли и закончились три революции: нидерландская — в XVI веке, английская — в XVII и американская — в XVIII. Все три были начаты и проведены белокурыми людьми, принадлежащими к германской расе. Та же раса дала Гуттенберга и Лютера.

В общем можно сказать, что белокурые расы (германская, английская) более революционны и способны к развитию, чем расы черные (испанцы, ирландцы, итальянцы), но для того, чтобы окончательно доказать это положение, не хватает данных.

Франция. Мы попробовали, по крайней мере для Франции, решить эту задачу, следуя примеру самых выдающихся антропологов (Реклю, Топинара, Ланьо), то есть составив карты, на которых рядом с распределением рас по департаментам обозначено процентное отношение республиканских и реакционных голосов в каждом из них за избирательные периоды 1877, 1881 и 1885 годов.

С первого взгляда на эти карты мы видим, что республиканцы преобладают среди лиц, принадлежащих к расам лигурийской, галльской и бельгийской, но из цифрового подсчета, резюмированного в нижеследующей диаграмме, видно, что только одна лигурийская раса (долихоцефальная)

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

сплошь отличается ярким республиканизмом, что согласно и с историей. Что же касается расы галльской, то в ней республиканцы только преобладают; в бельгийской расе это преобладание еще заметно, но уже меньше; в кимврийской преобладают монархисты, а иберийская состоит почти только из одних последних.

В подробностях, однако же, замечаются весьма резкие противоречия. Так, ультрамонархический департамент Па-де-Кале населен долихоцефалами бельгийской расы, так же как и департамент Нор; кельтская раса, оказывающаяся реакционной в департаментах Вандея, Кот-д'Ор и Морбиан, далеко не такова в департаментах Луара, Луар и Шер, Крёз и прочих.

Даже иберийская раса, постоянно реакционная в департаменте Верхние Пиренеи, отступает от своих привычек в департаменте Верхняя Гаронна.

2) *Раса и гениальность.* Сравнивая соответствующие карты, мы ясно видим, что гениальность, а стало быть и способность к эволюции, стоит в прямой зависимости от расы. Гениальность преобладает в департаментах, населенных лигурийской и бельгийской расами, и весьма редко встречается среди населения иберийского и чисто кельтского, хотя опять-таки не без крупных отступлений и противоречий, доказывающих, что влияние происхождения сглаживается и затемняется другими, не менее сильными.

В числе последних на первом плане стоит климат, влияние которого гораздо постояннее, чем влияние расы. В самом деле, хотя расовые отличия и проявляются в современном человечестве, но не могли же они в течение многих веков не подвергнуться изменению от беспрестанных скрещиваний и целого ряда вторжений, местами успевших заменить одну расу другой.

3) *Эволюция.* По словам Вермеля, «эволюция всякого живого существа подчинена тем же законам, которые управляют и явлениями регресса, вырождения. Значит, только при изучении этих законов мы найдем причины прогресса или регресса той или другой расы».

Те виды, которые способны к быстрой эволюции, — как, например, раса арийская — испытывают органические изменения, дающие начало новым видам, и потому существуют недолго, являются преходящими.

К какой бы эпохе виды ни принадлежали, каждый из них развивается, дифференцируется, достигает высшей степени усложнения и затем начинает регрессировать, причем первыми исчезают самые совершенные и самые несовершенные разновидности, а остаются только средние, которые и пребывают более или менее долго без всякого изменения*.

В течение своей исторической жизни арийцы постоянно видоизменялись, давая начало многочисленным филиальным расам, весьма быстро терявшим сходство как с материнской расой, так и между собой. Главнейшие из этих филиальных рас суть: на северо-западе — галлы, германцы, славяне, литовцы; в центре — греки и латинцы; на востоке — индийцы и персы.

Китайцы, напротив того, достигнув несколько тысяч лет тому назад максимума своей цивилизации, претерпевают обратную метаморфозу. Поколения, создавшие их цивилизацию, были, очевидно, талантливее ныне существующих, которые ничего не создают.

По мнению Вермеля, современные китайцы находятся именно в *среднем* состоянии, в состоянии неизменного пребывания. Равным образом и еврейская раса стоит на одном месте, она тоже находится в *среднем состоянии*.

«Еврей, куда бы ни попал, сохраняет свою физиономию, не смешивается с окружающими народами и не подвергается их влиянию. Благодаря медленному, но постоянному распространению по Европе евреи живут теперь во всех странах, в большем или меньшем количестве.

А тем временем, когда китайцы и евреи оставались индифферентными ко всему окружающему, латинская раса, бессознательно подчиняясь закону эволюции, испытывала глубокие изменения, притом не только нравственные, но и физические, в зависимости от среды, в которой жила.

Следовательно, мы, — продолжает Вермель, — видим перед собой три расы, находящиеся в различных периодах революции.

Две первые (китайцы и евреи) с незапамятных времен как бы остановились на одной ступени эволюции, закончили последнюю и пребывают неизменными как физически, так и нравственно.

Латинская раса, напротив того, постоянно изменяется. Она смешивается с народами, которае покорила, и поглощается ими. Она исчезает, теряет свой этнологический характер».

4) *Скрещивания*. Скрещивание рас производит яркий этнологический эффект. Оно делает их более прогрессивными, подобно тому как скрещивание в растительном мире, по Дарвину, необходимое даже для растений двуполых. Пример тому мы видим в ионийцах, которые, будучи весьма близки к дорийцам, тем не менее дали множество гениальных людей (Афины) и оказались весьма революционными, потому что гораздо раньше еще скрещивались с лидийцами и персами в своих малоазиатских и островных колониях, где, кроме того, подвергались еще влиянию климата.

Первое и, может быть, величайшее из открытий человечества — алфавит — обязано, по-видимому, своим происхождением семито-египетскому скрещиванию: пастухам-семитам приходилось переписывать семитические слова по-египетски, и для этого они должны были придавать иероглифам фонетическое значение. Составленный таким образом алфавит перешел в Европу благодаря скрещиванию семитов с греками.

Дорийцы, обитавшие в северных гористых странах Греции и не подвергавшиеся скрещиванию, сохранили свой стойкий, воинственный характер, свою верность древним обычаям и не дали ни великих людей, ни революции. Между тем эти же дорийцы в Сицилии и в Великой Греции, смешавшись с италиками, сикулами и пеласгами, в свою очередь, стали революци-

онны, дали множество великих людей (Архимед и пифагорейцы, хотя не сам Пифагор, который был иониец) и внесли семя революции в этрусское искусство. Если этот новаторский дух и эта цветущая цивилизация не передались в потомство, то лишь потому, что скрещивание дает великие, но непрочные результаты, если они не поддерживаются дальнейшими скрещиваниями. Ирландия и Польша как раз по тем же причинам дают нам примеры цивилизаций, развившихся страшно быстро при первом столкновении с иностранцами, но не менее быстро и остановившихся, может быть, также благодаря отсутствию других физических и общественных факторов, благоприятствующих эволюции.

Даже негры, столь мало склонные к революции, на Кубе становятся более революционными при смешении с белыми. Надо заметить, однако же, что если смешение с высшими расами дает хорошие результаты, то смешение с низшими дает плохие, как это мы видим в Америке, на Антильских островах, где мулаты и белые были дезорганизованы и деморализованы благодаря дарованию гражданских прав неграм.

Японцы, с другой стороны, которые по расе стоят ниже китайцев и не обладают ни коммерческим, ни финансовым гением последних, ни их необыкновенным трудолюбием, быстро восприняв от Европы ее костюм, машины, железные дороги, университеты и все прочее, оказываются теперь гораздо более склонными к эволюции и революции — несомненно потому, что перемешались с малайцами, тогда как Китай продолжает хранить чистоту своей высшей расы.

Примесью германской расы объясняется быстрое и могучее развитие поляков среди других славянских племен, находящихся в первобытном состоянии.

Это тем более замечательно, что сами германцы, привившие цивилизацию к Польше, были не особенно высоко цивилизованы[1].

В самом деле, в зародыше всех польских городов лежат германские колонии, основанные эмигрантами на пустых, необитаемых землях. Германцы принесли с собой в Польшу муниципальное устройство, искусство и науку, которых у поляков не было. И это до такой степени, что все торговые и технические термины взяты поляками из немецкого языка и даже школьное преподавание в Кракове велось по-немецки. Первым кодексом Польши был магдебургский. Во второй половине XIII века в польских церквах пели по-немецки, а решения суда назывались *ortila* от немецкого *Urtheilen*.

А к германскому элементу примешалось много других. В 1772 году, по Станиславу Платеру, в Польше на 20 миллионов жителей приходилось:

---

[1] Смешение с германцами произошло во времена доисторические, так как на Волыни в доисторических могилах находятся долихоцефальные черепа германского типа.

Поляков	6 770 000
Малороссов	7 520 000
Евреев	2 110 000
Латышских народов	1 900 000
Немцев	1 640 000
Русских	180 000
Валахов	100 000

Примесь итальянских и французских политических и религиозных эмигрантов внесла в Швейцарии источник гениальности и стремление к либеральным идеям, замечающееся исключительно только в тех кантонах, в которых эта примесь имела место. Точно так же в самое последнее время вторжение семитических и германских элементов в Россию внесло в нее социалистические идеи или по крайней мере содействовало их распространению.

Примесь германской крови обусловила, без сомнения, частое появление во Франш-Конте величайших научных революционеров (Нодье, Фурье, Прудон, Кювье).

Самый высокоразвитый народ в Европе, давший трех величайших гениев нашего времени, есть народ английский, составившийся из смеси кельтов, германцев и латинцев. Напротив того, Ирландия, где смешения рас почти не было, дает много бунтовщиков, но мало гениальных людей и вообще была менее революционна, остановилась на лиризме.

Сицилия отличается от Неаполитанской области большим стремлением к эволюции, потому что население в ней смешанное. Это резче всего выступает в Палермо, где к норманнской крови примешалась сарацинская. Триест, в котором славянская кровь смешалась с латинской и германской, дал миру целый ряд гениальных личностей (Люстиг, Танци, Ревере, Фортис, Асколи, Бейссо, Тедески).

Влияние климата. Перемена климата для человека, как и для растений, может заменить благоприятные скрещивания.

Современный североамериканец не только физически отличается от англосакса, от которого произошел (более темная кожа, более черные и блестящие волосы, более длинная шея, более крупная голова, более выдающиеся скулы, более длинные пальцы), но и нравственно; он представляет собой высшую степень эволюции человека*.

В самом деле, уважение к древним традициям, которое англичане доводят до смешного, американцы заменили таким новым обычаем, как закон Линча; крайнюю сдержанность женщин — безграничной свободой; нетерпимое англиканское правоверие — самой пестрой гетородоксией (мормоны, шейкеры) и терпимостью, доходящей до иронии, до того, что англиканский священник, католический патер и еврейский раввин проповедуют в одном и том же храме. Вместо европейского церемонно-почтительного отношения к аристократии, к наследственному благородству, к представителям прави-

тельственной власти в Америке практикуется полная к ним индифферентность, иногда до оскорблений не только главы государства, но даже и представителей народа. Американцы уважают только ум, а еще более — золото; печать у них пользуется гораздо большей властью, чем правительство.

Нет возможности отрицать, что эти новые отношения суть признаки действительной эволюции, хотя бы они и были с известной точки зрения кощунственны. Наши предки прославились при помощи средств всегда гораздо более грубых, чем коварство и красноречие. Титулы их приобретались грабежом, и слово *proedium* обозначает завладение.

Преобладание слова и золота может считаться, если угодно, преобладанием сильного над слабыми; но интеллектуальная, мозговая сила, как бы она плохо ни употреблялась, всегда будет более достойна человека, чем сила мышц. Мы предпочитаем Мирабо, Фекса, даже Ротшильда, Алкидам и Роландам*. Благодаря преобладанию умственной силы в Америке влияние правительства заменилось влиянием индивидуума, усиленным во сто раз ассоциациями, капиталом и машинами. Машина там заменила животных; она теперь печатает, шьет, варит кушанья, рисует и ведет войну. Она дала янки то же могущество, каким обладал первый человек, которому удалось смирить лошадь и быка.

Таким-то образом белый человек Северной Америки возвысился над белыми людьми Испании и Италии, пропитанными суеверием, неспособными к ассоциации, не имеющими ни машин, ни капиталов, бездеятельными и, несмотря на свои индивидуальные достоинства, бессильными до такой степени, что постоянно находятся в зависимости от правительств, против которых беспрестанно бунтуют.

Североамериканец представляет собой, следовательно, трансформацию белой расы, пожалуй, даже настоящую новую расу, до уровня которой мы не дойдем и через несколько столетий.

Каким же образом раса эта создалась?

Не столько благодаря скрещиваниям, которые наступили гораздо позднее, сколько благодаря переходу людей и без того уже самых крепких в новую климатическую обстановку. К этому присоединилась ожесточенная борьба за существование на необработанной почве, среди враждебно настроенных диких племен. Борьба эта, погубив слабых, содействовала развитию сильных и вызвала к деятельности таланты, спавшие в мозгу обывателя Великобритании, пока он покойно сидел на родине, в кругу своего семейства.

Евреи представляют собой другой, столь же красноречивый пример видоизменяющего влияния климата.

Известно, что большая часть евреев, рассеянных по Европе, сохраняет неизменными главные черты своей расы, то есть долихоцефалию: черные волосы, прогнатизм лица, густые, сходящиеся на переносице брови, крупные губы и непропорционально короткие ноги. Но много между ними и

таких, которые окончательно лишились этих характерных черт и стали походить на представителей тех рас (преимущественно — английской), среди которых живут. Почти все статистики Европы единогласно утверждают, что у евреев родится больше мальчиков, чем девочек, и что смертность среди них гораздо меньше, чем среди христиан Германии[1], Франции и Венгрии. Но внимательное изучение быта веронских евреев доказало нам, что последняя разница не так велика. Она зависит от того, что подлежащие учреждения, и между прочим больницы, относят цифру смертности к одному только католическому населению города, тогда как она должна быть в известной пропорции распространена и на евреев[2].

По этой же причине и благодаря кажущейся, фиктивной редкости незаконных рождений в еврейской среде легко объясняется и преобладание в ней мальчиков над девочками.

Перейдем теперь к нравственным качествам. Зародыш многих из достоинств и недостатков современного еврея лежит в древней истории его рода, как, например: настойчивость, иногда доходящая до упрямства; живая любовь к родине, которую он и теперь доказывает так же ярко, как в древние времена; скупость, даже жадное стремление к золоту; теологическое легковерие; преувеличенное уважение к традициям, как бы они странны и нелепы ни были; наклонность составлять ассоциации; коварство и хитрость, поставившие евреев во главе торгового мира; наконец — неспособность евреев к пластическим искусствам, тем более закоренелая, что она встречает поддержку в строгих иконоборческих законах Библии.

Во всяком случае, однако же, нельзя отрицать, что современные евреи начинают нарушать древние постановления. Среди них теперь встречаются и живописцы, и скульпторы, и даже неверующие, свободные мыслители. В общем, у евреев начинают развиваться те же способности, которые преобладают в окружающей их среде. Так, в Германии еврей является ученым, в Польше — суеверным, в Венеции — говоруном, в Пьемонте — трезвым и молчаливым. Акоста и Спиноза — два еврея, сильнее других нападавшие на иудейские предрассудки и верования, родились в Голландии, как раз там, откуда вышли и наиболее упорные противники католического правоверия.

Но вместе с тем евреи потеряли и многие из своих исторических достоинств. Храбрость и презрение к жизни были когда-то выдающимися качествами этого сильного народа, ручьями проливавшего свою кровь на сте-

---

[1] В Пруссии среди евреев на 100 девочек рождается 113 мальчиков, а в Ливонии — 120. В Пруссии между христианами умирает 1 на 34, а между евреями — 1 на 40.

[2] У католиков в Вероне одно незаконное рождение приходится на 5 законных, а у евреев — на 100. Поэтому и смертность еврейских детей равняется 30%, тогда как у католиков она вдвое больше. Но среди взрослых евреев смертность равняется 65%, а среди католиков — только 39%.

нах Массады*, так что римляне, победители, заняв город, впервые увидали самоубийство целого населения, не пожелавшего пережить национальный позор. Но вот теперь среди современных евреев эти качества встречаются очень редко и уступили свое место инстинктивному страху смерти, что доказывается как незначительным процентом самоубийств, так и отсутствием замечательных военных людей между евреями.

Потеряв некоторые достоинства, они, однако же, приобрели другие, которыми не обладали до переселения в Европу. Так, семейное чувство развилось среди них очень сильно; вошедшая в пословицу азиатская инерция, полное равнодушие ко всему, кроме древней веры и золота, вытекающее из этого равнодушия невежество — все это исчезло, заменившись лихорадочной деятельностью на всех поприщах общественной жизни. Повсюду еврейство дало выдающихся людей: в политике — Абрабанеля; в диалектике — Спинозу; в иронии — Гейне; в публицистике — Юнга, Вейля и др.; в музыке — Мейербера, Галеви. Знаменитейшие врачи и физиологи Германии — Каспер, Гирш, Шифф, Валентин, Конхейм, Траубе, Френкель — по происхождению евреи. В общем, еврейская нация дала пропорционально столько же, если не больше, интеллектуальных работников, сколько дали их расы несемитические, и притом в таких отделах знания, к которым семиты прежде считались неспособными, например в точных науках. Только в пластических искусствах и в механике они не дали ни одного сколько-нибудь заметного деятеля.

Значит, семиты не только сравнялись с арийцами, но и превзошли их во многом. Вот, следовательно, еще одна раса, которая на наших глазах, сохраняя отчасти свой первобытный тип, преобразовалась и поднялась на более высокую ступень совершенства.

Как это произошло — всем известно. Принудительная эмиграция поставила малопрогрессивную расу под влияние климатов, совершенно не похожих на тот, в котором она развивалась; а затем постоянное многовековое преследование обострило интеллект и укрепило характер тех, которых не могло задушить окончательно (и таких было большинство). А так как усиленная деятельность, коварство и скупость, развившаяся вследствие необходимости казаться бедняками, одни только могли спасти евреев от слишком жестоких преследований, то эти пороки и развились в них с особой силой; храбрость же и щедрость — достоинства, которые в их положении могли быть скорее вредными, чем полезными, — исчезли совершенно. Впоследствии, как мы увидим ниже, у евреев развился особого рода невроз.

Это совокупное влияние климата и окружающих обстоятельств выступает еще резче при сравнении евреев европейских с теми, которые живут на первоначальной родине, в жарких странах и никаких преследований не испытали. Эти последние — в Абиссинии, например, — ни в чем не изменились и даже, пожалуй, одичали, несмотря на всевозможное ухаживанье за ними со стороны европейских единоверцев.

В Бомбее евреи — земледельцы, каменщики, плотники, солдаты, — претендующие на прямое происхождение от племен, плененных ассирийцами во время Осии, строго соблюдают субботу и обрезание, почитают Библию, не понимая ее, и женятся только в своем кругу. Объединенные в особые корпорации еще до появления европейцев, они не успели подняться выше уровня самых низких индийских каст.

В горах Атласа среди берберов Дэвидсон нашел евреев, очень бедных и нисколько не отличающихся от других полудикарей. То же самое и в Халдее, где евреи живут со времен Навуходоносора.

В Китае, где они обосновались тысячи две лет тому назад, среди евреев незаметно никакого прогресса, несмотря на то что там их никто не преследует. Они уже позабыли большую часть обычаев и религиозных постановлений иудаизма, подобно китайцам, не произносят букв «б» и «р», наконец, приняли даже отчасти китайский культ предков.

Недостаток сродства. Одной из важных причин политических волнений является недостаток духовного сродства между народностями, вследствие завоевания или иммиграции, одновременно живущими на одной и той же территории.

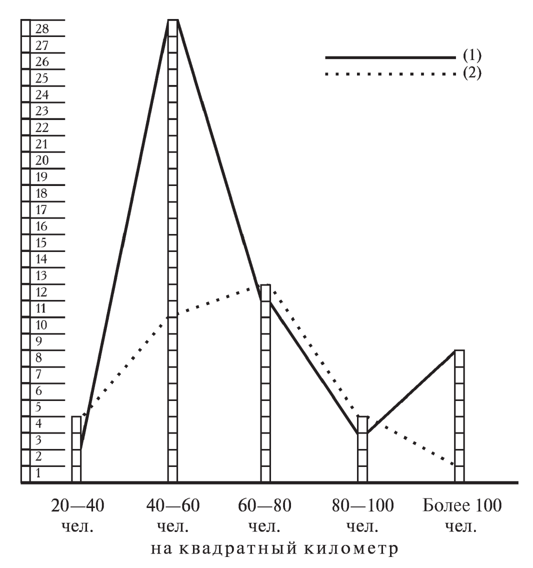
Уже Аристотель заметил, что разница в происхождении народов, живущих вместе, может служить причиной революции до тех пор, пока они не ассимилируются и не поглотят друг друга; так, ахейцы, присоединившиеся к трезенцам, чтобы основать Сибарис, прогнали последних, когда стали более многочисленными.

Таким же недостатком сродства можно объяснить ненависть славян к туркам, чехов — к венграм, басков — к испанцам, европейцев — к евреям.

Мусульмане, живущие на севере Суматры, постоянно восстают против голландцев. Причиной этого служит не климат и не управление — очень разумное, терпимое и дающее им полную свободу (остаются же покойными буддисты на Яве), — а разница расового характера, которой разница в религиях служит только признаком.

5) *Плотность населения.* Изучение отношений, существующих между плотностью населения и монархическими наклонностями в различных департаментах Франции, доказывает, что там, где население более скучено, общественное мнение склоняется к идеям республиканским, и наоборот. В самом деле, те департаменты, в которых количество жителей на квадратный километр не превышает 40—60 (Нижние Альпы, Эндр, Вандея, Нор, Жер, Аверон и прочие), дали большое количество монархических голосов на выборах 1877—1881—1885 годов. Напротив того, те департаменты, в которых народонаселение очень плотно (Сена, Рона, Луара, Сена и Уаза и прочие), дали большинство голосов республиканских, как это видно на диаграмме (с. 398).

Легко понять, что в больших городах, где население особенно скучено, политические волнения почти не прекращаются. Это особенно ярко проявляется в Париже, куда, по словам Виоле-ле-Дюка, весь свет выбрасывает

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

свою пену, делая из столицы Франции космополитический город, в котором кочевая беспринципная толпа нагло распоряжается выборами и пользуется несчастьями страны для того, чтобы колебать правительство и становиться на его место.

Поэтому-то после Коммуны на 36 тысяч арестованных пришлось 25 648 провинциалов и 1725 иностранцев.

«Вот в этом-то и состоит, — прибавляет Максим дю Кан, — недостаток чересчур централизованных стран, в которых провинциальная жизнь слишком неразвита.

Большие столицы вредят политическому покою страны; подобно всасывающему насосу, они притягивают и задерживают. У Франции голова несоразмерно велика, и потому она, как все страдающие водянкой в голове, по временам подвергается приступам буйного бреда. Коммуна была одним из таких приступов.

Чистокровный парижанин лишь в слабой степени участвует в таких взрывах. Пена провинций волнует Париж. Все неудачники, тщеславные, себялюбивые и завистливые люди скопляются в столице, считая себя способными управлять всем миром, потому что удачно проповедовали в кабачках родного города. Париж должен осуществить их надежды или погибнуть, а так как он не знает даже их имен, то пусть проваливается».

6) *Отношение к гениальности.* Что касается гениальности, то, что бы ни говорил Якоби — исследованиям которого мы, однако ж, многим обязаны, — отношение ее к плотности населения очень слабо выражено. Если и

проявляется некоторый параллелизм, то только в очень крупных центрах (Париж, Лион, Марсель), а в средних он незаметен.

Да, наконец, большое количество гениальных людей в крупных центрах есть явление скорее кажущееся, чем действительное. В другом месте мы доказали, что гениальные люди хотя и умирают по большинству в больших городах, но родятся они в провинции, откуда уходят в города лишь потому, что там легче могут проявить себя. Это заставляет думать, что крупные центры способствуют скорее проявлению, чем нарождению гениальных людей[1].

Если в первые эпохи эволюции плотность населения содействовала прогрессу, то теперь, если судить по Китаю, Египту, Мадриду и Неаполю, этого сказать нельзя.

В общем, можно признать, что плотность населения благоприятна как для бунтов, так и для эволюции, но больше для первых, чем для последней, что доказывается и малым ее влиянием на гениальность, служащую высшим проявлением эволюции.

7) *Земледельческий и промышленный прогресс.* Возникновение крупных рабочих центров, предоставляя всяким новым идеям более легкую возможность распространения, увеличило удобства и неудобства чрезмерной скученности. Если быстрые средства сообщения — телеграфы и железные дороги — облегчают принятие репрессивных мер, то они облегчают и распространение бунтов. Поэтому-то деспотические правительства и относятся враждебно к почте и железным дорогам.

Научные открытия, вообще, не только помогают развитию промышленности, но дают оружие революционным силам; динамит и керосин предназначены, по-видимому, сыграть для пролетариата ту же роль, которую сыграл порох для буржуазии при ее борьбе с дворянством.

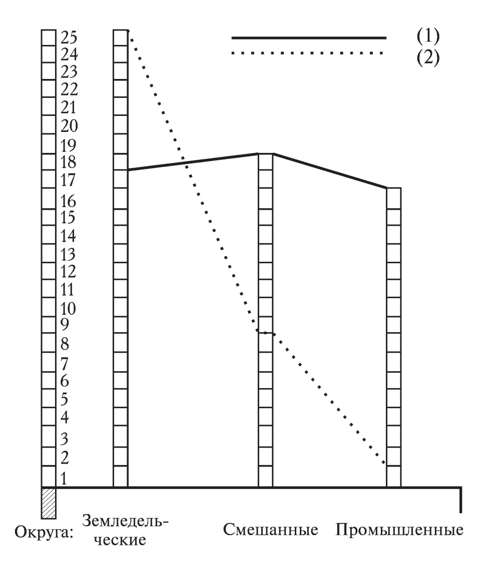
Из диаграммы (с. 399) видно, что промышленные округа Франции дают большинство голосов республиканских, а земледельческие — монархических. Распространение земледелия и виноградарства преобладает в странах монархических.

То же самое можно бы было сказать и о преобладании гениальности в странах промышленных, но так как она преобладает также и в странах горных, которые часто становятся промышленными только потому, что негодны для сельского хозяйства, то влияние промышленности маскируется влиянием орографическим.

Быстрый ход эволюции в промышленных странах вполне подтверждает исторический закон Спенсера, согласно которому промышленный период представляет собой венец человеческой эволюции, так же как и высочайшую степень развития благосостояния.

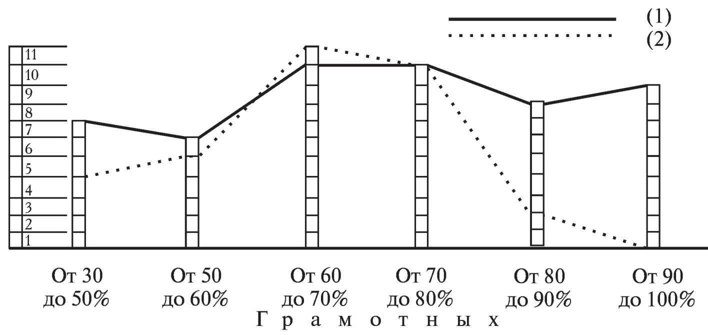
---

[1] «На истощенной почве столиц гениальные люди не растут», — говорит Бажео; «Ни один поэт не родился в столице», — говорит Рихтер в своей «Автобиографии». То же думают Карлейль и Смайльс.

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

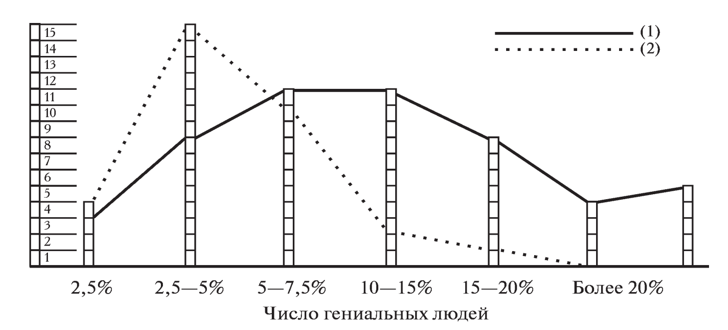
8) *Образование.* После всего сказанного становится вполне понятным, что эволюция идет быстрее там, где шире распространено образование. Как видно на диаграмме, департаменты, население которых наиболее образованно (90–

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

95% грамотных), суть чисто республиканские, а в департаментах, средних по образованию, монархисты и республиканцы друг друга уравновешивают. Одного только я не могу себе объяснить — почему республиканцы преобладают также и в департаментах, дающих наименьший процент грамотности.

9) *Гениальность.* Распространение гениальности и республиканских принципов повсюду вполне совпадает, как предвидел Якоби.

1) Линия распространения республиканских принципов.
2) Линия распространения монархических принципов

Департамент Сены дает максимум гениальности и минимум реакционных голосов. Точно так же республиканские департаменты Вар, Рона, Сена и Уаза, Сена и Марна богаты гениальными людьми, тогда как Вандея, Морбиан, Па-де-Кале, Нор, Верхние и Нижние Пиренеи, Жер и прочие реакционны и бедны гениальностью. Эта аналогия до такой степени полна, что маскирует влияние расы, плотности населения и прочее, что вполне естественно, разумеется.

Гениальность есть одновременно и проявление, и показатель эволюции, как потому, что рождается из последней, так и потому, что выдвигается ею на свет.

Карлейль пишет, что лучшим показателем интеллектуальной культуры данной эпохи является отношение последней к гениальным людям.

В Древней Греции литература и искусство процветали, потому что она посредством эстетического воспитания, Олимпийских игр и частых революций приучала народ ценить гениальность, лишь бы последняя не слишком опережала век, как это случилось с Сократом.

«Во время моих путешествий, — пишет Лебон, — я мог убедиться, что средние слои общества у китайцев и индусов нисколько не уступают в развитии тем же слоям нашего общества, но у нас гораздо больше лиц, превышающих средний уровень».

По мнению Ренана, две главные религиозные революции евреев — иудаизм и христианство — произведены пророками, то есть гениальными людьми.

Народы, одаренные живым воображением, более других склонны к восстанию; это доказывается не только примером Парижа, но и примером Флоренции. Женева, слывшая в XVI столетии городом недовольных, была, конечно, культурным центром Швейцарии. То же можно сказать и об Афинах, где в цветущий период развития цивилизации насчитывалось 56 знаменитых поэтов, 21 оратор, 12 историков и писателей, 14 философов и ученых, 2 знаменитых законодателя — Дракон и Солон. Между тем в Спарте не было ни революций, ни знаменитых людей (по счету Шолля, всего 6).

В Италии республиканские принципы особенно процветают в Романье, в стране, в которой, по словам Массимо д'Азелио, «человек вырастает более красивым и могучим, чем в остальной Италии». Но тут дело осложняется влияниями орографическими.

Польша. Другое дело — Польша, где все, по-видимому, противодействует республиканскому настроению, так как страна эта представляет собой равнину, расположенную в холодном северном климате и населенную славянским брахицефальным племенем. А между тем поляки считаются наиболее революционным народом в Европе.

Формой правления, борьбой при выборе королей, существованием *liberum veto** этого объяснить нельзя, потому что бунты в Польше предшествовали окончательному установлению государственного строя. Революционное настроение польского народа скорее объясняется очень ранним и широким распространением в стране интеллектуальной культуры, которая, в свою очередь, обусловлена была географическим положением Польши между северными славянскими племенами, германцами и разлагающимся Византийским Востоком, а кроме того — крайней смешанностью населения.

Первый толчок к насаждению интеллектуальной культуры в Польше был дан Болеславом Великим, призвавшим в 1008 году орден бенедиктинцев. Затем Казимир I вызвал и из Льежа многих французских ученых. В XII веке школы и библиотеки в стране процветали, а в XIII поляки не только являются студентами Падуанского, Болонского и Парижского университетов, но даже профессорами и ректорами, как Николай Краковский, Ян Грот и Пржеслав.

Спустя еще одно столетие в Польше уже являются собственные ученые: историки — Матиас Холева, Винцент Кадлубек, Мартин Полоний, и знаменитый математик Вителий.

В 1347 году основывается Краковский университет, первый на севере Европы; в 1364 году он уже считается одним из самых знаменитых, а спустя еще одно столетие польские доктора считаются первыми после болонских.

В ту же эпоху Григорий Саннок отличается как философ и натуралист, а Матвей Краковский диктует «*Ars moriendi*», напечатанное в Гарлеме в 1460 году.

Эразм Роттердамский в письме к Северино Буару называет Польшу «отечеством ученых». Говорят, что первой типографией в Европе была краковская, основанная в 1474 году, но вполне достоверно, что среди типографов, рассеянных по разным странам, встречалось много поляков. Как, например, можно указать на Адама в Неаполе (в 1478 году), Скражецкого в Вене и прочих.

Царствование двух Сигизмундов (1502–1622) было очень богато знаменитыми людьми, среди которых можно отметить Коперника и историка Яна Длугоша.

Образование проникало в самые низшие слои народа. Несмотря на шляхетские привилегии, каждый мог подниматься в высшие слои общества

личными талантами: Клемент Юницкий, Дантиск, Кромер, Хозий были людьми низкого происхождения.

Юридические сочинения Бернарда Люблинского и Яна Пильзенского во многом сходятся с творениями Беккариа и Филаджери.

Бедность — результат постоянных войн и внутренних неурядиц — вместе с допущением иезуитов к школьному делу (при Сигизмунде III, в 1528 году) обусловили начало падения цивилизации в Польше, ускоренного политическими преследованиями и эмиграцией лучших людей. Но все же Сянчинский в своем «Словаре знаменитых людей Польши» насчитывает при Сигизмунде III 1149 знаменитых людей, 711 писателей, 110 полководцев.

Но падение мало-помалу усиливалось. При Владиславе III едва можно насчитать одного проповедника и одного поэта, Сербиновского.

В Польше, как в Афинах и во Флоренции, слишком высоко развитая гениальность выродилась в беспрестанные бунты.

Вообще интеллектуальная культура, если она преждевременна, слишком интенсивна и плохо направлена, оказывается вредной. Таким образом, и у нас, в Италии, в известную эпоху пасторальный классицизм, культ формы и классико-архаический патриотизм, проведенный иезуитами, немало содействовали подогреванию в душах молодых людей революционного настроения и ненависти к иностранцам. Даже и теперь классическое образование, мало культивируя нравственность и не представляя собой вспомогательного средства при борьбе за жизнь — каковым являются точные науки, — увеличивает число неудачников, то есть усиливает несоответствие между потребностями и возможностью их удовлетворения, что, конечно, не может не быть вечной угрозой общественному спокойствию.

Нигилисты. По мнению Шерера, одной из причин развития нигилизма в России была чрезмерная интеллектуальная культура женщин. В самом деле, если сначала русские девушки стремились поступать в гимназии и университеты, открытые для них Александром II, из любви к просвещению, то затем большая их часть стала поступать туда единственно ради моды, а те, которые шли исключительно по призванию, занялись изучением естественных наук и стали анархистками.

Этому содействовали, может быть, и причины этнические. Бурже доказывает, в самом деле, что пессимизм, порождаемый контрастом между действительностью и мечтами, навеянными преждевременной и чрезмерной интеллектуальной культурой, особенно сильно развивается у славян, азиатская кровь которых содействует безграничным полетам воображения.

Поэтому-то 15—18-летние девушки лучших фамилий, повинуясь инстинкту эмансипации, толпами бегали из дому, чтобы поступать в высшие учебные заведения, где братались со студентами, превращались в нигилисток и становились искательницами приключений.

Бабизм. Для народа нет ничего опаснее интеллектуальной культуры, противоречащей его традициям, тем более если она преждевременная и ско-

роспелая. Это особенно ярко проявилось в Индии, где школы, управляемые англичанами и устроенные по европейскому образцу, развели бабистов, считающихся теперь тысячами. Они обезьянят европейскую интеллектуальную культуру, не понимая ее, а потому превратились в нечто умственно и нравственно дряблое, достойное презрения.

У бабистов слова заменяют идеи. Это слепые, окруженные цветами. Королева Англии, принц Уэльский и первый министр заменяют для них буддийскую троицу. Они позабыли свой язык, свою религию, литературу, утратили традиционную нравственность, не приобретя взамен ничего европейского, кроме слов, не имеющих значения.

Трусливые перед европейцами, которым дозволяют даже бить себя, бабисты грубо и деспотически относятся к другим индусам. Администрация Индии находится в их руках, но они надеются захватить в свои руки и правительство, для чего устраивают заговоры и бунты.

Бабисты представляют собой разительный контраст пандитам, индусам, воспитанным в национальных школах; последние отличаются серьезностью, благовоспитанностью и честностью. Нельзя не признать, что вице-король Индии, учредивший в этой стране европейские школы, оказал плохую услугу Англии, так как бабисты, ведущие теперь только устную и печатную пропаганду, рано или поздно устроят восстание в пользу России.

10) *Печать и литература.* Влияние вожаков революции и культуры ума было бы гораздо незначительнее, если бы ему не содействовала печать, которая теперь направляет общественное мнение и служить главным союзником современных агитаторов.

Благодаря ей энциклопедисты подготовили падение старого режима. Но и у них были предшественники, как, например: Мабли, Бриссо (которому приписывают изречение: «Собственность есть кража») и аббат Морелли, проповедовавший коммунизм в начале XVIII века. «Начиная с Евангелия, — говорит Бональд, — и кончая “Общественным договором”, революции всегда производились книгами. Маркс и Лассаль посеяли первые семена освобождения рабочих классов путем печати; тем же путем Герцен, Чернышевский и Бакунин начали борьбу с самодержавием в России. Точно таким же образом дарвинизм разрушил в науке последние остатки религиозных суеверий».

Если верить одному английскому писателю, то гражданская война Ирландии с Англией тоже опиралась на печать.

В самом деле, прежде ирландский народ читал только рассказы про колдунов да разбойников, а теперь он читает биографии борцов за свободу Ирландии. Исторический «Мемуар» О’Коннела вновь подогрел не только расовую, но и религиозную вражду между двумя народами*, а за ним последовали другие сочинения, хотя и не обладающие такими же достоинствами, но имеющие в виду ту же цель, вроде, например, стихов Томаса Дэвиса, наиболее выдающегося поэта-националиста.

Наибольшим влиянием пользуется, однако же, периодическая печать, так как из 153 ирландских газет 59 пропагандируют националистическое движение, не считая фенианских изданий, выходящих в Нью-Йорке. Одно из них — «*Irish Words*» — пользуется особым почетом в народе.

Нельзя сказать, следовательно, чтобы роль печати всегда была умиротворяющая и чтобы газеты, как думает Кетле, служили регулятором, предохранительным клапаном, мешающим революционным силам дойти до степени опасного напряжения.

Мы теперь воочию видим, как во Франции и в Германии громадное количество газет и брошюр, проходя через руки народа, сеют ненависть между различными его классами. Анархисты особенно щедро наводняют страну листками, иногда положительно преступного содержания и с возмутительными заглавиями, вроде: «Журнал убийц». Вот, например, один абзац из немецкой «*Freiheit*»:

«Убивайте, убивайте! Пусть мщение будет ужасными. Таков должен быть и припев революционных песен. Таков будет лозунг исполнительного комитета после победы пролетариата над буржуазией. В критические минуты перед каждым убежденным революционером является дилемма: или в возможно большем количестве рубить головы своих врагов, или потерять свою собственную. Наука дает теперь средства уничтожать этих чудовищ оптом и очень деликатно».

А вот другой, из газеты «*Ciclope*», выходившей несколько лет тому назад в Мантуе:

«Эта масса прекрасно знает, что ей выгодно душить собственников, жечь их пожитки, завладевать великолепными дворцами, ею же построенными, взламывать железные сундуки, перевернуть кверху дном всякий авторитет; перевешать королей, министров, сенаторов, депутатов, адвокатов, полицейских комиссаров, префектов и тому подобную сволочь. Эта униженная масса добьется своих прав только путем революции».

Ясно, каким образом должны действовать такие фразы на невежественный и истощенный лишениями народ.

11) *Роль страстей в революции и бунтах.* Страсти являются могущественнейшими факторами как в революции, так и в бунтах. В первой работают обыкновенно страсти более благородные и человечные, а в последних — жестокие и бесчеловечные, но и там и сям они проявляются бурно, резко и потому кратковременно. Вообще страсть действует наподобие взрыва, бросающего народ гораздо дальше намеченной цели.

«Во дни этого ужасного кризиса, — пишет Вальберт, — истины, в которые вчера еще все верили, оказываются лишенными смысла. Мудрость кажется сумасшествием, а сумасшествие — мудростью. Мирные люди испускают воинственный крик, тихие становятся буянами, сердца большинства черствеют. Закон причинности как бы отменяется; дело целого столетия совершается в один час.

Не требуйте от революций благоразумия, это значило бы требовать от бури, чтобы она вела себя тихо».

Член Конвента Бодо говорил: «У людей лихорадка продолжается сутки, а меня она треплет десять лет сряду».

«Во время революции, — говорит Маколей, — жизнь протекает с необычайной быстротой; в несколько часов люди приобретают опыт нескольких лет. Закоренелые привычки сразу искореняются, а новшества, возбуждавшие страх и отвращение, становятся привлекательными и желанными».

Мы видели, например, как ультрамонархические парламенты вдруг становятся республиканскими. Кларендон, приходивший в отчаяние оттого, что его сын перешел из службы Иакову II на службу к Вильгельму, сам через пятнадцать дней поступил так же. Св. Павел, ожесточенный враг Христа, сделался апостолом.

«Во всякой революции, — пишет Ренан, — создатели ее поглощаются и заменяются теми, кто выступает позже. Родные и друзья Мухаммеда, желавшие воспользоваться революцией, которую совершили, подверглись истреблению в первый век Хиджры*».

При французском движении прямые ученики св. Франциска Ассизского через одно поколение были признаны опасными еретиками и сотнями сжигались на кострах.

Это потому, что идея в первые дни своей творческой деятельности в силу закона инерции, о котором мы говорили выше, идет гигантскими шагами, так, что инициатор ее скоро становится уже отсталым, делается препятствием к ее распространению.

Понятно, стало быть, почему в революционные эпохи (Афины, Флоренция) великие люди, обыкновенно прозябающее в неизвестности, принимаются с распростертыми объятиями. Страсти заглушают мизонеизм и ищут своих естественных союзников, а при отсутствии последних довольствуются великими фанатиками, как было в 1789 году.

Лавеле говорит, что великим революциям свойственно возвышать души современников и давать им особый закал, который, однако же, скоро исчезает. Самые темные и низменные люди, которые даже никакого участия в великих событиях не принимали, и те начинают выражать чувствования, в обыденной жизни им несвойственные. Достаточно жить во время революции, чтобы выйти из нее более чистым и твердым.

Страсть, поддерживаемая и усиливаемая подражанием, препятствиями, победами, заставляет людей совершать такие деяния, которые напоминают эпидемическое сумасшествие.

Офицеры Кромвеля, сообщает Маколей, помимо военных исполняли и духовные обязанности. В свободное от службы время они проповедовали и совершали богослужения. Экстаз заменял для них знание и уменье. Давая ему волю в проповедях, они удивляли не только слушателей, но и самих себя тем красноречием и эрудицией, которые у них неизвестно откуда являлись.

Англиканская проповедь, икона Богородицы, нарисованная на стене, возбуждали среди пуританского воинства такую злобу, что офицеры едва могли ее сдерживать. Кромвель едва мог остановить своих солдат, чтобы они не взяли штурмом кафедру проповедника.

Перед началом битвы весь лагерь пел псалмы. Борясь за святое дело, солдаты Кромвеля смотрели на раны как на отличие, а на смерть как на мученичество. Усталость и опасности не только не разрушали их благочестивого настроения, а даже усиливали его.

Первые христиане учили, что брак постыден, красота бесполезна, а мученичество обязательно.

Только влиянием страстей, разбуженных Савонаролой, можно объяснить иконоборческое усердие флорентийцев, наиболее артистического народа в Италии. Теми же страстями объясняется предложение депутата Жана Дебри (в заседании 26 августа 1792 года) образовать корпус из 1200 добровольцев, которые бы «посвятили себя индивидуальной борьбе — один на один — с тиранами, объявившими войну Франции, и генералами, стремящимися уничтожить в ней свободу». Той же страстью объясняется жестокость евреев-зелотов к умеренным, которых они не только всех поголовно задушили, но и дома их сожгли; антропофагия современного человечества в Париже и Палермо; Сицилийские Вечерни, когда народ, не имея оружия, разбил французские и австрийские войска.

По словам Амари, в Сицилии перед Вечернями не было ни заговора, ни внушения со стороны каких-либо гениальных личностей; народ восстал исключительно из-за национального антагонизма.

«Налоги для предприятия в Греции, жестокости, проявленные в Палермо за неделю до Пасхи, наконец, невыносимое оскорбление, нанесенное Дроэтто*, истощили терпение народа».

«Избиение совершалось до такой степени безжалостно, — говорит Маласпина, — что, убивая француза, каждый как бы мстил за смерть своего отца или сына и думал сделать угодное Богу».

«Толпа, — говорит Тард, — есть нечто очень странное. В сущности, она представляет собой разнокалиберный сбор элементов, не имеющих друг с другом ничего общего, а между тем как только искорка страсти проскочит от одного к другому, наэлектризует это разнородное сборище, так оно вдруг является уже организованным. Бессвязное — связывается; шум становится голосом; тысячи рядом стоящих людей вдруг сливаются в одно чудовищное дикое животное, с непреклонной решимостью стремящееся к своей цели. Большинство присоединяется к толпе чисто из любопытства, но страсть, кипящая в некоторых, заражает всех и проявляется в виде дикого бреда. Человек, прибежавший исключительно для того, чтобы воспрепятствовать убийству невинного, вдруг сам, один из первых, заражается стремлением убивать и даже нисколько этому не удивляется.

Вот хоть бы во времена Коммуны: человек в белой блузе проходит мимо возбужденной толпы, собравшейся на площади; кому-то он кажется подозрительным; подозрение это ни с того ни с сего вдруг охватывает всю толпу, и затем — все кончено. Никакой протест, никакие доказательства или оправдания не помогают — подозрение превратилось в глубокую уверенность».

Влияние страсти чувствуется даже в манере переносить страдания так, как будто бы они доставляли большое удовольствие.

«Можно сказать, — пишет Ренан, — что первые христиане жили ожиданием казни. Мученичество лежит в основе христианской апологетики. По словам тогдашних писателей, оно есть признак истинности христианства. Только ортодоксальная церковь обладает настоящими мучениками, а диссидентские секты из всех сил стараются доказать, что и они не лишены этого единственного доказательства истины».

«Гонения были главным элементом, сплотившим ту группу людей, которая впервые отстояла свое право от тиранических поползновений государства.

В самом деле, люди умирают только за то, во что верят, а не за то, что знают наверное. Наиболее блестящие победы христианства — обращение Тертуллиана, например*, — были одержаны лицезрением мужества мучеников, их готовности радостно переносить страдания, а также и возмутительной жестокости преследователей».

Среди посланий, написанных Игнатием из Смирны, есть одно, адресованное к римлянам, в подражание апостолу Павлу. Резким простонародным языком в нем выражена та живая жажда страданий за веру, которая в течение двухсот лет была характерной для христианских обществ.

«Дело устроилось, — говорил он, — только бы ничто мне не помешало достигнуть цели, то есть быть умерщвленным. Правду сказать — это вы меня беспокоите; я боюсь, как бы ваша привязанность ко мне не послужила препятствием. Вы ведь ничем не рискуете, а я могу потерять благодать Божию, если вы меня спасете. Другого такого случая мне никогда не представится, и если вы сделаете мне одолжение и не вмешаетесь, то это будет с вашей стороны добрым делом. Если вы промолчите, то я буду принадлежать Богу; а если вы пожалеете мою плоть, то мне придется вновь участвовать в мирской суете. Ах, как я хотел бы успокоиться в Боге! Вы никогда никому не делали вреда, зачем же хотите начать теперь с меня?

Дайте мне накормить своим телом диких зверей — я буду радоваться и о Господе. Я есмь пшеница Божия и должен быть смолот звериными зубами для того, чтобы стать хлебом Иисуса Христа. Позаботьтесь скорее о зверях, чтобы они ничего от моей плоти не оставили и были моей могилой, так, чтобы и похороны никому ничего не стоили.

Надеюсь, что они будут достаточно голодны; в случае надобности я их побью, чтобы они тотчас же меня растерзали и не поступили со мной как

с некоторыми другими, которых боятся тронуть. Не захотят, так я их заставлю.

Пусть огонь и крест, нападение стаи зверей, изуродование членов, все демонские казни обрушатся на меня... я все вынесу, лишь бы радоваться о Христе Иисусе».

Рядом с этим посланием в наше время можно поставить только следующую песнь умирающей нигилистки, которая вызвала слезы на глазах даже ее судей и палачей.

«Слышите, судьи, приговаривайте меня скорее; преступление мое велико и ужасно! Одетая в простое ситцевое платье, без башмаков, я пошла туда, где стонут наши братья, где царствуют вечный труд и вечный голод. Зачем ваши фразы и речи? Разве я не сознаюсь в своем преступлении? Смотрите — на мне и теперь еще крестьянское платье, ноги мои босы, руки — в мозолях, я истомилась от работы. Но величайшей уликой против меня служит моя любовь к родине. Как бы я ни была виновна, однако же вы, судьи, вы бессильны против меня. Да, всякое наказание бессильно против меня, потому что я имею веру, которой вы не имеете, — веру в окончательную победу моих идей. Вы можете посадить меня в тюрьму на всю жизнь, но моя болезнь, как видите, сократит наказание. Я умру *с сердцем, переполненным любовью*, и сами палачи будут плакать и молиться у изголовья моего смертного одра».

Шестьдесят лет спустя после смерти Игнатия Смирнского характерная фраза из его послания: «Я есмь пшеница Божия» сделалась лозунгом церкви; и ее повторяли для того, чтобы поддержать дух мучеников. Равным образом песнь умирающей нигилистки и теперь воспламеняет русских страдальцев.

Влиянием страсти объясняется факт, недостаточно отмеченный историей и состоящий в том, что всякое восстание, всякая революция сопровождается особым гимном, возбуждающее действие которого не оправдывается иногда достоинством слов и музыки. Так, в 1769 году появились «*Çaira*» и «*Марсельеза*»; в 1831 году — «*Su figli d'Italia*»; в 1849 году — «*Fratelli d'Italia*»; в 1860 году — гимн Гарибальди: «*Siscopron le tombe*», а в последнее время «*Pioupious d'Auvergne*» и «*En revenant de la revue*», распространяемые для подготовки буланжистского движения. Наконец, анархисты в Чикаго распевают «Песнь бродят и бунтовщиков».

От древней жизни осталась нам знаменитая марсельеза афинского народа — «*Scolion*», сочиненная Каллистратом в честь убийц Гиппия*.

«Я буду носить нож под миртовой веткой, как Гармодий и Аристогитон, когда они убили тирана и возвратили Афинам свободу.

О Гармодий! Говорят, ты не умер, а живешь на островах блаженства вместе с быстроногим Ахиллом и Диомедом, сыном Тидеевым.

Я буду носить нож под миртовой веткой, как Гармодий и Аристогитон, когда они на афинских торжествах убили тирана Гиппарха.

Ваша слава, о Гармодий и Аристогитон, никогда не потухнет на земле, потому что вы убили тирана и возвратили Афинам свободу».

В царствование Иакова II весьма плохие стихи Томаса Уортона оказывали такое влияние на публику, что этот бесталанный поэт хвастался потом, что он один изгнал короля.

Пение, которым у первобытных народов сопровождалась всякая работа, всякое действие в силу атавизма, и теперь служит необходимой принадлежностью всякого общественного движения, в котором участвует страсть. Но оно не только сопровождает эти движения, а может и породить их, так же как цвета знамен, крики, исступленные жесты, которые, иногда будучи совершенно бессмысленными, возбуждают массу и направляют ее к какой-нибудь заранее намеченной цели.

Песня благодаря своей неопределенности может отвечать всяким стремлениям толпы и связывать последнюю в одно целое. Она играет роль тотализатора, сводящего к одному общему чувству разнообразные стремления отдельных лиц, так что может быть одновременно и причиной, и следствием общего брожения.

Такое брожение часто вызывается добрыми чувствами, но в дальнейшем своем течении, особенно во время бунтов, оно часто становится и несправедливым, и не соответствующим цели, которая его вызвала. Это, разумеется, вполне естественно, так как страсть опирается не на разум, а на чувство, которое всегда сильно.

Один и тот же народ, находясь под влиянием страсти, может разражаться взрывами жестокого бунта из-за пустяков, а затем оставаться апатичным, несмотря на очень важные причины для восстания. Так, во время Парижской Коммуны удовольствие насолить буржуазии делало героями таких людей, которые апатично относились и к иностранному нашествию, и к диким погромам черни.

Подражание, как при Коле ди Риенци, и голод, как во времена Мазаниелло и в 1759 году, могут усилить или ослабить влияние страсти, особенно когда она только что начинает действовать.

Французы, проявившие такую энергию в 1789 году, оставались апатичными в 1815 году; энтузиазм, охвативший итальянцев в 1848 году, ослаб в 1859 и еще более к 1866 году. Что значили Фикуцца и Ментана в сравнении с первыми подвигами Тысячи*? А между тем и народ, и вождь, и деятели, и обстоятельства остались почти те же самые.

В Древней Византии бунты возникали по самым пустячным причинам, иногда просто из-за прибавки или опущения какой-либо фразы в молитвах. В 658 году до Р. Х. одна такая прибавка, сделанная каким-то епископом, погубила империю Анастасия. В некоторых церквах ее приняли и пели,

а в других ей свистали. Император счел долгом вмешаться и наказать насильников, но был за это низложен патриархом. Началось вооруженное восстание, предводительствуемое монахами, призывавшими народ к битве, к страданиям за правду. Другой бунт возник из-за вопроса о том, действительно ли на кресте умерла одна из ипостасей Св. Троицы. При этом был убит один монах, друг Анастасия, сожжены дома еретиков, и сам император спасся, только отдав своих министров диким зверям на растерзание. А между тем в то же самое время гунны опустошали Фракию и убили 65 тысяч христиан в окрестностях Византии.

Между прочим, при Анастасии и Юстиниане в Византии тянулась нескончаемая борьба между партиями синих и зеленых, возникшая по поводу разногласия в вопросе о наездницах цирка и служившая причиной целого ряда возмутительных преступлений, массовых убийств и бунтов, колебавших даже императорский трон.

Вообще бунты чаще обусловливаются низкими и жестокими страстями, а революции — благородными и возвышенными.

12) *Эндемическое и эпидемическое сумасшествие.* Подмеченная нами связь между тотальностью, неврозами и сумасшествием уже *a priori* заставляет предполагать их совместное проявление в массах, причем эволюция является одновременно и причиной, и следствием усиленного нервного напряжения. В другом месте я доказал, что семьи, богатые сумасшедшими, изобилуют также и гениальными людьми. Весьма естественно, что это правило подтверждается и на целых народностях.

Бед, например, доказал, что в на Соединенных Штатах неврастения распространена эндемически, почему весьма многие там не переносят ни сильного шума, ни сильных запахов, ни спиртных и вообще возбуждающих напитков (кофе, чая, какао), которые, однако же, очень любят. Поэтому же, то есть благодаря неврастении, сопровождающей цивилизацию, Европа так сильно терпит теперь от алкоголизма. В самом деле, дикие и негры также пьянствуют, но алкоголиками не делаются, так же как не делаются и морфиноманами, несмотря на потребление морфия, а в то же время и сумасшедших среди них очень мало. В северных штатах, отличающихся особой любовью к новшествам, гораздо больше сумасшедших, чем в южных, население которых консервативнее. Сумасшествие принимает там даже эпидемический характер, выражающийся в появлении странных сект вроде перфекционистов, лаятелей, шейкеров и прочих.

Евреи, среди которых встречается гораздо больше гениальных людей, чем среди какой-нибудь другой народности, богаты также и сумасшедшими, причем количество последних, по исследованиям Джекобса, пропорционально количеству первых[1].

[1] Джекобс дает следующие цифры.

Среди англичан сумасшедших 3050 на миллион жителей, а гениальных людей — 24.

Джекобс доказал, что число сумасшедших увеличивается параллельно прогрессу цивилизации: в течение 33 лет народонаселение Франции увеличилось на 11,2%, а число сумасшедших — на 53,5%, то есть в 47 раз больше. В Англии в 1844 году один сумасшедший приходился на 802 человека, а в 1868 — на 432.

Этим отношением между гениальностью и неврозами (почти всегда дегенеративными) можно объяснить, почему народы, ультраконсервативные в политике и религии, могут давать великих революционеров в других областях человеческой деятельности. Таким образом семиты, оказывавшие в древности наиболее упорное сопротивление римскому владычеству и произведшие две великие религиозные революции — христианскую и магометанскую, в настоящее время благодаря старчеству расы являются ультраконсерваторами в политике, но в других отраслях человеческой деятельности не перестают давать таких революционеров, как Неандер, Клоотц[1], Кремье, Спиноза, Гейне, Маркс, Лассаль и прочие.

У нас в Италии, в Венето и Тоскане, среди чисто консервативного и пропитанного клерикализмом населения тоже встречаются новаторы вроде Трецца, Ардиго, Марцоло, Фузиньери, Кардуччи. Наоборот, народы чисто новаторские, каковы южные американцы и русские, не давая крупных религиозных и научных революционеров, быстро осваиваются с революционными идеями, занесенными извне.

Таким образом, социализм и принципы итальянской уголовной школы находят себе последователей преимущественно в России.

Во Франции, в Италии и в Южной Америке, где так часты возмущения, настоящих крупных революционеров в области политики и науки встречается очень немного.

Это странное противоречие объясняется, по нашему мнению, тем, что хотя старые расы и наиболее склонны к нервным болезням и гениальности, но то и другое проявляется среди них только у небольшого количества индивидуумов, тогда как массы, истощенные старческим маразмом, оказываются более склонными к постоянству традиций и мизонеизму.

Молодые народы, напротив того, не измученные избытком цивилизации, менее противостоят новшествам, но зато благодаря отсутствию кровосмесительных браков, обломков старого дворянства и проявлений старческого маразма расы менее страдают и от неврозов, менее дают сумасшедших и революционеров.

Среди шотландцев сумасшедших 2400 на миллион жителей, а гениальных людей — 26.

Среди евреев (в Англии) сумасшедших 3600 на миллион жителей, а гениальных людей — 27.

[1] Клоотц был, кажется, офранцуженный пруссак. — *Примеч. перев.*

Связью сумасшествия с гениальностью и новаторством объясняются подражательные эпидемии сумасшествия и самоубийства, возникающие иногда во время бунтов и революций, придавая последним характер крайней жестокости и бессмыслия.

Эскироль заметил, что политические потрясения «усиливают деятельность всех интеллектуальных способностей человека, возбуждают самолюбие и увеличивают число сумасшедших». Так, начиная с 1789 года и во все время Французской революции количество самоубийств и сумасшествий было громадным.

Те же явления повторились и в 1831, 1832 и 1848 годах в Париже.

Тяжелые для Франции 1870–1871 годы равным образом вызвали эпидемию сумасшествий, так как, согласно сведениям, собранным с 1 июля 1870 по 31 декабря 1871 года, во Франции было зарегистрировано до 1800 свежих случаев помешательства.

Рамос Мейха, составивший историю Аргентинской конфедерации, приписывает частые революционные вспышки в Буэнос-Айресе, особенно в 1816 году, настоящей эпидемической истерии, проявившейся многими кровавыми эпизодами и жестокостями, напоминающими Парижскую Коммуну. То же самое повторилось и в 1820 году, когда в Буэнос-Айресе в течение нескольких часов произошло три бунта и были последовательно провозглашены и низвергнуты три правительства.

Одновременно с политическими потрясениями в Аргентине, особенно при тирании президента Росаса, господствовало нервное настроение, граничившее с безумием. Мания человекоубийства, поддерживаемая алкоголизмом и доходящая до некрофагии, а с другой стороны — болезненное обожание Росаса, которое заставило его сторонников окрашивать в красный цвет (*Rozas* — красный) все предметы домашнего обихода.

За периодами болезненного возбуждения при массовом сумасшествии, так же как и при индивидуальном, следуют периоды полной прострации. Но как те, так и другие носят на себе особый характер, соответствующий причине, которой было вызвано сумасшествие. Характер этот отражается и на бредовых идеях. Так, в 1848 году во Франции одна сумасшедшая считала себя «матерью республики», обязанной освободить политических арестантов и разорвать цепи деспотизма; другая — честная работница и хорошая мать — бегала по улицам крича: «Долой религию! Истинные пастыри рода человеческого суть Робеспьер, Прудон и Ледрю-Роллен!»

Беспристрастный очевидец, состоявший секретарем военного министерства Парижской Коммуны, так описывает деятельность этого министерства. «С одиннадцати часов утра до семи вечера, — говорит он, — к нам беспрестанно являлись депутации офицеров, жалующихся на генералов; солдат, жалующихся на офицеров; избирателей и избранных, жалующихся на выборы. Особенно надоедали избиратели. Один из них требовал постройки

особого театра, в котором бы мог петь "Марсельезу" его сын — мальчик, так хорошо певший этот гимн, что дрожь пробирала».

Беррон говорит о нелепых идеях некоторых вожаков Коммуны. Россель, например, предлагал разбить пруссаков, уничтожив предварительно версальскую армию, и все это с одним батальоном.

13) *Самоубийство.* Известно, что среди самых образованных классов и у наиболее прогрессивных наций самоубийства начинают приобретать характер эпидемии.

Во Франции за 39 лет народонаселение возросло на $^1/_5$, а число самоубийств — на 150%.

Во время Великой революции, благодаря полной перестройке государственного быта и переоценке всех общественных, религиозных и нравственных понятий, так же как и ввиду жестокостей, совершавшихся на каждом шагу, самоубийства страшно размножились. В кровавые сентябрьские дни множество арестантов, сидевших по тюрьмам, спешили предупредить палачей, лишая себя жизни добровольно. По этому поводу Фукье-Тенвиль предложил Конвенту издать декрет, признающий таких самоубийц как бы казненными по приговору суда.

Из 76 членов Конвента трое лишили себя жизни, а из 124 знаменитых политических честолюбцев — 9.

Палачи и жертвы, судьи и подсудимые, победители и побежденные одинаково истребляли сами себя. Священник Жак Ру, которого Марат прозвал *бешеным* и который провожал Людовика XVI на эшафот, будучи впоследствии приговорен революционным трибуналом к смерти, зарезался в Бисетре.

Из жирондистов лишили себя жизни: Валязе, Барбару, Бюзо, Петион, Лидон, Шамбон и Ролан.

Из вожаков Коммуны самоубийцей был один Ранвье, но это потому, что преступников по страсти между ними было мало, а большинство принадлежало к числу преступников прирожденных (см. ниже).

Надо заметить, однако же, что в самый разгар революций самоубийства становятся редкими, потому что бурная политическая деятельность заглушает личные импульсы. Так, в 1830 году число самоубийств упало с 1904 (в 1829 году) до 1756. Наоборот, в 1831 году, несмотря на восстановление порядка, оно возросло до 2084 — благодаря, вероятно, экономическому кризису, последовавшему за политическим.

В 1848 году число самоубийств во Франции опять упало с 3647 до 3301, а в 1844 году поднялось до 3583 и стояло около этой цифры несколько лет, после чего стало быстро подниматься.

В 1848–1849 годах число самоубийств упало даже во всей Европе и в особенности в тех странах, в которых политическая борьба была сильнее: в Дании, Пруссии, Франции, Вюртемберге, Саксонии, Баварии и Австрии. Число это продолжало расти только в Бельгии и Скандинавии.

Точно так же в 1870–1871 годах число самоубийств во Франции упало с 5198 (средней цифры за последние четыре года) до 4157; 1846 год — для Дании, 1866 год — для Австрии и 1870–1871 годы — для Германии имеют то же значение.

14) *Галлюцинации.* При многих религиозных и политических революциях развиваются массовые галлюцинации или даже импульсивное помешательство. Так, в Париже в 1870–1871 годов повсюду видели прусского шпиона, а в впоследствии коммунары с остервенением разрушали чудеса французского искусства.

Толчок к развитию таких эпидемий на заранее подготовленной почве (голод, неудачная война и прочее) чаще всего дается какими-нибудь фанатиками, пророками, неизвестно откуда появляющимися и удивляющими невежественную публику своей выносливостью к холоду, поранениям и прочему. Болезненно возбужденный организм быстро воспламеняется речами и чудесами этих фанатиков, причем душевное равновесие нарушается до степени острого припадка сумасшествия.

В другом месте мы уже имели случай упоминать о примерах такого массового умопомешательства, в особенности на религиозной почве, — о демономаньяках, анабаптистах, янсенистах и прочих, вообще о распространении самых странных психопатологических эпидемий, основанных иногда на концепциях грандиозных, но не соответствующих степени интеллектуальной культуры народа.

Так, анабаптисты в Мюнстере, Аппенцеле и Польше, а потом кальвинисты и янсенисты заявляли, что видят сонмы ангелов или демонов, сражающихся в облаках друг с другом; получают приказания убивать своих детей (мания убийства), воздерживаться от пищи по нескольку месяцев и прочее.

Вообще, при внимательном рассмотрении можно заметить, что всем великим революциям, даже чисто литературным, сопутствовали или предшествовали эпидемии помешательства. Так, эпоха немецкого Возрождения (1799–1833) сопровождалась, как известно, двумя бессмысленными движениями, из коих одному, не без основания называющемуся периодом бурь и борьбы*, предшествовало слепое поклонение Клопштоку и слепая ненависть к Виланду.

На это еще более справедливо по отношению к революциям религиозным. Проповедь христианства, например, была предшествуема и сопутствуема настоящей психической эпидемией религиозной мании, представительницами которой были секты Иуды Гавлонита и Тейды, из коих последняя обещала перейти посуху Иордан. А за несколько лет перед тем Самария была взволнована откровениями одного фанатика, обещавшего открыть место, в котором Моисей спрятал некоторые священные предметы. Начиная с 45 года до Р. Х. в Иерусалиме образовалась странная секта теологов-убийц, убивавших того, кто, по их мнению, нарушал закон.

«Личности, считавшие себя вдохновенными свыше, волновали народ и уводили его в пустыню, обещая показать при помощи знамений, что Бог скоро освободит свой народ. Римские власти тысячами истребляли последователей этих агитаторов. Один еврей, пришедший в Иерусалим из Египта (в 56 году до Р. Х.), привлек к себе чудесами 3 тысячи человек и 4 тысячи вышеупомянутых убийц на теологической почве. Из пустыни он привел их на Оливковую гору, чтобы видеть, как по слову его падут стены Иерусалима. Феликс, тогдашний прокуратор, уничтожил эту банду поголовно, а глава ее успел бежать и скрылся. Но как в больном организме припадки следуют одни за другими, так и в Иудее того времени народные движения не прекращались. Через несколько времени подобные банды, состоящие из фанатиков и воров, стали появляться беспрестанно, открыто возбуждая народ против Рима и угрожая смертью всем, не желающим подчиниться. Под этим предлогом они убивали богатых людей, грабили их имущество, жгли города и свирепствовали по всей Иудее, производя смятение, граничащее с сумасшествием».

Подобное же смятение предшествовало и сопровождало в России нигилистическое движение. За последнюю половину XIX столетия там сотнями и тысячами появлялись религиозные и политические сектанты, более или менее лишившиеся рассудка. Сакни говорит, что их было не менее 13 миллионов. К этому числу принадлежали, например, христовы воины или калики перехожие, не желавшие избирать себе места жительства на земле; хлысты, воплощавшие в себе Христа; немые аскеты, хранившие молчание и готовые скорее умереть, чем заговорить; немоляки, отрицавшие всякое духовенство; нигилисты, отрицавшее решительно все; штундисты, то есть коммунисты, убивавшие тело, чтобы спасти душу; шелопуты — социалистическая секта, поклонявшаяся Духу Святому, отрицавшая торговлю и всякий труд, кроме сельскохозяйственного; скопцы, уродовавшие себя во имя веры, и прочие.

«Точно будто народ ждал каких-то великих происшествий, — прибавляет Сакни, почти повторяя выражения Ренана, — только ожидание это выразилось в форме религиозных стремлений».

«Все, имеющие возможность близко наблюдать деревенский люд, — пишет Ругабин, — замечают теперь в народных массах глухое, смутное, но постоянно усиливающееся волнение».

«Ложные верования, — справедливо говорит Лебон, — и всяческие иллюзии служат главными факторами цивилизации. Все это бред, конечно, но бред могучий, без которого народы обойтись не могут. Во имя такого бреда воздвигались пирамиды и Египет в течение 5000 лет наполнялся гранитными громадами; во имя его же в Средние века европейские города украшались величественными зданиями. Не в погоне за истиной, а в погоне за иллюзиями человек утомлялся всего более; никогда не достигая химер, к которым стремился, он содействовал прогрессу, о котором и не по-

мышлял, — совершенно так же, как Колумб, поехавший искать Азию и открывший вместо того Америку».

15) *Эпидемическая преступность.* К невзгодам и сумасшествию присоединяются обыкновенно преступные инстинкты, которые во время бунтов становятся преобладающими.

«Инстинкт человекоубийства, заложенный даже в ребенке, — пишет Андрель, — и часто достигающий необычайной силы во взрослом, под влиянием политических и религиозных страстей может проявиться эпидемически».

Свидетели избиений 1792 года утверждают, что на третий день убийцы совсем уже потеряли самообладание.

Вид крови порождает желание проливать ее в еще большем количестве. Человекоубийственный инстинкт, подобно огню, тлеющему под пеплом, готов вспыхнуть ярким пламенем при первом дуновении. В толпе достаточно малейшего повода для того, чтобы вся она сразу заразилась стремлением убивать. Бесформенный конгломерат разнородных человеческих личностей, по словам Флобера, долго наблюдавшего за стачками, так прочно цементируется собственными своими действиями, что превращается в однородную массу. Любопытствующая и мирно настроенная толпа превращается иногда в дикого зверя под влиянием слов оратора, которых она даже и не расслышала хорошенько.

«Человек, присоединившийся к такой толпе с самыми добрыми намерениями, — пишет Тэн, — способен вдруг проникнуться ее инстинктами и стать самым рьяным убийцей. Так, некто Грапэн, посланный для того, чтобы спасти от смерти двух арестантов, садится рядом с Мальяром и 63 часа сряду произносит смертные приговоры».

«Толпа, — говорит Максим дю Кан, по поводу Коммуны, — избивает бессознательно, только для того, чтобы убивать. Она перебьет и своих друзей вместе с врагами из одного только нетерпения убить поскорее. При расстреле заложников один коммунар, бросив ружье, стал хватать священников и бросать их к стене, у которой производилась экзекуция. Толпа аплодировала. Но когда один священник стал сопротивляться и упал на землю вместе с захватившим его коммунаром, то убийцы не вытерпели, дали залп и вместе со священником убили своего товарища».

Дело в том, что примитивные инстинкты убийства, воровства, сластолюбия и прочего, дремлющие в каждом индивидууме, пока он живет изолированно, и притом сдерживаемые воспитанием, вдруг просыпаются в нем при малейшем его возбуждении.

Преступник есть по самой природе своей импульсивный неврастеник, ненавидящий учреждения, которые мешают ему проявлять свои инстинкты, и потому вечный мятежник, только в бунтах видящий средство удовлетворять свои страсти, тем более что они тогда получают как бы всенародную санкцию.

Такие прирожденные преступники и по природе, и из выгоды всегда являются сторонниками всякого новаторства. Они ненавидят всякий существующий порядок за то только, что он сдерживает их и наказывает. Для них порядок этот, каков бы он ни был, должен казаться насильственным и несправедливым. Будучи импульсивнее всех прочих, они поэтому готовы становиться под всякое знамя, обещающее так или иначе разнуздать их инстинкты.

Это, впрочем, давно уже замечено. Еще Сократ говорит, что революции происходят, во-первых, благодаря непостоянству всего земного, а во-вторых, потому что в иные эпохи (которые он определял при помощи довольно неосновательных геометрических формул, как позднее Феррари) родится много порочных и совершенно неисправимых людей. Аристотель, передающий слова Сократа, прибавляет: «Это правда, потому что действительно существуют люди, неспособные быть добродетельными и образованными. Но почему, — спрашивает он далее, — революции случаются и в странах прекрасно управляемых?»

Среди анархистов, бунтовавших в Лондоне, в 1888 году один очевидец заметил много татуированных, то есть прирожденных преступников. «На тыльных поверхностях их рук или на предплечье, под грязным рукавом можно было видеть нататуированные сердца, черепа, скрещенные кости, якоря и даже кружевные узоры, накалывание которых очень мучительно. Некоторые не пощадили даже своих лиц: на лбу одного я видел нататуированный лавровый венок, а на лбу другого слова “*I love you* — я вас люблю”».

«На пятьдесят политических арестантов, — пишет Готье, — принадлежащих к среднему — если не к высшему — классу рабочих такого большого города, как Лион, по крайней мере полдюжины чувствуют себя в тюрьме как дома и сближаются больше с уголовными арестантами, от которых заимствуют и нравы, и манеры, и язык, и противоестественные аппетиты — вообще всю их дикость и злобу. Я здесь говорю, конечно, не о тех, которых полиция захватила по ошибке, и не о тех, которые еще прежде побывали в тюрьме и успели с ней свыкнуться».

В истории мы встречаем множество примеров совмещения политической преступности с врожденной, причем то политические страсти преобладают над преступным инстинктом, то наоборот.

Консерватор Помпей, например, защитник Сената, имеет на своей стороне всех честных людей — Катона, Брута, Цицерона, тогда как сторонниками Цезаря являются: грязный пьяница Антоний, банкрот Курион, сумасшедший Клелий, Доллабелла, уморивший свою жену, и, наконец, Катилина.

Во время неаполитанской революции округа, наиболее склонные к воровству и разбойничеству, как, например, Изерния, Мельфи и Лонгано, сильнее других противостояли реакции Бурбонов и кардинала Руффо; в Греции клефты, в мирное время занимающиеся разбоями, оказались самыми храбрыми защитниками независимости своей родины*. У нас в Италии в

1860 году сицилийская мафия присоединилась к Гарибальди, а неаполитанская каморра — к либеральной партии. Эти преступные организации, впрочем, скоро воспользовались удобным случаем, чтобы сформировать банды шалопаев, нападавших на тюрьмы, не дававших никому покоя и совершавших возмутительные жестокости в Палермо.

Надо заметить, что каморра и теперь еще не совсем исчезла, как это можно видеть по разоблачениям на последних парламентских дебатах. Значит, вмешательство прирожденных преступников в политику всегда очень подозрительно, потому что они редко забывают свои индивидуальные цели, и как только политические страсти затихают, так простая преступность вновь поднимает голову. Трудно было бы определить границу, за которой прирожденный преступник перестает быть политическим и становится просто уголовным, если бы антропология не давала нам признаков врожденной преступности.

Прирожденные преступники выступают обыкновенно в бунтах и при начале революций, заражая своим примером слабых и нерешительных — порождая настоящую подражательную эпидемию.

Шену, говоря об эпохе, предшествующей 1848 году, показывает, как политические страсти превращались мало-помалу в открытую наклонность к преступлению; так, тогдашние предшественники анархистов под руководством Коффино, доводя до крайности коммунистические принципы, возвели воровство в политический идеал. Они грабили лавки, оправдываясь тем, что наказывают будто бы заведомых воров и отнимают у последних украденное, а затем под таким же предлогом стали подделывать банковские билеты. Такая преступная деятельность, прикрываемая революционными целями, вызывала во всех недовольных подражания и привела к революции. Надо заметить, однако же, что настоящие республиканцы с отвращением отвернулись от этих своих предшественников, которые в 1847 году и были наказаны по суду.

В Англии во время образования заговоров против Кромвеля страшно размножились воры и разбойники. Собираясь в шайки и маскируя политическими целями свои преступные стремления, они грабили мирных жителей без различия партий. Даже постоянные войска не всегда могли с ними справиться.

Перед началом Французской революции тоже появлялись шайки бродяг, воров и убийц. Мерсье говорит, что из них составилась армия тысяч в десять человек, которая мало-помалу проникла в столицу и сделалась главной пособницей террора, участвуя во всех массовых избиениях. По определению Мейснера, сами революционные комитеты были не что иное, как «ассоциации, организованные ради безнаказанного производства убийств и грабежей».

«В 1790 году в Консьержери содержалось 490 преступников, а в 1791 году уже 1198. Арестанты, прикрываясь гражданскими мотивами, вели себя пе-

ред судом нахально, а осужденные публично занимались у позорного столба мастурбацией».

То же происходило и во время Парижской Коммуны.

Народонаселение Парижа, оскорбленное во своих патриотических чувствах несчастной войной, возбужденное беспрестанными битвами, голодом и алкоголем, выделило из себя подонков — преступников, сумасшедших, пьяниц, — которые и восстали ради удовлетворения своих анормальных аппетитов. Характер этого восстания ярко выразился в избиениях безоружных пленников, в изобретении жестоких пыток и ненужных истязаний. Один заложник был убит 69 пулями; тело отца Бенжи было изранено 62 штыковыми ранами.

Кровавая расправа правительства с коммунарами не прекратила проявлений преступности. В самом Париже во время анархических бунтов 1883 года из 33 человек, арестованных по политическим причинам, 13 были уже судимы за воровство. Затем в Бельгии во время бунтов рабочих стеклянной промышленности на 67 арестованных пришлось 22, уже по 10—12 раз отбывших наказание за воровство и буйство.

Да нам, к несчастью, и не нужно никаких цифр для того, чтобы убедиться в удобосовместимости самых прогрессивных идей с самыми преступными наклонностями. Мы на всяком шагу встречаем лиц, весьма развитых в современном смысле слова, но относящихся к действительной жизни далеко не так корректно, как люди старого закала, ограниченные по идеям, но более честные и твердые по характеру. В каждом городе можно встретить красноречивых, но бессовестных болтунов, злоупотребляющих доверием публики с личными целями. Недаром слово «политик» стало синонимом интригана.

16) *Роль преступности в эволюции.* История показывает, что преступность является одним из агентов настоящей эволюции.

В другом месте мы уже указывали на то, что нравственность и правосудие родились из преступления. «Обман победил жестокость первобытного человека. Семья утверждена суровыми мерами: тысячи изувеченных женщин жизнью заплатили за нарушение супружеской верности. Порядок был установлен разбойниками, превратившимися в жандармов». Ранее я показал, что гениальность часто совмещается с преступностью.

Во всяком случае, изучая в этом отношении бунты и революции, мы, кажется, можем сделать заключение, что преступники участвуют главным образом в первых, тогда как в последних они являются скорее противниками, чем пособниками настоящих революционеров. Революционеры чаще являются жертвами преступлений и если совершают последние, то только в виде реакции. В переворотах, совершенных Иисусом Христом и Лютером, в голландской и итальянской революциях новаторы являлись жертвами, точно так же, как и нигилисты, по крайней мере отчасти. Французская революция и Сицилийские Вечерни опозорили себя преступлениями, но

мы выше видели, что это были скорее бунты, чем революции, да кроме того, преступления, их запятнавшие, являлись часто простой реакцией на ошибки противной партии.

17) *Статистика преступности.* Все это подтверждается новейшими статистическими данными, доказывающими, что революции имеют одинаковое с бунтами и кровавыми преступлениями географическое и метеорическое распространение. Так, в Италии политические преступления чаще совершаются в Ливорно, Луго и Равенне, где с человеческой жизнью вообще мало церемонятся.

Сопоставляя (относительное к числу жителей) число обвиненных и осужденных в разных департаментах Франции с господствующим политическим настроением последних, можно убедиться, что число это растет пропорционально большему или меньшему республиканизму общественного мнения. В самом деле, будучи ничтожным там, где количество монархистов равно количеству республиканцев или превышает его, оно доходит до максимума там, где республиканцы преобладают. Из 51 республиканского департамента в 19 число преступников выше среднего, а из 34 монархических департаментов оно выше среднего только в девяти.

Из новых наших исследований (которые появятся в другом месте) видно, что убийство совершается чаще в странах промышленных, населенных лигурийской, бельгийской и галльской расами, т. е. наиболее прогрессивными, образованными и республиканскими.

С другой стороны, мы видим, что преступность, параллельно гениальности, интеллектуальной культуре и эволюции, растет в больших бытовых центрах, где распространяется даже на прекрасный пол; у народов первобытных, насколько мы можем судить, этого не замечается[1].

Глава 7. Социальные, политические и экономические факторы

1) *Борьба за преобладание между различными общественными классами* является результатом того неравенства, которое Аристотель считал причиной революции. «С одной стороны, — пишет он, — восстают такие, которые, будучи поставлены ниже других, оскорблены этим неравенством и

[1] Искренний республиканец Эмиль Золя в своей «Карьере Ругонов» в качестве выдающегося республиканца выводит Антуана Макара — пьяницу и сына пьяницы, вора и контрабандиста, который становится ожесточенным республиканцем в тот день, когда его поймали с поличным на краже.

Другой настоящий республиканец, Сильвьер, происходил из эпилептической, истерической и чахоточной семьи; маттоидом он сделался благодаря чтению книг, не соответствующих полученному им образованию.

стремятся к власти; а с другой стороны, восстают и такие, которые, будучи поставлены выше прочих, все-таки сами себя считают обделенными».

Стало быть, борьба классов представляет собой не одно только стремление угнетенных свергнуть с себя закон природы, в силу которого все части организма стремятся работать одинаково, так как иначе те из них, которые менее работают, должны бы были атрофироваться.

Это проявляется и в процессе развития древних цивилизаций, Рима и Этрурии, например, или даже раньше — Индии и Египта, где сначала правящим классом были жрецы, потом воины, аристократия и наконец — цари, как представители низших классов народа*. Даже номады, бывшие сначала охотниками, затем — пастухами, затем — рабами жрецов и воинов, превращаются в граждан.

Тот же процесс совершается и теперь: по мере того как аристократия, убаюканная обеспеченностью существования, становится все более и более инертной, буржуазные классы развивают свою энергию, опережают правящие классы и наконец свергают их окончательно.

Правда, что крайняя тирания ставит иногда народ в полную невозможность восстать за свои права, как это было с народами Италии под игом лангобардов, но тирания не может быть вечной и рано или поздно восстание разражается. Для того чтобы вызвать реакцию, достаточно злоупотребить властью, а между тем уже Аристотель говорит, что «всякое правительство склонно искажать преувеличением те принципы, на которых оно основано».

В Англии монархический принцип сдерживал тиранические инстинкты аристократии, а когда он сам превратился в тиранию, то при Кромвеле возникла революция из-за восстановления конституционной свободы. Революция эта была, в сущности, реакцией со стороны средних классов, которые, выделившись богатством и образованием, почувствовали, что не пользуются в общественных делах соответствующим влиянием.

В Польше выбор королей только из состава не более 200 семей высшей аристократии послужил к гибели государства.

Во Франции революция 1789 года, потопившая монархический принцип в крови короля, превратилась сначала в анархию, а потом в империю, вновь возникшую после анархии 1849 года.

2) *Исключительное преобладание одного класса. Жрецы.* Независимо от формы правления преобладание одного какого-нибудь класса или касты над другими всегда является опасным, так как останавливает органическое развитие страны, предрасполагая ее сначала к атрофии, а затем — к бурной революции и анархии.

«Тело, — пишет Аристотель, — состоит из членов, которые должны расти одновременно для того, чтобы целое вышло пропорциональным. Это сравнение приложимо и к государству.

Если одна из его частей развивается сильнее, например если в демократической республике низшие классы безмерно размножаются, то революция неизбежна».

Так, преобладание и размножение духовенства в Испании, Шотландии, Неаполитанском королевстве, папских владениях надолго остановило прогресс в этих странах и вызвало в них бунты, часто бесплодные.

«В странах, в которых религия основана на принципе непоколебимости, инерция становится общественным догматом и прогресс оказывается противоречащим законам совести, — говорит Кине. — Для того чтобы внести какое-нибудь изменение в строй государства, основанного на непоколебимой Церкви, нужна сила, нужно насилие.

Как же перейти от деспотического строя, основанного на религиозном терроре, к либеральному строю, основанному на разуме? Все католически республики Италии погибли, пытаясь совершить такой переход, и та же судьба постигла другие католические страны, гонявшиеся за свободой. Последняя являлась для них чем-то бурным, противным природе, нарушающим естественный ход жизни. Они боролись, волновались, делали революции, проходили через свободу, но возвращались опять к абсолютизму как к своей естественной основе. Сравните католические республики Южной Америки с протестантскими республиками Северной: у последних был Вашингтон, а у первых только Росас да Франция».

В Италии восемь веков религиозных войн и уединение погубили цивилизацию и укрепили преобладание духовенства, которое, изгоняя неверных и сжигая мыслителей, задушило все новые идеи, всякую промышленность, все самостоятельные и гениальные порывы до такой степени, что в нужную минуту в стране не оказалось ни одного человека, способного быть не только министром или генералом, а даже капитаном корабля, даже торговцем! Все должности пришлось заполнять ненавистными иностранцами. И такой недостаток людей до сих пор еще существует — ужасный урок абсолютистам, которые кровавыми преследованиями своих политических противников превращают свою родину в интеллектуальную пустыню, более безотрадную, чем пустыня материальная.

Кирк дает нам картину условий, в которые Шотландия была поставлена преобладанием духовенства в прошлом столетии.

Недостаточно почтительный разговор с проповедником считался важным проступком; не поклониться ему было уже преступление; не бояться грома считалось признаком нечестия; самое невинное веселье было запрещено, желать иметь сына — смертный грех, а всякие, даже самые незначительные, грехи влекут за собой вечное проклятие; каждый человек грешит даже раньше своего рождения, поэтому распоряжаться его жизнью должен священник. Для суда над грешниками были установлены трибуналы, наказание штрафами, епитимьями, кнутом и каленым железом. Принять в гос-

тиницу католика — грех; помочь голодному или умирающему еретику — будь это собственный сын или отец — не только грех, но и преступление. Грехом считался также переезд из одного города в другой, визит к знакомому в воскресенье, даже прогулка или ванна в этот святой день! Все это нисколько не удивительно, потому что религия есть учреждение, воплощающее в себе мизонеизм.

Сказанное относительно преобладания духовенства может равным образом быть приложено и к преобладанию какого угодно класса общества.

3) *Аристократия.* В самом деле, тирания патрициев привела Рим сначала к Сатурнину, потом — к Катилине и наконец к диктатуре Цезаря. А эта последняя вызвала в свою очередь покушение Брута, не соответствовавшее цели, потому что империя должна была явиться справедливой реакцией низших классов против олигархии высших.

Очень часто олигархи, соперничая за власть, сконцентрированную в немногих руках, сами давали народу средства свергнуть себя. Иногда они даже делались демагогами для того, чтобы победить своих противников.

В Средние века во Флоренции тирания аристократов подготовила триумф богатой буржуазии, а злоупотребления последней привели в свою очередь к призванию герцога, который потом тоже был изгнан народом.

В Риме тирания баронов подготовила триумф Колы ди Риенци и его сторонников.

Бунты ремесленников были вызваны злоупотреблениями аристократии и желанием народа участвовать в управлении государством.

Причиной социальной революции, поднятой в Париже Этьеном Марселем (в 1356 году), было презрение короля и аристократии к буржуазному парламенту, которым они пользовались только для сбора податей. Жакерии возникли благодаря жестокому обращению аристократов с крестьянами, разбегавшимися от пыток, преследований и разорения по пещерам.

4) *Рабство.* В древности рабы пользовались всякими войнами и общественными бедствиями для того чтобы восставать против своих господ.

Так, илоты составляли заговоры и пробовали бунтовать при вторжении Ксеркса и во время войн Спарты с Афинами и с Фивами.

Ганнон поднял 20 тысяч карфагенских рабов, чтобы проложить себе путь к диктатуре.

В Тире рабы убивали свободных людей, чтобы стать на их место.

В Риме в первые годы республики рабы входили в соглашение с плебеями, с вольсками, с изгнанниками. Бунт Спартака возник во время войн в Испании и Азии; бунт Трифона Сальвия и Афениона — во время вторжение кимвров и тевтонов. Катилина рассчитывал на рабов для того, чтобы сжечь Рим, а Сатурнин имел большое их количество в числе своих сторонников. Марий обращался к их содействию в то время, когда Сулла занял Рим, а этот последний в свою очередь, освободив 10 тысяч рабов, причислил их к римским трибам.

5) *Солдаты. Военные бунты.* У народов цивилизованных преобладают бунты рабочих, восстающих по причинам экономическим, а у народов варварских — бунты из-за голода, военные и религиозные.

История показывает, что в Азии и Африке не бывает других бунтов, кроме военных и религиозных, так как способность различных классов общества к восстанию пропорциональна их жизненности и социальному значению.

В первобытные эпохи и у первобытных народов человек стоит на военной и теологической стадии развития, а потому всякая перемена его быта связана с религией или военным ремеслом, и только формы да поводы к восстаниям меняются сообразно условиям.

Победы и поражения, невыдача жалованья, бедность центрального правительства, предпочтение, оказываемое им какой-либо одной части войска, — все это вызывает военные бунты, иногда даже прямо военную диктатуру, как в императорском Риме, в Турции (при янычарах), в Египте, в Тунисе, в Алжире и недавно в Италии.

Всюду войска присваивали себе власть, нарушали общественное равновесие, вызывали беспрестанные бунты и содействовали распадению государства.

Бунты в Алжире поднимались пиратами и войсками, возмутившимися против начальства. Бунты в Турции и в старой России, будучи, собственно говоря, дворцовыми, всегда опирались на войска, а иногда и на духовенство.

Всемогущество легионов, начавшееся триумфами Мария и Цезаря, возросло с увеличением числа преторианцев, которых при Вителлии было 16 тысяч, а при Севере — 50 тысяч. Рассеянные, по распоряжению Августа, по различным городам Италии, при Тиберии они все были собраны в Риме, где, укрепившись на высотах, господствующих над городом, стали постоянно устраивать бунты.

Клавдий, возведенный ими на престол, платил каждому по 2700 ливров; Марк Аврелий платил уже по 3600, а Адриан, пожелав сделаться цезарем, должен был истратить на преторианцев 56 миллионов. Падение Гальбы, Отона и Вителлия научило их смотреть на императоров как на орудие своего произвола, который еще более усилился при Каракалле, когда команду над преторианцами вместо образованных людей стали давать простым мужикам вроде Максимина и даже варварам, для которых родиной был лагерь.

Грубые солдаты убили Пертинакса единственно за то, что он был честен, и дошли до того, что стали торговать императорским титулом. Юлиан Север за 4600 ливров на каждого преторианца перекупил, например, этот титул у Флавия Сульпиция, который давал только 3680 ливров. Он процарствовал всего 66 дней.

Провинциальные легионы захотели, однако же, урвать что-нибудь и в свою пользу, так как были достаточно сильны для этого. Отсюда — беспрестанные войны, сменяющиеся бунтами. Личные достоинства перестают иметь значение; все делается по капризу. Когда войска заставили Сатурни-

на сделаться императором, то он, оплакивая свою судьбу, сказал им: «Создав плохого императора, вы лишились хорошего вождя».

6) *Низшие классы народа.* Если, по словам Макиавелли, низшие классы соперничают с высшими, не уничтожая последних, то результат получается хороший, а если низшие классы забирают власть в свои руки, как это было во Флоренции, то результатом будет потеря свободы. К такому результату и привела излишняя демократичность государственного строя в Сиракузах, в Мессине, в Жилете, в Мегаре и на Самосе, где политическое равенство и самодержавие народа провозглашены были во время кровавых беспорядков и анархии. Эти маленькие республики кончили тем, что принуждены были отдаться во власть тиранам.

7) *Деревня и город.* В Аргентине исключительное преобладание столицы, населенной людьми белой расы, над провинцией, населенной туземцами, было причиной кровавых восстаний деревни против города. Когда Росас завладел последним, то начал гонение на образованных людей и окружил себя исключительно гаучо*.

8) *Классовое равновесие.* Там, напротив того, где общественные классы уравновешены во власти, свобода поддерживается и революции случаются весьма редко.

Так, по словам Аристотеля, прочность Спарты была обусловлена справедливым распределением власти между сенатом — представителем высших сословий, эфорами — представителями сословий низших, и царями, влияние которых ограничивалось уже тем, что их было два, так что ни один не мог стать тираном.

В Афинах, которые между тем считаются образчиком демократического правления, для того чтобы уравновесить численность и влияние собраний, не только были установлены *дохимасии*, устранявшие бесчестных людей от трибуны, но и все проекты законов, представлявшиеся один раз в год, должны были быть предварительно рассмотрены сенатом, который мог не разрешить их обсуждения. Что касается автора проекта, то против него всякий мог возбудить обвинение в нарушении закона.

Кроме сената, распоряжавшегося между прочим финансами страны, конституция противополагала самодержавию народ. Еще ареопаг, который благодаря несменяемости своих членов, широте своей юрисдикции и праву вето относительно мер, предлагаемых собранием, представлял собой элемент консервативный и устойчивый.

Когда впоследствии при Перикле ареопаг был лишен права вето, то Афины превратились в демократическую диктатуру и быстро пошли к упадку.

Полибий, а позднее Макиавелли доказали, что величие Рима следует приписать уравновешенному сосуществованию трех властей, согласно положению, высказанному Ликургом, что всякая форма правления, опирающаяся на один какой-нибудь принцип, не может быть прочной, потому что сама в себе носит зародыш своего разложения.

Так, в самом деле, даже после перехода от аристократических комиссий по куриям и центуриям к демократическим комициям по трибам и к трибунату сенат сохранил свою преобладающую роль, образовав таким образом интеллектуальную и денежную олигархию, опирающуюся на демократические законы.

Помимо этого, даже в комиции по трибам всеобщие выборы посылали преимущественно консерваторов, потому что большинство голосов принадлежало мелким собственникам деревенских триб.

Но устойчивое равновесие больше всего поддерживалось трибунатом.

Все и старики единогласно признают, что это удивительно простое учреждение служило достаточным противовесом патрициев, опирающихся не только на богатство традиций и высшую институальность, но даже на законы. Оно долго поддерживало настоящее гражданское равенство, оставляя власть в руках наиболее культурных классов, и, только выродившись впоследствии, вызвало демагогию и цезаризм.

Трибун соединял в своем лице нашу теперешнюю парламентскую оппозицию, печать и кассацию.

Трибуны, избираемые низшими классами народа, были, так сказать, живым воплощением закона и единственными независимыми чиновниками в то время, когда все писаные законы и магистратура находились в зависимости от произвола патрициев. Они служили предохранительными клапанами против чрезмерного накопления недовольства в плебеях, а вместе с тем и кольцом, соединяющим последних с патрициями. По словам Макиавелли, благодаря трибунату общественные классы Рима взаимно пользовались силами друг друга, не тратя их на междоусобную борьбу.

Сначала трибуны не пользовались особыми прерогативами и даже не имели кресла в сенате, а должны были слушать его дебаты, стоя у дверей, но потом они получили право арестовывать всех правительственных чиновников; приостанавливать исполнение судебных приговоров; налагать смертную казнь; публично защищать обвиняемых; созывать комиции; освобождать от ареста должников; вызывать к себе кого угодно, не исключая консулов, и приводить их силой в случае отказа, а помимо всего этого — налагать свое вето на любую меру.

Позднее, когда законы Солона — это примитивное гражданское и уголовное уложение, дающее перевес богатым и сильным*, — были пересмотрены; когда законы стали мягче, хотя и сохранили еще в себе чересчур суровое отношение к должникам; когда 10% были признаны нормой ростовщической выгоды — трибунат был уничтожен как ненужный. Но вскоре его пришлось восстановить, хотя уже с несколько иными правами — трибунату дозволялось только налагать штрафы, а не смертную казнь, кроме того, они назначали квесторов. Затем им был дан совещательный голос в сенате.

В 620 году, ввиду возрастания бедности в народе, Гракхи — патриции, ставшие наиболее энергичными трибунами, — при помощи некоторого по-

добия всеобщей подачи голосов успели добиться закона, отдающего плебеям государственные земли и устанавливающего для них понижение цены хлеба наполовину. Эта реформа, сама по себе прекрасная, послужила, однако же, первым шагом к цезаризму.

В самом деле, несколько позднее деятельный и красноречивый, но слишком буйный Сатурнин насилиями добился чисто социалистического закона, при помощи которого успел еще понизить уже и без того низкую цену на хлеб. Вызвав против себя реакцию, он поднял рабов и начал первую в Риме гражданскую войну (10 декабря 654 года). В 666 году Сульпиций Руф организовал уже целую армию демагогов в 3 тысячи человек.

В 696 году Клавдий ограничил права цензоров по надзору за нравами и уничтожил законы, ограничивавшие право ассоциации.

С тех пор трибуны становятся тиранами республики и причиной ее падения. Путем потворства беспорядкам и покровительства своим сторонникам, назначавшимся на важные посты, они подготовляют империю.

Многие думают, что с учреждением империи трибунат прекратил свое существование. И действительно, Цезарь удержал власть трибунов за собой, но последние все-таки не были уничтожены, как этого и следовало ожидать, потому что императорское правительство, несмотря на свою деспотическую форму, охраняло, в сущности, интересы народа. Но власть трибунов действительно была стеснена. Они сохранили за собой *Jusauxilii* и *Jusinterussionis** по отношению ко всем членам администрации, кроме императора, которому прямо были подчинены. Потеряв право вето, они сохранили за собой право заседать в сенате и председательствовать в нескольких кварталах Рима, что, сказать правду, и до сих пор еще практикуется, хотя под другим названием.

Трибунат стал чином, даваемым императорами.

Как бы то ни было, он просуществовал более четырнадцати веков и потому, вероятно, что считался одним из лучших и полезнейших учреждений Рима.

Венеция обязана была своей долговечностью не только экономическому процветанию, но и строгой справедливости, с которой относилась к классам, лишенным политической свободы; религиозной терпимости — столь редкой в те времена; наконец — редкому единодушию патрициата. По словам Аристотеля, в олигархиях, сумевших хорошо сплотиться, революции бывают редко, а там, где сплоченности не имеется, они беспрестанны.

Политическое спокойствие современной Англии основано на союзе патрициев с буржуазией, соединившихся для противодействия короне, что и дало преобладание парламенту. Между тем во Франции, где феодалы упорно держались за свои привилегии, буржуазия не могла подняться, и потому там было только два класса народа, патриции да плебеи, что, по словам Бокля, и было одной из главных причин революции.

9) *Партии и секты.* Будучи иногда полезны для борьбы слабых с сильными, партии и секты, по словам Коко, часто являются *средством* для развращения *человеческого характера, что в свою очередь развращает всю нацию.*

Наиболее очевидным доказательством справедливости сказанного могут служить итальянские средневековые общины, особенно Флоренция, которую крайность и нетерпимость партии привели к полному политическому и интеллектуальному истощению.

Достаточно, в самом деле, вспомнить, что тысячи самых лучших граждан целыми семьями были периодически изгоняемы из Флоренции то той, то другой победившей партией, причем изгнанники весьма часто уже не возвращались более. Таким образом Альбиццо эмигрировали в Гаэту, Альберти — во Фландрию, Алигьери — в Верону, Гуаданьи — в Барселону, Перуцци — в Авиньон, перенося свои богатства и свою просвещенную деятельность в чужие страны.

Та же судьба постигла многих художников и гениальных людей. По этому поводу рассказывают даже, что в 1422 году, когда Венеция колебалась, вступить ли ей в союз с Флоренцией или Миланом, граждане стояли за последний в надежде, что флорентийские художники будут свободнее эмигрировать в Венецию.

Само правосудие долгое время служило во Франции партийным целям. Когда какой-нибудь подеста осмеливался наказывать преступников, принадлежавших к господствующей партии, то его выгоняли в отставку. В 1353 году простой народ выбирал себе вожаков между ворами; молодежь собиралась по звуку трубы для того, чтобы грабить город.

Не лучше шли дела и в других общинах, где гвельфы и гибеллины, стоя под различными с виду знаменами, одинаково предавались классовой борьбе. Это была, конечно, не та парламентская борьба, которая в Англии обусловливает равновесие властей и которой мы, жители континента, вздумали подражать, не обладая нужными для того людьми, характерами и образованием; потому-то мы из наших потуг и выносим только разочарование.

Когда партии являются чересчур прямолинейными, то выходит еще хуже. Реакция Росаса в Аргентине была вызвана именно прямолинейностью унитаров Буэнос-Айреса. Эта партия состоит из утопистов-идеологов, которые, подобно нашим мадзинистам, гордо шествовали по теоретически предначертанному пути, ни на йоту не уклоняясь в стороны, не снисходя ни на какие компромиссы и отвечая презрительными фразами на всякую попытку столковаться. Накануне сражения они занимались составлением резолюций в ходульно-торжественных выражениях. Трудно встретить людей более логичных, более предприимчивых и более... лишенных здравого смысла.

Вот и в Италии как парламент, так и все важнейшие посты переполнены, к несчастью, такими утопистами.

Вот как Токвиль характеризует современные партии:

«Партии суть зло, присущее либеральным правительствам, по целям и характеру они являются разнообразными.

Великие политические партии интересуются больше разработкой принципов, чем практическим делом; обобщениями, чем специализацией; идеями, чем людьми.

По сравнению с прочими они отличаются большим благородством, гуманностью, силой убеждения и откровенными, смелыми порывами; в их среде личные интересы — всегдашние двигатели политических страстей — так искусно скрываются под маской стремления к общему благу, что неясно сознаются даже теми, кого вдохновляют.

Маленьким партиям, напротив того, стремление к общему благу совершенно чуждо; о высоких идеалах они не заботятся; всякое их деяние носит отпечаток открытого эгоизма. Они искусственно подогревают свое чувство; речи их бурны, а действия робки и нерешительны; средства, ими употребляемые, столь же низки, как и цели, к которым они стремятся. Поэтому-то когда революция кончается и наступает период успокоения, то великие люди, выделившиеся в периоде борьбы, вдруг исчезают, точно куда-то проваливаются.

Великие партии ставят общество кверх ногами, а маленькие поднимают бунты; первые его насилуют, а последние — развращают, но первые иногда спасают, насилуя, а последние только тревожат без всякой пользы».

Чем более возрастает влияние партии по мере развития свободы в обществе, тем более уменьшается влияние сект, которые суть чисто результат угнетения. Гонение превращает идеи в чувства, на основе которых и возникают секты. Благодаря такому происхождению они успели вызвать много политических реформ и оказать много важных услуг современной цивилизации. Достаточно вспомнить итальянских карбонаров, ирландских чартистов, греческих гетеристов* и даже русских нигилистов, хотя идеалы последних не совпадают со стремлениями большинства русского народа, который, по словам Степняка, до сих пор, как в Древней Руси, верит только Богу да царю.

«Сектам вообще суждено приобретать репутацию святости, пока они угнетены, и терять эту репутацию, когда гонение прекращается. В состав гонимого общества люди могут вступать только по глубокому убеждению, а потому такие общества и слагаются исключительно из честных людей. Как бы ни была строга дисциплина в среде религиозной секты, но ввиду преследования извне сохранять ее нетрудно. Только сильно и искренно верующие люди могли жаждать крещения в то время, когда Диоклетиан преследовал церковь, или стремиться в общины протестантов в то время, когда протестантов жгли живыми. Но как только секта становится господствующей, так в нее спешат вступать себялюбцы, часто превосходящие своих единоверцев внешними проявлениями усердия. Рядом с пшеницей начинают

расти плевелы; публика вскоре начинает видеть, что сектанты ничем не отличаются от прочих людей, и заключает из этого, что если они не лучше, то должны быть хуже, и таким образом печать святости заменяется печатью святошества».

В Южной Италии лет 50 тому назад общество св. Винцента, казалось, было очагом либерализма, так же как и франкмасонство во всей Европе, которое теперь все более и более становится союзом и орудием простых аферистов.

В наше время, по-видимому, на долю сект выпадает одна только задача — собирать в своей среде отбросы общества, конспирирующие против последнего за неимением лучшего занятия. Таковыми являются, например, потомки якобинцев, которые в Париже называются коммунарами, в Ирландии — непобедимыми, в Бельгии, Германии и прочих — анархистами.

Ненависть к сильным и к социальной несправедливости, кипящая в людях, которые жаждут материального благосостояния и сознают свое могущество, каково, например, современное поколение, может служить объяснением, почему обломки вышеупомянутых сект пользуются теперь таким влиянием, несмотря на то что проповедуют реформы, в большей части случаев невыполнимые.

Вот, например, Интернационал, обобщающий все секты, которые стремятся к социальной революции. Из маленького коммунистического союза, образовавшегося в Лондоне, он распространился по всей Европе и в течение тридцати лет положил начало бесчисленному множеству ассоциаций и федераций — кооператистов, коллективистов, коммунистов, социалистов и анархистов, — повсюду производящих беспорядки, между прочим убийство Прима и Парижскую Коммуну.

Не признавая стачки средством к прочному улучшению быта рабочих, они признали их (на Конгрессе 1812 года) могучим подготовительным средством к великой и окончательной революционной борьбе. В прокламации, представленной испанским отделом Интернационала министру Сорилье, он сам себя характеризует как «ассоциацию, враждебную принципу власти и основанную для того, чтобы его свергнуть, создав такой социальный строй, при котором бы никто не повелевал и никто не подчинялся». Свержение этого принципа испанский отдел начал убийством генерала Прима и покушением на жизнь короля Амедео.

Ваньян так очерчивает политические цели Интернационала: «Только овладев политической властью и подчинив на время революции все общество диктатуре пролетариата, рабочие могут искоренить правящие классы».

За этой могучей ассоциацией, в которой, по несколько преувеличенному, может быть, расчету, состоит теперь 2,5 миллиона членов, следует партия социалистов, силы которой выяснятся, если вспомнить, что в 1864 году в Германии она насчитывала 4610 человек сторонников, а в 1884 году последних было уже 526 241. Во Франции «*Féderation des travailleurs socialistes*» счи-

тает в своих рядах от 100 до 200 тысяч членов, из коих 2000 в одном только Париже.

В Америке социализм растет еще быстрее. Недавно было сочтено, что одна только ассоциация, основанная в 1869 году в Филадельфии, к концу 1886 года состояла уже из целого миллиона членов. Замечательно, что эта ассоциация, отрицая стачки и вооруженные восстания, рекомендует лишь пропаганду кооперации и взаимного страхования — все это при самой крайней программе. Очевидно, здравый смысл американцев повлиял умеренным образом на социалистические идеи европейцев.

Английские рабочие союзы, примкнувшие к Интернационалу, в IX параграфе их окончательной программы (Лондон, 1871 год) говорят так: «Во время борьбы экономическое движение рабочего класса неразрывно связано с политическим».

И на самом деле эти союзы за последнее время перенесли свою деятельность на политическую арену: стали во враждебное отношение к правительству, провозгласили солидарность с германскими социал-демократами и образовали на Наттингальском конгрессе (сентябрь 1883 года) рабочую политическую партию.

Продуктом политической деятельности рабочих союзов явилось *общество национализации земли*, поддерживающее ирландских фениев и создавшее, в противовес *лендлордизму*, анархический *лендкоммунизм*, имеющий уже своих писателей в лице Генри Джорджа и Уоллеса, сочинения которых («*Progress and Poverty*», «*Landnationalisation*») распространяются между рабочими в тысячах экземпляров.

Надо заметить, что ассоциации, образовавшиеся с самыми хорошими целями, под влиянием преступных элементов нередко вырождаются в чисто разбойничьи, что и понятно, если вспомнить о связи, существующей между преступностью, бунтами и эволюцией. Прекрасным примером такого вырождения могут служить пенсильванские *Молли-Магуайры**, которые сначала образовали ассоциацию для надзора за отношениями рудокопов к предпринимателям, а потом, в 1863–1869 годах, благодаря вторжению преступных элементов терроризировали всю страну, совершив целый ряд насилий над выдающимися лицами, стоявшими во главе рудного дела. Только в 1876 году, казнив 22 человека, правительство водворило порядок и спокойствие в округе.

В Италии Джирдженское общество *Братской руки* (*Mano fraterna*), открытое в 1883 году, было сначала предназначено для взаимной помощи в болезнях и в случае смерти, но оно почти тотчас же выродилось, доведя естественные обязанности членов до преступной крайности. Так, оберегая престиж общества, члены обязаны были заставить уважать себя, защищать друг друга от обид и оскорблений, покровительствовать слабому полу и прочее, но они так рьяно принялись за исполнение этих обязанностей, что превратили общество в разбойничью шайку убийствами, террором, запугива-

нием судей и прочим, добившуюся диктатуры над целым округом, так что мирные обыватели принуждены были прибегнуть к реакции столь же террористического характера.

В Ирландии около *Аграрной Лиги*, прославившейся геройской патриотической борьбой за политическую и экономическую независимость родины, с течением времени возникла секта *непобедимых*, состоящая всего из 200 человек, но скоро обратившая на себя внимание всякого сорта аграрными преступлениями.

Преступная деятельность *непобедимых* отчасти обусловливается в некотором роде исторической традицией, так как они почти точка в точку повторяют те же преступления, которые в 1830 году производились шайками *белых и черных ног*, побуждавшими население не платить налогов и убивать сборщиков податей. А эти шайки в свою очередь происходили по прямой линии от *уайтбоев* (белых ребят), которые, десятью годами раньше объявив войну помещикам-протестантам, суровее прочих относившимся к народу, совершили целый ряд убийств и поджогов.

Нечто подобное произошло и в Испании с *Обществом черной руки*, представлявшим собой странную смесь религиозного фанатизма с преступностью на социалистической подкладке. Разгар деятельности этого общества совпал с неурожаем 1881—1882 годов в Андалузии и со страшными бедствиями, зависевшими как от неурожая, так и от тягости налогов.

В уставе этого общества было сказано, что оно создается для защиты бедных и угнетенных от тех, которые грабят их и угнетают, а программа гласила следующее:

«Земля создана для блага людей, которые все имеют равное право ею пользоваться; современный социальный строй несправедлив; богатые обращаются с рабочими, как с рабами, нельзя поэтому относиться без страшной ненависти к политическим партиям, которые все одинаково достойны презрения; всякая собственность, нажитая чужим трудом, незаконна. Общество провозглашает богатых стоящими вне закона: для истребления их годятся все средства, не исключая огня, железа и даже клеветы».

Вообще программа составлена в кратких и категорических выражениях; вся буржуазия приговаривалась к поголовному истреблению; каждый член общества обязывался представлять ему проекты наилучших способов поджигать дома, производить убийства и прочее. В России имеется подобное же общество *бегунов*, в состав которого может быть принят всякий, отказавшийся от своего общественного положения и даже имени. Новичок получает особое крещение и дает клятву не подчиняться ни военной, ни гражданской власти, порвать с обществом и жить как бродяга. Члены этого общества считают императоров антихристами, а весь современный строй общества — делом сатаны.

9) *Подражание*. Выше мы видели, что во время народных движений преступность, сумасшествие и галлюцинации в силу подражания могут рас-

пространяться эпидемически и сделаться могучим фактором бунтов. Это явление повторяется иногда в широких размерах, представляя собой настоящую эпидемию революций. Так было, по словам Феррари, в 1348–1494 годах, когда простой народ всей Европы по примеру Италии возмутился против феодальных сеньоров. В самом деле, в течение этого периода почти одновременно возникли восстания: в Риме — Колы ди Риенци; в Генуе — Адорно; во Флоренции — ремесленников; в Палермо — Алесси; в Неаполе — Лаццари; в Богемии — гуситов; в германских городах — рабочих и крестьян; в Генте — горожан (из-за налогов); в Швейцарии — война за независимость; в Швеции — восстание Инглеберта; в Хорватии — Хорвата; в Англии — религиозное движение Виктора.

Революционеры 1893 года старались подражать героям Плутарха, как Наполеон I копировал Цезаря.

Во Франции почти все департаменты подражали сентябрьским избиениям, а затем белому террору.

Как на причину революций сам Аристотель указывает на близкое соседство двух стран, управляемых различно. Подражание олигархическому строю страны часто ниспровергало демократию Афин, и наоборот.

10) *Исторические традиции.* «Всякая революция, — пишет Макиавелли, — служит пробой для следующей». И в самом деле, революции часто воспроизводятся в тех же формах, в которых они происходили во времена очень отдаленные. Трибунат, например, несмотря на страшные различия в положении, после многих веков возник в Риме в лице Колы и Барончелли, а потом — в лице Чичеруаччо и Коккапиллера.

«Исламизм возник потому, что был во многих отношениях продолжением или, скорее, отплатой за назаретизм*. Христианство, каким его сделали греческие политеисты и метафизики, не удовлетворяло сирийцев и арабов, стремившихся возможно глубже отделить Бога от человека и упростить религию. Сирийские ереси IV и V веков являлись протестом против усложнений, введенных греческими Отцами Церкви в догматы.

Говорят, что Мухаммед был ариец, но это неверно. Он был назаретянин — иудей-христианин. Через него семитический монотеизм восстановил свои права и отомстил за политические усложнения, введенные греческим духом в теологию первых учеников Христа».

Парижская Коммуна вдохновлялась революцией 1789 года, а эта последняя — жакериями. Можно сказать, что баррикады сделались настолько же обычными в Париже, насколько военные бунты — в Испании, политические убийства — в России, политическое разбойничество — в Греции и т. д.

В 1848 году в Италии возродился старый гвельфизм, заставивший сделаться революционерами даже таких людей, которым, в сущности, не было никакого дела не только до политических новшеств, но даже и до независимости родины.

Наоборот, традиции Римской империи заставили даже великих итальянских политиков Данте и Петрарку стремиться к восстановлению этой империи под скипетром германских монархов, забывая о взаимной враждебности народов и неспособности правителей.

Последним доказательством влияния традиций служит то, что революции, не сумевшие поддержать их престижа, не удаются, так что чем дальше отходит новый строй от старого, традиционного, тем менее прочным он оказывается.

Вот почему революции, опирающиеся на старые правовые понятия и учреждения, почти всегда оказываются удачными. Такова была, например, революция, руководимая Брутом, который сохранил плебеям их царя в лице верховного жреца, или превращение республики в империю, причем сохранились и трибуны, и сенат, и вся республиканская внешность, а монарх замаскировался титулом военачальника (*Imperator*). Точно так же Великая Хартия вольностей* (*Magna Charta*) англичан опирается на старые обычаи. Восстание против Иакова II достигло цели только потому, что облекло новые права народа в древние формы правительственного уклада.

Японцы могли так легко совершить свою антифеодальную революцию 1868 года потому, что она возникла во имя восстановления древней власти микадо, узурпированной сёгунами.

Вообще, по выражению Флорантэна, «реформируя государство, следует удерживать хотя бы тень древних форм».

11) *Преждевременные, неудавшиеся политические реформы.* Насильственное введение реформ, преждевременных или неприятных народу (хотя бы в силу мизонеизма), весьма часто вызывает против себя вполне законное восстание. Я говорю законное, потому что такие реформы сами по себе суть бунты против порядка вещей.

Только люди, совершенно не знающие натуры человека или чересчур властные, могут вводить реформы, не соответствующие условиям времени, разрушая старые учреждение и заменяя их новыми не потому, что это нужно народу, а потому, что так принято в других странах и при других условиях. Такие реформы возбуждают всеобщее недовольство и создают неустойчивое равновесие, ведущее к беспрестанному повторению революций. К этому привели реформы Савонаролы и Колы ди Риенци, стремившихся в те времена навязать Италии политические реформы, которые лишь недавно успел ввести Кавур, да и то не вполне. Та же судьба постигла во Франции реформы Этьена Марселя, который пробовал основать республиканскую федерацию, ввести пропорциональные налоги, общественное и административное равенство, всеобщую политическую свободу, замену королевской власти властью нации, и все это тогда, когда даже простое представительство было невозможным. В результате — реакция, и сам народ, мизонеист по натуре, разорвал новатора в клочки.

Точно так же когда Кромвель, при всей своей гениальности, задумал ввести в Англии республиканское правление, то встретил суровое противодействие, потому что монархические чувства глубоко коренились в народе: в течение двух лет последний организовал семь восстаний и кончил тем, что взял верх над протектором.

Для республиканского образа правления сочувствие народа особенно важно. «Монархический строй еще, может быть, и бывал вводим силою, — пишет Гизо, — но республика, введенная вопреки инстинкту и желанию народа, не может быть прочной». К этому следует прибавить, что она не может быть прочной и тогда, когда вводится вопреки традициям и физическим условиям страны или степени цивилизации народа. В самом деле, тот же самый республиканский строй, который дает такие прекрасные результаты в штатах Северной Америки, будучи введен в республиках южноамериканских и в Мексике, где народонаселение невежественно, а климат слишком жарок, дал только ряд бессмысленных волнений и бунтов.

Точно так же образцовая английская конституция, медленно и органически выработавшаяся из характера, нравов и обычаев англосаксонского племени и вполне им соответствующая, будучи перенесена к латинским народам, столь отличающимся от англосаксов, послужила лишь препятствием к политическому их прогрессу и вызывает, особенно во Франции и в Испании, беспрерывный ряд парламентских революций.

Мания все сплошь реформировать неизбежно вызывает контрреволюции. Излишняя свобода утомляет людей, как и всякое сильное возбуждение. Но когда желают навязать ее народу уже развращенному, то выходит еще хуже. После Тарквиниев Рим мог удержать свободу, а после Цезаря и Калигулы уже не мог, так же как Милан после Филиппа Висконти и Флоренция по смерти Александра Медичи. Реакция во всех этих случаях была неизбежна, потому что «бунты не вредны там, где натура еще не испорчена, но где много развращенных людей, там и хорошие законы ни к чему не послужат» (Макиавелли).

«Желать все реформировать — значит желать все разрушить», — пишет Коко по поводу неаполитанской революции 1799 года. Тамошние революционеры были деятельны только в теории и неуместно. Они уничтожили феодализм так, что повредили этим народу; они совершенно бессмысленно разделили страну, соединив, например, Абруццо с Апулией; из подражания французам они изгнали всех дворян и бывших королевских чиновников, которые, конечно, сделались потом главными факторами реакции.

Так было всюду, где неблагоразумные правители считали возможным изменить религиозную веру и общественное чувство народа одним приказом. Так было во Франции с законами против гугенотов и с провозглашением Богини Разума; так было в Англии, где англиканцы и пресвитериане восстали против гонений на Стюартов.

По мнению Аристотеля, самые лучшие законы ни к чему не послужат, если не соответствуют нравам народа. В Испании Карл III, пользуясь своей властью, мог забрать в руки духовенство и улучшить положение страны, несмотря на то что народ единогласно требовал восстановления иезуитов, но тотчас же после него все реформы отменены, потому что оказались несвоевременными. В 1812, 1820 и 1836 годах в испанском правительстве тоже имелись ярые реформаторы, но они пали, потому что намерения их не соответствовали желаниям народа. В 1814 и 1823 годах кортесы (либеральные) были разогнаны во имя общественного негодования. Квин рассказывает, что при проезде короля толпа повсюду ругала либералов, конституцию и кортесы.

А когда Фердинанд VII восстановил инквизицию, то приказ его был встречен криками радости со стороны народа. То же случилось и в 1845–1851 годах, когда духовенству было возвращено его имущество. Напротив того, когда в 1855 году правительство вновь собралось отнять это имущество, то народ взялся за оружие и поднял карлистское восстание при криках: «Религия в опасности!» Кончилось все это в 1857 году восстановлением старых конкордатов.

К этому следует прибавить, что Росас и Кирога в то же самое время в Америке подняли реакцию во имя тех же самых принципов, за которые так упрямо стояла их старая родина, — этнологические законы могущественны до такой степени, что в самых различных средах приводят к одним и тем же результатам.

В древности за правлением Соломона, значительно опередившего свой век революционера в искусстве и торговом деле, последовала контрреволюция Иеровоама*.

Даже тогда, когда вводятся реформы вполне справедливые, предназначенные к истреблению позорных, недостойных натуры человеческой предрассудков, и тогда при малейшем насилии или несвоевременности они вызывают реакцию и во всяком случае не удаются. Против жестокости Ивана Грозного народ в России не восставал, а против Петра Великого, когда он захотел слишком быстро цивилизовать Россию и затронул духовенство, бунты не прекращались. Точно так же в современной Японии начинает уже проявляться реакция против некоторых реформ, введенных слишком либеральными министрами.

Г. Лебон объясняет бунты во французских владениях на Дальнем Востоке той ошибкой, которую совершило французское правительство, введя самые либеральные реформы среди народов, погруженных в азиатскую спячку, тогда как им и мусульманская цивилизация еще не по плечу.

Именно поэтому гуманные законы против невольничества, да еще введенные слишком круто, вызвали в Америке войну за целость Союза, хотя надо признаться, что в ней и коммерческие интересы играют большую роль. Те же законы против невольничества служили главной причиной восстания в Су-

дане. Это настолько справедливо, что сам Гордон, фанатик аболиционизма, признал необходимым отменить их для того, чтобы успокоить страну.

Первоначальным источником нигилизма были волнения, вызванные освобождением крестьян.

Восстание в Египте последовало за первыми реформами Теффика-паши.

12) *Плохое управление.* Правительство, не заботящееся о благе народа и преследующее честных людей, постоянно вызывает против себя бунты и революции. Преследование идей превращает последние в чувства.

В тех странах, где политические реформы соответствуют настроению народа, бунты бывают редко, как это мы видим на примере Италии, где современный строй при всем его несовершенстве все же гораздо лучше старого режима, хотя надо заметить, что в Италии излишнее стремление к политическому и законодательному объединению недостаточно считается с различием климата и нравов в разных областях.

Во Франции порядки, приспособленные ко вкусам классов высших по культуре и неудобные для классов низших, как это было при Луи-Филиппе, послужили причиной бунтов и политических преступлений, количество которых тотчас же сократилось при демократической империи Наполеона III, успокоившего народ попытками социальных реформ, блеском и роскошью. В этом можно убедиться при первом взгляде на следующую таблицу, в которой показано число судимых и осужденных по политическим преступлениям (включая сюда и дела о печати) за 1826—1880 годы.

Годы по периодам	Кол-во дел	Кол-во обвиняемых	Кол-во приговоренных
1826—1830	297	405	237
1831—1835	496	889	176
1836—1840	76	121	27
1841—1845	45	101	21
1846—1850	280	653	184
1851—1855	4	40	—
1856—1860	1	2	—
1861—1865	1	4	—
1866—1870	1	3	—
1871—1875	74	166	53
1876—1880	6	11	5

Из этой таблицы видно, что за время второй империи (1851—1870) политических дел возникало даже меньше, чем при республике.

Накануне американской революции Бенджамин Франклин в брошюре, озаглавленной «Как сделать из большой империи маленькую», следующим образом характеризует дурное управление, доведшее его родину до восстания:

«Вы хотите раздражить колонии и довести их до восстания? Вот вам самое верное средство: считайте их склонными к бунту и обращайтесь соответственно; наводните их солдатами, которые бы вызывали бунты своим нахальством и потом усмиряли их пулями и штыками.

Не назначайте в губернаторы благоразумных людей, которые бы уважали законы, религию и нравы населения, а назначайте кутил, проживших свое имущество, игроков, неудачных аферистов — они как раз годятся для этого.

Чем они будут упрямее и нахальнее, тем лучше.

Если вы боитесь, что этого будет недостаточно, чтобы вызвать недовольство, то остерегайтесь выслушивать жалобы, к вам обращенные, а еще лучше — наказывайте жалующихся.

Если жители колоний думают, что пользуются свободой личности и совести, то спешите рассеять эту иллюзию.

Постарайтесь затем помешать их торговле нелепой регламентацией, которая сделала бы пошлины, взимаемые вами, еще более ненавистными; пришлите из столицы чиновников самых необразованных, наглых и тупоумных.

Затем, когда выколотите от население подати, назначьте вашим чиновникам крупные жалованья, чтобы и они могли жить в бесстыдной роскоши за счет крови и пота рабочего народа».

Вот как поступала Англия с североамериканцами, и все мы знаем, что из этого произошло.

Но то же самое произошло и в Южной Америке, где испанское правительство заботилось только о том, чтобы выжимать соки из своих колоний, чем вызвало революцию, которая в свою очередь, не издав ни одного прочного учреждения ни по части правосудия, ни по санитарной части, ни по народному просвещению, дала повод к беспрестанным бунтам, только теперь как будто бы начинающим затихать.

13) *Религия.* В странах азиатских и африканских религия не только вмешивается в политику, но даже составляет самую ее суть, иногда революционную, а чаще реакционную.

В VI веке до Р. Х. Будда основал в Индии свою новую религию. Подобно христианству, она не была принята на родине, но распространилась по всей остальной Азии. С виду она не имела политического характера, но на деле сильно задавала политику, так как уничтожила касты. Адепты ее поэтому принимали большое участие в борьбе между маленькими государствами, создавшимися после вторжения Александра Македонского.

В той же Индии Нанак (1469 год), творя чудеса, основал религию сикхов, главными чертами которой является единобожие, уничтожение каст и блаженство нирваны*. Прозелитов этой религии было мало, но все же они при Хаговинде, одном из преемников Нанака, а затем и после несколько раз восставали против мусульманского фанатизма. Будучи побеждены, они

потом вновь усилились, учредили особого рода республику, и теперь их насчитывается до двух миллионов.

Мухаммед уничтожил фанатизм, покорил Аравию и, будучи сам совершенным невеждой (предлагаем кому угодно найти смысл в сурах его Корана), произвел революцию даже в науке, так как с 750 по 1250 год арабские ученые под предлогом объяснения Корана переводили греческих писателей и написали обширные лексикографические сборники, разошедшиеся потом по всей Европе.

Как бы для того, чтобы еще раз подчеркнуть параллелизм религии с политикой, Конвент декретировал поклонение высшему существу и организовал банкеты с участием сумасшедшей Екатерины Тео, «матери божией», которая еще раньше проповедовала бессмертие тела и надеялась помолодеть в 70 лет. Конвент покровительствовал также обществу теофилантропов, завладевших Нотрдамским собором, который превратился в «храм разума», и церкви Св. Роха, посвященной «гению». Там они пели классические сентиментальные стихи и возлагали на алтарь фрукты и цветы, а также праздновали дни Сократа, св. Винцента, Руссо и Вашингтона.

За последние века в исламе возникло поклонение новой духовной силе — святым, или махди, отличающимся не только религиозным рвением и высокой нравственностью, но также экстазом, который считается частью творческой силы. Способы достижения экстаза сделались предметом особого культа среди мусульманских религиозных братств*. Многие из новых святых провозгласили себя богами, но в большей части случаев они довольствуются званием представителей Бога. Были такие в Персии, Аравии, Тунисе, Египте, а теперь есть и в Судане.

Все стремятся к реформам в реакционном духе и вызывают у своих адептов сильную экзальтацию. Такими образом, в Европе все сильнее и сильнее развивается национализм, а в мусульманском мире — стремление объединиться в религиозные группы, жаждущие обновления веры и возврата к древним традициям. Последнее вполне естественно, так как основная религия этого мира консервативна и возврат к ней может быть только реакционным.

Реакция проявляется всякий раз, когда европейцы пробуют идти против обычаев или даже суеверий населения. Одной из причин восстания аннамитов против Франции было, например, непочтительное отношение французов к старым рукописям, даже просто ко всякой писаной бумаге, которая пользуется у аннамитов особым уважением, как нечто, обладающее таинственной силой.

В Индии все восстание против англичан были обусловлены нарушениями обычаев и оскорблениями религии народа. Таким образом, бунт сипаев в 1857 году был вызван не столько занятием княжества Ауд английской Ост-Индской компанией, сколько проповедями протестантских миссионеров и их излишним усердием, восстановившим против Англии как браминов, так и мусульман. Немало повлияло также на сипаев приказание смазывать

патроны свиным салом или по крайней мере слухи о том, что такое приказание будет дано, вот потому-то Англия с тех пор и стала относиться гораздо терпимее не только к невинным предрассудкам индусов, но даже и к таким обычаям — вроде полигамии, полиандрии и чересчур ранних браков, — которые повсюду считаются предосудительными.

В Азии некий Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб, отрицавший миссию пророка или, лучше сказать, сам желавший стать на его место, основал секту ваххабитов, которая в 1808 году вторглась в Сирию и, хотя была отбита, заразила своим учением бедуинов, которые в 1887 году участвовали в восстании против афганистанского правительства. Не без участия ваххабитов возникла, как кажется, и китайская революция 1855 года*.

В Африке реакционные революции были делом секты санусси — мусульманских иезуитов, главная цель которых состоит в том, чтобы восстановить первобытную чистоту нравов и укрепить в новой форме каноническую власть. Помимо прочих экономических, все восстания в Судане, Алжире, Тунисе и Триполи следует приписать влиянию этой секты.

Даже в настоящее время в России религиозные секты, в состав которых, по недавнему подсчету, входит до 13 миллионов членов, вмешиваются в политику, отрицая государство, общество и семью — настоящий возврат ко временам доисторическим.

В самом деле, оставляя в стороне чистых мистиков, каковы, например, бегуны — считающие брак смертельным грехом, хлысты — отрицающие плотскую любовь, и скопцы — уродующие себя, чтобы избежать последней, остаются еще духоборы — отрицающие семейную власть, военное ремесло, и даже власть административную допускающие только в известных границах как необходимое зло, немоляки — отрицающие необходимость молитвы и не признающие никаких властей, наконец, ренегаты — настоящие нигилисты, которые верят только в борьбу добра со злом, причем первое всегда побеждает.

Но самой распространенной в России сектой, несмотря на недавнее ее возникновение, является та, которая основана тверским крестьянином Василием Сутяевым. Сам Лев Толстой выступил ее защитником. Она отрицает не только церковную иерархию, таинство и внешний культ, но также государство, военную службу, суд и торговлю. А так как все беды рода человеческого произошли от учреждения личной собственности на землю, то сутяевцы проповедуют земельный коллективизм, который, однако же, стремятся ввести не насилием, а проповедью и проведением в жизнь принципов любви, равенства, братства, справедливости и самопожертвования. Сам Сутяев первый показал пример подчинения своей доктрине: роздал бедным деньги, который были у него в звонкой монете, а бумажные ценности как фиктивные, обманные — сжег.

Сутяевщина значит не что иное, как религиозный социализм, только по средствам осуществления отличающийся от светского. Вообще, в странах

варварских всякое чрезмерное расширение или сужение власти духовенства, всякое появление новой религиозной секты, какого-нибудь фанатика, сумасшедшего или галлюцинатарной эпидемии непременно вызывает бунт, превращающийся в революцию, если во главе его станет гениальная личность, стремления которой совпадут с народными.

14) *Экономические причины.* «Исторические факты — особенно такие сложные, как политическая революция, — справедливо говорит Коньетти, — не могут быть правильно поняты при рассмотрении с одной только стороны, потому что содержат в себе элементы самые разнообразные, логически друг с другом связанные. Для правильного понимания их следует внимательно рассмотреть все, причем окажется, что экономические причины играют в революциях крупную роль».

«В Древнем Риме, — говорит Карде, — вопросы политического права принимали как будто бы частный характер, потому что все крупные движения возникали там обыкновенно из-за кодификации частного права — из-за домов, обременяющих плебейство, или из-за аграрных законов».

Влияние экономических причин на большинство важнейших революционных движений последнего времени было неопровержимо доказано Лориа.

Борьба классов в Англии возникла в то время, когда аристократия стала вотировать законы, покровительствующие земельной собственности в ущерб промышленникам. Буржуазия сплотилась тогда вокруг Елизаветы и вместе с ней одержала победу над аристократией, сплотившейся около Марии Стюарт. То же произошло при Кромвеле и при возведении на престол Вильгельма Оранского.

Так же шло дело и в Германии, в XVI веке, когда дворянство в лице электоров, обладающих всей полнотой политической власти, стало издавать законы, враждебные капиталу и торговле, то есть налагать ввозные и вывозные пошлины*. Понимая всю невыгоду этих законов для торговли и промышленности, богатая буржуазия не только добилась от Карла V их отмены, но и взяла сторону крестьян, которые в это время восстали против помещиков. Впрочем, союз этот скоро разрушился, так как буржуазия почувствовала, что в крестьянском восстании дело идет не только о земле, но и о капитале.

В Италии равным образом за борьбой гвельфов и гибеллинов скрывалось соперничество капитала с земельной собственностью, промышленников с феодалами; по крайней мере так полагает Лориа[1].

«Все итальянские революции, — пишет Кине, — были социальными; общественные классы свергали друг друга: аристократы превращались в буржуазию, буржуазия — в аристократию, и обе терялись в пролетариате,

[1] Мысль несколько смелая, но не лишенная доказательств. Бонаккорси, например, подеста Реджо, оказавшийся слишком снисходительным к бедным, был через 8 месяцев уволен гибеллинами.

чтобы вновь возникнуть из него с новой силой. В постоянном коловороте, который представляет собой средневековое итальянское политическое право, общественные классы и сталкивались между собой, и поочередно разбивались при каждой революции; трудно встретить где-либо подобное непостоянство права собственности».

Лориа видит влияние экономических причин даже в бунтах янычаров, потому что в Турции, как и в других восточных государствах, собственность являлась в двух главных формах: как результат производительной деятельности купцов и промышленников и как военная награда, как лен, даваемый не только военачальникам, а и простым солдатам. Янычары, например, были вассалами короны; в награду за службу они получали земельную собственность. И вот эта военная собственность сталкивалась иногда с безоружной гражданской собственностью, что мы видим и в Риме в последние годы империи, и во всей Европе в Средние века.

Во Франции лига времен Генриха III была союзом духовенства, владеющего собственностью, с лимузенскими и овернскими нищими, с угольщиками и водоносами Парижа против аристократии и буржуазии. Во время своего эфемерного триумфа она старалась разорить последних против их собственности, как, например, сложением квартирной платы с бедных жильцов.

В свою очередь буржуазия, долгое время бывшая бессильной против короны и аристократии, подстрекнула народ к бунту и вместе с ним победила своих угнетателей, но, победив, она отделилась от народа, который продолжал революцию уже на свой страх и довел ее до террора, причем обрушился на свою прежнюю союзницу, подвергнув ее прогрессивному налогу, грабежам и всяческим насилиям.

Буржуазия, впрочем, успела наверстать свое в дни термидора, когда преобладание класса собственников было восстановлено; но воцарение Наполеона вновь создало поворот не в ее пользу благодаря высоким налогам и континентальной системе, тогда как простой народ извлек выгоду из повышения заработной платы, обусловленного постоянными войнами. Потому-то буржуазия и постаралась ускорить падение Наполеона, понизив пятипроцентные бумаги до 45 франков во время войны с союзниками.

Реставрация со своими наклонностями к феодализму тоже плохо была принята буржуазией, которая, вновь соединившись с народом, создала июльскую революцию, возведшую на престол Людовика-Филиппа.

Современный нигилизм, по мнению Рошера, также порожден столкновением капитала с земельной собственностью, особенно же покровительством торговых классов выкупу земельных участков крестьянами в ущерб дворянству, которое реагировало на это, вступив в союз со всеми разоренными и врагами буржуазии.

Шень говорит, что благоденствие Китая зависит от расширения сети каналов, орошающих землю, и что те богдыханы, которые мало заботились об этом расширении, всегда были свергаемы.

15) *Налоги и земельные единицы ценности*. Часто сами правительства своим непониманием экономических законов увеличивают существующее уже нарушение экономического равновесия и тем вызывают бунты. Одной из причин революции во Франции в 1360 году при Валуа было изменение ценности золота, совершенное 26 раз в один год; а в Сицилии недовольство низкопробной монетой, по словам Амари, ускорило Вечерни.

«Каждый год, а иногда несколько раз в году, в Мессине и Бриндизи чеканили мелкую разменную монету из сплава, очень бедного серебром. И так как никто ее добровольно не брал, то правительство насильно заставляло всех покупать ее по высокой цене, уплачиваемой полноценной серебряной или золотой монетой, причем казна получала восемьдесят процентов выгоды».

Чаще, однако ж, бунты вызываются чрезмерными налогами. Так, в России восстание случались только по этому поводу. При одном из них население, выведенное из терпения, возмутилось, бежало за границу и избрало своим вождем разбойника Стеньку Разина, который взял несколько городов, а потом был убит. Другой бунт из-за тяжести налогов был в Нижнем Новгороде (? – *перев.*), но кончился тотчас же, как только царь пожертвовал своими советниками.

В Лондоне в 1739 году были бунты из-за вотированных парламентом налогов на некоторые пищевые вещества; тем же кончилась попытка Уолпола основать финансы страны на одних только косвенных налогах.

В 1382 году в Париже налог на торговлю овощами вызвал страшный бунт «майотенов» (молотобойцев), и вот при каких обстоятельствах.

По смерти Карла V герцоги Анжуйский, Беррийский и Бургонский составили регентство ввиду малолетства их племянника, Карла VI, которому было только двенадцать лет.

Предавшись роскоши и кутежам, регенты скоро растратили богатства, накопленные покойным королем, а потому для пополнения государственной казны должны были возобновить множество давно уже отмененных налогов и между прочим налог на продажу жизненных припасов. Решение это было принято без ведома генеральных штатов.

На другой день, 1 марта 1382 года, сборщики отправились по рынкам, и один из них обратился с требованием уплаты налога к старушке, торговавшей зеленью. Она платить отказалась, а когда сборщик прибегнул к насилию, то стала кричать. Сразу вспыхнул страшный бунт. Народ бросился к арсеналу ратуши и захватил там молоты, запасенные ввиду возможности нападения англичан. Этими молотами он перебил сборщиков податей и солдат герцога Анжуйского, а затем освободил арестантов, которые присоединились к бушующей толпе. Все аббатства, монастыри, церкви, даже кладбища были ограблены. Восстание быстро распространилось на Руан, Реймс, Шалон, Орлеан и прочих. Скоро, впрочем, оно было подавлено кровавыми репрессиями.

В 1548 году кровавый бунт возник в области Гиень. Шайки крестьян по 10—15 тысяч человек, восставшие против налога на соль, проходили всю провинцию, избивая сборщиков, сражаясь с жандармами, освобождая арестантов и сжигая дома агентов правительства. В Бордо они убили помощника губернатора. Герцог Монморанси с десятитысячным войском жестокими мерами подавил это восстание.

В 1638 году руанская чернь восстала против соляных приставов, но бунт быстро был потоплен в крови восставших. Ненависть к соляным приставам, однако ж, не исчезла, так что в следующем году правительству пришлось особым декретом воспретить под страхом смертной казни называть их грабителями, лихоимцами и тому подобными ругательными прозвищами.

В 1640 году Мазарини удвоил налог на пищевые вещества. Парижский народ тотчас же построил баррикады, овладел тюрьмами, освободил президента парламента Потье-де-Бланмениля и советника Брусселя, арестованных по приказанию самого министра. Двор испугался и вошел в соглашение с народом, облегчив налоги более чем на двенадцать миллионов.

В 1649 году народ вновь отказался платить соляной налог. Опять восстание. Полторы тысячи лодочников с Луары явились в Нант, запаслись там солью в большом количестве и стали развозить ее по деревням, продавая на площадях, на рынках, у церквей, как и всякий другой товар, не обложенный пошлиной. Ненависть против фиска была так велика, что всякий преследуемый полицией человек, закричав: «Долой соляной налог!», мог быть уверен в помощи толпы.

Перед революцией тяжесть налогов во Франции была невыносима. В Шампани, например, плательщики податей должны были вносить в казну 54 фр. 18 су с каждых ста франков дохода, а в некоторых приходах даже 71 фр.

В Верхней Гиени с домов платили треть дохода, а с фондов — четверть ренты; кроме того, всем приходилось платить подушные — одну десятую часть дохода, да одну седьмую в счет оброка сеньорам, да еще налог в замену барщины, да расходы ж насильственному взиманию налогов, да штрафы разного рода, и прочее.

В Тулузе поденщик, зарабатывавший, может быть, 10 су в день, должен был платить 8—9—10 франков подушных; в Бургундии простой рабочий был обложен подушной податью в 18—20 франков; в Лимузене весь зимний заработок каменщика шел на уплату налогов; в Бретани девять десятых обывателей благодаря налогам вошли в неоплатные долги.

В Париже самые бедные торговцы — битыми бутылками, например, или старым железом, платили 3 фр. 10 су подушных, что по тому времени было суммой довольно значительной. Налоги взимались безжалостно: в голодный год (1784) сборщики податей отнимали у бедняков деньги, вырученные от продажи мебели и предназначенные на хлеб для детей; неплатель-

щиков заключали в тюрьмы: в 1785 году в одном только округе Шампани было арестовано таким образом 85 человек.

В 1789 году первым шагом революции было не взятие Бастилии, а сожжение замков в Париже.

В Италии народонаселение Неаполя возмутилось, под предводительством Мазаниелло, главным образом из-за налога на соль, прибавленного к другим разорительным поборам. В 1667 году там же бунт вспыхнул из-за налога на фиги; в Голландии были бунты из-за налога на рыбу.

Даже вполне справедливые налоги при неравномерном разложении служат причиной бунтов, как это было, например, в Павии с налогом на помол муки и во Флоренции с налогом на земельную собственность.

16) *Экономические кризисы.* На революционные движение эти кризисы заметного влияния не оказывают, а возбуждают только местные бунты.

Так, в Риме, по словам Гегевиха, несмотря на обилие революций, возникавших по экономическим причинам (задолженность плебеев, аграрные недоразумения), никогда не было революций из-за финансового кризиса.

Из истории Флоренции видно, что там в 1342–1345 годах обанкротились тридцать компаний по торговле шерстью, и несмотря на это (да еще в 1343 году был неурожай), спокойствие не нарушалось.

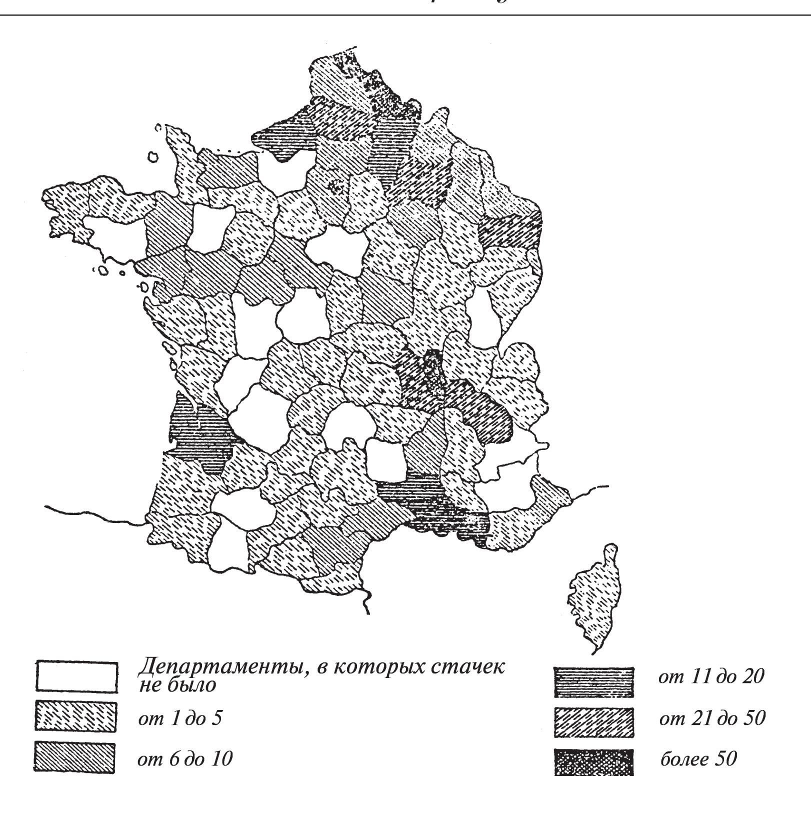
В новейшей истории, например, в прошлом веке ни один крупный промышленный кризис не вызвал революции (Англия — 1797, 1814–1816 годы; Шотландия — 1817 год; Франция — 1818–1819 годы; Шотландия — 1820 год; Англия и Франция — 1825–1827 годы; Франция — 1830–1831, 1836–1839 годы; Англия — 1839–1841, 1847 годы; Америка — 1857 год; вся Европа, 1866–1879 годы), несмотря на то что они сопровождались большими бедствиями.

Не было также бунтов в Англии в 1846–1847 годах, несмотря на то что Ирландия была тогда поставлена в такое бедственное положение, которое заставило правительство занять общественными работами более полумиллиона рабочих и издержать на это 2,5 миллиона фунтов. Правда, что, может быть, эта мера и послужила к предотвращению бунта.

17) *Пауперизм. Стачки.* В наше время самыми серьезными причинами политических и социальных восстаний являются чисто теоретические и доктринерские взгляды на отношения между трудом и капиталом, вошедшие в политическую экономию в качестве аксиом.

Пропасть, лежащую между этими двумя факторами и с каждым днем все более и более углубляемую главным образом банковыми спекуляциями, либеральные доктринеры желают засыпать слишком поспешно и необдуманно, но она действительно существует и грозит большими бедствиями.

Опираясь на теорию Дарвина, которая хотя и допускает индивидуальное неравенство между людьми, а следовательно, и неравное распределение богатств между ними, но основывается на борьбе за существование, доктринеры приглашают слабых соединиться между собой во имя такой

борьбы с сильными. Между тем помимо теории Дарвина и рекомендуемой ею борьбы нам не следовало бы забывать и чувства человечности, впервые выдвинутого Иисусом Христом, чувства, не могущего допустить, чтобы рабочий человек умирал с голоду, чтобы, желая трудиться, он не находил себе работы.

Мы, итальянцы, особенно не должны бы этого забывать по отношению к аграрному вопросу, очень обострившемуся за последнее время, как это видно из недавнего опроса, в результате которого оказалось, что *страшная бедность сельских рабочих в большинстве наших провинций, даже самых цветущих, не имеет себе равной в Европе, кроме Ирландии*.

После этого смешно слушать разглагольствования наших демагогов по поводу рабочего вопроса в городах, который представляет собой ничтожную величину по сравнению с аграрным.

Когда видишь, что тысячи крестьян принуждены питаться гнилым маисом, что зоб, кретинизм, глухонемота и альбинизм чуть не сплошь охватывают население альпийских округов только потому, что на снабжение его хорошей питьевой водой не тратится и сотой части тех сумм, которые идут на постройку бесполезных монументов; когда подумаешь, что на многих равнинах Италии — у ворот двух самых больших городов — малярия косит

население[1], и все это потому, что никто о нем не заботится, то приходится согласиться, что ответственность за недавние стачки в Павии, Мантуе и Ровиго должна падать именно на тех, кто был обязан принимать меры против бедствий.

Стачки суть предохранительный клапан, а вместе с тем и маяк, указывающий на дурные экономические условия, на слишком большое несоответствие между силами труда и капитала. Когда они единичны и ограничены, то являются простым нарушением невыгодного частного контракта; но если проследить их быстрое распространение по обширному району и по разным производствам, если обратить внимание на грубые, часто кровавые формы, в которых они проявляются, и на потрясение всего политического организма, которое производят, то нельзя не признать их факторами политической революций.

Да, наконец, сам Интернационал заявляет, что будет пользоваться стачками как подготовительным средством к этой последней.

В Бельгии анархисты и социалисты пользуются всякой стачкой для того, чтобы требовать всеобщей подачи голосов и подстрекать рабочих к насилиям. На каждую стачку съезжаются эмиссары социалистических партий Германии и Франции, поддерживая волнение и стараясь создать как можно больше затруднений правительству. Во время последней стачки в Карлсруэ (апрель и май 1887 года) достаточно было изгнать из страны иностранных агитаторов, для того чтобы стачки прекратились.

Во Франции за десять лет (1874–1885) было 804 стачки. Распределяя их по департаментам, как это сделано на прилагаемой карте (см. с. 77), можно видеть, что это распределение вполне параллельно количеству революционных голосов в данной местности.

С первого взгляда на эту карту видно, что в четырнадцати департаментах (Нижние Альпы, Верхние Альпы, Канталь, Шаранта, Дордонь, Эро, Жер, Эндр, Юра, Луаре, Лозер, Майенна, Морбиан, Верхние Пиренеи) и области Гиень совсем не было стачек. Это те департаменты, которые населены преимущественно земледельцами; фабричных рабочих там мало.

Наибольшим количеством стачек, как и следовало ожидать, отличаются департаменты промышленные. Из 804 стачек $^3/_5$ имели место в семи департаментах: Нор — 172, Сена — 103, Рона — 57, Марна — 32, Сомма — 36, Изер — 32, Луара — 25.

Стачки разражаются преимущественно в марте, апреле и мае, а затем — в июне и июле. На 105 стачек в апреле месяце (из 804) в сентябре приходится только 45. В этом виден, во-первых, параллелизм с бунтами, а во-вторых — стремление рабочих бастовать преимущественно в то время, когда

[1] Из 5258 коммун Италии в 2813, то есть среди населения в 11,5 миллиона, свирепствует малярия; да и в остальных она отмечается нередко.

работы много, когда фабриканту нужны руки и когда, следовательно, легче диктовать ему свою волю.

Среди поводов к стачкам требование прибавок к заработной плате составляет 40%, тогда как произвольное уменьшение этой платы со стороны фабриканта — всего 22%, а требование уменьшить число рабочих часов — 5,6%. В тринадцати случаях стачки возникали вследствие уменьшения количества рабочих часов, но понятно, что в этих случаях рабочие получали плату по часам. В 25 случаях причиной стачек было требование удалить неугодных рабочим директоров, инженеров или мастеров; в 16 случаях, напротив того, рабочие стремились удержать на службе лиц, рассчитанных фабрикантом. Четыре стачки возникли ради удаления с работ иностранных рабочих, а одна — ради удаления женщин, которые, как известно, работают усерднее мужчин и довольствуются меньшей платой.

Но стачки 1882 года в Руане, в Бессеже и других промышленных центрах юга, а также серьезные волнения в Монсо-ле-Мине и в Лионе были результатом социалистической агитации, имевшей чисто политический характер и начавшейся вскоре после митинга, на котором председательствовал Рысаков, провозгласивший, что если тираны соединяются для того, чтобы угнетать народ, то и народ должен соединиться для того, чтобы уничтожить тиранов, правителей и буржуазию.

Что касается средств для борьбы с угнетателями, то не только подпольные прокламации, а даже журналы, подобно лионскому «*Droit social*», печатали подробные наставления относительно фабрикации динамита и бомб, приглашая своих читателей не церемониться с общим врагом и действовать против него всеми средствами, «какие предлагает наука», не брезгуя пожарами и вообще разрушениями всякого рода. Стачечники так и поступали.

Даже в Америке партия социалистов-революционеров, сконцентрировавшаяся и организовавшаяся в Чикаго, пользуясь экономическим кризисом, стремится завоевать себе преобладающее положение. Она-то и устраивает стачки (160 в два года), вызывающие вмешательство военной силы, которое на митингах характеризуется как «непростительное злоупотребление властью в пользу привилегированных и патентованных воров».

В общем, социалистическая партия, в лице крайних ее фракций, выступив на арену политической борьбы, и создала себе из стачек могучее и опасное оружие. Доказательством этому может служить знаменитая Эйзенахская программа немецких социалистов*, в которой содержится такой многознаменательный параграф:

«Пар. 4. Политическая свобода есть необходимое условие экономической эмансипации рабочих классов. Социальный вопрос поэтому неотделим от политики; разрешение его тесно связано с нею и возможно только в демократическом государстве».

Поэтому-то во всех платформах рабочей партии выставляются требования всеобщей и прямой подачи голосов, вознаграждения депутатам и прочее.

18) *Распределение восстаний по причинам.* Пользуясь цифрами, представленными в третьей главе, мы видим, что из 142 восстаний 16, то есть 11,2%, были вызваны голодом, хотя надо помнить, что половина голодных бунтов произошла в 1747 году, когда рядом с дороговизной жизненных припасов действовали и другие причины политического свойства, а кроме того, большая часть этих бунтов вспыхнула в Бельгии и во Франции, то есть в странах далеко не бедных.

Что касается других экономических причин, то мы видим, что 32 восстания, то есть 22,5%, были вызваны причинами финансового характера, так что, в общем, не менее 48 из них (29,58%) имели характер экономический.

Наибольшее число экономических бунтов имело место на юге Европы (Италия, Испания, Турция и прочие) и в Англии, тогда как на севере их не было.

Возрастание числа экономических бунтов по сравнению с военными ясно доказывается как историей, так и тем фактом, что они растут преимущественно в странах наиболее цивилизованных (Франция, Англия, Бельгия), передовых, тогда как в Турции и Испании, представляющих собой живой осколок древнего мира, военные бунты преобладают. Так, в Испании из 19 бунтов было 5 военных и 3 экономических; в Турции из 24 бунтов только 1 экономический; в Бельгии из 16 бунтов 8 экономических и ни одного военного; в Англии из 15 бунтов тоже 8 экономических и ни одного военного.

Вообще военных бунтов из общей суммы 142 было 26, то есть 18,3%. Из них на севере, в России, только 1; в Средней Европе — 4, а в Южной — 21 (12 — на Иберийском полуострове и 7 в Турции).

Бóльшая часть этих бунтов, так же как и религиозных, выпадает на теплые страны и теплое время года.

Студенческие бунты были только в Италии, Германии, Австрии и России.

Двадцать шесть процентов бунтов возникли по причинам политическим. Они преобладали в Швейцарии (3 из 5), Италии (13 из 22), Испании (5 из 19) и Турции (4 из 14), то есть в республиках и странах, плохо управляемых. Из них 14 были направлены против правительства, 23 — против иностранного гнета или из-за пересмотра конституций.

Глава 8. Случайные причины

1) Псевдосоциологи, неопытные в синтетическом мышлении и боящиеся отклониться от неподвижных формул, возразят нам, что влияние физических факторов на революции маловероятно ввиду преобладания факто-

ров общественных, замеченного уже в древности. Но признавать влияние одних факторов еще не значит отказывать во влиянии другим, даже ввиду резкого преобладания первых. Явления животной, а уж в особенности общественной жизни так сложны и обусловливаются таким множеством разнообразных причин, что поневоле следует рассматривать влияние каждой из них в отдельности.

Когда мы говорим, например, что тепло влияет на развитие растений, то этим вовсе не думаем отрицать влияние почвы, удобрения, количества влаги и прочее. Одна причина не исключает влияние другой, а все действуют в совокупности, для того чтобы произвести общий эффект.

Во всех биологических, а уж тем более исторических явлениях мы встречаемся с таким множеством разнообразных и часто противоположных друг другу влияний, что не можем надеяться достигнуть той точности, которая требуется естественными науками. В самом деле, следуя аналитическому методу Тарда, мы нарушаем связь фактов друг с другом, а противопоставляя их один другому, легко можем доказать, что существование одного исключает существование другого, причем логика торжествовала бы в ущерб действительности, в которой противоречивые факты весьма часто существуют одновременно.

Во всяком случае, однако же, чем глубже погружаемся в исследование вопроса, тем яснее становятся его очертания — главные линии обрисовываются рельефнее. Мы видим, например, что в вопросе о причинах революций раса, климат, гениальность, развитие промышленности, оставаясь главными факторами, нисколько не мешают действовать и другим факторам, менее значительным.

2) *Интеллектуальная культура.* После того, например, что мы сказали о равнинном положении Польши, о холодном ее климате, о славянской расе, которой она заселена, в ней никогда бы не должно быть революций; но слишком ранняя ее культура и формы правления, главным образом от этой культуры зависевшие, преувеличенно выдвигая на первый план индивидуальность и обусловливая беспощадную классовую и родовую борьбу, да еще при содействии чужестранного гнета, сделали из Польши самую революционную страну в Европе.

В последние годы Россия начинает выходить из той азиатской неподвижности, в которой коснела столько веков. Причиной этого является, конечно, уж не раса, не климат, не правительство, а сразу выросшая интеллектуальная культура да экономические потрясения, вызванные уничтожением крепостного права.

Между тем Испания, которая благодаря скрещиванию различных рас, климату и прочему должна бы быть страной эволютивной и революционной, по крайней мере не меньше Франции и Италии, потеряла всякое стремление к эволюции, потому что инквизиция, воздвигнув гонение на разум, оставила в стране только нищих духом.

3) *Старчество.* Иногда эволюция прекращается ввиду развития преждевременного старчества у народов, которые интенсивно жили и много испытали.

Падение Италии, недостаток в ней эволюционных стремлений зависят именно от того, что она пережила несколько цветущих цивилизаций. Доказательством может служить тот факт, что застоем страдают главным образом местности когда-то наиболее передовые — Венеция, Рим, Флоренция, тогда как Пьемонт, Сицилия, Генуя, никогда особенно не процветавшие, дают теперь более надежды на прогрессивную эволюцию в будущем.

Такая же судьба постигла и Грецию, которая теперь расплачивается за то, что когда-то поднялась на высочайшую вершину человеческого развития.

Фламандская раса — потомок наиболее прославившихся в Средние века коммун — является теперь наиболее слабой и реакционной в Бельгии.

В Тоскане застою содействовали другие причины, а главным образом клерикализм, восходящий ко временам очень отдаленным, и беспрестанные гонения на лучших людей страны. Так, в 1358 году гвельфы лишили всех прав 98 самых выдающихся граждан с их потомством за принадлежность к партии гибеллинов; то же было сделано в 1359 году с 14 гражданами, в 1360-м — с 5, в 1365-м — с 6. В 1382 году, наоборот, торжествующая олигархия казнила 160 гвельфов, сотнями лишала их прав и тысячами изгоняла.

Болгары, напротив того, — самая последняя раса в Европе, варварство и жестокость которой вошли в пословицу* (ср. этимологию слова *bougre* в словаре Дюканжа), — превращаются теперь в очень рассудительный народ, во-первых, потому, что в Болгарии скрещивание славян с татарами, немцами и греками дало расу более прогрессивную, чем соседние сербы, а во-вторых, потому, что эта раса новая, не истощенная историей и, подобно американским республикам, ставит во главе правительства молодых людей: Стамбулову было только 30 лет.

4) *Внешние перемены.* Спенсер, убежденный сторонник эволюции, допускает, что часто при перемене внешней обстановки вид изменяется и иногда регрессивно. «Так было со многими видами паразитов, — говорит он, — которые регрессивным путем потеряли свою первоначальную организацию. Иногда прогресс одних типов обусловливает регресс других, вытесняемых в менее благодатные климаты и присуждаемых к более трудной жизни».

Человеческие социальные организмы, будучи вытеснены высшей расой в страны, менее благоприятно обставленные в метеорологическом, геологическом или общественном отношении, тоже изменяются регрессивно. Так было в Камбодже и в Перу. Победители очень часто заставляют побежденных бежать в места, не соответствующие их социальному положению, и многие расы в настоящее время выродились именно по этой причине.

У австралийцев, например, замечаются некоторые остатки цивилизации (воспрещение кровосмесительных браков, обрезание и прочее), общие с

другими племенами, живущими весьма далеко; это заставляет подозревать, что они когда-то составляли одно обширное государство.

На равнинах очень жаркий климат делает семитов-феллахов и берберов Египта антиреволюционными; между тем те же берберы в качестве алжирских горцев постоянно восстают против Франции, как прежде восставали против собственных своих правителей: в Алжире показывают гробницы семи беев, избранных и убитых в один и тот же день.

Под влиянием новой среды и новых скрещиваний голландские земледельцы стали бродячими пастухами (буры), норманнские охотники — смелыми мореплавателями, пастухи-евреи — торговцами, упорный консерватор англосакс — новатором и революционером янки.

5) *Status nascendi*. В социологии, как в химии, влияние некоторых агентов, находящихся *in statu nascendi*[1], проявляется гораздо сильнее и оставляет более прочные следы.

«Влияние местности, — пишет Спенсер, — было преобладающим при начале цивилизации. Только развившись до настоящего своего состояния, последняя может одинаково выносить самые разнообразные и неблагоприятные для нее климаты».

Религиозные верования теперь мало влияют на цивилизацию и эволюцию, но когда они зарождались, то очень благоприятствовали бунтам и революции. Появление новых религий почти всегда сопровождается прогрессивной эволюцией нравственности и улучшением характеров, что сильно помогает прозелитизму. Христианство и лютеранство — в Европе, бабизм — в Персии, буддизм — в Азии могут служить тому примерами. То же самое можно сказать и о появлении новых сект вроде лаццареттистов, квакеров и русских диссидентов разного толка; но спустя некоторое время новые религии перестают улучшать человека и становятся даже иногда рассадницами безнравственности.

Когда народы жили уединенно, то первые скрещивания, в некотором роде этнические прививки, вызывали в их среде гораздо больший порыв к эволюции, чем вызывают теперь. Достаточно вспомнить дорийцев и римлян. Этими скрещиваниями, как мы видели, объясняется преждевременная эволюция Польши, прекратившаяся после первого порыва.

6) *Недостаток сродства*. Влияние недостатка расового сродства на революции было сильно преувеличено, потому что оно первое бросается в глаза и скрывает от нас другие причины, трудно объяснимые. Мы видим в самом деле, что сарды, столь несродные с пьемонтцами, как и французы с корсиканцами, уживаются, однако же, прекрасно друг с другом.

Вся Европа представляет собой смесь несродных друг с другом рас, тем не менее живущих в мире, а между тем иногда расы, родственные друг другу и рядом живущие, никак не могут слиться благодаря каким-нибудь разъ-

[1] В состоянии зарождения (*лат.*).

единяющим причинам. Так, поляки ненавидят русских, своих единокровных братьев по славянству, и прекрасно уживаются с австрийцами, с которыми ничего общего не имеют.

Точно так же рейнские народности, по большинству немецкие, больше тяготеют к Франции, чем к своим ближайшим родственникам немцам, потому что французские порядки, которые им больше нравятся, так же как и торговые интересы, превозмогая этническое сродство, сближают их с французами.

Подобным же образом одним только недостатком расового сродства нельзя объяснить ненависть ирландцев к англичанам, так как она достаточно объясняется долголетними насилиями последних и религиозными предубеждениями. В самом деле, Уэльс, так же как Ирландия населенный кельтами, слился же совершенно с Англией; то же можно сказать и относительно Шотландии, населенной наполовину кельтами.

Хорошее управление особенно способствует слитию рас, тем более если ему помогает притяжение, оказываемое крупными народностями на мелкие. В этом и лежит главная причина слития семитических рас Сардинии с кельтскими расами Пьемонта и чисто италийской расы корсиканцев с французами.

Не надо забывать также о колонизации, которая может сближать народы, создавая между ними общий интерес, особенно когда дело касается низших рас. Древняя Римская империя завоевала мир скорее своими колониями, чем оружием. То же самое повторяется теперь с Англией и Голландией.

Постыдная особенность нашей современной цивилизации — антисемитизм — объясняется обыкновенно отсутствием расового сродства, и, конечно, оно препятствует сближению, особенно там, где расы не скрещиваются и не имеют общих интересов.

Но эту причину нельзя считать единственной, потому что народы сливаются иногда и при большем отсутствии сродства. Можно даже сказать, что нет в Европе страны, которая бы не представляла собой сплава самых разнообразных рас. Доказательством может служить смесь долихоцефалии с брахицефалией в одном и том же народе. Во Франции, например, мы имеем сплав кельтской расы с латинской, баскской и германской (Нормандия); в Англии — кельтской с англосаксами и латинянами. Да еще надо помнить, что в Европе климат поднял семитическую расу до уровня арийской.

Надо, значит, поискать другие причины антисемитизма; их две — обе атавистические и потому очень могущественные.

Первая лежит в той полупрезрительной снисходительности, которую высший питает к низшему и которая является остатком древнего преобладания свободных арийцев над рабскими народами. Становясь национальным, это чувство еще усиливается, потому что сбрасывает с себя личное тщеславие и поддерживается подражанием.

Тем же чувством можно объяснить себе взаимную ненависть между поляками и русскими, австрийцами и итальянцами. Преобладающий всегда чувствует некоторое презрение к обладаемому, а потому и считает себя стоящим выше по натуре. Брамин считает преступником шудру, осмелившегося к нему прикоснуться; англичане до Гладстона считали ирландцев неспособными к развитию. Ну а презираемый в силу реакции начинает, конечно, ненавидеть презирающего, и таким образом взаимная вражда усиливается. Другой причиной антисемитизма является накопление в памяти взаимных обид. Римляне впервые возненавидели еврейский народ, осмелившийся им противостать, и впоследствии, путем распространения христианства, даже победить в области религии. В Средние века под влиянием духовенства, обратившего ее в долг и в ритуал, эта ненависть разгоралась еще сильнее.

Нельзя поэтому удивляться, что вся Европа с радостью ухватилась за преследование евреев, дозволявшее не только безнаказанно творить зло и наживаться легким способом, но и возводившее все деяние в религиозный долг. А затем ненависть стала наследственной и тем более деятельной, что превратилась в бессознательный инстинкт. К этому надо еще прибавить раздельную жизнь; разницу в языке, обычаях, пище; торговую конкуренцию, возбуждавшую низкие страсти и заставлявшую стремиться к унижению евреев; наконец — психическую эпидемию, породившую множество невероятных легенд.

7) *Аналогичные агенты.* Из множества агентов, влияющих на эволюцию, весьма многие могут оказаться аналогичными друг другу, и если они преобладают над остальными, им противоположными, то и эффект может выйти одинаковым.

Так, у кочующих семитов, так же как у киргизов и номадов Верхнего Нила, — значит, у трех совершенно различных рас — мы встречаем один и тот же патриархальный строй, основанный на возвышенных, почти пуританских религиозных идеях, чего не находим у ассирийцев и химьяритов, принадлежащих тоже к семитической расе. Следовательно, здесь мы видим между различными расами, живущими в разных климатах, полную аналогию, не встречающуюся у народов одной и той же расы, живущих в одном и том же климате. Ренан объясняет это «кочевой жизнью народов, которая являлась главным фактором отбора в религиозных аристократиях. Безграничная вера номадов два раза покоряла мир. Их образ жизни, невозможность переносить с собой монументальные здания и статуи — а я прибавлю еще однообразие пустынь и степей, препятствующее развитию воображения, — отклонили их от постройки храмов и таких статуй, а отсутствие последних устранило возможность идолопоклонства, упростило культ и заставило вообще полюбить простоту».

«Кочевник есть прирожденный протестант, — продолжает Ренан. — Дождь, являющийся для индоевропейца результатом объятий между зем-

лей и небом, для семита служит проявлением воли Божией, которой он объясняет себе и гром, и молнию, и победы, и поражения».

8) *Вторичные факторы цивилизации.* Нельзя оставить без рассмотрения и вторичные факторы, которые, размножаясь и усложняясь с каждым столетием, затушевывают влияние факторов первичных. Так, мы выше видели, что за последние годы экономические причины стали действовать сильнее, тогда как в прежние времена их влияние было незаметно. Когда человек ходит почти голый и довольствуется самым скромным удовлетворением своих насущных нужд, то заботы об этих нуждах, разумеется, его тяготить не могут; но когда цивилизация прибавит к первобытным нуждам еще множество новых, гораздо труднее удовлетворимых, то дело должно значительно измениться. Давно ли мы прибавили к своему пищевому режиму кроме вина еще кофе — из Аравии и чай — из Китая, опиум — из Индии, а табак и какао — из Америки и листья кока — из Перу?

Эти вновь вошедшие в употребление агенты обусловили, в свою очередь, алкоголизм, никотиновую зависимость и прочее, произведшие глубокие изменение в нашей жизни и послужившие новыми причинами бунтов. Цивилизация изменяет народности, и эти изменения служат новыми агентами эволюции.

Бретань, например, так же как пиренейские департаменты, только в текущем веке стала промышленной. Население здесь возросло и стало плотнее. В этом лежит причина, изменившая консервативное настроение в революционное.

Усиленная интеллектуальная жизнь, обусловливаемая цивилизацией, сама по себе ведет к неврастении и делает население беспокойным, непостоянным, революционным — иногда вопреки влиянию климата и расы.

Голландия, например, есть страна холодная, ровная, значит, антиреволюционная по натуре, но борьба с морем и чужестранным гнетом обострила ее наклонность к эволюции.

9) *Мелкие факторы.* Бывают, наконец, факторы такие мелкие, что совершенно ускользают от нашего внимания. Так, Спенсер замечает, что горячие источники породили керамиковое производство среди американских племен. С другой стороны, обилие вьючных животных, лошадей, облегчая перевозку, содействует торговле и эволюции; обилие минеральных или растительных материалов обусловливает развитие различных ремесел и т. д. Напротив того, непроходимый густой лес, переполненный дикими зверями, может задержать эволюцию. Таким образом, лагуны, отделяющие Венецию от материка, так же как и ее каналы, разделяющие город на части, затрудняя массовые восстания, были причиной политической стойкости ее режима.

Далекарлийцы, заметив, что во время речи Густава Вазы, приглашающей их восстать против Дании, все время дул северный ветер, сочли это

знаком воли Божией и залогом успеха, а потому сразу решились следовать за Вазой и тут же сформировали отряд в четыреста человек*.

10) *Противоречия.* Нам очень мешает необходимость рассматривать вместе бунты и революции, так как между ними больше антагонизма, чем аналогии. Факторы, благоприятные первым, неблагоприятны для последних. Мы видим, например, что кельты, будучи очень склонны к бунтам, являются малоспособными к эволюции; что жаркое время года благоприятствует бунтам, тогда как революции совершаются больше в странах умеренных. И мы увидим впоследствии, что женщины, часто такие сварливые, никогда не бывают эволютивными.

Еще страннее встречать такие противоречия в одном и том же народе. Такова, например, революционная гениальность состарившихся народов. Эта гениальность зависит у них от причин невропатических и проявляется хотя часто, но спорадически, тогда как основным фоном для нее постоянно служит старческий ультраконсерватизм, как у семитов и венецианцев. Здесь опять противоречие не исключает одновременного существования.

11) *Случайности.* В число факторов, влияющих на эволюцию и революции, входят причины индивидуальные, которые мы рассмотрим в следующей книге, и различные случайности. Аристотель говорит, что олигархии погибали в тех случаях, когда один из их членов становился слишком могущественным; погибнув, они вновь стремились образоваться путем революции. В Сиракузах, продолжает он, конституция была изменена вследствие любовной ссоры, побудившей двух молодых людей из высшего общества и их сторонников к восстанию. Говоря об убийстве тиранов, он находит, что чаще всего эти убийства вызывались личными оскорблениями: Аминта был убит тем лицом, которому похвастался причинить насилие; Периандр погиб по той же причине; Филиппа убил Павсаний по личному поводу; Гиппарх был убит Гармодием и Аристогитоном за оскорбление сестры первого и т. д*.

В Митиленах — споры о наследстве, а в Дельфах — неисполнение обязательства жениться привели к продолжительным, многолетним волнениям. Точно так же во Флоренции — хотя это не вполне доказано — оскорбление, нанесенное семьей Буондельмонти семье Амедеи, повело к кровавой борьбе гвельфов и гибеллинов.

Бэкон говорит, что иногда какое-нибудь неосторожное слово владетельного лица служило причиной восстания: Гальба погубил себя фразою: «*Legi a se militem non emi*»[1], так как после этого солдаты перестали надеяться получить деньги за свои голоса; слова Проба «*Si vixero, non opus erit amplius Romano imperio militibus*»[2] подняли против него легионеров.

[1] «Набирает солдат, а не покупает» (*лат.*).

[2] «Если буду жив, Римская империя не будет нуждаться в солдатах» (*лат.*).

И в наше время бунты вызываются иногда столь же ничтожными причинами: и в апреле 1821 года в Мадриде вспыхнул бунт потому, что король не хотел или не мог присутствовать на религиозной церемонии; в июле 1867 года Бухарест восстал против табачной монополии; в сентябре 1867 года Манчестер восстал из-за ареста двух фениев; в сентябре 1876 года восстал Амстердам из-за уничтожения годичной ярмарки.

Понятно, что все эти случайности служили только предлогом, толчком к бунту, к которому народ уже был предрасположен.

В Риме жестокое обращение Папирия с ребенком, оставленным ему под залог долга, вызвало революцию, кончившуюся отменой невольничества за долги*. Жестокое обращение Демофила и его жены с рабами вызвало бунт этих последних в Сицилии. Грубость одного солдата и распутство одного властителя были причинами Сицилийской Вечерни и изгнания Тарквиниев. Но, вспоминая, во скольких жестокостях и грубостях виновны бывают сильные, кто же может сомневаться в том, что эти частные случаи были только толчками, переполнившими меру терпение слабых?

Гнет должен быть доведен до крайних пределов, для того чтобы вызвать реакцию, как это доказывает злоупотребление властью со стороны духовенства, военного сословия, а теперь вот — адвокатов, так долго выносимое без всякого протеста.

12) *Войны*. Войны также служат причиной восстаний.

Так, в Фивах демократическое правительство было свергнуто после потери сражения; в Афинах богатые классы потеряли влияние после того, как вследствие потерь в войне со Спартой должны были служить в пехоте; в Аргосе после потери сражения против Клеомена пришлось дать гражданские права рабам; в Сиракузах после победы народа над афинянами демократия заменила республику; в Афинах случилось то же самое после победы при Саламине, так как состав флота был демократический.

В Средние века битва при Монцаперти погубила гвельфскую партию во Флоренции, а битва при Беневенто вновь ее восстановила.

«Часто, — пишет Аристотель, — олигархи по взаимному недоверию поручают охрану города солдатам, начальник которых и захватывает в свои руки власть; так было в Самосе, Лариссе и Абидосе». Так было не особенно давно и во Флоренции, можем мы прибавить.

Победоносные войны поляков за 1587—1795 годы, ухудшив положение простого народа, служили, по мнению Солтыка, одной из причин гибели Польши.

Франко-прусская война создала, или, лучше сказать, цементировала, Германскую империю, тогда как раньше население относилось к объединению враждебно. Это доказывается статистикой политических преступлений в Германии, из которой видно, что число процессов по оскорблению величества, поднявшись с 76 (1846 год) до 242 (1848) и 362 (1849), перед

войной 1866 года упало до нормы, а затем снова поднялось до 375 и только после франко-прусской войны опять упало до 132–193.

В свою очередь, империя Наполеона III закончилась Седаном.

По мнению Ренана, две великие еврейские революции — иудаизм и христианство — были обязаны своим происхождением отчасти пророкам, но еще более переворотам в еврейском народе, произведенным победами ассирийцев и римлян.

Войны подобны тем болезням, при которых обнаруживаются старые дискразии; они представляют собой некоторого рода толчки к начатию волнений, так как, расшатывая существующий строй, обнаруживают его недостатки и побуждают заботиться об исправлении. Вообще, никогда война не обусловливала революции, но она давала толчок, без которого последняя или не удалась бы, или разыгралась бы позднее.

Это и вполне понятно. Если победа является результатом действия интеллектуальных, экономических и материальных сил народа, то поражение указывает на недостаточность этих сил, что оскорбляет гордость народа и заставляет его искать виноватого или в лице человека, на которого, справедливо или нет, можно свалить ответственность, или в лице совокупности существующего государственного строя.

13) *Гениальность.* Второстепенные обстоятельства, случайности влияют, между прочим, и на гениальных людей, хотя прирожденный гений может проявиться даже вопреки им.

Так, педантически поставленная школа может задушить гениальность при самом ее выходе на свет Божий, но, с другой стороны, обойдясь совсем без школы, гений может потерять надлежащее направление и уж во всяком случае публику, способную его понять.

Столь могучее влияние расы и горных местностей на развитие гениальности легко может быть изглажено варварским состоянием общества, иноземным игом или старческим истощением расы, как это мы видим на примерах Греции и Тосканы.

Не надо забывать также, что эволюция может превратить неподвижные расы в очень деятельные (Россия), а инволюция даже в высшей степени гениальный народ может вернуть почти к первобытному состоянию, как это случилось с Грецией и Испанией.

Не доказано, чтобы бедность мешала проявлению гениальности; часто она, напротив того, дает толчок к такому проявлению. Золя говорит, что если бы Бальзака не подгоняла нужда, то мы лишились бы большей части его произведений.

То же самое говорит Смайльс про Драйдена и Голдсмита, сделавшихся писателями с голоду.

Но когда бедность становится крайней, то она если и не душит гений окончательно, то во всяком случае задерживает его проявления, как это слу-

чилось со Стефенсоном. Паскаль говорит, что богатство сохраняет гениальному человеку двадцать лет труда.

С другой стороны, Якоби доказал, что большое богатство, так же как большая власть, скорее губит гениальность, чем благоприятствует ее развитию.

Политическая борьба, свободные учреждения благоприятны для проявлений гениальности, потому что выдвигают ее вперед, тогда как деспотизм, естественный враг гения, душит его или заставляет молчать.

Я никогда бы не кончил, если бы стал перечислять все возможные случайности, влияющие на гениальность и эволюцию. Вообще следует помнить, что как бы эти случайности ни были многочисленны и могущественны, они никогда не могут вполне заглушить влияние причин главных, основных.

Глава 9. Индивидуальные факторы: пол, возраст, общественное положение, профессия

I

Пол

1) *Артистическая, политическая и прочая эволюция женщины.* В эволюции гениальности женщины почти не участвовали. Гениальные женщины являются редким исключением. Давно уже замечено, что на сотни мужчин, играющих на рояле, приходятся тысячи женщин, а между тем из последних не выдвинулось ни одной великой виртуозки, несмотря на то что различная обстановка полов этому нисколько не мешает.

Правда, в физике прославилась Мэри Соммервилль; в литературе блещут имена: Джордж Эллиот, Жорж Санд, Даниэль Стерн, мадам де Сталь; в художестве составили себе имя Роза Бонер, г-жи Лебрен и Мараини; Сафо, г-жи Готье и Дэвидсон создали новый жанр в поэзии; Элеонора д'Арборса еще во времена полуварварские (1400 год) взяла на себя инициативу правовой реформы, достойной нашего времени (теперь это отрицается); св. Екатерина Сиенская имела большое влияние на политику и религию своего времени; Сара Мартен, бедная портниха, сумела повлиять на реформу тюрем; г-жа Бичер-Стоу играла роль в аболиционистской эволюции Соединенных Штатов и прочее. Но ни одна из этих писательниц и деятельниц не возвысилась до гениальности Ньютона, Микеланджело, даже Бальзака.

Пульхерия, Цинга д'Анголь, Мария Медичи, Луиза Савойская, Мария-Кристина, Мария-Терезия, Екатерина II, Елизавета Английская были хорошими правительницами и обладали большим политическим талантом, точно так же, как среди демократок г-жи Ролан, Фонсека, Жорж Санд, Адан. Стюарт Милль утверждает, что в трех четвертях случаев, когда маленькие

индейские государства управлялись энергично и умело, правительницами были женщины. Но, во всяком случае, давно уже замечено, что когда правит женщина, то ею командуют мужчины (и наоборот), да и вообще число великих женщин ничтожно по сравнению с числом таковых же мужчин. То же следует сказать и по отношению к храбрости, хотя блестящими примерами таковой могут служить: Екатерина Сфорца, Жанна д'Арк, Кордьера, Анита Гарибальди, Энрикетта Кастильони и другие, а равно и женщины, прославившиеся при осадах Мальты, Сиены, Кипра, Ля-Рошели и прочих.

Эти факты потому и были замечены, что являлись слишком неожиданными, исключительными. Можно, пожалуй, сказать, что деспотизм мужчин, лишая прекрасный пол голоса в политике и активного участия в войнах, не дает женщинам возможности проявить себя; но если бы последние действительно по большинству обладали великими политическими, научными и прочими талантами, то они проявились бы именно в борьбе с препятствиями, тем более что в оружии у них недостатка не было, и не было даже недостатка... в друзьях среди вражеского лагеря.

То же можно сказать и о революциях, в которых женщины участвуют весьма мало (за исключением революций религиозных). В английской, голландской и американской революциях, например, они совсем не участвовали.

Никогда женщины не создавали новых религий и не стояли во главе крупных политических, научных или артистических движений.

В Италии, по данным, собранным Д'Айалой и Ванначи, из 966 мучеников за независимость женщин было всего 15, то есть 1,55%. Наоборот, таких женщин, которые противодействовали прогрессивным движениям, всегда было большинство. Женщина, подобно ребенку, в высшей степени мизонеична; она стремится сохранить религию, нравы и обычаи предков даже тогда, когда мужчины уже от них отказались. В Америке есть племена, в которых только женщины говорят на родном языке, а мужчины давно уже его позабыли. В медвежьих уголках Сицилии и Сардинии женщины до сих пор сохраняют древние, пожалуй, еще доисторические суеверия вроде лечения камнями.

Из этого не следует, однако же, чтобы они не являлись иногда (именно благодаря отсутствию гениальности) фанатичными сторонницами мелочных нововведений, как это доказываете быстрая смена мод; крупных перемен, не влияющих на их положение, они не любят.

«В делах они видят только личности, — пишут Гонкуры, — и черпают свои принципы из чувства».

«Отсутствие объективности и сочувствие слабому, — сказал Спенсер, — делают их более сострадательными, чем справедливыми. Быстро, ясно и верно схватывая все личное и близкое им, женщины с трудом воспринимают общее, отвлеченное и отдаленное... Женщины чаще мужчин ошибаются в определении общего блага, потому что видят только близкие результаты

мероприятий, не обращая внимания на отдаленные... Преклоняясь перед властью и авторитетом, женщины склонны поддерживать сильное правительство и духовенство»... а потому «меньше мужчин уважают свободу, не номинальную, а настоящую, ту, которая ограничивается только свободой других».

Некоторые женщины принимали, правда, участие в бунтах и политических убийствах, но число их, во-первых, очень мало по сравнению с числом мужчин, а во-вторых, роль их была второстепенной, да и брали они ее на себя по причинам в большей части случаев половым, то есть приставали к делу или изменяли ему, смотря по своим личным отношениям к деятелям той или другой стороны. Вообще, они представляли собой сообщниц не особенно необходимых, как выражаются юристы. Только сильная половая страсть придавала рельефность их деяниям и сделала последние знаменитыми. Так было, например, с проституткой Леонией, которая отрезала себе язык, чтобы не выдать имен заговорщиков против одного тирана; Порция, жена Брута, так же как Пракседа, жена Лабеона, покончила с собой, чтобы не пережить мужа; Марция, возлюбленная Фульвия, любимица Августа, узнав, что он решился на самоубийство, потому что она выдала вверенную ему государственную тайну, умерла раньше его; Аррия, муж которой был приговорен к смерти, зарезалась для того, чтобы убедить его самоубийством избежать наказания, причем произнесла свое знаменитое: «*Non dolet*» («Не больно»). Елена Маркович совершила покушение на жизнь короля Милана для того, чтобы отомстить за несправедливое осуждение своего мужа.

Домиция, Розамунда, Мария Стюарт, Иоанна Неополитанская, Екатерина II были скорее мужеубийцами, чем цареубийцами, так как совершали свои деяния для того, чтобы понравиться своим возлюбленным или чтобы спасти их — вообще, из-за половой любви.

Правда, число святых или мучениц, путем геройской смерти избегавших позора и оскорблений, подобно св. Пелагии, св. Веронике и нигилисткам, очень велико; но это, как мы увидим, объясняется преобладанием у женщин чувства стыда и стремлением к самопожертвованию, которые у них развиты сильнее, чем у мужчин.

2) *Женщины в христианстве.* В великом христианском перевороте женщины действительно играли большую роль, хотя ни одна из них не отличалась особенно и не стояла не только на первом, но и на втором плане.

Из списка надгробных эпитафий в римских катакомбах, составленного Де Росси, мы видим, что там похоронено:

	С латинскими именами	С греческими именами	Всего
Мужчин	382	50	432
Женщин	213	19	232
Неопределенно	64	9	73

Значит, 40% женщин; цифра громадная по сравнению с другими революциями.

Это объясняется теми условиями, которые создало христианство для восточной женщины.

«Женщины, — говорит Ренан, — вполне естественно должны были стремиться в такую общину, которая особенно заботилась о слабых. Они занимали тогда в обществе шаткое и унизительное положение, в особенности вдовы, которые не были уважаемы и бедствовали, несмотря на покровительство законов. Многие ученые советовали даже не давать религиозного воспитания женщинам. Талмуд ставит на один уровень со скотом болтливую любопытную вдову и девицу, тратящую время на сплетни. А новая религия давала этим бедным, обделенным созданиям почетное и прочное место. Некоторые женщины занимали даже очень важное положение в Церкви, и дома их служили для собраний верующих, а те, которые не имели собственных домов, входили в состав женских духовных орденов или корпораций, заведовавших раздачей милостыни. Учреждения эти, считающиеся позднейшими в христианстве, — конгрегации сестер милосердия или женщин, посвятивших себя молитве, — были, напротив того, самыми первичными его созданиями, основой его силы, полнейшим выражением его духа. Освятить религией и связать правильной дисциплиной женщин, не связанных замужеством, — превосходная и чисто христианская идея. Слово "вдова" сделалось синонимом религиозной женщины, посвятившей себя Богу, — "дьякониссы". В тех странах, где двадцатичетырехлетняя женщина уже увядает, где нет постепенного перехода от молодости к старости, христианство создало новую жизнь для целой половины рода человеческого, особенно способной к самоотречению.

Время Селевкидов* прославилось распутством женщин. Никогда не бывало и стольких семейных драм, адюльтеров и отравлений. Тогдашние мудрецы смотрели на женщину как на язву в человечестве, как на воплощение бесстыдства и низости, как на злого гения, который занят единственно борьбой со всем, что есть благородного в другом поле. Христианство все это изменило. Находясь в том возрасте, который у нас считается еще молодым, а на Востоке — чуть не старостью, тамошняя женщина, поступавшая некоторым образом в отбросы общества, особенно если она вдова, благодаря христианству могла надеть черную вуаль и поступить в дьякониссы, что делало ее равной самым уважаемым мужчинам и давало почетное положение. Бездетность, столь унижающая восточную женщину, была облагорожена и освящена христианством. Вдова становилась почти на равную ногу с девицей — она делалась *камперой*, то есть "старицей", полезной, почитаемой и уважаемой всеми, как мать».

Кроме того, когда территория государства неимоверно разрослась, то простой народ Греции и Рима, потеряв чувство принадлежности к определенной национальной группе, стал искать это в создании группировок ис-

кусственных ассоциаций, вроде похоронных, в которые принимались не только свободные люди, но и вольноотпущенники, и женщины. Там они взаимно помогали друг другу, вместе обедали. Так вот, христианская община приняла как раз форму такой ассоциации.

Точно так же во время пифагорейского, религиозного и политического переворота в Греции, благоприятствующего женщинам, эти последние отличались своей экзальтацией. Вообще, пифагорейки занимают положение, аналогичное святым женщинам христианской церкви.

3) *Женщины Французской революции*. Сначала женщины с великим энтузиазмом предались делу революции, но этот энтузиазм, вызванный стремлением последней уравнять их права, оказался столь же мимолетным, как и всякая другая мода. Он продолжался только до конца смутного времени, а потом женщины стали враждебно относиться к эволютивным идеям и такое их настроение отличалось гораздо большей прочностью.

«Женщины, — пишут Гонкуры, — увлекались революцией так же, как прежде Месмером*. Некоторое время они были всецело поглощены политикой и стали влюбляться уже не в учителей музыки, а в ученых и депутатов; жертвовали даже спектаклем, чтобы попасть на политическое собрание. Даже торговки рыбой участвовали в движении и были амазонками Революции».

Но позднее, особенно после казни Марии-Антуанетты, они совершенно переменились. Торговки сделались опасными для республики и были ею отодвинуты в сторону. В провинциях, особенно в таких, как Вандея, Анжу, Мэн, именно женщины подстрекали мужчин к контрреволюции. Мишле пишет, что на сто революционерок во Франции приходилось более тысячи противниц революции, недаром, по его словам, один офицер из Вандеи сказал, что «революция была бы прочной, если бы не женщины».

В Сен-Серване был женский бунт против революции; в Эльзасе служанка одного священника ударила в набат, чтобы собрать контрреволюционеров.

Вообще, женщины много мешали революции, да и из тех, которые ей содействовали, нет ни одной, достойной стоять рядом с Мирабо и Дантоном[1].

4) *Женщины-революционерки в России. Другие исключения*. Замечательно, что в наше время в русских политических процессах встречается много женских имен. В деле Долгушина, например, на 9 обвиняемых было 2 женщины; в процессе «пятидесяти» замешано 8 женщин, из коих одна, Бардина,

---

[1] «Даже в древности не было такой благородной фигуры, как мадам Ролан, — пишет Легуве. — Мнения ее были чисты, глубоки и проникнуты горячим энтузиазмом; храбрость граничила с геройством. Какая жена! Какой друг! Какая мать! И — увы... какой невозможный государственный человек! Вместо политических идей она довольствовалась ощущениями и погубила ту партию, душой которой была».

отличавшаяся красноречием, впоследствии бежала из Сибири и, поселившись в Швейцарии, кончила самоубийством. Из этого процесса видно, что женщины по 14 часов работали на фабриках с целью пропаганды своих идей; вот до чего доходила их преданность этим идеям.

В процессе Жабова на шесть обвиняемых встречается одна женщина, а в процессе 38 крестьян — три. В деле социалистов замешано было шесть женщин, и из них 5 принадлежали к богатым семьям; между прочим, жена полковника Гробишева и три дочери одного статского советника. Ради успеха пропаганды они переодевались крестьянками.

Наконец, в процессе 1 марта на шесть обвиняемых приходится две женщины, из коих одна, Перовская, была душой заговора.

Сигнал к начатию революционного террора в России подала тоже женщина, Вера Засулич, которая в 1878 году выстрелила в генерала Трепова, секшего политических арестантов.

В общем, на 109 приговоренных по политическим преступлениям в России приходится 16 женщин, то есть 14,68%.

В польском восстании 1830 года, по исчислению Страшевича, на 97 повстанцев приходилось 9 женщин (7,93%).

Причиной такого относительного преобладания женщин в нигилистическом движении служит то обстоятельство, что в основе этого движения лежат идеи мистико-религиозные, порожденные голодом, пожарами и наводнениями. Недаром нигилистки выражаются о себе как о «невестах революции», наподобие монашенок, называющих себя «христовыми невестами».

Вообще страсть к мученичеству, зависящая от преобладания чувства над разумом, более свойственна женщине, чем мужчине. К этому надо прибавить влияние некоторых социальных условий, главным образом преувеличенного стремления к девству, которое и в Петербурге душит семейный принцип и отстраняет женщин от наиболее плодотворного направления в развитии их способностей.

В самом деле, за пять лет в Петербурге приходился один брак на 155 жителей, тогда как в Берлине — 1 на 115, в Париже — 1 на 109, в Москве — 1 на 137, в Одессе — 1 на 107. В Петербурге из пяти человек четверо не женаты; на 538 041 лицо, находящееся в брачном возрасте, женатых и замужних оказывается всего только 226 270. На 168 тысяч незамужних и разведенных женщин там имеется только 98 тысяч замужних; 112 женщин и 24 мужчины состоят в разводе.

В результате и выходит, что женщины, лишенные своего настоящего дела, обращаются к политике, вмешиваются в революцию.

Вмешательство это объясняется также высокой интеллектуальной культурой славянских женщин, обладающих склонностью к мужским отраслям деятельности больше, чем какие-либо другие женщины в Европе.

В 1886 году, например, в России 979 женщин получали образование в высших учебных заведениях; из них 443 — на историко-филологических

факультетах, 500 — на медицинских и 36 — на математических; 437 были дочерьми дворян, 84 — из духовного, 125 — из купеческого и 10 — из крестьянского сословия. Вот эти-то студентки если и не входят в самые серьезные заговоры, то своими богатыми придаными обогащают казну последних. Они-то освобождают арестантов, соблазняя стражу, втираются повсюду в ролях горничных или сиделок и ведут пропаганду так, как только женщины способны ее вести. Потому Бакунин и называл их своим *драгоценным сокровищем*.

5) *Роль женщины в бунтах*. В бунтах, напротив того, женщины участвуют массами, увлекая своим примером мужчин. Причина этому лежит в большем их эретизме, предрасполагающим к заражению имитативными эпидемиями и побуждающим к излишеству.

«При всех психических эпидемиях, — говорит Деспин, — женщины отличаются особенно экзальтацией, что зависит от их преимущественно инстинктивной и раздражительной натуры, склонной к преувеличениям как в добре, так и во зле. Общественное чувство их легче возбуждается подражанием, а когда страсть разнуздана и поддерживается мужчинами, то женщины способны зайти гораздо дальше последних на пути безумия».

Во времена Фронды куртизанки имели большое влияние на бунты.

В Италии еще не позабыты деяния палермских женщин, которые в сентябрьские дни 1866 года резали на куски, продавали и ели мясо карабинеров, как в Неаполе в 1799 году такие же женщины ели мясо республиканцев.

В 1789 году женщины всегда стояли за бунт, и притом самый жестокий.

В самом деле, если Французская революция была подготовлена энциклопедистами и вообще мыслителями, то в восстаниях, послуживших ее началом, женщины играли первенствующую роль. Пятого октября, когда будущие якобинцы склонялись еще к реакции, 5 или 6 тысяч женщин под предводительством Теруань-де-Мерикур заставили короля вернуться в Париж; 12 жерминаля, когда Париж голодал благодаря недостатку в денежных знаках (громадной цене ассигнаций), женщины восстали, требуя хлеба; то же было и 10 прериаля.

Рыночные торговки (по словам Гонкуров) подстрекали мужчин, замешиваясь между войсками; они участвовали в избиениях, занимали почетные места на патриотических празднествах и устроили женский республиканский клуб; они клялись восстать против собрания, если оно в течение восьми дней не издаст декрета об изгнании священников. Марат наэлектризовал их еще более: 8 тысяч женщин записалось в число «рыцарей кинжала».

Женщины революции как бы позабыли и свой пол, и свою национальность; Шарлота Корде в своем последнем письме к Барбесу глумится над своей оскорбленной невинностью.

Легуве пишет, что между женскими клубами, образовавшимися в Париже после 1790 года, приобрели известность два: *Société fraternel* и *Société des républicains révolutionnaires*, основанные Розой Лякомб и состоявшие под ее

председательством. Чему же они служили? Тому, чтобы быть орудием в руках вожаков революции. Во время террора, когда нужно было заставить Коммуну вотировать какую-нибудь насильственную меру, то эта мера предлагалась прежде всего первым из вышеозначенных клубов. Когда нужно было сорвать прения или заставить молчать Верньо, то трибуны Собрания наполнялись республиканками из второго клуба. В дни торжественных казней первые места вокруг гильотины были оставлены для тех фурий, которые цеплялись за эшафот для того, чтобы поближе видеть агонию жертв, и заглушали стоны последних своим хохотом.

Жюль Валлес, говоря о Коммуне, пишет: «Если женщины выходят на площадь и хорошие хозяйки начинают подстрекать мужей к бунту, то революция неизбежна!»

В самом деле, женщины принимали большое участие в деяниях Коммуны, проявляя страшную жестокость при избиении доминиканцев, начатом именно одной из них, так же как и при избиении заложников. Они даже превосходили жестокостью мужчин, которых упрекали в неумении убивать как следует; сам Валлес это говорит.

Одна, например, не дожидаясь расстрела пленника, убила его сама; другая при избиении заложников горевала о том, что ей не удалось ни у кого вырвать язык. А что касается петрольщиц, то они были чистыми фуриями*.

На 38 568 арестованных правительственными войсками женщин было 1051, то есть 2,7%, и из них 246 проституток. Замечательно, что болезненная энергия, дозволявшая этим женщинам проявлять чудеса храбрости на баррикадах, после ареста вдруг им изменила — попав в руки власти, они сразу стали униженно просить пощады.

Максим дю Кан так описывает этих женщин: «Они задались целью превзойти мужчин в пороках и были беспощадны. В качестве сиделок они убивали раненых, спаивая их водкой; в школах они учили детей проклинать все, кроме Коммуны; в клубах они требовали себе прав и равенства с задней мыслью о провозглашении полиандрии, которой на практике пользовались весьма охотно.

Одетые в короткую юбку, не закрывающую икр, с маленьким кепи или венгерской шапочкой набекрень, в жакетках, плотно облегающих формы, они нахально расхаживали между рядами сражающихся в качестве приманки, награды победителю; подогретые такой ненормальной жизнью, гордясь своим мундиром, своим ружьем, они превосходили мужчин дерзкими выходками, упрекали их в неумении убивать и подстрекали к самым невообразимым преступлениям, за которые, ввиду своей болезненной нервности, могут, пожалуй, быть признаны неответственными. Но энергия и дерзость их были напускными и непрочными. Самые жестокие, самые бесстрашные женщины, проявлявшие чудеса храбрости на баррикадах, попав в руки солдат, падали на колена и, сложив руки как на молитву, кричали: “Не убивайте меня!”».

«Ни в одной из коммунарок, — пишут Гонкуры, — не замечалось полуапатичной решимости мужчин; на их лицах видна злоба или жестокая ирония, глаза у большинства сумасшедшие. Слабейшие из этих женщин выдавали свою слабость только тем, что слегка склоняли голову набок, как они делают это в церквах, молясь Богу».

«Женщин сомнительной нравственности, — пишет Корр, — мы встречали за кулисами всяких темных и преступных деяний, а теперь, к стыду нашего времени, встречаем и в политических заговорах наряду с выдающимися общественными деятелями. Цель оправдывает средства, и ради нее последние не пренебрегают ничем. Так поступал Катилина, и Вейсгаупт знал, что делал, стараясь привлечь прекрасный пол в свои ложи».

Золя в своем «Жерминале» заставляет мужчин подготовить и начать стачку, а женщины выступают на сцену уже после, но они зато отличаются бесстыдством и свирепостью[1].

Преобладание женщин в бунтах, при полном почти их отсутствии в революциях, еще раз доказывает эволютивный характер последних и дегенеративный или регрессивный — первых, так как женщины, особенно в прошлые годы, стояли далеко ниже мужчин и не могли бы участвовать в движениях, соответствующих максимуму человеческого прогресса.

Надо помнить, однако ж, что бывают и исключения, как мы говорили выше. Исключения эти объясняются или особой тотальностью, как у Жорж Санд, у Фонсека, или живой страстью, как у мадам Ролан[2], или какими-нибудь исключительными обстоятельствами, например тем, что революция, во всех отношениях много давая женщинам, заставляет их из личной выгоды отказаться от врожденного мизонеизма, особенно если еще к расчету присоединяется чувство (христианки, пифагорейки и прочие).

II
Возраст

1) *Молодость.* Импульсивность, свойственная женщинам, является также отличительным признаком молодежи вообще, а у детей к ней при-

---

[1] По статистическим сведениям, число исключительно женских стачек за последние 15 лет равнялось 27, то есть 3 или 4% общего числа стачек за это время. Но число это постоянно возрастает: в 1874, 1875 и 1876 годах было всего 4 стачки, а в 1883, 1884 и 1885 — четырнадцать.

[2] Мадам Ролан по своим философским и республиканским убеждениям стояла выше своего пола. Она создала себе религию из господствовавших тогда принципов. Она заразила своим энтузиазмом не только мужа, но и всех жирондистов, поклонявшихся ее красоте, уму и убеждениям. Прибыв на место казни, она склонилась перед статуей Свободы и сказала: «О свобода! Свобода! Сколько преступлений совершается во имя твое!»

соединяются еще подражательность, любовь к шуму и отсутствие предусмотрительности, нейтрализирующее мизонеизм. Все это делает из молодежи самый подходящий контингент для бунтов, а иногда и революций. Бывало, что дети начинали бунты, увлекая старших за собой, как, например, Балилла в Генуе и тринадцатилетний Виала, который при осаде Лиона первый бросился в реку, показывая пример республиканским войскам, а когда был ранен, то воскликнул: «Попали-таки разбойники, но я рад умереть за свободу».

«Уличные мальчишки во Флоренции, — пишет Коллоди, — всегда оказываются в первых рядах бунтовщиков. Им все равно, что кричать, лишь бы наделать побольше шума».

Молодежь в силу своей импульсивности и меньшего развития нравственного чувства легко доходит до излишеств; вот почему во время Коммуны дети упражнялись в неистовствах над трупом Дюбуа, убитого федералистами.

У молодежи, кроме того, сильно развит альтруизм. В этом возрасте благодаря усиленной энергии полового аппарата и незнакомству с недостатками человеческой природы любовь к человечеству достигает высшей степени, а в то же время и мизонеизм развит далеко не так сильно, как в зрелые годы и в старости, когда человеку свойственно избегать новых впечатлений и всякого лишнего движения.

«Из всех высоких подвигов, какие я знаю, — пишет Монтень, — большая часть была произведена людьми, не достигшими тридцатилетнего возраста». Этим мнением Монтеня подтверждается то, что я писал относительно скороспелости гениальных людей: Наполеон и Питт служат прекрасными тому примерами в области политики.

«Я никогда не слыхивал, — пишет Вендель, — чтобы революции производились людьми, носящими очки, или чтобы новые истины были услышаны теми, кто нуждается в слуховой трубе».

Один известный нигилист говорил мне: «Русский человек, который бы в двадцать лет не был социалистом, а в сорок не раскаялся в этом, пошлый дурак».

Во всяком случае, как замечает Коко (говоря о молодых людях, которых неаполитанские революционеры рассылали по провинциям в качестве комиссаров и которые реформировали решительно все, не имея определенного плана), молодые люди способны сделать революцию, но не способны ее подержать, что легко объясняется отсутствием у них благоразумия и здравого практического смысла, даваемого только опытом. Понятно, стало быть, почему молодежь преобладает во время бунтов, а при настоящих революциях оказывается в меньшинстве.

Так, на 152 человека, судившихся за участие в деле объединения Италии, большинство принадлежало к возрасту 30—50 лет, как это видно из следующей таблички:

От 15 до 20 лет	4
От 20 до 30 лет	45
От 30 до 40 лет	47
От 40 до 50 лет	31
От 50 до 60 лет	18
От 60 до 70 лет	7

Тогда как при маленьких местных восстаниях на 183 убитых приходилось:

От 15 до 20 лет	4
От 20 до 30 лет	45
От 30 до 40 лет	47
От 40 до 50 лет	31
От 50 до 60 лет	18
От 60 до 70 лет	7

В польском восстании 1830 года (Страшевич) на 84 революционера приходилось:

От 15 до 20 лет	59
От 20 до 30 лет	71
От 30 до 40 лет	31
От 40 до 50 лет	13
От 50 до 60 лет	7
От 60 до 70 лет	2

Между тем в политических покушениях, произведенных русскими революционерами в 1883–1884 годах, из 21 обвиненного только одному было больше 30 лет, а из остальных 13 было 25–30 и 7 — 20–25 лет.

Из них замешанных в убийстве императора Александра II ни одному не было более 30 лет (Михайлову — 21, Гельфман — 26, Кибальчичу — 27, Желябову — 30, Перовской — 27, Рысакову — 19).

Известно, кроме того, что нигилистическая партия состояла главным образом из студентов разных университетов, сделавшихся центрами революционного движения.

По словам Степняка, именно молодежь начала движение 1873–1874 годов, с которого началась революционная эра в России. Этому движению помогло само правительство, предписав русским, учившимся в Швейцарии, вернуться на родину под страхом изгнания. Этим оно усилило пропаганду студентов, пропитанных социалистическими идеями.

2) *Возраст участников в бунтах.* Из 651 коммунара, захваченного на улицах Парижа с оружием в руках, 237 было от роду 16 лет, 226 — 14, 47 — 13, 21 — 12, 11 — 11, 4 — 10, одному — 8 и одному — 7 лет!

Из 76 членов Коммуны, возраст которых можно было точно определить:

От 20–30 лет	Было 20
От 30–40 лет	Было 24
От 40–50 лет	Было 18
От 50–60 лет	Было 8
От 60–70 лет	Было 5
От 70–80 лет	Было 1

В Италии, по официальным статистическим сведениям за 1881–1885 годы, из 12 осужденных за политические преступления только 3 были совершеннолетними, а из остальных семерым было от 18 до 21 года и двоим — менее 18.

Вообще гениальность проявляется очень рано, как мы это доказали в «Преступном человеке».

III
Профессия и положение в обществе

1) Изучая историю революций, мы видим, что некоторые общественные классы поочередно дают толчок революционному движению и направляют его, а чем более это движение соответствует духу времени и нуждам народа, тем шире участие в нем различных классов общества. Это можно видеть, например, в России, где до половины XIX столетия совершались только дворцовые революции или восстания самозванцев, провозглашавших себя царями. Но во второй половине этого столетия там появляется уже движение, которое можно назвать демократическим, проявляющееся покушениями на особу императора. Так, в апреле 1866 года студент Владимир Каракозов стрелял в Александра II; в июле 1867 года ремесленник Березовский совершил знаменитое покушение на жизнь того же государя на Елисейских полях; в апреле 1879 года вновь покушался на его жизнь Соловьев; в 1880 году был взорван императорский поезд; в феврале того же года состоялся взрыв в Зимнем дворце; наконец, в марте 1881 года Александр II был убит.

Из этого можно видеть, что политические преступления тоже эволюционируют — с течением времени меняют форму.

Анализируя участие различных общественных классов в политических преступлениях, прежде всего надо отделить городское население от деревенского. Мы уже прежде видели, что революционные элементы концентрируются главным образом в больших городах, там, где больше сумасшедших и невропатов.

В деревнях, напротив того, низший уровень образования, большая привычка к подчинению, большее уважение к власть предержащим и духовен-

ству, почти полное отсутствие ассоциаций и коопераций обусловливают и отсутствие бунтов, разражающихся весьма редко, главным образом только в случаях общей и крайней бедности. Да и то эти бунты весьма легко укрощаются.

2) *Дворянство и духовенство.* Надо заметить, что дворянство и духовенство, которые по традициям, по воспитанию и по инстинкту сохранения своих привилегий почти всегда бывают реакционными (достаточно вспомнить о разбойничестве, подготовляемом и направляемом монахами, о реакционной деятельности кардинала Руффо в Неаполе и о карлистском движении в Испании), тем не менее в значительном числе встречаются и в рядах прогрессивных революционеров, если только революция не угрожает их собственным интересам и жизни. В последнем случае они являются закоренелыми мизонеистами и рьяными консерваторами.

В России политические преступления совершаются главным образом лицами, получившими высшее образование; в этом нельзя сомневаться, несмотря на то что с 1880 года официальных статистических данных на этот счет не имеется, так как политические преступления были тогда изъяты из ведения присяжных.

На этот факт указывает и Анучин в своей работе касательно лиц, сосланных в Сибирь с 1827 по 1846 год. Там мы находим, что в царствование императора Николая II дворян было сослано за политические преступления в 120 раз больше, чем лиц других сословий.

Причину этого явления можно найти в том уже отмеченном нами факте, что даже свободный народ в силу привычки и атавизма охотно дозволяет командовать собой членам той касты или партии, которая хотя и тиранила его когда-то, но в данное время является деятельной помощницей. «Аристократизм, — говорит Мабле, — является для народа в некотором роде религией, жрецами которой служат дворяне». Гарофало заметил даже, что при демократических выборах в Италии аристократическое имя при равных условиях всегда дает кандидату преимущество.

Духовенство легче увлекается революционными течениями, потому что оно при большей осведомленности относительно недостатков своей касты и своих доктрин подвержено большей экзальтации, вызываемой уединением и особенностями монашеской жизни. Потому-то самые ярые противники догм и обличители недостатков духовного сословия встречаются именно среди духовных, что и вполне естественно, так как делами партии больше всего интересуются ее члены. Достаточно вспомнить имена Джордано Бруно, Савонаролы, Кампанеллы, Социно, Кальвина, Лютера, Спинозы, Ардиго и, наконец, Ренана. Интересно отметить по этому случаю, что выражение *Высочайшее Существо* (*Etre supreme*), поставленное вместо слова *Бог* в Декларации прав человека, было подсказано священниками, входившими в состав собрания, аббатами Грегуаром и Бонфуа, епископами Шартрским и Нимским.

Что касается дворян, то их участие в революционных движениях объясняется также дегенеративными аномалиями (Мирабо может служить примером), личным соперничеством, желанием превзойти противника или вырваться из цепей касты, которыми более сильные члены последней окутывают более слабых. Наконец, надо иметь в виду и большую осведомленность относительно недостатков этой касты, и тот закон контраста в проявлении наследственности, по которому дети мотов, скупцов, себялюбцев отличается иногда качествами, совершенно противоположными.

К этому надо прибавить, что аристократ обладает большими средствами получать образование и проявлять свои таланты. Гальтон, например, насчитывает среди гениальных людей 35% аристократов, тогда как гораздо более многочисленный класс плебеев дает их только 20%. Одна буржуазия может соперничать с аристократами, так как дает 42% гениальных людей.

Аристотель, изучая в своей «Политике» причины, побуждающие аристократов становиться во главе революций, приписывает эти побуждения или демагогическому инстинкту, или дурному поведению, доведшему их до разорения, или, наконец, желанию захватить в свои руки власть для себя лично или для передачи кому-нибудь другому, подобно тому как Гиппарх очистил путь для Дионисия Сиракузского.

Но это справедливо только по отношению к бунтам. В действительности аристократов не всегда личное самолюбие или стремление захватить власть толкает в революцию. Примером могут служить Гракхи, пожертвовавшие собой за дело народа и поднявшие последний против своей собственной касты. Во Франции так же поступили герцоги Лонгвилль и Бофор и принц Конти, а позднее Мирабо, Ламартин, Рошфор; в Германии — Гец фон Берлихинген; во Фландрии — графы Горн и Эгмонт; в Италии — Кавур, Риказоли, Д'Азелио; в России — Бакунин, Достоевский, Кропоткин, Перовская и прочие.

Что касается влияния вырождения дворянства, то мы не можем представить лучшего примера, как семья князей Сулковских в Силезии, которая с начала XIX столетия принимала участие во всех заговорах и революциях на своей родине.

Все члены этой семьи были ненормальны: первый, князь Ян, фанатично преданный Наполеону, сражаясь против Австрии, был взят в плен и поселен в Ольмюце, откуда в один прекрасный день исчез и пропал без вести — натура безумно храбрая и необузданная. Второй, князь Максимилиан, очень бедный, потому что был младшим в роде, женился на богатой американке, приехал с ней в Европу и тотчас же начал вести жизнь самую разгульную. Он путешествовал с любовницей, переодетой пажом, а впоследствии прогнал ее от себя ударами хлыста. Жена его тем временем умерла, кто говорит — с горя, а кто — от яда.

Брат Максимилиана, подпавший под влияние другой женщины, для того чтобы получить наследство от матери, убил последнюю выстрелом из ру-

жья, а потом бежал в Вену, где и был убит во время революции 1848 года при нападении на Арсенал.

Старший из братьев, Людовик, узнав об участии своего брата в венской революции, поспешил к нему на помощь с шайкой волонтеров, но был на дороге арестован, бежал, переодевшись в костюм железнодорожного кочегара, и прожил десять лет в Америке простым фермером. Вернувшись в Европу, он поселился в Белицком замке, откуда больше уж никуда и не выезжал. Один из его сыновей, Иосиф, за расточительность был недавно заключен в Деблине.

Вот несколько цифр, показывающих степень участия дворян и духовенства в революциях и бунтах: по словам Коко, из 200 революционеров, участвовавших в неаполитанском восстании 1799 года, дворян было 30, а священников и епископов 40; из 114 осужденных за это восстание Конфорти насчитывает 10 дворян и 19 духовных, из коих один епископ.

В числе 1149 итальянских революционеров, по нашему счету, было 80 дворян и 83 священника. Фердинанд Бурбон повесил за политические преступления 10 священников и епископа Вико; в неаполитанском восстании 1837 года погиб священник Луи Бельмонте; в 1849 году австрийцы расстреляли и повесили пятерых аббатов.

В некоторых местах духовенство восставало на защиту религии. Так, в Греции эпирские монахи хранили оружие и помогали революционерам; в Польше, по словам Солтыка, ксендзы вооружали повстанцев и устраивали в церквах собрания.

Сами иезуиты, которые всегда были наиболее рьяными представителями мизонеизма, — иезуиты, которые и теперь еще считают магнетизм «дьявольским наваждением», а Гарибальди — «исчадием дьявола», которые продолжают верить в божественное право, когда и сами короли уже в него не верят, — и те решались на убийство королей, если последние не подчинялись их советам. Так, в Англии в 1581 году три иезуита были казнены за покушение на жизнь Елизаветы, а в 1605 году еще двое за пороховой заговор. Во Франции отцу Гиньяру отрубили голову за оскорбление Генриха IV (1595 год), а немного спустя весь орден был изгнан по подозрению в прикосновенности к покушениям на принца Оранского, Генриха III и Генриха IV.

Из Голландии иезуиты были изгнаны за покушение на жизнь Морица Нассауского (1598 год), из Португалии — за покушение убить короля Жозе (1754 год), в котором трое из них были замешаны, а из Испании — за заговор против Фердинанда VI (1766 год).

В то же время в Париже два иезуита были повышены как участники в покушении на жизнь Людовика XV. Равным образом они были изгнаны из Антверпена (1578 год), из Венеции (1606 год), Трансильвании (1607 год), Богемии (1618 год), Моравии, Пруссии и Польши (1619 год).

Декретом герцога Савойского они были изгнаны из Сицилии (1715 год) как бунтовщики и заговорщики; Петр Великий выгнал их из России (1723 год), «для того чтобы обезопасить свою жизнь и покой своего народа».

Не принимая активного участия в политических преступлениях, они подстрекали к цареубийству, или *тираноубийству*, в своих сочинениях. Мариано первый оправдывает цареубийство[1], несмотря на то что Константинопольский собор осудил эту доктрину. Сочинение это было впоследствии одобрено Гретцером («*Opera omnia*»), Де Салем («*Tractatus de legibus*») и Бекано («*Opuscula theologica*»).

Уже отец Эммануил Са («*Aphorismi confessariorum*»), Григорио ди Валенца («*Commentaria theological*»), Келлер («*Tyrannicidium*») и Суарес («*Defensio fidei*») высказывали те же мнения, тогда как Азор («*Iustit. Moral*»), Лорэн («*Comment. in librum psalmorum*») и другие допускали только право каждого убить монарха ради личной защиты.

Здесь мы имеем пример мизонеизма, побуждающего к действиям с виду антимизонеическим, но в сущности жестоко реакционным.

3) *Буржуазия и простой народ*. Ни одна настоящая революция не была делом исключительно дворянства и духовенства, во всех наряду с высшими классами участвовали и низшие. Общественные движения, ограничивающиеся одним классом, никогда не удаются. Эти суть бунты, а не революции.

В нидерландской революции народ участвовал весьма заметным образом. В Турне в 1568–1570 годах герцог Альба казнил или изгнал 36 человек, среди которых было 18 ремесленников, 6 купцов, 3 дьякона, 3 солдата, 2 фермера, 1 трактирщик, 1 учитель, 2 дворянина и 1 адвокат.

В английской революции 1600 года главными вождями были рабочие и мелкие торговцы. Большинство полковников парламентской армии также были торговцы, портные, пивовары и прочие.

Во Французской революции дворяне дали первый толчок, адвокаты, писатели и средние классы продолжали движение, а чернь, фанатики и искатели приключений закончили его (Калло д'Эрбуа — разорившийся актер, Эрбер — театральный кассир, Бильо-Варенн — актер).

Во главе восставших пролетариев никогда не встречалось ни одного рабочего или крестьянина; в 1789 году вожаками были адвокаты, писатели, врачи вроде Робеспьера, Сен-Жюста, Марата и прочих. Единственным крестьянином был Кателино — вождь вандейцев-роялистов, значит, революционер реакционный.

---

[1] Притом чисто на иезуитский манер. «Спорят о том, — пишет он, — что лучше: яд или кинжал. Подсыпать яду в пищу, конечно, практичнее, потому что не подвергает опасности собственную жизнь. Но такой род смерти был бы самоубийством, а помогать самоубийству не дозволяется. К счастью, употребить яд можно иначе — отравить платье, мебель, постель».

Но трехсоттысячная революционная толпа, которой эти вожаки распоряжались, состояла сплошь из подонков общества.

В неаполитанской революции, напротив того, масса оказалась реакционной и образованные классы пали жертвой восстания, которое подняли.

В самом деле, из 95 казненных за это восстание, по словам Конфорти, было:

Нотариусов и адвокатов	20
Военных	20
Ученых и профессоров	17
Собственников	12
Врачей	10
Купцов	5
Учителей фехтования	2
Банкир	1
Крестьян	2
Рабочих	3

В итальянской революции, также и в романьольской (в 1825 году), преобладала буржуазия, но к ней присоединились и дворянство, и духовенство, чем и был обусловлен ее успех.

В самом деле, из 1159 итальянских революционеров было:

Солдат и офицеров	472
Разных профессий	256
Священников	83
Дворян	80
Студентов	73
Рабочих	50
Собственников	49
Купцов	18
Ученых	17
Депутатов	17
Крестьян	44

А в романьольской было:

Рабочих	176
Собственников	156
Приказчиков	74
Либеральных профессий	62
Военных	38
Священников	2

Сравнивая эти данные с теми, которые имеются относительно недавних революционных движений во Франции, мы сразу видим, что последние не удались, потому что были почти исключительно классовыми.

В Париже за время революции 1848 года было убито или арестовано 3 тысячи рабочих; за время Коммуны, по подсчету, сделанному коммунальным советом, погибло:

Сапожников	12 000 (из 24 000)
Портных	5000
Каменщиков	3000
Мебельщиков	6000

Маляры погибли все.

По другому подсчету, к числу коммунаров принадлежало:

Поденщиков	2901
Каменщиков	2293
Слесарей	2266
Приказчиков	2666
Столяров	1659
Торговцев	1065
Маляров	863
Типографщиков	819
Ножовщиков	766
Мебельщиков	636
Медников	528
Плотников	382
Жестянщиков	227
Плавильщиков	224
Шляпников	211
Портных	206
Часовщиков	179
Позолотчиков	172
Наборщиков	159
Мясников	157
Переплетчиков	230

Вожаки Коммуны — 81 человек — следующим образом распределялись по профессиям:

Рабочих	35
Журналистов	9
Чиновников	2

Бухгалтеров	5
Живописцев	4
Скульпторов	2
Фармацевтов	2
Адвокатов	2
Архитекторов	2
Врачей	2
Приказчиков	2
Писцов	2
Инженер	1
Профессор	1
Ветеринар	1
Маклер	1
Парфюмер	1
Собственник	1
Негоциант	1
Офицер	1

Из женщин-коммунарок состав таков:

Проституток	246
Замужних женщин	221
Служанок	85
Прачек	57
Экономок	56
Гладильщиц	47
Модисток	45
Корсетниц	37
Цветочниц	22
Придверниц	4

За исключением вожаков, коммунары рекрутировались, стало быть, главным образом из рабочего сословия. То же можно сказать об итальянских анархистах и социалистах. Так, из 51 осужденного по неаполитанскому и миланскому процессам рабочих было 36, артистов и студентов — 6, адвокатов — 2, собственник — 1, негоциант — 1, неизвестных профессий — 5.

Мы уже видели, что среди нигилистов преобладали дворяне и образованные люди. Тарновский замечает по этому поводу, что тогда как в Австрии в течение трех лет за преступления с пролитием крови было осуждено только 4 человека, принадлежавших к либеральным профессиям, в России за пять лет таковых было 165, и среди них 88 чиновников, 59 — духовных, адвокатов и врачей, 19 — писателей, студентов и живописцев. Автор, писавший в русском журнале, не осмелился осветить надлежащим образом

это странное преобладание образованных людей в числе убийц, но ясно, что это были главным образом нигилисты. На 100 женщин, осужденных за политические преступления в России, приходится 25 образованных, 11,9 — грамотных, 7,4 — неграмотных, тогда как среди простых уголовных преступниц неграмотных приходится 92%, грамотных — 6,9%, получивших образование не выше среднего — 0,25%. Однако ж в последнем политическом процессе из 21 обвиненного оказалось 7 рабочих и 2 крестьянина, что объясняется деятельной пропагандой студентов между ними.

Из вышенаписанного следует, что успех революции тем более обеспечен, чем более в ней участвуют все классы населения; что в настоящих революциях, особенно между вожаками, преобладают лица, принадлежащие к образованному слою общества, тогда как в бунтах участвует почти только один его класс, и притом самый низший. Поэтому-то бунты никогда и не удаются или удаются наполовину.

4) *Профессии.* Нужно иметь в виду влияние, которое имеют некоторые профессии на возникновение и ход революций.

Так, гладиаторы поддержали восстание Спартака; рабы, привыкшие к суровому труду, вынесли на себе бунт Сертория; преторианцы, привыкшие владеть оружием, играли судьбами империи точно так же, как стрельцы в России, солдаты алжирского бея и янычары в Константинополе, убившие пятерых султанов*. Надо заметить, что янычары, получая незначительное жалованье, пользовались монополиями некоторых ремесел (сапожного, например, кофейного и прочих), что сближало их с народом и давало влияние на последний. Кроме того, они пользовались поддержкой духовенства, дети которого зачастую служили в их среде.

В Коммуне, как и в буланжистском движении, участвовали, между прочим, военные.

«Храбрейшими из коммунаров, — пишет Беррон, — были солдаты-дезертиры, вступившие в их ряды. Почти все они были унтер-офицеры, издавна питавшие ненависть к офицерам.

Надо заметить, что при империи отношения между офицерами и унтер-офицерами армии были такие же, как между дворянами и недворянами при старом режиме.

Молодые люди, кончившие курс в Сен-Сире*, получали эполеты будучи двадцати лет от роду, а волонтеры, не обладавшие дипломом, хотя бы прекрасные практики и техники, ждали этих эполет по пятнадцати лет, да и то не всегда их получали. Среди сержантов можно было встретить совсем седых; дворяне и буржуа, окончившие курс в школах, всюду были им предпочитаемы.

Даже среди офицеров можно было различить две враждебные друг другу партии — благородных и *выскочек*, из коих только одни первые пропускались на высшие должности.

Неудивительно поэтому, что все оскорбленные и униженные бросились в ряды коммунаров, щедрой рукой раздававших галуны и султаны.

К числу искателей эполет следует еще прибавить авантюристов из разных стран Европы, преимущественно поляков (Домбровский, Врублевский, Околович и прочие), прирожденных солдат, принадлежащих к расе, издавна прославившейся храбростью и легкомыслием.

Они дрались, важничали, позировали, картинно одевались, говорили громкие фразы, гарцевали верхом, командовали и шли в огонь как на праздник. Опасность их привлекала. Они любили военное дело.

А к социализму и Коммуне были, мне кажется, совершенно равнодушны. Их кондотьерскому темпераменту*, их природному авантюризму нравились экстравагантные теории, отсутствие правильной власти и произвол. Они не размышляли, а действовали.

В сущности это — дети, притом очень добрые. В их голубых глазах отражается мечтательная душа. Необыкновенные иллюзии, невероятные надежды, основанные на смутных гипотезах, — вот чем они бредили».

Шерстяная промышленность во Флоренции, благодаря ее важности и большому количеству рабочих (30 тысяч в 1336 году), которыми она располагала, играла крупную роль в средневековых бунтах. Именно благодаря ее высокомерному отношению к собственным рабочим (Чиомпи) и к корпорациям мясников, кожевников и булочников вспыхнул бунт Чиомпи, с виду укрощенный, но кончившийся победой Медичи.

В Перу и в Испании бунты возникали благодаря чрезмерному влиянию духовенства, за которое стояли женщины, старики и глупцы, которых повсюду так много.

Большая часть бунтов в Аргентине вызывается почти исключительно деревенскими жителями, которых раздражает цивилизация, преждевременно и насильственно вводимая горожанами. Потому-то Росас преследовал ученых и адвокатов.

Гиббон показал, что искусная обработка железа была главной причиной революции и последующих затем победоносных набегов турок. В самом деле, эти последние были сначала рабами татарских ханов в горных округах Центральной Азии, изобилующих железом. Ханы принуждали их вырабатывать оружие, которым они наконец и воспользовались, не только для того, чтобы освободиться и сделаться независимыми, но и для того, чтобы стать на некоторое время чуть не владыками Европы.

Глава 10. Революционеры и политические бунтовщики (врожденные преступники; нравственные идиоты)

1) *Преступность.* В какой пропорции типичные преступники встречаются в числе революционных деятелей? Нельзя отвечать на этот вопрос, не отличив предварительно настоящих революционеров от простых бунтов-

щиков, которые ищут в политических преступлениях только удовлетворения своих эгоистических стремлений. При этом не надо забывать, что члены борющихся партий очень часто считают своих противников преступниками, а сторонников — мучениками.

В Италии из 520 страдальцев за национальное обновление, портреты которых были собраны в Миланском музее и на Туринской выставке (1884 год), мы нашли 454 нормальных типа, 64 — анормальных, из которых 23 с признаками вырождения, и 3 — чисто преступных типа. Последних оказалось, стало быть, 0,57%, то есть вчетверо меньше, чем их встречается среди мирных людей (2%). Да еще надо заметить, что из 3 революционеров преступного типа один — Паскуале Соттокорнола — был вполне честным человеком. Дело в том, что вырождение ослабляет или совершенно уничтожает мизонеизм, а политические страсти, как в былые времена религиозные, служат предохранительным клапаном для преступных импульсов.

Среди христианских мучеников преступные типы встречаются лишь в виде редких исключений, но и тогда (апостол Павел) находятся в противоречии со всей жизнью своего носителя.

Среди знаменитых нигилистов преступный тип также довольно редок, что подтверждается и их жизнью, посвященной горячей любви к ближним. Маркс со своим высоким лбом и добрыми глазами, Лассаль, Герман, Вебер также отличались симпатичными физиономиями.

2) Среди *анархистов*, напротив того, встречается много преступных типов.

Если взять, например, один из самых антиправовых бунтов — Парижскую коммуну, — то мы найдем, что из 50 коммунаров вполне нормальными физиономиями обладали только 23, а из остальных у 11 имеются некоторые ненормальности, 6 представляют собой полный преступный тип (12%), 5 — тип сумасшедший (10%); из 8 петролейщиц 4 принадлежат к преступному типу, особенно ла Гарго, с ее свирепыми косыми глазами, тонкими губами и выдающимися скулами, Де ла Дард, со своей мужской физиономией и огромными челюстями.

По словам дю Кана, среди коммунаров было 47% преступников и, между прочим, 1100 дезертиров и уголовных, освобожденных из военных тюрем. Из 87 молодых людей, осужденных военным судом, 36 были рецидивисты; на 1051 женщину приходилось 246 проституток, а мы знаем, какая связь существует между проституцией и преступностью.

Из 41 анархиста, осмотренного нами в полицейской префектуре Парижа, 1 принадлежал к сумасшедшему типу, 13 — к преступному, 3 — к полупреступному; нормальных было только 19 человек.

На 100 стачечников, арестованных в Турине 1 мая 1890 года, я нашел 34% принадлежащих к преступному типу по физиономии и 30% уголовных рецидивистов. Напротив того, среди неполитических преступников Турина преступный тип дал 43%, а рецидивизм 50%.

Из 43 американских анархистов, портреты которых помещены в книге Шэка, 18 принадлежат к преступному типу (40%) и 25 — к нормальному (58%).

У Штельмахера мы находим сильно развитые челюсти и скулы, мало растительности и злые глаза; у Дюршнера — оксицефалию, субмикроцефалию, асимметричность лица и очень большие уши. Эти два субъекта убили банкира Эйзарта и двух его маленьких детей с единственной целью украсть несколько сот флоринов на пополнение партийной кассы.

Каммерер отличался выдающимися лобными пазухами и скулами, большими челюстями, малой растительностью на лице и очень густой шевелюрой.

Пини — один из парижских анархистов, брат сумасшедшей, при малой растительности и покатом лбе также отличался большими челюстями, выдающимися лобными пазухами и длинными ушами.

Среди вождей революции 1789 года мы встречаем Мирабо, хотя очень красивого, но с кривым носом; Марата, Каррье и Журдана, принадлежащих к чисто преступному типу; Фукье-Тенвиля, с огромными челюстями и богатой шевелюрой; Петиона и Лямеша, с покатыми лбами; Сен-Жюста и Фабр д'Эглантина, совсем безбородых; наконец — Робеспьера, Дантона и Тионвилля, со вздернутыми носами.

Если верить свидетельству одного известного публициста, сам Мост, редактор «*Freiheit*», ныне глава нью-йоркских анархистов, обладает некоторыми чертами преступного типа: большими и разнокалиберными челюстями, маленькими, хищными глазками и асимметричным лбом. Недаром у него не имеется нравственного чувства, как это видно из следующей произнесенной им фразы: «Материнская любовь и привязанность любимой женщины эгоистичны и преступны».

3) *Психология*. Преступные наклонности вообще ярче проявляются в словах и действиях, чем на лице. Многие анархисты сами чувствуют свою близость к прирожденным преступникам и не скрывают ее. Так, в женевском журнале «*L'Explosion*» в 1884 году было напечатано: «Мы, анархисты, также имеем своих предтеч и мучеников, с оружием в руках восстававших против общества, каковы, например: Гаспароне, Баттиста, Скорлино, Стринчини, Моттино, Пассатори, Нинко-Нанко, Ченери, а в последнее время — Чеккини и много других. Когда-нибудь мы воздвигнем им памятники». Анархист, ювелир Констан, когда его арестовали, сказал: «Я разбогатею, когда сожгут Париж; все мы, анархисты, к этому стремимся». Перед судом он, правда, оправдывался тем, что был пьян, и говорил, что становится анархистом только в пьяном виде.

Паницца, называвший себя идеальным анархистом (миланский процесс 1889 года), написал очерк, озаглавленный: «*Il ladro*» («Вор»), в котором доказывает, что вор есть жертва общества и потому имеет право воровать!

В комской газете «*Pugnale*» мы читаем:

«Идем жечь мэрии и префектуры, казармы и банки, церкви, нотариальные конторы и регистратуры; захватим дворцы и богатые дома, выбросив из окон их обладателей, жирных буржуа с суками и щенятами! Разрушим немедленно магазины, в которых торгуют разной снедью и тканями для одежды! Перервем телеграфные проволоки, развинтим рельсы, прекратим всякое сообщение! Взорвем водопроводы и газовые трубы, сожжем все здания, в которых можно защищаться!

Все средства дозволительны против армии, если она окажется низкой! Но так как мы плохо вооружены, то постараемся избегать площадей и широких улиц, будем держаться узеньких и кривых переулков. Баррикады, камни, кипяток, битое стекло, гвозди (для кавалерии), нюхательный табак, динамитные бомбы представляют собой прекрасные средства для защиты и нападения, затягивают борьбу и дают возможность дождаться других ресурсов. Пусть каждый действует по своей инициативе, пусть душит и жжет все, что того достойно, повсюду, где требуется восстановить нарушенную справедливость. Будем ненавидеть до бешенства, для того чтобы иметь возможность горячо любить впоследствии»...

Каталина был убийцей своего брата и, кажется, даже сына.

Факундо, по словам Сармиенто, разбил череп своему ребенку, родившемуся уродливым, оторвал ухо у своей любовницы и убил друга из-за какой-то ссоры за картами.

Каммерер к 22 годам успел уже убить семерых и хвастался перед судом своим участием во всех убийствах, совершенных тогда в Страсбурге, Штутгарте и Вене, обещая продолжать свою деятельность, если его освободят. Он не струсил даже перед эшафотом.

Пини хвастал не только своим анархизмом, но и воровством (более 300 тысяч франков), совершенном для того будто бы, чтобы отомстить богатой буржуазии за угнетаемых ею бедняков. Он называл такое воровство «законной экспроприацией, совершаемой руками экспроприированных» и образовал вокруг себя целый кружок поклонников. Заподозрив анархиста Черетти в доносе, он попытался убить его. Надо заметить, однако же, что воровские наклонности Пини возбудили против себя всех честных анархистов[1].

Среди вожаков на лионском анархическом процессе 1883 года был некий Борди, три раза судившийся за кражу, буйство и разрытие могилы.

По мнению Деспена и Максима дю Кана, почти все выдающиеся коммунары были нравственными идиотами, то есть совмещали инстинкт разрушения с полной бесчувственностью, неспособностью к дисциплине и организации, преступными импульсами, отсутствием совести и прочим. Между ними были генералы вроде Меджи, который, будучи когда-то осужден на галеры за убийство полицейского, подписывал декреты собствен-

[1] Не всех, однако же. В Италии нашелся писатель, который оправдывал его, удивляясь, как можно наказывать человека, мстящего воровством за воровство.

ным своим каторжным номером, и вроде Эдеса, который был сыном маньяка, убийцей пожарного и одного из грабителей дворца Почетного Легиона; были полковники вроде Шандона, осужденного за воровство, и Бэно, поджигателя Тюильри, осужденного за мошенничество.

Среди делегатов встречались люди вроде Парента, несколько раз судившегося за мошенничество и подлоги; Лерижье, грубого негодяя, жившего на счет общественной благотворительности и до такой степени возбудившего против себя парижан, что, когда он был приговорен к смертной казни, они подали петицию против помилования; Паризеля, председателя научной делегации, который был судим за изнасилование и прославился изобретением подкожных впрыскиваний синильной кислоты как лучшего средства для истребления версальцев; наконец, полицейский комиссар Шапитель, несколько раз судимый за воровство и другие преступления.

Для того чтобы нас не обвинили в пристрастии за то, что мы повторяем слова ожесточенного противника коммунаров, мы не только напомним показание коммунарского генерала Клузере о большом числе каторжников среди них, но приведем даже подлинные слова наиболее фанатичного из членов Коммуны — Жюля Валлеса, признававшего дегенеративные черты и преступную закваску в характерах своих товарищей.

«Сапожник Ранвье, говоривший: “Я обуваю людей и ломаю мостовые”, был кабацким трибуном, всегда готовый напиться и защищать свободу, особенно свободу напиваться; министром он стал потому, что проходя с сапогами мимо министерства, зашел в него и сел на министерское кресло. А между тем, — прибавляет Валлес, — он обладал умом более ясным, чем у многих ученых (!!). Верморель был семинарист, издатель и беллетрист, за все бравшийся и ни в чем не преуспевший, притом до такой степени, что собирался застрелиться; он бил и царапал свою жену. Гранвье был худ и до такой степени бледен, что крови в нем как будто бы совсем не было (Марро заметил, что преступники часто бывают очень бледны); у чахоточного Бриона глазки были как осокой прорезаны; низкопоклонный Дюкасс обладал вылупленными глазами, широким ртом и отвратительным голосом (признаки вырождения, так же как у Фолэна и Вермореля — которые заикались, у Курбе и Арно — которые растягивали слова). Но в этих заиках, — прибавляет Валлес, — всегда очень самолюбивых, скрывается большая активная энергия».

Ферре улыбался, когда на его глазах и по его приказанию убивали Вейссе; как и все прирожденные преступники, он охотно употреблял циничеcкие выражения и разного рода арго.

Именно в этом арго проявляется преступный характер или по крайней мере преступные наклонности большинства коммунаров. Сам Валлес, довольно часто к нему прибегающий, с большим удовольствием передает любимые словечки своих товарищей. Дюкасс, например, кричал, что он «сочтет себя достойным священного звания революционера только тогда, ког-

да собственноручно сделает *couic* какому-нибудь аристократу», причем начинал точить свой нож; Раго, обращаясь к своему револьверу, говаривал: «Ты должен проснуться для того, чтобы пернуть дымом». Во время Коммуны вообще были в ходу формы вроде следующей: «Можно звать полицию на кровопускание»; расстрелы и убийства назывались «кровопусканиями».

Один из вождей 1789 года, Каррье, говорил: «Мы превратим Францию в кладбище, если не перестроим ее по своему вкусу». Он страдал галлюцинациями и приступами буйства; стоя на трибуне, он рубил своей саблей свечи вместо голов аристократов; раз, сидя за обедом, он сказал, что Франция не может прокормить своего чересчур многочисленного населения и что он решился избавить ее от излишка, то есть от аристократов, попов и чиновников, а затем, придя в экстаз, стал кричать: «Убивайте, убивайте!»; из-за всяких пустяков он выхватывал саблю и грозил ею собеседникам; он рассыпал пощечины членам разных обществ, а служащих, являвшихся за жалованьем, встречал сабельными ударами; сам признавался, что корчи казнимых священников доставляют ему большое удовольствие.

Лежен устроил себе маленькую гильотинку, с помощью которой рубил головы гусям и курам, предназначенным на жаркое.

Журдан, последовательно перебывавший мальчишкой в кузнице, мясником, солдатом и контрабандистом, при разрушении Бастилии задушил несчастного Де Лонэ, своего бывшего хозяина; сделавшись затем генералом, он устраивает пожары, грабежи и резню вплоть до того времени, когда сам приговаривается к смерти революционным трибуналом.

Пинар, бывший комиссаром в Нанте, сам грабил по деревням и убивал преимущественно детей и женщин.

Гранмезон, уже судившийся за два убийства, устраивая нуайяды* в Нанте, рубил руки утопавших и хватавшихся за края лодки.

Жан д'Эрон носил на шапке отрезанное человеческое ухо, а в карманах другие уши, которые предлагал женщинам целовать.

Среди вождей якобинцев встречались подлинные разбойники. Почтмейстер Друэ в Конвенте сам называет себя бандитом. Жаговен — Эннский Нерон, как прозвал его Кутон; Бертран и Дартэ — палачи Лиона и Арраса; Бабеф, в 20 лет уже судившийся за подлог; Анрио и Сен-Жюст — лакеи, прогнанные за воровство (последний был даже арестован по просьбе родной матери); Фуше, начавший наживаться еще при Конвенте, а впоследствии обладавший состоянием более чем в 12 миллионов; наконец, Баррас, Дюмон, Мерлен и прочие, подобно Фуше разбогатевшие за время революции.

Во время частных восстаний во Франции большинство народных вождей были настоящими преступниками. Карсо Донатти — фальшивомонетчик; Джанотто Саккетти, брат беллетриста, вместе с тем и вор; Фонцано — преступник, лишенный гражданских прав и поднявший народное восстание для того, чтобы вернуть себе эти права.

В Генуе в 1628 году во главе восставшей черни стоял Вакеро, приговоренный за несколько убийств на галеры, а когда был прощен, то вновь начал убивать. Будучи послан генуэзцами в Бастию, он соблазнил жену одного тамошнего жителя, так же как и двух его сестер, которых отравил впоследствии, а самого этого человека заставил совершить преступление и потом застрелил.

4) *Импульсивность.* Такие ненормальные люди от природы бывают очень импульсивными и потому легко переходят к решительным действиям, совершая политические убийства, противные большинству честных людей, но иногда приносящие некоторую пользу нации.

Лингс, один из американских анархистов, говорил: «Я не могу бороться с анархическими идеями, они сильнее меня». То же говорил и товарищ его, Энгель: «Я не могу сдерживаться; я должен дать себе волю. Энтузиазм, как болезнь, охватывает меня».

Достоевский (в «Бесах»), говоря о конспираторе Лебядкине, затевающем шантаж, замечает: «Характерной чертой этих людей служит полная неспособность отказаться от своих желаний: раз такое желание явилось, то уж они его выполнят, несмотря ни на что».

Затем он рисует нам полный тип такого человека в Петрове («Записки из мертвого дома»): бледный, с выдающимися скулами и дерзким взглядом, он попал на каторгу за то, что убил своего полковника перед целым полком, а потом чуть не убил майора, заведовавшего тюрьмой и тиранившего заключенных. Во время прогулки на дворе он часто подбегал к Достоевскому как будто за каким-нибудь важным делом, задавал вопрос о Наполеоне III или об антиподах и, едва выслушав ответ, убегал столь же поспешно. Это был самый решительный из каторжных, не стеснявшийся ни совестью, ни здравым смыслом. Раз он украл у Достоевского Библию и тотчас же признался, как будто бы это было самое простое и законное дело.

«В данную минуту ему захотелось выпить, а потому нужно было украсть; в другое время он не дотронулся бы и до мешка с золотом.

Такие люди, — прибавляет Достоевский, — проявляются и действуют во время беспорядков, бунтов; тогда они находят самую подходящую для себя деятельность. Они не говорливы и не могут сделаться инициаторами или вожаками восстания, но они зато действуют просто, без фраз, без шума, без страха и размышления, с открытой грудью бросаясь на первое встреченное препятствие. А другие смело следуют за ними вплоть до неприступной стены, у подошвы которой и оставляют чаще всего свою жизнь».

Точно таким был, например, Орсини, который, служа под начальством Гарибальди, до такой степени удивлял товарищей своим безрассудством, что они считали его сумасшедшим. Только он не был лишен нравственного чувства, подобно Петрову.

По словам Маттеи, «Михаил Бакунин принадлежал к числу людей, которые хотя и оказывают большое влияние на ход идей и на общественную

жизнь своего времени, но сами всегда остаются на заднем плане, так что даже их последователи не всегда знают их имена.

Это был род могучего и тяжелого гиганта, все члены которого были одинаково колоссальны. Огромная голова, покрытая целым лесом длинных растрепанных волос, не знакомых с гребнем; борода, закрывающая чуть не все лицо; высокий лоб и маленькие, бегающие, блестящие глазки, постоянно меняющие выражение, всегда дико суровые. Внешний мир для него как бы не существовал; трудно сказать, отличал ли он один цвет от другого. Он понимал только субъективное.

Мрачный и нелюдимый обыкновенно, по временам этот революционер становится веселым, и веселость его отличалась большим тактом, хорошим вкусом и чисто французским пошибом. Будучи человеком научно образованным, он отличался большой начитанностью, особенно во французской литературе. Характерной чертой Бакунина было то, что он никогда не имел денег, что его нисколько не стесняло и не мешало тратить большие суммы. В этом отношении он был прямо гением — чутьем знал, где деньги водятся и у кого их можно занять. И все это не из лени, не по расчету, не из желания разорить тех, у которых занимал. Если бы у него были деньги, то он сыпал бы ими на все стороны, но их не было, приходилось доставать. Буржуазное понятие о *твоем* и *моем* не вмещалось в его мозгу, он смотрел на ваш кошелек как на свой.

Лукавый, невменяемый, нежный к слабым — женщинам, детям, беднякам, — неумолимо жестокий с противниками, на которых бросался очертя голову, как разъяренный бык; пропагандист идей и теорий, фанатизировавших тысячи; цельная натура, в которой чувство никогда не контролировалось разумом; гигант, одновременно сильный и слабый, одержимый постоянной потребностью творить, действовать, — таков был Бакунин, которого можно ненавидеть или обожать, смотря по точке зрения, но которому нельзя отказать в величии, свойственном силам природы».

5) *Аффективная нечувствительность.* Достоевский описывает нам другой тип революционера в герое «Бесов» Ставрогине. «Это невропат, который с детства страдает припадками эпилептического сумасшествия, во время которых откусывает ухо своему начальнику и ни за что ни про что оскорбляет почтенного человека; не любит свою мать и презирает общественное мнение; служа в армии, не подчиняется дисциплине; якшается в Петербурге с подонками общества, предается грязному и преступному разврату и кончает тем, что в пику общественному мнению женится на хромой и нищей, полуидиотке.

Атеист, конечно, и очень решительный человек, он привлекает к себе внимание нигилистов, которые, “ввиду его порочных наклонностей”, стараются создать из него самозванца, красного царя, но он относится к ним с презрением и лишает себя жизни.

Нужно быть великим человеком, чтобы противостоять здравому смыслу, — вот одно из положений Ставрогина. Он не видит разницы между цинизмом и геройством. Он недоступен страху и может убить человека вполне хладнокровно. Его можно сравнить с революционером Л., который всю жизнь искал опасностей и которого опасность опьяняла; она стала необходимой для него; он ходил на медведя с простым ножом в руках» («Бесы»).

Демократ, описанный Платоном, немногим отличается от Ставрогина. «Воспитанный скупым отцом, думавшим только о наживе, он рано испытал нужду; попав в компанию мотов и развратников, он занял между ними подобающее место и из членов олигархии превратился в демократа. Под старость он имел сына, которого постигла та же судьба. Мало-помалу он забыл совесть в погоне за удовольствиями и стал тираном, как все пьяницы и безумные. Он не заботился ни о чем, кроме пиров и женщин, причем растратил все состояние свое, своего отца и родных. Если они этому противились, то он прибегал к насилию, а растратив все, стал грабить храмы и путешественников, не отступая перед убийством. Если такие люди красноречивы, то становятся лжесвидетелями; если их мало, а страна ни с кем не воюет и живет мирно, то они продадут свои услуги иноземцам; если же их много, то они возбудят смуту в стране, выберут своим начальником самого сильного и распутного из своей среды и создадут из него тирана, который поступит с родиной так же, как каждый из них поступал со своими родителями».

Портрет, нарисованный Жюлем Валлесом с самого себя, доказывает, что такие типы революционеров вполне реальны. Дядя его был глухонемой; отец — жестокосердый, безнравственный, раздражительный; мать — скупая и жестокая, особенно по отношению к сыну, у которого есть и внешние признаки вырождения (большие челюсти и жевательные мышцы), но главным образом он является нравственным уродом — совершенно не способен ни к какой привязанности.

В детстве его никогда не ласкали и не целовали; с ранних лет он получал от родителей только побои и плюхи, отпускавшиеся так аккуратно в определенные часы, что соседи мерили ими время. «Но мать была очень рада отпускать их и сверх положения».

Любопытно видеть, как благодаря вырождению и в виде реакции на жестокость родителей мысль его бросилась в крайность, противоположную господствующим законам, обычаям и понятиям, — он смеется над любовью к родителям, которая, однако ж, пережила все превратности судьбы человеческой.

Будучи ребенком, когда при нем молились, он смеялся над молитвой, хотя и был религиозен. В молодости он всегда становился во главе всяких бунтов и заговоров. Еще в коллегии он вместе с товарищами составлял планы бегства и предпочитал сыновей сапожников сыновьям профессоров, с которыми ему приходилось жить.

К революционерам он всегда питал инстинктивное влечение, но, вступая в политические заговоры, не терпел над собой ничьего гнета. Чувствуя, что не может подчиниться никакой дисциплине, он иногда готов был бунтовать в одиночку, как ни безрассудно такое предприятие. Ко всяким авторитетам и кумирам своих товарищей — к Беранже, к Мишле — он относился с презрением. Встретив через двадцать лет учителя, который плохо с ним обращался когда-то, он жестоко отомстил последнему. Даже с товарищами по оргиям он ссорился, причем дело раз дошло до смертельной дуэли, к которой он готовился как к великому и прекрасному делу.

Как все неудачники, он беспрестанно менял профессии, обвиняя общество за то, что оно не умеет ценить его способности, а лучше сказать — за то, что оно не платит ему за лень.

К этому надо прибавить, что классическое образование, очень, однако ж, скромное, да и то полученное в ущерб знаниям экономическим (едва ли он прочел много страниц из Мишле и Прудона), послужило только к тому, чтобы раздуть в нем самомнение, как в деятелях 1789 года.

Он прекрасно помнит все мелочи, до него касающиеся; тщательно записывает все маленькие триумфы, достававшиеся на его долю в коллегии и на улице. Во время Коммуны описывал он себя таким образом:

«Я не могу быть покоен; голова моя в огне, сердце готово лопнуть, в горле сухо, глаза горят, я бегаю как угорелый по приятелям и требую помощи. Когда была провозглашена Коммуна, я пробовал и не мог писать: идеи жгли мой мозг, я не мог их выразить надлежащим образом. Радость моя так велика, что вместо моего собственного сердца, покрытого бесчисленными ранами, во мне бьется как бы сердце всего народа, распирающее мою грудь».

Говоря о Ламбрио, Валлес пишет: «Он все испробовал, даже нищенство; а я, вместо того чтобы просить милостыню, сказал бы буржуа: “Дай мне денег на покупку хлеба, или я тебя задушу”; вообще я предпочел бы разбить себе голову об стену скорей, чем запятнать свою честность — инструмент, который мне нужно сохранить чистым, как клинок ножа».

Эти слова, так же как вышеприведенные цинические выражения, ясно указывают на существование преступных наклонностей, и если уж так выражался Валлес, человек, получивший классическое образование и начитанный, то можно себе представить, как должны были выражаться его товарищи по бунту, никакого воспитания не получившие.

Даже сам Лассаль, тоже альтруист, ненавидел своих товарищей по школе, учителей и родителей.

6) *Нравственные идиоты и прирожденные преступники.* Но во всех этих лицах нравственное помешательство едва проявляется, а есть люди, в которых оно достигает полного развития. Таков, например, был Марат, фигура которого так хорошо описана Тэном. При росте не выше пяти футов голова его была непомерно велика и асимметрична, лоб покатый, глаза косые, скулы выдающиеся, взгляд бегающий и беспокойный, жесты быстрые и поры-

вистые, лицо вечно напряженное, волосы черные, волнистые и растрепанные. При ходьбе он подпрыгивал.

С раннего детства Марат отличался безграничным самомнением, как откровенно признается в своем журнале. «В пять лет, — пишет он, — я хотел уже быть школьным учителем, в пятнадцать — профессором, в восемнадцать — писателем, в двадцать — творческим гением. — Дальше он прибавляет: — С ранних лет меня пожирает любовь к славе, менявшая цели в различные периоды моей жизни, но ни на одну минуту меня не оставлявшая».

Перед революцией он тщетно старался прославиться на ученом поприще. В 1774 году в Эдинбурге, где Марат был учителем английского языка, он издал первое свое сочинение, «Цепи рабства», которое в 1792 году сам перевел на французский язык и которое биографы его считают «довольно плохим политическим очерком». В следующем году он публиковал в Амстердаме в трех томах трактат «О человеке, или о принципе законов, о влиянии души на тело и тела на душу», который, по словам Тэна, представляет собой «бессистемную смесь общих мест из физиологии и нравственных наук, плохо переваренных цитат, как бы случайно подобранных имен, голословных и бессвязных предположений, основанных на доктринах XVII и XVIII веков и выраженных пустыми, ничего не говорящими фразами».

Ничем не оправдываемое самомнение, необычайное тщеславие, постоянно возбужденное состояние и чрезвычайная писательская плодовитость — все в нем указывает на развитие самолюбивого бреда, к которому, как у параноиков, мало-помалу присоединяется бред преследования, заставляющий Марата повсюду видеть завистников и врагов. Затем он впал в полное нравственное помешательство, заставившее его в 1793 году требовать 270 тысяч голов во имя общественного спокойствия и предлагать себя в палачи.

А вот и еще Марат, содержавшийся в одном из современных психиатрических заведений. Г. С. родился во Флоренции в 1853 году от старика отца и молодой матери, страдавшей, кажется, падучей болезнью. До 13 лет он успел уже побывать в нескольких школах, так как отовсюду был выгоняем за непослушание. В конце концов мать отдала его в исправительный дом, где он пробыл два года. По смерти матери он поступил на коммерческое судно, где и провел большую часть своей молодости. Путешествуя по Америке, он встретился с людьми (преступниками, петрольщиками, нигилистами), которые обострили в нем врожденные идеи величия до такой степени, что он стал постоянно думать о перестройке общества на основах равенства. Соскучившись и утомившись службой на судне, он бросил ее и занялся спекуляциями, которые, однако ж, пошли очень плохо. Затем он сделался приказчиком, причем не оставлял и своих идей о социальной реформе, но, видя, что образование его недостаточно для выполнения задуманного переворота, принялся учиться, стал читать Данте и других итальянских классиков.

В этом периоде своей жизни он татуировал себе предплечье на правой руке для того, чтобы, как он говорит, показать современному обществу, что не признает за ним права налагать законы и предпочитает принадлежать к числу дикарей.

В 1875 году он присоединился к одной секте, надеясь с ее помощью скорее осуществить свои мечты, но быстро разочаровался, занялся кутежами и, видя, что надежды его не сбываются, два раза в течение трех месяцев покушался на самоубийство.

Приехав в Турин, он остановился у дяди, которого вскоре ранил бритвой, так же как и его жену; суд признал его сумасшедшим, невменяемым и приговорил посадить в психиатрическую лечебницу. Выйдя оттуда, он зарезал в драке одного из своих приятелей. За это суд приговорил его к десяти годам тюрьмы. Выслушав приговор, он бросился с высоты нескольких метров и сломал себе левое плечо. Будучи вновь признан сумасшедшим, посажен в туринскую психиатрическую больницу, затем переведен в аверсскую, где и оставался до 1879 года, когда его признали выздоровевшим и посадили отбывать наказание в тюрьму в Амелии. По отбытии наказания он приехал во Флоренцию, где по протекции префекта, которому его рекомендовали, был помещен в богадельню в «*Rio Ricovero*» Монтедамини, но счел это оскорблением своего самолюбия, да и дисциплина, царствовавшая в заведении, ему не понравилась, а потому он поспешил оттуда выйти, получив пятьдесят франков премии.

В последние три месяца 1885 года после многих бесплодных попыток получить место ему удалось поступить бухгалтером в одну из городских аптек. Обладая хорошими манерами и вкрадчивостью, он быстро завоевал доверие врачей, от одного из которых получил рецепт на 60 сантиграммов морфия и принял все это количество яда, чтобы отравиться, но был спасен.

«Я потерял веру в жизнь, — отвечал он на вопрос о причинах, побудивших его к самоубийству, — мне нечего больше ожидать от общества, не желающего меня ни реабилитировать, ни понять. Если бы было иначе, то я теперь был бы уже большим человеком, так как преобразовал бы общество и вместо произвольного деления людей на классы установил бы полное социальное равенство».

Только что выписавшись из больницы, он написал графу Т. письмо с требованием пяти тысяч франков, угрожая в противном случае зарезать графа. Явившись на почту за получением этих денег, он был арестован.

Ростом он был 1 м 60 см и весил 67 кг; волосы на голове редкие и седеющие; большие черные усы; высокий, очень покатый лоб; круглые уши, из коих в правом замечается отверстие фистулозного хода, ведущего к височной кости; лобные пазухи сильно развиты; глаза слегка выдающиеся и очень близорукие; кончик носа приподнят кверху и отклонен влево; лицо слегка асимметрично; рот большой, в верхней челюсти недостает трех резцов.

Альтруистических чувств лишен совершенно, не любил родителей и никогда не имел друзей. Выказывал некоторую привязанность к своим сторонникам, но легко изменял им в случае надобности, так как, будучи одиноким, не боялся их мести. Никогда не любил женщин и смотрел на них как на машины для удовлетворения чувственности. Женился на богатой, с целью воспользоваться ее средствами для проведения своих социалистических идей. Верил в Бога и проповедовал, что те, которые страдают на земле, будут блаженствовать на других планетах. Нравственного чувства лишен совершенно. При упреках в убийстве, нисколько не конфузясь, сухо отвечал, что между ним и его жертвой существовали политические или имущественные несогласия.

Будучи мегаломаном, считал себя богатым человеком и давал по 40 санти на водку за подачу чашки кофе. Рассказывал, что заплатил 500 франков за бандаж для своей левой руки, тогда как получил его даром. На всякой написанной им записочке накладывал штемпель со своим именем и титулом.

Будучи проповедником социального равенства, писал одному из своих знакомых, что ему мало трехсот франков в день на прожитие, а когда ему доказывали, что при таких расточительных привычках трудно установить социальное экономическое равновесие, то сердился и изо всех сил старался доказать противное. На упрек в сектантстве отвечал, что не стыдится этого, так как есть и хорошие секты; кроме того, он не простой сектант, а вождь.

Стремясь реформировать общество и считая себя к этому способным, никогда не мог остановиться ни на чем определенном, что самого его приводило в отчаяние. «Я не могу жить, — писал он после попытки самоубийства, — потому что мне кажется, что я проклят; вся моя жизнь идет совсем не так, как у других. Мне не дано даже в поте лица зарабатывать себе хлеб насущный, на что, кажется, я имею право».

Во всех его речах и статьях преобладает идея о реорганизации общества, которое, по его мнению, «со всеми своими филантропическими учреждениями, порожденными самым тонким лицемерием, никуда не годится». Право издавать законы и наказывать за их нарушение он признавал только за одним Богом. Люди все должны быть равны между собой и в равной мере пользоваться произведениями земли, которая суть дар Божий. Современный строй общества, по его мнению, есть дело злонамеренных людей, которые под предлогом цивилизации присвоили себе право создавать правительство, предписывать законы и наказывать нарушителей их воли. Преступления суть необходимая реакция против произвола лиц, захвативших власть в обществе и принуждающих последнее подчиняться этому произволу. «Когда не будет законов, — говорил он, — то не будет и преступлений. Если бы не было короля, то никто бы не пострадал за оскорбление величества; если бы не было собственности, то никто бы не воровал» и т. д. «Убийства могут продолжаться, — прибавляет он, — но народное негодование

скоро бы с ними справилось путем линчевания». Политико-религиозная система перестройки общества до такой степени его занимала, что, даже говоря о посторонних вопросах, он употреблял соответствующие ей выражения. Так, солдат он всегда называл «разбойниками», войну — «вооруженными грабежами», налоги — «шантажом» и прочее.

7) *Цареубийцы.* Крайняя импульсивность, свойственная преступникам, часто побуждает честных людей, не столь подчиняющихся рефлексу, пользоваться ими для достижения намеченных целей. Поэтому-то самые чистые политические ассоциации, самые безупречные патриоты не брезгуют иногда помощью преступников.

Так, в числе помощников Орсини при покушении на жизнь Наполеона III находились: вор Де Рудио, вор-рецидивист Пьери-и-Гомес (до такой степени черный и с такими лесами курчавых рыжеватых волос на голове, что его принимали за негра) — смертельный враг всякой работы и тоже судившийся за воровство. Точно так же ученик Кампанеллы, Пиньятелло, взял себе в помощники Церведляро, человека скупого и фальшивого.

В Америке убийца Линкольна Бут, убежденный сторонник рабства, пользовался помощью Пэйна, настоящего убийцы по профессии, «чудовищного геркулеса, с бычачьей шеей и взглядом гиены», который зарезал министра Стюарда, двух его сыновей и сторожа, прибежавшего на помощь.

Но самым характерным из всех был Фиески, служивший орудием старого горячего патриота Морея и хотя слабого, но честного Папена. Политическое преступление было для него только поводом дать волю своей преступной импульсивности и психопатической графомании. Происходя из безнравственной корсиканской семьи, все члены которой были преступниками или дегенератами (отец и другие родственники — разбойники, брат — глухонемой, незаконный сын — идиот), он сначала служил в солдатах, причем отличался храбростью и наклонностью к ссорам, а потом вся жизнь его представляла собой ряд мошеннических проделок, воровских подвигов, насилий и бродяжничества.

Внешность и характер его носили все признаки прирожденного преступника: гидроцефалический лоб, выдающиеся скулы, большие уши, наклонность ко лжи и насилиям, порывистая и перемежающаяся привязанность к любовнице (в которую он раз выстрелил из пистолета), а главное — ненасытное тщеславие, до такой степени им владевшее, что Фиески готов был, даже совершив преступление, отрицать его подлинную цель, если не имел возможности сослаться на громкие имена как на своих сообщников. На суде он острил и хвастался, а перед казнью окончательно проявил себя в качестве маттоида: писал в газеты длинные рассказы о своих подвигах, сравнивал себя с Баярдом*, раздавал тюремным сторожам свои автографы, подписывался не иначе, как «цареубийца Фиески», и закончил свои писания чем-то вроде автобиографии, написанной за два дня до казни; в ней он намеревался свести свои счеты с историей.

Гедель также был прирожденным преступником, как это доказывают черты его физиономии (лобные пазухи, уши, форма лица) и характера. Еще не достигнув тринадцатилетнего возраста, он был осужден за нищенство, бродяжничество и воровство. Страшно тщеславный, он еще до своего покушения на жизнь германского императора заказал множество своих фотографических карточек, причем обещал фотографу, что тот «сделает хорошее дело с этими карточками; так как имя Геделя скоро станет известным всему миру». Но врожденная преступность его ярче всего проявляется в непостоянстве и противоречиях характера. Изгнанный за свою невоздержанность даже из социал-демократической партии, он после покушения, чтобы избавиться от ареста, сказался несовершеннолетним. Затем при судебном запросе, признавая себя анархистом, утверждал, что хотел убить не императора, а себя, для того чтобы показать, как тяжело живется народу, но потом начал цинически смеяться над судьями и свидетелями.

В нидервальдском процессе по делу о покушении на жизнь германского императора (1884 год) главным преступником являлся Рейнсдорф, еще раньше судившийся за изнасилование и обладавший всеми характерными чертами прирожденного преступника (лобные пазухи, покатый лоб, большие челюсти, выдающиеся скулы и прочее), а между тем он оказался образованным человеком и очень хорошо говорил на суде.

Будучи вполне лишен нравственного чувства, он, выслушав смертный приговор, воскликнул: «Если бы у меня была тысяча голов, то я все бы их сложил на эшафоте за святое дело анархии». Он не изменил себе и перед казнью — последними словами его были: «Долой варварство! Да здравствует анархия!»

Сообщники его, Рюйш и Клюхнер, тоже отличались чертами, характерными для прирожденных преступников (торчащие уши, большие челюсти и прочее), но они были только орудиями Рейнсдорфа и на суде старались доказать свою невинность или по крайней мере меньшую виновность, что весьма нередко у такого рода преступников, у которых, как у Геделя, при неудаче инстинкт самосохранения берет верх над идеей самопожертвования.

Вся обстановка убийства лордов Кэвендиша и Берка в Феникс-парке в Дублине, вместе с антропологическими чертами убийц, доказывает, что прирожденная преступность и тут сыграла немалую роль. В самом деле, из 22 обвиняемых по крайней мере четверо — Брэди, Дилони, Ханлон, Фицгаррис — обладали всеми внешними признаками преступного типа, а по характеру Кэри — глава шайки — был, без всякого сомнения, прирожденным преступником. Тотчас же после убийства он занимается описанием в газетах мельчайших подробностей последнего, а затем доносит на своих товарищей и на их упреки, во время суда цинически отвечает: «Да вы меня сами предали бы, если б я вас не предупредил».

8) *Монархи и диктаторы — преступники*. Преступники и революционеры довольно часто встречаются среди признанных правителей народа, причем они оказывают такое сильное влияние на ход революции, что Макс Нордау считает их главной причиной последних. Достаточно вспомнить сыноубийцу Петра Великого, убийцу и развратника Наполеона I и прочих. Кола ди Риенци и Мазаниелло, добившись власти, сделались прямо зверями.

Все это легко объясняется, так как Якоби доказал, что безграничная, деспотическая власть, полное своеволие, само по себе способно развить зачатки злонравия, таящиеся во всяком из нас. Абсолютное всемогущество и полная уверенность в безнаказанности сделали преступников из римских цезарей и средневековых тиранов.

«Тот, кто обладает безграничной властью над телом и кровью себе подобных, кто может унизить до последней степени другое существо, тот не способен бороться с желанием делать зло. Тирания есть привычка, с течением времени становящая болезненной. Лучший человек в мире может огрубеть до степени дикого животного. Кровь опьяняет; душа становится доступной самым неестественным чувствам и начинает находить в них наслаждение. Произвол может царить над целым народом, а между тем общество, презирающее палача по профессии, не презирает палачей, облеченных властью» (Достоевский).

Голлэндер и Саваж заметили частое развитие нравственного идиотизма у людей, родители которых по излишней доброте или по небрежности не обуздывали их смолоду и не приучали к сдержанности во имя закона, обязательной для нравственного человека. Плохое воспитание влияет, следовательно, так же как и деспотизм.

В аргентинской революции участвовал доктор Франдио, родители которого были сумасшедшими. Достигнув власти, он сначала мечтал о самоубийстве, а потом стал хладнокровно обдумывать убийства и поджоги. Во время припадков психопатической злобы он посадил в тюрьму, а затем казнил своего отца с матерью, подвергал пыткам лиц, которых видел во сне в качестве заговорщиков, и каждую ночь придумывал для них особые мучения.

Он умер в глубокой старости, когда нравственное помешательство закончилось безумием. При жизни наружность его отличалась всеми характерными признаками прирожденного преступника: долихоцефалия, выдающиеся скулы, большие лобные пазухи, глубокая морщина между бровями, кошачьи глаза, выдающаяся нижняя губа и прочее.

9) *Переход от преступных наклонностей к политическому преступлению.* Врожденные преступные наклонности весьма нередко проявляются в виде революционной деятельности, так как она, удовлетворяя импульсивность, свойственную дегенератам, прикрывает их неблаговидные поступки вуалью служения идее — дает им нравственное оправдание и дозволяет поэтому

оказывать влияние даже на честных людей, то есть именно то, чего они страстно желают, будучи тщеславными до мегаломании.

Замечательно при этом, что большая часть из них оказываются относительно честными в своих преступлениях; так, венские социалисты Энгель и Флеггер крадут большие суммы для дела анархии, но удерживают из этих сумм в свою пользу: первый — только стоимость потерянных очков, а последний — стоимость своего проезда в Прагу.

Вообще они играют в обществе ту же роль, какую играет в природе гниение, которое является одновременно результатом действия ферментов и причиной, их порождающей, а затем, в свою очередь, помогает развитию растительности и питает ее, обусловливая таким образом вечную циркуляцию жизни.

Этим объясняется, почему плохие правители вроде Коммода и Гелиогабала в противоположность хорошим — Марку Аврелию и Юлиану — гораздо терпимее относились к христианам: нравственный идиотизм, как причина их преступности, делал их равнодушными к учению Христа.

Яркий пример проявления преступных наклонностей в виде революционной деятельности представляет собой некий В., невропат и вор с семилетнего возраста. Замешанный во все мошеннические ассоциации Италии, он несколько раз покушался на самоубийство, потому что не мог противостоять своим преступным наклонностям, а между тем стыдился их до такой степени, что в одном из своих предсмертных писем говорит: «Я должен умереть для того, чтобы не приносить дальнейшего вреда обществу».

Оставшись в живых, он сказал однажды: «Не хочу больше воровать, а посвящу свою жизнь искуплению народов при помощи динамита и восстания рабочих». Затем В. действительно очень долго занимался политической экономией, законами нравственности, составлением ассоциаций и прочим. Впоследствии он выздоровел, но продолжал оставаться таким безудержным альтруистом, что очень рассердился на меня за отказ воспользоваться его кровью для трансфузии.

В этом примере наклонность к преступлению и самоубийству вдруг переходит в наклонность к революционной деятельности, что доказывает существование связи между этими наклонностями, точно так же как весьма нередкий переход конвульсивного припадка эпилепсии в преступное деяние доказывает их общее начало.

10) *Политическая эпилепсия.* Связь врожденной преступности с эпилепсией объясняет нам столь частое их совмещение в форме, которую можно назвать «эпилепсией политической».

В самом деле, тщеславие, религиозный фанатизм, частые и живые галлюцинации, мегаломания, перемежающаяся гениальность вместе с крайней импульсивностью эпилептиков делают из них прекрасных политических и религиозных новаторов.

«Никто, кроме “правоверных”, — говорит Модсли, — не сомневается в том, что Мухаммед получил свое первое откровение в припадке эпилепсии и что он, обманываясь сам или обманывая других, выдавал этот припадок за вдохновение свыше. Видения его носят на себе точный характер эпилептической галлюцинации, как это признано врачами. Эпилептики в больницах часто имеют такие видения и всегда вполне искренне принимают их за действительность; поэтому я с своей стороны скорее склонен считать обманом внезапное превращение Савла в Павла, чем усомниться в том, что Мухаммед вполне добросовестно считал свое первое видение реальным. Так что, значит, если сообразить последствия, к которым ведут иногда эпилептические экстазы и галлюцинации, то придется быть очень осмотрительным в оценке их значения и не всегда признавать болезненным бредом то, что непонятно для нашего разума».

В другом месте я описал некоего Р. Е., занимавшегося производством выкидышей, мошенника и эпилептика, который писал: «Кончаю уверением, что никогда не стремился управлять государством, но если бы плебисцит и вообще воля народа сделали меня министром, то я первым делом совершенно реформировал бы магистратуру».

Я описал также другого эпилептика, мошенника, убийцу своей жены, насильника и вместе с тем не лишенного дарования поэта, проповедовавшего новую религию, главным ритуалом которой он сделал изнасилование. В свободное от припадков время ритуал этот он пытался практиковать публично, на площадях.

Другой эпилептик и вор, будучи 17 лет от роду, пытался организовать экспедицию в Новую Гвинею в поисках какого-то острова, а затем старался попасть в депутаты с целью изменить все законы и ввести всеобщую подачу голосов.

Один из героев Золя, Лянтье («Жерминаль»), потомок алкоголиков и вырожденцев, стремится к убийствам и, будучи пьян, высказывает желание попробовать человеческого мяса.

Золя бессознательно описал здесь случай политической эпилепсии.

Но самое яркое проявление последней представляет собой недавно арестованный за безделье и бродяжничество молодой рецидивист, с весьма покатым лбом и почти совершенно лишенный чувства осязания. На вопрос, интересуется ли политикой, он отвечал: «Уж и не говорите — просто беда! Когда мне за работой (он — лакировщик. — *Примеч. Ч. Л.*) придет в голову мысль о реформах, то я не могу не говорить и договариваюсь до того, что у меня начинает кружиться голова, я перестаю видеть и падаю». Затем он нам изложил свою систему реформ, чисто допотопную: монета, школы, одежда уничтожаются, люди размениваются результатами своего труда и прочее. Данный субъект все свое время тратил на пропаганду; воли у него достаточно, гения только не хватает. Одним словом, чистая политическая эпилепсия. В подходящей среде и в подходящую эпоху

он мог бы сделаться реформатором, а болезненное его состояние никем бы не было замечено[1].

Напомним, что из маленькой группы неаполитанских анархистов (15 человек) самым фанатичным был типографский наборщик Фелико, двенадцать раз судившийся за попытки убийств, стачки, диффамацию и притом — эпилептик.

Профессор Дзуккарелли описывает больного М. Он был человек высокого роста, с неправильно развитым черепом (левая плажиоцефалия), плоскими, несимметричными и слишком низко поставленными ушами, жирным и бледным лицом, выдающимися скулами, огромной верхней челюстью, большими зубами и маленькой, редкой бородкой. Брат деда и отца — апоплектики; брат матери — невропат.

Восемнадцати месяцев от роду он уже начал читать, а в 16 лет кончил лицей, постоянно проявляя слишком скороспелое развитие при наклонности ко всему странному и фантастическому.

Будучи онанистом с 12 лет, в 13 он стал чувствовать сильные приливы крови к лицу, заставлявшие его бояться удара. По выходе из лицея перенес слабый тиф, после чего появились головокружения и судорожные припадки, а в то же время — периоды сильного возбуждения, чередующиеся с периодами угнетения, наклонность к самоубийству и страх смерти.

Сознание во время припадков не теряется, но воспоминание о них очень слабо.

При всех переменах судьбы М. оказывался очень хорошим человеком в душе — либерал, стремящийся к мученичеству. Много писал по социологическим вопросам, причем свои собственные убеждения приписывал другим. Очень рано начал вступать в демократические ассоциации; при студенческих демонстрациях всегда шел во главе; говорил кратко, определенно, горячо и всегда готов был перейти от слов к делу. Во время одной бурной народной манифестации, желая овладеть ею и предводительствовать, предложил поджечь городскую ратушу и первый попытался выполнить этот план.

При одной университетской демонстрации, направленной против профессора, первый овладел флагом и предводительствовал товарищами, а вечером в тот день имел эпилептический припадок. Несмотря на это, на дру-

---

[1] Росси описывает следующий случай: пьемонтец Ф. А., 37 лет, лакировщик по профессии, сын сумасшедшего отца и чахоточной матери, брат пьяницы, онанист с 13 лет, обладавший всеми характерными чертами прирожденной преступности, атеист и эпилептик, проповедовал, что деньги не нужны; что всякий должен работать понемногу и жить, меняя продукты своего труда на продукты труда чужого; что никакая одежда, кроме платка, прикрывающего половые органы, не нужна; что половые сношения должны быть совершенно свободны. Затем он требовал уничтожения школ и церквей, так же как полного уравнения экономического благосостояния.

гое утро пошел в университет и, увидав профессора, против которого была направлена демонстрация, напал на него сзади и побил. Арестован, осужден и приговорен за буйную агитацию при одной стачке рабочих.

Напомним здесь об одном из диктаторов Аргентинской республики, отличавшемся особенной кровожадностью. Росас, сын истерички, эпилептик, был нравственным идиотом и по наружности представлял собой типичного прирожденного преступника (обильная шевелюра, острый личной угол, вдавленный лоб и выдающиеся брови); с детства любил мучить животных и рабов, а также причинять возможный вред кому бы то ни было (сжечь, например, запас пшеницы). Достигнув власти, Росас заставил отдавать себе божеские почести в храмах; приказывал возить по городу свой портрет в колеснице, запряженной генералами и городскими властями. Весьма любезно и весело приняв девиц, явившихся хлопотать о помиловании приговоренных к смерти, он обещал им дать это помилование, а между тем в то же самое время последних уже расстреливали. Услыхав залп, он сказал: «Ах, они уже убиты!»

Когда ему казалось, что палачи недостаточно усердны, то Росас сам сек приговоренных к этому наказанию. Кроме того, он позволял себе самые странные и преступные причуды: велел, например, продавать по улицам головы казненных; из кожи врагов заказал сделать сбрую для своей лошади; предпринимал беспричинную поголовную резню; изобретал пытки вроде распиливания раскаленных ботинок, беспрерывной музыки и прочего.

Глава 11. Индивидуальные факторы (продолжение). Сумасшедшие политические преступники

1) Сумасшедшие в большом числе входят в состав политических преступников, потому что наклонность к преступлениям разного рода, обусловливаемая уже отсутствием нравственного чувства, усиливается в них еще и умственной неуравновешенностью, отсутствием рассудка, преувеличенным самочувствием, идеями величия или преследования. Им часто удается даже сбивать с толку людей здоровых, приходящих с ними в соприкосновение, слабых, недовольных существующим порядком, у которых жалобы сумасшедшего на общество и властей всегда находят отклик.

При революциях полезно почаще вспоминать слова Стендаля: «Общество, охваченное страхом, бессознательно подчиняется людям глупым или совсем сумасшедшим, потому что они не страдают мизонеизмом и охотно бросаются на все новенькое».

Модсли заметил, что мономаны относятся ко всяким вопросам по большей части интуитивно, то есть без логического обсуждения, а потому в их-то именно среде и можно чаще всего встретить оригинальность, инициативу и ту экзальтацию, которая необходима для пожертвования собственны-

ми интересами и даже жизнью ради пропаганды новых идей, неприятных пропитанному мизонеизмом большинству.

Соединяя фанатическое, непоколебимое убеждение сумасшедшего с расчетливым лукавством гения, они развивают силу, способную в любое время разбудить спящие массы народные, что очень часто изумляет не только большую публику, но и мыслителей, забывающих, что сумасшествие даже само по себе производит сильное впечатление на народ, находящийся на низкой ступени развития.

Мономаны, понятно, ничего не проводят с начала до конца. Они только дают толчок движению, уже задолго подготовлявшемуся обстоятельствами. Благодаря своей страсти к новому и оригинальному они вдохновляются обыкновенно самой последней новинкой и напролом двигаются вперед, исходя из нее. Так, Шопенгауэр писал в то время, когда начал входить в моду мистицизм, смешанный с пессимизмом, из чего он и создал свою философскую систему; Дарвин резюмировал Ламарка и Эразма, Золя — Бальзака и Флобера, Лютер — идеи многих своих предшественников, достаточно упомянуть об одном Савонароле.

Если новые идеи слишком противоречат общепринятым или представляют собой полнейший абсурд, то немедленно гибнут, иногда увлекая в своем падении и автора. В большей же части случаев последний остается один или с маленькой кучкой последователей, которых успел убедить окончательно.

В последнее время в Индии в среде самих браминов благодаря Кешубу Чендер-Сену* формируется новая религия, основанная на рационализме и скептицизме. Сумасшествие Кешуба, очевидно, опередило век, так как победа такой религии маловероятна даже в среде европейцев, гораздо дальше ушедших в науке, чем индусы.

То же можно сказать и о немце Кнутцене, который двести лет тому назад (1630 год) проповедовал, что ни Бога, ни ада нет; что священники и чиновники суть люди не только бесполезные, а даже вредные; что брак есть надувательство; что человек по смерти совершенно уничтожается; что каждый должен руководствоваться в жизни своим внутренним чувством, то есть совестью (поэтому-то последователи его назывались «добросовестными» — *consciensienx*). Все это подкреплялось самым экстравагантными доказательствами.

Но когда гениальные сумасшедшие не очень отклоняются от идей большинства или являются ходатаями за действительно существующие потребности, то они дают толчок к великим преобразованиям и часто вставляют жизнь народа в новые прочные рамки. Таким образом, наука многим обязана Ньютону и Кардано, а религия и политика — Мухаммеду.

2) *Патологическая анатомия*. Патологическая анатомия может дать иногда важные доказательства существования гениальных сумасшедших, как это было в случае Лемуана, коммунара, умершего в армантьерской лечебнице пятидесяти лет от роду.

Получив высшее естественнонаучное образование, он последовательно был ученым, педагогом, промышленником и журналистом. Приняв участие в парижских восстаниях, во время осады и Коммуны он был поставлен во главе одного из самых важных министерств. После победы версальцев его присудили к смертной казни, затем помиловали и наконец амнистировали. С того времени он вел правильную жизнь, пока не начал проявлять признаков умственного расстройства, среди которых преобладало стремление к краже. Живя в Лилле, он подбирал по улицам окурки сигар и старательно прятал их. Кроме того, он страдал манией преследования и, не будучи форменным мегаломаном, все-таки имел преувеличенное понятие о своих способностях и значении.

При вскрытии его трупа сердце оказалось гипертрофированным и ожиревшим, весит 400 г; в аорте — атероматозные бляшки, местами проникнутые известью; кости черепа очень тверды и срослись с твердой мозговой оболочкой; мягкая мозговая оболочка местами непрозрачна и серовата; мозг очень велик и весит 1420 г.

При подробном анатомическом исследовании этого мозга, точно так же как и в мозгу Фиески, было найдено множество крупных аномалий строения, которые не могли не влиять на деятельность органа. Подобные же аномалии я нашел и в черепе генерала Раморино, расстрелянного за измену и политический заговор. К сожалению, патологическая анатомия прирожденных преступников мало известна, она почти не была изучаема.

«Я видел замечательную вещь, — пишет Мишле, — полный слепок головы Шаретта, сделанный после его смерти. Этот слепок положительно поразил меня: в нем чувствуется особая раса, к счастью, иссякшая, как многие другие первобытные расы. Сзади череп поразительно похож на кошачий, на череп хищного животного из породы кошек (Мишле приписывал прирожденную преступность атавизму. — *Примеч. Ч. Л.*). Лоб широкий и низкий. Лицо энергичное, но безобразное, с отпечатком злобной воинственности. Глаза круглые и глубоко запавшие. Нос наиболее дерзкий, предприимчивый и химерический из всех, которые я когда-либо видел».

Даже в черепе Шарлотты Корде, наиболее чистой представительницы преступника по страсти, все-таки имеется много аномалий: асимметрия черепа и лица, плоскоголовость, мужской характер и прочее. Роберт Брюс, освободитель Шотландии, обладал, как известно, наиболее близким к обезьяньему черепом доисторических людей.

3) *Физиономия.* Достаточно взглянуть на портреты некоторых политических преступников, чтобы, не будучи даже специалистом, увидать, что они были сумасшедшими. Так, у Кавалье и Марата маленькие покатые лбы, вихрастые волосы и асимметричные лица ясно показывают принадлежность их к френастеническому типу. Точно так же и Луиза Мишель, со своим мужским лицом, водяночным лбом и глазами, выступающими из орбит. В лице

Колы ди Риенци не замечается ничего ненормального, но историки упоминают о его фантастической (по-нашему, мегаломанической) улыбке.

Из пятидесяти главных коммунаров мы только у 28 нашли нормальные физиономии, а у пяти (Пиллотон, Реджере, Пейронтон, Кавалье, Потье) — чисто сумасшедший тип.

4) *Наследственность.* У политических преступников наследственное сумасшествие встречается довольно часто. Между коммунарами Лабарб указывает на Ф., тщеславного буяна, сына сумасшедшей; на Г., тоже сына сумасшедшей, отличавшегося тщеславием и расточительностью; на Б. и Р., из коих у первого мать была сумасшедшей, а у второго — братья. Последний был алкоголиком уже в 17 лет, отличался полицейскими способностями и страдал клептоманией.

Отец Бута сам себя назвал Юнием Брутом; отцы Жифо и Нобилинга, так же как мать Стопса, страдали религиозной манией, а сам Стопс, подобно Равальяку, Бруту, Клеману нередко галлюцинировал.

5) Относительное количество сумасшедших среди бунтовщиков еще не определено, но я могу утверждать, что на 100 анархистов, арестованных в Турине 1 мая 1889 года, их было 8%.

На 28 цареубийц, описанных доктором Режи, сумасшедших было 13.

Николсон сделал покушение на жизнь Георга IV, потому что считал себя имеющим право на престол.

Мэклин выстрелил в королеву Викторию для того, чтобы отомстить своему врагу, английскому народу, не перестававшему носить синее, исключительно ради того чтобы бесить его.

Анна Нейль, сошедшая с ума вследствие потери состояния, хотела убить президента Джонсона, которого считала виновником этой потери.

6) *Виды сумасшествия.* Разные виды сумасшествия отражаются и на типах политических преступников. Мономаны и параноики, почти всегда обладающие интеллектом выше среднего, строят обыкновенно широкие системы, но они редко способны действовать и потому пренебрегают большой публикой, запираются в интимном кружке и, наподобие настоящих ученых, ограничиваются идеологией, тем более грандиозной, чем меньше они способны к деятельности.

Меланхолики перескакивают от полной инерции к лихорадочной преступной деятельности. Алкоголики и паралитики, особенно в начале болезни, бывают очень деятельны, буянят, цинически бранятся и часто увлекают толпу своим примером. Иногда они бросаются в восстание без всяких предвзятых идей, просто чтобы нашуметь и позабавиться.

У эпилептиков действие всегда преобладает над мыслью, так как стимулируется кортикальным раздражением, двигательным и психическим. Поэтому-то эпилептики и являются активными политическими и социальными реформаторами.

7) *Индивидуальные примеры.* Их очень много. Вот хоть бы Лютер; он много терпел от козней дьявола, которые, по собственному его описанию, являются, однако ж, просто психопатическими припадками, как, например: тоска (Божье наказание, по его словам), головокружения, головные боли, звон в ушах (Меньерова болезнь), а позднее, в 38 лет, галлюцинации слуха (мешок с орехами, перетряхиваемый дьяволом).

Лютеру приходилось просыпаться по ночам для споров с сатаной о литургии. Проповедуя в виттенбергской церкви, он только что успел произнести одну фразу из «Послания к римлянам»: «Да живет праведник верою», как почувствовал, что она проникла в его душу, и потом часто слышалась, иногда даже в виде грома, как во время восхождения его по Святой Лестнице (*scala santa*) в Риме (1570 год).

Лойола, придя в отчаяние от успехов Реформации, задумывает свой знаменитый орден, причем начинает слышать божественные голоса и сама Пресвятая Дева Мария лично помогает ему в деле.

Савонарола тоже, еще в молодости, имел видение, убедившее его в том, что он призван возродить греховный мир. Во время разговора с одной монашенкой он увидел, как небо вдруг разверзлось и оттуда послышался голос, повелевающий ему заявить народу о страданиях Церкви.

Кроме того, перед ним иногда проносились апокалипсические видения. Так, в 1492 году, проповедуя в Авьенте, он увидел в воздухе меч, обращенный острием к земле и имеющий на себе надпись: «*Gladius Domini super terram*». Вслед за тем наступила темнота и на землю посыпались мечи, стрелы и огонь с небес, настали голод и чума (которые и в самом деле вскоре настали, так что видение Савонаролы превратилось в предсказание). В другой раз увидел, что он, будучи послан к Иисусу Христу, возносился в рай, беседовал там со многими святыми и с Богородицей, видел трон, который подробно описывает, не забывая упомянуть о драгоценных камнях, украшающих последний.

Савонарола очень был занят разгадыванием своих снов и определением, который из них послан Богом и который — дьяволом, причем ему никогда не приходило в голову, что он ошибается. В одной из его книг сказано, что подделывать из себя пророка значило бы выставлять Бога обманщиком. «Но не можешь ли ты сам ошибиться? — продолжает он разубеждать. — Нет, не могу, потому что поклоняюсь Богу, стремлюсь идти по его следам, и не может же быть, чтобы Бог меня обманывал».

А между тем с непоследовательностью, свойственной сумасшедшим, незадолго до того он писал: «Я не пророк и не сын пророка: ваши грехи делают меня пророком против воли».

Виллари, подобно большинству историков незнакомый с психологией и считающий ее не важной, весьма справедливо замечает, однако же, по поводу Савонаролы: «Странно видеть, как человек, давший Флоренции одну

из лучших форм республики, повелевавший замечательным философам, гордится тем, что слышит голоса с неба и видит меч Господень!»

Мазаниелло, служившему у рыбного торговца, еще не было двадцати лет, как он, раздраженный высокомерием испанцев и пошлинами, разорявшими народ, задумал обновить свою родину. Он начал с того, что научил уличных мальчишек петь несколько фраз, легко запоминаемых и выражающих самые заветные желания народа: «*l'olio a due tornesi*[1] *senza gabella, mora il malgoverno*» (масло по два гроша, без пошлины; смерть плохому правительству). Сначала это пели немногие, потом число их возросло до 500, до 1000 и наконец до 120 тысяч; тогда, одним смелым ударом Мазаниелло сделался хозяином Неаполя. Он управлял мудро, но с яркими проблесками сумасшествия.

Так, он лично выщипывал волосы с головы Караффы, замученного по его приказанию народом, и, не успев захватить герцога Маддалони, разрушил его дворец, выколол глаза на портрете его отца и отрезал голову собственному его портрету.

Затем он сжег все податные конторы и дома тех, кто обогащался податями; наказывал всякого, кто пробовал чем-нибудь попользоваться при этом разрушении, — два гражданина были казнены: один за кулек с овсом, а другой за салфетку.

Но в то же время он проявлял необыкновенные административные способности. Во-первых, организовал баррикады, воспользовавшись для этого помощью разбойников, но когда увидел, что последние, задумывая измену, не желают расставаться со своими лошадьми, то приказал всех их истребить. Во-вторых, запретил женщинам носить фижмы, а священникам — мантии, для того чтобы помешать разбойникам переодеваться. Затем вооружил женщин палками и горючими веществами для зажигания вражеских дворцов, наконец предложил отказаться от своей неограниченной власти в пользу народа. Но тут, вследствие ли крайней умственной усталости при врожденном расположении к душевной болезни, уже проявлявшейся, как мы видели, или вследствие понятного нежелания расстаться с абсолютной властью, Мазаниелло вдруг сдал, что называется. Человек, отказавшийся от больших денег и едва решившийся заменить свою матросскую рубашку великолепным мундиром, как раз во время чтения в церкви договора с народом сначала посылает требовать от вице-короля права производить в офицеры, потом начинает рвать свой шитый серебром мундир и требует, чтобы вице-король и архиепископ помогали ему в этом занятии. Вообще с этих пор он начинает вести себя как сумасшедший, одержимый манией величия, например: ударом ноги производит простых людей в рыцари; бегает с обнаженной саблей по улицам и ранит кое-кого; приказывает отрубить голову человеку, не выполнившему какого-то договора с одним из его сто-

[1] Неаполитанский *tornesi* стоил тогда два с половиной сантима.

ронников; сначала секвестирует, а потом освобождает лошадей короля; требует, чтобы Караччиоло, не выскочивший при встрече с ним из экипажа, целовал его ноги; конфискует все имущество одного высокопоставленного чиновника, Поццо ди Леоне, якобы в вознаграждение за то, что поцеловал его внука; требует, чтобы вице-король приезжал к нему обедать; швыряет в море деньги и платит за то, чтобы их оттуда обратно доставали, и прочее.

Чем дальше, тем дело идет хуже. Мазаниелло грозит убить вице-короля; убивает ни за что ни про что весьма многих и, между прочим, своих сторонников; бросается в море и наконец доводит своих ближайших советников до того, что они принуждены его убить. И все это в течение двух недель со времени своего триумфа.

Кола ди Риенци, родившийся в 1313 году и происходивший из низкого звания, собственными усилиями достиг положения нотариуса и сделался археологом, когда брат его был убит в Риме тогдашними деспотами.

С этих пор, по словам анонима, с лица его не сходит саркастическая улыбка, а в сердце гнездится непреодолимое желание выполнить намерения, зародившиеся при размышлении о судьбах и несчастиях Рима.

В качестве нотариуса он делается покровителем вдов и сирот, причем принимает на себя курьезный титул их консула, подобный существовавшим в его время таким же титулам цеховых консулов.

В 1343 году после попытки бороться с Сенатом при помощи создания Совета тринадцати он был потом в качестве оратора в Авиньоне, где так живо описал бедствия Рима, что даже прелаты были тронуты и назначили его нотариусом городской палаты. Вернувшись в Рим, он стал исполнять эту должность, причем называл себя консулом уже не вдов и сирот, а Рима.

Однажды он публично оскорбил баронов и высших чиновников резким упреком в плохом управлении страной, за что получил пощечину от камергера дома Колонна. Это заставило Риенци на некоторое время быть сдержаннее, но вскоре он вновь начал преследовать пороки и недостатки тогдашнего высшего общества путем картин, карикатур и драматических представлений, в которых проявил свою страсть к символизму, столь характерному для мономанов. А так как дураки и сумасшедшие служили тогда шутами для высокопоставленных людей, то и Риенци попал в число таковых. Его наперерыв приглашали развлекать общество и очень смеялись, когда он хвастал своими будущими успехами и обещал повесить того, обезглавить другого и прочее.

Но Риенци воспользовался ролью шута для того, чтобы мало-помалу возбуждать общественное мнение и подбирать себе сторонников, которых подговорил собраться на Авентинском холме в конце апреля.

На этом собрании, так же как и на следующем, состоявшемся ночью в церкви замка Святого Ангела, Риенци весьма красноречиво говорил о бедствиях родины и провел некоторые меры, действительно гениальные. Получив затем полномочие от этого народного парламента и приняв титул три-

буна, он быстро восстановил в Риме спокойствие и водворил строгую дисциплину: запретил, например, игру в кости, незаконное сожительство и подделку съестных припасов, создал гражданскую милицию и мечтал даже сделать Рим политическим центром объединенной Италии.

К сожалению, мечта эта так и осталась мечтой, потому ли, что не пришло еще время для ее осуществления, или потому, что Риенци, в сущности, всегда был теоретиком, способным иметь гениальные идеи, но слишком нерешительным для проведения их на практике. Несмотря на это, он считал себя вдохновенным свыше и говорил, что руководствуется наитием Св. Духа. Опираясь на это наитие, он вмешивался даже в жизнь Церкви — издал, например, для всех обязательный закон о ежегодном говении под страхом конфискации трети имущества.

Сумасшествие его проявлялось, во-первых, в противоречиях, столь свойственных мономанам, а во-вторых — в символизме. Так, несмотря на свою религиозность, он вполне серьезно сравнивал себя с Иисусом Христом, потому что выступил в роли трибуна, когда ему исполнилось 33 года, а затем 15 августа короновался шестью символическими венцами из разных растений (миртовым, например, в знак своего уважения к науке; маковым — в знак того, что он может противостоять яду — опию, и прочими), к которым присоединил почему-то митру троянских (!) царей и серебряную корону.

Но если бы даже у нас не было других доказательств его сумасшествия, то одной графомании было бы для этого достаточно. После первого бегства Риенци в его помещении найдены были целые вороха начатых и недоконченных писем; несколько секретарей не успевали писать под его диктовку; множество курьеров было им рассылаемо ко всем монархам Европы с посланиями, столь же претенциозными, сколь ребяческими.

Так, в одном письме к папе Клименту (от 5 августа 1347 года) он пишет: «Так как благодать Св. Духа освободила при моем правлении республику... то мне приписывают титул августейшего». А подписался он под этим письмом так: «Смиренное создание, кандидат Св. Духа, Николай суровый и милостивый, освободитель города, ревнитель Италии, возлюбленный мира, целующий ноги праведников».

В длинном письме к Карлу IV, написанном из тюрьмы, Риенци, чтобы разжалобить монарха, рассказывает ему лживую историю связи своей матери, прачки, с Генрихом VII, сыном которого он будто бы является. Наконец, в дипломатическом циркуляре к монархам Европы, называя себя «новым воином» Св. Духа, он требует, чтобы все «так называемые» императоры и короли явились к нему на поклон в день Св. Троицы.

Многое, конечно, в этих письмах обусловливается тогдашними нравами и верованиями, столь отличными от современных, но все же едва ли кто-нибудь усомнится в том, что они носят на себе яркий отпечаток мегаломании.

Хун Сюцюань*. Последнее китайское восстание (40–50-х годов), в котором участвовало до 400 тысяч человек, стремившихся ввести нечто вроде христианской религии в стране, враждебной всяким нововведениям и чуждой религиозного фанатизма, совершилось тоже под начальством сумасшедшего. Хун Сюцюань родился в 1814 году в бедной крестьянской семье. Несмотря на живой ум, он часто проваливался на экзаменах, и вот в одну из таких тяжелых минут в его руки случайно попал католический молитвенник. Заболев от неудачи, он стал бредить и в бреду имел видение: ему казалось, что он стоит среди множества почтенных старцев, из коих один, в черной одежде, горько плакал о неблагодарности людей, которые, будучи им сотворены, приносят жертвы демону. Этот старик передал Хуну Сюцюаню меч, повелевая истребить им поклонников дьявола. Под влиянием такого видения Сюцюань заявил своему отцу, что отныне все люди должны ему поклоняться и положить к его ногам свои богатства. Отец, конечно, счел сына сумасшедшим, каковым он и был на самом деле.

Бред Сюцюаня продолжался 40 дней. В это время он, между прочим, видел человека средних лет, который побуждал его бороться со злыми духами. При этом Сюцюань приходил в крайнее возбуждение, размахивал саблей и кричал: «Убивайте, убивайте!», а затем в полном изнеможении падал на кровать и засыпал. В другой раз он счел себя китайским императором и очень был рад, когда его в шутку признавали за такового.

По окончании бреда Сюцюань вернулся к скромному ремеслу учителя и к новым бесплодным попыткам получить степень доктора. Но однажды, вновь просматривая католический молитвенник, он вдруг нашел объяснение своих видений: старик в черной одежде — Бог Отец; человек средних лет — Бог Сын и так далее. Тогда Сюцюань разбил статую Конфуция, велел одному из своих последователей себя крестить и основал секту Божьих поклонников.

Затем он обратился к одному миссионеру с просьбой о настоящем крещении и принятии в христианство, но был сочтен недостойным этого, вернулся к своей секте, преследуемой правительством, должен был бежать и семь лет скрывался. Преследование, как это всегда бывает, только содействовало увеличению количества прозелитов Сюцюаня; они придумали особенное крещение чаем, сделались иконоборцами и, по-видимому, начали галлюцинировать наподобие своего пророка.

Так, некий Хань беседовал с Богом Отцом, а Шу — с Иисусом Христом, который научил его лечить все болезни и обличать воров. Сам Сюцюань тем временем разработал свое учение систематически, энергично его проповедовал, навербовал множество фанатических последователей и, пользуясь национальной враждой между китайцами и татарами, приобрел такую силу, что в 1850 году провозгласил себя Небесным князем под именем Тяньван. Ближайших своих сторонников он сделал королями, но с непоследо-

вательностью, свойственной всем сумасшедшим, казнил их почти тотчас же, как они присягнули на десяти заповедях Моисея.

Много лет и много крови потребовалось для окончательной победы над ним правительства.

Горопапера. В 1862 году в Новой Зеландии между дикими племенами появилась новая религия. Основателем ее был некий Горопапера, за много лет перед тем сошедший с ума, что послужило ему на пользу, так как дикари относятся к сумасшедшим с большим почтением и считают их вдохновенными свыше.

Впервые он выделился своими стараниями спасти от избиения и разграбления экипаж одного английского судна, потерпевшего крушение у берегов Новой Зеландии. Когда ему это не удалось, то он начал бредить и галлюцинировать. Видел, например, архангела Гавриила, который учил его религии мира. Поэтому-то, когда между дикими племенами возникла война, Горопапера ходил повсюду, проповедуя мир. Сначала англичане ему покровительствовали, но потом, когда он публично сжег Библию и прогнал миссионеров, покровительство это кончилось. Горопапера склонялся скорее к иудаизму и верил, что соотечественники его происходят от евреев, почему и назвал духовных лиц своей религии жидами.

Между прочим, он считал себя способным творить чудеса, так как освобождался от веревок, которыми его связывали, но попробовав исцелить своего сына, убил его, а поведя своих сторонников на штурм английского форта, был причиной поголовного их расстрела.

Несмотря на это, путем горячей пропаганды ему все-таки удалось поднять бунт против англичан. Неофитов он гипнотизировал, заставляя их кружиться на одном месте до тех пор, пока они не падали от утомления. Сторонники его вообще превращались в психопатов — лаяли по-собачьи, публично занимались содомией, пили человеческую кровь, заставляли говорить черепа убитых англичан и т. п.

В Алжире почти все революции были произведены сумасшедшими или экстатическими невропатами, пользующимися своим неврозом для того, чтобы возбуждать религиозный фанатизм последователей и выдавать себя за пророков.

В наше время Джордж Фокс, основатель квакерства, был обязан успехам своей пропаганды тоже галлюцинациям. Он слышал голос, говорящий: «Иисус Христос тобой владеет», ушел от семьи, облекся в звериную шкуру, поселился в дупле дерева и стал учить, что все христиане суть дети Божии. Впоследствии он, так же как и его последователи — люди честные, но духовидцы, — часто впадали в транс, в каталепсию, при которой тело казалось мертвым, но мысль продолжала работать.

Лаццаретти. Самым недавним примером религиозной революции, произведенной сумасшедшим, может служить движение лаццареттистов, возникшее среди невежественного населения, начитавшегося предсказа-

ний некоего Брандано, религиозного мономана XVI столетия, и в 70-х годах XIX века признавшего Давида Лаццаретти Иисусом Христом.

Лаццаретти родился в Арцидоссо в 1834 году. Отец его, происходивший из психопатической семьи, в которой встречались и сумасшедшие, и самоубийцы, был, по-видимому, пьяницей, но отличался крепким телосложением. Из шести братьев один считал себя богом Саваофом и умер в сумасшедшем доме, а остальные все отличались гигантским ростом, прекрасной памятью и живым умом.

Давид превосходил всех их как ростом, так красотой форм и высотой интеллекта. Он обладал большой головой долихоцефального типа, высоким, но узким лбом, прекрасными глазами, в которых, однако же, многие замечали сумасшедшее выражение, и обильной растительностью как на лице, так и на голове. При всем этом у него была гипоспадия[1] — уродство, по словам Мореля и Леграна дю Соля, весьма часто встречающееся у нравственных идиотов.

С ранней юности в его характере были замечены противоречия и наклонность к крайностям, столь обычные у кандидатов на сумасшествие. Будучи извозчиком, как и отец, он вел пьяную и разгульную жизнь, а в то же время много читал, причем любимыми его авторами были Тассо и Данте. Будучи невообразимым ругателем и драчуном до такой степени, что все его боялись (один раз он, во главе своих братьев, безоружный, заставил бежать все население Кастель-дель-Пиано), Лаццаретти легко, однако же, размягчался и приходил от стихов, проповедей, театральных представлений, от всего великого и благородного в экстаз. Иисуса Христа и Мухаммеда он считал величайшими людьми на свете и питал к ним глубокое уважение. Уже в четырнадцатилетнем возрасте он имел религиозные галлюцинации, с особой силой возобновившиеся в 1866 году, вследствие пьянства и политических волнений. В это время ему явилась Богородица и приказала отправиться в Собинэ, к одному монаху немецкого происхождения. Последний продержал его в своей пещере три месяца, учил богословию и нататуировал на его лбу таинственные знаки, которые Лиццаретти скрывал от профанов под прядкой волос, адептам же говорил, что они начертаны самим апостолом Петром, — черта, характерная для сумасшедших.

С этого момента Лаццаретти совершенно перерождается: из пьяницы, драчуна и ругателя он превращается в тихого и трезвого человека, живущего только на хлебе, воде да овощах. А что еще замечательнее, так это то, что вместо сумбурного и бестолкового слога, которым писал прежде, он начинает писать точным, образным и подчас очень элегантным языком, проявляя благочестие, которое было бы под стать только первым христианским святым.

[1] Неправильно помещенное отверстие мочевого канала. — *Примеч. перев.*

Повинуясь новому видению, именем Бога повелевавшему войти в сношения с папой, он отправился в Рим и добился аудиенции у Пия IX, который, будучи догадливее многих наших государственных людей, посоветовал ему принимать холодные души в психиатрической лечебнице. Тогда Лаццаретти бросился в противоположную крайность, восстал против папства и стал мечтать о теократическом строе, в котором бы Бог и республика были примирены.

Между тем народ, пораженный переменой образа жизни и фанатизируемый духовенством, со всех сторон сбегался слушать Лаццаретти, окружал его почти обожанием и даже принялся за постройку храма, для которой мужчины, женщины и дети собственноручно таскали материал. Постройка эта не была, однако ж, докончена.

В январе 1870 года Лаццаретти основал благотворительное общество Святой Лиги. Затем, собрав своих последователей на некое подобие Тайной Вечери, он уехал на остров Монте-Кристо, где провел несколько месяцев, сочиняя статьи, пророчества и проповеди. Потом, подчиняясь Божию велению, он жил в Монтелабро и в Шартрез-де-Гренобль, где изобрел новый числовой шифр; там же он написал книгу «Небесные цветы».

Посидев немного в тюрьме по подозрению в пропаганде междоусобной войны, он приобрел ореол мученика, вследствие чего число его сторонников увеличилось. В августе 1878 года он заявил им, что совершит чудо, что он послан Богом судить и править, а потому неуязвим, что все власти земные должны преклониться перед его волей и что одного взмаха его жезла достаточно для того, чтобы устранить все препятствия и сделать тщетными все усилия врагов противостоять ему.

Вот тогда-то он и вышел из своего уединения во главе процессии последователей, несших самые необыкновенные знамена с изображением невиданных зверей, являвшихся Лаццаретти во сне и описанных в его книгах. Участники процессии были одеты в разноцветные костюмы, а вождь — в красную королевскую порфиру и в тиару с султаном из перьев; в руках он нес чудотворный жезл. Процессия эта, как известно, кончилась трагически, но Лаццаретти умер с уверенностью в своей победе и в торжестве своего учения.

Для невежественных философов, презирающих психиатрию, он до сих пор служит неразрешимой загадкой, между прочим, потому, что представлял собой слишком резкий контраст с современным общественным настроением, чуждым религиозных суеверий.

Риэль. Другой из современных нам бунтов тоже был поднят сумасшедшим, успевшим пробудить патриотические чувства в целой стране. Мы говорим о последнем восстании в Канаде и о Людовике Риэле, обладавшем обильной шевелюрой, большими челюстями и злыми глазами.

По новейшим исследованиям, это был мистик и мегаломан, сумевший, однако же, внушить массам невероятный фанатизм. Сын сумасшедшего отца

и такой же матери, одержимый религиозной манией, три раза просидев уже в сумасшедшем доме (с 1870 по 1878 год), он, ссылаясь на полученное откровение свыше, стал во главе первого восстания метисов.

Мегаломания его с течением времени проявлялась все резче и резче. Он считал себя спасителем народов и претендовал на роль пророка и папы. Очень непостоянный, как все сумасшедшие, сегодня он проявлял преувеличенную религиозность, а назавтра начинал восставать против Церкви и священников. Иногда у него бывали, однако ж, светлые промежутки, во время которых он действовал с таким тактом и благоразумием, что производил большое впечатление на туземцев. Так, могучее восстание 1885 года в Канаде было, в сущности, вызвано им, хотя вождями этого восстания явились Дюмон и Дюме. Правда, в то время когда последние храбро сражались в рядах повстанцев, Риэль только бегал с крестом в руках, пророчествуя, произнося проповеди и распевая молитвы, но этим он фанатизировал сражающихся.

Восстание было подавлено, и Риэль арестован. На суде он горько упрекал своего защитника, старавшегося выставить его сумасшедшим. Несмотря на три последовательные экспертизы, признавшие Риэля маньяком, он был казнен.

Рамос Мейха, перечисляя общественных деятелей Южной Америки, говорит, что Ривадура и Мануэль Гарсиа были ипохондриками и умерли от мозговых болезней; адмирал Браун — меланхолик, одержимый бредом преследования: доктор Варела — эпилептик; инженер Бельтран, герой войны за независимость, — сумасшедший; полковник Эстомба, прославившийся во время гражданских войн в Аргентине, сошел с ума во время командования войсками.

В числе героинь революции была сумасшедшая Теруань-де-Мерикур.

Коммуна. Изучая Парижскую Коммуну, Лабарб в числе вождей движения отмечает четырех лиц, у которых сумасшествие было в роду; четырех уже сидевших в сумасшедшем доме; шестерых нравственно помешанных и семерых мегаломанов. Среди них был, например, Алликс, несколько раз лечившийся от мании величия, изобретатель телеграфа, основанного на взаимной симпатии 48 улиток, представлявших собой буквы двух алфавитов, посаженный в тюрьму самими коммунарами за «измену, сумасшествие и безумие», был В. — маньяк и мистик, одевавшийся во все красное и подписывавшийся: «Сын Царства Божия и парфюмер»; был доктор Р. из священников, сделавшийся атеистом и реформатором, пророчествовавший и вносивший в Коммуну нелепые идеи; был аббат С., сидевший уже в лечебнице по поводу мании величия.

К этим лицам следует еще прибавить тех, о которых говорил Максим дю Кан: Люлле, главу вооруженных сил Коммуны, которого сам центральный комитет приказал арестовать, признав сумасшедшим и склонным к самоубийству; пиромана (поджигателя) Пинди; Флюранса, отличившегося

своими странностями и заведомого маньяка; наконец, Шателя, который, желая примирить партии в Коммунальном совете, предложил основать имперо-монархическую республику, судебные чиновники которой должны были называться королевскими прокурорами императорской республики, а административные — шефами Коммуны.

Дю Кан и Лабарб напоминают еще о Гальяре, субъекте, страдавшем головной водянкой, бывшем сапожнике, директоре баррикад, устраивавшем последние из сапожных колодок, хлеба, «костей от игры в домино», вообще из всего, что попадет под руку. Он был до такой степени тщеславен, что велел снять с себя фотографическую карточку в геройской позе и на баррикаде, нарочно для того построенной.

Гарнье дает нам портрет еще одного политического мегаломана. Р. страстно тщеславен, ему хочется, чтобы о нем говорили, хочется стать знаменитым во что бы то ни стало. Не получив даже элементарного образования, не умея грамотно писать, он держит речи в мастерских и перед конторой выкрикивает пустые, но звучные фразы, заученные на анархических митингах, даже сам не понимая их смысла. Собственно говоря, он не имеет никаких политических мнений, и все режимы для него одинаково безразличны, так как разницы между ними он не понимает. Ему нужны только скандалы и беспорядки; где шум, туда и он бежит; где кричат, там и он кричит громче всех.

Он с одинаковым усердием приветствовал Наполена III, пруссаков, дефилирующих по Елисейским полям, Коммуну, Гамбетту, Рошфора, а теперь приветствует Луизу Мишель, перед которой преклоняется.

Недавно Р. выступил в качестве мстителя: в годовщину казни коммунаров на кладбище Пер-Лашез он стрелял из револьвера в лиц, несших венок от редакции «*L'Intransigeant*», и многих ранил. «Приношение идет из нечистых рук; прах мучеников возмущен этим оскорблением». Р. восстает поэтому и расправляется по-своему. Один из раненых умер; история наделала шума; заговорили газеты, и Р. доволен! Тюрьма — пустяки, лишь бы прославиться.

В Англии другой анархист, ирландец Муни, обвиненный в производстве взрывов в Лондоне и заявивший перед судом, что он рад быть первым, нарушившим спокойствие буржуазного общества при помощи динамита, судебными врачами Нью-Йорка признан сумасшедшим.

Кирнан, изучавший роль психопатов в истории, перечисляет следующие знаменитые имена: Равальяк, Беллингем, Лоуренс, Бут, Гито, Мейерс, Пиновер, Аллен, Петр Пустынник, Иоанн Лейденский, Фриман; а из основателей религиозных сект: матушка Энн (шейкеры), Л. Магглтон, Ноже.

Параноик Сэй принес в жертву Богу родную мать; в Цинциннати подобная же сумасшедшая служит предметом культа.

Один из пациентов автора был последовательно зубным врачом королевы Виктории, генералом второй Французской республики, революционе-

ром в Австралии, контролером, кандидатом в губернаторы Нью-Йорка и прочими.

Один из перечисленных сумасшедших, Магглтон, проповедуя в кабаках, угрожал вечным проклятием всякому, кто не верит, что рост Бога равняется шести футам и что солнце отстоит от земли на четыре мили.

Джордж Фокс уверял, что обращаться к одному лицу с местоимением во множественном числе («вы») значит оскорблять христианскую религию и что называть первый месяц в году январем есть идолопоклонство, так как это название придумано в честь бога Януса.

8) *Цареубийцы*. Здесь подразумеваются политические сумасшедшие, изолированно и по собственному почину убивавшие лиц, поставленных во главе государства. Чаще всего они были порождениями партийной, религиозной или политической борьбы своего времени.

Так, когда религиозная борьба во Франции обострилась со вступлением на престол Генриха IV, Шатель посягает на жизнь последнего. На суде он чистосердечно во всем признается и говорит, что упреки совести за грязные вожделения к родной сестре и за инстинкт человекоубийства побудили его убить врага религии и тем искупить свои грехи.

Когда его спросили, откуда он почерпнул такие идеи, то он ответил, что из философии. У него были найдены три билетика с анаграммой короля и девять листков, в которых содержалась исповедь во грехах, расположенная в порядке десяти заповедей.

Генрих III был убит доминиканцем Жаком Клеманом, по всей вероятности сумасшедшим, так как, по словам современников, он совершил свое преступление по наитию свыше. «Однажды ночью, когда Жак Клеман лежал на постели, Бог послал к нему ангела, явившегося в сиянии и передавшего ему обнаженный меч с такими словами: “Брат Жак, я послан Всемогущим Богом объявить тебе, что тиран, владычествующий над Францией, должен погибнуть от твоей руки; радуйся, ибо тебе приготовлен венец мученический”. Сказав это, ангел исчез».

Таков же был и Польтро, экзальтированный кальвинист, покусившийся на жизнь герцога Гиза; он сам признался на исповеди, что ему было обещано вечное блаженство, если он убьет врага протестантов.

Видимой причиной, вооружившей Равальяка против Генриха IV, был религиозный фанатизм, но настоящей причиной был бред преследования.

Изгнанный из монастыря за «слабость разума», попавший в тюрьму по ложному доносу, он, кажется, имел видение, в котором ему именем Божиим повелевалось убить короля, так как иначе последний победит папу. Сами судьи, допрашивавшие этого несчастного, смотрели на него как на сумасшедшего меланхолика, хотя и приговорили к жестоким пыткам. До этого он был вполне уверен, что народ его поддержит.

Замечательно, что при аресте при нем нашли массу всяких писаний и, между прочим, стихи, трактующие о состоянии приговоренного к смерти.

Все было написано очень старательно и разными почерками, как обыкновенно пишут графоманы и как писал Гито. Сходство Равальяка с последним усиливается еще и тем, что он откладывал убийство из сожаления к королеве, так же как поступал Гито из сожаления к жене Гарфилда. Кроме того, оба они считали себя исполнителями Божьей воли.

В Англии деспотизм правительства и налоги, отягощавшие народ, восстановили против Генриха III сумасшедшую Маргариту Николсон, которая пробовала ткнуть его ножом, и сумасшедшего Хотфильда, который выстрелил в него из пистолета.

Еще один сумасшедший, Дамиен, опираясь на недовольство населения, тоже истощенного налогами и выведенного из терпения неуступчивым духовенством, пытался убить короля французского, Людовика XV. Это был человек мрачного характера, временами доходивший до бешенства, за что с раннего детства был прозван Робертом-Дьяволом. Совершив крупное воровство, он принужден был скрываться от полиции, причем постоянная тревога пошатнула его психику. Приписывая все беспорядки во Франции тому, что архиепископ Парижский лишил короля Св. Причастия, Дамиен решился покуситься на жизнь последнего исключительно для того, чтобы обратить его внимание на бедствия страны. Перед судом Дамиен вел бессмысленные речи о политике и религии, заявляя, что думал совершить деяние, угодное Богу.

Недавно один сумасшедший эпилептик чуть не убил видного американского общественного деятеля, генерала Роша, президента Аргентинской республики, ранив его в голову камнем, взятым из какого-то музея. Этот сумасшедший, Ж. Монже, 38 лет от роду, довольно высокого роста (1 м 67 см) и крепкого телосложения, с детства был невропатом. Он представлял собой смуглого, слегка курчавого брюнета, с обильной шевелюрой, длинной черной бородой, карими глазами, высоким, покатым, асимметричным лбом, небольшим брахицефальным, асимметричным черепом, широким лицом, большим ртом, крупными челюстями, толстыми губами и многими старыми рубцами на лице, из коих два получены были при падении во время эпилептических припадков.

Спал он очень мало и постоянно видел печальные или ужасающие сны. Пульс полный и частый; мускулатура хорошо развита, хотя при возбуждении замечается некоторое дрожание в мышцах. Сила, по динамометру Матье, 70 кг справа и 150 — слева; кожа малочувствительна, галлюцинаций и иллюзий не бывает.

Он сам сообщил о себе следующие сведения: родился в Корриенте, незаконный сын; отец и брат здоровы; пятнадцати лет поступил в коллегию, в которой получил образование; затем участвовал во всех революционных движениях родины, постоянно держась одной партии, до тех пор пока она в 1874 году не была побеждена и не распалась. Приехав в Уругвай, терпел притеснения от бразильских властей, которым противостоял вооруженной ру-

кой, причем многих ранил и сам был ранен в лоб. По этому поводу обращался в министерство иностранных дел с просьбой об амнистии. С тех пор не принимал никакого участия в общественной жизни ввиду частых припадков эпилепсии, которой страдает лет двадцать после ушиба головы. Приходил в палату только для того, чтобы посмотреть на церемонию ее открытия; увидав ряды солдат, был очень возмущен, а когда увидел генерала Роша, то вдруг решился его убить. При вопросе о подробностях подсудимый сделался в высшей степени грубым и раздражительным.

Вообще, он ипохондрик и меланхолик. За несколько месяцев до суда, сидя в тюрьме, ударил и сбил с ног другого арестанта, а через несколько часов после суда имел продолжительный припадок эпилептических судорог.

Глава 12. Индивидуальные факторы (продолжение). Политические маттоиды. Косвенные самоубийства

Альтруисты-истероэпилептики

1) *Признаки.* Маттоиды, очень редко встречающиеся в деревнях, в малокультурных странах и среди женщин, отличаются от прирожденных преступников почти полной сохранностью нравственного чувства; от сумасшедших, даже параноиков, на которых больше всего похожи, они отличаются отсутствием бредовых идей и меньшей импульсивностью; наконец, от тех и других они отличаются почти полным отсутствием признаков вырождения и даже психопатической наследственности.

В самом деле, из 34 исследованных маттоидов только у 12 найдено по два признака вырождения, у двух — по три, у двух — по четыре, и лишь у одного оказалось их шесть. Это потому, что маттоиды являются результатом чересчур преждевременной и внезапной интеллектуальной культуры. Таковы суть индийские бабиды, американские Трампы и Грэнксы, которые, по словам «*New York Herold*», «доводят свою эксцентричность до сумасшествия, предаваясь фантастическим, псевдонаучным изысканиям и во время выборов или политических волнений, когда страсти вообще разгораются, дозволяя себе даже насилия».

У них чаще встречаются некоторые функциональные аномалии, зависящие от аномалий или болезненных изменений в нервных центрах. Так, иные из них страдают эпилептоидными судорогами, другие — краткими периодами бреда, третьи — анестезиями, как Лаццаретти и Пассананте.

Но чем они особенно отличаются, так это внешним видом гениального человека или апостола, не соответствующим внутреннему их содержанию.

Из характерных особенностей гения они обладают только глубокой верой в свои достоинства, упрямым преследованием своих идей и беззабот-

ностью относительно всего прочего; но ни гениальным разумом, ни оригинальностью, ни плодовитостью не отличаются. Если им удается иногда открывать новые горизонты, то лишь потому, что, подобно большинству дегенератов[1], они не страдают мизонеизмом. Все их деяния являются обыкновенно бесплодными или несоответствующими основным принципам, потому что настоящим-то субстратом гениального творчества — могучим интеллектом — они не обладают.

Из характерных особенностей апостола они обладают только высокоразвитым альтруизмом — действительно заботятся об устранении бед, угнетающих человечество, и могут иногда подсказать к тому средство, но и тут путаются обыкновенно в подробностях, теряют из виду целое, противоречат сами себе, бросаясь в крайности, а главное — во всем видят только самих себя, свое личное тщеславие, которое, в сущности, является единственным субстратом их альтруизма.

Амедеи указал на другую характерную их черту, связанную с наклонностью к атавистическому вырождению, на возврат к древности. Их прогресс всегда представляет собой движение назад, к очень древним принципам и обычаям. Напомним хотя бы только спартанскую одежду Бозизио; вегетарианство Глейзеса; антипарламентаризм Сбарбаро и Вита; отказ от современного оружия со стороны Капарли и предпочтение, оказанное им оружию естественному, то есть самому первобытному, — камню.

Баффье желает вернуть Францию к обычаям древних галлов; Кокапиллер хочет вернуться к Древнему Риму, к *Comitia tributa**.

К этому надо прибавить преувеличенную воздержанность маттоидов. Так, Бозизио питается одной полентой без соли; Пассананте — одним хлебом, Гуите — орехами; Лаццаретти ест по две картофелины в день; Манжионе покупает себе ежедневно на 10 су гороху, рису и т. п.

Такую воздержанность можно объяснить себе тем, что маттоиды видят наивысший комфорт в удовлетворении самолюбия и спокойствии совести, поэтому скорее согласятся голодать, чем воровать или мошенничать.

Другой их постоянной чертой является многописание, причем они тысячу раз повторяют одно и те же стереотипные фразы на разный манер, приводят ненужные подробности, подчеркивают или пишут особым почерком ничего не значащие места, злоупотребляют шифром, любят играть словами, звуками, символами и что еще хуже — бессмыслицами. Но то, что возбуждает отвращение в образованных людях, очень нравится толпе, боящейся гениальности.

Одной из особенностей маттоидов служит их стремление хранить свои открытия в секрете для того, чтобы увеличить свой престиж, или для того, чтобы получить больше выгоды, а может быть, единственно потому, что сами

---

[1] Большинство слепорожденных и глухонемых лишены мизонеизма и часто являются республиканцами или анархистами. — *Примеч. авт.*

они сознают пустячность этих открытий и боятся всеобщего разочарования. Так, Кокапиллер долго держал в секрете свой план реформ, долженствующих возродить Италию, а потом оказалось, что весь этот план сводится к восстановлению древнеримского строя. Вита на 650 страницах толкует о своем психологическом открытии, не говоря, что оно заключается... в простом соглашении с папством.

Чем бестолковее маттоиды в своих писаниях, тем находчивее и остроумнее они, однако ж, при словесном споре. В обыденной жизни они также оказываются очень смышлеными, даже хитрыми и понятливыми, в противоположность настоящим гениям, которые всегда бывают очень непрактичными.

Благодаря воздержанности, честности и энтузиазму, с которым они поддерживают свои убеждения, столь же растяжимые, сколь абсурдные; благодаря своей благообразной внешности и житейской практичности; наконец, благодаря крупицам истины, всегда заключающимся в их учениях, хотя бы в виде общих мест, доступных пониманию толпы, маттоиды пользуются большим влиянием на эту толпу, особенно в смутные времена.

Они нравятся массам именно потому, что вульгаризируют истину, высказывая ее в форме общих мест и сводя на личность, причем иногда удовлетворяют тому чувству справедливости, которое каждый носит в своей душе и которое на практике беспрестанно нарушается в парламентарных странах, так как у честных людей не хватает мужества стоять за него.

Правда, все это они делают из эгоизма, так что правосудие их похоже на правосудие разбойника, грабящего богатых для того, чтобы помогать бедным и прежде всех самому себе, но ведь большинство не обращает внимания на такие мелочи, как цели и средства, лишь бы только личные желания были удовлетворены.

Затем маттоиды, в противоположность гениям и сумасшедшим, связаны друг с другом общностью интересов. Они представляют собой нечто вроде масонского союза, основанного с целью взаимного самовосхваления и противодействия осмеянию, которое рано или поздно повсюду их настигает, а также с целью борьбы против людей действительно гениальных. Ненавидя друг друга, они все же являются солидарными и если не радуются успеху товарищей, то радуются результатам этого успеха — посрамлению гения, так как толпа почти всегда предпочитает маттоида последнему.

Надо заметить, что политические маттоиды весьма часто проводят свои идеи и планы с замечательным искусством. В этом отношении классическим примером может служить Малле. Сидя в сумасшедшем доме, без денег и без войска, при содействии одного священника и одного служителя он пробует свергнуть Наполеона, что ему почти и удается благодаря убийству одного министра, аресту начальника полиции, изданию поддельных декретов и обману почти всех корпусных командиров, которых он уверил, что

Наполеон погиб. И это не первая его попытка: в 1808 году он уже пробовал поднять бунт, сочинив из своей головы «*Senatus consulte*»[1].

Участие маттоидов в политических преступлениях тем опаснее, что когда они видят крушение своих иллюзий, то есть вместо всеобщего поклонения, к которому стремились во что бы то ни стало, встречают насмешки, да еще находятся под влиянием голода и алкоголизма, то теряют равновесие, отличающее их от сумасшедших, и сразу приобретают эпилептоидную импульсивность, под влиянием которой совершают насилия, прибегают к революционным попыткам, часто удающимся в самом начале.

Так, Манджионе из мирного филантропа сразу превращается в буяна и ранит Джуссо, против которого вел полемику; Сбарбаро, политический философ-реформатор, вдруг на заседании факультета начинает бросать чернильницами в головы своих товарищей и оскорбляет министров, не отступая даже перед шантажом. Кокапиллер не заходит так далеко, но все же грозит тюремным сторожам и вызывает к себе прокурора, исключительно для того чтобы сказать ему: «Если я не сделался королем, так только потому, что не хочу им быть».

В одном из таких припадков буйства, конечно, Сбарбаро ходил голым и публично поцеловал на улице одну незнакомую ему старуху, восклицая: «Я должен был это сделать, потому что она похожа на мою мать!»

Та же эпилептоидно-импульсивная наклонность проявляется и в наполненном угрозами письме его к депутату Бачелли, в котором он заявляет, что, прежде чем утопиться в Тибре, желает дать урок Италии. А вслед за этим письмом он прислал другое, написанное в тоне униженной просьбы, что еще более подчеркивает контрасты в его настроениях.

Во всех поступках маттоидов альтруизм является предлогом или маской для преступлений. Поэтому-то они и становятся во главе революций, бунтов и заговоров, более или менее искусно прикрывая личные интересы общественными.

Спавента совершенно справедливо говорит о Сбарбаро: «Он вполне искренно стремится к справедливости, но смотрит на нее с чисто личной точки зрения, то есть считает преступлением всякое несогласие с собой, наказывая его бранью и угрозами». Все они таковы. Сбарбаро, Кордильяни, Лаццаретти, Баффье — все считали себя мстителями за несправедливости.

Ормеа, тридцатилетний рабочий, по-видимому вполне нормальный, напечатав демагогическую статью в одной малораспространенной газетке, считает себя уже состоящим у правительства на замечании, тем более что он стремится получить вселенную и освободить народ при помощи своих открытий. Поэтому в пустой ссоре из-за кур, выпущенных им на засеянное поле, он стреляет в хозяина и в карабинеров, которые пришли его аресто-

[1] Здесь: «Обращение Сената» (*лат.*).

вать; в выговоре хозяина и в появлении полиции он видит месть правительства за написанную им статью.

При полной готовности на преступление маттоиды, однако ж, совершают его с меньшей решительностью и меньшим искусством, чем прирожденные преступники, для которых это дело привычное и самое подручное. Они даже не всегда пользуются подходящим оружием. Так, Пассананте, Кордильяни, Копорали, Баффье прибегают к кухонным ножам и камням, а Вита — к коробке с безвредной жидкостью, притом так хорошо упакованной, что она не разорвалась бы, если бы даже была наполнена нитроглицерином. Довольно часто они стреляют холостыми зарядами, как в недавних покушениях против Карно и Ферри. У них обыкновенно не бывает сообщников, они не устраивают засад, не приготовляют себе алиби, не запираются, а прямо признают себя авторами преступления.

Характерным признаком маттоидов, общим для них с истеричными, является многописание — обилие писем, проектов, брошюр, которыми они забрасывают самые ходкие газеты, администрацию и даже первого попавшегося. Другим характерным признаком их служит отсутствие раскаяния в преступлении, несмотря на то что совести они не лишены. Иногда они даже хвастаются своими подвигами — удовольствие достичь, наконец, известности и принести пользу человечеству заглушает в них всякие другие чувства.

2) *Маттоиды-преследователи*. Есть, между прочим, особая разновидность маттоидов, весьма часто страдающих болезнями или аномалиями печени и сердца. В противоположность вышеописанным, они не обладают правильно развитым нравственным чувством и постоянно считают себя обиженными только потому, что никак не могут добиться успеха. Видя повсюду преследование, они сами превращаются в преследователей всего того, что, по их мнению, преднамеренно мешает им проявить свою силу, — против богатых, против глав государства, даже против того политического режима, который дозволяет им действовать.

Примешивая свои личные ссоры и антипатии к политической борьбе, они нападают на депутатов, чиновников, министров, которым приписывают свои личные неудачи, оскорбляют судей и делаются иногда адвокатами всех тех, которых считают угнетенными. По словам Бюхнера, один из таких маттоидов основал в Берлине общество покровительства жертвам суда и уведомил об этом короля.

Примером такого маттоида может служить Санду, надоедавший Наполеону III и Бильо. Тардье дает следующие о нем сведения.

В ранней молодости Санду был чрезмерно самолюбивым адвокатом без практики и находился в жалком положении до тех пор, пока Бильо, товарищ его по школе, не создал ему служебного положения, превышающего его способности. Убедившись затем в психической ненормальности своего школьного приятеля, Бильо от него отступился. Тогда Санду свалил ответственность за все свои ошибки на Бильо и стал жаловаться на неслыханные

преследования последнего, тогда как на самом деле сам клеветал на него непозволительным образом.

Переходя от глупого высокомерия к самому низкому подлизыванию, он то грозил, то унижался, то требовал, чтобы с ним говорили как с представителем сильной партии, а то давал понять, что удовольствуется койкой в сумасшедшем доме, как бедный больной.

В одном и том же письме он грозит убить Бильо и просит у него яда, чтобы самому отравиться, причем делает его своим душеприказчиком и сообщает свои распоряжения насчет похорон.

Политическая окраска его бредовых идей беспрестанно меняется; он пристает последовательно ко всем партиям и от всех потом открещивается; приписывает Карно обещание сделать его депутатом от Парижа, но ставит при этом условие состоять под покровительством графа Персиньи, а не герцога Морни!

Предполагая, что Франция и Европа интересуются только им одним, он сравнивает себя с Монтескье и ждет выбора в Академию за свой «Трактат о величии и падении демократии».

Писал он вообще очень много, причем, как все помешанные, любил подчеркивать ничего не значащие фразы и прибавлять множество постскриптумов. Говорил тоже свободно и много, но речь его была бессвязна. Он никогда не отвечал на вопрос прямо и при обсуждении самых свежих фактов начинал рассказывать свою прошлую жизнь или совершенно посторонние делу обстоятельства.

Однажды он вызвал к себе в Мазас одного из членов совета адвокатов, но принял его сначала за шпиона, а потом обвинил в напечатании в бельгийских газетах одной им самим написанной статейки.

3) *Маттоиды-гении.* Среди маттоидов попадаются иногда и люди, действительно поднимающиеся над средним уровнем, но скорее для того, чтобы упасть, как Икар, чем для того, чтобы парить, как настоящий гений: не успев увидать новые горизонты, они уже впадают в абсурд. Таковы были, например, Сбарбаро и Коккапиллер, о которых мы слишком много говорили, для того чтобы вновь к ним обращаться, а также Баффье, пробовавший зарезать депутата Касса, но только слегка его оцарапавший.

Этот Баффье был человек высокого роста, 33 лет от роду, очень сильный, с прекрасно развитым черепом и правильными чертами лица, опушенного черной бородой, без всякой психопатической наследственности и без всяких признаков вырождения, кроме разве довольно низкого лба. Начав свою карьеру ремеслом ножовщика, он вскоре нашел возможность поступить на службу к одному скульптору, причем усердно занялся самообразованием, прочел очень много, но переварил прочтенное весьма плохо. Под влиянием обостренного семейного и национального чувства он задался целью сделать искусство исключительно национальным и стал лепить характерные типы галльской расы, с большими лишениями отыскивая модели

по деревням и разрабатывая их по традициям галльского искусства. Моделируя фигуру Сен-Жюста, он должен был изучить характер последнего по мемуарам, причем так проникся его идеями, что, несмотря на свою природную мягкость, принял формулу: «Убивай тех, кто плохо правит народом». С этими идеями вошел он в состав одного выборного комитета и, конечно, остался недоволен умеренностью и посредственностью своих товарищей. «Я вотировал вместе с ними, — говорил он, — причем, повинуясь партийной дисциплине, принужден был подавать голос за людей, совершенно того не заслуживших, тогда как мне всегда казалось, что власть должна принадлежать достойнейшему. Поэтому я чувствовал себя преступником; мне казалось, что я должен бы был употребить все силы, чтобы спасти свою родину от революции и остановить ее на наклонной плоскости, по которой она катится. Я предпочитаю смерть потере самоуважения, а между тем дело стоит так, что президент прячется за министрами, министры — за палатой, а палата — за мной, избирателем, и мне бы следовало подавать пример политической честности. Помню, один раз отец мой, показывая мне гусеницу, сказал: "Видишь ли, казалось бы и безвредное насекомое, а между тем оно поедает капусту!" И при этом раздавил ее ногой. Вот точно так же, мне кажется, следует поступить и с людьми, если они ведут себя подобно гусеницам, — их надо давить».

Слова эти достойны крупного мыслителя, а между тем статья Баффье представляет собой нечто весьма глупое и смешное. В ней, между прочим, говорится: «Великий Гюго есть не что иное, как ходульный поэт, пустопорожний мыслитель, раздутый беллетрист, туманный республиканец и вообще ярмарочный шарлатан. Народу не нужны такие недоноски, как Луи Блан, такие лицемеры, как Гюго, такие паяцы, как Рошфор, и такие комедианты, как Клемансо».

Особенным красноречием отличается обращенная к женщинам просьба Баффье о том, чтобы они отказались от «плеоназма», самым бесстыдным образом увеличивающего размеры и уродующего одну из частей их тел...

Попав в тюрьму, он ни в чем не раскаивается, говоря, что если он виновен перед законом, то не перед самим собой.

Вообще, Баффье бросается из стороны в сторону и высказывает много противоречащих друг другу и парадоксальных мыслей, но наряду с этим он иногда бывает действительно вполне искренен и очень красноречив, как, например, в следующем отрывке: «Отечество — это луч солнца, играющий в ветвях дуба; это — капли росы на листьях; это — пение соловья, крик совы, весеннее утро, тихая, звездная, ясная ночь! Это — доброе вино, играющее в моем стакане; это — взгляд ребенка, согревающий мое сердце; это — звон колоколов в деревенской церкви, разгоняющий мою печаль; это — могилы моих родителей на кладбище; это — кости старых воинов, выпахиваемые иногда из земли... Все это есть моя родина, и я люблю все это безмерной любовью!»

В других наших сочинениях приведены гениальные изречения Сбарбаро, из коих достаточно цитировать следующие:

«Если совесть человеческая не проникнется в достаточной степени справедливостью, то самые лучшие учреждения ни к чему не послужат и даже могут превратиться в орудия гибели. Так было, например, с инквизицией, основанной с целью спасать душу еретика, сжигая его тело».

«Один французский публицист говорит о языческом направлении современной мысли; но есть теперь и нечто худшее — языческое направление совести, проявляющееся в чувствах, в коллективных страстях, в политических инстинктах наций и тем более противное, что оно прикрывается формами социального правосудия».

Как в этой книге, так и в монографии о Пассананте было уже указано, что в писаниях последнего и еще более в его речах нередко встречаются смелые и оригинальные взгляды, которые и вводили в заблуждение лиц, сомневавшихся в действительности его психического расстройства. Стоит вспомнить хотя бы такие две фразы: «Где ученый теряется, там невежда преуспевает»; «История, выраженная в народных преданиях, гораздо поучительнее той, которая изложена в книгах».

Луиза Мишель обладала психопатической наружностью и происходила из психопатической или, во всяком случае, отличавшейся странностями семьи. Дед ее, например, излагал в стихах хронику своего рода. Сама она, по собственному признанию, до странности любила животных. Дом ее был зверинцем, наполненным кошками, собаками, птицами и волками. Коров она кормила... букетами цветов.

При такой любви к животным, при участии к судьбе проституток, при чисто христианском сострадании к несчастьям товарищей по ссылке, прозвавших ее «красным ангелом», она, однако же, бесстрастно присутствовала при убийстве Томаса, собиралась убить Тьера, вотировала во время Коммуны арест священников и смертные казни заложников по одному в сутки.

Но вот этот-то именно контраст между болезненной импульсивностью и болезненной чувствительностью является характерным для маттоидов, особенно при чванстве своими литературными произведениями, положительно лишенными всякого смысла. Луиза Мишель еще в ранней молодости писала статьи против Наполеона, а затем начала писать плохие стихи, вставляя их ни к селу ни к городу в свои серьезные произведения, тоже не отличающиеся смыслом. Замечателен, между прочим, ее антимизонеизм в религиозных и литературных вопросах, дававший ей иногда возможность видеть новые горизонты, но всегда ею плохо эксплуатируемый. Так, она раньше Пастера изобрела прививки, но применяла их — увы — к растениям...

Танкреди Вита был человеком среднего роста и хрупкого телосложения, он носил каштановую бородку и заикался. Родители его, пользовавшиеся

большим значением в округе, послали его учиться в Палермо, где он, увлекшись философией, совсем забросил лекции юридического факультета, на котором числился.

Затем он был некоторое время учителем во Флоренции и наконец переселился в Рим, где стал писать в несколько газет и, между прочим, в «*Gazzetta d'Italia*».

В мае 1887 года он подал в министерство народного просвещения просьбу о том, чтобы оно, просмотрев рукопись составленного им сочинения по психологии, дало ему субсидию на продолжение работы, которую он считал весьма интересной. Не получив желаемого, он несколько раз возобновлял свое ходатайство и, наконец, дойдя до отчаяния, бросил перед воротами Квиринала жестянку, наполненную безвредными жидкостями, причем имел вид человека, совершающего великое преступление. Между прочим, несколько раньше Вита принес в редакцию газеты «*Tribuna*» большую рукопись, которую просил не распечатывать до тех пор, пока он не напишет. В этой рукописи, состоящей больше чем из 650 страниц, содержится множество странностей, перемешанных с гениально и смело формулированными истинами. Вот один из примеров: «Наш век может быть назван веком покушений. Не проходит дня без того, чтобы кто-нибудь на кого-нибудь не покушался. Начиная с монархов и переходя через министров, депутатов, мэров и судей к простым мелким чиновникам, даже к статуям и памятникам, все решительно становится целью покушений первого попавшегося. Там — школьник, не выдержавший экзамена, убивает учителя; здесь — содержанка режет своего патрона...

Вслед за каждым из этих покушений появляется слух, что автор его — сумасшедший. Откуда берутся эти слухи? Не то они возникают в публике самопроизвольно, не то идут от родных и знакомых преступника или от тех, против кого преступление было направлено. Но причина их возникновения вполне понятна. Преступление вызывается чаще всего не какими-нибудь реальными выгодами, не низостью или злобой душевной, а болезненной импульсивностью, преувеличенной впечатлительностью, иногда даже инстинктами высшего порядка. Преступники суть почти всегда люди, доведенные до отчаяния и мучимые навязчивой идеей, встречающей препятствие к своему осуществлению. Будучи постоянно раздражаемы ею, они становятся маньяками, начинают чувствовать необходимость перейти к действию не для того, чтобы отомстить кому-либо или приобрести что-либо, а для того, чтобы проявить свою идею, свое право, чтобы протестовать и тем успокоить самих себя. Вместо того чтобы скрывать свое преступление, они первые признаются в нем и даже хвастаются им. Зная, что ничего этим не выиграют, а, напротив, могут даже все потерять, не исключая жизни, они тем не менее стараются найти исход мучающим их чувствам. Поэтому-то их экзальтация и необъяснимое поведение принимает в глазах публики форму сумасшествия».

Следует заметить, между прочим, что Вита в своей рукописи весьма часто упоминает о каком-то великом открытии, о великой идее, не говоря, в чем она состоит. Из других его сочинений видно, однако же, что дело идет ни больше ни меньше как о новой религии.

Весьма естественно, что маттоиды, не обладая настоящей гениальностью, излагают не свои собственные, а чужие идеи, всегда их преувеличивая и на свой манер. Так, у Бозизио мы встречаем преувеличение мальтузианства, у Томмази — практическое применение дарвиновских идей о подборе к болезненному эротизму, у Чианкеттини — применение крайнего социализма к практике и т. д.

4) *Извращение нравственного чувства*. Существует разновидность маттоидов, у которых альтруизм исчез почти совершенно, а нравственное чувство подверглось глубокому извращению. Эти люди суть не что иное, как прирожденные преступники, которые помимо отсутствия аффективности страдают еще, подобно слабоумным, психическими пробелами, плохо заполняемыми уродливой гениальностью. Таков был, согласно истории, император Клавдий.

У таких людей имеются обыкновенно и признаки вырождения в организме хотя в небольшом количестве.

Так, у некоего П., отравившего свою жену и сжегшего ее труп, чтобы скрыть следы, но претендовавшего на изобретение *perpetuum mobile*, замечена была оксицефалия и круглые уши, а помимо этого он отличался апатией и самым невозможным цинизмом. Череп Гито был асимметричен, а уши круглые; Пассананте отличался физиономией монгольского типа.

Г. К., крестьянин 57 лет от роду, со здоровой наследственностью и без видимых признаков вырождения, несмотря на отсутствие образования, постоянно пишет плохие стихи и претендует на изобретение особого удобрения (смесь золы оливкового дерева с мочой ребенка), которое старается распространять ради общего блага, но под этим предлогом... обкрадывает своего компаньона.

Де ла Р., носящий громкую фамилию, старается выдать себя за политического деятеля с тем же именем, открывает подписку и жертвует крупную сумму на поднесение подарка королю, а семья его в то же время сидит голодная; трется в кругах писателей и журналистов, а в то же время совершает мошенничества и занимается содомским грехом.

Д., кретинообразный молодой человек, с детства отличающийся жестокостью; к 22 годам он уже успел быть двадцать раз судимым за лень и небольшие кражи; 18 лет от роду, сидя в тюрьме, Д. бил и обижал слабых, выставляя себя их защитником в журнальчике, который вел и раздавал товарищам ежедневно.

Таким же был и Обертен, несколько лет тому назад заставивший говорить о себе покушением на жизнь Ферри. Сорока лет от роду, худой, седею-

щий блондин, он лет 12 тому назад женился на молоденькой девушке и открыл модный магазин; но жена вскоре ему изменила, причем он проломил палкой голову ее соблазнителю, а чтобы избежать наказания за это и получить повод к разводу, сам себя связал в постели и притворился избитым. Хитрость эта не удалась, однако же и на суде было доказано, что он сам содействовал распутству жены. В газетах над ним посмеялись по этому поводу. Затаив злобу, он сделался живописцем по стеклу, но вскоре опять попал на скамью подсудимых за шантаж и диффамацию. Тогда О. решился отомстить обществу в лице тех, которые им управляют, и выбрал для этого Ферри как самого видного политического деятеля.

Между прочим, он писал стихи. В маленькой поэме, озаглавленной: «Пусть тебя повесят где-нибудь в другом месте», он рассказывает историю кражи, совершенной им в детстве. Войдя с матерью в лавку, он стащил в ней что-то, но мать заметила, заставила его возвратить украденную вещь и на коленях просить прощения у лавочников.

Поэма оканчивается следующим образом:

Punir c'est pardonner! J'ai brodé sur ce théme.
Pardonner c'est punir, vouer a l'anathéme!
J'ai montré qu'un enfant pour un leger défaut,
Qu'on avait toléré, mourut sur l'échafaud[1].

В другой поэме он, по-видимому, старается доказать, что не следует никому оказывать услуг, не получив обещания в свою очередь воспользоваться услугами.

Помимо всего этого он изобрел трость, в набалдашнике которой помещается раскаленный уголь, согревающий руку и дающий возможность закуривать сигары...

Шарль Гито, 41 года, высокого роста, макроцефал с асимметричным черепом, обилием черных волос, огромными круглыми ушами, маленькими, глубоко запавшими и широко расставленными глазками; отец его был фанатическим последователем социалистической секты, проповедовавшей свободную любовь, и заявлял, что находится в постоянных сношениях с Иисусом Христом, даровавшим ему власть излечивать все болезни; двое братьев отца умерли сумасшедшими; у двух теток — сыновья сумасшедшие; мать Гито за несколько месяцев до его рождения страдала какой-то мозговой болезнью, так же как ее брат и сестра.

---

[1] Наказать — значит простить!
Я писал на эту тему.
А простить значит наказать, предать проклятию!
Я указал, как ребенок благодаря маленькому проступку,
Который простили, погиб на эшафоте (*фр.*).

Сам Гито начал говорить очень поздно и плохо произносил слова. Мало склонный к физическому труду, он проводил все время в чтении, а в 18 лет бросил семью, чтобы поступить в школу, но через месяц бросил и эту последнюю; попробовал мошенническим образом достать денег, чтобы основать газету; не успев в этом, поступил в ту секту, к которой принадлежал его отец, но скоро вышел из нее и предъявил даже к ней из Нью-Йорка иск в 7 тысяч франков за какие-то будто бы оказанные ей услуги, хотя на самом деле он не только не оказал никаких услуг, а еще донес полиции на эротические эксцессы, практикуемые сектой.

Затем он решил заняться адвокатской практикой в Чикаго, но эта практика сошла на шарлатанско-мошенническую почву, на вымогание денег под разными предлогами, на шантаж, обманы и подлоги. Одному лицу он обещал сделать его губернатором Иллинойса за 50 тысяч долларов, а другому, за 200 тысяч долларов, даже место президента Соединенных Штатов. Все это привело его наконец на скамью подсудимых.

Отбыв наказание, он удалился в деревню, к сестре, но там чуть не убил ее топором и был признан сумасшедшим.

Для того чтобы избежать помещения в лечебницу, Гито бежал в Чикаго, где начал свою политическую карьеру в качестве распорядителя и проповедника на религиозных митингах, причем продавал на улицах книжку своих проповедей, озаглавленную: «Истина, спутник Библии».

Объявление об одной из его публичных проповедей в Бостоне было составлено следующим образом:

«Берегитесь пропустить проповедь достопочтенного Ш. Гито, маленького гиганта с запада; он вам докажет, что две трети человечества стремятся к своей погибели».

Зиму 1879/80 года он провел в Бостоне, отчасти служа агентом одного страхового общества, а отчасти проповедуя, продавая свои творения, адвокатствуя, вообще шляясь по улицам, бедствуя и стараясь никому ничего не платить под тем предлогом, что он, будучи агентом Иисуса Христа и работая на ниве Господней, должен поступать по примеру Спасителя, который тоже не имел обыкновения платить за что бы то ни было.

Затем Гито сделался выборным агитатором и работал в Нью-Йорке в пользу Гарфилда. Когда последний был избран, то Гито, посылая ему свою речь, произнесенную на выборах, намекнул, что не отказался бы от должности консула в Вене. Не получив ответа, он стал хлопотать в министерстве иностранных дел о месте консула в Париже, а потерпев неудачу, задумал устранить президента.

Гито сам признавался, что мысль эта овладела им в ночь на 18 мая, после того как президент окончательно отказал ему.

Серьезный раскол, образовавшийся к тому времени в республиканской партии, давал Гито возможность смотреть на устранение президента как на

меру для предотвращения междоусобной войны и считать свой поступок примерным патриотическим делом.

Перед тем как совершить убийство он, однако же, ходил по тюрьмам, чтобы узнать, каково ему будет сидеть в них; тотчас же после убийства он поспешил разослать по газетам свои статьи о нем.

Одному из своих зятьев он заявлял, что мысль об убийстве президента пришла ему шесть недель тому назад и что она внушена была Богом.

«У меня не было враждебного чувства к президенту, — прибавил Гито, — я, напротив того, уважал его; но мне казалось, что его следует устранить ради общего блага и что весь народ того желает». А когда ему возражали, что народ относится с ужасом к его преступлению, то Гито ссылался на то, что его не поняли. Следователю он говорил: «Я думал, что исполняю волю Божию, но, должно быть, ошибся; мне теперь кажется, что Бог не желал его смерти, так что если бы я и мог повторить свое покушение, то не решился бы. Если бы Богу было угодно, чтобы президент умер, то теперь уж его не было бы в живых. Пистолет мой был хорошо заряжен, а рука у меня не дрогнула, как железная. Стрелял я на близком расстоянии, и только воля провидения могла спасти президента. Я уверен, что он не умрет, и раскаиваюсь в том, что причинил ему столько страданий».

Другим, однако ж, он говорит, что, убивая президента, думал спасти страну.

Среди бумаг, найденных при нем в момент преступления, оказалось следующее письмо:

«*В Белый дом*[1].

Смерть президента является печальной необходимостью ввиду того, что я хочу сплотить республиканскую партию и тем спасти республику. Жизнь человеческая не обладает большой ценностью. На войне тысячи храбрецов умирают, не проливая слез. Я полагаю, что президент был хорошим христианином, а потому в раю будет счастливее, чем здесь, на земле. Я юрист, богослов и политик. Я демократ из демократов. Мне нужно передать печати много важных бумаг, они находятся у Весе, где репортеры могут их видеть. Я иду в тюрьму».

На суде Гито беспрестанно прерывал своих защитников, оскорблял их и выбирал новых, обещая уплатить им из общественных сумм.

При допросе он заявил, что сообщит чрезвычайно важные факты, доказывающие, что им руководила воля Божия. «Физически я трус, — говорил он, — но нравственно храбр, когда меня поддерживает Бог. Я сделал все, в

[1] Надо заметить, что почерк его продолговатый, как находили у всех маттоидов-графоманов.

чем меня обвиняют газеты, но я сделал это по повелению Божию. Присяжные должны будут решить, действовал ли я по вдохновению».

А на вопрос, что такое вдохновение, он ответил: «Это когда божественная сила овладевает духом человека, и он действует как бы вне себя. Сначала мысль об убийстве вселяла в меня отвращение, но потом я убедился, что дело идет о настоящем вдохновении. Не сумасшедший же я — Бог не избирает исполнителей своей воли между сумасшедшими. И Бог обо мне позаботился, потому-то я не был ни расстрелян, ни повешен... Бог накажет моих врагов».

Но на суде он очень желал сойти за сумасшедшего, забывая, что даже сумасшедшие, если они не стремятся к самоубийству, все-таки защищаются, стараются спасти свою жизнь, притворяются не тем, что они суть на самом деле. А он впадал в беспрестанные противоречия, набрасываясь то на тех, кто доказывал его ненормальность, то на тех, кто отрицал ее, и даже на самых горячих своих защитников, оскорбляя их, называя невеждами и помешанными. Гито не пощадил даже присяжных, от которых зависела его судьба. «Если окажется нужным, Бог сумеет поразить и суд и присяжных через это окно», — сказал он.

Когда прокурор стал говорить о его испорченности, то Гито воскликнул: «Я всегда был хорошим христианином. Если я постарался отделаться от женщины, которую не любил, если задолжал несколько сот долларов, то все же не совершил ничего меня позорящего!» Эти слова доказывают полное отсутствие нравственного чувства у Гито.

Для того чтобы подчеркнуть его болезненное тщеславие, достаточно вспомнить, что он счел нужным сообщить суду, по каким дням он принимает визиты, а публике — что он хорошо пообедал в день Нового года, что дамы привозят ему цветы и фрукты, что он получает много любовных записочек.

Тщеславие и религиозно-поэтический энтузиазм не покидали его до самой казни.

За несколько часов до последней он сочинил гимн под названием «Простота», в котором под видом сына, обращающегося к отцу, описывает самого себя, готового вознестись к Богу, Творцу своему.

Когда пастор Гикс уведомил Гито, что всякая надежда на помилование исчезла, то он, почти не слушая, ответил: «Я действовал по Божию произволению и потому не имею причин каяться».

Но туалетом своим он очень занимался и для казни хотел одеться во все белое, не отказываясь от своей затеи даже и тогда, когда Гикс заметил ему, что такое странное одеяние дает врачам повод считать его сумасшедшим.

Затем он сам пожелал установить ритуал казни. На эшафоте пастор Гикс должен был сначала прочесть молитву, потом главу 10 Евангелия от Иоанна, потом будет молиться осужденный, а во время самой казни Гикс будет читать стихи, написанные последним и кончающиеся словами: «Слава идет

вперед!» По мнению Гито, эти стихи, переложенные на музыку, произвели бы большой эффект.

В общем, альтруизм, проявляемый маттоидами, алкоголиками и истеричными, служит им только для прикрытия в чужих и их собственных глазах тех преступных наклонностей, которые их обуревают, гнездясь на почве нравственного идиотизма.

5) *Косвенные самоубийства.* В эту рубрику мы считаем себя вправе внести тех странных преступников, которые убивают или скорее весьма неловко пробуют убивать выдающихся людей для того, чтобы покончить с надоевшей им собственной жизнью, прекратить которую своими руками они не решаются.

Одним из самых свежих примеров в данном случае может служить Олива-и-Манкузо, в 1878 году покушавшийся на жизнь испанского короля Альфонса, даже с точки зрения революционеров, ничем не заслужившего такого к себе отношения. Благодаря многим дегенеративным признакам физиономия этого субъекта сильно отличается от физиономии других преступников по страсти.

Обладая слабым умом и неуживчивым характером, он вопреки желанию семьи, советовавшей ему заняться гуманитарными науками, предался изучению математики, но за малоуспешностью своих занятий бросил науки и делался последовательно скульптором, типографщиком, земледельцем, бочкарем и наконец солдатом. К этой последней профессии он оказался вполне годным.

Вернувшись по окончании срока службы к скульптуре, он стал зачитываться ультралиберальными газетами, а работал плохо и мало. Соскучившись жизнью, не соответствовавшей его вкусам, он много раз собирался покончить с собой и наконец, получив от отца деньги на поездку в Алжир, отправился вместо того в Мадрид, где и совершил свое покушение.

Этот случай, по мнению Модсли, Эскироля и Крафт-Эбинга, есть чистое косвенное самоубийство.

Точно то же можно сказать и о Нобилинге, в 1878 году в Берлине стрелявшем из ружья в германского императора и потом пробовавшем застрелиться из того же ружья. Он также принадлежал к числу людей, выбитых из колеи, и отличался обилием признаков вырождения (гидроцефалия, асимметрия лица). Будучи лауреатом философии, он занялся политической экономией, написал статью экономического характера и получил место в прусском статистическом бюро, где ему поручили очень ответственную работу, к которой он, однако же, отнесся весьма небрежно, почему и был уволен. Проехавшись затем по Франции и Англии, он вернулся в Германию, но не мог приспособиться ни к какой систематической работе. Тогда-то ему и пришла в голову мысль о покушении, а восемь дней спустя он ее выполнил.

Товарищи описывали его перед судом как человека эгоистичного и упрямого, неисправимого мечтателя, занимавшегося спиритическими и со-

циалистическими теориями, о которых он постоянно толковал, хотя и довольно бессвязно. За все это он получил прозвище «петрольщика» и «коммуниста».

Перед нами, следовательно, стоит человек отнюдь не преступного закала; человек интеллигентный, научно образованный, хотя несколько мистик. На политическое преступление его толкнуло, вероятно, несоответствие чересчур самолюбивых надежд со скромными средствами интеллекта — крушение мечты о славе, не соответствовавшей житейской обстановке.

Другой подобный же субъект, Кордильяни, бросавший камни в итальянскую палату депутатов, будучи спрошен, зачем он это делал, отвечал, что из желания попасть в тюрьму. Принадлежа к числу членов республиканского клуба, он за несколько дней до своего проступка просил, чтобы его вычеркнули, так как, собираясь совершить великое дело, он боится причинить неприятности товарищам по клубу. Другим он сообщал, что надеется получить от правительства пенсию за дело, которое намерен предпринять. В самом клубе он иногда вел себя очень странно; раз, например, явился в костюме Чичеруаччо, с фригийским колпаком на голове, так что его сочли сумасшедшим. На суде многие свидетели отзывались о нем как об экзальтированном человеке, мечтавшем о самоубийстве. Сидя в тюрьме, он страдал бредом, пантофобией и покушался на свою жизнь.

Пассананте тотчас же после ареста сказал, что покушался на жизнь короля в полной уверенности, что сам тотчас же будет убит, чего искренно желал, так как жизнь ему опротивела вследствие дурного отношения к нему хозяина. За два дня до покушения он действительно был больше озабочен своим положением, чем предстоящим цареубийством, и в минуту ареста старался преувеличить свою вину.

Этим обстоятельством, так же как присущим Пассананте тщеславием, можно объяснить, почему он отказался идти на кассацию приговора. Узнав о своем помиловании, он не столько обрадовался, сколько опечалился по поводу того, что газеты теперь будут над ним смеяться.

Фраттини бросил в Риме, на площади Колонна, бомбу, которая многих ранила. На суде он заявил, что никому не хотел причинить вреда, а хотел только протестовать против современного строя и что, во всяком случае, удовольствовался бы победой над феодальным дворянством!

Разочарование в жизни играло большую роль в его сумасшедших предприятиях, доказательством чему могут служить следующие два отрывка из его сочинений:

«Не за свободу и тем более не за жизнь свою я боюсь, нет!.. Напротив, если бы у меня их отняли, то это было бы большим для меня благодеянием».

«Не будучи более в состоянии переносить низкую и позорную жизнь, к которой гражданское общество меня принудило, и прежде чем окончательно пасть, я хотел принести пользу моим ближним, а не повредить им!.. Я, следовательно, не мог и не должен питать злобу к кому бы то ни было!..»

Но самым ярким доказательством тайного стремления к самоубийству, проявляющегося в убийстве, может служить следующий «человеческий документ», всемилостивейше сообщенный нам Ее Величеством королевой Румынии, писательницей (Кармен-Сильва) и ученой женщиной, способной интересоваться направлением современной мысли.

С., румын, 30 лет от роду, приговоренный за убийство и год тому назад помилованный, самым глупым образом покушался на жизнь короля — стреляет в освещенные окна дворца, причем разбивает стекла. При обыске его квартиры найдено множество фотографических карточек, на которых он изображен обвешанным оружием, как разбойник.

Одна карточка снята за шесть месяцев до ареста и должна изображать С. в момент покушения на самоубийство, остановленного его любовницею... Очевидно, что задолго до совершения преступления С., может быть из тщеславия, был одержим манией самоубийства и наконец решил совершить его косвенно.

6) *Альтруисты-истероэпилептики.* Если, как это почти достоверно, Достоевский описал в «Идиоте» самого себя, то мы имеем в этом произведении превосходную монографию особой разновидности психопатов, всю жизнь носящих специальные черты психологии эпилептиков: импульсивность, раздвоение личности, ребячество и в то же время способность пророческого предвидения, сопровождаемую настоящей святостью, преувеличенным альтруизмом. Потому-то такие люди производят иногда религиозные и социальные революции.

Истерия, близкая родственница эпилепсии, еще чаще снабжает нас примерами безграничного эгоизма, переплетающегося с чрезмерным альтруизмом, что и доказывает связь последнего с нравственным идиотизмом.

«Встречаются женщины, — пишет Легран дю Соль, — принимающие шумное участие во всех добрых делах своего прихода. Они делают сборы для бедных, работают на сирот, посещают больных, раздают милостыню, хоронят мертвых, чуть не насильно вытягивают пожертвования у знакомых и незнакомых, забрасывая ради благотворительности и мужа, и детей, и свои домашние дела.

Эти женщины творят добро из тщеславия и любви к суете. Они вносят в дела благотворительности тот пыл, с которым крупные мошенники устраивают финансовые предприятия с гиперболическими дивидендами.

Эти женщины бегают, суетятся и с редкой внимательностью обдумывают все подробности устранения или облегчения как частных, так и общественных бедствий, причем принимают заслуженную благодарность и восторг зрителей с поддельной скромностью.

Когда семью постигает какое-нибудь горе, то истеричная благотворительница из сил выбивается, чтобы загладить следы этого горя: с тем поплачет, этому утрет слезы, поддержит отчаивающегося, откроет ему неожиданные горизонты грядущего счастья, одним словом, утешит всех и каждого.

Чем глубже горе, тем сильней она будет суетиться. Подвижная и припадочная по натуре, она никогда не делает добра хладнокровно.

Истеричная благотворительница может совершать легендарные подвиги.

Во время пожара она выкажет неслыханное присутствие духа: спасет драгоценности, вытащит из огня старика, больного, ребенка; во время уличного бунта остановит толпу восставших; при наводнении окажется храбрее всех мужчин.

А если вы на другой день поглядите на эту героиню, то найдете ее в полной прострации, и она вам скажет, что сама не знает, как это все вышло, что она не сознавала опасности.

Во время холерных эпидемий, когда страх — плохой советник, как известно, — обусловливает возмутительные деяния, некоторые истерички проявляют необыкновенное самоотречение: ничто их не пугает и не отталкивает, ничто не нарушит их стыдливости. Они превзойдут усердием санитаров и врачей, будут растирать больных, хоронить мертвых и увлекут своим примером всех окружающих. А местные газеты прославят их потом за такое геройство.

Самопожертвование становится для таких истеричек потребностью, случаем сделаться необходимыми, так что добродетель их является болезненной. Но в качестве примера они все-таки приносят свою долю пользы.

Ввиду этого я просил и получил общественную награду для одной истерички, успевшей уже попасть в психиатрическую лечебницу, но отличившейся действительно трогательной благотворительностью в своем приходе. Она ухаживала за больными, препровождала их к врачам и в больницы; снабжала вином, мясом, молоком — родильниц и новорожденных; снабжала бедняков одеждой; помещала стариков в богадельни; раздавала белье и лекарство; добывала бедным даровые советы разных специалистов и прочее. Сама же довольствовалась исключительно необходимым и круглый год носила одно и то же платье. А между тем эта дама страшно раздражительна, страдает беспрестанными припадками, плохо спит и вообще серьезно больна.

Истерички, наконец, к своим личным горестям относятся иногда совсем необыкновенным образом. Потеряв сына или дочь, они остаются совершенно покойными и полными достоинства: не плачут, обо всем сами заботятся, не забывая малейших подробностей, ведут себя сдержанно и даже при последнем прощании, перед могилой, остаются бесстрастными. Глядя со стороны, можно подумать, что они обладают особенной силой воли, исключительной стойкостью характера, а между тем — ничуть не бывало! Они просто больны и на самом деле слабее всех других».

7) *Литература*. Литераторы, собиратели «человеческих документов», уже отметили маттоида, этот вновь народившийся тип. Так, Доде основал на нем целый роман («Жак»), а Золя выставил его под именем Лянтье («Жерминаль»), находящегося в родстве с алкоголиками и бунтовщиками.

Достоевский в своих «Бесах» дает нам целую серию политических маттоидов в России.

Степан Трофимович есть несомненный маттоид, постоянно пишущий великое произведение и никогда его не кончающий (подобно Аржантону в «Жаке»), постоянно боящийся преследований полиции, которая о нем и думать забыла.

В душе он враждебно относится к нигилизму, но дозволяет нигилистам собираться в своем доме; в душе он глубоко честный человек, а на деле живет, как паразит.

Сын его, Петр Степанович, есть настоящий заговорщик. Будучи мечтателем, скептиком, мстительным человеком, он обнаруживает удивительное хладнокровие, обладает выдающимися способностями ко лжи и к эксплуатации в свою пользу чужих пороков. Он сеет по всей стране пожары и убийства, весьма ловко устраняясь в минуту опасности и подставляя вместо себя безгранично преданного ему честного фанатика-маттоида или другого, тоже маттоида, боящегося крови.

Капитан Лебядкин — революционер, готовый сделаться шпионом, — отпетый алкоголик, нравственный идиот, полуманьяк, но с наклонностями к поэзии. Сестра его — слабоумная полупроститутка.

На собраниях нигилистов выступают еще два маттоида, из коих один пишет огромный трактат для доказательства того, что одна десятая человечества должна распоряжаться остальными девятью десятыми как рабами.

В своих «Эксцентриках» Танфлери пишет: «Всякая революция выдвигает на сцену множество реформаторов, апостолов и полубогов, которые все стремятся спасти человечество!

Реформаторы бывают двух сортов: комические и трагические. В сущности все они немножко шуты, но, собрав себе последователей, составляют партию, обладающую средствами, уставом, планом действий, и становятся влиятельными. Что касается меня, то я предпочитаю бедных утопистов, вопиющих в пустыне и спасающих человечество в одиночку, без последователей, газет и прочего».

Глава 13. Индивидуальные факторы (продолжение). Случайные политические преступники

Случайные преступники. В эту рубрику мы помещаем мирных граждан, принужденных нарушать неисполнимые законы или принимавших участие в политическом преступлении благодаря тому, что они были обмануты, принуждены или соблазнены настоящими авторами последнего. Достоевский в своих «Бесах» прекрасно описывает те средства, при помощи которых хитрые конспираторы превращают мирных граждан в революционеров.

«Прежде всего, — говорит он, — нужно создать бюрократию, иерархию, ливрею. Придумывают титулы и должности: президента, секретаря и т. п. Затем действуют на чувство, возбуждают страх перед высказыванием собственного мнения, боязнь прослыть врагом свободы и прочее. Наконец стараются мирного гражданина замешать в какое-нибудь кровавое преступление — убить, например, вместе с другими предполагаемого шпиона, — так как кровь крепче всего цементирует заговорщиков друг с другом».

В странах, управляемых при помощи широкого выборного права, многие принимают участие в волнениях с целью выдвинуть какую-нибудь личность и затем эксплуатировать ее в свою пользу.

Многие смело идут за вожаками, влияющими на них красноречием, силой, а иногда просто громким голосом.

Наконец, и личная обстановка играет немалую роль. Убийцы Домициана, Нерона и Калигулы действовали с целью самозащиты: они убивали исключительно для того, чтобы не быть убитыми.

Многие из известных нам итальянских анархистов были прежде скромными чиновниками, приказчиками, военными и прочее и оставались покойны до той минуты, пока потеря места, уменьшение жалованья или дурное обращение начальства не толкнуло их на революционный путь.

Надо заметить, однако же, что ни ухищрения вожаков, ни влияние случая или личной обстановки не поколебали бы мизонеизма этих случайных преступников, опирающегося на любовь к жизни, столь сильную у среднего человека и столь грозно обставленную драконовскими законами деспотических правительств, если бы самый их организм не представлял собой уже готовой почвы для нарушения равновесия.

В самом деле, это суть люди, не обладающие темпераментом, но в основе характера которых лежит неприспособляемость к обществу, обусловливаемая беспокойным стремлением к улучшению своего положения, гиперэстезией чувств, подчеркивающей для них всякое горе, наконец — любовью к приключениям и опасностям.

«Тайна их влияния состоит в том, — по словам Достоевского, — что они первые, наклонив голову, бросаются в опасность, часто не зная даже, в чем дело, и уж во всяком случае без того практического иезуитизма, при помощи которого злые люди достигают цели. В обыденной жизни они являются желчными, раздражительными и неуживчивыми, часто даже тупыми, в чем, собственно говоря, и лежит их сила».

Физически случайные преступники оказываются обыкновенно вполне нормальными, без всяких признаков вырождения.

Мы видели, в самом деле, что на 521 политического преступника приходится только 0,57% дегенератов, тогда как среди людей ни в чем не замешанных их 2%. Число мужчин между ними относится к числу женщин как 100 к 27.

История дает нам портреты некоторых особенно знаменитых преступников этой категории.

Цареубийца Кассий, например, был, как мы увидим, преступником случайным и по нравственности стоял значительно ниже своего товарища по преступлению, Брута, преступника по страсти.

Ближе нам известен Робеспьер, обладавший непропорциональным самолюбию умом и довольно слабым нравственным чувством. Если бы не случай, он всю жизнь прожил бы плохоньким адвокатишкой.

Робеспьер, по словам Тэна, был пустой и напыщенный человек, у которого идеи заменялись словами; любуясь собственной фразистостью, он сам себя на свой счет обманывал и обманывал других.

Таланты его совершенно не соответствовали делам; как адвокат, он никогда бы не поднялся над посредственностью, да и в Национальном Собрании долго оставался в тени. Но он был трезв, деятелен, неподкупен, и к концу Конституанты*, когда талантливые люди сошли со сцены, он один остался на виду. Подозрения казались ему достаточными доказательствами; всякий аристократ казался ему негодяем и всякий негодяй — аристократом. В три года Робеспьер догнал Марата и сошелся с ним в целях и средствах. Помимо борьбы с буржуазией, он хотел истребить всех богатых и «порочных» людей.

А когда популярность его стала уменьшаться, он обрушился на своих обличителей, прибег к гильотине и заставил Конвент вотировать законы, отдававшие в его распоряжение жизнь всех и каждого. Будучи, однако ж, в глубине души честным человеком, он не посмел вызвать народный бунт в свою защиту и пал.

Одним словом, это был узкий теоретик с одной преобладающей идеей, справедливой по своей сущности, но парадоксальной в приложении к практике. Тщеславие, недостаток нравственного чувства и условия обстановки заставили Робеспьера проводить ее террористическим путем. А между тем деяния этого человека, распоряжавшегося некоторое время всей Францией, не оставили никакого следа. Вообще, случайные политики, выдвигаемые революциями на первый план, если и бывают способны к великим замыслам, то никогда не обладают достаточной интеллектуальной силой, чтобы осуществить и упрочить свои предначертания.

Дантон, тоже плохой адвокат, живший очень скромно и притом лишь с помощью своего родственника, содержателя кафе, тоже только благодаря революции мог удовлетворить своей страсти к роскоши и преобладанию; он выдвинулся своим замечательным красноречием, политическими способностями и добродушно-веселыми манерами, понравившимися толпе.

Но он также был дегенерат (курносый, с выдающимися скулами), лишенный нравственного чувства; сделавшись министром юстиции, он стал брать взятки, жил в среде воров и преступников разного рода и был инициатором самых возмутительных деяний революции. Он не раскаялся

даже и тогда, когда сам стал жертвой последней. Перед казнью он сказал только, что во время революции власть переходит в руки людей наиболее непорченых.

Глава 14. Индивидуальные факторы (продолжение). Политические преступники по увлечению, распространяющемуся эпидемически

Среди случайных факторов, обусловливающих политические преступления, нет более могучего, как эпидемическое увлечение, рождающееся уже из одного только скопления людей в большом количестве. Это обстоятельство до такой степени важно, что хотя бы мы об нем уже говорили, но теперь, рассматривая индивидуальные факторы, вновь должны к нему возвратиться.

В самом деле, единственной причиной бунтов часто является даже случайное скопление (ярмарка, праздник и прочее) большого количества людей на одном месте, особенно летом, а уж о скоплениях специальных, о политических сходках, собирающихся во имя общей цели, и говорить нечего.

Слова ораторов действуют тогда на верующую, раздражительную, невежественную, героически настроенную толпу подобно внушению свыше. Происходит нечто подобное нравственному опьянению, возбуждаемому, помимо зажигательных речей, криками, толкотней, взаимной поддержкой. Все это заглушает индивидуальную совесть и заставляет толпу совершать такие деяния, о которых отдельное лицо никогда бы не подумало.

Манцони превосходно описывает тот страстный порыв, который так легко охватывает толпу, заставляя самых покойных людей доходить до крайностей, совершенно не свойственных их натуре.

«В народных движениях, — говорит он, — всегда участвуют люди, по крайней странности, фанатическим убеждениям или по любви к разрушению и с преступными целями придерживающиеся девиза “Чем хуже — тем лучше”. Но наряду с ними в этих движениях всегда участвуют и люди, боящиеся крови и насилий, а потому, с той же страстью, с таким же упорством стремящиеся к целям умиротворения. Те и другие, без всякого предварительного уговора, без всякого плана, по одному только совпадению воль начинают бороться друг с другом. “Толпа, служащая, так сказать, материалом для бунта, состоит, следовательно, из случайной смеси людей, более или менее принадлежащих к той или другой из вышеупомянутых партий”. Руководимая отчасти увлечением, отчасти личными интересами, отчасти всякой по-своему понимаемой справедливостью, отчасти любовью к скандалам; готовая к жестокости и милосердию, к истреблению и обожанию, смотря по внезапно ею овладевающим чувствам, толпа эта жаждет чего-

нибудь необычного, из ряда вон выходящего. Она не может не кричать, не аплодировать или не свистать кому-нибудь. “Смерть ему!” или “Да здравствует!” — вот крики, чаще всего ею издаваемые. Если удастся ей доказать, что такой-то не заслуживает казни, то этого достаточно, чтобы ему устроили триумф. Настроение толпы зависит от случая. Иногда достаточно нескольким голосам крикнуть: “Расходись!”, чтобы толпа действительно разошлась и потом участвовавшие в ней спрашивали друг у друга: “Что такое случилось?”

Иногда не нужно даже и вожаков, чтобы увлечь толпу, — сама скученность большого количества людей на одном месте служит возбуждающим ферментом (Сицилийские Вечерни). А когда толпа начинает действовать, то она всегда хватает через край и совершает злодейства даже из добрых побуждений».

«В эти минуты проявления грубых страстей и свирепости, — пишет Сигеле, — цивилизованный человек превращается в дикаря, так что поневоле приходится вспомнить гипотезу атавизма, в силу которого первобытный инстинкт убийства, гнездящийся в сердце цивилизованного человека, ждет только искры, чтобы вспыхнуть с новой силой».

«Внезапно полученное всемогущество и свобода убивать, — пишет Тэн, — есть напиток слишком крепкий для человеческой натуры; от него кружится голова и кровь приливает к мозгу, вызывая буйный бред».

Какой-нибудь рассыльный с угла улицы, человек в общем честный и мирный, убивает под влиянием этого бреда пятерых священников, а затем и сам умирает через месяц от бессонницы и страшных мучений совести.

«Во время массовых расстрелов человекоубийственный инстинкт быстро распространяется в толпе. Раз кто-нибудь убивает — все хотят убивать. Невооруженные, — рассказывал один офицер, — бросали в меня камнями; женщины скрежетали зубами и собирались выцарапать мне глаза; двое из моих солдат были уже убиты. При общих враждебных криках я успел добраться до ратуши, где мне предъявили голову губернатора Де Лонэ, насаженную на пику, советуя полюбоваться на нее хорошенько. Выходя из крепости, Де Лонэ был ранен шпагой в правое плечо, а затем толпа бросилась его бить и рвать за волосы, причем иные предлагали срубить ему голову, другие — повесить или привязать к хвосту лошади. Доведенный до отчаяния, он вскричал наконец: “Да убейте же меня поскорее!” — и с этими словами толкнул ногой в живот одного из окружавших. Тогда его подняли на штыки, бросили в ручей и топтали его труп, крича: “Вот чудовище, которое нам изменило! Нация требует, чтобы голова его была показана публике”. Отрезать эту голову предложили тому человеку, которого Де Лонэ толкнул. Это был повар без места, отправившийся брать Бастилию, потому что все шли, и надеявшийся даже получить за это медаль, как за патриотическое деяние. Кто-то дал ему саблю, но она оказалась тупой и не рубила; тогда повар вынул из кармана маленький ножик с черным черенком и весьма

умело — в качестве человека, привыкшего резать мясо, — покончил с операцией. Вздев затем голову на вилы, окруженный двумя сотнями вооруженных людей, не считая простых зевак, он понес свой трофей в Пале-Рояль, откуда толпа проследовала на Новый мост (*Pont-Neuf*), где перед статуей Генриха IV три раза наклонила голову, приговаривая: "Кланяйся своему господину!"».

Очевидно, что этот повар случайно превратился в преступника; не будь случая, он не убил бы мухи.

Не безнаказанно, однако же, первый попавшийся человек из народа, долгими веками цивилизации приученного к жалости и милосердию, вдруг становится палачом. Сколько бы ни толкал его на убийство внезапно проснувшийся атавистический инстинкт, как бы ни подхлестывал он себя обвинениями и ругательствами, направленными на жертву и долженствующими оправдать его поступок, в глубине души он все же чувствует, что совершил нечто непростительное, и мучится, как леди Макбет.

Но тогда, может быть в виде реакции против невольного прилива гуманных чувств, обусловленного наследственностью, он начинает сердиться на самого себя и для того, чтобы задушить эти чувства, опьяняется преступлениями, усиленно заливая свою совесть чужой кровью. Надо помнить, что убийство — особенно безоружных людей и холодным оружием — должно возбуждать в его физическом и нравственном организме две разнородные эмоции: с одной стороны, ощущение беспрепятственного и безнаказанного господства над чужой жизнью и живым телом, а с другой — любование разнообразными смертными муками.

Как человек доходит до такого состояния? Сигеле это прекрасно объясняет.

«Толпа, — говорит он, — есть среда весьма удобная для размножения микробов зла, тогда как микробы добра гибнут в ней, не находя подходящих условий для своего развития, так как состоит она из элементов весьма разнородных. Наряду с людьми добрыми и жалостливыми в ней есть люди жестокие или индифферентные; наряду с честными есть негодяи и преступники, причем скученность дает преимущество дурным чувствам, заглушая хорошие.

Последние заглушаются прежде всего по причинам, так сказать, арифметическим. Как средняя из большого количества цифр никогда не может быть равна наивысшим из них, так и многочисленное сборище людей не может быть проникнуто чувствами и стремлениями, свойственными лишь некоторым, особенно высокоразвитым индивидуумам из его среды. Толпа всегда отразит лишь чувства, свойственные большинству.

То же самое замечается в среде комиссий — научных, художественных, торговых и прочих, составляющих язву нашего общественного управления. Решения этих комиссий часто поражают публику своей странностью. Каким образом, спрашивают обыкновенно, такие люди, как *А* и *Д*, входя в

состав известной комиссии, могли допустить такое нелепое решение? Почему десять или двадцать ученых, десять или двадцать артистов, соединенных вместе, выносят приговор, несообразный с законами науки или искусства? Такой приговор, какого ни один бы из них в отдельности не сделал.

На это "почему" до сих пор ответа не было, но факт замечен всеми.

И не только комиссии, а даже политические коллегии часто совершают деяния, состоящие в резком противоречии с индивидуальными мнениями и наклонностями большинства их членов. Древняя пословица говорит: "*Senatores boni viri, senatis autem mala bestia*"[1], и мы, современные люди, подтверждаем это древнее наблюдение, когда говорим о наших теперешних колониальных учреждениях, что каждый из их членов, взятый отдельно, хороший человек, а все вместе — бездельники».

Причины такого явления многочисленны и разнообразны, но в нашем случае они могут быть сведены к двум главным категориям: к неоднородности коллегиальных групп или народных сборищ и к их «неорганизованности».

«Очевидно, — продолжает Сигеле, — что характер агрегата личностей тогда только может быть аналогичным характеру этих личностей, взятых отдельно, когда последние равны между собой или, по крайней мере, подобны друг другу. Собрание единиц разнородных не только не может воспроизвести характера этих единиц, но не может даже составить ничего единого. Человек, лошадь, рыба и насекомое не могут представлять собой агрегат. Здесь, как в арифметике, для того чтобы получить сумму, нужно взять величины однородные.

Да и этого недостаточно — нужно еще, чтобы однородные величины были связаны друг с другом постоянным отношением, чтобы они были организованы.

Применяя это правило к социологии, мы увидим, что всякие случайно или насильственно составившиеся группы людей — толпа, публика в театре, даже присяжные — никогда не могут выразить характера единиц, из которых состоят, точно так же как беспорядочная куча кирпичей никогда не примет прямоугольной формы отдельно взятого кирпича. В этом последнем случае для того, чтобы получить не кучу, а стену, нужно поставить отдельные кирпичи в определенное и постоянное друг к другу отношение. Совершенно так же и в человеческом обществе. Для того чтобы характер агрегата людей соответствовал характерам отдельных лиц, его составляющих, нужно, чтобы эти лица были связаны между собой постоянными и органическими отношениями, какие существуют, например, в семье или в отдельном общественном классе.

Без этого высокие черты характера, развитые в некоторых привилегированных индивидуумах цивилизацией и воспитанием, будут затерты чертами, общими большинству и стоящими на более низком уровне.

---

[1] Сенаторы — хорошие люди, Сенат же — злое животное (*лат.*).

Лучшие чувства отдельных индивидуумов затираются в толпе еще и по другой причине. Добрый, мягкий, сострадательный человек никогда не осмеливается вполне откровенно высказаться перед толпой из боязни прослыть трусом. Во время уличных демонстраций и бунтов весьма многие кричат “Смерть ему” или “Долой” только ради того, чтобы их не заподозрили в трусости или шпионстве. А от криков они часто переходят и к делу. Нужна особая, редко встречающаяся сила характера для того, чтобы восстать против жестокостей, совершаемых толпой, в состав которой входишь и сам; не многие обладают такой силой. Большинство чувствует свою неправоту, но под влиянием массового течения не может удержаться. Поток раздавит их. Физический страх быть смятым толпой примешивается к страху прослыть трусом.

Немудрено, стало быть, что при таких условиях дурные страсти берут в толпе верх над хорошими».

Но есть и еще одно соображение, которое, пожалуй, лучше объясняет победу грубых инстинктов.

По словам Серджи, «всякая идея, всякая эмоция индивидуума есть лишь рефлекс с впечатления, полученного извне. Никто, стало быть, не может ни двигаться, ни действовать, ни думать иначе, как в силу “внушения”, произведенного видом известного предмета, словом, звуком, движением, происходящим вне его организма. И это внушение может действовать на одно лицо или на целую толпу; может распространяться эпидемически, одних заражая сильно, других — слегка, треть их вовсе оставляя нетронутыми[1].

Только интенсивность явления колеблется, а натура его остается неизменной».

Счастливая мысль Серджи, который приравнивает массовое внушение к индивидуальному, эпидемическое подражание к спорадическому, подтверждается всеми формами человеческой деятельности[2]. «Кто не увидит настоящего внушения в тех отношениях, которые образуются между учителем и учеником, в том подражании последнего первому, которое основывается на инстинктивном, бессознательном уважении и симпатии?

Кто не знает, что внушение может распространяться эпидемически, экстенсивно и интенсивно, возрастая в тех случаях, когда окружающие

---

[1] Если бы это было верно, если бы не только всякое действие, но и всякая мысль человека была результатом внушения, то никакой прогресс был бы невозможен, ничего нового ни в психике человечества, ни в его обстановке не могло бы появиться. Если это новое все-таки появляется, значит, оно в ком-то зародилось самостоятельно, без всякого внушения извне. Внешний толчок к мышлению или действию, нисколько не предопределяющий направления и силы последних, никак нельзя отождествлять с внушением, которое определяет и то и другое.

[2] Нельзя забывать, что помимо людей, подчиняющихся внушению, есть еще и такие, которые сами внушают. — *Примеч. перев.*

обстоятельства тому благоприятствуют, а энергия лиц внушающих не ослабевает?

Политические и религиозные секты доходят иногда до настоящих и самых разнообразных эпидемических психозов, поражающих своей грязью или жестокостями. При ближайшем рассмотрении психозы эти оказываются, однако же, болезненным преувеличением явлений внушения, господствующих в общественной жизни.

Как в пределах нормы мы видим влияние учителя на ученика, сильного на слабого, одного на многих, гениального человека на всех его современников, так в области патологии мы можем встретить влияние одного сумасшедшего на другого такого же или на многих людей с неуравновешенными натурами.

Все это доказывает, что патология следует тем же законам, что и физиология, а кроме того — что внушение есть феномен универсальный».

Если, стало быть, эмоция гнева и ненависти, овладевшая каким-нибудь индивидуумом, начинает распространяться в массе, то «лица и жесты всех людей, составляющих эту массу, сразу принимают гневный оттенок, в котором есть что-то очень натянутое и трагическое».

«Не следует думать, однако же, что тот оттенок только кажущийся: видимые проявления эмоции, хотя бы поддельные, почти всегда сопровождаются и действительным ее внушением. Мы можем силой воли подделать эмоцию, которой не чувствуем, но мы не можем не чувствовать эмоции, которую подделываем. Искусственно раздражая нервные волокна, обусловливающие внешние проявления известной эмоции, мы не можем избежать обратного действия этих проявлений на нашу психику. Специальный мускульный акт не только выражает собой известную страсть, но и составляет существенную ее часть. Выразите на своем лице известную эмоцию — гнев, удивление, презрение, — и эта эмоция тотчас же овладеет вами».

«Ясно, стало быть, что толпа, внешним образом проявляющая гнев или ненависть, тотчас же и в самом деле почувствует себя рассерженной, причем ей легко дойти и до преступления.

Все отдельные лица, составляющие толпу, окажутся находящимися в таком же психологическом настроении, в какое попадает человек лично оскорбленный. Поэтому и преступление, ими сообща совершенное, будет реакцией (справедливой или не справедливой, но вполне понятной) на это оскорбление, действительное или предполагаемое, а не каким-нибудь бессмысленным варварским актом.

Интенсивность эмоции растет прямо пропорционально количеству лиц, одновременно и в одном месте ее переживающих, — это неоспоримый психологический закон. Потому-то восторг или негодование и доходят до крайней степени в театрах и народных сборищах.

Попробуем, например, анализировать, что происходит в зале, в которой говорит оратор. Предположим, что сила эмоции, переживаемой последним,

в минуту появления на кафедре равняется десяти и что при первых же его красноречивых словах половина этой эмоции передается слушателям, которых 300 человек. Каждый из них будет реагировать на нее аплодисментами или напряженным вниманием, что создаст в зале движение. Но это движение почувствуется всеми одновременно, и потому на каждого слушателя будет влиять не одна только эмоция оратора, но и та, которая овладела тремястами его товарищей. Если предположить, что на него опирается только половина этой эмоции, то и тогда сила ее будет равняться уже не пяти, а пяти, помноженным на триста, то есть семисот пятидесяти».

В толпе, конечно, эмоции не передаются таким образом от всех к одному и, следовательно, не представляют такого характера органической концентрации. Там, напротив, передача идет бессистемно, неправильно, и потому часть эмоций — надо в этом признаться — пропадет бесследно. В таких случаях интенсивность эмоции не соответствует обыкновенно числу индивидуумов и нарастание ее совершается менее быстро. Но, однако же, общий закон этим не нарушается. Он только проявляется более неопределенным и смутным образом, но самые эти смутность и неопределенность производят свое влияние. Всякий шум, всякий крик, именно потому, что он является неопределенным или неверно понятым, производит на толпу более сильное впечатление, чем должен бы был произвести в действительности. Воображение каждого индивидуума начинает сильно работать; каждый становится более доступным для внушения и с необычайной быстротой перескакивает от одной идеи к другой. Ферменты всех страстей поднимаются из глубины души, подобно тому как при химических реакциях из разных веществ получаются новые, из разных чувств возникают новые страшные эмоции, до тех пор в душе человеческой не возникавшие.

Вот в этих-то случаях — при невозможности не только понять правильным образом, но даже ясно слышать и видеть происходящее — малейший факт принимает необычайные размеры и малейшего вызова бывает достаточно для того, чтобы подвинуть толпу на преступление. В этих-то случаях толпа убивает невинных, даже не выслушав их, потому что, как говорит Максим дю Кан, «для нее достаточно одного подозрения, чтобы составить себе глубокое убеждение».

Вполне естественно, стало быть, что раздражение и гнев толпы весьма быстро, благодаря только влиянию численности, переходят в настоящее бешенство и доводят ее до самых ужасных преступлений.

Это роковое влияние численности, которое мы старались объяснить, подтверждается наблюдениями всех натуралистов. Известно, что храбрость животных усиливается прямо пропорционально их количеству. По словам Фореля, даже муравей, который смело идет на смерть, когда окружен товарищами, в одиночестве делается трусом и бежит от малейшей опасности.

Тот же автор в одном из своих опытов дает нам наилучшее доказательство справедливости закона о влиянии числа сражающихся на их одушев-

ление. Взяв из двух отчаянно дравшихся армий по нескольку муравьев, он посадил их вместе в один и тот же сосуд; при этом муравьи, только что бывшие смертельными врагами, стали относиться друг к другу по-дружески.

Не доказывает ли это, что воинственность и жестокие инстинкты вызываются в толпе ее численностью?

Но если в состав толпы, как бы она ни была мала, попадают сумасшедшие или прирожденные преступники, то жестокость ее становится дьявольской.

«В 1870 году коммунарские часовые заметили поспешно идущего человека. "Стой! Кто такой? Куда идешь?" Человек оказался с усами — значит, он жандарм. "Расстрелять жандарма!" — кричит толпа, причем особенно горячится одна женщина с ружьем в руке и патронташем на поясе. Эту женщину зовут Марселина Эпильи. Нечего и говорить, что толпа единогласно присудила прохожего к смертной казни. Поволокли его к стене, но он оказался очень энергичным, стал бросаться на своих палачей и многих сшиб с ног. Вскоре, однако ж, успели его повалить. Кто-то выстрелил и ранил его в левую руку. Раненый приподнялся. Тогда Марселина вскричала: "Пустите меня с ним покончить!", приставила ружье к груди бедняка и выстрелила, а так как он продолжал еще двигаться, то добила его».

По поводу жестокостей, совершенных коммунарами, Максим дю Кан пишет: «Это были простые разбойники, выдумывавшие предлог для своих злодеяний. Убивая лучших людей страны, они говорили, что устраняют врагов народа; воруя, они говорили, что отнимают национальное имущество; поджигая, они говорили, что воздвигают препятствия для монархической армии. Под этими предлогами они грабили имущества и казенные, и городских касс, и частных людей, а жгли все что могли. Только одни пьяницы были откровенны — они говорили, что хотят пить, и разбивали бочки. Все, одним словом, подчинялись только своим преступным инстинктам, а политика стояла на последнем плане».

В 1789 году толпа не ограничивалась воровством да убийством, она доходила до садизма над телами м-м Ламбалль, Дарю и одной цветочницы из Пале-Рояля. Один бывший солдат, Дамиен, вырезал сердце генерал-адъютанта Лале и ел его, причем «кровь текла у него изо рта по усам».

Во всех этих ужасах большое участие принимали 40 тысяч преступников, толпами бродивших по улицам Парижа в 1793 году. В самом деле, когда в 1750 году в Париже был бунт, вызванный невыносимым деспотизмом полиции, и обозленная толпа бросилась громить полицейскую префектуру, то один из служащих в последней предотвратил погром, приказав отворить все двери, причем толпа сразу успокоилась. Но это может случиться только тогда, когда в толпе нет преступных элементов или их очень мало.

Так, в Риме в 1889 году бунт кончался только битьем стекол, но между арестованными не нашлось ни одного заведомого преступника. Наоборот, если деказвильская стачка 1886 года была особенно кровавой, то это потому, что преступный элемент преобладал среди стачечников.

Глава 15. Индивидуальные факторы (продолжение). Политические преступники по страсти

1) *Преступники по страсти.* У таких лиц благородные черты физиономии, в предыдущем случае (у преступников случайных) едва намеченные, выступают особенно резко, преувеличенно. Признаков вырождения у них не бывает. Примером может служить Брут.

При взгляде на физические особенности 60 политических мучеников, описанных Айалой, мы найдем, что у 26 из них лицо вполне правильно и красиво; у четверых только выражение несколько ненормально; один бледен и с узким лбом, у некоторых слегка выдаются скулы; 2 — рахитичны; 26 — высокого роста, и только 3 очень малорослы.

Из 30 известных нигилистов 18 отличаются правильностью и красотой физиономий, а именно: Перовская, Гельфман, Бакунин, Лавров, Стефанович, Михайлов, Засулич, Оссинский, Антонов, Иванова, Желябов, Чернышевский, Зунделевич, Фигнер, Пресняков; у 12 имеются некоторые аномалии, но в легкой степени.

Из итальянских революционеров красивыми и правильными физиономиями обладали: Дандоло, Пома, Порро, Шаффицо, Фабрици, Пепе, Паоли, Фабретти, Пизанане и прочие.

Из французских революционеров, обладавших красивыми лицами, надо упомянуть о Демулене, Барра, Бриссо, Карно. Карл Занд был также очень красив, равно как Орсиньи и Ш. Корде.

Вообще итальянские самые крупные революционеры обладали физиономиями, так сказать, антипреступными. Широкие лбы, прекрасные бороды, правильные черепа, мягкий и ясный взгляд обобщают их как бы в одну семью, хотя на самом деле они происходили из самых разнообразных местностей. Признаки вырождения нашлись только у одного — в высшей степени честного Соттокорнолы.

2) *Возраст и пол.* Женщины и юноши 18–25 лет в этой категории преступников преобладают.

Режи замечает, что почти все цареубийцы были очень молоды: Соловьев, Шатель, и Стопс имели по 18 лет; Занд — 25, Рено — 20, Баррьер и Бут — 27, Алибо — 26, Ш. Корде — 25, Менье — 23, Монкази — 22, Отеро — 19. Между анархистами Чикаго Лингу было 20 лет, Швабу — 23.

Демаре пишет: «Ввиду того что энтузиазм и готовность жертвовать собой суть болезни молодости, наполеоновская полиция особенно следила за юношами 18–20 лет».

3) *Соучастники.* У цареубийц, даже здравомыслящих, почти никогда не бывает соучастников, в противоположность тому, что наблюдается при убийствах обыкновенных. Их не нашли у Занда, Пассананте, Оливы, Монкази, Нобилинга, Ш. Корде и Равальяка. Последний даже прямо указывает на

это в своей предсмертной исповеди. Это не относится, конечно, к заговорам, но заговор есть уже воюющая сторона, в состав которой сумасшедшие и фанатики могут входить только в ограниченном количестве, так как на них нельзя положиться.

4) *Наследственность.* Многие из политических преступников по страсти унаследовали свой фанатизм, или мистицизм, от родителей (Орсини, Ш. Корде, Бут, Брут, Нобилинг), так что у них страстность натуры наследственная.

Из автобиографий чикагских анархистов мы видим, что отец и мать Пирсона были фанатичными методистами. Более ста лет семья Пирсонов принимала участие во всех революционных движениях Англии и Америки; один генерал Пирсон служил во время революции 1776 года; капитан Пирсон был в сражении при Банкер-Хилле*.

Отец Фильдена был рабочим, но отличался ораторским искусством и состоял в числе агитаторов по рабочему вопросу в Англии.

Отец Орсини, как мы увидим ниже, был одним из наших политических мучеников.

Отец, дед и братья Станислава Падлевского, судившегося за убийство генерала Селиверстова, принимали участие в польских восстаниях и почти все были расстреляны или кончили жизнь в тюрьмах.

Бут, Нобилинг и Алибо были детьми самоубийц.

5) *Психология.* Души преступников по страсти превосходят своею красотой их тела. Этих людей можно назвать гениями чувства и потому-то слишком жестоко было бы смешивать их, почти святых, с вульгарными преступниками. Попытка анализировать их характеры с психиатрической точки зрения сделала бы нас похожими на тех людей, которые пробуют изучать божественные формы Венеры Медицейской при помощи геометрии, не обращая внимания на прелесть целого*.

О святые души, посвятившие себя одной идее, простите нас! Мы чувствуем, что одной возможности вашего появления на свет Божий достаточно для того, чтобы сделать род человеческий более достойным уважения и вознаградить его за унижение, которому он подвергается со стороны множества людей, предающихся единственно только грубым наслаждениям!

Но у людей науки есть свой долг; отдав честь прекрасному, они обязаны вернуться к измерениям.

Политические преступники по страсти, как мы уже сказали, могут служить образчиками честности и порядочности.

Брут, например, славился своею честностью до такой степени, что даже те, которые ненавидели его за убийство Цезаря, не могли отказать ему в своем уважении.

Доброта Занда была такова, что место, на котором он умер, получило от народа прозвище «Путь Занда на небо».

Ш. Корде была образцом хорошей женщины.

Из 60 политических мучеников, описанных Д'Айалой, известен характер 37, и 29 из них были людьми благородными, мужественными и деликатными, хотя слишком горячими и предприимчивыми.

Почти у всех политических преступников по страсти замечается чрезмерная чувствительность, настоящая гиперэстезия чувства, так же как и у обыкновенных преступников по страсти. Но могучий интеллект и великий альтруизм направляют первых к целям более возвышенным, чем те, к которым стремятся последние.

Они никогда не гонятся ни за богатством, ни за почестями, ни за улыбкой женщины (хотя не лишены иногда эротизма, подобно Гарибальди, Мадзини, Кавуру), а чаще всего служат великим идеалам политическим, религиозным или научным.

Они раньше и живее других своих современников чувствуют несправедливость политической и социальной тирании, они более горячо стремятся к реформам и готовы жертвовать за эти последние собой. Они так дорожат справедливостью, с таким энтузиазмом относятся к идеалам, что верят в полное осуществление последних только потому, что горячо того желают.

Гарибальди в своих мемуарах вспоминает о всех друзьях и лицах, с которыми имел дело, начиная со своей матери, которую очень любил, и кончая собакой, умершей с горя, когда он принужден был оставить ее в Танжере. В раннем детстве, нечаянно переломив ножку у сверчка, он несколько часов плакал об этом; будучи мальчиком, он спас женщину, упавшую в воду; взрослым уже человеком он ухаживал за холерными больными.

Винченцо Руссо, родом из Пальма Нолана, был адвокат, ученый и красноречивый человек, приятный в обращении и до такой степени бессребреник, что всем жертвовал для того, чтобы помочь ближним. Жил он на гроши, ел когда попало и что попало, спал на чем придется. Идя на казнь, он упрекал палача за то, что тот не позволил ему говорить с эшафота. «Умираю за республику и свободным!» — воскликнул он, бросаясь с лестницы с веревкой на шее.

Другой пример имеем мы в одном из вожаков русских нигилистов, описанных Степняком. Валерьян Оссинский, энергичный террорист, заражавший своей верой всех окружающих, еще будучи 11 лет от роду, смело защищал от разбойников дом соседа, смертельного врага его семьи. Он любил опасность из-за нее самой; лихорадочное возбуждение борьбы его опьяняло; он любил славу и женщин. В России не устраивалось ни одной революционной попытки без его энергичного участия. Арестованный в Киеве в 1879 году, он был приговорен к смертной казни, причем на его глазах казнили двух его товарищей. За эти несколько минут Оссинский успел поседеть, но дух его остался непоколебленным.

О нигилисте Лизогубе Степняк говорит, что он, будучи миллионером, жил как последний бедняк, для того чтобы отдать побольше денег своей

партии. Друзья должны были насильно заставлять его есть получше, чтобы не захворать от лишений.

Этот Дмитрий Лизогуб, высокий, жидковатый, бледный молодой человек с голубыми глазами и очень мягким характером, с виду казался покойным и смирным, но в сущности был полон огня и энтузиазма. Принужденный сдерживаться для того, чтобы правительство не конфисковало его имения, он считал свою сдержанность позорной. Будучи арестован по доносу своего секретаря и приговорен к смерти, он отказался подписать просьбу о помиловании. На казнь он шел улыбаясь, успокаивая товарищей и говоря, что теперь только считает удовлетворенным свое желание умереть за правое дело.

Другой революционер, Дмитрий Клеменс, человек простой, обладавший живой и образной речью, что делало его одним из лучших популяризаторов революции, с широким лбом мыслителя, карими глазами, тонкими губами и широким, коротким носом, живой, мягкосердечный, был обожаем друзьями за доброту и верность делу. Любя опасности, он относился к ним шутя и покойно. Один раз он под собственным именем поручился за арестованного товарища, а в другой раз освободил нескольких политических арестантов, выдав себя за правительственного инженера и завоевав всеобщие симпатии.

Ш. Корде тоже была очень добра и грациозна; в юности она изучала историю и философию, восторгаясь Плутархом, Монтескье и Руссо. Горячие речи эмигрантов-жирондистов, из коих в одного она была, кажется, влюблена, заставили ее проникнуться их идеями. Присутствуя на заседании Конвента, в котором они были приговорены к смерти, Ш. Корде решилась устранить человека, вызвавшего этот приговор. На вопрос, как это она, такая слабая и неопытная, решилась без всяких помощников убить Марата, она отвечала: «Гнев и страсть укрепили мое сердце и указали путь, по которому я добралась до его сердца». Перед тем как взойти на эшафот, на котором последним ее движением был жест стыдливости, она писала Барбару, что друзьям незачем оплакивать ее смерть, так как всякий, подобно ей обладающий живым воображением и чувствительным сердцем, заранее осужден на бурную жизнь. Письмо это она оканчивает следующими, вполне справедливыми строками: «Какой жалкий наш народ! Где ему основать республику, раз никто здесь не понимает, что женщина, жизнь которой никому не приносит пользы, обязана хладнокровно умереть за родину!»

Ламартин говорит: «Если бы нам нужно было найти прозвище для этой великой освободительницы, для этой самоотверженной убийцы тирана, такое прозвище, которое соединяло бы в себе энтузиазм поклонника с суровостью судьи, так как она все же совершила преступление, то мы назвали бы ее ангелом убийства».

Перовская обладала красивой, почти детской физиономией; характера была веселого, но страшно впечатлительного. Несмотря на свою принадлежность к высшей аристократии, она страшно ненавидела всякий гнет,

образчиком которого могло для нее служить обращение ее отца с матерью. Бежав из дома, она сделалась ярой последовательницей нигилизма и заняла в партии весьма влиятельное положение как пропагандистка в среде крестьян и рабочих. За это она была арестована и сослана в северные губернии, откуда в 1878 году бежала и сделалась основательницей террористического общества, принимала участие в покушении Гартмана под Москвой, а затем и в убийстве 1 марта. На казнь она шла в высшей степени мужественно.

Вера Засулич, покушавшаяся на жизнь генерала Трепова, была оправдана присяжными, но осталась этим недовольна, так как обвинение дало бы ей возможность сознавать, что она сделала ради своей цели все, что могла. Присяжным она говорила: «Я знаю, что убийство человека есть дело чудовищное, но я хотела доказать, что нельзя оставлять безнаказанными такие злодейства (порку обвиняемых в политических преступлениях), я хотела обратить на них внимание всего общества для того, чтобы они не могли повторяться». Слова эти были проникнуты такой страстью и таким благородством, что всех убедили.

К характерным чертам преступников по страсти относится также желание пострадать. «Страдание — прекрасная вещь», — говорил один из героев Достоевского. Страдать они предпочитают, конечно, за какую-нибудь великую идею, но иногда и прямо ради одного только страдания. Особенно часто это замечается у религиозных фанатиков, бичующих себя или носящих власяницы с иглами. Этим и можно объяснить самоотречение нигилистов и христианских мучеников.

Одна из обвиняемых по процессу «пятидесяти» в Петербурге, доведенная до крайности чахоткой и дурным обращением тюремного начальства, импровизировала на суде стихи, показывающие, до какой степени она была проникнута стремлением пострадать.

Ренан приписывает победу христианства не только гениальности Иисуса Христа и Его предшественников, ессеев, но главным образом страсти первых христиан к страданиям, страсти настолько могущественной, что такие люди, как Юстин и Тертуллиан, были обращены ко Христу одним зрелищем мук, твердо переносимых Его последователями. Понятно, стало быть, почему гностики, проповедовавшие безопасность страданий, были изгоняемы из всех христианских общин.

Такая непонятная с первого взгляда твердость несомненно является результатом парадоксальной парэстезии — нечувствительности, зависящей от страстного сосредоточения на одной идее, от моноидеизма, как это мы видим у людей гипнотизированных, находящихся под влиянием могучего внушения.

Такие моноидеисты были пионерами всех политических, религиозных и социальных движений. Между ними-то и встречаются наиболее благородные фигуры мучеников.

Надо заметить, что женщины, особенно легко подчиняющиеся внушению, в преобладающем количестве встречаются и в числе этих мучеников, как христианских, так и нигилистических.

«При избиении бабистов в Персии, — пишет Ренан, — люди, почти не принадлежавшие к секте, сами на себя доносили для того, чтобы пострадать. Человеку так приятно пострадать за что-нибудь, что в большей части случаев достаточно только одного стремления к страданию, чтобы сделать его верующим. Один из учеников Баба, повешенный рядом с ним, не переставал спрашивать: "Учитель, доволен ли ты мною?"»

Почти все христианские мученики как в древности, так и в наше время положительно почти наслаждались муками. По словам Смайльса, Анна Ашео, подвергнутая пытке, причем вывихивались ее суставы, не издала ни единого крика, не пошевелила ни одним мускулом. Она спокойно смотрела в лицо своим мучителям, ни в чем не сознаваясь. Г-жи Латимер и Ридли также спокойно шли на казнь, «потому что, — говорили они, — мы зажжем сегодня в Англии такой светоч, который никогда уже больше не погаснет».

Мария Дайер, квакересса, повешенная пуританами в Новой Англии за проповеди народу, тоже спокойно шла на виселицу и умерла даже с радостью.

Мистицизм, по словам Режи, принадлежит к числу характерных особенностей цареубийц. В монархиях цареубийцы были религиозными мистиками, а в республиках и во время революций — мистически настроенными патриотами, вроде теперешних анархистов. Лювель убил герцога Беррийского, чтобы освободить Францию от врага; Равальяк убил Генриха IV, чтобы помешать ему воевать с папой. Убежденные в своем предназначении, они убивают, зная, что и сами идут на смерть, охотно стремятся к смерти.

Преступники по страсти твердо уверены, стало быть, в полезности их деяний, что делает их не только твердыми перед казнью, но и не способными к раскаянию, хотя их никак нельзя смешивать с обыкновенными преступниками, у которых презрение к жизни и неспособность к раскаянию зависит от недостатка нравственного чувства. Первые отличаются от последних крайней скромностью и порядочностью в течение всей жизни.

Самым ярким образчиком преступников по страсти могут служить несчастные петербургские декабристы, у которых ни долгое тюремное заключение, ни казнь, продленная благодаря неспособности (может быть, поддельной) палачей, не вызвали ни одного слова ненависти или раскаяния.

«Я знал, что это предприятие нас погубит, — сказал Рылеев, выслушав приговор, — но я не хотел больше видеть мою родину под игом деспотизма! Брошенное нами семя не заглохнет!»

«Я ни в чем не раскаиваюсь, умираю довольным и уверен, что буду отомщен», — сказал Бестужев.

«Мы сеяли для того, чтобы пожать впоследствии», — сказал Пестель.

6) *Неврозы и психозы.* У политических преступников по страсти, так же как у гениальных людей, неврозы и психические аномалии встречаются нередко.

Один из нас знал и изучал интеллигентнейшую нигилистку, г-жу Р. Происходя из богатой, очень интеллигентной и невропатической семьи, она уже с 10 лет возмущалась социальной несправедливостью, не хотела есть фруктов и одеваться в шелк для того, чтобы не оскорблять бедняков, как она говорила. Узнав об идеях нигилизма (еще ребенком), она страстно им предалась. В 12 лет поступила на ткацкую фабрику ради пропаганды; в 14 принуждена была бежать в Швейцарию, где изучала математику; затем, чтобы приспособиться к революционной деятельности, в 18 лет вернулась на родину вместе с другими нигилистами. Увидав, что крестьяне мало подготовлены к восприятию новейших идей, и надеясь увлечь их, она переоделась крестьянкой и стала серьезно заниматься обработкой земли, а когда увидала, что таким путем цели достигнуть нельзя, то сделалась прачкой, потом булочницей. Большинство ее товарищей были арестованы и повешены, она же успела бежать, и казнь была совершена над ее изображением. Поселившись в Париже, г-жа Р. занялась башмачным ремеслом и пропагандой, затем хотела вернуться в Россию, но Бакунин пожалел посылать на верную смерть такое слабое существо и убедил ее заняться пропагандой по деревням Швейцарии. Испытав, по обыкновению, неудачу, она попробовала перенести свою деятельность в Италию, но там ждала ее тюрьма. Отсидев положенное время, г-жа Р. вернулась в Швейцарию, где начала изучать медицину и быстро выдвинулась на этом поприще, но благодаря непостоянству, свойственному страстным натурам, стала перескакивать с акушерства на детские болезни, а потом на хирургию.

При вполне правильных и красивых формах тела у нее замечается, однако же, неподвижность зрачка вместе с усилением сухожильных и сосудистых рефлексов, почему лицо ее легко краснеет. При серьезных знаниях в медицине она неправильно судит о женщинах, считая их во всем равными мужчинам; будучи атеисткой, верит в переселение душ (метемпсихозу); очень говорлива, причем перескакивает с одного предмета на другой; не может обходиться без пропаганды, не только политической, но и научной, то есть популяризирования новых открытий, что служит доказательством отсутствия мизонеизма; весьма быстро привязывается к первому встречному и столь же быстро бросает своих друзей; в любовь и ненависть вносит болезненную чрезмерность. Но все эти недостатки уравновешиваются в ней готовностью жертвовать собой за друга, необыкновенной стойкостью в проведении своих идей, точным и ясным (скорее, чем творческим) умом, широкой филологической культурой (семь языков), серьезными познаниями в математике и медицине, наконец, безграничным материнским чувством.

Орсини обладал привлекательной внешностью; благородными и мужественными чертами лица; длинной черной бородой; широким и высоким лбом; маленькими, но черными и проницательными глазами; обильной шевелюрой, хотя несколько поредевшей на лбу и на висках. Начинал говорить он медленно и осторожно, но потом, воодушевившись, говорил быстро, плавно и горячо.

Вся его жизнь была посвящена родине, но прошла безрезультатно. «Мысль» у него всегда отставала от «действия». Он ощущал потребность действовать во что бы то ни стало и потому ввязывался во всякие самые бессмысленные предприятия, организуемые Мадзини. Безрассудство его было осуждаемо даже теми, кто его подстрекал к действию. Говоря о каком-нибудь бестолковом предприятии, сами мадзинисты называли его орсиниевщиной.

Он был добр, честен и очень храбр, но в умственном отношении стоял невысоко; отличался тщеславием до такой степени, что говорил, будто в Италии только и есть два человека: он да Мадзини. Будучи постоянным в своих политических убеждениях, он на практике беспрестанно впадал в противоречия. Порицая в своих «Мемуарах» изолированные попытки к восстанию, он, как нарочно, был героем всех мадзиниевских попыток, кончавшихся скорее комически, чем трагически. Ему, много писавшему против политических убийств и уверявшему, что никогда не последует за теориями Мадзини до таких крайних пределов, пришлось задумать и выполнить покушение 1858 года. Вообще это был характер слабый, нуждавшийся в том, чтобы им управляли, и легко поддающийся чужому влиянию. Слепое подчинение его Мадзини кончилось лишь тогда, когда заменилось подчинением французским эмигрантам.

Правда, этому подчинению содействовало желание показать, что он и один способен задумать и привести в исполнение крупный политический удар, а также стремление покончить жизнь, становящуюся ему в тягость, таким деянием, которое навеки прославило бы его имя. «Конспираторство превратилось у меня в манию», — заявил Орсини перед судом. И это не было единственным проявлением его психоза.

Монтацио, знавший Орсини в последние годы его жизни, пишет: «С первого взгляда ничто не показывало, что этот человек сильно страдает, но, познакомившись с ним поближе, я убедился, что он часто теряет сознание и впадает как бы в транс. Кроме того, он подолгу страдал лихорадкой, причем подвергался странным галлюцинациям и необъяснимой тоске».

Надо заметить, что страсть Орсини к политике была наследственной, что и объясняет ее интенсивность.

Отец его, так же как и сам он впоследствии, участвовал во всех заговорах, имевших целью единство и независимость Италии. Так, в 1831 году он играл роль в восстании против папского правительства, в котором один из вожаков погиб под пулями полицейских.

Феликсу Орсини было тогда 12 лет, и он был свидетелем этой сцены. «С юности моей, — говорил он на суде, — все мои мысли и действия имели одну цель — освобождение отечества, изгнание иностранцев, месть австриякам, которые вас грабят, расстреливают и душат. Потому-то я и участвовал во всех заговорах, начиная с 1848 года.

В 1854 году я попал в руки австрийцев в Венгрии. Они меня судили, приговорили к смерти и повесили бы, если бы мне не удалось бежать.

Тогда я уехал в Англию, все с той же мыслью — той же манией, если хотите, — быть полезным моей родине, освободить ее ценой собственной жизни. Я был убежден, что бесполезно подставлять людей под пули десятками, как это с давних пор попусту делает Мадзини. Я хотел идти законными путями; я писал к английским лордам и подал петицию правительству в защиту принципа невмешательства.

Анализировав далее политическую обстановку всех государств Европы, я решил, что один только человек может избавить мою родину от иностранного владычества, и человек этот — Наполеон III, могущественнейший из европейских государей. Но все его прошлое убеждало меня, что он не захочет сделать того, что один только может, а потому, признаюсь откровенно, я стал смотреть на него как на препятствие, которое и решил устранить».

Карл Занд — типичнейший представитель политических преступников — страдал припадками меланхолии, толкавшими его на самоубийство.

Гильяро, который пытался убить Базена, чтобы отомстить за поруганную честь Франции, страдал пороком сердца, атрофией правой руки и эпилептоидными судорогами, подобно Ла Салю, пробовавшему убить Наполеона, чтобы освободить от него мир, и умершему в атаксии.

7) *Страстные гении.* Пылкие страсти иногда не заглушают, а, напротив того, увеличивают могущество гения. Люди, совмещающие в себе гениальность с пылкими страстями, как это вполне понятно, должны играть крупную роль в революциях. Такими были, например, Гарибальди, Лассаль и Кавур.

Внешний вид, характер и настроение с раннего детства обличали в Кавуре необычную гиперэстезию. Шести лет от роду (1816 год), путешествуя с родителями по Швейцарии, он однажды настойчиво потребовал смещения полицеймейстера, давшего плохих лошадей под карету, и успокоился только на другой день, когда ему обещали исполнить это требование. В другой раз он страшно рассердился за то, что его позвали учить уроки, причем хотел зарезаться или выброситься из окна. Эти припадки гнева были сильны, но непродолжительны и почти исчезли под влиянием сначала школьной, а потом военной дисциплины.

Кавур как бы родился бунтовщиком и постоянно стоял в оппозиции к идеям своей среды и своего времени. В 13 лет он стыдился носить костюм пажа; немного позднее принц Кариньянский уже прозвал его якобинцем; в

1830 году, узнав об июльской революции, он публично воскликнул: «Да здравствует республика!»

Будучи уже министром, когда надежда на войну, воскрешенная словами Наполеона III, начала было исчезать, Кавур пришел в такое бешенство, что от него можно было ожидать какого-нибудь крайнего поступка. После Виллафранского мира* он также вышел из себя и вскричал: «Этого мира не будет! Трактат не состоится! Я сам поступаю в заговорщики!»

В это именно время признаки гиперэстезии особенно ярко обозначились. Кавур стал впадать в отчаяние и отказываться от своих стремлений к славе и знаменитости. Положение это обострилось до такой степени, что он стал думать о лишении себя жизни и привел бы эту мысль в исполнение, если бы был уверен, что самоубийство есть деяние не безнравственное.

Лассаль, обладавший необыкновенной красотой и высоким лбом, также был бунтовщиком от рождения, посему и не захотел пойти по стопам своего отца.

Изучая гуманитарные науки, он сознал миссию, которую ему предстояло выполнить. Его называли «гигантом страсти», и Гейне ему писал:

«Ни в ком я не встречал такой страсти, такой ясности духа при работе, как в Вас. Вы имеете право быть высокомерным, тогда как мы, все прочие, только узурпируем это божественное право, эту небесную привилегию. В сравнении с Вами я не что иное, как муха».

По словам Лавелье, «приверженцы Лассаля смотрели на него как на мессию социализма. При жизни его слушали как оракула, а по смерти поклонялись как полубогу. Его горячие речи и статьи в течение двух лет всколыхнули всю Германию и создали в ней социал-демократическую партию. Он привлекал к себе людей, как Абеляр, и подобно последнему очаровывал женщин и воспламенял массы. Молодой, красивый, красноречивый, он разъезжал по стране, увлекая сердца и повсюду оставляя восторженных учеников, из которых образовались потом ядра рабочих обществ. В наше время я не знаю другого человека, который в такое короткое время успел бы добиться такого влияния на такое множество людей. Потому-то жизнь Лассаля и похожа на роман».

«В этом молодом человеке сидел Цезарь», — говорит Брандес, а трусливые буржуа боялись, напротив того, чтобы он не сделался Катилиной.

Про Лассаля можно сказать то же, что говорили о Гераклите: «В его натуре заключается ураган».

Во время своего первого шестимесячного заключения он не только не подчиняется правилам тюрьмы, а, напротив, сам предписывает ей законы. И когда тюремщики стараются дать ему почувствовать свою власть, то он разражается бурными возражениями. Узнав, что сестра его подала просьбу о помиловании, он пишет королю, что никогда не примет последнего.

Лассаль был рожден для того, чтобы властвовать; «в 15 лет он считает себя стоящим выше всех людей», «подобно орлу над воронами», «но не бу-

дучи ни принцем крови, ни даже дворянином, он становится демократом-революционером».

Между прочим, Лассаль был не только политический деятель и ученый, а еще светский человек, и не только джентльмен, но настоящий средневековый рыцарь: он жертвует жизнью за любимую или покровительствуемую им женщину, как это видно из его отношений к графине Гацфельд, Софье Саловцевой и Елене Дэнигес.

Глава 16. Влияние гениальных людей на революции

1) *Гениальные люди*. Эти люди являются весьма важными факторами в деле революции. Еще Тарквиний говорил, что для упрочения деспотизма необходимо снимать головы, слишком высоко стоящие.

По мнению Карлейля, всемирная история есть история великих людей. Эмерсон пишет, что всякое новое учреждение есть лишь след какого-нибудь гениального человека, например, Мухаммеда — в исламизме; Кальвина — в пуританстве, Лойолы — в иезуитизме, Фокса — в квакерстве, Кларксона — в аболиционизме и прочее.

Великие люди, говорит Смайльс, накладывают печать своего духа на свое время и свой народ, как сделал, например, Лютер для современной Германии, а Нокс для Шотландии.

«Великие гении, — пишет Флобер, — воплощают в себе отдельные черты многих индивидуальностей и создают таким образом новый тип. В этом лежит одна из причин их громадного влияния».

Они не только никогда не страдают мизонеизмом, но являются непримиримыми врагами всего старого. Гарибальди, углубляясь в неисследованные области Америки, говорил: «Я люблю неизвестное». Идеи Иисуса Христа и до сих пор кажутся слишком смелыми, потому что Он проповедовал чистый коммунизм.

Вот поэтому-то многие гениальные люди начинали править миром только из-за гроба. «Цезарь при жизни никогда не был так могуществен, как после смерти», — пишет Мишле.

Макс Нордау полагает даже, что человечество всем своим прогрессом обязано нескольким гениальным деспотам.

«Масса всегда консервативна, — говорит он, — потому что руководствуется наследственными инстинктами рода, а не новыми идеями, родившимися в мозгу отдельных личностей. Она не может быстро ориентироваться в новой обстановке и чувствует себя хорошо только в привычной среде. По собственному почину она никогда не вступит на новый путь, и только могучая воля какой-нибудь самобытной индивидуальности может поставить ее на этот путь».

Всякая революция является делом меньшинства, индивидуальность которого не может быть согласована с условиями, не им задуманными и не для него созданными. Большинство следует за движением против воли, если оно веками не было подготовлено к разрушению старого строя. Единственными известными в истории новаторами были гениальные деспоты. Идеалами консервативных историков, так же как революций, начатых массами, являются лишь общие места. Вот почему при желании быть логичным и последовательным нужно помещать на первых страницах истории, написанной в консервативном духе, не портреты Фридриха Великого Прусского или Иосифа II Австрийского, а изображение демократа 1848 года в его характерной для этой смутной эпохи шляпе».

«Никакая революция не удается, если во главе ее не стоит один человек, толпа без вожака ни на что не годна», — писал Макиавелли. «В Неаполе, — говорит Коко о неаполитанской революции, — были все элементы восстания, но не хватало человека, а потому оно скоро кончилось».

И это вполне естественно, потому что гений, будучи по натуре антимизонеичным, является главным врагом консерватизма и старых традиций[1]; он — прирожденный революционер, предшественник и наиболее деятельный подготовитель эволюции, что вполне подтверждается выше нами отмеченным параллелизмом между революциями и появлением гениальных людей.

«Можно ли отрицать, — пишет Тард, — влияние проповедников христианства на Германию, Ирландию, Саксонию или проповеди Пифагора на древний мир? Кротониаты были принижены недавним бедствием, он их поднял, укрепил, вернул им победу и процветание. Доказательством искренности и глубины их обращения может служить то, что пифагорейские идеи распространились от них далеко во времени и в пространстве.

Все города Великой Греции заимствовали у Кротоны ее учреждения до такой степени, что могли иметь общую национальную монету, а монетное объединение в большей части случаев служит наиболее ясным признаком объединения социального. Когда видишь греков, и греков итальянских, соседей Сибариса, сделавшихся целомудренными и сдержанными, живущими по-братски под влиянием этого удивительного человека; когда видишь высокую культуру и скромную прелесть пифагорейских женщин, возникшую среди гинекеев и проституции в полном разгаре, то перестаешь сомневаться в могуществе проповеди Пифагора, единогласно признаваемом в древнем мире».

Какой замечательной гармонией высоких нравственных и умственных качеств обладают эти великие люди! Как удивительно приспособлены эти качества к нуждам данного исторического момента!

---

[1] «Единственное отличие гениальных людей есть оригинальность; они творят лучше, больше и совершенно иначе, чем обыкновенные люди» (Ришэ). «Творчество и обобщение отличают великих людей» (Флобер).

Вот, например, Кромвель, так прекрасно очерченный Гизо:

«Это был самый ярый из сектантов, самый деятельный из революционеров и притом искусный стратег, храбрый воин, одинаково готовый на горячую молитву, горячую речь и горячий бой; экспансивный, при нужде — лгун и всегда непоколебимо мужественный, чем удивлял даже своих врагов; страстный и грубый; смелый и благоразумный; мистик и делец; одаренный богатым воображением; ничем на практике не стесняющийся; всеми средствами добивающийся успеха; быстрее всех овладевающий положением и потому успевший внушить друзьям и недругам убеждение, что никто не может пойти дальше его и никто так легко не добьется успеха».

Между тем и в нем замечались некоторые ненормальности. Так, раза два или три в неделю «на него находило вдохновение», под влиянием которого Кромвель начинал проповедовать, что служит доказательством мистицизма, почти безумного; в ранней молодости он несколько раз звал по ночам врача под тем предлогом, что чувствует себя умирающим, тогда как на самом деле был совсем здоров; в течение жизни Кромвель часто имел галлюцинации, видел крест, дьявола и т. п.

Один из новейших биографов Наполеона, Тэн, говорит следующее:

«По темпераменту, инстинктам, способностям, воображению и нравственности он казался совершенно иначе созданным, чем его сограждане и современники. Будучи как бы предназначен для побед и командования, он отличался не только остротой и универсальностью ума, но еще гибкостью, силой и постоянством внимания, дозволявшим ему проводить по восемнадцати часов за работой.

Количество фактов, которое его память в состоянии была удержать, и количество идей, над которым он мог работать, превосходили, по-видимому, способности человека. И этот ненасытный, неистощимый, неизменяющийся ум работал без перерыва в течение тридцати лет».

Никто не обладал таким легко возбудимым мозгом; такой беспокойной впечатлительностью; такой мыслью, увлекающейся своим собственным течением; такой легкой и обильной, хотя несдержанной речью, как Наполеон. Это потому, что гениальность его переливалась через край.

Но ведь для того, чтобы координировать между собой такие страсти и способности, для того, чтобы управлять ими, нужно сознательное усилие; у Наполеона это усилие обусловливалось стремлением стать в центре всего, поставить все в зависимость от себя, то есть чистый эгоизм, активный и всепоглощающий, развитый воспитанием и обстановкой, пропорциональный душевным силам и способностям, усиленный успехами и всемогуществом. Таким образом, можно сказать, что политическая деятельность Наполеона была направляема эгоизмом, поддерживаемым гениальностью.

2) *Гениальные невропаты.* Мы уже доказали в другом месте («Гениальный человек»), что разные виды сумасшествия, преступность и эпилепсия — особенно последняя — служат постоянными спутниками гениальности, так

что последняя является как бы неврозом особого рода. Невропатичность таких людей, как Наполеон, Петр Великий, Цезарь, Кромвель, Мухаммед, нас не удивит, стало быть. А Рамос Мейха отмечает невропатические и даже психопатические черты почти у всех выдающихся революционных деятелей Южной Америки.

Так, по его словам, Ривадура был ипохондрик и умер от размягчения мозга; Мануэль Гаргиа также страдал ипохондрией и умер от какого-то мозгового страдания; адмирал Браун страдал манией преследования; Лопес, автор аргентинского гимна, умер от нервного истощения; доктор Варела был эпилептиком; Валь-Гомес умер от кровоизлияния в мозгу; инженер Бельтран, герой войны за независимость, сошел с ума; полковник Эстомба, прославившийся во время гражданских войн в Аргентине, тоже сошел с ума, а Монтеагудо страдал истерией и мегаломанией.

3) *Гениальность и среда.* Дело гения состоит лишь в том, чтобы ускорить течение идей, уже назревших в народе, и обобщить их. Наша энергия так велика, что даже когда все готово для осуществления реформы, эта последняя не может осуществиться без вмешательства гения.

В Италии, например, большинство образованных людей, если не все сплошь, давно уже убедились, что классическое образование есть скорее простое украшение, чем существенная часть воспитания. Мы давно это говорили вместе с Графом, Серджи, Анджиулли, Морселли и прочими. По этому поводу были даже интерпелляции в парламенте, но ничего, кроме смутных обещаний, полумер и бесплодных попыток, из этого не вышло. Вообще без вмешательства гениального государственного человека оппозиция всякому нововведению, опирающаяся на старые привычки, невежество и робость, может продолжаться веками.

Наоборот, надо заметить, что и гениальные люди, не встречающие подготовленной среды, остаются непонятыми или незамеченными. Вот почему успех революции всегда зависит от соответствий между идеями гениальных людей и развитием народа, так что если большое количество первых влияло на общественную жизнь Афин, то не следует забывать, что и высокая культура афинян, и быстрая смена правительствующих партий в республике влияли на появление в ней гениальных людей. Вообще в странах республиканских или служащих ареной для ожесточенной борьбы партий (Флоренция в эпоху Гарибальди) появляется большее количество великих людей, чем в абсолютных монархиях и в покойное время.

Если, однако, Флоренция в эпоху республиканских смут проявила максимум итальянской гениальности, то при подобных же смутах в Южной Америке, во Франции (в 1789 году), а отчасти в междоусобной войне Северо-Американских Штатов подобного явления не замечается. Там выдвигались люди не великие, а только полезные при данных обстоятельствах, которые считались великими скорее за услуги, ими оказанные, чем за их действительную психическую мысль.

Значит, цивилизация не служит исключительной причиной появления великих людей и великих открытий, а только помогает их появлению или, лучше сказать, содействует их признанию. Следовательно, мы можем предположить, что гений может появиться в любой стране и в любое время, но, подобно тому как в ожесточенной борьбе за существование множество людей рождается только для того, чтобы погибнуть жертвой сильных, при неблагоприятной обстановке множество гениальных людей остаются непризнанными или — хуже того — преследуются.

И если есть цивилизации, благоприятствующие развитию гениальности, то есть и такие, которые этому развитию препятствуют. В Италии, например, с ее наиболее древней и часто возобновлявшейся цивилизацией, народ стал более враждебным ко всякому новшеству и как бы замер в культе старины. Наоборот, там, где цивилизация едва начинается, где до сих пор царило варварство, как, например, в России, там новые идеи принимаются с энтузиазмом. Так, несмотря на Святейший Синод, там более увлекаются криминальной антропологией, чем во Франции и в Италии.

Когда повторный опыт облегчил принятие новых истин, когда нужда делает полезным или неизбежным появление данного гениального человека или открытия, то их принимают и даже преувеличивают их значение. Видя совпадение известного фазиса цивилизации с появлением гения, толпа думает, что один из этих фактов зависит от другого; она смешивает легкий толчок, обусловивший выклевывание цыпленка, с оплодотворением, которое, напротив того, обусловлено расой, питанием, атмосферными влияниями и прочим.

И это не теперь только замечено: гипнотизм может служить доказательством, что один и тот же факт бывает открываем по нескольку раз. Открытия совершенно новые во всякую эпоху являются преждевременными и, будучи таковыми, остаются незамеченны — человечество не способно их оценить. Повторения одного и того же открытия, подготовляя умы к его восприятию, понемногу побеждают препятствия к этому восприятию.

Когда гений, явившийся преждевременно, побеждает все препятствия, стоящие на его пути, и успевает благодаря своей энергии наложить свою печать на эпоху, создать революцию, то это последняя, подобно простым бунтам, не оставляет за собой никакого следа или даже возбуждает реакцию в противоположном направлении.

Реформ Помбала не хватило даже на его личную жизнь; реформы Петра Великого возбудили реакцию, продолжающуюся до сих пор и, говорят, даже более вредную для России, чем то невежество, которое преобразователь стремился уничтожить.

Империи, созданные Наполеоном и Александром Македонским, быстро разрушились; первый еще при жизни видел разрушение своего дела.

Когда сила разума великих людей слишком много превышает средний уровень этой силы в населении, то последнее дорого за нее расплачивается.

Мы, итальянцы, теперь только начинаем понимать, насколько преждевременно было движение, вызванное Гарибальди, Мадзини и Кавуром. Половина Италии, в особенности южная и островная ее часть, страдают от преждевременно полученной свободы, как от тирании.

Правда, революции поддерживаются иногда в течение некоторого времени одним только гением вождей. Так, во Франции чуть не в феодальную эпоху демократическая революция тянулась довольно долго благодаря гениальности Марселя и Лекока; гениальность Каллэ играла большую роль в жакериях, гениальность Савонаролы — в революции флорентийской, а Колы ди Риенци — в римской, но все же эти движения не удались, потому что не соответствовали нуждам эпохи и были преждевременны.

В России, напротив того, тысячи гениальных людей и мучеников не смогли поднять революцию и добиться нужных реформ, потому что последние не соответствовали желаниям большинства населения.

Участь Иисуса Христа, Мадзини и Кошута доказывает, однако же, что гибель или неудача, постигшие вождей великой революции, не мешают последней успешно разразиться через годы или века спустя.

Не следует, стало быть, отрицать личного влияния вождей на ход революции, но не следует его и преувеличивать. Если почва подготовлена, то дело удается, а иначе никакие усилия не помогут. Свежий пример этого мы видим в Болгарии, где ни русское золото, ни славянские традиции, ни влияние таких людей, как Цанков и Каравелов, не могли создать настоящей революции.

4) *Реакционные гении.* Такие тоже встречаются. Савонарола, св. Игнатий, св. Доминик, Меттерних являются настоящими гениями реакции. Для того, кто заметил, что оригинальность гения не только не заключает мизонеизма, а даже усиливает его в известном направлении и делает нетерпимым, нетрудно понять, что при богословском или феодалистическом воспитании, при наследственных наклонностях (де Местр, Шатобриан, Шопенгауэр, Бисмарк), при наличности устраняющих впечатлений (вроде тех, которые влияли на св. Игнатия или Манцони) или исторической необходимости он может принять гигантские размеры. Так, некоторые гениальные ученые отвергают все открытия, сделанные другими (Вельпо в 1839 году отвергал действие анестезирующих средств). Но эти гениальные реакционеры никогда, однако же, не бывают лишены оригинальности и при том эволюционной, прогрессивной: Бисмарк, обожая своего короля, как чистый феодал, сумел осуществить и мечты социалистов; Наполеон при своих атавистических наклонностях средневекового кондотьера проводил революционные идеи равенства и свободы совести; Савонарола, стремясь задушить идеи Возрождения, добился триумфа истинной демократии; Шопенгауэр, нападая на революционеров, был сторонником философского позитивизма.

Реакционные революции, однако же, подобно прогрессивным, не удаются, если идут против течения, — хотя неудача в данном случае наступает

не так резко и внезапно, — потому что опираются на мизонеизм, гнездящийся в натуре большинства людей.

5) *Участие гениальных людей в бунтах и восстаниях.* Надо заметить, что многие удавшиеся бунты и восстания обошлись без участия настоящих гениев, как, например: Сицилийские Вечерни, восстания в современной Греции, в Швейцарии, в Ломбардии, в Соединенных Штатах, отчасти — в Нидерландах. Во всех этих случаях посредственности, игравшие роль вождей, только резюмировали в одной идее или в одном энергичном акте то, что составляло общую мысль или общее желание.

Вашингтон совершил полезное дело, потому что выполнил желание своих сограждан, общий характер которых синтетизировал в себе. Хладнокровный, расчетливый, практичный, он не сделал ни одного рискованного шага; идеалы его были чисто практические и доктринерством не страдали; он медленно, но верно, не нарушая законов, привел в исполнение великую революцию. У Боливара, напротив того, противоречивые идеи вихрем кружились в голове; на деле он бросался из одной крайности в другую, обходил или нарушал законы, руководствуясь скорее своим воображением, чем действительными нуждами страны, и кончил тем, что вызвал междоусобную войну, а затем и полное крушение своего дела.

К этому надо прибавить, что толпа, как мы видели, почти всегда выбирает себе в вожди людей посредственных, маттоидов или преступников, а не настоящих гениев, которые редко бывают людьми практического дела. Эти последние достигают власти, только оседлывая, так сказать, большинство, как всадник укрощает дикую лошадь.

Но если гениальные люди принимают иногда участие в революциях, если они сами суть воплощенная революция, то в бунтах их встретить трудно. Там преобладают маттоиды и посредственности. Коко справедливо говорит, что на толпу могут действовать не ученые, которых она не понимает, а только те люди, которые и действуют, и чувствуют так же, как она сама.

Гейне сказал: «Народ скорее подчинится себялюбцу, который потакает его страстям, чем благонамеренному человеку, стремящемуся его просветить».

Сам Жюль Валлес, выдающийся современный революционер, пишет: «Наивны люди, думающие, что восстаниями руководят вожаки; эти последние суть не что иное, как голова, помещаемая на носу иных кораблей: при буре она то выскочит из волн, то вновь скроется».

Гениальные люди не участвуют в бунтах, потому что вождями последних можно сделаться лишь случайно: тут не вождь творит среду, а сама среда его выдвигает. Якобинцы до 1792 года были монархистами, и сам их глава, Робеспьер, стоял в своей газете за конституционную монархию.

Любопытно отметить, что анархисты не хотят иметь вождей. В «*Pugnale*» — газете, выражающей их мнения, — говорится: «Революция должна идти без вождей, и если бы таковые выдвинулись, то первые выстрелы долж-

ны быть направлены в них. Пора нам убедиться, что все революции были побеждаемы именно потому, что народ был достаточно глуп, чтобы создавать себе начальников и следовать за ними. Революция должна быть произведена народом и для народа; не создавайте новой буржуазии».

Глава 17. Бунты и революция. Сходства и различия

1) *Различия*. Из всего нами в этой книге сказанного следует, что необходимо резкими чертами отделить бунты — настоящие политические преступления — от революций, которые нисколько не преступны.

Мы уже видели, что бунты находятся в зависимости от климата. Они чаще возникают в странах жарких и горных; во время не очень сильных голодовок; у народов брахицефальных и черноволосых; тесно связаны с алкоголизмом и жарким временем года; возникают вдруг и по ничтожным причинам (например, по невозможности участвовать в процессии), тогда как революции вызываются причинами глубокоосмысленными и сложными.

Женщины принимают большее участие в бунтах, чем в революциях; первые чаще устраиваются каким-нибудь одним классом общества, сектой или группой, скорее преступниками и сумасшедшими, чем гениальными людьми, и нередко распространяются эпидемически. Бунты особенно часты среди варваров и среди народов старческих, истощенных частыми сменами цивилизаций, не способными уже больше к эволюции.

Революции, напротив того, крайне редки, особенно в жарких странах, и возникают преимущественно в холодном и сухом климате, в странах холмистых, не вулканических, или на берегах морей, где пути сообщения многочисленны и удобны, притом, кажется, главным образом на юрской формации; они разражаются чаще среди населения великорослого, обладающего большой смертностью и гениальностью при малом плодородии почвы; они более часты в странах промышленных, чем земледельческих, в больших бытовых центрах, чем в малых, и у некоторых рас преимущественно перед другими (так, во Франции особенной наклонностью к революциям отличаются расы лигурийская и кимврийская); они тесно связаны с алкоголизмом, особенно только начинающим развиваться; они более свойственны блондинам и долихоцефалам, а также расам смешанным, характер которых обусловливается скорее переменой обстановки, чем этническими причинами; число их прямо пропорционально росту преступности, сумасшествия и неврозов; гениальные и страстные люди принимают в них большее участие, чем преступники и сумасшедшие; революции всегда совершаются всеми классами народа или по крайней мере большинством, а отнюдь не одной какой-либо группой.

Будучи довольно редкими, революции всегда требуют медленной подготовки и совершаются ради великих целей; они всегда удаются, хотя бы после смерти или полного поражения инициаторов, и всегда влекут за собой великую эволюцию, даже можно сказать, что они служат следствием и выражением последней, в противоположность бунтам, которые чаще всего возникают среди народов, не созревших для эволюции, и не влекут за собой никакого прогресса (если не являются первым симптомом революции, как это иногда бывает).

2) *Свойства.* Бывают случаи, в которых с первого взгляда нельзя отличить революции от бунта, так как всякая революция, даже самая мирная и законная, не может обойтись совсем без насилий, которые непременно будут рассматриваться как бунт, особенно потерпевшими. Сразу, значит, решить вопрос нельзя, так как только результаты, то есть участие всех классов населения и благородство мотивов могут подсказать нам решение, а для того чтобы эти результаты выяснились, нужно время, и большое.

Таким образом, мы до сих пор не знаем, следует ли считать анархистов бунтовщиками или революционерами.

Иногда толчок к революциям дается могучими гениями, опережающими народ на целые века (Петр Великий, Помбал), и тогда эти революции благодаря преждевременности оказываются незаконными и непрочными, тогда как вызываемая ими реакция будет, к сожалению, и прочна, и законна.

То же можно сказать и о бунтах, которые хотя и возникают по справедливому поводу, но, будучи несвоевременными и неуместными в данной обстановке, являются незаконными и, стало быть, преступными, как, например, бунт Этьена Марселя, Колы ди Риенци, Мазаниелло и восстания 1821 и 1831 годов в Италии.

Молодость, экономические пертурбации, преждевременное и не соответствующее положению образование суть обычные факторы бунтов и революций, так же как излишняя плотность населения, его высокая преступность и вмешательство людей гениальных или сумасшедших, а уж особенно когда то и другое совмещается в одном лице. Случай, играющий большую роль в возникновении бунтов, может иногда дать толчок и революции.

Исключительное преобладание одного какого-нибудь класса, плохая администрация, исторические традиции облегчают возникновение бунтов и революций. Но в наше время особенно содействуют этому возникновению условия экономические. В древности и у народов полуварварских, у которых преобладающим сословием являлось военное, бунты и революции тоже были преимущественно военными, но теперь, когда богатство и комфорт, им доставляемый, играют гораздо большую роль и распределены гораздо шире, бунты и революции чаще бывают экономическими.

Значит, различение бунтов от революций по их причинам не может быть точным, так как причин этих много, одни из них затемняются другими, а иногда второстепенные выступают на первый план.

Таким образом, богатство и образование сглаживают, а иногда и совсем уничтожают столь сильное в былые времена влияние топографии и религии, а хорошие законы и благоприятная экономическая обстановка уравновешивают недостаток этнического сродства. В некоторых случаях даже консервативные, мизонеические касты, принужденные выйти из своей традиционной неподвижности, становятся очагами бунтов и революций.

Юристам приходится, между прочим, отличать народные восстания от простого буйства толпы; те и другие возникают вдруг, без подготовки, и разражаются очень бурно. Но первые угрожают специально государственной власти, в ее специальных проявлениях, а последнее есть скорее нарушение общественного спокойствия, направленное против местных агентов власти и гораздо менее опасное. Таково, по крайней мере, мнение Кремани, принятое Тенацци, Карминьяни, Пуччиони и другими криминалистами.

II. ЮРИДИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Глава 1. Юридическая часть. История

1) *Патриотизм и рабство у первобытных народов*. Гарофало и другие юристы, стремящиеся основать понятие о политическом преступлении на оскорблении патриотического чувства, несомненно, идут по ложной дороге, так как это чувство в первобытных обществах существует лишь в зародыше и ограничивается только любовью к коллективной собственности племени, допуская всякое насилие по отношению к иностранцам.

Дикари часто с радостью присоединяются к европейцам для разгрома своих соседей.

Да и может ли существовать патриотизм там, где нет политической организации, нет родины?

Парри описывает удивление эскимосов, узнавших, что в его экипаже есть начальники и подчиненные: так велика царствующая у них анархия!

Для того чтобы из понятия о семье выросла первая политическая ассоциация, понятие о родине, которую надо защищать от внешних врагов, конечно, требуется много времени.

Сначала главы семей, объединившись между собой, образуют роды, *gentes*; затем последние, соединяясь для общего предприятия, образуют племя, обладающее военным или гражданским характером, причем является необходимость избирать вождей и судей, для того чтобы сдерживать деспотические наклонности отцов в семьях. Но и это не сразу: американские крас-

нокожие и туземцы Новой Каледонии избирают себе вождей только во время войны, а в мирное время эти вожди не играют никакой роли.

Понадобилось много веков для того, чтобы первобытные народы решились вручить победоносным вождям своих племен опеку над гражданскими отношениями внутри племени, то есть такие права, какими обладал каждый отец в своей семье, — права на жизнь и смерть подданных.

При этом благодаря физической и умственной слабости большинства народа в нем тотчас же начинал развиваться инстинкт рабства, являющийся самой характерной чертой первобытных монархий.

В Центральной Америке, например, перед касиком надо склоняться до земли; на островах Самоа нельзя пройти мимо вождя, не согнувшись; на архипелаге Фиджи народ кланяется вождю в ноги и называет его богом.

Понятно, стало быть, что когда развились рабские инстинкты, то нарушение рабских обычаев стало признаваться величайшим и, пожалуй, единственным политическим преступлением.

В Лоанго, по словам Баттеля, один взгляд на короля карается смертью; дети, нечаянно на него взглянувшие, между прочим и собственный его сын, были казнены; в Бонду всякий убивший льва наказывается как за оскорбление величества; в Момбуту зажечь трубку от огня, горящего перед королем, есть государственное преступление, наказываемое смертью; на Филиппинских островах такому же наказанию подвергается всякий, осмелившийся пройти по тени одного из вождей.

2) *Политическое преступление в первых абсолютных монархиях*. В этих монархиях строго наказывался всякий, осмелившийся противиться воле короля, которая считалась божественной. Эти короли пользовались неограниченной властью над личностями и имуществами своих подданных; малейшее неповиновение им наказывалось смертью.

В Персии за оскорбление величества наказывал сам монарх, как ему было угодно. Он мог бить, уродовать, сжигать живым преступника, распинать его, побивать камнями, отдавать на съедение диким зверям, вырывать у него глаза и прочее. Наказание распространялось на детей и родных виновного до четвертой степени.

Даже в сравнительно недавнее время шахи оскопляли сыновей аристократов, могущих угрожать прочности их трона.

В Сирии бунтовщикам отрезали руки и ноги, сжигали их в печи или зарывали в землю живыми.

В Мексике за измену казнили не только виновного, но и всех его родных до четвертой степени.

В Перу восставший город или округ опустошались, и все жители были истребляемы.

В Японии за измену истребляли весь род изменника.

В Египте изменников и их семьи распинали, а всякого знавшего об измене и не донесшего строго наказывали. Царь спартанский Клеомен, уби-

тый в восстании против Птолемея, был распят по смерти, и вся его семья истреблена.

Открывшим государственную тайну в старину резали языки. Да и теперь еще в Абиссинии такому наказанию подвергаются люди, дурно говорившие об императоре, а заговорщикам выкалывают глаза.

Индия. В законах Ману не положено никакого наказания за цареубийство, вероятно, потому, что такое преступление считалось немыслимым. Между тем за оскорбление величества и даже за сомнение в божественном происхождении монарха наложены строгие наказания.

Так, всякий повредивший стены дворца или украсивший царских слонов или лошадей наказывался смертью, а за более мелкие преступления в том же роде — изгнанием. За оскорбление величества, то есть за утверждение, например, что монарх есть такой же смертный, как и все прочие, наказание постигало не только виновного, но и всех его родных.

Так же строго наказывалось всякое неуважение к брамину. Шудра, осмелившийся дать совет последнему или не одобривший его деяния, подвергался пытке кипящим маслом, тогда как брамин мог почти безнаказанно убить шудру.

«Брамин есть первый человек на земле, он — абсолютный господин всего сущего», — прибавляет Ману. Учен ли он или невежда, брамин во всяком случае есть могущественное божество. «Пусть царь велит налить кипящего масла в рот и уши того злодея, который осмелится помешать брамину исполнять свой долг. Пусть царь остерегается убить брамина, если бы даже последний совершил всевозможные преступления; его можно изгнать из страны, но не сделав ему никакого зла и дозволив увезти с собой свое имущество.

Брамин, знающий всю Ригведу, не будет осквернен, если бы даже он истребил всех жителей трех миров или разделил трапезу с самым низменным человеком».

Точно так же в Средние века говорили: «Где простому человеку придется лететь, священник пройдет спокойно; где простому смерть, священнику не дано пропасть».

В этрусской, друидической, индийской, египетской и еврейской теократиях всякое оскорбление духовенства считалось великим преступлением и обязанности священника считались самыми почетными.

Евреи. Царство Израильское было настоящей теократией, так как основой гражданской и политической организации евреев служил Бог, согласно повелениям которого, приспособляясь к аскетическому характеру народа, законодатель и построил государство. Поклонение идолам считалось у евреев величайшим из преступлений, так как оно являлось бунтом против Иеговы, царя и законодателя израильтян. Поэтому закон не только грозил виновному лапидацией*, но и гневом Божиим.

Политическими, значит, считались у евреев главным образом религиозные преступления, наказываемые мучительной смертью. Даже простое

неповиновение приговору священников считалось великим преступлением. Личность монаха и понятие о государстве стушевывались перед величием Божиим, и потому священные книги евреев не упоминают о преступлениях против государства и его главы. Тем не менее, однако ж, эти преступления карались смертью, как видно из многих фактов, сохранившихся в истории.

Давид, например, повелел казнить Амалекита, сообщившего ему о смерти Саула, за то, что он поднял руку на избранника Божия; Соломон приказал задушить своего брата за то, что он пожелал одну из жен Давида; Иеремия был посажен в тюрьму по подозрению в сношениях с врагами родины; Иуда Маккавей наказал Каллисфена и Филарка, содействовавших угнетателям Израиля; Ирод погубил Гиркана за участие в заговоре и казнил одного высокопоставленного деятеля за продажу государственной тайны.

Политические бунты в Иудее всегда вели на эшафот. Даже еще при Моисее бунтовщики были истребляемы «по повелению Божию».

Китай. Понятие о политическом преступлении родилось в Китае при Конфуции, стремившемся объединить страну под властью одного императора.

Для этой цели он положил в основу политической власти понятие об отечестве и вручил главе государства абсолютную власть над всей вселенной, даже ему самому угрожали жестокими наказаниями за малейшее нарушение вытекающего из этой власти долга.

По законам Конфуция, преступники против спокойствия или безопасности государства приговаривались к смерти, а по законам династии Цин, даже отцы, жены и дети таких преступников подлежали казни.

Этот жестокий закон несколько раз был отменяем и вновь вводим. Даже в уголовном кодексе 1647 года сохранились еще его следы: «Кто покусится на государственные учреждения или на чинов императорского дома, тот подлежит смерти; взрослые родственники виновного, мужчины, — будут обезглавлены, а женщины — отданы в рабство». Применение этого закона в китайской истории встречается довольно часто.

В настоящее время в китайских законах среди десяти величайших преступлений числятся следующие:

— покушение, направленное против основных учреждений государства;
— покушение на особу императора;
— покушение, направленное против внешней безопасности государства.

3) *Политические преступления в Греции*. В эпоху Гомера лапидация была обычным наказанием за государственные преступления, то есть за святотатство, измену и бунт, так же как за всякое нарушение общих интересов.

В древних греческих городах измена считалась величайшим из преступлений и всегда наказывалась смертью, причем труп преступника выбрасывался за пределы государства, имущество его конфисковывалось, а тот, кто убил его, получал лавровый венок, как за гражданский подвиг.

По законам Дракона, величайшими преступлениями считались: бунты, измена, нарушение военной дисциплины и вред, нанесенный национальным интересам, а затем — святотатство, которое также считалось политическим преступлением, потому что оскорбить богов родины значит угрожать самому ее существованию. За все эти преступления назначалась смертная казнь, совершаемая с помощью яда. За более маловажные преступления против родины назначалось изгнание или лапидация.

Солон не только ослабил наказания, но и дал амнистию изгнанникам. Желая, однако же, усилить связь граждан с государством, он постановил, что каждый обязан явиться обвинителем в тех случаях, когда того требует государственный интерес, но зато он упорядочил и суд по государственным преступлениям. Тогда как в Спарте Ликург настаивал на том, чтобы наказания за эти преступления совершались без суда, тотчас же вслед за обвинением.

После Солона строгое отношение к политическим преступлениям возобновилось. Спустя некоторое время после падения олигархии Демофонт провел закон о признании врагом государства всякого, кто посягнет на демократическое правление. Такого человека дозволялось безнаказанно убить, имущество его конфисковывалось, а того, кто убил, чествовали как народного героя. После изгнания 30 тиранов народ сам, однако же, смягчил эти чересчур строгие законы.

Политических преступников все-таки казнили, а сыновей их изгоняли из пределов государства. Одинаково с изменниками наказывался всякий, нарушивший присягу или причинивший серьезный вред республике; даже подача голоса за войну, если она была неудачна, наказывалась смертью.

В смутное время проскрипции и смертная казнь казались уже недостаточными. Археоптолем и Антифон, виновные в измене, были не только казнены, а имущество их конфисковано, но даже дома их разрушены, земли обесчещены позорными надписями, и детей их запрещено усыновлять.

Издать декрет, противный законам, представить проект, вредный для государства, не исполнить желаний народа тоже считалось преступлением, хотя менее важным.

В Спарте Ликург говорил: «Задумать проект, опасный для государства, то же самое, что его исполнить».

Остракизм. Предупредительной мерой против государственных преступлений считался остракизм, при помощи которого из страны удалялись лица, казавшиеся опасными для народной свободы, но ни в чем преступном не уличенные.

Каждый гражданин имел право предложить остракизм Совету пятисот*, подготовлявшему дела для народного собрания. В этом собрании предлагавший представлял доказательства необходимости изгнания, не называя, однако же, имен. Когда доказательства признавались достаточными, то созывалось собрание чрезвычайное, которое уже вотировало остракизм без

прений, простой подачей бюллетеней с именами изгоняемых, причем требовалось, чтобы за каждое имя было не менее 6 тысяч голосов. Изгнание назначалось на десять лет, причем этот срок мог быть сокращен народным декретом; ни чести, ни имущества изгнанники не теряли.

Остракизм казался необходимым в начале существования демократических учреждений для того, чтобы сдерживать многочисленных и могущественных претендентов на тиранию; но когда народ вполне сознал свои права и стал ими пользоваться, то остракизм потерял значение, так что в V веке к нему уже прибегали очень редко, а наконец и совсем вышел из употребления, что нисколько свободе не повредило. Даже сам Аристотель, считавший остракизм полезным учреждением, принужден был сознаться, что с точки зрения абсолютной справедливости он неприемлем, так как народные страсти часто превращали его в очень опасное для государства оружие. По той же причине в Сиракузах был уничтожен петализм* — одна из форм остракизма, — в течение 20 лет удаливший из страны множество хороших людей и предавший ее в руки нескольких заговорщиков.

4) *Политические преступления в Риме*. В первобытном римском праве на первый план выступают два преступления, которыми прежде всего должно было заняться человеческое правосудие: *parricidium* и *perduellio*, то есть убийство отца и произведение смуты в родовой общине. То и другое при патриархальном страхе, конечно, должно было рассматриваться как величайшее преступление против законов Божеских и человеческих.

А когда патриархальный строй заменился городской общиной, то понятия о вышеозначенных преступлениях перешли в эту общину в несколько измененном виде: отцеубийцей стал считаться уже не убийца отца в буквальном смысле этого слова, то есть главы рода, а убийца главы общины; *perduellio* же, вместо враждебного отношения к роду, стало обозначать враждебное отношение к общине.

Но это *perduellio* должно было пройти через более простые формы, прежде чем сделаться политическим преступлением в настоящем смысле слова, то есть обнять собой все деяния, направленные ко вреду государства.

В самом деле, первоначально римская легислатура говорит о политическом преступлении только в смысле вреда для внешней безопасности государства. Дионисий Галикарнасский приписывает Ромулу законы против изменников; такой же закон был издан и Туллом Гостилием. Юстиниан по отношению к политическим преступлениям тоже приводит один только закон о *proditio*, но в его время существовал уже и другой закон, воспрещающий *coetus nocturni*, то есть касающийся внутреннего спокойствия.

Скоро потребовалось обеспечить это спокойствие более серьезными мерами, и понятие *perduellio* было распространено на два рода преступлений — появились законы, карающие за попытку насильственно изменить строй государства, за покушение на жизнь или оскорбление царя, за узурпацию общественной власти. По этим-то законам, вероятно, Сенат приго-

ворил к смертной казни сыновей Анка Марция, который подстроил убийство Тарквиния Приска.

При Тарквинии Гордом обвинения в *perduellio* по поводу интриг против царя были очень часты; тогда же запрещены были народные собрания — из боязни, что они могут сделаться очагами политических разговоров.

По установлении республиканского строя законами, изданными по поводу многочисленных заговоров, воспрещались не только ночные сборища, но и *societates clandestinae*[1], и заговоры против народа.

Затем последовали *leges sacratae* и *leges Valeriae*[2]. Они отличали уже множество политических преступлений, и в том числе: стремление к власти; желание восстановить деспотическую магистратуру; возбуждение смут ради уничтожения конституции; призыв к восстанию; узурпация высшей власти; злоупотребление властью, направленное к тому, чтобы побить, убить или изгнать римского гражданина, на что имели право исключительно центуриальные комиции; наконец, всяческое насилие над правами граждан. Все эти преступления влекли за собой смертную казнь и конфискацию имущества.

Если, стало быть, одни только центуриальные комиции имели право распоряжаться жизнью и смертью граждан, то они представляли собой в некотором роде суд присяжных по политическим преступлениям, так как *perduellio* влекло за собой смертную казнь.

Эта последняя окончательно была отменена законом трибуна Порция, освободившим римских граждан также и от телесного наказания.

Поняв впоследствии необходимость наказывать и за другие преступления, менее тяжкие, чем *proditio* и *perduellio*, римляне издали так называемый *Lex Apullia* (652 год до н. э.), сначала направленный против оскорблений величества и достоинства римского народа, а потом, когда республику заменила империя, ограждавший особу императора, причем понятие о политических преступлениях было значительно расширено.

Lex Yulia, изданный Юлием Цезарем, изъял политические преступления, то есть бунты и оскорбления достоинства народа, из юрисдикции этого народа, а при Августе, когда политическими окончательно были признаны только преступления, направленные против особы императора и членов правительства, суд над ними перешел всецело в руки монарха... Между прочим, к числу поступков, «оскорбляющих величество», были тогда причислены следующие: клятва именем императора, отбитие головы у его статуи, раздевание перед этой статуей, ношение одежд пурпурового цвета и прочее.

При добрых императорах обвинений в оскорблении величества было мало. Тит иногда не наказывал даже за бунты, а Адриан, говорят, будто бы

---

[1] Тайные общества (*лат.*).

[2] Священные законы... Законы Валерия (*лат.*).

простил напавшего на него раба, признав его сумасшедшим и приказав лечить. При Диоклетиане, напротив того, оскорблением величества считалось даже непочтительное обращение с монетами, на которых изображен император; сомнение в достоинствах чиновников, им назначенных; неуважение к его гладиаторам и прочее.

Тиберий повелел признавать оскорблением величества и наказывать за ношение монет или перстней с его изображением в неподходящих местах (лупанарах, клозетах и прочих); Калигула назначил смертную казнь за смех, купанье или езду во время прекращения всех дел, предписанного им по поводу смерти Друзиллы; он же приговорил к каторге, к отдаче зверям на съедение и утопление весьма многих граждан за то только, что они остались недовольны спектаклем, который он устроил, или не признавали его гениальным; Каракалла жестоко наказывал за брань и приговаривал к смерти лиц, осмелившихся помочиться в таком месте, где находилась его статуя или изображение.

К числу таких жестоких императоров следует отнести Карина, который убивал людей, осмелившихся засмеяться в его присутствии, и Валентиниана, который даже изнасилование и адюльтер считал оскорблением величества.

Несмотря на это, некоторое различие между *perduellio* и оскорблением величества в настоящем смысле слова все же сохранялось. К преступлениям последнего рода причислялись главным образом поступки, оскорбляющие особу монарха, и наказания за них, в общем, были легче, чем за *perduellio.* Мало-помалу, однако ж, и за них стали наказывать смертью, а при Аркадии и Гонории, издавших закон *Quisquis*, к смертной казни прибавлена была еще конфискация имущества, лишение права на наследство после виновного и уничтожение всех его имущественных распоряжений, сделанных при жизни. Этим законом, между прочим, давалось право всем, не исключая рабов, являться обвинителями в оскорблении величества, за что давалась даже награда. В случае смерти обвиняемого судили его труп, позорили память и наказывали его детей.

5) *Правопонятие варваров.* В одном месте Тацит дает понятие о том, как смотрели на политическое преступление германцы. «Предателей и перебежчиков надо вешать на деревьях», — говорит он. Значит, у этого воинственного народа политическими преступлениями считались только измена и бегство. Но когда вожди его стали королями, то помимо понятия о преступлениях против родины появилось и понятие об оскорблении величества. За первые назначена была смертная казнь, а за последнее наказывали иногда просто денежным штрафом.

Алеманы смотрели на кражу у короля, на оскорбление женщин, принадлежащих к его двору, и прочее как на весьма тяжкие преступления. По саксонским законам, заговор против короля и его детей наказывался смертью и конфискацией имущества, так же как и по баварским.

В общем, *leges barbarorum* — законы варваров — относились к бунтам очень строго. У франков, например, политические преступления наказывались распятием, сожжением на костре, отдачей диким зверям на съедение и прочим.

6) *Правопонятие городских общин.* Статуты общин смотрели на военные преступления как на государственные, причем мелкие проступки наказывались денежным штрафом, а крупные, например дезертирство, смертью.

Подговор к бегству, непослушание, сдача военной позиции тоже влекли за собой смертную казнь.

В Венеции закон относительно хранения государственных тайн был страшно строг.

В статутах Флоренции за переговоры с неприятелем о мире без достаточного уполномочивания назначались крупные штрафы и телесные наказания. Этими же статутами воспрещались всякие союзы и собрания (*casse*, *giure*) под страхом изгнания и конфискации имущества. Такие же наказания были положены за всякое вмешательство простых граждан, не несущих общественных должностей, в политику. За подстрекательство к смуте, за несение каких-нибудь знамен, за крики «Да здравствует» или «Смерть ему», если целью этих деяний было отнятие власти у господствующей партии, назначалась смертная казнь и конфискация имущества, так же как за попытку овладеть государственной крепостью, отнять часть территории или объявить войну Коммуне.

В Болонье стремление перенести университет в другой город считалось уже политическим преступлением.

В законодательстве городских общин заслуживает внимания закон, известный под названием *ammonizione*. Впервые создала этот закон Пистоя, объявив, что магнаты не имеют права занимать муниципальные должности и что всякий, нарушивший общественный порядок, приравнивается к магнатам, то есть лишается политических прав.

Во Флоренции этим законом гвельфы воспользовались для борьбы с гибеллинами, так что неугодные правительствующей партии люди были лишаемы политических прав по простому доносу, подкрепленному шестью свидетелями. Но это создало множество недовольных, которые должны были эмигрировать.

7) *Феодальное правопонимание.* Между тем как в Италии городские общины брали верх над магнатами, в остальной Европе был восстановлен римский взгляд на политическое преступление как на оскорбление величества. Преступными считались не только заговоры и покушения на целость государства или жизнь монарха, но и оскорбления последнего или его изображений, недовольство налогами, обсуждение государственных дел и прочее.

Писатели XVI и XVII веков перечисляют более 45 видов оскорбления величества. Наказывали даже за намерение совершить преступление, при-

том не одних только подданных данного монарха, но и иностранцев, хотя бы временно находившихся на данной территории.

Впоследствии законодатели принуждены были разделить политические преступления на две категории: более тяжких, к которым относились деяния, направленные против целости государства и жизни монарха или его семьи, и менее тяжких, к которым были отнесены все прочие. Наказания, однако ж, были почти одинаковы: смертная казнь, сопровождаемая большим или меньшим количеством мучений, конфискация имущества, разрушение домов и прочее.

Тем же наказаниям подвергались и те, кто знал о задуманном преступлении и не донес, причем даже дети виновных не освобождались от этой обязанности. Доносчики, напротив того, были награждаемы.

8) *Каноническое правопонимание.* Церковь следила главным образом за безопасностью папы, кардиналов, вообще духовных лиц и их родственников, наказывая не только за покушения на жизнь этих лиц, но и за всякое их оскорбление.

Наказаниями служили экскоммунизация, не щадившая даже монархов, и интердикция, распространявшаяся на все города, кроме Рима.

9) *Европейские монархии.* В крупных монархиях Средних веков римское понятие об оскорблении величества сделалось опорой самого возмутительного деспотизма.

В Англии при Ричарде II простое намерение убить или низложить короля считалось уже актом высшей измены; при Генрихе VIII кража скота в Уэльсе, разговоры о законности женитьбы короля или предсказания насчет его смерти считались политическими преступлениями.

По законам Елизаветы Английской, величайшим государственным преступлением считалось публичное признание юрисдикции папы; папистам не дозволялось оставаться в Англии больше трех дней, если они не желали перейти в протестантство. При Иакове I подделка монеты или подписи короля; публичное утверждение, что последний не имеет права назначить себе наследника; услуги, оказанные претенденту или его детям, считались важными государственными преступлениями.

Все такие преступления наказывались смертью, и король в течение одного года и одного дня имел право по своему усмотрению распоряжаться имуществом казненного.

В Германии Золотая булла Карла IV почти буква в букву повторяет римские законы относительно оскорбления величества; наказанием за эти преступления является четвертование и вообще мучительная смерть, причем память казненного подвергалась позору, а дети его лишались наследства.

Помимо этого закон признавал и другие формы политических преступлений, наказываемых тоже весьма тяжко.

В Испании оскорбление величества рассматривалось одинаково с «хулой на Духа Свята». По закону Альфонса X, эти преступления одинаково

наказывались смертью на костре, причем даже в случае помилования преступнику вырывали глаза, а имущество его конфисковывали, оставляя в пользу наследников только одну двадцатую часть.

За порицание короля у идальго отнималась половина имущества, а у плебея — все.

Во Франции оскорбление величества делилось на две категории: преступления против безопасности государства и оскорбление короля или узурпация его власти. Но наказания для обеих категорий были одинаковы: смертная казнь, четвертование, а если виновный уже умер, то казнь совершалась над его трупом.

Намерение наказывалось одинаково с выполнением; недонесение рассматривалось как соучастие; даже сумасшествие не спасало от казни.

10) *Влияние Французской революции.* Французская революция не смягчила взгляды на политическое преступление, так как монархи, испуганные тем, что произошло во Франции, не желали отказаться от строгости, которая казалась им единственной гарантией власти. Пьер-Леопольд, незадолго до того отменивший смертную казнь за государственные преступления, восстановил ее с большей строгостью.

Даже во Франции в кодексе 1791 года смертная казнь сохранилась, хотя приложение ее было ограничено только преступлениями против внутренней безопасности государства, а понятие об оскорблении величества отброшено.

В Пруссии закон 1794 года наказывал смертью и конфискацией имущества за государственную измену; он давал право государству арестовать или изгонять невинных детей преступника.

В Австрии смертная казнь за государственные преступления восстановлена в 1795 году и существует до сих пор.

Вскоре, однако ж, проявилась благодетельная реакция, начавшаяся в Италии: закон 1808 года сохранял смертную казнь за деяния, угрожающие целости и спокойствию государства, но отменял ее для преступлений, направленных к подрыву доверия и уважения к высшей власти.

В Тоскане ст. 62 закона от 30 ноября 1786 года гласила: «Повелеваем, чтобы все статьи, преувеличенно расширяющие понятие об оскорблении величества, были отменены; отменяются все привилегированные свидетельства по политическим делам; деяния, которые, не будучи преступными сами по себе, являются таковыми только в силу квалификации, данной им вышеупомянутыми законами, не должны более считаться политическими преступлениями, их должно судить как обыкновенные уголовные и наказывать как таковые, не усиливая наказаний под предлогом оскорбления величества».

Наконец, в тосканском уложении о наказаниях 1834 года по примеру прочих европейских стран совсем уничтожена категория оскорбления величества, а признаются только преступления против внутренней или внешней безопасности государства.

11) *Современные законы.* В первую половину XIX века законодательство главных государств Европы действительно стало реагировать против чрезмерного произвола, прилагаемого римским правом к понятию о политическом преступлении, но не настолько, однако ж, чтобы изгладить всякие его следы.

Вообще традиции даже в вопросах о праве укоренились глубоко; если понятие о преступлении сгладилось, то имя его остается. Таким образом, государственная измена до сих пор фигурирует в кодексах Германии и Австрии, хотя под этим названием подразумеваются не только покушения, направленные против личности монарха, но главным образом против внутренней и внешней безопасности государства.

В испанском кодексе под оскорблением величества подразумеваются покушения на личность монарха, а под изменой — покушения на целость и спокойствие государства. В английском кодексе, напротив того, обе эти категории преступлений называются изменой.

В республиках, например в Соединенных Штатах Америки, под названием измены подразумеваются только преступления против государства. В Цюрихском кантоне, напротив того, понятие об измене совершенно изъято из кодекса ввиду того, что оно может служить орудием деспотизма, а *perduellio*, то есть отказ в подчинении совету кантона, приравнено к нарушению общественного спокойствия и неповиновению законным властям.

Во французском кодексе, так же как в бельгийском, сардинском, неаполитанском и прочих, сделано различие между преступлениями против внешней и против внутренней безопасности государства; но в различии этом, как справедливо замечает Дзанарделли, смешиваются причины преступлений со следствиями, так как всякое нарушение внешней безопасности, несомненно, отзывается на делах внутренних, и наоборот.

Поэтому в новом итальянском кодексе установлено различие между «преступлениями против родины», угрожающими ее существованию, и «преступлениями против конституции».

Законы о преступлениях против главы государства в разных странах еще более различны.

В Австрии всякое покушение на личность императора составляет величайшее преступление; в Германии, напротив того, покушение на личность монарха должно сделать его неспособным к управлению, для того чтобы считаться тяжким преступлением.

В Бельгии делается различие между покушением на жизнь короля и простым его оскорблением.

Когда в большей части европейских государств абсолютная монархия заменилась правлением представительным, то законодательство, приспособляясь к новому порядку вещей, позаботилось об ограждении новой конституционной власти.

Так, в Бельгии, особенно дорожащей своею конституцией, строго наказываются заговоры, направленные против законодательных палат, министров, депутатов и прочих.

В испанских законах покушения на кортесы и совет министров идут тотчас же вслед за преступлениями против спокойствия и независимости государства.

В итальянском кодексе попытка помешать парламенту в исполнении его функций наказывается так же, как попытка помешать королю править.

Ввиду того что право выборов лежит в основе народовластия, составляющего сущность большинства современных конституций, весьма естественно встретить в законодательстве конституционных стран стремление оградить свободу выборов, признав нарушение ее государственным преступлением. Некоторые государства, впрочем, предпочитают рассматривать нарушение свободы выборов как преступление против свободы личной.

Особого рода политическими преступлениями признаются теперь заговоры, которые во французском и бельгийском кодексах определяются как решение действовать, заключенное и условленное между двумя или более персонами.

Несмотря на то что общественное мнение отказывается теперь видеть в заговорах преступление, большинство европейских кодексов в качестве предупредительной меры назначает за них особые наказания даже помимо каких-либо преступных деяний со стороны заговорщиков.

Американский закон смотрит на заговоры как на подготовку к преступлению.

Французский, бельгийский и венгерский кодексы наказывают за заговоры, долго подготовлявшиеся, строже, чем за внезапно возникшие.

Есть и еще преступления, предусматриваемые современными законами, например: восстание, которое австрийский кодекс определяет как соединение многих «возмутившихся лишь для того, чтобы насилием противиться власти»; буйство, в котором, согласно определению того же кодекса, виновен тот, кто настойчивее восстает против властей при помощи насилий, так что вызывает необходимость вмешательства вооруженной силы для «восстановления порядка»; образование вооруженной шайки для борьбы с правительством и гражданской войны.

Собственно говоря, последнее преступление не всеми кодексами рассматривается как политическое, и они едва отличают его от вооруженного грабежа, а между тем оно, очевидно, имеет громадное значение для общественного порядка. Если его и можно считать преступлением против собственности, то все же следовало бы карать строже, так как оно отзывается и в области политики.

Это и было сознано при составлении венгерского кодекса 1848 года, который рассматривает соединение многих лиц с целью нападения на известные классы общества, национальности или религиозные ассоциации как

преступления политические. И в самом деле, социальные и религиозные преступления всегда имеют политическую подкладку, задевающую все население страны.

Что касается соучастия, то австрийский кодекс признает участником преступления всякого, кто не противодействовал ему, имея на то возможность.

Многие законодательства — например, то же австрийское, венгерское, французское и бельгийское — дают помилование как тем участникам, которые во время бунта не противодействуют его усмирению, так и тем, которые выдают имена своих сообщников.

12) *Наказания.* Мы уже говорили о крайней строгости наказаний за политические преступления. Покушение на жизнь главы государства повсюду наказывается смертью или пожизненной каторгой, но за мелкие его оскорбления назначены и наказания менее суровые.

В Германии, Австрии, Франции, Бельгии, Англии, Испании за покушения на жизнь монарха назначена смертная казнь.

В Соединенных Штатах по закону 1862 года суд может наказать виновного в государственном преступлении смертью или тюрьмой на пять лет и даже менее, прибавляя к этому штраф по крайней мере в 10 тысяч долларов. Назначение наказания всецело зависит от суда, который обязан руководствоваться законами 1681 года, делающими различие между изменой, тяжким преступлением и тяжким проступком.

Бельгия дала образчик специального наказания для политических преступлений; это наказание — задержание — применяется только к ним.

Во Франции, где уже кодекс Наполеона подвергнул изгнанию того, кто навлечет на государство войну, хотя бы она и не состоялась, теперь за нарушение безопасности республики вместо смертной казни назначается ссылка.

За менее тяжкие политические преступления обычными наказаниями являются: рабочий дом, тюрьма и крепость (Германия), строгое тюремное заключение с принудительной работой (Австрия); задержание и каторга (Франция); заключение в цепях и ссылка (Испания). К этому присоединяются обыкновенно штрафы и лишение права занимать общественные должности.

Из итальянского и американского кодексов конфискация имущества исчезла; в Германии за цареубийство и заговор она еще назначается, но лишь на время процесса.

Вообще политические преступления ставятся вне компетенции обыкновенных судов и судятся высшими судебными учреждениями или представителями народа. В Америке это возлагается на высший суд (*Cour de justice*), а во Франции и Италии — на сенат.

В некоторых особых обстоятельствах, например, во время войны или восстаний, для государственных преступлений учреждаются суды военные.

13) *Экстрадиция.* Международная выдача преступников сначала установлена была в интересах монархов, которые пользовались ею для преследова-

ния бунтовщиков и претендентов на их престолы. Известно, что еще в 1147 году Генрих II Английский заключил с Уильямом Шотландским договор, в силу которого всякий, совершивший преступление в одной стране и бежавший в другую, должен был быть выдан или немедленно судим по законам той страны, в которую бежал.

В 1303 году по договору, заключенному между Англией и Францией, обе страны взаимно обещали не оказывать покровительства врагам той или другой.

В 1413 году Карл VI потребовал от английского короля выдачи зачинщиков восстания в Париже.

В 1661 году Дания по требованию Карла II Английского согласилась выдать ему лиц, замешанных в убийстве его отца.

Затем и простые уголовные преступники стали подлежать выдаче. Так, в XVII столетии последняя была включена в договор, состоявшийся между Францией и Швецией, Австрией и Королевством обеих Сицилий, Швейцарией и Баденом и т. д.

Но уже к середине XIX века в договоры стали вводить исключения в пользу государственных преступников. Первым таким договором были французско-швейцарский, заключенный в 1883 году, хотя незадолго перед тем в 1831 году ввиду польского восстания Россия, Австрия и Пруссия взаимно обязались выдавать друг другу политических преступников.

Конфедерационный акт Соединенных Штатов обязывает отдельные штаты ко взаимной выдаче преступников всякого рода. Наоборот — Швейцарская федеральная конституция 1848 и 1884 годов не допускает выдачи политических преступников.

Некоторые монархические правительства, в свою очередь, пытаются сузить принцип невыдачи политических преступников, в настоящее время почти общепринятый. Так, в 1856 году бельгийский король постановил выдавать политических преступников, если преступление их связано с убийством главы государства или кого-либо из членов его семьи. То же самое постановлено и в голландском законе 1875 года.

В Англии законом 1870 года положено не выдавать политических преступников ни в каком случае, точно так же как и во Франции по закону, предложенному Дюфаром в 1877 году.

Италия в своих договорах со всеми странами отнеслась к этому вопросу таким же образом.

Глава 2. Наказания

1) *Юридические основы понятия о политическом преступлении.* Процесс эволюции этого понятия выясняется предшествующим историческим очерком. Вначале, когда право отца семьи было перенесено на вождя племени, то этот последний в награду за свои заботы об общине стал пользо-

ваться почетом и неприкосновенностью, причем малейшее нарушение этих прерогатив считалось преступным. Затем власть вождя становится наследственной, источники ее, теряясь во мраке времен, сливаются с религиозными мыслями, что усиливает безграничное право монарха над подданными, и всякое покушение, на него направленное, рассматривается как кощунство, как оскорбление божества и потому наказывается строжайшим образом.

Но по мере распространения греческой цивилизации начинают преобладать другие взгляды. Старые восточные монархии разбиваются о твердыню нового государства, республиканского, которое провозглашает суверенность народа как высший идеал общественного устройства... Суверенность эта, однако, быстро превращается в тиранию, причем всякое покушение, направленное против власти народа, против его религии, даже против его предрассудков, рассматривается как величайшее из преступлений и наказывается смертью.

Сократ жизнью заплатил за попытку разойтись с греческим народом в идеях о нравственности. И он был не единственный — немногого недоставало, чтобы Алкивиад, Протагор, Аристобул, Теофраст, Еврипид и другие не поплатились той же ценою[1]. Самые пустячные нарушения религии и подробностей культа наказывались смертью, как государственные преступления. Точно так же евреи отнеслись к Иисусу Христу.

Рим получил эти взгляды в наследство от Греции и, будучи свободным, основал на них свою политическую жизнь. А когда он склонился перед цезарями, то понятие об оскорблении величества было перенесено с римского народа на Августа и впоследствии прилагалось императорами к любому деянию, смотря по их капризам.

Императорский абсолютизм в Риме, как и восточный деспотизм, однако же, имели то преимущество перед республиканской тиранией, что менее стесняли религиозную мысль. Законов, направленных против свободы совести, при императорах издаваемо не было; Лукиана и Плотина никто не беспокоил.

Затем начались вторжения варваров, у которых вождь пользовался патриархальными правами, как у народов первобытных. Права эти, особенно в военное время, строго уважались и поддерживались естественной военной дисциплиной.

При столкновении с римской цивилизацией, однако же, эта естественная дисциплина должна была ослабеть, и потому для ее поддержания монархии западных государств, возникших на развалинах Римской империи, принуждены были ввести в свое законодательство римское понятие об оскорблении величества, основанное на божественном праве, которое при сочувствии пап и явилось впоследствии орудием деспотического гнета.

---

[1] Диоген Лаэрский, Ренан.

Даже теперь еще по традиции вера в божественное право монархов не совсем погасла, несмотря на либеральные реформы, внушенные великими мыслителями XVIII столетия, и на неизбежный прогресс идей. Понятие об оскорблении величества сохранилось не только в современных законах, но и в сознании большинства народа. На цареубийцу смотрят иначе, чем на обыкновенного преступника; каковы бы ни были его побуждения, иногда далеко не низменные, всеобщая ненависть приговаривает его к смерти, притом насколько возможно мучительной, как в старину приговаривали, за кощунство и святотатство.

Нельзя отрицать, однако же, что и понятие о политическом преступлении, по крайней мере в науке, преобразовалось согласно новому понятию о государстве и его миссии по отношению к гражданам.

В самом деле, не поглощая всей жизни нации, государство существует теперь, лишь поскольку охраняет права граждан. Помимо центральной власти, воплощенной в правительстве, теперь начинает развиваться власть окружная и общинная, стремящаяся к автономии.

Даже более — катаклизмы, совершившиеся в истории народов, борьба последних за независимость и постепенное уничтожение религиозных предрассудков отделили понятие о государстве от понятия о форме правления и заставили признать, что последняя, как и все, созданное человеком, подчинена закону изменяемости и совершенствования.

Политическое преступление поэтому перестало считаться во всех случаях угрозой самому существованию общества; мы теперь отличаем попытки изменить форму правления от покушений на все то, что, будучи результатом физических, экономических и исторических причин, является прочной основой единства и независимости нации.

Но из этого еще не следует, чтобы ввиду изменяемости формы правления каждый, желающий насильственно изменять ее на лучшую, по его мнению, мог не считаться преступником.

Уже изучая политическое преступление с антропологической точки зрения, мы заметили, что бурная оппозиция желаниям большинства, которое вообще мизонеично, является противоестественной. Таковы все те редкие и кратковременные движения — бунты, в которых участвует один какой-нибудь класс общества или несколько мечтателей и психопатов, увлекшихся идеями, хотя бы и справедливыми, но не разделяемыми средой.

Естественный закон в данном случае вполне совпадает с юридическим; насильственная борьба с политическим мизонеизмом большинства, стремление насильственно изменить тот строй, который это большинство считает для себя самым удобным, одинаково оскорбляют оба закона.

Напротив того, грандиозные, медленные и мирные революции, в которых участвует весь народ во имя новых политических взглядов, разделенных большинством и устанавливающих новое правопонимание, нисколько

не противоречат естественному закону, хотя вместо старого юридического закона провозглашают новый.

Виновность по старому закону в данном случае не влечет за собой преступности; потому что самый этот закон добровольно отменен.

В конце концов, однако же, революция представляет собой нечто существующее *de facto*, а не *de jure*.

Юридически ее оправдывает только перемена общественного мнения, причем всякий стремящийся насильственно противодействовать желанию большинства является преступником.

«Всякая действующая политическая система, — говорит Ортолан, — всякая царствующая власть претендует на законность и соответствующим образом карает своих противников; существующие формулы закона даже не меняются: часто одна и та же служит как той власти, которая пала, так и той, которая ее заменила». О преступности нужно, однако ж, судить, становясь на точку зрения абсолютной справедливости и отвлеченного разума.

В самом деле, во взгляде на политические преступления установился предрассудок, в силу которого они считаются не имеющими ничего общего с преступлением вообще, так как тяжесть их зависит будто бы от произвола правительств и надобностей минуты. Но это не так, политические и уголовные преступления произошли от одного и того же корня. В самом деле, если уголовное преступление есть насильственное нарушение личных или имущественных прав индивидуума, вызывающее реакцию сначала со стороны самого потерпевшего, потом со стороны его семьи, племени, целого государства, являющегося мстителем за поруганные права личности, то преступление политическое есть насильственное нарушение прав общества, вызывающее такую же реакцию со стороны тех же политических единиц, защищающих безопасность свою собственную или своего вождя.

Для нас, эволюционистов, всякая политическая организация, принятая большинством, есть проявление инстинкта общественности, который служит источником всех прав и обязанностей для индивидуума, принадлежащего к данной ассоциации.

Значит, пока большинство готово пожертвовать частью своей индивидуальной свободы ради общественных интересов, передавая часть своих прав общественной власти, всякое деяние, противное этому образу действий, является преступным.

В данном случае оскорбление нравственного чувства отступает на задний план перед необходимостью для социального ядра защищать свою политическую организацию. Политический преступник, покушающийся на жизнь монарха, несомненно оскорбляет нравственное чувство, что, конечно, усугубляет его преступность и усиливает общественную реакцию на его преступление, но он, кроме того, колеблет основы политического организма, в поддержании которого заинтересовано громадное большинство его сограждан.

Уверять, что все формы политических преступлений оскорбляют нравственное чувство и являются бесчестными, как это делает выдающийся итальянский критик Зигеле, преувеличивая идеи Гарофало, значит совершенно позабыть о том, что даже классические юристы называли чистым политическим преступлением, то есть о таких деяниях, к которым не примешивается ничего преступного в обычном смысле слова, но которые, может быть, в самой высокой степени вызывают репрессию со стороны государства, так как направлены к перемене образа правления или к низвержению главы правительства.

Пример такого деяния мы недавно видели в свержении с болгарского престола князя Александра Баттенберга, а еще более свежий — в бунте кантона Тессино. Если бы не убийство одного высокопоставленного деятеля каким-то фанатиком из личного мщения, этот бунт не мог бы оскорбить самого тонкого нравственного чувства, а между тем он был направлен ни больше ни меньше как к замене одного правительства другим и был причиной больших перемен в политической жизни страны.

Да, наконец, чем оскорбил бы нравственное чувство или поступил бы бесчестно тот, кто публично на площади одного из итальянских городов стал бы проповедовать антиконституционные взгляды или предлагать новую форму правления, по его мнению, более полезную для страны? Кто попробовал бы, например, — и, по нашему мнению, хорошо бы сделал — провести административную и отчасти политическую самостоятельность итальянских областей наподобие Швейцарии или Соединенных Штатов?

Однако же переход от мысли к действию всегда сопровождается шумом; побьют, например, при этой проповеди, полицейского — вот вам и преступление против нравственного чувства.

Но подумайте же о громадной разнице, лежащей между этим преступлением и тем, которое совершает прирожденный преступник!

Последний из-за пустячного мотива готов проявить максимум насилия: убить, например, человека из-за пучка солода в грош ценой. А в политическом преступлении, напротив того, при самых возвышенных мотивах совершается возможно меньшее насилие. Вместо того чтобы делать зло стране, политические преступники часто делают или стремятся делать ей добро, притом жертвуя скорее собой, чем другим кем-либо, что и доказывает отсутствие в них злой воли, в большей части случаев эгоистичной. Иисус Христос веревкой выгнал торговцев из храма; в этом можно найти признаки преступления против личности и против нравственного чувства — пусть так; но можно ли сравнивать это преступление хотя бы с самыми невинными подвигами каморры или даже с простым нанесением ушибов в уличной драке? Когда наименьшее насилие совершается с наивысшей, наиблагороднейшей целью, то преступник оскорбляет нравственное чувство только для того, чтобы еще выше поднять к нему уважение.

Кроме того, разделение политических преступлений на бесчестные и оскорбляющие нравственное чувство не имеет никакого практического значения и не может отразиться на наказании.

Гарофало обращал большое внимание на практическую сторону своей теории и предложил различные наказания, смотря по степени оскорбления, нанесенного нравственному чувству большинства, и сообразно антропологическому типу преступника.

Но именно изучение политического преступления с антропологической точки зрения показало нам, до какой степени политические преступники отличаются от обыкновенных. В самом деле, преобладание между ними преступников по страсти и по случаю, возвышенность стремлений, благородство целей делают необходимым изобрести для них специальные наказания, даже в тех случаях, когда к политическому преступлению примешивается уголовное.

Можно сказать более: даже прирожденные преступники, раз они совершают преступление с политической целью, не должны бы, по нашему мнению, быть наказываемы наравне с уголовными, и уж особенно смертной казнью. В самом деле, будучи антимизонеистами, они часто предвидят полезные социальные и политические реформы, а благодаря импульсивности, столь для них характерной, спешат осуществить эти реформы при помощи средств, противных честному человеку, но иногда приводящих к результатам, выгодным для целой нации.

Политическое преступление оскорбляет, стало быть, не нравственное чувство и не чувство чести, а политический и социальный мизонеизм большинства. Поэтому-то деяние, само по себе не безнравственное, было преследуемо с древнейших времен и будет преследоваться впредь при помощи специальных законов. Необходимость защищаться оправдывает это преследование со стороны общества. И если мы теперь хотим сделать его более умеренным и регулировать на будущее время, то все же должны признать его необходимость для мирной эволюции политической и социальной жизни.

Для нас, стало быть, основой вменяемости политического преступления является право большинства граждан поддерживать излюбленную ими политическую организацию; преступление состоит именно в нарушении этого права.

И отнюдь нельзя сослаться на то, что право это есть не что иное, как произвол мизонеичного большинства, хотя правда и находится иногда на стороне возмутившегося меньшинства.

В таких случаях политические формы, о которых мечтает последнее, рано или поздно завоюют себе общее сочувствие, но, пока этого не случилось, осуществлять их путем насилия было бы преступно. Как в природе не бывает скачков, так и в общественной жизни, по закону, который Конт назвал динамическим, прогресс осуществляется медленно и постепенно. И как

бывает наказан всякий, хотя бы на йоту нарушивший законы природы, так будет наказан и тот, кто захочет сдвинуть социальный прогресс слишком быстро и несвоевременно; он вызовет бурную реакцию со стороны оскорбленного в своем естественном стремлении к инерции общества.

Закон большинства есть, в сущности, закон природы, и на этом законе зиждутся государства, так как он представляет собой общую волю граждан[1], которые, в принципе, должны принимать участие в «создании правительства».

Если это большинство находилось прежде в зависимости от вождей, если оно кланялось перед войсками монархов, то теперь, почувствовав в себе силу править собой, оно подняло голову и, после многовековой борьбы за политическую власть, успело укрепить за народом присущее ему право участвовать в управлении государством.

Но раз это право закреплено, следует упорядочить пользование им. Вся масса народа не может принимать прямого участия в ведении общественных дел, поэтому вслед за великим катаклизмом конца XVIII века, провозгласившим и упрочившим народовластие, были созданы учреждения, благодаря которым это ведение переходит в руки людей, наиболее к тому способных. Так составились конституции, передающие всю или почти всю власть народа в руки парламентов и депутатов, избранных большинством и контролируемых при помощи плебисцитов референдума, права петиций и запросов.

Теперь, значит, правительство может быть рассматриваемо как отбор, как эманация из народа «способных» или признаваемых таковыми на основании закона, и единственным условием его прочности, его законности, является поддержка большинства.

Отсюда вытекают и все санкции, утверждающие данную политическую организацию как выражение воли народа до тех пор, пока антропологические, физические или социальные факторы медленным и мирным путем не дадут этой воле другого направления и не поддержат численной или моральной силой новых политических форм.

---

[1] То есть лучше сказать — равнодействующую индивидуальных воль, в которую эти воли входят с разными коэффициентами и разными знаками, причем воля какого-нибудь Наполеона, обладая громадным коэффициентом, может одна наклонить равнодействующую в свою сторону. Вот опять пример неправильного применения математических приемов и выражений к социологии. Большинство в природе (как и в математике) имеет значение только при действительном равенстве входящих в вычисление единиц, а где же это равенство в человеческом обществе? Разве разум и воля Наполеона равны разуму и воле Хлестакова или Бобчинского? А если нет, то как же при определении большинства считать каждого из них за единицу?

Вообще, если честный государственный человек обязан заботится об удовлетворении нужд большинства, то преклоняться пред волей последнего было бы с его стороны доктринаризмом, да еще и доктринаризмом-то ошибочным, основанным на заведомой фикции качественного равенства граждан между собой... — *Примеч. перев.*

2) *Элементы политического преступления.* Не всякое, стало быть, противодействие работе данной политической организации является преступным. Здесь, как и во всяком другом преступлении, определяющим преступность моментом служит переход ко внешнему действию, заключающий в себе элементы воли и насилия или обмана.

Оппозиция существующей политической организации может и не быть преступной. Орландо называет такую оппозицию легальной, потому что она не выходит из границ, начертанных конституцией, предусматривается последней.

Бланчли идет еще дальше. Утверждая, что правительство имеет право требовать от народа повиновения, он допускает все-таки, что там, где оно не заботится о достижении поставленных ему целей, противодействие со стороны народа является правом, хотя исключительным и возникающим лишь тогда, когда справедливость, чьи-либо естественные и конституционные права слишком явно нарушены и не могут быть восстановлены легальным путем. Понятно, что противодействие это должно прекратиться тотчас же, как только цель его — восстановление нарушенного права — достигнута.

3) *Объект преступления.* Предположив, что политическое преступление представляет собой преднамеренное и насильственное или обманное нарушение воли большинства, посмотрим теперь, что именно является его объектом, так как в этом и лежит его отличие от других преступлений.

Мы уже говорили, что объектом политических преступлений является вообще политическая организация, принятая большинством. Но всякая политическая организация предполагает: во-первых — территорию, в пределах которой она развивается; во-вторых — учреждения и лиц, воплощающих ее в себе и приводящих в действие.

Поэтому на политическую организацию можно напасть как со стороны территории, так со стороны учреждений и лиц.

В первом случае политическим преступлением является всякая попытка насильственным или обманным образом уменьшить территорию, изменить ее границы, предать ее в руки врагов государства, вызвать войну, угрожающую независимости или безопасности страны, — вообще все то, что называется «изменой родине».

Во втором случае политическим преступлением является всякая попытка насильственным или обманным образом изменить существующий политический строй, помешать выполнению обязанностей или нарушить права представителей законной власти, покуситься на их жизнь или честь — вообще все то, что относится к категории преступлений против государственной власти.

Теперь, кроме того, между государствами существуют такие отношения, которые взаимно обязывают их заботиться о физической безопасности монархов или глав правительства, находящихся на чужой территории; на-

рушение этой безопасности является, стало быть, новой категорией политических преступлений.

Наконец, существуют «косвенные» политические преступления, состоящие в том, чтобы помешать правильному проявлению народовластия там, где оно лежит в основе политического устройства. Сюда относятся «проступки электоральные», то есть насильственное или обманное вмешательство в процедуру выборов.

Особые обстоятельства — например, сосредоточение нескольких воль для достижения вышеприведенных целей (заговор) или действие вооруженной рукой при большом числе участников (бунт, возмущение) — могут сделать политическое преступление более тяжким.

4) *Преступления социальные и религиозные.* Многие задают вопрос, можно ли считать эти преступления политическими, но мы находим бесполезным доказывать существование связи между социальными и политическими вопросами, так как видели уже, насколько бунты и революции связаны с политической экономией. Можно сказать даже, что борьба классов за политическую власть всегда ведется, в сущности, ради улучшения их экономического положения.

Может быть, никогда раньше два социальных лагеря не стояли в таких враждебных отношениях друг к другу. С одной стороны — рабочие классы, выдвинув из своей среды энергичную боевую дружину, не останавливаются в борьбе с привилегированными классами даже перед убийством и другими преступлениями, которые при ближайшем рассмотрении являются политическими, как это мы видели на примерах ирландских фениев и анархистов Франции, Бельгии, Германии; с другой стороны — правящие классы защищаются от нападений, не только противопоставляя насилию насилие, но и косвенно, путем государственного социализма, пытаясь успокоить пролетариат и залечить наиболее болящие его язвы с целью сохранить свою власть.

В самое последнее время некоторые очень важные политические вопросы были возбуждены именно во имя причин экономических. Так, в Америке невольнический вопрос был причиной войны за целость Союза, а вопрос о допущении китайских кули чуть было не поссорил Штаты с Китайской империей. Во Франции вопросы об итальянцах рабочих, в Америке — об экономическом протекционизме, в Англии — об алкоголизме и теперь служат поводами к ожесточенной парламентской борьбе партий.

Экономические вопросы не становятся, конечно, политическими до тех пор, пока сохраняют частный характер. Стачки, например, пока они совершаются в небольших размерах, суть лишь нарушения общего права. Но когда они распространены очень широко, то являются симптомом социальной болезни и становятся уже движением политическим. Да и вообще, как в их образовании, так и в прекращении политические мотивы всегда играют роль.

Здесь следует отметить факт, добытый нашими специальными исследованиями, о которых мы говорили выше: стачки вполне подчиняются законам, управляющим политическими преступлениями, — они чаще устраиваются мужчинами, в жаркое время года, в департаментах республиканских, экономически процветающих и не испытывающих особого гнета.

То же можно сказать и о большинстве религиозных преступлений. Не говоря уже про то, что религиозные революции часто бывают, в сущности, не чем иным, как социальными переворотами, — подобно христианству, обусловившему триумф плебейских классов, и протестантизму, поставившему мыслителей выше церковной иерархии, — история показывает, до какой степени политические вопросы совпадают с религиозными. Во Франции и в Италии оскорбление кардинала или членов его двора считалось политическим преступлением, а в Англии, напротив того, поблажки папизму признавались изменой родине; в Иудее и Греции политическими преступлениями считались кощунство и религиозная ересь.

Мы должны, стало быть, отказаться от предрассудков, свойственных даже нашим единомышленникам по науке, и остерегаться тех ошибок, в которые впадают наши противники. Провозглашать вместе с Серджи, что религия есть явление патологическое, попытка застраховать себя от действия сил природы, что она ничего не дает человеку, кроме неудобств и разочарований, значило бы сделать крупную ошибку. Уже самое существование религии, ее повсеместное распространение и неистребимость это доказывает.

Вредные паразиты или быстро губят то существо, на счет которого живут, или сами быстро погибают; религии давно исчезли бы, следовательно, если бы были явлением патологическим и не играли определенной роли в жизни человечества.

И действительно, они кодифицируют нравственность, рождающуюся из нужд общественной жизни, а без такой кодификации общество не могло бы ни существовать, ни тем более совершенствоваться.

Во всяком случае, в некоторых странах — не во всех, однако же (иные дикие народы, как, например, карубары, и образованные — китайцы — очень нравственны и почти не религиозны), — именно религия обусловила развитие нравственного чувства и правосудия, даже давала народу последнее, пока на ее месте не явилось государство со своими законами и магистратурой, — государство, надо заметить, почти совпадающее с церковью в лице своих вождей и первосвященников.

Помимо этого религии были полезны и в другом отношении — они поддерживали мизонеизм. Последний противился, правда, быстрому развитию прогресса, но он зато удерживал человечество на краю пропастей, в которые оно неминуемо было бы ввергнуто беспокойными элементами, гоняющимися за преждевременным новшеством.

Религии, правда, носят в себе и добро и зло, но зло (каннибализм, умерщвление врагов, Божий суд и прочее) мало-помалу исчезает, а добро остается, по крайней мере во внешности человеческих отношений.

Они, например, во всяком случае, увеличивали счастье человека, доставляя ему чувственные наслаждения, благовонные курения для обоняния, иконы и другие изображения богов для зрения, музыку и пение — для слуха, жертвенные яства — для вкуса, культ Венеры — для полового чувства и прочее; развивали эстетический вкус, благоприятствуя всякого рода художествам; наконец, поддерживали этику, рекомендуя милосердие. Благодаря этому религии овладевали сердцем человеческим до такой степени, что становились иногда абсолютными властительницами общества, соперницами или заместительницами государства, которому, собственно говоря, и дали первую организацию в форме теократии.

На подобную силу нельзя смотреть как на ничтожество только потому, что она является таковым для нас, философов. С ней надо считаться как с могучим политическим фактором, влияющим на общественное мнение, которое, не совпадая ни с истиной, ни с идеалами мыслителей, все-таки гораздо сильнее отзывается на ходе общественной жизни, чем идеи отдельных гениальных умов, в минуту их появления всегда малопонятные массам.

И религия действительно всегда рассматривалась как политическая сила не только в древних государствах Востока, где религиозная власть совпадала с политической, как у евреев, индийцев и египтян, а и там, где политическое законодательство достигло высокой степени совершенства, как в Греции, например, в которой, как мы видели, антирелигиозная мысль наказывалась как покушение на целость государства.

Даже теперь, несмотря на глубокий разлад между церковью и государством, юридическое отделение религиозного организма от политического совершается больше на словах, чем на деле, так как они находятся в постоянном соотношении. Раз более половины рода человеческого (старики, женщины, дети, аристократы, крестьяне и невежды) привязаны к религии, то государство не может оставаться покойным, когда задеты религиозные вопросы.

«Каким образом государство, — пишет Леруа-Болье, — то есть механизм, ответственный за общественное спокойствие да еще забравший в свои руки образование, воспитание, общественное призрение и заботы об улучшении участи преступников, может разорвать свою связь с самой древней, самой общей и самой деятельной силой во всех этих областях? Если бы религия влияла только на женщин, то и тогда она могла бы оказать большие услуги государству, потому что в домашней жизни, в воспитании, даже в отношениях граждан друг к другу женщины являются правящей силой».

Мы сами, не будучи верующими, но опираясь на мизонеизм и законы инерции, нисколько не сомневаемся (!) в законности наказания, постиг-

шего Сократа и Иисуса Христа (как бы оно ни было ужасно и возмутительно с правильной точки зрения), и находим, что если бы какой-нибудь великий гений — Спенсер или Дарвин — захотел силой навязать атеизм народу, совершенно к тому не подготовленному, то он нарушил бы волю большинства, стремящегося защитить свои прежние верования, и потому совершил бы политическое преступление.

С другой стороны, пока человечество не освободилось из-под нравственного влияния духовенства, государство не будет обладать достаточной силой, чтобы помешать последнему всюду вмешиваться и всеми командовать. Ясно, значит, что защита существующих верований, в форме превентивной или репрессивной, представляет собой весьма важную политическую задачу.

Можно сказать более. История говорит, что было время, когда нарушение обычаев считалось самым тяжким преступлением, по существу своему политическим. Таким оно остается и теперь у народов варварских и даже кое-где в Европе. Давно ли ношение шлейфа, усов, бород и курение табака считались вопросами политическими? Свиное сало, которым англичане смазывают ружейные патроны, послужило причиной восстания в Индии, так же как на крайнем Востоке — непочтительное обращение с писаной бумагой.

При данных обстоятельствах всякий слишком круто поставленный вопрос становится политическим. Выше мы видели, что в Болонье перенесение университета в другой город считалось политическим преступлением; в Венеции таким преступлением была подделка опия, а в Уэльсе — кража скота.

Это доказывает, что слияние религиозных и бытовых вопросов с политическими есть факт вполне естественный и что тот, кто восстает против него, принужден впадать в противоречия и нелепости, как в Италии, где нарушение свободы выборов (в Бельгии, Испании и Германии считаемое преступлением политическим) рассматривается как покушение на свободу личности, а возбуждение междоусобной войны (преступление политическое по преимуществу) называется нарушением общественного порядка, тогда как злоупотребления духовенства считаются преступлениями политическими.

5) *Определение.* Ввиду всех этих соображений политическим преступлением для нас является «всякое насильственное нарушение закона, установленного большинством для поддержания уважения к политической, социальной и экономической организации, этим большинством излюбленной».

Такое определение, основанное на объективном понятии о нарушенном праве большинства, решает, по нашему мнению, почти все вопросы, с юридической точки зрения поставленные, например, Мореном, Ортоланом, а в Италии — Гриппо и Мекаччи, которые хотят, чтобы всякое преступление, имеющее политическую цель, считалось политическим.

По-нашему, цель только и помогает определить наличность объективного нарушения права, но сама по себе недостаточна, чтобы составить политическое преступление.

Могут встретиться, в самом деле, и преступления против общего права, совершенные с политической целью, например сектантское или партийное убийство; но если политическая организация при этом не страдает, то такие преступления не должны выходить из разряда уголовных. Политическая страсть, вооружившая руку убийцы, может повлиять на оценку его преступления по сравнению со страстями более низкими, но она не поднимет его до степени покушения на целость государства.

Наоборот, существуют преступления, целью которых является исключительно нажива, но так как в результате они угрожают целости и спокойствию государства, то должны считаться политическими. Такова, например, продажа государственных тайн и планов неприятелю. Чем большей опасностью угрожает такая передача, тем строже она должна быть наказана, несмотря на то что состав преступления остается одинаковым.

6) *Преступления смешанные.* Этим мы не желали бы, однако ж, уменьшить важное значение элемента преднамеренности, имеющего особенную цену для нас, так как мы стремимся к оценке преступления и определению наказания на основании изучения души преступника и его сравнительной опасности для общества. Мы полагаем даже, что преднамеренность поможет нам решить другой вопрос, смущающий юристов, то есть вопрос о том, следует ли в преступлениях смешанных давать предпочтение уголовным мотивам над политическими, или наоборот.

В данных случаях только первоначальный импульс может служить различием между двумя категориями преступлений, как это уже было установлено Брусье; но мы полагаем, что для точного определения импульса необходимо антропологическое исследование преступника. Было бы нелепо, в самом деле, взывать к свободе, как некоторые делают, для того чтобы доказывать, что уголовное преступление как менее тяжкое покрывается политической целью. Надо помнить, что политика часто является вуалью для самых возмутительных злодейств и что трудно понять, почему эти последние не наказываются по всей строгости законов и с соблюдением обычной процедуры.

Тем более что смешанные преступления под политическим предлогом чаще всего совершаются прирожденными преступниками, то есть людьми самыми опасными для общества. А в этих случаях они становятся еще опаснее, потому что деяния их, совершаемые под покровом высоких идеалов, не только внушают меньше отвращения, но даже привлекают на их сторону честных людей, привыкающих видеть мученика во всяком политическом арестанте.

7) *Наказания.* Для того чтобы установить правильную и действительную систему наказаний, следовало бы исходить из физических факторов поли-

тических преступлений как наиболее важных. Мы видели, например, что в жарких странах восстания случаются чаще и бывают более бесплодными, поэтому репрессия там может быть менее энергичной. Наоборот, в холодных странах, где бунты редки, но упорны и продолжительны, было бы справедливее относиться к ним с меньшей терпимостью.

На юге Испании, например, пронунсиаменто* легко возникают и гаснут, а карлистское восстание в Астурии поддерживалось очень долго. Это доказывает, что даже в политических вопросах единообразное законодательство, удовлетворяя национальному чувству, не всегда является выгодным с тактической точки зрения.

Наказания должны отличаться друг от друга не только продолжительностью, но и качеством. Сильная, но краткая мера вроде, например, заключения в одиночной тюрьме, достаточна для того, чтобы усмирить бурное, но скоропреходящее возбуждение, тогда как в противном случае придется надолго удалить виновных из центра их революционной деятельности, то есть сослать, и притом на срок тем более долгий, чем серьезнее и продолжительнее вызванное ими движение.

Система наказаний должна быть сообразована и с другими физическими факторами, например с географической конфигурацией страны, так как мы видели, что население равнин гораздо апатичнее горцев, полных инициативы и склонных к революции.

То же следует заметить и относительно различия рас, большей или меньшей плотности населения и т. п. Во всех этих случаях репрессия должна проявиться различно. Так как в крупных центрах преступления часты, а в округах с разбросанным и малокультурным населением редки, то в последних они являются более тяжкими. Мы здесь, понятно, излагаем лишь общие правила, не претендуя на то, чтобы законодательство в одной и той же стране было различным для каждого округа соответственно малейшей разнице в климате или географической конфигурации. Наш совет относится к различиям крупным, какие существуют, например, между островной и континентальной Италией по отношению к климату или к расовым отличиям населения Австрии. В этой последней этнический характер рас столь различен, что репрессивные меры, приложимые в Каринтии, конечно, не могут годиться для Венгрии или Далмации.

Следует, стало быть, помнить, что уложение о наказаниях, в особенности политических, годное для одной страны, не может быть перенесено целиком в другую, а должно быть сообразовано с условиями, в которых живет последняя. Так, в странах полуварварских, где существует фетишистское поклонение трону, оскорбление величества должно оцениваться иначе, чем в странах цивилизованных, где предрассудков на этот счет не имеется.

Наказания должны быть согласованы с этими различиями. Например: нарушение обычая, особенно того, что касается религиозного культа, нра-

вов, иногда даже моды, должно быть строго наказываемо в странах более или менее варварских и очень слабо в странах цивилизованных.

Если итальянец в Абиссинии оскорбит образ Божией Матери, то он должен подлежать даже смертной казни ввиду серьезных осложнений, которыми грозит этот поступок его родине, Италии, тогда как в Милане с него за это можно взять лишь небольшой штраф. Стремиться к уничтожению полигамии на мусульманском Востоке было бы тяжким преступлением, а у нас таким преступлением было бы стремление ввести ее.

Значит, утописты, которые, не довольствуясь насильственным объединением законов, предназначенных для различных рас Италии, стремятся распространить эти законы и на Среднюю Африку, считая первым своим долгом тотчас же и во что бы то ни стало уничтожить все рабство, доказывают только, до какой степени мы невежественны. Вот англичане, подобно древним римлянам, уважают обычаи покоренных ими стран, соглашаясь даже сохранить вдовьи костры в Индии, не говоря уже о предрассудке относительно свиного сала.

Если в культурных странах атеизм и презрение к суеверным обычаям не должны быть наказываемы, потому что доказывают высшую степень развития, то в странах и менее цивилизованных публичное их проявление является наказуемым пропорционально силе той реакции, которую такое проявление может вызвать. Поэтому антисемитизм должен вызывать более энергичные репрессии в странах цивилизованных, чем в варварских, в которых он вполне естествен.

Но при назначении наказаний прежде всего следует иметь в виду антропологические факторы политических преступлений.

8) *Прирожденные преступники*. Мы уже видели, как опасно вмешательство прирожденных преступников в политические преступления. Присущее им отсутствие нравственного чувства усиливает эпидемию подражания, и потому они должны быть укрощаемы в высшей степени энергично, тем более что польза от их вмешательства в революции (см. выше) есть скорее исключение, чем правило.

Это обстоятельство внушило Хаусу — незнакомому, однако ж, с криминальной антропологией — справедливую мысль рассматривать как политические преступления только те акты, совершенные во время восстания, которые допускаются военными обычаями, а на все покушения против личности и имущества, внушенные ненавистью, жадностью или чувством мщения, то есть мотивами, свойственными преимущественно прирожденным преступникам, смотреть как на простые, уголовные.

В покушениях на жизнь государей различие это выступает менее ярко, потому что если они часто подсказываются личной ненавистью, желанием заставить говорить о себе или стремлением к косвенному самоубийству, то политическая страсть, всегда к ним примешивающаяся, маскирует низменный их характер.

С другой стороны, натура этого преступления такова, что оно не может быть сравниваемо с простым убийством или покушением на жизнь ближнего, потому что оно влечет за собой крупные политические перевороты. Для него, стало быть, требуется специальная форма репрессии.

То же нужно сказать и относительно измены родине; здесь политический характер преступления преобладает над всяким другим, так что даже прирожденные преступники, совершившие измену, должны быть судимы специальным судом, установленным для политических преступлений.

При этом не надо, однако ж, упускать из виду ту опасность для общества, которую, во всяком случае, представляет собой прирожденный преступник. Политический характер его преступления есть лишь диверсия, нисколько не изменяющая его преступной натуры, которая представляет собой один из опаснейших ферментов для толпы.

Вот почему задачей законодателя по отношению к прирожденным преступникам является главным образом устранение рецидивов путем пожизненной ссылки, которая, не прибегая к ужасу смертной казни, достигает той же цели, то есть устраняет опасного человека навсегда.

9) *Сумасшедшие и маттоиды.* Политические сумасшедшие опасны в такой же степени, как и прирожденные преступники. Они или действуют изолированно, или благодаря своей болезненной импульсивности и кажущейся гениальности приобретают последователей и становятся во главе движения.

Общественная безопасность требует удаления их в специальные лечебницы, не только при самом начале революционной деятельности, но если можно, то и раньше, когда они только еще довольствуются угрозами. Не следует отказываться от предварительного заключения таких субъектов, которые даже и в мирное время должны ему подвергаться, пока не наделали чего-либо непоправимого.

Безграничная свобода, предоставляемая резонирующим сумасшедшим, в иные минуты может причинить бедствия целому народу, и не только потому, что эти несчастные чаще всего стремятся к убийству главы государства, но и потому еще, что они, будучи одарены ясным умом и большой наклонностью к составлению заговоров, весьма успешно сплачивают вокруг себя политические партии. Становясь во главе таких, не обладая здравым смыслом, достаточным для того, чтобы вовремя остановиться, и действуя на массы самой своей ненормальностью, странностью, они, подобно бациллам или частичкам фермента, при удобных условиях и в предрасположенном к заболеванию народном организме могут вызывать губительные эпидемии политического или религиозного помешательства. Примеры тому мы видим в исторических средневековых эпидемиях, а также и в наше время: у русских нигилистов, американских мормонов и методистов, наконец, у бельгийских стачечников.

Мы, итальянцы, не настолько еще, конечно, разъедены алкоголем и гордостью; благодаря нашей латинской умеренности мы еще можем быть стой-

кими в несчастье; но все-таки когда подумаешь о холерных беспорядках в Южной Италии или о бунте из-за пошлины на помол, в которых, по исследованию Дзани, главными деятелями были семеро сумасшедших, то поневоле усомнишься в прочности порядка и покоя, царствующих у нас теперь. Случись какое-нибудь обстоятельство, способное подействовать на воображение народа, и психический фермент, представляемый сумасшедшими, найдет удобную для своего развития среду.

Специальные психиатрические лечебницы для преступников, разумеется, тогда только принесут пользу, когда устранят возможность рецидивов. Поэтому судьи, эксперты или директора учреждений, выпуская своих клиентов на свободу, должны нести на себе ответственность за последствия. Таким путем будет достигнута цель, к которой английская система подходит с другой стороны — отдавая освобождение на волю Его Величества, то есть, в сущности, делая заключение пожизненным.

Эпилептики, маньяки, преследователи и алкоголики, являющиеся, как мы видели, самыми опасными вожаками и участниками бунтов, должны быть прежде всех подвергнуты заключению. Мономаны тоже, конечно, могут быть опасными, но они иногда даже в великих революциях играют роль гениев, коих являются слабым подражанием, поэтому к ним нужно относиться с должным вниманием, так же как к нравственным идиотам и истеричным, которых болезнь приводит иногда к чрезмерной добродетели, к святости (см. главу десятую) и которые поэтому более полезны, чем вредны для прогресса человечества.

Маттоиды, в свою очередь, еще менее опасны, чем мономаны, потому что у них далеко не всегда бывают навязчивые идеи (*idées fixis*), а нравственное чувство задето лишь слегка. Поэтому предварительное заключение становится необходимым для них лишь тогда, когда появляется буйный бред, то есть когда их мечты о славе и величии разбиваются о серьезное препятствие или когда голод и бедствия доводят их до отчаяния.

Таких лиц нельзя, конечно, преследовать юридически, и чем дальше, тем больше мы будем в этом убеждаться. Они суть продукт нашей общественной среды, подогреваемой политическими учреждениями, дающими большой простор самолюбию.

Хотя они приносят, может быть, больше вреда, чем пользы обществу, но все-таки было бы слишком жестоко уединять их раньше, чем они явным образом нарушат общественную безопасность, тем более что, занимаясь политикой, теоретически они служат полезным ферментом для общественной мысли. Но когда их мономания принимает преступную форму, как у Сбарбаро и Манжионе, то, конечно, они должны быть удаляемы из общества, хотя не в тюрьму, а в психиатрическую лечебницу, что одновременно удовлетворяет как требованиям политики, так и требованиям гуманности, а кроме того, устраняет всякие подозрения и всякую реакцию.

В самом деле, не тяжело ли было видеть Сбарбаро, имевшего полное право на невменяемость и помещение в лечебницу, привлеченным к суду, как вполне здоровый человек? Ведь этим только создали для него апофеоз, позорный для нашей страны, так как он доказал, что мы потеряли критерий истины или, по крайней мере, мужество, нужное для того, чтобы провозгласить последнюю.

А как легко было сделать его навсегда безвредным, положившись на показание нескольких экспертов-альенистов! Суд был бы избавлен от хлопот и противоречий, а страна — от развращающего зрелища.

Затем, для того чтобы маттоиды с своими уродливыми измышлениями не играли исторических ролей, не влияли на общественное мнение и на политику, нужно лишить их удобной почвы — сделать так, чтобы голоса их не встречали поддержки в чувствах большинства. Вообще, не имея возможности поймать этих общественных микробов на штыках, мы должны дезинфицировать наши раны и язвы, на которых они находят удобную среду для развития, — должны предупредить их часто вполне справедливую критику, устранив условия, слишком легко поддающиеся последней. Дело в том, что маттоиды, будучи совершенно лишены мизонеизма, гораздо раньше большинства чуют эти условия, а потому публика склонна видеть в них пророков и принимать рекомендуемые ими меры.

10) *Случайные преступники.* Убедившись в том, что в этих случаях дело идет не столько о неопытности, сколько о проявлении особого рода импульсов, уничтожающих мизонеизм, мы, сторонники возможного облегчения наказаний для молодежи, не думаем, однако ж, чтобы можно было очень повышать возрастной уровень той наказуемости, так как в таком случае от наказания ушли бы преступники, хотя и менее вменяемые, но более часто встречающиеся.

Да, наконец, теперь начинает уже исчезать тот предрассудок, вследствие которого молодые люди были отстраняемы от политики; выборные системы, даже самые узкие, допускают теперь участие в выборах лиц, достигших гражданского совершеннолетия, что мы считаем одним из лучших средств для предупреждения политических преступлений.

Предлагая со своей стороны понизить возрастной ценз членов парламента до 21 года — с целью оживления парламентских учреждений, — мы не можем, конечно, считать этот возраст менее ответственным за политические преступления.

Раз мы признаем за молодыми людьми право пользоваться таким большим влиянием на политическую жизнь нации, то должны признавать за ними и обязанность не прибегать к насилию для разрушения того политического порядка, который установлен большинством граждан, тем более что будучи допущены в парламент, они могут бороться с ним легальными путями.

Но мы этим вовсе не хотим сказать, чтобы наказания за политические преступления для не достигших совершеннолетия не должны быть пони-

жаемы. Их следует назначать соответственно меньшей сознательности, большей впечатлительности и большей наклонности несовершеннолетних к подражанию. В общем, молодые люди должны быть наказываемы за политические преступления менее строго, потому что они более предрасположены к этим преступлениям и совершают их в силу своей большей активности, страстности, великодушия и смелости.

То же следует сказать и о женщинах, которых обычная судебная процедура не отличает от мужчин, но к которым, по нашему мнению, следовало бы относиться с большей терпимостью, особенно в политических преступлениях. Дело в том, что у женщин и всегда преобладает элемент страсти, а в иные физиологические периоды (при менструациях, во время беременности) на них прямо следует смотреть как на временных истеричек.

Что касается наказаний за «физические насилия», то тут, нам кажется, прежде всего нужно иметь в виду влияние вожаков, которое иногда доходит до степени гипнотического внушения. Ответственность этих вожаков должна быть, следовательно, повышена, ответственность же людей увлеченных может быть ограничена какими-нибудь кратковременными и преимущественно физическими карами (содержание на хлебе и воде etc.); этого будет достаточно, чтобы предупредить рецидивы.

То же можно сказать и о преступлениях, совершенных толпой, одно присоединение к которой, как мы видели, уже изменяет индивидуальность, причем каждый становится способным совершать такие преступления, которые, находясь в одиночестве, не смел бы и задумать.

Очевидно, стало быть, что в данном случае ответственность каждого отдельного лица совершенно уничтожается или по крайней мере значительно смягчается и падает на вожаков, увлекших толпу. Тем не менее, однако же, человек, совершивший, хотя бы и под влиянием толпы, дикое и кровавое преступление, не может быть, как мы видели, вполне честным и порядочным, а потому, несмотря на меньшую ответственность, должен быть все-таки наказан как случайный преступник, имевший уже хотя бы легкую наклонность к преступлению. По мнению Гарофало, его следует наказывать так же, как человека, совершившего тяжкое преступление под влиянием гипнотизма, — вполне хорошие люди не подчиняются внушению.

Среди таких случайных преступников нужно, однако ж, отличать прирожденных, которые всегда замешиваются в народные движения и делают их более жестокими. Их следует наказывать беспощадно, строго.

Что касается «насилий нравственных», то к ним надо прилагать следующие рассуждения, касающиеся преступников по страсти.

11) *Преступники по страсти и преступники гениальные.* Эта категория преступников нуждается в специальных наказаниях, так как резко отличается от прочих и легко может быть из них выделена. Здесь импульсы, зависящие от антропологических аномалий, заменяются более великодушными и гуманными. Здесь, наконец, мы впервые встречаемся с преступлени-

ем чисто политическим, которое общество принуждено карать для защиты прав большинства, но к которому оно должно относиться не без уважения и не без сомнения.

И народное сознание, не всегда совпадающее с юридическим, вполне оправдывает такой взгляд. Оно всегда с отвращением относится к наказанию гениальных или чистых сердцем политических преступников, если заподозрит в этом хотя малейший след произвола. Присяжные чаще всего оправдывают таких преступников.

Даже тогда, когда дело касалось преступлений смешанных, как в процессах Чиприани, Сбарбаро и Коккапиллера, общественное мнение оправдывало преступников повторными выборами в парламенте, если видело в них людей гениальных или действовавших по страсти. То же имело место и во Франции по отношению к нескольким посредственностям, которых политические процессы сделали мучениками, а затем выдвинули к власти (Пиа, Валлес, Рошфор).

Дело в том, что такие преступники, хотя и в насильственной форме, часто разоблачают какой-нибудь недостаток в общественной или политической организации, намечают какую-нибудь реформу, давно уже созревшую в общественном сознании, или обличают несправедливость, которую требуется устранить. То, что кажется с первого взгляда дерзкой утопией и пугает страну, в конце концов может оказаться неизбежной реформой, вполне отвечающей потребностям большинства. Вчерашние преступники сегодня становятся апостолами. Так было с Иисусом Христом, Лютером, Мадзини, чтобы не упоминать о множестве других.

Поэтому-то суд охотнее оправдывает таких людей, чем обвиняет их.

С другой стороны, мы знаем из истории, что слишком жестокие кары за политические преступления не только ускоряли гибель правительств, к ним прибегавших, но и оказывались более вредными для страны, чем самые преступления. Так было во Флоренции, которая пала отчасти благодаря преследованию и изгнанию лучших граждан; так идет теперь дело в России, угнетающей в лице нигилистов цвет своей интеллигенции, и еще больше так шло оно в Испании, которая, сжигая на кострах своих лучших граждан, искоренила все признаки гениальности и превратилась, как мы видели, в интеллектуальную пустыню.

Как бы то ни было, однако ж, нарушение политических прав большинства не перестает быть преступным, и права эти должны быть ограждены. Отсюда необходимость специального наказания за политические преступления, которое бы, с одной стороны, ставило чересчур страстных людей в невозможность вредить обществу, принимая, однако ж, во внимание возвышенность их характера и мотивов, а с другой — было бы легко отменяемо в тех случаях, когда взгляд большинства на самое преступление изменится. Таким наказанием могло бы быть изгнание — для преступлений чи-

сто политических — и заключение в крепости или ссылка в колонию — для преступлений смешанных.

12) *Временное наказание.* Характерными чертами наказаний за политические преступления должны быть, по нашему мнению, их временность и удобоотменимость.

В самом деле, если политическое преступление представляет собой попытку изменить политический порядок, установленный большинством граждан, то очевидно, что наказание за него должно прекращаться не только тогда, когда этот порядок изменится, но и тогда, когда большинство изменит свой взгляд на преступление. Надо помнить, что новое политическое направление, хотя бы оправдываемое большинством, не сразу становится на место старого, потому ли, что внезапные и бурные переходы вообще всегда пугают, или потому, что существующий политический порядок недостаточно еще раздражил население для того, чтобы заставить его предпочесть революцию мирному и медленному развитию.

Как бы то ни было, люди, ускорившие наступление нового порядка или вообще тому содействовавшие, не могут более считаться преступниками, когда этот порядок наступит. Стало быть, наказание неотменимое превращается в этом случае в несправедливость. Тем-то и объясняется частое оправдание политических преступников.

Легко, однако ж, предвидеть возражение, что невозможно или по крайней мере очень трудно справляться всякую минуту о настроении общества для того, чтобы, сообразуясь с ним, изменять судьбу политических преступников. И действительно на практике это встретит большие затруднения; но все-таки, как мы видели, страна может восстать против несправедливого, по ее мнению, приговора единственным легально доступным для нее путем — путем плебисцита.

С другой стороны, парламенты, представляющие собой власть народа и служащие более или менее зеркалом его воли, в большинстве конституций являются высшим судом для политических преступлений, по крайней мере самых тяжких. Они могли бы даже, как во Франции, амнистировать и совершенно отрицать преступность посредством своего голосования. Таким правом облечен Северо-Американский конгресс, так же было и в республиканском Риме.

Достаточно, стало быть, чтобы обе законодательные палаты в соединенном заседании один раз в три года или в пять лет провозглашали, что такие-то и такие деяния не считаются более преступными. Перестали ли же считаться таковыми, например, атеизм и кощунство, когда-то наказывавшиеся как тяжкие преступления, а скоро, надо полагать, перестанут быть наказуемыми и оскорбление величества и стачки.

Для преступлений чисто политических, без всякой примеси уголовщины, наказание должно быть вполне и абсолютно временным. Кроме того,

оно не должно быть ни позорящим, ни слишком тяжким (изгнание) и продолжаться только до тех пор, пока само деяние считается преступным.

Эта идея даже и не нова: мы видели ее приложение в Греции — в форме остракизма, во Флоренции — в форме адмониции* и в Сицилии — в форме пенализма. Вообще она была прилагаема в разные времена правительствами действительно либеральными.

В сложных политических преступлениях нужно отличать чисто политическую часть от уголовной, причем первая ни в каком случае не покрывает последней, которая должна быть наказуема в полной мере как оскорбляющая нравственное чувство общества. Здесь следовало бы назначать и наказание сложное, то есть разделять его на две части: постоянную, неотменимую и на известное число лет, в качестве кары за покушение на жизнь или свободу гражданина, и временную, отменимую, в качестве кары за преступление чисто политическое.

13) *Шкала наказаний*. Не претендуя на изложение полной системы наказаний, попробуем теперь вкратце систематизировать наши идеи касательно репрессии политических преступлений.

Ввиду того что меры, касающиеся сумасшедших и прирожденных преступников при их вмешательстве в политику, нами уже твердо установлены (заключение в лечебницы и отягчение обычных уголовных наказаний соответственно особой опасности преступника), перейдем прямо к наказаниям, предлагаемым нами для преступников по страсти и случайных.

а) За убийство или тяжкое ранение главы государства, своего или иностранного, а также и за всякое убийство, совершенное с политическими целями (сложное преступление), — изгнание или ссылка отдельно от уголовных преступников, по бельгийской системе.

По сроку это наказание должно соответствовать тому, которое виновный понес бы при простых уголовных преступлениях того же порядка.

б) За измену родине (шпионство, преступления министров, подача повода к войне и прочее) — ссылка или изгнание бессрочные.

в) За возмущение и образование вооруженных шаек с целью ниспровержения существующего политического, религиозного или общественного порядка — для вожаков тоже ссылка или изгнание, без определения срока.

г) За все насильственные деяния, направленные против существующего порядка, не вошедшие в предыдущие категории, — изгнание на неопределенное время.

д) За простые личные оскорбления главы государства — одиночное заключение на неопределенное время.

е) За простое участие в бунтах и вооруженных восстаниях для лиц, которые не были ни вожаками, ни инициаторами последних, но не отстали от них в самом начале, — то же наказание.

К молодым людям (несовершеннолетним) во всех случаях прилагается низшее наказание, непосредственно следующее за тем, которое должно бы

быть назначено соответственно преступлению; острое алкогольное отравление, совершенное не с целью подкрепить себя для совершения преступления, должно рассматриваться как увеличивающее виновность.

Если целью вышеупомянутых преступлений будет личная корысть, то наказание усиливается штрафом, пропорциональным имущественному положению виновного, а кроме того, «лишением политических прав и права занимать общественные должности».

ж) За обнародование государственных или административных тайн, ввиду опасности, с одной стороны, оставлять это преступление безнаказанным, а с другой — путем слишком строгих наказаний лишить публику возможности знать правду, мы предлагаем, помимо исключения виновного из службы, подвергать его денежным взысканиям в виде залога, который бы мог быть возвращен, если обнародование тайны окажется впоследствии полезным для общества.

з) Что касается оскорблений, нанесенных монарху или парламенту путем печати, то они являются предохранительным клапаном и указателем для общественного мнения, так как если идут от маттоидов, то ничего не изменяют, а если идут от умных и убежденных людей, то оказываются полезными для государства, открывая ненормальности, которые иначе остались бы скрытыми.

За эти оскорбления, следовательно, достаточно было бы назначать штраф, достигающий крупных размеров в тех случаях, когда на суде будет доказано, что оскорбительная статья или заметка была внушена личной ненавистью или вообще низким чувством.

За словесные оскорбления, почти никогда не обусловливаемые душевной испорченностью, достаточно небольшого штрафа в пользу какого-нибудь патриотического дела. В самом деле, если теперь суд за кощунство кажется нам смешным, то таковым же должен казаться и суд за оскорбление монарха или парламента, потому что если они достойны уважения, то останутся достойными его, несмотря ни на какую брань, а если не достойны, то никакие карательные меры и драконовские законы не спасут их от презрения.

и) Религиозные преступления и проступки против обычая в странах варварских (в колониях), если они совершены туземцами или европейцами во вред туземцам, всегда должны быть наказываемы, а в цивилизованных странах — только в таком случае, если влекут за собой иностранное вмешательство или вообще угрожают целости и спокойствию родины.

к) Простые уголовные преступления представителей народа, депутатов, должны быть наказываемы по общим законам, а смешанные — по специальностям.

Парламентские преступления должны быть наказываемы заключением в специальную парламентскую тюрьму, как это делается в армии для преступлений специально военных.

л) Наконец, за косвенные политические преступления, колеблющие самые основы государства, то есть за подделку выборов и за всякие покушения, направленные против свободы, последних следует наказывать штрафом и временным лишением политических прав. Но надо сверх того наказывать и за воздержание от подачи голоса, как это установил Солон; таким путем мы заставим, может быть, участвовать в выборах людей менее развращенных, потому что «от такого участия уклоняются преимущественно люди» наиболее «честные, но апатичные», а штраф их несколько стимулирует.

13) *Юридическая компетенция.* Нам остается рассмотреть, каким политическим или судебным органом должно быть поручено приложение этой системы наказаний и кто должен прекращать действие кары, когда само преступление перестало быть таковым в сознании общества.

Рассуждая теоретически, раз наказуемость политических преступлений вполне зависит от мнения большинства, то весь народ или по крайней мере его представители и должны бы быть судьями этих преступлений. На практике, однако ж, такая процедура, с одной стороны, для случаев не очень важных является излишней, а с другой, при ее применении оценка политического преступления была бы очень неопределенна и всецело зависела бы от борьбы партий.

Но не надо забывать, что юридическая литература, в большей части случаев консервативная, так как мало сталкивается с политической жизнью, судила бы политические преступления с противоположной господствующей идеям точки зрения, что повело бы к опасным конфликтам.

Поэтому-то мы полагаем, что суд присяжных — в особом пристрастии к которому нас заподозрить нельзя — при рассмотрении дел о политических преступлениях представил бы ту выгоду, что вдохновлялся бы действительной жизнью, при полной независимости от исполнительной власти. Но в данных случаях больше чем где-либо следует требовать, чтобы он представлял достаточные гарантии честности и развития своих членов.

Там, где выбор судей предоставлен всему народу, как в Америке, нет ничего проще, как поручить избрание присяжных тем же выборщикам, которые избирают и судей; там, где выборы двухстепенные, можно поручить это избрание выборщикам первой степени. Но так как суд над политическими преступниками всегда задевает важные политические вопросы, то хорошо бы было, чтобы в выборах приняли участие именно те граждане, которые особенно интересуются этими вопросами.

У нас такая реформа слишком сильно бы пошатнула старые устои юстиции, и потому мы можем ограничиться присяжными, которых для этого специального суда можно бы было выбирать из определенной законом категории граждан, в состав которой и должны войти лица, наиболее интеллигентные и заинтересованные политической жизнью, то есть депутаты, сенаторы, профессора-юристы, члены провинциальных и коммунальных

муниципалитетов, президенты и администраторы кооперативных рабочих союзов и прочие.

Таким путем, не вводя насильственно новшеств, которые в силу нарушения естественного мизонеизма приводят часто к противоположным результатам, можно достичь цели, то есть получить трибунал, совершенно независимый как от правительства, так и от партийных страстей, но вполне соответствующий настроению народа.

Оскорбления, нанесенные одним сословием, кастой или племенем другому в среде той же самой нации, должны быть судимы присяжными, принадлежащими к обеим враждующим сторонам, что устранит всякие подозрения.

Суду таких присяжных должны подлежать дела по всем политическим преступлениям, кроме измены министров, которая должна быть судима палатами, так как нужно, чтобы суд в этом случае происходил в той среде, из которой исходит обвинение и которая обладает особой на то компетенцией.

Еще одна реформа кажется нам вполне уместной для репрессии преступлений, вредящих всему народу, и притом таких, на которые суд и правительство могут воздействовать или слишком слабо, или слишком поздно: надо допустить в данных случаях воздействие самого народа.

На это мы тоже имеем исторический опыт, так как видели, что такого рода учреждение существовало в республиканском Риме, причем оно представляло собой могущественное средство для охраны свободных учреждений, так что с отменой его началась эра деспотизма и произвола в политических делах.

Благодаря праву инициативы каждый гражданин мог явиться обвинителем перед судебной властью, но эта обязанность возлагалась главным образом на адвоката слабых.

Обязанность эта являлась не подлым доносом сообщника, за который развращенные законодательства вознаграждают освобождением от наказания, а мужественным гражданским актом призыва к суду врагов государства и его учреждений. Закон требовал от обвинителя, чтобы он гарантировал серьезность обвинения своей личностью и имуществом, играя на суде роль стороны в гражданском процессе.

Если политические партии, вместо того чтобы представлять собой удобную карьеру для личных самолюбий и удобное поле для академических рассуждений, были настоящими авангардами высоких политических идеалов, то они могли при помощи этого средства обличать измену и наказывать насилие.

И это еще не все; всеобщему праву обвинения должно соответствовать, по нашему мнению, право граждан пересматривать политические процессы и отменять наказания, когда изменится взгляд общества на самое преступление.

Но здесь надо быть очень осторожным, то есть надо требовать, чтобы значительное число лиц засвидетельствовало, что взгляд большинства на преступление действительно изменился. Без этого простой каприз небольшого количества единомышленников мог бы если не прерывать отправление правосудия, то значительно мешать ему, возбуждая беспрестанные волнения.

Там, где, как, например, в Италии, апелляция к народу не допускается, желание общества прекратить преследования за известные политические деяния может быть передано палатам в виде петиции, и когда последняя, будучи подписана десятью тысячами избирателей, получит голоса двух партий парламента, то закон должен быть изменен и приговоры пересмотрены во всем, что касается чисто политической стороны процессов, тогда как уголовная их сторона (в смешанных преступлениях) остается в силе.

Затем сами палаты каждые пять лет должны пересматривать законы политических преступлений и отменять их или утверждать. Во всяком случае, палатам следует предоставить право помилования, которое только в силу условной лжи принадлежит монарху, а на самом деле вполне зависит от министров.

Таким образом, *вота* законодательной власти в пользу политических преступников будет доказывать, что мнение страны о преступлениях, ими совершенных, изменилось и самые эти преступления перестали быть таковыми. Страна, стало быть, не потеряет ни одной минуты пользования этой переменой, и в то же время кара, охраняющая самые важные политические интересы, своей неотменимостью не будет вызывать реакции.

14) *Выдача политических преступников*. Мотив, в силу которого в большинстве международных трактатов постановлено не выдавать политических преступников, состоит в том, что общество не имеет надобности ограждать себя от этих последних, так как преступность в данном случае является условной и зависит от специальной конституции каждого государства.

Если бы, как замечают Бланчли и Бернер, все нации основали свои учреждения на демократических идеях, то ввиду общих интересов они сообща могли бы бороться с политическими преступлениями как представляющими собой покушения на свободу народа и его суверенные права. Но в настоящее время каждое государство живет еще по-своему, следя за соседями и сходясь с теми из них, с которыми имеет больше сродства, а потому с ними только оно и заключает договоры о взаимной выдаче политических преступников.

Что касается нас, то, предлагая в качестве единственного наказания за чисто политические преступления только выделение преступников из общества путем изгнания, мы, конечно, не можем стоять за обратную их выдачу. Но для преступлений смешанных и в особенности тех, которые совершаются прирожденными преступниками и сумасшедшими под политическим предлогом, дело должно быть поставлено иначе, так как эти преступления ставят в опасное положение не только государство, но и все общество.

Здесь выдача по пересмотру процесса должна быть обязательной.

Те же самые смешанные преступления, будучи совершены преступниками по страсти или по случаю, требуют несколько иного к себе отношения, так как в них содержится и элемент чисто политический. Тут нужно обращать внимание на нравственное чувство преступника и на степень опасности его для общества: если нравственное чувство в нем цело, то выдавать не следует. Вообще, за исключением прирожденных преступников, никакие интересы защиты общества не могут оправдывать выдачи.

Глава 3. Предупредительные против политических преступлений меры. Экономическая профилактика

Репрессия, однако же, весьма мало помогающая, когда она направлена против отдельных лиц, еще менее поможет в том случае, когда будет относиться к целому населению. Для того чтобы она была действительна, нужно сочувствие общественного мнения. Прежде чем приступать к сильным мерам, государственный человек должен, стало быть, подготовить почву для того, чтобы политический организм государства не потерпел от этих мер.

1) *Социальный вопрос.* Самым угрожающим спокойствию общества является социальный вопрос, и, что бы ни говорили, нельзя надеяться на его полное разрешение при целости тех политических форм, при которых он возник и с которыми тесно связан.

Все мыслители с древнейших времен и до наших дней сознали тесную связь между политической и социальной жизнью. Аристотель первый заметил, что в демократиях приходится охранять от грабежа богатых, а в олигархиях следить за тем, чтобы народу жилось хорошо, чтобы он имел обеспечивающую его работу и чтобы обиды, нанесенные бедному, наказывались даже строже, чем обида богатого.

А мы ни о чем таком и не заботимся: европейское правосудие плохо охраняет бедных и почти никогда не наказывает богатого.

Дети высокопоставленных лиц живут у нас в роскоши и праздности, а дети бедняков грубеют в безысходном труде и вырастают бунтовщиками.

По мнению Токвиля, демократические учреждения лучше всяких других могут обеспечить социальный мир, потому что уменьшают количество бедных и не дают никаких привилегий богатым.

«Между этими двумя крайностями, — прибавляет он, — стоит большинство, которое не богато и не бедно, а обладает достатком, заставляющим его оберегать порядок и не дающим повода завидовать кому-либо. Это большинство, являясь естественным врагом всяких насилий, обеспечивает прочность существующего строя в буржуазных обществах Европы».

2) *Замена заработной платы.* Но в настоящее время задача стала значительно труднее: политические реформы теперь уже недостаточны; рабочий

класс благодаря интеллектуальному его прогрессу скоро станет наравне с буржуазией и даже перегонит ее. Поэтому надо спешить покончить многовековой антагонизм между трудом и капиталом.

В самом деле, теперь благодаря гигантскому развитию промышленности и чрезмерной конкуренции капиталы стали менее доходными, что заставляет капиталистов вознаграждать себя уменьшением заработной платы; а между тем рабочие, стремясь к независимости, требуют даже участия в доходности предприятий, смотря на это как на первый шаг к полной своей эмансипации от капитала. Такой неразрешимый конфликт, грозя совершенно нарушить основы народного хозяйства, служит причиной крупных волнений.

Древний раб, больше орудие, чем человек, превратился теперь в незаменимого сотрудника; умелую, но бессознательную руку заменил интеллект, во сто раз увеличивающий продукты труда, если находит справедливое вознаграждение.

Капиталистическому предприятию приходится, стало быть, пойти навстречу справедливым требованиям рабочих рук и поделиться с ними доходом. Это оно должно сделать во имя собственных своих интересов, так как только таким путем можно предупредить стачки и увеличить продуктивность труда.

А пока следует отказаться от работ по подрядам, потому что эти работы, чрезмерно усиливая временную деятельность, влекут за собой уменьшение правильного труда. Хозяева при этом в ожидании заказа, не всегда достоверного, без всякого риска набирают больше рук, чем им нужно, так как платить приходится лишь за то, что сделано, а рабочие получают недостаточную плату, потому что не все их время занято.

Не так давно в своем фамилистере* Годэн разрешил задачу о конфликте между трудом и капиталом.

Он предположил преобразовать свой литейный завод в ассоциацию, в которой рабочие мало-помалу становились бы хозяевами. С этой целью он обязал их постепенно приобретать паи предприятия, так что хозяйский капитал понемногу замещался капиталом рабочих. Лучшие из этих последних становились пайщиками и занимали самые важные должности, причем одни они имели право вмешиваться в управление делом.

Чистый доход последнего, за исключением сумм, назначенных на страховку, образование и проценты по паям, делился между всеми участниками пропорционально жалованью каждого и, следовательно, большей или меньшей важности играемой им в деле роли.

Для того чтобы обеспечить преобладание рабочих в предприятии, раз все оно будет ими выкуплено, первоначальные паи амортизируются и заменяются новыми, в которых участвуют уже и новые рабочие, присоединившиеся к делу.

Прекрасные результаты, полученные в данном случае, конечно, обусловлены усилиями одного высокогуманного и энергичного лица. Может быть, не у всех предпринимателей найдется достаточно воли и способностей для того, чтобы получить их; может быть, даже соучастие в предприятии окажется вредным для самих рабочих — в случае краха; но все-таки великому примеру, поданному Годэном, надо следовать, и все попытки, сделанные в этом направлении, заслуживают величайшего одобрения.

3) *Кооперация*. Говоря об этом новом факторе экономической цивилизации, «*Wansittart Neale*» так определяет его плодотворность: «Всем известно, что морские волны могут быть успокоены бочкой масла, разлитой по их поверхности; точно так же и социальные волны могут быть успокоены маслом кооперации. Ничто, кроме нее, не успокоит бешеных волн, грозящих потопить цивилизацию».

В самом деле, экономическое равновесие, служащее единственной гарантией социального мира, может явиться только тогда, когда изолированные силы, в отдельности слишком слабые для борьбы за существование, соединятся в один пучок и найдут в этом единении как необходимую силу, так и энергию и средства для борьбы за свои права.

В Англии кооперация подняла ежегодный доход рабочих больше, чем на 3 миллиона фунтов стерлингов, и на деле доказала, как ошибочен принцип, сформулированный Лассалем под именем «железного закона заработной платы», по которому повышение дохода рабочего должно понижать последнюю. Повышение дохода, напротив того, повышает способность рабочего стоять за свою плату. Даже во время тяжких торговых кризисов, пережитых Англией за последние десять лет, заработная плата, в общем, оставалась на той же высоте, которой достигла раньше 1872–1875 годов. Развитие, до которого достигли наши рабочие, заставляет верить, что они созрели для такого переворота.

Выбор членов, и в особенности директоров, представляет, конечно, известные затруднения, точно так же, как накопление капитала и заручка кредитом. Но накоплению капитала могут содействовать и разные общества (потребительные, вспомоществовательные и прочие) и предусмотрительность самих рабочих, а что касается кредита, то он гарантируется их деятельностью, тем более если кооперативные компании примут предложение, сделанное на недавнем их конгрессе: отчислять 2% с общей стоимости работ в особый фонд.

Если кооперативные союзы не в состоянии будут завладеть крупными предприятиями, то для начала завладеют мелкими, а потом демократизация промышленности, обусловленная заменой пара электричеством, даст им возможность расширять свое дело.

Та же система кооперации, перенесенная в деревню, даст, может быть, возможность решать и аграрный вопрос, который для нас важнее рабочего.

Надо помнить, что в Америке, хотя и под видом религиозных ассоциаций, имеется до шестидесяти процветающих кооперативных земельных общин вроде Онейды, Аманы и прочих, в которых работают все сообща и делят только доходы.

У нас, конечно, много еще нужно поработать для того, чтобы сделать идею о кооперации популярной в наших деревнях, но, во всяком случае, следует отнестись с похвалой к попыткам популяризировать эту идею. К числу таких попыток принадлежат, например, земельные ссудные кассы, которые в Пиренейской Пруссии и Верхней Италии успешно борются с ростовщиками путем взаимного кредита.

Надо помнить, однако ж, что и кооперативным ассоциациям присущ некоторый порок, которого рабочие в собственных интересах должны стараться избежать: ассоциации эти способны превращаться в спекулятивные предприятия или нанимая рабочих, когда много работы, или ограничивая число пайщиков для того, чтобы увеличить размер дивиденда, падающего на каждый пай.

«В этих случаях, — как говорил Лассаль, — положение большинства рабочих ничем не улучшается, так как они вместо того, чтобы работать на одного предпринимателя, станут работать на группу пайщиков. Личность хозяина переменится, а остальное все будет идти по-старому. Даже хуже, чем по-старому, потому что тут рабочие пойдут против рабочих же».

Для того чтобы кооперативные ассоциации образовались, нужно желать, чтобы правительство содействовало их образованию, избавляя от платы пошлин за контракты и поручая им выполнение общественных и государственных заказов, как это было с успехом испытано в Италии (в Романье и в Мантуе) по инициативе Ферри.

4) *Враги рабочего класса.* Но помимо вопроса о заработной плате, помимо стараний государства, капиталистов и самих рабочих уладить конфликт между капиталом и трудом над этим последним тяготеют еще болезни, преждевременная смерть, старость и, наконец, несчастные случайности во время работы.

Между тем благотворительные учреждения весьма мало помогают этому горю. Больницы, например, стоят слишком дорого: во Франции каждый больной обходится в 200 франков, то есть вчетверо больше того, что он стоил бы, лечась дома. С другой стороны, рабочие далеко не мастера копить деньги; сохранные кассы плохо защищают сбережения бедных людей от их же собственных искушений и капризов, почему и не дают права на кредит. А к тому же еще некоторые кредитные учреждения, например ломбарды, до такой степени изменили теперь своей первоначальной цели, что даже в Париже стали взимать по $9^1/_2$%, а в провинции — до 14%.

Действительно полезными являются только те кредитные учреждения, которые, подобно народным банкам, дают ссуды честным рабочим под личные векселя; но бюрократический формализм и спекулятивные тенденции

постепенно отдаляют эти учреждения от тех лиц, которым она призваны помогать.

5) *Общества взаимной помощи*. Эти общества могли бы решить большую часть задачи обеспечения рабочих на черный день, давая скорую помощь пропорционально нуждам минуты. Но для того чтобы воспользоваться этой помощью, рабочий сам должен быть бережлив и предусмотрителен.

Барон высчитал, что если бы все рабочие были членами обществ взаимной пользы, со взносом в 20 сантимов, то нищета исчезла бы в $^{19}/_{20}$ случаев. В Англии к концу 1890 года было 26 165 таких обществ, с 7 160 460 членов и с капиталом в 600 миллионов.

Распределившись по профессиональным союзам, эти общества могли бы обеспечить рабочим помощь на случай безработицы. Уже Молинари предвидел превращение современных тред-юнионов и профессиональных синдикатов в коммерческие общества, имеющие целью распределение работы, страхование рабочих от опасных предприятий и несчастных происшествий, а также на случай болезни и смерти посредством взимания небольшого процента с заработной платы.

Но мы еще очень далеко стоим от этого идеала. Наши общества взаимного вспомоществования, растущие с такой утешительной быстротой, страдают большим недостатком: помогая рабочему в случае острой и скоропреходящей болезни, они принуждены бросать его на произвол судьбы или рисковать своим собственным существованием, если болезнь затягивается.

Чтобы избавиться от этого недостатка, они должны соединиться с компаниями, страхующими от риска и случайностей, причем им придется обложить своих членов дополнительным взносом на пенсии и непредвиденные случаи, так же как и на случай смерти.

Те же общества взаимной помощи, отказавшись от раздачи дивидендов, должны бы были употреблять накапливающиеся таким образом суммы на покупку домов для рабочих и оборудование общественных лавок.

6) *Государственный социализм*. Частные и коллективные усилия в настоящее время будут недостаточны, так как экономическое равновесие с каждым днем все более и более нарушается. Поэтому мы не сомневаемся, что само государство должно будет до некоторой степени принять участие в деле, тем более что оно находится в самых благоприятных для того условиях.

Государство в самом деле представляет собой учреждение вечное и уже поэтому должно явится покровителем слабых, лишенных помощи, хотя отсюда вовсе не следует, что оно было обязано гарантировать благосостояние всем и каждому. Если покровительство слабым будет слишком расширено, то слабость вместо исключения станет правилом, потому что $^{9}/_{10}$ человечества являются слабейшими в физическом, экономическом и умственном отношениях по сравнению с небольшой кучкой избранных, которые по натуре, по воспитанию, по традиции, по обстоятельствам личной жизни обладают силой.

К этому надо прибавить, что государственная работа далеко не всегда бывает безошибочна; начиная с гонения на христиан и кончая инквизицией, деспотическим самодурством Кальвина и Нокса, Варфоломеевской ночью, преступлениями Французской революции все политические ошибки происходили не столько от испорченности государственных людей, сколько от упорства, с которым они, думая, что обладают абсолютной истиной, старались подчинить ей род человеческий.

И современные государственные люди, за некоторыми счастливыми исключениями, несвободны от порока, свойственного их предшественникам.

Это по большей части суть люди действия, мозг которых отказывается от покойного и подробного изучения вопросов; или, еще хуже, это суть люди партии, связанные партийной дисциплиной, от которой не могут освободиться.

Самые парламенты не могут противодействовать ошибкам государственных людей: Янсон, член Британского Совета, замечает, что с 1236 по 1872 год английский парламент вотировал 18 160 законодательных мер, из коих $^4/_5$ были потом отменены; Спенсер говорит, что только в течение 1870–1872 годов было изменено или совершенно отменено 3532 закона.

С 1870 по 1887 год английский парламент вотировал 243 закона социалистического характера, и несмотря на это, важнейший из вопросов, волнующих Англию, — ирландский — до сих пор не решен окончательно.

Одной из причин такого явления, и может быть самой важной, является тот факт, что среди реформаторов вообще, а в парламентской среде в особенности, гениальные люди встречаются редко, да и тех обыкновенно преследуют или высмеивают. На наших глазах высшие интеллекты вроде Бисмарка или Гладстона, составившие широкие проекты реформ, при попытке осуществить последние встречали отчаянное противодействие даже от своих сторонников.

Время отдаст должное памяти великого человека, который своим биллем о выкупе ирландских земель предлагал раздать эти земли фермерам, которые бы через 49 лет умеренной ежегодной платы становились собственниками.

Это был бы не только акт высокой политики, но и акт справедливости, вознаграждение за убытки, причиненные ирландскому народу конфискациями Генриха VIII, Елизаветы, Кромвеля и Вильгельма III. А между тем этот билль провалился вместе со своим автором, который в тот день достиг апогея своего величия.

Вот в Индии англичане держались другой политики и не имеют повода в том каяться. Там целым рядом мудрых мер они старались перевести земельную собственность из рук крупных землевладельцев в руки несчастной райи, которая прежде обрабатывала землю без всякой выгоды для себя, а теперь обрабатывает в свою пользу и потому привязалась к ней.

Это нам доказывает, что реформы, считаемые нашим обществом неосуществимыми, на самом деле не являются таковыми и что некоторые права, слывущие абсолютными и неотменимыми, могут быть сужены ради общего блага.

А ведь сколько книг написано против коллективистов! Не может ли быть, однако ж, что старые идеи, которыми мы пропитаны, застилают нам глаза, мешая видеть то хорошее, что есть в коллективизме? Почему бы не сделать его сторонникам предложения, высказанного Доннати: «Изберите себе округ; проповедуйте ваше учение и если успеете убедить достаточное количество граждан в справедливости ваших идей, то просите себе земель где-нибудь в колониях и производите ваши опыты на полной свободе».

Крупнейшие интересы человечества, по словам Милля, требуют теперь, чтобы всяким добровольно производимым экономическим опытам дана была свобода: если опыт не достиг желаемых результатов, то правящие классы избегнут, по крайней мере, упрека в своекорыстном нежелании допустить его, а если оно удастся, то эти классы сами увидят, что ошибались, и, может быть, примут в нем участие.

7) *Программа социалистов.* Надо признать, что время, постепенно уменьшая противодействие консерваторов, сглаживает социалистические утопии и делает более практичными программы даже самых крайних социалистов.

Несколько социалистических предложений вошли даже в действующее законодательство, как это мы увидим далее. К их числу принадлежат, например, ограничение работы несовершеннолетних, еженедельный отдых, надзор за фабриками, страхование рабочих от несчастий, свобода стачек, даровая врачебная помощь; покровительство кооперативным товариществам. Все это принято уже наиболее цивилизованными государствами Европы, а в то же время никто уже, или почти никто, не восстает более против права на работу для здоровых и права на поддержку для инвалидов — двух основных догм евангелия социалистов.

В свою очередь, и германские социалисты на Эрфуртском съезде после обычных требований политического характера — всеобщей подачи голосов, неприкосновенности депутатов, уничтожения постоянных армий и прочих — выставили достаточно приемлемые или, по крайней мере, допускающие обсуждение экономические требования вроде прогрессивного налога на ренту и наследства, уничтожения прямых налогов, введения покровительственных законов для рабочих, сокращения часов работы и прочие. При этом — курьезное знамение времени — они сами предложили целиком передать в руки правительства монополию страхования рабочих под контролем профессиональных корпораций.

Ни одно из этих требований не выходит уже из границ исполнимости, и если парламенты продолжают заниматься пустыми спорами о политике, то почему бы им не потолковать и об «Экономической палате» в том виде,

как она предложена социалистами? Это учреждение послужило бы, может быть, поправкой к парламентаризму и, во всяком случае, было бы полезнее бесплодного деления на верхнюю и нижнюю палаты, которые взаимно нейтрализуются и превращают политическую жизнь в арену бесплодной борьбы.

Экономическая палата, равноправная политической, избираемая широкими кругами населения, должна быть составлена из депутатов от всех синдикатов, как рабочих, так и предпринимательских, чтобы быть действительной представительницей всех категорий труда.

Дзани предлагал разделить эту палату, которую он называет «Палатой труда», на две главные секции: 1) секцию специальных интересов, которая занималась бы интересами агрикультуры, мануфактуры всех родов, транспортировки, изящных искусств и педагогии; 2) секцию интересов общих, заведующую статистикой, общественным призрением, торговлей, общественными работами, финансами, отношениями капитала к труду, законодательством, администрацией, общественной гигиеной.

Малон хотел присоединить еще секцию социальных приложений, которая ведала бы кредитом рабочих обществ, администрацией копей, транспортировкой, государственными фабриками, торговлей мукой — вообще организацией коллективного труда в общественных предприятиях.

К этой же секции должны относиться управление общественным страхованием и покровительство новым открытиям и изобретениям.

То же разделение должно затем быть введено и в коммунальную организацию, причем жизнь коммуны, конечно, должна значительно расшириться и обособиться. В число предметов ведения этой расширенной коммуны должны войти, между прочим: постройка образцовых домов; учреждение запасных муниципальных мастерских, приводимых в действие в случае стачек для блага оставшихся без работы обывателей коммуны; запасные хлебные магазины; муниципальные бойни и булочные для снабжения коммунальных учреждений (больниц, приютов и школ); учреждение складов для хранения и продажи продуктов и прочее. Затем помощь больным и престарелым должна быть устроена с помощью государства так, чтобы существование всех неспособных к работе было обеспечено сообразно средствам общины. К этому надо прибавить призрение сирот и подкидышей, для чего должны быть устроены специальные учреждения, так же как и для медицинской помощи, беднякам — даровой, состоятельным людям — за умеренную цену.

Что касается споров между гражданами, то для их решения нужно учредить должность арбитров, выбираемых всеобщей подачей голосов и судящих безвозмездно все гражданские и торговые дела. При этих арбитрах должны состоять советы для решения споров между трудом и капиталом.

Наконец, общественное воспитание должно включить в себя общее образование для всех детей, с бифуркацией для тех из них, которые подготов-

ляются к правительственным профессиональным школам; устройство школьных батальонов: учреждение правильного *apprentissage*[1], то есть практического преподавания ремесел, под контролем делегатов от рабочих корпораций и прочее.

8) *Наследование.* Придерживаясь существующих законов, нельзя все-таки не сказать, что есть в них некоторые подробности, мешающие равномерному распределению богатств и подлежащие устранению.

Таковы, например, законы о наследовании. Недостаточно, в самом деле, уничтожить майораты, недостаточно расширить свободу завещаний, самый принцип должен быть изменен как нарушающий равное распределение богатств.

Лассаль называет это произволом со стороны общества, потому что никто теперь не поверит, чтобы воля завещателя продолжала жить в наследнике, так как это значило бы утверждать догмат бессмертия.

Право наследования может быть поддерживаемо и защищаемо лишь постольку, поскольку оно содействует скреплению семейных связей, так как семья есть клеточка общественного организма, но когда оно приводит, в особенности путем наследования по закону, к получению неожиданного и часто незаслуженного богатства такими лицами, единственное право которых на это богатство состоит в дальнем родстве, то государство должно вступиться и конфисковать наследуемое в пользу бедных классов населения.

Так, в России всякое наследство, переходящее не от отца к сыну или от жены к мужу, поступает в пользу государства. Во Франции депутаты Жиар, Марэ, Лагерр и Ревильон в июне 1884 года представили проект закона, по которому всякое наследование родственников далее четвертого колена прекращалось и все наследства (за исключением 20 тысяч франков на двух или более детей) облагались прогрессивным налогом в 1—50%. Суммы, полученные таким путем, делились между коммуной и государством с целью уменьшения налогов и выдачи вспомоществований кассам взаимного кредита.

Несколько раньше предложения Жиара в марте 1884 года был представлен восьмьюдесятью депутатами несколько более скромный проект, которым требовалось прекращение наследования на шестом колене и образование кассы для вспомоществования брошенным детям.

А. Годэн, знаменитый основатель фамилистера, предлагает не налог с наследств, а то, что называется наследованием государства.

«Отрешившись от эгоистических чувств, — говорит он, — люди должны признать, что природа и государство более чем наполовину помогают накоплению богатств, особенно крупных; они легко допустят, что государство поэтому имеет право по крайней мере на 50% этих богатств с момента смерти собственника и что в случае отсутствия завещания, если нет прямых на-

---

[1] Обучение (*фр.*).

следников, самым законным наследником является то же государство, потому что оно наследует во имя и ради блага целого общества.

Какова бы ни была степень родства между лицами, передающими и принимающими наследство, хотя бы это были родители и дети, наследователь всегда должен помнить, что природа и государство помогали ему приобретать капитал. Государство, стало быть, в минуту передачи этого капитала имеет законное право требовать возмещения своих расходов и платы за свою помощь при работе накопления, и это тем в большей степени, чем крупнее накопленная собственность».

Но это право наследования не должно касаться бедных людей. С маленьких наследств следует брать мало, со средних — побольше, а с крупных — по крайней мере половину. Так, наследства до 2 тысяч франков должны быть совсем избавлены от пошлины, а затем тариф должен идти от 1% до 50% — последняя цифра для наследств выше 5 миллионов франков.

Государство, таким образом, получит 2 $^{1}/_{2}$ миллиарда дохода.

Проект Барадэ, представленный французскому парламенту в январе 1890 года, допуская полную свободу завещаний, содержит в себе следующие предложения.

Прекращение наследования по закону в боковых линиях; передача государству всех наследств; продажа с рассрочкой бедным земледельцам и рабочим недвижимостей, таким образом поступивших во владение государства, а также большей части государственных и общинных земель с обязательством поселиться на них, культивировать их и извлекать из них наибольшую пользу с правом и отчуждать их на тех же условиях.

Это обязательство должно быть наложено также и на тех лиц, которые получат наследства по завещанию или путем дарения.

Если это предложение покажется чересчур радикальным, то вот другое, идущее, конечно, уж не от революционера. Бланчли предлагает следующие, в высшей степени консервативные и мудрые меры для упорядочения вопроса о наследниках:

а) При переходе наследства, если оно не превышает 600 тысяч франков, к единственному сыну данная политическая единица (муниципалитет, коммуна etc.) получает 10% пошлины; если же наследство превышает 600 тысяч франков, то помимо этой пошлины столько же поступает в пользу государства.

б) При переходе наследства в восходящую или боковые линии (родителям, братьям, сестрам) муниципалитет получает от 10 до 50%, смотря по тому, ниже или выше 60 тысяч франков приходится на долю наследника; а если эта доля превышает 120 тысяч франков, то сверх пошлины в пользу муниципалитета взимается 10% в пользу государства.

в) Если наследниками являются дяди или двоюродные братья, то пошлина в пользу муниципалитета взимается в размере 10%, пока сумма наследства не превышает 60 тысяч франков, а затем повышается до 20% с

суммы 120 тысяч франков и более; государство, кроме того, может получать еще 20%.

г) При переходе наследства в третье колено муниципалитет взимает до 60 тысяч, 20%, а затем 30%. Со 120 тысяч и более государство, кроме того, получает еще 30%.

д) В четвертое колено наследство не переходит, а целиком поступает — до 60 тысяч — в пользу муниципалитета, а что сверх того — в пользу государства.

е) Вдовец или вдова наследователя пожизненно получают проценты с наследства, переходящего к городу или к государству.

Что касается нас, то мы полагаем, что следовало бы принять такую систему, которая бы сделала невозможной концентрацию непомерных богатств в руках одной семьи, которая сохраняла бы маленькие наследства и, ограничивая число лиц, имеющих право на их получение, тем устраняла бы повод к весьма частым преступлениям, примеры которых встречались и в императорском Риме, и в эпоху Людовика XIV, когда имеющие право на наследование прибегали к особым порошкам, чтобы ускорить смерть наследователя (порошок так и назывался — *poudre de succession*[1]).

Для этой цели следовало бы разделить наследства на пять категорий: очень крупные, крупные, средние, маленькие и очень маленькие. Избавив последние от всякого налога и налагая очень небольшой на предпоследние, с прочих следует взимать пошлины, прогрессивно увеличивающиеся от 10 до 80%; кроме того, как в России, лишить права наследования дальних родственников и посторонних, а дарственные совсем уничтожить, за исключением составленных в пользу общественной благотворительности.

Мы убеждены, что наши предложения будут содействовать уничтожению чрезмерного и несправедливого общественного неравенства, не мешая развитию индивидуальной деятельности.

9) *Податная система*. Ввиду того что налоги суть также орудие нивелляции, государство должно пользоваться ими с целью облегчения судьбы бедных людей, очевидно обложенных в степени, непропорциональной их средствам. Кроме того, было бы вполне справедливо, если бы люди более богатые больше и давали бы на поддержку административного организма, услугами которого они пользуются преимущественно.

Во всяком случае это должно быть сделано так, чтобы не повредить развитию общего богатства страны. К этому и сойдут, вероятно, некоторые предложения, естественно возобновляемые, вроде прогрессивного налога, в теории справедливого, но на практике допустимого только в известных границах, так как иначе он иссушит самые источники общественного богатства, вроде конфискации земельной ренты, которую Генри Джордж считает единственным возможным решением социального вопроса; вроде экс-

[1] Порошок наследования (*фр.*).

проприации и дарового распределения между всеми государственных фондов, как того требует Барон, с целью всем доставить одинаковое и безобидное для других благосостояние.

Такие реформы произвели бы слишком глубокий переворот в экономической жизни народов, так что — будь они превосходны сами по себе — немедленно осуществлены быть не могут в силу того, что мы выше говорили о необходимости медленного введения реформ, в противном случае слишком бурно сталкивающихся с мизонеизмом.

Несмотря на это, однако же, многие реформы могут быть введены и теперь. Перечислим лишь следующие: умеренный прогрессивный налог на капиталы, начиная с известной суммы; уничтожение пошлин на предметы первой необходимости и освобождение от них предметов, потребляемых кооперативными обществами, по крайней мере при начале их деятельности; замена тяжких налогов, угнетающих мелкую торговлю, другими, вроде, например, того, который по предложению Гюйо принят в Париже и состоит в процентном сборе с застроенных земель и частных учреждений; наконец, акциз на спиртные напитки, благоприятно действующий на здоровье народа и, кроме того, служащий предупредительным средством против бунтов.

10) *Покровительство труду*. А пока нужно, чтобы государство, обязанное заботиться о жизни и здоровье граждан, смотрело за тем, чтобы предприниматели-спекулянты не подвергали рабочих физическому риску, то есть строго регламентировало условия выработки опасных для здоровья веществ; следило за конструкцией зданий; подвергало периодическим осмотрам паровые котлы и машины; определяло обязательное кубическое содержание воздуха в мастерских, предписывало вентилировать их и прочее, а главное — регламентировало работу детей.

С некоторого времени одна только страна в Европе не обратила внимания на детский труд; страна эта — Бельгия, ограничившаяся постановлением не употреблять на работу в рудниках детей до 10-летнего возраста.

Но и в этом отношении реформы должны быть вводимы постепенно. Сам Маркс предпочитает прогрессивный ход английского законодательства революционному методу, принятому во Франции в 1848 году. Это очень замечательно. «В Англии, — говорит он, — сначала регламентировали труд детей, потом — женщин и, наконец, мужчин; регламентация сначала была введена на одной фабрике, потом — на другой, потом на третьей, и так тянулось много лет, а принцип регламентации оставался непровозглашенным. Во Франции, напротив того, закон о двенадцатичасовом труде был сразу введен, в принципе, во всей стране и для всех отраслей промышленности, и чем же кончилось? В Англии реформа упрочилась, а во Франции — нет».

Итак, достаточно бы было воспретить на фабриках работу детей, не достигших 12-летнего возраста, ограничить работу подростков 12–16 лет, запретить ночную работу и ввести обязательный воскресный отдых для жен-

щин и несовершеннолетних вообще, чтобы закон исполнил свой долг без всякого насилия над сущностью дела и правами личности.

Что касается взрослых, то за ними надо признать полное право располагать своими силами и своим временем с единственным условием не вредить другим, а иначе государство должно будет вознаграждать их за потерю заработной платы. Мы уже не говорим о затруднительности введения одинакового количества рабочих часов для различных производств.

Пусть лица, которые желали бы установления общего, международного покровительства рабочим, помнят это. Они забывают, что возможность увеличить часы работы составляет единственный ресурс для бедного населения Бельгии, Италии, отчасти Германии и особенно Индии. Иначе оно не могло бы выдержать конкуренции с такими богатыми странами, какова Англия и Соединенные Штаты.

Нет ничего опаснее активного вмешательства государства в такие дела, в которых оно должно только пассивно охранять свободу личных отношений, незыблемость договоров и неуклонную ответственность за личные деяния. Вот хотя бы, например, обязательный тариф заработной платы, предлагаемый некоторыми теоретиками; неудобства его значительно превзошли бы те выгоды, на которые обыкновенно указывается, потому что рабочие стали бы смотреть на всякое уменьшение заработной платы, зависящее от конкуренции, как на какой-то злонамеренный вычет, и это бы их сердило.

Учреждение муниципальной конторы приискания мест, осуществленное в Париже под именем Биржи труда, представляет ту же опасность, так как если идея таких бирж и хороша — большие города все должны завести нечто подобное, — то администрация и регламентация их всецело должны быть предоставлены рабочим или филантропическим ассоциациям, а город бы в это дело не вмешивался, так как такое вмешательство поведет только к недовольству и беспорядкам.

11) *Государственное страхование рабочих.* Мы не думаем, чтобы государство должно было ограничится этими мерами, так как оно во избежание развития социализма снизу должно развивать социалистические начала по собственному почину, заботясь о том, о чем сами граждане не заботятся, то есть об обеспечении их будущности путем обязательного страхования. Только этим путем, как пишет Шефле, можно освободить рабочие массы от рабства перед нуждой, точно так же как путем обязательной грамотности можно освободить их от рабства перед невежеством.

Хорошо экономистам говорить, что рабочие должны освобождать себя от бед собственными усилиями, но ведь как бы последние ни были предусмотрительны, а обеспечить свое будущее они могут, только сберегая часть заработной платы, которая часто не превышает минимума, нужного для существования, и никогда не бывает постоянной ни по количеству, ни по продолжительности получения.

Частные страховые общества тоже не в состоянии будут помочь рабочим, потому что для последних, в общем, страховка в обществах окажется слишком дорогой. Одно только государство, на обязанности которого лежит защита интересов того, кто сам не может защитить их, обязано устроить для рабочих страхование на случай болезни и смерти.

Здесь вмешательство государства является разумным и своевременным применением милосердия, даже просто субсидий промышленности, когда она не в состоянии выдержать своих трат. Разве что государство не дает экспортных премий и не налагает покровительственных пошлин.

В Германии, где изучение этого вопроса началось по могучей инициативе Бисмарка, Арендт предложил обязательное страхование всех граждан от болезней, неспособности к работе — каковы бы ни были ее причины — и старости. Для этой цели он рекомендовал установление прямого подоходного, страхового налога, в случае надобности поддерживаемого и другими ресурсами государства.

Но этот проект, в сущности, есть не страхование, а одна из форм общественной благотворительности, спасающей одну часть граждан за счет другой, которая никаких выгод от этого не получает. Даже более, он дал бы повод к весьма неблагоприятным толкам относительно безработности, не зависящей от физических причин.

Нужно поэтому, чтобы страхование распространялось только на те классы общества, которые действительно в том нуждаются, и на случаи действительной нужды. А так как при настоящем состоянии промышленности предприниматель назначает условия работы и получает все выгоды от предприятия, то на нем же должна лежать обязанность гарантировать своих рабочих от всяких убытков, могущих последовать при работе и благодаря ей. Точно такая же обязанность лежит на землевладельце по отношению к его рабочим.

Говорят, что предприниматели вознаградят себя на уменьшении рабочей платы; но если бы это случилось, то свобода стачек помешает понизить плату дальше уровня, предписываемого гуманностью, если уж экономические законы не в состоянии его прочно установить.

Что касается средств для того, чтобы провести обязанность страхования, то мы имеем пример в германском законе 1884 года. По этому закону ответственными органами страхования признаются профессиональные ассоциации — нечто вроде взаимных страховых обществ, — образованных из предпринимателей, для которых обязательно страхование рабочих, получающих не более 1000 марок в год.

При этом споры по поводу выдачи премий раненым, неспособным к работе, вдовам и детям умерших, изъятые из ведения обыкновенных судов с целью примирения труда с капиталом, переданы особому третейскому суду, в состав которого входят как предприниматели, так и рабочие при делегате от правительства. Апелляционной инстанцией является императорское

бюро страхования, которому вручен высший надзор за деятельностью профессиональных ассоциаций.

Там, где сильной промышленной организации не существует, достаточно было бы обязать владельцев фабрик — и прежде всего государство, если оно владеет таковыми, — страховать своих рабочих в национальной страховой кассе или в частных обществах, угрожая в противном случае очень строгими наказаниями с обязанностью вознаграждать за убытки.

12) *Закон о несчастных случайностях.* В наше время, когда фабрики развиваются все шире и шире, закон о несчастных случайностях является крайне необходимым, в связи ли с обязательным страхованием — если предприниматели на то согласятся — или отдельно, чтобы принудить последних к добровольному страхованию и во всяком случае гарантировать рабочего от несчастий при работе.

Особый репрессивный закон, опирающийся на положительную необходимость вознаграждения за убытки, должен быть принят, если нет других средств устранить последние. Общих законов для этого недостаточно, так как, во-первых, ответственность за случайности слишком дробится, чтобы обычный закон мог точно определить ее, а во-вторых, настоящий прогресс законодательства и состоит в том, чтобы специализировать юридические принципы, прилагая их к различным проявлениям общественной жизни.

По отношению к законодательствам, например, известно, что итальянский парламент (так же, как и французский сенат) отверг проект закона о несчастных случайностях, потому что в нем заключалась презумпция виновности предпринимателя, если не будет доказано противное. Этим хотели избегнуть неудобств, присущих германскому закону, по которому, наоборот, сам пострадавший должен указывать виновного и доказывать его виновность, что возбуждало споры и затруднения. Здесь же впали в противоположную крайность, создавая большие неудобства для фабрикантов и обостряя их отношения к рабочим.

Действительно практичный закон должен сделать доказательства легкими и быстрыми, основать ответственность на справедливых принципах и провозгласить предпринимателя свободным от нее, если он предварительно застраховал своих рабочих, когда доказана видимая неосторожность со стороны пострадавшего или в случае *force majeure*.

13) *Неспособность к работе и старость.* Если страхование против неспособности к работе, ввиду проблематичности повода к выдаче премии и прямой или косвенной зависимости его от работы, должно сделаться предметом специального закона, то страхование на старость переходит уже за пределы ответственности предпринимателя, так как старость есть явление общее, неизбежное и от работы не зависящее.

В самом деле, перевороты в промышленности так многочисленны, рабочие так часто меняют фабрики и хозяев, что обязывать последних страховать их на старость значило бы возлагать на них тяжесть неудобоносимую.

Но, с другой стороны, раз никто не сомневается в необходимости для государства обеспечить пенсией на старость не только военных, жертвовавших своей жизнью и здоровьем за родину, а и простых чиновников, долгое время на эту родину работавших, то почему же лишать пенсии доблестного воина промышленности или сельского хозяйства, который всю свою жизнь работал на ту же родину, и притом в самой тяжелой обстановке?

Значит, не предприниматели, а вся нация должна участвовать в страховании рабочих на старость. До тех пор, пока общества взаимного страхования не окрепнут до такой степени, чтобы стать во главе этого дела, государство должно взяться за него само, путем устройства центральной кассы добровольного страхования, операции которой должны состоять в привлечении маленьких собратий так, чтобы страхование в случае преждевременной смерти страхуемого давало некоторые выгоды наследникам.

В Германии общество «*Kaiser Wilhelmsspende*» обеспечивает страхуемому капитал или пенсию, выдаваемую по достижении им известного возраста, превышающего 55 лет, с тем, что в случае преждевременной смерти наследникам выдается вся сумма сделанных им взносов. При отказе от этой обратной выдачи капитал или рента соответственно увеличивается.

14) *Государство и коалиции.* Раз быт рабочих классов улучшается, то из этого еще не следует, чтобы всякое недовольство и всякие распри прекратились окончательно, хотя они и сделаются, конечно, более редкими и менее острыми. Слишком много различных интересов заметно в промышленности, а над ними господствуют слишком суровые экономические законы для того, чтобы конфликт стал невозможным. Государству опять придется вмешиваться, чтобы сделать эти конфликты менее вредными.

Так, теперь всеми уже признано, что законы против стачек, сначала наложенные правом сильного, а затем поддерживаемые в качестве гарантии промышленности, создавали настоящую привилегию предпринимателей, причем рабочие, угнетаемые нуждой, совсем не могли бороться с капиталом. К тому же законы против синдикатов предпринимателей существовали тогда только на бумаге, так что последние легко избегали наказания, тем более что не проявлялись в виде публичных манифестаций, против которых можно принять строгие меры, как это делается против рабочих движений.

К каким же результатам привели эти стеснительные законы? Заглянем в историю.

В Англии законы XV и XVI столетий, объявлявшие стачку изменой и наказывавшие ее участников отрезанием ушей, затем — учреждение при Елизавете особых чиновников, обязанных смотреть за тем, чтобы рабочие не отказывались работать при условиях, предписанных хозяевами, в 1700–1703 годах привели к весьма серьезным беспорядкам, при которых, несмотря на угрозы смертью, большая часть фабрик в Лондоне и Лестере была разрушена.

Наконец, после частых стачек первой четверти XIX века, сопровождаемых жестокостями (в 1811 и 1813 годах 18 рабочих были повешены), недействительность запретительных законов была признана, право коалиций установлено (1824), причем положено наказывать только подстрекателей к бурной стачке. Этот принцип был в 1859, 1871 и 1875 годах, когда была объявлена полная свобода стачек.

В Франции стеснительные законы также оказались неспособными предотвратить стачки, размножившиеся до такой степени, что в течение десяти лет (1853–1863) по этому поводу состоялись процессы против 749 рабочих коалиций и 89 предпринимателей. Только законом 25 мая 1861 года рабочие коалиции признаны были свободными, причем постановлено наказывать только за угрозы и насилия.

В Германии, где коалиции, стачки и репрессии против них известны с XIII столетия и где в 1301 году были сожжены два вожака запрещенных ассоциаций, а в 1361 году 33 рабочих повешены и 118 изгнаны, репрессивные законы тоже оказались недействительными. В 1869 году они были отменены Северным союзом, а затем и всей империей; наказание, назначенное только за угрозу и насилия.

Некоторые законодательства, как, например, итальянское, в недавно отмененных законах прибегали к смешанной системе, давая в таком чисто экономическом деле, как стачки, вес мнению судьи, который должен был высказываться за большую или меньшую справедливость поводов к недовольству. Это сводилось, в сущности, к принудительному таксированию заработной платы, то есть к тому, что Конфорти называет экономическим абсурдом.

Даже и теперь еще есть экономисты, которые в интересах самих рабочих стоят за запрещение стачек, ссылаясь на железный закон спроса и предложения и на бедствия, угрожающие как тем, кто его нарушит, так и самой промышленности.

Но эти экономисты забывают, что заработная плата далеко не всегда обусловливается законом спроса и предложения, так как предприниматели вполне естественно стараются ее понизить в свою пользу, и что самые факты доказывают пользу стачек и коалиции для рабочего класса. Этому есть примеры, ставшие историческими. Так, во Франции в 1832 году столяры успели поднять свою заработную плату с 3 франков до $3^1/_2$, а в 1845 году даже до 5; так, в 1863 году рудокопы Уэльса повысили свою плату сначала на 10, а потом на 15%.

Даже в Англии, вслед за стачками 1871–1873 годов, заработная плата поднялась на 21, 24 и $26^1/_2$%.

В Италии из 206 стачек, состоявшихся в 1872–1876 годах, 82 протекали успешно и 48 кончились повышением заработной платы. Значит, 48,54% стачек оказались полезными для рабочих. Точно так же и во Франции, по новейшим статистическим сведениям, стачки принесли рабочим пользу.

После этого мы считаем несправедливым наказывать во время стачек, как за особое преступление, за угрозы, без которых стачка и начаться не может; благодаря игре слов, как это часто случается в законах, мы прощаем стачки, но наказываем стачечников. Пусть лучше ко всяким насилиям будут прилагаемы обыкновенные, общие законы, как в Англии; сохраняя в данном случае особое законодательство, мы заставляем думать, что и самая стачка преступна.

15) *Prud hommes* (добросовестные судьи). Законодатель должен стремиться заменить наказания—редко действительные и всегда отвратительные — более практичными мерами, направленными к соглашению между трудом и капиталом.

В идеале, конечно, такое соглашение должно быть предоставлено крупным рабочим ассоциациям вроде тред-юнионов и синдикальных камер, которые именно первые и заговорили о нем во Франции и в Англии. Но там, где нет таких могущественных ассоциаций, вмешательство государства является вполне законным при установлении обязательного арбитража, исполнение решений которого должно быть гарантировано законом.

Примером такого арбитража может служить учрежденный Наполеоном I трибунал прюдоммов, состоявший наполовину из хозяев, наполовину из рабочих (избираемых, однако же, хозяевами), вначале игравший роль простого примирителя, а затем превратившийся в настоящий суд первой инстанции (с компетенцией до 200 франков), причем торговые трибуналы служили для него второй инстанцией.

Вот эти самые прюдоммы весьма успешно действуют во Франции с 1806 года. В Бельгии такой же трибунал был учрежден в 1859 году; в некоторых частях Германии — в 1809 году, а во всей остальной империи — в 1870 году; в Австро-Венгрии с 1869 года функционируют подобные же промышленные трибуналы, а в Англии система арбитража введена с 1814 года, а декретом установлена с 1867 года.

О пригодности этих учреждений можно судить по следующим данным: во Франции за 12 лет из 184 тысяч различных споров, разбиравшихся коллегиями арбитров, 174 тысяч были улажены мирно, а в Бельгии миром кончились 2444 спора из 2958.

16) *Эмиграция*. Одной из главных причин бедности рабочих является дороговизна съестных припасов при перепроизводстве продуктов фабричного труда и зависящем от того понижении заработной платы. Эти невыгодные условия могут только становиться рельефнее благодаря конкуренции на японских, китайских и американских рынках. Вот поэтому-то следовало бы всеми мерами поощрять эмиграцию (особенно временную) с чересчур густозаселенных земель Италии в места более свободные и даже в такие страны света, в которых, как, например, в Африке, у нас нашлось бы более шансов к процветанию.

Страшная бедность рабочих в Бадене после разорения крупных фабрик была уменьшена эмиграцией до 12 тысяч человек в 1851—1858 годах.

Лорд Дерби сказал однажды следующее:

«Я всегда держался того мнения, что если наша страна была избавлена от бедствий, испытываемых другими, так это зависело от того, что мы можем сбывать за море избыток нашего населения и товаров, производимых нашими фабриками».

В самом деле, целые океаны, весь свет служит предохранительным клапаном для Англии; у Америки есть еще громадные, никем не заселенные пространства, а единственными ресурсами Италии служат лишь берега с их каботажем да колонии, куда мы стремимся в силу традиций или близкого соседства. Но вместо того чтобы оставлять эти ресурсы в руках бессовестных спекулянтов, дающих большую выгоду немногим к ущербу всех, нам следовало бы подумать о передаче дела эмиграции в руки торговых и филантропических ассоциаций и правительства, которое одно, при помощи своих консулов и флота, в состоянии вести это дело как следует.

Хорошо направленная и хорошо поставленная эмиграция могла бы обеспечить Италии спокойствие даже на время сельскохозяйственных кризисов, давая исход земледельческим рабочим, которые, будучи более невежественными и менее организованными, чем фабричные, апатично прозябают в деревнях, и хотя пока еще не бунтовали, но голод может толкнуть их и на восстание.

Еще лучше было бы, если бы вместо эмиграции за океан мы направили ее в глубь страны, где еще имеются тысячи гектаров необработанной земли, принадлежащей нескольким лицам, которые предпочитают держать ее впусте, причиняя тем ущерб богатству страны и сами не получая никакой выгоды.

Национальный интерес страны должен бы заставить государство отнять эти земли у невежественных владельцев и передать их новым колонистам. Оно принесло бы этим гораздо больше пользы, чем швырянием миллионов на постройку крепостей и военных судов да на заселение отдаленных стран.

17) *Общественное призрение.* Но всего этого недостаточно, однако же. Помимо рабочих, конечно, заслуживающих нашего внимания, есть еще лица, по многим причинам, частью личным, частью общественным, не находящие себе работы или к ней неспособные. Государство должно позаботиться и об них.

Когда мы видим, что Франция, например, тратит 151 миллион в год на общественное призрение, Англия содержит более миллиона бедных, а Америка в одном только Нью-Йорке тратит на это более 7 миллионов долларов, и все для того только, чтобы поощрять нищету, беззаботность и лень, то приходится признать, что призрение такого рода слишком убыточно и более вредно, чем полезно. Официальные учреждения, в которых проявляется общественное милосердие, — все эти больницы, приюты, ломбарды —

следовало бы передать в руки ассоциаций взаимной помощи, с тем чтобы они помогали только честным и готовым работать беднякам, рекомендованным всем известными и уважаемыми лицами.

В Германии действует смешанная система общественного призрения и частной благотворительности, известная под именем Эльберфельдовской, уменьшившая количество нищих с одного на 12 обывателей до одного на 83. Эта система состоит в посещении бедняков на дому (в особенности тех, которые стыдятся просить милостыню), в снабжении их работой и в нравственном на них влиянии; одним словом, она представляет собой полную противоположность бюрократической организации благотворительности.

И уж конечно, частная помощь, несмотря на некоторые свои недостатки, гораздо предпочтительнее официальной, так как она совершается на добровольные пожертвования и в высшей степени гибка, то есть способна приноравливаться к обстоятельствам и исправлять замеченные ошибки, тогда как государство стремится всюду ввести однообразие, а на подробности не обращать внимания.

Нельзя и не должно требовать от бедных людей большей предусмотрительности, чем та, к которой они способны. Наши современники нисколько не хуже и не лучше, не невежественнее и не беззаботнее наших предков, только общественная машина стала теперь сложнее, на месте домашней экономии стоит теперь политическая, семья уже не может более довлеть сама себе. В общем, мы еще не вполне приспособились к новым условиям жизни, и на долю высших классов выпадают обязанность и честь ускорить такое приспособление.

Глава 4. Политическая профилактика (продолжение). Физические, политические и социальные факторы

1) *Физические факторы.* Среди причин политических преступлений наибольшее количество — климат, почва, раса, географическое положение и прочие — не может быть устранено человеком, но человек должен по крайней мере попробовать смягчить их действие.

Так, для того чтобы смягчить влияние почвы, следует вырубить леса и позаботиться о путях сообщения, что, затрудняя восстания, даст правительству большую прочность[1].

Было бы, однако ж, очень ошибочным прилагать к жарким странам, где бунты так часты и безрезультатны, те же правила, что к странам холодным, где бунты редки и являются иногда симптомами революции.

[1] На горе нации, может быть... — *Примеч. перев.*

2) *Пища.* В наше время голода нечего бояться, так как Америка и Дальний Восток запружают наши рынки хлебом, обусловливая даже значительное падение цен.

Вот поэтому-то покровительственные пошлины на хлеб могут быть теперь могущественным орудием в экономической борьбе и для стран плодородных будут очень полезны как средство повысить культуру земли. Но там, где, как в Италии, они обогащают нескольких лиц, спекулирующих предметами первой необходимости, покровительственные пошлины могут только вызвать беспорядки, особенно при неурожае.

Там, где, как в Испании и Италии, есть округа с различным климатом, искусно распоряжаясь культурами, можно устроить так, чтобы северные провинции в минуту нужды приходили на помощь южным и наоборот. Надо только следить за тем, чтобы культуры пищевых растений соответствовали климату и почве.

Следует также покровительствовать распространению тех мер, при которых современная политическая экономия советует понижать цены пищевых продуктов, как, например: экономические кухни; кооперативные деревенские очаги, которые приводят одновременно к трем выгодным результатам — сбережению, гигиеничности и взаимной помощи; наконец, кооперативные магазины, уничтожающие всякий след монополии.

Зная, что голодовки чаще всего бывают в странах, питающихся одним каким-нибудь хлебом, как, например: в Индии и Китае — рисом, в Ирландии — картофелем, в Венецианской области — маисом, и что пеллагра свирепствует там, где употребляют в пищу легко портящиеся от влаги продукты, как, например: рожь — в Германии, маис — в Италии, нужно советовать (приказания ни к чему не ведут) сеять другие сорта хлебов и приобретать сушилки.

3) *Алкоголизм.* К вопросу о питании близко примыкает вопрос о пьянстве, а мы видели, какое влияние оказывает это последнее на силу и направление бунтов. Значит, законодатель должен позаботиться об обуздании этого порока раньше, чем его обуздает улучшение экономической и нравственной обстановки низших классов народа.

С этой целью следовало бы внести некоторые стеснения для выделки и продажи алкоголя. Если такая мера и кажется с первого взгляда насилующей свободу торговли, то она по крайней мере вернет народ к потреблению вина, то есть самого безвредного из спиртных напитков, если оно только не поддельно. И это нисколько не идет вразрез с либеральным режимом — доказательством может служит штат Мэн, в котором не только виноторговцы отвечают за все убытки, причиненные пьяницами, но даже количество водки, покупаемое одним лицом, ограничено.

В некоторых государствах прибегают к строгим мерам против пьяниц. Так, в Ирландии актом 1861 года мировым судьям дано право отправлять их в исправительные дома; в Шотландии они наказываются штрафом в

40 шиллингов и 14 днями тюрьмы (закон 1862 года); в Англии всякий, найденный пьяным в публичном месте или в кабаке, платит штраф в 10, 20, 40 шиллингов, смотря по тому, в который раз попался.

Но эти репрессивные меры не дают заметных результатов. В Белфасте, например, одна женщина 240 раз сидела в тюрьме за пьянство; в Дублине другая женщина сидела 190 раз, а в Уотерфорде третья — 141 раз.

Поэтому в Англии теперь уже не арестовывают пьяниц, ведущих себя тихо. Там теперь сохранились только законы 1872 и 1874 годов, в силу которых воспрещается продажа спиртных напитков по воскресеньям, да и то в течение нескольких часов, так как билль 1884 года, предлагавший распространить запрещение на целый день, был отвергнут.

В Швейцарии, напротив того, эта самая мера введена была в 1853 году; в Ирландии (в нескольких городах) — в 1878 году, а в 1881 году — в Уэльсе.

В Швеции с 1855 года господствует так называемая готенбургская система, состоящая в том, что продажа спиртных напитков монополизирована в руках муниципальных учреждений. Вдохновившись этой системой, некоторые предлагают передать монополию торговли спиртными напитками в руки местных выборных комиссий.

Но самой радикальной мерой, хотя и оспариваемой весьма многими либералами, является государственная монополия торговли спиртными напитками, мужественно введенная Швейцарией по закону 15 декабря 1886 года. Этот закон, между прочим, предписывает и достаточную ректификацию продаваемой водки, что, разумеется, вполне гигиенично.

В Германии, где идея абсолютной монополии не нашла поддержки в парламенте, ограничились обязательной ректификацией да повышением акциза, от которого освобождается только спирт, предназначенный для промышленных целей и для вывоза.

Во Франции, напротив того, где пьянство особенно сильно развито, монополия скоро будет введена. За последние годы количество кабаков растет там на 6 тысяч в год, так что теперь в среднем приходится по одному кабаку на каждые 105 обывателей, и это несмотря на законы против пьянства, обнародованные в 1873 году по инициативе Русселя.

В Италии некоторые — и между ними один молодой гениальный экономист Раймонди — мечтают о государственной монополии даже как о финансовой операции, но ограничивают ее только розничной продажей. Во всяком случае, только розничной продажей. Во всяком случае, лучшая ректификация спирта сделает его менее ядовитым и косвенным путем явится в качестве меры, предупреждающей социальные и политические преступления.

Правда, на практике строгие законы не устраняют злоупотребления алкоголем. Так, в Америке, именно там, где продажа спиртных напитков воспрещается, ими торгуют аптеки. Даже иногда сами депутаты, вотировав-

шие строгий закон, не прочь бывают открывать кабаки и там, где продажа по воскресеньям не дозволена, продавать водку в запас, по субботам.

Но есть предупредительные меры более мягкие и лучше задуманные. Они основаны на том соображении, что злоупотребление алкоголем вызвано потребностью в психическом возбуждении, которое народ тем сильнее испытывает, чем он прогрессивнее. Эти меры заключаются в том, чтобы отвлечь вкусы народа к средствам, возбуждающим мозг в идективном, а не в инстинктивном направлении, и притом совсем не ядовитым, каковы, например, чай, кофе, шоколад; кроме того, следует поощрять благородные развлечения по праздникам — дневные народные спектакли, посещения музеев и картинных галерей, спорт, общественные игры, музыкальные и певческие собрания и прочее.

На недавнем противоалкогольном митинге в Турине один рабочий в ответ на звонкие фразы и предложения драконовских законов сказал: «Дайте нам дешевый театр или по крайней мере открывайте его в те дни, когда мы ходим в кабак (по праздникам), а иначе мы всегда будем ходить в последний». Здесь кстати вспомнить, что, по словам Форни, в одной важной стране кабатчик избил палкой антрепренера театральной труппы за то, что со времени прибытия этой труппы он стал получать только половину дохода.

Предложение рабочего не было даже поставлено на голоса, что еще раз доказывает, до какой степени наше общество сбилось с толку.

4) *Недостаток сродства между расами.* Мы уже говорили, что совместное существование нескольких не сливаемых друг с другом рас в одном государстве всегда служит постоянной угрозой общественному порядку.

Борьба между этими частями нации становится неизбежной, раз каждая из них может рассчитывать добиться власти. А результатом этой борьбы будет или подчинение и даже исчезновение рас более слабых физически и нравственно; или распадение государства и отнятие у него территорий соседями; или наконец, утомившись борьбой, различные части государства сойдутся на взаимных компромиссах, чтобы устроить сожительство более прочным образом. Австрия и Турция служат ярким примером пертурбаций, создаваемых борьбой национальностей, и доказывают, что исход этой борьбы скорее зависит от естественного и неизбежного развития этнических сил, участвующих в конфликте, чем от гениальности государственных людей.

Если руководствоваться историческим опытом, то в тех случаях, когда господствующая народность по могуществу и интеллектуальной культуре стоит ниже подчиненной, ей бы следовало добровольно отказаться от господства, так как иначе оно будет сброшено (примеры: Соединенные Штаты, Греция, Голландия); но тщеславие и ближайшие интересы ослепляют обыкновенно господствующую народность и не позволяют ей принять это мудрое решение, пример которого подала Англия в вопросе об Ионических островах. Легче соглашаются на относительное освобождение, как сделала

Австрия по отношению к Венгрии и Англия для своих колоний; уменьшая, таким образом, трение, можно ослабить и поводы к политическим преступлениям, тем более что народы, управляясь сами собой, лучше видят и скорей устраняют недостатки своего политического строя.

Политика сепарации и частных автономий приложима и к одной и той же национальности, если различные условия существования разделили ее на части, лишенные сродства друг с другом.

Одинаковый для всех закон явился бы тогда подобием одинакового костюма для людей разного роста и размеров; стесняя и раздражая большинство, он вызывал бы революционные стремления.

Так, в Италии, например, объединение состоялось только по форме, а не по сущности. Можно сказать, что она делится не только на северную, южную и островную, но и на более мелкие части.

Итальянская уголовная статистика за последние двенадцать лет ясно показывает, что разделение государства по расам, нравам, тону печати, наречиям, внешнему виду еще резче выражается на преступности.

Италия, значит, остается разделенной и в своих отношениях ко злу. Объединить ее насильственно, при помощи законов и наказаний, значило бы насиловать человеческую натуру. Очевидно, например, что ввиду преждевременности физического развития в некоторых областях не только не следует наказывать обывателей этих областей за изнасилование двенадцатилетней девочки, точно так же как за это преступление наказывают в другом месте, но что и самый уровень совершеннолетия перед законом должен быть изменен для южной и в особенности островной Италии. Во всяком случае, нельзя ничего окончательно решать по этому вопросу до тех пор, пока практика не покажет, до какой степени психическое развитие в этих областях соответствует физическому. Иначе закон будет одинаков, но он не уменьшит числа преступлений и превратится в фикцию.

То же можно сказать и относительно образования, которое должно быть поставлено там, где 80% обывателей не умеют читать и писать (островная Италия), иначе, чем там, где безграмотных только 25% (Северная Италия).

Для того чтобы действительно, а не на бумаге только объединить страну, пришлось бы уравнять нравы и обычаи, климаты, почвы, культуру, а иначе одинаковый закон будет походить на тот указ, которым предписывалась перемена языка. Можно мучить и угнетать народ, но заставить его переоценить язык совершенно немыслимо. Такой указ доказывает только невежество деспотов, которых провидение допускает руководить народами.

Франция в этом отношении дала нам поразительный пример, когда захотела управлять Корсикой так же, как Рейнским департаментом; она там ввела единство языка, но вызвала вечно непрекращающийся бунт.

Всей Корсикой управляют пятнадцать-двадцать семейств. Некоторые из них располагают только сотнями, а другие — несколькими тысячами избирателей, которых заставляют вотировать, как хотят. Пятьдесят семей

вот уже двадцать лет беспрекословно подчиняются одной; независимая частная жизнь совершенно невозможна, так как одинокий человек ничего не добьется.

Члены семьи с удивительным самоотвержением рискуют жизнью, чтобы поддержать своих. Вообще на острове царствуют два течения: одно современное, вдохновляемое идеалами права и равенства, другое — старинное, традиционное, не могущее подняться над интересами семейной ассоциации.

Мировые судьи там пользуются большой силой и вполне подчинены партии, которая их назначила. При составлении выборных списков они распоряжаются как хотят, вставляя и вычеркивая имена согласно выгодам этой партии и вопреки закону. Результатом являются иногда крупные проступки. Некий Франческо Риччи, например, был вычеркнут из списка по настоянию фамилии Мораккини; рассерженный этим, он на муниципальных выборах застрелил одного из Мораккини, а когда его упрекали за убийство, то сказал: «Если б я не убил, то меня сочли бы за труса».

Главной работой партий на Корсике является стремление завладеть печатью мэрии — *suqillo.* Мэр там пользуется еще большей властью, чем мировой судья, и нет произвола, которого он не мог бы себе дозволить. Судья разбирает дела гласно и публично, а мэр работает у себя в кабинете, один или с помощью единомышленников и без всякого контроля. Прокурор республики, живущий в Бастии, может сколько угодно требовать от него исправлений, указываемых противниками, мэр только посмеивается.

На Корсике имеется 364 коммуны, и в 1884 году 164 из них протестовали против обманов и подлогов на выборах.

В Пальнеке мэр Бартоли три раза откладывал выборы в ожидании удобного момента; в четвертый раз (28 сентября 1884 года) он с утра заперся с 80 своими сторонниками в мэрии и никого туда не пускал. Противная партия устроила штурм, но была отбита ружейными выстрелами; стрельба продолжалась целый день и дала много убитых и раненых. Противники Бартоли заявили префекту, что «скорее умрут, чем согласятся быть рабами».

Мэры почти всегда устраивают мэрии в своих домах, за что получают плату с общины. Они и их сторонники распоряжаются общинным имуществом как хотят. В Ольметто были большие общинные земли; теперь их нет — самая сильная партия распределила их между своими сторонниками.

При распределении податей вся тяжесть последних возлагается на противников, а сторонники не платят почти ничего.

В 1885 году по всей Франции было 42 523 аграрных правонарушений, и из них на одной Корсике 13 405 — целая треть! Да еще не надо забывать, что протоколы там составляются только против партии, не стоящей у власти.

Почти то же можно сказать и о Сардинии, и о Сицилии, и даже о городе Неаполе, где честные люди поручают борьбу с бесчестными своего рода разбойникам и где, в сущности, выборами заведует одна каморра.

Для того чтобы уничтожить опасность, обусловленную недостатком этнического сродства между расами, для того чтобы ослабить антисемитизм например, смешанные браки служат лучшим средством. К той же цели приводят всякие тесные связи между расами — в армии, на выборах, в суде, даже на кладбищах, равно как и все стремления сгладить разницу в культе, нравах и обычаях.

Кроме того, следовало бы, если возможно, учреждать смешанные суды, составляя их из представителей враждующих рас.

Единственной примиряющей политикой по отношению к расам, совершенно не ассимилирующимся, каковы, например, индийские касты, фанатическое мусульманское население Египта и т. п., было бы, напротив того, старание избежать всяких попыток к примирению или, лучше сказать, к тесным сношениям, т. е. скрупулезное поддержание *status quo* во всех его особенностях, не исключая уважения к писаной бумаге (в Индии), как это делали римляне и англичане.

5) *Децентрализация*. Спенсер видит будущность политического общества в децентрализации. «Благодаря ей, — пишет он, — муниципальные власти будут пользоваться законодательной и административной независимостью, подчиняясь авторитету центральной власти лишь постольку, поскольку это нужно для поддержания государственной связи между отдельными областями, для ограничения и защиты прав частных лиц, которые принадлежат государству».

И действительно, если централизация всякой инициативы в руках государства является полезной для стран отсталых, то в странах цивилизованных, как, например, в современной Франции, она может сделаться причиной непрочности порядка, особенно будучи доведена до крайней степени.

Во Франции закон предвидит ошибки в духовных завещаниях, регламентирует содержание писем и воспитание детей, даже следит за формой литературного изложения мыслей[1]. На народ он смотрит как на детей и отнимает у него привычку бороться с затруднениями. А в результате — чего англичане требуют от самодеятельности ассоциаций, за тем французы обращаются единственно к правительству. Поэтому-то во Франции либеральное правительство и не может быть прочным: если оно либерально, то водворяет анархию, которая грозит лишить его прочности, а если оно прочно, как, например, цезаризм, — пожалуй, наиболее подходящая для Франции политическая форма, — то не может быть либеральным. То же самое относится и к Италии. А попробуйте дать городам право самим распоряжаться своими делами, избирать себе главу, заведовать судами первой инстанции, низшим и средним образованием, полицией, тюрьмами, путями сообщения и прочим, да пусть они группируются между собой ради общих интере-

[1] Известно, что он преследовал Гонкуров, Флобера и других за литературную безнравственность.

сов вроде проведения больших дорог, посадки лесов, осушения, высшего образования, апелляционного суда и прочего, освобождая от всего этого государство, и тогда исчезнут все язвы бюрократии, прекратится правительственный произвол, исчезнет апатия, заедающая национальную жизнь.

6) *Ассоциации.* «Прежде всего следует железной рукой разрушать политические и даже экономические ассоциации, раз они выказывают наклонность к совершению преступлений, особенно скопом».

Свобода, как золото, дорога всем, потому что служит источником великих радостей. Но когда ею злоупотребляют, как Мидас золотом, то она превращается в источник горя и не внушает более ничего, кроме ненависти и презрения. Поэтому в интересах самой свободы нужно избегать всего, что делает ее менее желанной.

7) *Митинги.* То же следует сказать и относительно пресловутой свободы собраний. Исследование преступной толпы указало уже нам на серьезную опасность для государства даже простого слишком многочисленного скопления людей в одном месте, следовательно, столь распространенное в наше время мнение относительно необходимости абсолютной свободы всяких сборищ, которыми будто бы гарантируется свобода народная, совершенно противоречит истине и объясняется только желанием собезьянить англосаксов, которым климат, исторические традиции и флегматический характер дозволяют совершать политические оргии без всякой для кого-либо опасности.

Поэтому, считая необходимым прислушиваться к общественному мнению, мы стоим за учреждение референдума, покойно регистрирующего это мнение, но безграничную свободу сборищ мы считаем крайне опасной для прочности политического строя, а стало быть, и народной свободы, особенно у рас латинских. Опасность эта растет по мере проникновения в сборища преступных элементов, в какой бы то ни было малой пропорции; а между тем мы не видим никаких средств устранить эти элементы из митингов на открытом воздухе. Если благоприятное течение таких митингов не прекратится, то именно оно затопит свободу латинских народов.

8) *Комиссии.* Изучение преступной толпы привело нас к выводу, пожалуй, еще более важному. Мы видели, что многолюдные собрания не отличаются большой мудростью и не дают ничего нового, так что качество советов бывает обратно пропорционально числу советников. Этим разрушается легенда, вышедшая из парламентарных кружков и стремящаяся увеличить число людей, призванных к обсуждению государственного дела, раздробляя между ними ответственность вместо того, чтобы усилить ее и сконцентрировать. В самом деле, разве обо всех этих высших советах, комиссиях и комитетах, «не единой ответственной волей назначенных», а выбранных подачей голосов, нельзя сказать, что они совершенно безответственны?

Из этого следует, что самые важные государственные и общественные должности должны быть индивидуализированы, а не парламентаризирова-

ны и что назначение на эти должности должно исходить от индивидуума, а отнюдь не от коллегий, как бы они почтенны ни были. Даже выборы академий и факультетов почти всегда падают на самого неспособного. И теперь у нас в Италии профессора по выбору весьма часто не стоят тех, которые назначены прямо министром, а между тем профессорские коллегии являются несомненно самыми просвещенными в Италии. Надо напомнить, что воля людей, хотя бы и высоконастроенных, но инертных, бессильна против интригана.

9) *Собрания*. Да уж, чего же больше — благодаря непредусмотрительному торговому закону Дзанарделли мы воочию убедились, что собрания оказываются вредными даже с точки зрения своего собственного денежного интереса, самого сильного в человеке. Более тридцати народных банков в Италии лопнули благодаря единогласным постановлениям акционеров, мошеннически у них вытянутым, вопреки ясному сознанию собственной выгоды. А уж если собрание может вотировать собственное разорение, то чего же от него ждать, когда дело пойдет о чужих интересах, как это бывает в вопросах политических, административных и коммунальных? Надо помнить старую пословицу на этот счет: «Казенные деньги никому не принадлежат».

Мольтке совершенно справедливо говорит, что многочисленный парламент легче вовлечь в войну, чем монарха или министра, ответственных за последствия; на депутата ведь падает только одна пятисотая или восьмисотая часть ответственности, и он принимает ее на себя с легким сердцем.

«Роковые дебаты, приводящие к войне, — пишет Мольтке, — ведутся весьма легкомысленно в таком собрании, в котором ответственность ни на кого не падает всею своей тяжестью; глава государства скорей будет держаться за мир, чем собрание мудрецов».

10) *Борьба за политическое преобладание*. Для того чтобы класс, завладевший государственной властью, не мог злоупотреблять ею в ущерб прочим, следует, по совету Гольцендорфа, дать народу такое представительство, которое одновременно олицетворяло бы и множественность составляющих его исторических элементов, и единство элементов национальных.

Разумеется, не все политические организмы предназначены к тому, чтобы совершить полную эволюцию: раса и климат могут приостановить их развитие. Но в настоящее время все народы, увлеченные потоком современной цивилизации, стремятся перейти к промышленному режиму, в котором частная инициатива заменяет импульс из центра, а добровольная кооперация становится на место принудительного теократического или военного строя.

Представительное правление особенно благоприятствует такому переходу; но что же до сих пор сделано, чтобы облегчить его?

11) *Парламентаризм*. Изобретен парламентаризм, который справедливо называют величайшим из современных предрассудков и который в Италии

и Франции все более и более мешает развитию правильной системы управления, так как не соответствует характеру народа.

В том виде, в котором он существует теперь, парламентаризм, по справедливому выражению Донатти, является апофеозом касты адвокатов.

Чрезмерное преобладание одной части общества над другими, как это мы неоднократно показывали, служит одной из главных причин переворотов в государстве; а между тем теперь, для того чтобы предотвратить эти перевороты, именно одной из самых малочисленных каст и дано наиболее широкое представительство, наиболее сильное влияние на ход государственных дел.

Я говорю только о расе латинской, так как в Англии парламентаризм вырос из народного характера, из народной истории и потому не стоит в противоречии с естественным порядком вещей.

Во Франции и в Италии люди либеральных профессий и чиновники, составляющие самую незначительную часть населения, завладели представительством от всех классов народа.

Земледельцы и промышленники, составляющие вместе более 75% населения, стоят, по представительству, на третьем и четвертом месте, тогда как лица либеральных профессий, коих всего около 5%, стоят на первом. В Англии это как раз наоборот; там земледельцы и промышленники, преобладающие в населении, преобладают и в парламенте.

Правда, обделенные классы не обладают ни достаточной культурой, ни интеллектуальной энергией, необходимой для того, чтобы править страной, но в данном случае непропорциональность слишком уже велика и очевидно не соответствует распределению интеллектуальной культуры, тем более что под последней мы подразумеваем вовсе не классическое образование, а простую способность прилагать свои силы к разным отраслям администрации. В этом отношении какой-нибудь директор фабрики, пожалуй, больше стоит, чем любой адвокат или доктор, путающийся в абстрактных доктринах.

Легко может быть, что скрытое презрение к земледельцам, промышленникам и вообще лицам, не изучавшим латинского языка, быстро рассеялось бы, если бы их допустили к делу и позволили применить к нему свои практические знания.

Что касается чиновников, то как бы они ни были необходимы там, где народ не созрел еще для того, чтобы управлять самим собой, они, во всяком случае, представители рутины, которая всегда была и будет врагом прогресса. Живя изолированно, вдали от потока идей, они ничего, кроме своих формул, не видят, презирают чужие мнения и не понимают значения бедствий, постигающих страну.

Адвокаты со своей стороны не могут увлекаться серьезным реформами, задевающими привычный для них кодекс и обязывающими изменить легальную метафизику, не говоря уже про то, что эти реформы, расширяя закон и ускоряя судебную процедуру, уменьшили бы их доход. Поэтому-то

мы видим, что во Франции именно адвокаты противятся представительству меньшинства, пересмотру конституции, закону о разводах и прочему.

Затем, привыкнув с одинаковым апломбом защищать и правого и виноватого, адвокаты, особенно криминалисты, перестали отличать добро от зла; вооружившись голыми формулами и пустыми фразами, они играют ими с парламентской трибуны, чем приобретают влияние, крайне опасное для государства и даже для них самих, так как рано или поздно вызовут реакцию и в свою очередь попадут в число угнетаемых каст.

В своей прекрасной книге Дзанарделли одобряет распоряжение французского Совета адвокатов (*Conseil de l'Orare*), по которому последним, во избежание столкновения интересов, воспрещается занимать места директоров в промышленных обществах и в администрациях железных дорог; но насколько же важнее было бы воспретить им участие в представительстве, так как, состоя в роли законодателей, они могут быть обвиняемы в проведении таких законов, которыми впоследствии станут пользоваться ради личной выгоды.

Дзанарделли сам соглашается, что если в гражданском процессе адвокатам не дозволено защищать неправое дело, то в уголовном они именно защищают виновных. Но если так, то не ясно ли, что люди, призванные профессиональным долгом к возможному обелению черного, притом не в пользу общества, а против него, будут поступать таким же образом и во всех других вопросах, когда дело коснется их интересов? Не ясно ли, что если они даже и не станут преднамеренно кривить душой, то постоянные сношения с преступниками поневоле предрасположат их в пользу последних в силу того чувства, которое заставляет добрых людей интересоваться судьбой ближних, особенно страдающих? Тем более что заступничество в данном случае будет им стоить только нескольких громких фраз или простой подачи голоса, причем их болезненная и вредная жалостливость может быть прикрыта возвышенными принципами или такой глубокой метафизикой, которая и самому автору мало понятна, а уж толпе и подавно. Полагая, однако же, что эта метафизика основана на великих и сложных соображениях, уму простого смертного недоступных, толпа ей покорно подчиняется и будет подчиняться до тех пор, пока горькие плоды сладких слов не заставят ее закусить удила.

Внося повсюду предубеждение в пользу преступников и приученную к обязательной фальсификации мысль, адвокаты являются весьма вредным элементом при законодательной работе. Они не дозволяют вводить в кодекс и в практику самые необходимые реформы, если последние нарушают их интересы. К этому надо прибавить, что благодаря своему влиянию в качестве министров или депутатов они оказывают такое давление на чиновников (особенно если последние сменяемы), что окончательно парализуют их деятельность. Кто не видал неоднократно, как могучие влияния приостанавливали процессы, в которых могло бы вытисниться что-нибудь неблагоприятное для обвиняемого? Иногда по отношению к главным преступ-

никам отменялись даже приговоры, тогда как менее виновные, но не имевшие особого покровительства или талантливых защитников соучастники несли всю тяжесть наказания.

Правда, мы видели адвокатов-криминалистов, которые, сделавшись министрами, стояли на высоте своего призвания, но не ясно ли, что с их стороны это было геройским подвигом? Не очевидно ли, что требовать такого подвига значит рассчитывать на исключение, а не на правило?

Адвокатократия опаснее клерикалократии старых времен, потому что она всюду незаметно проникает и все поглощает. Она теперь завладела и флотом, и сельским хозяйством, и народным просвещением, то есть совершенно чуждыми для нее областями.

Можно ли поэтому верить, что она допустит правильное и беспристрастное применение правосудия, в вопросах которого она более компетентна, но зато и более самовластна? Да и какое может быть правосудие там, где, с одной стороны, всякими ухищрениями сглаживают дорогу преступлению, а с другой — обезоруживают естественных его противников, агентов администрации? И как же будет государство жить без правосудия?

Все сказанное относится к адвокатам-криминалистам, но для того чтобы достичь цели, следовало бы ограничить и цивилистов. Я даже думаю, что в интересах общего блага хорошо бы было высокими пошлинами и строгими экзаменами затруднить доступ к адвокатуре, чтобы тем уменьшить и без того слишком большое количество неудачников, становящихся плохими политиканами.

Вот тогда законодательный фурор ослабнет. Тогда мы, может быть, сконцентрируем наши силы и нашу энергию на хорошем, умелом приложении законов уже существующих, потому уже хороших, что они стары, испытаны, вошли в нравы. Пора прекратить манию вечной переделки законов, которая влечет за собой одно только непредвиденное последствие — сопротивление тех, которые должны бы этим законам подчинятся.

12) *Всеобщая подача голосов.* Всеобщая подача голосов, согласно современному течению, призвана к тому, чтобы уравнять представительство классов. Но так как всякая партия обставляет ее согласно своим собственным желаниям и выгодам, то недостатки всеобщего голосования будут превосходить его достоинства, по крайней мере до тех пор, пока не поднимется уровень образования народа и его политическое развитие.

Опасна в данном случае не тирания большинства, потому что на деле всегда господствует небольшая кучка, а скорее то обстоятельство, что всеобщая подача голосов затирает честные характеры и высокие интеллекты, предавая народ в руки лжеапостолов, о гибельном влиянии которых мы говорили выше. На одного Наполеона, на одного Перикла в народе приходится сотня Клеонов*, сотня Маратов или сотня Буланже. Между тем нужно, чтобы высокий интеллект и честный характер господствовали или по крайней мере пользовались наибольшим влиянием.

Только разум, как справедливо говорит Эрскин Мэй, может обеспечить свободу; народ беспочвенных мечтателей всегда будет рабом. Только одна просвещенная деятельность улучшает социальное положение народа, делает труд его плодотворным, обогащает нацию; только она может создать новые общественные классы, объединенные общими интересами, и совершенно изменить строй государства.

Если всеобщая подача голосов, обусловливающая преобладание количества над качеством, числа над достоинствами, и может решить некоторые важные вопросы, доступные простому здравому смыслу, вроде, например, установления некоторых налогов и прочее, то она поведет к крупным ошибкам в тех случаях, когда для решения вопроса требуется высокое развитие, сильный ум, широкие познания.

Надо добиваться процветания и благосостояния народа, а не власти большинства. Между тем первое несовместимо с последним, как здоровье и благополучие ребенка несовместимы с его полной свободой и всемогуществом.

Будем же, значит, содействовать всему тому, что может поднять благосостояние народа, но что касается его власти, то пусть он обладает ею лишь в такой степени, чтобы мог вырвать у высших классов то, что необходимо для его благополучия.

Аристократия знания, которую Аристотель считал невозможной и которая между тем господствует уже несколько веков в Китае, есть единственная сила, способная поставить буржуазию выше пролетариата.

Значит, если уж всеобщая подача голосов надвигается, как поток, которого нельзя остановить, то пусть же хоть ей будет противопоставлено отдельное голосование людей высокоразвитых и более дальновидных, чем прочие.

Пусть доктора, писатели, журналисты, главы фабрик, рабочие, получившие привилегию на какое-нибудь изобретение, студенты, священники разных религий, офицеры — вообще вся интеллигентная часть нации получит число голосов, пропорциональное своим заслугам и своему достоинству по категориям, так чтобы уравновесить влияние числа и составить большинство.

Пусть они составят, по крайней мере, группу избирателей второй степени, то есть выборщиков, от которых зависит прямое избрание представителей, а их самих пусть избирают лица, выдвинутые всеобщей подачей голосов.

Таким путем, давая всем классам право избирать представителей, мы затрудним избрание ничтожеств или, что хуже, нравственных уродов; во всяком случае, мы противопоставим последним аристократию интеллекта, несомненно менее опасную, чем аристократия меча и алтаря.

13) *Представительство классов.* Для того чтобы получить наиболее равномерное представительство всех классов общества, Принс предложил разделить последнее, согласно различным элементам, его составляющим, на «округа земледельческие, округа промышленные, большие города и города меньшего значения», так чтобы все эти различные факторы общественного движения были точно представлены в парламент.

Так, коммуны, образуя земледельческий или промышленный кантон, должны избирать депутатов в двух куриях: курии земледельческих и промышленных собственников и курии рабочих, по депутату от каждой.

В городах, имеющих меньшее значение, депутаты должны быть избираемы по одному в трех куриях: интеллигентной, податной и прочих граждан.

Наконец, в больших городах депутаты будут избираемы восемью куриями, соответствующими различным классам общества и разделенными приблизительно следующим образом: городская, недвижимая собственность; наука, искусство, писательство и педагогия, право (юристы и чиновники); промышленность и торговля; рабочий класс; войско; гигиена и общественные работы; администрация; церкви.

Каждая курия избирает депутатов в количестве, пропорциональном общественному значению представляемого ею класса.

14) *Представительство меньшинства.* Луи Блан совершенно справедливо говорит, что там, где голос меньшинства заглушается и где оно не имеет пропорционального своей численности влияния на общественные дела, там существует привилегия в пользу большинства.

И в Италии опыт такого представительства был сделан, но он не привел к хорошим результатам. Были сделаны, между прочим, и другие опыты с той же целью, может быть более удачные, так, например, «кумулятивная вота», с 1881 года принятая для коммунальных выборов в Соединенных Штатах. При этой системе каждый избиратель располагает числом голосов, равным числу подлежащих избранию депутатов, между которыми эти голоса он и распределяет, как хочет.

При системе «подачи голосов по листам», напротив того, избиратели вотируют сразу за целый список кандидатов, представляемый каждой партией отдельно. В этом списке избиратели могут изменять только порядок имен, а при подсчете определяется количество голосов, поданных за каждый список, причем получившие большинство считаются избранными.

Наконец, при выборах «по системе частного» каждый избиратель, обладая одним голосом, сам составляет список желаемых им кандидатов, в том количестве, в каком это требуется, а при подсчете избранными считаются те кандидаты, которые получат число голосов, равное частному, получаемому при делении общего числа избирателей на требуемое число депутатов.

Раз нам приходится прививать новое к старому, то во избежание реакции, всегда вызываемой слишком преждевременными и поспешными реформами, мы должны быть практичны и постараться устранить неудобства парламентаризма, сохраняя его основные формы.

Так, в важных случаях, при рассмотрении специальных вопросов, финансовых и юридических, например, когда даже у хорошо составленного парламента не хватит компетенции для того, чтобы определенно высказаться, мы попробуем ввести в него, в виде особой секции, техническую комиссию, составленную из людей, хорошо знакомых с делом.

При рассмотрении вопросов, задевающих какой-нибудь определенный класс (врачей, военных, фармацевтов, моряков), следовало бы вводить в парламент депутацию, избранную из лучших людей этого класса, для того чтобы в видах экономии времени заменить переписку словесным обсуждением дела.

15) *Возраст депутатов*. Следует также уменьшить количество депутатов, приурочить избирательный возраст к 25 годам и назначить им хорошее вознаграждение, избавив этим от необходимости искать других занятий и даже воспретив занимать какие-либо должности.

Двадцатипятилетний возраст обеспечит парламенту деятельных и менее подвластных мизонеизму членов. При этом многие молодые люди из высших, богатых классов общества, теперь гибнущие от безделья, получат цель для своего самолюбия и станут энергично работать для ее достижения.

В самом деле, нельзя же не сознаться, что устранение молодых людей от политической жизни, в противоположность обычаю, с таким успехом действующему в Америке и Болгарии, есть с нашей стороны большая ошибка. У нас люди считаются созревшими для политической жизни только тогда, когда они состарятся. Даже и теперь не редкость встретить в числе деятелей ветеранов 40-х и 50-х годов, которые уже потеряли оригинальность и бодрость юности. Это все равно что в армии производить в поручики только ветеранов: стойкости у них хватит, но победителями им не бывать.

Мы знаем, что Древний Рим, напротив того, именно в самых затруднительных обстоятельствах назначал консулами двадцатилетних молодых людей; так же поступала и Франция в 1789 году, и Гарибальди в 1860 году при назначении генералов. Эти импровизированные генералы блестящим образом доказали свою способность предводительствовать войсками.

Молодость у нас отстраняется от политики отчасти законами, отчасти общественным мнением. Последнее вдруг изменить нельзя, но закон мог бы внести оживление в политическую машину, понизив возраст избираемости для депутатов и сенаторов. А с другой стороны, он мог бы установить и определенный возраст для чиновников, чем избавил бы административную машину от апатии.

16) *Вознаграждение*. Хорошее вознаграждение открывает доступ к парламенту способным, но бедным людям; оно доставит представительство рабочему классу; оно обяжет депутата заниматься исключительно политическими работами, а лишение права бесплатного проезда по железным дорогам отстранит от представительства большую часть адвокатов.

17) *Несовместимость*. Сделав должность депутата несовместимой с большинством других, например с муниципальной и коронной службой, мы устраним концентрацию власти в руках небольшой кучки людей, становящихся всемогущими. Таким образом, всякие способности найдут себе место, причем благодаря разделению труда на всяком месте будет стоять чело-

век компетентный, а не верхогляд, знающий всего понемножку и ничего в особенности.

Уменьшив число депутатов, мы облегчим выбор лучших людей и будем содействовать расширению представительства таких классов, которые, подобно земледельческому и промышленному, за малочисленностью подходящих к политической деятельности людей принуждены выбирать себе представителей из других классов.

Для того чтобы устранить всякие злоупотребления парламентаризмом, не следует делать никаких исключений для депутатов и сенаторов, совершивших уголовные преступления. Какое, в самом деле, отношение имеет воровство, шантаж, изнасилование к независимости подачи голоса? Зачем восстанавливать судебные привилегии, только что отнятые у духовенства и феодалов?

Для того чтобы очистить парламенты от преступных элементов, следовало бы даже создать внутри их нечто вроде парламентарного суда присяжных, составленного из представителей различных партий, который бы обязательно удалял из среды депутатов всякого совершившего неблаговидный поступок, хотя бы законом и не преследуемый (как это делается в военной среде).

Карцер, устроенный где-нибудь около парламента, позволил бы депутатам, виновным в парламентских проступках, отбывать наказание, не прекращая деятельности.

Затем следует пожелать, чтобы сессии парламента были кратки. Практичные янки находят достаточным собирать своих представителей только раз в два года и на короткое время, тогда как в Италии последние заседают почти постоянно, хотя и с меньшей продуктивностью.

Если бы все попытки реформировать представительный режим остались бесплодными, то можно было бы спросить себя, вместе с Молинари, не лучше ли было бы самим «потребителям политики», как он называет публику, выработать условия конституции и наблюдать за их выполнением. Отдельные личности не сумеют, конечно, справиться с этой задачей, но не решат ли ее свободные ассоциации при помощи печати? В тех странах, где масса народонаселения не обладает ни досугом, ни способностями к занятию политикой, такое свободное представительство потребителей, набранных среди лиц, которые обладают нужным досугом и способностями, могло бы сделаться орудием совершенствования государственного строя; оно было бы, пожалуй, гораздо влиятельнее и менее подвержено порче, чем официальное представительство невежественного большинства или привилегированного класса.

18) *Советы и комиссии.* Парламентаризм и канцелярщина влекут за собой стремление назначать комиссии и советы, когда время не терпит и нужно принимать меры немедленно. Комиссии и советы эти — по поводу общественной гигиены, общественного образования, сельского хозяйства и про-

чего — строятся по образцу парламента, но, будучи учреждениями чисто консультативными, окончательно лишены всякой силы, а между тем совершенно даром отвлекают занятых людей от полезной работы. По идее, они должны помогать министрам в управлении важными отраслями государственного хозяйства, а на деле, ввиду отсутствия решающего голоса, являются только помехой, и даже очень вредной, так как, не будучи сами ответственными, снимают часть ответственности и с министра.

Мы ведь уже видели, что многочисленность агентов уменьшает их личную стоимость.

Будем же проводить в эти советы, насколько возможно, настоящих специалистов и дадим им решающий голос в вопросах, чуждых политике, но касающихся современной науки, а вместе с тем возложим на них и ответственность за принятые решения. Людям-омнибусам, за все берущимся, но ни за что не отвечающим, в таких советах не место.

19) *Технические министерства.* Еще одно средство сгладить шероховатости парламентарного строя, не прибегая к резким мерам, состоят в том, чтобы превратить некоторые министерства в чисто технические, избавив их от влияния партий, но, конечно, не от ответственности.

Пусть министерства внутренних и иностранных дел остаются политическими и парламентарными — это вполне естественно, но какое отношение к политике могут иметь министерства земледелия, народного образования и морское? Если уже господствующее течение и парламентские интересы сделают эту реформу невозможной, то специализируем, по крайней мере, в каждом из этих министерств особые бюро, снабдив их широкими функциями и поставив вне парламентской борьбы.

Авось тогда внутри и вне парламентские самолюбия будут несколько ограничены, и мы не услышим более проектов перегородить Альпы для защиты от холерных эпидемий или переменить всю воду в стране для избавления от пеллагры!

Не достаточно ли с нас адвокатов в морском и военном ведомствах? Как помешать самым диким стремлениям, когда они возникают ежеминутно, не вызывая ни малейшего противодействия?

20) *Формализм.* Есть и еще язвы, ослабляющие нашу государственность, например: формализм и аркадизм.

Бюрократия похожа на ту сумасшедшую, которую пришлось лечить одному из нас и которая старалась поместить как можно больше коробочек одну в другую, а в самую маленькую коробочку клала... иголку.

Мы громоздим рапорты на рапорты, отношения на отношения для того, чтобы обеспечить экономное приготовление супа в больнице, а самого-то эконома оставляем без надзора. Мы испытываем горы бумаги для того, чтобы получить в конце концов фиктивную цифру рецидивистов, которая заставляет нас думать, что число преступлений уменьшается, тогда как оно растет.

21) *Профессиональное образование*. Для того чтобы устранить все эти неудобства, прежде всего нужно подготовить рабочих к кооперации, и правительство может это сделать лучше, чем кто-либо другой, путем профессионального образования. В самом деле, если уж правительство должно вмешаться в этот вопрос, — а вмешательство его необходимо для того, чтобы победить невежество и влияние духовенства, — то пора уже ему даже в низшей школе бросить чисто теоретический и эстетический путь развития, приводящий только к мозговому переутомлению и дающий людей, лишенных практического смысла, вечно недовольных и, за неспособностью ни к какому делу, претендующих на то, чтобы государство их содержало.

22) *Воспитание*. И пусть начнут с фребелевских школ, знакомящих юный ум с реальностью, а затем — с введения в школах ручного труда, настоящего противоядия против пустой риторики, которая там царствует. Пусть внушают юношеству любовь к промышленности и ремеслам, пусть делают из них хороших рабочих и управляющих фабриками, вместо того чтобы увеличивать и без того большое число врачей и адвокатов без практики.

Интеллигентный рабочий при столкновении с менее интеллигентными товарищами производит на них благотворное влияние. Возьмите его из этой среды, сделайте адвокатом, врачом, чиновником, и общество ничего не выиграет, так как эти профессии без того слишком обширны, тогда как та маленькая кучка, в которой он вращался, много потеряет — сделается менее сознательной и активной.

Однако ж было бы большой ошибкой предполагать, что массы рабочего народа в скором времени будут уже настолько образованны, чтобы мочь командовать буржуазией, образование которой, хотя и ложно направленное, все-таки гораздо выше.

Вот почему и следует стремиться дать правящим классам действительно высокое образование. Надо просветить просвещенные классы, писали Флобер и Жорж Санд, то есть надо изменить систему образования, заставляющую нас жить в мире мертвых, надо дать нам вздохнуть свежим воздухом действительной жизни.

Мы должны наконец избавиться от аркадской риторики — печального наследия предков, хотя бы для того, чтобы защищаться от случайных политических преступников, которые, принадлежа, как мы видели, к числу маттоидов и неудачников, всегда стремятся к реформам реакционным, атавистическим.

Изучая движения 1789 и 1848 годов, в которых участвовало множество маттоидов, мы видим, что одной из причин маттоидных бунтов является архаическое образование, не соответствующее нуждам времени.

Мы питаем умы юношества ароматом цветов, вместо того чтобы давать им существенную пищу, а хотим, чтобы они были крепки и здоровы.

Наши молодые люди становятся, может быть, эстетиками — хотя и в этом можно усомниться, — но то же было бы, пожалуй, если бы мы заставляли их в течение десяти лет по шести часов в день выделывать искусственные цветы.

О, как наши внуки будут смеяться при мысли, что менее тысячи людей против воли должны были изучать отрывки из классических авторов или, еще хуже, грамматику древних языков, с тем чтобы тотчас же позабыть ее, и что это считалось драгоценным средством для развития ума, более драгоценным, чем изучение положительных наук и фактов! Кто же поверит, что латинский язык считался необходимым для моряка или пехотного капитана в то самое время, когда все правила стратегии изменялись под влиянием различных гениальных изобретений?

А мы продолжаем создавать поколения, мир которых, переутомляемый в течение долгого времени, пропитывается единственно формами, а не сущностью, да еще хуже, чем формами (тогда мы служили, по крайней мере, эстетике), — фетишистским обожанием старого, тем более слепым и бесплодным, чем больше тратится на это времени.

Вот почему при отсутствии серьезного знания юношество наше бросается на первое попавшееся нововведение, хотя бы самое бессмысленное и не соответствующее времени; если только оно напоминает ему плохо понятную старину.

Пропитав мозги детей классицизмом, мы потом несколько лет сряду накачиваем в них метафизику, и это накачивание для юристов и филологов продолжается в течение всего университетского курса.

А пользование такими превосходными орудиями специальной культуры, каковы статистика и социология, отходит тем временем на задний план, о психиатрии же, гигиене, антропологии, этнологии, истории религий, паразитологии почти и речи не заходит. Прекраснейшим педагогическим открытием — методом Фребеля — тоже все пренебрегают, точно будто нужно ждать, чтобы вся Европа его оценила прежде, чем ввести в школы стимулирующий и облагораживающий ручной труд, который, заменяя туманные мечты о древности точными и практичными знаниями, избавил бы нашу страну от наводнения носителями дипломов, то есть неудачниками, число которых следовало бы уменьшать всеми мерами.

Но зато у нас есть школы археологии, красноречия и декламации!

Зато если вам мало одной кафедры римского права, то мы дадим их по две и по три в каждом университете! О, мы ведь живем, руководствуясь обычаями и законами наших предков!

И с этим-то жалким багажом мы намереваемся вести Италию к великим судьбам, намереваемся создавать сильных и энергичных граждан, которые не довольствовались бы пустым хвастовством или нытьем о величии древних, наподобие маттоидов и учеников Игнатия Лойолы, а сами создавали бы величие с помощью новой науки и нового искусства!

Заведем же во всех университетах и даже во всех больших центрах населения кафедры этих новых наук: истории и критики религии, уголовной антропологии, физиологической психологии, зоологической философии, экспериментальной политики, да пусть эти кафедры путешествуют по стране, распространяя свет науки во всех ее уголках.

Были же учреждены в Париже, по предложению Доната и на городские средства, кафедры биологической философии, истории религий, Французской революции и даже целый антропологический институт. А в Соединенных Штатах Америки — кафедры физиологической психологии и уголовной антропологии.

Эти кафедры действительно содействуют просвещению просвещенных классов народа, открывая им новые горизонты и в гораздо большей степени развивая способность управлять, чем кафедры метафизики, философии и классической литературы, которые под предлогом «украшения духа» молодых мыслителей бесполезно перегружают этот дух и ставят его на пути, почти не имеющие никакого исхода.

Громадные капиталы, растрачиваемые во Франции и в Италии на поддержание смешных академий — классических, средневековых и иных — могли бы с большей пользой для нации быть употреблены на учреждение и поддержку вышеупомянутых кафедр.

Мы ведь воочию видели, что свободные курсы Ферри и Серджи, так же как лаборатории Пастера, Шарко, Ришэ, Бруарделя, Биццоцеро, Моссо, Кантани, Маркиафава и других, дали больше творческих сил, чем все факультеты и академии вместе взятые. Последние были когда-то полезны как фильтр для открытий и нововведений, предлагаемых маттоидами, но теперь их деятельность проявляется только в беспощадной, хотя, к счастью, безуспешной войне против всех великих открытий и всех действительно гениальных людей, одной тени которых достаточно для того, чтобы заслонить собой эту печальную деятельность; Паскаль, Мольер, Дидро, Бальзак, Флобер служат тому примерами[1].

Но при учреждении вышеупомянутых кафедр придется иметь дело с теми же академическими кружками, от доброй или, лучше сказать, злой воли которых зависит и самое учреждение и назначение профессоров.

[1] Еще 8 августа 1793 года в Конвенте Грегуар говорил: «Наши академии устанавливают иерархию между людьми, которые должны бы давать преимущества только таланту, они присвоили себе прерогативы гения: они преследуют всякого, имевшего мужество их обогнать. Вот почему гений и не находит в них себе места. Достаточно вспомнить Мольера, Лессажа, Дюфрени, Паскаля, Бурдалу, Руссо, Пирона, Реньяра, Гельвеция, Дидро, Мобла. Французская академия, изгнавшая из своей среды аббата Сен-Пьера, была орудием деспотизма. Она назначила, например, конкурс по вопросу: “Какая из добродетелей короля более достойна удивления?”».

И после всего этого Доде и Золя упрекали в личных целях за то, что они говорили то же самое. А еще мы, латинцы, говорим о прогрессе!

Для того чтобы устроить это затруднение, в некоторой степени следовало бы дать право избрания меньшинству, как это делается в политике, а для контроля обратиться к суду иностранных ученых.

Мы уже говорили, что школы лишают нас гениальных людей, угнетая гениальные способности тогда, когда они не успели еще окрепнуть, то есть в ранней молодости. Здесь, стало быть, борьба за существование идет обратно тому, что мы видим в природе: здесь слабые побеждают сильных или скорее мелкие — великих.

А хуже всего то, что против этого зла нет никаких лекарств: люди, стоящие у власти, не будучи сами гениальными, не захотят и не смогут создавать ничего, кроме посредственности.

Достаточно было бы добиться от них, чтобы они хоть преднамеренно не ставили препятствий гениальным людям. Зачем, например, требовать хорошего знания математики от людей, посвятивших себя изучению литературы, и наоборот; зачем требовать знания мелочных и пустопорожних грамматических правил, портящих эстетический вкус, именно от тех людей, которые этим вкусом в высокой степени обладают; зачем наши высшие школы музыки и скульптуры, находящиеся, конечно, в руках посредственности — прирожденных врагов гения и оригинальности, — развивают эстетический вкус своих питомцев по математическим формулам? Не лучше ли было бы превратить эти школы в чисто промышленные, так как с искусством они ничего общего не имеют.

23) *Магистратура.* Одной из важнейших реформ является освобождение магистратуры от того лакейства, которое отнимает у нее престиж и парализует ее силы. Вот в Америке дело поставлено не так. Там судьи избираются народом и обладают такой независимостью, что могут не исполнять законов, считаемых ими несогласными с конституцией.

В одной недавней работе доказано, что эта система, исходящая прямо из английского *Common Law*, так же хорошо охраняет права личности и штатов от произвола Конгресса, как и права Конгресса от покушений личностей и штатов.

Так, мы видели, что магистратура протестовала против исполнительной власти по поводу отмены *Habeas corpus** и режима военных судов, а по отношению к законодательству обсуждала очень важные финансовые, политические и религиозные вопросы. Даже международные сношения — дипломатические трактаты — подвергались обсуждению, а иногда и отмене со стороны магистратуры.

А между тем со времени Гражданской войны никогда конгресс серьезно не покушался на независимость суда и не стеснял его юрисдикции.

Мы видели, что Древний Рим обязан был продолжительным внутренним миром учреждению трибуната; то же было и в Венеции благодаря ее относительно беспартийному суду. Если деспотические правительства, вроде австрийского или старого пьемонтского, подолгу жили без всяких серьез-

ных потрясений, то этим они обязаны сохранению одинакового суда для всех, который благодаря адвокатам для бедных производился в сенате, имевшем право кассировать не согласные с законом декреты министров.

Теперь король в Италии отступил на второй план, но на его месте воцарилось по крайней мере 700 деспотов, гораздо более опасных, потому что они менее заметны. Эти деспоты, эти новоявленные короли пропитали несправедливостью все поры нации, до самых отдаленных уголков, обладающих счастьем иметь своего представителя. Власть их до такой степени сильна, что печать не смеет говорить о безобразиях, ими совершаемых, и сама магистратура молчит и покоряется.

Надо, стало быть, пожертвовать несменяемостью судей и поручить их назначение независимому органу, например кассационному суду. Что касается повышений, то их следует обусловить: во-первых — экзаменами; во-вторых — числом неотмененных приговоров; наконец, в-третьих, для судей низших инстанций и королевских прокуроров — числом дел, возбужденных по прямому вызову и не подвергавшихся апелляции, что может служить очень точным критерием хорошей работы и могучим побуждающим к ней средством. Статистика показывает, что у деятельного судьи прямые вызовы достигают пропорции, значительно превышающей ту, которая встречается в обыкновенных случаях.

Почему не воспользоваться средством, способным одновременно усовершенствовать суд и дать прочную основу для выбора судей?

Надо помнить, что теперь ведь у нас есть только одна аристократия заслуги и таланта, и если мы не сумеем ее выдвинуть надлежащим образом, то государственное здание лишится прочного фундамента.

Таким фундаментом может быть только достоинство, а пробным камнем последнего служит экзамен. Поразительный пример этого мы видим в Китае, которому раздача всяких должностей, обусловленная экзаменами, придала такую необыкновенную устойчивость, что он победил не только внутренних и внешних врагов, но даже самое время.

24) *Адвокаты для бедных*. Но рядом с этой аристократией заслуги полезно было бы учредить или, скорее, возобновить нечто вроде адвокатуры для бедных и слабых, независимой от министерства юстиции, избираемой коммунальными советами или выборщиками второй степени и предназначенной для того, чтобы к ее защите мог обращаться всякий, считающий себя обиженным властями — парламентом, министрами, двором. Адвокаты для бедных, несколько напоминающие античных трибунов, возьмут на себя священную миссию защищать угнетенных и потому в суде должны иметь преимущественное право на рассмотрение возбуждаемых ими дел, а также предавать гласности состоявшиеся по этим делам приговоры.

Члены этой корпорации, в число коих могут входить и рабочие, и студенты, вообще люди всяких профессий, должны быть избираемы на срок не очень долгий и сменяемы только по приговору кассационного суда. Они

должны быть одновременно и трибунами, и цензорами нравов, и защитниками, борясь как с адвокатократией, так и с произволом власть предержащих или парламентских партий.

25) *Изменяемость законов.* Прочность политического строя обусловливается его растяжимостью, способностью применяться к постоянно изменяющимся условиям жизни. Пример такой растяжимости мы видим в Швейцарии, где в течение пятидесяти лет (1830–1879) состоялось 115 пересмотров кантональных конституций и 3 пересмотра конституции федеральной, причем страна, несмотря на различие рас, ее населяющих, сохранила свое единство.

По мнению Гольцендорфа, изменение закона является не только необходимым, но и вполне законным в тех случаях, когда привилегированные классы не хотят добровольно отказаться от своих прерогатив, если эти прерогативы угрожают опасностью государству и если чувство равенства глубоко проникло в сознание народных масс.

Но, во всяком случае, эти изменения не должны быть внезапны и слишком резки; они должны, напротив того, служить незаметным переходом от старого к новому, мало-помалу отменяя то, что оказалось вредным или неудобным. Таким образом можно предупредить революцию и многое множество преступлений, обусловленных конфликтом между устарелыми законами и общественным сознанием.

Для того чтобы государственные учреждения были прочны, говорит Бенжамен Констан, они должны соответствовать нуждам и идеям народа. Частные столкновения, индивидуальные преступления, борьба партий будут возможны и тогда, но революция станет совершенно невозможной. А вот когда учреждения не согласованы с господствующими в народе идеями, то революция неизбежна.

Так, уничтожение крепостного права в России и Бразилии, так же как превращение древних абсолютных монархий в конституционные, сделалось исторической необходимостью. То же можно сказать и о секуляризации церковных имуществ в тех странах, где накопление их в руках духовенства и претензии последнего не платить поземельных налогов сделали невозможным всякий экономический и политический прогресс.

А между тем введение этих реформ не обошлось без крупных волнений, потому что при этом был забыт закон мизонеизма, не допускающий слишком быстрого перехода даже от зла к добру.

26) *Право инициативы и «referendum».* Вот тут может оказаться очень полезным право инициативы, распространенное на всех граждан при условии поддержки со стороны нескольких избирателей, как делается в Швейцарии. Мы рекомендовали его как средство определять мнение страны относительно политических преступлений; в деле законодательства оно может успешно бороться с реакционными поползновениями правительства и парламента.

В свою очередь *referendum*, или обращение к народу, тоже принятое в Швейцарии, может показать, существует ли между народом и его представителями надлежащая общность идей и в какой степени. Говорят, правда, что *referendum*, волнуя страну, в то же время задерживает реформы, так как народ всегда бывает консервативнее своих законодателей; но не говоря уже про то, что реформы, не поддержанные большинством, являются преждевременными и ни к чему не ведут и что *referendum* именно служит к тому, чтобы узнать мнение большинства; все его неудобства исчезли бы, если бы он был факультативным или ограничивался только некоторыми, гарантирующими местную автономию, вопросами. Кроме того, как справедливо говорит Хилти, *referendum* является могущественным средством политического воспитания народа, так как приучает последний изучать законы, им правящие, и брать на себя ответственность за активное участие в политической жизни.

«...Если законы должны быть одобрены народом, — пишет Э. де Лавалье, — то парламент вотирует их только в случае настоятельной надобности. Меры, взятые, так сказать, приступом, красноречивыми фразами оратора или предложенные влиятельным министром, не пройдут уже тогда. Невозможна будет также игра парламентских котерий*, создающих и проваливающих кабинеты ради личного самолюбия или личных выгод, как это делается в Греции, Испании и Италии. Полезные реформы, может быть, и будут иногда отложены, но зато скольких крайностей избегнет законодательство!»

Из двух форм референдума, факультативной и обязательной, Нума Дроз предпочитает вторую, и общее мнение, по-видимому, все более и более склоняется в эту сторону. Факультативный референдум, то есть обращение к народу только в том случае, когда того требует известная группа избирателей, вызвал серьезную критику. «Агитация, сопровождающая собирание подписей, — говорит Дроз, — благодаря своей страстности отвлекает умы от сущности вопроса, заранее подделывает общественное мнение, не допускает спокойного обсуждения и создает почти непреодолимое течение к отказу. Между тем та система, по которой все выработанные законы правильно, два раза в год, подвергаются всенародному голосованию, не страдает такими недостатками».

Самое главное выражение против референдума состоит в том, что он неприложим к вопросам внешней политики. Раз трактат с иностранной державой заключен, его нельзя уже подвергать всенародному голосованию. Не будем забывать, однако же, что такие трактаты, заключенные исполнительной властью, если они затрагивают финансовый или экономический вопрос, должны быть ратифицированы в Америке сенатом, а во всех других странах — парламентом.

Может случиться, что демократические учреждения не обеспечат в достаточной степени порядка, в котором наше современное торгово-промыш-

ленное общество нуждается больше, чем общества древние и средневековые. В этом случае мы вернемся к деспотизму, так как благодаря громадным постоянным армиям исполнительная власть в угоду высшим классам всегда сумеет подавить свободу. Но если свобода и демократия удержатся, то народ, несомненно, будет все более и более забирать в свои руки управление государством, по мере развития образования и понимания связи, существующей между законами и личной жизнью. Тогда он введет прямое народоправство в той или другой форме. Швейцария, идущая впереди демократических реформ, показала нам дорогу.

Если нужно, чтобы воля народа исполнялась, то не лучше ли, чтобы она была высказана мирно и правильно путем плебисцита, как в швейцарских кантонах, а не шумно и резко, путем митингов, процессий, демонстраций, как в Англии, или даже битв между националистами и оранжистами, как в Ирландии?

Если массы народные призваны к тому, чтобы вотировать законы, то они научатся это делать, или их кто-нибудь научит; и в том и в другом случае выиграет цивилизация, состоящая в распространении света истины. «Крайности демократии предохранят от опасности, которую она собой представляет». Глубокой мысли Токвиля суждено сбыться.

27) *Разложение.* Все эти меры можно рекомендовать только молодому и здоровому государственному организму. Ни одна из них не приведет к цели там, где уже началось разложение, при котором все меры будут только ухудшать дело. Это настолько верно, что народу уже испорченному, разлагающемуся ничто не поможет. В Нью-Йорке, например, клан Таммони был живо уничтожен, а в Италии никак не могут справиться с мафией и каморрой, явлениями того же типа.

Польша в 1879 году всеми мерами пробовала поправить свое положение: отменила *liberum veto* и выборы короля, отсрочила долги, прочно установила королевскую власть и, несмотря на все это, погибла — разложение пошло дальше и дальше, ожесточенная борьба партий продолжалась, хотя победоносный враг стоял уже у ворот.

А теперь примером может служит Италия, где недавно лишь предложили улучшить выборную систему, приняв выборы по спискам, которые во Франции только ухудшили положение. В настоящее время думают о других реформах, как неизлечимый больной, то и дело меняющий лекарства.

А вот английский парламентаризм, несмотря на старую и отвратительную систему выборов, процветает...

Но скучно становится постоянно плакать об одном и том же горе. Тщетны усилия мыслителя ввиду общей апатии. Его можно сравнить с ребенком, строящим из песка плотинку против волн океана, когда достаточно легкой зыби, чтобы эта плотинка бесследно исчезла.

Чезаре Ломброзо

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Параллель между великими людьми и помешанными

Перевод с итальянского К. Тетюшиной

Предисловие автора к четвертому изданию

Когда, много лет тому назад, находясь как бы под влиянием экстаза, во время которого мне точно в зеркале с полной очевидностью представлялись соотношения между гениальностью и помешательством, я в 12 дней написал первые главы этой книги[1], признаюсь, даже мне самому не было ясно, к каким серьезным практическим выводам может привести созданная мной теория. Я не ожидал, что она даст ключ к уразумению таинственной сущности гения и к объяснению тех странных религиозных маний, которые являлись иногда ядром великих исторических событий, что она поможет установить новую точку зрения для оценки художественного творчества гениев путем сравнения произведений их в области искусства и литературы с такими же произведениями помешанных и, наконец, что она окажет громадные услуги судебной медицине.

В таком важном практическом значении новой теории убедили меня мало-помалу как документальные работы Адриани, Паоли, Фриджерио, Максима дю Кана, Рива и Верга относительно развития артистических дарований у помешанных, так и громкие процессы последнего времени — Манжионе, Пассананте, Лаццаретти, Гито, доказавшие всем, что мания писательства не есть только своего рода психиатрический курьез, но прямо особая форма душевной болезни и что одержимые ею субъекты, по-видимому совершенно нормальные, являются тем более опасными членами общества, что сразу в них трудно заметить психическое расстройство, а между тем они бывают способны на крайний фанатизм и, подобно религиозным маньякам, могут вызывать даже исторические перевороты в жизни народов. Вот почему заняться вновь рассмотрением прежней темы на основании новейших данных и в более широком объеме показалось мне делом чрезвычайно полезным. Не скрою, что я считаю его даже и смелым, ввиду того ожесточения, с каким риторы науки и политики с легкостью газетных борзописцев и в интересах той или другой партии стараются осмеять лю-

---

[1] Гениальность и помешательство. Введение к курсу психиатрической клиники, прочитанному в Павианском университете. Милан, 1863.

дей, доказывающих вопреки бредням метафизиков, но с научными данными в руках полную невменяемость, вследствие душевной болезни, некоторых из так называемых преступников и психическое расстройство многих лиц, считавшихся до сих пор, по общепринятому мнению, совершенно здравомыслящими.

На язвительные насмешки и мелочные придирки наших противников мы, по примеру того оригинала, который для убеждения людей, отрицавших движение, двигался в их присутствии, ответим лишь тем, что будем собирать новые факты и новые доказательства в пользу нашей теории. Что может быть убедительнее фактов, и кто станет отрицать их? Разве одни только невежды, но торжеству их скоро наступит конец.

Проф. Ч. Ломброзо
Турин, 1 января 1882 года.

I. Введение в исторический обзор

В высшей степени печальна наша обязанность — с помощью неумолимого анализа разрушать и уничтожать одну за другой те светлые радужные иллюзии, которыми обманывает и возвеличивает себя человек в своем высокомерном ничтожестве; тем более печальна, что взамен этих приятных заблуждений, этих кумиров, так долго служивших предметом обожания, мы ничего не можем предложить ему, кроме холодной улыбки сострадания. Но служитель истины должен неизбежным образом подчиняться ее законам. Так, в силу роковой необходимости он приходит к убеждению, что любовь есть в сущности не что иное, как взаимное влечение тычинок и пестиков... а мысли — простое движение молекул. Даже гениальность — эта единственная державная власть, принадлежащая человеку, пред которой не краснея можно преклонить колени, — даже ее многие психиатры поставили на одном уровне с наклонностью к преступлениям, даже в ней они видят только одну из тератологических (уродливых) форм человеческого ума, одну из разновидностей сумасшествия. И заметьте, что подобную профанацию, подобное кощунство позволяют себе не одни лишь врачи и не исключительно только в наше скептическое время.

Еще Аристотель, этот великий родоначальник и учитель всех философов, заметил, что под влиянием приливов крови к голове «многие индивидуумы делаются поэтами, пророками или прорицателями» и что «Марк Сиракузский писал довольно хорошие стихи, пока был маньяком, но, выздоровев, совершенно утратил эту способность».

Он же говорит в другом месте: «Замечено, что знаменитые поэты, политики и художники были частью меланхолики и помешанные, частью —

мизантропы, как Беллерофонт. Даже и в настоящее время мы видим то же самое в Сократе, Эмпедокле, Платоне и других, и всего сильнее в поэтах. Люди с холодной, изобильной кровью (*букв.* желчь) бывают робки и ограниченны, а люди с горячей кровью — подвижны, остроумны и болтливы».

Платон утверждает, что «бред совсем не есть болезнь, а, напротив, величайшее из благ, даруемых нам богами; под влиянием бреда дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции, тогда как в обыкновенном состоянии они приносили мало пользы или же совсем оказывались бесполезными*. Много раз случалось, что когда боги посылали народам эпидемии, то кто-нибудь из смертных впадал в священный бред и, делаясь под влиянием его пророком, указывал лекарство против этих болезней. Особый род бреда, возбуждаемого музами, вызывает в простой и непорочной душе человека способность выражать в прекрасной поэтической форме подвиги героев, что содействует просвещению будущих поколений».

Демокрит даже прямо говорил, что не считает истинным поэтом человека, находящегося в здравом уме. *Excludit sanos, Helicone poetas*[1].

Вследствие подобных взглядов на безумие древние народы относились к помешанным с большим почтением, считая их вдохновленными свыше, что подтверждается, кроме исторических фактов, еще и тем, что слова *mania* — по-гречески, *navi* и *mesugan* — по-еврейски, а *nigrata* — по-санскритски означают и сумасшествие, и пророчество.

Феликс Платер утверждает, что знал многих людей, которые, отличаясь замечательным талантом в разных искусствах, в то же время были помешанными. Помешательство их выражалось нелепой страстью к похвалам, а также странными и неприличными поступками. Между прочим, Платер встретил при дворе пользовавшихся большой славой архитектора, скульптора и музыканта, несомненно сумасшедших. Еще более выдающиеся факты собраны Ф. Газони в Италии, в «Больнице для неизлечимых душевнобольных». Сочинение его переведено (на итальянский язык) Лонгоалем в 1620 году. Из более близких к нам писателей Паскаль постоянно говорил, что величайшая гениальность граничит с полнейшим сумасшествием, и впоследствии доказал это на собственном примере. То же самое подтвердил и Гекарт относительно своих товарищей, ученых и в то же время помешанных, подобно ему самому. Наблюдения свои он издал в 1823 году под названием «Стултициана, или Краткая библиография сумасшедших, находящихся в Валансьене, составленная помешанным».

За последнее время Лелю, Верга и Ломброзо доказали, что многие гениальные люди, например, Свифт, Лютер, Кардано, Брум и другие, страдали умопомешательством, галлюцинациями или были мономанами в продолжение долгого времени. Моро, с особенной любовью останавливающийся на фактах наименее правдоподобных, и Шиллинг пытались доказать при помо-

[1] Лишены рассудка поэты Геликона (*лат.*).

щи тщательных, хотя и не всегда строго научных исследований, что гений есть, во всяком случае, нечто вроде нервной ненормальности, нередко переходящей в настоящее сумасшествие. Подобные же выводы, приблизительно, сделаны Хагеном в его статье «О сродстве между гениальностью и безумием» и отчасти также Юргеном Мейером в его прекрасной монографии «Гений и талант». Оба эти ученые, пытавшиеся более точно установить физиологию гения, пришли путем самого тщательного анализа фактов к тем же заключениям, какие высказал более ста лет тому назад, скорее на основании опыта, чем строгих наблюдений, один итальянский иезуит, Беттинелли.

II. Сходство гениальных людей с помешанными в физиологическом отношении

Как ни жесток и печален такого рода парадокс, но, рассматривая его с научной точки зрения, мы найдем, что в некоторых отношениях он вполне основателен, хотя с первого взгляда и кажется нелепым.

Многие из великих мыслителей подвержены, подобно помешанным, судорожным сокращениям мускулов и отличаются резкими, так называемыми хореическими телодвижениями. Так, о Ленау и Монтескье рассказывают, что на полу у столов, где они занимались, можно было заметить углубления от постоянного подергивания их ног. Бюффон, погруженный в свои размышления, забрался однажды на колокольню и спустился оттуда по веревке совершенно бессознательно, как будто в припадке сомнамбулизма. Сантейль, Кребильон, Ломбардини имели странную мимику, похожую на гримасы. Наполеон страдал постоянным подергиванием правого плеча и губ, а во время припадков гнева — также и икр. «Я, вероятно, был очень рассержен, — сознавался он сам однажды после горячего спора с Лоу, — потому что чувствовал дрожание моих икр, чего со мной давно уже не случалось». Петр Великий был подвержен подергиваниям лицевых мускулов, ужасно искажавших его лицо.

«Лицо Кардуччи, — говорит Мантегацца, — по временам напоминает собой ураган: из глаз его сыплются молнии, а дрожание мускулов походит на землетрясение».

Ампер не мог иначе говорить, как ходя и шевеля всеми членами. Известно, что обычный состав мочи, и в особенности содержание в ней мочевины, заметно изменяется после маниакальных приступов. То же самое замечается и после усиленных умственных занятий. Уже много лет тому назад Гольдинг Берд сделал наблюдение, что у одного английского проповедника, всю неделю проводившего в праздности и только по воскресеньям с большим жаром произносившего проповеди, именно в этот день значительно увеличивалось в моче содержание фосфорнокислых солей, тогда как в другие дни оно было крайне ничтожно. Впоследствии Смит многими наблю-

дениями подтвердил тот факт, что при всяком умственном напряжении увеличивается количество мочевины в моче, и в этом отношении аналогия между гениальностью и сумасшествием представляется несомненной.

На основании такого ненормального изобилия мочевины или, скорее, на основании этого нового подтверждения закона о равновесии между силой и материей, управляющего всем миром живых существ, можно вывести еще и другие, более изумительные аналогии: например, седина и облысение, худоба тела, а также плохая мускульная и половая деятельность, свойственные всем помешанным, очень часто встречаются и у великих мыслителей. Цезарь боялся бледных и худых Кассиев*. Д'Аламбер, Фенелон, Наполеон были в молодости худы как скелеты. О Вольтере Сегюр пишет: «Худоба доказывает, как много он работает; изможденное и согбенное тело его служит только легкой, почти прозрачной оболочкой, сквозь которую как будто видишь душу и гений этого человека».

Бледность всегда считалась принадлежностью и даже украшением великих людей. Кроме того, мыслителям наравне с помешанными свойственны: постоянное переполнение мозга кровью (гиперемия), сильный жар в голове и охлаждение конечностей, склонность к острым болезням мозга и слабая чувствительность к голоду и холоду.

О гениальных людях, точно так же как и о сумасшедших, можно сказать, что они всю жизнь остаются одинокими, холодными, равнодушными к обязанностям семьянина и члена общества. Микеланджело постоянно твердил, что его искусство заменяет ему жену. Гёте, Гейне, Байрон, Челлини, Наполеон, Ньютон хотя и не говорили этого, но своими поступками доказывали еще нечто худшее.

Нередки случаи, когда вследствие тех же причин, которые так часто вызывают сумасшествие, т. е. вследствие болезней и повреждений головы, самые обыкновенные люди превращаются в гениальных. Вико в детстве упал с высочайшей лестницы и раздробил себе правую теменную кость. Гратри, вначале плохой певец, сделался знаменитым артистом после сильного ушиба головы бревном. Мабильон, смолоду совершенно слабоумный, достиг известности своими талантами, которые развились в нем вследствие полученной им раны в голову. Галль, сообщивший этот факт, знал одного датчанина полуидиота, умственные способности которого сделались блестящими после того, как он в 13 лет свалился с лестницы головой вниз[1]. Несколько лет тому назад один кретин из Савойи, укушенный бешеной собакой, сделался совершенно разумным человеком в последние дни своей жизни. Доктор

---

[1] Покойный митрополит Московский Макарий, отличавшийся замечательно светлым умом, был до того болезненным и тупым ребенком, что совершенно не мог учиться. Но в семинарии кто-то из товарищей во время игры прошиб ему голову камнем, и после того способности Макария сделались блестящими, а здоровье совершенно поправилось.

Галле знал ограниченных людей, умственные способности которых необыкновенно развились вследствие болезней мозга.

«Очень может быть, что моя болезнь (болезнь спинного мозга) придала моим последним произведениям какой-то ненормальный оттенок», — говорит с удивительной прозорливостью Гейне в одном из своих писем. Нужно, впрочем, прибавить, что болезнь отразилась таким образом не только на его последних произведениях, и он сам сознавал это. Еще за несколько месяцев до усиления своей болезни Гейне писал о себе: «Мое умственное возбуждение есть скорее результат болезни, чем гениальности — чтоб хотя немного утишить мои страдания, я сочинял стихи. В эти ужасные ночи, обезумев от боли, бедная голова моя мечется из стороны в сторону и заставляет звенеть с жестокой веселостью бубенчики изношенного дурацкого колпака».

Биша и фон дер Кольк заметили, что у людей с искривленной шеей ум бывает живее, чем у людей обыкновенных. У Конолли был один больной, умственные способности которого возбуждались во время операций над ним, и несколько таких больных, которые проявляли особенную даровитость в первые периоды чахотки и подагры. Всем известно, каким остроумием и хитростью отличаются горбатые; Рокитанский пытался даже объяснить это тем, что у них аорта, давя сосуды, идущие к голове, делает изгиб, следствием чего является расширение объема сердца и увеличение артериального давления в черепе.

Этой зависимостью гения от патологических изменений отчасти можно объяснить любопытную особенность гениальности по сравнению с талантом в том отношении, что она является чем-то бессознательным и проявляется совершенно неожиданно.

Юрген Мейер говорит, что талантливый человек действует строго обдуманно; он знает, как и почему он пришел к известной теории, тогда как гению это совершенно неизвестно: всякая творческая деятельность бессознательна.

Гайдн приписывал таинственному дару, ниспосланному свыше, создание своей знаменитой оратории «Сотворение мира». «Когда работа моя плохо подвигалась вперед, — говорил он, — я, с четками в руках, удалялся в молельню, прочитывал “Богородицу” — и вдохновение снова возвращалось ко мне».

Итальянская поэтесса Милли во время создания, почти невольного, своих чудных стихотворений волнуется, кричит, поет, бегает взад и вперед и как будто находится в припадке эпилепсии.

Те из гениальных людей, которые наблюдали за собой, говорят, что под влиянием вдохновения они испытывают какое-то невыразимо-приятное лихорадочное состояние, во время которого мысли невольно родятся в их уме и брызжут сами собой, точно искры из горящей головни.

Это прекрасно выразил Данте в следующих трех строках:

...I' mi son un che, guando
Amore me spira, noto ed in quel modo
Che detta dentro vo significando[1].

Наполеон говорил, что исход битв зависит от одного мгновения, от одной мысли, временно остававшейся бездеятельной; при наступлении благоприятного момента она вспыхивает подобно искре, и в результате является победа.

Бауэр говорит, что лучшие стихотворения Куха* были продиктованы им в состоянии, близком к умопомешательству. В те минуты, когда с уст его слетали эти чудные строфы, он был не способен рассуждать даже о самых простых вещах.

Фосколо сознается в своем «*Epistolario*», лучшем произведении этого великого ума, что творческая способность писателя обусловливается особым родом умственного возбуждения (лихорадки), которое нельзя вызвать по своему произволу.

«Я пишу свои письма, — говорит он, — не для отечества и не ради славы, но для того внутреннего наслаждения, какое доставляет нам упражнение наших способностей».

Беттинелли называет поэтическое творчество сном с открытыми глазами, без потери сознания, и это, пожалуй, справедливо, так как многие поэты диктовали свои стихи в состоянии, похожем на сон.

Гёте тоже говорит, что для поэта необходимо известное мозговое раздражение и что он сам сочинял многие из своих песен, находясь как бы в припадке сомнамбулизма.

Клопшток сознается, что, когда он писал свою поэму, вдохновение часто являлось к нему во время сна.

Во сне Вольтер задумал одну из песен «Генриады», Сардини — теорию игры на флажолете, а Секендорф — свою прелестную песню о Фантазии. Ньютон и Кардано во сне разрешали математические задачи.

Муратори во сне составил пентаметр на латинском языке много лет спустя после того, как перестал писать стихи. Говорят, что во время сна Лафонтен сочинил басню «Два голубя», а Кондильяк закончил лекцию, начатую накануне.

«Кубла-хан» Кольриджа и «Фантазия» Гольде были сочинены во сне.

Моцарт сознавался, что музыкальные идеи являются у него невольно, подобно сновидениям, а Гофман часто говорил своим друзьям: «Я работаю, сидя за фортепьяно с закрытыми глазами, и воспроизвожу то, что подсказывает мне кто-то со стороны».

---

[1] Когда любовью я дышу,
То я внимателен; ей только надо
Мне подсказать слова, и я пишу (*ит.*).

Лагранж замечал у себя неправильное биение пульса, когда писал, у Альфьери же в это время темнело в глазах.

Ламартин часто говорил: «Не я сам думаю, но мои мысли думают за меня».

Альфьери, называвший себя барометром — до такой степени изменялись его творческие способности смотря по времени года, — с наступлением сентября не мог противиться овладевавшему им невольному побуждению, до того сильному, что он должен был уступить и написал шесть комедий. На одном из своих сонетов он собственноручно сделал такую надпись: «Случайный. Я не хотел его писать». Это преобладание бессознательного в творчестве гениальных людей замечено было еще в древности.

Сократ первый указал на то, что поэты создают свои произведения не вследствие старания или искусства, но благодаря некоторому природному инстинкту. Таким же образом прорицатели говорят прекрасные вещи, совершенно не сознавая этого.

«Все гениальные произведения, — говорит Вольтер в письме к Дидро, — созданы инстинктивно. Философы целого мира вместе не могли бы написать "Армиду" Кино или басню "Мор зверей", которую Лафонтен диктовал, даже не зная хорошенько, что из нее выйдет. Корнель написал трагедию "Гораций" так же инстинктивно, как птица вьет гнездо».

Таким образом, величайшие идеи мыслителей, подготовленные, так сказать, уже полученными впечатлениями и в высшей степени чувствительной организацией субъекта, родятся внезапно и развиваются настолько же бессознательно, как и необдуманные поступки помешанных. Этой же бессознательностью объясняется непоколебимость убеждений в людях, усвоивших себе фанатически известные убеждения. Но как только прошел момент экстаза, возбуждения, гений превращается в обыкновенного человека или падает еще ниже, так как отсутствие равномерности (равновесия) есть один из признаков гениальной натуры. Дизраэли отлично выразил это, когда сказал, что у лучших английских поэтов, Шекспира и Драйдена, можно встретить и самые плохие стихи. О живописце Тинторетто говорили, что он бывает то выше Карраччи, то ниже себя самого.

Овидио вполне правильно объясняет неодинаковость слога Тассо его же собственным признанием, что когда исчезало вдохновение, он путался в своих сочинениях, не узнавал их и не в состоянии был оценить их достоинства.

Не подлежит никакому сомнению, что между помешанным во время припадка и гениальным человеком, обдумывающим и создающим свое произведение, существует полнейшее сходство.

Припомните латинскую пословицу: «*Aut insanit homo, aut versus fecit*»[1].

Вот как описывает состояние Тассо врач Ревелье-Парат:

«Пульс слабый и неровный, кожа бледная, холодная, голова горячая, воспаленная, глаза блестящие, налитые кровью, беспокойные, бегающие

[1] Или безумец, или стихоплет (*лат.*).

по сторонам. По окончании периода творчества часто сам автор не понимает того, что он минуту тому назад излагал».

Марини, когда писал «*Adone*», не заметил, что сильно обжег ногу. Тассо в период творчества казался совершенно помешанным. Кроме того, обдумывая что-нибудь, многие искусственно вызывают прилив крови к мозгу, как, например, Шиллер, ставивший ноги в лед, Питт и Фокс, приготовлявшие свои речи после неумеренного употребления портера, и Паизиелло, сочинявший не иначе как укрывшись множеством одеял. Мильтон и Декарт опрокидывались головой на диван, Боссюэ удалялся в холодную комнату и клал себе на голову теплые припарки; Куйас* работал, лежа вниз лицом на ковре. О Лейбнице сложилась поговорка, что он мыслил только в горизонтальном положении — до такой степени оно было необходимо ему для умственной деятельности. Мильтон сочинял запрокинув голову назад, на подушку, а Тома и Россини — лежа в постели; Руссо обдумывал свои произведения под ярким полуденным солнцем с открытой головой.

Очевидно, все они инстинктивно употребляли такие средства, которые временно усиливают прилив крови к голове в ущерб остальным членам тела. Здесь кстати упомянуть о том, что многие из даровитых, и в особенности гениальных людей, злоупотребляли спиртными напитками. Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса*, самого Цезаря солдаты часто приносили домой на своих плечах. Сократ, Сенека, Алкивиад, Катон, а в особенности Септимий Север и Махмуд II до такой степени отличались невоздержанностью, что все умерли от пьянства вследствие белой горячки. Запоями страдали также Коннетабль Бурбонский, Авиценна, о котором говорят, что он посвятил вторую половину своей жизни тому, чтобы доказать всю бесполезность научных сведений, приобретенных им в первую половину, и многие живописцы, например, Карраччи, Стен, Барбателли, и целая плеяда поэтов — Мюрже, Жерар де Нерваль, Мюссе, Клейст, Майлат и во главе их Тассо, писавший в одном из своих писем: «Я не отрицаю, что я безумец; но мне приятно думать, что мое безумие произошло от пьянства и любви, потому что я действительно пью много».

Немало пьяниц встречается и в числе великих музыкантов, например, Дюссек, Гендель и Глюк, говоривший, что «он считает вполне справедливым любить золото, вино и славу, потому что первое дает ему средство иметь второе, которое, вдохновляя, доставляет ему славу». Впрочем, кроме вина, он любил также водку и наконец опился ею.

Замечено, что почти все великие создания мыслителей получают окончательную форму или, по крайней мере, проясняются под влиянием какого-нибудь специального ощущения, которое играет здесь, так сказать, роль капли соленой воды в хорошо устроенном вольтовом столбе. Факты доказывают, что все великие открытия были сделаны под влиянием органов чувств, как это подтверждает и Молешотт. Несколько лягушек, из которых

предполагалось приготовить целебный отвар для жены Гальвани, послужили к открытию гальванизма. Изохронические (одновременные) качания люстры и падение яблока натолкнули Ньютона и Галилея на создание великих систем*. Альфьери сочинял и обдумывал свои трагедии, слушая музыку. Моцарт при виде апельсина вспомнил народную неаполитанскую песенку, которую слышал пять лет тому назад, и тотчас же написал знаменитую каватину к опере «Дон Жуан». Взглянув на какого-то носильщика, Леонардо задумал своего Иуду, а Торвальдсен нашел подходящую позу для сидящего ангела при виде кривляний своего натурщика. Вдохновение впервые осенило Сальваторе Розу в то время, когда он любовался видом Позилино, а Хогарт нашел типы для своих карикатур в таверне, после того как один пьяница разбил там ему нос в драке. Мильтону, Бэкону, Леонардо и Уорбертону необходимо было слышать звон колоколов, для того чтобы приняться за работу; Бурдалу, перед тем как диктовать свои бессмертные проповеди, всегда наигрывал на скрипке какую-нибудь арию. Чтение одной оды Спенсера возбудило в Коули склонность к поэзии, а книга Сакробозе заставила Хаммада пристраститься к астрономии*. Рассматривая рака, Уатт напал на мысль об устройстве чрезвычайно полезной в промышленности машины, а Гиббон задумал писать историю Греции после того, как увидел развалины Капитолия. Гёте создал свою теорию развития черепа по общему типу спинных позвонков во время прогулки, когда, толкнув ногой валявшийся на дороге череп овцы, увидел, что он разделился на три части.

Но ведь точно так же известные ощущения вызывают помешательство или служат исходной точкой его, являясь иногда причиной самых страшных припадков бешенства. Так, например, кормилица Гумбольдта сознавалась, что вид свежего, нежного тела ее питомца возбуждал в ней неудержимое желание зарезать его. А сколько людей были вовлечены в убийство, поджог или разрывание могил при виде топора, пылающего костра и трупа!

Следует еще прибавить, что вдохновение, экстаз всегда переходят в настоящие галлюцинации, потому что человек видит тогда предметы, существующие лишь в его воображении. Так, Гросси рассказывал, что однажды ночью, после того как он долго трудился над описанием появления призрака Прина*, он увидел этот призрак перед собой и должен был зажечь свечу, чтобы избавиться от него. Балль рассказывает о сыне Рейнолдса, что он мог делать до 300 портретов в год, так как ему было достаточно посмотреть на кого-нибудь в продолжение получаса, пока он набрасывал эскиз, чтобы потом уже это лицо постоянно было перед ним, как живое. Живописец Мартини всегда видел перед собой картины, которые писал, так что однажды, когда кто-то встал между ним и тем местом, где представлялось ему изображение, он попросил этого человека посторониться, потому что для него невозможно было продолжать копирование, пока существовавший лишь в его воображении оригинал был закрыт. Лютер слышал от сатаны аргументы, которых раньше не мог придумать сам.

Если мы обратимся теперь к решению вопроса — в чем именно состоит физиологическое отличие гениального человека от обыкновенного, то на основании автобиографий и наблюдений найдем, что по большей части вся разница между ними заключается в утонченной и почти болезненной впечатлительности первого. Дикарь или идиот малочувствительны к физическим страданиям, страсти их немногочисленны, из ощущений же воспринимаются ими лишь те, которые непосредственно касаются их в смысле удовлетворения жизненных потребностей. По мере развития умственных способностей впечатлительность растет и достигает наибольшей силы в гениальных личностях, являясь источником их страданий и славы. Эти избранные натуры более чувствительны в количественном и качественном отношении, чем простые смертные, а воспринимаемые ими впечатления отличаются глубиной, долго остаются в памяти и комбинируются различным образом. Мелочи, случайные обстоятельства, подробности, незаметные для обыкновенного человека, глубоко западают им в душу и перерабатываются на тысячу ладов, чтобы воспроизвести то, что обыкновенно называют творчеством, хотя это только бинарные и кватернарные комбинации ощущений.

Галлер писал о себе: «Что осталось у меня, кроме впечатлительности, этого могучего чувства, являющегося следствием темперамента, который живо воспринимает радости любви и чудеса науки? Даже теперь я бываю тронут до слез, когда читаю описание какого-нибудь великодушного поступка. Свойственная мне чувствительность, конечно, и придает моим стихотворениям тот страстный тон, которого нет у других поэтов».

«Природа не создала более чувствительной души, чем моя», — писал о себе Дидро. В другом месте он говорит: «Увеличьте число чувствительных людей, и вы увеличите количество хороших и дурных поступков». Когда Альфьери в первый раз услышал музыку, то был, по его словам, «поражен до такой степени, как будто яркое солнце ослепило мне зрение и слух; несколько дней после того я чувствовал необыкновенную грусть, не лишенную приятности; фантастические идеи толпились в моей голове, и я способен был писать стихи, если бы знал тогда, как это делается...» В заключение он говорит, что ничто не действует на душу так неотразимо могущественно, как музыка. Подобное же мнение высказывали Стерн, Руссо и Жорж Санд.

Корради доказывает, что все несчастья Леопарди и сама его философия были вызваны излишней чувствительностью и неудовлетворенной любовью, которую он в первый раз испытал на 18-м году. И действительно, философия Леопарди принимала более или менее мрачный оттенок, смотря по состоянию его здоровья, пока наконец грустное настроение не обратилось у него в привычку.

Урквициа падал в обморок, почувствовав запах розы.

Стерн, после Шекспира наиболее глубокий из поэтов-психологов, говорит в одном письме: «Читая биографии наших древних героев, я плачу о них, как будто о живых людях... Вдохновение и впечатлительность — единствен-

ные орудия гения. Последняя вызывает в нас те восхитительные ощущения, которые придают большую силу радости и вызывают слезы умиления».

Известно, в каком рабском подчинении находились Альфьери и Фосколо у женщин, не всегда достойных такого обожания. Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи, но и в поэзии*. Несколько его эротических стихотворений до сих пор еще не утратили своей прелести.

А как рано проявляются страсти у гениальных людей! Данте и Альфьери были влюблены в 9 лет, Руссо — в 11, Каррон и Байрон — в 8. С последним уже на 16-м году сделались судороги, когда он узнал, что любимая им девушка выходит замуж. «Горе душило меня, — рассказывает он, — хотя половое влечение мне было еще незнакомо, но любовь я чувствовал до того страстную, что вряд ли и впоследствии испытал более сильное чувство». На одном из представлений Китса с Байроном случился припадок конвульсий.

Лорби видел ученых, падавших в обморок от восторга при чтении сочинений Гомера.

Живописец Франчиа умер от восхищения, после того как увидел картину Рафаэля.

Ампер до такой степени живо чувствовал красоты природы, что едва не умер от счастья, очутившись на берегу Женевского озера. Найдя решение какой-то задачи, Ньютон был до того потрясен, что не мог продолжать свои занятия. Гей-Люссак и Дэви после сделанного ими открытия начали в туфлях плясать по своему кабинету. Архимед, восхищенный решением задачи, в костюме Адама выбежал на улицу с криком: «Эврика!» («Нашел!») Вообще, сильные умы обладают и сильными страстями, которые придают особенную живость всем их идеям; если у некоторых из них многие страсти и бледнеют, как бы замирают со временем, то это лишь потому, что мало-помалу их заглушает преобладающая страсть к славе или к науке.

Но именно эта слишком сильная впечатлительность гениальных или только даровитых людей является в громадном большинстве случаев причиной их несчастий, как действительных, так и воображаемых.

«Драгоценный и редкий дар, составляющий привилегию великих гениев, — пишет Мантегацца, — сопровождается, однако же, болезненной чувствительностью ко всем, даже самым мелким, внешним раздражениям: каждое дуновение ветерка, малейшее усиление жара или холода превращается для них в тот засохший розовый лепесток, который не давал заснуть несчастному сибариту». Лафонтен, может быть, разумел самого себя, когда писал: «*Un souffle, une rien leur donne la fiévre*»[1].

Гений раздражается всем, и что для обыкновенных людей кажется просто булавочными уколами, то при его чувствительности уже представляется ему ударом кинжала.

---

[1] Малейшее дуновение ветра, каждый пустяк вызывает у них лихорадку (*фр.*).

Буало и Шатобриан не могли равнодушно слышать похвал кому бы то ни было, даже своему сапожнику.

Когда Фосколо разговаривал однажды с госпожой С., пишет Мантегацца, за которой сильно ухаживал, и та зло подсмеялась над ним, он пришел в такую ярость, что закричал: «Вам хочется убить меня, так я сейчас же у ваших ног размозжу себе череп». С этими словами он со всего размаха бросился головой вниз на угол камина. Одному из стоявших вблизи удалось, однако же, удержать его за плечи и тем спасти ему жизнь.

Болезненная впечатлительность порождает также и непомерное тщеславие, которым отличаются не только люди гениальные, но и вообще ученые начиная с древнейших времен; в этом отношении те и другие представляют большое сходство с мономаньяками, страдающими горделивым помешательством.

«Человек — самое тщеславное из животных, а поэты — самые тщеславные из людей», — писал Гейне, подразумевая, конечно, и самого себя. В другом письме он говорит: «Не забывайте, что я — поэт и потому думаю, что каждый должен бросить все свои дела и заняться чтением стихов».

Менке рассказывает о Филельфо, как он воображал, что в целом мире, даже в числе древних, никто не знал лучше его латинский язык*. Аббат Каньоли до того гордился своей поэмой о битве при Аквилее, что приходил в ярость, когда кто-нибудь из литераторов не раскланивался с ним. «Как, вы не знаете Каньоли?» — спрашивал он.

Поэт Луций не вставал с места при входе Юлия Цезаря в собрание поэтов, потому что считал себя выше его в искусстве стихосложения.

Ариосто, получив лавровый венок от Карла V, бегал точно сумасшедший по улицам. Знаменитый хирург Порта, присутствуя в Ломбардском институте при чтении медицинских сочинений, всячески старался выразить свое презрение и недовольство ими, каково бы ни было их достоинство, тогда как сочинения по математике или лингвистике он выслушивал спокойно и внимательно.

Шопенгауэр приходил в ярость и отказывался платить по счетам, если его фамилия была написана через два «а» — «Шапенгауэр».

Бартез потерял сон с отчаяния, когда при печатании его «Гения» («*Génie*») не был поставлен знак над é. Уайстон, по свидетельству Араго, не решался издать опровержение ньютоновской хронологии из боязни, как бы Ньютон не убил его.

Все, кому выпадало на долю редкое счастье жить в обществе гениальных людей, поражались их способности перетолковывать в дурную сторону каждый поступок окружающих, видеть всюду преследования и во всем находить повод к глубокой, бесконечной меланхолии. Эта способность обусловливается именно более сильным развитием умственных сил, благодаря которым даровитый человек более способен находить истину и в то же время легче придумывает ложные доводы в подтверждение основательности

своего мучительного заблуждения. Отчасти мрачный взгляд гениев на окружающее зависит, впрочем, и от того, что, являясь новаторами в умственной сфере, они с непоколебимой твердостью высказывают убеждения, не сходные с общепринятым мнением, и тем отталкивают от себя большинство обычных людей.

Но все-таки главнейшую причину меланхолии и недовольства жизнью избранных натур составляет закон динамизма и равновесия, управляющий также и нервной системой, закон, по которому вслед за чрезмерной тратой или развитием силы является чрезмерный упадок той же самой силы, — закон, вследствие которого ни один из жалких смертных не может проявить известной силы без того, чтобы не поплатиться за это в другом отношении, и очень жестоко; наконец, тот закон, которым обусловливается неодинаковая степень совершенства их собственных произведений.

Меланхолия, уныние, застенчивость, эгоизм — вот жестокая расплата за высшие умственные дарования, которые они тратят, подобно тому как злоупотребления чувственными наслаждениями влекут за собой расстройство половой системы, бессилие и болезни спинного мозга, а неумеренность в пище сопровождается желудочными катарами.

После одного из тех экстазов, во время которых поэтесса Милли обнаруживает до того громадную силу творчества, что ее хватило бы на целую жизнь второстепенным итальянским поэтам, она впала в полупаралитическое состояние, продолжавшееся несколько дней. Мухаммед по окончании своих проповедей впадал в состояние полного отупения и однажды сам сказал Абу Бакру*, что толкование трех глав Корана довело его до одурения.

Гёте, сам холодный Гёте сознавался, что его настроение бывает то чересчур веселым, то чересчур печальным.

Вообще, я не думаю, чтобы в целом мире нашелся хотя один великий человек, который даже в минуты полного блаженства не считал бы себя без всякого повода несчастным и гонимым или хотя временно не страдал бы мучительными припадками меланхолии.

Иногда чувствительность искажается и делается односторонней, сосредоточиваясь на одном каком-нибудь пункте. Несколько идей известного порядка и некоторые особенно излюбленные ощущения мало-помалу приобретают значение главного (специфического) стимула, действующего на мозг великих людей и даже на весь их организм.

Гейне, сам признававший себя неспособным понимать простые вещи, Гейне, разбитый параличом, слепой и находившийся уже при последнем издыхании, когда ему посоветовали обратиться к Богу, прервал хрипение агонии словами: «*Dieu me pardonnera — c'est son métier*»[1], закончив этой последней иронией свою жизнь, эстетически циничнее которой не было в наше

[1] Бог простит меня — это Его ремесло (*фр.*).

время. Об Аретино рассказывают, что последние слова его были: «*Guardatemi dai topi or che son unto*»[1].

Малерб, совсем уже умирающий, поправлял грамматические ошибки своей сиделки и отказался от напутствия духовника потому, что он нескладно говорил.

Богур, специалист грамматики, умирая, сказал: «“Я умру” или “я умрет” — одинаково истинно».

Сантени сошел с ума от радости, найдя эпитет, который тщетноприискивал долгое время. Фосколо говорил о себе: «Между тем как в одних вещах я в высшей степени понятлив, относительно других понимание у меня не только хуже, чем у всякого мужчины, но хуже, чем у женщины или у ребенка».

Известно, что Корнель, Декарт, Вергилий, Аддисон, Лафонтен, Драйден, Манцони, Ньютон почти совершенно не умели говорить публично.

Пуассон говорил, что жить стоит лишь для того, чтобы заниматься математикой. Д'Аламбер и Менаж, спокойно переносившие самые мучительные операции, плакали от легких уколов критики. Лючио де Лансеваль смеялся, когда ему отрезали ногу, но не мог вынести резкой критики Жоффруа.

Шестидесятилетний Линней, впавший в паралитическое и бессмысленное состояние после апоплексического удара, пробуждался от сонливости, когда его подносили к гербарию, который он прежде особенно любил.

Когда Ланьи лежал в глубоком обмороке и самые сильные средства не могли возбудить в нем сознания, кто-то вздумал спросить у него, сколько будет 12 в квадрате, и он тотчас же ответил: «144».

Себуйа, арабский грамматик, умер с горя оттого, что с его мнением относительно какого-то грамматического правила не соглашался халиф Гарун ал-Рашид.

Следует еще заметить, что среди гениальных или, скорее, ученых людей часто встречаются те узкие специалисты, которых Вахдакоф называет монотипичными субъектами; они всю жизнь занимаются одним каким-нибудь выводом, сначала занимающим их мозг и затем уже охватывающим его всецело: так, Бекман в продолжение целой жизни изучал патологию почек, Фреснер — Луну, Мейер — муравьев, что представляет огромное сходство с мономанами.

Вследствие такой преувеличенной и сосредоточенной чувствительности как великих людей, так и помешанных чрезвычайно трудно убедить или разубедить в чем бы то ни было. И это понятно: источник истинных и ложных представлений лежит у них глубже и развит сильнее, нежели у людей обыкновенных, для которых мнения составляют только условную форму, род одежды, меняемой по прихоти моды или по требованию обстоятельств. Отсюда следует, с одной стороны, что не должно никому верить безуслов-

[1] Спасите меня от грязных мышей (*ит.*).

но, даже великим людям, а с другой стороны, что моральное лечение мало приносит пользы помешанным.

Крайнее и одностороннее развитие чувствительности, без сомнения, служит причиной тех странных поступков, вследствие временной анестезии и анальгезии[1], которые свойственны великим гениям наравне с помешанными. Так, о Ньютоне рассказывают, что однажды он стал набивать себе трубку пальцем своей племянницы и что, когда ему случалось уходить из комнаты, чтобы принести какую-нибудь вещь, он всегда возвращался, не захватив ее. О Тюшереле говорят, что один раз он забыл даже, как его зовут.

Бетховен и Ньютон, принявшись — один за музыкальные композиции, а другой за решение задач, до такой степени становились нечувствительными к голоду, что бранили слуг, когда те приносили им кушанья, уверяя, что они уже пообедали.

Джиоия в припадке творчества написал целую главу на доске письменного стола вместо бумаги.

Аббат Беккария, занятый своими опытами, во время служения обедни произнес забывшись: «А все-таки опыт есть факт».

Дидро, нанимая извозчиков, забывал отпускать их, и ему приходилось платить им за целые дни, которые они напрасно простаивали у его дома; он же часто забывал месяцы, дни, часы, даже тех лиц, с кем начинал разговаривать, и, точно в припадке сомнамбулизма, произносил целые монологи перед ними.

Подобным же образом объясняется, почему великие гении не могут иногда усвоить понятий, доступных самым обычным умам, и в то же время высказывают такие смелые идеи, которые большинству кажутся нелепыми. Дело в том, что большей впечатлительности соответствует и большая ограниченность мышления. Ум, находящийся под влиянием экстаза, не воспринимает слишком простых и легких положений, не соответствующих его мощной энергии. Так Монж, делавший самые сложные дифференциальные вычисления, затруднялся в извлечении квадратного корня, хотя эту задачу легко решил бы всякий ученик.

Хаген считает оригинальность именно тем качеством, которое резко отличает гений от таланта. Точно так же Юрген Мейер говорит: «Фантазия талантливого человека воспроизводит уже найденное, фантазия гения — совершенно новое. Первая делает открытия и подтверждает их, вторая изобретает и создает. Талантливый человек — это стрелок, попадающий в цель, которая кажется нам труднодостижимой; гений попадает в цель, которой даже и не видно для нас. Оригинальность — в натуре гения».

Беттинелли считает оригинальность и грандиозность главными отличительными признаками гения. «Потому-то, — говорит он, — поэты и назывались прежде *trovadori* (изобретатели)».

---

[1] Потеря болевой чувствительности.

Гений обладает способностью угадывать то, что ему не вполне известно: например, Гёте подробно описал Италию, еще не видевши ее. Именно вследствие такой прозорливости, возвышающейся над общим уровнем, и благодаря тому, что гений, поглощенный высшими соображениями, отличается от толпы в сверхпоступках или даже, подобно сумасшедшим (но в противоположность талантливым людям), обнаруживает склонность к беспорядочности, гениальные натуры встречают презрение со стороны большинства, которое, не замечая промежуточных пунктов в их творчестве, видит только разноречие сделанных ими выводов с общепризнанными и странности в их поведении. Еще не так давно публика освистала «Севильского цирюльника» Россини и «Фиделио» Бетховена, а в наше время той же участи подверглись Бойто («Мефистофель») и Вагнер. Сколько академиков с улыбкой сострадания отнеслись к бедному Марцоло, который открыл совершенно новую область филологии; Больяя, открывшего четвертое измерение и написавшего анти-Евклидову геометрию, называли геометром сумасшедших и сравнивали с мельником, который вздумал бы перемалывать камни для получения муки. Наконец, всем известно, каким недоверием были некогда встречены Фултон, Колумб, Папен, а в наше время Пиатти, Прага и Шлиман, который отыскал Илион там, где его и не подозревали, и, показав свое открытие ученым академикам, заставил умолкнуть их насмешки над собой*.

Кстати, самые жестокие преследования гениальным людям приходится испытывать именно от ученых академиков, которые в борьбе против гения, обусловливаемой тщеславием, пускают в ход свою «ученость», а также обаяние их авторитета, по преимуществу признаваемого за ними как обычными людьми, так и правящими классами, тоже по большей части состоящими из обычных людей.

Есть страны, где уровень образования очень низок и где поэтому с презрением относятся не только к гениальным, но даже к талантливым людям. В Италии есть два университетских города, из которых всевозможными преследованиями заставили удалиться людей, составлявших единственную славу этих городов. Но оригинальность, хотя почти всегда бесцельная, нередко замечается также в поступках людей помешанных, в особенности же в их сочинениях, которые только вследствие этого получают иногда оттенок гениальности, как, например, попытка Бернарда, находившегося во флорентийской больнице для умалишенных в 1529 году, доказать, что обезьяны обладают способностью членораздельной речи. Между прочим, гениальные люди отличаются наравне с помешанными и наклонностью к беспорядочности, и полным неведением практической жизни, которая кажется им такой ничтожной в сравнении с их мечтами.

Оригинальностью же обусловливается склонность гениальных и душевнобольных людей придумывать новые, непонятные для других слова или придавать известным словам особый смысл и значение, что мы находим у Вико, Карраро, Альфьери, Марцоло и Данте.

III. Влияние атмосферных явлений на гениальный людей и на помешанных

На основании целого ряда тщательных наблюдений, производившихся непрерывно в продолжение трех лет в моей клинике, я вполне убедился, что психическое состояние помешанных изменяется под влиянием колебаний барометра и термометра. Так, при повышении температуры до 25°, 30° и 32°, в особенности если оно происходит сразу, число маниакальных припадков у сумасшедших увеличивалось с 29 до 50; точно так же в те дни, когда барометр начинал резко колебаться и показывал максимум повышения, число припадков быстро увеличивалось с 34 до 46. Изучение 23 602 случаев сумасшествия доказало мне, что развитие умопомешательства совпадает обыкновенно с повышением температуры весной и летом и даже идет параллельно ему, но так, что весенняя жара, вследствие контраста после зимнего холода, действует еще сильнее летней, тогда как сравнительно ровная теплота августовских дней оказывает менее губительное влияние. В следующие же затем более холодные месяцы замечается минимум новых заболеваний. Прилагаемая таблица показывает это вполне наглядно.

	Помешанных	Тепла		Помешанных	Тепла
Июнь	2701	21°, 29	Октябрь	1637	12°, 77
Май	2642	16°, 75	Сентябрь	1604	19°, 00
Июль	2614	23°, 75	Декабрь	1529	1°, 01
Август	2261	21°, 92	Февраль	1490	5°, 73
Апрель	2237	16°, 12	Январь	1476	1°, 63
Март	1829	6°, 60	Ноябрь	1452	7°, 17

Полнейшая аналогия с этими явлениями замечается и в тех людях, которых — трудно сказать, благодетельная или жестокая — природа более щедро одарила умственными способностями. Редкие из этих людей не высказывали сами, что атмосферные явления производят на них громадное влияние. В своих личных сношениях и в письмах они постоянно жалуются на вредное действие на них изменений температуры, с которым они должны иногда выдерживать ожесточенную борьбу, чтобы уничтожить или смягчить роковое влияние дурной погоды, ослабляющей и задерживающей смелый полет их фантазии. «Когда я здоров и погода ясная, я чувствую себя порядочным человеком», — писал Монтень. «Во время сильных ветров мне кажется, что мозг у меня не в порядке», — говорил Дидро. Джордани, по словам Мантегацца, за два дня предсказывал грозы. Мэн Биран, философ-спиритуалист по преимуществу, пишет в своем дневнике: «Не понимаю, почему это в дурную погоду и ум, и воля у меня совершенно не те, как в ясные, светлые дни».

«Я уподобляюсь барометру, — писал Альфьери, — и большая или меньшая легкость работы всегда соответствует у меня атмосферному давлению, — полнейшая тупость нападает на меня во время сильных ветров, ясность мысли у меня бесконечно слабее вечером, нежели утром, а в середине зимы и лета творческие способности мои бывают живее, чем в остальные времена года. Такая зависимость от внешних влияний, против которых я почти не в силах бороться, смиряет меня».

Из этих примеров уже очевидно влияние колебаний барометра на гениальных людей, и большая аналогия в этом отношении между ними и помешанными; но еще заметнее, еще резче оказывается влияние температуры.

Наполеон, сказавший, что «человек есть продукт физических и нравственных условий», не мог выносить самого легкого ветра и до того любил тепло, что приказывал топить у себя в комнате даже в июле месяце. Кабинеты Вольтера и Бюффона отапливались во всякое время года. Руссо говорил, что солнечные лучи в летнюю пору вызывают в нем творческую деятельность, и он подставлял под них свою голову в самый полдень.

Байрон говорил о себе, что боится холода, точно газель. Гейне уверял, что он более способен писать стихи во Франции, чем в Германии с ее суровым климатом. «Гром гремит, идет снег, — пишет он в одном из своих писем, — в камине у меня мало огня, и письмо мое холодно».

Спалланцани, живя на Эолийских островах[1], мог заниматься вдвое больше, чем в туманной Павии. Леопарди в своем «Эпистоларио» говорит: «Мой организм не выносит холода, я жду и желаю наступления царства Ормузда»*.

Джусти писал весной: «Теперь вдохновение перестанет прятаться... если весна поможет мне, как и во всем остальном».

Джордани не мог сочинять иначе, как при ярком свете солнца и в теплую погоду.

Фосколо писал в ноябре: «Я постоянно держусь около камина (огня), и друзья мои над этим смеются; я стараюсь придать моим членам теплоту, которую поглощает и перерабатывает внутри себя мое сердце». В декабре он уже писал: «Мой природный недостаток — боязнь холода — заставил меня держаться вблизи огня, который жжет мне веки».

Мильтон уже в своих латинских элегиях сознается, что зимой его муза делается бесплодной. Вообще, он мог сочинять только от весеннего до осеннего равноденствия. В одном из своих писем он жалуется на холода в 1798 году и выражает опасение, как бы это не помешало свободному развитию его воображения, если холод будет продолжаться. Джонсону, который рассказывает об этом, можно доверять вполне, потому что сам он, лишенный фантазии и одаренный только спокойным, холодным критическим умом, никогда не испытывал влияния времен года или погоды на свою способность к труду и в Мильтоне считал подобные особенности результатом его стран-

[1] Древнее название Липарских островов.

ного характера. Сальваторе Роза, по словам леди Морган, смеялся в молодости над тем преувеличенным значением, какое будто бы оказывает погода на творчество гениальных людей, но, состарившись, оживлялся и получал способность мыслить лишь с наступлением весны; в последние годы жизни он мог заниматься живописью исключительно только летом.

Читая письма Шиллера к Гёте, изумляешься тому, что этот великий, гуманный и гениальный поэт приписывал погоде какое-то необыкновенное влияние на свои творческие способности. «В эти печальные дни, — писал он в ноябре 1871 года, — под этим свинцовым небом, мне необходима вся моя энергия, чтобы поддерживать в себе бодрость; приняться же за какой-нибудь серьезный труд я совершенно не способен. Я снова берусь за работу, но погода до того дурна, что нет возможности сохранить ясность мысли». В июле 1818 года он говорит, напротив: «Благодаря хорошей погоде я чувствую себя лучше, лирическое вдохновение, которое менее всякого другого подчиняется нашей воле, не замедлит явиться». Но в декабре того же года он снова жалуется, что необходимость окончить «Валленштейна» совпала с самым неблагоприятным временем года, «поэтому, — говорит он, — я должен употреблять всевозможные усилия, чтобы сохранить ясность мысли». В мае Шиллер писал: «Я надеюсь сделать много, если погода не изменится к худшему». Из всех этих примеров можно уже с некоторым основанием сделать тот вывод, что высокая температура, благоприятно действующая на растительность, способствует, за немногими исключениями, и продуктивности гения, подобно тому как она вызывает более сильное возбуждение в помешанных.

Если бы историки, исписавшие столько бумаги и потратившие столько времени на подробнейшее изображение жестоких битв или авантюристских предприятий, осуществленных королями и героями, если бы эти историки с такой же тщательностью исследовали достопамятную эпоху, когда было сделано то или другое великое открытие или когда было задумано замечательное произведение искусства, то они почти наверняка убедились бы, что наиболее знойные месяцы и дни оказываются самыми плодовитыми не только для всей физической природы, но также и для гениальных умов.

При всей кажущейся неправдоподобности такого влияния оно подтверждается множеством несомненных фактов. Данте сочинил свой первый сонет 15 июня 1282 года; весной 1300 года он написал «Новую жизнь», а 3 апреля начал писать свою великую поэму.

Петрарка задумал поэму «Африка» в марте 1338 года. Громадная картина Микеланджело, которую Челлини, самый компетентный судья в этой области, назвал удивительнейшим из произведений гениального живописца, была скомпонована и окончена в течение трех месяцев, с апреля по июль 1506 года*.

Мильтон задумал свою поэму весной*.

Галилей открыл кольцо Сатурна в апреле 1611 года.

Лучшие вещи Фосколо были написаны в июле и августе.

Стерн первую из своих проповедей написал в апреле, а в мае сочинил знаменитую проповедь о заблуждениях совести.

Новейшие поэты — Ламартин, Мюссе, Гюго, Беранже, Каркано, Алеарди, Маскерони, Занелла, Арканжели, Кардуччи, Милли, Белли — имели обыкновение обозначать почти на всех своих мелких лирических стихотворениях, когда именно каждое из них было сочинено. Пользуясь этими драгоценными указаниями, мы составили следующую таблицу.

Месяцы	Ламартин	В. Гюго	Мюссе и Беранже	Каркано, Арканжели, Занелла, Кардуччи, Маскерони, Алеарди	Милли	Белли	Байрон	Сумма
Январь	11	20	8	10	28	21	1	99
Февраль	6	25	6	11	16	13	1	78
Март	18	19	4	22	16	14	3	96
Апрель	9	46	1	11	35	16	1	122
Май	16	57	13	16	30	4	1	137
Июнь	5	52	3	11	25	7	3	106
Июль	9	38	9	14	24	2	—	96
Август	25	35	9	20	16	4	—	109
Сентябрь	16	38	4	26	17	17	1	119
Октябрь	5	40	3	12	12	5	3	80
Ноябрь	12	29	8	10	20	22	—	101
Декабрь	10	10	7	12	25	18	—	82

Распределяя по месяцам сочинения Альфьери, мы видим, что в августе он написал «Гарциа», в июле — «Марию Стюарт»; в мае — «Заговор сумасшедших», две книги «О тирании» и «О государе»; в июне «Виргинию», «Лорентино», «Альцеста» и «Панегирик Траяну»; в сентябре — «Софонисбу», «Ажиде», «Мирру» и 6 комедий; в марте — «Саула»; в апреле — «Антигону», в феврале — «Меропу»; зимой — обоих «Брутов» и диалог «О добродетели». Две первые трагедии его были задуманы в марте и мае.

Из автографов Джусти я мог с точностью определить время первоначального создания многих мелких поэм этого поэта, но когда именно они получили окончательную отделку — трудно сказать, до такой степени в них много поправок.

Стихотворение Джусти «Бал» (или «Современная демократия», как оно вначале называлось) было написано в ноябре, «Сатира на лжелибералов» — в октябре; маленькая поэма «К другу» — в июне, «*Ave Maria*» — в марте.

Вольтер написал «Танкреда» в августе.

Байрон окончил в сентябре 4-ю песню «Паломничества Чайльд Гарольда», в июне «Пророчество Данте», а летом в Швейцарии — «Шильонского узника», «Тьму» и «Сон».

Из переписки Шиллера с Гёте видно, что он осенью составил план трагедий «Дон Карлос», «Валленштейн», «Заговор Фиеско» и «Вильгельм Телль». В сентябре месяце были написаны им «Лагерь Валленштейна» и «Эстетические письма». Зимой он задумал трагедию «Луиза Миллер», в июне — «Коринфскую невесту», «Бога и баядерку», «Чародея», «Водолаза», «Перчатку», «Поликратов перстень», «Ивиковых журавлей»; в июне начал писать «Иоанну д'Арк».

Гёте набросал осенью три лирических стихотворения, в апреле начал писать «Вертера»; в мае — «Искателя кладов», «Строфы», «Миньону» и еще лирическое стихотворение; в июне и июле: «Челлини»; «Алексиса», «Эфрозину», «Метаморфозы растений» и «Парнас»; зимой: «Ксении», «Германа и Доротею», «Западно-восточный диван» и «Незаконную дочь». В первых числах марта 1788 года, когда, по словам самого Гёте, несколько дней значили для него больше целого месяца, он написал, кроме многих лирических пьес, еще и окончание к «Фаусту».

Россини в феврале сочинил почти всю оперу «Семирамида», а в ноябре написал последнюю часть «*Stabat Mater*».

Моцарт сочинил оперу «Митридат» в октябре.

Бетховен написал свою Девятую симфонию в феврале.

Доницетти в сентябре сочинил оперу «Лючия ди Ламмермур», может быть, и всю, но наверняка знаменитый отрывок «*Tu che a Dio spiegasti l'ale*». Точно так же осенью он написал оперу «Дочь полка», весной — «Линду ди Шамуни», летом — «*Rita*», зимой — «Дона Паскуале» и «*Miserere*».

Канова сделал модель своего первого произведения («Орфей и Эвридика») в октябре.

Микеланджело работал над своей картиной «Милосердие» с сентября по октябрь 1498 года, рисунок библиотеки он составил в декабре, а деревянную модель гробницы папы Юлия I — в августе.

Леонардо да Винчи задумал статую Франческо Сфорца и начал писал свое сочинение «О свете и тени» 23 апреля 1490 года.

Первая мысль об открытии Америки явилась у Колумба в конце мая и в начале июня 1474 года, когда он задумал отыскать западный путь в Индию.

Галилей открыл в апреле 1611 года, одновременно с Шейнером или, может быть, раньше его, пятна на Солнце; а годом раньше, в декабре или скорее в сентябре, — так как наблюдение было сделано три месяца раньше, чем появилось его описание, — он открыл аналогию между фазами Луны и Венеры. В мае 1609 года Галилей изобрел телескоп, а в июле 1610 года открыл те звезды, которые впоследствии оказались самыми светлыми точками в кольце Сатурна. Это последнее открытие он с обычным своим остроумием кратко выразил в стихе:

Aitissimum planetam tergeminum observavi[1].

Кеплер в мае 1618 года открыл законы движения мировых тел.

В августе 1546 года Фабрициус открыл первую периодически перемещающуюся звезду.

В октябре 1666 года и апреле 1667 года Кассини открыл пятна, указывающие на вращение Венеры, а в октябре, декабре и марте (1671—1684) — четыре спутника Сатурна. Еще два из них были открыты Гершелем в марте 1789 года.

Один из спутников Сатурна был открыт Гюйгенсом 25 марта 1655 года, а другой — Дове и Бондом в ночь на 19 сентября 1848 года.

Два спутника Урана были открыты в 1787 году Гершелем; он подозревал, что существует и третий спутник, который в октябре 1851 года был найден Струве и Ласселлом, открывшими 14 сентября этого года также и последний спутник Урана — Ариэль.

Спутники Нептуна Ласселл впервые увидел в ночь на 8 июля 1846 года.

Уран был открыт Гершелем в марте 1781 года. Тот же астроном наблюдал в апреле вулканы на Луне.

Брэдли открыл в сентябре 1728 года законы аберрации (кажущееся движение неподвижных звезд). Замечательно, что на это открытие навело его наблюдение колебаний вымпела (флюгера) при каждом повороте барки на Темзе.

Любопытные открытия Энке и Вико (1735—1738) относительно Сатурна были сделаны в марте и апреле.

Из комет, открытых Гамбаром, три он нашел в июле, две — в марте и мае и по одной — в январе, апреле, июне, августе, октябре и декабре.

Спутники Марса Холл открыл в августе 1877 года.

Общее число 175 мелких планет, открытых в продолжение 1877 года, и 247 комет, открытых до 1864 года, распределяется по месяцам:

	Мелкие планеты	Кометы
В январе	11	24
В феврале	10	10
В марте	13	24
В апреле	23	25
В мае	14	14
В июне	7	15
В июле	10	37
В августе	19	21
В сентябре	29	15
В октябре	18	22
В ноябре	18	22
В декабре	3	17
	175	247

[1] Наблюдал тройное лицо высочайшей планеты (*лат.*).

Открытие Скиапарелли относительно падающих звезд было сделано в августе 1866 года.

Из дневника Мальпиги видно, что в июле он сделал свое замечательное открытие, касающееся добавочных почек, а в июле — относительно скученных желез[1]. Любопытен тот факт, что у Мальпиги некоторые месяцы особенно богаты новыми работами: например, в 1688 и 1690 годах — январь, а в 1671 — июнь, в продолжение которого сделано 3 открытия. Первая мысль об устройстве барометра явилась у Торричелли в мае 1644 года, как это видно из его письма к Риччи от 11 июня; в марте того же года он сделал чрезвычайно важное для того времени открытие относительно лучшего способа приготовления стекол для телескопов.

Первые опыты Паскаля над равновесием жидкостей были произведены в сентябре 1645 года.

В марте 1752 года Франклин сделал первые опыты с громоотводами, которые, однако, устроил окончательно только в сентябре. Гёте говорит, что самые оригинальные идеи относительно теории цветов явились у него в мае; его прекрасные опыты над растениями были произведены в июне.

Алессандро Вольта изобрел свой электрический столб зимой 1800 года; мнение, будто это изобретение сделано весной, — ошибочно, так как 20 марта 1805 года Вольта только сообщил о нем Королевскому Обществу в Лондоне. Весной 1775 года был изобретен им электрофор. В первых числах ноября 1774 года он же сделал открытие относительно отделения водорода при брожении органических веществ и осенью 1776 года изобрел свой заряжающийся водородом пистолет, хотя биографы относят это изобретение к весне 1776 года. К этому же году относится изобретение эвдиометра, сделанное, по всей вероятности, весной, приблизительно в мае месяце. В апреле того же 1777 года Вольта написал профессору Барлетту знаменитое письмо (хранящееся в Ломбардском институте), где сделано предсказание относительно электрического телеграфа. Весной 1788 года он устроил свой электрометр-конденсатор, описание которого издал в августе.

Луиджи Бруньятелли изобрел искусство гальванопластики в ноябре 1806 года, как об этом свидетельствует письмо, найденное адвокатом Вольта в бумагах своего знаменитого предка; изобретение это приписывалось и Якоби, и Спенсеру, и Делла Риву, хотя они только усовершенствовали его в 1835 и 1840 годах.

Николсон открыл окисление металлов с помощью Вольтова столба летом 1800 года.

Первые работы Гальвани над действием атмосферного электричества на нервы холоднокровных животных были сделаны им, как он сам писал, 26 ап-

[1] Так называются железы, состоящие из собрания лимфатических клеток, не имеющих общей оболочки. Они расположены под слизистой оболочкой кишок и полости рта.

реля 1776 года. В сентябре 1786 года он произвел первые опыты над судорожными сокращениями лягушек без посредства постоянного электрического источника, с помощью одного только металлического проводника, откуда и получила начало теория гальванизма. В ноябре 1780 года Гальвани приступил к опытам над сокращениями лягушек посредством электричества.

Из рукописей Лагранжа видно, что первое представление о вариационном вычислении явилось у него 12 июня 1755 года и что «Аналитическую механику» он задумал 19 мая 1756 года. Решение задачи о вибрирующих струнах он нашел в ноябре 1759 года.

Рассматривая рукописи Спалланцани, которые частью мне удалось достать в подлиннике из общественной библиотеки Реджо, и пользуясь сделанными для меня из них профессором Тамбурини выписками, я пришел к заключению, что опыты Спалланцани над плесенью были начаты 26 сентября 1770 года. 8 мая 1780 года он предпринял, говоря его собственными словами, «изучение животных, цепенеющих на холоде», а в 1776 году, в апреле или мае, нашел в самках зародыши, ранее оплодотворенные (партеногенез). Позднее 2 апреля 1780 года является самым богатым днем в его жизни по части опытов или дедукций относительно овуляции. «Я убедился, — собственноручно написал в этот день Спалланцани, после того как сделал 43 опыта, — что семя получает способность оплодотворения через известный промежуток времени после своего выхода, что слизь половых органов может оплодотворять точно так же, как и семя, и что вино и уксус мешают оплодотворению».

7 мая 1780 года он сделал открытие, что для оплодотворения достаточно бесконечно малого количества семени.

Судя по одному письму Спалланцани к Бонне, можно думать, что весной 1771 года у него явилась мысль изучить влияние сокращений сердца на кровообращение, а в мае 1781 года в записной книжке его был намечен план 161 нового опыта над искусственным оплодотворением лягушек.

Из рукописей Лейбница видно, что 29 октября 1675 года он впервые употребил знак интеграла вместо принятого в то время обозначения Кавальери.

Из письма Гумбольдта к Варнгагену видно, что предисловие к «Космосу» начато им в октябре.

8 декабре Дэви открыл йод, а в апреле 1799 года выполнил опыты над действием закиси азота.

В ноябре 1796 года Гумбольдт произвел свои первые наблюдения над электрическим угрем, а в марте 1793 года — опыты над раздражительностью органической ткани.

В июле 1801 года Гей-Люссак открыл фтористые соединения в костном остове рыб и тогда же окончил анализ квасцов.

В сентябре 1876 года Джексон употребил серный эфир для приведения больных в бесчувственное состояние при хирургических операциях.

В октябре 1840 года Армстронг изобрел первую гидроэлектрическую машину.

Матеуччи сделал в июле 1830 года первые опыты над гальваноскопией лягушек, весной 1836 года — над электрическими скатами, в июле 1837-го — над электровозбудимостью мускулов, в мае 1835 года — над разложением кислот; в мае 1837 года он исследовал роль электричества в метеорологических явлениях, а в июне 1833 года — влияние теплоты на электричество и магнетизм.

Если у читателя достало терпения просмотреть этот длинный список различных открытий, то он мог убедиться, что у многих великих людей была как бы своя специальная хронология, т. е. свои излюбленные месяцы и времена года, в которые они преимущественно обнаруживали склонность делать наибольшее число наблюдений или открытий и создавать лучшие художественные произведения. Так, у Спалланцани эта склонность проявлялась весной, у Джусти и Арканжели — в марте, у Ламартина — в августе, у Каркано, Байрона и Альфьери — в сентябре, у Мальпиги и Шиллера — в июне и июле, у Гюго — в мае, у Беранже — в январе, у Белли — в ноябре, у Милли — в апреле, у Вольта — в конце ноября и в начале декабря, у Гальвани — в апреле, у Гамбара — в июле, у Петерса — в августе, у Лютера — в марте и в апреле, у Уотсона — в сентябре.

Вообще самые разнообразные произведения гениальных людей — литературные (эстетические), поэтические, музыкальные, скульптурные, а также научные открытия, время создания которых нам удалось узнать с точностью, можно подвести под своего рода хронологию, составив из них как бы календарь духовного мира, как это видно из следующей таблицы:

Месяцы	Произведения по части изящных искусств и литературы	Открытия в области астрономии	Изобретения в области физики, химии и математики	Сумма
Январь	101	37	—	138
Февраль	82	21	1	104
Март	103	45	4	152
Апрель	134	52	5	191
Май	149	35	9	193
Июнь	125	24	4	153
Июль	105	52	5	162
Август	113	42	—	155
Сентябрь	138	47	5	190
Октябрь	83	45	4	132
Ноябрь	103	42	5	150
Декабрь	86	27	2	115

Из этой таблицы мы видим, что для художественного творчества наиболее благоприятным месяцем оказывается май, за ним следуют сентябрь и

апрель, тогда как наименее производительными месяцами были февраль, октябрь и декабрь. То же самое заметно отчасти и по отношению к астрономическим открытиям, только для последних преобладающее значение имеют апрель и июль. Открытия в точных науках, как наибольшее число эстетических работ, а вследствие того и общее число всех произведений преобладают точно так же в мае, апреле и сентябре, т. е. в течение не особенно жарких месяцев, когда барометрические колебания более часты сравнительно с самыми жаркими и холодными месяцами.

Сгруппировав эти числа по временам года, что даст нам возможность воспользоваться еще некоторыми другими данными относительно работ, сделанных неизвестно в каком именно месяце, мы увидим, что максимум художественных и литературных произведений приходится:

На весну, а именно	387
Затем следует лето	346
И осень	335
Тогда как минимум бывает зимой	280

Подобным же образом из великих открытий в области физики, химии и математики:

Наибольшее число было сделано весной, а именно	21
Несколько меньшее осенью	15
Значительно меньшее летом	9
И наконец, самое ничтожное число зимой	5

Астрономические открытия, которые мы отделили от предыдущих на том основании, что время, когда они сделаны, известно с большей точностью (что особенно важно для нашей цели), точно так же распределяются неравномерно по временам года:

Осенью их сделано	135
Весной	131
Но зимой значительно меньше	83
И опять несколько больше летом	120

Взяв же общее число 1867 великих произведений, мы найдем, что значительно большая часть их приходится на весну (539) и осень (485), тогда как летом число их падает до 475 и зимой — до 368.

Преобладание умеренно теплых месяцев здесь вполне очевидно и выражается не только количественно, но даже качественно, хотя в этом смысле еще нельзя сделать вполне точный вывод вследствие малочисленности данных. Несомненно, однако, что именно в весенние месяцы совершилось открытие Америки и были изобретены гальванизм, барометр, телескоп и гро-

моотвод; весной же Микеланджело задумал свою знаменитую картину, Данте начал писать «Божественную комедию», Леонардо — трактат «О тенях и свете», Гёте — своего «Фауста», Кеплер открыл законы движения небесных тел, а Мильтон задумал свою поэму «Потерянный рай».

Прибавлю еще, что в тех немногих случаях, когда создания великих людей можно проследить почти день за днем, деятельность их зимой постоянно оказывается усиленной в более теплые дни и ослабевающей — в холодные.

Я предвижу, какую массу опровержений вызовут мои обобщения: мне укажут на малочисленность данных и на недостаточную их достоверность, меня укорят за попытку ввести в узкую область статистики и поставить рядом высокие проявления умственного творчества, по-видимому, всего менее поддающиеся логике цифр и не допускающие сравнения между собой. В особенности же не понравится моя попытка последователям той школы, которая думает ограничиться в статистике одним только употреблением крупных цифр, часто предпочитая их количество качеству, и *a priori* не допускает пользования ими для каких бы то ни было выводов, забывая, что цифры, в сущности, те же факты, поддающиеся синтезу, подобно всем другим фактам, и что эти цифры, не имея сами по себе никакого значения, не представляли бы ни малейшего интереса, если бы мыслители не пользовались ими для своих обобщений или выводов.

Относительно малочисленности данных я замечу, что при всей недостаточности приведенных мной 1867 фактов они все-таки убедительнее простых гипотез или признаний отдельных авторов — признаний, которым, однако, эти факты нисколько не противоречат и поэтому могут служить если не для неоспоримых, то, по крайней мере, для приблизительных выводов. Кроме того, они могут вызвать ряд новых, более красноречивых психометеорологических наблюдений, хотя гениальные произведения не настолько многочисленны, чтобы ими легко было наполнить большие таблицы.

С другой стороны, я вполне согласен с тем, что хронологическое совпадение многих явлений обусловливается случайными обстоятельствами, повидимому, не имеющими ничего общего с нашим психическим состоянием. Так, например, натуралистам всего удобнее производить свои опыты и наблюдения в теплые месяцы. Поэтому обилие открытий, делаемых весной и осенью, является в значительной степени следствием большей равномерности в распределении дней и ночей, большей ясности погоды и отсутствия как изнурительного зноя, так и сильного холода.

Точно так же нельзя не убедиться, что все эти обстоятельства не оказывают безусловного влияния на творческую деятельность. Это видно, например, из того, что хотя у анатомов никогда не бывает недостатка в трупах и работать над ними особенно удобно в зимние холода, тем не менее открытия в этой области делаются преимущественно в теплое время года. Наоборот, длинные, ясные зимние ночи (во время которых всего менее сказывается влияние рефракции) и теплые летние ночи должны бы особенно бла-

гоприятствовать астрономическим наблюдениям, а между тем максимум их бывает весной и осенью.

Наконец, кому не известно, что благодаря статистическим исследованиям значение случайных обстоятельств оказывается ничтожным даже в таких явлениях, как смерть, самоубийство и рождение? Замечаемую в них правильность можно объяснить только влиянием одной общей причины, которая заключается не в чем ином, как в метеорологических факторах.

Далее я позволил себе соединить в одну группу художественные произведения и естественнонаучные открытия на том основании, что для тех и других одинаково необходим тот момент психического возбуждения и усиленной чувствительности, который сближает между собой самые отдаленные или разнородные факты и придает им жизнь; вообще тот оплодотворяющий момент, справедливо называемый творческим, когда натуралист и поэт стоят гораздо ближе один к другому, чем это казалось бы с первого взгляда. И в самом деле, какая смелая, богатая фантазия, какое творческое воображение проявляются в опытах Спалланцани, в первых работах Гершеля или в двух великих открытиях Скиапарелли и Леверье, сделанных сначала на основании гипотез и впоследствии с помощью вычислений и новых наблюдений превратившихся в аксиомы! Литтров, говоря об открытии Весты, замечает, что оно было сделано не вследствие одной случайности или исключительно только гениального ума, но благодаря гению, которому благоприятствовал случай. Открытую Пиацци звезду гораздо раньше его видел Зах, но он не обратил на нее внимания, потому ли, что был менее гениален, чем Пиацци, или потому, что в эту минуту не обладал такой прозорливостью, как он. Для открытия солнечных пятен не требовалось, по словам Секки, ничего, кроме времени, терпения и удачи, но, чтобы создать верную теорию этого явления, необходим был истинный гений. «Сколько ученых-физиков, переезжая через реку, наблюдали колебание вымпела на барке, и, однако же, вывести из этого законы аберрации удалось только одному Брэдли!» — говорит Араго. А сколько людей, — прибавлю я, — видели типичные фигуры носильщиков, и все-таки Иуду не создал никто, кроме Леонардо, как никто из видевших апельсины не написал каватины, за исключением Моцарта.

Более серьезным можно считать то возражение, что почти все произведения великих умов, и в особенности современные открытия в физике, являются не результатом мгновенного вдохновения, а скорее следствием целого ряда непрерывных и медленных изысканий со стороны живших в прежнее время ученых, так что новейший изобретатель есть, в сущности, только компилятор, к трудам которого неприменима хронология, так как приведенные нами числа определяют скорее время окончания того или другого произведения, чем тот момент, когда оно было задумано. Но такого рода возражения относятся не исключительно только к нашей задаче: под ту же категорию можно подвести и почти все остальные проявления человеческой деятельности, даже наименее произвольные. Оплодотворение, например, и то зависит

от хорошего питания организма и от наследственности; самая смерть и сумасшествие лишь, по-видимому, обусловливаются непосредственными или случайными причинами, но в сущности они находятся в полнейшей зависимости, с одной стороны, от атмосферных явлений, а с другой — от органических условий; во многих случаях можно сказать, что смерть и сумасшествие бывают подготовлены заранее, и время наступления их с точностью обозначено в момент самого рождения индивида.

IV. Влияние метеорологических явлений на рождение гениальных людей

Убедившись в громадном влиянии метеорологических явлений на творческую деятельность гениальных людей, мы легко поймем, что и на рождение их климат и строение почвы должны также оказывать могущественное действие.

Несомненно, что раса (например, в латинской и греческой расе больше великих людей, чем в других)*, политические движения, свобода мысли и слова, богатство страны, наконец, близость литературных центров — все это оказывает большое влияние на появление гениальных людей, но несомненно также, что не меньшее значение имеют в этом отношении температура и климат.

Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть и сравнить отчеты о рекрутских наборах в Италии за последние годы. Из этих отчетов видно, что к областям, дающим, очевидно, благодаря своему прекрасному климату, хотя и независимо от влияния национальности, наибольшее число солдат высокого роста и наименьший процент бракованных, принадлежат именно те, в которых всегда было много даровитых людей, как, например, Тоскана, Лигурия и Романья.

Напротив, в тех провинциях, где процент молодых людей высокого роста, годных к военной службе, меньше, — Сардиния, Базиликата и Аостская долина — число гениальных личностей заметно понижается. Исключение составляют лишь Калабрия и Вальтеллина, где даровитые люди нередки, несмотря на низкий рост большинства населения, но это замечается только в местностях, открытых с юга или лежащих на возвышенности, вследствие чего там не развиваются ни кретинизм, ни малярия, так что этот факт нисколько не противоречит высказанному нами положению.

Уже издавна замечено было как простонародьем, так и учеными, что в гористых странах с теплым климатом особенно много бывает гениальных людей. Народная тосканская поговорка гласит: «У горцев ноги толстые, а мозги нежные». Вегеций* писал: «Климат влияет не только на физическое, но и на душевное здоровье; Минерва избрала своим местопребыванием город Афины за его благорастворенный воздух, вследствие чего там родятся

мудрецы». Цицерон тоже не раз упоминает о том, что в Афинах благодаря теплому климату родятся умные люди, а в Фивах, где климат суровый, — глупые. Петрарка в своем «*Epistolario*», составляющем нечто вроде автобиографии этого поэта, постоянно указывает на то, что лучшие из его произведений были написаны или по крайней мере задуманы посреди излюбленных им прелестных холмов Валь-Киуза. По свидетельству Вазари, Микеланджело говорил ему: «Если мне удалось создать что-нибудь действительно хорошее, то я обязан этим чудному воздуху вашего родного Ареццо». Муратори писал одному итальянцу: «Воздух у нас удивительный, и я уверен, что именно благодаря ему в нашей стране столько замечательно даровитых людей». Маколей говорит, что Шотландия, одна из беднейших стран Европы, занимает в ней первое место по числу ученых и писателей; ей принадлежат: Беда Достопочтенный, Майкл Скотт, Непер — изобретатель логарифмов, затем Бьюкенен, Вальтер Скотт, Байрон, Джонсон и отчасти Ньютон.

Без сомнения, именно в этом влиянии атмосферных явлений следует искать объяснения того факта, что в горах Тосканы, преимущественно в провинции Пистоя, между пастухами и крестьянами встречается столько поэтов и в особенности импровизаторов, в том числе есть даже и женщины, как, например, пастушка, о которой говорит Джульяни в своем сочинении «О языке, на котором говорят в Тоскане», или необыкновенная семья Фредиани, где и дед, и отец, и сыновья — все поэты. Один из членов этой семьи жив еще до сих пор и сочиняет стихи не хуже великих тосканских поэтов прежнего времени. Между тем крестьяне той же национальности, живущие на равнинах, не отличаются, насколько мне известно, такими талантами.

Во всех низменных странах, как, например, в Бельгии и Голландии, а также в окруженных слишком высокими горами местностях, где вследствие этого развиваются местные болезни — зоб и кретинизм, как, например, в Швейцарии и Савойе, — гениальные люди чрезвычайно редки, но еще меньше бывает их в странах сырых и болотистых. Немногие гении, которыми гордится Швейцария, — Бонне, Руссо, Троншен, Тиссо, Де Кандоль и Бурламаки — родились от французских или итальянских эмигрантов, т. е. при таких условиях, когда раса могла парализовать влияние местных неблагоприятных условий.

Урбино, Пезаро, Форли, Комо, Парма дали больше знаменитых гениальных людей, чем Пиза, Падуя и Павия — древнейшие из университетских городов Италии, где, однако, не было ни Рафаэля, ни Браманте, ни Россини, ни Морганьи, ни Спалланцани, ни Муратори, ни Фаллопия, ни Вольта — уроженцев пяти первых городов.

Переходя затем от общих к более частным примерам, мы убедимся, что Флоренция, где климат очень мягок, а почва чрезвычайно холмиста, доставила Италии самую блестящую плеяду великих людей. Данте, Джотто, Макиавелли, Люлли, Леонардо, Брунеллески, Гвиччардини, Челлини, Беато Анджелико, Андреа дель Сарто, Николини, Каппони, Веспуччи, Вивиани,

Боккаччо, Альберти и Донати — вот главные имена, которыми имеет право гордиться этот город.

Напротив, Пиза, находящаяся в научном отношении, как университетский город, в не менее благоприятных условиях, чем Флоренция, дала сравнительно с нею даже значительно меньшее число выдающихся генералов и политиков, что и было причиной ее падения, несмотря на помощь сильных союзников. Из великих же людей Пизе принадлежат только Никколо Пизано, Джунта и Галилей, родители которого были, однако, флорентийцы. А между тем Пиза отличается от Флоренции единственно своим низменным местоположением.

Наконец, какое богатство гениальными людьми представляет гористая провинция Ареццо, где родились Микеланджело, Петрарка, Гвидо Рени, Реди, Вазари и трое Аретино. Далее, сколько даровитых личностей были родом из Асти (Альфьери, Оджеро, С. Бруноне, Белли, Натта, Гвальтиери, Котта, Солари, Алионе, Джорджо и Вентура) и раскинувшегося на холмах Турина (Роланд, Калуза, Джоберти, Бальбо, Беретта, Марокетти, Лагранж, Божино и Кавур).

В гористых частях Ломбардии и в приозерных местностях Бергамо, Бреши и Комо число великих людей точно так же гораздо значительнее, чем в низменных. В первых мы встречаем имена Тассо, Маскерони, Доницетти, Тартальи, Угони, Вольта, Парини, Анпиани, Маи, Плиния, Каньолы и других, тогда как в низменной Ломбардии едва можно насчитать шесть таких имен — Альчиато, Беккариа, Ориани, Кавальери, Азелли и Бокаччини. Холмистая Верона произвела Маффеи, Паоло Веронезе, Катулла, Фракасторо, Бьянкини, Саммикепли, Тирабоски, Лорнья, Пиндемонте; богатая же и ученейшая Падуя, лишь кое-где представляющая несколько освещенных солнцем холмов, дала Италии только Тита Ливия, Чезаротти, Петра д'Абано и немногих других.

Если низменная область Реджо может похвалиться такими знаменитостями из своих уроженцев, как Спалланцани, Ариосто, Корреджо, Секки, Нобили, Валлиснери, Божардо, то она отчасти обязана этим встречающимся в ней озаренным солнцем холмам; трое последних из этой плеяды родились именно в холмистом Скандиано; Генуя и Неаполь, находящиеся в особенно благоприятных условиях (теплый климат, близость моря и гористое местоположение), могут быть поставлены наравне с Флоренцией если не по числу своих гениальных уроженцев, то по их значению; здесь родились Колумб, Дориа, Вико, Караччоло, Перголезе, Дженовези, Чирило, Филанджери и прочие.

Далее интересно проследить, какое влияние оказывает умеренно теплый климат, особенно если к нему присоединяются еще и национальные качества, на развитие музыкальных талантов. Просматривая сочинение Клемана «Знаменитые музыканты» (1868), я нашел, что из 110 великих композиторов 36, т. е. более трети, принадлежит Италии и что 19 или более по-

ловины этих последних — уроженцы Сицилии (Скарлатти, Пачини, Беллини) и Неаполя с его окрестностями. Такое явление, очевидно, обусловливается влиянием греческой расы и теплого климата. К неаполитанцам принадлежат Жомелли, Страделла, Пиччинни, Лео, Дуни, Саккини, Карафа, Паизиелло, Чимароза, Цингарелли, Меркаданте, Траэтта, Дуранте, двое Риччи и Петрелла. Из остальных 17 музыкантов лишь немногие могут считать своей родиной Верхнюю Италию: Доницетти, Верди, Аллегри, Фрескобальди, двое Монтеверди, Сальери, Марчелло и Паганини. Последние трое — уроженцы приморских местностей; все же остальные родом из Центральной Италии, в Риме родились Палестрина и Клементи, в Перудже и Флоренции — Спонтини, Люлли, Перголези.

Громадное значение климата и почвы сказывается не только по отношению к выдающимся артистам во всех родах искусства, но даже и по отношению к наименее знаменитым из них. Я убедился в этом, составив при содействии почтенного профессора Кунье карту Италии с указанием распространения в ней живописцев, скульпторов и музыкантов за два последних столетия, причем с удивительной правильностью выразилось преобладающее число художников в гористых, жарких провинциях Средней Италии, каковы Флоренция и Болонья, и приморских — Венеция, Неаполь, Генуя.

Косвенное влияние окружающей природы на рождение гениальных людей представляет некоторую аналогию с влиянием ее на развитие умопомешательства.

Общеизвестный факт, что в гористых странах жители более подвержены сумасшествию, чем в низменных, подтвержден вполне психиатрической статистикой. Кроме того, новейшие наблюдения доказывают, что эпидемическое безумие встречается гораздо чаще в горах, чем в долинах. Припомните возникшие уже в недавние годы и на наших глазах психические эпидемии в Монте-Амиата, в Буска и Черногории. Не следует также забывать, что холмы Иудеи были колыбелью многих пророков и что в горах Шотландии появились люди, одаренные ясновидением; те и другие принадлежат к числу гениальных безумцев и полупомешанных прорицателей.

V. Влияние расы и наследственности на гениальность и помешательство

Аналогичность влияния атмосферных явлений на гениальных людей и на помешанных будет еще заметнее, если мы рассмотрим ее вместе с влиянием расы. Прекрасный пример в этом отношении представляют нам евреи.

В своих монографиях «Белый человек – цветной человек» и «*Pensiero e Meteore*» я уже указал на тот факт, что вследствие испытанных евреями в Средние века жестоких преследований (результатом чего явились истребления слабых индивидов, т. е. своего рода отбор), а также вследствие умеренного

климата европейские евреи достигли такой степени умственного развития, что, пожалуй, даже опередили арийское племя, тогда как в Африке и на Востоке они остались на том же низком уровне культуры, как и остальные семиты. Кроме того, статистические данные показывают, что среди евреев даже более распространено общее образование, чем среди других наций[1], что они занимают выдающееся положение не только в торговле, но и во многих других родах деятельности, например, в музыке, журналистике, литературе, особенно сатирической и юмористической, и в некоторых отраслях медицины. Так, в музыке евреям принадлежат такие гении, как Мейербер, Галеви, Гузиков, Мендельсон и Оффенбах; в юмористической литературе: Гейне, Сафир, Камерини, Ревере, Калисс, Якобсон, Юнг, Вейль, Фортис и Гозлан; в изящной словесности: Ауэрбах, Комперт и Агиляр; в лингвистике: Асколи, Мунк, Фиорентино, Луццато и другие; в медицине: Валентин, Герман, Гайденгайн, Шифф, Каспер, Гиршфельд, Штиллинг, Глугер, Лауренс, Траубе, Френкель, Кун, Конгейм и Гирш; в философии: Спиноза, Зоммергаузен и Мендельсон, а в социологии Лассаль и Маркс. Даже в математике, к которой семиты вообще мало способны, можно указать из числа евреев на таких выдающихся специалистов, как Гольдшмидт, Беер и Маркус.

Следует еще заметить, что почти все гениальные люди еврейского происхождения обнаруживали большую склонность к созданию новых систем, к изменению социального строя общества; в политических науках они являлись революционерами, в теологии — основателями новых вероучений, так что евреям, в сущности, обязаны если не своим происхождением, то по крайней мере своим развитием, с одной стороны, нигилизм и социализм, а с другой — христианство, точно так же как в торговле они первые ввели векселя, в философии — позитивизм, а в литературе — новое юмористическое направление. И в то же время именно среди евреев встречаются вчетверо и даже впятеро больше помешанных, чем среди их сограждан, принадлежащих к другим национальностям.

Известный ученый Серви вычислил, что в Италии в 1869 году один сумасшедший приходился на 391 еврея, т. е. почти вчетверо больше, чем среди католиков. То же самое подтвердил в 1869 году Верга, по вычислениям которого, процент помешанных между евреями оказался еще значительнее. Так,

среди	католиков	приходится 1 сумасшедший на	1775 человек
»	протестантов	»	1725 человек
»	евреев	»	384 человек

Тиггес, изучивший более 3100 душевнобольных, говорит в своей статистике помешательства в Вестфалии, что оно распространяется среди ее населения в такой пропорции:

[1] В 1861 году в Италии было 645 человек неграмотных на 1000 католиков и только 58 — на тысячу евреев.

От 1 до 8 на	7000 жителей	между евреями	
От 1 до 11 на	14 000	»	католиками
От 1 до 13 на	14 000	»	лютеранами

Наконец, для 1871 года Майер нашел число помешанных:

В Пруссии	8,7	на	40 000 христиан	и 14,1	на	10 000 евреев
В Баварии	9,8		»	25,2		»
Во всей Германии	8,6		»	16,1		»

Как видите, это — поразительно большая пропорция, особенно если принять во внимание, что хотя в еврейском населении и много стариков, чаще всего подвергающихся помешательству от старости, но зато чрезвычайно мало алкоголиков.

Такая роковая привилегия еврейской расы осталась, однако, незамеченной со стороны антисемитов, составляющих язву современной Германии. Если бы они обратили внимание на этот факт, то, конечно, не стали бы так негодовать на успехи, делаемые несчастной еврейской расой, и поняли бы, как дорого приходится евреям расплачиваться за свое умственное превосходство даже в наше время, не говоря уже о бедствиях, испытанных ими в прошлом. Впрочем, вряд ли евреи были более несчастливы, чем теперь, когда они подвергаются преследованиям именно за то, что составляет их славу.

Значение расы в развитии гениальности, а также и помешательства видно из того, что как то, так и другое почти совершенно не зависит от воспитания, тогда как наследственность оказывает на них громадное влияние.

«Посредством воспитания можно заставить плясать медведей, — говорит Гельвеций, — но нельзя выработать гениального человека».

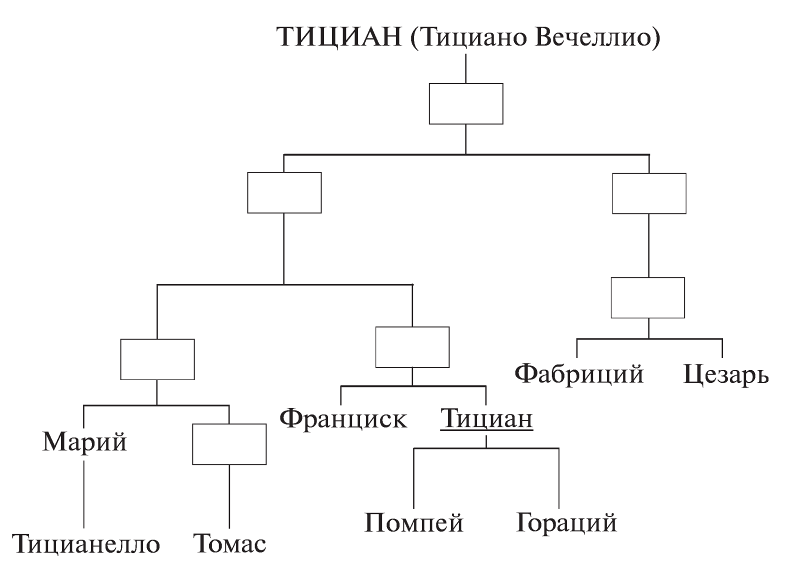
Несомненно, что помешательство лишь в редких случаях является следствием дурного воспитания, тогда как влияние наследственности в этом случае так велико, что доходит до 88 на 100, по вычислениям Тиггеса, и до 85 на 100, по вычислениям Гольджи. Что же касается гениальности, то Гальтон и Рибо считают ее всего чаще результатом наследственных способностей, особенно в музыкальном искусстве, дающем такой громадный процент помешанных. Так, среди музыкантов замечательными дарованиями отличались сыновья Палестрины, Бенды, Дюссека, Гиллера, Моцарта, Эйхгорна; семейство Бахов дало 8 поколений музыкантов, из которых 57 человек пользовались известностью.

Между живописцами мы встречаем наследственные таланты у фон дер Вельда, Ван Эйка, Мурильо, Веронезе, Беллини, Карраччи, Корреджо, Мириса, Бассано, Тинторетто, а также в семье Кальяри, состоявшей из дяди, отца и сына, и особенно в семье Тициана, давшей целый ряд живописцев, как это видно из приложенной ниже родословной таблицы.

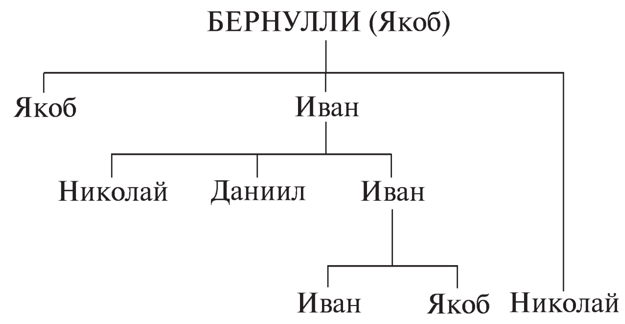
Между поэтами можно указать на Эсхила, у которого два сына и племянники были также поэты; Свифта — племянника Драйдена; Лукана —

племянника Сенеки, Торквато Тассо — сына Бернардо; Ариосто, брат и племянник которого были поэты; Аристофана с двумя сыновьями, тоже писавшими комедии; Корнеля, Расина, Софокла, Кольриджа, сыновья и племянники которых обладали поэтическим талантом.

Из натуралистов составили себе известность члены семейств: Дарвина, Эйлера, Декандоля, Гука, Гершеля, Жюсье, Жоффруа, Сен-Илера. Сыновья самого Аристотеля (отец которого был ученый-медик), Никомах и Каллисфен, а также племянники его известны своей ученостью.

Сын астронома Кассини был тоже знаменитым астрономом, племянник его 22-х лет уже сделался членом Академии наук, внучатый племянник — директором обсерватории, а правнучатый племянник составил себе известность как натуралист и филолог. Затем вот генеалогическая таблица Бернулли начиная с

Все они составили себе имя в той или другой отрасли естественных наук. Еще в 1829 году один из Бернулли был известен как химик, а в 1863 году

умер другой член той же семьи — Христофор Бернулли, занимавший должность профессора естественных наук в Базеле.

Гальтон, часто смешивающий талантливость с гениальностью (недостаток, от которого и я не всегда мог отделаться), говорит в своем прекрасном исследовании, что шансы родственников знаменитых людей, сделавшихся или имеющих сделаться выдающимися, относятся как 15,5:100 — для отцов; 13,5:100 — для братьев; 24:100 — для сыновей. Или же, если придать этим, равно как и остальным, отношениям более удобную форму, мы получим следующие результаты.

В первой степени родства: шансы отца — 1:6; шансы каждого брата — 1:7; каждого сына — 1:4. Во второй степени: шансы каждого деда — 1:25, каждого дяди — 1:40, каждого внука — 1:29. В третьей степени: шансы каждого члена приблизительно 1:200, за исключением двоюродных братьев, для которых — 1:100.

Это значит, что из шести случаев в одном отец знаменитого человека есть, вероятно, и сам человек выдающийся, в одном случае из семи брат знаменитого человека также отличается выдающимися способностями, в одном случае из четырех сын наследует выдающиеся над общим уровнем свойства отца и т. д.

Впрочем, цифры эти, в свою очередь, сильно изменяются, смотря по тому, применяем ли мы их к гениальным артистам, дипломатам, воинам и прочим. Тем не менее даже эти громадные цифры не могут дать нам новых доказательств в пользу полной аналогии между влиянием наследственности на развитие гениальности и помешательства, потому что последнее проявляется, к сожалению, с гораздо большей силой и напряженностью, чем первое (как 48:80). Далее, хотя закон, выведенный Гальтоном, вполне верен относительно судей и государственных людей, но зато под него совсем не подходят артисты и поэты, у которых влияние наследственности с чрезвычайной силой отражается на братьях, сыновьях и в особенности на племянниках, тогда как в дедах и дядях оно менее заметно. Вообще это влияние сказывается в передаче помешательства вдвое сильнее и напряженнее, чем в передаче гениальных способностей, и притом почти в одинаковой степени для обоих полов, тогда как у гениев наследственные черты переходят к потомкам мужского пола в пропорции 70:30 сравнительно с потомками женского пола. Далее, большинство гениальных людей не передают свои качества потомкам еще и потому, что остаются бездетными[1] вследствие вырождения, подобно тому как мы видим это в аристократических семействах[2].

[1] Шопенгауэр, Декарт, Лейбниц, Мальбранш, Конт, Кант, Спиноза, Микеланджело, Ньютон, Фосколо, Альфьери, Лассаль, Гоголь, Лермонтов, Тургенев остались холостыми, а из женатых многие великие люди были несчастливы в супружестве, например, Сократ, Шекспир, Данте, Байрон, Мароцло.

[2] Гальтон сам указывает на то, что из числа 31 пэра, возведенного в это достоинство в конце царствования Георга IV, 12 фамилий прекратились совершенно, и пре-

Наконец, за немногими исключениями, вроде фамилий Дарвина, Бернулли, Кассини, Сен-Илера и Гершеля, какую ничтожную часть своих дарований и талантов передавали обыкновенно гениальные люди своим потомкам и как еще преувеличивались эти дарования благодаря обаянию имени славного предка! Что значит, например, Тицианелло в сравнении с Тицианом, какой-нибудь Никомах — с Аристотелем, Гораций Ариосто — с его дядей, великим поэтом, или скромный профессор Христофор Бернулли рядом с его знаменитым предком Якобом Бернулли!

Помешательство, напротив, всего чаще передается по наследству все, целиком... Мало того, оно как будто даже усиливается с каждым новым поколением. Случаи наследственного умопомешательства у всех сыновей и племянников — нередко в той самой форме, как у отца или дяди, — встречаются на каждом шагу. Так, например, все потомки одного знатного гамбуржца, причисляемого к великим военным гениям, сходили с ума по достижении ими 40-летнего возраста; наконец в живых остался только один член этой несчастной семьи, состоявший на государственной службе, и сенат запретил ему жениться. В 40 лет он тоже помешался. Рибо рассказывает, что в коннектикутскую больницу для умалишенных последовательно поступали 11 членов одной и той же семьи.

Затем вот еще история семьи одного часовщика, сошедшего с ума вследствие ужасов революции 1789 года и потом выздоровевшего: сам он отравился, дочь его помешалась и окончательно сошла с ума, один брат вонзил себе нож в живот, другой начал пить и умер от белой горячки, третий перестал принимать пищу и умер от истощения; у здоровой сестры его один сын был помешанный и эпилептик, другой не брал груди, двое маленьких умерли от воспаления мозга, и дочь, тоже страдавшая умопомешательством, отказалась принимать пищу.

Наконец, самое неоспоримое доказательство в пользу нашей теории представляет прилагаемое родословное дерево семьи Берти, давшей несравненно большее число помешанных, чем семья знаменитого Тициана дала гениальных живописцев (см. родословное древо на с. 708–709).

Из этой любопытной генеалогической таблицы видно, что в четырех поколениях из 80 потомков одного помешанного меланхолика 10 человек

имущественно те, члены которых женились на знатных наследницах. Из 487 семейств, причисленных к бернской буржуазии с 1583 по 1654 год, к 1783 году остались в живых только 168; точно так же из 112 членов Общинного совета в 1615 году остались 58. При виде гранда Испании, говорит Рибо, можно с уверенностью сказать, что видишь перед собой выродка. Почти все французское, а также итальянское дворянство сделалось теперь слепым орудием духовенства, что составляет не последнюю причину непрочности итальянских учреждений. А в числе правителей (королей) Европы как мало таких, которые походили бы на своих знаменитых когда-то предков и наследовали бы от них что-нибудь, кроме трона да обаяния некогда славного имени!

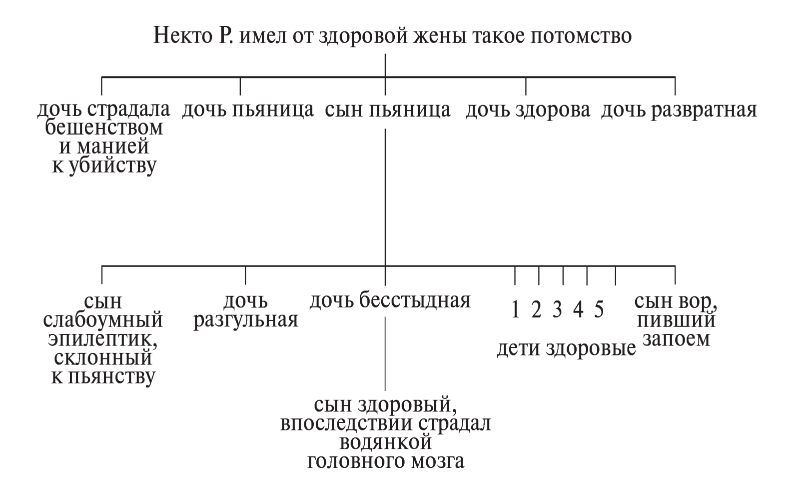
сошли с ума и почти все страдали той же самой формой психического расстройства — меланхолией, а 19 человек — нервными болезнями, следовательно, 36%. Кроме того, мы замечаем, что болезнь все более развивалась в последующих поколениях, захватывая самый нежный возраст и проявляясь с особенной силой в мужской линии, где помешательство явилось уже в первом поколении, тогда как в женской линии — только в 3-м и в пропорции едва лишь 1:4. В 1-м и 4-м колене помешанных и нервозных много во всех семьях; во 2-м колене, напротив, преобладают здоровые члены, которые встречаются и в 3-м, а затем уже страшная болезнь охватывает все большее число жертв, имеющих ту или другую форму душевных страданий. Вряд ли у гениальных людей найдется семья настолько же плодовитая и в такой же степени испытавшая на себе роковое, прогрессивно возрастающее влияние наследственности

Но есть случаи, когда это влияние проявляется еще с большей силой, что особенно заметно по отношению к алкоголикам (помешанным от пьянства). Так, например, от одного родоначальника-пьяницы Макса Джуке произошли в течение 75 лет 200 человек воров и убийц, 280 несчастных, страдавших слепотой, идиотизмом, чахоткой, 90 проституток и 300 детей, преждевременно умерших, так что вся эта семья стоила государству, считая убытки и расходы, более миллиона долларов.

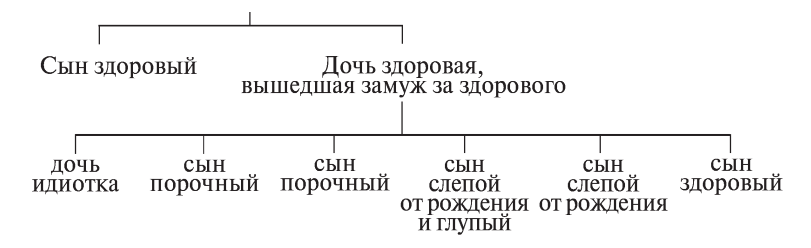
И это далеко не единичный факт. Напротив, в современных медицинских исследованиях можно встретить примеры еще более поразительные.

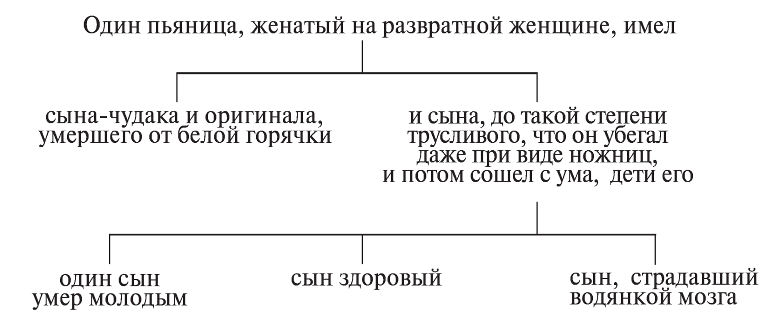
Тарге в своей книге «О наследственности алкоголизма» приводит несколько подобных случаев. Так, он рассказывает, что четыре брата Дюфе были подвержены несчастной страсти к вину, очевидно вследствие влияния наследственности; старший из них бросился в воду и утонул, второй повесился, третий перерезал себе горло и четвертый бросился вниз с третьего этажа.

У Тарге мы заимствуем и еще несколько фактов в том же роде.

У некоего П. С., умершего от размягчения мозга вследствие пьянства, и жены его, умершей от брюшной водянки, тоже, может быть, вызванной пьянством, были дети:

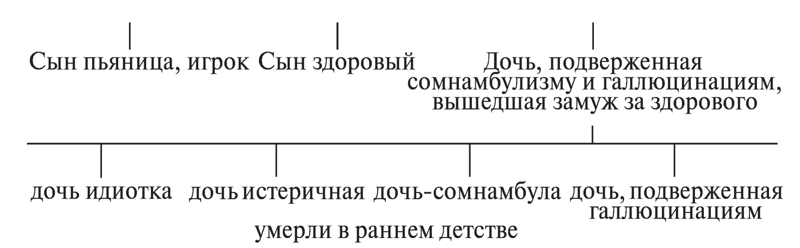

Эти примеры доказывают, что в алкоголизме легко возможен атавизм — скачок назад через одно поколение, так что дети пьяниц остаются здоровыми, а болезнь отражается на внуках.

Вот еще последний пример.

У пьяницы Л. Берта, умершего от апоплексии, был один только сын, тоже пьяница, у которого родились дети:

Морель сообщает об одном пьянице, у которого было семеро детей, что один из них сошел с ума 22-х лет, другой был идиот, двое умерли в детстве, 5-й был чудак и мизантроп, 6-я — истеричная, 7-й — хороший работник, но страдал расстройством нервов. Из 16 детей другого пьяницы 15 умерли в детстве, а последний, оставшийся в живых, был эпилептик.

Иногда у людей, находящихся, по-видимому, в здравом уме, помешательство проявляется отдельными чудовищными, безумными поступками.

Так, один судья, немец, выстрелом из револьвера убил свою долгое время хворавшую жену и уверял потом, что поступил так из любви к ней, желая избавить ее от страданий, причиняемых болезнью: он был убежден, что не сделал ничего дурного, и пытался покончить таким же образом со своей матерью, когда она заболела. Эксперты долгое время колебались, считать ли этого человека душевнобольным, и пришли к заключению о его умопомешательстве на основании того, что дед и отец у него были пьяницы.

Не только пьянство запоем, но вообще употребление спиртных напитков приводит к ужасным последствиям... Флеминг и Демоль доказали, что не одни пьяницы передают своим детям наклонность к помешательству и преступлениям, но что даже совершенно трезвые мужчины, находившиеся в момент совокупления под влиянием винных паров, порождали детей — эпилептиков, паралитиков, помешанных, идиотов и главным образом микроцефалов или слабоумных, весьма легко терявших рассудок.

Таким образом, какая-нибудь лишняя рюмка вина может сделаться причиной величайших бедствий для многих поколений.

Какая же тут возможна аналогия в сравнении с редкой и почти всегда неполной передачей гениальных способностей даже ближайшему потомству?

Правда, роковое сходство между сумасшествием и гениальностью в этом случае менее заметно, но зато именно закон наследственности обнаруживает тесную связь между ними в том факте, что у многих помешанных родственники обладают гениальными способностями и что у громадного большинства даровитых людей дети и родные бывают эпилептиками, идиотами, маньяками и наоборот, в чем читатель может убедиться, просмотрев еще раз родословное древо семейства Берти.

Но еще поучительнее в этом отношении биографии великих людей. Отец Фридриха Великого и мать Джонсона были помешанные, сын Петра Великого был пьяница и маньяк; сестра Ришелье воображала, что у нее спина стеклянная, а сестра Гегеля — что она превратилась в почтовую сумку; сестра Николини считала себя осужденной на вечные муки за еретические убеждения своего брата и несколько раз пыталась ранить его. Сестра Лэма убила в припадке бешенства свою мать; у Карла V мать страдала меланхолией и умопомешательством, у Циммермана брат был помешанный; у Бетховена отец был пьяница; у Байрона мать — помешанная, отец бесстыдный развратник, дед — знаменитый мореплаватель; поэтому Рибо имел полное право сказать о Байроне, что «эксцентричность его характера может быть вполне оправдана наследственностью, так как он происходил от предков, обладавших всеми пороками, которые способны нарушить гармоническое развитие характера и отнять все качества, необходимые для семейного счастья». Дядя и дед Шопенгауэра были помешанные, отец же был чудак и впоследствии сделался самоубийцей. У Кернера сестра страдала меланхолией, а дети были помешанные и подвержены сомнамбулизму. Точно так же рас-

стройством умственных способностей страдали: Карлини, Меркаданте, Доницетти, Вольта; у Манцони помешанными были сыновья, у Виллльмена — отец и братья, у Конта — сестра, у Пертикари и Пуччинотти — братья. Дед и брат Д'Азелио отличались такими странностями, что о них говорил весь Турин.

Прусская статистика 1877 года насчитывает на 10 676 помешанных 6369 человек, в сумасшествии которых явно выразилось влияние наследственности.

Влияние наследственности в помешательстве гораздо чаще встречается у гениальных людей, нежели у самоубийц или преступников, и оно лишь вдвое-втрое сильнее у пьяниц. Из 22 случаев наследственного помешательства Обанель и Торе констатировали два случая, когда этой болезнью страдали дети гениальных людей.

VI. Гениальные люди, страдавшие умопомешательством: Гаррингтон, Болиан, Кодацци, Ампер, Кент, Шуман, Тассо, Кардано, Свифт, Ньютон, Руссо, Ленау, Сечени, Шопенгауэр

Приведенные здесь примеры аналогичности сумасшествия с гениальностью если и не могут служить доказательством полного сходства их между собой, то по крайней мере убеждают нас в том, что первое не исключает присутствия второй в одном и том же субъекте, и объясняют нам, почему это является возможным.

В самом деле, не говоря уже о многих гениях, страдавших галлюцинациями более или менее продолжительное время, как Андраль, Челлини, Гёте, Гоббс, Грасси, или потерявших рассудок в конце своей славной жизни, как, например, Вико и другие, немалое число гениальных людей было в то же время и мономаньяками или всю жизнь находились под влиянием галлюцинаций. Вот несколько примеров такого совпадения.

Мотанус, всегда жаждавший уединения и отличавшийся странностями, кончил тем, что считал себя превратившимся в ячменное зерно, вследствие чего не хотел выходить на улицу из боязни, чтобы его не склевали птицы.

Друг Люлли постоянно говорил о нем в его оправдание: «Не обращайте на него внимания, он обладает здравым смыслом, он всецело — гений».

Гаррингтон воображал, что мысли вылетают у него изо рта в виде пчел и птиц, и прятался в беседку с метлой в руке, чтобы разгонять их.

Галлер, считая себя гонимым людьми и проклятым Богом за свою порочность, а также за свои еретические сочинения, испытывал такой ужасный страх, что мог избавляться от него только громадными приемами опия и беседой со священниками.

Ампер сжег свой трактат «О будущности химии» на том основании, что он написан по внушению сатаны.

Мендельсон страдал меланхолией. Латре в старости сошел с ума. Великий голландский живописец Ван Гог думал, что он одержим бесом.

Уже в наше время сошли с ума Фарини, Брум, Саути, Гуно, Говоне, Гуцков, Монж, Фуркруа, Ллойд, Купер, Роккиа, Риччи, Феничиа, Энгель, Перголези, Нерваль, Батюшков, Мюрже, Б. Коллинз, Технер, Гельдерлин, фон дер Вест, Галло, Спедальери, Беллинжери, Сальери, физиолог Мюллер, Ленц, Барбара, Фюзели, Петерман, живописец Вит. Гамильтон, По, Улих, а также, пожалуй, Мюссе и Боделен.

Знаменитый живописец фон Лейден воображал себя отравленным и последние годы своей жизни провел не вставая с постели.

Карл Дольче, религиозный липеманьяк (липемания — мрачное помешательство), дает, наконец, обет брать только священные сюжеты для своих картин и посвящает свою кисть Мадонне, но потом для изображения ее пишет портрет со своей невесты — Бальдуини. В день своей свадьбы он исчез, и после долгих поисков его нашли распростертым перед алтарем Богоматери.

Томмазо Ллойд, автор прелестнейших стихотворений, представляет в своем характере странное сочетание злости, гордости, гениальности и психического расстройства. Когда стихи выходили у него не совсем удачными, он опускал их в стакан с водой, «чтобы очистить их», как он выражался. Все, что случалось ему найти в своих карманах или что попадалось ему под руки, — все равно, была ли это бумага, уголь, камень, табак, — он имел обыкновение примешивать к пище и уверял, что уголь очищает его, камень минерализирует и прочее.

Гоббс, материалист Гоббс не мог остаться в темной комнате без того, чтобы ему тотчас же не начали представляться привидения.

Поэт Гельдерлин, почти всю жизнь страдавший умопомешательством, убил себя в припадке меланхолии в 1835 году.

Моцарт был убежден, что итальянцы собираются отравить его. Мольер часто страдал припадками сильной меланхолии. Россини (двоюродный брат которого, идиот, страстно любящий музыку, жив еще и до сих пор) сделался в 1848 году настоящим липеманьяком вследствие огорчения от невыгодной для себя покупки дворца. Он вообразил, что теперь его ожидает нищета, что ему даже придется просить милостыню и что умственные способности оставили его; в этом состоянии он не только утратил способность писать музыкальные произведения, но даже не мог слышать разговоров о музыке. Однако успешное лечение почтенного доктора Сансоне из Анконы мало-помалу снова возвратило гениального музыканта его искусству и друзьям.

На Кларка чтение исторических сочинений производило такое впечатление, что он воображал себя очевидцем и даже действующим лицом давно прошедших исторических событий. Блейк и Баннекер представляли себе

действительно существующими фантастические образы, которые они воспроизводили на полотне, и видели их перед собой.

Знаменитый профессор П. тоже нередко подвергался подобным иллюзиям и воображал себя то Конфуцием, то Тамерланом.

Шуман, предвестник того направления в музыкальном искусстве, которое известно под названием «музыки будущего», родившись в богатой семье, беспрепятственно мог заниматься своим любимым искусством и в своей жене, Кларе Вик, нашел нежную, вполне достойную его подругу жизни. Несмотря на это, уже на 24-м году он сделался жертвой липемании, а в 46 лет совсем почти лишился рассудка: то его преследовали говорящие столы, обладающие всеведением, то он видел не дававшие ему покоя звуки, которые сначала складывались в аккорды, а затем и в целые музыкальные фразы. Бетховен и Мендельсон из своих могил диктовали ему различные мелодии. В 1854 году Шуман бросился в реку, но его спасли, и он умер в Бонне. Вскрытие обнаружило у него образование остеофитов — утолщений мозговых оболочек и атрофию мозга.

Великий мыслитель Огюст Конт, основатель позитивной философии, в продолжение десяти лет лечился у Эскироля от психического расстройства и затем по выздоровлении без всякой причины прогнал жену, которая своими нежными попечениями спасла ему жизнь. Перед смертью он объявил себя апостолом и священнослужителем материалистической религии, хотя раньше сам проповедовал уничтожение всякого духовенства. В сочинениях Конта рядом с поразительно глубокими положениями встречаются чисто безумные мысли, вроде той, например, что настанет время, когда оплодотворение женщины будет совершаться без посредства мужчины.

Хотя Мантегацца и утверждает, что математики не подвержены подобным психозам, но и это мнение ложно. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, кроме Ньютона, о котором я буду говорить более подробно, Архимеда, затем страдавшего галлюцинациями Паскаля и специалиста чистой математики чудака Кодацци. Алкоголик, скупой до скряжничества, равнодушный ко всем окружающим, он отказывал в помощи даже своим родителям, когда те чуть не умирали с голоду. В то же время он был до того тщеславен, что, еще будучи молодым, ассигновал известную сумму на сооружение себе надгробного памятника и не позволял оспаривать своих мнений даже насчет покроя платья. Наконец, помешательство Кодацци выразилось в том, что он придумал способ сочинять музыкальные мелодии посредством вычисления.

Все математики преклоняются перед гениальностью геометра Больяя, отличавшегося, однако, безумными поступками. Так, например, он вызвал на дуэль 13 молодых людей, состоящих на государственной службе, и в промежутках между поединками развлекался игрой на скрипке, составлявшей единственную движимость в его доме. Когда ему назначили пенсию, он велел напечатать белыми буквами на черном фоне пригласительные билеты

на свои похороны и сделал сам для себя гроб (подобные странности я наблюдал еще у двоих математиков, недавно умерших). Через семь лет он снова напечатал второе приглашение на свои похороны, считая, вероятно, первое уже недействительным, и в духовном завещании обязал наследников посадить на его могиле яблоню в память Евы, Париса и Ньютона. И такие штуки проделывал великий математик, исправивший геометрию Евклида!

Кардано, о котором современники говорили, что это умнейший из людей и в то же время глупый как ребенок, Кардано, первый из смельчаков, решившийся критиковать Галена, исключить огонь из числа стихий и назвать помешанными колдунов и католических святых, этот великий человек был сам душевнобольным всю свою жизнь. Кстати прибавлю, что сын, двоюродный брат и отец его тоже страдали умопомешательством.

Вот как описывает себя он сам: «Заика, хилый, со слабой памятью, без всяких знаний, я с детства страдал гипнофантастическими галлюцинациями». Ему представлялся то петух, говоривший с ним человеческим голосом, то самый Тартар, наполненный костями, и все, что бы ни явилось в его воображении, он мог увидеть перед собой как нечто действительно существующее, реальное. С 19- до 26-летнего возраста Кардано находился под покровительством особого духа, вроде того, что некогда оказывал услуги его отцу, и этот дух не только давал ему советы, но даже открывал будущее. Однако и после 26 лет сверхъестественные силы не оставляли его без содействия: так, однажды, когда он прописал не то лекарство, какое следовало, рецепт, вопреки всем законам тяготения, подпрыгнул на столе и тем предупредил его об ошибке.

Как ипохондрик, Кардано воображал себя страдающим всеми болезнями, о каких только он слышал или читал: сердцебиением, ситофобией[1], опухолью живота, недержанием мочи, подагрой, грыжей и прочим; но все эти болезни проходили без всякого лечения или только вследствие молитв Пресвятой Деве. Иногда ему казалось, что мясо, которое он употреблял в пищу, пропитано серой или растопленным воском, в другое время он видел перед собой огни, какие-то призраки — и все это сопровождалось страшными землетрясениями, хотя окружающие не замечали ничего подобного.

Далее Кардано воображал, что его преследуют и за ним шпионят все правительства, что против него ополчился целый сонм врагов, которых он не знал даже по имени и никогда не видел и которые, как он сам говорит, чтобы опозорить и довести его до отчаяния, осудили на смерть даже нежно любимого им сына. Наконец, ему представилось, что профессора университета в Павии отравили его, пригласив специально для этой цели к себе, так что если он остался цел и невредим, то единственно лишь благодаря помощи св. Мартина и Богородицы. И такие вещи высказывал писатель, бывший в теологии смелым предшественником Дюпюи и Ренана!

[1] Боязнь открытых площадей, широких улиц.

Кардано сам сознавался, что обладает всеми пороками — склонен к пьянству, к игре, ко лжи, к разврату и зависти. Он говорит также, что раза четыре во время полнолуния замечал в себе признаки полного умопомешательства.

Впечатлительность у него была извращена до такой степени, что он чувствовал себя хорошо только под влиянием какой-нибудь физической боли, так что даже причинял ее себе искусственно, до крови кусая губы или руки. «Если у меня ничего не болело, — пишет он, — я старался вызвать боль ради того приятного ощущения, какое доставляло мне прекращение боли, и ради того еще, что, когда я не испытывал физических страданий, нравственные мучения мои делались настолько сильными, что всякая боль казалась мне ничтожной в сравнении с ними». Эти слова вполне объясняют, почему многие сумасшедшие с каким-то наслаждением причиняют себе физические страдания самыми ужасными способами[1].

Наконец, Кардано до того слепо верил в пророческие сны, что напечатал даже нелепое сочинение «О сновидениях». Он руководствовался снами в самых важных случаях своей жизни, например, при подаче медицинских советов, при заключении своего брака, и, между прочим, под влиянием сновидения писал сочинения, как, например, «О разнообразии вещей» и «О лихорадках»[2].

Будучи импотентом до 34 лет, он во сне снова получил способность к половым отправлениям, и во сне же ему была указана его будущая подруга жизни, правда, не особенно хорошая, дочь какого-то разбойника, которой, по его словам, он никогда не видел раньше. Эта безумная вера в сновидения до того овладела Кардано, что он руководствовался ими даже в своей медицинской практике, в чем он сам с гордостью сознавался.

Мы могли бы привести из жизни этого гениального безумца еще множество фактов, то забавных и нелепых, то ужасных и возмутительных, но ограничимся одним, соединяющим в себе все эти качества его, — сновидением, касающимся драгоценного камня.

В мае 1560 года, когда Кардано шел уже 62-й год, сын его был публично признан отравителем. Это несчастье глубоко потрясло бедного старика, и без того не обладавшего душевным спокойствием. Он искренно любил своего сына как отец, доказательством чего служит, между прочим, прелестное стихотворение «На смерть сына», где в такой высокохудожественной фор-

---

[1] Байрон тоже говорил, что перемежающаяся лихорадка доставляет ему удовольствие вследствие того приятного ощущения, каким сопровождается прекращение пароксизма.

[2] «Однажды во сне я услышал прелестнейшую музыку, — говорит он, — я проснулся, и в голове у меня явилось решение вопроса относительно того, почему одни лихорадки имеют смертельный исход, а другие нет, — решение, над которым я тщетно трудился в продолжение 25 лет. Во время сна у меня явилась потребность написать эту книгу, разделенную на 21 часть, и я работал над ней с таким наслаждением, какого никогда прежде не испытывал».

ме выражена истинная скорбь, и в то же время он как самолюбивый человек надеялся видеть в сыне те же таланты, какими обладал сам. Кроме того, в этом осуждении, еще более усилившем его сумасбродные идеи липеманьяка, несчастный считал виновными своих воображаемых врагов, составивших против него заговор. «Подавленный таким горем, — пишет он по этому поводу, — я тщетно искал облегчения в занятиях, в игре и в физических страданиях, кусая свои руки или нанося себе удары по ногам (мы знаем, что он и раньше прибегал к подобному средству для своего успокоения). Я не спал уже третью ночь, и, наконец, часа за два до рассвета, чувствуя, что я должен или умереть, или сойти с ума, я стал молиться Богу, чтобы Он избавил меня от этой жизни. Тогда, совершенно неожиданно, я заснул и вдруг почувствовал, что ко мне приближается кто-то, скрытый от меня окружающим мраком, и говорит: "Что ты сокрушаешься о сыне?.. Возьми камень, висящий у тебя на шее, в рот, и пока ты будешь прикасаться к нему губами, ты не будешь вспоминать сына". Проснувшись, я не поверил, чтобы могла существовать какая-нибудь связь между изумрудом и забвением, но, не зная иного средства облегчить нестерпимые страдания и припомнив священное изречение "*Credidit, et reputatum ei est ad justitiam*"[1], я взял в рот изумруд. И что же? Вопреки моим ожиданиям всякое воспоминание о сыне вдруг исчезло из моей памяти, так что я снова заснул. Затем, в продолжение полутора лет, я вынимал свой драгоценный камень изо рта только во время еды и чтения лекций, но тогда ко мне возвращались прежние страдания». Странное лечение это основывалось на игре слов (непереводимой по-русски), так как *gioia* — радость и *gemme* — драгоценный камень происходят от одного корня. Сказать по правде, Кардано в этом случае не нуждался даже в откровении, сделанном ему во время сна, потому что еще раньше, основываясь на этимологии, ложно им понятой, он приписывал драгоценным камням благотворное влияние на людей[2].

На закате своей многострадальной жизни Кардано, подобно Руссо и Галлеру, написал свою автобиографию и предсказал день желанной для него смерти. В назначенный день он действительно умер — или, может быть, умертвил себя, чтобы доказать безошибочность своего предсказания.

Познакомимся теперь с жизнью Тассо. Для тех, кому неизвестна брошюрка Верга «Липемания Тассо», мы приводим отрывок из его письма, где он говорит о себе: «Я нахожусь постоянно в таком меланхолическом настроении, что все считают меня помешанным, и я сам разделяю это мнение, так как, не будучи в состоянии сдерживать своих тревожных мыслей, я

---

[1] Поверь и вспомни, что есть справедливость (*лат.*).

[2] «Драгоценные камни, представляющиеся нам во сне, имеют символическое значение детей, чего-нибудь неожиданного, даже радостного, потому что по-итальянски слово *gioire* (пользоваться), происходящее от *gemme*, означает в то же время и наслаждаться». Страсть к подобной игре слов мы встречаем у всех маньяков.

часто и подолгу разговариваю сам с собой. Меня мучат различные наваждения, то человеческие, то дьявольские. Первые — это крики людей, в особенности женщин, и хохот животных, вторые — это звуки песен и прочее. Когда я беру в руки книгу и хочу заниматься, в ушах у меня раздаются голоса, причем можно расслышать, что они произносят имя Паоло Фульвии».

В своем сочинении «Мессия», сделавшемся впоследствии для Тассо предметом галлюцинаций, он несколько раз сознавался, что потерял рассудок вследствие злоупотреблений вином и любовью. Поэтому мне кажется, что он изобразил самого себя в «Аминте» и в той прелестной октаве, которую любил повторять другой липеманьяк — Руссо:

Мучимый страхом, сомненьем и злобой,
Должен я жить одиноким скитальцем,
Вечно пугаясь с безумной тревогой
Призраков мрачных и грозных видений,
Созданных мной же самим в час недуга.
Солнце напрасно мне будет светить,
В нем я увижу не брата, не друга,
Но лишь помеху терзаньям моим...
В тщетных стараньях уйти от себя,
Вечно останусь с собой я самим.

Под влиянием галлюцинаций или в припадке бешенства Тассо, схватив однажды нож, бросился с ним на слугу, вошедшего в кабинет тосканского герцога, и был заключен за это в тюрьму. Сообщая об этом факте, посланник, бывший тогда в Тоскане, говорит, что несчастного поэта подвергли заключению скорее с целью вылечить, чем наказать за такой сумасбродный поступок.

После того Тассо постоянно переезжал с места на место, нигде не находя покоя: всюду преследовала его тоска, беспричинные угрызения совести, боязнь быть отравленным и страх перед муками ада, ожидающими его за высказываемые им еретические мнения, в которых он сам обвинял себя в трех письмах, адресованных «слишком кроткому» инквизитору.

«Меня постоянно мучат тяжелые, грустные мысли, — жаловался Тассо врачу Кавалларо, — а также разные фантастические образы и призраки; кроме того, я страдаю еще слабостью памяти, поэтому прошу вас, чтобы к пилюлям, которые вы назначите мне, было прибавлено что-нибудь для ее укрепления». «Со мной случаются припадки бешенства, — писал он Гонзаго, — и меня удивляет, что никто еще не записал, какие вещи я говорю иногда сам с собой, по своему произволу наделяя себя при этом воображаемыми почестями, милостями и любезностями со стороны простых людей, императоров и королей».

Это странное письмо служит доказательством, что мрачные мучительные мысли перемежались у Тассо с забавными и веселыми. К сожалению, первые являлись гораздо чаще, как он прекрасно выразил это в следующем сонете:

Я устал бороться с толпою теней,
Печальных и мрачных иль светло-прекрасных,
Моей ли фантазии жалких детей,
Иль вправду врагов мне опасных?
Найду ли я сил победить их один,
Беспомощный, слабый отшельник,—
Не знаю, но страх надо мной властелин,
Не он ли и есть мой волшебник!

В последних строках заметно сомнение в действительности вызванных бредом галлюцинаций, что служит доказательством, как упорно боролся этот мощный, привыкший к логическому мышлению ум с болезненными, нелепыми представлениями. Но увы! Такие сомнения являлись слишком редко.

Через несколько времени Тассо писал Каттанео:

«Упражнения нужнее теперь для меня, чем лекарство, потому что болезнь моя сверхъестественного происхождения. Скажу несколько слов о домовом: этот негодяй часто ворует у меня деньги, производит полнейший беспорядок в моих книгах, открывает ящики и таскает ключи, так что уберечься от него нет никакой возможности. Я мучусь постоянно, в особенности по ночам, и знаю, что страдания мои обусловливаются помешательством». В другом письме он говорит: «Когда я не сплю, мне кажется, что передо мной мелькают в воздухе яркие огни, и глаза у меня бывают иногда до того воспалены, что я боюсь потерять зрение; в другое время я слышу страшный грохот, свист, дребезг, звон колоколов и такой неприятный шум, как будто от боя нескольких стенных часов. А во сне я вижу, что на меня бросается лошадь и опрокидывает на землю или что я весь покрыт нечистыми животными. После этого все члены у меня болят, голова делается тяжелой, но вдруг посреди таких страданий и ужасов передо мной появляется образ Святой Девы, юной и прекрасной, держащей на руках своего Сына, увенчанного радужным сиянием». По выходе из больницы он рассказывал тому же Каттанео, что «домовой» распространяет письма, в которых сообщаются сведения о нем, Тассо. «Я считаю это, — говорил он, — одним из тех чудес, какие нередко бывали со мной и в больнице: без сомнения, это дело какого-нибудь волшебника, на что у меня есть немало доказательств, и в особенности тот факт, что однажды, в три часа, у меня на глазах исчез куда-то мой хлеб». Когда Тассо захворал горячкой, его излечила Богородица своим появлением, и в благодарность Ей за это он написал сонет, напоминавший собой «Мессию». Дух являлся несчастному поэту в такой осязательной форме, что он говорил с ним и чуть только не прикасался к нему руками. Этот дух вызывал в нем идеи, раньше, по его словам, не приходившие ему в голову.

Свифт, отец иронии и юмора, уже в своей молодости предсказал, что его ожидает помешательство; гуляя однажды по саду с Юнгом, он увидел вяз, на вершине своей почти лишенный листвы, и сказал: «Я точно так же начну умирать с головы». До крайности гордый с высшими, Свифт охотно посещал

самые грязные кабаки и там проводил время в обществе картежников. Будучи священником, он писал книги антирелигиозного содержания, так что о нем говорили, что, прежде чем дать ему сан епископа, его следует снова окрестить. Слабоумный, глухой, бессильный, неблагодарный относительно друзей — так охарактеризовал он сам себя. Непоследовательность в нем была удивительная: он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы* и в то же самое время сочинял комические письма «О слугах». Через несколько месяцев после этого он лишился памяти, и у него остался только прежний резкий, острый как бритва язык. Потом он впал в мизантропию и целый год провел один, никого не видя, ни с кем не разговаривая и ничего не читая; по десяти часов в день ходил по своей комнате, ел всегда стоя, отказывался от мяса и бесился, когда кто-нибудь входил к нему в комнату. Однако после появления у него чирьев (вереда) он стал как будто поправляться и часто говорил о себе: «Я сумасшедший», но этот светлый промежуток продолжался недолго, и бедный Свифт снова впал в бессмысленное состояние, хотя проблески иронии, сохранившейся в нем даже и после потери рассудка, еще вспыхивали порой; так, когда в 1745 году устроена была в честь Его иллюминация, он прервал свое продолжительное молчание словами: «Пускай бы эти сумасшедшие хотя не сводили других с ума».

В 1745 году Свифт умер в полном расстройстве умственных способностей. После него осталось написанное задолго перед этим завещание, в котором он отказал 11 000 фунтов стерлингов в пользу душевнобольных. Сочиненная им тогда же для себя эпитафия служит выражением ужасных нравственных страданий, мучивших его постоянно: «Здесь лежит Свифт, сердце которого уже не надрывается больше от гордого презрения».

Ньютон, покоривший своим умом все человечество, как справедливо писали о нем современники, в старости тоже страдал настоящим психическим расстройством, хотя и не настолько сильным, как предыдущие гениальные люди. Тогда-то он и написал, вероятно, «Хронологию», «Апокалипсис» и «Письмо к Бентли» — сочинения туманные, запутанные и совершенно не похожие на то, что было написано им в молодые годы.

В 1693 году, после второго пожара в его доме и после непомерно усиленных занятий, Ньютон в присутствии архиепископа начал высказывать такие странные, нелепые суждения, что друзья нашли нужным увезти его и окружить самым заботливым уходом. В это время Ньютон, бывший прежде до того робким, что даже в экипаже ездил не иначе, как держась за ручки дверец, затеял дуэль с Вилларом, желавшим драться непременно в Севеннах. Немного спустя он написал два приводимых ниже письма, сбивчивый и запутанный слог которых вполне доказывает, что знаменитый ученый совсем еще не оправился от овладевшей им мании преследования, которая действительно развилась у него снова несколько лет спустя. Так, в письме к Локку он говорит: «Предположив, что вы хотите запутать меня при помощи женщин и других соблазнов, и заметив, что вы чувствуете себя дурно, я начал ожидать

(желать) вашей смерти. Прошу у вас извинения в этом, а также в том, что я признал безнравственными как ваше сочинение “Об идеях”, так и те, которые вы издадите впоследствии. Я считал вас последователем Гоббса. Прошу вас извинить меня за то, что я думал и говорил, будто вы хотели продать мне место и запутать меня. Ваш злополучный Ньютон». Несколько определеннее он говорит о себе в письме к Пипсу: «С приближением зимы все привычки мои перепутались, затем болезнь довела эту путаницу до того, что в продолжение двух недель я не спал ни одного часа, а в течение последних пяти дней даже ни одной секунды. Я помню, что писал вам, но не знаю, что именно; если вы пришлете мне письмо, то я вам объясню его». Ньютон находился в это время в таком состоянии, что, когда у него спрашивали разъяснения по поводу какого-нибудь места в его сочинениях, он отвечал: «Обратитесь к Муавру — он смыслит в этом больше меня»*.

Кто, не побывав ни разу в больнице для умалишенных, пожелал бы составить себе верное представление о душевных муках, испытываемых липеманьяком, тому следует только прочесть сочинения Руссо, в особенности последние из них — «Исповедь», «Диалоги» и «Прогулки одинокого мечтателя».

«Я обладаю жгучими страстями, — пишет Руссо в своей «Исповеди», — и под влиянием их забываю о всех отношениях, даже о любви: вижу перед собой только предмет своих желаний, но это продолжается лишь одну минуту, вслед за которой я снова впадаю в апатию, в изнеможение. Какая-нибудь картина соблазняет меня больше, чем деньги, на которые я мог бы купить ее! Я вижу вещь... она мне нравится; у меня есть и средства приобрести ее, но нет, это не удовлетворяет меня. Кроме того, когда мне нравится какая-нибудь вещь, я предпочитаю взять ее сам, а не просить, чтобы мне ее подарили». В том-то и состоит различие между клептоманом и обыкновенным вором, что первый крадет по инстинкту, в силу потребности, второй — по расчету, ради приобретения: первого прельщает всякая понравившаяся ему вещь, второго же — только вещь ценная.

«Будучи рабом своих чувств, — продолжает он, — я никогда не мог противостоять им; самое ничтожное удовольствие в настоящем больше соблазняет меня, чем все утехи рая».

И действительно, ради удовольствия присутствовать на братском пиршестве (отца Понтьера) Руссо сделался вероотступником, а вследствие своей трусости без сострадания покинул на дороге своего приятеля-эпилептика.

Однако не одни страсти его отличаются болезненной пылкостью — самые умственные способности были у него с детства и до старости в ненормальном состоянии, доказательства чего мы тоже встречаем в «Исповеди», как, например:

«Воображение разыгрывается у меня тем сильнее, чем хуже мое здоровье. Голова моя так устроена, что я не умею находить прелесть в действительно существующих хороших вещах, а только в воображаемых. Чтобы я красиво описал весну, мне необходимо, чтобы на дворе была зима».

Отсюда становится понятным, почему Свифт, тоже помешанный, писал самые веселые из своих писем во время предсмертной агонии Стеллы и почему как он, так и Руссо с таким мастерством изображали все нелепое.

«Реальные страдания оказывают на меня мало влияния, — продолжает Руссо, — гораздо сильнее мучусь я теми, которые придумываю себе сам: ожидаемое несчастье для меня страшнее уже испытываемого».

Не потому ли некоторые из боязни смерти лишают себя жизни?

Стоило Руссо прочесть какую-нибудь медицинскую книгу — и ему тотчас же представлялось, что у него все болезни, в ней описанные, причем он изумлялся, как он остается жив, страдая такими недугами. Между прочим, он воображал, что у него полип в сердце. По его собственному объяснению, такие странности являлись у него вследствие преувеличенной, ненормальной чувствительности, не имевшей правильного исхода.

«Бывает время, — говорит он, — когда я так мало похож на самого себя, что меня можно счесть совершенно иным человеком. В спокойном состоянии я чрезвычайно робок, идеи возникают у меня в голове медленно, тяжело, смутно, только при известном возбуждении; я застенчив и не умею связать двух слов; под влиянием страсти, напротив, я вдруг делаюсь красноречивым. Самые нелепые, безумные, ребяческие планы очаровывают, пленяют меня и кажутся мне удобоисполнимыми. Так, например, когда мне было 18 лет, я отправился с товарищем путешествовать, захватив с собой фонтанчик из бронзы, и был уверен, что, показывая его крестьянам, мы не только прокормимся, но даже разбогатеем».

Несчастный Руссо перепробовал почти все профессии, от высших до самых низших, и не остановился ни на одной из них: он был и вероотступником (ренегатом) из-за денег, и часовщиком, и фокусником, и учителем музыки, и живописцем, и гравером, и лакеем, и наконец чем-то вроде секретаря при посольстве.

Точно так же в литературе и в науке он брался за все отрасли, занимаясь то медициной, то теорией музыки, то ботаникой, теологией и педагогией. Злоупотребление умственным трудом (особенно вредное для мыслителя, идеи которого развивались туго и с трудом), а также все увеличивающееся самолюбие сделали мало-помалу из ипохондрика меланхолика и наконец — настоящего маньяка. «Волнение и злоба потрясли меня до такой степени, — говорит он, — что я в течение десяти лет страдал бешенством и успокоился только теперь». Успокоился! Когда хроническое умственное расстройство не позволяло ему даже на короткий срок найти границу между действительными страданиями и воображаемыми.

Ради отдохновения он покинул большой свет, где всегда чувствовал себя неловко, и удалился в уединенную местность, в деревню: но и там городская жизнь не давала ему покоя: болезненное тщеславие и отголоски светского шума омрачали для него красоту природы. Тщетно Руссо старался убежать в леса — безумие следовало туда за ним и настигало его всюду.

Таким образом, Руссо являлся как бы олицетворением того образа, который создал Тассо в своей октаве:

> ...и скрыться от себя стараясь,
> Всегда останусь я с самим собой.

Вероятно, он и намекал на это стихотворение, когда уверял Корансе, что считает Тассо своим пророком. Потом несчастный автор «Эмиля» начал воображать, что Пруссия, Англия, Франция, короли, женщины, духовенство, вообще весь род людской, оскорбленный некоторыми местами его сочинений, объявили ему ожесточенную войну, последствиями которой и объясняются испытываемые им душевные страдания.

«В своей утонченной жестокости, — пишет он, — враги мои забыли только соблюдать постепенность в причиняемых мне мучениях, чтобы я мог понемногу привыкнуть к ним».

Самое большое проявление злобы этих коварных мучителей Руссо видит в том, что они осыпают его похвалами и благодеяниями. По его мнению, «им удалось даже подкупить продавцов зелени, чтобы они отдавали ему свой товар дешевле и лучшего качества, — наверное, враги сделали это с целью показать его низость и свою доброту».

По приезде Руссо в Лондон его меланхолия перешла в настоящую манию. Вообразив, что Шуазель разыскивает его с намерением арестовать*, он бросил в гостинице деньги, вещи и бежал на берег моря, где платил за свое содержание кусками серебряных ложек. Так как ему не удалось тотчас же уехать из Англии по случаю противного ветра, то он и это приписал влиянию заговора против него. Тогда, в сильнейшем раздражении, он с вершины холма произнес на плохом английском языке речь, обращенную к сумасшедшей Уортон, которая слушала его с изумлением и, как ему казалось, с умилением.

Но и по возвращении во Францию Руссо не избавился от своих невидимых врагов, шпионивших за ним и объяснявших в дурную сторону каждое его движение. «Если я читаю газету, — жалуется он, — то говорят, что я замышляю заговор, если понюхаю розу — подозревают, что я занимаюсь исследованием ядов с целью отравить моих преследователей». Все ставится ему в вину, а чтобы лучше наблюдать за ним, у двери его дома помещают продавца картин, устраивают так, что эта дверь не запирается, и пускают в дом его посетителей только тогда, как успеют возбудить в них ненависть к нему. Враги восстанавливают против него содержателя кафе, парикмахера, хозяина гостиницы и прочих. Когда Руссо желает, чтобы ему почистили башмаки, у мальчика, исполняющего эту обязанность, не оказывается ваксы; когда он хочет переехать через Сену — у перевозчиков нет лодки. Наконец, он просит, чтобы его заключили в тюрьму, но... даже в этом встречает отказ. С целью отнять последнее оружие — печатное слово — враги арестуют и сажают в Бастилию издателя, совершенно ему незнакомого.

«Обычай сжигать во время поста соломенное чучело, изображавшее того или другого еретика, был уничтожен — его снова восстановили, конечно, для того, чтобы сжечь мое изображение; и в самом деле, надетое на чучело платье походило на то, что я ношу обыкновенно».

В деревне Руссо встретил раз улыбающегося, ласкового мальчика; но, повернувшись, чтобы в свою очередь приласкать его, он вдруг увидел перед собой взрослого мужчину и по его печальной физиономии (обратите внимание на этот странный эпитет) узнал в нем одного из приставленных к нему врагами шпионов.

Под влиянием мании, считая себя гонимым, он написал «Диалоги: Руссо судит Жан-Жака», где с целью смягчить несметное множество преследующих его врагов подробно и тщательно изобразил свои галлюцинации. Чтобы распространить в публике это оправдательное сочинение, несчастный безумец начал раздавать экземпляры его на улице всем прохожим, судя по лицу которых можно было думать, что они не находятся под влиянием не дающих ему покоя недругов.

В этом сочинении он обращается ко всем французам, поклонникам справедливости, но — странное дело! — несмотря на такой лестный эпитет, а может быть, именно благодаря ему не нашлось ни одного человека, который принял бы эту брошюрку с удовольствием; напротив, многие отказывались взять ее! Убедившись тогда, что ему нечего ждать на земле от людей, Руссо, подобно Паскалю, обратился с письмом, очень нежно и фамильярно написанным, к самому Богу, а чтобы оно вернее достигло своего назначения и принесло ожидаемую пользу, положил его и рукопись «Диалогов» под алтарь церкви Богоматери в Париже, как будто, по представлению этого маньяка, Создатель вселенной, отвлеченное, вездесущее Божество, только и может находиться под сводами парижского собора.

На основании всех этих фактов нельзя не признать справедливым мнение Вольтера и Корансе, что Руссо «был сумасшедший и сам всегда сознавался в этом». К тому же из многих мест «Исповеди», а также из писем Грима видно, что у Руссо, кроме других болезней, был еще паралич мочевого пузыря и сперматорея (непроизвольное истечение семени), что, по всей вероятности, обусловливалось поражением спинного мозга и должно было, без сомнения, усиливать припадки меланхолии.

Вся жизнь величайшего из современных лирических поэтов, Ленау, недавно скончавшегося в Доблинговой больнице для умалишенных, представляет с самого раннего детства смесь гениальности и сумасшествия. Отец его был знатный барин, гордый и порочный, а мать — до крайности впечатлительная особа, страдавшая меланхолией и зараженная аскетизмом. Ленау с детства обнаруживал меланхолическое настроение, наклонность к мистицизму и любовь к музыке. Этой последней он занимался всего охотнее, хотя изучал также медицину, юриспруденцию и сельское хозяйство. В 1831 году Кернер заметил, что настроение его почти постоянно было пе-

чальное, меланхолическое и что он проводит целые ночи один в саду, играя на своем любимом инструменте. Через несколько времени Ленау писал своей сестре: «Я чувствую, что приближаюсь к своей гибели: демон безумия овладел моим сердцем, я — сумасшедший; говорю тебе это, сестра, зная, что ты все-таки по-прежнему будешь любить меня». Этот демон скоро принудил его оставить Германию и отправиться почти без всякой цели в Америку. По возвращении оттуда он был встречен на родине празднествами и всеобщим восторгом, но, по его словам, «ипохондрия глубоко запустила свои зубы в его сердце, и ничто не могло его развеселить». Вскоре это бедное сердце начало страдать и физически: у Ленау сделался перикардит (воспаление сердечной оболочки), от которого он потом уже не мог вылечиться. С тех пор несчастный страдалец лишился своего лучшего друга — сна, этого единственного избавителя от невыносимых страданий, и по целым ночам мучился страшными видениями.

«Можно подумать, — объясняет он свое состояние образами, как это делают все помешанные, — можно подумать, что дьявол устраивает охоту у меня в животе: я слышу там постоянный лай собак и зловещий адский шум. Без шуток — есть от чего прийти в отчаяние!»

Мизантропия, которой, как мы уже видели, страдали Галлер, Свифт, Кардано и Руссо, появилась у Ленау в 1840 году со всеми признаками мании. Он стал бояться, ненавидеть и презирать людей. В Германии в его честь устраивали празднества, воздвигали триумфальные арки, а он бежал прочь из нее и бесцельно скитался по свету; раздражение и злоба нападали на него без всякой причины, он чувствовал себя неспособным к работе, как человек, по его собственным словам, «с поврежденным черепом», и потерял аппетит. Болезненная склонность к мистицизму, обнаружившаяся в нем с детства, появилась у него снова: он принялся за изучение гностиков, начал перечитывать биографии колдунов, так пленявшие его в молодости, выпивал громадные количества кофе и ужасно много курил.

«Замечательно, — сознавался он, — до какой степени физическое движение, и в особенности курение сигар, вызывает у меня в голове целый рой новых мыслей». Он писал ночи напролет, переезжал с места на место, путешествовал... женился, задумывал громадные работы и ни одной из них не довел до конца.

Это были последние вспышки великого ума. С 1844 года Ленау все чаще жалуется на головные боли, постоянный пот и страшную слабость. «Света, света недостает мне», — писал он. Немного спустя у него сделался паралич левой руки, мускулов глаз и обеих щек; он стал писать с орфографическими ошибками и употреблять нелепые созвучия. Наконец (12 октября) им вдруг овладела страсть к самоубийству; когда его удержали от покушения на свою жизнь, он впал в бешенство, дрался, ломал все, жег свои рукописи, но мало-помалу успокоился, пришел в нормальное состояние и даже написал тщательный анализ своего припадка в стихотворении «Во власти бре-

да», представляющем нечто ужасное, хаотическое. Это был последний луч света, озаривший для него ночной мрак, или, как метко выразился Шиллинг, последняя победа гения над помешательством. Здоровье Ленау все ухудшалось; после новой попытки лишить себя жизни им овладело то роковое состояние довольства и приятного возбуждения, которое всегда предшествует прогрессивному развитию паралича. «Я наслаждаюсь теперь жизнью, — говорил он, — наслаждаюсь потому, что прежние ужасные видения сменились теперь светлыми, прелестными образами». Ему представлялось, что он находится в Валгалле вместе с Гёте*, или он воображал себя королем Венгрии, победителем во многих битвах, причем доказывал свои права на венгерский престол.

В 1845 году он потерял обоняние, всегда отличавшееся у него необыкновенной тонкостью, сделался равнодушным к своим любимым цветам — фиалкам и даже перестал узнавать старых друзей.

Однако и в этом печальном положении Ленау написал одно стихотворение, хотя и проникнутое крайним мистицизмом, но не лишенное прежней античной прелести стиха. Однажды, когда его подвели к бюсту Платона, он сказал: «Вот человек, который выдумал глупую любовь». В другой раз, услышав, что о нем сказал кто-то: «Здесь живет великий Ленау», он заметил на это: «Теперь Ленау сделался совсем маленьким», — и долго плакал потом. Он умер 21 августа 1850 года. Последние его слова были: «Несчастный Ленау». Вскрытие обнаружило у него только немного серозной жидкости в желудочках мозга и следы воспаления сердечной оболочки.

В той же больнице Доблинга умер несколько лет тому назад другой великий человек — венгерский патриот Сечени, организатор судоходства по Дунаю, основатель Венгерской академии и главный деятель революции 1848 года. Во время торжества ее, будучи министром, он вдруг стал однажды просить своего товарища, тоже министра, Кошута, чтобы тот не приговаривал его к виселице. Сначала все приняли это за шутку, но — увы! — шутки тут не было... Предвидя бедствия, грозившие его родине, и несправедливо считая себя виновником их, Сечени впал в манию преследования, которая вскоре перешла в страсть к самоубийству. Когда Сечени несколько успокоился, на него напала болтливость чисто патологического свойства, особенно странная в дипломате и заговорщике, так что стоило ему только встретить кого-нибудь в больнице — все равно, был ли это идиот, сумасшедший или злейший враг его родины, — и он тотчас же вступал с ним в длиннейшие рассуждения, причем обвинял себя во всевозможных выдуманных им преступлениях. В 1850 году у него явилась прежняя страсть к шахматной игре, но и она приняла характер мании: пришлось нанять бедного студента, который играл с ним в шахматы по 10–12 часов кряду. На студента это подействовало так дурно, что он сошел с ума, но состояние самого Сечени улучшилось: он стал менее нелюдим, чем прежде, когда не мог без отвращения видеть даже своих близких родных.

Из болезненных признаков у него осталось только отвращение к ярко освещенным полям, нежелание выходить из своей комнаты и склонность к одиночеству, так что даже нежно любимых им сыновей он допускал к себе лишь по нескольку раз в месяц. Во время этих редких посещений он усаживал дорогих гостей у стола, около себя, и читал им свои произведения. Но выманить его самого в парк стоило всегда чрезвычайных усилий. Несмотря на душевную болезнь, Сечени не только сохранил полную ясность мысли, но ум его как будто приобрел еще большую мощь. Он внимательно следил за литературными новостями Германии и Венгрии и жадно ловил каждый признак улучшения в судьбе своей родины. Когда вследствие австрийской интриги замедлилось окончание постройки восточной железной дороги, проложенной благодаря усилиям этого великого патриота, он написал Зичи письмо, уже по одному маленькому отрывку из которого можно судить о том, какой глубокий мыслитель был Сечени:

«Все некогда существовавшее в мире не исчезает из него, но появляется в другой форме, при других условиях. Разбитая бутылка, конечно, уже не годится для своего прежнего назначения, но эти жалкие осколки не уничтожаются и, будучи положены в горн, могут еще превратиться в новый сосуд, где заблестит царское вино — токай, тогда как раньше бутылка, может быть, заключала в себе плохое вино... Для венгерца нет большей похвалы, как если о нем скажут, что он остался непоколебим. Ты знаешь, милый друг, наш старинный девиз: "Стоять твердо даже в грязи", — останемся же верны ему, несмотря на упреки наших братьев, и будем работать для общего блага. Удержаться на своем посту, посреди комьев грязи, бросаемых в лицо братьев и товарищей по оружию легкомысленными или фанатичными патриотами, упрямо удерживать за собой раз занятый пост, хотя бы сердце надрывалось при этом от оскорблений, — вот лозунг и пароль нашего времени».

В 1858 году, когда австрийский министр стал оказывать давление на Венгерскую академию с целью добиться уничтожения того параграфа, по которому разработка мадьярского языка считалась ее главным назначением, Сечени написал другое письмо, отлично рисующее возвышенный характер этого патриота.

«Могу ли я молчать, — пишет он, — видя, как уничтожается засеянная мной нива? Могу ли я забыть услуги, оказанные нам этим могущественным учреждением? Я предлагаю этот вопрос, я — страдающий совсем не помрачением рассудка, но роковой способностью видеть слишком ясно, слишком отчетливо, не обманывая себя никакими иллюзиями. Разве я не обязан забить тревогу, когда вижу, что наше правительство (династия) под влиянием каких-то злобных наветов с ожесточением преследует самый живучий из подвластных ему народов, народ, которому судьба готовит великую будущность? Его хотят не только уничтожить, но задушить, отнять у него все характеристические особенности, вырвать с корнем вековое имперское дерево. Как основатель этой Академии, я должен возвысить теперь свой го-

лос. Пока голова держится у меня на плечах, пока ум мой еще не окончательно омрачился и глаза мои не покрылись вечным мраком, я буду твердо стоять на том, что право изменять устав Академии принадлежит мне. Император наш рано или поздно придет к тому убеждению, что слить в одно целое, ассимилировать все народы, живущие в подвластном ему государстве, есть не что иное, как утопия, придуманная его министрами; наступит время, когда все эти народы отделятся от империи и только одни венгерцы, не имеющие расового сродства с другими европейскими нациями, будут стремиться достигнуть предназначенного им судьбой развития под охраной королевской династии».

Это было в 1858 году. На следующий год, еще до разгара войны, Сечени предсказывал ее неудачный исход и результаты. «Кризисы обыкновенно оканчиваются выздоровлением, — говорил он, — если только болезнь излечима». Около этого времени была издана им в Лондоне книга, где в странной, юмористической, но вместе с тем и мрачной форме он рассказывает, какие бедствия испытала Венгрия под железным управлением Баха, очерчивает будущность ее и советует держаться политики соглашения, примирения с Австрией, но не подчинения ей. «В сущности, это жалкая ничтожная книжонка, — говорил он о своем труде, — но знаете ли вы, как образовался остров Маргариты? Согласно древнему преданию, на том месте, где он теперь находится, протекал прежде Дунай; каким-то образом на дно его попала однажды падаль и застряла в песке; и вот около нее постепенно стал образовываться остров. Моя книга есть тоже нечто вроде этой падали, — кто знает, что может выйти из нее со временем!»

Через несколько месяцев Баха сменил Гюбнер, и либеральная система управления была впервые введена в Венгрии. Бедный Сечени не помнил себя от восторга; из своего скромного убежища он поддерживал нового министра, посылал ему проекты реформ, сочинял и редактировал планы возрождения Австрии, не забывая, конечно, при этом и свою родную Венгрию.

Многие из великих австрийских государственных деятелей приезжали тогда к нему за советами и черпали вдохновение в его умной беседе. К несчастью, восторг слишком скоро сменился разочарованием: место Гюбнера занял Тьерри, бездарный ученик Баха, приверженец старой системы и прежних австрийских порядков; все реформы были тотчас же отложены в долгий ящик.

Трудно представить, в какое отчаяние пришел несчастный Сечени, узнав об этом... Он зовет к себе Рехберга, просит его предупредить, пока еще есть время, императора об ошибочности такого образа действий и предлагает программу двух отдельных конституций для Австрии и Венгрии; согласно этой программе, внутренние вопросы должны были разрешаться каждым государством отдельно, внешние же, касающиеся блага всей империи, — сообща. Однако Рехберг не обладал прозорливостью гениального безумца Сечени и сказал, покачивая головой: «Сейчас видно, что эта программа написана в доме умалишенных». Мало того, министр Тьерри, запо-

дозрив в великом мадьярском патриоте простого заговорщика, посылает отряд жандармов произвести у него в больнице обыск, грозит ему тюремным заключением и велит отнять у него даже любимые бумаги.

Несчастный безумец, умопомешательство которого проявлялось лишь в неудержимой потребности быть полезным своей родине и в мучительном сознании, что он недостаточно много работал для нее, убедился теперь, что для него закрыты все пути к деятельности, и в порыве отчаяния, после неудачной попытки заглушить жгучие страдания беспрерывной игрой в шахматы, наконец лишил себя жизни выстрелом из револьвера. Это было 8 апреля 1860 года, а в 1867 году император Франц Иосиф I сделался королем Венгрии, осуществив все, о чем мечтал погибший в больнице Доблинга безумец, и Рехбергу, осмеявшему составленную им программу, поручено было применить ее на практике.

Известно, что Гофман, самый причудливый из поэтов, обладал замечательными способностями не только к поэзии, но также к рисованию и музыке; он является творцом особого рода фантастической поэзии, хотя рисунки его всегда переходили в карикатуры, рассказы отличались несообразностью, а музыкальные произведения представляли какой-то хаотический набор звуков. И вот этот оригинальный писатель страдал запоем и уже за много лет до смерти писал в своем дневнике: «Почему это, как наяву, так и во сне, мысли мои невольно сосредоточиваются на печальных проявлениях сумасшествия? Беспорядочные идеи вырываются у меня из головы подобно крови, хлынувшей из открытой жилы...» К атмосферным явлениям Гофман был до того чувствителен, что на основании своих субъективных ощущений составлял таблицы, совершенно сходные с показаниями термометра и барометра. В продолжение многих лет он страдал манией преследования и галлюцинациями, в которых созданные им поэтические образы представлялись ему действительно существующими.

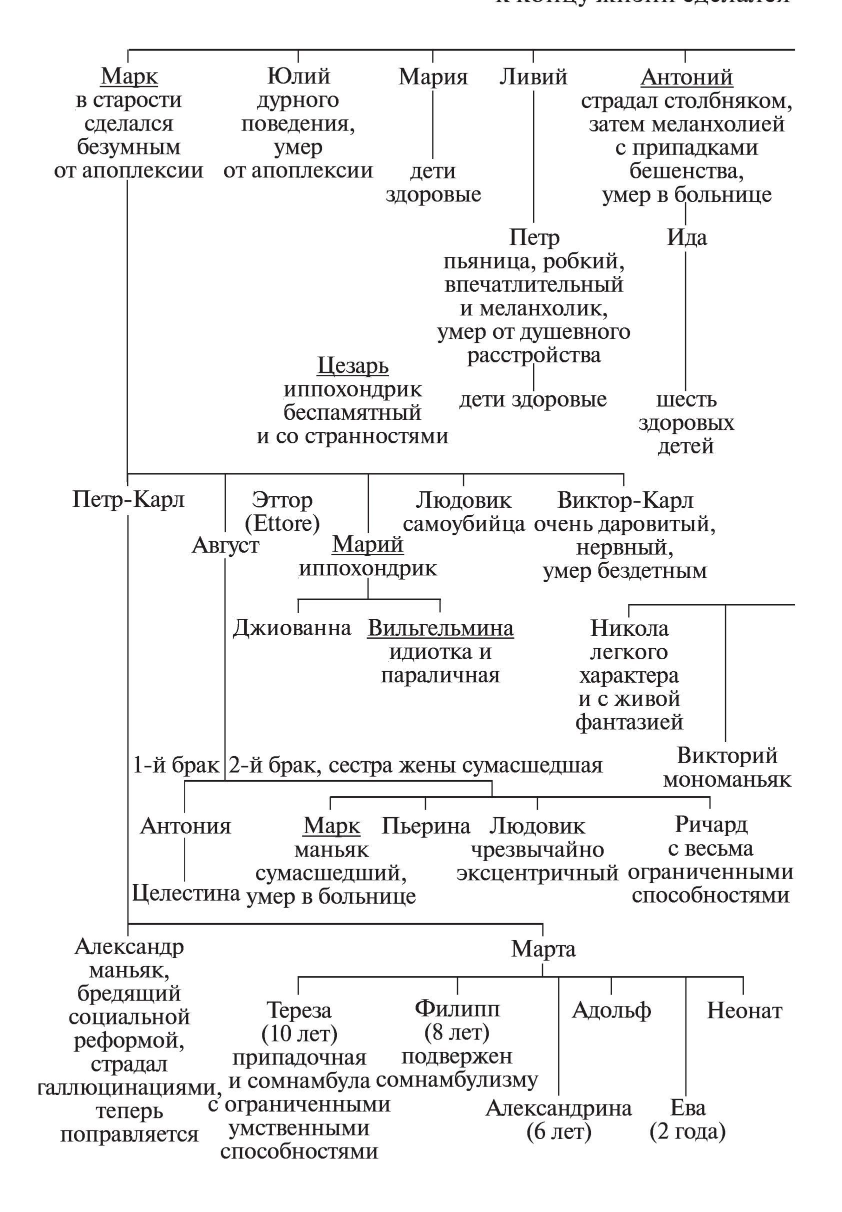
Знаменитый анатом Фодера отличался многими странностями: так, он часто уверял, что может приготовить хлеба на двести тысяч человек, пользуясь одной только простой печью, и обратить в бегство какую угодно, хотя бы миллионную, армию при помощи сорока солдат. Лет в 50 он воспылал страстью к девушке, жившей на противоположной стороне улицы, и, чтобы вызвать взаимность в предмете своей любви, не нашел лучшего средства, как показаться ей совершенно голым, выйдя для этого на балкон. На улице он останавливался перед этой девушкой и любовался ею в немом восторге. Той наконец до того надоело это преследование, что она вылила ведро помоев на голову своего обожателя, который, однако, принял это не за оскорбление, а, напротив, за выражение любви и, совершенно счастливый, вернулся домой. Увидев на дворе цыпленка, Фодера нашел в нем большое сходство со своей возлюбленной, тотчас же купил его и начал ласкать и целовать. Этому цыпленку дозволялось все: пачкать книги, мебель, платье и даже садиться на постель.

РОДОСЛОВНОЕ

Семейства Берти, члены которого страдали

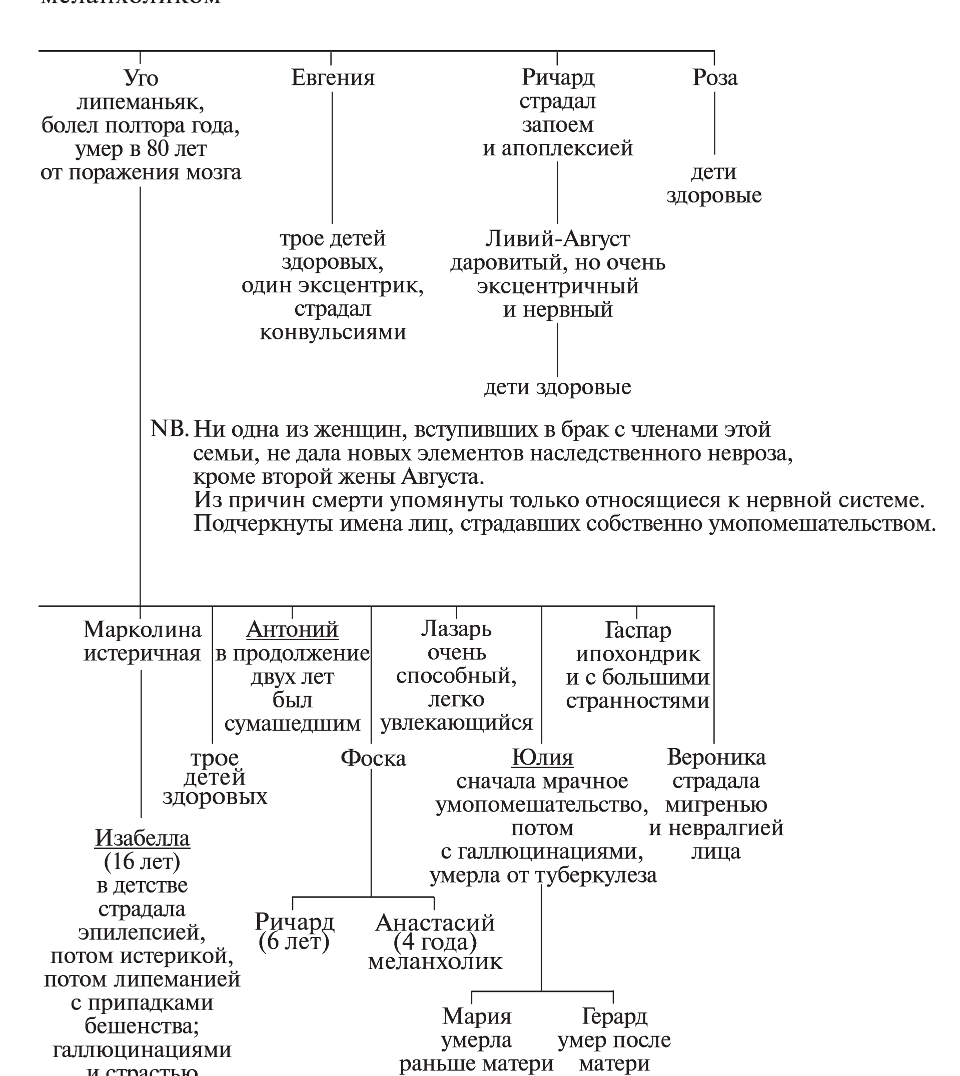
КАРЛ

к концу жизни сделался

ДЕРЕВО
наследственным умопомешательством

меланхоликом

Шопенгауэр наследовал, по собственному его сознанию, ум от матери, энергичной, хотя и бессердечной женщины, и притом писательницы, а характер — от отца, имевшего банкирскую контору, человека странного, мизантропа и даже липеманьяка, который впоследствии застрелился.

Шопенгауэр был тоже липеманьяк: из Неаполя его заставила уехать боязнь оспы, из Вероны — опасение, что он понюхал отравленного табаку (1818), из Берлина — страх перед холерой, а самое главное — боязнь восстания.

В 1831 году на него напал новый припадок страха: при малейшем шуме на улице он хватался за шпагу и трепетал от ужаса при виде каждого человека; получение каждого письма заставляло его опасаться какого-то несчастья, он не позволял брить себе бороду, но выжигал ее, возненавидел женщин, евреев и философов, в особенности этих последних, а к собакам привязался до того, что по духовному завещанию отказал им часть своего состояния.

Философствовал Шопенгауэр постоянно, даже по поводу самых ничтожных вещей, например, своего громадного аппетита (философ был очень прожорлив), лунного света и прочего; он верил в столоверчение, считал возможным с помощью магнетизма вправить вывихнутую ногу у своей собаки и возвратить ей слух. Однажды его служанка видела во сне, что он вытирает чернильные пятна, а наутро он действительно пролил чернила, и вот великий философ делает из этого такой вывод: «Все происходящее происходит в силу необходимости». На основании такой странной логики впоследствии была построена им замечательная по своей глубине система.

По своему характеру Шопенгауэр был олицетворенное противоречие. Признавая конечной целью жизни уничтожение, нирвану, он предсказал (а это равносильно желанию), что проживет сто лет; проповедуя половое воздержание, злоупотреблял любовными наслаждениями и, хотя сам выстрадал много от людской несправедливости, позволил себе, однако, без всякого повода жестоко оскорбить Молешотта и Бюхнера и радовался, когда правительство запретило им читать лекции.

Он жил всегда в нижнем этаже, чтобы удобнее было спастись в случае пожара, боялся получать письма, брать в руки бритву, никогда не пил из чужого стакана, опасаясь заразиться какой-нибудь болезнью, деловые заметки свои писал то на греческом, то на латинском, то на санскритском языке и прятал их в свои книги из нелепой боязни, как бы кто не воспользовался ими, тогда как этой цели гораздо легче было достигнуть, заперев бумаги в ящик; считал себя жертвой обширного заговора, составленного против него философами в Готе, согласившимися хранить молчание относительно его произведений, и в то же время боялся — заметьте это противоречие, — как бы они не стали говорить об этих произведениях.

«Для меня легче, если черви будут есть мое тело, — говорил он, — чем если профессора станут грызть мою философию».

Чувства привязанности были ему совершенно незнакомы: он решился даже оскорбить свою мать, обвинив ее в неверности к памяти мужа, и на

этом основании признал ничтожество всех женщин, у которых «волос долог, но ум короток». Несмотря на то он отрицал моногамию и превозносил тетрагамию (четвероженство), находя в ней только одно неудобство... возможность иметь четырех тещ.

То же бессердечие заставляло его с презрением относиться к чувству патриотизма, которое он называл «страстью слепцов и самой слепой из страстей», и в народных восстаниях сочувствовать не народу, а солдатам, его усмирителям. Этих последних, а также свою собаку он по духовному завещанию сделал даже наследниками своего состояния.

Исключительной и постоянной заботой его было собственное *я*, которое он старался возвеличить всеми способами, видя в себе не только основателя новой философской системы, но и вообще необыкновенного человека. В сотне писем упоминает он с удивительным самодовольством о своих фотографических и писанных масляными красками портретах и говорит даже об одном из последних: «Я приобрел его затем, чтобы устроить для него род часовни, как для священного изображения».

Николай Гоголь, долгое время занимавшийся онанизмом, написал несколько превосходных комедий после того, как испытал полнейшую неудачу в страстной любви; затем, едва только познакомившись с Пушкиным, пристрастился к повествовательному роду поэзии и начал писать повести; наконец, под влиянием московской школы писателей он сделался первоклассным сатириком и в своем произведении «Мертвые души» с таким остроумием изобразил дурные стороны русской бюрократии, что публика сразу поняла необходимость положить конец этому чиновничьему произволу, от которого страдают не только жертвы его, но и сами палачи.

В это время Гоголь был на вершине своей славы, поклонники называли его за написанную им повесть из жизни казаков «Тарас Бульба» русским Гомером, само правительство ухаживало за ним, как вдруг его стала мучить мысль, что слишком уж мрачными красками изображенное им положение родины может вызвать революцию, а так как революция никогда не останется в разумных границах и, раз начавшись, уничтожит все основы общества — религию, семью, — то, следовательно, он окажется виновником такого бедствия.

Эта мысль овладела им с такой же силой, с какой раньше он отдавался то любви к женщинам, то увлечению сначала драматическим родом литературы, потом повествовательным и, наконец, сатирическим. Теперь же он сделался противником западного либерализма, но, видя, что противоядие не привлекает к нему сердца читателей в такой степени, как привлекал прежде яд, совершенно перестал писать, заперся у себя дома и проводил время в молитве, прося всех святых вымолить ему у Бога прощение его революционных грехов. Он даже совершил путешествие в Иерусалим и вернулся оттуда значительно спокойнее, но вот в Европе вспыхнула революция 1848 года — и упреки совести возобновились у Гоголя с новой силой. Его начали мучить

представления о том, что в мире восторжествует нигилизм, стремящийся к уничтожению общества, религии и семьи. Обезумевший от ужаса, потрясенный до глубины души, Гоголь ищет теперь спасения в «Святой Руси», которая должна уничтожить языческий Запад и основать на его развалинах панславистскую православную империю. В 1852 году великого писателя нашли мертвым от истощения сил или скорее от сухотки спинного мозга на полу возле образов, перед которыми он до этого молился преклонив колени.

Если после стольких примеров, взятых из современной нам жизни и в среде различных наций, найдутся люди, еще сомневающиеся в том, что гениальность может проявляться одновременно с умопомешательством, то они докажут этим только или свою слепоту, или свое упрямство.

VII. Примеры гениев, поэтов, юмористов и других среди сумасшедших

Жестоко ошибаются, однако, те, которые думают, что душевные болезни всегда сопровождаются ослаблением умственных способностей, тогда как на самом деле эти последние, напротив, нередко приобретают у сумасшедших необыкновенную живость и развиваются именно во время болезни. Так, Уинслоу знал одного дворянина, который, будучи в здравом рассудке, не мог сделать простого сложения, а после психического расстройства стал замечательным математиком. Точно так же одна дама во время умопомешательства обнаруживала несомненный поэтический талант, но по выздоровлении превратилась в самую прозаическую домовитую хозяйку.

В Бисетре мономаньяк Моро выразил жалобу на свое печальное заключение в следующем прелестном четверостишии:

Сам Данте в своих вдохновенных строфах,
Сам гений Флоренции был бы не в силах
Представить те муки, тот ужас и страх,
Какие в застенках Бисетра постылых
Мы вынесли...

Эскироль рассказывает про одного маньяка, что в период самого острого припадка болезни он сочинял канон, который был впоследствии введен в богослужение. Морель лечил одного сумасшедшего, страдавшего периодическим слабоумием; перед наступлением каждого периода он писал прекрасные комедии.

Можно привести множество примеров того, как самые простые, неученые люди обнаруживали во время умопомешательства необыкновенную находчивость, остроумие, наблюдательность, даже глубокомыслие, не свойственные им прежде, или такие таланты, которыми они не обладали в здоровом состоянии.

Я лечил в Павии одного бедного крестьянского мальчика, который сочинял оригинальнейшие музыкальные арии; он же придумал для своих товарищей, находившихся в одной с ним больнице, до того меткие прозвища, что они так и остались за ними до сих пор. Один старик крестьянин, страдавший миланской проказой, на наш вопрос, считает ли он себя счастливым, отвечал, точно какой-нибудь греческий философ: «Счастливы все те люди, даже богатые, которые желают быть счастливыми».

Многие из моих учеников, вероятно, помнят того душевнобольного Б., теперь уже выздоровевшего окончательно, которого смело можно было назвать гением, вышедшим из народа. Он перепробовал все профессии: был звонарем, слугой, носильщиком, продавцом железных изделий, трактирщиком, учителем, солдатом, писцом, но ничто его не удовлетворяло. Он составил для меня свою биографию, и так хорошо, что если исправить некоторые орфографические ошибки, то она годилась бы в печать, а с просьбой отпустить его из больницы Б. обратился ко мне в стихах, весьма недурных для простолюдина.

Несколько дней тому назад мне пришлось услышать от одного сумасшедшего, простого торговца губками, следующее философское решение вопроса о жизни и смерти. «Когда душа оставит тело, — сказал он, — то оно истлевает и принимает другую форму: мой отец зарыл однажды труп мула в землю, и на ней после того появилось множество грибов, а картофель стал родиться вдвое крупнее, чем прежде». Как видите, нисколько не культивированный, но как бы просветленный маниакальным экстазом, ум этого человека получил способность делать такие выводы, до которых с трудом додумываются лишь немногие великие мыслители.

Некто В., лишившийся рассудка вор, бросился бежать, воспользовавшись дозволенной ему прогулкой. Когда его поймали и стали укорять, зачем он злоупотребил оказанным ему доверием, он отвечал: «Я хотел только испытать быстроту своих ног».

В тюфяке одной истеричной больной, набитом листьями, нашли множество украденных ею вещей: платки, палки, маленькие подушечки, шляпы и два платья, нашитые одно на другое таким образом, что их можно было принять за одно. На вопрос, для чего нужны ей палки, она отвечала: «Я положила их для того, чтобы постель лучше держалась, и, кроме того, разравниваю ими листья». — «А платья вы для чего нашили одно на другое?» — «Чтоб мне было теплее». — «А на что вам платки, пряжки от подвязок, подушечки и прочее?» — «Я не люблю сидеть без дела и набрала себе разных вещей для рукоделия». — «Зачем же вам понадобилась шляпа?» — «Чтобы прятать в нее свою работу».

Когда я спросил у одного больного, страдавшего извращением чувств, почему он выказывает такое отвращение к своей жене, то получил от него такой ответ: «Остаться в прежних дружеских отношениях к жене после того, как она вам изменила, — это выше сил человеческих, а я не хочу отличаться от других людей».

Один старик 70 лет, совершенно беззубый, страдавший хроническим умопомешательством, часто разыгрывал из себя шута, и когда мы укоряли его, находя это неприличным в такие лета, он возражал: «Что за лета мои, я совсем не старик — разве вы не видите, что у меня еще и зубы не прорезались».

Женщину, страдавшую религиозным помешательством, спросили, почему она никогда ничем не занимается. «Потому что меня зовут лентяйкой», — отвечала она. «Ты так безобразна, что на тебя противно смотреть». — «Кто не хочет смотреть на меня, пусть выколет глаза». — «Ты самая безумная из сумасшедших в этой больнице». — «Блажен торговец, знающий хорошо достоинство своего товара».

Теперь займемся поэтами-безумцами, поэтами, родина таланта которых — больница для умалишенных. Лишь немногие из них получили раньше литературное образование, большинство же, по-видимому, вдохновляется и как бы воспитывается исключительно психической болезнью. Я мог бы привести массу примеров в этом роде, но, чтобы не увеличивать объем своей книги и не наскучить читателям, ограничусь лишь немногими, прибавив при этом, что произведения поэтов-безумцев всегда страдают отсутствием единства, отличаясь вместе с тем замечательной неровностью не только в отношении поразительной быстроты переходов от самого мрачного настроения к самому веселому, но также по массе противоречий, какую они представляют, и по легкости, с какой меняется их слог, то правильный, утонченный, изящный, то грубый до неприличия, циничный, безграмотный и совершенно бессмысленный».

Некогда известный поэт M. G., брат знаменитого литератора, помешавшись вследствие чрезмерных занятий и злоупотребления спиртными напитками, начал тиранить свою жену, кричать и бранить воображаемых преследователей. Через несколько времени, когда эти припадки бешенства прекратились, у него явилась мания величия, и он принялся писать стихи, чрезвычайно гармоничные, но совершенно бессмысленные. Между прочим, он сочинил трагедию, где в число 60 действующих лиц помещены и Архимед с Гарибальди, и Эммануил Карл Феликс* с Евой, Давидом и Саулом. Тут являются также и невидимые персонажи, звезды, кометы, которые тем не менее произносят длиннейшие монологи.

Этот несчастный поэт, воображавший себя Горацием, в течение нескольких лет перепробовал всевозможные стихотворные формы и принялся даже за невозможные, называя их то аметрами, то олиметрами. Проза выходила у него еще бессмысленнее, так как он воображал, что пишет на каком-то новогреческом языке, и, например, камень называл «литиас», друзей — «фили» и прочее.

А между тем он же писал потом сонеты, которые не уступят даже сонетам Верни.

У него же мы находим юмористическую пародию на сонет Данте, а рядом с нею стихи, проникнутые мрачной, мощной энергией, как, например,

следующее стихотворение, поразительно правдиво рисующее безотрадное одиночество липеманьяка:

К САМОМУ СЕБЕ

Чем недоволен ты, пришелец безумный?..
Всем вообще и в частности ничем.
Я недоволен тем, что свод небес лазурный
Покрылся тучами, что стих мой нем,
Что он бессилен и не может
Излить пред небом то страданье,
Что день и ночь мне сердце гложет...
Пусть все живое изнеможет
В борьбе с несчастием и злом,
Пусть обратится мир в Содом —
И я предамся ликованью.

M. G.

Вообще у этого маньяка встречаются стихи, замечательно изящные по слогу и достойные самого Петрарки.

Но вот пример еще более поразительный: в то время как не только государственные люди, но и более или менее опытные психиатры ломали себе головы над разрешением вопроса, точно ли Лаццаретти сумасшедший, меткую характеристику его написал один липеманьяк, пациент уважаемого доктора Тозелли, который и сообщил мне это оригинальное стихотворение.

В наш век путей железных
И книг душеполезных,
Век электричества, паров
И помрачения умов,
В наш век газет серьезных,
Обманов грандиозных,
Век канцелярских баррикад —
Чтоб полный вышел маскарад,
Недоставало лишь живого
Святого.
Но вот вдруг на Монтелябро,
Как свет из канделябра,
Из яслей воссиял
Давид, и нем, и мал.
Он начал от солдата,
Прошел чрез демократа,
Котурны, плащ надел,

Глаза горе воздел —
И век газет увидел снова
Святого.
Был прежде он заикой,
Но тут вдруг стал великий
Оратор и пророк —
Таков Давида рок.
В кутиле вдруг отпетом
Мир встретился с аскетом…
Он изменил свой вид,
Он властно говорит,—
И все признали в нем за «слово»
Святого.
Он стал теперь законодатель,
Герой, мудрец и предсказатель;
Как Моисей, стал управлять
И смело выступил в печать.
Завел апостолов ораву
И Магдалин себе во славу,
Голгофы ищет и цепей,
Идя во след Царю Царей.
Глупцы лежат у ног больного —
«Святого».
Как Генрих некогда в Каноссе,
Давид споткнулся в Арчидоссе:
Рукою сильною Давид
Был остановлен и побит.
Толпа апостолов бежала,
И в довершение скандала,
Орава уличных девиц
Повергла дерзновенно ниц
От изумления немого
Святого.
Страна цветов, моя Тоскана,
В твоем мозгу зияет рана.
Пристрой маньяков там, где им
Быть надлежит со всем «святым»,—
И все почтут тебя хвалою.
Пусть орошаются слезою
Кресты замученных борцов,
А не маньяков и глупцов —
Не память твоего слепого
Святого!

Однако у того же поэта встречаются и бессмысленные стихотворения.

Наконец, еще полнее и нагляднее подтверждают мое предположение, что существует особый поэтический экстаз, вызываемый душевными болезнями, следующие прелестные стихи, переданные мне Таркини-Бонфанти и написанные чуть ли не в его присутствии одним сумасшедшим:

К птичке, залетевшей на двор

С дерева на скалу, со скалы на холм переносят тебя твои крылья — ты то летаешь, то садишься и днем и ночью.

А мы, ослепленные своей гордостью, как бы прикованные к железному столбу, мы все кружимся на одном месте, вечно стараясь уйти подальше и вечно оставаясь тут же.

Кав. И.

Прелесть этих строф будет еще понятнее читателю, если он припомнит, что автор намекает в них на тот дворик с деревом посередине, вокруг которого гуляют сумасшедшие по выложенной камнем дорожке. «Несчастный поэт, — пишет мне Таркини, — живет в нашем доме умалишенных уже около 20 лет, он воображает себя кавалером, князем и прочими, видит повсюду нечто таинственное, в продолжение многих лет постоянно собирается вынимать посредством своей трубки ключи директора, любит принарядиться и показать, что у него хорошие манеры. Он рисует довольно правильно, когда копирует что-нибудь, если же начнет сочинять свой рисунок, то у него всегда выходят каракули, с помощью которых он силится олицетворять таинственные образы, постоянно занимающие его».

Очевидно, этот больной страдал хроническим горделивым помешательством. Любопытно, что автор этого прелестного стихотворения, одержимый положительно страстью к бумагомаранию, обыкновенно писал преплохие, даже безграмотные сочинения в стихах и прозе, постоянно намекая в них на разные воображаемые почести или на свои титулы, что он сделал, впрочем, и в приведенной выше пьеске, подписавшись под нею кавалером *Y*.

В заключение я приведу еще пример, чрезвычайно интересный даже с точки зрения судебной психиатрии, так как в этом случае, кроме несомненного литературного дарования, временно вызванного сумасшествием, мы имеем еще и доказательство того, что помешанные могут притворяться безумными под влиянием какого-нибудь аффекта, в особенности из страха наказания. Пример этот я заимствую из моей практики. Один бедный башмачник по фамилии Фарина, отец, дядя и двоюродный брат которого были сумасшедшие и кретины, еще молодой человек, уже давно страдал умопомешательством и галлюцинациями, но с виду казался веселым и спокойным. Вдруг ему пришла фантазия убить женщину, не сделавшую ему ничего дурного, мать той девушки, которую он под влиянием свойственного помешанным эроти-

ческого бреда считал своей любовницей, хотя, в сущности, лишь мельком видел ее. Вообразив, что эта женщина подстрекает против него невидимых врагов, голоса которых не давали ему покоя, Фарина зарезал ее ножом, а сам бежал в Милан. Никто даже не заподозрил бы его в совершении такого преступления, если бы он, вернувшись в Павию, не пришел сам в полицейское бюро и не сознался в убийстве, представив для большей убедительности и чехол от того ножа, которым нанесен был роковой удар. Но потом, когда его посадили в тюрьму, он раскаялся в этом поступке и притворился страдающим полной потерей рассудка, хотя этой формы умопомешательства в то время у него уже не было. Когда меня пригласили в качестве эксперта для решения вопроса о психическом состоянии преступника, я долго колебался, к какому заключению прийти на его счет и как убедиться в том, что, будучи помешанным, он вместе с тем притворяется безумным. Наконец его поместили в мою клинику, где я мог тщательно наблюдать за ним и где он написал для меня свою подробную биографию; только тогда мне стало ясно, что передо мной — настоящий мономаньяк.

Биография эта[1], по-моему, является драгоценнейшим документом в области патологической анатомии мысли, как очевидное доказательство возможности не только появления галлюцинаций при нормальности всех остальных психических отправлений, но также и неудержимого импульса к совершению проступка с сознанием ответственности за него, на что уже указывал профессор Герцен в своем прекрасном сочинении «О свободе воли».

При чтении автобиографии Фарины невольно удивляешься тому, как мог человек, не получивший никакого литературного образования, излагать свои мысли до такой степени ясно, правильно, нередко даже красноречиво, обнаруживая при этом замечательную, необыкновенную память. Так, он с точностью определяет величину куска мыла, купленного 3–4 года тому назад, подробно описывает давнишние сны, разговоры, помнит места, собственные имена, вообще все мельчайшие обстоятельства много лет тому назад случившихся событий, которые не удержались бы в памяти здорового человека и несколько дней. Особенно живо у него воспоминание о виденных им чрезвычайно многочисленных снах, из чего ясно следует, до какой степени они овладели расстроенным воображением этого несчастного.

Не менее любопытна и та подробность, что вначале Фарина совершенно здраво показывал своим товарищам по заключению всю нелепость веры их в пророческие сны, а потом сам начал верить им, скорее в силу подражания, чем вследствие грубого невежества, так как остальные заключенные, хотя и не помешанные, были гораздо менее развиты в умственном отношении, чем он.

Насколько помешанный Фарина был умственно выше своих сотоварищей по заключению, видно, между прочим, из того, что, оспаривая их мне-

[1] Биография помещена в приложении.

ние, будто суды в Австрии справедливее, чем в Италии, он заметил: «А разве в Австрии мошенников не сажают в тюрьмы точно так же, как и здесь?»

Далее, интересно то обстоятельство, что иногда несчастный вполне ясно сознавал свои галлюцинации, в другое же время принимал их за действительность и что он замечал усиление их вследствие слабости, усталости и при высоком положении головы во время сна — факт, на который следует обратить внимание спиритуалистам и врачам—любителям кровопусканий. Кроме того, меня изумило, что Фарина называет чувство, побудившее его к совершению убийства, инстинктом, точно он посоветовался с каким-нибудь представителем старинной школы германских психологов, хотя до такой степени сознавал важность этого преступления, что не раз готов был отказаться от совершения его при мысли о суде, о кандалах и о позорном заключении в тюрьме. Наконец, следует заметить, что многим из употребленных им в рукописи слов он придает своеобразный, ему одному понятный смысл, например, прерогатива, развлечение, настойчивость и прочее, что составляет характеристическую особенность однопредметного помешательства.

Для целей судебной медицины особенно важен в автобиографии Фарины его правдивый рассказ о том, как он все подготовил, чтобы убежать в Швейцарию, и как ему помешала исполнить это овладевшая им слабость и боязнь преследования со стороны полчища воображаемых врагов. Предположите же теперь, что припадки галлюцинаций вдруг прекратились бы, а бегство удалось, и тогда человек, не занимающийся психиатрией, наверное, затруднился бы признать факт временного помешательства преступника.

Что же касается притворного сумасшествия, то Фарина выбрал именно самую удобную для себя форму — манию инстинктивных ночных галлюцинаций, которой действительно страдал прежде, так что если бы у этого несчастного не явилось вдруг странного убеждения в желании врачей защитить его во что бы то ни стало, то он продолжал бы притворяться и перед нами и ни в каком случае не высказался бы с той полной откровенностью, как это сделано было им в своей автобиографии. А без этого драгоценного документа мы рисковали бы счесть Фарину или за маньяка, когда он не был им, или за притворщика, когда он и не думал притворяться.

Здесь мы видим новое доказательство того, как мало значения могут иметь для правосудия заключения экспертов, почерпнутые только из определения психологических способностей испытуемого, в сравнении с методом новейших психиатров, основанным на опытах.

Для нашей же собственной цели прекрасная, местами художественно написанная автобиография Фарины является неопровержимым подтверждением выставленного нами положения, что бывают случаи, когда помешательство возвышает ум необразованных людей над общим уровнем и в значительной степени развивает их интеллектуальные способности.

Общая и резкая особенность поэтов-сумасшедших состоит в присущей им всем силе творческого воображения, столь несвойственной их прежним жизненным условиям и ограниченному умственному кругозору.

Правда, у многих это творчество сводится к постоянному кропанию эпиграмм, острот и созвучий, которые хотя и считаются в большом свете за признак блестящего ума, *bel esprit*, но, в сущности, доказывают противное, не только потому, что в них часто не бывает логического смысла, но еще и потому, что ими особенно усердно занимаются умалишенные. Впрочем, и в прозаических сочинениях этих последних заметна склонность к созвучиям, к рифмам. Между такими литераторами дома умалишенных нередко встречаются импровизированные философы, у которых среди безумных фантазий являются иной раз проблески идей, как будто заимствованных из философских систем эпикурейцев или позитивистов. Но большинство все-таки состоит из поэтов или, скорее, версификаторов, преобладающим свойством произведений которых служит оригинальность, нередко доходящая до абсурда, вследствие разнузданности воображения, не сдерживаемого более ни логикой, ни здравым смыслом, как это всегда бывает с ненормальными или неразвитыми умами. Физиологический пример такого явления представляют дети; что же касается патологических примеров, то их множество: придуманная Петром Сиенским теория превращений и странствований души, новогреческий язык, изобретенный душевнобольным из Пезаро, и прочее.

Благодаря своему более живому воображению и быстрой ассоциации идей сумасшедшие часто выполняют с большой легкостью то, что затрудняет даровитейших здоровых, нормальных людей, как это доказывает приведенная нами раньше характеристика Лаццаретти, написанная без всяких усилий сумасшедшим, тогда как над нею тщетно трудились многие алиенисты*, в том числе известный доктор Микетти, обладавшие, конечно, большей проницательностью и — что еще важнее — несравненно большим количеством данных для постановки правильного диагноза. Другая характеристическая особенность таких писателей — и это замечается даже в произведениях преступников — это страсть говорить о себе или о своих близких и составлять свои автобиографии, давая при этом полную волю себялюбию и тщеславию. Нужно заметить, впрочем, что обыкновенные сумасшедшие обнаруживают в своих сочинениях меньше искусственности в выражениях и меньше последовательности, чем преступники, но зато у них больше творческой силы и оригинальности сравнительно с этими последними. Далее, литераторы дома умалишенных чрезвычайно склонны употреблять созвучия, часто совершенно бессмысленные, и придумывать новые слова или же придавать особый смысл уже существующим словам и преувеличивать значение самых ничтожных мелочных подробностей; так, Фарина посвящает чуть не полстраницы описанию купленного им куска мыла. «Сумасшедшие всегда трудятся над какими-нибудь утомительными, иссушающими мозг пустяками», — сказал Гекарт в предисловии к своей «*Gualana*» — произведению, кстати сказать, тоже не отличающемуся здравым смыслом.

У многих душевнобольных, хотя и не так часто, как у маттоидов (тронутых, поврежденных), заметно стремление дополнять свои поэтические вымыслы рисунками, точно ни поэзия, ни живопись в отдельности недостаточно сильны для выражения их идей. В слоге сказывается недостаток правильности, отделки; но периоды отличаются такой силой и законченностью, что в этом отношении не уступают произведениям образцовых писателей.

Такое мастерство изложения и способность к версификации, проявляющиеся в людях, которые до заболевания даже не имели понятия о просодии, не покажутся нам особенно изумительными, если мы припомним данное Байроном определение поэзии: по его мнению, основанному на собственном опыте, «поэзия есть выражение страсти, которая проявляется тем могущественнее, чем сильнее было вызвавшее ее возбуждение». Отсюда становится понятным, почему у помешанных так сильно развивается воображение, часто переходящее даже в полную разнузданность. Богатство фантазии и страстное возбуждение всегда являлись могучими факторами творческой деятельности. По мнению Вико, блистательно доказанному впоследствии Боклем, в древние времена и у древних народов первые мыслители и ученые были поэты, излагавшие стихами исторические события, народные верования и вообще создавшие там эпос, который затем передавался из уст в уста, из поколения в поколение, как это мы видим в Галлии, в Тибете, в Америке, Африке и Австралии, по свидетельству различных путешественников.

Эллис рассказывает, что в Полинезии для решения споров относительно давно прошедших событий туземцы обращаются к своим балладам точно так же, как мы к историческим документам. Мало того, не только в Древней Индии, но даже в средневековой Европе все науки перекладывались в стихотворную форму. Монтукла упоминает о математическом трактате XIII столетия, написанном силлабическими стихами; один англичанин переложил в стихи «Кодекс Юстиниана», а какой-то поляк — «Геральдику».

Да, наконец, разве собственно история, хотя изложенная прозой, не переполнена точно так же поэтическими вымыслами, фантастическими эпизодами, натяжками в объяснениях и прочим? Разве в ней мы не встречаем всевозможных нелепостей, вроде того, например, что название сарацинов произошло от Сары, а Нюрнберга — от Нерона, что Неаполь появился на яйце*, что после некоторых войн с турками у детей бывало не 32 зуба, а 22 или 23? Разве историк Турпино, этот Маколей своего времени, не сообщил в своей хронике, что стены Пампелуны, нынешней Памплоны, пали сами собой, едва лишь спутники Карла Великого начали молиться Богу? Да и вообще, в нашей истории столько басен, порожденных безумием человечества (тем более склонного ко всему фантастическому, чем оно невежественнее), что наши филологи только понапрасну ломают себе головы в тщетных усилиях найти разумное объяснение для этого ребяческого бреда.

Что мерный стих успокаивает и гораздо полнее выражает ненормальное психическое возбуждение, чем проза, в этом нас убеждают наблюдения над

пьяницами и собственное признание многих из таких бессознательных помешанных поэтов. Один преступник-маттоид, находившийся в больнице Арбу, прекрасно выразил эту инстинктивную склонность к поэтической форме в следующем двустишии:

Не удивляйтесь моему письму в стихах:
Я прозой не могу писать никак!

Другой, липеманьяк, лечившийся в доме сумасшедших в Пезаро, так объясняет значение многих своих стихотворений. «Поэзия, — говорил он, — это мгновенная эманация души, это крик, вырывающийся из потрясенной тысячами мук груди».

Патологическое происхождение таких литературных произведений служит достаточным объяснением неодинаковости их стиля, то сильного и блестящего, то вялого и бесцветного по мере того, как ослабевает возбуждение, так что строфы классически прекрасные вдруг сменяются идиотской болтовней. Тем же обусловливаются и крайние противоречия между произведениями одного и того же автора, например у Фарины и Лаццаретти. Впрочем, стиль большинства из них представляет какое-то детское, примитивное построение периода, наклонность к афоризмам или коротким фразам, частое повторение одних и тех же слов или оборотов, напоминающих библейские изречения или суры Корана, а также, как заметил Тозелли, однообразие в рассуждениях почти всегда о предметах малознакомых, чуждых пишущему и — что особенно любопытно — совершенно бесполезных как для него самого, так и для других. Наибольшую склонность к писательству обнаруживают, по моему мнению (которое разделяют Адриани и Тозелли), хронические маньяки, алкоголики и полупаралитики в первом периоде болезни, хотя у этих последних стихи часто похожи на рифмованную, бессмысленную прозу. Затем следуют меланхолики, сравнительно реже попадающие в больницы для умалишенных. Потребность высказаться на бумаге, вероятно, является у них вследствие свойственной им молчаливости и желания защитить себя таким способом от воображаемых преследований — факт гораздо более важный, чем это может показаться на первый взгляд, особенно когда мы сопоставим его с признанным уже всеми другим фактом — наклонностью к меланхолии всех великих мыслителей и поэтов.

VIII. Сумасшедшие артисты и художники

Хотя артистические наклонности весьма резко и почти всегда проявляются при некоторых формах умопомешательства, но лишь немногие из психиатров обратили должное внимание на это обстоятельство. Насколько мне известно, о нем писал только Тардье, который признал, что рисунки сумасшедших имеют громадное значение в судебной медицине, и доказал это на

деле; затем Симон, который, исследуя вопрос о развитии воображения у помешанных, нашел, что люди, страдающие манией величия (мегаломаньяки), особенно склонны заниматься рисованием и что воображение усиливается обратно пропорционально здоровому состоянию мозга; и, наконец, доктор Фрижерио, поместивший по этому вопросу прекрасную статью в «Дневнике дома умалишенных в Пезаро» 1880 года. Кроме того, в том же году я составил вместе с Максимом дю Каном небольшой очерк «Искусство у сумасшедших», помещенный в журнале «Архив психиатрии и судебной медицины». Нам с дю Каном удалось всесторонне исследовать занимавший нас вопрос о проявлении артистических наклонностей у сумасшедших при помощи богатого материала, собранного в больницах для умалишенных, находящихся в Пезаро и Павии, а также благодаря недавней френиатрической выставке в Реджо[1] и содействию многих специалистов, помогавших нам не только советами, но и доставлением множества интересных документов и факсимиле. На основании собранных таким образом данных мы нашли артистические наклонности у 107 помешанных, в том числе 46 человек занимались живописью, 10 — скульптурой, 11 — резьбой, 8 — музыкой, 5 — архитектурой и 27 — поэзией.

По роду психического расстройства эти больные распределялись так: 25 страдали извращением чувств и манией преследования; 21 — безумием; 16 — мегаломанией (мания величия); 14 — острым или перемежающимся помешательством; 8 — меланхолией; 8 — общим параличом; 5 — нравственным помешательством; 2 — эпилепсией.

Из этих цифр очевидно преобладание неизлечимых форм помешательства и сопряженных с полной потерей рассудка — мегаломания, паралич и мономания.

Сопоставляя сведения, так любезно доставленные мне коллегами из различных мест, с моими собственными наблюдениями, я пришел к заключению, что провинции, где особенно процветают искусства, — Парма, Перуджа — дают и наибольшее число помешанных с артистическими наклонностями, тогда как их очень мало в Павии, Турине и Реджо.

Из числа этих 107 человек были: 8 живописцев или скульпторов, 10 столяров, архитекторов и резчиков по дереву, 10 учителей или духовных, 1 телеграфист, 3 студента, 6 моряков, военных или инженеров, откуда ясно, что лишь у немногих появление артистических наклонностей обусловливалось профессией и приобретенными до болезни привычками, которые, без сомнения, должны были оказывать влияние на творческую деятельность их во время психического расстройства.

Так, инженер чертил планы машин и оконные косяки; двое моряков делали маленькие суда, совершенно пропорциональные во всех частях, трактирщик рисовал на полу столы, украшенные пирамидами фруктов, и про-

[1] Выставка нелепых произведений из области искусства, живописи, скульптуры и др.

чее. В Реджо один столяр вырезывал прелестные орнаменты и арабески; в Генуе капитан-моряк сначала устраивал изящные лодочки, а потом принялся за живопись, хотя прежде никогда не занимался ею, и постоянно рисовал сцены из морской жизни, что, по его словам, служило ему облегчением в тоске по любимой стихии. Некоторые, принявшись за прежние занятия, выказывают под влиянием сумасшествия странное увлечение своей работой и разрисовывают столы, стены, а при случае даже и пол. Один из подобных живописцев обнаружил во время болезни такие дарования, что его копия с «Мадонны» Рафаэля была удостоена премии на выставке. В больнице Адриани столяр, страдавший перемежающимся безумием, выполнял художественные работы из дерева. То же самое наблюдали и другие врачи. Знаменитый живописец Миньони, уроженец Реджо, принадлежавший к типу большеголовых (окружность головы 60 сантиметров, вместимость черепа — 1671, лицевой угол — 73, вес мозга — 1555), у которого мать была истеричная, а брат — эпилептик, поступил в больницу Реджо вследствие полного умопомешательства и мегаломании и провел там 14 лет в полнейшей праздности; наконец, по совету доктора Зани, он снова принялся за кисти и расписал все стены великолепными картинами, на которых изобразил историю графа Уголино до того реально, что одна больная, чтобы избавить несчастных отца и сына от голодной смерти, бросала куски мяса в стены, вследствие чего на них и до сих пор еще сохранились жирные пятна*.

Уважаемый доктор Фунойоли писал мне, что в сиенском доме умалишенных в продолжение 10 лет находился один живописец, страдавший манией преследования, который превосходно разрисовал больничные палаты. Но это все исключительные случаи; вообще же под влиянием потери рассудка люди, никогда не бравшие в руки кисти, чаще делаются живописцами, нежели настоящие живописцы снова берутся за кисти. Например, Делапьер сообщает, что известный живописец Маккленел, сойдя с ума, сделался поэтом, а физик Мельмур, потерявший рассудок от горя вследствие смерти его жены в день свадьбы, превратился в словесника и перестал заниматься своей специальностью. В Сиене живет знаменитый скульптор Л., у которого после легкого паралича статуи начали выходить непропорциональными. Умственное расстройство если и заглушает некоторые артистические дарования, зато вызывает другие, не существовавшие прежде, и сообщает творчеству отпечаток оригинальности.

Из восьми находившихся в Перудже живописцев, характеристики которых прислал мне Адриани, четверо сохранили вполне свой талант под влиянием острого или перемежающегося сумасшествия; у двоих дарование значительно ослабело, так что они по выздоровлении уничтожали написанные во время болезни картины; у одного оно совсем исчезло, и, наконец, последний — липеманьяк — утратил правильность рисунка и колорита. Один живописец, пишет мне Верга, в таком излишестве употреблял красную краску, что все написанные им фигуры, казалось, изображали пьяных. Алкого-

лики, напротив, всегда злоупотребляют желтой краской, что Фрижерио заметил и у одного больного, страдавшего нравственным помешательством. Известен также случай, когда живописец-алкоголик потерял всякую способность различать цвета и до того усовершенствовался в употреблении одной только белой краски для своих картин, которые писал в промежутках между периодами запоя, что сделался первым во всей Франции художником по части зимних, северных пейзажей. Кретины, идиоты, слабоумные или чертят фигурки детей, или постоянно воспроизводят один и тот же рисунок, как, например, Гранди, хотя и они обнаруживают иногда замечательные способности в раскрашивании и составлении арабесок: мне самому случалось два раза видеть кретинов, прекрасно рисовавших шифры. Часто даже люди, в нормальном состоянии не чувствовавшие никакой склонности к искусству, после болезни вдруг начинают заниматься рисованием и всего усерднее именно в момент ее наибольшего развития.

Один каменщик, находившийся в пезарской больнице для умалишенных, обнаружил большой талант к рисованию и во время маниакальных припадков всегда принимался чертить карандашом карикатуры на служителей и заведующих больницей, причем изображал их в нелепом виде, испытывающими различные мучения. Так, например, когда повар не дал ему какого-то рагу, он нарисовал его в позе и с лицом классических пропорций (хотя тот был круглолицый толстяк) перед железной решеткой, которая не позволяла ему воспользоваться помещенными за нею лакомыми кушаньями.

Некто П. делался страстным рисовальщиком при наступлении каждого припадка возбуждения, что случалось с ним раз в полгода или раз в год, тогда рука его быстро скользила по стенам, выводя на них изящные завитки и арабески. По свидетельству Адриани, один каноник, не имевший прежде никакого понятия об архитектуре, сделавшись липеманьяком, начал устраивать из картона и папье-маше грандиозные, удивительно изящные модели храмов, амфитеатров и прочее. В Перудже было двое больных, один занимавшийся прежде кузнечным ремеслом (алкоголик), другой — скорняжным (мегаломаньяк), которые лепили из глины головы людей, листья, цветы и какие-то сложные, необыкновенные фигуры. В этих последних только и проявлялась болезненная, безумная фантазия художников, все же остальное было сделано артистически и в высшей степени оригинально. Рассмотрим теперь более подробно сами рисунки.

1) Выбор сюжета обусловливается у многих характером умственного расстройства: липеманьяк рисовал постоянно человека с черепом в руке; женщина, страдавшая мегаломанией, непременно помещала изображение божества на своих вышивках; мономаньяки по большей части пользуются какими-нибудь эмблемами для обозначения мучащих их воображаемых бедствий. У меня есть пасквиль, составленный одним чиновником из Вогера, воображавшим, что его преследует префект посредством ветров; поэтому он изобразил на рисунке с одной стороны толпу гонящихся за ним врагов, а

с другой — защищающих его судей. Одна женщина, страдавшая манией преследования и отчасти эротическим помешательством, нарисовала образ Богородицы, а в подписи под ним сделала намек, что это — ее собственное изображение.

2) Психическое расстройство часто вызывает у больных, как мы уже убедились в этом относительно гениев и даже относительно гениальных сумасшедших, необыкновенную оригинальность в изобретении, что резко выражается даже в произведениях полупомешанных людей. Причина этого ясна: ничем не сдерживаемое воображение их создает такие причудливые образы, от которых отшатнулся бы здоровый ум, признав их нелогичными, нелепыми. Так, например, в Пезаро была одна дама, придумавшая особый способ вышивания или, скорее, выкладывания: она выдергивала нитки из материи и потом наклеивала их слюной на бумагу.

Другая вышивальщица, страдавшая запоем, так живо воспроизводила бабочек, что они казались трепещущими, и придумала такой способ вышивания белыми нитками, что шитье выходило с полутенями, как будто не одноцветное. В Мачерато один сумасшедший воспроизвел посредством палочек фасад больницы, а другой изобразил в скульптуре целую песенку, хотя и не особенно отчетливо; точно так же в Генуе один помешанный вырезывал трубки из каменного угля.

В Реджо некто Занини сшил себе один только сапог для того, чтобы никто не мог воспользоваться им; с одной стороны этого сапога был сделан разрез, который связывался веревочкой, а сверху — отвороты, разрисованные иероглифами.

В Пезаро был один больной, которому очень хотелось вернуться домой, но его не отпускали под тем предлогом, что переезд стоит слишком дорого. Тогда он соорудил себе чрезвычайно оригинальный экипаж — нечто вроде четырехколесного велосипеда.

Один больной, страдавший горделивым помешательством, рисовал арабески, по большей части таким образом, что из различных завитков выходили то коробка, то животное, то человеческая голова, то железная дорога, то пейзажи, виды городов и прочее.

Наконец, оригинальность проявляется уже и в том, что сумасшедшие обнаруживают дарование в таких искусствах, которыми они прежде никогда не занимались.

3) Но, в конце концов, и сама оригинальность превращается у всех или почти у всех помешанных в нечто странное, причудливое и кажущееся логическим лишь в том случае, когда нам известен пункт их помешательства и когда мы представим себе, до какой степени разнузданно у них воображение. Симон заметил, что в мании преследования, а также в паралитической мегаломании воображение бывает тем живее и сила творческой, эксцентрической фантазии тем деятельнее, чем менее нормально состояние умственных способностей. Один психически больной живописец, например, уверял, что он видит недра земли, а в них — множество хрустальных домов,

освещенных электричеством и наполненных чудным ароматом и прелестными образами. Далее он описывал представляющийся ему город Эммы, у жителей которого по два рта и по два носа — один для обыкновенного употребления, а другой — для более эстетического; мозг у них — серебряный, волосы — золотые, рук — три или четыре, а нога только одна и под нею приделано маленькое колесо.

Фантастичность представлений в значительной степени обусловливается и нелепыми галлюцинациями: так, Лаццаретти изображал на своем знамени четвероногое животное о семи головах; один больной сделал себе кирасу из камешков, чтобы защититься от своих врагов, другой по целым дням чертил топографические карты пятен, образовавшихся от сырости на стенах его камеры. Впоследствии оказалось, что он считал эти карты планами областей, дарованных ему Богом на земле. В этом же богатстве фантазии заключается одна из причин того, что артистические способности бывают иногда гораздо сильнее развиты у безумных, нежели у маньяков и меланхоликов.

4) Одну из характерных особенностей художественного творчества сумасшедших составляет почти постоянное употребление письменных знаков вместе с рисунками, а в этих последних — изобилие символов, иероглифов. Такие смешанные произведения чрезвычайно походят на живопись японцев, индийцев, на старинные стенные картины египтян и обусловливаются у сумасшедших теми же причинами, как и у древних народов, т. е. потребностью дополнить значение слова или рисунка, в отдельности недостаточно сильных для выражения данной идеи с желательной ясностью и полнотой. Это объяснение вполне применимо и к факту, сообщенному мне Монти, когда один немой, страдавший умопомешательством в продолжение 15 лет, к нарисованному им совершенно правильно плану какого-то строения прибавил множество непонятных рифмованных надписей, эпиграфов, вписанных внутри плана и кругом его, очевидно с той целью, чтобы служить комментариями, которых бедняк не мог дать устно.

У некоторых мегаломаньяков это зависит также от стремления выражать свои идеи на языке, не похожем на общечеловеческий, — явление, в сущности, вдвойне атавистическое, т. е. выражающее наклонность к тому способу выражения мыслей, которым пользовались наши отдаленные предки, придумывавшие новые слова, а за неимением их прибегавшие к рисункам. Такой случай я наблюдал в одном сумасшедшем, называвшем себя владыкой мира, и описал его вместе с Тозелли. Это был крестьянин 63 лет, крепкого телосложения, с большим лбом, выдающимися скулами и выразительными проницательными глазами. Вместимость его черепа равняется 1544, лицевой угол 82, температура 37,6°.

Осенью 1871 года на него вдруг напала страсть к бродяжничеству, к болтовне; он начал останавливать самых высокопоставленных лиц на площадях или в присутственных местах, жалуясь им на оказанную ему несправедливость, уничтожал съестные припасы, опустошал поля и бегал по дорогам, грозя кому-то жестокой местью. Мало-помалу несчастный вообразил

себя богом, царем вселенной и даже говорил проповеди в соборе Альба о своем высоком назначении. Когда его поместили в дом умалишенных в Ракониджи, он вначале держал себя тихо, пока был твердо убежден, что здесь никто не сомневается в его могуществе; но при первом же противоречии стал грозить, что опрокинет земной шар, разрушит все государства и сделает себе пьедестал из развалин целого мира. При этом несчастный называл себя владыкой вселенной, олицетворением стихий и — то братом, то сыном, то отцом солнца.

«Мне уже надоело, — кричал он, — содержать на свой счет такую массу солдат и праздношатающихся! Справедливость требует, чтобы, по крайней мере, правительство и богатые люди прислали мне значительную сумму денег для уплаты долгов смерти!» Так называл он требуемый им налог и обещал навсегда сохранить жизнь уплатившим его, бедняки же все должны были умереть как совершенно бесполезные существа. Затем его крайне возмущала необходимость содержать в своем дворце столько помешанных, и он не раз просил доктора отрубить им всем головы, что не мешало ему, однако, заботливо ухаживать за ними в случае их болезни. Вообще непоследовательность у него была полная. Небольшие деньги, получаемые им за поденную работу, он употреблял для уплаты какому-нибудь мошеннику, которого посылал с письмами и поручениями то к солнцу, то к звездам, то к смерти, к грому и вообще к силам природы, прося у них помощи, а по ночам вступал с ними в дружеские интимные беседы. Когда в окрестных деревнях случалось какое-нибудь бедствие, он был чрезвычайно доволен, считая его одним из обещанных им наказаний и видя в этом доказательство, что погода, солнце или гром повинуются ему.

В чемодане у него хранились какие-то жалкие подобия корон, но он уверял, что «это настоящие императорские и королевские венцы Италии, Франции и других государств», а короны, которые носят теперь государи этих стран, признавал не имеющими никакой цены, как «неправильно захваченные узурпаторами, обреченными на гибель в ближайшем будущем, если только они не заплатят ему “деньги смерти” векселями на множество миллиардов».

Но всего типичнее проявлялся безумный бред этого больного в его письменных произведениях. В молодости он выучился читать и писать; однако теперь считал недостойным себя обычный способ письма и потому изобрел свой собственный для своих записок, векселей, указов, адресованных или к солнцу, или к смерти, или к военным и гражданским властям. Карманы его были всегда наполнены подобными документами. Писал он, употребляя преимущественно одни только заглавные буквы, к которым иногда присоединял известные знаки и фигуры для обозначения предметов и лиц. Слова по большей части отделялись друг от друга одной или двумя точками и состояли лишь из нескольких букв, почти всегда исключительно согласных, без всякого отношения к числу слогов.

Например, чтобы написать две фразы: «*Domine Dio Solé ricoverato all’ospedale di Racconigi fa sentire al prefetto del tribunale di Torino se vuol pacare i debiti della morte. Prima di metire venga di presto all’ospedale di Racconigi*»[1], он на большом листе изобразил следующее:

DOM : DOS : LReOVA :
ALO : PDLA : DRVNS :
AEST : AS : PeET : DeTBNAL :
DeTOIO : SVPA·DBI De LA
PA : DI : VeN : DIB9VO :
AL OPDLA : DRVNS.
M

Вместо подписи нарисован был двуглавый орел с лицом на груди — любимая эмблема больного, который носил ее даже на шляпе и на платье.

Здесь кроме пропуска некоторых букв, преимущественно гласных, как это принято у семитов, мы встречаемся еще и с употреблением тех символов, которые в египетских иероглифах называются определительными. Так, например, смерть изображена посредством черепа и костей, а председатель туринского суда — посредством грубо нарисованного в полумесяце, и притом вверх ногами, профиля.

В других произведениях того же больного возврат к древним письменам (атавизм) еще заметнее, так что буквы почти совершенно заменены рисунками.

Например, чтобы сильнее выразить все величие своей власти, больной нарисовал целый ряд рожиц, служащих эмблемами стихий и близких ему высших существ, составляющих армию, готовую по первому знаку его ринуться на борьбу с земными владыками, оспаривающими у него господство над миром. Тут изображены по порядку: 1) Вечный Отец, 2) Святой Дух, 3) Св. Мартин, 4) Смерть, 5) Время, 6) Гром, 7) Молния, 8) Землетрясение, 9) Солнце, 10) Луна, 11) Огонь (военный министр), 12) Могущественный человек, живущий от начала мира, и брат автора письма, 13) Лев ада, 14) Хлеб, 15) Вино. Затем следует двуглавый орел, который заменяет на рескриптах печать или подпись. Под каждым изображением находятся, кроме того, буквы, например, под первым — P. D. E. T. (*Padre Eterno*), под вторым — L. S. P. S. (*lo Spirito Santo*) и т. д.

Это одновременное употребление букв, рисунков и эмблем представляет интересный факт в том отношении, что напоминает фоноидеографиче-

---

[1] Владыка Бог Солнце, находящийся в больнице Ракониджи, спрашивает председателя суда в Турине, желает ли он заплатить долги смерти. Прежде чем умереть, пусть явится скорее в госпиталь Ракониджи (*ит.*).

ский период, наверное, пережитый всеми народами (без всякого сомнения, мексиканцами и китайцами) до изобретения ими буквенного письма, что доказывается не только греческим словом *grafo* для выражения глаголов «рисовать» или «писать», но и самой формой теперешних письменных знаков, напоминающих звезды и планеты.

У дикарей Америки и Австралии письменные буквы и до сих пор заменяются грубо сделанными рисунками. Так, чтобы выразить письменно, что кто-нибудь обладает быстротой птицы, они изображают человека с крыльями вместо рук. Два челнока с фигуркой внутри (медведь и семь рыб) служат выражением того, что рыбаки поймали в реке медведя и несколько рыб. Это даже и не письмена, а скорее связанные одной общей идеей знаки, служащие для напоминания событий, сохраняющихся в песнях или преданиях.

У некоторых племен существуют еще менее совершенные письменные знаки, напоминающие наши ребусы; так, американцы племени майя для обозначения слова «врач» рисуют человека с пучком травы в руке и крыльями на ногах, очевидно, намекая этим на обязанность его поспевать всюду, где нуждаются в его помощи; эмблемой дождя служит ведро и прочее.

Точно так же древние китайцы, чтобы выразить понятие о злости, рисовали трех женщин, вместо слова «свет» изображали солнце и луну, а вместо глагола «слушать» — ухо, нарисованное между двух дверей.

Эти грубые эмблематические письмена приводят нас к тому заключению, что риторические фигуры, составляющие гордость педантов-филологов, доказывают скорее ограниченность ума, чем его высокое развитие; в самом деле, цветистостью часто отличаются разговоры идиотов и глухонемых, получивших образование.

После того как эта система письменного выражения идей практиковалась долгое время, некоторые наиболее цивилизовавшиеся расы, как, например, мексиканцы и китайцы, сделали шаг вперед: они сгруппировали фигуры, служившие вместо письменных знаков, и составили из них остроумные комбинации, которые хотя прямо и не выражали собой данной идеи, но косвенно напоминали ее, подобно тому как это мы видим в шарадах. Кроме того, чтобы читающий не затруднялся в понимании тех или других знаков, впереди или позади них воспроизводился абрис предмета, о котором шла речь, в чем виден уже некоторый прогресс сравнительно с древним способом письма, состоявшим исключительно из одних только рисунков. Это произошло, вероятно, после того, как установилась устная речь и люди заметили, что многие слова, произносимые с помощью одних и тех же звуков, могут служить для выражения различных понятий. Так, чтобы письменно выразить *Istzlicoatl*, имя мексиканского короля, рисовали змею, называвшуюся на мексиканском языке *Coatl*, и копье — *Istzli**.

Прибегнув к такому способу письма, наш мегаломаньяк (страдающий манией величия) еще раз доказал, что сумасшедшие, точно так же как и преступники, при выражении своих мыслей часто обнаруживают признаки атавизма, возвращаясь к доисторической эпохе первобытного человека.

В данном случае мы легко можем проследить, вследствие каких причин и посредством какого процесса мышления больной пришел к заключению о необходимости употребить особые письменные знаки. Находясь под влиянием мании величия, считая себя неизмеримо выше всякой власти, какую только можно вообразить себе, и располагая по своему произволу даже стихиями, он, понятно, находил простую речь недостаточно ясной, чтобы ее вполне уразумели невежественные и неверующие люди. Точно так же и обычный способ письма мог показаться ему неудовлетворительным для выражения его идей, совершенно новых и необычайных. Изображение львиных когтей, орлиного клюва, змеиного жала, громоносной стрелы, солнечного луча или оружия дикарей — вот письмена, достойные повелителя мира и способные внушить людям страх и уважение к его особе.

Этот пример — далеко не единичный; подобный же случай описан у Раджи в его прекрасном трактате «Письменные произведения сумасшедших». Я сам лечил в Павии одного сумасшедшего башмачника, который воображал, что в его власти находятся солнце и луна, и каждое утро рисовал образцы мундиров, в какие он оденет со временем обоих своих подчиненных.

Может быть, здесь играет также большую роль и напряженность известных галлюцинаций, которых больные не могут выразить с достаточной ясностью ни на словах, ни письменно, и потому прибегают к рисованию. В самом деле, нам случалось видеть мономаньяков, почти всегда, впрочем, уже на пути к полному безумию, которые постоянно чертили, как умели, предметы своих галлюцинаций и покрывали такими изображениями целые листы бумаги.

Так, германский профессор Гунц, лечившийся у нас от мономании преследования, несколько раз в резких выражениях описывал магнетические приборы, которыми ухитряются не давать ему покоя коллеги, и наконец составил чрезвычайно странный чертеж с целью показать нам, каким образом при помощи известных проводников и батарей враги могут преследовать его из Милана и Турина в Павианской больнице. Другой мономаньяк, алкоголик, жаловался не только на магнетические, но и на спиритические преследования некоего Б. и в припадке бреда нарисовал своего недруга, вооруженного кинжалом, в сопровождении его жены, в виде сфинкса или сирены в очках и с торчащим изо рта таинственным свистком, заключавшим в себе губительные для бедного маньяка чары. Чтоб пояснить рисунок, к нему были приложены стихи, но они только затемняли его.

Сам Лаццаретти, хотя и лучше владевший пером, прибегал ко множеству нелепых символов и украшал ими свои знамена, которыми у него был наполнен целый чемодан. Когда его вскрыли на суде во время процесса, то королевский прокурор был очень изумлен при виде таких невинных трофеев, тогда как он, должно быть, думал найти в чемодане разрывные снаряды. На печати и посохе Лаццаретти тоже были вырезаны известные эмблемы, которым, как мы увидим впоследствии, он придавал большое значение.

Еще более интересный факт в том же роде сообщил мне почтенный профессор Морселли из своей практики.

«Больной, — пишет он, — занимался столярным ремеслом, был искусный резчик по дереву и делал прекрасную мебель. Семь лет тому назад началась психическая болезнь — нечто вроде липемании; он пытался лишить себя жизни, бросившись с балкона муниципального дворца, но остался жив, хотя сломал себе ногу и разбил нос. В настоящее время с ним бывают припадки волнения (ажитации), сопровождающиеся систематизированным бредом, в котором преобладают политические, республиканские, даже анархистские идеи с примесью немалой доли тщеславия. Он воображает себя одним из важных государственных преступников — то Гаспароне, то Пассаторе, то Пассананте. Рисует и вырезает постоянно, но почти всегда одно и то же — какие-то рисунки, служащие олицетворением его бреда. По большей части это — род трофеев с гербами, эмблематическими и аллегорическими фигурами со множеством нелепых надписей — отрывков из теперешних политических газет или изречений, сохранившихся у него в памяти еще со времени детства.

В числе резных работ особенно любопытна одна, изображающая человеческую фигуру в солдатской форме с крыльями на плечах, стоящую на пьедестале, испещренном надписями и аллегорическими девизами. На голове у этой статуэтки помещается какой-то трофей, а кругом нее вырезаны различные вещи, служащие символами болезненного бреда художника. Так, например, тут изображена чернильница — это орудие, посредством которого он когда-нибудь одолеет тиранов; мундир — его обычная одежда во время войн за независимость; крылья служат выражением той идеи, что, уже будучи сумасшедшим, он продавал на площади Порто Реканати свои резные работы, и в том числе изображения ангелов, по одному сольдо за штуку; медаль ордена свиньи — это знак отличия, который ему хотелось бы повесить на груди всем богачам и владыкам земного шара в насмешку над ними; шлем с фонарем, прикрепленным к забралу (что напоминает шайку мошенников в оперетке Оффенбаха), служит эмблемой карабинеров, доставивших его в больницу; положенная наискось сигара (обратите внимание на эту подробность) означает презрение к королю и тиранам, а искривленное положение ноги напоминает о переломе, бывшем следствием прыжка с балкона.

Надписи на пьедестале составлены из отрывков стихотворений и газетных статей политического содержания, которые всегда на устах у нашего больного, придающего им таинственное значение в смысле намека на рабство, в каком его держат теперь в больнице, и на возмездие, какое он готовит за это.

Но самое замечательное из произведений бедного столяра — это трофей на голове статуэтки, служащий, так сказать, графическим изображением песенки[1], не знаю, им ли самим сочиненной или только заимствованной из

[1] Вот перевод этой песенки:

БУДУ ЛЮБИТЬ ТЕБЯ

Яд я теперь для себя приготовил,
Пару кинжалов держу у груди,
С жизнью расстаться я сильно желаю,
С жизнью печали и мрачной тоски.

какого-нибудь сборника народных песен. Каждому куплету песенки соответствует особое символическое изображение. Для первой строфы, например, яд представлен в виде чаши, тут же нарисована и пара кинжалов; саркофаг или ящик с крышкой служит эмблемой слов “окончить жизнь” и “гроб”; любовь олицетворяется двумя букетиками цветов.

Для второй строфы под изображением колокола помещены две скрещенные трубы как олицетворение похоронного звона; пестрая толпа третьей строфы и священник или, скорее, шляпа священника тоже не забыты, так что для полноты картины недостает только вил. Нужно заметить, что нож и вилка — любимые орудия больного: изображение их служит эмблемой того, что он ест и пьет, находясь в неволе, “на галерах”, по его выражению, и потому он всегда носит эти орудия, сделанные им самим из дерева, в петлице своего платья или на шапке».

Здесь кстати будет снова припомнить, что у дикарей легенды их пишутся именно таким способом, т. е. рисунки перемежаются со стихами.

Подобное изобилие эмблем затемняет иногда смысл картин даровитейших художников, страдающих галлюцинациями.

5) У некоторых, хотя и немногих душевнобольных является, по замечанию Тозелли, странная склонность к рисованию арабесок и орнаментов почти геометрически правильной формы, но в то же время чрезвычайно изящных; впрочем, особенность такого рода обнаруживают только мономаньяки, у безумных же и маньяков преобладает хаотический беспорядок, правда, иногда тоже не лишенный изящества, как это доказывает сообщенная мне Монти и нарисованная сумасшедшим картинка с изображением какого-то здания, составленным из тысячи мельчайших завитков, красиво перепутанных между собой на всевозможные лады.

6) Далее, у многих, в особенности у эротоманьяков, паралитиков и безумных, рисунки и поэтические произведения отличаются полнейшей непристойностью; так, один душевнобольной столяр вырезывал на углах своей мебели и на верхушках деревьев мужские половые органы, что, впрочем, опять-таки напоминает скульптуру дикарей и древних народов, в которой

Буду любить тебя даже за гробом,
Даже и мертвый все буду любить.
Колокол мерно тогда зазвучит,
Смерть всем мою возвещая;
Звон погребальный к тебе долетит,
Станешь ему ты внимать, дорогая.
Буду любить тебя даже за гробом,
Даже и мертвый все буду любить.
Мимо тебя пронесут до могилы
Прах мой в сопутствии пестрой толпы;
Дряхлый священник, взобравшись на вилы,
Вечную память тогда пропоет.
Буду любить тебя даже за гробом,
Даже и мертвый все буду любить.

половые органы встречаются повсюду. Другой, капитан из Генуи, постоянно рисовал неприличные сцены. Иногда такие художники стараются замаскировать циничность своих рисунков и объяснить ее мнимыми требованиями самого искусства, как, например, больной, воображавший, что изображает картину Страшного суда, или патер, который рисовал обнаженные фигуры и потом затушевывал их так артистически, что детородные органы, груди и прочее выделялись совершенно ясно, и на упреки в непристойности возражал, что ее находят лишь люди, враждебно относящиеся к его рисункам. Этот же самый субъект часто изображал группу из трех лиц — женщину в объятиях двоих мужчин, из которых один был в шляпе патера.

Маньяк М., писавший иногда, как мы уже видели, такие прелестные стихотворения, иллюстрировал их множеством рисунков с изображениями каких-то невозможных животных, монахов или женщин и придавал им всем самые неприличные позы.

У некоторых, именно у паралитиков, цинизм проявлялся с еще меньшей сдержанностью. Так, я помню одного старика, который рисовал женские половые органы и писал самые непристойные двустишия в заголовках писем к своей жене. Любопытное явление представляли также два живописца, один из Турина, другой из Реджо, страдавшие манией величия: у обоих было стремление к содомскому греху, основанное на той безумной идее, что они — боги, властители мира, создаваемого ими тем же способом, как птицы несут яйца. Один из них, обладавший замечательным талантом, даже изобразил себя на картине, писанной красками, в момент подобного создания мира, совершенно голым, посреди женщин и различных символов своего могущества. Эта чудовищная картина воспроизводит перед нами древнее изображение божества египтян, Птифалло*, и отчасти служит объяснением происхождения этого мифа.

7) Общую черту большей части произведений сумасшедших составляет их бесполезность, ненужность для самих работающих, что вполне подтверждается изречением Гекарта: «Трудиться над созданием ни к чему не пригодных вещей — занятие, свойственное только сумасшедшим». Так, одна женщина, страдавшая манией преследования, работала по целым годам, прелестно разрисовывая хрупкие яйца и лимоны, но, по-видимому, без всякой цели, потому что всегда тщательно прятала свои произведения, так что даже мне, которого она считала своим лучшим другом, удалось увидеть их только после ее смерти. В том же роде был и труд того больного, который сшил себе только один сапог, о чем мы говорили раньше. Можно подумать, что сумасшедшие, подобно гениальным артистам, тоже придерживаются теории искусства для искусства, только в извращенном смысле.

8) Иногда сумасшедшие создают и чрезвычайно полезные вещи, но совершенно не пригодные для них лично, и притом не по той специальности, какой они прежде занимались. Например, один помешавшийся интендантский чиновник придумал и сделал модель кровати для беснующихся боль-

ных, до того практичной, что, по-моему, кровать эту следовало бы ввести в употребление; двое других чиновников сообща делали прехорошенькие покрытые резьбой спичечницы из бычьих костей, хотя пользы не могли извлечь никакой из этой работы, потому что отказывались продавать свои произведения. Впрочем, мне случалось видеть и много исключений из этого правила: так, меланхолик, страдавший манией убийства и самоубийства, устроил себе из костей, остававшихся от обеда, нож и вилку, что было для него очень полезно, так как, по приказанию директора, ему не давали металлических ножей и вилок. Мегаломаньяк, служитель кафе, лечившийся в больнице Колленьо, приготовлял там превосходную сладкую водку, хотя материалы, доставлявшиеся ему любителями этого напитка, были самого разнообразного качества. Пятидесятилетняя женщина, страдавшая припадками бешенства, сшила громадный ночной чепчик в виде шлема и не могла уснуть иначе, как натянув его себе на лицо по самую шею; маньяк-преступник из лучинок сделал себе ключ. Я не говорю здесь о тех, которые устраивали для себя настоящие кирасы из железа или камешков, так как в этом случае работа вызывалась необходимостью защититься от воображаемых преследователей, и потому труд вполне вознаграждался полученными результатами.

9) В художественном творчестве сумасшедших, конечно, преобладают всевозможные нелепости как относительно колорита, так и самих фигур, но это особенно сказывается у некоторых маньяков вследствие неравномерной, преувеличенной ассоциации идей, не дающей места промежуточным оттенкам при воплощении задуманного художником образа. У безумных же встречаются перерывы в ассоциации идей, как это видно, например, из того, что один из них, желая изобразить брак в Кане Галилейской*, превосходно нарисовал всех апостолов, а вместо фигуры Христа — огромный букет цветов.

Паралитики обыкновенно не могут справиться с размерами изображаемых предметов, вследствие чего куры выходят у них одинаковой величины с лошадьми, вишни — с дынями, или же, несмотря на всю тщательность отделки, рисунок выходит какой-то неаккуратный, точно картинки, нарисованные детьми. Один помешанный, воображавший себя вторым Верне, для изображения лошадей проводил только четыре черты, а другой рисовал все фигуры вверх ногами.

В тех случаях, когда умопомешательство сопровождается потерей памяти, так что больные и в разговорной речи забывают некоторые слова, в рисунках тоже замечается недостаток существенных частей его. Так, один сумасшедший отлично нарисовал сидящего генерала, но забыл нарисовать, на чем он сидит.

10) У некоторых, в особенности у мономаньяков, мы видим, наоборот, уже слишком большое изобилие мелочных подробностей, так что из желания точнее выразить идею рисунка они делают его совершенно непонятным. На одном пейзаже, например, помещенном в Турине между не при-

нятыми на выставку картинами, на видневшемся вдали поле все былинки отчетливо отделялись одна от другой, или же в громадной картине штриховка была сделана такая же тонкая, как в маленьком рисунке карандашом.

Иногда, кроме изобилия подробностей, замечается еще полнейшее отсутствие перспективы, как, например, в рисунке, воспроизведенном здесь посредством ксилографии, где все отдельные части сделаны совершенно правильно, но, вследствие полнейшего отсутствия перспективы, в общем выходит какой-то сумбур. Можно подумать, что это рисовал настоящий художник, но учившийся в Китае или Древнем Египте.

Я знал троих подобных живописцев, из которых один был мономаньяком, отличавшимся еще тем, что для письма употреблял печатные буквы, и двое — помешанных. Кроме того, мне случалось видеть одного французского капитана-полупаралитика, рисовавшего фигуры угловатыми линиями, точно египетские профили. Вышеупомянутый мегаломаньяк, сшивший себе один только сапог, сделал раскрашенный барельеф, на котором фигуры своими непропорционально большими конечностями и крошечными лицами очень походили на священные картины XII столетия. Наконец, один больной вырезывал на трубках и вазах барельефы, совершенно сходные с теми, какие встречаются на древних орудиях из тесаного камня. Таким образом, эти примеры доказывают полную аналогию между психическим состоянием человека и внешними проявлениями его деятельности.

11) Некоторые из сумасшедших выказывают удивительный талант в подражании, в умении схватить внешний вид предмета, например, они совершенно точно срисовывают фасад больницы, головы животных; но такие, хотя весьма тщательные, рисунки бывают обыкновенно лишены изящества и напоминают младенческое состояние искусства.

Мне случилось видеть, что подобные картины нередко выходят довольно удачными у идиотов и кретинов, которые, пожалуй, стоят в умственном отношении на одном уровне с первобытными людьми.

Многие постоянно воспроизводят один и тот же сюжет; так, у Фрижерио был душевнобольной, всегда рисовавший пчелу, которая отгрызает голову у муравья; другой, воображавший, что его расстреляли, чертил ружья, третий — арабески. Иногда это постоянство обусловливается прежними занятиями, например у столяров и моряков и прочих.

Последнее обстоятельство служит объяснением того факта, что душевнобольные и даже совершенно помешавшиеся достигают иногда значительной степени совершенства в своих рисунках вследствие постоянного повторения известного сюжета. Сумасшедший, вечно рисующий одни корабли, наконец становится артистом в их изображении. Впрочем, иногда эта способность, как и внезапное появление поэтического литературного таланта, вызванное потерей рассудка, — например, у Фарины — обусловливается энергией и напряженностью галлюцинации. Под влиянием их люди, никогда не бравшие кисти в руки, сразу делаются живописцами и даже художниками, как это случилось с Блейком (о котором рассказывает Бриер) именно благодаря тому,

что давно умершие люди, ангелы и прочие представлялись ему живо и совершенно отчетливо. Той же способностью обладал поэт-маттоид Джон Клер; он уверял даже, что был очевидцем войн давно прошедшего времени и присутствовал при совершении казни над Карлом I.

Действительно, все эти события он воспроизводил на полотне поразительно правдиво, хотя не получил никакого образования и, следовательно, не мог заимствовать ничего из книг.

Впечатлительностью объясняется отчасти и страсть к копированию картин и списыванию стихов, замечаемая у тех из психически больных, от которых всего меньше можно было ожидать этого, — у безумных.

Тут, очевидно, играет большую роль тот факт, что с потерей рассудка фантазия приобретает полный простор и больной проникается сочувствием к произведениям той же фантазии, тогда как у нормальных людей здравый смысл, не допускающий их до иллюзии или галлюцинаций, в известной степени подавляет в них эстетические и артистические наклонности. Хорошо копировать можно лишь то, что хорошо видишь.

Отсюда уже понятно, каким образом самое искусство может, в свою очередь, способствовать развитию душевных болезней и даже вызывать их. Вазари рассказывает о живописце Спинелли, что когда он после многих бесплодных попыток нарисовал наконец Люцифера во всем его безобразии, то последний явился ему во сне и укорял, зачем он изобразил его таким уродом. Этот образ потом в продолжение нескольких лет преследовал Спинелли и едва не довел его до самоубийства. Верга знал другого художника, который, долгое время упражняясь в рисовании змеевидных линий, стал видеть их перед собой днем и ночью, под конец даже превратившимися в настоящих змей. Это до такой степени мучило его, что он пытался утопиться.

Бывают случаи, что страсть к рисованию вызывается не фантазией, но простым автоматизмом, развивающимся с особенной силой именно тогда, когда всякие другие проявления психической деятельности начинают слабеть. Нечто подобное мы видим в детях, которые автоматически рисуют и пишут разные каракульки.

Что в известной степени тут имеет влияние атавизм, доказывается не только сходством этих рисунков с монгольскими, но также и страстью сумасшедших к музыке. Вопрос этот был весьма обстоятельно разработан известным альенистом и знатоком музыки Винья в его сочинении «По поводу влияния музыки», изданном в Милане в 1878 году.

Музыкальные дарования, подобно способности к живописи, даже еще в сильнейшей степени, чем эта последняя, слабеют у тех душевнобольных, которые до заболевания слишком страстно занимались музыкой. Адриани заметил, что музыканты, лечившиеся у него от умопомешательства, почти совершенно теряли свои музыкальные способности и если иногда занимались музыкой, то совершенно машинально, иные же, лишившись рассудка, постоянно повторяли одну и ту же пьесу или отдельные фразы из нее. Винья говорит, что Доницетти, находясь в последнем периоде сумасшествия,

оставался совершенно равнодушным, когда при нем играли его любимые мелодии. В последних произведениях этого композитора отразилось роковое влияние болезни. То же самое замечают музыкальные критики и в симфонии-увертюре к «Мессинской невесте», написанной Шуманом во время припадков сумасшествия.

Но это нисколько не противоречит высказанному мной положению, что умопомешательство вызывает артистические способности в субъектах, не имевших их раньше, а, напротив, только доказывает, как это мы уже видели относительно живописцев, в какой ничтожной степени сохраняется у музыкантов прежняя любовь к искусству, злоупотребление которым, может быть, и сделалось причиной их сумасшествия.

Впрочем, Мезон Кокс, заметивший, что многие виртуозы вместе с потерей рассудка теряли и музыкальные способности, наблюдал также несколько случаев, когда под влиянием психоза эти способности усиливались. Несомненно, однако, что музыкальный талант появляется, иногда почти внезапно, всего чаще у меланхоликов, затем у маньяков и даже у безумных. Я помню одного больного, совершенно потерявшего дар слова, но постоянно игравшего *alivre ouvert*[1] самые трудные пьесы, и одного очень даровитого математика, который страдал меланхолией: совершенно не зная ни музыки, ни контрапункта, он импровизировал на фортепиано арии, достойные великого композитора. Другой субъект, впавший в безумие вследствие мономании, в молодости учился музыке и во время болезни постоянно играл или импровизировал до самой смерти своей от паралича.

Тамбурини лечил одну женщину, сифилитичку, страдавшую мегаломанией; во время припадков возбуждения она садилась за фортепиано и пела прекрасные арии, но, вместо того чтобы аккомпанировать себе, импровизировала два различных мотива, не имевших никакого соотношения ни между собой, ни с арией, которую она пела при этом.

Один юноша, лечившийся у меня в клинике от миланской проказы, сочинял новые и прелестные песенки.

Раджи писал мне об одной лечившейся у него даме, страдавшей меланхолией, что во время припадка она играла нехотя и кое-как, но по окончании его проводила целые дни за роялем и с чисто артистическим увлечением исполняла труднейшие вещи. Тот же врач наблюдал необыкновенное развитие музыкальных способностей у другой больной, у которой было ост--рое горделивое помешательство: она постоянно пела арии Беллини, хотя и детонировала при этом.

В музыкальном искусстве перевес тоже оказывается, по-видимому, на стороне мегаломаньяков и паралитиков, по той же самой причине, как и в живописи, а именно вследствие сильнейшего психического возбуждения. Так, с одним из паралитиков во все продолжение болезни бывали настоя-

[1] С листа (*фр.*).

щие музыкальные пароксизмы, во время которых он подражал всевозможным инструментам и при исполнении тихих мест (*piano*) выказывал неописанное увлечение. Другая паралитичка, воображавшая себя французской императрицей, губами и прищелкиванием пальцев исполняла марши для своего войска и пела в такт этим звукам.

Еще один больной-паралитик, считавший себя генерал-адмиралом, тоже нередко пел какие-то монотонные мелодии. Оригинальный поэт и живописец мегаломаньяк М., писавший то прелестные, то нелепые стихотворения, приведенные нами раньше, тоже писал или, скорее, кропал какие-то музыкальные пьесы по новой, им самим изобретенной системе, ни для кого, впрочем, не понятной.

Маньяки всегда предпочитают быстрые темпы на высоких нотах, особенно при веселом настроении, и любят повторять припевы. Впрочем, и вообще все больные, хотя бы ненадолго попадающие в дома умалишенных, обнаруживают большую склонность к пению, крикам и ко всякому выражению своих чувств посредством звуков, причем всегда заметен известный размер, ритм. Причина этого явления, точно так же, как и обилия между сумасшедшими поэтов, будет нам вполне понятна, когда мы припомним мнение Спенсера и Араго, доказывающих, что закон ритма есть наиболее распространенная форма проявления энергии, присущей всему в природе, начиная от звезд, кристаллов и кончая животными организмами. Инстинктивно подчиняясь этому закону природы, человек стремится выразить его всеми способами и с тем большей напряженностью, чем слабее у него рассудок. Потому-то первобытные народы всегда до страсти любят музыку. Спенсер слышал от одного миссионера, что для обучения дикарей он поет им псалмы, и на другой день почти все они уже знают их на память.

Дикари даже и в разговорной форме употребляют нечто вроде монотонного пения, напоминающего наши речитативы, а само слово «песня» выражало в древнее время и понятие о поэзии, откуда произошло название поэта — певец. Таинственные магические формулы и заклинания древних всегда имели размер песни, да и в настоящее время в деревнях разговорная речь обилием модуляции голоса напоминает простые музыкальные арии. Наконец, импровизаторы произносят свои стихи не иначе как нараспев и жестикулируют при этом всеми членами.

Спенсер прекрасно объясняет это тем, что пение придает особенную силу естественному выражению чувств и состоит в систематическом комбинировании голосовых средств, смотря по тому, вызываются ли они радостью или печалью. «Всякое умственное возбуждение, — говорит он, — переходит в мускульное, и между ними существует неразрывная связь. Ребенок прыгает и скачет при виде чего-нибудь блестящего. Взрослый начинает жестикулировать под влиянием ощущений или сильного волнения, и чем оно сильнее, тем больше раздражается мускульная система. Легкая боль вызывает стон, острая — крик: слабый — если страдание мимолетно, высокий или низкий —

если оно продолжительно, а в случае нестерпимых страданий звук голоса повышается на квинту, на октаву и даже больше. В пении же душевное волнение также проявляется дрожанием мускульных связок, отчего происходит так называемое тремоло».

Весьма естественно поэтому, что в тех случаях, когда возбуждение особенно сильно и где нередко даже явление атавизма, как при сумасшествии, склонность к музыке оказывается преобладающим выражением духовной жизни человека.

Тот же самый факт служит в свою очередь объяснением, почему среди гениальных безумцев так много музыкальных знаменитостей, каковы, например, Моцарт, Латтре, Шуман, Бетховен, Доницетти, Перголези, Феничиа, Риччи, Рокки, Россо, Гендель, Дюссек, Гофман, Глюк и др.[1] Кроме того, не следует забывать, что музыкальные композиции принадлежат к числу самых субъективных произведений человеческого гения — они всего теснее связаны с аффектами и всего менее с внешними формами проявления мысли, вследствие чего для создания их необходимо вдохновение самое пламенное, жгучее, наиболее губительно действующее на организм.

Исследование характера артистических наклонностей у сумасшедших, может быть, принесет пользу не только для изучения их болезней, в которых еще столько темного, необъяснимого, но также и для самой эстетики или, по крайней мере, для эстетической критики, доказав ей, что злоупотребление символами, изобилие мелочных подробностей, хотя и совершенно верных с действительностью, цветистость слога, противоестественное преобладание одного какого-нибудь цвета (недостаток, свойственный многим нашим художникам), циничность сюжетов и слишком преувеличенная оригинальность принадлежат уже к патологическим явлениями в области искусства.

IX. Маттоиды-графоманы, или психопаты

Маттоидами-графоманами я предложил бы назвать разновидность, составляющую промежуточное звено, переходную ступень между гениальными безумцами, здоровыми людьми и собственно помешанными.

Разновидность эта представляет в печальной области психиатрии совершенно особый тип индивидов, на которых впервые указал Модсли под именем «людей с темпераментом помешанных» и которых потом Морель, Легран дю Соль и Шюле назвали страдающими наследственным неврозом[2], Баллинский и другие — психопатами, а Раджи — невропатами.

[1] На громадное количество сумасшедших среди композиторов указал мне молодой артист Арнальдо Баргони уже много лет тому назад, а в последнее время много фактов по этому вопросу сообщил Мастриани в своей прекрасной статье о моей книге «Гениальность и помешательство», изданной в 1881 году.

[2] «Это дети или племянники сумасшедших, — говорит Шюле в своем сочинении «Душевные болезни», — нередко с аномалиями в строении черепа, неба, языка,

Этот последний, тщательно и долго изучавший подобных субъектов, предложил разделить их на четыре категории, смотря по тому, относится ли их ненормальность к области чувственной, аффективной или интеллектуальной.

Первую категорию составляют отчасти истеричные субъекты, отчасти ипохондрики с более острой впечатлительностью, чем у других людей, и с наклонностью объяснять свои воображаемые несчастья выдуманными причинами.

Ко второй категории принадлежат субъекты с извращенными инстинктами, злоупотребляющие то эксцессами, то воздержанием и склонные к различным половым ненормальностям, о чем я подробно говорил в своей брошюре о проявлении любви у помешанных. Они обнаруживают странную привязанность к собакам, кошкам, птицам и т. д., отличаются самыми нелепыми причудами, например уничтожают дорогие вещи, бросаются с поездов, избегают солнечного света, так что выходят только ночью и притом с зонтиком, не могут оставаться в закрытых помещениях, так что падают в обморок, когда их запирают в комнате, или, наоборот, боятся открытых мест, площадей и не решаются переходить их. Я знал одну даму, падавшую в обморок при виде заостренных вещей, а Раджи сообщает о другой, что с ней делалась рвота, когда она видела своего мужа, которого между тем очень любила. У некоторых, в особенности у педерастов, замечается настоящая страсть ко всему грязному, тогда как другие проявляют такую любовь к чистоте, что они по нескольку раз вытирают стул, прежде чем сесть на него, и заставляют своих близких голодать или бодрствовать из мнимого убеждения, что им дадут неопрятно приготовленные кушанья или грязные простыни. Аффективные моральные маттоиды образуют в полном смысле слова субстрат или переходную ступень к врожденным преступникам; это — бессердечные, безжалостные эгоисты, остающиеся совершенно спокойными при виде смерти и страданий близких им людей, иногда способные даже

склонные к умопомешательству, в особенности периодическому, и к ипохондрии, которой они подвергаются при малейшем поводе, в период зрелости и беременности. Они с детства проявляют недостаток энергии, бывают склонны к бессоннице, сомнамбулизму, конвульсиям и отличаются необыкновенной раздражительностью. Позднее в них проявляются припадки лихорадочной деятельности, сменяющиеся полной инерцией, отсутствие дисциплины, жестокость, преждевременные половые инстинкты и наклонности к самоубийству: они вечно находятся в тревоге и ничем не могут удовлетвориться; едва лишь достигнув цели и успокоившись, они снова начинают волноваться; в своей профессии они обнаруживают иногда деловитость, но в практической жизни вечно остаются детьми».

Эта характеристика применима вполне и к маттоидам, только у них я редко находил органические аномалии и наследственную склонность к умопомешательству; напротив, многие из них состоят в родстве с великими, гениальными людьми, о чем я скажу в своем месте.

любоваться таким зрелищем; они часто питают ненависть к людям и скрываются где-нибудь в глуши, избегая общества. Иные же, напротив, из потребности делать зло сближаются с людьми и стараются возбудить к себе их удивление с помощью самых нелепых приемов, например, собиранием пуговиц, зонтиков и прочего или же прибегают для этой цели к глупым фарсам — пишут сами себе любовные записки и потом хвастаются ими; чуть не умирая с голода, курят дорогие сигары и т. п. Обыкновенно такие личности становятся во главе тайных обществ, заседающих в кафе или политическом клубе, делаются основателями новых сект или только их апостолами, тем более ревностными, чем невежественнее сами. Нередко также, будучи негодяями и ворами с детства, они все свои способности употребляют на всевозможные мошеннические проделки, с наслаждением занимаются ими, а попавшись, с негодованием встречают обвинительный приговор, хотя сами отлично знают законы. Тщеславные до крайней степени, они зачастую совершают преступления из желания прославиться, забывая при этом, что вместе с утратой престижа лишаются и честного имени, и уважения окружающих, чего они так страстно добивались.

Интеллектуальные маттоиды — это, по мнению Раджи, те неудержимые болтуны, которые, раз заговорив, уже не могут остановить потока своего красноречия, даже если бы и желали этого. Находясь под влиянием какого-то лихорадочного умственного возбуждения, они говорят без логической связи и нередко приходят к выводам, совершенно противоположным тому, что они хотели доказать. Иногда у них появляются чрезвычайно странные фантазии: например, сосчитать камешки на мостовой, половицы в комнате или пристально смотреть на кончик сапога. Рассеянны они до такой степени, что по нескольку раз пишут об одном и том же к тому же лицу, не замечают перемен дня и ночи; иногда, напротив, у них бывает необыкновенно развита память, так что они запоминают целые страницы из прочитанного или же хорошо помнят только числа, иностранные слова, но забывают черты лица даже своих друзей. Некоторые отличаются живостью воображения, вследствие чего доходят до разных абсурдов, делают категорические заключения от общего к частному и т. д.

Такие субъекты очень мало отличаются от душевнобольных, страдающих горделивым помешательством и прочим, и часто делаются ими при первом же поводе.

Раджи, у которого я многое заимствую по данному вопросу, находит между ними лишь ту разницу, что у большинства маттоидов умственное расстройство не сопровождается аффектами и что они более способны сдерживаться в своих поступках. Со своей стороны я прибавлю, что ненормальность их бывает врожденная и неизлечимая — к ним же я отношу и лиц, страдающих неврозом, — и что они обладают только болезненными свойствами гениальных людей, преимущественно эксцентричностью, не имея, однако, ни критического взгляда, ни творческих способностей. Морель, Легран дю Соль и

Шюле приписывают таким маттоидам еще и различные физические ненормальности — особенно в строении ушной раковины (всегда плоской), языка, черепа и половых органов, — но я находил у них эти признаки лишь в виде исключения.

Разновидность того же типа, соединяющую интеллектуального маттоида с моральным или аффективным, представляют графоманы и кляузники, которыми я нахожу нужным заняться обстоятельнее, не только вследствие аналогии и контрастов между ними и гениальными людьми, но и потому еще, что события последнего времени доказали мне, какое значение они приобретают в социальной и политической жизни народа, тем более что всегда вредная деятельность их прикрывается вначале псевдолитературными стремлениями. Поэтому на них следует обратить внимание не с одной только медицинской или литературной точки зрения.

У маттоида-графомана в большинстве случаев череп бывает нормальный, детей у него нет, но сам он нередко происходит от гениального предка; так, Квестер был брат ученого Адольфа Квестера, Мартин Вильям — брат Джонатана, знаменитого живописца, Флуран, коммунар, — сын знаменитого физиолога, Спандри — сын известного астронома и прочее. Отличительная особенность его — преувеличенное мнение о себе, о своих достоинствах и вместе с тем исключительно ему свойственная способность высказывать свои убеждения больше на бумаге, чем на словах или на деле, не возмущаясь нисколько теми невзгодами и противоречиями, которые на каждом шагу встречаются в практической жизни и обыкновенно не дают покоя как гениальным людям, так и сумасшедшим.

Чианкеттини приравнивал себя к Галилею, даже к самому Христу, и в то же время подметал лестницы в казарме.

Пассананте, называвший себя президентом политического общества, служил в качестве повара. Манжионе, считающий себя мучеником своего гения ради блага Италии, исполняет обязанности маклера. Кессон выдает себя за кардинала, а между тем живет как паразит, разыгрывая роль сумасшедшего и получая обильные подаяния. Пастор Блюэ, титулующий себя апостолом и графом Пермиссионом, был такого высокого мнения о себе как авторе «*Scottatinge*», что удостаивал своим вниманием только царствующих особ и в то же время не отказывался заниматься укрощением лошадей. Стюарт, автор нелепого сочинения «Новая система физической философии», исходивший весь свет с целью отыскать «полярность истины», воображал, что все короли земного шара сговорились уничтожить его произведение, и потому раздавал экземпляры своим друзьям с просьбой спрятать их как можно тщательнее и не открывать этой тайны иначе, как на смертном одре.

Мартин Вильям, брат Джонатана, того самого, что в припадке безумия поджег собор в Йорке, и Джона, создавшего новый род живописи, напечатал множество сочинений для доказательства вечного двигателя. Убедившись на основании 36 сделанных им опытов, что научным путем доказать

это невозможно, этот маттоид во сне получил от Бога откровение, что он избран для открытия первопричины всех вещей, а также *perpetuum mobile*, и написал по этому предмету несколько сочинений.

Ненормальность писателей-маттоидов не всегда легко было бы заметить, если бы при всей кажущейся серьезности и увлечении данной идеей — в чем они обнаруживают сходство с мономаньяками и гениальными людьми — к сочинениям их не примешивалось зачастую множество нелепых выводов, постоянных противоречий, многословия, бессмысленной мелочности и главным образом себялюбия и тщеславия, составляющих преобладающее свойство гениальных людей, лишившихся рассудка. Недаром же в числе 215 маттоидов-графоманов мы находим 44 пророков.

Филапанти в своем сочинении «*Dio liberale*» причисляет к полубогам своего отца, занимавшегося столярным ремеслом, и свою мать!

Гито намеревается спасти республику, убив ее президента, и провозглашает себя великим законоведом и философом.

Пассананте, проповедовавший «неприкосновенность человеческой жизни и собственности», обрекает на смерть членов парламента; требуя от своих последователей, чтобы они уважали существующий образ правления, он сам оскорбляет монархию, покушается на жизнь короля и предлагает уничтожить скупцов и ханжей.

Врач С. печатает статью о том, что кровопускания предохраняют от избытка света, а другой в двух толстых томах доказывает, что болезни бывают эллиптической формы.

Глезес утверждал, что тело атеистично, а Фузи (теолог!) — что менструальная кровь обладает свойством тушить пожары.

Ганнекен, имевший обыкновение писать в воздухе пальцем и владевший духовой трубой, посредством которой он входил в сношения с рассеянными в воздухе духами, возвестил, что настанет время, когда многие индивиды мужского пола превратятся в индивидов женского пола и сделаются полубогами.

Генрион сказал в «Академии надписей», что Адам был ростом 40 футов, Ной — 29, Моисей 25 и т. д.

Леру, знаменитый парижский депутат, веривший в переселение душ и в каббалу, так определил любовь: «Идеальность реальности одной части целого в бесконечном существе» и прочее.

Ажиль утверждал, что человек может жить вечно, лишь бы у него была вера в бессмертие.

Филапанти признавал существование трех Адамов и с величайшей точностью определял, в каком именно году они жили и чем занимались.

Бывает, однако, что среди хаотического бреда в произведениях маттоидов-графоманов попадаются и совершенно новые, здравые суждения. Вот, например, какие прелестные отрывки можно встретить среди нелепых сентенций Чианкеттини:

«Инстинкт заставляет всех животных стремиться к поддержанию своего существования с наименьшей затратой сил, избегать всего неприятно-

го и наслаждаться жизнью; но, чтобы достигнуть этого, им необходима свобода».

«Все животные, за исключением человека, стараются удовлетворить этому инстинктивному стремлению, и почти всем удается достигнуть этого; одни лишь люди, сгруппировавшись в общества, оказались связанными, порабощенными до такой степени, что не только никогда еще никому не посчастливилось доставить людям мир и свободу, но даже никто из них не мог придумать способа для достижения этой цели».

«И вот я решаюсь предложить такой способ. Положение дел в настоящее время напоминает запертую дверь, которую нельзя открыть без ключа или отмычки, иначе как взломав ее; точно так же и человек, утративший свободу с развитием членораздельной речи, только с помощью того же дара слова или его эквивалента — письма может опять сделаться свободным, не разорвав связи с обществом».

Между бессмысленными гимнами, помещенными пастором Блюэ в «*Scottatinge*», я нашел один стих, превосходно выражающий положение Италии: «Вечная царица и раба — враждебно относящаяся к своим детям».

Из биографии Пассананте мы вскоре увидим, что в своих статьях, и особенно в разговоре, он иногда высказывал меткие оригинальные суждения, заставлявшие многих сомневаться в том, действительно ли он сумасшедший. Припомните, например, его изречение: «Там, где ученый теряется, невежда имеет успех». Или вот еще другое: «История, преподаваемая народами, поучительнее той, которая изучается по книгам».

Взгляды, приводимые в такого рода сочинениях, конечно, зачастую заимствованы у более сильных мыслителей или публицистов, но всегда с преувеличениями и в своеобразной переделке. Так, у Бозизио я встретил доведенные до крайности тенденции наших зоофилов (покровителей животных) и как бы предвосхищенные взгляды г-жи Ройе и Конта на необходимость применения теории Мальтуса. В статьях Де Томмази, маклера весьма сомнительной нравственности, попадаются рассуждения о проведении в жизнь дарвиновского полового отбора, хотя и с примесью чисто болезненного эротизма, а Чианкеттини стремится к практическому осуществлению социализма. Впрочем, ненормальность сказывается не столько в преувеличениях относительно той или другой тенденции, а скорее в непоследовательности, в постоянных противоречиях, так что рядом с возвышенными, иногда прекрасно изложенными взглядами встречаются суждения жалкие, нелепые, парадоксальные, противоречащие основному плану сочинения и социальному положению автора. При чтении таких статей невольно вспоминается Дон-Кихот, великодушные поступки которого вместо сочувствия вызывают улыбку сострадания, хотя в иное время их, может быть, признали бы геройскими, достойными удивления. Вообще, гениальные черты составляют в произведениях маттоидов редкое исключение. Кроме того, у большинства их заметен недостаток экстаза, вдохновения; целые тома наполняют они бессмысленной тяжелой болтовней; чтобы скрыть бедность

мысли, невыработанность слога, отсутствие таланта, эти честолюбцы прибегают к вопросительным и восклицательным знакам, подчеркиваниям слов и придумыванию новых выражений, как это делают и мономаньяки. Один мономаньяк, Бардье, издал брошюру, в которой учил земледельцев, как получать вдвое большую жатву с полей, а моряков — как избегать противного ветра, и дал ей такое заглавие: «Покоритель атмосферы», а себя самого назвал творцом покорителя атмосферы. Чианкеттини, Пари, Вальтук и другие придумывали совершенно невозможные слова, например, алитрология, анттропомогнотология, ледепидермокриния, глоссостомотопатика и т. п.

Часто рукописи испещрены вертикальными и горизонтальными строками и надписями, сделанными различным почерком, как, например, у Чианкеттини. Нередко также встречаются и рисунки, точно будто для большей ясности авторы находят нужным прибегнуть к древнему идеографическому способу письма, что, как мы уже видели, делают и мегаломаньяки. Так, в 88-й книге Блюэ помещен непристойный рисунок, настолько же бессмысленный, как и сам текст ее.

Некто Вальт напечатал два сочинения о психографии, т. е. новой философской системе, им самим придуманной, и тем не менее нашелся совершенно здравомыслящий философ, который написал комментарии к этому произведению, что может служить доказательством «солидной» учености некоторых философов. В системе этой доказывалось, что каждой идее соответствует в мозгу известное изображение или символ души, например, пламя свечи означает физическую природу, символом души служит кольцо, движения — крючок; дыхания, а также обоняния — нос и т. д. Другой философ, А., отчаявшись, и совершенно резонно, в том, чтобы кто-нибудь понял его письменные объяснения, наполнил всю свою книгу рисунками, изображавшими мозг, испещренный символами такого же рода. Иезуитский миссионер Паолетти написал книгу против св. Фомы и приложил к ней картину с изображением орудий, употребляемых в аду для определения будущей судьбы детей Адама, согласно с предназначенной им участью. Божественная и человеческая воля представлена на этой картине в виде двух шаров, вращающихся в противоположных направлениях и потом встречающихся в общем центре.

Все маттоиды употребляют чрезвычайно сложные, курьезные заглавия для своих сочинений. У меня есть одно, с заглавием в 18 строк, не считая примечания, поясняющего это заглавие. В одной драме оно состоит из 19 строк. В другом социалистическом произведении, напечатанном в Австралии на итальянском языке, заглавию придана форма триумфальной арки. Пожалуй, в этих-то заголовках и сказывается почти у всех маттоидов ненормальное состояние их умственных способностей.

У многих является фантазия прибавлять к фразам отдельные цифры или целые ряды их, что иногда делают и паралитики. В одном сочинении помешанного Совбира, озаглавленном «666», каждый стих оканчивается тем же числом; но что всего страннее, одновременно с этим произведением некто

Поттер издал в Англии брошюру о числе 666, которое он признал самым совершенным из чисел. Ему же отдавал особое предпочтение и Лаццаретти. Спандри, Леврон и другие высказывали такой же взгляд на число 3.

Подобно сумасшедшим, маттоиды любят повторять некоторые изречения или отдельные слова по нескольку раз на одной и той же странице. Так, в одной главе сочинения Пассананте слово «*riprovate*» (вновь опробованный) употреблено 143 раза.

Случается, что они заказывают специально для своих произведений особую бумагу, раскрашенную в различные цвета, что, конечно, сильно увеличивает расходы по изданию. Так, некоему Виргманду издание подобной книги в 400 страниц стоило более 22 тысяч талеров. Филон ухитрился окрасить каждую страницу своей книги особым цветом.

Другую особенность их составляет своеобразная орфография и каллиграфия, со множеством подчеркнутых или написанных печатными буквами слов. Иногда они пишут в два столбца даже обыкновенные письма, строки располагают и вдоль, и поперек, и наискось и, наконец, в словах подчеркивают некоторые буквы, как будто отдавая им предпочтение перед другими. Периоды бывают нередко отделены один от другого, точно параграфы Библии, или же каждые два-три слова перемежаются многоточиями, как, например, в хранящейся у меня книжке Беллоне. Также часто употребляются скобки, даже двойные, и множество примечаний, сносок, ссылок и прочее. В брошюре некоего Л. (профессора), состоящей из 12 страниц, сноски занимают 9. Гепен изобрел новый физиологический язык, состоящий, в сущности, из тех же букв, только в другом порядке и с прибавлением цифр, например, *votre présence* следует написать так: *stat 5 nq facto*. Многие маттоиды превосходят даже сумасшедших страстью к цветистой речи, к употреблению фигуральных выражений и к игре словами, основанной на созвучиях. Поразительный пример в этом роде представляет Гекарт, тот самый Гекарт, который сказал, что заниматься пустяками свойственно только помешанным, и составил биографии сумасшедших, находящихся в Валансьене. Он написал курьезную книжку, озаглавленную так: «*“Anagrammeana”, поэма в VII песнях, XCV* (это было первое. — *Примеч. Ч. Л.*) *просмотренное, исправленное и дополненное издание. В Анаграмматополисе, год XI анаграмматической эры*» и целиком состоящую из бессмысленного набора слов с перестановкой букв в некоторых из них.

Здесь кстати будет упомянуть о том, что на полях экземпляра *анаграммеаны*, хранящегося в Парижской национальной библиотеке, рукой самого автора сделана следующая надпись: «Анаграммы есть одно из величайших заблуждений человеческого ума: *надо быть дураком, чтобы ими забавляться, и хуже чем дураком, чтобы составлять их*». Что может быть справедливее этой оценки?

Началом непомерного увлечения вегетарианством послужило для Глейзеса сновидение, во время которого он слышал голос, кричащий ему: «*Gleises* означает *église*» (церковь), и вот на основании этой игры слов он вообразил

себя избранником Божиим, призванным для проповеди учения вегетарианцев.

Не менее курьезную особенность маттоидов составляет обилие их сочинений. Пастор Блюэ оставил 180 книг, одна бессмысленнее другой. Манжионе, не имевший возможности писать вследствие повреждения руки, отказывал себе в пище, чтобы сберечь деньги для печатания своих произведений, и нередко тратил по 100 скуди в месяц на издание их. Пассананте исписывал целые дести бумаги и заботился о распространении каждого из своих нелепейших писем больше, чем о сохранении своей жизни. Гито тратил такую массу бумаги, что расход на нее составил значительную сумму, которой он не в состоянии был заплатить. Число книг, написанных Фоксом (иллюминатом), до того велико, что библиограф Лоудс не решился составить им каталог.

Иногда у маттоидов является прихоть — не распространять в публике написанных и напечатанных ими сочинений, хотя они все-таки думают, что публика их должна знать. Кроме болезненной болтливости, в этих произведениях заметно еще ничтожество или нелепость сюжета, обыкновенно нисколько не соответствующего ни общественному положению авторов, ни полученному ими образованию.

Так, священник-депутат составляет рецепты против тифа; двое медиков придумывают гипотетическую геометрию и астрономию; хирург, ветеринар и акушер пишут об аэронавтике; капитан — об агрономии; сержант — о терапии; повар занимается высшей политикой; теолог рассуждает о менструации; извозчик — о теологии; двое привратников сочиняют трагедии; чиновник казначейства распространяет специальные идеи.

Под моим наблюдением были рассмотрены 179 сочинений, написанных маттоидами, с целью определить, какого рода темы выбирают они по преимуществу. Вот результаты этого исследования:

51 сочинение относится к личностям		
36	»	по медицине
27	»	по философии
25	»	заключают в себе жалобы
7	»	драматических
7	»	религиозного содержания
6	»	поэтических
4	»	по астрономии
4	»	по физике
4	»	по вопросам политики
4	»	о политической экономии
3	»	по агрономии
2	»	по ветеринарным наукам
2	»	о литературе
2	»	по математике

2	»	по грамматике
1	»	словарь

Заметим, что в этот счет не вошло множество статей то полемического характера, то очерков по механике, рассуждений о магнетизме, надгробных речей, нелепых теологических трактатов, статей по истории литературы, прокламаций, предложений вступить в брак и прочее.

Таких произведений насчитывают в Европе 215, разделяя их на следующие категории:

Теология	82
Пророчества	44
Философия	36
Политика	28
Поэзия (драм и комедий 9)	17
Лингвистика и грамматика	8
Эротические	5
Об иероглифах	3
Астрономия	2
Акростихи	2
Химия	1
Физика	1
Зоология	1
Стратегия	1
Хронология	1
Педагогика	1
Гигиена	1
Археология	1

Между тем как сумасшедшие преимущественно занимаются поэзией, у маттоидов преобладает теология и затем самые абстрактные, наименее точные и установившиеся науки, что подтверждается также ничтожным числом сочинений по естественным наукам и математике.

Следует заметить, что среди этой массы теологических и философских писаний (162!) встречаются только 3 атеистических, хотя, по всей вероятности, их не было бы так мало, если бы атеизм основывался на чистейшем абсурде. Спиритизм, напротив, у этих писателей в таком почете, что Филомнест отказывается перечислять все относящиеся к нему статьи.

Выбором сюжета маттоиды-графоманы, впрочем, не затрудняются: всякая тема для них подходяща, даже совершенно незнакомая им; но по общей части они отдают предпочтение темным, запутанным и неразрешимым вопросам вроде, например, квадратуры круга, иероглифов, толкований на Апокалипсис, воздухоплавания, спиритизма или же занимаются так называемыми модными, современными вопросами.

Об известном уже нам маттоиде Демонсе Нодье говорил, что «это совсем не мономан, а настоящий флюгер и притом безумец, всегда готовый повторять каждую нелепость, достигшую его слуха, мечтатель, хамелеон, невольно меняющий цвета, смотря по тому, что его окружает». И действительно, в эпоху экономических затруднений Италии проекты исправления финансов появлялись дюжинами: кто предлагал ввести бумажные деньги, кто — отобрать имущество у евреев и духовенства, кто — сделать принудительный заем. Потом преобладающее значение получили социальные и религиозные вопросы (Пассананте, Лаццаретти, Бозизио, Чианкеттини), а в последнее время выступил на сцену вопрос о проказе.

Некто Пари считает, например, источником этой болезни какие-то грибки, падающие с грязных потолков на съестные припасы крестьян и заражающие их. Убедиться в этом очень нетрудно: стоит только сделать фотографический снимок с какой-нибудь трещины внутри избы, рассмотреть этот снимок под микроскопом, и тогда окажется (если опыт сделан правильно), что там гораздо больше грибков, чем в домах горожан, не страдающих проказой. Следовательно, на стенах крестьянских изб образуются целые гнезда грибков. Но каким же образом они производят проказу? Ничего не может быть проще: грибки заключают в себе особое вещество — фунгин, который загорается при 47° (!). Поэтому, когда внешняя температура бывает 13°, а температура тела достигает 32° (!), оба количества теплоты соединяются, и тело начинает гореть. Вот почему у зараженных проказой появляется *воспаление* от солнца!

Другой, бывший сержант Манц, предлагает лечить проказу мясом кроликов и потому рекомендует разведение их среди крестьян, забывая, что кролики требуют в день пищи 60 частей на 100 частей своего веса, а следовательно, если бы привести этот проект в исполнение, то крестьянам пришлось бы испытать бедствие чуть ли не худшее, чем сама проказа. Третий, Жем, измеряет уши прокаженных и на основании этих измерений трактует о болезнях кожи (лепидомирикринии). Четвертый, Бонф, находит причину болезни, с первого же взгляда, без всякого анализа, в нечистотах, случайно замеченных им на улицах Феррары; затем по своему произволу определяет качество и количество пищи, употребляемой прокаженными, состоящей будто бы из 700 граммов маиса, и приходит к заключению, что эти несчастные гибнут вследствие хронического голода, нисколько не похожего, впрочем, на голод острый, так как, страдая первым, можно даже оставаться тучным. В конце концов он начинает считать проказу сходной с тифом, потому что некоторые дают ей это название, отрицает столбняк, перемежаемость припадков, гидроманию (припадок бреда, при котором больной бросается в воду), потому что все такие признаки проказы противоречат его теории, и развязно наполняет таким вздором не одну сотню страниц.

Следует еще заметить, что почти у всех маттоидов — Бозизио, Чианкеттини, Пассананте, Манжионе, Де Томмази, Бонфа — убеждения, высказываемые ими в своих сочинениях, при всем их упрямстве и настойчивости не

отличаются страстностью и что насколько они бывают велеречивы и нелепы в письменной речи, настолько же в устной у них заметно благоразумие и осторожность. Ограничиваясь лишь односложными ответами на делаемые им возражения, они чрезвычайно ловко умеют представить свои бредни как что-то действительно разумное, особенно перед несведущими людьми, но лишь только примутся излагать то же самое на бумаге — у них ничего не выходит, кроме скучнейшей ерунды.

Когда я спросил Бозизио, что ему за охота носить такую странную обувь, как сандалии, и ходить в самый жар с открытой головой, почти без одежды, он отвечал мне: «Я делаю это из подражания римлянам, с гигиенической целью, и затем еще, чтобы привлечь своим костюмом внимание публики к моим теориям. Разве она стала бы останавливаться передо мной, если бы я не был одет таким образом?»

Далее, характеристическое отличие маттоидов от преступников и от большинства сумасшедших составляет их умеренность в пище, доходящая иногда до подвижничества чисто монастырского. Так, Бозизио питается исключительно полентой без соли, Пассананте — одним хлебом, Лаццаретти часто довольствовался только двумя картофелинами в день, Манжионе съедал на 13 сольди чечевицы или риса и т. д.

Подобная умеренность объясняется, с одной стороны, той отрадой и довольством, какое доставляет этим людям их сочинительство, так что они, подобно аскетам и великим мыслителям, забывают о еде, и с другой — ограниченностью их средств, так как свой скудный достаток они предпочитают тратить на пропаганду своих идей, а не на удовлетворение потребностей желудка; к тому же среди них встречаются люди безукоризненной честности и до крайности аккуратные, как, например, Чианкеттини, Бозизио, Манжионе. Некоторые из них, например, вели счет даже клочкам исписанной ими бумаги и составляли для такого расхода особые реестры.

Вообще эти субъекты, являясь совершенно помешанными в своих сочинениях — нередко в такой же степени, как и настоящие сумасшедшие, — оказываются довольно разумными в практической жизни, где обнаруживают и здравый смысл, и расчетливость, и даже хитрость, что делает их уже совершенно не похожими на гениальных людей, а тем более на гениальных безумцев, у которых непрактичность и неумение устроить свои дела почти всегда бывают прямо пропорциональны литературному дарованию. Отсюда понятно, почему многие из авторов таких чисто патологических бредней считаются людьми в высшей степени практичными. Трое из них заведуют больницами; Блюэ служит капитаном и военным комиссаром. Далее, изобретатель чуть не доисторической машины и автор более чем курьезных произведений занимает такую должность, где ему постоянно приходится сталкиваться с образованными людьми, которые, однако, никогда еще не заподозрили его в ненормальном состоянии умственных способностей. Пятеро состоят профессорами, трое депутатами, двое сенаторами, и никто не замечал в них особенных странностей.

Наконец, такие субъекты служат советниками в государственных учреждениях, в префектуре, в кассационной палате, в провинциальных советах; в числе их есть пятеро священников, и почти все они состарились на своих местах, приобрели всеобщее уважение. Кроме того, можно указать на Фреко, бывшего синдиком*, а также на Леру и Ажиля, заседавших в парламенте.

К маттоидам-теологам — Морену, Лебратону, Жоррису, Валле (18-летний юноша), Ванини — относились, к сожалению, настолько серьезно, что сожгли их живыми, а Келер был обезглавлен за то лишь, что корректировал статьи Жорриса.

В следующей главе мы увидим, что многие маттоиды — Смит, Фурье, Клейнов, Фокс — имели фанатичных последователей.

Замечательно еще то обстоятельство, что, между тем как люди, в продолжение 18 лет серьезно изучавшие проказу и придумывавшие средства избавиться от нее, были встречены лишь презрением со стороны академиков и насмешками со стороны толпы, никто из маттоидов, писавших о проказе, не оставался без последователей хотя бы на один день, и все они находили многочисленных покровителей, даже в парламенте и в королевском дворце. Кроликоман, например, и его коллега, открывший фитозу, морфибитозу и грибки, производящие проказу, не только встретили сочувствие со стороны самых авторитетных итальянских газет (не говоря уже о медицинских), но их идеи даже пропагандировались посредством циркуляра Микели и во многих санитарных советах. А Бонф со своим открытием, что хронический голод служит причиной проказы, разве не нашел отклика во всех невежественных альенистах Италии, втайне помогавших ему даже своими статьями? Нужно прибавить, впрочем, что в практической жизни это был превосходнейший и честнейший человек.

Эта способность мыслить здраво, сохранять спокойствие, несмотря на увлечение безумной идеей, и отличает маттоидов от обыкновенных сумасшедших, хотя тем же свойством обладают еще мономаньяки, у которых оно проявляется особенно резко; иногда его можно заметить также в известных стадиях опьянения.

Но как мономаньяки, так и маттоиды способны сразу, вдруг утратить свое здравомыслие и впасть в раздражение, даже в бешенство — всего чаще под влиянием голода, неудовлетворенной страсти или тех нервных страданий, которыми сопровождается, а может быть, и обусловливается ненормальность таких субъектов, как, например, Кордильяни и Манжионе[1]. Дело в том, что, судя по некоторым симптомам, у многих из них можно предполагать существование изменений в нервных центрах. У Жиро и Спандри были конвульсии лица, понижение и опускание правого века; анестезией страдали: Лаццаретти, Пассананте и Б., поджигатель; признаки эпилепсии замечались — у Манжионе и Де Томмази; скоропреходящий бред — у Кордильяни. Один даровитый юноша после тифа сделался маттоидом, а 18-летний Кульман после

[1] См. приложение. О маттоидах.

болезни мозга начал пророчествовать. Подобные случаи мгновенного проявления умопомешательства ставят иногда в большое затруднение специалистов судебно-медицинской психиатрии и заставляют их, за отсутствием общеизвестных признаков определенного френопатического состояния, делать ложные заключения, причем они или решают, что субъект притворяется, или что он совершенно здоров. Политикам же следовало бы позаботиться о лечении таких маттоидов, потому что, не принимая никаких мер против них своевременно, когда они более смешны, чем опасны, общество рискует подвергнуть себя таким бедствиям, какие, пожалуй, не могут причинить ему и настоящие сумасшедшие, так как они сразу обнаруживают свое безумие, что дает возможность оградить от них здоровых членов общества.

Есть еще разновидность графоманов гораздо более опасная: это — люди, страдающие манией кляузничества. Форма черепа и лица у них вполне нормальна, печень, однако, почти всегда увеличена. Они отличаются страстью судиться со всеми окружающими и в то же время считать себя жертвами их несправедливости. Такие субъекты проявляют лихорадочную деятельность; отлично зная законы, они постоянно стараются истолковать их в свою пользу, вечно переносят дела из одной инстанции в другую, бегают по судам и подают всюду невообразимое множество прошений, отношений и прочее. Многие, заручившись покровительством какого-нибудь важного лица, стараются добиться успеха через него, а потом обращаются к королю, в парламент, надоедают всем и каждому и в конце концов достигают-таки своей цели всевозможными способами, в расчете на снисходительность присяжных. Расчет действительно оказывается иногда верным: например, некто Ж., проиграв свой процесс, ранил выстрелом из ружья графа Калли и был оправдан присяжными благодаря тому впечатлению, какое произвело на них его своеобразное красноречие; через десять лет после того он с оружием ворвался в дом, который сам же продал и которым все-таки снова хотел завладеть.

Подобно тому как эротоманьяк влюбляется в идеальную женщину и воображает себя любимым ею, хотя она его никогда и не видела, кляузник думает, что правосудие существует лишь для защиты его интересов; если адвокаты и судья не помогают ему, он считает их своими врагами и старается всячески досадить им. Нередко такие маттоиды видят в собственной тяжбе нечто священное и готовы сделать какой угодно вред лицам, не разделяющим их убеждения. Некто Б., у которого пастор отобрал поле, принадлежащее ему по закону, вообразил, что это дает ему право всячески преследовать духовенство на том будто бы основании, что католицизм восстает против правительства. По той же причине он вздумал поджечь церковь. И в то же время все его прошения и протесты написаны были здраво, со смыслом и по существу казались справедливыми, только применение их к данному случаю было неосновательно.

Я заметил, что у всех подобных субъектов бывает совершенно сходный почерк, все они пишут сильно удлиненными буквами и, подобно графоманам, злоупотребляют грамотностью; но выражения у них резче, темы более

личного характера, так что они лишь мимоходом затрагивают иногда социальные, религиозные и другие вопросы.

Впрочем, встречается немало и таких, которые к своему личному неудовольствию примешивают политику, и они-то наиболее опасны в наше время: недостаточное образование и крайняя бедность лишают их возможности высказывать свои идеи в печати, и вот, чтобы дать им выход, эти люди прибегают к насилиям и преступлениям. Именно таков был Санду, настоящий политический маттоид, наделавший столько хлопот Наполеону и Бильо; к той же категории принадлежат Кордилиани, Пассананте, Манжионе и Гито (см. приложение). Крафт-Эбинг рассказывает об одном маттоиде, что он учредил общество (клуб) с целью защищать угнетенных, не добившихся справедливости в судах, и устав его представил королю.

Маттоиды-гении. Промежуточные формы и незаметные градации существуют не только между сумасшедшими и здоровыми, но также между помешанными и маттоидами. Даже среди этих последних, представляющих полнейшее отсутствие гениальности, встречаются личности, до того богато одаренные, что мне в моей практике не раз случалось в недоумении останавливаться над неразрешимым вопросом, к какой категории отнести их — к маттоидам или к гениальным людям. Пример такого рода представляет Бозизио из Лоди. Ему 53 года; в родстве у него — двоюродный брат кретин, мать здоровая и умная женщина, отец тоже не глупый, но пьяница, двое братьев умерли от менингита (воспаления мозговой оболочки). Смолоду он служил казначеем, но в 1848 году эмигрировал. В Турине, чуть не умирая с голоду, он бросился с балкона и сломал себе ногу. В 1859 году его назначили комиссаром казначейства, и он хорошо исполнял эту обязанность до 1866 года, когда, оставаясь по-прежнему разумным и дельным относительно своих служебных обязанностей, он стал выказывать странности, не гармонировавшие с его бюрократическим положением. Так, однажды он скупил всех птиц, продававшихся на рынке в Буссоленго, и выпустил их на свободу. Затем Бозизио начал проводить все время за чтением газет и подавать в правительственные учреждения очень резко написанные докладные записки об охране лесов, о мерах против истребления птиц и т. п. Уволенный от службы с маленькой пенсией, он круто изменил свой прежний, довольно роскошный образ жизни, стал питаться одной полентой без соли, сбросил с себя мало-помалу все принадлежности костюма, кроме кальсон и рубашки, и употреблял весь свой скудный доход на покупку газет да разных книжонок и на печатание брошюр в защиту интересов будущих поколений, а потом всюду раздавал эти брошюры даром. Вот заглавия некоторых из них: «Критика моего времени», «Вопль природы», «113 § Вопля природы».

Прочтя эти произведения и в особенности выслушав устные доводы Бозизио, приходишь к тому заключению, что придуманное им учение не лишено логичности. Он указывает на бедствия, то и дело поражающие Италию: болезнь винограда, шелковичных червей, раков, наводнения, и приписывает все это опустошениям, происшедшим на земном шаре вследствие

истребления лесов, уменьшения количества птиц и (здесь уже начинается безумный бред) тому мучению, какое испытывают эти последние, перелетая через полотно железных дорог. Точно так же он восстает против излишних расходов, против разорительных займов, губительно отражающихся на благосостоянии будущих поколений, и объявляет себя борцом за них.

«Вспомните, — пишет он, — что древние римляне посвящали много времени физическим упражнениям, не знали нашей теперешней роскоши, не пили кофе — все это вредно для потомства, потому что губительно действует на человеческие зародыши! Так же дурно отражается на них злоупотребление половыми наслаждениями, браки из-за денег и ложно понимаемая благотворительность. Филантропы хлопочут о сохранении жизни несчастных младенцев, болезненных, искалеченных, тогда как, если бы их убили в детстве, они не произвели бы потомства; точно так же, если бы в больницах не тратили столько денег и трудов на лечение болезненных, слабых субъектов, а помогали бы сильным, крепким работникам, когда они захворают, то раса улучшилась бы. А воры и убийцы, разве это также не больные, которых следует истребить для улучшения расы? С другой стороны, сколько зла приносит ненасытная животная жадность человека! Что только не истребляется для удовлетворения его аппетита, инстинктивно кровожадного и ненасытного, без малейшей заботы о судьбе грядущих поколений, без всякого соображения о том, что это уничтожение, эта растрата красы и богатства природы есть преступление, ужасное преступление, состоящее в нарушении самых священных прав нашего потомства.

Уж не думают ли, чего доброго, что это варварское истребление (птиц, рыб и т. д.) можно пополнить, что этому страшному бедствию можно помочь, народив кучу детей, или что для возбуждения умственных способностей этих последних, для развития их добрых качеств и физической красоты не нужно ничего другого, кроме материнской нежности, истощенного развратом куртизана и так называемого здравого смысла, присущего народу?

Эта ужасная страсть плодиться, роковым образом увлекающая все народы в бездну, из которой не видно выхода, на что уже указывал Мальтус, напоминает мне того мидийского царя, что в своем безумном пристрастии к золоту просил Божество (Нуме), чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото. Просьба эта была исполнена; но первые же восторги при виде совершающегося на глазах царя чудесного превращения скоро сменились у него страхом, печалью и отчаянием; так как всякое кушанье царя превращалось в золото, он увидел, что сам обрек себя на голодную смерть*».

Не думаю, чтобы нашлось более очевидное доказательство того, что психическая деятельность может быть в высшей степени энергична, могуча и в то же время ненормальна относительно одного какого-нибудь пункта. Кто знаком с произведениями г-жи Ройе и Конта, тот, в сущности, не найдет ничего безумного в убеждениях, исповедуемых Бозизио, кроме разве его воздержания от употребления соли, слишком легкого костюма да мрачного взгляда на железные дороги, которые кажутся ему страшным злом. Отбросив это

последнее, действительно нелепое мнение, мы увидим, что обе остальные странности свои он объяснял довольно разумно: так, употребление соли он считал излишним на том основании, что дикари, которые никогда не едят ее, все-таки бывают крепки и здоровы; ходил с открытой головой отчасти из подражания римлянам, отчасти вследствие справедливого мнения, что тогда лучше сохраняются волосы, а простоты в костюме придерживался, как мы уже знаем, с целью пропаганды своих идей. «Разве публика, — сказал мне однажды этот новый Алкивиад*, — стала бы останавливаться передо мной на улице и расспрашивать меня о моем учении, если бы я был одет иначе? Костюм служит рекламой моих проповедей, и я ношу его из принципа».

Часто болезненным признаком казалось мне то, что Бозизио основывает все свои выводы на газетных статьях политического содержания, дающих слишком бедный материал в научном смысле; но он оправдывался тем, что в газетах всегда затрагиваются интересы дня и что для ознакомления с настроением общества ему нельзя игнорировать их, хотя он и не сочувствует этим интересам. Всего больше сказывалась, впрочем, его ненормальность в том, что он придавал громадное значение ничтожнейшим фактам, вычитанным из какой-нибудь газетки, и тотчас же принимался обобщать их. Прочтя, например, что в Лиссабоне ребенок упал в воду или что женщина сожгла себе юбку, Бозизио немедленно приводит эти факты в доказательство вырождения расы. Что же касается его образа жизни, то он может поставить в тупик любого гигиениста, который не в состоянии будет объяснить себе, каким образом этот старик, питающийся одной только полентой без соли, сохраняет удивительную бодрость, крепость, силу и ходит по 20 миль в день. Для психолога здесь любопытно проследить влияние умопомешательства на подъем духа, на развитие умственных способностей, иногда даже до одного уровня с гениями, хотя печальный недуг и придает всему мышлению оттенок ненормальности. И кто знает, если бы наш Бозизио был не жалкий чиновник, а студент юриспруденции или медицины, если бы он имел возможность учиться систематически, а не урывками, из него вышел бы, может быть, второй Конт или, по крайней мере, Фурье, с философскими системами которых у него много общего и от которых его отличает только одно — умопомешательство.

Не менее интересно проследить, какие разнообразные оттенки принимает сумасшествие, смотря по духу времени. Если бы Бозизио жил в средневековую эпоху, в Испании или в Мексике, то, пожалуй, из этого защитника птиц и мученика за благо потомства выработался бы св. Игнатий Лойола или Торквемада, а свободомыслящий позитивист обратился бы в ревностного католика, приносящего человеческие жертвы для умилостивления разгневанного божества. Но Бозизио живет в Италии, в конце XIX столетия.

Этот факт наглядно объясняет нам, почему в давно прошедшие времена и у диких или у малообразованных народов появлялось столько случаев эпидемического сумасшествия и каким образом столько исторических событий могли быть вызваны безумным бредом одного или нескольких лиц, напри-

мер секты анабаптистов, бичующихся, появлением колдунов, возмущением тайпинов и прочих. Помешательство у некоторых из них проявляется нелепыми, но в то же время грандиозными идеями и такой несокрушимой верой в них, что невежественная толпа невольно бывает увлечена ими, чему отчасти содействуют странность их одежды, необычная внешность, аскетический образ жизни, возможный только при существовании психического расстройства и всегда возбуждающий удивление толпы. Недаром же говорят, что она способна поклоняться лишь тому, чего не понимает.

Обстоятельства, по-видимому, благоприятствовали тому, чтобы из Бозизио вышел настоящий пророк-новатор: для этого у него было и сильное увлечение некоторыми идеями, и железное здоровье, и воздержанность в пище, и бескорыстие, и глубокая вера в спасительность своей миссии; ему недоставало, по счастью, только одного — благоприятного времени для того, чтобы вызвать к себе всеобщее сочувствие. В противном случае у Италии был бы свой Мухаммед в виде Бозизио.

Но, приняв во внимание безупречность его жизни, образцовую аккуратность во всем, имеем ли мы право сказать, что это был обыкновенный сумасшедший? А убедившись в относительной новизне исповедуемых им идей, можем ли мы причислить его к массе описанных нами раньше бессмысленных маттоидов? Конечно, нет.

Предположим, что Джузеппе Феррари, вместо того чтобы получить высшее образование, остался бы на том же низком уровне развития, как Бозизио, тогда, наверное, вместо ученого, пользующегося вполне заслуженной известностью, из него вышло бы нечто похожее на бедного защитника птиц. Это предположение тем более вероятно, что и теперь некоторые рассуждения Феррари — относительно исторической арифметики, например, а также относительно королей и республик, умирающих в назначенный день, по воле автора, — могут быть отнесены лишь к области безумия. То же самое следует сказать и о Мишле по поводу его фантастической естественной истории*, его академической непристойности, невероятного тщеславия и тех последних глав истории Франции, которые он ухитрился превратить в какую-то странную смесь грязных анекдотов и нелепых парадоксов. К той же категории можно отнести еще Фурье и его последователей, предсказывавших с математической точностью, что через 80 тысяч лет люди станут жить по 144 года и что тогда у нас будет 37 миллионов поэтов (вот несчастье-то!) да, кроме того, 37 геометров не хуже Ньютона; Лемерсье, писавшего одновременно с прекраснейшими драмами такие, в которых разговаривают муравьи, растения и даже само Средиземное море; Буркиелли, требовавшего от живописцев, чтобы они изобразили ему землетрясение в воздухе и гору, которая делает глазки колокольне, и прочее.

В Италии в продолжение многих лет читает лекции в одном из больших университетов профессор, создавший в своих сочинениях особую нацию — ханжей и придумавший для возвращения к жизни утопленников такой при-

бор, что посредством его можно смело задушить даже здорового человека. Этот ученый рекомендует употребление теплых ванн в 20° и приписывает благотворное действие морской воды выдыханиям рыб. Однако же в его сочинениях, напечатанных уже вторым изданием, очень много хорошего, и ни один коллега не имел повода заподозрить его в умопомешательстве. К какой же категории можно причислить этого субъекта? Очевидно, он принадлежит к промежуточной ступени, переходной от настоящего гения к сумасшедшему и графоману, так как с этими последними сближает его бесплодность целей и спокойное, упорное исследование парадоксов. Все такие факты показывают нам, что градации, переходные ступени между умом и сумасшествием вовсе не принадлежат к области гипотез, как думает уважаемый Ливи; эта постепенность согласуется, впрочем, и с неизменными законами природы, которая, как известно, не терпит скачков, но допускает лишь медленный, последовательный переход из одних форм в другие. Наконец, разве мы не встречаем на каждом шагу полукретинов, полурахитиков и, к сожалению, слишком часто — полуученых?

Весьма естественно поэтому прийти к заключению, что если такие переходные ступени существуют в области, так сказать, литературного сумасшествия, то они возможны и в области криминального помешательства, и что для так называемых преступников или сумасшедших необходимо допустить смягчающие обстоятельства, хотя вряд ли найдется человеческий ум, способный провести вполне точную границу между преступлением и сумасшествием.

X. «Пророки» и революционеры. Савонарола. Лаццаретти

В этой главе я постараюсь разъяснить, каким образом великие успехи в области политики и религии народов нередко бывали вызываемы или по крайней мере намечались благодаря помешанным или полупомешанным.

Причина такого явления очевидна: только в них, в этих фанатиках, рядом с оригинальностью, составляющей неотъемлемую принадлежность как гениальных людей, так и помешанных, но в еще большей степени гениальных безумцев, экзальтация и увлечение достигают такой силы, что могут вызвать альтруизм, заставляющий человека жертвовать своими интересами и даже самой жизнью для пропаганды идей толпе, всегда враждебно относящейся ко всякой новизне и способной иногда на кровавую расправу с новаторами.

«Посмотрите, — говорит Модсли, — как подобные субъекты умеют уловить самые сокровенные оттенки идеи, оставшиеся незамеченными со стороны более мощных умов, и благодаря этому совершенно иначе осветить данное явление. И такая способность замечается у людей, не обладающих

ни гением, ни талантом; они рассматривают предмет с новых, не замеченных другими точек зрения, а в практической жизни уклоняются от общепринятого образа действий. Любопытно проследить, с какой развязностью эти люди рассуждают, точно о простейших задачах механики, о самых сложных вопросах, как легко они относятся к лицам и событиям, которые окружены ореолом почтения в глазах обыкновенных смертных; мнения у них по самой сущности своей еретические, часто изменяющиеся, и потому им ничего не стоит броситься из одной крайности в другую; но, раз усвоив какие-нибудь верования, они уже держатся за них с несокрушимым упорством, исповедуют их горячо, не обращая внимания ни на какие препятствия и не мучаясь сомнениями, которые обуревают скептические, спокойные умы».

Вот почему из этих людей так часто выходят реформаторы.

Само собой разумеется, что они не создают ничего нового, но лишь сообщают толчок движению, подготовленному временем и обстоятельствами; одержимые положительной страстью ко всякой новизне, ко всему оригинальному, они почти всегда вдохновляются только что появившимся открытием, нововведением и на нем уже строят свои выводы относительно будущего. Так, Шопенгауэр, живший в эпоху, когда пессимизм с примесью мистицизма и восторженности начал входить в моду, по мнению Рибо, только соединил в стройную философскую систему идеи своего времени.

Точно так же Лютер лишь резюмировал взгляды своих предшественников и современников, доказательством чего служат проповеди Савонаролы.

С другой стороны, не следует забывать, что когда новое учение слишком резко противоречит вкоренившимся в народе убеждениям или слишком уж нелепо само по себе, оно исчезает вместе со своим провозвестником и нередко становится причиной его гибели.

Модсли говорит в своей книге «Об ответственности», что так как помешанный не разделяет мнений большинства, то он уже по самой сущности своей является реформатором; но когда его убеждения проникают в массу, он опять остается одиноким с немногочисленным кружком лиц, ему преданных.

В Индии явилось теперь под влиянием Кешуба Чендер-Сена среди самих браминов новое вероучение, основанное на чисто современных рационализме и скептицизме, из чего следует заключить, что безумие Кешуба значительно опередило свое время, так как успех подобной религии был бы невозможен даже среди европейского, гораздо более свободомыслящего общества. Очевидно, что в данном случае новые идеи явились под влиянием психоза, как у того крестьянина, продавца губок, о котором я говорил раньше, и вообще у многих сумасшедших «пророков», почему они и называют себя «вдохновенными».

То же самое замечается и относительно политических идей: нормальное, прочное развитие исторической жизни народов совершается медленно при посредстве целого ряда последовательных событий; но гениальные безумцы

ускоряют ход этого развития, опережают на много лет свою эпоху, каким-то чутьем угадывают переходные ступени, неуловимые для обыкновенных людей, и не колеблясь, не думая о своих личных интересах, бросаются в борьбу с настоящим, выступают с горячей проповедью новых идей, хотя бы совершенно неприменимых на практике в данное время. Они уподобляются в этом случае тем насекомым, которые, перелетая с цветка на цветок, переносят цветочную пыльцу и тем содействуют оплодотворению растений.

Соедините же теперь непоколебимую, фанатическую преданность своим убеждениям, на какую способны помешанные, с прозорливостью и расчетливостью гения — и вы поймете, что такая сила во всякую эпоху может увлечь за собой невежественную толпу, которую, конечно, должны поражать подобные феномены, изумительные, впрочем, даже в глазах ученых или посторонних наблюдателей. К этому еще следует прибавить, что помешанные имели всегда, начиная с древнейших времен, громадное значение в глазах простого народа.

У дикарей, например, или у древних полуварварских народов умалишенный не только не считался больным, но внушал к себе уважение; толпа трепетала перед ним, обожала его, и он нередко делался безграничным властелином над нею[1]. В Индии, например, сами брамины покровительствуют некоторым сумасшедшим и советуются с ними. Даже теперь там существуют 43 секты, приверженцы которых, несомненно, поврежденные люди, так как они к вящей славе Господней проделывают различные несообразные вещи: пьют мочу, ходят по острым камням, целые годы остаются неподвижными на открытом воздухе и вообще всячески истязают себя.

В Египте мы встречаемся с подобными же фактами. Ораполло говорит, что там существует даже особый род умопомешательства и что меланхолия особенно распространена среди лиц, занимающихся вскрытием и бальзамированием собак. Исследуя мумии, Прунер нашел такие аномалии в строении их черепа, которые могут служить несомненными признаками помешательства. Впрочем, оно и в настоящее время настолько распространено среди смешанного, полудикого населения Египта, что Прунер насчитал в больнице Каира 75 человек сумасшедших на 300-тысячное население этого города — цифра громадная, если принять в соображение, что сюда не вошли так называемые святые, или религиозные мономаньяки, и совершенно помешанные, которые не только живут на свободе, но даже служат предметом поклонения для народа и образцом для подражания. Кроме того, в Египте, по словам того же автора, часто встречается самая упорная форма эпилепсии, а также гиперемия мозга, вызываемая климатом, экстазами, религиозной пляской и в особенности страхом. Последнее чувство часто

---

[1] В старину на Руси точно так же смотрели на юродивых, эпилептиков, истеричных и прочих, считая их пророками, вдохновенными самим Богом людьми и нередко даже святыми.

принимает болезненный характер в этих до крайности раздражительных субъектах и требует специального лечения.

Существование эпидемического сумасшествия у древних евреев и собратьев их — финикиян, карфагенян и прочих — доказывается библейской историей и самим языком, в котором одни и те же слова служат для обозначения пророка, сумасшедшего и преступника. В Библии рассказывается, что Давид, опасаясь быть убитым, притворялся сумасшедшим, выпачкал себе бороду и поставил над дверью своего дома особый знак, что заставило царя Анхуса сказать: «Разве не достаточно у меня сумасшедших и без Давида?» Этот факт указывает на частое повторение случаев помешательства и на то еще, что помешанные были неприкосновенны, вероятно вследствие предрассудка, перешедшего к евреям еще от арабов, у которых пророк и сумасшедший называются одинаково — «нави».

В Алжире, по словам Бербрюгера, весьма многочисленны индивидуумы, впадающие при известных условиях в состояние, очень напоминающее сен-медарских конвульсионеров*. Чтобы убедиться, каким уважением пользуются сумасшедшие в Марокко и у соседних кочующих племен, следует прочесть книгу Даммонд-Гея, который, между прочим, говорит: «По мнению берберов, лишь тело сумасшедших находится на земле, разум же их удерживается божеством на небе и возвращается к ним только в тех случаях, когда они должны говорить, вследствие чего каждое слово, ими сказанное, считается за откровение». Сам автор книги и английский консул едва не были убиты одним из этих «святых» особого рода, бегающих всюду нагими, но нередко с оружием в руках и готовых на самое грубое насилие над тем, кто вздумал бы удерживать их от разных диких, возмутительных поступков.

Пананти рассказывает, что в Бербере хозяева караванов советуются с помешанными «святыми», произволу которых нет границ; так, один из них душил богомольцев, приходивших в храм, а другой в общественных банях изнасиловал жену туземца, и подруги поздравили ее по этому поводу.

Турки относятся к сумасшедшим с таким же уважением, как и к дервишам, считая их наиболее близкими к божеству людьми, вследствие чего им открыт доступ даже в дома министров. Дервиши представляют немало сходства с помешанными, у каждой секты их есть своя особая молитва и соответствующая пляска или, скорее, своеобразные конвульсии: молящиеся то качаются из стороны в сторону, то спереди назад, то кружатся на одном месте, ускоряя эти движения по мере того, как возрастает молитвенный экстаз*. Особенно славятся своею святостью дервиши, называемые куфиями: они лишают себя сна или спят, опустив ноги в воду, не принимают пищи по целым неделям и прочее. Молитва их начинается тем, что они становятся на одну ногу, а другой описывают круги, держа друг друга за руки и напевая вполголоса, затем движение усиливается, пение становится громче, они закидывают руки на плечи один другому и кружатся до тех пор, пока не упадут на пол в священных конвульсиях, задыхающиеся, бледные, с выпученны-

ми глазами и покрытые потом. Под влиянием этой религиозной мании дервиши делают себе прижигания раскаленным железом, а где нет огня, наносят себе раны саблями и ножами.

У батавов, по словам Иды Пфейфер, человеку, одержимому злым духом, оказывают величайшее почтение: каждое слово его считается пророчеством, а желание — законом.

На Мадагаскаре сумасшедшие служат предметом поклонения. В 1863 году среди тамошнего населения появилось умопомешательство особого рода: больные дрожали всем телом, били каждого, кто к ним приближался, и подвергались галлюцинациям, причем постоянно видели умершую королеву выходящей из могилы. Так как король приказал не трогать их, то случалось, что солдаты били своих офицеров, а подчиненные — начальников. Мания эта продолжалась около двух месяцев.

В Китае единственной представительницей массового умопомешательства служит одна только секта религиозных фанатиков — явление необычное в этой скептической нации. Кроме того, последователи Дао почитают беснующихся, помешанных и тщательно записывают их изречения, думая, что они служат выразителями мыслей беса относительно будущего*.

В Океании, на острове Тонга, существуют также свои пророки, т. е. те же сумасшедшие, находящиеся, по мнению народа, под особым покровительством божественного духа.

Об Америке Скулкрафт говорит: «Уважение к сумасшедшим составляет характерную особенность в обычаях индейских племен Севера, а также Орегона, где живут наиболее дикие из туземцев Америки. Среди одного из этих племен я видел женщину, по всем признакам сумасшедшую, которая пела каким-то странным образом и раздавала окружающим бывшие у ней вещицы, а если кто отказывался взять их, то она с досады резала себе тело ножом. Индейцы окружали ее величайшим почтением».

У патагонцев есть колдуны и знахарки, предсказывающие будущее во время припадков конвульсий. В жрецы у них избираются преимущественно женщины, если же будет избран мужчина, то он обязан носить женское платье; кроме того, избираемые должны с детства отличаться особенными способностями. Какого рода эти способности, видно из того факта, что эпилептики пользуются неотъемлемым правом на избрание в должность жреца, как обладающие божественным даром.

В Перу, кроме собственно духовенства, есть еще пророки, изрекающие разные «истины» во время припадков страшных судорог и конвульсий. Эти люди в большом почтении у простого народа, но высший класс относится к ним с презрением.

Такое сходство во взглядах на помешательство в разных странах должно обусловливаться общими причинами, и, как мне кажется, причины эти следующие:

1) Располагая лишь небольшим числом привычных ощущений, простой народ с изумлением относится ко всякому новому явлению и готов покло-

няться всему необыкновенному; обожание является у него, можно сказать, необходимым рефлексом, вследствие каждого слишком сильного нового впечатления. Так, житель Перу называл «божественными» — жертвенное животное, храм, высокую башню, большую гору, кровожадного зверя, человека о 7 пальцах на руке, блестящий камень и прочее. Точно так же на языке семитов слово «эль» («божественный») служит синонимом величия, света, новизны и одинаково прилагается к сильному человеку, к большому дереву, горе или животному. Наконец, что удивительного, если дикарь приходит в изумление при виде кого-нибудь из своих собратьев, вдруг совершенно изменившегося под влиянием помешательства, жестикулирующего, возвышающего голос, говорящего о самых необыкновенных вещах, когда мы даже теперь, вооруженные наукой, зачастую не можем объяснить причины подобных явлений

2) Некоторые из помешанных обладают необыкновенной физической силой, а народ уважает силу.

3) Нередко они обнаруживают поразительную нечувствительность к холоду, голоду и ко всевозможным физическим страданиям.

4) Некоторые из них, одержимые религиозным или горделивым помешательством, сами выдают себя за вдохновленных богами, за властелинов, повелителей народа и этим заранее предрасполагают его в свою пользу.

5) Но самая главная причина заключается в том, что многие из помешанных нередко обнаруживали ум и волю, значительно превосходившие общий уровень развития этих качеств у массы остальных сограждан, поглощенных заботами об удовлетворении своих материальных потребностей. Далее известно, что под влиянием страсти сила и напряжение ума заметно возрастают, в некоторых же формах умопомешательства, которое есть не что иное, как болезненная экзальтация, они, можно сказать, увеличиваются в десятки раз. Глубокая вера этих людей в действительность своих галлюцинаций, мощное увлекательное красноречие, с каким они высказывали свои убеждения, контраст между их жалким безвестным прошлым и величием их настоящего положения естественно придавали подобным сумасшедшим громадное значение в глазах толпы и возвышали их над общим уровнем здравомыслящих, но обычных, обыкновенных людей. Примером такого обаяния могут служить Лаццаретти, Бриан, Лойола, Малинас, Жанна д’Арк, анабаптисты и прочие. Во время эпидемии пророчества, бывшей в Севеннах и затем недавно еще появлявшейся в Стокгольме, личности совершенно необразованные, служанки, дети, под влиянием охватившего их увлечения произносили проповеди, нередко отличавшиеся живостью и красноречием.

Одна служанка употребила, например, такого рода метафору: «Подкладывая дрова в огонь, можно ли не вспоминать об аде? Но там будет гораздо больше дров и гораздо больше огня». Другая пророчица, кухарка, говорила: «Бог проклял этот гнусный напиток (водку)... Грешников-пьяниц ожидает соответствующее их вине наказание — в аду будут течь реки этого проклятого напитка, и в них сгорят все, кто его употреблял». Девочка 4-х лет вы-

сказывала такие мысли: «Богу небесному угодно призвать грешников к покаянию... Идите на Голгофу — там вы найдете праздничные одежды».

6) У варварских народов помешательство часто принимает эпидемический характер; например, у диких негритянских племен жуйды, у абипонцев и абиссинцев существует эпидемия, имеющая большое сходство с итальянской тарантеллой и называемая *tigretier*. Относительно Греции рассказывают, что там, у абдеританцев, появилось эпидемическое помешательство, вызванное представлением одной трагедии; точно так же повальным помешательством эротико-религиозного характера были заражены те поклонницы Вакха, которые бегали по улицам Афин и Рима в каком-то священном экстазе, томясь жаждой крови и наслаждений*. Но особенно часто такие случаи бывали в Средние века, когда эпидемии психического расстройства постоянно сменяли одна другую. Тогда повсеместно распространялись самые причудливые формы умопомешательства, захватывая с неудержимой силой, подобно заразительным болезням, целые области и народы, поражая не только детей, стариков и вообще легковерных людей, но даже самых отъявленных скептиков. Демономания с большей или меньшей примесью нимфомании вызывала появление то ведьм, то бесноватых, смотря по тому, относились ли ее жертвы к своей болезни спокойно, даже с гордостью, или же, напротив, приходили от нее в отчаяние. Она проявлялась галлюцинациями самого непристойного содержания, всего чаще по поводу сношений с нечистой силой или с животными, в которых поселялись злые духи, а также непобедимым отвращением ко всем священным предметам. Иногда такие субъекты выказывали необыкновенное развитие физических или умственных сил, так что могли объясняться на иностранных, едва знакомых им языках и связно, подробно передавать самые отдаленные события из своей жизни, причем у них появлялись эротические экстазы и местные анестезии. Нередко также они обнаруживали наклонность кусаться, стремление к убийству и самоубийству, отвращение к разным вещам и всегда отличались непоколебимой верой в действительность своих галлюцинаций.

Когда в Севеннах появилась страсть к пророчеству, зараза распространилась на женщин, даже на девочек, причем больные видели знамения в форме и расположении облаков, в распределении солнечного света и прочего. Тысячи женщин упорно продолжали распевать псалмы и пророчествовать, хотя их арестовывали массами. Целые города, по свидетельству Виллани, казалось, были отданы во власть самого сатаны. В 1374 году в Аквисгране от эпилептиков и хореиков распространилась во всем населении мания плясать на улицах с криками: «*Here S. Iohan so so vrisch und vord*»[1], причем даже беременные женщины и дряхлые старики принимали участие в этой пляске. Она сопровождалась религиозными галлюцинациями: пляшущие видели отверстым небо и в глубине его — блестящий сонм святых. У неко-

[1] Вот св. Иоанн живой и здоровый (*др.-нем.*).

торых являлось при этом отвращение к красному цвету, к остроконечным вещам и т. п. Мания распространилась до Кельна, где ею заразились 500 человек, затем перешла в Метц, Страсбург и всюду держалась очень упорно. В следующие годы она стала появляться периодически, так что в день св. Витта, избранного больными своим патроном, массы народа собирались у его гробницы. Еще в 1623 году к ней продолжали приходить на поклонение, и некоторые делали это до 32 раз. Чрезвычайный интерес представляет эпидемическая мания к странствованиям, появившаяся в Средние века среди детей. В 1212 году, когда все христиане горевали о потере Святой Земли, маленький пастух из Клое (Вандом), вообразив себя избранником Божиим, начал уверять всех, что под видом незнакомца к нему явился сам Бог и, приняв от него хлеб, поручил отнести письмо к королю. Тогда все сыновья окрестных пастухов сбежались к маленькому пророку, а вслед за тем до 30 тысяч человек взрослых мужчин сделались его поклонниками и последователями. Вскоре начали появляться и другие восьми-девятилетние пророки, которые произносили проповеди, творили чудеса и приводили целые отряды доходивших до исступления детей к новоявленному святому из Клое. Затем вся армия направилась в Марсель, где море должно было расступиться, чтобы странники, не замочив ног, могли дойти до Иерусалима. Ни королевское запрещение, ни родительская власть, ни неудобства и лишения всякого рода — ничто не могло удержать маленьких пилигримов. По прибытии их в Марсель двое мошенников нагрузили семь больших кораблей несчастными детьми и увезли их на Восток с целью продать там в рабство.

Одной из причин, обусловливавших эпидемический характер мании, было то почтение, которым народ окружал страдавших ею лиц, являвшихся как бы образцами для подражания, но главную роль тут играли невежество и замкнутость первобытных обществ. С развитием цивилизации, при большой легкости сношений между людьми индивидуальные особенности обозначаются резче, личность обособляется вследствие эгоизма, недоверия, самолюбия, соперничества, ощущения становятся разнообразнее, представления многочисленнее, и тогда уже народные массы гораздо труднее поддаются какому-нибудь общему движению. Понятно, что регрессивные изменения умственных способностей совершаются у дикаря гораздо легче, чем у цивилизованного человека: первому несравненно труднее сдерживать свои страсти и отличать иллюзии от действительности, воображаемое от желаемого, возможное от сверхъестественного, нежели второму. Действительно, хотя за последнее время и возникали эпидемические формы помешательства в цивилизованных странах, но лишь среди самых невежественных классов, в уединенных или окруженных горами местностях, например, в Корнуолле, Уэльсе, Норвегии, Бретани, в отдаленнейших селениях Америки и в гористых частях Италии. Так, в Монте-Амиата, где позднее имел успех Лаццаретти, по свидетельству местной хроники, пользовался репутацией святого некто Аудиберти, очевидно помешанный, отличавшийся край-

ней нечистоплотностью. В той же местности был некогда известен Бартоломео Брандано, почти столетний старик, впавший в религиозное помешательство, вероятно, под влиянием скорби о бедствиях Италии, которая страдала тогда от нашествия испанских войск. Вообразив себя Иоанном Крестителем, он стал подражать ему в образе жизни, одевался в короткую рубашку из грубой холстины и, босой, с крестом в руках и с черепом под мышкой, странствовал по окрестностям Сиены, поучал народ, пророчествовал, совершал чудеса и везде приобретал последователей.

Затем он отправился в Рим и на площади Св. Петра проповедовал против папы и кардиналов. Однако Климент VII, вместо того чтобы повесить его за такую дерзость, отправил в тюрьму Тординона, куда обыкновенно запирали сумасшедших, если не считали нужным сжигать их живыми как одержимых бесом. Выйдя из тюрьмы, Брандано несколько раз оскорблял капитана испанской армии Мендосу, который, не зная наверное, что это за человек — святой, пророк или помешанный, — отправил его в каторжную тюрьму Таламоне, предоставив решение этого вопроса заведовавшему ею чиновнику. Но тот отказался поместить у себя несчастного старика на том основании, что если он святой, то святых не отправляют на каторгу; если пророк, то пророков не наказывают; а если сумасшедший, то сумасшедшие не подлежат общим законам, так что Брандано был вскоре выпущен на свободу. Сказав несколько проповедей каторжникам, он ушел и продолжал пророчествовать и чудить по-прежнему. Даже недавно в отдаленных провинциях Пьемонта появились двое святых, один из которых пробыл 20 лет на каторге, а другой в короткое время успел собрать около себя более 300 человек последователей. Кроме того, в самой гористой части Черногории эпидемически распространилось в 1881 году нелепое убеждение, что там появляется сам Иисус Христос, вследствие чего в занесенных снегом горах собралось более 3000 человек окрестных жителей. Около того же времени в Абруццо был арестован бродяга, выдававший себя за Мессию.

Возникшая в Норвегии в 1842 году эпидемия пророчества так и называлась — «болезнь служанок», потому что ею заболевали преимущественно служанки, страдавшие истерией, и даже девочки. Модное увлечение последнего времени магнетизмом и столоверчением, дошедшее до такой нелепости, как говорящие столы, хотя и распространилось довольно широко, но до полного умственного расстройства оно довело лишь немногих, и болезнь эта имеет спорадический характер. Вообще, с развитием цивилизации начинают исчезать предрассудки, а они-то, как известно, всего более и благоприятствуют распространению душевных болезней. В Стокгольме, например, мания пророчества с особенной силой проявлялась в тех местностях, где мы уже заранее были подготовлены к ней проповедями и обрядами религиозного характера, что всегда вызывало увеличение числа помешанных.

Этих фактов совершенно достаточно, чтобы объяснить себе причину успеха пророков древнего и нового времени, а также их влияния, отражаю-

щегося на историческом ходе развития народов. Можно указать немало примеров того, что народ принимал за пророков несчастных больных, страдавших горделивым помешательством или теоманией, а их галлюцинации — за откровение свыше. Таким путем возникли новые секты, усилившие и без того ожесточенные религиозные распри со всеми их печальными последствиями, — распри, омрачавшие весь период Средних веков и не прекратившиеся совершенно даже и в наше время. Например, некто Пикар вообразил себя Сыном Божиим, посланным на землю научить людей, чтоб они не носили одежды и имели бы общих жен; ему верят, повинуются — и вот является секта адамитов. Точно так же возникло учение анабаптистов. Последователям его в Мюнстере, в Аппенцеле, в Польше вдруг начинают представляться борющиеся на небе ангелы и огненные драконы; они получают свыше повеление убивать своих братьев и нежно любимых детей (мания убийства), воздерживаться от пищи по целым месяцам или поражать войска своим дыханием и взглядом. Позднее подобным же образом произошли секты кальвинистов и янсенистов, из-за которых было пролито столько крови. О колдунах, ведьмах, одержимых бесами и говорить нечего — появление их понятно само собой.

Списки сумасшедших писателей и пророков, приведенные у Дельпьера, Филомнеста, Аделунга, вызывают невольную улыбку сострадания над человеческим безумием, когда припомнишь, что у большинства этих душевнобольных были многочисленные последователи. В половине XVIII века является, например, некто Клейнов, выдающий себя за короля Сиона; в приверженцах у него, конечно, нет недостатка, и они воображают себя его детьми. Затем, что может быть нелепее учения Сведенборга, который уверял, что ему случалось по целым дням, даже по целым месяцам беседовать с духами, живущими на различных планетах, и видеть их обитателей, причем он рассказывал, что жители Юпитера ходят частью на руках, частью на ногах, жители Марса говорят глазами, а жители Луны — животом. Тем не менее Сведенборг еще недавно имел массу поклонников, разделявших его мнения.

В 1655 году Уэйн, написавший туманное сочинение под заглавием «Тайна и могущество Божества, блистающего в мире живом», собрал вокруг себя так называемых *искателей* (сикеров), которые разыскивали всюду и надеялись найти сверхъестественные явления, проповедуя милленаризм*. Он был обезглавлен.

В 1792 году Ирвинг, благодаря божественному откровению получивший способность понимать незнакомые ему языки, основал секту ирвингистов.

Хамфри, или, скорее, Нойес, из Соединенных Штатов, вообразив себя пророком, положил начало секте перфекционистов «Онеида», всего более распространенной теперь в Штатах. Последователи ее считают кражей не только собственность, как это доказывал Прудон, но даже и брак; вместе с тем они отрицают гражданские законы и приписывают все самые обыденные поступки свои божественному вдохновению.

Деды наши, вероятно, еще помнят, каким громадным вниманием пользовалась в Европе Юлия Крюднер, эта в полном смысле слова пророчица монархизма, страдавшая истерией. Эротические наклонности были в ней настолько неудержимы, что она публично становилась на колени перед одним тенором; потом любовные неудачи заставили ее обратиться к религии. Она вообразила себя избранной Богом для спасения человечества и с пламенным красноречием принялась вербовать себе сторонников. В Базеле Крюднер взволновала весь город проповедью о скором пришествии нового Мессии; 20 тысяч человек собралось на ее призыв, так что сенат в испуге поспешил изгнать ее из города; тогда она переехала в Баден, где 4-тысячная толпа народа уже дожидалась ее на площади, чтобы поцеловать руку вдохновенной пророчицы или край ее платья; одна дама предложила ей 10 тысяч флоринов на постройку церкви, но Крюднер раздала деньги бедным, «царство которых приближается». После того как ее выслали из Бадена, она начала странствовать по Швейцарии, всюду сопровождаемая толпой народа. Вследствие преследований полиции Крюднер из городов направилась в деревни, где ее встречали восторженно, осыпая благословениями. Поступки свои она приписывала влиянию ангелов; Наполеона, отнесшегося к ней с презрением, Крюднер называла темным ангелом, а императора Александра — светлым и сумела даже сделаться советницей этого последнего, так что Священный союз был заключен будто бы исключительно под ее влиянием.

Лойола занялся религиозными вопросами после того, как был ранен; затем, под страшным впечатлением вспыхнувшего в Вюртемберге восстания, задумал основать принесшее столько вреда общество иезуитов, причем утверждал, что якобы Богородица лично помогала ему в осуществлении его проектов и он слышал с неба ободрявшие его голоса.

Лютер приписывал свои физические страдания и сновидения дьявольскому наваждению, хотя все описанные им недуги доказывают, что они были вызваны нервным расстройством. Например, он нередко жаловался на ужасное удушье, причиняемое ему разгневанным божеством. В 27 лет с ним начали делаться головокружения, головные боли, шум в ушах, что повторялось потом у него довольно часто, особенно во время путешествия в Рим.

Кроме того, Лютер страдал галлюцинациями всегда одного и того же содержания, что, может быть, обусловливалось постоянным уединением. Вот как описывает он их. «Когда в 1521 году, — пишет он, — я находился на своем Патмосе* — в комнате, куда никто не входил, за исключением двоих слуг, приносивших мне пищу, то услышал однажды вечером, лежа в постели, что орехи начали шевелиться в мешке и выскакивать из него, стукаясь в потолок около моей кровати. Едва я заснул, как услышал страшный шум и, вскочив, закричал: “Кто ты?”»

В Вюртемберге, как только Лютер, объясняя в церкви Послание к римлянам, дошел до слов «праведник живет истинной верой», он вдруг почувствовал, что это изречение проникло ему в душу, и услышал, что кто-то не-

сколько раз повторил эту фразу у него над ухом. То же изречение припомнилось ему по дороге в Рим в 1570 году, а когда он поднимался по лестнице в папский дворец, кто-то крикнул ему эти слова громовым голосом. Далее он сознается, что нередко просыпался в полночь и вел диспуты относительно обедни с сатаной, некоторыми аргументами которого и воспользовался потом, когда доказывал нелепость обрядов при католическом богослужении.

Чудеса геройства, совершенные Жанной д'Арк, были вызваны галлюцинациями, которыми она страдала с 12-летнего возраста.

Уже в недавнее время основатель секты квакеров Джордж Фокс с крайним увлечением пропагандировал свое учение именно под влиянием галлюцинаций. Видения заставили его покинуть семью; он облекся в кожаную одежду, стал жить в дуплах деревьев и здесь получил откровение, что все христиане, к какому бы вероисповеданию они ни принадлежали, должны считаться сынами Божиими. Сначала ему никто не хотел верить, но тогда он услышал голос, говоривший: «Иисус Христос тебя понимает». После этого Фокс пробыл две недели как бы в летаргическом сне, причем тело его оставалось неподвижным, точно у мертвого, а мозг продолжал работать. Подобные же припадки повторялись и с его последователями, людьми честными, но болезненно настроенными, вследствие чего им являлись видения и они начинали пророчествовать.

Еще более подходящий для нашей цели пример представляет Савонарола, хотя, говоря это, я рискую оскорбить национальное чувство итальянцев. Под впечатлением одного видения он еще смолоду начал считать себя избранником, ниспосланным на землю самим Иисусом Христом для возрождения погрязшего в пороках населения Флоренции. Затем, разговаривая однажды с каким-то монахом, Савонарола увидел в разверстых небесах картину бедствий, испытываемых церковью, и услышал голос, повелевающий ему возвестить об этом народу.

Ему постоянно представлялись видения из Апокалипсиса, а также из событий ветхозаветной истории. В 1491 году он решил было не касаться политики в своих проповедях, но во время молитвы услышал слова: «Глупец, разве ты не видишь, что сам Бог повелевает тебе идти по прежней дороге» — и, конечно, изменил свое намерение.

В 1492 году с Савонаролой случился припадок галлюцинации во время самого произнесения проповеди — он увидел меч с надписью: «*Gladius Domini super terram*» («Меч Бога на земле»), который вдруг обратился клинком вниз, причем небо омрачилось, с него посыпались мечи, стрелы, искры, и земля показалась ему обреченной на жертву голода и чумы. С тех пор он начал предсказывать появление этого последнего бича, и через несколько времени пророчество его действительно исполнилось.

Во время одного из своих видений Савонарола пробыл долго в раю, где беседовал со многими святыми и с Богородицей, престол которой он описал впоследствии чрезвычайно подробно, не забыв даже упомянуть, сколько именно драгоценных камней украшали его.

Подобно Лаццаретти, он постоянно размышлял о своих видениях, стараясь определить, какие из них были навеяны ангелами и какие — демонами. Иногда у него являлось сомнение в действительности этих видений, но он убеждал себя, что это невозможно, и, как все помешанные, часто впадал в противоречия, то называя себя боговдохновенным, то отрицая в себе пророческий дар, ниспосланный свыше. «Я не пророк и не сын пророка, — сказал он однажды. — Это ваши грехи насильно заставили меня сделаться пророком».

Виллари, биограф Савонаролы, в недоумении останавливается над решением вопроса: каким образом этот величайший из философов, давший Флоренции совершеннейшую форму республиканского управления, властвовавший над целым народом, потрясавший весь мир своим красноречием, — каким образом такой человек мог гордиться тем, что слышит какието голоса и видит знамения вроде меча Господня?!

Задаваясь этим вопросом, Виллари приходит к справедливому заключению, что сама бессодержательность этих видений и служит доказательством, что Савонарола находился под влиянием галлюцинаций, не говоря уже о том, что, постоянно выставляя их на вид, он вредил не только себе, но и успеху своего дела. Какую пользу могло принести ему, в смысле популярности в народе, составление трактатов о видениях, разговоры по поводу их с матерью или рассуждения, написанные на полях его Библии? Все, что поклонники его желали бы скрыть, что не дозволила бы предать гласности самая обычная заботливость о своей славе, — все это он печатал и распространял в публике. Но дело в том, что, по его собственному признанию, его пожирал какой-то внутренний огонь, заставлявший говорить и писать иногда против воли. В этой-то неудержимой силе экстаза, доходившего до бреда, и заключалась причина того могучего действия, какое производил Савонарола на своих слушателей. Читая теперь текст его проповедей, мы не можем составить себе даже приблизительного понятия о том потрясающем впечатлении, какое они производили на толпу. Восторженное безумие этого «пророка» не только фанатизировало ее, но даже прямо заразительно действовало на некоторых субъектов: они тоже впадали в умопомешательство и, подобно последователям Лаццаретти, из невежественных, полуграмотных простолюдинов вдруг превращались в проповедников или писателей.

Если бы читатели спросили нас, часто ли подобные типы встречаются в наших домах умалишенных, то мы ответили бы им, что в Италии не найдется, быть может, ни одного психиатрического госпиталя, в котором такого рода больные не составляли бы обычного явления.

Когда я заведовал домом умалишенных в Пезаро, у меня на руках было трое больных этого типа: один из них называл себя папой Анастасием; он назначал кардиналов, референдариев и прочих и постоянно издавал декреты, в которых не было ничего нелепого, кроме подписи. Другой, бывший прежде военным (папским сержантом), сочинил новые заповеди, чрезвычайно курьезные и даже странные. Я привожу здесь четыре из них, чтобы не све-

дущие в психиатрии лица могли убедиться, до какой степени слог их напоминает сочинения Лаццаретти, Пассананте и Манжионе: тут мы встречаем те же повторения, то же обилие созвучий и такое же библейское построение периодов. В ломбардской больнице пап и пророков было мало — помню только одного алкоголика, собиравшегося устроить крестовый поход против синдика в Виджевано, но в Милане всем и каждому известен оригинальный пророк механики и социализма Чианкеттини, редактор «*Travaso*».

Особенно любопытный и наиболее достоверный пример такого рода — так как он произошел недавно у всех на глазах — представляет собой Давид Лаццаретти.

Д. Лаццаретти родился в Арчидоссо в 1834 году; отец его был ломовой извозчик, кажется пьяница, но чрезвычайно крепкого телосложения; в родстве у него были самоубийцы и сумасшедшие, между прочим, один религиозный маньяк, воображавший себя предвечным Отцом; шестеро братьев отличались силой, громадным ростом, живостью ума и необыкновенной памятью; один из них, не умевший ни читать ни писать, помнил до 200 счетов своих с кредиторами. Давид выдавался из всех братьев высоким ростом, прекрасным телосложением и необычными умственными способностями; череп у него был очень большой, удлиненной формы, а глаза до того блестящие, что некоторые находили в них что-то чарующее, хотя большинству они казались демоническими, безумными. Исследование показало, что у него была *hupospadia*, он смолоду страдал мужским бессилием. Ненормальность эта имеет значение, так как Морель и Легран дю Соль нередко встречали ее у маттоидов.

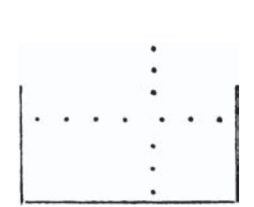
С детства в характере мальчика обнаружились противоречия и крайности, столь обычные у кандидатов на занятие койки в больнице для умалишенных. Так, еще ребенком он задумал пойти в монахи, потом, занявшись ремеслом отца, начал вести разгульную жизнь и злоупотреблять спиртными напитками. В то же время он усердно принялся за чтение, причем выбор книг был чрезвычайно странный для человека его среды — Данте и преимущественно Тассо. В 15 лет Давида уже прозвали «*mille idee*» (тысяча мыслей) за то, что он сочинял своеобразные песенки, хотя никогда не мог усвоить грамматических правил. Отчаянный богохульник и забияка, юноша вскоре сделался грозой для всех окружающих; его до такой степени боялись, что однажды на каком-то празднике ему удалось, только в компании с братьями, без всякого оружия, обратить в бегство все население Кастель-дель-Пиано. И однако же он легко увлекался всем возвышенным и благородным — все равно, был ли это разговор, стихотворение, проповедь или театральное представление. Христос и Мухаммед внушали ему такое глубокое уважение, что он считал их величайшими людьми из всех когда-либо живших на земле. По собственным признаниям Лаццаретти, он еще с 14 лет страдал теми разнообразными галлюцинациями, которые имели для него роковое значение впоследствии. В молодых годах он увлекся одной еврейкой из Питильяно, вероятно, потому, что она горячо сочувствовала его ре-

лигиозным убеждениям, и в то же время он говорил, что питает отвращение к трем вещам — к женщинам, церкви и танцам.

В 1859 году 25-летний Лаццаретти поступил волонтером в кавалерийский полк и в 1860 году принимал участие в экспедиции генерала Чиальдини, но скорее в качестве служителя, чем в звании солдата. Перед выступлением в поход он написал патриотический гимн, который отослали к Брофферио, и тот был поражен оригинальностью выраженных в нем идей и красотой отдельных стихов, что составляло поразительный контраст с безграмотностью и грубым стилем всего гимна.

Но через несколько времени он опять принялся за свое ремесло извозчика, а вместе с тем вернулся к оргиям и кутежам. Тогда он сошелся с женой, хотя обвенчался с ней еще за три года перед тем. Он питал к ней такую поэтическую привязанность, что даже выражал ее в нежных стихотворениях. В этот же период самолюбие до того отуманило ему голову, что он, не получивший никакого образования, начал снова писать стихи и трагедии, выходившие у него чрезвычайно комичными.

Мало-помалу чудачества Лаццаретти приняли иное направление: в 1867 году, когда ему было уже 33 года, вследствие ли пьянства или под влиянием политических волнений, у него сильнее, чем когда-нибудь, возобновились религиозные галлюцинации, которыми он страдал в 1848 году. В один прекрасный день он исчез куда-то; оказалось, что, как и тогда, ему явилась Божья Матерь и повелела отправиться в Рим, объявить папе о своей божественной миссии. Тот сначала не хотел принять Лаццаретти, но потом обласкал его, хотя при этом, говорят, и посоветовал ему хороший душ. Затем, тоже по указанию Богоматери, он пошел к некоему пустыннику, Игнатию Микусу, который три месяца продержал его у себя в пещере и занимался с ним изучением теологии. Предполагают, что он же помог Лаццаретти вырезать на лбу у себя знак, который тот выдавал потом за печать, положенную рукой св. Петра, и показывал только истинно верующим, от непосвященных же скрывал ее под прядью волос. При медицинском осмотре оказалось, что она имела вид неправильного параллелограмма, в верхней части которого были крестообразно расположены 13 точек. Этому знаку, а также двум другим, на плече и на внутренней стороне ноги, Лаццаретти, как подобает помешанному, придавал таинственное, чудодейственное значение и считал всю эту татуировку доказательством особого благоволения Божия (печатью договора с Богом).

С тех пор Лаццаретти совершенно переменился, как это обыкновенно случается с помешанными[1]: из драчуна, богохульника и кутилы он превра-

[1] В Пезаро у меня было несколько душевнобольных монахинь из римских монастырей. Я не встречал никогда более отвратительных богохульниц, чем они. Мне случалось лечить также евреев, бывших раньше чрезвычайно религиозными; первым симптомом помешательства являлось у них желание креститься, но по выздоровлении они тотчас же возвращались к прежним верованиям.

тился в тихого, скромного пустынника и жил некоторое время в горах, почти под открытым небом, питаясь иногда одним хлебом с водой или же травой, приправленной солью и уксусом, полентой, постной похлебкой, чесноком с хлебом и прочим. Находясь на острове Монтекристо, в 1870 году он более месяца пробавлялся шестью хлебами с добавлением зелени, а живя во французском монастыре, съедал только две картофелины в день. Сами сочинения его из шутовских и неуклюжих сделались вполне порядочными, иногда изящными — что должно было особенно сильно поразить и не одних только простолюдинов. Кроме того, он стал писать более толково, употребляя сильные образные выражения, и с таким религиозным чувством, какое можно было встретить разве лишь у первых христиан.

Духовенство того местечка, где родился Лаццаретти, видя в нем как бы олицетворение древних пророков, чем он и был в действительности, как мы увидим дальше, отнеслось к нему с большим уважением и по своему обычаю, решилось эксплуатировать его в своих интересах и воспользоваться им для сбора пожертвований на постройку церкви.

Народ, уже без того изумлявшийся полной перемене в образе жизни Лаццаретти и его татуировке, еще более изумлялся теперь вдохновенным речам, его длинной всклокоченной бороде, серьезной наружности и, подстрекаемый духовенством, толпами бежал послушать нового пророка.

Начались процессии... Окруженный духовенством и знатнейшими из местных жителей, Лаццаретти посетил Арчидоссо, Роккальбенья, Кастель-дель-Пиано и другие ближайшие города; население повсюду встречало его с восторгом, на коленях, а священники и духовенство окрестных церквей целовали ему руки и даже ноги. Приношения сыпались со всех сторон, но были, однако, не особенно велики, так как жители не могли жертвовать много; поэтому для постройки церкви решено было воспользоваться их даровым трудом. Место выбрали вблизи Арчидоссо, и работа закипела. Десятки тысяч верующих, — мужчины, женщины, даже дети — принялись таскать камни, бревна и другие строительные материалы. К сожалению, как в стихосложении, так и в архитектуре, кроме пророческого вдохновения, необходимы еще научные познания; а их-то и не было у Лаццаретти; поэтому затеянная постройка оказалась столь же неудачной, как его поэзия: собранные с таким трудом материалы остались на месте в виде безобразной кучи мусора, и вся эта затея окончилась настолько же бесплодно, как некогда сооружение вавилонской башни. В январе 1870 года Лаццаретти основал общество Священной Лиги, имевшее целью взаимное вспомоществование и дела милосердия. В марте того же года, после общей трапезы со своими последователями, он отправился на остров Монтекристо, где в продолжение нескольких месяцев писал послания, пророчества и поучения, а потом, вернувшись в Монтелабро, составил описание видений и пророческих снов, какие были ниспосланы ему во время пребывания на острове. Вслед за тем его обвинили в подстрекательстве к бунту, но суд оправдал его. После того Лаццаретти основал другое общество, под названием «Христианская Семья»,

но был снова арестован по совершенно неосновательному подозрению, будто это общество организовано с мошенническими целями; однако, благодаря заступничеству Сальви, его оправдали, и он отделался только 7-месячным предварительным заключением в тюрьме.

Повинуясь новому велению свыше, Лаццаретти предпринял в 1873 году путешествие и посетил Рим, Неаполь, Турин, затем отправился в гренобльский картезианский монастырь, где составил правила для ордена кающихся монахов, а также и цифрованную азбуку. Там же он написал сочинение под заглавием «Небесные цветы», где говорится, между прочим, что «великий муж сойдет с гор в сопровождении небольшого отряда горцев»; в этой же книге описаны видения, сны и божественные заповеди, ниспосланные автору во время его пребывания в монастыре.

При возвращении в Монтелабро его встретила на дороге громадная толпа приверженцев и любопытных, которой он сказал проповедь на тему: «Бог видит, судит нас и воздает каждому по делам его». За эту проповедь его привлекли к ответственности, обвинив в намерении ниспровергнуть правительство и вызвать междоусобную войну.

На этот раз эксперты не были спрошены, и суд, не приняв во внимание ни странной татуировки, ни курьезных сочинений Лаццаретти, отнесся к нему точно к человеку, находившемуся в здравом уме, и приговорил его за плутовство, соединенное с бродяжничеством, к 15 месяцам тюремного заключения и отдаче на год под надзор полиции[1]. Но апелляционная палата отменила это решение, так что Лаццаретти вернулся в августе 1875 года в Монтелабро, где снова организовал свое распавшееся было общество и поставил во главе его священника Империуцци. Затем, вследствие расстроенного в тюрьме здоровья, а может быть, также с целью избежать новых арестов или из желания разыграть роль мученика перед французскими легитимистами, он отправился во Францию. Около одного из городов, Бургоньи, на него, как он сам говорит, снизошло божественное вдохновение, результатом которого явилась книга, по справедливости названная им таинственной, под заглавием «Моя борьба с Богом». В это же время он написал сочинение «О семи печатях с описанием признаков семи вечных городов», заимствованное отчасти из Библии, отчасти из Апокалипсиса и наполненное самыми нелепыми рассуждениями. Кроме того, Лаццаретти издал еще свою программу, в которой назвал себя «великим Монархом» и предлагал всем христианским государям вступить с ним в союз, так как скоро и совершенно неожиданно для всех должен наступить конец мира, и тогда гонимый теперь пророк явится перед лицом всех земных владык в качестве судии и

[1] В статье «Давид Лаццаретти», написанной мной вместе с Ночито и помещенной в «Архиве психиатрии» за 1880 год, указаны причины, вовлекшие экспертов в эту ошибку, которая стоила государству немалых расходов и, что еще печальнее, нескольких человеческих жертв.

полновластного господина. Все эти сочинения были переписаны священником Империуцци, который исправил при этом и грубейшие грамматические ошибки, беспрестанно в них встречавшиеся. Многие из них удостоились чести быть не только напечатанными, но даже Леоном дю Ваша переведенными на французский язык благодаря субсидии, а также стараниям реакционеров Италии и других стран, совершенно серьезно отнесшихся к безумному бреду несчастного маньяка.

Между тем Лаццаретти, под влиянием все усиливавшегося бреда, начал громить духовенство и проповедовать замену тайной исповеди — публичной, вследствие чего папа признал все учение его ложным, а сочинения — еретическими. Тогда этот последний, написавший некогда в защиту папской власти «Гражданский статут папского владычества в Италии», издал в 1878 году послание к своим братьям-монахам, направленное против «боготворения папы», которого он назвал семиглавым чудовищем. Несмотря на то, со свойственной всем помешанным непоследовательностью, Лаццаретти вскоре отправился в Рим, чтобы повергнуть к подножию Святого Престола свою символическую печать и жезл, а вернувшись в Монтелабро, начал осуждать уже и саму католическую церковь, называя ее лавкой, а все духовенство — атеистами и торгашами, только эксплуатирующими религиозные чувства своей паствы. Вместе с тем он проповедовал необходимость реформы в религии и, называя себя новым Христом, властелином и судиею, убеждал своих последователей отречься от суеты мира сего, а в доказательство этого отречения требовал, чтобы они воздерживались от пищи и сношений с женщинами, даже если они женаты, и отказались бы от собранной верующими довольно значительной суммы денег, более 100 тысяч лир, которая должна была оставаться без всякого употребления, спрятанной в вазе, — идея чисто безумная! Впрочем, часть этих денег получила потом особое назначение: в ожидании какого-то великого чуда Лаццаретти заказал для своих избранников знамена и одежды с изображением зверей, виденных им во время галлюцинаций, одежды самого странного покроя — в том числе одна, особенно богатая, предназначалась для него самого; для остальных же последователей были приготовлены только нагрудники с вышитым на них крестом и двумя буквами *С*, из которых одна — вверх ногами: *Э+С*. Знак этот служил эмблемой основанного им общества.

В августе 1878 года, когда народа собралось более обыкновенного, Лаццаретти потребовал от своих последователей, чтобы они провели три дня и три ночи в посте и молитве, причем произносил проповеди — то общие для всех верующих, то частные для одних только приближенных, которые подразделялись на несколько орденов, носивших различные названия — отшельников духовных, кающихся и прочих. Затем в течение трех дней — 14, 15 и 16 августа — происходила так называемая исповедь прощения, а 17-го на башне было водружено большое знамя с девизом: «Республика есть царство Божие». После этого пророк стал у подножия креста, нарочно воздвиг-

нутого по этому случаю, собрал вокруг себя всех близких и заставил их поклясться ему в верности и послушании. При этом один из братьев всячески старался уговорить Лаццаретти отказаться от задуманного им опасного предприятия. Но все было тщетно. Когда ему указывали на возможность встретить войска на пути, он отвечал: «Завтра же я покажу вам чудо в доказательство того, что я послан самим Богом в образе Христа, владыки и судии; следовательно, меня не могут убить — всякая сила и власть земная должна преклониться перед моей силой: достаточно одного движения моего жезла, чтобы уничтожить всех, осмелившихся сопротивляться мне». На чье-то замечание, что правительство рассеет сборище силой, он возразил: «Я руками отброшу пули, я сделаю безвредным для себя и для моих последователей каждое оружие, обращенное против них, даже королевские карабинеры превратятся в мой почетный караул». Все более и более увлекаясь своей фантастической задачей, Лаццаретти, не скрывавший делаемых им приготовлений даже от папского делегата, обещал было ему отменить процессию, но потом изменил свое решение и написал, по-видимому, с полным убеждением: «Я не мог исполнить данного вам обещания, потому что приказание свыше, от самого Бога, заставило меня действовать иначе». А неверующим или отказывающимся исполнять его требования он грозил небесными громами. В таком-то настроении повел Лаццаретти утром 18 августа толпу своих приверженцев по дороге из Монтелабро в Арчидоссо. На нем была надета королевская мантия красного цвета, вышитая золотом, голову украшала корона в виде тиары, с пучком перьев наверху, а в руках он держал свой жезл. Хотя и менее богатые, но отличавшиеся разнообразием цветов и причудливостью покроя одежды его приближенных соответствовали степени, какую занимал каждый из них в обществе Священной лиги; простые же члены его были в своем обычном платье, и только описанные выше символические знаки на груди отличали их от толпы. Семеро из важнейших лиц братства несли столько же знамен с надписью: «Республика есть царство Божие». При этом все пели сочиненный Лаццаретти гимн, каждая строфа которого оканчивалась припевом: «Вечная Республика» и прочее.

В Италии, вероятно, всем известно, что случилось потом. Лаццаретти, еще так недавно объявлявший себя королем из королей, потомком царя Давида, держащим в своей власти всех владык земных и совершенно неуязвимым, упал, сраженный чьей-то рукой — может быть, самого же делегата, столько раз бывшего у него в гостях, или же только по его приказанию. Рассказывают, что, поглощенный своей последней уже иллюзией, он, падая, воскликнул: «Мы победили!»

Процессия эта была устроена не только бессмысленно, но даже как бы нарочно с целью доказать ее неосуществимость. Следствие, начатое потом против последователей Лаццаретти, вполне доказало, что созданное им вероучение было плодом галлюцинаций. Г. Ночито совершенно справедливо говорит по этому поводу: «В тот день, когда был вскрыт ящик, где храни-

лось имущество пророка, и вместо ожидаемых вещественных доказательств его преступной деятельности оттуда вынули изображение Божьей Матери и рядом с нею портрет Давида в военном мундире, умиленно беседующего со Св. Духом; когда из этого ящика, точно из Ноева ковчега, стали появляться необыкновенные животные, созданные фантазией пророка для украшения его знамен, — орлы, змеи, голуби, крылатые лошади, быки, львы, гидры, — а затем оттуда же вынули священнические одежды, королевские мантии, венки из оливковых ветвей и терновые венцы, в тот же день, когда после долгих, тщательных обысков в квартирах и в карманах панталон лаццареттистов полиция ничего не нашла у них, кроме распятия да четок, и, наконец, в особенности в тот день, когда публика получила возможность любоваться той странной обувью, какую носили последователи святого Давида, и папскими туфлями, которые надевал сам "пророк" и в которых он едва мог двигаться, — в этот день никто уже не сомневался, что правительство приняло мономаньяка за опасного бунтовщика».

Пунктом помешательства Лаццаретти послужил тот член Символа веры, где говорится о воскресшем Христе, «сидящем одесную Отца и паки грядущем судити живых и мертвых».

Так как этот обещанный судия долго не являлся, то Лаццаретти вообразил себя в его роли и во всем старался подражать Христу: у него тоже были свои 12 апостолов, и среди них апостол Петр, носивший на груди пару ключей, искусно вырезанных из картона; он точно так же постился и терпел всякие лишения, находясь во время суровой зимы на острове Монтекристо, где вел с Богом беседу, сопровождавшуюся раскатом грома, блеском молнии и землетрясением. Иисус Христос созвал учеников на тайную вечерю в день Пасхи — и Лаццаретти пригласил своих последователей на Троицу 15 января 1870 года, причем сказал им: «Так угодно было Тому, Кто руководит всеми моими поступками. Знайте, что теперь это составляет величайшее таинство; вспомните, что вы находитесь теперь в том месте, которое Бог избрал для своего жилища. Скоро, скоро настанет время, когда именно здесь будут воздвигнуты восхитительные памятники в честь Его пресвятого имени, чтобы служить эмблемой божественного величия».

В сущности, он не установил за этой трапезой никакого таинства; но, для того чтобы во всем походить на Иисуса Христа, Лаццаретти утвердил таинство своего изобретения — *исповедь прощения*, довольно, впрочем, сходную с устной.

Но этого мало: ему захотелось также иметь свое *преображение*, сопровождаемое *землетрясением*, и он предсказал, что это событие должно совершиться 18 августа 1878 года.

Когда врач колебался сделать операцию сыну Лаццаретти, у которого была каменная болезнь, этот последний взял нож и сам вырезал камень. Ребенок умер; отец же его продолжал твердить, нимало не смущаясь: «Сын Давидов не может умереть».

При медицинском исследовании трупа Лаццаретти на теле его оказался знак — изображение креста внутри опрокинутой тиары. Спрошенные по этому поводу братья пророка объяснили, что он велел сделать во Франции золотую печать, которую называл императорской, и, обмакнув ее в кипящее масло, оттиснул ею знаки на теле, сначала себе, а потом жене своей и детям.

Таким способом бедный пророк хотел доказать с полной очевидностью не только свое высокое происхождение, но также и знатность членов своей семьи, так как, по его словам, он был прямой потомок императора Константина, хотя, конечно, доказал этим лишь свое безумие, потому что именно у помешанных мы замечаем склонность выражать свои нелепые бредни символами и различными изображениями.

Однако Лаццаретти не ограничивался одним лишь сознанием, что в жилах его течет царская кровь: ему хотелось еще и властвовать над целым миром, хотя под конец он уже настолько сузил свои требования, что готов был удовольствоваться передачей своих прав какому-нибудь принцу. В одном из своих манифестов — «К христианским государям» — он сделал следующее воззвание:

«Я обращаюсь безразлично ко всем христианским государям, католикам, схизматикам и еретикам, лишь бы они были крещеные.

Не беда, если они не облечены властью и не управляют народами, только бы в их жилах текла царская кровь. Я призываю их всех, и первый же, кто явится ко мне, — если ему будет не менее 20 и не более 50 лет и если при этом у него не окажется никаких физических недостатков, — будет царствовать вместо меня».

Курьезнее всего то, что покойный граф Шамбор серьезно отнесся к этому приглашению и отправил к Лаццаретти своего уполномоченного. Чем окончились совещания короля из дома умалишенных с королем из археологического музея — неизвестно.

«Мне нужен союзник-христианин, — говорится далее в манифесте. — Я решился теперь ускорить свое великое предприятие, и если они (христианские государи) не явятся ко мне в течение трех лет со времени опубликования этой программы, то я покину Европу и отправлюсь в среду неверных, чтобы достигнуть при их помощи того, чего я не мог сделать, находясь между верующими.

Но горе, горе тогда всем вам, христианские государи! Вы будете наказаны семью головами Великого Антихриста, которые появятся из недр Европы, и в особенности одним юношей, который после моего удаления придет из северных стран к центру Франции и будет выдавать себя за *Того, кто Я сам*».

Отсюда-то явилась у Лаццаретти *idée fixe*, что он царь царей. Когда городской голова Арчидоссо не хотел исполнять его приказаний, он сказал ему: «Я — монарх из монархов. Я ношу на своих плечах государей целого мира. Сколько у вас ни есть карабинеров и солдат, они все принадлежат мне, находятся в моей власти, и у вас не хватит веревок, чтобы связать меня».

То же самое он говорил и другим лицам, особенно когда произносил проповеди, что было подтверждено множеством свидетельских показаний.

Так, например, свидетель Росси, бывший на проповеди 17 августа, слышал, как Лаццаретти называл себя королем королей, Христом, судией, которому будет подчинен даже король Италии. Он же говорил, что папа не должен более жить в Риме и что ему найдут другую резиденцию. Далее свидетель Мецетти показал, что Давид непременно хотел устроить процессию 18 августа и говорил: «С чего вы взяли, что нас арестуют? Разве это возможно, чтобы подданные арестовали своего монарха?» То же показали и другие лица.

Что же касается эмблематического знака *Э+С*, которому Лаццаретти придавал огромное значение, то он олицетворял, по-видимому, идею о двух Христах: одном — сыне Иосифа из Назарета и другом — сыне Иосифа Лаццаретти из Арчидоссо. Но зато является совершенно непонятным, какое соотношение могло существовать между Иисусом Христом, императором Константином, псалмопевцем Давидом и самим Лаццаретти. Объяснение этого факта следует искать в противоречиях и нелепых представлениях, свойственных мономаньякам, которые не останавливаются ни перед чем, лишь бы доказать истинность своей главной идеи — другими словами, главного пункта своего помешательства, — и обнаруживают при этом замечательное умение принять даже внешний вид изображаемого ими лица. Мне припомнилось, что в Павии была одна больная, считавшая себя членом семьи Наполеонов: она очень искусно подражала им в костюме, манерах, разговоре и прочем и в то же время называла себя дочерью Марии Луизы и Виктора Эммануила.

Вообще, у Лаццаретти масса противоречий; сначала он видел в папе освободителя Италии, но потом, когда был отлучен им от церкви, стал называть папство идолопоклонничеством; он готов был умереть за католическую апостольскую религию и в то же время отрицал изустную исповедь — один из главных ее догматов; считая себя сыном Давида, назывался также и сыном императора Константина и прочими.

Однако в правительственных сферах сумасшествие Лаццаретти отрицалось самым решительным образом. На суде в Сиене королевский прокурор выражал в своей речи такого рода соображения, нисколько, впрочем, не разъяснившие дела. «Возможно ли допустить, — говорил он, — чтобы процессия была устроена с целью посещения святых мест, когда для этого требовалось пройти 24 мили? Мыслимо ли подобное путешествие с толпой, где было так много детей? На какие же средства стали бы жить члены этой процессии, когда мы знаем, что уже 18 августа у них не было ни гроша? Затем, как допустить существование другой нелепой идеи — путешествия в Рим для того, чтобы вытребовать у первосвященника Моисеев жезл, отнятый Львом XIII у Давида Лаццаретти?» Отвечать на все эти вопросы можно лишь тем, что хотя у сумасшедших и бывают иногда проблески гениальности, но в их уме все-таки преобладают абсурды и противоречия.

Так, одним из необходимых средств господствовать над миром Лаццаретти считал свой жезл, делившийся на 5 частей — эмблемы четырех евангелистов и его самого. Вот почему он устроил процессию, чтобы снова овладеть этим жезлом, который конфисковали у него в Риме.

Для понимания душевного состояния подобных безумцев необходимо стать на их точку зрения, надо освоиться с этим болезненным, по большей части лишенным логики мышлением, где самые ничтожные вещи получают громадное значение, а самые крупные, напротив, кажутся ничтожными, если только они идут вразрез с желаниями помешанного субъекта.

Во всяком случае, как бы ни была нелепа цель путешествия, стремление министерства внутренних дел найти в этом действии ключ ко всему необъяснимому оказывалось еще нелепее.

Поводом к обвинению Лаццаретти в мошенничестве послужили написанные им на имя неизвестных, ничего не имеющих лиц векселя, которыми он не думал, да и не мог воспользоваться, но которые сильно компрометировали его. Здесь опять является вопрос, для какой цели это было сделано, и снова приходится отвечать, что именно бесцельность, бесполезность противозаконных действий и составляет отличие помешанного от настоящего преступника. Еще более неосновательны были обвинения Лаццаретти в том, что он выманивал у членов своего общества деньги и брал их себе. «У сумасбродов не бывает доходов», — говорит ломбардская пословица, и действительно, Лаццаретти ничего не нажил от своих проповедей и пророчеств, кроме гонений да насмерть сразившей его пули. Жену и детей он оставил без всяких средств, жизнь вел самую скромную, изнурял себя покаянием, лишениями всякого рода и сам первый подавал своим последователям пример соблюдения четырех постов в продолжение года. Большую часть времени он проводил в монастырях и пещерах, например на острове Монтекристо или среди мрачных вулканических скал Монтелабро, а получаемые от француза дю Ваша деньги тратил на постройку церкви и нелепой башни, представлявшейся его расстроенному воображению каким-то священным ковчегом, эмблемой нового союза между народами.

Но всего очевиднее выражалось умопомешательство Лаццаретти в его сочинениях.

Во-первых, потому, что все они наполнены описаниями зрительных и слуховых галлюцинаций, нередко изложенных с такой живостью, что даже самая богатая фантазия человека, находящегося в здравом уме, не могла бы создать ничего подобного.

Так, в сочинении «*Lotta con Dio*» он говорит: «Точно удар грома разразился надо мной и ослепил меня, вследствие чего я упал на землю как мертвый. Множество голосов раздались посреди грохота и треска, и я услышал слова: “Повелевай, повелевай, повелевай!” Больше я ничего не мог понять. Вновь послышался грозный голос Бога, говоривший мне»...

На первой же странице предисловия к его «Рескриптам» сказано: «Я безмолвствовал в продолжение 20 лет... но настало время, когда я должен был

заговорить, согласно повелению свыше. Мне было приказано поучать народы, и я поучал, и впредь буду поучать. Если народы не поверят моему учению, мне останется только повторять сказанное. Если они сочтут мое учение ложным, я не поверю, чтоб мои слова могли быть лживыми. Если они заподозрят меня в притворстве, пусть разберут мое поведение». (Буквально то же самое высказывал и Савонарола.)

А вот и еще отрывок в том же роде:

«Я слышал громовой потрясающий голос Бога, и с горных вершин в долину проникал такой грохот, что мне казалось, будто они сталкиваются между собой».

Предсказания выражались им с полнейшей самоуверенностью и даже иногда в стихотворной форме, например:

О вы, монархи и цари Европы,
Настанет день, когда рука Господня
В отмщенье вам на головы падет,
И сокрушит гордыню вашу,
И вас самих повергнет в прах.

Во-вторых, хаотическая беспорядочность, туманные, напыщенные выражения, неправильный слог и масса противоречий, составляющие характерную особенность произведений Лаццаретти, в которых лишь крайне редко попадаются художественно написанные страницы, с полной очевидностью свидетельствуют, что в создании этих произведений совсем не участвовал гений, всегда более или менее ровный в своем творчестве, и что они вызваны болезненным психическим состоянием мозга.

Поэтому Лаццаретти был совершенно прав с психиатрической точки зрения, когда на вопрос, каким образом он, не получивший никакого образования, мог написать столько книг, отвечал: «Бог вдохновлял меня», только вместо «Бог» следовало бы сказать «помешательство». И действительно, вдохновенный «пророк» сознавался, что он сам не понимает некоторых из своих сочинений и что, находясь в спокойном состоянии, не может уловить смысл того, что было написано им во время экстаза.

Следует еще заметить, что священным видениям у Лаццаретти почти всегда предшествовали обмороки, головные боли, полубессознательное состояние и лихорадочные пароксизмы, продолжавшиеся по 28 часов, а иногда и по целым месяцам. Вот как описывает он сам эти припадки:

«Мной овладевает дух, происходящий не от человека; он вызывает во мне мгновенное вдохновение, сопровождаемое сильной головной болью, вызывающей у меня сонливость и путаницу в мыслях. Когда я засыпаю, мне представляется видение, и, проснувшись, я сознаю, что оно было чуждо моей природе».

На заглавном листе этого сочинения он написал: «Это был экстаз, во время которого я ничего не сознавал; он продолжался 33 дня».

В-третьих, ненормальность умственных способностей Лацциаретти подтверждается еще и той неудержимой потребностью проповедовать и писать, которая совершенно не гармонировала с его специальностью извозчика, едва только грамотного. В этом случае я повторяю уже сказанное мной по поводу мании писательства у Манжионе и Пассананте, т. е. что если бы какой-нибудь студент или чиновник вздумали сидеть по целым дням за чтением газет или за составлением нелепейших статей по разным вопросам, то в этом не было бы ничего странного, но когда извозчик вдруг обнаруживает особые дарования — не относительно того, как править лошадьми или чего-нибудь в этом роде, но, ударившись в сочинительство, придумывает идеальные формы республиканского правления, за что, пожалуй, не взялся бы даже Мадзини, — то мы имеем полное право заключить, что подобный субъект находится гораздо ближе к дому умалишенных, чем к Валгалле.

В-четвертых, прямым доказательством сумасшествия Лацциаретти служат целые страницы горделивого бреда и самовозвеличения. Вот что говорит, например, он, разумея себя самого, в «Манифесте к народам»: «Узнав, что бедный и простой человек выдает себя за Христа и объявляет, что он происходит от племени царя царей, вы, конечно, изумитесь и скажете, что это возмущает человеческую гордость, а между тем это верно: уже века тому назад событие это было предсказано, и во всех книгах говорится о том образце добродетели, который послан в мир».

Горделивое помешательство рассматриваемого нами субъекта уже проявляется, впрочем, и в том, что он пишет к государям, к папе, точно к равным себе или даже низшим, хотя общественное положение его было одно из наиболее скромных.

После высокомерного объяснения со всеми монархами и с папой Давид прямо обращается к бывшему королю Прусскому, нынешнему императору Германскому, укоряет его за коварные замыслы против Италии и предсказывает ему разные бедствия. Французам он советует прежде всего разбить нечестивую статую Вольтера и сжечь его сочинения, а пепел, оставшийся от них, зарыть как яд, взятый из ада. «На том же самом месте, — продолжает он, — вы воздвигнете статую Искупителя Иисуса Назарянина, держащего под своею пятою Вольтера, изображенного в виде демона, и пусть Искупитель заградит ему рот крестом, который тот хватает зубами и руками. Когда это будет сделано — божественный гнев смягчится и невзгоды перестанут терзать народ».

Папе он писал, между прочим, следующее: «Прежде всего я обращаюсь к тебе, преемник Петра, видимый глава Церкви, с целью предупредить тебя, чтобы ты не доверял чужеземному вмешательству. Знай, что под предлогом защиты прав Церкви расставляют сети тебе и всей итальянской нации. Замышляется не что иное, как внести бедствие и разорение среди нас, итальянцев».

Короля Италии Лацциаретти третирует еще развязнее. «При дворе у тебя, — пишет он ему, — происходит столпотворение вавилонское, управ-

ление твое — тирания, разбойничество, законы и учреждения твои переполнены глупыми, еретическими, нелепыми и непонятными правилами, возмущающими нравственное чувство и здравый смысл. Говорю тебе, что хуже не мог бы поступить даже тот, кто вздумал бы открыто идти против всякой нравственности. Каким же образом намереваешься ты, король мой, спастись от этих дурных людей? Я знаю, они довели тебя до крайнего, ужасного положения! Мне очень неприятно будет видеть твою гибель, которая порадует тех, кто сумел лестью довести тебя до этого. Не знаю, чем помочь тебе, король мой, но вижу тебя в дурных обстоятельствах. Если бы я мог быть возле тебя, то, ради твоих предков, я постарался бы спасти тебя».

Но этого мало. Через несколько страниц Лаццаретти начинает фамильярничать даже с самим Богом. «Я желал бы, — говорит он, обращаясь к Нему, — чтобы Вы[1] перестали относиться с таким презрением»... И потом немного ниже прибавляет: «Я согласен исполнить Вашу волю, Господь мой, но лишь на том условии (условие с Богом!), чтобы я мог передать другим свою власть и свои громадные владения (у извозчика-то!); а себе я оставлю бедность, труд» и т. д.

Однако из последующих строк видно, что смирение это было напускное: «Повторяю Вам, что я и мои потомки посвящены Вам, и я, как кровный родственник, хочу быть в зависимости только от своих же кровных; этого я требую от Вас по праву моих предков. На этих условиях я принимаю сделанное Вами мне предложение повелевать миром». И действительно, в письме к королю он объявил:

«Мне, ничтожнейшему из людей, вышедшему из народа... Бог обещал всю землю. В доказательство этого Он послал мне дар пророчества и светлый ум для того, чтобы исправлять законы и делать открытия в науках и искусствах».

Великие открытия эти состоят в смешных толкованиях на первые главы книги Бытия с прибавлением нелепейшей палеонтологии, которая могла прийти в голову разве какому-нибудь крестьянину, побывавшему в музее. Вот образчик научных познаний пророка: «Сначала было 15 видов крупных животных; но они все погибли, потому что были слишком велики, — из них 7 жвачных, а 3 амфибии. Строение этих животных было таково, что чешуйчатой шкуры их не могло пробить никакое железо. Были пресмыкающиеся с ядовитым дыханием, предназначенные для воды, и люди называли их животными смерти и яда!!!» и т. д. все в том же роде.

«В эпоху сооружения Вавилонской башни на земном шаре произошел разрыв, вследствие чего север отделился от запада. И северные народы живут еще во мраке и нечистотах».

Вслед за тем автор прибавляет: «Это совсем особенные истины, со времени потопа и до сих пор лишь остававшиеся в памяти людей; открытие этих истин было предоставлено полноте времен. Человек должен узнать все после снятия этих печатей».

---

[1] Сохранено обращение автора к Богу, не принятое у нас.

В-пятых, следует еще заметить, что нелепости и противоречия встречаются почти на каждой странице сочинений Лаццаретти. Так, например, после того как им было уже сказано, что во время потопа погибли все животные, кроме взятых в ковчег, он прибавляет: «Осталось на земле множество животных».

Далее, чем, кроме умопомешательства, можно объяснить себе описание разных невозможных животных — быка с 12 и слона с 10 рогами, лошади о 13 ногах и прочее, а также громадное значение, какое он придавал происхождению своего делившегося на пять частей жезла, которому посвящена почти целая глава сочинения «*Lotta con Dio*», где без всякого стеснения объясняется, что жезл зародился в недрах жены Лаццаретти от сношений с его же сыновьями и первыми членами его частей!!!

В-шестых, но если даже и не рассматривать внутреннего содержания произведений Лаццаретти, то уже одна внешняя форма их, особенности в слоге, составление новых слов или же употребление их в особом смысле и прочее — все это может служить доказательством его психического расстройства. Так, знаменитую башню свою он называл «*turrisdavidica*», сыновей своих — «*Giurisda-vici*» и прочее.

В приложенном к сочинению «*Lotta con Dio*» послесловии — нечто вроде списка опечаток — он сам говорит, что слова *tempo* (время) и *profeta* (пророк), повторяющиеся бесчисленное множество раз, не следует понимать в общепринятом значении. Повторений у него вообще масса, и не только отдельных слов, но даже целых фраз и в особенности цифр. Так, не говоря уже о том, что он, подобно Пассананте, по 70–80 раз повторяет слова *provate* и *riprovate*, в «*Lotta con Dio*» по крайней мере столько же раз употреблена фраза «*Uomo a te caro 7• figlio del 7• figlio dell'uomo*» (Дорогой мне человек, 7-й сын 7-го сына человека), хотя гораздо проще было прямо сказать — Енох и Авраам.

Еще чаще употребляется слово *tempo* и цифра 7, например: «С неба упадут камни в 7777 весом из одного веса в 7777 на 47 двойных граммов веса». Или: «Число жертв будет в 1777 времен, заключающих в себе 17 раз 1777». Или: «После моего поднятия на небо прошло время из 3-х времен, состоящих из 77 часов для каждого времени».

В заключение нашего диагноза напомним, что хотя в молодости Лаццаретти обнаруживал склонность к пьянству и кутежам, но потом, после происшедшей с ним перемены, он сделался высоконравственным и мог служить образцом святости, что главным образом и было причиной всеобщего уважения к нему. Кроме того, он до самой последней минуты горячо любил своих детей и жену, которой писал самые нежные письма и даже стихи. Между тем сумасшедшие, и в особенности мономаньяки, лишь в исключительных случаях сохраняют подобную привязанность к близким после потери рассудка; но зато у них редко проявляется и та страсть к писательству, какую мы замечаем в маттоидах.

К какой же категории психически больных людей следует причислить Лаццаретти? По-моему, у него была промежуточная между маттоидом и мономаньяком форма горделивого помешательства, сопровождающегося галлюцинациями. Душевные болезни бывают до того разнообразны, что установить для них строгую классификацию не всегда возможно.

С другой стороны, ловкость, с какой Лаццаретти успокаивал сомнения своего покровителя, француза мецената дю Ваша (тем, например, что если новое учение приобретает мало сторонников, то это происходит по особой воле небес), находчивость при объяснении символического значения слов «пророк» и «время», слишком уж часто употребляемых им (что указывали ему критики), ловко пущенная в толпу выдумка о том, что татуировка его сделана св. Петром, тогда как от некоторых он считал нужным скрывать эту мнимо божественную печать[1], наконец, умение организовать религиозные общества, а также изобретение шифрованного письма — все это доказывает, что, несмотря на умопомешательство, Лаццаретти сохранил значительную дозу хитрости и даже плутовства.

Впрочем, эти способности всегда бывают сильно развиты у гениальных сумасшедших, а тем более в маттоидах, и отрицать это могут лишь люди, никогда не посещавшие больниц для умалишенных.

Вообще Лаццаретти был безумец в полном смысле слова.

Нельзя не изумляться той предусмотрительности, какую обнаруживают сумасшедшие при исполнении своих замыслов, а также их замечательному умению притворяться и хитрить, особенно перед теми, кто внушает им страх или уважение или же от кого они надеются получить какие-нибудь выгоды. Классический пример в таком роде представляет генерал Мале, который, будучи мономаньяком и находясь в доме умалишенных, без денег, без солдат, с помощью двух только союзников — священника и слуги — пытался свергнуть Наполеона и на один день почти успел в этом: подделав приказы, он убил одного из министров (главу министерства), арестовал начальника полиции и обманул почти всех корпусных командиров, уверив их, что Наполеон умер. И это была не первая проделка его: еще в 1808 году он вздумал произвести восстание посредством фальшивого декрета от имени сената.

После этого уже не может показаться невероятным тот факт, что одному мономаньяку удалось произвести восстание тайпинов и в продолжение

[1] Если бы Лаццаретти не вытравил себе и других знаков на теле, а присяжные не подтвердили бы, что это — настоящая татуировка, то можно было бы допустить у него так называемую стигматизацию, которая появляется в известных случаях религиозного помешательства, при истерии и каталепсии. Так, например, одна женщина из Раккониджи могла вызывать у себя красный рубец вокруг головы после галлюцинаций о терновом венце Иисуса Христа; нечто подобное проделывала и Роза Тамизье, полусумасшедшая-полуаферистка. Вообще же татуирование встречается чаще у здоровых людей, чем у помешанных, и служит признаком их малой болевой чувствительности.

многих лет ловко руководить восставшими или что другой вдохновенный безумец поднял весь народ против деспотизма шаха и вместе с тем пытался создать новую религию, заимствовать для нее все, что есть лучшего в христианстве и магометанстве. Наконец, разве безумец Гито не ухитрился лишить Америку ее президента (см. приложения) и разве та же участь не угрожала Италии по милости полуидиота Пассананте? Этот последний представляет любопытный экземпляр современного маттоида-революционера, и потому я займусь им подробно, так как для многих помешательство его еще остается сомнительным, и вообще этот вопрос не лишен интереса.

Между родственниками Пассананте нет ни больных, ни сумасшедших. В 29 лет он был ростом 2,5 аршина и весил 128 фунтов, т. е. на 35 фунтов меньше среднего веса уроженцев Неаполя.

Голова у него почти субмикроцефала, окружность ее 535 миллиметров, поперечный диаметр — 148 миллиметров и продольный — 180, лицевой угол — 82°, высота лба 71 миллиметр, ширина его — 155, вместимость черепа 1513 кубических сантиметров; черты лица напоминают отчасти монгола, отчасти кретина, глаза маленькие, глубоко впавшие, и расстояние между ними больше нормального, скулы чрезвычайно выдавшиеся, борода редкая. Зрачок малоподвижен, половые органы атрофированы, чем обусловливается почти полная *anafrodisia*; печень и селезенка, напротив, гипертрофированы, что служит причиной повышения температуры, колеблющейся от 38° до 37,8° под мышками, слабости пульса (хотя кривая пульса нормальна) и недостатка физической силы, которая меньше на правой стороне (68 килограммов), чем на левой (72 килограмма). Это последнее обстоятельство, зависящее, может быть, от давнишнего ожога правой руки, чрезвычайно важно в том отношении, что оно делало невероятным нанесение меткого удара ножом, особенно если принять во внимание плохое качество этого последнего и неудобство положения, в каком находился Пассананте во время покушения. Болевая чувствительность его была гораздо слабее обыкновенной. В тюрьме с ним случался бред, сопровождавшийся галлюцинациями.

Все эти признаки несомненно указывают на болезненное состояние как брюшной полости, так и центральной нервной системы. Последнее еще яснее видно из психиатрического исследования. И в самом деле, только при поверхностном наблюдении душевное состояние и нравственные чувства Пассананте могли показаться нормальными. Так, он выказывал отвращение к преступлениям, жизнь вел безукоризненную, совершенно трезвую; будучи то горячим патриотом, то слишком уж рьяным католиком, он всегда, по-видимому, предпочитал благо других своему собственному, так что весьма естественно, если несведущие в психиатрии лица вначале сочли его мучеником зрелой идеи, выразителем и тайным орудием сильной антиправительственной партии, человеком, хотя и внушающим отвращение с политической точки зрения, но по своим личным качествам заслуживающим уважения.

Но ошибочность такого мнения вскоре сделалась очевидной. Не говоря уже о бреде, который мог быть следствием заключения в тюрьму, многие признаки, и в особенности знакомство с его сочинениями, заставили предположить, что Пассананте — просто маттоид. Что же касается его бережливости и альтруизма, то эти качества скорее подтверждали такое предположение, чем опровергали его, потому что, как мы видели выше, они свойственны не только всем маттоидам, но нередко и прямо сумасшедшим, которые выказывают иногда бóльшую привязанность к родине и человечеству, чем к своей семье или к себе самим. Из сочинений же Пассананте видно, что этот ревностный патриот и гуманный человек совершенно равнодушно и чуть ли даже не с удовольствием описывает драки, нередко сопровождавшиеся убийством, драки, происходившие между его земляками, когда иностранцы бросали им деньги в виде милостыни... и находит забавной возмутительную проделку каких-то озорников, которые утащили из сада одного бедняка любимое им вишневое деревце и, оборвав с него все ягоды, принесли обратно. Наконец, ненормальность Пассананте выразилась и в том, что после совершения преступления он остался совершенно спокойным посреди взбешенной толпы народа, готовой растерзать его на части, тогда как даже самые фанатичные из политических убийц — Орсини, Занд, Нобиллинг и другие, выказывали в таких случаях сильное волнение и покушались на самоубийство.

Доказательством психического расстройства служит и сам мотив преступления. Пассананте отказали от места за его политические бредни, затем он был арестован как бродяга и вдобавок еще избит солдатами. Потеряв надежду удовлетворить своему громадному тщеславию, чувствуя отвращение к жизни и в то же время не имея мужества убить себя, он вздумал последовать примеру «героев», похвалы которым слышал в своем кругу (хотя сам всегда относился к ним недоброжелательно), главным образом для того, чтобы этим способом покончить все расчеты с жизнью.

Тотчас же после того, как его арестовали, он сказал следователю: «Меня обидели хозяева, где я служил, жизнь мне опротивела, и я сделал покушение на короля с целью сгубить самого себя». То же повторил он и судье Азаритти: «Я покушался на жизнь короля в полной уверенности, что меня за это убьют». И действительно, за два дня перед тем он беспокоился только о том, что его прогнали с места, совсем не помышляя, по-видимому, о цареубийстве, и на предварительном допросе старался усилить свою вину напоминанием о давно забытом уже, написанном им воззвании, где говорилось: «Смерть королю! Да здравствует республика!» По той же причине он не хотел подавать кассационную жалобу, а когда узнал о помиловании, то гораздо больше интересовался тем, что говорится по этому поводу в газетах, нежели своей собственной будущностью. Очевидно, мы имеем здесь дело с так называемым косвенным самоубийством, весьма часто встречающимся у помешанных, по свидетельству Модсли, Крайтона Эскироля и Крафт-

Эбинга. Такие преступления совершаются обыкновенно помешанными или же трусами и безнравственными людьми. Я считаю Пассананте способным на подобное косвенное самоубийство именно потому, что оно давало ему возможность удовлетворить кстати и свое непомерное тщеславие, заглушавшее в нем даже инстинктивную привязанность к жизни. Кроме того, тщеславные самоубийцы вообще любят, чтобы смерть их была обставлена насколько возможно торжественнее, как, например, тот англичанин, который заказал композитору написать обедню, устроил публичное исполнение ее и застрелился в то время, когда хор пел «Покойся в мире...».

Хотя Пассананте на последующих допросах и отрицал намерение лишить себя жизни, стараясь примирить и кое-как пояснить разноречие своих показаний ссылкой на изречение Робеспьера: «Идеи воспламеняются от крови», но я не придаю этому факту никакого значения и считаю первое признание, сделанное сгоряча, наиболее правдивым и искренним. К тому же оно было повторено несколько раз, и все подробности его оказались вполне достоверными. А запирательство Пассананте и вообще все его поведение после первых допросов объясняется чисто безумным политическим тщеславием, которое разыгралось у него с особенной силой, когда он увидел, что к нему относятся серьезно и что газеты, судьи, даже врачи видят в нем опасного политического деятеля. Эту незаслуженную репутацию он и старался поддержать, насколько позволяла ему его необыкновенная любовь к истине. И так как все окружающие видели в нем закоренелого революционера или ловкого заговорщика, он мало-помалу забыл свое прежнее отчаянное положение, когда ради куска насущного хлеба он готов был пойти на какую угодно черную работу, и вообразил себя политическим мучеником.

Королевскому прокурору, положим, извинительно, если он увидел преступление там, где его не было, и с помощью фантазии старался доказать существование заговора, не имея для этого решительно никаких данных, потому что как жалкий нож (орудие покушения), так и полное бессилие, а также крайняя неумелость решившегося на него человека могли служить только очевидным доказательством, что Пассананте действовал под влиянием психоза и лишь на свой страх.

Но если бы даже самое тщательное следствие и не подтвердило неосновательность прокурорского предположения, то врачи-эксперты, эти наиболее рьяные из судебных следователей, должны же были убедить блюстителя закона в сделанной им ошибке. Я настаиваю на том, что верно лишь первое показание Пассананте, повторенное, впрочем, три раза, тем более что оно вполне согласуется с данными судебного следствия, с письменными произведениями преступника, в которых нет и помина о цареубийстве, и со всей его скромной, безвестной жизнью до рокового события. Кроме того, уже будучи в тюрьме, он не только не боялся смерти, но даже высказывал желание, чтобы его казнили. Наконец, только идея самоубийства и придает этому преступлению известный смысл; но отнимите ее — и оно оказывается нелепым, непонятным. Процесс Пассананте потому и остался

для всех загадкой, что объяснение причины преступления, высказанное прокурором, было неверно, а верное не было принято.

Первым главным поводом к совершению преступления, без сомнения, послужила для Пассананте, как впоследствии и для Гито, нищета в соединении с громадным и ненормально развитым тщеславием. Далее, если он и относится к чему-нибудь с увлечением, фанатически, то совсем не к политике, но исключительно лишь к собственным безграмотным, до смешного нелепым произведениям. Он плачет и беснуется на суде присяжных не в том случае, когда оскорбляют его партию, но когда ему отказывают в прочтении одного из сочиненных им писем или чернят его доброе имя помощника повара, указывая на то, что он неглижировал своей обязанностью мыть посуду и вместо того постоянно занимался чтением. Пассананте отрицает справедливость этого показания, хотя оно могло быть ему полезно как доказательство того, что он — маттоид.

Ум у него довольно оригинальный, но мелкий; говорит он гораздо живее, более дельно, чем пишет (отличительная черта маттоидов), так что в письменных произведениях его редко можно отыскать те меткие, сильные выражения, которые встречаются даже в сочинениях помешанных. Впрочем, при внимательном чтении всего, что он написал, нам все-таки удалось найти несколько любопытных оригинальных суждений.

Так, например, не лишены оригинальности хотя и странные на первый взгляд проекты его: по жребию избирать депутатов, чиновников и офицеров, «чтобы меньше важничали», заставить изнывающих теперь в праздности заключенных обрабатывать пустыри и прочее. Недурна также, правда, несколько отзывающаяся Востоком идея — устроить в каждой деревне бесплатные помещения для отдыха путешественников-пешеходов (караван-сараи).

Далее, удачно сделано определение, что разумеют под словом «отечество» крестьяне маленьких итальянских общин: «Мы с детства привыкаем считать отечеством тот клочок земли, где стоит маленькая, простая часовенка».

Не лишены, по-моему, своеобразной дикой прелести некоторые строфы народного революционного гимна, как говорят, сочиненного Пассананте, хотя просодия в нем очень плоха.

В заключение вот еще чрезвычайно верная параллель между отдельным человеком и ассоциацией: «В одиночестве человек слаб и хрупок, точно стеклянный бокал, но в союзе с товарищами он становится силен, как тысяча Самсонов».

Более удачными выходили у Пассананте словесные показания, на что я, впрочем, указывал раньше, поэтому приведу здесь только одно его изречение: «Народ — это дирижер истории», и ответ на вопрос о том, что происходит в сознании преступника, решающегося на дурное дело. «В нем бывает тогда как бы две воли, — сказал он, — одна толкает на преступление, другая удерживает от него; результат зависит от того, которая сторона возьмет верх».

Но именно в этих-то проблесках или, скорее, изредка вспыхивающих искорках гениальности, а также в нелепых стремлениях и заключается доказа-

тельство болезненной аномалии. Когда человек из такой скромной среды, не получивший специального образования, задается идеями, столь не свойственными его классу, то, конечно, подобное явление нельзя назвать нормальным; положим, этот человек может оказаться гением, вроде Джотто, который из пастуха сделался знаменитым живописцем, но если этот пастух пренебрегает своим стадом и в то же время царапает одни каракульки, совершенно бессмысленные, то мы вправе признать в нем отсутствие всякой гениальности. Затем на основании психических наблюдений мы уже прямо заключаем, что перед нами — один из представителей тех душевнобольных людей, которых я называю маттоидами. В приложении читатели могут познакомиться еще с несколькими субъектами, принадлежащими к этому типу.

В сочинениях Пассананте сколько-нибудь здравые мысли составляют лишь редкое исключение; в общем же это — пустая болтовня, собрание абсурдов и противоречий, ничем не объяснимых, так как противоречия встречаются не только в одной и той же статье, но даже на одной и той же странице. Начав говорить о бедствиях родины, автор через несколько строк уже толкует о вишневом дереве, затем переходит к Бисмарку или пускается в длинные отвлеченные рассуждения, а между тем о своем процессе, где решается его судьба, упоминает лишь мимоходом.

Характерную особенность произведений Пассананте составляют, после безграмотности, отрывистые, пронумерованные, точно в Библии, периоды (что, впрочем, часто встречается у маттоидов и сумасшедших) и манера писать в два столбца. Кроме того, он то и дело повторяет некоторые излюбленные слова и выражения — как это делают мономаньяки, — причем иногда перепутывает их чрезвычайно курьезно. Так, например, рассуждая о том, как должны поставить себя слуги и служители (точно это не одно и то же!), он говорит: «Остерегайтесь требовать себе и жаркое, и дым от него, потому что несправедливо одному получать и жаркое и дым, а другому — ничего; поэтому барин пусть получает дым, а работники — жаркое».

Как ни нелепа эта кулинарная метафора, однако в ней до сих пор можно уловить хоть какой-нибудь смысл, но дальше она становится уже совершенно непонятной: «Правящему классу — жаркое, народу — дым, народу — жаркое, правящему классу — дым. Дым — это почести, слава; жаркое — это справедливость, добросовестное отношение ко всем». Никакая логика не поможет разобраться в этой путанице, так что ключ к подобным загадкам, очевидно, следует искать в доме умалишенных.

XI. Специальные особенности гениальных людей, страдавших в то же время и помешательством

Если мы теперь проследим «с холодным вниманием» жизнь и произведения тех великих, но душевнобольных гениев, имена которых превознесены в истории различных народов, то скоро убедимся, что они во многом

отличались от своих собратьев по гениальности, ни разу не впадавших в умопомешательство в течение своей славной жизни.

1) Прежде всего следует заметить, что у этих поврежденных гениев почти совсем нет характера, того цельного, настоящего характера, никогда не изменяющегося по прихоти ветра, который составляет удел лишь немногих избранных гениев вроде Кавура, Данте, Спинозы и Колумба. Так, например, Тассо постоянно бранил высокопоставленных лиц, а сам всю жизнь пресмыкался перед ними и жил при дворе. Кардано сам обвинял себя во лжи, злословии и страсти к игре. Руссо, щеголявший своими возвышенными чувствами, выказал полную неблагодарность к осыпавшей его благодеяниями женщине, бросал на произвол судьбы своих детей, часто клеветал на других и на самого себя и трижды сделался вероотступником, отрекшись сначала от католицизма, потом от протестантства и наконец — что всего хуже — от религии философов.

Свифт, будучи духовным лицом, издевается над религией и пишет циничную поэму о любовных похождениях Страфона и Хлои; считаясь демагогом, предлагает простолюдинам отдавать своих детей на убой для приготовления из их мяса лакомых блюд аристократам и, несмотря на свою гордость, доходившую до бреда, охотно проводит время в тавернах среди подонков общества. Ленау, до фанатизма увлекавшийся учением Савонаролы, является циническим скептиком в своих «Альбигойцах» и, сознаваясь в этой непоследовательности, сам же смеется над ним.

Шопенгауэр восставал против женщин и в то же время был их горячим поклонником; проповедовал блаженство небытия, нирваны, а себе предсказал более ста лет жизни; требовал справедливости к себе и радовался, когда Молешотт подвергся преследованиям.

2) Здоровый гениальный человек сознает свою силу, знает себе цену и потому не унижается до полного равенства со всеми; но зато у него не бывает и тени того болезненного тщеславия, той чудовищной гордости, которая снедает психически ненормальных гениев и делает их способными на всякие абсурды.

Тассо и Кардано часто намекали на то, что их вдохновляет сам Бог, а Мухаммед высказывал это открыто, вследствие чего малейшую критику своих мнений они считали чуть ли не преступлением. Кардано писал о себе: «Природа моя выше обыкновенной человеческой субстанции и приближается к бессмертным духам». О Ньютоне говорили, что он способен был убить каждого, кто критиковал его произведения. Руссо полагал, что не только все люди, но даже все стихии в заговоре против него. Может быть, именно гордость заставляла этих злополучных гениев избегать общения с людьми. Свифт, издевавшийся над министрами в своих сатирах, писал одной герцогине, изъявившей желание с ним познакомиться, что чем выше положение лиц, его окружающих, тем более они должны унижаться перед ним. Ленау унаследовал от матери гордость патриция и во время бреда воображал себя королем Венгрии. Везелий, потерявший рассудок на 39-м году жизни, сна-

чала собирался устроить банк и сам фабриковал для него билеты, но потом вообразил себя богом и даже свои сочинения печатал под заглавием «Произведения Бога Везелия».

Шопенгауэр не раз упоминает в своих письмах о чьем-то намерении поставить его портрет в особо устроенной часовне, точно святую икону.

3) Некоторые из этих несчастных обнаруживали неестественное, слишком раннее развитие гениальных способностей. Так, например, Тассо начал говорить, когда ему было только 6 месяцев, а в 7 лет уже знал латинский язык. Ленау, будучи ребенком, импровизировал потрясавшие слушателей проповеди и прекрасно играл на флейте и на скрипке. Восьмилетнему Кардано являлся гений и вдохновлял его. Ампер в 13 лет уже был хорошим математиком. Паскаль в 10 лет придумал теорию акустики, основываясь на звуках, производимых тарелками, когда их расставляют на столе, а в 15 лет написал знаменитый трактат о конических сечениях. Четырехлетний Галлер уже проповедовал, и с 5 лет со страстью читал книги.

4) Многие из них чрезвычайно злоупотребляли наркотическими веществами и спиртными напитками. Так, Галлер поглощал громадное количество опия, а Руссо — кофе; Тассо был известный пьяница, подобно современным поэтам: Клейсту, Жерару де Нервалю, Мюссе, Мюрже, Майлату, Прага, Ровани и оригинальнейшему китайскому поэту Тао Юаньмину*, даже получившему название «поэта-пьяницы», так как он черпал свое вдохновение только в алкоголе и умер вследствие злоупотребления им. Асне писал не иначе как со стаканом вина перед собой, и допился до белой горячки, которая свела его в могилу. Ленау в последние годы жизни тоже употреблял слишком много вина, кофе и табаку. Бодлер прибегал к опьянению опием, вином и табаком. Кардано сам сознавался в злоупотреблении спиртными напитками, а Свифт был ревностным посетителем лондонских таверн. По, Ленау, Саути и Гофман страдали запоями.

5) Почти у всех этих великих людей были какие-нибудь ненормальности в отправлениях половой системы. Тассо вел чрезвычайно развратную жизнь до 38 лет, а потом совершенно целомудренную. Кардано, напротив, смолоду страдал бессилием, но в 35 лет начал развратничать.

Паскаль в молодости давал полную волю своей чувственности, но потом считал безнравственным даже поцелуй матери. Руссо страдал гипоспадией и сперматореей. Ньютон и Карл XII, как говорят, никогда не приносили жертв Венере-Афродите. Ленау писал о себе: «У меня есть печальная уверенность, что я не способен к супружеской жизни».

6) Они не чувствовали потребности работать спокойно в тиши своего кабинета, а напротив, как будто не могли усидеть на одном месте и должны были путешествовать постоянно. Ленау переезжает из Вены в Штокерау, оттуда в Гмунден и наконец эмигрирует в Америку. «Я чувствую необходимость как можно чаще переменять место жительства, — пишет он, — это мне освежает кровь».

Тассо странствовал постоянно; из Феррары он отправлялся то в Урбино, то в Мантую, Неаполь, Париж, Бергамо, Рим или Турин. По приводил в отчаяние репортеров тем, что переезжал то и дело из Бостона в Нью-Йорк, из Ричмонда в Филадельфию, Балтимор и прочее.

Руссо, Кардано и Челлини жили то в Турине, то в Болонье, то в Париже, то во Флоренции или в Риме. «Перемена места составляет для меня потребность, — говорил Руссо, — весной и летом я не могу пробыть в одной и той же местности более двух или трех дней, а если мне нельзя уехать, то я делаюсь болен».

7) Не менее часто меняли они также свои профессии и специальности, точно мощный гений их не мог удовольствоваться одной какой-нибудь наукой и вполне в ней выразиться[1]. Свифт, кроме сатир, писал еще о мануфактурах в Ирландии, занимался теологией, политикой и составил исторический очерк царствования королевы Анны. Кардано был в одно и то же время математиком, врачом, теологом и беллетристом. Руссо брался за всевозможные профессии. Гофман служил в судебном ведомстве, рисовал карикатуры, занимался музыкой, был драматургом и писал романы. Тассо, а также впоследствии Гоголь перепробовали все роды поэзии эпической, драматической и дидактической; первый писал еще статьи по истории, философии и политике. Ампер, с детства владевший и кистью, и смычком, был в то же время лингвистом, натуралистом, физиком и метафизиком. Ньютон и Паскаль в периоды умопомрачения оставляли свою специальность (физику) и занимались теологией. Галлер писал о поэзии, теологии, ботанике, практической медицине, физиологии, нумизматике, восточных языках, патологической анатомии и хирургии и даже изучал математику под руководством Бернулли. Ленау занимался медициной, земледелием, юридическими науками, поэзией и теологией. Уолт Уитмен, современный англо-американский поэт, несомненно принадлежащий к числу помешанных гениев, был типографщиком, учителем, солдатом, плотником и некоторое время даже чиновником — занятие, совсем уже не подходящее для поэта. Американец же По занимался физикой и математикой.

---

[1] Из 45 сумасшедших писателей, цитируемых Филомнестом,

15	человек	занимались	поэзией
12	»	»	теологией
5	»	писали	пророчества
3	»	»	автобиографии
2	»	занимались	математикой
2	»	»	психиатрией
2	»	»	политикой

Причина преобладания поэтического творчества указана нами выше; напомним, кстати, что маттоиды отдают, напротив, предпочтение теологии, философии и другим отвлеченным наукам.

8) Подобные сильные, увлекающиеся умы являются настоящими пионерами науки; они страстно предаются ей и с жадностью берутся за разрешение труднейших вопросов, как наиболее подходящих, может быть, для их болезненно возбужденной энергии; в каждой науке они умеют уловить новые выдающиеся черты и на основании их строят нелепые иногда выводы, отчасти приближаясь таким образом к рассмотренному уже нами типу поэтов и художников дома умалишенных, характерную особенность которых составляет оригинальность, доведенная до абсурда. Так, Ампер всегда брался в математике за разрешение труднейших задач, «отыскивал пропасти», по выражению Араго. Руссо в «Деревенском колдуне» пытался создать «музыку будущего», воплощенную потом в своих композициях другим гениальным безумцем — Шуманом. Свифт говорил обыкновенно, что чувствует себя в хорошем настроении только тогда, когда ему приходится рассуждать о самых трудных и наиболее чуждых его специальности вопросах. И действительно, читая его письмо «О прислуге», можно подумать, что оно написано именно слугой, а уж никак не теологом и публицистом. Точно так же в «Исповеди вора» он до того правдиво изобразил похождения одного из них, что товарищи его сочли нужным сознаться в сделанных ими преступлениях, думая, что глава их шайки выдал все свои тайны. А когда Свифт вздумал прикинуться католиком, то своими проповедями обманул даже римских инквизиторов, этих завзятых мошенников.

Уолт Уитмен создал свое особое стихосложение без рифмы и размера, которое англосаксонцы считают «поэзией будущего». В настоящем же она кажется нелепой и странной при всей своей оригинальности.

Произведения По, по словам одного из его поклонников (Бодлера), как будто и созданы лишь с целью доказать, что странность составляет существенную часть прекрасного; они собраны им под общим заглавием «Арабески и гротески» на том основании, что в них нет человеческих типов, они составляют как бы внечеловеческий род литературных произведений. Напомним здесь кстати, что сумасшедшие артисты тоже обнаруживают склонность к арабескам, но только у них в арабески входят и человеческие лица.

Сам Бодлер тоже придумал немало курьезов, например, поклонение искусственной красоте, поэтические аналогии для различных ароматических веществ, и создал так называемые поэмы в прозе.

9) У всех этих поврежденных гениев есть свой особый стиль — страстный, трепещущий, колоритный, отличающий их от других здоровых писателей и свойственный им, может быть, именно потому, что он вырабатывается только под влиянием психоза. Предположение это подтверждается и собственным признанием таких гениев, что все они по окончании экстаза не способны не только сочинять, но даже мыслить. Тассо говорит в одном из своих писем: «Я несчастлив и недоволен всегда, но в особенности, когда сочиняю». «Мысли у меня родятся с трудом, — сознавался Руссо, — разви-

тие их идет медленно, туго, и я могу быть красноречивым только в минуты страсти». Живые, пламенные вступления к статьям Кардано, столь непохожие на обычный крайне монотонный язык его сочинений, наглядно подтверждают громадную разницу в мышлении его при начале и в конце экстаза. Галлер, один из наиболее счастливых поэтов, говорил, что вся сущность поэтического искусства заключается в его трудности. Восемнадцатое из своих «Провинциальных писем» Паскаль переделывал тринадцать раз.

Может быть, именно это сходство в натуре и в стиле влекло Свифта и Руссо к произведениям Тассо, а Галлеру, суровому Галлеру внушало симпатию к фантастическим и в высшей степени безнравственным сочинениям Свифта. По той же причине Ампер восторгался странностями Руссо, а Бодлер подражал По, сочинения которого даже перевел на французский язык, и боготворил Гофмана.

10) Почти все они глубоко страдали от религиозных сомнений, которые невольно представлялись их уму, между тем как робкая совесть и больное сердце заставляли считать такие сомнения преступлениями. Тассо, например, мучился от одного только опасения, что он еретик. Ампер часто говорил, что сомнения — самая ужасная пытка для человека. Галлер писал в своем дневнике: «Боже мой! пошли мне хотя одну каплю веры; разум мой верит в Тебя, но сердце не разделяет этой веры — вот в чем мое преступление». Ленау жаловался в последние годы своей жизни: «В те часы, когда у меня особенно сильно развивается болезнь сердца, мысль о Боге оставляет меня». По мнению критиков, он воплотил мучившие его сомнения в герое своей поэмы «Савонарола».

11) Затем, все психически больные гении без исключения чрезвычайно много занимаются своим собственным «я» и с намерением выставляют на вид свое ненормальное состояние, как будто стараясь этим признанием оправдать свои нелепые поступки.

Очень естественно, что при своем громадном уме и замечательной наблюдательности они наконец убеждались в своей ненормальности и глубоко страдали от этого. Все люди охотно говорят о себе, но в особенности — помешанные, которые в этом случае делаются положительно красноречивыми (подобный пример мы увидим в приложении — автобиография помешанного); но какой же силы должно достигать это красноречие, когда к безумию присоединяется гениальность! Жгучие, пламенные страницы выливаются у таких писателей, едва только они заговорят о своих страданиях; настоящие перлы френопатической поэзии выходят иногда из-под их пера, но зачастую крупная личность злополучного автора выставляется при этом в далеко не выгодном свете. Кардано написал, кроме своей автобиографии, несколько поэм, сюжетом которых служат его несчастья, и статью «О сновидениях», почти исключительно наполненную только описаниями виденных им снов и представлявшихся ему галлюцинаций. Поэмы Уитмена — не что иное, как его

собственная биография, изложенная стихами, что он и сам подтвердил отчасти, сказав: «Тема для гимна взята маленькая, но она же и самая большая... я сам». В этом гимне описывается ребенок, которому достаточно было увидеть что-нибудь — облако, овцу, камень, пьяных, стариков, чтобы тотчас же вообразить и себя самого облаком, камнем и прочими. Этот ребенок и есть сам Уитмен. Руссо в своей «Исповеди», «Диалогах» и «Прогулках одинокого мечтателя», как Мюссе в «Признаниях», а Гофман в своем «Крейслере»[1], в сущности только описывали самих себя и свое безумие.

То же самое говорит Бодлер и о рассказах По: «Темой для них он брал всегда исключительные случаи в жизни человека, например галлюцинации, сначала смутные, неопределенные, но мало-помалу принимающие характер несомненных фактов; нелепые понятия, овладевшие умом и сообщившие мышлению свою дикую логику; припадки истерии, совершенно поработившие волю, противоречия между настроением и рассудком, доходящие до того, что страдание выражается смехом».

Паскаль, утверждавший, что христианство уничтожает личность, не в состоянии был написать своей автобиографии вследствие своей преувеличенной, болезненной скромности; однако он описал свои галлюцинации в «Амулете», а в «Мыслях» выразил чисто субъективные взгляды и убеждения, несмотря на все старание быть объективным... Так, он, конечно, намекает на самого себя, когда говорит, что «великая гениальность близко граничит с сумасшествием и умопомешательство до такой степени распространено между людьми, что замешавшийся среди них здравомыслящий человек представлял бы своего рода ненормальное явление». Или два следующих его изречения: «Болезни всегда извращают наши суждения и чувства, не только серьезные, оказывающие более заметное действие, но и самые ничтожные, влияющие лишь в слабой степени». «Хотя у гениальных людей голова находится выше, чем у простых смертных, однако ноги у них ниже, поэтому те и другие находятся на одном уровне: гении так же ищут точки опоры на земной коре, как и все мы, не исключая детей и даже бессловесных животных».

Галлер, тщательно записывавший в дневнике свой религиозный бред, признавался в том, что он по временам считает себя «глупым, сумасшедшим, гонимым Богом и не возбуждающим в людях ничего, кроме насмешек и презрения» и что ему не раз случалось менять свои убеждения в течение суток.

Свифт подробно, день за днем, описывал свою жизнь в сочинении, озаглавленном «Письма к очень молоденькой леди», и указывал на свое умопомешательство в таких весьма недвусмысленных выражениях: «От всего человеческого тела поднимаются испарения, идущие к мозгу: если они не

[1] Подобно Гофману, Крейслер поглощен какими-то сумасбродными идеалами, вечно враждует с действительностью и кончает сумасшествием.

слишком обильны, человек остается здравомыслящим; если же их слишком много, то они вызывают в нем экзальтацию и превращают его в философа, политика или основателя новой религии, т. е. в помешанного. Поэтому я нахожу несправедливым заключать всех сумасшедших в Бедлам. Следовало бы назначить комиссию, которая сортировала бы их для того, чтобы эти гении, изнывающие теперь в больнице, могли быть полезны обществу: например, тех, кто страдает эротическим помешательством, следовало бы помещать в дома терпимости, бешеных — отдавать в солдаты и прочее. Я сам принадлежу также к числу помешанных: фантазия у меня часто разыгрывается до такой степени, что разум уже не в состоянии сдерживать ее; вот почему друзья мои оставляют меня одного лишь в том случае, если я обещаю им дать своим мыслям иное направление».

Летцман, выбросившийся потом из окна, написал знаменитый «Дневник меланхолика», а Майлат изобразил свои страдания в романе «Самоубийца» и вслед за тем утопился вместе со своей сестрой, которой был посвящен этот роман. Тассо очень верно описывал свое умопомешательство в письме к герцогу Урбино в приведенной выше октаве. Впрочем, он, еще и не будучи маньяком, высказывал о себе такого рода странные суждения. «Я не отрицаю в себе сумасшествия, — писал он, — но утешаю себя тем, что оно вызвано пьянством и любовью, так как действительно я пью жестоко», и т. д.

Вообще очень многие беллетристы избирали душевнобольных героями своих произведений или занимались подробным анализом ненормальных проявлений психической деятельности. Барбара написал роман «Поврежденные». Бустон описал свои галлюцинации. Алликс, не будучи медиком, сочинил трактат о лечении сумасшедших. Ленау за 12 лет до полного развития своей душевной болезни предчувствовал, что будет страдать ею, и описывал ее припадки. Во всех его поэмах постоянно звучат страдальческие ноты мрачного умопомешательства, о чем можно судить уже по заглавиям его лирических произведений: «К меланхолику», «К ипохондрику», «Сумасшедший», «Душевнобольные», «Сила сновидений», «Луна меланхолика» и прочее.

Вряд ли даже в самых мрачных местах произведений Ортиса найдутся такие потрясающие картины мучительного состояния самоубийц, как в этом отрывке из поэмы «Душевнобольные»: «У меня в сердце зияет глубокая рана, и я безмолвно буду переносить свои страдания до самой смерти — жизнь моя уходит с каждым часом. Только одна женщина могла бы облегчить мои муки, только на ее груди я мог найти отраду. Но эта женщина покоится в могиле... О мать моя! сжалься над моими страданиями! Если твоя любовь бодрствует надо мной и после твоей смерти, если ты еще в состоянии заботиться о твоем сыне... о, помоги мне поскорее расстаться с этой жизнью! Я так жажду смерти! Постарайся, чтобы твой измученный страданиями сын избавился наконец от них». В «Силе сновидений», как мы уже говорили, с потрясающей правдивостью изображены галлюцинации, сопровождающие первые приступы той формы помешательства, при которой всегда разви-

вается страсть к самоубийству: читатель как бы слышит бессвязный, отрывочный лепет, переходящий затем в бред и служащий предвестником наступления паралича. Вот отрывок из этого сочинения: «Видение было до того ужасно, дико, страшно, что хотелось бы считать его только сном... но я продолжал плакать и чувствовал биение своего сердца, а когда проснулся, то увидел, что простыня и подушка моя смочены слезами... Может быть, я во сне схватил простыню и вытер ею лицо?.. Не знаю... Пока я спал, враги мои пировали здесь... Теперь эти дикари удалились, их нет, но следы их посещения я нахожу в моих слезах. Они убежали и оставили на столе вино». Впрочем, еще гораздо раньше, в «Альбигойцах», Ленау высказывал свой взгляд на сны как на что-то ужасное. «Страшной мощью обладают иногда сновидения, — говорит он, — они волнуют, мучат, потрясают, грозят и, если спящий не проснется вовремя... в одно мгновение ока превращают его в труп».

12) Главные признаки ненормальности этих великих людей выражаются уже в самом строении их устной и письменной речи, в нелогичных выводах, в нелепых противоречиях и в уродливой фантастичности. Разве Сократ, гениальный мыслитель, предугадавший христианскую мораль и еврейский монотеизм, не был сумасшедшим, когда руководствовался в своих поступках голосом и указаниями своего воображаемого гения или даже просто чиханием? А что сказать о Кардано, о том самом, который предупредил Ньютона об открытии законов тяготения, затем в своей книге «*De Subtilitate*» сам приписывал галлюцинациям дикие выходки бесноватых и прорицания некоторых монахов-отшельников и в то же время объяснял участием какого-то духа не только свои научные открытия, но даже треск доски у письменного стола и дрожание пера в своих руках! Далее, чему, кроме помешательства, можно приписать его собственное признание, что он несколько раз бывал одержим бесом, и написанную им книгу «О сновидениях», несомненно свидетельствующую о ненормальном состоянии умственных способностей ее автора? Сначала он высказывает в ней довольно верные наблюдения относительно того, что сильные физические страдания оказывают менее энергичное влияние на сновидения, чем легкие, — факт, подтвержденный в последнее время психиатрами, заметившими, что у сумасшедших особенно развивается способность видеть сны; далее он указывает на то, что во сне, точно на театральной сцене, в короткий промежуток времени развивается целая масса событий, и делает совершенно верное замечание, что предметом сновидений бывают случаи или аналогичные обычным представлениям человека, или же совершенно противоположные им. Но после стольких чисто гениальных черт Кардано вдруг начинает развивать самую нелепую теорию сновидений, высказывает взгляды, как будто заимствованные у невежественных простолюдинов, вроде того, например, что сны всегда служат предсказаниями относительно будущего более или менее отдаленного, а потом с полным убеждением составляет курьезнейший словарь снов — совершенное подобие тех «снотолкователей», которыми утешается

в часы досуга простой народ, эксплуатируемый разными невеждами. В этом чисто патологическом произведении все, что человек видит или слышит во сне, приведено в известное соотношение с явлениями действительной жизни и на каждый случай дано особое толкование. Так, приснившийся отец означает встречу с сыном, мужем или начальником; ноги служат символом фундамента рабочих; лошадь означает бегство, богатство, жену и т. д. Чаще всего аналогия обусловливается не понятиями (например, что общего между врачом и башмачником, а между тем видеть во сне первого предвещает свидание со вторым, и наоборот!), а просто даже созвучием слов: например, *orior* (рождаться) и *morior* (умирать) должны означать одно и то же, потому что «*una tantum litera cum differantur, vicissim, unum in alium transit*»[1]. Об одном господине, страдавшем каменной болезнью, Кардано говорит, что когда ему снились кушанья, то это предвещало облегчение болезни; если же вещества несъедобные, то — усиление страданий, и объясняет это тем, что «*cibos enim ac dolores degustare dicimus*», т. е. вкусовое ощущение может смягчить ощущение боли, как будто природа в самом деле занимается игрой слов на латинском языке! Когда подумаешь, что такие абсурды высказывал врач, пользовавшийся известностью и сделавший немало важных научных открытий, то невольно проникаешься состраданием к бедному человеческому разуму!

А Ньютон, великий Ньютон, взвесивший все миры во вселенной посредством одного только вычисления, разве не находился в состоянии невменяемости, когда вздумал сочинять толкования на Апокалипсис или когда писал Бентли: «Закон тяготения отлично объясняет удлиненную орбиту комет; что же касается почти круговой орбиты планет, то нет никакой возможности уяснить себе удлинение ее в одну сторону, и потому она могла быть произведена только самим Богом»? Араго совершенно справедливо находит такой способ доказательства научных истин по меньшей мере странным!

И однако же в своем сочинении «Оптика» Ньютон сам восстает против тех исследователей, которые, по примеру последователей Аристотеля, допускают существование в материи каких-то таинственных свойств и через это без всякой пользы для науки задерживают изыскания исследователей природы. И действительно, только сто лет спустя Лаплас нашел верное решение задачи, не дававшейся Ньютону, и тем наглядно доказал нелогичность сделанного им предположения.

Ампер был глубоко убежден в том, что ему удалось найти квадратуру круга.

Паскаль, изучавший некогда законы теории вероятностей, верил, что прикосновение к реликвиям излечивает слезную фистулу, и заявил об этом в одном из своих сочинений. Вследствие своей мании ко всему первобыт-

---

[1] Они различаются только на одну букву и потому близко подходят одно к другому (*лат.*).

ному Руссо дошел наконец до того, что видел идеал человека в дикаре и считал безвредным все естественные произведения, приятные для глаз и вкуса, так что мышьяк, по его мнению, должен был считаться совершенно неядовитым. Жизнь Руссо представляет целый ряд противоречий и непоследовательностей: он любил деревенские поля, а жил преимущественно в городе; написал трактат о воспитании, а своих или почти своих детей отдавал в воспитательный дом; с разумным скептицизмом относился к религиям и прибегал к гаданию, чтобы узнать будущее; писал самому Богу и письма клал под алтари церквей, как будто предполагая, что именно там и есть исключительное местопребывание Божества!

Бодлер, находивший высокое в искусственности, сравнивал ее с «румянами и белилами, придающими особую прелесть красавице», и (конечно, в припадке настоящего бреда) описал свой геологический пейзаж, без воды и растительности. «Все в нем сурово, гладко, блестяще, — говорит он, — все холодно и мрачно; и посреди этого вечного безмолвия сапфир лежал в золотоносной жиле, точно античное зеркало в золотой оправе». Он же считал латинский язык времен упадка Рима своим идеалом, как единственный язык, хорошо выражающий страсть, и до того обожал кошек, что даже посвятил им три оды.

Гайм назвал философию Шопенгауэра «чрезвычайно живым и умно рассказанным сновидением», а характер его — олицетворением непоследовательности. Уолт Уитмен, без сомнения, был в ненормальном состоянии, когда писал, что одинаково относится к обвиняемым и обвинителям, к судьям и преступникам; когда в своих поэмах высказывал, что считает добродетельной только одну женщину... куртизанку, а также когда выражал свои материалистические воззрения на местопребывание души...

Ленау в своей «Луне меланхолика» приписывает самые ужасные свойства этому безобидному спутнику земли. Наперекор всем поэтам, он называет луну «холодной, лишенной воздуха и воды» и уподобляет ее «могильщику планет». По его мнению, «она серебристой нитью опутывает спящих и уводит их к смерти, а своим лучом очаровывает сомнамбул и дает указания ворам». Кроме того, Ленау, в молодости не раз писавший, что «мистицизм есть признак сумасшествия», сам очень часто являлся мистиком, особенно в своих последних песнях.

В Коране нет ни одной главы, которая не противоречила бы всем остальным, даже в одной и той же суре высказываются мысли, исключающие одна другую*.

О Свифте Аддисон сказал, что он является настоящим помешанным в некоторых из своих произведений, не говоря уже о его ненормальном пристрастии к абсурдам; так, например, когда он описывает математика, заставляющего своего ученика глотать задачи, или экономиста, дистиллирующего экскременты, или когда делает предложение народу питаться мясом маленьких детей.

Относительно великих писателей-алкоголиков я заметил, что у них есть свой особый стиль, характерным отличием которого служит холодный эротизм, обилие резкостей и неровность тона вследствие полной разнузданности фантазии, слишком уж быстро переходящей от самой мрачной меланхолии к самой неприличной веселости. Кроме того, они обнаруживают большую склонность описывать сумасшедших, пьяниц и самые мрачные сцены смерти. Бодлер пишет о По: «Он любит выставлять свои фигуры на зеленоватом или синеватом фоне при фосфорическом свете гниющих веществ, под шум оргий и завываний бури; он описывает смешное и ужасное из любви к тому и другому».

О самом Бодлере можно сказать, что у него тоже заметно пристрастие к подобным сюжетам и к описанию действий алкоголя и опия.

Несчастный Прага, умерший вследствие хронического отравления алкоголем, часто воспевал вино, пьяниц и прочее.

Живописец Стен, страдавший запоем, постоянно рисовал пьяниц. У Гофмана рисунки переходили обыкновенно в карикатуры, повести — в описание неестественных эксцентричностей, а музыкальные композиции — в какофонию.

Мюссе прибегал к вычурным уподоблениям, как, например, в описании мадридских красавиц:

Sous un col de eigne
Un sein vierge et doré comme la jeune vigne[1].

Мюрже воспевал женщин с зелеными губами и желтыми щеками, хотя у него это было, вероятно, следствием своего рода дальтонизма, вызванного пьянством, что, как мы видели, особенно резко выражается у живописцев.

13) Почти все поврежденные гении придавали большое значение своим сновидениям, которые у них отличались такой живостью и определенностью, какой никогда не имеют сны здоровых людей. Это особенно заметно у Кардано, Ленау, Тассо, Сократа и Паскаля.

14) Многие из них обладали чрезвычайно большим черепом, но неправильной формы; кроме того, у них, как и у сумасшедших, вскрытие часто обнаруживало серьезные повреждения нервных центров. У Паскаля мозговое вещество оказалось тверже нормального и нагноение в левой доле. При вскрытии черепа Руссо была констатирована водянка желудочков. Череп Вилльмена представлял такое ненормальное устройство (крайне удлиненный, сплющенный спереди, с сильным развитием лобных пазух), что когда я увидел его в первый раз в Парижском институте, то невольно обратил на него внимание и сказал своему спутнику, что человек с такой головой не-

---

[1] Под лебединой шеей девственная золотистая грудь,
точно молодая виноградная лоза (*фр.*).

пременно должен страдать душевной болезнью. У Байрона, Фосколо и вообще у гениальных, но отличавшихся большими странностями людей замечено преждевременное отвердение черепных швов. Шуман умер от воспаления мозговой оболочки (менингита) и атрофии мозга.

15) Но самым выдающимся признаком ненормальности рассматриваемых нами гениев служит, как мне кажется, крайне преувеличенное проявление тех двух перемежающихся состояний — экстаза и атонии, возбуждения и упадка умственных сил, которые до известной степени заметны почти у всех великих мыслителей, даже у совершенно здоровых, и составляют, в сущности, чисто физиологическое явление. Но здесь оно принимало уже патологический характер, вследствие чего «поврежденные» гении истолковывали его вкривь и вкось, приписывая то благодетельному, то враждебному влиянию посторонних, чаще всего сверхъестественных сил. Руссо так описывает себя в состоянии атонии: «Ленивый, приходящий в ужас от всякого труда ум и желчный, раздражительный, живо чувствующий каждую неприятность темперамент — казалось бы, что две такие противоположности не могут совместиться в одном субъекте, а между тем они составляют основу моего характера». При таком мрачном взгляде на свои способности период возбуждения, подъем духа казался Руссо чем-то чуждым его собственной природе, подобно тому как люди невежественные всегда объясняют посторонним влиянием каждое изменение своего «я». Тассо даже анализирует свойство своего вдохновителя — духа, демона или гения. «Это не может быть дьявол, — говорит он, — потому что он не внушает мне отвращения к священным предметам; но это также и не простой смертный, так как он вызывает у меня идеи, прежде никогда не приходившие мне в голову». Дух сообщал Кардано сведения о невозможном мире, давал советы и вдохновлял его; точно так же дух помог Тартини написать сонату, а Мухаммеду диктовал целые страницы Корана. Ван Гельмонт уверял, что дух являлся ему во всех важных случаях жизни и один раз, в 1633 году, он увидел даже свою собственную душу в форме блестящего кристалла. Скульптор Блейк часто удалялся на берег моря, чтобы вести там беседы с Моисеем, Гомером, Вергилием и Мильтоном, своими старинными знакомыми, и так описывал их внешность: «Это тени, величественные, суровые, но светлые и ростом гораздо выше обыкновенных людей». Сократу во всех его делах тоже помогал гений, которого он считал для себя полезнее десяти тысяч учителей и часто пользовался его указаниями, чтобы предупреждать друзей своих, как им следует поступить в том или другом случае. Палестрина пытался выразить в своих композициях те песни, которые пел ему невидимый ангел.

Вообще, яркий, образный слог и полная уверенность, с какой описывались разные фантастические случаи и нелепые бредни вроде академии лилипутов или ужасов Тартара, заставляют предполагать, что авторы видели перед собой все такие картины вполне отчетливо, ясно, как в припадке галлюцинаций, и что, следовательно, вдохновение и безумный бред сливались у них в одно нераздельное целое.

Для некоторых из них, как, например, для Лютера, Мухаммеда, Савонаролы, Молиноса, а в наше время для главы восставших тайпинов, это ложное истолкование причины их экстаза было чрезвычайно полезно в том отношении, что придавало их речам и предсказаниям ту нераздельную с глубокой верой в истинность своего учения убедительность, которая так обаятельно действует на простой народ, увлекая и потрясая его до глубины души. В этом отношении между помешанными гениями и самыми обычными маттоидами нет существенной разницы.

С другой стороны, когда веселость и вдохновенный экстаз сменялись мрачным, меланхолическим настроением, то эти несчастные великие люди прибегали к еще более странным измышлениям, чтобы объяснить свое тяжелое состояние: одни из них приписывали его отраве, как, например, Кардано; другие, подобно Галлеру и Амперу, считали себя обреченными на вечные муки или преследуемыми целым сонмом озлобленных врагов, в чем были убеждены Ньютон, Свифт, Бартез, Кардано и Руссо. Далее, все они признавали религиозное сомнение, западающее в ум совершенно против воли и наперекор чувству, таким ужасным преступлением, что опасение подвергнуться ответственности за него являлось для них источником новых величайших страданий.

XII. Исключительные особенности гениальных людей

Заключение

Теперь спросим себя, возможно ли на основании вышеизложенных фактов прийти к заключению, что гениальность вообще есть не что иное, как невроз, умопомешательство? Нет, такое заключение было бы ошибочным. Правда, в бурной и тревожной жизни гениальных людей бывают моменты, когда эти люди представляют большое сходство с помешанными, и в психической деятельности тех и других есть немало общих черт, например, усиленная чувствительность, экзальтация, сменяющаяся апатией, оригинальность эстетических произведений и способность к открытиям, бессознательность творчества и употребление особых выражений, сильная рассеянность и наклонность к самоубийству[1], а также нередко злоупотребление

[1] Гениальные люди дают огромный процент самоубийц начиная с древнейшего периода истории и кончая нашим временем. Интересно проследить поводы к самоубийству: Доминикино лишил себя жизни вследствие насмешек соперников, Спадьолетто — после похищения своей дочери, Нурри — из зависти к успехам Дюпре и прочее. В Италии число самоубийц между художниками достигает 90 на миллион жителей, между литераторами — 618,9, между учащимися — 355,3 — процент более высокий, чем в остальных профессиях.

спиртными напитками и, наконец, громадное тщеславие. Правда, в числе гениальных людей были и есть помешанные, точно так же, как и между этими последними бывали субъекты, у которых болезнь вызывала проблески гения; но вывести из этого заключение, что все гениальные личности непременно должны быть помешанными, значило бы впасть в громадное заблуждение и повторить, только в ином смысле, ошибочный вывод дикарей, считающих боговдохновенными людьми всех сумасшедших. Поясню эту мысль примером: у нас в Италии есть хореик слепец Пучинотти, подражающий в своих хореических движениях манипуляциям человека, играющего на скрипке. Если бы кто-нибудь вздумал сопоставить этот случай с тем фактом, что в числе хороших скрипачей есть много слепых, и на основании его сделал вывод, что все искусство скрипичной игры обусловливается сопровождающейся хореическими движениями болезнью, то, конечно, этот вывод оказался бы совершенно ложным. Очень может быть, что хорея придает большую подвижность рукам играющего или что она даже развивается у него вследствие постоянного повторения известных движений, но все же из этого еще нельзя заключить о полном сходстве между хореиком и скрипачом.

Если бы гениальность всегда сопровождалась сумасшествием, то как объяснить себе, что Галилей, Кеплер, Колумб, Вольтер, Наполеон, Микеланджело, Кавур, люди несомненно гениальные и притом подвергавшиеся в течение своей жизни самым тяжелым испытаниям, ни разу не обнаруживали признаков умопомешательства?

Кроме того, гениальность проявляется обыкновенно гораздо раньше сумасшествия, которое по большей части достигает максимального развития лишь после 35-летнего возраста, тогда как гениальность обнаруживается еще с детства, а в молодые годы является уже с полной силой: Александр Македонский был на вершине своей славы в 20 лет, Карл Великий — в 30 лет, Карл XII — в 18, Д'Аламбер и Бонапарт — в 26.

Далее, между тем как сумасшествие чаще всех других болезней передается по наследству и притом усиливается с каждым новым поколением, так что краткий припадок бреда, случившийся с предком, переходит у потомка уже в настоящее безумие, гениальность почти всегда умирает вместе с гениальным человеком, и наследственные гениальные способности, особенно у нескольких поколений, составляют редкое исключение. Кроме того, следует заметить, что они передаются чаще потомкам мужского, чем женского пола (о чем мы уже говорили прежде), тогда как умопомешательство признает полную равноправность обоих полов. Положим, гений тоже может заблуждаться, положим, и он всегда отличается оригинальностью; но ни заблуждение, ни оригинальность никогда не доходят у него до полного противоречия с самим собой или до очевидного абсурда, что так часто случается с маттоидами и помешанными.

Если некоторые из этих последних и обнаруживают необычные умственные способности, то это лишь в редких сравнительно случаях, и притом ум

их всегда односторонен: гораздо чаще мы замечаем у них недостаток усидчивости, прилежания, твердости характера, внимания, аккуратности, памяти — вообще главных качеств гения. И остаются они по большей части всю жизнь одинокими, необщительными, равнодушными или нечувствительными к тому, что волнует род людской, точно их окружает какая-то особенная, им одним принадлежащая атмосфера. Возможно ли сравнивать их с теми великими гениями, которые спокойно и с сознанием собственных сил неуклонно следовали по раз избранному пути к своей высокой цели, не падая духом в несчастьях и не позволяя себе увлечься какой бы то ни было страстью!

Таковы были: Спиноза, Бэкон, Галилей, Данте, Вольтер, Колумб, Макиавелли, Микеланджело и Кавур. Все они отличались сильным, но гармоничным развитием черепа, что доказывало силу их мыслительных способностей, сдерживаемых могучей волей, но ни в одном из них любовь к истине и к красоте не заглушила любви к семье и отечеству. Они никогда не изменяли своим убеждениям и не делались ренегатами, они не уклонялись от своей цели, не бросали раз начатого дела. Сколько настойчивости, энергии, такта выказывали они при выполнении задуманных ими предприятий и какой умеренностью, каким цельным характером отличались в своей жизни!

А ведь на их долю выпало тоже немало страданий от преследования невежд, им тоже приходилось испытывать и припадки изнеможения, следовавшие за порывами вдохновения, и муки овладевавшего ими сомнения, колебания, но все это ни разу не заставило их свернуть с прямого пути в сторону.

Единственная, излюбленная идея, составлявшая цель и счастье их жизни, всецело овладевала этими великими умами и как бы служила для них путеводной звездой. Для осуществления своей задачи они не щадили никаких усилий, не останавливались ни перед какими препятствиями, всегда оставаясь ясными, спокойными. Ошибки их слишком немногочисленны, чтобы на них стоило указывать, да и те нередко носят такой характер, что у обыкновенных людей они сошли бы за настоящие открытия.

Резюмируя наши положения, мы приходим к следующим выводам: в физиологическом отношении между нормальным состоянием гениального человека и патологическим — помешанного существует немало точек соприкосновения. Между гениальными людьми встречаются помешанные, и между сумасшедшими — гении. Но было и есть множество гениальных людей, у которых нельзя отыскать ни малейших признаков умопомешательства, за исключением некоторых ненормальностей в сфере чувствительности.

Хотя мое исследование ограничивается скромными пределами психологических наблюдений, но я надеюсь, что оно может дать солидную экспериментальную точку отправления для критики артистических, литера-

турных и в некоторых случаях даже научных произведений. Так, во-первых, оно заставит обратить внимание на чисто патологические признаки: излишнюю тщательность отделки, злоупотребление символами, эпиграфами и аксессуарами, преобладание одного какого-нибудь цвета и преувеличенную погоню за новизной. В литературе и ученых статьях такими же признаками служат претензии на остроумие, излишняя систематизация, стремление говорить о себе, склонность заменять логику эпиграммой, пристрастие к напыщенности в стихах, к созвучиям — в прозе и тоже погоня за оригинальностью. Кроме того, ненормальность этого тона выражается в манере писать библейским языком, короткими периодами с подчеркиваниями или частым употреблением известных слов. Признаюсь, замечая, как много субъектов из так называемых руководителей общественного мнения отличаются подобными недостатками и как часто юные писатели, берущиеся за разработку серьезных общественных вопросов, ограничиваются при этом одними лишь остротами, как будто заимствованными из дома умалишенных, и пишут коротенькими, отрывистыми фразами библейских изречений, я начинаю бояться за судьбу грядущих поколений.

И наоборот — аналогия, существующая, с одной стороны, между маттоидами и гениями в том отношении, что первым присущи все болезненные свойства последних, а с другой — сходство между здоровыми людьми и маттоидами, которые обыкновенно обладают столь же развитой проницательностью и практическим тактом, должно послужить для людей науки предостережением против излишнего увлечения новыми теориями, особенно расплодившимися теперь в абстрактных или не вполне сложившихся науках, каковы теология, медицина[1] и философия. Такого рода теории, относящиеся обыкновенно к наиболее интересующим публику вопросам, разрабатываются по большей части людьми, ничего в них не смыслящими, которые вместо серьезных рассуждений, основанных на тщательном и спокойном изучении фактов, наполняют свои сочинения громкими фразами, не идущими к делу примерами, парадоксами и несостоятельными, часто один другому противоречащими доводами, хотя и не лишенными иногда оригинальности. В таком роде пишут по преимуществу именно маттоиды (психопаты) — эти бессознательные шарлатаны, встречающиеся в литературном мире гораздо чаще, чем многие думают...

Но не одним ученым следует остерегаться подобных теорий; относительно них, и притом в гораздо большей степени, должны быть настороже и государственные люди — не только потому, что эти мнимые реформаторы, вдохновляемые исключительно лишь психической болезнью и не встречающие серьезного отпора со стороны критики, могут оказывать известное

[1] Я забыл упомянуть в числе маттоидов приверженцев гомеопатии и вегетарианства; это своего рода сектанты в медицине, проповедующие массы нелепостей под прикрытием многих истин.

влияние на окружающих, но еще и в силу того соображения, что всякие преследования, хотя бы и справедливые, раздражают, усиливают помешательство этих людей и превращают безвредный идеологический бред психопата или извращение чувств мономаньяка в активное помешательство, тем более опасное, что при сравнительно ясном уме, настойчивости и преувеличенном альтруизме психопатов, заставляющем их усердно заниматься общественными делами и лицами, стоящими во главе управления, они преимущественно перед всеми другими сумасшедшими склонны совершать политические убийства[1].

Таким образом, мы убеждаемся, что психопаты имеют нечто общее не только с гениями, но, к сожалению, и с темным миром преступления; мы видим, кроме того, что настоящие помешанные отличаются иногда таким выдающимся умом и часто такой необыкновенной энергией, которая невольно заставляет приравнивать их, на время по крайней мере, к гениальным личностям, а в простом народе вызывает сначала изумление, а потом благоговение перед ними.

Подобные факты дают нам новую, надежную точку опоры в борьбе с юристами и судьями, которые на основании одной только усиленной деятельности мозга заключают о вменяемости данного субъекта и о полном отсутствии у него психического расстройства. Вообще, благодаря новейшим исследованиям в области психиатрии у нас появляется возможность уяснить себе таинственную сущность гения, его непоследовательность и ошибки, которых не сделал бы самый обыкновенный из простых смертных. Далее, нам становится понятным, каким образом помешанные и маттоиды[2], одаренные лишь в слабой степени гениальностью, а то и совсем не имевшие ее (Пассананте, Лаццаретти, Дробициус, Фурье, Фокс), могли оказывать громадное влияние на толпу и нередко даже вызывать политические движения; или каким образом люди, бывшие в одно и то же время и гениями, и помешанными (Мухаммед, Лютер, Савонарола, Шопенгауэр), нашли в себе силы преодолеть такие препятствия, которые ужаснули бы здравомыслящего человека, — на целые века задержать умственное развитие народов и сделаться основателями если не всех религий, то по крайней мере всех сект, появлявшихся в древнем и новом мире?

Установив такое близкое соотношение между гениальными людьми и помешанными, природа как бы хотела указать нам на нашу обязанность снисходительно относиться к величайшему из человеческих бедствий — сумасшествию и в то же время дать нам предостережение, чтобы мы не слишком увлекались блестящими призраками гениев, многие из которых не только не поднимаются в заоблачные сферы, но, подобно сверкающим метеорам, вспыхнув однажды, падают очень низко и тонут в массе заблуждений.

[1] См. главу IX.

[2] См. главу X и приложения.

Приложения

I. Автобиография помешанного (к главе VII)

С 1858 по 1859 год я служил привратником у господина Б. В этом же доме жила семья Даг., которая мало-помалу так полюбила меня, что предложила давать мне обед, зная, что мне неудобно было приготовлять его самому. Однажды, проходя по улице Ровелекка, я увидел у отворенной железной лавки девушку, которая покраснела, когда глаза ее встретились с моими. Я же, напротив, остался на этот раз совершенно равнодушным, хотя обыкновенно краснел при всякой встрече, особенно с женщиной. Я догадался, в чем дело, но, возвратившись домой, даже и вида не подал, что придаю этому значение. На следующий день я снова проходил мимо лавки, и та же девушка, по фамилии Ж., опять бросила на меня нежный взгляд, а я попрежнему остался равнодушным, и когда возвращался назад, то даже не посмотрел на нее, хотя она стояла у двери. Несколько времени я избегал встречи с этой особой. Однажды вечером, стоя у ворот, я услышал легкие шаги и, оглянувшись, увидел Ж., которая держала за руку свою маленькую сестру. Девушка обратилась ко мне с вопросом, дома ли г-жа Даг., и я отвечал ей, что нет, после чего она поблагодарила меня, многозначительно поклонилась мне, так же как и я ей, и ушла. В это время началась война 1859 года, и у меня не было даже мысли о каких-нибудь связях... Я записался в солдаты... Вскоре нам объявили приказ о выступлении и повезли наш отряд по железной дороге в Комо, где горожане встретили нас криками «ура!». Едва только мы пришли в казармы, как нас опять собрали и офицер стал вызывать нас поодиночке и раздавать нам деньги, говоря, что сегодня мы получим только половину жалованья. При этом он как-то особенно и даже с презрением смотрел на тех, которые были дурно одеты, чего, по-моему, рассудительный человек не должен бы делать. После раздачи жалованья нам сделали смотр, а потом отвели опять в казарму, где даже не было приготовлено соломы для ночлега. Через неделю из нас составили батальон, в который зачислили и меня вместе с двоими земляками. Батальон этот назначался для пополнения первого полка и был отправлен к озеру Комо. По дороге мы останавливались для отдыха на час или на два в Колико и Морбеньо, где нас встретили с музыкой. После полуночи мы отправились в Сондрио и пробыли там два дня. Дальше я уже забыл теперь в подробности наш маршрут. Помню только, что, когда мы пришли в Кроче-Домини, день был ужасно жаркий, а перед вечером вдруг поднялся такой густой туман, что мы не могли различать друг друга, и стало так холодно, что нам пришлось кутаться.

Это было 10 июля; мы все сильно нуждались в отдыхе после дороги, а между тем не могли заснуть вследствие нестерпимого холода. Мы нарубили ветвей кустарника, росшего по склону горы, и зажгли несколько костров. Мне пришлось стоять на карауле у нашего багажа, и когда меня пришли сменить, я был еле жив от холода — руки закоченели до того, что я не мог держать ружья, ноги совсем застыли, и я с трудом отогрелся. Между тем занялась заря, мы пошли дальше, и это дало нам возможность согреться окончательно. Остальные подробности нашего путешествия не стану приводить, так как это было бы слишком скучно. Упомяну только о нашем прибытии в Баголино, которое находится неподалеку от Рокка д'Анфо. Там наш отряд должен был следить за действиями неприятельских войск. Вскоре мы узнали, что неприятель приближается к нам и авангард его недалеко. Тотчас же раздался призыв к оружию; но отряд наш остался на месте ожидать неприятельского авангарда, и, когда он приблизился шагов на сто, мы начали бросать в него заранее приготовленными камнями. Я не помню, отвечал ли нам неприятель выстрелами или нет, но мне говорили, что у него было несколько раненых. Узнав, что у нас собрано в этой местности много войска, неприятель удалился, и мы могли отдохнуть. Через неделю после того нас отправили в Лаввеноне, где нам пришлось нести гарнизонную службу. А вскоре и мир был заключен. В конце 1860 года, не зная, куда пристроиться, я временно поселился в доме моего дяди. Зимой 1860/61 года я стал искать себе другую квартиру и наконец попал опять к прежнему хозяину — дела мои пошли довольно хорошо. Я работал также и на Б., почему должен был проходить по улице Ровелекка, хотя мне не хотелось этого делать во избежание некоторых воспоминаний. В это время молодой человек, ухаживавший за Ж., как мне казалось, уже бросил ее. Настал какой-то праздник, и у меня не случилось кофе, который я пил всегда вечером и утром, как только встану; зная, что его можно достать так рано только в лавке Ж. на улице Ровелекка, я пошел туда. Это было в конце осени 1861 года. Мне продала кофе мать Ж., встретившая меня довольно любезно, и я обещал сделаться ее покупателем. Что же касается дочери, то я решил избегать даже мысли о ней. Хотя эта девушка мне нравилась, но я думал, что из нее выйдет плохая хозяйка и что она не сумеет хорошо воспитать детей, как бы мне хотелось; к тому же я не желал жениться на девушке, дурно воспитанной, тем более что любил свободу. Потом я во второй раз зашел в лавку, и со мной обошлись еще лучше прежнего. Когда я пришел в третий раз, обе женщины были возле конторки, но мать закрывала своей тенью дочь, сидевшую около стены. Меня встретили очень любезно. Пока мать отвешивала мне сахар и кофе, я не мог видеть дочери; когда же я спросил мыла, то мне стало видно ее, и я мог взглянуть ей прямо в лицо. Сделав вид, что хочу поближе посмотреть то ли мыло мне дали, какое нужно, я тоже приблизил-

ся к конторке. На весы был положен кусок мыла средней величины, не слишком большой, не слишком маленький[1]; дочь, желая сказать что-нибудь, заметила: «Это слишком много», а мать, как будто угадав мои мысли, ответила ей: «Ничего, до дома донесет». Потом они обе засмеялись, и я ушел. Через несколько времени мать сказала мне как-то вечером, что дочь говорила ей, будто я женился; я же ответил, что это неправда и что у меня даже мысли нет о женитьбе, на что она заметила: «Да-да, теперь вы, по крайней мере, совершенно свободны». В этот раз поклон ее был очень сух, и в последующие мои посещения обращение ее со мной окончательно изменилось к худшему. Она избегала меня и старалась дать мне понять, что не желает моих дальнейших посещений; но я, не обращая внимания на это, притворился ничего не понимающим и продолжал заходить в лавку. Однажды я вышел из дома, когда начало уже смеркаться и накрапывал дождь (это было на первой неделе поста 1862 года), и только что повернул в улицу Ровелекка, как вдруг из лавки выскочила младшая сестра Ж., посмотрела на меня со смехом и поспешно убежала в лавку; я продолжал идти своей дорогой, не спуская в то же время глаз с лавки, и видел, как мать вытолкнула оттуда старшую дочь, которая остановилась на пороге, посмотрела на меня смеясь и сказала: «Ну, что же?» А я, слыша, как мать подстрекает девушек, говоря: «Идите вслед за ним», ласково взглянул на старшую дочь, но ничего не сказал в эту минуту.

Окончив мои занятия в этот вечер, я порешил написать ей записку, чтобы положить конец этим последствиям[2]. Хотя в этот вечер мне нужно было сделать покупки, однако я, чтоб передать ей записку, предпочел пойти в лавку утром, так как знал, что в это время мать бывает там одна. На следующее утро, зайдя в лавку, я уже нашел в ней посетителей; мое появление, должно быть, смутило старуху Ж., потому что она ошиблась, отдавая сдачу какой-то молодой девушке, которая посмотрела на меня, когда уходила. Между тем я подошел ближе, и Ж. подала мне что нужно, причем старалась скрыть свое смущение. Тогда я вынул записку и, вручая ей, сказал: «Это — старинный счет, просмотрите его на досуге». Я хотел таким образом показать покупателям, что между нами нет каких-нибудь особенных отношений. Взяв записку, Ж. отвечала: «Ах, да-да!», после чего я ей поклонился, и она сказала мне: «До свиданья!» В продолжение этого дня тысячи мыслей сменились у меня в уме, однако же вечером я сдержал свое слово, как обещал в записке. Вот ее содержание:

«Милостивая государыня!

Наши слишком уж явные отношения обязывают меня написать вам несколько строк, чтобы решить наш внутренний вопрос. Если до сих

---

[1] Заметьте, какую необыкновенную память обнаруживает он даже в мелочных подробностях, относящихся к пункту его помешательства.

[2] Автор, очевидно, придает этому слову своеобразное значение.

пор я не показывал своей горячей привязанности к вашей дочери, то это не вследствие сомнения в том, что она мне отвечает взаимностью; напротив, я очень уважаю ее осторожность и не подозреваю, чтобы ее расположение к другим было иное, как только родственное. Если мое объяснение будет принято благосклонно, то я ожидаю вашего ответа сегодня в 8 часов вечера. Когда я пройду в это время мимо лавки, то в знак согласия у дверей ее должна стоять ваша дочь; в этом случае я буду знать наверное, что вы удостоите меня каким-нибудь ответом; если же я никого не увижу, то пройду мимо, и все будет забыто. Пишу эти слова с сожалением, что не заслужил внимания той особы, которую я очень уважаю и которая стоит выше меня. Прощайте — или пока до свидания в назначенный час».

Вечером около 8 часов я вышел из дома и после небольшой прогулки повернул в улицу Ровелекка. Там я заметил девушку прекрасного роста и молодого человека, стоявших у ворот и смотревших в мою сторону. Я перешел направо, сделал вид, что останавливаюсь, и услышал, как эта девушка сказала: «Да он совсем молокосос!» Я притворился, что не заметил ее внимания[1], посмотрел на нее, хотя она была мне совершенно незнакома, и решил идти дальше. У лавки никого не было, а внутрь я не заглянул и, миновав ее, почувствовал большое облегчение[2]. Пройдя всю улицу Ровелекка, я повернул влево и увидел в некотором расстоянии трех особ женского пола, шедших мне навстречу; шагов за 15 от меня одна из них — это была дочь Ж. — отделилась от своих подруг, пошла по тротуару и, поравнявшись со мной, посмотрела на меня. Когда все три были шагах в 15 сзади меня, я услышал, как подруга спросила: «Это он?» — и Ж., понизив голос, ответила ей: «Да». А я поспешил домой и лег в постель. Целую неделю я не заглядывал на ту улицу и только вечером на восьмой день прошел мимо лавки Ж., которая уже была заперта, но в комнате у них виднелся свет. Заслышав мои шаги, они погасили огонь, так как отлично знали мою походку (!), хоть я и постарался ее изменить (?!). Когда я проходил мимо их дома, то слышал, как дочь сказала: «Прощай!» Я продолжал идти тем же шагом, но решился сделать последнюю попытку, чтобы положить этому конец. На следующее утро я снова написал письмо и послал его часов в 9 с мальчиком, сказав ему: «Отнеси это письмо в мелочную лавку на улице Ровелекка и передай хозяйке, что оно от одной знакомой ей женщины, которая через меня же просит прислать ответ». Получив письмо, старуха сказала мальчику: «Теперь мне некогда, зайди через полчаса, и я дам тебе ответ». Когда через пол-

[1] Это слово тоже употреблено в особом значении.

[2] Влюбленные поймут это чувство, хотя оно сильно преувеличено у Фарина: робость до того была в нем сильна, что заглушила даже любовное влечение, и он обрадовался, когда желанное им свидание не состоялось.

часа посланный вернулся, она подала ему то же самое письмо со словами: «Снеси его обратно и скажи ему “нет”, да смотри — не потеряй вложенную тут записку». Когда я развернул письмо, то нашел в нем свою первую записку, потом заплатил мальчику и отпустил его. Взяв оба письма, я перечитал их, думая, что они дурно написаны, однако и после этого чтения могу сказать, что ошибок у меня не было. Тогда мной овладели самые мрачные мысли, но, рассудив, что с моей стороны было бы глупостью даже думать об этом, я изгнал из своего сердца всякое воспоминание и решился не проходить более по той улице. Спустя некоторое время я как бы инстинктивно вздумал пойти туда; мать и дочь стояли у лавки и, завидев меня, принялись смотреть в мою сторону, а когда я поравнялся с ними, сказали: «Он идет сюда».

Из этих последствий я хорошо понял, что она меня любит; я очень страдал, и мысль о таком их поведении вызывала во мне бешенство; поэтому я решился покинуть свое отечество и отправиться в Женеву. Это было во вторник после праздника Троицы в 1862 году. Но и в Женеве меня преследовали те же сторонники Ж., вследствие чего я принужден был вернуться на родину. Так прошло лето, и в конце зимы мои противники, друзья Ж., начали досаждать мне своими преследованиями. Хотя у меня тоже были друзья, но я хранил молчание с ними и даже избегал их, чтобы они не заговорили со мной об этом и не стали подстрекать меня к мести[1]. Так я терпел до весны текущего 1866 года. Однажды мне захотелось послушать оперу, и я пошел в театр. Сначала никто не обратил внимания на мое появление в театральной зале, но через 8 или 10 минут двое молодых людей, сойдя сверху, посмотрели на меня, чтобы удостовериться, точно ли это я; потом, узнав меня, они разделились — один пошел вправо, другой влево — и, подходя к разным личностям, что-то шептали им на ухо, после чего ушли. Когда кончился первый акт оперы — это была «Борджиа», — справа от меня раздались крики: «Чезер! Чезер!», а слева: «Так, так, Чезер», и это продолжалось несколько времени; минуты две или три спустя пришел опять молодой господин, как будто один из прежних двоих, и привел с собой мальчика, который прыгал и смеялся от удовольствия. Он указал мальчику место на скамейке рядом со мной, остававшееся до сих пор незанятым, а сам ушел. Посидев три или четыре минуты, мальчик начал кричать: «Вот он здесь!» При таком нахальстве я готов был наделать глупостей, но, зная, что в настоящую минуту это было бы слишком большой неосторожностью, смолчал и притворился, будто эти оскорбления[2] относятся не ко мне. Между тем начался второй

---

[1] Вот почему нельзя было найти свидетелей, которые бы подтвердили, что он действительно страдал манией преследования.

[2] Подобно тому как Фарина употребляет некоторые слова в особом, ему только понятном смысле, точно так же он по-своему истолковывает слова окружающих, а

акт, и ко мне подсели какие-то крестьяне; самый смышленый из них, сидевший рядом со мной, начал расспрашивать меня о содержании оперы, как будто стараясь вовлечь меня в разговор; но я понял их замыслы и отвечал односложно, чтобы отделаться от них. По окончании оперы я встал первый; тогда мой сосед-крестьянин ударил кулаком по левой руке своего товарища, и тотчас же все поднялись с мест, ничего не говоря, но с намерением последовать за мной. Я кое-как ускользнул от них, но, спустившись с лестницы, заметил в коридоре молодого человека высокого роста, который стоял неподвижно и будто хотел загородить мне дорогу. Однако я успел-таки выскользнуть на улицу. В этот вечер в голове у меня бродили самые безумные мысли и мне хотелось сцепиться с кем-нибудь не на живот, а на смерть. Тут я вспомнил о человеке, ожесточеннее всех преследовавшем меня, — о молодом носильщике, служившем у старухи Ж., которая была главой заговора, и решился отыскать его. Наступила уже полночь; я отправился совершенно один по улице, называемой Мулли, и в некотором расстоянии увидел трех или четырех парней, в полнейшем безмолвии поджидавших кого-то. У меня явилось подозрение, что среди них находится тот, кого я ищу, и я стал следить за ними, осторожно ступая и скрываясь насколько возможно; но когда я сообразил, что, может быть, им нужен именно я, они вдруг исчезли, и я их не видел более. Для защиты, в случае нужды, у меня ничего не было, кроме ключа от двери, но я находился в этот вечер в таком настроении, что не побоялся бы никакого силача! Поэтому я направился в полном молчании к салотопенному заводу; постояв немного напротив него, я вдруг услышал шаги с той стороны, откуда сам пришел. Я немножко обождал; оказалось, что это солдат, который прошел мимо, даже не взглянув на меня. Я в эту минуту был до того склонен видеть во всем тайну, что бросился вслед за ним, но скоро потерял его из виду. Подождав немного, я увидел молодого человека среднего роста, шедшего мне навстречу, но он тоже не посмотрел на меня и, повернув к воротам, скрылся за первой дверью налево. Вокруг меня снова настала полнейшая тишина, и я продолжал стоять на своем посту. Тогда мне пришло в голову, что если тот, кто меня ищет, потребует с помощью свистка ключи от двери у родителей Ж., то я не в состоянии буду выполнить своего намерения, поэтому я пошел домой и лег в постель. Он не заметил моей уловки, и несколько дней все было тихо; но потом он опять появился, а с ним вместе и его товарищи, так что мало-помалу это сделалось невыносимым: не только вечером, но даже в продолжение дня их пение и ругательства не давали мне покоя. Между тем я страдал ужасно, потерял даже аппетит, кашель мучил меня днем и ночью. Нужно заметить, что в тот день меня терзало не только это нахаль-

---

потом основывает на этих словах представляющиеся ему галлюцинации и бред преследования. Причины того и другого явления одинаковы.

ство, но, с позволения сказать, дрожание всего тела, ни на минуту не прекращавшееся. Оскорбленный во всех моих преимуществах[1] столькими преследованиями, я кружился по комнате в бешенстве, в бреду, будто лишившись рассудка, и был до того поглощен одной ужасной мыслью, что почти не сознавал, что со мной делается. Наконец я собрался лечь в постель, но так как она оказалась еще не приготовленной, то я начал думать о тех необыкновенных событиях, причиной которых был не кто иной, как старуха Ж., и решил отомстить ей за себя во что бы то ни стало. Вооружившись кухонным ножом, я отправился к моей противнице, как вдруг, дойдя уже до улицы Ровелекка, вспомнил о правосудии и начал колебаться, но тут я увидел Заса, приятеля Ж., выходившего из их дома и посмотревшего на меня; тут я не мог уже более сдерживаться, и какой-то инстинкт мести овладел мной... Когда я вошел в лавку, старуха вышла мне навстречу... и я отомстил.

Чтобы не запутаться в подробностях, упомяну только, что я пришел в себя уже за миланскими дорогами. Продолжая бежать, я заметил, что на некотором расстоянии за мной гонятся мои враги. В руках у меня был тот же нож, и какой-то инстинкт понуждал меня вернуться; но, опасаясь наделать новых преступлений, я порешил идти дальше. Описать это путешествие невозможно, так как я многое перезабыл. Добравшись до железной дороги, я повернул вправо, чтобы сесть на поезд на станции Чертоза; но, хотя у меня совсем не было сил и мне очень нездоровилось, я пришел к станции, когда часы только что пробили девять. Ждать приходилось слишком долго, тогда как надо было уехать поскорее. Вечер был холодный, погода дурная, я с трудом шел по дороге, и мной овладело такое изнеможение, что я прилег на куче щебня. Но едва я заснул, как мне показалось, что меня по той же дороге преследуют конные карабинеры. Я вскочил и осмотрелся кругом, топот как будто прекратился, я отер пот со лба и двинулся дальше. С поля какой-то голос кричал мне: «Чезер!.. Чезер!..», но я догадался, что это был обман чувств, тем более что слева от меня, т. е. на миланской дороге, слышались настоящие голоса моих противников, кричавших мне те же дерзкие слова, как и раньше, и гнавшихся за мной. Убедившись, что первый голос был просто следствием моей слабости[2], я, насколько было возможно, собрался с силами и продолжал путь. Не сумею определить, как я чувствовал себя тогда и что именно — сонливость или утомление — угнетало мои чувства, но факт тот, что позади меня сверху слышалось мне адское пение, и среди этих голосов всех громче раздавался голос убитой мной Ж. Когда же я в бешенстве оборачивался, стараясь показать, что не боюсь ее преследований, она исчезала вдали за лесом, и песня ее замирала мало-по-

[1] Это слово тоже употреблено в особом смысле. Обратите внимание на физическое расстройство, идущее параллельно с психическим, и на несомненные доказательства, что у мономаньяка может быть сознание собственного бреда.

[2] Странно, что одни галлюцинации он считает результатом бреда, а другие — нет.

малу[1]. Когда это видение прекратилось, мне представился шагах в 20 какой-то призрак громадных размеров, который, пристально посмотрев на меня, скоро исчез, и я пошел дальше. Потом, услышав, что поезд приближается, я по возможности удалился от рельсов и прилег, чтобы не быть замеченным. При виде удалявшегося поезда я подумал, как приятно было бы мне находиться на нем; но вскоре мной овладела тяжелая мысль, что я утратил свое счастье вследствие низости, из-за которой должен так страдать, и отчаяние заставило меня быстро пойти вперед. По временам мне казалось, что я вижу какие-то деревья с взобравшимися на них людьми, которые смотрят на меня, а иные даже и склоняются передо мной, но стоило мне устремить на них пристальный взгляд — и они исчезали. Один только адский голос не переставал меня преследовать, и даже когда я оборачивался, он, казалось, противостоял моей бешеной настойчивости и то раздавался вдали, то, как будто удаляясь, слышался громче прежнего, между тем как я продолжал путь. При одном повороте дороги — не знаю, в глазах ли у меня потемнело, или небо заволокло тучами, но факт тот, что я стал плохо различать дорогу, беспрестанно натыкался на препятствия и должен был идти по самой середине ее, где она была очень неудобна. Сон и усталость одолевали меня, холодный пот на всем теле заставлял плотнее завертываться в плащ, чтобы не схватить простуды, я пробовал прилечь, закутавшись, между кучами щебня, насыпанными вдоль дороги, но боялся довериться сну, который тотчас же овладевал мной. Видения исчезали, когда я опускал голову, и снова появлялись, как только я поднимал ее.

Наконец показался огонек в будке сторожа, и это несколько ободрило меня. Когда я постучал в окно, сторож спросил, что мне нужно, и я едва мог возвысить настолько голос, чтобы попросить у него воды. Он вышел и налил мне две кружки. Затем я спросил его, далеко ли еще до Милана, и он указал мне ближайшую дорогу. Я поблагодарил этого человека и снова отправился в путь. Вода подкрепила мне только желудок, но не силы, так что я с большим трудом добрался наконец до города, где и приютился в гостинице с намерением пролежать весь день в постели, а вечером уехать в Швейцарию. Там, как я надеялся, мне уже нечего будет опасаться преследований со стороны полиции. Но когда я лег в постель и пролежал с шести до девяти часов, то убедился, что мне невозможно не только заснуть, но даже остаться спокойным. Поэтому я изменил свой план и, так как хозяйка не пожелала взять меня на свое попечение, отправился в Главный госпиталь. Едва только оправившись и еще не выздоровев хорошенько, я вернулся на родину в восемь с половиной часов вечера и тогда же явился в полицию.

[1] Необычное красноречие! Поклонники риторики могут убедиться отсюда, что хорошо пишет не тот, кто тщательно отделывает каждое выражение, но лишь тот, кто много чувствует. Здесь сила и, так сказать, дикая красота слога растут по мере возрастания энергии и напряженности испытываемых автором под влиянием ужаса болезненных и нормальных впечатлений.

Воспоминания о времени, проведенном в тюрьме, и о живых сновидениях

В три часа ночи меня препроводили из полиции в Павианскую тюрьму. Я вошел в камеру, где уже было человек пять или шесть арестантов. Мне дали короткий соломенный тюфяк без подушки и одеяла, причем надзиратель сказал, что завтра принесет одеяло, и ушел. Я лег на эту постель не раздеваясь, тщательно укрылся плащом и тотчас же заснул. Во сне мне показалось, что я вижу свет как бы надо мной и слышу голос, говорящий мне: «Ты выдал себя». Тут я проснулся. Вскоре начало светать, один из заключенных встал, умылся и, посмеиваясь, принялся вязать чулок. Потом и остальные поднялись поодиночке, стали расхаживать по камере и обращались ко мне с вопросами, как будто с целью узнать, за что я арестован. Но у меня совсем не было охоты разговаривать, и, чтобы отвязаться от их любопытства, я встал, умылся, оправил свой мешок, набитый соломой, и снова лег, сделав вид, что хочу спать. Заметив, что я озяб, кто-то из арестантов набросил на меня свое верхнее платье и сказал: «Возьми, бедняга, укройся, если тебе холодно». Между тем наступило время раздачи хлеба; отворив окошечко над дверью, надзиратель спросил: «Сколько вас?», на что ему отвечали: «Нас теперь шестеро, одного привели сегодня ночью». После этого мне дали хлеба, как и всем остальным. Так как я еще не совсем оправился после болезни, то подумал, что не стану есть этого хлеба, черного и сухого; но у меня явился аппетит, и я начал есть. Немного погодя пришел надзиратель с каким-то господином — после я узнал, что это был директор тюрьмы, который сказал, что переведет меня в другую камеру. Когда я пошел за ним, он спросил, по какой причине меня арестовали, и я, не зная, зачем предлагается мне этот вопрос, отвечал, что вчера вечером уже объяснил в полиции. Тогда он, как будто желая дать мне понять, что еще не поздно отказаться от прежних показаний, заметил мне: «Но ведь говорят, что убийца был выше тебя ростом и с более густыми усами, чем у тебя». Однако я не поддался его уловке, с нетерпением повторил то же самое и вошел в другую камеру, № XI. Пятеро заключенных в ней арестантов оказались весельчаками, и я почувствовал себя несколько бодрее, заметив, что все они почти одних лет со мной. Так прошли целые сутки, а на следующий день меня потребовали к допросу, привели в какую-то комнату и посадили на заранее приготовленный складной стул. Тут мне с болью в сердце пришлось вынести новый позор, когда караульный надел мне на ногу цепь, укрепленную в стене. Три или четыре минуты я оставался один в полном молчании, затем вошел судебный следователь в сопровождении секретаря, который сел за стол, а судья остался на ногах; в то же время вошли двое господ — доктора, как я узнал впоследствии, — и, опершись о стол, помещенный с правой стороны, начали пристально смотреть на меня, а вслед за ними пришел еще

один господин, незнакомый мне, но, по-видимому, тоже следователь. Они начали разговаривать между собой, показывая друг другу футляр от ножа, причем господин, которого я принял за другого следователя, сказал: «Да, но он должен быть меньше ростом». Окончив разговор, все ушли, бросив на меня довольно сочувственный взгляд, но вскоре вернулись опять и стали в прежнем порядке, т. е. следователи с левой стороны, а врачи — с правой. Следователь начал допрос, и я отвечал точно так же, как и в полиции, нисколько не изменяя своих показаний. После этого врачи удалились, а вслед за ними скоро ушли следователи и секретарь. Я оставался один минуты три или четыре, затем явились караульные и, освободив мне ногу из цепи, отвели меня обратно в камеру. При входе моем товарищи ожидали услышать от меня рассказ о подробностях допроса, но я не чувствовал никакого желания разговаривать и молча лег на постель: тогда они начали петь, как бы с целью отвлечь меня от мрачных мыслей. Так прошли сутки, а на следующий день меня посетил тюремный доктор, который, пощупав мне пульс, многозначительно произнес: «О, это ничего, ничего!» При других я не показал, что понимаю этот намек; поэтому доктор зашел вторично, когда со мной сделалась легкая лихорадка, и, чтобы я лучше понял его, обратился ко мне с вопросом, ел ли я, на что я отвечал: «да». Потом он спросил: «Много?» — и, получив ответ: «да, много», снова повторил: «О, это ничего, ничего!» Предполагая, вероятно, что я все еще недостаточно понимаю, в чем дело, доктор для моего успокоения заручился еще содействием профессора Скара, который однажды в сумерки, под предлогом посещения заключенных, зашел и в нашу камеру. Через посредство сопровождавшего его надзирателя он спросил, не желает ли кто посоветоваться с доктором. При входе он и не взглянул на меня, как будто я совершенно незнаком ему. Так как желающих не оказалось, то я подошел с просьбой полечить меня от боли в горле. Осмотрев его, профессор сказал мне, очевидно, с целью не дать ничего заметить окружающим: «Ах! да у тебя испорчен зуб!» — хотя этого совсем не было. Затем, желая еще яснее показать свое участие, он прибавил: «Ничего, ничего!» — и поспешно ушел, убежденный, что я понял его. Хоть я и раньше не особенно тревожился насчет моего положения, но теперь я стал надеяться на успех. Между тем врачи, присутствовавшие при допросе, заходили иногда, чтобы расспросить меня о разных подробностях; они, по-видимому, тоже разделяли мои надежды. В одно из посещений этих докторов я заметил, что они, вместо того чтобы войти в камеру, вызвали через надзирателя одного моего товарища по заключению и начали с ним разговаривать в коридоре. Я догадался, что речь идет обо мне: они спрашивали, как я говорю, хорошо или дурно, не путаюсь ли в словах; ответов арестанта мне не было слышно. Когда он вернулся, вызвали другого, с которым велся такой же разговор, потом позвали меня; мы ходили по коридору и разговаривали минут восемь или десять, после чего врачи ушли, а я возвратился к себе в камеру.

Так как нас осматривали каждый вечер, то после этого посещения я вздумал притвориться сумасшедшим, скорее по совету других, чем по собственному желанию, хорошо сознавая, что это делается для уничтожения всяких последствий. Поэтому я решился проделывать глупости во время осмотра после полуночи. При входе надзирателей я вскочил как бы вследствие неожиданности и, посмотрев на дверь, где стоял помощник смотрителя, спросил его: «Не приходил ли за мной дядя, так как я хочу бежать, и мы условились с ним, что он придет взять меня». Не ожидая такого вопроса, караульный отвечал: «Он придет завтра», но я продолжал: «Нет, мы уговорились, что сегодня». Он больше ничего не сказал, а надзиратель, у которого была свеча в руках, близко подошел ко мне, чтобы внимательнее посмотреть на меня; я взглянул на огонь, закатив глаза, как будто я еще не проснулся; потом они ушли, и наутро явились врачи-эксперты, как мне сказали про них. Надзиратель отпер камеру, и они стали ходить по коридору и предлагать мне вопросы, на которые я отвечал всяким вздором, какой только мог придумать[1]. Походив несколько времени, мы зашли в комнату, где меня допрашивали, и уселись все трое; тогда врачи велели мне снова дать показания относительно совершенного мной преступления, а потом, после небольшого перерыва, спросили меня, знаю ли я господина Викарио, профессора Скаренцио и профессора Платнера. На этом допросе я с помощью моих покровителей-следователей выбрал себе троих адвокатов и потому стал надеяться на полный успех.

Заметив, что товарищи мои, просыпаясь утром, тотчас же начинали рассказывать друг другу свои сны и радовались иногда, что эти сны предвещают им хороший исход дела, я сказал: «Это вздор, чтобы сны могли предсказывать какой-нибудь успех в наших делах». Тогда один из заключенных рассказал мне, что когда он раньше сидел в другой тюрьме, то увидел однажды сон, и что бывший в той же тюрьме старик не только назвал этот сон хорошим, но даже на основании его предсказал заключенному скорый выход из тюрьмы и вместе с тем посоветовал ему быть осторожнее, так как он рискует снова попасть в нее. Все действительно так и случилось: на следующий день заключенный был освобожден даже без судебного разбирательства, а через 24 дня его опять арестовали. После этого я стал обращать внимание и на мои сновидения[2]. В первую же ночь я, сознавая, что сплю, увидел под моим окном сад; вдруг пошел снег, при виде которого я сказал себе: «Вот зимой не было снега, а теперь, когда уже весна близка, снег идет большими

[1] Обратите внимание на это чрезвычайно любопытное подробное описание собственного притворного помешательства.

[2] Из этого видно, что, кроме сновидений, всегда отличающихся у помешанных крайней живостью, нужен еще особый стимул — подражание, чтобы заставить их, вопреки логике и разуму, придавать значение тому, что прежде казалось им не стоящим внимания. Подобный же случай был с Кардано, который отрицал существование духов, а потом начал верить, что он сам одержим каким-то духом или гением.

хлопьями». Поутру я рассказал свой сон товарищам, и они истолковали его в том смысле, что теперь суд рассматривает мои бумаги. Но я объяснял себе это иначе.

На следующую ночь мне приснилось то же самое: снег шел такой сильный, что ветром его заносило даже в окно, и я с кем-то разговаривал об этой новости. В другой раз я увидел, что идет дождь, и едва только он перестал, как пошел снег, и его нападало много. Проснувшись поутру, я узнал, что действительно ночью был дождь, но я не мог этого слышать из нашей камеры. Еще мне приснилось, что я стою на берегу реки Тичино, в которой вода сильно поднялась, и я очутился на деревянном, плохо устроенном мостике через нее, держа на руках девушку с точно такими же глазами, как у дочери Ж. Она пристально смотрела мне в лицо, а я нес ее с некоторым удовольствием; перейдя мост и повернув налево, я очутился на маленькой площади, потом пошел в улицу Ровелекка, где была лавка Ж. Не найдя там никого, я направился к Боргоратто, где увидел мелочную лавку, из которой младшая Ж. вышла навстречу своей сестре. В другой раз мне приснилось, будто я хожу по огороду, совершенно запущенному; когда я спускался с какого-то холма, то увидел два срубленных под самый корень дерева, лежавших на земле; в то же время мне показалось, что я стою рядом с моей двоюродной сестрой и подаю ей двух или трех зябликов, которых она принимает молча; тут же я увидел множество птиц, больших и маленьких, иные из них лежали на земле; меня в особенности поразила одна большая птица, казавшаяся совсем мертвой. Гуляя по этому огороду, я будто бы поднял одну живую птицу, не очень большую, но чрезвычайно тяжелую, и, держа ее в правой руке, левой начал гладить, причем птица стала вырываться от меня; я старался ласками удержать ее и даже положить ей в клюв свой палец, причем она осталась спокойной и кроткой, точно ангел, только все хотела улететь. Потом, обернувшись, я увидел смотревшую на меня хозяйку дома и отдал ей птицу, которую она взяла, с улыбкой взглянув на меня, после чего я ушел.

Кроме того, мне снилось, что я нахожусь в той самой комнате, куда привели меня по выходе из сиротского дома. Я стоял, прислонившись к моей постели, поддерживая голову рукой, точно размышляя о чем-то, и не спускал глаз со входной двери; через несколько времени из комнаты слева вышла женщина, державшая в руках суконный халат, и предложила мне взять его, чтобы нарядиться в костюм сумасшедшего; при этом я хотел закричать, но не мог, а она продолжала настаивать; я же, делая тщетные усилия вскрикнуть, догадался тогда, что сплю, и мне сделалось страшно от мысли — уж не отнялся ли у меня язык. Наконец я проснулся и так громко закричал: «Нет!», что товарищи подбежали ко мне, спрашивая, что случилось, и я окончательно проснулся.

В другой раз мне приснилось, что я иду рядом с каким-то человеком, который несет гроб на плечах, и мы разговариваем довольно мирно. Переходя площадь госпиталя, мы повернули к дверям моей квартиры, где слева

было окно в погреб, но без решетки; тогда спутник мой вдвинул гроб в это окно таким образом, что только один конец его виднелся в отверстие; затем мы расстались: я вернулся по прежней дороге, а он пошел в ту улицу, что была напротив дверей.

Вначале мне жилось не особенно дурно, как вдруг из моей камеры взяли одного заключенного и заменили другим. При взгляде на этого человека мне показалось, что это должен быть мой враг, что и подтвердилось потом. Так как я имел обыкновение обмениваться несколькими словами с нашим смотрителем и его помощником во время их посещений, то вновь прибывший, заметив это, сказал мне: «Значит, дела идут недурно», как бы желая намекнуть, что я буду освобожден. Но я не обратил внимания на такое его преимущество, что ему очень не понравилось, и он стал пугать меня тем, что я нахожусь во власти итальянцев, говоря мне: «Попался наконец и ты в руки твоих палачей!» — «Почему же они палачи? — возразил я. — Разве у нас нет правосудия?» — «Правосудия, — вскричал он смеясь. — Вот если бы пришли к нам австрийцы, тогда бы у нас было правосудие!» — «Что же, разве в Австрии преступников не наказывают, смотря по степени их виновности?» — спросил я. «Хоть и наказывают, да не так скоро, как здесь, где осуждают людей без достаточных улик!» — отвечал он. При этом я подумал про себя: «А вы, верно, мастера скрывать свои мошеннические проделки[1]». Другой заключенный, родом из Павии, тоже прибавил: «Да-да, итальянцы — такая сволочь, что осуждают даже без улик». Потом принялся рассказывать свое прошлое, сколько раз он был осужден, и, присоединившись к моему первому собеседнику, вместе с ним стал хвалить Австрию. Разговор их окончился пожеланием, чтобы австрийцы снова пришли к нам.

В эти дни даже в тюрьме распространился слух о том, что начались военные действия. Потому-то заключенные и волновались так, рассчитывая, что когда австрийцы снова завладеют страной, то сейчас же отворят все двери тюрьмы. Я возразил на это: «А в случае, если победа останется на стороне итальянской армии, разве вы не надеетесь получить снисхождение?» — «Как же, дожидайся снисхождения от итальянцев! — отвечали мне товарищи. — Теперь, когда ты попался к ним в лапы, ты сам увидишь, что тебе не выбраться отсюда». — «Да-да, это правда!» — сказал я и таким образом положил конец этому неприятному разговору, не желая нажить себе врагов и в тюрьме.

Между тем, чтобы сократить время своего заключения, я стал делать по ночам еще большие сумасбродства в надежде на прекращение таким способом моих мучений. У меня при этом было только одно желание — увидеть докторов, так как никто больше ко мне не приходил, а я чувствовал потребность поговорить с рассудительными людьми. По временам стал на-

---

[1] Какое странное противоречие! Помешанный оказывается нравственнее здравомыслящих преступников.

вещать меня профессор Л. и своим доверчивым обращением очень успокаивал меня, но по окончании его визита мучения мои опять возобновлялись.

Около этого же времени я убедился, что и директор тюрьмы, посещавший нас, старался всячески ободрить меня. Войдя в камеру, он обращался ко мне с расспросами насчет моего притворного сумасшествия, делал вид, что верит мне, и уходил, радуясь за меня. Но однажды ночью я до такой степени неистовствовал, что караульный с досады начал даже грозить мне; тогда пришел профессор Л. и, отведя меня в сторону, посоветовал мне не делать сумасбродств и не стараться разбить себе голову, обещая и без того освободить меня.

Впрочем, я уже не сомневался в этом; но мне так надоедали товарищи и те заключенные, с которыми приходилось встречаться на дворе во время прогулок, что с целью добиться их молчания я мешал им спать, поднимая ужасный крик после ночного обхода; таким образом я будил их, и они потом долго не могли уснуть снова. Тем не менее дни свои я проводил довольно печально: главным образом тяжело мне было оттого, что раньше я всегда с ужасом думал о тюрьме и теперь никак не мог избежать подобного бедствия. Эти мысли приводили меня в такое бешенство и до того отуманивали мою голову, что я в самом деле готов был помешаться[1], если бы меня не поддерживало воспоминание о моих покровителях. К тому же я почти каждую ночь видел сны, и мне доставляло удовольствие разбирать их, причем мне всегда казалось, что они предвещают мне скорое освобождение.

Наконец вопрос о моей болезни должен был решиться; профессора-эксперты собрались все трое и стали испытывать мою силу, конечно, с целью найти в этом доказательства моей мнимой болезни. Суд, состоящий из «итальянской сволочи», как выражались мои товарищи по заключению, распорядился приготовить экипаж, и в самый день Троицы двое каких-то господ, показавшихся мне чиновниками, потребовали меня через надзирателя. Тотчас же была отперта камера, и я последовал за надзирателем. Меня посадили в экипаж и привезли в больницу для умалишенных; тут спутники мои, раскланявшись, уехали, а я остался здесь, где мне лучше, нежели в тюрьме.

(*В Павианском доме умалишенных, 22 ноября 1866 г.*)

II. Литературные произведения помешанных (к главе VII)

Как я уже говорил раньше, в Пезарской больнице для умалишенных по моей инициативе был заведен дневник, род журнала, в котором помеща-

[1] Это выражение доказывает, что помешанный может сознавать себя сумасшедшим, и служит опровержением народного предрассудка, разделяемого и психиатрами, будто такого рода сознание является всегда признаком притворства больного.

лись биографии душевнобольных и статьи, ими самими написанные. Впоследствии такого рода журналы велись и в других домах умалишенных — в Реджо, Палермо, Перудже, Анконе, Неаполе и прочих, так что материал, могущий служить подтверждением моей теории, накопился очень большой, и я теперь затрудняюсь, что именно выбрать из него. Однако попробую это сделать. Вот два номера «Газеты дома умалишенных» в Реджо за 1875 год. Там, между прочим, помещена биография одного бедняка рабочего, не получившего никакого образования, но под влиянием умопомешательства высказывавшего идеи, как будто заимствованные у Дарвина. Подобный же случай был и в моей практике с продавцом губок, о чем я уже говорил раньше. Привожу эту биографию целиком.

Дж. Р. из Модены находится у нас в больнице с 1850 года, хотя и раньше, должно быть, страдал умственным расстройством лет 16. Природа совсем не одарила его красивой наружностью. Рахитик, несколько сутуловатый, с плоским худым лицом, большими ушами, длинными ресницами, крупным крючковатым носом, как будто стремившимся поцеловать подбородок, и медленными движениями, он вызывал невольную улыбку при первом же взгляде на него. Но, узнав его поближе, им нельзя было не заинтересоваться, так как вне припадков бреда речь его отличалась рассудительностью и остроумием.

Прошлое его осталось для нас темным. Мы знали только, что он холост, происходит из бедной чиновничьей семьи и как будто кое-чему учился. Помешательство у него было, очевидно, наследственное: мать его, 84-летняя женщина, страдала манией преследования, выражавшейся в боязни, что ее изнасилуют или отравят. Сына своего она считала сумасшедшим, жалела его и справлялась о нем. Можно думать, что и у ней помешательство было наследственное, так как тетка ее с материнской стороны умерла в доме умалишенных, а дядя лишил себя жизни.

Сын унаследовал от матери не только самое сумасшествие, но и форму его. В молодости он, должно быть, либеральничал и попал на замечание или подвергся гонениям со стороны правительства герцогства Модены. Вследствие этого у него, вероятно, и явилась мания преследования, сопровождавшаяся слуховыми и зрительными галлюцинациями. Ему почти постоянно слышались какие-то ужасные звуки — грохот разговорной трубы, как он выражался, и представлялись ангелы, священники, женщины, кричавшие ему на ухо, через трубы и рупоры, разные оскорбительные слова и угрозы. Больной называл их шпионами инквизиции и уверял, что с помощью таинственных гальванических нитей они распоряжаются всеми его действиями, так что он совершенно лишен свободы. Тщетно старался он избавиться от них, переменить место жительства — шпионы, напротив, сделались после этого еще злее и многочисленнее. Однажды бедняк увидел, как целые сотни их спустились из трещины потолка и начали дуть ему в уши с такой силой, что он в испуге убежал.

Впрочем, он говорил об этих видениях, только когда его спрашивали, да и то неохотно, как будто опасаясь даже упоминать о них. Обыкновенно он проводил целые дни, сидя где-нибудь в уголке с опущенной головой, спокойный, неподвижный и равнодушный ко всему окружающему.

Однажды я спросил его, не занимался ли он прежде каким-нибудь ремеслом, и, узнав, что он может точить, предложил ему приняться опять за это занятие. Он охотно согласился, особенно когда я обещал увеличить его порцию табака и вина. Через несколько времени я поручил ему обучить токарному ремеслу одного глухонемого юношу, и он с успехом выполнил это поручение. Потом я попробовал привлечь его к участию в спектакле; но хотя данная ему роль состояла лишь из нескольких односложных слов и вполне подходила к его характеру, бедняга не в состоянии был ее выучить — до такой степени ослабела у него память.

И однако же — кто бы мог подумать! — в этом больном слабом мозгу созрела стройная, логическая философская система. Каким образом подобные идеи могли возникнуть и развиться в нечто цельное у такого субъекта — для меня осталось непонятным. Невозможно допустить, чтобы они явились у него до болезни: при своем ограниченном уме, при полном отсутствии научного образования и скудных познаниях разве мог бедный рабочий получить подобные идеи извне, живя в Модене, и притом 40 лет тому назад? Но еще невозможнее, чтобы они могли явиться и окрепнуть до непоколебимой уверенности уже после болезни, когда несчастный находился под влиянием галлюцинаций и бреда. Как бы то ни было, он оказался убежденным, последовательным материалистом. Долгое время никто из нас и не подозревал этого. Но однажды, совершенно случайно, когда кто-то употребил слово «душа», наш больной совершенно спокойно заметил, что души не существует. «В мире нет ничего, кроме материи и сил, ей свойственных, — сказал он, — мысль является в мозгу и составляет результат силы, подобной электричеству. Мир есть материя, а физическая материя вечна, бесконечна (не имеет ни начала, ни конца); исчезают только формы да индивиды: человек как личность после смерти превращается в ничто, а тело его претерпевает неизвестно какие изменения».

«Чем же вы объясните появление человека на Земле?» — спросили мы нашего больного. «Последовательными изменениями, — отвечал он, — сначала это был, может быть, простой червяк, который после целого ряда изменений сделался человеком (совершенно дарвиновская теория!). Религии выдуманы попами, — продолжал он, — в политическом отношении лучшее правительство есть республика, а в гражданском — установление полигамии». Вообще во всех его убеждениях сказывался строгий, последовательный, непоколебимый радикализм, что составляло странный контраст с его наружностью и болезнью.

Зимой 1882 года с ним сделался плеврит очень опасной формы. Сначала он приписывал все болезненные явления — кашель, боли, лихорадку — дей-

ствию гальванических токов, посылаемых ему шпионами, но с усилением недуга чувство самосохранения взяло верх и заставило нашего радикала изменить своим убеждениям: он отрекся от материализма и выполнил все обряды римско-католической церкви, желая этим избегнуть возмездия со стороны конгрегации, наводившей на него невообразимый ужас. Но «шпионы» и «трубы» не давали ему покоя до самой последней минуты. Он умер 60 лет.

Затем в «Дневнике», который велся в Сиене под руководством доктора Фунойоли, мы находим чрезвычайно любопытную для психиатров статью одного из сумасшедших, Ф., «Замогильные записки». Он описывает в них свою духовную жизнь после того, как «оставил человеческую оболочку, жил на земле в образе духа, странствовал по городам и деревням, поднимался над облаками и созерцал оттуда красоты природы во всевозможных ее проявлениях».

Чтобы эта статья была вполне понятна читателю, нам следует предварительно познакомиться с ее автором. По своим убеждениям он крайний спиритуалист и совершенно отчетливо представляет себе, что душа, отделившись от тела, может жить самостоятельной, бессмертной жизнью, между тем как материальная оболочка испытывает различные превращения и разлагается. Он допускает награду и наказание для всех людей за их хорошие или дурные поступки, совершенные в течение кратковременного пребывания на земле. По его мнению, грешники осуждены скитаться по земле в образе духов, тогда как праведникам предоставлено наслаждаться блаженством и вечным спокойствием в одном из бесчисленного множества миров, наполняющих вселенную и называемых звездами. Сам он в качестве грешника, тело которого совершенно погрязло в грехах, после обезглавливания осужден остаться на земле, но живет на ней без тела; видимая же для людей оболочка его есть только призрак, и он может подниматься на каждое облако, плывущее по небу. Голова его зарыта в Корсике, а тело покоится на кладбище в Пизе, поэтому он часто посещает это кладбище, где беседует с душами умерших или молится и плачет на своей могиле, чтобы отдать последний долг своему праху, который без этого остался бы неоплаканным. Там он остается подолгу, разговаривая с растущими на могиле фиалками, задавая им вопросы, на которые они отвечают то нежно, то презрительно.

Больной в настоящее время поправился настолько, что сознает уже себя состоящим из души и тела. Но по просьбе доктора Фунойоли он описал свое психическое состояние во время болезни. Это описание, помещенное в «Дневнике», я и привожу здесь.

«Я умер! Да, ангел смерти спустился ко мне и нежно, точно любящая мать, отделив мою душу от тела, унес ее на своей бесплотной груди. И вот, без страдания, без ужаса, душа моя очутилась в пространстве, чтобы начать блаженное существование, в котором царствует вечный мир. О радость! Наконец-то я навсегда расстался с этим разлагающимся от грехов телом, с

этой жизнью, где спокойствие существует только в книгах; подобно рабу, разорвавшему свои цепи и жадно вдыхающему свободный воздух, дотоле недоступный ему, душа моя могла поддаться теперь обаятельным снам и дышать чистым свободным воздухом беспечального и безгрешного существования.

Я много грешил и много страдал в жизни, но, подобно тому как усталый путешественник забывает все трудности пути, вернувшись под тихий родимый кров, я теперь пел от восторга при мысли, что мое странствование, мои тревоги кончены и прежние страдания не повторятся вновь. Однако я не совершенно покинул этот мир, нет, — я разговаривал, ел, пил, трудился, но это лишь так казалось, в действительности же я не ел, не пил и не работал. Смертные говорили о моем теле, как будто оно не было похоронено: они не знали, что это тело, употребляющее пищу и питье, было лишь один призрак, обманывавший их зрение. И какая разница между ними и мной! Тогда как я переносился с места на место, беспечно болтая или ни о чем не думая, преисполненный веселья и восторга, я видел их печальными, озабоченными или погруженными в тяжелые размышления. Тогда у меня являлась какая-то бешеная радость от сознания, что я уже не нахожусь среди них.

Я с величайшим удовольствием посещал кладбища, и в особенности одно итальянское, где у меня было много знакомых, подобно мне уже не принадлежавших к этому миру. Я навещал их, и мы вели беседы, усевшись около какого-нибудь мраморного памятника, под тенью высоких кипарисов, или медленно, безмолвно бродили по кладбищу, погрузившись в наши радостные мысли.

Иногда, завидев над вершинами вековых кипарисов маленькое облако, окрашенное в разнообразные цвета последними лучами заходящего солнца и одиноко скользившее по безоблачному небу, мы летели к нему и, поместившись на этом пушистом ковре, сиявшем всеми цветами радуги, смотрели оттуда на землю, любовались вечными красотами природы, которая совершенно равнодушно, бесстрастно относится к тому, как одни поколения смертных сменяются другими, точно волны на море. Мы смотрели также на голубые горы, поднимающие свои величавые вершины к самому небу, или на расстилающиеся у их подошв холмы и долины, золотившиеся под яркими лучами заходящего солнца, как бы с сожалением покидавшего землю на целую ночь и на прощанье придававшего ей тысячи разнообразных прелестных оттенков. Над нашими головами раскидывался лазурный, вечный, спокойный небесный свод во всей его необъятности, тогда как издали до нас доносились чудные голоса ангелов, певших своему Творцу “осанна!” в благодарность за доставленное им счастье и спокойствие, мы присоединяли к их голосам свои собственные и, убаюканные приятными мыслями, засыпали там, наверху, вместе со всей природой, чтобы в грезах наслаждаться новыми удовольствиями. Я часто ходил на свою могилу, которую сам убрал цветами, — мне приятно было видеть сквозь землю, как гниет мое

тело. Я садился на могильный холм, брал в руки какой-нибудь цветок, например, фиалку, целовал его и говорил: "О блаженный цветочек, получивший от Бога частицу чудного аромата, которым наполнено Его небесное жилище, и сияющий той же чистой лазурью, которою Он одел небесный свод, скажи мне, желал ли бы ты изменить свою форму и, оставив свою рощицу, сделаться человеком?" На это цветок отвечал мне: "Для нас достаточно и той радости, чтобы в продолжение кратковременной жизни людей оживлять и наполнять своим благоуханием их жилища — как дворец короля, так и хижину крестьянина, а после смерти того и другого покрывать их прах своим веселым и ароматическим покровом. У нас нет желаний, но неужели ты, не помнящий себя от радости после того, как перестал быть человеком, неужели ты думаешь соблазнить нас, чтобы мы променяли наше мирное невинное существование на лихорадочную, бурную и греховную жизнь смертных?" Так говорил цветок, а я в это время думал: подобно этой фиалке, обращающей свою головку к солнцу, я стану обращать свое лицо к Богу и наслаждаться лучами его вечной любви. Я оплакивал свою смерть на своей собственной могиле, полагая, что так как все мои близкие перемерли и не осталось никого, кто мог бы погоревать обо мне, то я обязан сам отдать этот печальный долг своему праху. Смертные часто смеялись надо мной, и я слышал, как они потихоньку называли меня сумасшедшим. Ты сам сумасшедший, о человек, рожденный женщиной, думал я тогда, ты, дрожащий от страха при одном только имени твоей истинной единственной освободительницы — смерти, которую ты изображаешь в ужасном виде, хотя она так прекрасна, хотя она-то и есть настоящая жизнь. Да знаешь ли ты, что твое существование есть не что иное, как постоянная смерть, а моя смерть — вечная жизнь?

Я путешествовал, видел Пизу, Ливорно и другие города, побывал также во Флоренции, которую я знал прежде, когда чужеземные солдаты гордо ходили по ее прекрасным улицам и площадям, когда она с распростертыми объятиями принимала своего короля, честного человека, точно влюбленная невеста, встречающая своего жениха, и, наконец, когда она страдала и горевала о том, что в этой борьбе из-за любви победа осталась на стороне ее надменного соперника — Рима. Пока я путешествовал, смертные укоряли меня в пренебрежении к моим делам, говорили, что я только даром ем хлеб и прочее. Но могли ли они понять, что для меня пища, одежда и прочее — все это ничего не значило, что душа моя находилась в слишком блаженном состоянии, чтобы заниматься делами, к которым я теперь относился равнодушно».

В той же «Хронике» есть прекрасная поэма в стихах, написанная одной больной дамой, у которой поэтическое вдохновение появилось именно во время пребывания ее в доме умалишенных. Факт этот настолько любопытен для изучения психиатрии, что я считаю нелишним привести здесь коротенькую биографию этой дамы.

Госпожа Х., по характеру очень живая особа, 45 лет, замужем и любит своего мужа. Мать ее была чрезвычайно нервная женщина, и с девушкой еще до наступления зрелого возраста случались истерические припадки. Воспитание г-жа Х. получила серьезное, разумное, занималась изучением французской и немецкой литературы и всегда отличалась кротким характером. Замуж она вышла 21 года, благополучно родила двоих детей, третьего выкинула, но за все это время истерические симптомы не усилились и физическое здоровье нисколько не пострадало. Довольная собой и своим общественным положением, она жила спокойно, любимая мужем, детьми, вообще как счастливая семьянинка, и жаловалась только на один болезненный признак — слишком большую чувствительность.

Затем у ней вдруг без всякой причины прекратилась менструация, что продолжалось более четырех месяцев, после чего ее чаще обыкновенного стал мучить истерический клубок и вместе с тем в ее характере и привычках произошла значительная перемена: она сделалась раздражительной и начала страдать бессонницей. К этому вскоре присоединились часто повторявшиеся припадки судорог истерического характера; больная жаловалась, что не может, как прежде, заниматься умственным трудом и что не чувствует уже прежней любви к мужу и детям; она часто придиралась к ним, обижала их, без всякой причины впадала в бешенство, отказывалась от пищи, и только после подобного припадка ажитации, продолжавшегося несколько часов, к ней возвращалось прежнее спокойствие, хотя признаки извращения чувств и аффектов оставались по-прежнему.

Когда ее поместили в больницу, она волновалась в продолжение нескольких дней, но потом, по-видимому, успокоилась, так что ненормальное состояние ее можно было заметить только по двум важным болезненным признакам — бессоннице и галлюцинациям. Последние проявлялись у больной крайне своеобразно: всякий раз, когда она лежала в постели с открытыми глазами, как будто погруженная в религиозные размышления, ей вдруг слышались голоса детей, и она начинала звать их, кричать, метаться в постели, затем впадала в страшное бешенство, сопровождавшееся обильным потом. Она не узнавала сиделку, называла ее именем своей прежней горничной, приказывала ей приносить разные вещи, бывшие у ней в доме, и посылала с разными поручениями к мужу, к детям и прочее. По окончании галлюцинаций она как бы просыпалась от сна и не помнила, что с нею было; только иногда продолжала воображать себя дома и удивлялась, видя вокруг себя незнакомые лица. Случалось, впрочем, что галлюцинации бывали непродолжительны и не особенно рельефны — в таком случае у больной даже во время припадка являлось сознание обманчивости своих представлений.

Днем галлюцинации хотя и появлялись, но редко; зато гораздо чаще бывали в это время истерические припадки, в особенности появление клубка, а также конвульсии, головные боли, нервная боль в желудке и прочее.

Во время этих припадков, от которых больная вылечилась потом, она и написала поэму «Сиена», помещенную в «Хронике сиенского дома умалишенных» за 1881 год.

Но особенный интерес представляет «Дневник дома умалишенных в Пезаро», так как это — первый из подобных журналов в Италии, который ведется исключительно душевнобольными (с 1872 года). Поэтому он может служить неисчерпаемым источником по части, так сказать, френопатической литературы. В ней преобладают автобиографии и биографии, написанные иногда чрезвычайно цветистым языком. Вот, например, как изображает свое душевное состояние один молодой человек, страдающий манией самоубийства и нравственным умопомешательством, что не мешает ему, однако, быть талантливым живописцем.

Противоволя (La controvolonta)

Противоволя — ужасная вещь, и я могу говорить о ней по опыту, слишком даже горькому, потому что она отняла у меня всякую прелесть от окружающего мира и превратила мою спокойную, приятную прошлую жизнь в тяжкое и мучительное бремя. Вот о чем, в сущности, идет речь: чтобы действительно жить в этом мире, для человека недостаточно только есть и спать, ему необходимо также руководить своими способностями, нужно иметь цель в жизни и находить удовольствие в своих занятиях. Но с трудом влачить жалкое существование, не принимая никакого участия в радостях жизни, не стоит — в тысячу раз лучше умереть или утратить всякое самосознание. Именно такая история случилась и со мной. Привыкший к тихой и спокойной жизни, я вдруг увидел себя вовлеченным в водоворот жестоких страданий; бедный мозг мой, потрясенный такой нелепостью, отказался работать, как прежде, я не мог уже свободно рассуждать о моих делах, и отсюда-то именно родилась противоволя, или стеснение естественной свободы человека, невозможность работать и действовать, точно какая-то материальная сила связывает индивидуальность. У меня нет теперь достаточной власти над собой, чтобы дать моим поступкам желательное для меня направление, вследствие чего являются страх, тоска, отвращение к жизни. Вначале я чувствовал какое-то неопределенное беспокойство, мучительную тяжесть, затем эта сила росла, становилась все могущественнее, настойчивее, так что наконец уничтожила во мне всякое довольство и заставила проводить время в самой томительной скуке. По ночам я не мог спать, засыпая обыкновенно на час или на два, а дни сделались для меня мучительным препровождением времени, так как я решительно не знаю, что делать с собой, куда приклонить голову, какое направление дать моим мыслям, — и все по милости противоволи. Я слышу разговоры о семейном счастье, о душевном спокойствии, об удовлетворении самолюбия, о взаимной привязанности

между людьми, но сам я не могу испытывать ничего подобного; медленно измеряю я часы, и вся моя забота состоит в том, чтобы скучать по возможности меньше. Поэтому я попросил бы произвести сильную реакцию в моем мозгу и позволить мне увидеться с семьей. Благодетельное потрясение могло бы принести мне громадную пользу: жестокое душевное волнение погубило меня, другое волнение, только в ином роде, могло бы спасти меня. Я уже столько лет не видел своей семьи, и господин директор понимает, как это неприятно. Если я делал какие-нибудь несообразности, то это зависело от злого рока, во власти которого я нахожусь, а не от моего характера, всегда считавшегося превосходным, что также следует принять в соображение.

Л. М. № 110

Далее, в высшей степени оригинальны сделанные больными описания своих товарищей, как, например, следующий очерк, вышедший из-под пера бывшего судебного пристава, страдающего душевным расстройством и галлюцинациями. Несмотря на это, он не только поэт, но еще и хороший пианист и вообще составляет крупную литературную силу между сотрудниками этого замечательно интересного журнала.

Наблюдения за окружающими

Я провел почти всю зиму среди помешанных и потому имел возможность сделать несколько наблюдений над привычками и поведением некоторых из них. Полагая доставить этим удовольствие нашему начальству, я вздумал в точности описать их, насколько позволяют мои слабые силы, и чтобы пристыдить У., который говорит, что если бы я прочел свою статью вслух, то ее приняли бы за одно из тех объяснений, какие даются проводниками по сералям. Кто наиболее заслуживает внимания, так это один субъект, вечно стоящий неподвижно, прислонившись к стене, — зовут его С. Другой постоянно покрыт грязью с головы до ног и целый день с наслаждением возится в нечистотах. Третий, некто Л., чрезвычайно толстый, только и делает, что трет себе голову одной рукой. С. вечно потирает руки и беспрерывно ходит по одному направлению, 10 шагов вперед и 10 шагов назад, причем кричит, призывая всех святых. Другой неподвижно сидит на месте, вертит головой и часто улыбается. Некто С. П. постоянно толкует о своих миллионах, о фабриках и машинах, которые он устроит по выходе из больницы в январе 1875 года, как ему кажется, хотя он, вероятно, очень скоро отправится в страну, где нет ни печали, ни воздыхания, так как разбит параличом. Кривой Б. забавляется целые дни тем, что трет два камешка один о другой и при этом вечно бормочет что-то себе под нос. Некто М., отставной моряк, говорит громким голосом, воображая себя на корабле, готовом отправиться в дальнее плавание. С. считает себя командиром полка и дела-

ется похожим на зверя, когда ему противоречат, в особенности когда кто-нибудь шутя скажет, что на него хотят надеть намордник. Другой, по прозванию Италия, всегда выпачканный сажей, кричит целый день и быстро ходит, потирая себе голову обеими руками, вертится и произносит слова «стой! стой!» — Некто П. воображает себя важным господином и рассказывает, что у него есть множество обширных поместий; он потихоньку уходит каждую ночь и возвращается утром из дальних странствий. Некто Х., прозванный горбуном, известен за интригана и лжеца и представляет настоящий тип Вискарделло или Риголетто — он вечно старается обмануть всех и питается одними пирожками. Луна — это старый обжора, который никогда не может насытиться; у него есть наклонность к воровству, и он крадет что попадется, но в особенности платки. Он считает себя блаженным Джироламо. Некто Романо, бывший в военной службе, грязен с головы до ног и тоже склонен к воровству. М. прогуливается в одиночестве, уверяет, что он теперь связан, а когда узы эти разрешатся, думает улететь в Елисейские поля, в чистилище, в ад, вообще куда ему захочется. Дон В. держит себя гордо и величественно, воображая, что он — папа римский, именующийся Силеном Первым, и горе тому, кто вздумал бы оспаривать его могущество. Он рассказывает, что заключен сюда своими врагами, но что вскоре он отправится в Рим, где его встретят со всею помпой, подобающею римскому первосвященнику. Антонио, несносный болтун и ненасытный обжора, тоже не прочь украсть что плохо лежит и хлопочет только о том, как бы поесть, покурить и поиграть. Некто Ф., лет пятидесяти, долгое время остается спокойным, потом с ним делается бред, он в бешенстве ходит по коридорам, говоря, что не желает идти укрощать бури, и в конце концов начинает спокойно играть камешками. В. Р., впавший в совершенно бессмысленное состояние, вечно грозится убить всех, но не убивает даже блохи. Один тосканец, весьма склонный к онанизму, кричит во все горло, что его голод неутолим, хочет обидеть всех, но никто на него не обижается, и всех называет могильщиками; он воображает, что ест вдвое против других. Л., бывший прежде живописцем, говорит мало, но если примется рассуждать, то сам черт ничего не разберет. Б. Л. прислонится к стене и стоит по целым дням, не говоря ни слова. Л. представляет из себя министра или депутата, целый день беседует с воображаемыми личностями, а в конце концов перевязывает себя чулком, повторяя это 70 или 80 раз в день. Наконец, М. воображает себя Наполеоном I, каким-то великим талантом, героем и всегда хочет поставить на своем; у него есть дурная привычка — давать волю рукам. Р., каменщик, скуп до крайности, торгует всем и готов задушить кого только можно, лишь бы добыть денег. М., по прозванию Кобылка, до крайности любопытен, живой, надоедливый и болтливый; у него на совести есть кровавое преступление и даже еще противоестественное; он сделался ханжой, работает в кухне, но не забывает и своих четок, не дает людям покоя вечными просьбами. Дон Л., страстный курильщик, целый день ходит по галерее,

человек надменный и скупой, считает позором, что такую талантливую личность, как он, держат взаперти, и грозится, что начальствующие дадут в этом строгий отчет, когда он выйдет. Пинаккиа, по прозванию Контрфорс, бывший прежде папским солдатом (тип шута), бывает вполне доволен, когда ест или курит, всегда вмешивается в разговоры и постоянно переходит от одного аргумента к другому. М. А. отличный работник, всегда готовый услужить, несколько времени остается спокоен, потом болезнь его проявляется громким криком, оглашающим галереи, и с ним тогда опасно заговорить. Н. Д. М., прозванный адвокатом, старается придать себе важный вид, подходящий к этому прозвищу, никогда не молчит и не успокаивается и всегда норовит поставить на своем. Ф., осужденный уже за драку и за кражу мешка, совсем сумасшедший теперь, разговаривает сам с собой и думает только о еде, питье и курении. В., прозванный Котом, злой и жестокий человек, был прежде военным, часто прогуливается по двору с озабоченным видом, при малейшем противоречии готов начать ссору и пустить в ход кулаки. С. Ж., бывший столяр, очень красивой наружности, носит длинную бороду, служил прежде в папских драгунах, но теперь лишился рассудка, и потому в разговорах его нет никакого смысла. Р. раздражителен и похож на зверя; озлившись, кусается, точно гиена, и следы его зубов остаются надолго. Доменик Б., прозванный Ратапланом, имеет привычку говорить всем дерзости и с утра до вечера раздает благословения. Кроме того, у нас есть компания игроков, которые играют с утра до вечера; среди них первые места занимают Покуполино, Пачино, Маркино и Градара.

Если пожелают читатели, можно составить множество биографий и привести еще немало других наблюдений. Что же касается служителей, то я предоставляю поговорить о них при случае тем, кого это ближе задевает.

Б. Ж. № 18

Вообще больные не особенно дружелюбно относятся к своим товарищам, когда описывают их в прозе или в стихах. Но вот один очерк того же автора несколько в ином роде.

Семья увеличилась

Новый жилец наш, прибывший сюда месяца два тому назад, — премилый оригинал, лет 40, большой говорун, весельчак, носит волосы спущенными на глаза, одевается в длинное пальто и ходит в туфлях, так что при подобном костюме ему можно бы избавить себя от труда надевать кальсоны. Он курит целый день, ест и пьет, как военный, и беда, если кто не исполнит его приказаний — он сейчас же приходит в бешенство. Бедняга воображает себя великим человеком, обладателем несметных сокровищ и очень могущественным, выражает желание распустить нас всех по домам и

всегда бывает очень весел, а когда разговаривает, то кричит до такой степени громко, что его можно слышать на расстоянии сорока шагов.

Интересен был его приезд к нам: едва лишь он вошел во двор, как начал осматриваться кругом и с важным видом выразил желание побывать везде, чтобы убедиться, не изменилось ли что-нибудь со времени его последнего посещения. Осмотром этим он, по-видимому, остался доволен. Стоило посмотреть тогда, какого дипломата он из себя разыгрывал — точно настоящий синдик, находящийся при исполнении важных обязанностей.

Он обещал всем и каждому должности, так что его можно было принять за министра какого-нибудь государства, и действительно, чтобы вполне походить на важную особу, ему недоставало только кареты, запряженной парой лошадей, лакея-мавра и трубача.

Говоря это, я вовсе не желаю подсмеяться над его бедствием, тогда я сам показался бы смешнее его; но так как он, по-видимому, счастлив, а я нет, то я и позволяю себе подобные размышления.

Очень интересен он бывает, когда рассказывает о своих несчастьях: звук голоса у него меняется, он подмигивает глазами, бьет себя в грудь с видом полного довольства и наконец с криком бросается на диван. Однако все это не мешает ему чрезвычайно аккуратно являться к обеду и ужину. Видно, что даже воспоминания о прошлом не оказывают влияния на его желудок. Счастливец!

Б. Ж. № 18

III. Литературные произведения маттоидов (к главе IX)

Я уже говорил, какие разнообразные темы берут маттоиды для своих сочинений. Хотя всего более их интересуют политика, теология и поэзия, но они занимаются также математикой, физикой, даже гистологией и клинической медициной. Приведу несколько примеров.

Вот передо мной сочинение в двух больших томах под заглавием «Новая патология на античных началах», где с помощью нелепых и запутанных цитат автор пытается свести все болезни к эллипсу.

Даже буквы должны иметь эллиптическую форму, по его мнению, как и все предметы вообще.

«Запахи и вкусы, — говорит изобретатель «Новой патологии», — тоже необходимо разместить на эллиптической шкале, так как у них есть абстрактный фокус — приятное или неприятное ощущение, ими вызываемое. Кому неизвестны эллиптические свойства теплоты? Самые совершенные существа, как человек и ангелы, образуют эллипс. Человек состоит из души и тела, эллиптически связанных между собой. Все ткани состоят из четырех веществ, которые, смотря по тому, преобладают ли в них артериальное

или лимфатическое начало, проникают в различные ткани в большей или меньшей степени. Кости тоже лимфатического происхождения, как это замечается при их варке, и состоят из оболочек лимфатической, артериозной, известковой, или желудочной и фиброзной, или венозной» и т. д.

Нечего и прибавлять, что автор верит в духов, в пророческие сны и т. д. Тем не менее это — один из известнейших врачей-практиков в Средней Италии.

Другой медик-геометр, некто Ж., писавший «Руководство для врачей-практиков, выведенное из принципов синтетической физики». По его мнению, все болезни происходят от избытка теплоты или света, причем последний производит на организм охлаждающее действие; пьяницы подвержены тифу по той причине, что алкоголь содержит в себе промежуточный свет; кровопускания уменьшают количество теплоты и дают больному возможность пользоваться избытком света и т. п.

Далее в числе медиков следует упомянуть еще об авторе сочинения, носящего такое лаконичное заглавие: «О тайно-брачных, их физиологическом действии, их типах, их влиянии — как полезном, так и вредном — на твердые тела и на жидкие, на растения, животных и на человека. Физико-экспериментальное переисследование с систематическими таблицами, разделенное на две части по причинам фотографическим и медико-аграрным и посвященное двум коллегам, занимающимся такими вопросами, уважаемым господам Ф. Дз. и П. Дз.».

Но вот и сочинение врача-клинициста, который изобрел людей-центавров. Он лечит почти все болезни кровопусканиями то из одной руки, то из другой, то из обеих, причем перевязывает оперируемый член красным или зеленым шнурком и, несмотря на то, слывет за хорошего врача-консультанта в одном из больших итальянских городов.

Следует также упомянуть о трех врачах (один из них пользуется громадной известностью), излечивающих холеру какими-то невинными солями, и еще об одном, впрочем, довольно талантливом медике, не лишенном научных познаний, который запруживал наши псевдонаучные журналы статьями о болезнях кожи, где изобилуют курьезы вроде подвижной теплоты, диагноза прокаженных посредством измерения их ушей и т. п.

В заключение укажу еще на одного врача, пользующегося репутацией превосходного анатома и замечательного практика, который открыл, между прочим, что у некоторых племен сосудистые пятна составляют физиологическую особенность и что проказа есть последствие онанизма.

Еще не так давно профессор Дз. издал книгу под заглавием «*Словарь эклектического универсального самоисследования*, или Цвет науки и богатое собрание прекрасных, благородных и полезных сведений по всевозможным отраслям знания — физике, философии и литературе, кратко, точно и ясно изложенных, выбранных из множества книг, трактующих о науке, искусствах и литературе и распределенных по научным отделам в каждой статье.

Компиляция, составляющая плод 30-летних трудов Дз.». Книгу эту расхвалили журналы того времени, находя, что она заполняет пробел в нашей литературе. Насколько справедлив такой отзыв, можно убедиться из содержания книги. В ней сообщается, между прочим, что вода в естественном состоянии есть твердое тело, что материк Америки появился на поверхности океана в недавнее время, что берлинская лазурь добывается из гусениц, что большая часть газов образовалась из жидкости, выделяемой камнями, и что «магнит содержит в себе много железа и масла, а так как хлористые соединения составляют основание фосфора, то этим обусловливается способность магнита гореть».

В Казале и до сих пор еще здравствует один знаменитый человек, сделавший великое открытие в области математики. Он написал трактат под заглавием «Истинная, практически полезная геометрия, неизвестная лучшим математикам, одобренная во всем объеме Королевской академией наук в Милане, в заседании 7 февраля 1861 года. Исследования автора предлагаются на суд разумных итальянцев-нематематиков, любящих покровительствовать талантам и не относящихся презрительно к людям, работающим для преуспевания науки и для доказательства квадратуры круга».

Произведение это автор посвящает Наполеону III, заявляя при этом, что он уже много лет страдает под гнетом притеснений... Как бы вы думали — с чьей стороны? Со стороны туринской академии, а также со стороны Плана и целой армии математиков, не удостоивших никакого внимания представленные на их суд открытия — результат полумиллиона вычислений (неизданных).

Кроме того, у автора есть еще неизданное сочинение, в котором решаются 135 задач с помощью совершенно новых способов; оказывается, однако, что он считает математиков ломбардского института недостойными обладания подобным сокровищем; но учащаяся молодежь может воспользоваться им, уплатив 30 франков за право чтения, и автор предлагает ей сделать это, чтобы убедиться в неосновательности приемов, употреблявшихся до сих пор в высшей геометрии.

К числу маттоидов-графоманов принадлежит также некто С., человек лет 40, желчного темперамента, страдающий хореей лицевых мускулов. Он сын известного ученого, против воли был отдан в духовную семинарию и, выйдя из нее 16-ти лет, еще не сложившийся ни умственно, ни нравственно, написал сочинение в 360 страниц, хотя и одобренное иностранными журналами, но на этот раз несправедливо. Кроме того, он составил, по образцу обычных в Средние века компендиумов, сокращенное руководство по всем наукам, входящим в курс светских и духовных учебных заведений, заявив при этом, что оно написано под влиянием вдохновения свыше и должно считаться лучшей книгой в целом мире: «Давно уже чувствовался недостаток в таком образцовом руководстве, которое разрешало бы задачу задач изобретением принципа из принципов». Уже из этого повторения

одних и тех же слов, представляющего оборот речи, употребляемый обыкновенно помешанными, идиотами и первобытными народами, можно сделать известное заключение об умственных способностях автора; но ненормальность их будет еще яснее, когда мы узнаем, что открытый им принцип заключается в том, что природа «является без лиц в трех лицах».

Положим, для воспитанника семинарии это еще не особенно патологическая идея, так как подобного взгляда придерживались многие в Средние века, и в том числе Данте, следовательно, эта идея уже не нова; но курьезны те доводы, какими автор подтверждает ее. «Если бы мне возразили, — говорит он, — что в природе господствуют не 3 лица, а 4 или 5, то я ответил бы им на это стихом Данте: “Словам их не давай значенья — и мимо проходи”».

Через несколько времени этот субъект, переменив тему своих исследований, превращается в ярого поклонника Ламартина, хотя не забывает вместе с ним возвеличивать и себя. Он издал сочинение, где доказывается, что Ламартин — величайший человек своей эпохи, а после него первое место принадлежит автору сочинения, который при помощи изобретенной им формулы — «Во всем есть Бог» — содействовал возрождению человечества и процветанию наук, так как этой новой формулы только и недоставало, чтобы дать синтез сотворения мира.

Далее в моей коллекции находятся сочинения по философии, одно нелепее другого. Есть даже трактат о психографии — совершенно новой философской системе, на которую я указывал уже раньше, и, кроме того, бесчисленное множество стихотворных произведений, которых я, впрочем, не стану касаться здесь, так как ими уже и без того много занимаются сатирические журналы «*Fanfulla*» и «*Pasquino*». Мимоходом упомяну лишь об одной трагедии, «Жена-убийца», написанной привратником. Это не что иное, как разбиравшийся недавно в Тревизо процесс, изложенный псевдоальфьериевскими стихами.

Наконец, есть еще много произведений маттоидов-публицистов, предлагающих разные крайние меры относительно государственного благоустройства. В числе их особенно много экономистов, которые выступают с различными проектами в видах улучшения финансов Италии. Между прочим, по этому вопросу мне попалась брошюрка с таким заглавием: «Об универсальном ростовщичестве как причине нарушения экономического равновесия в наше время — рассуждения, почтительнейше предложенные одним избирателем на благоустроение его превосходительства, председателя Совета и министра финансов господина Марка Мингетти, с целью доказать необходимость, возможность, удобство и справедливость патриотического займа в четыре миллиарда только за один процент со ста как единственное средство противодействовать ростовщичеству банков и добиться прочного равновесия в балансе, а через это и уничтожения принудительного курса без увеличения или изменения налогов». Таково полное заглавие

брошюры. Средство это основано на добровольной подписке или, скорее, принудительном займе через посредство богатых евреев. Нечто как две капли воды сходное предлагается также в брошюре под заглавием «Каким образом доставить министерству финансов и торговли миллиард, а вслед за тем и другие миллиарды».

IV. Графоманы-преступники (Манжионе, Де Томмази, Бьянко, Гито, Санду) (к главе IX)

Но едва ли не большую важность представляет изучение тех графоманов, которые из мнимолитературной сферы переходят часто в область политики и законоведения. Я назову их графоманами, сутягами, политиканами или, вернее, преступниками. Обыкновенно все они обладают даже особым почерком, как я доказал это в «Архиве психиатрии». Примеров такого рода накопилось за последнее время даже слишком много.

Начнем с Манжионе. Это человек, по-видимому, совершенно здоровый, хотя изредка у него бывает временный паралич нижней половины тела, но лишь на короткое время и притом без потери сознания. Он с любовью отзывается о своих защитниках на суде и об ухаживавшем за ним в больнице кураторе; обыкновенно бывает здоров и чувствует себя дурно лишь в исключительных случаях, перед наступлением грез, отличается хорошей памятью и кротким ласковым характером. Только в недавнее время, вследствие ли тюремного заключения или волнений по поводу процесса, у Манжионе начали появляться настоящие маниакальные приступы, но они исчезли после того, как его отдали на попечение доктора Фордиспини.

Перепробовав различные ремесла, он 15 лет бежал из дома, скитался несколько времени и потом жил на средства своей сестры; после того он вздумал жениться и сделал это без согласия отца. В 1848 году он участвовал в восстании и в 1851 году попал за это в тюрьму. В 1860 году Манжионе снова принимал участие в борьбе за освобождение родины и служил Гарибальди проводником, но вследствие ссор то с Национальной гвардией, то с своими начальниками принужден был удалиться. Тогда он стал переходить от одного занятия к другому — строил мосты, делал кирпич, пахал землю, служил при кладбище и всюду оказывался умным, дельным, честным работником, но в то же время крайне неуживчивым человеком; у него была положительно страсть к ссорам и тяжбам, в которых лишь самый повод бывал иногда справедливым, все же остальное являлось следствием мелочной, чисто безумной пунктуальности. Претензии свои он излагал в пространных записках, а если была возможность, то и в печатных статьях.

Этих последних у меня теперь под руками 23 штуки, и все они по содержанию почти одинаковы. В них автор то жалуется на некоего Фачоли, который обещал поставлять ему уголь по одной цене, а потом назначил другую; то укоряет супрефекта в том, что тот не принял его сторону в борьбе с коммунальными советниками Вараподио; то, наконец, оправдывается в преступлениях, будто бы возведенных на него врагами, или представляет на суд общественного мнения свои личные споры с разными лицами. Я не стану перечислять здесь всех произведений Манжионе; скажу только, что, судя по их многочисленности, можно смело утверждать, что они составляли главное его занятие и стоили ему больших расходов. Он сам сознавался, что в продолжение 11 лет ежемесячно тратил не менее 175 рублей, чтобы отвечать своим клеветникам, а в процессе против синдика Джуссо показал в числе убытков сумму в 250 рублей, употребленных на составление различных бумаг и копий, хотя у него было четыре бесплатных переписчика. И это вполне понятно, если принять во внимание, что Манжионе сообщал публике всякие мелочи, его касающиеся, например сколько фунтов хлеба он съедал в день, и печатал все, что попадалось ему под руку, даже счета своего сапожника. Стоило только кому-нибудь косо взглянуть на него в кофейной или, принимая партию кирпичей, ошибиться на одну дюжину, чтобы он тотчас же принялся строчить статьи по этому поводу и ухитрился найти тут связь с своими главными недругами — гражданами Вараподио. Один вполне достоверный свидетель выразил даже такое предположение, что Манжионе покушался убить графа Джуссо лишь за его отказ прочесть написанную им брошюрку «Блоха и Лев».

Характерные особенности произведений Манжионе составляют:

во-первых, масса мелочных подробностей, заступающих здесь место фанатизма, свойственного другим маттоидам, и постоянное употребление двух или трех эпитетов к каждому слову.

во-вторых, повторение стереотипных оборотов и фигуральных выражений, например, под Блохой он разумеет себя, как сам же поясняет, а Лев служит у него эмблемой могущества различных синдиков, с которыми он боролся.

в-третьих, употребление разнообразных шрифтов и страсть к подчеркиванию слов; так, в прокламации на имя короля, расклеенной им по улицам Рима за несколько часов до покушения, на 27 строках употреблено 7 разных шрифтов. Забавно, что тут же он поместил список своих сочинений, хотя эта прокламация писалась накануне задуманного им преступления.

в-четвертых, с психологической точки зрения эти произведения ненормальны потому, что в них преобладают идеи мегаломаньяка: он дал государственное устройство Италии, он один только честный человек и прочее. Когда Никотера заметил Манжионе, что он сам отчасти виноват в своих несчастьях, так как был слишком неуживчив и сварлив, тот возразил на это:

«Нет, мои несчастья следует приписать моей твердой и неизменной любви к родине, моему стремлению к гражданскому и моральному прогрессу, неподкупной честности, необыкновенным сверхъестественным дарованиям, деликатности, искреннему великодушию и непритворной гуманности, а в особенности моему постоянству в страданиях и надеждах и добродетельному образу действий». В «*Pulce e Leone*» он называет себя «наиболее гонимым и преследуемым из политических деятелей Италии»;

в-пятых, кроме мегаломании, у него всюду проглядывает еще идея преследования, и это понятно: так как никто не признает за ним величия, то ему поневоле приходится быть в разладе со всеми. Вместе с тем он, подобно прежним императорам, считает всякую обиду, нанесенную ему лично, оскорблением государства и придает преувеличенное значение каждой мелочи, его касающейся. Он жалуется не только на притеснения всякого рода — вымогательство, шпионство, но даже на то, что его собирались убить, отравить, сжечь живым в собственном доме;

в-шестых, изобилие мелочных, ненужных подробностей, например: «С 21-го числа и до сегодня, — пишет Манжионе, — я довольствовался только 2,5 фунтами хлеба, данного мне в кредит Броно Раньеро, который ссужает меня также 15 сольди в день, причем я распределяю их таким образом: 7 сольди на бобы или чечевицу, 3 — на тесто, 3 — на масло и 1 — на уголья». В другом сочинении, говоря о том, что в продолжение 3-х месяцев ему пришлось существовать на 13 сольди в день, он перечисляет — что именно покупал на них ежедневно;

в-седьмых, полнейшее отсутствие логичности, недостаток, всегда заметный в сочинениях душевнобольных, даже наиболее рассудительных. Так, Манжионе относит к числу преследований не только вполне невинные поступки окружающих, но даже сами ходатайства о нем и вообще все, что делалось из желания облегчить его положение. На суде он горячо опровергал чрезвычайно полезные для себя показания свидетелей, что он находился в возбужденном состоянии после того, как совершил преступление, и с негодованием протестовал против высказанного кем-то подозрения в том, что приписываемые ему сочинения написаны не им самим, хотя это не могло повлиять на исход процесса.

Несмотря на то у Манжионе были далеко не обычные способности; все, за что только он ни брался (а ведь занятия его отличались крайним разнообразием), доказывало его деловитость. Между прочим, исключительно лишь благодаря ему городское общество приобрело лишних 8 тысяч рублей при продаже земли. Сообразительность свою он не раз доказывал и на суде: так, когда его уличили в ложном показании относительно данной ему графом Джуссо пощечины, он возразил — это была моральная пощечина. Кроме того, он, подобно другим преступникам, утверждал, что не имел намерения убить графа, а хотел только его ранить, тем более что и удар был нанесен не кинжалом, а простым ножом. Наконец, нужно заметить, что Ман-

жионе отличался замечательной честностью и бескорыстием. Жизнь он всегда вел самую скромную, отказывал себе во всем и нередко буквально голодал по нескольку дней. Когда правительственный инспектор навестил его, то застал в постели доведенным лишениями до крайней степени истощения и, однако же, не мог убедить его взять предложенные ему 25 рублей. Точно так же он не хотел пользоваться пособием от хозяина дома, где жил, и объявил, что примет помощь только от правительства, обязанного, по его мнению, позаботиться о нем.

Де Томмази, 38 лет, родом из Асти, графоман с наклонностью к плутовству, хотя и не отличается никакими особенностями в физическом отношении, но подвержен галлюцинациям отдельных чувств.

Вот некоторые черты из его прошлого.

Отец его, в высшей степени честный человек, умер от апоплексии; сын с детства приводил в отчаяние всех домашних своими проказами. В молодости он был болен менингитом, а позднее — сифилисом и, кроме того, в одной схватке с полицией получил сильный удар в голову. Пьянствовал и развратничал Де Томмази ужаснейшим образом и постоянно менял занятия, так что в 33 года он уже успел побывать лакеем, столяром, хозяином кафе, приказчиком, комиссионером, служителем в банке, содержателем кабачка, шелководом, актером, фокусником и даже испробовал свои силы на литературном поприще в качестве драматического и комического писателя. В продолжение этого времени его не раз арестовывали за присвоение чужого имени и за мошенничество в картах. Когда он узнал, например, что жена ему изменила, он смертельно ранил ее, попал за это под суд, но был оправдан и через полгода женился снова. Занявшись потом разведением шелковичных червей, он накупил грены, за которую не заплатил денег, был привлечен за это к суду и просидел 4 месяца в тюрьме. Затем в 1873 году его отправили в дом сумасшедших, где он сумел, со свойственной ему ловкостью, приобрести расположение служителей; помогая им в работах и благодаря этому пользуясь иногда отпуском, он наконец скрылся.

Через два года Де Томмази в пьяном виде сломал себе руку и снова попал в больницу для умалишенных; вначале у него не было заметно никаких болезненных признаков, кроме бессонницы и горделивого отношения к окружающим, но потом с ним сделался припадок временного помешательства, продолжавшийся часа три-четыре, во время которого он кричал и постоянно говорил бесстыдные речи, но, придя в себя, не помнил, что с ним было. После этого у него обнаруживались припадки настоящей эпилепсии, повторявшиеся три раза, несмотря на постоянное употребление бромистого калия и атропина.

По выходе из больницы он снова попадал то в тюрьму, то в дом умалишенных. Тут-то мне и пришлось выслушать его исповедь, причем я убедился, что этот человек совершенно лишен нравственного чувства: как мошеннические проделки, так и любовные похождения свои он считал не только

дозволенными, но даже похвальными поступками. Часто повторявшиеся припадки эпилепсии настолько расстроили его умственные силы, что он, упоенный некоторым успехом своей комедии, дававшейся в миланском цирке, и отзывами мелких газет, вообразил себя призванным к чему-то великому и составил план социальной реформы на основании теории, несколько сходной с дарвиновской теорией полового подбора. Так, он предполагал, между прочим, разделить всех девушек на три категории: самых молодых, сильных и красивых запереть в гарем и дать им в мужья наиболее здоровых, пылких молодых людей; потомки их мужского пола должны поступать в солдаты, а женского — тоже в гарем. Не обладающим физической красотой девушкам предоставляется выходить замуж за кого угодно, а безобразные обязаны сделаться публичными женщинами и отдаваться первому встречному без всякой платы.

Идеи свои Де Томмази вздумал однажды проповедовать на площади и, перейдя от теории к практике, пытался изнасиловать одну женщину, но был тотчас же арестован. Чтобы яснее представить всю нелепость взглядов этого маттоида, я приведу здесь отрывки из своего разговора с ним. Когда я спросил его, неужели мошенничество кажется ему хорошим делом, он отвечал мне: «Да ведь это только по вашим глупым законам мои поступки кажутся дурными, а я сам не считаю их такими. Мне деньги нужны для блага других, для того чтобы пропагандировать мой план возрождения человечества».

В. Но ведь вы тратите же деньги и для себя лично?

О. Совсем нет, я все отдаю тем женщинам, которых хочу привлечь на свою сторону, и для этой цели я даже продал платье, доставшееся мне после отца.

В. Следовательно, чтобы достать денег, вы не остановитесь ни перед чем, даже перед убийством?

О. Конечно, я не прочь бы убить какого-нибудь богача. Чтобы ввести мою систему, мне необходимо много денег, несколько миллионов, и я уверен, что рано или поздно они будут у меня, я думаю об этом день и ночь.

В. Кто же даст вам такие деньги?

О. Правительство или государство, в благодарность за изобретенную мной систему.

В. Но разве вам не приходит в голову, что ваша теория должна быть нелепа, если всякий раз, как вы пытаетесь осуществить ее на практике, вас арестовывают?

О. Это случается вначале при всяком нововведении. Чтобы новые идеи проникли в общество, нужно бороться за них, а потом уже дело пойдет без труда. Когда мир убедится в моей правоте, я получу награду, а все, кто преследовал меня, будут наказаны.

Далее, когда я заметил Де Томмази, что если он не изменит своего поведения и в будущем, то ему придется постоянно переходить из тюрьмы в

дом умалишенных, а оттуда обратно в тюрьму, он отвечал: «Все это правда, я и сам знаю, что врежу себе, но как только меня выпустят отсюда, я опять примусь за прежнее. Та же самая штука выходит у меня и с пьянством — я сознаю, что мне вредно пить, и все-таки пью. Изменить своей натуры я не могу и решился или умереть в тюрьме, или привести свой план в исполнение».

В. Неужели вы не считаете преступлением изнасиловать женщину?

О. Какое же это преступление! Мужчина обязан выполнять свое назначение, а законы ваши должны быть изменены согласно с моими требованиями. Говорю вам, что настанет время, когда на моей стороне будет и правительство, и король. Обольстить женщину, по-моему, даже похвально.

В. Зачем же вы убили свою жену, когда ее обольстил другой?

О. Замужнюю женщину не следует трогать... она должна быть неприкосновенна.

В дополнение этого диалога упомяну еще о сочинениях Де Томмази, которыми он занимался постоянно в тюрьме и больнице, лишь изредка только уделяя часть времени на выделку прелестных шкатулочек. Между этими сочинениями есть прозаические и стихотворные. В первых сказывается иногда оригинальность — например юмористический список болезней, которыми страдал автор, но вообще они лишены каких бы то ни было литературных достоинств. Между стихотворениями есть очень недурные, как, например, «Цветы».

ЦВЕТЫ

По саду и рощам гуляя,
Нарвал я цветов для тебя;
Прими мой букет, дорогая,
Укрась им, друг милый, себя.
И роза в нем есть меж цветами —
Эмблема твоей красоты,—
Вплети ее меж волосами:
Она хороша, как и ты.
Есть в нем и фиалка лесная —
Стыдливый прелестный цветок,—
Украсит он, верь, дорогая,
Твой скромный душистый венок.
Есть лилия также в букете,
Чиста и невинна, как ты,
Ах, вспомни о бедном поэте
При виде ее красоты!

Как небо, цветы голубые
Нарвал я еще для тебя —
Пускай незабудки лесные
Расскажут тебе про меня.

Характерную же особенность всех произведений этого поэта-эпилептика составляют болезненный эротизм и теолого-коммунистические бредни.

Определить, какой именно формой умопомешательства страдал Де Томмази, чрезвычайно трудно; но не подлежит никакому сомнению, что это был психически ненормальный человек, доказательством чего служит отсутствие у него осязательной и болевой чувствительности, полная потеря нравственного чувства, обилие бессмысленных и безнравственных сочинений, а также нелепая теория социальной реформы и, наконец, его чудовищный эротизм — это последнее обстоятельство любопытно в том отношении, что организм Де Томмази был крайне истощен вследствие пьянства и множества болезней, как временных, так и постоянных, например сифилиса, гонореи, эпилепсии и алкоголизма. Психическое расстройство выразилось у Де Томмази в сложной форме: он был в одно и то же время нравственно помешанным, эпилептиком (хотя эпилепсия наверняка обусловливалась злоупотреблением спиртными напитками), маттоидом-графоманом и мономаньяком. Природа, как видите, смеется над нашими классификациями, и если бы мы вздумали строго держаться их, то наверняка наделали бы массу ошибок.

Мишель Бьянко, 44 лет, геометр, служил сначала в министерстве финансов, а потом, когда его уволили, поселился на родине и в продолжение нескольких лет вел ожесточенную борьбу с капелланом и другими духовными лицами из-за того, что те не дозволяли ему загородить вход в церковь забором и сложить возле нее навоз, что он считал себя вправе сделать, так как дом его был рядом с церковью. Он затевал не раз тяжбы по этому поводу и всегда проигрывал их, но это не убедило его в неправильности иска, а только заставило прибегнуть к самоуправству. С тех пор Бьянко положительно начал преследовать капеллана и священников, так как, по его мнению, духовные лица утратили всякое право на существование в наше время; он не давал им проходу на улице и одного из них даже оскорбил действием, за что и понес должное наказание. Однако это не заставило его угомониться: он входил в церковь с трубкой, расклеивал у дверей ее возмутительные прокламации и даже пытался поджечь ее, за что попал наконец в тюрьму. По произведенному над ним медицинскому исследованию, он оказался почти совершенно нормальным физически, но очевидно поврежденным умственно: чувствительность у него была несколько понижена, кроме того, замечались частые подергивания лицевых мускулов. Он презрительно относился к родине, выказывал полное равнодушие к своей семье и говорил, что любит только Италию вообще. Отно-

сительно религиозных вопросов он держался крайне радикальных убеждений, так что сами насилия над священниками казались ему доказательством гражданской доблести на том основании, что в конституционной Италии духовенство не должно быть терпимо.

Тщетно старались убедить его в противном, доказывая, что священники приносят пользу как духовные наставники народа: он упорно стоял на своем, что в настоящее время попы совершенно не нужны, что Турин, где их особенно много, гибнет именно благодаря им и что, будь он главой государства, их скоро не осталось бы ни одного. Религию Бьянко считал, однако, необходимой, и только служители ее казались ему чем-то излишним. Так как доводы свои он основывал зачастую на бессмысленной игре слов (как, например, функция и фикция) или на личном неудовольствии, то глубоких искренних убеждений в нем нечего и предполагать, а настойчивость его в преследовании священников объясняется просто однопредметным помешательством. Впрочем, у него есть и другая мания — обращаться всюду с петициями и просьбами: он подавал их и королевскому прокурору, и в различные министерства, и королю, и, наконец, даже самому папе.

Уже сам факт подачи такого множества объемистых прошений заставляет предполагать, что Бьянко принадлежит к тем несчастным субъектам, которые, вообразив себя преследуемыми, чувствуют неудержимую потребность описывать свои несчастья и тратят на это целые горы бумаги, чего здравомыслящий человек, конечно, не стал бы делать. Кроме того, в сочинениях Бьянко всюду ясно обнаруживается пункт его помешательства — ненависть к священникам и жажда мести им. Что же касается изложения, то оно страдает обычными у графоманов недостатками — непоследовательностью, отсутствием логики, страстью к игре словами и подчеркиванию их. Любопытную черту этого графомана составляет его отвращение к устной речи: всегда готовый написать целые тома показаний, он упорно отказывался давать их на словах, так что даже на вопрос, за что его посадили в тюрьму, отвечал, указывая на груды исписанной бумаги: «Прочтите это и узнаете». Впрочем, этой особенностью отличаются все маттоиды, о чем мы уже говорили раньше. Бьянко был отпущен на свободу и через несколько дней выстрелил два раза из пистолета в бедного сельского священника.

Карл Гито, 41 года, высокого роста, голова микроцефала с приплюснутым лбом и вдавленным черепом на левой половине, вследствие чего заметна асимметрия лица и головы. Некоторые врачи отрицали, впрочем, этот последний признак, другие же считали его несущественным, тем более что подобные неправильности строения черепа бывают даже у людей замечательно умных. Со своей стороны я замечу, что важность какой бы то ни было аномалии у помешанных никак нельзя отрицать лишь на том основании, что она встречается иногда у здоровых людей, иначе психически больными пришлось бы считать только субъектов, страдающих настоящим безумием или бешенством.

Гито родился в семье гугенотов-фанатиков. Дед его с отцовской стороны, врач, между прочим, доказал свой религиозный фанатизм тем, что дал своим сыновьям странные имена Лютера и Кальвина. Наследственную склонность к умопомешательству он легко мог получить от своих родных, у теток дети все более или менее страдали душевными болезнями; один из его двоюродных братьев, гениальный музыкант, умер сумасшедшим; двоюродная сестра с 15 лет впала в религиозную мономанию, а дядя в старости лишился рассудка. Отец Карла, Лютер Гито, считался, впрочем, смирным, хорошим человеком и только относительно религиозных вопросов выказывал безумный фанатизм — считал себя, например, соединившимся со Христом даже материально. Однако и он умер вследствие припадков бреда. Из сыновей его у двоих череп был неправильной формы, а третий доказал свою жестокость тем, что на суде с яростью нападал на брата. Что же касается Карла, то его уже давно считали страдающим религиозным помешательством, и ненормальность его умственных способностей была официально констатирована врачами-психиатрами за много лет до убийства президента.

В Нью-Йорке Гито прожил два или три года — на счет своих родственников или знакомых, будто бы для изучения юридических наук; затем, вернувшись в Чикаго, продолжал вести тот же образ жизни паразита. Предположение его издавать религиозную газету «Теократ» не осуществилось, так как в печати было высказано, что одного этого названия достаточно, чтобы издание не пошло. Относительно религии Гито держался того мнения, что для церковной реформы необходимо уничтожить сначала все храмы.

Через несколько времени Гито, однако же, сам сделался приверженцем и миссионером одной из бесчисленных в Америке сект, из членов которой его, впрочем, скоро исключили за неприличное поведение в храме. Вслед за тем и брат выгнал Карла из своего дома за его интриги. Тогда ему пришлось посидеть в тюрьме по обвинению в присвоении чужого имущества и в мошенничестве. Обвинение основывалось, между прочим, на том, что, задумав читать лекции в различных городах, он в объявлениях называл себя великим законоведом из Чикаго и не платил в гостинице за свое содержание.

Прозанимавшись усердно месяцев пять, Гито наконец приготовился в адвокаты и некоторое время зарабатывал по 2000 долларов в год. Он заказал себе тогда визитные карточки, на которых называл себя советником и знаменитым прокурором.

Далее он присвоил себе еще титул почтенного теолога и, когда его укоряли за это, объяснял свой поступок тем, что в тюрьме он встретил законоведа, сделавшего то же самое. Странное оправдание!

Около этого времени Гито женился на некоей Энни и вначале жил с нею мирно, но потом стал дурно относиться к жене и однажды запер ее в кабинете уединения, так что бедная женщина едва не задохнулась там. После

этого между ними состоялся формальный развод. В 1879 году Гито вздумал читать лекции в Нью-Йорке и на первой же из них устроил скандал, объявив, что предметом лекции будет «существование ада», но вместо того начал говорить о пришествии Христа и через четверть часа исчез с кафедры, прежде чем негодующие слушатели успели выразить свой протест по поводу такого обмана. Позднее он напечатал, однако, относительно существования ада брошюру, не представляющую никакого интереса.

Живя в Нью-Йорке без определенных занятий, Гито стал весьма часто появляться в приемной президента и все добивался личного свидания с ним. Никто не обращал на это особенного внимания, хотя просителя считали помешанным, так как он выражал желание получить место то министра в Австрии, то консула в Ливерпуле или Париже, а в своих письменных прошениях развивал мысли, доказывавшие ненормальное состояние его умственных способностей, и к тому же еще никогда не подписывал их. К прошениям обыкновенно прикладывался печатный текст речи, будто бы произнесенной им в Нью-Йорке, хотя этого не было в действительности. Кроме того, нередко присылал президенту письма такого содержания: «Скорблю о борьбе, которая завязалась между Вами и сенатором С. Правда на Вашей стороне, будьте стойки, я обещаю Вам свою помощь и поддержку патриотов. Уделите мне несколько минут для личных переговоров».

Манеры Гито представляли смесь рабского смирения и смешного чванства. Серьезно относиться к нему можно было лишь с первого взгляда; но поговорив с ним, вы скоро убеждались, что это человек ненормальный, добивающийся известности во что бы то ни стало и думающий только о том, чтобы занять собой прессу. Свидетель Шоу показывал на суде, что Гито уже много лет тому назад говорил ему о своем страстном желании прославиться каким бы то ни было способом — если не подвигом, то хотя бы преступлением, причем указал на Бута, убийцу Линкольна. А когда свидетель возразил, что за это полагается смертная казнь, Гито отвечал: «Это уже вопрос второстепенный».

Служивший у Гито в продолжение года секретарь говорил, что он весьма щедр был только на обещания, но не платил никогда и что в столе у него хранилась куча фальшивых денежных расписок. Бумаги он тратил громадное количество, так как писал постоянно. При разговоре он никогда не смотрел в лицо своему собеседнику, и глаза его вечно бегали по сторонам. Он предполагал, что сделанные им долги будут уплачены самим Богом, в награду за его успешную проповедническую деятельность, хотя в то же время позволял себе чисто мошеннические проделки, например отдавал в заклад бронзовые вещи под видом золотых, удостоверяя свою личность визитной карточкой, которую потом незаметно брал назад, и перед друзьями хвастался своей ловкостью.

Решившись убить президента, Гито предварительно осмотрел тюрьму, в которой ему предстояло сидеть за это преступление, а по совершении его

прежде всего стал хлопотать о том, как бы отправить в газеты извещение об этом событии. Зятю своему он рассказывал, что мысль убить Гарфилда явилась у него шесть недель тому назад.

«Я уже лег в постель, — говорил он, — но еще не спал, как вдруг меня осенило вдохновение, говорившее мне, что я должен убить Гарфилда и тем положить конец затруднению, в какое поставлена республиканская партия. Встав поутру, я забыл про это внушение свыше, но затем стал думать о нем каждый день, и чем больше думал, тем сильнее убеждался, что сам Бог повелевает мне убить господина Гарфилда. Ненависти у меня к нему никакой не было; напротив, я уважал его, но мне казалось, что ему необходимо сойти со сцены для блага страны и что этого желает народ». Когда Гито напоминали, с каким негодованием отнесся народ к его преступлению, он отвечал, что его идеи непонятны толпе. Судебному следователю он сказал: «Я был убежден, что исполняю волю Божию, но, может быть, я ошибся; мне думается теперь, что Богу не угодно было, чтобы Гарфилд умер; теперь же, будь у меня даже возможность повторить покушение, я не сделал бы этого. Если бы сам Бог назначил президенту умереть, то он не остался бы в живых. Пистолет был хорошо заряжен, и рука у меня не дрогнула, я стрелял почти в упор, так что лишь одно Божественное Провидение могло спасти президента. Он не умрет, я в этом уверен и сожалею о причиненных ему страданиях. Отныне всякая попытка убить его не будет иметь успеха, потому что если это не удалось мне, то никакая пуля уже не страшна ему. Значит, так предназначено свыше и надо покориться воле неба».

Другим Гито говорил, что выстрелил в президента с целью спасти республику.

В числе бумаг, найденных у него в момент совершения этого кровавого дела, было следующее заявление:

«*В Белый дом*

Трагическая смерть президента составляет для меня печальную необходимость вследствие моего желания соединить республиканскую партию и спасти республику. Жизнь человеческая имеет мало цены. Во время войны тысячи храбрых людей падают мертвыми, не вырвав ни одной слезы. Я предполагаю, что президент хороший христианин, и потому ему лучше будет в раю, чем здесь, на земле, и прочее. Я — законовед, теолог и политик. Я — демократ из демократов; у меня приготовлены несколько таких заявлений для печати и оставлены у Бече, где репортеры могут видеть их. Я отправляюсь в тюрьму».

В продолжение разбирательства на суде он беспрестанно перебивал своих защитников и всячески оскорблял их или же просил, чтобы ему назначили других адвокатов, обещая заплатить им... из общественных сумм.

Когда же ему было предоставлено слово, он заявил: «Я прерывал адвокатов и судей потому, что мне нужно было высказать факты громадной важности, имеющие целью разъяснить, кто из нас — я или сам Бог — нанес первый удар; на этом основании я придаю особенное значение своим запискам. Физически я гадок, нравственно же обладаю мужеством, когда мне помогает Бог. Я исполнил то, о чем говорили газеты, но я не сделал бы этого, если бы не получил повеления от Бога: я всегда был служителем Бога. Он руководил моими поступками, как некогда жертвоприношением Авраама; те, кто нападают на меня, будут наказаны смертью. Пускай присяжные решат, — прибавил он потом, — действовал ли я по наитию свыше».

В другой раз Гито, сравнивая себя с апостолом Павлом, сказал: «Подобно ему, я стараюсь привести мир в содрогание. У меня, как у него, нет ни золота, ни друзей, и, подобно ему, я окружен дикарями». Далее он заявил, что наитие, подталкивавшее его на убийство Гарфилда, продолжалось две недели, в продолжение которых он не мог ни спать, ни есть, пока не совершил кровавого дела, но после того спал отлично, хотя и находился в тюрьме. На вопрос, что такое наитие, Гито отвечал: «Разум находится тогда во власти высшего божества и не управляет поступками человека. Вначале меня ужаснула сама мысль убить кого-нибудь, — продолжал он, — но после я убедился, что это было истинное вдохновение. Невозможно, чтобы я был сумасшедший: Бог не избирает своих служителей среди сумасшедших. Он охранял меня, и потому я не был ни расстрелян, ни повешен. В конце концов Бог накажет своих заклятых врагов». Правда, на суде перед присяжными Гито старался выдать себя за помешанного, но ему и не оставалось ничего другого, после того как эксперты отвергли его уверение, что он действовал по наитию свыше, под влиянием болезненного, неудержимого аффекта. Однако из этого еще не следует, чтобы он был в здравом уме: все умалишенные, кроме страдающих манией самоубийства, непременно прибегают к различным уловкам для своего оправдания и пускаются на всякие хитрости, лишь бы спасти свою жизнь. А Гито даже и не приходилось прямо лгать — он только преувеличивал как свое безумие, так и свои мрачно-горделивые религиозные представления, натолкнувшие его на преступление. Свойственную же ему сварливость он выказывал на суде даже как будто помимо своего желания, так как нападал и на тех, кто доказывал его психическое расстройство, и на тех, кто опровергал его. Самых горячих сторонников своих он оскорблял непозволительным образом, называя их дураками, невеждами и проичими. Адвокату своему (Сковилю) Гито прямо сказал: «Ты такой же сумасшедший, как и я». Доставалось также и присяжным, хотя их-то именно и следовало расположить в свою пользу.

Когда обвинитель указал на испорченность Гито в отношении нравственности, тот возразил ему на это: «Я всегда был хорошим христианином; если я нарушил супружескую верность с целью отделаться от женщины, кото-

рую не любил, и задолжал несколько сот долларов, то подобные факты нисколько не вредят моему доброму имени». Эти слова доказывают смутность нравственных понятий подсудимого.

Тут же на суде выяснилось, до какой степени было развито у Гито чисто бешеное тщеславие. Так, он, точно какой-нибудь знатный барин, с важностью объявил присяжным, в какие именно дни у него бывает прием посетителей; кроме того, он не раз высказывал перед публикой такие вещи, которые только усиливали раздражение против него, например, что на Рождество он получил отличный обед и множество цветов и фруктов, присланных ему дамами, что в следующие дни посыльный доставил ему до 800 писем, что некоторые дамы из высшего общества просили у него автограф, называя его великим человеком, но он остался к этому равнодушен, наконец, что ему присланы деньги, около тысячи долларов... Вероятно, кто-нибудь просто подшутил над ним, а он этим хвастался!!

Когда на суде стали разбирать сочинение Гито «Книга истины», он вскричал: «Это есть результат божественного вдохновения!» — и пришел в страшную ярость, когда ему указали на заимствования из статьи одного автора, тоже маттоида. В числе других курьезов любопытно признание Гито, что он нарочно купил пистолет с ручкой из слоновой кости, хотя и стоивший дороже, так как знал, что его станут показывать публике. Немногие врачи, признавшие Гито душевнобольным, указывали в числе других признаков ненормальности и на его почерк, совершенно сходный с теми образцами почерка графоманов, которые были приведены мной в «Архиве психиатрии». Вот как он подписывался:

Многие из врачей-психиатров, положительно отрицавших помешательство Гито, сделали это, конечно, на том основании, что у него не замечалось той классической формы безумия, которая выражается резко определенными признаками, а была лишь промежуточная, свойственная маттоидам степень душевного расстройства с примесью религиозной и горделивой мономании, затемненной, однако, склонностью к плутовству, так редко встречающейся у помешанных в полном смысле слова и так часто у маттоидов. Этой склонностью Гито обладал в такой сильной степени, что она ни на минуту не изменила ему как в течение всей его предыдущей жизни авантюриста, так и во время процесса, что, конечно, могло ввести врачей в заблуждение при постановке диагноза.

Действительно, нельзя не изумляться находчивости и сообразительности, обнаруженным Гито на суде. Когда эксперт Даймонд сказал, что для

решения вопроса о том, страдает ли известный субъект умопомешательством, необходимо очень долго наблюдать за ним и что сам он слишком недостаточно изучал душевные болезни, чтобы ответить на этот вопрос, не рискуя ошибиться, обвиняемый тотчас же заметил ему: «Это самое лучшее из всего, что вы здесь говорили». Когда после указания Гито на божественное заступничество, сохранившее его от повешения и расстрела, его спросили, рассчитывает ли он и впоследствии избавиться от смертной казни, он отказался отвечать. Умопомешательство свое он сначала отрицал, а потом начал настаивать на нем; но, убедившись, что то и другое невыгодно для него, стал избегать прямых ответов и наконец объявил, что предоставляет решение этого вопроса экспертам. На замечание, что подсудимый не убил бы Гарфилда, если бы тот назначил его консулом, он возразил: «Нет, убил бы во всяком случае», хотя раньше говорил противное. Мошеннические и безнравственные проделки свои Гито, как мы уже видели, считал не заслуживающими внимания пустяками, а когда ему указали на сделанные им долги, то он, нимало не смущаясь, воспользовался этим, чтобы поддразнить председателя, над которым постоянно издевался, и сказал ему: «Я открыто просил денег у первого встречного, и он давал мне, если мог. Когда вам будут нужны деньги, вы также можете занять у меня».

Основываясь на том факте, что Гито выказал большую ловкость и корыстолюбие, когда из тюрьмы написал Камерону письмо с просьбой прислать 100 долларов, причем доказывал, что имеет право на вознаграждение, пожертвовав собой для его партии, эксперт Календер отрицал в подсудимом всякое умственное расстройство. «Это письмо, — сказал он, — служит несомненным доказательством здравомыслия Гито, так как он выказывает в нем не только большую сообразительность при выборе лица, у которого просит денег, но и умение подкрепить свою просьбу вескими аргументами». Но, по-моему, ни эта расчетливость, ни прежние мошеннические проделки не опровергают умопомешательства Гито. В своем журнале «Архив психиатрии» я уже доказал вместе с Альбертотти и Перотти, как часто психическое расстройство встречается именно у мошенников и проявляется не только во время суда, но и гораздо раньше, пример чего мы, впрочем, уже видели в Де Томмази. Уловки и хитрости, употребляемые такими субъектами во время судебного разбирательства чаще всего во вред себе, я, напротив, объясню именно тем, что у них склонность к притворству не сдерживается рассудком и что вследствие своей ненормальности они чувствуют и рассуждают обо всем иначе, нежели здоровые люди. К тому же разряду явлений относится замечаемая у истеричных полупаралитиков и алкоголиков наклонность ко лжи, притворству и клевете. Наконец, эксперт Макдональд высказал мнение, что помешанные, считающие себя вдохновенными, действуют без заранее обдуманного намерения, не заботясь о последствиях и не стараясь избежать ответственности, а между тем Гито поступал как раз наоборот.

В опровержение этого мнения достаточно припомнить приведенные нами выше эпизоды из биографии Мале, Бозизио, Де Томмази, Лаццаретти и даже самого Савонаролы.

Из всех этих примеров читатели, надеюсь, убедились в существовании особой разновидности помешанных или полупомешанных, людей крайне раздражительных и до такой степени тщеславных, жаждущих известности, что они готовы добиваться ее всеми способами, но чаще всего покушением на жизнь коронованных или важных особ. Впрочем, я не сказал здесь ничего нового. Тем же вопросом занимались и другие врачи, и я, как мне кажется, только обстоятельнее разобрал подобные случаи, к сожалению, слишком многочисленные. Немало приведено их, между прочим, у Тардье в его «Судебно-медицинских этюдах помешательства». Для большей полноты моего исследования я приведу несколько примеров из этого сочинения.

Перед нами некто Буш-Гильтон, 59 лет, из хорошей семьи. Один из его братьев был помешанный. В молодые годы ему пришлось несколько раз сидеть под арестом за бродяжничество и мошеннические проделки. Во время революции 1831 года он сражался во главе отдельного отряда, причем сам произвел себя в полковники, а по окончании военных действий потребовал, чтобы за ним оставили это звание и дали ему вознаграждение в 75 тысяч рублей.

Не добившись ни того ни другого и желая привлечь к себе общее внимание, он принялся всячески досаждать правительству и распространял гнусные сатиры на Людовика-Филиппа. С толпой таких же недовольных Гильтон ходил по улицам, продавал мазь, сделанную из костей и крови убитых на поле сражения, а затем их трости, зонты и т. п. Арестованный за это два раза, он таким образом добился желанной известности.

Чтобы избавиться от воображаемых врагов, он поставил у окон дома, где жил, куклы в солдатских мундирах, а во дворе стал держать своих любимых коз и колотил каждого, кто осмеливался заявить ему, что так нельзя поступать. Кроме того, он вздумал возвести стену на чужой земле и, конечно, должен был сломать ее после целого ряда тяжб; всем соседям своим он задолжал, но платил им только одними оскорблениями.

Потом Гильтон отправился в Англию и, услыхав, что туда должен приехать Людовик-Филипп, просил у лондонского лорд-мэра позволения арестовать короля как своего мнимого должника. Когда же приезд короля замедлился, то Гильтон, вообразив, что Людовик-Филипп боится встречи с ним, послал во Францию формальную жалобу на короля, адресованную его собственному министру внутренних дел. Главное занятие этого графомана состояло в писании писем, просьб, петиций, пасквилей и прочего; он писал всегда, везде, по всякому поводу и без всякого повода, писал королю, в различные правительственные учреждения, депутатам и даже соседям, причем, конечно, тратил целые горы бумаги, хотя был так бережлив на нее, что не оставлял неисписанным ни одного уголка, а строки располагал и вдоль,

и поперек, и наискось. Почерк у него крупный, но четкий, орфографических ошибок много, выражения всегда резкие и грубые.

Наружность у Гильтона отталкивающая, глаза плутовские, говорит он плавно и заканчивает фразы громким смехом, постоянно употребляет клятвы и уверения «честным словом», обвинения умеет ловко парировать. Так, например, в суде он приводил в свое оправдание такого рода доводы: «У меня было столько процессов, что теперешний может доставить мне только одно удовольствие. Я отзывался непочтительно о короле не из личной ненависти, но чтобы хотя на бумаге излить свой гнев на испытываемые мной несправедливости. В мошенничестве меня обвинили с той целью, чтобы лишить награды за услуги, оказанные отечеству», и т. д.

Заметив, что эксперты склонны признать его умалишенным, Гильтон заподозрил в них сообщников заговора, устроенного с этой целью против него королем, и написал ему: «Ваше величество прислали ко мне троих господ, чтобы убедить меня, будто я сошел с ума, из чего я заключил о существовании заговора с намерением выдать меня за помешанного. Если сон вашего величества улучшился с тех пор, как я в тюрьме, то ваше величество будет спать еще лучше, когда меня казнят». А судье он написал: «Я прибыл во Францию для того, чтобы досадить Людовику-Филиппу, когда он увидит меня среди сражающихся. Здесь я попался в западню. У вас остается только одно средство избавиться от меня — дать мне яду». И мало-помалу он действительно стал думать, что его хотят отравить.

Талантливый адвокат Санду добился выдающегося положения только благодаря своим заслугам, но потом за какие-то промахи был уволен от службы. Он обратился тогда за помощью к министру Бильо, своему бывшему товарищу, и тот несколько раз давал ему пособия, но, заметив в нем расстройство умственных способностей, отказался от него совершенно. После этого Санду начал преследовать министра просьбами, униженными и в то же время угрожающими, причем ссылался именно на прежнюю помощь как на что-то обязательное и в будущем. Его поместили в больницу, где после тщательной экспертизы врачи признали его помешанным. По выходе оттуда он снова стал подавать то раболепные до крайности, то надменные до безумия прошения; называя себя в них главой несуществующей партии, жаловался, что его хотят убить, вследствие чего грозил, что прежде он сам убьет министра, хотя его же умолял исполнить его последнюю волю и похоронить в назначенном им месте. Нашлись знаменитые адвокаты, в том числе Фавр, сумевшие придать этому делу государственное значение. Когда начались общие выборы, Санду вообразил, что Карно постарается провести его в депутаты от Парижа, затем стал мечтать о какой-то необыкновенно блестящей женитьбе, которая ему предстоит, и собирался писать большое сочинение о демократии, чтобы попасть в члены Парижской академии. По временам он жаловался, что крысы обгрызли ему голову, что одна половина тела у него слабее другой, и покушался на самоубийство. Характерную осо-

бенность его составляет громадное число написанных им в тюрьме и на свободе сочинений и писем, переполненных постскриптумами, подчеркнутыми словами и всегда буквально одинаковых по содержанию. Несмотря на такие явные признаки ненормальности, многие укоряли Бильо за его равнодушие к судьбе несчастного Санду. Вскрытие обнаружило у него в мозгу весьма серьезные повреждения, происшедшие от менингита, и тогда только большинство убедилось в психическом расстройстве бедного адвоката.

Некто М. А. выдавал себя за профессора Оксфордского университета, одержавшего победу над 300 кандидатами и получающего 20 тысяч рублей жалованья, хотя совсем не владел английским языком и плохо знал латинский; но он изобрел такой способ обучения, с помощью которого даже не знающий английского языка мог преподавать его. Живя в Лондоне, М. А. познакомился с одной княгиней и вообразил, что она влюблена в него, хотя та вскоре даже отказала ему от дома. Он издал тогда объемистый том мемуаров, где обвинял княгиню в похищении у него портфеля; затем писал обличительные статьи против министра и подавал докладные записки то в парламент, то в палату лордов. Один из этих последних обещал даже автору сделать по поводу его записки интерпелляцию, но в это самое время М. А. вдруг переехал в Париж, где его принял под свое покровительство капеллан императора.

После падения империи М. А. обратился к лиможскому епископу, однако тот сразу понял, с кем имеет дело, и отправил просителя в больницу для умалишенных. По выходе оттуда М. А. начал процесс против епископа.

Впоследствии он замешался в какую-то полубонапартистскую-полуреспубликанскую шайку и, вообразив, что напал на след обширного заговора, сообщил об этом министру Лефрану, который сначала отнесся к М. А. серьезно и обещал рассмотреть его тяжбы, но потом, убедившись в помешательстве мнимого профессора, поместил его в больницу Св. Анны. М. А. ябедничал там директору на всех больных, а выйдя из больницы, стал писать в правление доносы на директоров.

В заключение приведу еще один любопытный пример, взятый мной из брошюры профессора Морселли «Гений дома умалишенных».

Виргилио Антонелли считался у себя на родине, в Мархии, некоторого рода литературной знаменитостью, хотя стихи его не отличаются особыми достоинствами, точно так же как и написанная им автобиография. Жизнь этого маттоида-графомана сложилась крайне печально, отчасти по его собственной вине. Вот как описывает ее Морселли: «Поступив на корабль юнгой в 1861 году, он через 6 лет был подвергнут дисциплинарному взысканию, а потом в 1867 году, уже будучи матросом, просидел 8 месяцев в тюрьме за самовольную отлучку с целью побывать в Ментане. На следующий год он опять дезертировал, но его поймали и приговорили к суровому наказанию, которое, однако, было отменено судом, признавшим Антонелли экзальтированным.

В 1869 году он присужден был к дисциплинарному взысканию за ругательную статью против журнала "*Dovere*" и за дурное поведение. Тут ему часто усиливали наказание, сажали на цепь, оставляли на хлебе и на воде и, наконец, предали военному суду, который приговорил его еще к двум годам тюремного заключения. По дороге к тюрьме Антонелли повздорил с карабинерами, и по их жалобе Верховный совет адмиралтейства увеличил ему наказание на шесть месяцев.

Наконец, после целого ряда других дисциплинарных наказаний, он в 1873 году был уволен в чистую отставку и, вообразив себя теперь вполне свободным гражданином, стал вести жизнь праздношатающегося, нимало не заботясь о гражданском кодексе законов. Но через несколько месяцев бедняк просидел опять 6 недель под арестом в Реджо-нель-Эмилия, как не имеющий определенных занятий. Потом его отправили на родину, откуда он ушел в 1874 году и снова попал в тюрьму Мачерато, где его продержали более полугода. Выпущенный на свободу, Антонелли отправился в Рим, но там его задержали за бродяжничество и после непродолжительного ареста вернули домой. Через несколько времени ему снова пришлось посидеть в тюрьме за оскорбительное письмо, адресованное супрефекту, после чего суд приговорил его к отдаче под надзор полиции на полгода. Вслед за тем он, как бродяга и праздношатающийся, попал уже в последний раз в тюрьму, откуда сам попросил, чтобы его перевели в больницу для умалишенных. Там он скоро ужасно надоел всем своими дерзкими выходками и старанием перессорить больных между собой, так что в мае 1877 года его перевезли в другую больницу».

Здесь-то и наблюдал его профессор Морселли.

«Больной обыкновенно бывает спокоен, — пишет он, — и только по временам обнаруживает сильную ажитацию, но как в том, так и в другом состоянии у него проявляются одни и те же странные идеи: он считает себя душевнобольным, окончательно потерявшим рассудок, и в то же время непонятым гением, первостатейным, неистощимым писателем. Поэтому у него одновременно существуют как бы два борющихся между собой сознания, из которых каждое заставляет его думать и действовать различным образом. Когда верх берут здравые понятия, М. А. сознает, что он человек ненормальный, что представления его ложны, поведение нелепо, а мрачные мысли составляют результат болезненного возбуждения; когда же победа остается на стороне этого последнего, М. А. впадает в мизантропию, бредит своим величием, начинает в волнении бегать по комнатам и громко бранить всех негодяями, лицемерами, иезуитами... В продолжение обоих этих периодов он постоянно пишет обличения на своих врагов, причисляя к ним всякого, кто занимает в обществе выдающееся положение по своему богатству, титулам или дарованиям. Как социалист и крайний демократ, М. А. ненавидит аристократов и постоянно называет себя несчастным гением, терпящим гонения от всех сатрапов, господствующих в стране. Письменные про-

изведения его чрезвычайно многочисленны, так как сочинительство — его главное занятие; в 1882 году он писал, например, три романа одновременно, из которых один назывался “Путешествие из Анконы в Рим”, другой — “Завещание священника” и третий — “Убитый граф”. Плодовитость его изумительна: за последние месяцы он написал несколько эпизодов из своей скитальческой жизни, исследование относительно “обучения пролетариев-рабочих” и вместе с тем принимал деятельное участие в “Журнале дома умалишенных в Мачерато”, для многих номеров которого составлял ежедневную хронику больницы с передовыми статьями, шарадами, юмористическими очерками и прочим. Ко всему этому необходимо еще присоединить несметное число записок, обращенных то к директору, то к членам своей семьи, где высказывались самые задушевные мысли автора. Кроме того, он сочинял письма, петиции и прошения от имени других больных и служителей, избравших его своим секретарем. М. А. обещал написать также комедии и трагедии для нашего маленького театра, устроенного в больнице. Составленный им по моей просьбе список всех его произведений вышел до того длинен, что я не решаюсь привести его целиком и укажу лишь на особенно характерные заглавия:

“Тайны чудовищной жестокости в морской службе, или Ретроградный прогресс XIX столетия” — соч. в 5-ти частях.

“Корабельный юнга” — поэма в рифмованных октавах.

“Романтический сборник” — один том.

“Избранные письма” — один том.

“Пауперизм в Италии и средства к его уничтожению” — поэма.

“Скучающий холостяк” — юмористическая пьеса в 5-ти действиях.

Переводы с латинского (?).

Сонеты, эпиграммы, акростихи, шарады, загадки, ребусы и прочее.

Статьи, напечатанные в различных журналах, как, например, в “*Il Dovere*”, “*Corriere di Marche*” и прочее.

Автор очень высокого мнения обо всех этих произведениях; и действительно, хотя в них встречается перефразировка одних и тех же идей, хотя нередко они оставляют многого желать со стороны ясности изложения, но в них проявляется иногда увлекательное красноречие и, что еще удивительнее, заметна строгая логичность, свидетельствующая об умении автора достигать главной цели — убедить читателя в своих необыкновенных дарованиях и в роковой силе печальных обстоятельств, омрачивших этот светлый ум. Своими сочинениями М. А. не только думает прославить себя, но и опозорить своих бесчисленных воображаемых врагов, ухитрившихся столько времени продержать его в тюрьмах. При этом он, однако, не скрывает, что ему недостает знаний по части социологии и что убеждения его шатки; в самом деле, они до того неустойчивы, что М. А. легко доказать с помощью логических доводов нелепость его поступков и бессмысленность проводимых им идей, например, относительно социализма, интернационализма и прочего.

Под влиянием таких доводов он нередко сознает неосновательность своего предположения, будто все общества вооружились против него, причем даже сам объясняет свои заблуждения и странные поступки расстройством своих умственных способностей, которое вызвано роковыми случайностями его жизни, исполненной треволнений всякого рода».

V. Аномалии черепа у великих людей (к главе XI)

Я уже говорил раньше о таких аномалиях и теперь прибавлю лишь несколько новейших наблюдений в том же роде, заимствованных у Канестрини, Мантегацца, Фохта и др. Кроме того, я сам подробно исследовал череп Вольты и нашел в нем, при замечательной красоте формы и несомненно большей против обыкновенного емкости[1], многие из тех особенностей, которые, по мнению антропологов, составляют принадлежность низших

---

[1]

Емкость	черепа	Вольты	1865 см^3
»	глазниц	»	55
Окружность черепа		»	570 мм
Ширина лба		»	120
Показатель черепной			775
»	вертикальный		720
»	черепно-глазничный		33
»	черепно-спинальный		22
Емкость черепа	Бруначчи		1700 см^3
»	Петрарки		1602
»	Фузиньери		1602
»	Данте		1493
»	Фосколо		1426
»	св. Амвросия		1792
»	Скарпа		1455
»	Романьози		1819 (?)

Из этой таблицы видно, что емкость черепа Вольты — наибольшая; средняя же емкость, по Калори, считается для итальянцев 1551, а по Делоренци — 1554. Средний вес мозга Гадди принимает в 600, но большинство — в 500.

Окружность черепа	св. Амвросия	533 мм
»	Бруначчи	550
»	Фузиньери	544
»	Петрарки	540
»	Фосколо	530
»	Данте	520
»	Доницетти	574
»	Беллини	550

рас, как, например, выпуклость шиловидных отростков, малая извилистость венечного шва, следы среднего лобного шва, тупость лицевого угла (73°) и в особенности сильные черепные склерозы, доходившие местами до 16 миллиметров, отчего зависел и значительный вес черепа — 753 грамма. Из наблюдений других исследователей мы узнаем, что у Манцони, Петрарки и Фузиньери лоб был покатый, что у Байрона, Фосколо, Хименеса и Доницетти найдено сращение черепных швов; затем мы убеждаемся в субмикроцефалии[1] Розари, Декарта, Фосколо, Тассо, Гвидо Рени, Гофмана и Шумана; находим склерозы у Доницетти и костный гребень между крыловидным отростком и основной частью затылочной кости у Тидемана.

К таким же ненормальностям следует отнести теменную трещину, найденную у Фузиньери, асимметрию черепа Биша, Романьози, Канта, Шене-

---

У Вагнера приведены следующие данные относительно веса мозга геттингенских ученых:

Дирише	математик	54 лет	1520 г
Фукс	медик	52	1499
Гаусс	математик	78	1492
Герман	философ	51	1358
Гаусман	минералог	77	1266

Бишоф для ученых Мюнхена нашел такие цифры:

Герман	геометр	60 лет	1590 г
Пфейфер	медик	60	1488
Бишоф	медик	79	1452
Мельхиор-Мейер	поэт	79	1415
Губер	философ	47	1499
Фальмейер	химик	74	1349
Либих	»	70	1352
Тидеман	»	79	1254
Гарлесс	»	40	1238
Деллингер	»	71	1207

Наибольший вес мозга (1925–2222 граммов) найден был у неизвестных личностей. Точно так же измерение мозгового пояса дало наибольшие цифры для личностей с ограниченными способностями.

У клинициста Фукса поверхность мозга занимала	22,1005 см^2
» Гауса	21,9588
И при том же весе у неизвестной женщины	20,4115
У простого рабочего	8,7672

(*Бишоф. Вес мозга у человека, 1880.*)

Емкость черепа Канта была 1740 см^3 — на 40 см^3 больше против средней емкости у германцев.

[1] Малый размер черепа.

ви и Данте (причем у последнего было найдено еще и неправильное развитие левого теменного бугра и присутствие двух бугорков на лобной кости), плажиоцефалию[1] — у Бруначчи и Макиавелли, несоразмерно выдающийся лоб (68°) у Фосколо и ультрадолихоцефалию[2] у Фузиньери (показатель 74), составляющую разительный контраст с обычной у венецианцев ультрабрахицефалией[3] (показатель 82 и 84), ультрадолихоцефалию О'Коннора (73), тогда как показатель в среднем выводе для ирландцев дает 77; присутствие средней затылочной ямы у Скарпа и, наконец, множество особенностей строения черепа Канта, обыкновенно не встречающихся у немцев, как, например, ультрабрахицефалия — 88,5, плоский череп (показатель высоты 71,1) непропорциональность верхней части затылочной кости, вдвое более развитой, чем нижняя, и слишком уже малая лобная дуга сравнительно с теменной.

На основании таких данных и ввиду того, что гениальные способности часто развиваются в ущерб каким-нибудь психическим сторонам, мы можем сделать предположение, что гениальность сопровождается аномалиями того самого органа, на котором зиждется слава гения. Чтобы такой вывод не показался слишком смелым, мы, кроме приведенных выше наблюдений, укажем еще на многие другие факты, например водянку желудочков мозга у Руссо, гипертрофию мозга у Кювье, менингит у Гросси, Доницетти и Шумана, отек мозга у Либиха и Тидемана. У этого последнего Бишоф нашел, кроме значительного утолщения костей черепа, особенно лобных, еще и уплотнение твердой мозговой оболочки, прилегающей к кости, утолщение и повреждение паутинной оболочки, а в мозгу — явные признаки атрофии. Вагнер нашел у клинициста Фукса перерыв роландовой борозды, происшедший от пересечения ее на поверхности мозга образовавшейся аномальной извилиной, — случай до того редкий, что он встречается, по Джакомини, — один раз на 356, а по Гешелю — один раз на 632 вскрытия. Мозг Скарпа весил только 1066 граммов. Вагнер и Бишоф нашли вес мозга знаменитых германских ученых ниже средней цифры, принятой для германцев, хотя это обусловливалось, может быть, преклонным возрастом их и болезненным состоянием в последние годы жизни, как, например, у умерших от чахотки Либиха (70 лет) — 1352 грамма и Деллингера — 1207 граммов[4].

[1] Сплющенный череп.

[2] Крайняя степень удлинения черепа.

[3] Крайне укороченный череп.

[4] Во Франции Лебон, исследовавший 26 черепов гениальных французов, как, например, Буало, Декарта, Журдана и других, нашел у наиболее известных из них емкость в 1732 см^3, тогда как у древних обывателей Парижа она была только 1559; в настоящее время едва лишь 12 на сто парижан представляют емкость выше 1700 см^3. У гениальных же людей 73 на сто обладают емкостью больше этой средней цифры.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕСТУПНЫЙ ЧЕЛОВЕК
L'Uomo Delinquente (1876)

Стр. 12 *...В жарком климате народ играет обыкновенно ничтожную роль в общественной жизни своей страны: он не располагает ни правом контроля, ни правом вмешательства в дела управления...* — Это и подобные ему утверждения следует соотносить со временем написания работы (конец XIX столетия).

Стр. 13 *...Лаццарони по природе своей...* — Лаццарони (ит. *Lazzarone* — нищий) — в XVII–XIX веках люмпен-пролетарские элементы населения в Италии (особенно в Неаполе).

Стр. 13 *...и... каморре...* — Каморра — криминальный синдикат, деятельность которого охватывает прежде всего Неаполь и ближайшие окрестности.

Стр. 29 *...Кровь некогда живших здесь диких, воинственных племен, гостеприимных и жестоких, суеверных, непостоянных, вечно беспокойных и не терпевших над собой никакой узды, должна была оказать огромное влияние на характер современных жителей Конка д'Оро, склонных к постоянным восстаниям и грабежам. Подобно древним арабам они не делают разницы между политическим возмущением и грабежом; последний не вызывает у них ни ужаса, ни отвращения, как у других, хоть и менее развитых, но более богатых арийской кровью племен той же Сицилии, Катании и Мессины.* — Район Конка Д'Оро (окрестности Палермо) стал тем самым местом, где зародилась сицилийская мафия.

Стр. 32 *...помимо специальных условий жизни, создаваемых... мареммами в Гроссето...* — Маремма — болотистая (ныне осушенная) местность в итальянской области Тоскана; во множественном числе это слово означает болота.

Стр. 32 *...племя иллирийского происхождения, изобретшие либурны...* — Либурн — античный корабль, галера с двумя рядами весел. Существовали как боевые, так и торговые либурны.

Стр. 35 *...(лигуров, иберов или сиканов — как их иногда называют) Корсикой владели фокийцы...* — Лигуры — племена, населявшие во II тыс. до н. э. территорию от Пиренеев до Альп, западную часть Северной Италии и остров Корсика. Иберы — неиндоевропейское население Иберийского полуострова, вероятно, племена, пришедшие из Северной Африки; смешавшись с кельтами, образовали народ кельтиберов. Сиканы — италийское племя, обитавшее на западе Сицилии.

Фокийцы (фокейцы) — пастушеские племена Фокиды, области в Центральной Греции, на территории которой находились гора Парнас и святилище Дельф.

Стр. 36 *...департаментов, населенных потомками кимврийской расы...* — Кимвры (кимбры) — германские племена, переселившиеся из Ютландии в Центральную Европу.

Стр. 41 *...в Испании слово gitano равносильно мошеннику и барышнику...* — Испанское слово *gitano* буквально означает «цыган»; «мошенник, хитрец, обманщик» — это второе, приобретенное значение данного слова.

Стр. 65 *...раздать тысячам девушек из народа Монтионовские премии...* — Премия за добродетельное поведение, а также за литературные сочинения, споспешествующие нравственности; учреждена французским филантропом бароном Антуаном-Оже Монтионом (1733—1820).

Стр. 66 *Большое восстание в Индии 1857—1858 годов...* — Имеется в виду восстание сипаев (иначе Индийское народное восстание) против англичан в 1857—1859 годах. После подавления этого восстания власть в Индии перешла от Ост-Индской компании к английскому правительству.

Стр. 83 *Во Франции число тяжких преступлений, судимых ассизными судами...* — Суд ассизов (или ассизный суд) — уголовный суд, в состав которого входят судьи и присяжные заседатели.

Стр. 96 *...преступности, встречающихся на почве Венеры и Бахуса...* — То есть сексуальных преступлений и преступлений в состоянии опьянения.

Стр. 99 *Так, Фра Диаволо, Картуш, Троппман...* — Упоминаются знаменитые европейские преступники — неаполитанец Фра Диаволо, казненный в 1806 году (ему посвящена известная опера Г. Обера), парижанин Луи-Доминик Картуш, казненный в 1721 году, и серийный убийца Жан Батист Троппман (французский Джек-Потрошитель), разоблаченный и казненный в 1869 году.

Стр. 102 *...знаменитая маркиза де Бренвиллье...* Маркиза де Бренвиллье — известная отравительница эпохи правления французского короля Людовика XIV вместе со своим любовником Жаном-Батистом де Годеном де Сен-Круа отравила своего отца, двух своих братьев и своих сестер, чтобы присвоить себе все их состояние и была казнена за свои преступления в 1676 году. Участница Великого бала у Сатаны в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Стр. 114 *...к знаменитому Россиньолю.* — Имеется в виду Жан Антуан Россиньоль (1759—1802), французский генерал; выдвинувшийся в первые годы революции, но впоследствии арестованный в заговоре против якобинцев и сосланный на Сейшельские острова, где он и скончался. В Париже долго отказывались верить в его смерть; возникла даже легенда, что он жив и стоит во главе некоего могущественного сейшельского племени.

НОВЕЙШИЕ УСПЕХИ НАУКИ О ПРЕСТУПНИКЕ

Anthropologie criminelle et ses recents progres (1891)

Стр. 155 *...к изучению типа преступника гальтоновскую фотографию...* — Гальтон Фрэнсис (1822—1911) — английский психолог и антрополог, «открыватель» антициклонов. Антропологические исследования Гальтона получили практическое применение в криминалистике, в частности в дактилоскопии

(«гальтоновская фотография» Ломброзо). Под влиянием сочинения своего двоюродного брата Ч. Дарвина «Происхождение видов» Гальтон ввел в психологию и антропологию идею наследственности, с помощью которой объяснял индивидуальные различия людей. Для измерения психофизических различий Гальтон изобрел ряд приборов (например, свисток Гальтона для измерения слуховой чувствительности).

Стр. 174 *Убийца Декурб, желавший избежать Кайенны...* — Кайенна — столица Французской Гвианы, колонии, куда ссылали осужденных преступников.

Стр. 205 *...Sfregio — несвойственно исключительно какому-нибудь одному классу или сообществу злодеев... В Сицилии не наносят таких ран, там убивают.* — В итальянском языке слово *sfregio* буквально означает «обезображивающая рана». В терминологии мафиози, как можно судить по многочисленным публикациям о сицилийской мафии, это слово означает публичное оскорбление, в результате которого человек теряет лицо. Самым страшным *sfregio* является ущерб, нанесенный собственности, «охраняемой» другими мафиози.

Стр. 207 *Таковы ионийцы, которые, смешавшись с азиатскими народами (лидийцами, персами), стали более революционными и более развитыми, нежели дорийцы; то же мы видим и в наше время на японцах, более подвинувшихся по пути прогресса, нежели китайцы, несомненно вследствие смешения с малайскими расами.* — Это утверждение автора — характерный пример господствовавшего в европейской науке XIX столетия прогрессистского представления о развитии общества.

Стр. 214 *Г. Рукавишников, один из величайших филантропов, основавший колонию своего имени для малолетних преступников...* — Имеется в виду Николай Васильевич Рукавишников (1845–1875), 2 июня 1864 года открывший в Москве Рукавишниковский приют, первое московское исправительно-трудовое заведение для малолетних правонарушителей. Это заведение со временем получило европейскую известность и признание, а портрет Рукавишникова вывесили на стене зала в Риме, где проходили заседания Всемирного конгресса по тюремным вопросам (1885).

АНАРХИСТЫ

Les anarchistes (1896)

Стр. 225 *...как Марсель...* — Этьен Марсель (?–1358) — парижский торговец, купеческий старшина, возглавил Парижское восстание 1356–1358 годов, вызванное отказом дофина Карла V согласиться на требования французского парламента — Генеральных штатов. Преданный сторонниками, Марсель был убит.

Стр. 226 *...место в Армии Спасения генерала Бута...* — Армия спасения — международная христианская организация, основанная в 1865 году в Лондоне пастором-методистом Уильямом Бутом. В этой организации приняты воинские чины: прихожане — солдаты, главный центр богослужения — корпус, священники — офицеры; сам Бут присвоил себе чин генерала.

Стр. 227 *...вылившийся в такие разнообразные формы вплоть до буланжизма...* — Буланжизм — общественное движение националистического толка во Франции, во главе которого стоял генерал Ж. Буланже (1837–1891). Буланжисты ратовали за войну с Германией, роспуск парламента и пересмотр конституции 1875 года.

Стр. 233 *...как в Японии, подчинено микадо и тайкуну...* — Микадо — японский император. Тайкун (букв. «верховный правитель») — правитель отдельного княжества, сегун.

Стр. 234 *...имели бы две или три кафедры объяснения Мапа-dharmasastra (законов Ману).* — Законы Ману — свод древнеиндийских предписаний о правилах поведения в частной и общественной жизни. По мифу, составителем этого свода являлся первочеловек Ману.

Стр. 235 *...перед убийством Кодра и Аристогитона...* — Кодр — легендарный последний царь Афин, гибель которого была предсказана дельфийским оракулом. Аристогитон — афинский тираноубийца, покушавшийся вместе с Гармодием на жизнь тиранов Гиппарха и Гиппия. Гармодий был зарублен телохранителями Гиппия, Аристогитона же схватили, пытали и затем казнили.

Стр. 235 *А вот стихи поэта, которого считают пророком морали новой Италии, стихи, встреченные всеобщими рукоплесканиями...* — Имеется в виду итальянский поэт, писатель и общественный деятель Габриеле Д'Аннунцио (1863–1938), участник Первой мировой войны, впоследствии, под влиянием философии Ницше, поддерживавший итальянских фашистов.

Стр. 236 *...этим пользовались не только Борджиа, но и венецианский Совет десяти.* — Борджиа (Борджа) — знаменитое аристократическое семейство испанского происхождения, сыгравшее заметную роль в истории Италии. Совет десяти — созданный в 1310 году при Совете дожей орган надзора за государственной безопасностью.

Стр. 244 *...носить имя... Помбала.* — Маркиз Себастьян Жозе Помбал (1699–1782) — португальский государственный деятель, премьер-министр Португалии, восстановивший Лиссабон после землетрясения 1755 года. Пытался проводить экономические — упорядочить налоги, стимулировать торговлю — и политические реформы; реформаторские усилия Помбала сопровождались жестокими репрессиями, что восстановило против маркиза португальскую аристократию, духовенство и среднюю и мелкую буржуазию. После смерти его покровителя короля Жозе I (1777) Помбала отстранили от должности, предали суду и приговорили к смертной казни, замененной пожизненным изгнанием из столицы, а реформы маркиза почти все были отменены.

Стр. 245 *...и фении, как Брэди и Фитцгаррис...* — Фении — ирландское политическое движение второй половины XIX века, основанное в Северной Америке и ставившее целью разрыв с Англией и создание Ирландской республики. Фении практиковали насильственные методы политической борьбы.

Стр. 252 *...принадлежал к партии карлистов...* — Карлисты (апостолики) — политическое движение в Испании, отстаивавшее после смерти короля Фердинанда VII права на испанский престол его брата Карлоса Старшего (и внука последнего Карлоса Младшего). С этим движением связаны так называемые Карлистские войны (1830-е и 1870-е годы) в Испании. В XX столетии движение преобразовалось в консервативную партию, участвовавшую в том числе в военно-фашистском мятеже 1936 года.

Стр. 264 *...отец Гито и отец Нобилинга были крайними пиетистами.* — Пиетизм (лат. *pietas* — благочестие) — религиозно-мистическое течение в протестантизме, ставившее религиозное чувство выше догм. Возникло как реакция на ра-

ционализм ортодоксального лютеранства XVII века и рационалистическую философию Просвещения. В широком смысле пиетизм — религиозно-мистическое настроение, поведение.

Стр. 265 *...принадлежавших к секте Баби...* — Баби (Баб) — иранский религиозный реформатор XIX столетия. Провозгласил окончание эпохи законов, основанных на Коране и шариате, предложил в своем сочинении «Бейан» заменить их установлениями, буржуазными по сути: так, речь шла о равенстве всех людей и защите прав личности и собственности. Кроме того, в «Бейане» содержались призывы к созданию священного царства бабидов, изгнанию небабидов и конфискации их имущества. В 1848–1852 годах Иран охватили бабидские восстания, подавленные властью. Позднее один из учеников Баби, Бахаулла, создал на основе умеренного бабизма новое учение — бахаизм.

Стр. 283 *Лирическое описание тюремного двора у Верлена, дающее почти фотографически точную картину его, можно назвать гениальным по художественности его.* — Вероятно, имеется в виду стихотворение П. Верлена «Небосвод над этой крышей...» (русский перевод В. Я. Брюсова).

Стр. 286 *В своих удивительных проектах Гладстон показал, что для излечения этой страны от ран необходимы самые радикальные реформы, так как раны ее одновременно этнического, социального и экономического характера.* — Уильям Ю. Гладстон (1809–1898) — премьер-министр Великобритании, пытался провести через английский парламент закон о гомруле, то есть о самоуправлении Ирландии в рамках Британской империи.

Стр. 287 *...горцы Швица, Ури и Унтервальдена...* — Имеются в виду швейцарские кантоны.

Стр. 287 *...несмотря на драгонады...* — Драгонады — постой драгун у протестантов, практиковавшийся с 1681 года во Франции для наказания и насильственного обращения «иноверцев».

Стр. 287 *В... горной стране Хайлэнд, чрезвычайно трудно ввести единоличное управление и еще труднее заставить жителей признать центральную власть.* — Горная Шотландия, в отличие от Шотландии равнинной, долго сопротивлялась англичанам: наиболее яркие страницы этого сопротивления — действия Уильяма Уоллиса и Роберта Брюса (XIII–XIV века) и ожесточенное противостояние XVI–XVII веков. Лишь в 1707 году был принят так называемый Союзнический акт, по которому Шотландия соглашалась признать власть английской короны и расформировать свой парламент в обмен на сохранение шотландской церкви и правовой системы.

Стр. 301 *...дали такие осязательные результаты, как... фребелевские сады.* — Фридрих Фребель (1782–1852) — немецкий педагог, создатель системы дошкольного воспитания, основавший воспитательное учреждение для детей младшего возраста, названное им «детским садом».

Стр. 301 *Религиозное чувство оказалось бессильным после ужасных битв Совета тридцати. ...* — Имеется в виду тирания тридцати олигархов в древних Афинах после Пелопоннесской войны. По Аристотелю и Ксенофонту, правление Тридцати поначалу казалось умеренным и стремящимся к «древней политии». Они отменили те законы Солона, которые давали повод к недоразумениям; преследованию подвергались лица, «подлаживавшиеся в речах своих к народу вопреки

его настоящим интересам, аферисты и негодяи, и государство радовалось этому, думая, что они делают это во имя высших интересов» (Аристотель). Позднее, приняв в Афинах спартанский гарнизон, Тридцать принялись устранять «дурных людей»; по словам Аристотеля, погибло свыше 1500 человек.

Стр. 301 *Другой отец церкви в своей «Этике»...* — Вероятно, имеется в виду святой Василий Великий (ок. 330 — ок. 379), отец и учитель Восточной церкви, автор «Нравственных правил», «Пространных правил» (свод наставлений монашеской жизни) и «Кратких правил» (практическое приложение общих принципов монашеской жизни).

Стр. 303 *Иезуиты прославили Юдифь...* — Юдифь — молодая вдова, по Библии соблазнившая своей красотой ассирийского полководца Олоферна и убившая его (Книга Юдифи, 1–14).

Стр. 305 *...как это случилось с неотчуждаемыми эклизиастическими имуществами, перешедшими во владение банков...* — Эклизиастическое — принадлежащее церкви.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
Il Delitto Politico (1890)

Стр. 315 *...многие известные пеналисты...* — Пеналисты — специалисты по уголовному праву.

Стр. 322 *...и негры на Санто-Доминго превращаются в чистых дагомейских.* — Дагомея — бывшее название Бенина. Большинство чернокожих на острове Гаити в период испанского владычества составляли именно рабы, вывезенные из Дагомеи.

Стр. 322 *...по новейшей теории Вейсмана...* — Август Вейсман (1834–1914) — немецкий зоолог, теоретик эволюционного учения, последователь Ч. Дарвина. Вейсману принадлежат теории наследственности и индивидуального развития, предвосхитившие современные представления о дискретности носителей наследственной информации и их связи с хромосомами, а также концепция о роли наследственных задатков в индивидуальном развитии.

Стр. 327 *...как в купели Силоамской...* — По Библии, купель Силоамская — бассейн, в котором Иисус Христос совершил чудо и вернул зрение слепому.

Стр. 327 *...святынями Лурда и Ла Салетта...* — Лурд — центр католического паломничества во Франции, известный своим целебным источником. По преданию, в 1858 году дочери местного жителя несколько раз подряд являлась Богородица. Ныне рядом с гротом, где происходило явление, возведены базилика и подземная церковь. Ла Салетт — городок во французских Альпах. В 1846 году Богоматерь явилась двум молодым пастухам. Этот случай впервые официально был признан католической церковью.

Стр. 328 *...Водан есть старый бог вод...* — Очевидно, здесь присутствует ошибка перевода: вместо славянского Царя Водяного назван скандинавский бог Один (Водан).

Стр. 328 *Парижские омнибусы...* — Имеются в виду пассажирские фургоны на конной тяге, предшественники современных трамваев.

Стр. 329 *... доисторический браманизм устоял против нападений монголов, персов, мусульман и европейцев; а когда Будда явился его реформатором, то массы, в интересах которых он действовал, были против него...* — В своем «каноническом» (ведическом) варианте брахманизм был оспорен уже Упанишадами; позднейшие формы брахманизма (индуизм) являются в известной степени синкретическими, чего утверждение Ломброзо не учитывает. Что касается буддизма, в первые века своего существования он распространился практически по всей Индии. Лишь более тысячи лет спустя буддизм в Индии «растворился» в индуизме.

Стр. 333 *...легитимисты — во Франции...* — Легитимизм (лат. *legitimus* — законный) — приверженность законной (легитимной) династии Бурбонов во Франции. Термин возник и утвердился после Июльской революции 1830 года, в результате которой на французский престол вступил Луи Филипп Орлеанский. В более широком смысле легитимистом называют всякого сторонника свергнутых монархий.

Стр. 335 *Так, шудра ... А для самого брамина... является преступлением не только выезд за границу, но и общение с иностранцами.* — Шудра — представитель низшей группы древнеиндийского общества, находившейся «вне» традиционной трехчленной структуры: брахманы (жрецы) — кшатрии (правители и воины) — вайшьи (ремесленники и торговцы). Впоследствии, с возникновением кастовой системы, шудр «включили» в общество в качестве низшей касты «отверженных». Что касается брахманов (браминов), упоминаемые Ломброзо проступки были для них, конечно же, не преступлением в современном значении этого слова, но святотатством, осквернением своего статуса.

Стр. 337 *Сократ был осужден за неверие в богов Аттики и за намерение придумать новых...* — По Платону и Ксенофонту, Сократ неоднократно упоминал, что его поступками руководит некий «даймоний», или внутренний голос. Платон толковал сократовского даймония как совесть, Ксенофонт считал его сродни оракулу. На суде Сократа обвинили в том, что он «совращает молодежь», приучая юношей прислушиваться к даймониям, а не к «истинным богам».

Стр. 340 *Правда, что они создали Жакерию...* — Жакерия (фр. *Jacquerie*, от *Jacques Bonhomme* — Жак-Простак, презрительного прозвища крестьян) — антифеодальное восстание крестьян во Франции в 1358 году. Основную массу восставших составляли крестьяне, к которым присоединились ремесленники, мелкие торговцы, представители сельского духовенства.

Стр. 341 *Что касается вторжения варваров, то его только по неведению можно считать внезапным движением, почти беспричинным капризом масс. Все давно уже допускают, что это движение было очень медленным и началось еще за три века до Р. Х., так что вторжение кимвров, шедшее из Ютландии, было только одним из его эпизодов.* — Согласно современным представлениям, эпоха Великого переселения народов, на которую приходится и миграция кимвров на юг, охватывает период приблизительно с VII века до н. э. по III век н. э.

Стр. 341 *...до эпохи Марка Аврелия...* — То есть до середины II века н. э.

Стр. 349 *...и Сицилийские Вечерни...* — Метафорическое наименование народного восстания против Карла I Анжуйского в 1282 году. Поводом к восстанию послужили оскорбления сицилийских женщин французскими солдатами. Война с французами («Война Сицилийских Вечерен»), продолжавшаяся в Южной

Италии и на море, закончилась в 1302 году полным отпадением острова от Южной Италии; на Сицилии утвердилась Арагонская королевская династия.

Стр. 351 *Когда человек ест плохо, а переваривает еще хуже, то он поневоле бывает расположен к инерции, к вошедшему в пословицу... сладостному безделью, к йоге индусов, к фиваидскому аскетизму...* — Подобная бихевиористическая вульгаризация весьма характерна для науки XIX столетия, искавшей и находившей материальные причины религиозно-мистического поведения человека.

Стр. 362 *Так, по Макробию, Тарквинии были изгнаны в июньские календы, между тем Refugium...* — Тарквинии — аристократический род из этрусского города Тарквинии; к этому роду принадлежали римские цари Тарквиний Приск и Тарквиний Гордый. Последнего изгнали из Рима за жестокое обращение с подданными. В честь изгнания Тарквиниев в Риме отмечался праздник Избавления (Refugium).

Стр. 365 *Иллирийцы отстаивали свою независимость от своих соседей, греков, и причиняли много неприятностей македонянам до тех пор, пока окончательно от них не отделались после смерти Александра.* — Иллирийские племена обитали по берегам Дуная, на восточном побережье Адриатики и ряде районов Италии. Александр Македонский во время карательного похода против фракийцев (335 год до н. э.) вторгся во владения иллирийского племени гетов. Когда Александр покинул Македонию и переправился через Геллеспонт, фракийцы и иллирийцы принялись совершать набеги на македонские территории; особенно дерзкими эти набеги сделались после известия о смерти Александра. Покорить иллирийцев удалось только римлянам, которые в конце I века до н. э. основали на завоеванных землях провинцию Иллирия.

Стр. 365 *Афины после бунта Килона...* — Килон — афинский аристократ, пытавшийся установить в Афинах тиранию (632 год до н. э.).

Стр. 373 *Спартанцы, обитатели долин, сжатых высокими горами, не дали миру гениальных людей.* — Это утверждение достаточно спорно: да, Спарта, в отличие от Афин и Ионии, не одарила мир великими философами, но достаточно вспомнить, например, о поэтах Алкмане и Тиртее, о том, что великий афинский скульптор Фидий начинал подмастерьем у пелопонесских мастеров, да и Геракл, по преданию, происходил из тех самых «долин, сжатых высокими горами».

Стр. 383 *...бунт баронов в 1258 году, так сильно повлиявший на английскую конституцию...* — Имеются в виду так называемые Оксфордские провизии — постановления Великого совета баронов, собравшегося в 1258 году в Оксфорде. Эти постановления существенно ограничивали абсолютную власть монарха, власть фактически перешла к баронскому совету. Впрочем, в 1261 году король Генрих III получил от папы римского освобождение от клятвы соблюдать условия провизий; в 1263 году в Англии началась гражданская война, в ходе которой был созван первый английский парламент (1265).

Стр. 390 *К какой бы эпохе виды ни принадлежали, каждый из них развивается, дифференцируется, достигает высшей степени усложнения и затем начинает регрессировать, причем первыми исчезают самые совершенные и самые несовершенные разновидности, а остаются только средние, которые и пребывают более или менее долго без всякого изменения.* — Любопытное предвосхищение пассионарной теории Л. Н. Гумилева.

Стр. 393 *Современный североамериканец не только физически отличается от англосакса, от которого произошел (более темная кожа, более черные и блестящие волосы, более длинная шея, более крупная голова, более выдающиеся скулы, более длинные пальцы), но и нравственно; он представляет собою высшую степень эволюции человека.* — Утверждение, которое можно объяснить только идеализацией демократического строя Северной Америки в глазах европейца, живущего в монархическом мире.

Стр. 394 *Мы предпочитаем Мирабо... даже Ротшильда, Алкидам и Роландам.* — Граф Оноре Мирабо (1749—1791) — французский государственный деятель, яростный обличитель абсолютизма и сторонник конституционной монархии. Мейер Ротшильд (1743—1812) — основатель одноименного банкирского дома. Алкид — то есть Геракл, внук Алкея, сына Персея. Роланд — прославленный рыцарь, племянник Карла Великого, павший, согласно эпической «Песни о Роланде», в битве с сарацинами в Ронсевалльском ущелье. Геракл и Роланд — образцы доблести и мужества.

Стр. 396 *...этого сильного народа, ручьями проливавшего свою кровь на стенах Массады.* — Массада — крепость в Израиле, на холме рядом с Мертвым морем, возведенная еще царем Иродом Великим. В 70 году н. э. римские легионы под командованием Тита покорили Иерусалим, и те иудеи, которые не смирились с поражением, укрылись в Массаде. Римляне осадили крепость; когда сопротивление стало безнадежным, почти все защитники Массады (около 1000 мужчин, женщин и детей) совершили массовое самоубийство, предпочтя смерть плену.

Стр. 402 *...существованием liberum veto...* — Имеется в виду так называемое «свободное вето», право, по которому в польском сейме любой его член мог одним своим возражением аннулировать решение сейма.

Стр. 404 *Исторический «Мемуар» О'Коннела вновь подогрел не только расовую, но и религиозную вражду между двумя народами...* — Дэниел О'Коннел (1775—1847) — лидер ирландского национального движения, автор сочинения «Мемуар о природных ирландцах и саксах», яростный противник англо-ирландской унии 1800 года.

Стр. 406 *Родные и друзья Мухаммеда, желавшие воспользоваться революцией, которую совершили, подверглись истреблению в первый век Хиджры...* — После смерти Пророка Мухаммеда власть в мусульманской общине перешла к праведным халифам, соратникам Пророка — Абу Бакру, затем Омару, затем Осману и наконец к Али ибн Абу Талибу, племяннику Мухаммеда. Последнего многие мусульмане (в том числе — из семьи Мухаммеда) не признали, в общине фактически вспыхнула гражданская война, последствия которой (разногласия между суннитами и шиитами) ощущаются по сей день.

Стр. 407 *...невыносимое оскорбление, нанесенное Дроэтто...* — Ф. Дроэтто, французский солдат, обесчестивший сицилийку. Этот случай стал поводом к началу Сицилийских Вечерен.

Стр. 408 *Наиболее блестящие победы христианства — обращение Тертуллиана например...* — Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (ок. 160 — после 220) — христианский богослов и писатель, выступал в Риме как судебный оратор, там же принял христианство. Прославился своими речами и многочисленными литературными трудами.

Стр. 409 *...сочиненная Каллистратом в честь убийц Гиппия...*— Имеется в виду афинский оратор и государственный деятель Каллистрат (IV век до н. э.). Убийцы Гиппия — Гармодий и Аристогитон.

Стр. 410 *Что значат Фикуцца и Ментана в сравнении с первыми подвигами Тысячи?* – Фикуцца — городок на Сицилии, в окрестностях Корлеоне, охотничья резиденция пьемонтских королей Фердинанда II и Франциска II из династии Бурбонов. У городка Ментана в Папской области, к северу от Рима, 3 ноября 1867 года гарибальдийцы потерпели поражение в бою с объединенными силами папских и французских войск, а сам Гарибальди был взят в плен. Тысяча — имеется в виду «гвардия» Джузеппе Гарибальди, отряд альпийских стрелков численностью в тысячу человек.

Стр. 415 *...не без основания называющемуся периодом бурь и борьбы...* — Подразумевается литературное движение «Бури и натиска» в Германии 1770–1780-х годов. Главным теоретиком этого движения был И. Г. Гердер, к движению примыкали Ф. Шиллер и И. В. Гёте.

Стр. 418 *...в Греции клефты, в мирное время занимающиеся разбоями, оказались самыми храбрыми защитниками независимости своей родины.* — Клефты (букв. «воры») — греческие крестьяне-партизаны, боровшиеся против турецкого господства. Свое прозвище получили от местных землевладельцев, на владения которых нападали наравне с владениями турецкой власти. В греческой национально-освободительной революции 1821–1829 годов клефты составляли костяк повстанческих сил.

Стр. 422 *Это проявляется и в процессе развития древних цивилизаций, Рима и Этрурии например, или даже раньше — Индии и Египта, где сначала правящим классом были жрецы, потом воины, аристократия и наконец — цари как представители низших классов народа...* — Социальная структура древнего общества включала в себя три сословия — жрецов, воинов и работников (крестьян, ремесленников), причем правителями, как правило, становились именно воины, а жрецы «обеспечивали связь» с божествами (ср., например, брахманов и кшатриев в Индии); в ритуальных целях мирское и священное соединялись в фигуре царя-жреца. Вопреки утверждению Ломброзо, цари никогда не являлись «представителями низших классов».

Стр. 426 *...и окружил себя исключительно гаучо.* — Гаучо — этническая группа в Аргентине, образовавшаяся от браков испанцев с индейскими женщинами. Гаучо вели бродячую жизнь и в основном подвизались пастухами. Романтизированный образ гаучо — свободолюбивый латиноамериканский «ковбой», не признающий государственной власти.

Стр. 427 *Позднее, когда законы Солона — это примитивное гражданское и уголовное уложение, дающее перевес богатым и сильным...* — Афинянин Солон (VI век до н. э.) вошел в историю как автор первого европейского свода законов (в отличие от полулегендарного Драконта, о котором мало что известно, о Солоне писали Аристотель и Плутарх, сохранились и его стихотворные опыты). По словам Аристотеля, «по происхождению и по известности Солон принадлежал к первым людям в государстве, по состоянию же и по складу своей жизни к средним». Реформа Солона состояла в отмене долговой кабалы, установлении имущественного ценза как меры политических прав и обязанностей граждан и в проведении

ряда экономических преобразований. При этом Солон не произвел раздела земли, что, естественно, усугубило процесс сосредоточения земель в руках крупных землевладельцев. Однако утверждение, что законы Солона давали «перевес богатым и сильным» *во всем*, вряд ли справедливо.

Стр. 428 *Они сохранили за собою Jusauxilii и Jusinterussionis по отношению ко всем членам администрации...* — Трибунат как институт власти возник в Риме около 471 года до н. э. (по Диодору). *Jusauxilii* (правильнее *Jus Auxilii*) — право помощи, право ходатайства за обиженных плебеев. *Jusinterussionis* (правильнее *Jus Intercedendi*) — право запрещения и приостановки отдельных распоряжений магистратов. Эти права, вкупе с некоторыми другими, были у трибунов с самого возникновения института трибуната.

Стр. 430 *Достаточно вспомнить итальянских карбонаров, ирландских чартистов, греческих гетеристов.* — Карбонары (карбонарии) — члены итальянского тайного общества, боровшегося за национальную независимость и конституционный строй. Чартисты — массовое политическое движение середины XIX столетия в Великобритании, требовавшее всеобщего избирательного права, сокращения рабочего дня, повышения зарплаты рабочих и т. д. Гетеристы — члены греческих революционных организаций (гетерий), боровшихся за освобождение страны от турецкого ига.

Стр. 432 *Прекрасным примером такого вырождения могут служить пенсильванские Молли-Магуайры...* — Молли-Магуайры — первоначально участники крестьянского восстания 1641 года в Ирландии под предводительством К. Магуайра, переодевавшиеся при нападениях в женское платье; позднее это название закрепилось за крестьянской гверильей как таковой. Пенсильванские Молли-Магуайры — члены пенсильванского профсоюза горняков.

Стр. 434 *...был во многих отношениях продолжением или, скорее, отплатой за назаретизм...* — Назаретизм (назорейство) — мистико-аскетическое течение в иудаизме; в переводе с иврита «назорей» значит «монах».

Стр. 435 *Точно так же Великая Хартия вольностей (Magna Charta) англичан опирается на старые обычаи.* — Великая Хартия вольностей — грамота, подписанная в 1215 году английским королем Иоанном Безземельным и фактически закрепившая де-юре существовавшую в ту пору «баронскую вольницу».

Стр. 437 *В древности за правлением Соломона, значительно опередившего свой век революционера в искусстве и в торговом деле, последовала контрреволюция Иеровоама...* — Соломон — легендарный иудейский царь (965–928 годы до н. э.), по Библии — великий мудрец, автор, как гласит предание, библейской «Песни песней». При Соломоне значительно расширились торговые контакты Израиля. Иеровоам — царь израильско-иудейский (922–901), при котором Израиль сотрясали восстания и гражданские войны.

Стр. 439 *В той же Индии Нанак... основал религию сикхов, главными чертами которой является единобожие, уничтожение каст и блаженство нирваны...* — Гуру Нанак — основоположник сикхизма, религиозного направления в индуизме, представляющего собой сочетание *бхакти* («любви к богу», отрицания брахманов как посредников между человеком и богами) и ислама в его суфийском варианте. В священной книге сикхов «Ади Грантх» говорится, что бог — един и существует во всем и повсюду, а многобожие индуистов — лишь неспособность не-

посвященных постичь эту истину. Нанак отрицал кастовую систему и проповедовал равенство всех людей перед божеством. Что касается нирваны, это буддийское понятие действительно применимо к догматам сикхизма, согласно которым основная цель и стремление каждого сикха — постижение бога, растворение в нем и, как следствие, прерывание цепи рождений.

Стр. 440 *За последние века в исламе возникло поклонение новой духовной силе — святым, или махди, отличающимся не только религиозным рвением и высокой нравственностью, но также экстазом, который считается частью творческой силой. Способы достижения экстаза сделались предметом особого культа среди мусульманских религиозных братств.* — Культ святых широко распространился в исламе в Средние века, несмотря на содержащийся в Коране запрет на обращение с молитвой о заступничестве перед Богом к каким-либо посредникам. К почитанию святых-*вали* относится и культ Пророка. Махди — у мусульман-шиитов «последний имам», «ведомый верным путем»; традиция утверждает, что он явит себя перед концом света и восстановит на земле справедливость. Мистический экстаз как способ познания божества практиковался суфиями, которые ради достижения этого состояния использовали регулярные молитвенные радения — *зикры*.

Стр. 441 *В Азии некий Мухаммед ибн Абд ал-Ваххаб, отрицавший миссию Пророка или, лучше сказать, сам желавший стать на его место, основал секту ваххабитов...* — Секта ваххабитов возникла в XVIII веке в Аравии в среде ханбалитов — наиболее ревностных сторонников традиционного исламского уклада. Ваххабиты стремились очистить ислам от «языческих» обычаев и обрядов. В 1801 году ваххабиты разгромили шиитские святилища, а пять лет спустя захватили Мекку, где разрушили все места поклонения, кроме Каабы.

Стр. 442 *...дворянство в лице электоров...* — Электоры — в Священной Римской империи аристократы, наделенные правом принимать участие в выборах императора.

Стр. 449 *Доказательством этому может служить знаменитая Эйзенахская программа немецких социалистов.* — Эйзенахская программа — программа объединенной партии социал-демократов и Всеобщего германского рабочего союза, то есть Социалистической рабочей партии Германии. Принята на Готском съезде (1875 год), отсюда ее второе, более распространенное название — Готская программа.

Стр. 452 *Болгары, напротив того, — самая последняя раса в Европе, варварство и жестокость которой вошли в пословицу...* — Имеются в виду не славянские племена, осевшие на территории современной Болгарии приблизительно в VII веке, а болгары волжско-камские — тюркоязычные племена, обитавшие в Среднем Поволжье. Среди потомков этих болгар — чуваши и казанские татары.

Стр. 457 *Далекарлийцы... сразу решились следовать за Вазой и тут же сформировали отряд в четыреста человек.* — Густав I Ваза (1496–1560) — король Швеции, организатор и вождь восстания против датского владычества. Восстание началось в области Даларне в Центральной Швеции; жителей этой провинции называют далекарлийцами.

Стр. 457 *Говоря об убийстве тиранов, он находит, что чаще всего эти убийства вызывались личными оскорблениями: Аминта был убит тем лицом, которому похвастался причинить насилие; Периандр погиб по той же причине; Филиппа убил Пав-*

саний по личному поводу; Гиппарх был убит Гармодием и Аристогитоном за оскорбление сестры первого и т. д. — Аминта — имеется в виду македонский царь Аминта II, убитый правителем македонской области Элимен Дердой. Аристотель в «Политике» писал: «Аминта Малый был убит Дердою за то, что хвастался своей любовной связью с ним, когда тот был молодым человеком». Периандр — тиран Коринфа, учредитель Истмийских игр. Филипп — царь Македонии, отец Александра Великого, убитый воином Павсанием по наущению царицы Олимпиады. Гиппарх — сын афинского тирана Писистрата, вместе с братом Гиппием соправитель Афин; погиб в результате заговора от рук Гармодия и Аристогитона. Гиппий уцелел, но впоследствии был изгнан из Афин спартанцами.

Стр. 458 *В Риме жестокое обращение Папирия с ребенком, оставленным ему под залог долга, вызвало революцию, кончившуюся отменой невольничества за долги...* — Папирий — римлянин, по сообщениям античных авторов, пытавшийся обесчестить юного Публия, которого он держал в кандалах. Как писал Тит Ливий, преступление Секста Тарквиния даровало Риму политическую свободу, а преступление Папирия — свободу гражданскую. (Секст, сын царя Тарквиния Гордого, обесчестил знатную римлянку Лукрецию; в ответ на это римляне восстали, изгнали царя и установили республику.)

Стр. 463 *Время Селевкидов...* — Селевкиды — царская династия, правившая с 323 года по I век до н. э. на Ближнем и Среднем Востоке. Основана полководцем Александра Македонского Селевком I Никатором.

Стр. 464 *...так же, как прежде Месмером...* — Франц Месмер (1733–1815) — основоположник месмеризма, признававшего существование особого животного магнетизма в виде жидкости, истекающей из рук магнетизера. Особенный успех месмеризм имел во Франции, где его применяли в лечебных целях.

Стр. 467 *...что касается петрольщиц, то они были чистыми фуриями.* — Петрольщицы (от фр. *Petroleuse* — поджигающий) — принятое в середине XIX столетия обозначение революционерок.

Стр. 479 *Так, гладиаторы поддержали восстание Спартака; рабы, привыкшие к суровому труду, вынесли на себе бунт Серторея; преторианцы, привыкшие владеть оружием, играли судьбами империи...* — Ядро армии Спартака составляли бывшие гладиаторы, товарищи Спартака по гладиаторской школе в г. Капуя. Серторий (123–72 годы до н. э.) — римский полководец, противник Суллы; в 80 году до н. э. поднял восстание против Суллы. Преторианцы — преторианская гвардия римских императоров; преторианцы поддерживали на выборах императоров тех кандидатов, которые сулили им наиболее дорогие подарки (институт «солдатских императоров»).

Стр. 479 *Молодые люди, кончившие курс в Сен-Сире...* — Сен-Сир — военная школа в одноименном городке (французский департамент Сена и Уаза) близ Версаля, основанная в 1808 году для подготовки офицеров пехоты и кавалерии.

Стр. 480 *Их кондотьерскому темпераменту...* — Кондотьеры (ит. *condotta* — договор о найме на военную службу) — предводители наемных военных отрядов в Италии XIV–XVI веков. В широком смысле слова — наемники, обладающие значительной властью.

Стр. 485 *...устраивая нуайяды...* — Имеются в виду события времен Французской революции, а именно 1793 год, когда в Нанте была потоплена (фр. *noyade* —

потопление) плоскодонная баржа с 90 священниками. В дальнейшем подобные нуайады проводились еще не раз, и слово сделалось нарицательным.

Стр. 493 *...писал в газеты длинные рассказы о своих подвигах, сравнивал себя с Баярдом.* — Пьер-дю-Террайль Баярд (1476—1524), французский военачальник, «рыцарь без страха и упрека», прославился своими воинскими подвигами.

Стр. 500 *...благодаря Кешубу Чендер-Сену...* — Кешуб Чендер-Сен (Кешава Чандра Сена, 1838—1884) — индийский религиозный реформатор, член реформистской религиозной организации «Брахма Самадж», после раскола последней — лидер вновь возникшего движения за реформу индуизма «Индийский Брахма Самадж».

Стр. 507 *Хун Сюцюань.* — Хун Сюцюань (1814—1864) — организатор и руководитель Тайпинского восстания 1850—1864 годов в Китае. С 1851 года возглавлял государство тайпинов, во время осады Нанкина в 1864 году правительственными войсками покончил жизнь самоубийством.

Стр. 516 *...хочет вернуться к древнему Риму, к Comitia tributa...* — Собрания по трибам (*comitia tributa*), или трибутные комиции, представляли собой особый вид народного собрания, они были бессословными и не требовали ценза. Первоначально по трибам собирались только плебеи. Их собрания носили название *concilia plebis*, а вынесенные на них решения, обязательные только для плебеев, — *plebiscita*. По замечанию С. Н. Ковалева, «законом 449 года до н. э., подтвержденным в 339 и 287 годах, плебисциты получили обязательную силу, т. е. превратились в законы (*leges*). С этого момента собрания плебса сделались бессословным народным собранием, в котором стали участвовать плебеи и патриции. Однако формально разница между собраниями плебса по трибам (*concilia plebis tributa*) и трибутными комициями осталась, так как у плебеев были некоторые чисто сословные вопросы, которые решались без патрициев, например выбор плебейских магистратов. В *comitia tributa* председательствовали консулы, преторы или курульные эдилы, в *concilia plebis tributa* — народные трибуны или плебейские эдилы. Фактически разницы между теми и другими не было, так как и в трибутных комициях и в собраниях плебса принимали участие все граждане».

Стр. 535 *...к концу Конституанты...* — Имеется в виду конституционная комиссия Национальной ассамблеи, готовившая проект новой конституции Франции в эпоху Французской революции.

Стр. 545 *...капитан Пирсон был в сражении при Банкер-Хилле.* — Банкер-Хилл — возвышенность близ Чарльзтауна (часть Бостона), где 17 июня 1775 в начале войны за независимость США произошло сражение между американскими и английскими войсками. При поддержке артиллерии и кораблей англичане в конце концов вынудили американцев оставить высоту, причем потери победителей составили свыше 1000 человек, а потери отступивших — 490 человек. Это сражение показало, что повстанцы в состоянии успешно сопротивляться регулярным войскам.

Стр. 545 *...которые пробуют изучать божественные формы Венеры Медицейской при помощи геометрии, не обращая внимания на прелесть целого.* — Венера Медицейская — знаменитая статуя богини любви и красоты, приписывавшаяся афинскому скульптору Клеомену, но на деле исполненная в Риме, в I столетии до н. э. Ныне хранится в галерее Уффици во Флоренции.

Стр. 553 *После Виллафранского мира...* — Перемирие, заключенное 11 июля 1859 года в Виллафранке (Северная Италия) между Францией и Австрией сепаратно от Сардинского королевства (Пьемонта) — союзника Франции по австро-итало-французской войне 1859 года. Согласно условиям перемирия, стороны обязывались содействовать созданию Итальянской конфедерации под почетным председательством папы римского; Австрия уступала права на Ломбардию Франции, а Франция передавала эту территорию Пьемонту; Венеция же оставалась под властью Австрии. Договоренности были сорваны революционными событиями 1859—1860 годов, которые привели к образованию единого итальянского государства.

Стр. 565 *...только грозил виновному лапидацией...* — Лапидация (побитие камнями) — распространенный в древности и в Средние века способ казни.

Стр. 567 *Каждый гражданин имел право предложить остракизм Совету пятисот...* — Созданный Солоном в Афинах Совет четырехсот был преобразован законодателем Клисфеном в Совет пятисот — 10 секций (по числу родовых фил) по 50 членов в каждой. Совет пятисот являлся важнейшим государственным органом Афин.

Стр. 568 *По той же причине в Сиракузах был уничтожен петализм...* — Петализм — местная форма античного остракизма (от греч. *pevtalon* — масличный лист, который использовался как «бюллетень» при голосовании).

Стр. 590 *На юге Испании, например, пронунсиаменто...* — Пронунсиаменто (*pronunciamento*) — военный переворот.

Стр. 598*... во Флоренции — в форме адмониции...* — Адмониция — долговое обязательство.

Стр. 604 *Не так давно в своем фамилистере Годэн...* — Жан-Батист Андре Годэн (1817—1888), французский промышленник, вдохновленный идеями знаменитого социалиста-утописта Шарля Фурье, создал собственный мир «всеобщего счастья и справедливости» — фамилистер (от *familie* — семья). Фамилистер включал в себя жилой комплекс для семей работников предприятия, парк, школу, театр, библиотеку и даже бассейн с подогревом воды.

Стр. 633 *...приходится сотня Клеонов...* — Клеон — афинский политический деятель V века до н. э., обвинитель Перикла на судебном процессе, после смерти Перикла стал наиболее влиятельным лицом Афин, но не добился при жизни сколько-нибудь значительных достижений.

Стр. 642 *...по поводу отмены Habeas corpus... — Habeas corpus* — Английский закон 1679 года, установивший неприкосновенность личности.

Стр. 645 *Невозможна будет также игра парламентских котерий...* — Котерия (фр. *Coterie*) — тайное общество; применительно к политике — партия или группа, преследующая собственные цели, парламентское лобби.

ГЕНИАЛЬНОСТЬ И ПОМЕШАТЕЛЬСТВО

Genio e Follia (1872)

Стр. 651 *...дельфийские и додонские прорицательницы оказали тысячи услуг гражданам Греции...* — Дельфийский оракул — оракул святилища Аполлона в Дель-

фах. К этому оракулу обращались за советом по самых важным вопросам. Додонское святилище Зевса — второй по значимости после Дельф оракул Древней Греции.

Стр. 653 *Цезарь боялся бледных и худых Кассиев...* — Кассии — древнеримский плебейский род. Гай Кассий Лонгин со своим шурином Юнием Брутом участвовал в убийстве Цезаря.

Стр. 655 *...лучшие стихотворения Куха...* — Имеется в виду австрийский фельетонист, литературный критик, профессор немецкого языка и литературы Венской торговой академии Эмиль Кух (1828–1876).

Стр. 657 *Куйас работал, лежа вниз лицом на ковре...* — Речь идет о французском юристе Жаке Куйасе (1522–1590).

Стр. 657 *Не говоря уже об Александре Великом, который под влиянием опьянения убил своего лучшего друга и умер после того, как десять раз осушил кубок Геркулеса...* — Имеется в виду убийство командира македонской конницы Клита Черного, которого Александр убил на пиру за то, что он отказался поклониться царю «по-восточному», то есть пасть ниц. Что касается обстоятельств смерти самого Александра, до сих пор не установлено точно, умер ли он от чрезмерных излишеств или был отравлен приверженцами традиционных македонских ценностей.

Стр. 658 *...качания люстры... натолкнули... Галилея на создание великих систем.* — По преданию, Галилео Галилей открыл закон колебания маятника, наблюдая, как раскачивается от сквозняка люстра в нефе собора Пизы.

Стр. 658 *Чтение одной оды Спенсера возбудило в Коули... заставила Хаммада...* — Эдмунд Спенсер (ок. 1552–1599) — английский поэт, автор поэмы «Королева фей». Абрахам Коули (Каули, 1618–1667) — английский поэт, автор пасторальных драм, политических и сатирических сочинений, эпических поэм на древнееврейские и античные темы. Хаммад (полное имя Абу Абдаллах Мухаммад ибн Джабир ибн Синан ал-Баттани, 858–929) — знаменитый арабский астроном и математик.

Стр. 658 *...над описанием появления призрака Прина.* — Фридрих Прин — немецкий филолог XIX века, автор исследований по средневековой поэзии.

Стр. 660 *Красота и любовь Форнарины служили для Рафаэля источником вдохновения не только в живописи, но и в поэзии...* — Форнарина — имя предполагаемой возлюбленной Рафаэля, с которой художник писал своих мадонн.

Стр. 661 *...рассказывает о Филельфо, как он воображал, что в целом мире, даже в числе древних, никто не знал лучше его латинский язык...* — Франческо Филельфо (1398–1481), итальянский гуманист, автор многочисленных поэтических сочинений на латинском языке, написанных гекзаметром.

Стр. 662 *...отупения и однажды сам сказал Абу Бакру...* — Абу Бакр (Бекр), ближайший сподвижник и зять Мухаммеда, первый праведный халиф мусульманской общины.

Стр. 665 *...Шлиман, который отыскал Илион там, где его и не подозревали, и, показав свое открытие ученым академикам, заставил умолкнуть их насмешки над собой...* — Генрих Шлиман (1822–1890) — немецкий археолог-любитель, раскопавший Трою и Микены на основание сведений древнегреческих источников, притом что специалисты-классики считали эти поселения легендарными.

Стр. 667 *...я жду и желаю наступления царства Ормузда...* — Ормузд (древнеиран. Ахура-Мазда) — верховное божество древнеиранской мифологии, «Благой Свет».

Стр. 668 *Громадная картина Микеланджело, которую Челлини, самый компетентный судья в этой области, назвал удивительнейшим из произведений гениального живописца, была скомпонована и окончена в течение трех месяцев, с апреля по июль 1506 года.* — Вероятно, имеется в виду не сохранившаяся до наших дней фреска «Битва при Кашине» во флорентийском Палаццо Веккьо.

Стр. 668 *Мильтон задумал свою поэму весной.* — Имеется в виду знаменитая поэма Дж. Мильтона «Потерянный рай».

Стр. 678 *...в латинской и греческой расе больше великих людей, чем в других...* — Весьма спорное утверждение, характерное, впрочем, для человека, получившего классическое образование. Сегодня в литературе нередко встречаются схожие утверждения применительно к англосаксам.

Стр. 678 *Вегеций писал...* — Флавий Вегеций Ренат — римский военный историк и теоретик начала V века, автор трактата «О военном деле».

Стр. 698 *...он приходил в страшное отчаяние по поводу смерти своей нежно любимой Стеллы...* — В переписке и дневниковых записях Дж. Свифт называл Стеллой свою бывшую воспитанницу Эстер Джонсон.

Стр. 699 *«Обратитесь к Муавру — он смыслит в этом больше меня».* — Абрахам де Муавр (1667—1754) — английский математик, по происхождению француз, открыл правила возведения в n-ю степень и извлечения корня n-й степени для комплексных чисел, первый пользовался возведением в степень бесконечных рядов.

Стр. 701 *...что Шуазель разыскивает его с намерением арестовать...* — Герцог Этьенн Франсуа Шуазель (1719—1785) — французский государственный деятель, министр иностранных дел, военный министр, фактически руководивший всей политикой Франции.

Стр. 704 *...что он находится в Валгалле...* — В скандинавской мифологии Валгалла — чертог верховного бога Одина, куда после смерти на поле брани попадают воины; здесь: посмертная обитель достойнеших.

Стр. 714 *...и Эммануил Карл Феликс...* — Вероятно, имеется в виду король Сардинии Карл Эммануил I (1701—1773).

Стр. 720 *...тщетно трудились многие альенисты...* — Альенист (алиенист) — устаревший термин, обозначающий психиатра (от лат. *Alien* — чужой, чужеродный).

Стр. 721 *...что Неаполь появился на яйце...* — Согласно популярной легенде, великий римский поэт Вергилий привез и спрятал в Неаполе яйцо страуса. Считается, что этой яйцо по сей день хранится в знаменитом Кастель дель Ово (Замке яйца) и что пока оно находится там, Неаполю не угрожает гибель.

Стр. 724 *...изобразил историю графа Уголино до того реально, что одна больная, чтобы избавить несчастных отца и сына от голодной смерти, бросала куски мяса в стены, вследствие чего на них и до сих пор еще сохранились жирные пятна.* — Уголино делла Герардеска (ум. 1289) — глава партии гвельфов в Пизе, политический авантюрист, жертва заговора, устроенного архиепископом Пизы Руджери дельи Убальдини: графа Уголино вместе с четырьмя сыновьями и внуками заточили в

башню и уморили голодом. Историю Уголино обессмертил Данте в «Божественной комедии» («Чистилище», 32:124—33:78).

Стр. 730 *...чтобы письменно выразить Istzlicoatl, имя мексиканского короля, рисовали змею, называвшуюся на мексиканском языке Coatl, и копье — Istzli.* — Письмо ацтеков было идеографическим, то есть в нем рисунками выражались не отдельные слова, но мысли в целом; при этом в ацтекском письме существовали и отдельные словесные знаки. По замечанию немецкого исследователя письменности И. Фридриха, «письменность ацтеков находилась примерно на том же уровне, что и египетское письмо на своем начальном этапе: идеографическое письмо, смешанное с отдельными словесными знаками, среди которых заметную роль играли звуковые ребусы. Дальнейшему развитию воспрепятствовало уничтожение цивилизации ацтеков».

Стр. 734 *Эта чудовищная картина воспроизводит перед нами древнее изображение божества египтян, Птифалло...* — Сложно предположить, какое именно египетское божество скрывается по воле автора за столь нескромным прозвищем (фр. *Petite fallos* — маленький фаллос). Упоминание о творении мира из яйца заставляет вспомнить о птице Великий Гоготун, которая снесла мировое яйцо на поднявшемся из водного хаоса холме. Из этого яйца вышло солнце, то есть солнечный бог Ра; возможно, «маленький фаллос», упоминаемый Ломброзо, есть столб-обелиск Бен-Бен, один из символов Ра. Возможно также, что имеется в виду бог плодородия Осирис или божество-демиург Хнум.

Стр. 735 *...желая изобразить брак в Кане Галилейской...* — Кана Галилейская — местность в Израиле, на пути из Назарета в Тверию. Согласно Евангелию от Иоанна, здесь Иисус совершил первое чудо — превращение воды в вино, и случилось это во время свадебного пира, на котором Иисус присутствовал вместе с Марией.

Стр. 752 *...бывшего синдиком...* — Синдик — в средневековой Европе цеховой старшина, выборный глава ремесленной корпорации.

Стр. 755 *...напоминает мне того мидийского царя, что в своем безумном пристрастии к золоту просил... чтобы все, к чему он прикоснется, превращалось в золото.* — Имеется в виду известный персонаж древнегреческой мифологии, царь Фригии Мидас.

Стр. 756 *...сказал мне однажды этот новый Алкивиад...* — Алкивиад (V век до н. э.) — афинский политик, известный в том числе своей экстравагантностью.

Стр. 757 *...и о Мишле по поводу его фантастической естественной истории...* — Жюль Мишле (1798—1874) — французский историк романтического направления, кумир радикального студенчества, видевшего в нем страстного борца против католической церкви. Под «фантастической естественной историей», вероятно, имеется в виду теория Мишле о приоритете «народного духа» в развитии общества.

Стр. 761 *...очень напоминающее сен-медарских конвульсионеров...* — Сен-Медар — церковное кладбище в Париже. В 1727 году на этом кладбище был похоронен священник-янсенист Франсуа де Пари (святой Франсуа). Буквально на следующий день после похорон по городу стали распространяться слухи о чудесах, происходящих на могиле Франсуа. Вдобавок оплакивающие аббата начали испытывать непроизвольные спазмы и конвульсии, их конечности стали странным

образом искривляться. Эти конвульсии оказались «заразными» и постепенно охватили почти весь город. В этих приступах «конвульсионеры» входили в состояние транса и проявляли необычные способности — например, могли без какого-либо вреда для себя выдерживать пытки.

Стр. 761 *Дервиши представляют немало сходства с помешанными, у каждой секты их есть своя особая молитва и соответствующая пляска или, скорее, своеобразные конвульсии: молящиеся то качаются из стороны в сторону, то спереди назад, то кружатся на одном месте, ускоряя эти движения по мере того, как возрастает молитвенный экстаз.* — Имеются в виду суфийские молитвенные радения — зикры.

Стр. 762 *Кроме того, последователи Дао почитают беснующихся, помешанных и тщательно записывают их изречения, думая, что они служат выразителями мыслей беса относительно будущего.* — Речь о приверженцах учения Лао-цзы, мифического основателя Пути (Дао). В даосизме весьма развито оккультное начало, в том числе традиция предсказаний (впрочем, последнее верно и в отношении конфуцианства — достаточно вспомнить знаменитый трактат «И цзин»).

Стр. 764 *...были заражены те поклонницы Вакха, которые бегали по улицам Афин и Рима в каком-то священном экстазе, томясь жаждою крови и наслаждений...* — Речь о спутницах и поклонницах древнегреческого бога вина Диониса — менадах, иначе вакханках.

Стр. 767 *В 1655 году Ване, написавший туманное сочинение под заглавием «Тайна и могущество Божества, блистающего в мире живом», собрал вокруг себя так называемых искателей (сикеров), которые разыскивали всюду и надеялись найти сверхъестественные явления, проповедуя милленаризм...* — Имеется в виду сэр Генри Вейн (1613–1662), английский аристократ-протестант, вынужденный бежать в Америку от преследований чиновников короля Карла I Стюарта. Милленаризм — учение о «тысячелетнем царстве», периоде в тысячу лет, в продолжение которого сатана будет скован, а святые мученики будут царствовать вместе с Христом и в награду за свою святость станут участниками «первого воскресения».

Стр. 768 *...я находился на своем Патмосе...* — Патмос — остров в Эгейском море, место ссылки во времена римских императоров. По преданию, именно на Патмосе Иоанн Богослов писал свой Апокалипсис.

Стр. 792 *...и оригинальнейшему китайскому поэту Тао Юаньмину...* — Тао Юаньмин (или Тао Цянь, 365–427) — выдающийся китайский стихотворец.

Стр. 800 *В Коране нет ни одной главы, которая не противоречила бы всем остальным, — даже в одной и той же суре высказываются мысли, исключающие одна другую.* — В мусульманской традиции многочисленные противоречия в тексте Корана принято объяснять тем, что Коран, известный людям, — лишь «отражение» небесного Корана, искаженное человеческим восприятием.

К. Ковешников

СОДЕРЖАНИЕ